#1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН
БРЕНДОН САНДЕРСОН

ГРЯДУЩАЯ БУРЯ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 12

Грядущая буря

Роберт Джордан, Брендон Сандерсон

Аннотация
Роберт Джордан, Брендон Сандерсон. Грядущая буря. Колесо Времени
Предисловие
Пролог. Что означает буря
Глава 1. Слезы стали
Глава 2. Сущность боли
Глава 3. Правила чести
Глава 4. Наступление ночи
Глава 5. Рассказ о крови
Глава 6. Когда плавится железо
Глава 7. План для Арад Домана
Глава 8. Чистые рубашки
Глава 9. Покидая Малден
Глава 10. Последняя щепотка табака
Глава 11. Гибель Адрина
Глава 12. Неожиданные встречи
Глава 13. Предложение и отъезд
Глава 14. Шкатулка открывается
Глава 15. Отправная точка
Глава 16. В Белой Башне

Глава 17. Способность владеть собой
Глава 18. Послание второпях
Глава 19. Жертвы
Глава 20. На разбитой дороге
Глава 21. Уголья и пепел
Глава 22. Последнее, что можно сделать
Глава 23. Сгущение в воздухе
Глава 24. Новое обязательство
Глава 25. Во мраке
Глава 26. Трещина в камне
Глава 27. «Захмелевший мерин»
Глава 28. Ночь в Хиндерстапе
Глава 29. В Бандар Эбане
Глава 30. Старый совет
Глава 31. Обещание Льюсу Тэрину
Глава 32. Реки тени
Глава 33. Разговор с Драконом
Глава 34. Легенды
Глава 35. Ореол мрака
Глава 36. Смерть Туон
Глава 37. Сила Света
Глава 38. Вести из Тел’аран’риода
Глава 39. Визит Верин Седай
Глава 40. Башня сотрясается
Глава 41. Источник Силы
Глава 42. Перед Тирской Твердыней

Глава 43. Запечатано Пламенем
Глава 44. Неведомый запах
Глава 45. Башня устояла
Глава 46. Выковать заново
Глава 47. Тот, кого он потерял
Глава 48. Читая «Пояснения»
Глава 49. Другой человек
Глава 50. Золотые жилы
Эпилог. Омытая Светом
Глоссарий

Аннотация

Вращается Колесо Времени. Эпохи приходят и уходят. Что было, что есть и что грядет впереди – все может пасть перед Тенью, которая наползает на мир. И близится уже час Последней битвы…

Чтобы противостоять Тени, в преддверии неизбежной войны Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, стремится объединить народы и государства мира. Ради борьбы с Темным он готов пойти на союз с явившимися из-за океана захватчиками. Но соратники его с ужасом замечают, что в душе самого Дракона будто бы поселилось нечто темное, мрачное, угрожающее… И неведомо, что грозит большими бедствиями – новое безумие Ранда или коварные происки приспешников Темного…

Оплот Света, Белая Башня, многовековой страж справедливости и порядка, расколота. Эгвейн ал'Вир, возглавив восставших Айз Седай, старается вновь сплотить воедино охваченные взаимным недоверием и распрями группировки – как своих сторонниц, так и тех, кто сохранил верность прежней

Амерлин и ныне пребывает в отчаянии из-за ее тиранического правления. Каждый шаг опасен и может решить судьбу самой Белой Башни, а возможно – и всей планеты…

К сожалению, автор грандиозной эпопеи «Колесо Времени» оставил свою работу незавершенной. Писатель умер от редкого заболевания крови, и заключительные романы цикла доделывал по его черновикам и наброскам Брендон Сандерсон, тогда восходящая звезда, а ныне один из самых известных в мире мастеров в жанре фэнтези.

Впервые на русском!

Роберт Джордан, Брендон Сандерсон
Грядущая буря. Колесо Времени

Предисловие

Марии Симонс и Алану Романчуку, без которых не было бы этой книги

Телефонный звонок в ноябре 2007 года раз и навсегда изменил мою жизнь. Мне позвонила Харриет Макдугал, вдова Роберта Джордана и его редактор, и она спросила меня, не соглашусь ли я завершить последнюю книгу цикла «Колесо Времени».

Для тех, кто не знал, что Роберт Джордан ушел от нас, я с глубокой болью в душе сообщаю эту весть. Помню, какие чувства охватили меня, когда – праздно бродя по Интернету 16 сентября 2007 года – узнал о его смерти. Я был потрясен, оглушен и впал в уныние. Из жизни ушел замечательный человек, который для меня, как писателя, был настоящим героем. Мир внезапно стал совершенно другим.

Впервые «Око мира» попало мне в руки в 1990 году – тогда я был подростком, увлеченным книгами жанра фэнтези, и не

упускал случая зайти в угловой книжный магазинчик. Я сразу же стал поклонником «Колеса Времени» и с нетерпением ожидал выхода «Великой охоты». За минувшие годы я не раз перечитывал книги эпопеи, и бывало, что после выхода очередного тома заново прочитывал весь цикл с начала. Со временем я решил, что хочу писать фэнтези – в значительной мере под влиянием и очарованием так полюбившегося мне «Колеса Времени». Тем не менее я и предположить не мог, что однажды мне позвонит Харриет. Ее просьба оказалась для меня полной неожиданностью. Я о таком не просил, не смел желать, и даже мысли о подобной возможности у меня не возникало – но ответил на просьбу сразу же, не раздумывая. Я люблю этот цикл, как никакой другой, и герои «Колеса Времени» – все равно что старые и дорогие друзья детства.

Заменить Роберта Джордана я не могу. Никому не по силам написать эту книгу так, как смог бы написать только он один. От этого простого факта нику-

да не денешься. К счастью, он оставил многочисленные заметки, наброски, законченные эпизоды и надиктовал множество объяснений и замечаний жене и помощникам. Незадолго до своей кончины Роберт Джордан попросил Харриет найти того, кто завершит цикл – ради читателей, поклонников его творчества. Он очень любил вас всех и в последние недели своей жизни надиктовывал события последнего тома «Колеса Времени». Книга должна была называться «Память Света».

И вот минуло полтора года. Роберт Джордан обещал, что последняя книга цикла будет большой. Однако рукопись вскоре стала непомерно громадной; она в три раза превышала по объему обычную книгу «Колеса Времени», и поэтому Харриет и издательство «Тор» совместно приняли решение разделить «Память Света» на три части. Имелось несколько великолепных по драматизму и сюжетной напряженности эпизодов, которые придали бы каждой трети определенную законченность. «Грядущую бурю»

и две последующие книги можно считать тремя томами «Памяти Света» или последними тремя книгами «Колеса Времени». И то и другое верно.

Что же касается «Памяти Света», то на данный момент я наполовину завершил вторую треть. Мы трудимся так быстро, насколько возможно, и мы приложим все усилия, чтобы вам не пришлось слишком долго ждать окончания эпопеи, которое было обещано почти двадцать лет назад. (Еще до своего ухода Роберт Джордан сам написал окончание цикла, и я читал его. Это просто фантастика!) Я не пытался имитировать стиль Роберта Джордана. Вместо этого я адаптировал свою манеру так, чтобы она соответствовала «Колесу Времени». Главная моя цель – сохранить истинную душу героев цикла. Сюжет по большей части принадлежит Роберту Джордану, хотя многое написано мною. Представьте себе эту книгу как фильм нового режиссера, осуществившего работу над несколькими сценами, но при сохранении тех же актеров и по прежнему сценарию.

Но это большой проект, и для его завершения необходимо время. Я прошу вас потерпеть, пока в течение нескольких лет мы не доведем повествование до конца. Мы держим в руках окончание величайшей фэнтезийной эпопеи нашего времени, и я приложу все силы, чтобы все было сделано правильно. Я намерен ни на шаг не отступать от пожеланий и заметок Роберта Джордана. Меньшего мне не позволят моя честность как художника и искренняя любовь к книгам. В конечном счете на этом я и остановлюсь, и пусть мои слова станут лучшим доказательством тому, что мы делаем.

Эта книга – не моя. Это книга Роберта Джордана и – в меньшей степени – ваша книга.

Спасибо вам, что прочитаете ее.

Брендон Сандерсон
Июнь 2009 г.

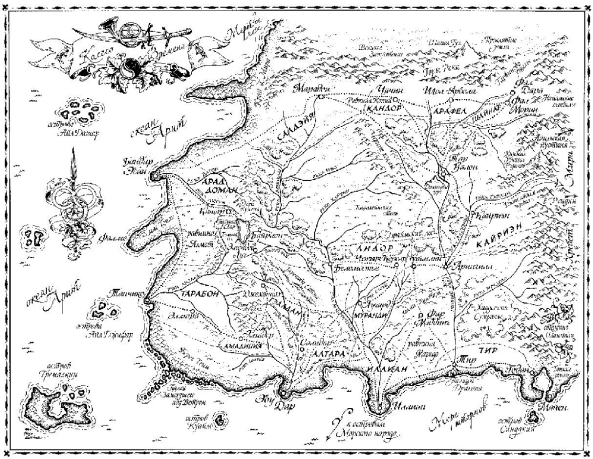
Во́роны и воро́ны. Крысы. Туманы и облака. Насекомые и гниение. Странные происшествия и необычные явления. Обыденное извращается, становится чуж-

дым. Чудеса!

Мертвые стали ходить средь живых, кое-кто даже их видит. Другие не видят, но всё больше и больше страшимся мы ночи.

Таковы были наши дни. Под мертвым небом они изливались на нас несчастьями, сокрушая нас своей яростью, пока мы все, как один, не взмолились: «Пусть же начнется!»

Дневник неизвестного ученого, запись в Праздник Фрейя, 1000 г. Н. Э.


Сирия
Финикия
Иудея
Самария
Галилея
Иордан
Иерусалим
Вифлеем
Хеврон
Газа
Ашкелон
Ашдод
Яффа
Лидда
Иоппия
Кесария
Дор
Акко
Тир
Сидон
Дамаск
Ливан
Средиземное море
Мертвое море

Пролог
Что означает буря

Ренальд Фанвар сидел у себя на крыльце, грея крепкий стул из чернодуба, сработанный для него внуком два года тому назад. Он смотрел на север.

На черно-серебристые тучи.

Прежде ничего подобного ему видывать не доводилось. Тучи плотным одеялом накрывали горизонт на севере, громоздясь все выше и выше на небосвод. Они не были серыми. Они были одновременно и черными, и серебристыми. Мрачные, громыхающие грозовые облака, темные, точно полночный мрак в погребе. А между тучами ослепительно вспыхивало — там совершенно беззвучно змеились и проскакивали серебристые молнии.

Самый воздух был плотен. В нем тяжко висели густые запахи пыли, земли и чего-то неприятного. Высохшей листвы и не пожелавшего выпасть дождя. Весна прийти-то пришла, но посевы у Ренальда до сих пор так и не взошли. Из почвы не осмелился проклюнуться ни единый росток.

Фанвар медленно встал — стул под ним, скрип-

нув, слегка покачнулся — и подошел к краю крыльца. Он покусывал мундштук своей почти погасшей трубки, но у него и в мыслях не было вновь раскурить ее. Фанвар не сводил взора с тех темных облаков — таких же черных, как дым от горящего сухого подлеска. Но ни от одного низового пожара клубы дыма никогда не поднимались в воздух на такую высоту. И отчего тучи стали вдруг серебристыми? Между черных облаков виднелись серебристые округлости — так сверкает полированная сталь в проплешинах нагара на закопченном металле.

Фанвар, оглядывая свой двор, потер подбородок. За невысокой беленой оградой приютились на травянистом пятачке низкие кусты. Сейчас кусты, все до единого, были мертвы — они не выдержали той суровой зимы. Надо будет вскорости выкорчевать погибшие кусты. А трава… ну, трава стала все равно что прошлогодняя солома. Даже сорняки не уцелели — ни одного не видно.

От громового раската Фанвар вздрогнул. Отчетливый, резкий удар, словно бы громадным листом металла грохнули по железу. От грома задребезжали стекла в окнах, тряхнуло крыльцо, дрожь пробежала по доскам настила и будто передалась человеку — у Фанвара кости едва ли

не завибрировали.

Он отшатнулся. Этот удар прогремел совсем рядом — может, молния ударила даже где-то у него на участке. Надо бы проверить — не случилось ли чего, не повредило ли что-то в хозяйстве. Огненная стрела способна убить человека, сжечь его на месте. Здесь, в Пограничных землях, немало есть того, что способно вспыхнуть как трут, — сухая трава и высохшие деревья, пересохшие доски и иссохшие семена.

Но облака по-прежнему были далеки. Нет, тот удар грома никак не мог прийтись по его участку. Серебристо-черные грозовые тучи перекатывались и клубились, пожирая и вскармливая друг друга.

Фанвар прикрыл глаза, потом, стараясь успокоиться, глубоко вдохнул. Неужели ему этот гром почудился? Он сам его выдумал? Неужели он так постарел и потому с головой у него не все ладно, как в шутку вечно твердит Гаффин? Он открыл глаза.

И облака оказались тут как тут, нависнув будто над самым его домом.

Они словно бы разом прокатились по небосводу, собираясь обрушить свой удар, стоит только ему отвести прикованный к ним сейчас взор. Те-

перь тучи словно захватили все небо, проносясь вдалеке, обкладывая со всех сторон, громадные и грозные. Фанвар будто наяву ощущал, как под их тяжестью на него давит воздух. Он глубоко вдохнул внезапно отяжелевший от влаги воздух, и лоб у него покрылся испариной.

Облака смешались, мрак и чернота грозовых туч закрутились вокруг серебристых прожилок, содрогаясь от белых взрывов. Внезапно круговерть облаков, точно облачная воронка смерча, устремилась вниз, рванувшись было к Фанвару. Он вскрикнул, вскинул руку, словно бы заслоняясь от нестерпимо яркого свечения. Та чернота… Та безграничная, удушающая чернота… Она хочет поглотить его — он знал.

А потом облака пропали.

Выпавшая трубка с негромким стуком ударилась о настил крыльца, осыпав ступеньки тлеющим табаком. Фанвар даже не понял, как выронил ее изо рта. Мужчина растерянно всматривался в пустое голубое небо, понимая, что боится невесть чего.

Облака теперь снова клубились у горизонта, лигах в сорока от дома. Слышался слабый рокот.

Трубку Фанвар поднял дрожащей рукой — испещренной старческими крапинками, потем-

невшей от многих лет, что он провел в поле под солнцем. «Напридумывал себе всякого, Ренальд, — упрекнул он себя. — Стареешь, как пить дать, головой слабее становишься».

Его очень тревожило, каков будет урожай и будет ли он вообще. Всходов не было, что заставляло Ренальда нервничать. Хотя он и подбадривал сыновей преисполненными оптимизма словами, происходящее было неестественным. Хоть какие-то всходы да должны были уже взойти. Он же трудится на земле четыре десятка лет! Никогда так не бывало! Ячменю, чтобы дать всходы, не нужно столько времени! Чтоб ему сгореть, быть такого не может! Что вообще творится в мире в эти дни? Растения никак не пускали всходы, и тучи на положенном им месте усидеть не могут.

Усилием воли Фанвар заставил себя усесться в кресло. Ноги дрожали. «Да, и впрямь старею…» — подумал он.

Всю свою жизнь Ренальд работал на ферме, поливая землю трудовым потом. Заниматься земледелием в Пограничных землях непросто, но если трудиться упорно, то, выращивая хороший урожай, можно вполне неплохо жить. «У человека столько удачи, сколько он посеет в поле», — говаривал, бывало, отец Ренальда.

Что ж, в округе Ренальд слыл одним из самых удачливых и зажиточных фермеров. Дела у него шли так хорошо, что к своей ферме он прикупил еще парочку и по осени каждый год отправлял на ярмарку по тридцать фургонов. На него нынче трудились шесть крепких работников — пахали поля, следили за оградами. Однако и сам Ренальд не считал зазорным хоть каждый день пачкать ноги в навозе, дабы показать им, как нужно вести хозяйство. Хорошему фермеру нельзя оставлять дела без присмотра, не то глядишь — недолгий успех запросто погубит тебя.

Да, Ренальд возделывал землю, жил, как обычно говаривал его отец, теми плодами, что с нее пожинал. Как и всякий фермер, он кое-что понимал в погоде. Те тучи не были естественными. От них доносился приглушенный рокот — так зверь рычит во мраке ночи. Выжидая. Прячась в ближнем леске.

Фанвар вздрогнул, когда прогремел очередной удар грома, показавшийся слишком близким. Неужели эти облака — в сорока лигах отсюда? Как ему в голову пришла такая мысль? Теперь, приглядевшись повнимательней, он прикинул, что до туч, пожалуй, всего-то лиг десять.

— Нашел о чем думать, — пробурчал Фанвар

себе под нос.

Собственный голос показался ему приятным на слух. Да, именно так. Как же хорошо услышать что-то еще, кроме того громыхания и редкого поскрипывания ставней на ветру. Вообще-то, он должен слышать и другие звуки — вроде как в доме Ауэйн готовит ужин…

— Ты устал. Вот и все. Просто устал, — пробормотал Ренальд и, сунув в жилетный карман два пальца, выудил оттуда кисет.

Откуда-то справа донеслось приглушенное громыхание. Сначала Фанвар решил, что это гром. Но громыхало как-то скрипуче и повторяясь. Это не гром — это постукивают и скрипят колеса.

И действительно, на востоке, на гребень Маллардова холма, въехал запряженный волами большой фургон. Тому холму Ренальд сам дал название. У каждого холма должно быть название. А коли дорога прозывалась Маллардовой, так почему бы не дать то же название и холму?

Фанвар, сидя в кресле, чуть подался вперед и, стараясь не обращать внимания на те тучи, приглядел к фургону на вершине холма. Щурясь, он силился рассмотреть лицо возчика. Неужели Тулин? Кузнец? Что ему в голову взбрело — куда он едет, к тому же загрузив фургон едва ли не

до небес? Он же еще должен выковать Ренальду новый лемех для плуга!

Хотя собратья по кузнечному ремеслу и сочли бы Тулина худым, он все равно был вдвое мускулистее большинства фермеров. Темные волосы и смуглая кожа выдавали в нем кровь Шайнара, да и брился кузнец по шайнарскому обычаю; впрочем, характерного для шайнарцев пучка волос на макушке он не носил. Может, корни семьи Тулина и уходят в Пограничье и среди его предков — множество закаленных воинов, однако сам Тулин от прочих простых селян мало чем отличался. В Дубовом Ручье, что в пяти милях отсюда, у Тулина была кузня. Ренальд с удовольствием коротал зимние вечера за игрой в камни с кузнецом.

Тулин постарел — хотя лет ему было куда меньше, чем Ренальду, но в последние зимы кузнец не раз заговаривал о том, чтобы уйти на покой. Кузнечное ремесло — не для стариков. Впрочем, не стариковское дело и на земле работать. Да вообще, есть ли ремесло, подходящее для стариков?

Повозка Тулина катилась по наезженной дороге, приближаясь к белой изгороди, которой был обнесен двор Ренальда. «А вот это странно», — подумал Ренальд. За фургоном на привязи шла

вереница домашней живности: пять коз и две дойные коровы. В задней части повозки были привязаны клетки с черноперыми курицами, а сам фургон был доверху загружен домашним скарбом, мебелью, мешками и бочками. Юная дочурка Тулина, Мирала, сидела на козлах рядом с отцом и матерью — золотоволосой южанкой. Вот уже четверть века, как Галлана замужем за Тулином, а Ренальд до сих пор думает о ней как о «той девушке с юга».

Все семейство — в фургоне, а за фургоном идет их лучший домашний скот. Нет сомнений, куда-то уезжают. Но куда? Погостить к родичам? Играть с Тулином в камни Ренальд не садился вот уже… уже три недели. Да и не время по гостям разъезжать, весна на носу, и надо с севом торопиться. Кто-то же должен подновлять сошники и точить косы. Кто же этим будет заниматься, коли погас огонь в кузне у Тулина?

Пока Ренальд набивал трубку табаком, Тулин остановил фургон у изгороди. Худой седоволосый кузнец передал вожжи дочери, потом спустился с козел. Когда его ноги коснулись земли, в воздух взметнулись облачка пыли. Где-то вдалеке позади кузнеца по-прежнему собиралась гроза.

Тулин открыл калитку, шагнул во двор и напра-

вился к крыльцу. Вид у него был взволнованный. Ренальд открыл было рот, собираясь поприветствовать гостя, но тот заговорил первым.

— Лучшую наковальню я зарыл на старых грядках, там, где у Галланы клубника росла, — сказал рослый кузнец. — Не забыл, где это? Там же я припрятал и свои самые лучшие инструменты. Они хорошенько смазаны и уложены в крепкий сундучок, а для сухости в тряпки завернуты. Так что ржавчина до них не доберется. По крайней мере, какое-то время.

Ренальд закрыл рот, держа в руках наполовину набитую трубку. Если Тулин зарыл свою наковальню… М-да, это означает, что в планы кузнеца скорое возвращение не входит.

— Тулин, что?..

— Если я не вернусь, — сказал Тулин, посмотрев на север, — выкопай мое имущество и позаботься о нем. Ладно, Ренальд? Продай тому, кому они нужны будут. Мне бы не хотелось, чтобы по моей наковальне кто попало бил. А те инструменты я два десятка лет подбирал, ты же знаешь.

— Но, Тулин!.. — воскликнул потрясенный Ренальд. — Куда ты собрался?

Кузнец повернулся к нему, оперся рукой о перила крыльца. Взгляд карих глаз был серьезен,

как никогда.

— Надвигается гроза, — сказал Тулин. — И я считаю, что должен отправиться на север.

— Гроза? — спросил Ренальд. — Та, что на горизонте? Ты об этом? Да, вид у туч, Тулин, тот еще — и чтоб сгорели мои кости, ничего хорошего они явно не сулят, — но что толку от них бежать? Мы с тобой и не такие бури переживали.

— Нет, старина, эта буря на них не похожа, — промолвил Тулин. — Эта гроза из таких, на какую глаза не закроешь.

— Тулин, о чем ты толкуешь? — воскликнул Ренальд.

Но не успел кузнец ответить, как сидевшая в фургоне Галлана крикнула:

— Ты ему о кастрюлях сказал?

— Ах да! — откликнулся Тулин. — Галлана до блеска отмыла тот набор кастрюль, что так твоей жене нравятся. Мы их оставили на кухонном столе, и если Ауэйн хочет, то пусть себе забирает.

Произнеся эти слова, Тулин кивком попрощался с Ренальдом, повернулся и зашагал обратно к своему фургону.

Потрясенный, Ренальд так и остался сидеть. В речах Тулин всегда был откровенен; обычно он напрямик говорил, что у него на уме, и толь-

ко потом действовал. Это качество в кузнеце Ренальду всегда нравилось. Но бывало, манера Тулина вести разговор без обиняков наводила на мысль о валуне, прокатившемся через стадо овец. Нередко его собеседники потом еще долго приходили в себя.

Ренальд с трудом поднялся на ноги и, положив трубку на кресло, поспешил за Тулином, через двор к фургону. «Чтоб оно все сгорело», — подумал Ренальд, взглянув по сторонам: вокруг снова одна лишь бурая трава и высохшие кусты. А он так обихаживал свой двор…

Кузнец проверял, надежно ли закреплены клетки с курами на бортах повозки. Ренальд подошел и собирался уже было взять Тулина за рукав, но тут его отвлекла Галлана.

— Вот, Ренальд, возьми, — сказала она, протягивая фермеру корзинку с яйцами. Из скрученного на затылке узла волос выбилась золотистая прядка. Ренальд взял корзинку. — Передашь яйца Ауэйн. Знаю, у вас куриц маловато осталось, из-за набегов лис минувшей осенью.

Ренальд заглянул в корзинку: какие-то яйца были белыми, другие — коричневыми.

— Конечно, Галлана, передам. Но вы-то сами куда собрались?

— На север, дружище, — сказал Тулин. Подойдя, он положил руку Ренальду на плечо. — Сдается мне, там армия собирается. Им нужны кузнецы.

— Погодите! — сказал Ренальд, указывая на корзинку с яйцами. — Обождите хотя бы несколько минут. Ауэйн соберет вам хлеба в дорогу. У нас остались те караваи на меду, которые ты так любишь. А за партией в камни и обсудить все можно будет.

Тулин явно испытывал колебания.

— Нам лучше в путь отправиться, — тихо промолвила Галлана. — Гроза надвигается.

Тулин кивнул и забрался в фургон.

— Ренальд, может, и тебе на север отправиться захочется. Тогда бери с собой все, что только сможешь. — Кузнец помолчал, потом сказал: — Как инструмент в руках держать, ты знаешь, и с работой по металлу справишься. Так что возьми свои лучшие косы и сделай из них алебарды. Две лучшие косы — не жадничай, не бери что-то похуже. Возьми самые лучшие, потому что это оружие тебе придется пустить в дело.

Ренальд нахмурился:

— Откуда ты знаешь, что там собирается армия? Тулин, чтоб мне сгореть, какой из меня солдат!

Тулин продолжал, словно бы не слышал слов

Ренальда:

— Алебардой можно стащить всадника с лошади и прикончить его. И вот что еще я подумал: может, из лучшей косы из оставшихся тебе стоит смастерить пару мечей.

— Да я и не знаю, как мечи делать! Да коли о мечах речь, то и пользоваться мечом не умею!

— Научишься, — промолвил Тулин, повернув голову и устремив взор на север. — Нужны будут все, Ренальд. Все. Ты придешь к нам. — Он оглянулся на Ренальда. — А меч ковать — нехитрое дело. Берешь лезвие косы и выпрямляешь, потом подбираешь деревяшку и делаешь из нее гарду, чтобы вражеский меч, скользнув по твоему клинку, не отсек тебе руку. Так что ничего хитрого — по большей части делаешь то, что уже и так умеешь.

Ренальд заморгал. Задавать вопросы он перестал, но в голове кружилось множество мыслей. Они сбивались в кучу, словно домашний скот, стремящийся выбраться из загона через единственные ворота.

— Уведи всю свою скотину, Ренальд, — сказал Тулин. — Или сам ее съешь, или своих людей мясом накормишь, да и молока тебе тоже захочется. А если сам скотину под нож не пустишь,

то наверняка найдутся люди, кому можно будет продать говядину или баранину. С едой скоро будет туго, вон как все портится, а припасенное на зиму к концу подходит. Забирай всё, что сможешь. Сушеные бобы, засушенные фрукты, всё.

Ренальд привалился спиной к створке ворот. Колени у него вдруг подогнулись, и силы будто покинули его. В конце концов он сумел выдавить из себя вопрос:

— Почему?

Тулин помешкал, потом сделал шаг от фургона и вновь положил ладонь Ренальду на плечо.

— Извини, коли я слишком резок. У меня… ну, ты же знаешь, Ренальд, каков я в речах. Я не знаю, что такое эта гроза. Но я знаю, что она значит. Я никогда не держал в руке меча, но мой отец сражался в Айильскую войну. Я родом из Порубежья. И эта гроза означает, Ренальд, что конец близится. А когда наступит это время, нам нужно быть там. — Он умолк, потом повернулся и посмотрел на север, глядя на громоздящиеся тучи так, как подручный на ферме мог бы глядеть на обнаруженную посреди поля ядовитую змею. — Да хранит нас Свет, дружище. Нам нужно там быть.

И с этими словами Тулин опустил руку, повернулся и снова забрался в фургон. Ренальд смотрел,

как повозка тронулась с места, как следом за нею потянулась домашняя скотина. И Ренальд еще долго провожал взглядом удалявшийся на север фургон. У него было такое чувство, будто все тело охватывает онемение.

Прогрохотал отдаленный гром — словно бы где-то за холмами щелкнул огромный кнут.

Дверь дома открылась и закрылась. К Ренальду подошла Ауэйн, ее седые волосы были зачесаны на затылке в пучок. Седина давно уже припорошила ее волосы; она рано поседела, но Ренальду всегда нравился их цвет. Даже не серо-седой, а серебристый. Такой же оттенок, как у тех туч.

— Это был Тулин? — спросила Ауэйн, высматривая фургон в клубах поднятой колесами и копытами пыли. Над дорогой одиноко кружилось черное куриное перо.

— Да.

— Так и уехал? Даже не задержался, чтобы поболтать с тобой?

Ренальд отрицательно покачал головой.

— О, Галлана яйца прислала! — Ауэйн взяла корзинку и принялась перекладывать яйца из нее себе в передник. — Она такая милая! Не уноси потом корзинку, оставь где-нибудь тут. Она кого-нибудь наверняка за нею пришлет.

Ренальд же продолжал смотреть на север.

— Ренальд! — окликнула мужа Ауэйн. — Что застыл, как старый пень? О чем задумался?

— Она начистила для тебя кастрюли, — произнес он. — Те, которые с медным дном. Оставила их у себя на кухонном столе. Сказала, если хочешь, забирай себе.

Ауэйн замолчала. Потом до слуха Ренальда донесся какой-то треск, и он оглянулся через плечо. Ауэйн не удержала ослабевшими вдруг пальцами яйца в фартуке, и некоторые с отчетливым треском попадали наземь.

Поразительно спокойным голосом Ауэйн спросила:

— Она еще что-нибудь сказала?

Ренальд почесал голову — волос на ней оставалось уже совсем мало.

— Она сказала, что надвигается гроза и что они отправляются на север. Тулин сказал, что и нам тоже туда двигаться надо бы.

Какое-то время фермер с женой стояли молча. Ауэйн крепко сжала край фартука, приподняв повыше, чтобы уберечь яйца от падения. На разбившиеся она даже и не взглянула. Ауэйн не сводила взора с горизонта на севере.

Ренальд обернулся. Гроза будто снова одним

прыжком оказалась рядом. И тучи выглядели как-то даже темнее.

— Думаю, Ренальд, нам лучше к ним прислушаться, — заметила Ауэйн. — Я… Пойду-ка разберусь, что нужно будет с собой из дому взять. А ты можешь пока мужчин собрать. Тулин с Галланой не сказали, долго ли нас не будет?

— Нет, — отозвался Ренальд. — Они даже почему не сказали. Только то, что нам нужно из-за грозы идти на север. И… и еще — что это конец.

Ауэйн резко и коротко вдохнула:

— Ну, ты просто созови мужчин. О доме я позабочусь.

Она поспешила в дом, и Ренальд вынужден был отвернуться от грозовых туч. Обойдя вокруг дома, он вошел в амбар и подозвал к себе работавших там мужчин — всех, как один, крепких и сильных. Сыновья Ренальда пытали счастья вдали от отчего дома, но к своим шести работникам он относился почти что по-родственному, как к приемным детям. Мерк, Фавидан, Риннин, Вешир и Адамад окружили хозяина. До сих пор не пришедший в себя окончательно, Ренальд отослал двоих из них за домашней скотиной, двум другим поручил уложить в мешки и корзины зерно и съестные припасы, что еще оставались после

зимы, а последнего отправил за Гелени, который ушел в деревню за новыми семенами — на тот случай, если их посевы не взойдут.

Пятеро работников разбежались в разные стороны. Ренальд постоял пару минут во дворе фермы, а затем сходил в сарай и выкатил на солнечный свет небольшую легкую кузню. Здесь была не одна наковальня, это была пусть и маленькая, но настоящая передвижная кузня, установленная на раме с колесиками, — ведь не станешь же работать с кузнечным горном в амбаре! От малейшей искры вмиг вспыхнет мучная пыль. Ренальд взялся за ручки и откатил кузню в дальнюю часть двора, в огороженный и выложенный добрым кирпичом уголок, — тут, когда выпадала нужда, он обычно всяким мелким ремонтом занимался.

Через час в горне уже билось жаркое пламя. Мастерством Ренальд намного уступал Тулину, но благодаря отцу знал: если хоть немного владеешь кузнечным ремеслом, то для тебя это громадный плюс. Нередко бывает так, что фермер не может позволить себе такую роскошь, как на несколько часов съездить в городок, чтобы починить сломанную дверную петлю.

Тучи по-прежнему клубились вдалеке. Ренальд,

направившись от кузни в сарай, старался на них не смотреть. От этих туч у него возникало такое чувство, будто кто-то все время заглядывает ему через плечо.

Солнечный свет, пробивавшийся в сарай через щели в стенах, полосами расчерчивал сеновал и припорошенный пылью пол. Этот сарай Ренальд выстроил с четверть века назад своими руками. Он давно хотел заменить покоробившиеся и разошедшиеся доски крыши, но теперь на починку нет времени.

Со стены, где висели инструменты, он собрался было снять одну хорошую косу, но замер в задумчивости. Потом, сделав глубокий вдох, Ренальд взял самую лучшую из своих кос. Вернувшись к горну, он сбил железное лезвие с деревянной рукоятки.

Когда Ренальд отставил в сторону длинную деревяшку, на дворе, ведя за собой пару коз, появился Вешир — самый старший из работников. Увидев хозяина у кузни и снятую с черенка стальную косу, он помрачнел. Вешир привязал коз к столбу и поспешил к Ренальду, однако ничего не сказал.

Как делается алебарда? Тулин сказал, что ею хорошо сбрасывать всадников с лошадей. Что ж,

значит, надо будет насадить клинок на древко подлиннее и попрямее, из доброго ясеня. Конец древка должен заходить за пятку клинка, а тому нужно придать форму копейного наконечника. Вдобавок древко у клинка надо бы укрепить, обив полосой тонкой жести. Понадобится разогреть косу и в нижней части отбить металл, выковав там крюк, которым можно стащить человека с лошади, одновременно нанося резаные раны. Ренальд сунул клинок косы в раскаленные угли, надел кожаный фартук и стал возиться с завязками.

Стоявший рядом Вешир молча наблюдал за Ренальдом, а потом подошел и, взяв его за локоть, спросил:

— Ренальд, что мы делаем?

Ренальд высвободил руку и ответил:

— Мы собираемся на север. Надвигается гроза, и мы отправляемся на север.

— Уйти на север? Просто из-за грозы? Что за безумие!

Почти то же самое Ренальд говорил Тулину. Пророкотал далекий гром.

Тулин был прав. Всходы… небо… Еда портится непонятно почему. Еще до разговора с Тулином Ренальд все понимал. Где-то в глубине души он уже все знал. Эта гроза не простая, она не пройдет

бесследно, не кончится, пронесшись над головой. Нужно встать у нее на пути, сразиться с нею.

— Вешир, — сказал Ренальд, поворачиваясь к горну и наковальне, — на этой ферме ты трудишься уже… Сколько? Пятнадцать лет? Ты был первым, кого я взял в работники. Как я обращался с тобой и с остальными?

— Хорошо… — сказал Вешир. — Но чтоб мне сгореть, Ренальд, прежде ты никогда и не думал бросать ферму! А посевы? Они же засохнут, если мы оставим их без присмотра! Тут же земля не так богата влагой, как на юге! Как можно все бросить и уйти?

— Потому что, — ответил Ренальд, — если мы не пойдем на север, то будет совсем не важно, посеем мы что-то или нет.

Вешир нахмурился.

— Сынок, — промолвил Ренальд, — делай, как говорю, и этого нам довольно. Ступай пригони остальную скотину.

Вешир зашагал прочь, но сделал то, что ему велели. Он был славным парнем, пусть и вспыльчивым.

Ренальд вытащил косу из горна — раскалившийся металл светился белым. Положив косу на маленькую наковальню, он принялся бить по

ней молотом — по тому месту, где острая кромка косы переходила в пятку, — точными ударами расплющивая железо. Звон кузнечного молота казался почему-то громче обычного. Он отдавался в ушах громовыми раскатами, и звон металла смешивался с громом — будто бы каждый удар молота был отзвуком отдаленной грозы.

Ренальд работал, и раскаты грома словно бы складывались в слова. Как будто в голове у него бормотал чей-то голос, раз за разом повторяя одну фразу.

«Гроза грядет. Гроза грядет».

Ренальд продолжал бить молотом, не трогая острия косы, но выпрямляя ее и выковывая сбоку крюк. Он по-прежнему не знал зачем. Но это было не важно.

Надвигается буря, и он должен быть готов к ней.

Глядя на то, как кривоногие солдаты, перебросив через седло, приторачивают к нему завернутое в одеяло тело Танеры, Фалендре с трудом сдерживала рыдания, едва перебарывая подступающую тошноту. Она была старшей и должна держать себя в руках, если хочет, чтобы четыре другие выжившие *сул'дам* сохраняли какое-никакое самообладание. Она пыталась убе-

дить себя, что ей доводилось видывать и худшее, когда в сражениях гибли не одна и не две сул'дам, не говоря уже о погибших *дамани*. Но подобные попытки невольно приводили к мысли, которую Фалендре отчаянно гнала от себя: о том, как именно Танера и ее Мири встретили свою смерть. И эта мысль страшно пугала ее.

Фалендре гладила по голове уткнувшуюся ей в бок хныкающую Ненси и старалась утешить бедняжку, через *ай'дам* посылая той чувство спокойствия. Такое, как казалось, нередко срабатывало, но сегодня получалось плохо. В душе у самой Фалендре царило полное смятение. Если бы только она могла забыть, что дамани отсечены щитом — и кем! И чем… Ненси снова всхлипнула.

— Ты передашь мое послание, как я велел? — раздался за спиной Фалендре мужской голос.

Нет, голос этот принадлежал вовсе не обычному мужчине. От звука этого голоса в животе у Фалендре точно озерцо кислоты взбурлило. Она заставила себя повернуться лицом к этому человеку, взглянуть в его холодные, безжалостные глаза. Когда он наклонял голову, они меняли цвет, становясь то серыми, то голубыми, но всегда оставались похожими на отшлифованные драго-

ценные камни. Фалендре знала много сильных и волевых людей, но никогда не встречала такого, который, лишившись руки, спустя считаные мгновения вел бы себя как ни в чем не бывало, будто он потерял перчатку. Фалендре отвесила церемонный поклон, дернув за ай'дам и заставив поклониться и Ненси. До сих пор с пленницами, учитывая все обстоятельства, обращались хорошо, им даже дали воды, чтобы умыться, и, похоже, оставаться в плену им суждено недолго. Но из-за этого мужчины ни за что не скажешь, что случится в следующую минуту. Обещанная свобода вполне может обернуться частью некоей интриги.

— Я сделаю все, что потребуется, чтобы доставить ваше послание… — начала Фалендре, а потом запнулась. Как ей следует обратиться к нему? И она поспешно добавила: — Милорд Дракон.

От таких слов у нее во рту пересохло, но он кивнул, так что, наверное, подобного обращения достаточно.

Через ту невероятную дыру в воздухе появилась одна из *марат'дамани* — молодая женщина с заплетенными в длинную косу волосами. Украшений на ней было под стать кому-то из

Высокородных, и что самое примечательное — на лбу у нее, в самой середине, красовалось круглое красное пятнышко.

— Ранд, долго ты тут оставаться собираешься? — спросила она требовательным тоном, словно бы юноша с жесткими глазами был ее слугой, а не тем, кем он являлся в действительности. — Разве мы не совсем рядом с Эбу Дар? Если не знаешь, так шончан тут кишмя кишат. Наверняка и *ракены* кругом летают.

— Тебя Кадсуане об этом прислала спросить? — отозвался тот, и щеки его окрасились легким румянцем. — Нет, Найнив, уже недолго. Еще несколько минут.

Молодая женщина перевела взор на остальных сул'дам и дамани, которые, по примеру Фалендре, притворялись, будто рядом нет ни разглядывающей их марат'дамани, ни — тем более — никаких мужчин в черных куртках. Женщины, как сумели, привели себя в порядок. Сурия смыла кровь с лица и заодно умыла и Таби, а Малиан наложила им повязки, отчего казалось, будто они надели какие-то чудные шапочки. Киар кое-как отчистила свое испачканное рвотой платье.

— Думаю, мне все же стоило бы их Исцелить, — вдруг промолвила Найнив. — От ударов по голове

с людьми всякие странные вещи случаются. Бывает, и не проходят.

Сурия, окаменев лицом, спрятала Таби себе за спину, словно бы защищая дамани. Словно бы могла ее защитить. От ужаса светлые глаза Таби чуть из орбит не вылезли.

Фалендре умоляющим жестом протянула руку к высокому юноше. К Дракону Возрожденному, выходит.

— Прошу вас, не надо! Им помогут наши лекари, как только мы доберемся до Эбу Дар.

— Брось, Найнив, — сказал юноша. — Коли не хотят Исцеления, значит не хотят. — Насупившись, марат'дамани воззрилась на него и так крепко стиснула в кулаке косу, что у нее аж костяшки побелели. А он снова обратил свое внимание на Фалендре. — Дорога на Эбу Дар проходит восточнее, в часе пути отсюда. Если поспешите, то к ночи доберетесь до города. Щиты, которые наложены на дамани, исчезнут через полчаса. Так, Найнив? Это ведь верно для щитов, сплетенных из *саидар*? — (Женщина молча вперила в него сердитый взгляд.) — Ведь так, Найнив?

— Да, через полчаса, — в конце концов промолвила она. — Но все это неправильно, Ранд ал'Тор. Отсылать обратно этих дамани. Это неправильно,

и ты это знаешь.

На какой-то миг его взгляд стал холоднее. Не жестче. Это было бы просто невозможно. Но какое-то долгое-долгое мгновение его глаза казались кусочками вечного льда.

— О том, что правильно, легко было говорить, когда мне приходилось заботиться лишь о полудюжине овец, — тихо промолвил он. — А ныне иногда куда сложнее бывает. — Отвернувшись, он возвысил голос: — Логайн, уводи всех через переходные врата. Нет, Мериса, нет! Я вовсе не пытаюсь тобой командовать. Хотя, возможно, ты соизволишь присоединиться к нам? Врата скоро закроются.

Марат'дамани, те, кто называл себя Айз Седай, начали друг за дружкой проходить через ту небывалую дыру в воздухе, а вместе с ними — мужчины в черных куртках, Аша'маны. К ним присоединились и крючконосые солдаты, в том числе те, кто только что закончил привязывать Танеру к седлу. Лошадей предоставил Дракон Возрожденный. Как странно, что после всего случившегося он еще способен делать подарки.

Мужчина с жестким взглядом снова повернулся к Фалендре и сказал:

— Повтори, что ты должна сделать.

— Я возвращаюсь в Эбу Дар с посланием для наших командиров.

— Для Дочери Девяти Лун, — строго поправил ее Дракон Возрожденный. — Мое послание ты передашь ей.

Фалендре испытывала сомнения. Она ни в коей мере не достойна говорить с кем-то из Высокородных, не говоря уже о верховной леди, дочери самой императрицы, да живет она вечно! Но лицо и тон этого мужчины не допускали никаких возражений. Фалендре придется отыскать способ встретиться с верховной леди.

— Я передам ей ваше сообщение, — продолжила Фалендре. — Я скажу ей, что… что вы не таите на нее обиду за нападение и что вы желаете с нею встречи.

— Я по-прежнему желаю встречи, — отметил Дракон Возрожденный.

Насколько было известно Фалендре, Дочь Девяти Лун вообще ведать не ведала о первой встрече — ее втайне устроила Анат. И именно поэтому Фалендре знала наверняка, что этот человек должен быть Драконом Возрожденным. Ибо кто, как не сам Дракон Возрожденный, способен был бы противостоять одной из Отрекшихся? И не просто остаться после этого в живых, но и выйти

из схватки победителем?

Неужели Анат была… Была одной из Отрекшихся? Разум Фалендре пасовал перед этой мыслью. Невозможно! И все же вот — Дракон Возрожденный. Если он реален, если вон он стоит, живой и во плоти, то тогда почему бы и Отрекшимся не явиться в мир. В голове у нее все совершенно смешалось, мысли бестолково носились по кругу, и она понимала это. Фалендре едва сдерживала обуревавший ее ужас — с этим придется разбираться позже. Сейчас она должна держать себя в руках.

Сделав над собой усилие, Фалендре заставила себя взглянуть в те замерзшие драгоценные камни, что были у того человека вместо глаз. Ей нужно сохранять хотя бы капельку достоинства — хотя бы ради того, чтобы успокоить четырех других уцелевших сул'дам. И дамани, разумеется. Если сул'дам вновь утратят самообладание, то дамани лишатся всяких надежд.

— Я ей передам, — стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала Фалендре, — что вы по-прежнему желаете с нею встретиться. Что вы считаете, что между нашими народами должен быть установлен мир. И я расскажу ей, что леди Анат была… была одной из Отрекшихся.

Краешком глаза она заметила, как несколько марат'дамани уводят через дыру в воздухе Анат, которая, несмотря на плен, сохраняла величественный вид. Она всегда стремилась подчинять других и смотрела на всех свысока. Неужели она и в самом деле та, кем назвал ее этот мужчина?

Как Фалендре осмелится взглянуть в глаза *дер'сул'дам* и объяснить той произошедшую трагедию, все эти жуткие, ужасные события? Фалендре нестерпимо хотелось оказаться подальше отсюда, убежать куда-нибудь, где-то спрятаться.

— Мы *должны* заключить мир, — сказал Дракон Возрожденный. — Я предвижу, что так будет. Передай своей госпоже, что она найдет меня в Арад Домане. Я прекращу там сражения против ваших войск. Дай ей понять, что я поступаю так в знак доброй воли, точно так же, как я честь по чести отпускаю вас. Нет в том позора, если тобою манипулирует кто-то из Отрекшихся, особенно если это… та тварь. Теперь у меня с души камень свалился. Я боялся, что кто-то из них затесался в шончанскую знать. Мне следовало догадаться, что это будет Семираг. Она всегда предпочитала браться за непростые задачи.

Он говорил об Отрекшейся с невероятным чувством — словно был знаком с ней целую веч-

ность! У Фалендре будто мороз по коже прошел.

Он взглянул на нее и промолвил:

— Ступай.

Затем Дракон Возрожденный, пройдя мимо шончанки, шагнул в ту прореху в воздухе. Многое бы отдала Фалендре, чтобы Ненси научилась такому трюку — вот бы им уметь так путешествовать! Последняя из марат'дамани прошла через проем, и тот закрылся. Фалендре и ее спутницы остались одни. Они представляли собой жалкое сборище. Талха продолжала плакать, у Малиан был такой вид, как будто ее вот-вот стошнит. Несколько женщин хотя и сумели смыть кровь с лица, но не до конца — на коже до сих пор виднелись бледные красные разводы и пятна засохшей крови. Фалендре порадовалась, что не позволила их Исцелить. Она собственными глазами видела, как один из тех мужчин Исцелял людей из отряда Дракона. Кто знает, какая порча запятнает того, кого коснутся эти нечистые руки?

— Соберитесь и не раскисайте! — велела Фалендре спутницам, хотя сама не чувствовала в себе ни сил, ни уверенности. Он и в самом деле ее отпустил. Она едва смела на такое надеяться. И лучше бы поскорее отсюда убраться. Как можно скорее. Фалендре приказала побыстрее садиться

на лошадей, которых им оставил Дракон Возрожденный, и спустя считаные минуты все сул'дам уже сидели в седлах, рядом с ними шагали их дамани — колонна направлялась на юг, к Эбу Дар.

Сегодняшние события вполне могут обернуться тем, что у Фалендре отберут ее дамани, запретив отныне надевать ай'дам. Поскольку Анат в плену, то о наказании нужно просить у кого-то другого. Что скажет верховная леди Сюрот? Дамани мертва, Дракону Возрожденному нанесено оскорбление.

Нет сомнений, худшее, что с нею может случиться, — ее лишат доступа к ай'дам. Не превратят же кого-то вроде Фалендре в *да'ковале*? Или… При этой мысли у нее внутри словно желчь разлилась.

Рассказывать о событиях этого дня ей нужно будет очень осторожно. Фалендре должна представить случившееся в таком свете, чтобы у нее оставался шанс сохранить себе жизнь.

Она пообещала Дракону Возрожденному, что поговорит с самой Дочерью Девяти Лун. И она исполнит данное обещание. Но возможно, она сделает это не сразу. Необходимо хорошенько поразмыслить. И обдумать все надо очень и очень тщательно.

Фалендре склонилась к шее лошади, слегка подгоняя ее и заставляя опередить остальных. Так никто не увидит ни слез разочарования и безнадежности у нее на лице, ни боли и ужаса в глазах.

Сидя верхом, Тайли Хирган, лейтенант-генерал Непобедимой армии, глядела с вершины поросшего лесом холма на север. Как непохожа эта земля на ее родной край — засушливый остров Марам Кашор возле самой юго-восточной оконечности Шончан. Там высятся громадные деревья лумма, с прямыми ровными стволами, чьи растущие на макушке листья напоминают прическу-гребень высокопоставленных Высокородных.

По сравнению с лумма то, что в здешних краях сходило за деревья, представляло собой узловатые и кривые раскидистые кусты. Их сучья напоминали пальцы старого вояки, окостеневшие и страдающие подагрой после многолетнего тесного знакомства с эфесом меча. Как же местные называют эти растения? Вроде бы хворостинниковые деревья? Как странно. И не подумаешь, что кто-то из предков Хирган, отправившийся через океан в Шончан вместе с Лютейром Пейндрагом, мог быть родом из таких мест.

Войска Хирган двигались походным маршем по дороге, идущей у подножия холма. В воздухе висели тучи пыли, поднятой ногами тысяч и тысяч солдат. Меньше, чем было у нее прежде, но не намного. Прошло две недели после ее сражения с айильцами, когда превосходно сработал план Перрина Айбара. Сражаться рядом с таким человеком, как он, всегда и горестно, и радостно. Радостно оттого, что оказался рядом с настоящим гением. Горечи же добавляет тревога, что возможен день, когда они вынуждены будут сойтись лицом к лицу на поле битвы. А Тайли вовсе не относилась к числу тех, кто радостно ввязывается в бой, дабы испытать свои силы. Побеждать она всегда предпочитала наверняка.

Есть военачальники, которые утверждают, будто путь к лучшему лежит через борьбу, через преодоление и никак иначе. Тайли же полагала, что она со своими людьми совершенствоваться будет на поле боя, а там уж пусть враги, как могут, борются и преодолевают.

Сражаться с Перрином ей бы не хотелось. Нет, не хотелось бы. И не потому, что он ей симпатичен.

Земля донесла до слуха Тайли неспешный стук копыт. Она оглянулась и увидела, что к ней

подъезжает Мишима на светлом мерине. Шлем его был приторочен к седлу. На исчерченном шрамами лице Мишимы явственно читалась задумчивость. Вообще-то, они оба были под стать друг другу. И у самой Тайли на лице виднелись старые шрамы.

Мишима отсалютовал ей — ныне, когда Тайли возвысили до Высокородной, с бóльшим почтением. То особое послание, что доставили на ракене, оказалось совершенно неожиданным. Это была честь, и к такому обхождению Тайли пока что не привыкла.

— Все еще раздумываешь о битве? — спросил Мишима.

— Да, — отозвалась Тайли. Минуло уже две недели, но эти мысли по-прежнему больше всего занимают ее ум. — А что ты думаешь?

— Ты хочешь сказать — об Айбара? — поинтересовался Мишима. Как и прежде, он говорил с нею как друг, пускай и старался не поднимать на нее глаз. — Он хороший воин. Может, слишком сосредоточен на одном, словно упертый. Но крепок и надежен.

— Да, — промолвила Тайли, а потом покачала головой. — Мир меняется, Мишима. И так, как мы не в силах предугадать. Сначала Айбара, потом

разные странности.

Мишима глубокомысленно покивал:

— Люди не хотят о них говорить.

— Дело не в галлюцинациях, не в обманутых чувствах — все случается слишком часто, — заметила Тайли. — Разведчики *что-то* видят.

— Люди не могут просто исчезать, — промолвил Мишима. — По-твоему, тут замешана Единая Сила?

— Не знаю, что это, — сказала Тайли. Она устремила взгляд поверх окружавших ее деревьев. На нескольких деревьях, мимо которых Тайли проезжала раньше, уже начинали пробиваться новые отростки, но здесь, на холме, она не заметила ни одного побега. Видом эти деревца напоминали скелеты, хотя воздух вроде бы вполне прогрелся для поры сева. — А в Халамаке есть такие деревья, как эти вот?

— Ну, не такие в точности, — отозвался Мишима. — Но очень похожие мне прежде встречались.

— А разве к этому времени почки на них не должны уже распуститься?

Мишима пожал плечами:

— Я солдат, генерал Тайли.

— Не замечала, — сухо обронила она.

Тот только хмыкнул:

— Я к тому, что мне нет дела до деревьев. Кровью деревья не истекают. Может, им и пора почки давать, а может, и нет. По эту сторону океана мало что имеет смысл. Деревья, на которых весной нет почек, — это просто еще одна странность. Лучше так, чем марат'дамани, которые ведут себя подобно Высокородным и перед которыми нужно раскланиваться и расшаркиваться. — Мишима заметно вздрогнул.

Тайли кивнула, хотя и не разделяла его отвращение. Не вполне. Она не могла разобраться в своих мыслях о Перрине Айбара и его Айз Седай, не говоря уже о его Аша'манах. И о деревьях она знала вряд ли больше Мишимы. Но ей почему-то казалось, что почки уже должны были появиться. И те люди в полях, которые попадаются на глаза разведчикам… Как они могут исчезать так быстро, даже если действует Единая Сила?

Сегодня квартирмейстер открыл один из тюков с походными пайками и обнаружил в нем только пыль. Тайли готова была предпринять розыск вора или шутника, но квартирмейстер настаивал, что проверял содержимое этого тюка несколькими минутами ранее. Карм был человеком серьезным и служил при Тайли квартирмейсте-

ром много лет. Ошибиться он не мог.

Провизия быстро портилась, и это было тут обычным делом. Карм во всем винил жару, стоявшую в этих странных землях. Но походные пайки не могут портиться или гнить, по крайней мере, без всяких на то причин. Предзнаменования в эти дни были дурными. Сегодня, немногим ранее, Тайли попались на глаза две дохлые крысы, они лежали брюхом кверху, и одна держала во рту хвост второй. Худшего знамения она в жизни не видывала, и при мысли о том, что предвещает этот знак, по спине пробегал ледяной холод.

Что-то случилось. Перрин не желал многого говорить, но она видела: его что-то гнетет. Он явно знал больше, чем сказал.

«Мы не можем позволить себе сражаться с этими людьми», — подумала Тайли. Мысль была бунтарская — из тех, что она не высказывала вслух Мишиме. Она даже не смела долго об этом размышлять. Императрица, да живет она вечно, приказала вернуть утраченное под руку империи. Руководство походом в эти земли императрица возложила на Сюрот и Галгана — до тех пор, пока не явит себя Дочь Девяти Лун. Тайли замыслы верховной леди Туон знать не могла, а Сюрот и Галган были едины в своем желании

привести страны по эту сторону океана к подчинению. В сущности, это было единственное, в чем соглашались эти двое.

Ни один из них даже слушать бы не стал предположений, что в живших в этих краях людях следует искать не врагов, а союзников. Подобные мысли опасно близки к измене. По меньшей мере, к неповиновению. Тайли вздохнула и повернулась к Мишиме, собираясь распорядиться об отправке разведчиков — пора искать место, чтобы разбить на ночь лагерь.

Едва взглянув на Мишиму, Тайли застыла. Шея Мишимы была пробита стрелой — жуткого вида и с зазубринами. Тайли не слышала ни того, как прилетела стрела, ни того, как она вонзилась в плоть. Ошеломленный, Мишима встретился с ней взглядом, пытаясь заговорить, но изо рта вырвалась лишь кровь. Он соскользнул с седла и тяжело рухнул наземь, а из низких кустов неподалеку от Тайли на всадницу, ломая корявые ветви, устремилось нечто громадное. Она едва успела выхватить из ножен меч и закричать, а потом Пыльник — добрый, крепкий боевой конь, ни разу не подводивший ее в сражениях, — испуганно взвился на дыбы и сбросил Тайли на землю.

Вероятно, падение спасло ей жизнь, так как на-

падавший со всего маху обрушил свой тяжелый толстый клинок на седло — где только что сидела Тайли. Гремя доспехами, она вскочила на ноги и зычным голосом заорала:

— К оружию! На нас напали!

К ее крику присоединились сотни других — тревогу разом подняли многие. Кричали люди. Ржали лошади.

«Засада, — подумала Тайли, поднимая меч. — И мы напоролись прямо на нее! Куда смотрели разведчики? Что произошло?»

Она бросилась на того, кто пытался ее убить. Фыркая, враг крутанулся на месте.

И тут она в первый раз разглядела, кто же ее атаковал. Это был совсем не человек — какая-то чудовищная и уродливая тварь; голову покрывала грубая бурая шерсть, толстая кожа на чересчур широком лбу собралась в складки. Глаза слишком походили на человеческие, что рождало отвращение и тревогу, но приплюснутый нос смахивал на кабанье рыло, а изо рта торчали два длинных клыка, как у вепря. Тварь зарычала на Тайли, брызгая слюной, слетавшей с почти что человеческих губ.

«Кровь моих Позабытых Предков! — подумала она. — Во что мы вляпались?»

Чудовище было кошмаром, обретшим плоть и выпущенным на волю с неутолимой жаждой убивать. Пред Тайли стояло нечто такое, к чему она всегда относилась как к никчемному суеверию.

Шончанка накинулась на тварь, отбив в сторону толстый меч, когда клыкастый попытался ее атаковать. Тайли крутанулась, переходя в стойку «Бить по кустам» и отсекла врагу руку у самого плеча. Она ударила вновь, и вслед за рукой на землю покатилась отрубленная голова. Обезглавленный противник запнулся, но, перед тем как упасть, непостижимым образом умудрился пройти еще три шага.

В лесу раздавались треск и шорох, падали обломанные ветки. С холма Тайли видела, как из кустов и подлеска внизу выскакивают сотни тварей, подобных той, что она сразила, и атакуют центр колонны ее войска. Из-за деревьев в порожденном внезапным нападением хаосе появлялись всё новые и новые чудовища.

Как такое случилось? Как эти твари сумели подобраться к Эбу Дар так близко? Войска Тайли находились далеко за оборонительным периметром шончан, в тылу, всего в дневном переходе от столицы!

Тайли бросилась вниз по склону холма, зыч-

ным голосом созывая свой эскорт, а из-за деревьев позади нее с ревом и рычанием выпрыгивали чудовищные твари.

Грендаль лениво восседала в кресле, а вдоль выложенных камнем стен выстроились мужчины и женщины, облаченные всего лишь в накидки из прозрачной белой ткани; каждый из них, преисполненный преклонения перед госпожой, представлял собой безупречный образчик своего рода. От пылавшего в камине огня исходило приятное тепло, и отсветы пламени ложились на кроваво-красный ковер тонкой работы. Вытканные на ковре фигуры юношей и девушек самым причудливым образом сплетались между собой, и подобный узор бросил бы в краску смущения даже самую искусную и искушенную куртизанку. Свет клонящегося к вечеру дня вливался в распахнутые окна дворца, из которых открывался замечательный вид на сосны внизу и сверкающее под солнцем озеро.

Облаченная в светло-голубое платье доманийского покроя — ей стала нравиться мода этой страны, хотя ее платье было намного прозрачней, чем обычно носили местные жители, — Грендаль неспешно пила сок сладкощетинника. К тому же эти доманийцы слишком уж любили шептать,

когда бы сама Грендаль предпочла громкий, от души крик. Она сделала еще один глоток сока. Какой у него необычно кислый привкус. В нынешнюю эпоху этот напиток считается редкостью и экзотикой, поскольку теперь такие деревья произрастают только на отдаленных островах.

Вдруг без всякого предупреждения в центре комнаты развернулся портал переходных врат. Грендаль едва слышно выругалась, заметив, что из-за раскрывшихся врат пострадал один из ее наиболее превосходных трофеев — молодая, в самом соку женщина по имени Тураса, член доманийского купеческого совета, едва не лишилась руки по локоть. В проем врат ворвался поток душного зноя, испортивший совершенное сочетание прохладного горного воздуха и теплых волн от пылавшего в камине пламени, которого добивалась Грендаль. Но она подавила вспышку гнева и сохранила самообладание, продолжая сидеть, откинувшись на спинку бархатного кресла с чрезмерно мягкой обивкой. Через портал шагнул посланец в черном, и чего тот хочет, она поняла раньше, чем он заговорил. Только Моридин знал, где ее искать, — только он один, так как Саммаэль теперь мертв.

— Миледи, вас требует к себе…

— Да-да, — промолвила она. — Встань прямо и дай-ка мне взглянуть на тебя.

Юноша замер смирно, пройдя по комнате всего два шага. О, как же он был привлекателен! Волосы светло-золотистого оттенка, столь редкие во многих уголках мира, зеленые глаза сверкают, словно поросшие ряской озерца, а фигурка гибкая, несмотря на мускулистость. Грендаль прищелкнула языком. Неужели Моридин пытается прельстить ее, посылая самого симпатичного своего красавчика, или же подобный выбор гонца — простое совпадение?

Нет. У Избранных для совпадений и случайностей места нет. Грендаль едва удержалась, чтобы не сплести узел Принуждения и самой не завладеть мальчишкой. Но она обуздала свой порыв. Если на мужчину воздействовать Принуждением такого уровня, то вернуть все к исходному состоянию будет невозможно, и Моридин, того гляди, разгневается. Впрочем, его капризы — не ее забота. Он никогда, даже в прежние-то годы, не отличался уравновешенностью. Если она сама намерена однажды стать Ни'блисом, важно не раздражать Моридина понапрасну, пока не придет время нанести удар.

Грендаль отвернулась от посланца — если она

не способна заполучить его, то никакого интереса он для нее не представляет, — и взглянула в открытые врата. Она ненавидела, когда ее принуждали встречаться с кем-то из Избранных на чужих условиях. Она ненавидела, когда обстоятельства вынуждали ее покидать свою крепость и оставлять своих любимцев. Больше всего она ненавидела, когда ее заставляли унижаться перед тем, кто должен был сам находиться у нее в подчинении.

Но делать нечего. Моридин был Ни'блисом. Пока что. А значит, сколь бы ненавистно это ни было, у Грендаль нет выбора — она обязана откликнуться на призыв. Посему Грендаль отставила бокал, встала и прошла через врата, сверкая золотом вышивки, которая украшала ее почти прозрачное светло-голубое платье.

По ту сторону врат оказалось безумно жарко. Грендаль немедленно сплела пряди Воздуха и Воды, охлаждая окружающий ее воздух. Она находилась в здании из черного камня, в окнах, в которых не было стекол, дрожал ярко-красный свет. Эти красноватые отсветы наводили на мысли о закате, но в Арад Домане день только-только перевалил за середину. Она оказалась настолько далеко?.. Неужели? Или все же нет?

Всю обстановку комнаты составляли жесткие стулья из черного-пречерного дерева. Определенно, Моридину в последнее время заметно недостает воображения. Все черное и красное, и все крутится лишь вокруг того, как бы убить тех глупых мальчишек, что родом из деревни Ранда ал'Тора. Неужели только ей, одной-единственной, понятно, что настоящая угроза — сам ал'Тор? Почему бы просто не убить его и разом не покончить со всем?

И ей не доставляли радости размышления о самом очевидном ответе на этот вопрос: ни один из Избранных до сих пор не выказал себя достаточно сильным, чтобы сокрушить ал'Тора.

Грендаль подошла к окну и обнаружила причину кроваво-красного свечения снаружи. На напоминавшей глину земле проступали красные пятна от содержащегося в почве железа. Она находилась на втором уровне черной-пречерной башни, и камни буквально впитывали в себя обжигающий жар небес. Снаружи почти ничего не росло, и немногие растения были испещрены черными пятнами. Выходит, это Запустение, причем самый далекий северо-восточный уголок. Немало времени минуло с тех пор, как она тут бывала. Надо же, Моридин, по-видимому, как-то

обнаружил былую цитадель.

В тени крепости стояла кучка жалких хибарок, вдалеке виднелись участки с посадками, что свидетельствовало о возделанных полях; растения несли на себе печать Запустения. Наверное, пытались вывести новый сорт, способный произрастать и давать урожай в подобном месте. Вероятно, речь шла даже о нескольких разных сортах — это объясняло отличавшиеся по виду посевы. Поля патрулировали стражники, облаченные, несмотря на жару, в черную форму. Солдаты были необходимы, чтобы отражать нападения разнообразных исчадий Тени, которые населяли отдаленные места Запустения. Этим созданиям не был ведом иной хозяин, кроме самого Великого повелителя. Что вообще все это время тут делал Моридин?

Размышления Грендаль вскоре прервали шаги, возвестившие о прибытии других Избранных. Демандред вошел в комнату через двери на южной стороне, его сопровождала Месана. Выходит, они явились вместе? Они полагали, будто Грендаль неизвестно об их никчемном союзе, причем в их комплоте участвовала и Семираг. Но, говоря по правде, если бы эта парочка хотела сохранить свой альянс в тайне, неужели они не смогли бы

явиться на призыв поодиночке?

Грендаль, пряча улыбку, поприветствовала Демандреда и Месану кивком, а потом нашла взглядом самый большой и самый с виду удобный стул в комнате и уселась на него. Она провела пальцем по гладкому темному дереву, ощущая его структуру под слоем лака. Демандред с Месаной холодно взирали на нее, и она достаточно хорошо знала обоих, чтобы различить промелькнувшую в их взглядах тень изумления, которое им не удалось скрыть при виде Грендаль. Вот, значит, как. Выходит, они заранее знали о встрече? Но не о том, что на ней будет и Грендаль? Лучше всего притвориться, что сама она нисколько не удивлена. Грендаль одарила обоих Избранных понимающей улыбкой и подметила полыхнувший в глазах Демандреда гнев.

Хоть сама Грендаль ни за что бы не призналась в этом во всеуслышание, Демандред был помехой ее планам. Месана проникла в Белую Башню, прикинувшись одной из тех, кто считается в эту эпоху Айз Седай. Она была предсказуема, и ее ходы легко просчитывались; агенты Грендаль в Белой Башне держали хозяйку в курсе деятельности Месаны. И разумеется, очень полезной для Грендаль оказалась не так давно сформирован-

ная ею связь с Аран'гар. Последняя вела свою игру с мятежными Айз Седай — теми, кто осаждал Белую Башню.

Да, Месана не мешала замыслам Грендаль, да и остальных было столь же просто отследить. Моридин собирал силы Великого повелителя для Последней битвы, и у него, занятого приготовлениями к войне, оставалось мало времени на то, чтобы обращать внимание на события на юге — впрочем, двое его ставленников, Синдани и Могидин, от случая к случаю там показывались. Они проводили время, сплачивая приверженцев Тьмы, и изредка пытались исполнить распоряжение Моридина, приказавшего убить двух *та'веренов* — Перрина Айбара и Мэтрима Коутона.

Грендаль была уверена, что Саммаэль пал от руки Ранда ал'Тора в ходе сражения за Иллиан. На деле — теперь, когда у Грендаль появились сведения о том, что у шончан за ниточки дергает Семираг, — она была убеждена, что ей ведомы планы каждого из семерых уцелевших Избранных.

Всех — за исключением Демандреда.

Что же замыслил этот треклятый мужчина? Она бы с радостью отдала все, что ей известно о

делишках Месаны и Аран'гар, в обмен на намек о планах Демандреда. Вон он, стоит там, красавчик с орлиным носом, поджав губы в вечном гневе. Демандред никогда не улыбался, казалось даже, никогда и ничему не радовался. Хотя среди Отрекшихся он был наиболее выдающимся военачальником, война, судя по всему, не доставляла ему никакого удовольствия. Однажды Грендаль слышала, как он сказал, что засмеется в тот день, когда свернет шею Льюсу Тэрину. Только тогда — и не раньше.

Ну и глупец, раз таскает за пазухой такой камень. Подумать только — он считает, будто мог бы оказаться на другой стороне — возможно, даже сам мог бы стать Драконом, — и что тогда все обернулось бы совершенно иначе. Тем не менее глупец Демандред или нет, он в высшей степени опасен, и Грендаль категорически не нравилось, что она не осведомлена о его планах. Интересно, где же он окопался? Демандред любил иметь под своим командованием войска, но в мире вроде не оставалось для него армии.

Не считая, возможно, тех порубежников. Сумел бы он затесаться в их ряды? Определенно, это был бы удачный ход. Но Грендаль наверняка что-то да услышала бы; у нее есть шпионы и в том лагере.

Грендаль покачала головой, жалея, что ей нечем смочить губы. Северный воздух был слишком сух; она предпочитала доманийскую влажность. Демандред скрестил руки на груди и остался стоять, когда села Месана. У той были бледно-голубые глаза и коротко, до середины шеи, подстриженные волосы. Украшений она не носила, и на длинном, до пола, платье не было ни стежка вышивки. Книгочей до мозга костей, ученый сухарь. Порой у Грендаль мелькала мысль, что Месана потому перешла на сторону Тени, что там для нее открывались более широкие и интригующие возможности для исследований.

Теперь же Месана была всецело предана Великому повелителю, как и все другие Избранные, но среди них она казалась особой второго сорта. Хвастаясь и давая обещания, которые не могла выполнить, вставая на сторону более сильных, для манипулирования которыми не обладала необходимым умением. Она творила зло во имя Великого повелителя, но никогда не добивалась грандиозных успехов, как Семираг или Демандред. Не говоря уже о Моридине.

И стоило Грендаль вспомнить о Моридине, как тот вошел в комнату. О, какое это было красивое создание! По сравнению с ним Демандред

выглядел каким-то невзрачным селянином. Да, это тело намного лучше предыдущего. Привлекательностью он вполне мог бы соперничать с некоторыми из любимцев Грендаль, хотя все впечатление от лица портил подбородок. Чересчур выдающийся, чересчур мощный. Но все же… эти абсолютно черные волосы, высокий рост, широкие плечи… Грендаль улыбнулась, представив себе, как он склоняется перед ней на колени, в полупрозрачном белом одеянии, в слепом восхищении взирая на нее, а разум его опутан и оплетен Принуждением до той степени, что для него не существует никого — и ничего, — кроме одной лишь Грендаль!

Когда вошел Моридин, Месана поднялась со стула, и Грендаль неохотно последовала ее примеру. Он не ее домашняя собачка, пока еще нет. Он — Ни'блис и в последнее время стал требовать от них все большего и большего повиновения, словом и делом. Власть ему вручил Великий повелитель. Трое Избранных нехотя склонили перед Моридином головы; из всех людей одному ему они выказывали почтение. Он отметил их покорность, окинув суровым взором, и широким шагом прошествовал в центральную часть комнаты, где в стене, сложенной из антраци-

тово-черных камней, был сделан камин. Что за безумие владело человеком, которому взбрело в голову возвести крепость из черного камня посреди жары и духоты Запустения?

Грендаль села на место. Ждать ли прочих Избранных? А если нет, то что это означает?

Месана заговорила раньше, чем Моридин успел вымолвить хоть слово.

— Моридин! — сказала она, шагнув вперед. — Нам нужно спасти ее.

— Месана, я не давал тебе разрешения говорить, — холодно ответил тот. — Ты еще не прощена.

Она испуганно съежилась, потом явно рассердилась на себя за проявленный страх. Моридин отвернулся от нее и, прищурившись, окинул взглядом Грендаль. К чему бы этот взгляд?

— Можешь продолжать, Месана, — наконец промолвил он, — но помни свое место.

Губы Месаны стянулись в ниточку, но перечить она не стала.

— Моридин! — произнесла она куда менее требовательным тоном. — Ты поступил мудро, согласившись встретиться с нами. Несомненно, ты потрясен не меньше нас. Сами мы ей помочь не можем, у нас нет для этого сил и средств. На-

верняка ее хорошо охраняют и Айз Седай, и эти Аша'маны. Ты должен помочь нам освободить ее.

— Семираг вполне заслужила то, что оказалась в плену, — заметил Моридин, положив руку на каминную полку. Он по-прежнему не смотрел на Месану.

Как?! Семираг захвачена в плен?! Только-только Грендаль узнала, что та действовала под личиной высокопоставленной шончанки! Что она сотворила такого, раз позволила пленить себя? А коли речь зашла об Аша'манах, то она, похоже, умудрилась угодить в лапы к самому ал'Тору!

Вопреки потрясению, Грендаль сумела сохранить на лице многозначительную улыбку. Демандред покосился на нее. Если о встрече просил он с Месаной, то почему Моридин послал и за Грендаль?

— Подумай только, что может выдать Семираг! — сказала Месана, не обращая внимания на Грендаль. — Кроме того, она — одна из Избранных! Наш долг — помочь ей.

«А кроме того, — подумала Грендаль, — она участвует в том жалком союзе, который вы вдвоем сколотили. И возможно, она — самая сильная

сторона. Ее утрата — удар по вашим планам подчинить себе Избранных».

— Она ослушалась, — сказал Моридин. — Она не должна была пытаться убить ал'Тора.

— Она и не собиралась! — поспешила заметить Месана. — Там был наш человек — и она считает, что стрелой Огня Семираг инстинктивно ответила на внезапное нападение. И Семираг вовсе не намеревалась его убивать.

— Демандред, что ты скажешь по этому поводу? — произнес Моридин, глянув на уступавшего ему ростом мужчину.

— Мне нужен Льюс Тэрин, — отозвался Демандред. Как всегда, голос его был глубоким, а выражение лица — мрачным. — Семираг это известно. А еще Семираг знает, что если бы она его убила, то я отыскал бы ее и потребовал в расплату ее жизнь. Никто не убьет ал'Тора. Кроме меня — никто.

— Кроме тебя, Демандред, — или Великого повелителя, — с грозными нотками в голосе заметил Моридин. — Его воля — превыше всех наших желаний.

— Да-да, разумеется, превыше, — вмешалась Месана, шагнув вперед. Край простого платья с еле слышным шорохом скользнул по отполиро-

ванному до зеркального блеска черному мрамору пола. — Моридин, фактом остается то, что она вовсе не намеревалась его убивать! Она хотела только захватить его. Я…

— Ну конечно, она собиралась захватить его! — взревел Моридин, отчего Месана вздрогнула и отшатнулась. — Именно это ей и приказали! И она не справилась, Месана. Провалила дело, с феерическим треском! Нанеся ему рану, вопреки моему строжайшему приказу! С него и волоска не должно было упасть! И за свою некомпетентность ей суждено страдать. Для ее освобождения я ничем не стану вам помогать. На самом деле я даже *запрещаю* вам посылать ей помощь. Понятно?

Месана опять вздрогнула. Но Демандред даже бровью не повел; не дрогнув, он встретил взгляд Моридина, потом кивнул. Да, в хладнокровии и выдержке ему не откажешь. Пожалуй, Грендаль его недооценивала. Из той троицы он вполне может оказаться самым сильным, причем намного опаснее Семираг. Верно, та бесстрастна и сдержанна, но иногда проявление чувств вполне уместно. Такого мужчину, как Демандред, эмоции способны подтолкнуть к действиям, о которых более уравновешенный человек даже и помыслить неспособен.

Моридин опустил взгляд, сгибая и разгибая левую руку, словно бы она затекла. Грендаль уловила в выражении его лица тень боли.

— Пусть Семираг гниет заживо, — прорычал Моридин. — Пусть на себе испытает, каково это — допросы и пытки. Возможно, Великий повелитель в ближайшие недели отыщет для нее какое-то применение, но это решать будет *он*. А сейчас… Расскажите мне, как идут ваши приготовления.

Месана слегка побледнела, кинула взгляд на Грендаль. Демандред покраснел, словно бы не поверил, что их станут расспрашивать в присутствии другой Избранной. Грендаль улыбнулась им.

— Я полностью готова, — сказала Месана, вновь поворачивая голову к Моридину. — Белая Башня и те дуры, что ею правят, вскоре станут моими. Я преподнесу нашему Великому повелителю не просто расколотую Белую Башню, но и целый выводок способных направлять Силу женщин, которые — так или иначе — послужат нашим целям в Последней битве. На сей раз Айз Седай станут сражаться за нас!

— Смелое заявление, — обронил Моридин.

— Я добьюсь своего, — спокойно пообещала

Месана. — Мои последователи наводнили Башню — так незримая болезнь изнутри отравляет здорового с виду человека. Наше дело обретает все новых и новых приверженцев. Кто-то присоединяется к нам сознательно, кто-то — и сам того не желая. Но в обоих случаях результат один и тот же.

Грендаль слушала внимательно. Аран'гар утверждала, что рано или поздно мятежные Айз Седай овладеют Башней, хотя сама Грендаль и сомневалась в таком исходе. Кто же одержит победу, ребенок или дура? Впрочем, какая разница!

— А ты? — обратился Моридин к Демандреду.

— Мое владычество крепко и устойчиво, — без затей заявил Демандред. — Я собираю силы для войны. Мы будем готовы.

Грендаль сгорала от желания узнать больше о планах Демандреда, но Моридин не настаивал на более развернутом ответе. Тем не менее она узнала намного больше тех крох, что ей удалось собрать прежде. Судя по всему, Демандред завладел троном, и у него есть армия. И он продолжает собирать войска. Все более и более вероятными становились колонны порубежников, маршем проходящие через восточные страны.

— Вы двое можете удалиться, — сказал Мо-

ридин.

Получив разрешение уйти, Месана что-то прошипела, но Демандред просто повернулся и зашагал прочь. Грендаль кивнула про себя: ей надо будет за ним присмотреть. Великий повелитель любит действия, и зачастую бóльшую награду получали те, кто приводил для него армии. Наиболее вероятно, что именно Демандред может стать ее главным соперником — после Моридина, разумеется.

Он не разрешил ей уходить, поэтому Грендаль так и сидела, следя за тем, как покидают комнату двое других Избранных. Моридин оставался на том же месте, опершись рукой о каминную полку. Какое-то время в чересчур черной комнате царила тишина, а потом вошел, неся два кубка, слуга в ярко-красной ливрее. Он был безобразен, с плоским лицом и густыми бровями, и едва ли заслуживал даже мимолетного взгляда.

Грендаль взяла поднесенный кубок и попробовала молодое вино, слегка терпкое, но весьма неплохое. Отыскать хорошее вино становилось все сложнее; прикосновение Великого повелителя к миру на всем оставляло свой отпечаток, портилась не только еда, но и то, что никогда не должно было претерпевать разрушение и

разложение.

Моридин, так и не взяв кубка, взмахом руки отослал слугу прочь. Грендаль, естественно, опасалась яда. Она всегда была настороже, когда ей предлагали питье в чужих кубках. Но Моридину незачем подсовывать ей отраву; он же был Ни'блисом. В то время как большинство Избранных не желало подобострастно перед ним преклоняться, он все больше и больше стремился навязывать им свою волю, обращаясь как с подчиненными и ставя гораздо ниже себя. Она подозревала, что Моридин, пожелай он того, мог бы казнить ее сотней различных способов по своему усмотрению, а Великий повелитель ему бы это разрешил. Поэтому Грендаль отпила из кубка и молча ждала, что он скажет.

— Грендаль, много ли ты узнала из того, что услышала? — спросил Моридин.

— Столько, сколько смогла, — уклончиво ответила она.

— Я знаю, с какой жадностью ты собираешь интересующие тебя сведения. Могидин всегда считали паучихой, издалека дергающей за ниточки, но во многих отношениях ты гораздо лучше ее. Она сплетает так много паутины, что сама запутывается в своих хитростях. Ты куда

более осмотрительна. Ты наносишь удар только в нужный момент, но ввязаться в драку не боишься. Великий повелитель одобряет твою предприимчивость.

— Мой дорогой Моридин, — промолвила она, улыбаясь про себя, — ты мне льстишь.

— Не играй со мной, Грендаль, — сказал он суровым голосом. — Прибереги свои комплименты для других и помалкивай.

Она отшатнулась, как от пощечины, но не проронила ни слова.

— В награду я даю тебе дозволение подслушивать этих двух, — промолвил Моридин. — Ни'блис избран, но в царстве Великого повелителя найдутся и иные места подле его престола, в сиянии его славы. Причем некоторые много выше прочих. Сегодня тебе позволили ощутить сладость привилегий, которыми ты можешь быть одарена.

— Я живу, чтобы служить Великому повелителю.

— Тогда послужи ему так, — сказал Моридин, в упор глядя на Грендаль. — Ал'Тор двинется в Арад Доман. Он должен оставаться жив и невредим, пока в тот последний день не предстанет передо мной лицом к лицу. Но нельзя допустить, чтобы

он принес мир в твою страну. Он попытается восстановить мир и порядок. Ты должна найти способ воспрепятствовать ему.

— Будет исполнено.

— Тогда ступай, — промолвил Моридин, коротко взмахнув рукой.

Грендаль встала и, начав размышлять на ходу, направилась к двери.

— И еще, Грендаль! — окликнул ее Моридин.

Она остановилась, оглянувшись на него. Он стоял у камина, почти что спиной к ней. Казалось, он смотрел в никуда, просто уставившись взором в черные камни противоположной стены. Как ни странно, но, стоя вот так, он во многом походил на ал'Тора — которого Грендаль знала по многочисленным наброскам, что ей доставляли шпионы.

— Конец близок, — сказал Моридин. — Колесо со скрипом совершает свой последний оборот, у часов кончается завод, змей испускает последние вздохи. Он должен узнать душевную боль. Должен познать разочарование, крах надежд. Он должен испытать муки и страдания. Доставь их ему. И ты будешь вознаграждена.

Грендаль кивнула, потом прошла через открытые для нее переходные врата и вернулась в свою

крепость в холмах Арад Домана.

Чтобы плести интриги.

Матушка Родела Итуралде, уже тридцать лет как обретшая покой среди родных для него глинистых доманийских холмов, особенно любила одну поговорку: «Дела всегда идут хуже некуда перед тем, как пойти на лад». Так она приговаривала, когда в детстве вырывала ему испорченный зуб, жутко разболевшийся после игр и сражений на детских мечах с деревенскими мальчишками. Так она твердила, когда он потерял свою первую любовь, которая предпочла его какому-то юнцу-лорду в шляпе с перьями, чьи мягкие нежные ладони и изукрашенный самоцветами меч доказывали, что в настоящей битве тот никогда не бывал. И она непременно вспомнила бы эту поговорку, окажись сейчас с Роделом на гребне холма, откуда тот наблюдал, как походная колонна шончан направляется к городу, лежавшему в неглубокой долине внизу и носившему название Дарлуна.

Сидя на своем спокойном мерине, он рассматривал город в зрительную трубу, левой ладонью прикрыв дальний ее конец от лучей вечернего солнца. Вместе с несколькими своими доманийцами Итуралде прятался в этой маленькой

рощице; чтобы заметить их среди деревьев, даже с помощью зрительных труб, шончанским дозорным понадобилась бы вся удача Темного.

Дела всегда шли хуже некуда перед тем, как пойти на лад. Разожженный под шончан костер он раздул в настоящий пожар, разгромив и уничтожив вражеские склады с припасами на всей равнине Алмот и в Тарабоне. Тогда чего же удивляться, если на тушение пожара отправили этакое вот огромное войско, числом по меньшей мере в сто пятьдесят тысяч человек. Мощь армии демонстрирует меру уважения. Да, эти шончанские захватчики отнеслись к нему без излишней самонадеянности. Лучше бы они недооценили его.

Итуралде навел зрительную трубу на группу верховых в центре шончанской армии. Они ехали парами, в каждой паре одна из женщин была одета в серое платье, другая — в красно-синее. Всадницы находились слишком далеко, и даже со зрительной трубой он не мог ни разглядеть вышитые молнии на сине-красных платьях, ни увидеть цепочки, которыми были соединены женщины в парах. Дамани и сул'дам.

При этой армии их было никак не меньше тридцати пар, если не больше. Вдобавок к ним

Итуралде успел заметить в воздухе и одну из шончанских крылатых тварей — она приблизилась настолько, чтобы ее наездник смог сбросить послание для командира. Рассылая разведчиков верхом на этих летающих созданиях, шончанская армия получала беспрецедентное преимущество. Итуралде променял бы десять тысяч солдат на одну из таких крылатых тварей. Возможно, кто-то из военачальников пожелал бы иметь в своем войске дамани, способных метать молнии и взрывать землю, но в сражениях — как и в войнах — побеждают не только силой оружия. Не реже победы одерживают благодаря верным и своевременно полученным сведениям о противнике.

Конечно же, наряду с превосходной разведкой шончан имели и превосходное оружие. А также и великолепные войска. Хотя Итуралде гордился своими доманийцами, многие его люди были недостаточно обучены или слишком стары для сражений. К последним он причислил бы и себя, поскольку годы начинали брать свое, ложась на плечи точно кирпичи. Но о том, чтобы удалиться на покой, он и не помышлял. Мальчишкой Итуралде частенько испытывал чувство, будто опоздал родиться, — он волновался, что когда повзрослеет, то все великие битвы уже отгремят

и вся слава достанется другим.

Иногда Итуралде завидовал мальчишкам — за их детскую глупость и наивность.

— Идут скорым шагом, Родел, — произнес Лидрин — молодой еще парень, щеголявший тонкими, по нынешней моде, черными усами. Левую сторону его лица пересекал шрам. — Очень им хочется захватить этот городок.

До начала кампании Лидрин, хоть и был офицером, не имел никакого боевого опыта. Теперь же он — испытанный в сражениях ветеран. Хотя практически в каждом столкновении с шончан Итуралде и его войска одерживали победы, Лидрин видел, как погибли три офицера его отряда, и в их числе — бедняга Джаалам Нишур. Благодаря смерти сотоварищей Лидрин усвоил один из горьких уроков войны: победа не означает того, что ты останешься в живых. И если солдат следует приказам, то это вовсе не значит, что он непременно победит или останется в живых.

На Лидрине не было привычного мундира. Впрочем, форменной одежды не носили ни Итуралде, ни те, кто был с ним. Мундиры тут были не нужны, так что довольствовались они обычными ношеными куртками и серо-коричневыми штанами, в большинстве своем купленными или

позаимствованными у местных жителей.

Итуралде вновь поднял зрительную трубу, размышляя о замечании Лидрина. И в самом деле, шончан двигались быстро; они планировали одним броском захватить Дарлуну. Они понимали, какое преимущество даст занятый ими город. Что ж, шончан — умный враг, вновь заставивший Итуралде испытать то волнение и возбуждение, которые, как ему казалось, давным-давно остались в прошлом.

— Да, они спешат, — произнес он. — А что бы предпринял ты, Лидрин? Вражеская армия в двести тысяч у тебя за спиной, еще сто пятьдесят тысяч поджидают впереди. Неужели в такой ситуации ты, со всех сторон окруженный противником, не спешил бы? Глядишь, еще и подгонял бы своих людей, если б знал, что в конце перехода тебе будет где укрыться.

Лидрин не ответил. Итуралде повел зрительной трубой в сторону, рассматривая весенние поля, где трудились на севе многочисленные работники. Для этих краев Дарлуна была крупным городом. Конечно же, ни один город на западе не сравнится со стольными градами востока и юга, что бы там ни твердили люди из Танчико или Фалме. Тем не менее Дарлуну окружала

крепкая гранитная стена добрых двадцати футов высотой. Красотой укрепления не отличались, но стена была прочной и надежной и защищала немаленький город — на такую громадину какой-нибудь деревенский паренек смотрел бы широко раскрытыми от изумления глазами. В юности Итуралде назвал бы Дарлуну огромным городом. Но те годы давно миновали — еще до того, как он отправился сражаться с айильцами у Тар Валона.

Так или иначе, в Дарлуне были лучшие в округе фортификационные сооружения, и несомненно, шончанские командиры это знали. Они могли принять иное решение и занять позицию на вершине холма; бой в окружении позволял бы в полной мере воспользоваться имеющимися в их распоряжении дамани. Но тогда не только не оставалось вариантов для отступления, но и до минимума сокращались возможности для снабжения. В городе наверняка есть колодцы, и, по всей вероятности, за городскими стенами найдутся остатки зимних запасов. И Дарлуна, чей гарнизон отправили нести службу в другое место, была слишком мала, чтобы оказать шончанским войскам серьезное сопротивление.

Итуралде опустил зрительную трубу. Она ему

ни к чему — он и так знает, что происходит: шончанские разведчики подъезжают к городским воротам, требуют открыть их перед захватчиками. В ожидании Итуралде прикрыл глаза.

Рядом с ним Лидрин тихонько выдохнул, а потом прошептал:

— Они не заметили… Прошли мимо наших главных сил, к самым стенам, и ждут, пока их не впустят!

— Приказ: начинать, — произнес Итуралде, открывая глаза.

В случае с теми летающими разведчиками на ракенах есть одна проблема. Когда у тебя имеется такой полезный инструмент, ты слишком на него полагаешься. И твою самоуверенность могут обернуть против тебя самого.

Вдалеке на полях «фермеры» откладывали лопаты, мотыги и грабли и доставали из борозд и ям припрятанные там до времени луки. Городские ворота распахнулись, открыв взорам скрывавшихся за ними солдат — солдат, которые, по донесениям шончанских разведчиков на ракенах, находились в четырех дневных конных переходах от Дарлуны.

Итуралде приложил к глазу зрительную трубу. Сражение началось.

Пророк карабкался на вершину поросшего лесом холма, и пальцы его оставляли в земле глубокие борозды. Следом за ним с трудом двигались его последователи. Как мало их осталось. Очень мало! Но все еще вернется, все будет как раньше! Слава Дракона Возрожденного следует за ним, и где бы пророк Дракона ни очутился, он везде найдет открытые его слову души. Души тех, чьи сердца чисты, тех, у кого от стремления уничтожить Тень руки точно огнем горят.

Да! Надо не о прошлом думать, а о будущем, когда всеми землями станет править лорд Дракон! Когда люди будут подвластны только ему одному — и его пророку, стоящему подле него. Это время и впрямь будет славным, время, когда никто не посмеет пренебрегать пророком или отвергать его волю. Дни, когда пророку не придется терпеть подобного унижения: жить в одном лагере — чуть ли не бок о бок! — с отродьем Тени, вроде того презренного существа, Айбара. О, славное время. Близится славное время.

Но картины грядущей славы и великолепия непросто было удерживать в голове, мысли расползались. В мире вокруг так много скверного и мерзкого. Люди, отвергающие Дракона и подпадающие под Тень. Даже его собственные по-

следователи. Да! Должно быть, именно поэтому они потерпели поражение. Должно быть, именно поэтому столь многие погибли при штурме города Малден, который защищали предавшиеся Тени Айил.

Пророк был так уверен. Он считал, что Дракон защитит верных ему людей, поведет их к грандиозной победе. Затем пророк наконец бы исполнил свое желание. Он убил бы Перрина Айбара собственными руками! Обхватил пальцами его толстую, как у быка, шею и свернул бы ее! Сжимал и стискивал, выворачивая, чувствуя, как ломаются кости, как сминается плоть, как прерывается дыхание.

Пророк выбрался на гребень холма и стряхнул грязь с ладоней. Тяжело дыша, он оглядывал все вокруг. Немногие его уцелевшие последователи с треском продирались через подлесок, поднимаясь на холм и обступая своего вождя. Сквозь густой полог леса едва пробивались солнечные лучи. Свет. Ослепительный свет.

В ночь перед атакой ему явился Дракон. Явился во всем величии славы! Излучающая свет фигура, вся в сиянии и сверкающих одеждах. Убей Перрина Айбара! — повелел Дракон. Убей его! И тогда пророк использовал свое самое лучшее орудие

— отправил к этому Айбара его лучшего друга.

Этот мальчишка — его орудие! — потерпел неудачу. Айрам погиб. Люди пророка подтвердили его смерть. Что за трагедия! Поэтому-то они не добились успеха? Поэтому-то из тысяч последователей теперь у пророка осталась лишь горстка? Нет. Нет! Должно быть, они обратились против него, тайно поклоняясь Тени. И Айрам! Точно, он — приспешник Темного! Вот почему он не справился.

На вершине холма появились первые из взбиравшихся по крутому склону сторонники пророка — грязные и побитые, окровавленные и измотанные, в заношенной и рваной одежде. Не наряды выделяли их среди прочих — одеяние простоты и добродетели.

Пророк пересчитал их. Меньше сотни. Так мало. В этом проклятом лесу, несмотря на солнечный день, было так темно. Толстые стволы стояли почти вплотную друг к другу, а небо над головой, затянутое набежавшими облаками, потемнело. Кусты костянницы густо сплелись тонкими ветвями, образуя почти противоестественную преграду, и царапали кожу, точно когтями.

Из-за крутизны восточного склона и густого подлеска войско не сможет пуститься за ним

следом. И хотя пророк сбежал из лагеря Айбара едва ли час назад, он уже чувствовал себя в безопасности. Нужно отправиться на север, где Айбара со своими приспешниками Тьмы их не найдет. Там пророк вновь накопит силы. С Айбара он оставался только потому, что у пророка хватало последователей, чтобы не подпускать к себе приспешников Тьмы, свивших гнездо под крылышком у Айбара.

Верные последователи пророка — храбрые и все до единого ему преданные. И все убиты приспешниками Темного. Он принялся оплакивать их, склонив голову и шепча молитву. К нему присоединились и остальные. Они устали, но глаза их горели рвением. Тот, кто был слаб, тот, кто не был предан до конца, давным-давно либо бежал, либо погиб. С ним были лучшие, сильнейшие — и самые верные. И каждый сразил множество приспешников Тьмы, сразил во имя Дракона Возрожденного.

С их помощью он воспрянет вновь. Но сначала нужно скрыться от Айбара. Сейчас пророк слишком слаб, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Но потом… Потом он убьет его. Да… Сомкнуть пальцы у него на шее… О да…

Пророк еще мог припомнить время, когда его

звали иначе. Ах да — Масима. Те дни для него словно бы прятались в густеющем тумане, как воспоминания из прошлой жизни. И в самом деле, Масима переродился — как перерождаются в Узоре все люди. Отбросив свою прежнюю, недостойную жизнь, он превратился в пророка.

Последние из его людей взобрались на вершину по обрывистому склону. Он плюнул им под ноги. Они подвели его. Трусы! Они должны были сражаться лучше! Он должен был захватить тот город.

Повернувшись, пророк двинулся на север. Местность начала казаться ему знакомой, хотя в Пограничных землях ничего похожего не встречалось. Нужно подняться к предгорьям, перебраться через них и выйти на равнину Алмот. Там были преданные Дракону, они последуют за пророком, пусть даже многие о нем и не слыхали. Там он очень быстро снова станет силен.

Пророк продрался через заросли темного подлеска и вышел на маленькую поляну. За ним спешили его люди. Им вскоре понадобится какая-никакая пища, и нужно будет отправить кого-то на охоту. Но костров не разжигать. Им нельзя привлекать к себе внимания…

— Эй, Масима, — раздался чей-то негромкий

голос.

Он зашипел, разворачиваясь; его люди, сбившиеся вокруг в кучу, потянулись за оружием. У кого-то были мечи, у кого-то — ножи или боевые посохи, нашлась даже пара-тройка секир. Пророк обвел взглядом освещенную тусклым дневным светом прогалину, высматривая обладателя незнакомого голоса. Вскоре он увидел ее — невдалеке, на скалистом выступе, стояла, сложив руки на груди, женщина — с характерным салдэйским носом, чуть раскосыми глазами и короткими, по плечи, черными волосами. Одета она была в зеленое платье для верховой езды.

Фэйли Айбара, жена этого исчадия Тени, Перрина Айбара.

— Взять ее! — завопил пророк, указывая на Фэйли.

Несколько его последователей устремились было к девушке, но большинство замешкалось. Они видели то, чего не заметил он, — Тени в лесу позади жены этого Айбара, полукругом охватившие поляну. Тени имели человеческие очертания, и виднелись поднятые луки с направленными на поляну стрелами.

Фэйли резко взмахнула рукой, и в воздухе мелькнули стрелы. Те из сторонников пророка,

кто по его приказу бросился вперед, упали первыми. Перед тем как рухнуть на глинистую землю, они еще успели что-то выкрикнуть в сторону безмолвного леса. Пророк взревел, каждая стрела словно бы пронзала его собственное сердце. Его возлюбленные последователи! Его преданные сотоварищи! Его дорогие братья!

Стрела ударила его, швырнув навзничь на землю. Рядом, как и раньше, умирали люди. Почему, почему Дракон не защитил их? Почему?! Вдруг прежний ужас вновь вернулся к нему — тот самый страх, что охватил его, когда он увидел, как гибнут его люди, как выкашивают их ряды эти айильские приспешники Тьмы.

В этом виноват Перрин Айбара. Знал бы пророк об этом раньше — в те самые первые дни, еще до того, как он признал лорда Дракона!

— Я виноват, — прошептал пророк, когда пали остатки его последователей. Чтобы остановить некоторых, потребовалась не одна стрела. Это преисполнило его гордостью.

Медленно, превозмогая себя, пророк сумел подняться на ноги, держась рукой за пронзенное стрелой плечо. Слишком много крови он потерял. Голова закружилась, и, не устояв, он упал на колени.

Фэйли спустилась с каменной проплешины и вышла на поляну. Следом за ней шли две женщины в штанах. Вид у них был обеспокоенный, они хотели, чтобы Фэйли оставалась на месте, но та отмахнулась от их протестов и возражений. Приблизившись к пророку, Фэйли плавным движением вытянула нож из висящих у нее на поясе ножен. Превосходный тонкий клинок, с отлитой в виде волчьей головы рукоятью. Это хорошо. Глядя на нож, пророк вспомнил день, когда заслужил право на собственный меч. Тот день, когда отец вручил ему меч.

— Спасибо, Масима, что помог в штурме Малдена, — промолвила Фэйли, остановившись прямо перед ним. Затем она подняла руку и со всей силы вонзила нож Масиме в сердце.

Он завалился на спину, горячая кровь заливала грудь. Полузакрытые веки дрожали. Потом он услышал, как Фэйли говорит своим спутницам:

— Иногда жена должна делать то, чего не может муж. В этот день мы сделали нехорошее дело, но нужное. И моему мужу — ни слова об этом. Он ничего не должен знать.

Голос ее становился все дальше и тише. Пророк пал.

Масима — вот как его когда-то звали. Права

на меч он удостоился в свой пятнадцатый день рождения. Отец так им гордился.

«А теперь все кончено», — подумал он. Не в силах удержать веки, будто бы налившиеся свинцовой тяжестью, Масима закрыл глаза. Он словно падал в бесконечной пустоте. «У меня получилось, отец, или я не справился?»

Ответа не было. И он слился с пустотой, погружаясь в бездонное море мрака.

Глава 1
Слезы стали

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, возле шпиля цвета алебастра, известного как Белая Башня, родился ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Но это было началом.

Ветер закружился вокруг величественной Башни, оглаживая идеально пригнанные камни кладки и хлопая громадными знаменами. Белоснежное сооружение каким-то образом одновременно выглядело изящным и воплощало собой мощь; возможно, оно служило некоей метафорой для тех, кто более трех тысяч лет населял его. Мало кто из взиравших на Башню хотя бы догадывался, что в сердцевине своей она раздроблена и прогнила. Расколота до основания.

Ветер дул, проносясь через город, который казался скорее произведением искусства, чем обычной столицей. Каждое здание было чудом; даже гранитные фасады заурядных лавок, обработанные руками добросовестных каменотесов-огиров, не могли не вызывать восхищения своей поразительной красотой. Там купол был выполнен в виде восходящего солнца. Здесь с самой верхушки здания, крыша которого живо напоминает столкнувшиеся в своем разбеге гребни двух волн, бьет фонтан. Разделенные булыжной мостовой, напротив друг друга стоят высокие трехэтажные дома, которым искусно придан облик девушек. Мраморные творения — наполовину статуи, наполовину жилища, — будто приветствуя, протягивали друг другу каменные руки; их волосы застыли недвижимыми волнами, но при этом они были столь искусно и тонко вырезаны, что казалось, будто на ветру трепещет каждая прядь.

Сами же улицы выглядели куда как менее величественно. О, их расположение было тщательно продумано, они разбегались от Белой Башни точно лучи солнца. Но солнечное сияние меркло из-за груд мусора и отбросов, этих свидетельств людской скученности, вызванной осадой. И вероятно, укрывшиеся в городе беженцы были не

единственной причиной столь удручающего небрежения. Вывески и навесы давно нуждались в чистке и мытье. Кучи сваленного где придется мусора гнили в переулках, привлекая мух и крыс и отвращая всех прочих. По улицам, почти не таясь, праздно шатались какие-то подозрительные субъекты, а стены домов на перекрестках подпирали фигуры не менее злодейского вида. Когда-то подобного сорта личности не смели показываться из темных закоулков и уж точно не вели себя настолько нагло.

И куда смотрит Белая Башня? Где ее закон? Юные балбесы смеялись, утверждая, что в городских бедах виновата осада и что все наладится, стоит только подавить мятеж. Люди постарше лишь качали поседевшими головами и ворчали, мол, никогда еще дела не были так плохи, даже когда свирепые Айил лет двадцать тому назад осадили Тар Валон.

Купцы и торговцы не слушали ни стариков, ни юнцов. У них своих забот хватало, и особенную тревогу вызывала у них Южная гавань — вся торговля, которую вели там с городом по реке, практически замерла. В порту, под присмотром Айз Седай в шали с красной бахромчатой оторочкой, напряженно трудились широкоплечие

и дюжие рабочие. Используя Единую Силу, она удаляла плетения малых стражей и уменьшала прочность камня, а рабочие откалывали куски скалы и оттаскивали их прочь.

Работали они, засучив рукава и открыв взорам поросшие курчавым волосом мускулистые руки. Взмахивая молотами, ломами и кайлами, они обрушивали сталь на древнюю скалу. Пот обильно орошал камень или воду, пока рабочие упорно пробивались через скальную толщу к укорененному в ней началу цепи, перекрывавшей проход в город по реке. Половина этой цепи теперь превратилась в неразрушимый *квейндияр*, прозываемый также камнем мужества. Попытка высвободить и разорвать цепь и открыть гавань Тар Валона для речных судов оказалась крайне утомительным делом; сложенные из камня портовые сооружения — великолепные и крепкие, возведенные при помощи самой Силы, — были единственными зримыми и наиболее заметными для постороннего взора потерями в безмолвной войне между мятежными Айз Седай и их противницами, удерживавшими Башню.

Ветер дул через гавань, где стоявшие без дела грузчики наблюдали за тем, как рабочие долбят каменную кладку, осыпая бело-серой

пылью подернувшуюся рябью воду. Кто был поумнее — хотя, наверное, это и не слишком-то умно, — шептались, что такие предзнаменования означать могут лишь одно. Должно быть, близится Тармон Гай'дон, Последняя битва, и ждать ее недолго.

Ветер покружил и отправился прочь от причалов, миновав высокие белые валы и бастионы, носящие название Сияющих Стен. По крайней мере здесь можно было надеяться на чистоту и бдительность гвардии Башни — гвардейцы стояли на своих постах, сжимая в руках луки. Чисто выбритые, в белоснежных, без единого пятнышка или следа износа накидках-табарах, часовые внимательно смотрели из-за зубцов стен, своей настороженностью напоминая готовую ужалить змею. Преисполненные решимости защищать Тар Валон, лучники считали своим долгом стоять насмерть, но не допустить врага в город. Тар Валон всегда отбивал нападения врага. Да, троллокам удалось прорваться за стены, но их разгромили на городских улицах. Артур Ястребиное Крыло не сумел взять Тар Валон. Даже айильцы в черных вуалях, опустошившие окружающую местность во время Айильской войны, так и не захватили город. Многие назвали слу-

чившееся тогда великой победой. Впрочем, были и те, кто задумывался, что бы случилось, если бы Айил и в самом деле захотели войти в город.

Ветер промчался над западным рукавом реки Эринин, оставляя позади остров Тар Валон, а по правую руку — Алиндейрский мост, высоко повисший над водой и словно бы приглашавший врагов пересечь его — и умереть. Миновав мост, ветер влетел в Алиндейр — одну из многих деревень в ближайших окрестностях Тар Валона. Она практически обезлюдела, так как жители целыми семьями бежали за мост, стремясь найти убежище в городе. Вражеская армия появилась вдруг, нежданно-негаданно, будто бы принесенная вьюгой. Мало кто этому удивился. Возглавляли эту мятежную армию Айз Седай, а те, кто жил в тени Белой Башни, вряд ли стали бы спорить о том, что могут делать Айз Седай, а на что они не способны.

Армия мятежниц находилась в боевой готовности, но в то же время была в ней какая-то неуверенность. Она насчитывала свыше пятидесяти тысяч человек, и ее огромный лагерь — целый городок из палаток — кольцом окружал не столь многочисленные шатры Айз Седай. Между внутренним и внешним лагерями про-

легала строгая граница, этот барьер установили недавно, и он предназначен был не пропускать дальше мужчин, особенно таких, кто способен владеть *саидин*.

Можно было подумать, что обитатели мятежного лагеря обосновались тут надолго. В нем царила атмосфера обыденности, жизнь текла по привычной колее. Повсюду встречались спешащие по каким-то делам фигуры в белом, причем кое-кто был в положенном послушницам платье, а многие носили лишь похожую на него одежду. Если присмотреться, то можно было заметить, что среди последних встречалось немало женщин далеко не юного возраста. У некоторых даже седина в волосах пробивалась. Но ко всем обращались «дитя мое», и они послушно исполняли порученное: стирали белье, выбивали ковры и чистили палатки и шатры под приглядом невозмутимых Айз Седай. И хотя эти Айз Седай и посматривали излишне часто на силуэт Белой Башни, издалека похожей на гвоздь, то ошибся бы тот, кто предположил, будто они нервничают или чем-то встревожены. Айз Седай всегда сохраняют спокойствие. Всегда. Даже сейчас, когда они потерпели страшное поражение: Эгвейн ал'Вир, Престол Амерлин восставших Айз Седай, захва-

чена в плен и заточена в темницу в подземелье Башни.

Ветер потрепал полдесятка платьев, кое-где сорвал развешанное после стирки белье, а потом быстро продолжил свой путь на запад. И мчался он дальше на запад, мимо грозно высящейся Драконовой горы, над чьей зазубренной вершиной курился дым. Пролетел над Черными холмами и через широко раскинувшуюся Каралейнскую степь. Там укрывшийся во впадинах снег еще цеплялся за тени под скалистыми уступами или прятался в глубине редких рощиц горного чернодрева. Уже давно должна была прийти весна, и в эту пору из-под прошлогодней травы должна была пробиваться молодая поросль, а на тоненьких ветвях ив — распускаться почки. Кое-где так и случилось. Тем не менее весь этот край еще дремал, будто не высвободившийся из пут зимней спячки. Земля словно чего-то ждала, затаив дыхание. Неестественно жаркая прошлая осень отхватила добрый кусок от отведенной для зимы поры, иссушив край долгой засухой и уничтожив всю растительность, кроме самой живучей и неприхотливой. Когда же наконец-то наступила зима, то обрушилась она свирепыми ледяными дождями и яростными снежными бурями, при-

неся долгие убийственные морозы. Теперь, когда холод все-таки отступил, немногочисленные фермеры еще тешили себя напрасными надеждами.

Ветер растревожил бурую после зимы прошлогоднюю траву, раскачал голые до сих пор ветви деревьев. На запад он дул, ворвавшись в страну, известную как Арад Доман: гряды холмов и невысокие горные пики, — как что-то вдруг ударило по нему. Нечто невидимое, нечто порожденное отдаленным мраком на севере. Нечто, что текло совершенно против естественных воздушных потоков и течений. Ветер был поглощен этим «нечто», дувшим на юг резкими порывами, над вершинами низких гор и гребнями бурых предгорий, — к большому бревенчатому дому, одиноко затерявшемуся среди поросших соснами холмов восточного Арад Домана. Ветер дул мимо усадьбы и шатров, расставленных на обширном поле рядом с ним; от сильных порывов шуршала хвоя и сотрясались палатки.

Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, стоял и глядел в окно, заложив за спину руки. Он по-прежнему думал о них как о «руках», хотя по-настоящему рука теперь у него осталась только одна. Левая оканчивалась культей. Коснувшись ее пальцами здоровой руки, он ощутил гладкую,

исцеленную посредством саидар кожу. Но его чувства говорили ему, что вторая кисть должна быть на месте.

«Сталь, — подумал Ранд. — Я — сталь. Случившегося не исправить, и я должен идти дальше».

Особняк — сложенный из толстых сосновых и кедровых бревен, в излюбленном богатыми доманийцами стиле, — постанывал и словно бы приседал под порывистым ветром. Что-то в этом ветре несло с собой запах тухлого мяса. Впрочем, в эти дни в таком запахе не было ничего необычного. Бывало, мясо портилось совершенно неожиданно, иногда всего несколько минут спустя после свежевания туши. Попытки вялить или засаливать мясо ни к чему не приводили. Все дело в прикосновении Темного к миру, и с каждым днем его воздействие нарастало. Сколько времени осталось до того, как оно охватит всё и вся, маслянисто-тошнотворное, как порча, что некогда мерзкой пленкой затягивала *саидин*, мужскую половину Единой Силы?

Ранд стоял в просторной и длинной комнате, внешняя стена которой угадывалась по округлости бревен. Остальные стены обшивали сосновые доски — все еще хранившие слабый аромат смолы, древесины и морилки. Скудную обстановку

составляли меховой коврик на полу, повешенная крест-накрест над камином пара древних мечей и деревянная мебель, с нарочито оставленной кое-где корой. Весь интерьер словно бы говорил: этот дом — идиллический уголок в тихом лесу, вдали от суеты больших городов. И не какая-то там хижина, разумеется, — дом для этого был слишком велик и обихожен. Скорее, уединенное убежище.

— Ранд? — раздался тихий голос.

Он не обернулся, но почувствовал, как пальцы Мин коснулись его предплечья. Через миг ее руки скользнули по его бокам, и девушка обняла юношу, и Ранд почувствовал, как ее голова легла ему на плечо. Через связывающие их узы он ощущал ее озабоченность. Она волновалась за него.

«Сталь», — подумал Ранд.

— Я знаю, тебе не нравится… — заговорила Мин.

— Сучья, — промолвил Ранд, кивком указывая в окно. — Видишь те сосны? Вон там, у самого лагеря Башира?

— Да, вижу. Но, Ранд…

— Они клонятся не в ту сторону, — сказал Ранд.

Мин притихла, и хотя ни единым движением

себя не выдала, узы донесли до Ранда колючки тревоги. Окно комнаты, находившейся на самом верхнем этаже дома, смотрело на воинский лагерь, рядом с ним на флагштоках гордо развевались стяги: знамя Света и Рандово знамя Дракона. О присутствии главы Дома Башир свидетельствовал третий флаг, намного меньше других: на голубом поле — три простых красных цветка под названием «королевский пенни». И все три знамени полоскались на ветру… вот только в считаных шагах от них иголки на сосновых ветвях клонились в *противоположную* сторону.

— Темный шевелится, Мин, — сказал Ранд.

Он бы подумал, что странности с ветрами связаны с тем, что он сам — та'верен, но события, которые он вызывал, всегда относились к числу возможных. Но чтобы ветер дул одновременно в двух разных направлениях… нет, он чувствовал неправильность в движении тех сосновых иголок, даже если рассмотреть отдельные иголки и не получалось. Зрение у Ранда по сравнению с тем, каким оно было до нападения в тот день, когда он потерял руку, стало определенно хуже. Он как будто… как будто смотрел через слой воды на что-то искаженное. Впрочем, зрение, постепенно и понемногу, но улучшалось.

Этот дом являлся лишь очередным пристанищем в длинной череде дворцов, усадеб и прочих уединенных особняков, служивших в последние несколько недель прибежищами Ранду. После неудачной встречи с Семираг он не хотел задерживаться на одном месте и постоянно менял свои убежища. Ему требовалось время — для того, чтобы подумать, поразмышлять и по возможности сбить со следа ищущих его врагов. Очень жаль, что стало известно о поместье лорда Алгарина в Тире. Хорошее было убежище. А теперь Ранду не стоит подолгу оставаться на одном месте.

Внизу, на лугу — открытом пространстве зеленой травы возле особняка, окруженном рядами елей и сосен, — салдэйцы Башира занимались обустройством походного лагеря. Впрочем, называть в нынешние дни луг «зеленым» можно лишь из иронии. Даже до прибытия армии он не был зеленым — сквозь заплаты прошлогодней бурой травы лишь кое-где неохотно пробивалась новая поросль. Да и та выглядела болезненной и имела желтоватый цвет, а теперь ее совсем вытоптали лошадиные копыта и солдатские сапоги.

Луг покрылся палатками и шатрами. С высоты второго этажа Ранд видел аккуратные ряды маленьких островерхих палаток, напомнивших

ему расчерченные на квадраты доски для игры в камни. Странный ветер не остался незамеченным солдатами. Кое-кто указывал пальцем на необычно ведущие себя ветки, остальные же продолжали заниматься обыденными делами: чистили, опустив головы, доспехи, носили к коновязям ведра с водой, точили мечи или острили наконечники кавалерийских пик. Ладно хоть не снова явление оживших мертвецов. Даже самые крепкие духом могут утратить волю, коли мертвые восстают из могил, а Ранду необходима сильная и боеспособная армия.

Необходимость. Давно уже не было речи о том, чего хочет сам Ранд, о том, каковы его желания. Отныне он сосредоточен только на том, что необходимо, а больше всего ему нужны жизни тех, кто пошел за ним. Нужны солдаты, которым суждено сражаться и погибать ради того, чтобы приготовить мир к Последней битве. Тармон Гай'дон все ближе. И ему нужно, чтобы все они были сильны — дабы победить.

Вдалеке, на левой стороне луга, по склону невысокого холма, на котором стоял дом, сбегал ручей. Поток вился среди пожелтевшего цепкого камыша и падуболистных дубов, на которых только-только набухали почки. Вообще-то гово-

ря, ручей был не слишком полноводен, но для небольшой армии служил превосходным источником свежей воды.

Возле самого окна ветер вдруг исправился, и знамена захлопали и развернулись в другую сторону. Выходит, сосновые ветки были ни при чем, а это знамена развевались неправильно. Мин испустила едва слышный вздох, и Ранд почти физически ощутил ее облегчение, хотя она и не перестала волноваться за него. В последнее время девушка постоянно испытывала беспокойство. Ранд ощущал, что это чувство не оставляет всех четырех женщин, каждая из них представляла собой клубок эмоций, которые он поглубже запрятал в закоулки своего сознания. Трем женщинам он сам позволил соединиться с ним узами, а последняя связала его с собой узами против его желания. Одна из них сейчас приближалась к нему. Авиенда — она вместе с Руарком направлялась в усадьбу на встречу с Рандом.

Все четыре женщины пожалеют, что решили связать себя узами с ним. Ранду хотелось, чтобы он сам жалел о том, что позволил им так поступить — или, по крайней мере, позволил так поступить трем, кого любил. Но правда в том, что ему необходима Мин, нужна ее сила и ее любовь.

И он использует ее так, как использовал многих других. В его душе нет места сожалениям. Ему лишь хотелось, чтобы он с той же легкостью смог избавиться от чувства вины.

«Илиена! — в голове Ранда прозвучал далекий-далекий голос. — Любовь моя...» Сегодня Льюс Тэрин Теламон, Убийца Родичей, вел себя сравнительно тихо. Ранд старался не задумываться о том, что наговорила Семираг в тот день, когда он лишился кисти руки. Она была одной из Отрекшихся; она сказала бы все, что угодно, если бы считала, что брошенные ею слова причинят боль.

«Как-то, дабы показать, на что способна, она подвергла пыткам целый город, — прошептал Льюс Тэрин. — Она убила тысячу человек тысячью различными способами, чтобы проверить, чем отличаются крики жертв. Но она редко лжет. Очень редко».

Ранд поглубже загнал этот голос.

— Ранд, — произнесла Мин тише, чем прежде.

Он повернулся и посмотрел на девушку. Она была гибкой, из-за ее изящного сложения ему нередко казалось, будто он намного выше Мин ростом. Ее волосы лежали короткими темными локонами — но не такими темными, как ее без-

донные заботливые глаза. Как и всегда, на ней были куртка и штаны — сегодня она предпочла темно-зеленый цвет, очень напоминающий оттенок сосновой хвои. И, будто бы в противоречие ее простому выбору, сама одежда Мин подчеркивала линии ее фигуры. Серебряная вышивка в виде парных колокольчиков украшала обшлага, из-под которых выглядывали кружевные манжеты. От девушки исходил слабый аромат лаванды — наверное, от мыла, с которым она недавно умывалась.

Непонятно, зачем носить штаны и при этом отделывать одежду кружевами? Ранд давно уже отказался от попыток понять женщин. Все равно это не поможет ему добраться до Шайол Гул. Кроме того, чтобы использовать женщин, ему незачем их понимать. Особенно если они обладают необходимыми ему сведениями.

Он скрипнул зубами. «Нет, — подумал Ранд. — Нет, есть черта, которую я не переступлю. Есть вещи, которые даже я не буду делать».

— Снова о ней думаешь, — промолвила Мин едва ли не обвиняющим тоном.

Ранду нередко приходила в голову мысль, а не существуют ли такие узы, которые действуют только в одну сторону? Жаль, что он о них не

знает, иначе многое бы отдал за то, чтобы ими воспользоваться…

— Ранд, она Отрекшаяся! — продолжила Мин. — Она не задумываясь убила бы всех нас.

— Меня она убивать не собиралась, — тихо произнес Ранд, отворачиваясь от Мин и вновь устремляя взор в окно. — Она хотела забрать меня себе.

Мин передернуло от отвращения. Боль, тревога. Она думала о том мерзком мужском ай'дам, который тайно принесла Семираг, выдав себя за Дочь Девяти Лун. Маскировка с Отрекшейся была сорвана благодаря *тер'ангриалу* Кадсуане, что позволило Ранду опознать Семираг. Или, вернее, дав Льюсу Тэрину возможность ее опознать.

За пленение одной из Отрекшихся Ранду пришлось расплатиться потерей руки. Когда он в прошлый раз оказался в схожей ситуации, все кончилось не слишком хорошо. Ранд по-прежнему не знал, куда девался Асмодиан, и не понимал, с какой стати этому скользкому проныре вообще вздумалось сбежать, но подозревал, что тот выдал многие его планы и намерения.

«Нужно было убить его. Нужно было всех их убить».

Ранд кивнул, а потом замер. Это были мысли

Льюса Тэрина или его собственные? «Льюс Тэрин, ты здесь?» — подумал Ранд.

Ему показалось, что он услышал смех. Или же, возможно, то были всхлипы.

«Чтоб тебе сгореть! — подумал Ранд. — Поговори со мной! Времени все меньше. Мне необходимо знать то, что знаешь ты! Как ты запечатал узилище Темного? Что пошло неверно и почему узилище оказалось с изъяном? Говори же!»

Да, это определенно рыдания, а не смех. Порой трудно было понять, плачет Льюс Тэрин или смеется. Что бы там ни утверждала Семираг, Ранд продолжал думать о мертвеце как о другом человеке, отделяя его от себя. Он же очистил саидин! Порча исчезла, и больше она не могла влиять на его разум. Нет, он не сойдет с ума.

«Он может погрузиться в полное и окончательное безумие… в любой момент». Ранд вновь слышал слова Семираг, сказанные ею во всеуслышание. В конце концов его тайна перестала быть тайной. Но у Мин было видение, что Ранд сольется с другим мужчиной. Разве это не означает, что он и Льюс Тэрин — два разных человека, две личности, заключенные в одно тело?

«И не важно, что этот голос реален, — говорила Семираг. — Это, скорее, даже к худшему…»

Ранд наблюдал за отрядом из шести солдат, проверявших коновязи, что тянулись вдоль правой стороны луга, между последним рядом палаток и опушкой леса. Солдаты по одному осматривали копыта у лошадей.

Ранд не мог думать о своем безумии. И о том, что с Семираг делала Кадсуане, он тоже думать не мог. Так что размышлять оставалось лишь о своих планах. «Север с востоком должны стать едины. Запад и юг должны стать едины. Двое должны стать одним целым». Такой ответ он получил от необычных существ по ту сторону портала из краснокамня. Это-то он и обязан сделать.

Север и восток. Он должен заставить эти страны примириться, хотят они того или нет. На востоке у него сохранялось шаткое равновесие, и в том или ином виде он контролировал Иллиан, Майен, Кайриэн и Тир. Шончан господствовали на юге, взяв под свою власть Алтару, Амадицию и Тарабон. В скором времени Муранди может оказаться в их руках, если они двинутся в том направлении. Так что остаются Андор и Илэйн.

Илэйн. Она находилась далеко на востоке, но он по-прежнему ощущал ее присутствие — как клубок чувств у себя в голове. На таком расстоянии сложно определить, но ему казалось, что

она испытывает… облегчение. Значит ли это, что борьба Илэйн за власть в Андоре идет успешно? А те армии, что обложили ее? И каких целей добиваются те порубежники? Они оставили свои посты и гарнизоны и, объединившись, направились маршем на юг, на поиски Ранда, но так и не дав объяснений, чего от него хотят. Эти воины — из лучших к западу от Хребта Мира. В Последней битве их помощь была бы неоценима. Но они покинули северные страны. Почему?

Но Ранд не хотел встречаться с ними, опасаясь, что встреча может вылиться в еще одно столкновение. Сейчас он не вправе допускать новое сражение. О Свет! Он-то думал, что на кого-кого, а на порубежников можно будет положиться! В борьбе с Тенью он рассчитывал на их поддержку.

Ну, не важно — пока не важно. Относительное спокойствие — или нечто к этому близкое — установлено в большинстве стран. Ранд старался не вспоминать о недавно усмиренном восстании, что подняли против него в Тире, или о неустойчивости границ с занятыми шончан землями, или о тех интригах и заговорах, что плетет в Кайриэне знать. Всякий раз, когда он полагал, будто в какой-то стране добился спокойствия, то чуть ли не

десяток других охватывали разброд и смута. Как можно принести мир людям, которые не желают мириться с этим миром?

Пальцы Мин крепче сжали его руку, и Ранд глубоко вдохнул. Он делает, что может, и на данный момент у него есть две цели. Мир в Арад Домане и перемирие с шончан. Слова, услышанные им по ту сторону портала, теперь понятны: он не в состоянии сражаться разом и с шончан, и с Темным. Он должен удержать шончан от наступления, пока не завершится Последняя битва. А потом — да сожжет их всех Свет.

Почему шончан упорно игнорируют его просьбы о встрече? Неужели обозлены тем, что он захватил Семираг? Он же отпустил сул'дам. Разве это не свидетельствует о его честных намерениях? Арад Доман подтвердит его устремления. Если Ранд сумеет положить конец боям на равнине Алмот, то продемонстрирует шончан, что серьезно настроен в своем стремлении к миру. Он заставит их в этом убедиться!

Ранд вздохнул, по-прежнему глядя в окно. Солдаты восьмитысячного отряда Башира устанавливали островерхие палатки, обносили луг земляной стеной и окапывали его рвом. Растущий темно-коричневый вал резко контрастировал с

белизной шатров и палаток. Ранд распорядился, чтобы Аша'маны помогали в земляных работах, и хотя он сомневался, что возиться с землей им доставляет удовольствие, они в значительной мере их ускоряли. Кроме того, Ранд подозревал, что Аша'маны — как и он сам, — не выказывая того, втайне радуются любой возможности обратиться к саидин. Он видел, как немногочисленную группу в плотных черных куртках обвивали потоки плетений, когда Аша'маны прокапывали очередную траншею. В лагере их было десять человек, хотя звание полного Аша'мана имели только Флинн, Наэфф и Наришма.

Салдэйцы в коротких куртках трудились споро: кто чистил лошадей, кто расставлял коновязи. Другие, вооружившись лопатами, выравнивали и утрамбовывали оставшиеся после действий Аша'манов груды земли, превращая их в оборонительный бастион. На многих лицах горбоносых салдэйцев Ранд читал недовольство. Им не нравилось, что лагерь разбит практически в лесу, пусть даже в таком редком, как этот сосняк на вершине холма. Деревья мешают кавалерийской атаке и дают противнику возможность подобраться незамеченным.

По лагерю неспешно ехал верхом сам Даврам

Башир, коротко и властно раздавая приказы из-под густых усов. Рядом с Баширом ступал тучный мужчина в длинном кафтане и с тонкими, на доманийский манер, усиками. Это был знакомец Башира, лорд Теллаэн.

Приняв у себя Ранда и дав пристанище войскам Дракона Возрожденного, лорд Теллаэн сильно рисковал — подобное могли расценить как измену. Но кто покарает его? Арад Доман погряз в хаосе, трону угрожают несколько мятежных фракций. И еще есть знаменитый доманийский военачальник Родел Итуралде, который на удивление успешно ведет на юге войну с шончан.

Как и его солдаты, Башир был сейчас без доспехов и оружия. Одежду его составляли короткая синяя куртка и излюбленные им мешковатые штаны, заправленные ниже колен в сапоги. Интересно, как относится Башир к тому, что оказался пойман в паутину та'верена, которым был Ранд? Он ведь поступал если не наперекор воле своей королевы, то, по крайней мере, не согласуя с нею свои действия. Что не могло не вызывать тревогу. Когда в последний раз Башир отправлял доклад своему законному правителю? Разве он не обещал Ранду поддержки своей королевы и скорого прибытия от нее подмоги? Сколько месяцев

минуло с той поры?

«Я — Дракон Возрожденный, — подумал Ранд. — Я разбиваю все скрепы, освобождаю от всех обетов. Верность прежним сеньорам не имеет значения. Важен лишь Тармон Гай'дон». Тармон Гай'дон — и слуги Тени.

— Не удивлюсь, если мы обнаружим тут Грендаль, — задумчиво произнес Ранд.

— Грендаль? — спросила Мин. — С чего ты взял, что она тут окажется?

Ранд покачал головой. Про Грендаль в Арад Домане говорил Асмодиан, пусть и было то много месяцев назад. Может, она покинула страну? Представлялось вполне правдоподобным, что Отрекшаяся по-прежнему оставалась в Арад Домане — в одном из крупных государств, которые она могла сделать своей базой. Тайные убежища Грендаль предпочитала устраивать подальше от тех земель, где скрывались прочие Отрекшиеся; посему она не стала бы выбирать для себя Андор, Тир или Иллиан. И вряд ли Грендаль обосновалась бы где-нибудь на юго-западе, поскольку страны там подверглись вторжению шончанских войск.

У нее должно быть укромное логово где-то в другом месте. Так она обычно действовала. Веро-

ятно, в горах, в глухом уголке, где-то на севере. Ранд не мог уверенно сказать, что Грендаль находится в Арад Домане, однако такой вывод казался верным, судя по тому, что ему известно о ней. Что о ней известно Льюсу Тэрину.

Но это всего-навсего лишь возможность. В розысках Грендаль нужно соблюдать осторожность. Каждый Отрекшийся, от которого он избавится, намного облегчит и упростит ему Последнюю битву. А если это будет…

До его слуха донеслись тихие шаги — кто-то приближался к закрытой двери, ведущей в комнату.

Ранд отпустил Мин, и оба они резко развернулись к двери; он потянулся было за мечом — совершенно напрасный теперь жест. Утрата кисти, пусть и левой, а не правой руки — главной для фехтовальщика, — сделала его уязвимым в бою с опытным противником. И хотя саидин служила Ранду намного более могучим оружием, самым первым его порывом было схватиться за меч. Он должен побороть этот свой инстинкт. Из-за него в один не самый прекрасный день Ранда могут и убить.

Дверь отворилась, и через порог шагнула Кадсуане — темноглазая, с угловатым лицом, красивая

и уверенная в себе, будто королева в окружении придворных. Ее темно-серые волосы были уложены в пучок, с которого свисало с дюжину крохотных золотых украшений — каждое из них было либо тер'ангриалом, либо *ангриалом*. Платье Кадсуане носила простое, из толстой шерсти, перехваченное на талии желтым поясом, и желтая же вышивка украшала ворот. Само платье было зеленого цвета, что совершенно неудивительно, поскольку именно к Зеленой Айя и принадлежала Кадсуане. У Ранда же порой возникало чувство, что ее суровое лицо — без всякого признака возраста, как и у любой Айз Седай, долгое время имевшей дело с Силой, — куда лучше подошло бы сестре из Красной Айя.

Ранд расслабил пальцы, сжимавшие эфес меча, но руку с оружия убирать не спешил. Он провел пальцами по обмотке рукояти. Длинный клинок был слегка изогнут, лакированные ножны украшены рисунком — изгибающийся красно-золотой дракон. Меч выглядел так, будто специально был сделан для Ранда, однако изготовили его многие столетия тому назад и обнаружили зарытым в земле лишь совсем недавно. «Как странно, что его отыскали именно сейчас, — подумал Ранд, — и преподнесли мне в дар, совершенно не понимая,

что это такое...»

Получив этот меч, Ранд сразу же стал носить его при себе. Оружие, которого он касался пальцами, казалось, заняло положенное ему место. Никому, даже Мин, он не сказал, что узнал клинок. И что удивительно, знание это пришло к нему не из воспоминаний Льюса Тэрина — оно явилось из памяти самого Ранда.

Кадсуане была не одна. Вместе с ней — вполне ожидаемо — пришла и Найнив; нередко в последнее время она неотступно следовала за Зеленой сестрой, чем напоминала Ранду кошку, настороженно сопровождающую конкурентку, которой вздумалось посягнуть на чужую территорию. Вероятно, так Найнив поступала из-за него. Темноволосая Айз Седай, что бы сама ни говорила, не переставала быть Мудрой Эмондова Луга и готова была дать отпор всякому, кто, по ее мнению, обижал ее подопечных. Учить их уму-разуму и ругать имела право, разумеется, только одна Найнив.

Сегодня она надела серое платье, повязав на талии желтый кушак поверх пояса — по последней доманийской моде, как слыхал Ранд, — и на лбу у нее красовалась уже ставшая привычной красная точка. К тому же на ней сверкали длинное золотое ожерелье и тонкий золотой

поясок, им по стилю соответствовали усыпанные алыми, зелеными и синими самоцветами браслеты и кольца. Украшения были тер'ангриалами — вернее, несколько из них были вдобавок и ангриалами, — сравнимыми с теми, что имелись у Кадсуане. Ранду доводилось слышать, как Найнив ворчала, что к ее тер'ангриалу, с этакими-то безвкусно яркими камнями, почти невозможно подобрать подходящую одежду.

Так что появление Найнив сюрпризом не было, чего нельзя было сказать в отношении Аливии. Ранд не знал, что бывшую дамани привлекли к… получению сведений. Однако поскольку она, как предполагали, превосходит Найнив по уровню Единой Силы, то, вероятно, ее позвали для поддержки. Когда дело касается Отрекшихся, никакая предосторожность не будет лишней.

В волосах Аливии виднелись белые пряди, и ростом она была лишь чуть выше Найнив. Ее седые волосы говорили о многом — любой признак седины у женщины, владеющей Единой Силой, свидетельствовал о возрасте. О значительном возрасте. Аливия утверждала, что ей четыреста лет. Сегодня бывшая дамани нарядилась в вызывающе красное платье, словно бы нарочно стремясь выделиться. Большинство дамани, будучи

освобождены от привязи, все равно продолжали вести себя робко и пугливо. Но не Аливия — в ней крылись сила и целеустремленность, которые заставляли вспомнить о белоплащниках.

Ранд ощутил, как напряглась Мин, почувствовал ее недовольство. Рано или поздно Аливия должна помочь ему умереть. Таково было одно из видений Мин — а видения Мин всегда сбывались. Если не считать того, что, по собственному признанию Мин, в отношении Морейн она оказалась не права. Возможно, это означает, что ему не придется…

Нет. Все, что заставляет его задумываться о том, как уцелеть в Последней битве, все, что вселяет надежду, опасно. Нужно быть твердым, чтобы встретить уготованную ему судьбу. Нужно быть твердым, чтобы не дрогнув принять смерть, когда придет его час.

«Ты говорил, что мы умрем, — произнес в глубинах его сознания Льюс Тэрин. — Ты обещал!»

Кадсуане, ни слова не промолвив, пересекла комнату и налила себе кубок приправленного пряностями вина, что стояло на маленьком прикроватном столике. Потом Айз Седай уселась на стул, сработанный из древесины можжевельника. Ладно хоть она не потребовала, чтобы он ей

вина налил. С нее такое станется.

— Ну, что вы узнали? — спросил Ранд, отходя от окна и наливая кубок вина себе.

Мин подошла к кровати — с рамой из кедровых плах и с передней спинкой из окорённого дерева, протравленного до глубокого красновато-коричневого цвета, — и села, сложив руки на коленях. Девушка внимательно следила за Аливией.

Резкий тон Ранда заставил Кадсуане приподнять бровь. Он вздохнул, загоняя раздражение подальше. Он попросил Кадсуане стать его советницей, ценой чему стало согласие с ее условиями. Мин говорила, что в будущем он научится у Кадсуане чему-то важному — таково было другое видение Мин, — и, говоря начистоту, данные ею советы не раз оказывались полезными. Так что с ее постоянными требованиями блюсти приличия вполне можно было примириться.

— Как прошли допросы, Кадсуане Седай? — осведомился Ранд более спокойным тоном.

Она отстраненно улыбнулась.

— Неплохо.

— Неплохо? — взорвалась Найнив. Хорошо ей — она-то не давала Кадсуане обещаний быть любезной. — Эта женщина кого угодно из себя выведет!

Кадсуане потягивала вино.

— Любопытно, дитя мое, чего еще другого ждать от Отрекшейся. У нее с избытком было времени на то, чтобы научиться… людей из себя выводить.

— Ранд, эта… эта тварь — все равно что камень, — поворачиваясь к нему, заявила Найнив. — Сколько дней ее допрашивали, а она из себя выдавила в лучшем случае одно-единственное предложение, от которого есть для нас хоть какой-то толк! Она лишь объясняет, насколько мы ей не ровня, какие мы отсталые и неразвитые. Ну, порой еще высказывается, что намерена в конце концов всех нас убить.

Найнив потянулась было к своей длинной косе — но, спохватившись, отдернула руку. В последнее время она вполне успешно боролась с привычкой дергать себя за косу в гневе или раздражении. Ранд терялся в догадках, с какой стати обеспокоена Найнив, ведь ярости своей она и не скрывает.

— Судя по живописному описанию этой девочки, — заметила Кадсуане, кивком указав на Найнив, — суть ситуации она ухватила весьма точно. Пфф! Когда я сказала «неплохо», то нужно было воспринимать это как «настолько хорошо, как можно ожидать, учитывая стесняющие нас

ограничения». Если художнику глаза завязать, то потом нечего удивляться, что он ничего не нарисовал.

— Речь не об искусстве, Кадсуане, — сухо произнес Ранд. — А о пытках.

Мин посмотрела ему в глаза, и он ощутил ее беспокойство. Беспокойство за него? Не его же пытать должны.

«Сундук, — прошептал Льюс Тэрин. — Нам надо было умереть в сундуке. Тогда бы… Тогда бы все кончилось».

Кадсуане потягивала вино. Ранду незачем было пробовать его на вкус — он и так знал, что пряности такие жгучие, что вино превратилось в донельзя противное питье. Но лучше так, чем что-то альтернативное.

— Ты требуешь от нас результатов, мальчик мой, — сказала Кадсуане. — И в то же время сам лишаешь нас необходимых инструментов. Можешь называть это пыткой, допросом, хоть *запеканием*, но, по-моему, это глупость. Вот если бы нам было позволено…

— Нет! — прорычал Ранд, обрывая ее взмахом руки… нет, культи. — Вы не будете ей ни угрожать, ни причинять боль.

«Посаженный в темный сундук, откуда время

от времени выволакивают наружу и избивают». Он не позволит, чтобы таким образом обращались с женщиной, оказавшейся в его власти. Пусть даже это Отрекшаяся.

— Допрашивайте ее сколько угодно, но некоторых вещей я не допущу.

Найнив презрительно фыркнула:

— Ранд, это же Отрекшаяся! Она опасна, опаснее некуда!

— Что она опасна, я и так знаю, — тихим голосом произнес Ранд, подняв покалеченную левую руку и показывая ей культю. В свете лампы металлом блеснул ало-золотой вытатуированный дракон. Голову дракона поглотил Огонь, который едва не погубил самого Ранда.

Найнив сделала глубокий вдох и сказала:

— Что ж, тогда ты должен понять, что к ней обычные правила неприменимы!

— Я сказал «нет»! — ответил Ранд. — Допрашивай ее, но ничего с ней не делай!

«Только не с женщиной. Я буду держаться за этот лучик света в своей душе. Я уже и так принес смерть и горе слишком многим женщинам».

— Если таково твое требование, мальчик мой, — скупо заметила Кадсуане, — тогда так и будет. Только не хнычь, когда нам не удастся вы-

тащить из нее то, что она ела вчера на завтрак, а тем более — сведения о местонахождении других Отрекшихся. Можно только задаваться вопросом, почему ты вообще настаиваешь на продолжении подобного фарса. Вероятно, нам стоит просто передать ее Белой Башне и покончить с этим делом.

Ранд отвернулся. Солдаты на лугу уже закончили оборудовать коновязи. Выглядели те хорошо — выровненные и прямые, и каждой лошади отведено ровно столько места, сколько нужно.

Отдать ее Белой Башне? Такого не будет никогда. Кадсуане не выпустит Семираг из своих рук, пока не добьется от Отрекшейся ответов на интересующие ее вопросы. За окном по-прежнему дул ветер, и знамена развевались у Ранда перед глазами.

— Передать ее Белой Башне, говорите? — произнес он, поворачиваясь и глядя на Кадсуане и Найнив. — Какой Белой Башне? Вы готовы доверить ее присмотру Элайды? Или имеете в виду других? Сомневаюсь, что Эгвейн обрадуется, если я вдруг подкину ей одну из Отрекшихся. С Эгвейн станется просто отпустить Семираг, а вместо нее схватить меня, дабы заставить преклониться перед правосудием Белой Башни. Где меня по-

том укротят, превратив в очередной охотничий трофей.

— Ранд! — нахмурившись, воскликнула Найнив. — Эгвейн никогда…

— Она — Амерлин, — отозвался он и осушил свой кубок с вином одним глотком. Вино было таким же отвратительным на вкус, каким он его помнил. — Айз Седай до мозга костей. Я для нее лишь пешка.

«Да, — откликнулся Льюс Тэрин. — Нам нужно держаться подальше от них. Знаешь, они отказались нам помочь. Отказались! Сказали, что мой план безрассуден. Вот я и остался лишь с Сотней спутников, и не было ни одной женщины, чтобы сформировать круг. Предательницы! Это всецело их вина. Но… но ведь именно я убил Илиену. Почему?»

Найнив что-то сказала, но Ранд не обратил внимания на ее слова. «Льюс Тэрин? — обратился он к голосу. — Что ты сделал? Женщины не стали помогать? Почему?»

Но Льюс Тэрин вновь принялся всхлипывать, и голос его стал отдаляться.

— Скажи мне! — закричал Ранд, швыряя кубок на пол. — Чтоб тебе сгореть, Убийца Родичей! Ответь мне!

В комнате воцарилась тишина.

Ранд заморгал. Он никогда… ни разу не пытался разговаривать вслух с Льюсом Тэрином там, где его могли услышать. И они знали. Семираг говорила о голосе, который он слышит, и притом не обращала внимания на Ранда, словно бы тот был заурядным безумцем.

Ранд поднял руку, чтобы провести пятерней по волосам. Вернее, попытался… так как это была та рука, что превратилась в культяпку, и все окончилось ничем.

«О Свет! — мысленно воскликнул он. — Я теряю над собой контроль. Зачастую я не понимаю, чей это голос — мой или его. Когда я очистил саидин, все же должно было стать лучше! Я вроде бы должен был оказаться вне опасности…»

«Кругом опасность, — пробормотал Льюс Тэрин. — Мы уже безумны. Теперь возврата нет». Он захихикал, но смешок быстро перешел в рыдания.

Ранд обвел взглядом комнату. В темных глазах Мин он увидел такую тревогу, что поторопился отвернуться. Аливия, наблюдавшая за разговором о Семираг так, будто видела собеседников насквозь, ответила Ранду всепонимающим взглядом. Даже слишком понимающим. Найнив

наконец-то уступила давней привычке и то и дело подергивала косу. Кадсуане же на сей раз не стала бранить юношу за гневную вспышку. Вместо этого она просто поднесла к губам кубок с вином. Как она пьет эту отраву?

Мысль была обыденной. Нелепой. Ранду хотелось рассмеяться. Только он был не в состоянии издать ни звука. Даже мрачный юмор не помогал ему, вообще ничего не помогало. «О Свет! Я так больше не могу. Перед глазами все как в тумане, рука обожжена и искалечена, а старые раны в боку открываются, стоит только вдохнуть поглубже. Я высох, точно вычерпанный до дна колодец. Нужно заканчивать тут свои дела и отправляться к Шайол Гул».

«Иначе от меня ничего не останется. И что тогда убивать Темному?»

Подобная мысль веселого смеха не вызовет. От нее впору впасть в отчаяние. Но Ранд не плакал, ведь он — сталь, а стали слезы неведомы.

Наверное, покамест им на двоих хватит рыданий и слез одного Льюса Тэрина.

Глава 2
Сущность боли

Эгвейн встала и выпрямилась, спина словно в огне горела от ставших уже привычными ударов, нанесенных рукой наставницы послушниц. Она чувствовала себя ковром, из которого старательно выбивали пыль. Несмотря на это, девушка спокойно расправила белые юбки и, повернувшись к зеркалу, аккуратно промокнула уголки глаз. Всего лишь по слезинке в каждом глазу. Эгвейн улыбнулась своему отражению и вместе с ним одобрительно кивнула себе.

Серебристая поверхность зеркала отражала маленькую, отделанную темным деревом комнату за спиной девушки. Обстановка была весьма строгой — прочный табурет в углу, сиденье которого потемнело и истерлось от многолетнего использования. Массивный письменный стол наставницы послушниц с единственным толстым фолиантом на нем. Другой стол — узкий, стоявший позади Эгвейн, — украшала резьба, но гораздо большее внимание он привлекал к себе кожаной обивкой столешницы. Именно на

нее ложились многие послушницы — и даже принятые, — чтобы понести наказание за непослушание. Эгвейн могла себе представить, как от бесконечных потоков слез постепенно темнеет столешница. Сама Эгвейн тоже не раз проливала здесь слезы.

Но не сегодня. Всего две слезинки, и ни одна не скатилась со щек. Не оттого, что ей не было больно, — нет, все тело просто пылало от побоев. Ведь чем дольше она отвергала власть над собой Белой Башни, тем сильнее становились избиения. Но с частотой и жестокостью наказаний росла и крепла решимость Эгвейн перенести побои. Она еще не научилась принимать боль так, как айильцы, но чувствовала, что близка к этому. Айильцы могли смеяться и под самыми жестокими пытками. Что ж, Эгвейн могла улыбаться после очередного наказания.

Каждый удар ремня, каждая вспышка боли были победой. А победа — всегда причина для радости, и притом не важно, насколько уязвлена гордость или как сильно горит кожа.

В отражении в зеркале Эгвейн также увидела стоявшую у стола позади нее женщину. То была сама наставница послушниц. Хмурясь, Сильвиана смотрела на кожаный ремень у себя в руках.

На ее квадратном, лишенном возраста лице отражалась лишь тень удивления. Она рассматривала ремень как нож, который вдруг отказался резать, или лампу, которая не стала светить.

Сильвиана принадлежала к Красной Айя, о чем говорили кайма ее простого серого платья и бахрома шали на плечах. Она была высокой и крепкой, черные волосы зачесаны назад и собраны в узел на затылке. Во многих отношениях Эгвейн считала ее едва ли не образцом наставницы послушниц. Даже притом, что та назначала Эгвейн невероятное число наказаний. Возможно, именно поэтому. Сильвиана исполняла свой долг. Видит Свет, как мало в Башне тех, о ком можно так сказать в последнее время!

Сильвиана подняла взор и встретилась в зеркале взглядом с Эгвейн. Наставница послушниц поспешно отложила ремень и стерла с лица даже намек на какие-то эмоции. Эгвейн спокойно повернулась.

Сильвиана вздохнула, что было ей несвойственно.

— Когда же ты сдашься, дитя мое? — спросила она. — Должна признать, то, как ты отстаиваешь свою точку зрения, достойно восхищения, но ты ведь хорошо знаешь, что я буду наказывать

тебя, пока ты не подчинишься. Должный порядок необходимо соблюдать.

Эгвейн постаралась не выдать удивления. Наставница послушниц редко заговаривала с ней, ограничиваясь обычно лишь распоряжениями или порицаниями. Хотя и раньше случались такие моменты…

— Должный порядок, Сильвиана? — переспросила она. — Можно подумать, он соблюдается в Башне повсеместно.

Сильвиана поджала губы, растянув их в тонкую ниточку. Она повернулась и сделала пометку в своей книге.

— Мы еще увидимся утром. Ступай ужинать.

Утром наказание последует за то, что Эгвейн обратилась к наставнице послушниц по имени, не добавив почтительного «Седай». И наверное, еще и за то, что, уходя, Эгвейн не присядет в реверансе. Они обе это знали.

— Я приду утром, — сказала Эгвейн, — но ужин подождет. Мне велено прислуживать Элайде за трапезой сегодня вечером.

Встреча с Сильвианой затянулась — Эгвейн принесла с собой внушительный список нарушений, — и теперь у девушки не оставалось времени поесть. Желудок протестующе ворчал.

На миг какие-то чувства отразились на лице Сильвианы. Это что, удивление?

— И ты раньше ничего мне не сказала?

— А это что-то изменило бы?

Сильвиана оставила вопрос без ответа.

— Значит, поешь, когда вернешься от Амерлин. Я дам распоряжение госпоже кухонь, чтобы тебе оставили поесть. Учитывая, как часто ты нынче подвергаешься Исцелению, дитя мое, тебе нужно питаться. Ни к чему, чтобы ты в обморок от голода падала.

Жестоко, но справедливо. Жаль, что она избрала для себя Красную Айя.

— Хорошо, — сказала Эгвейн.

— А когда поешь, — заметила Сильвиана, воздев палец, — ты вернешься ко мне — потому что проявила неуважение к Престолу Амерлин. Для тебя она никогда не будет просто Элайдой, дитя мое. — Она повернулась к своей учетной книге, добавив: — Кроме того, один Свет ведает, в какие неприятности ты к вечеру успеешь угодить.

Покинув тесную комнату и выйдя в широкий коридор с серыми каменными стенами и с выложенным красно-зелеными плитками полом, Эгвейн задумалась о последней реплике Сильвианы. Похоже, та ничуть не удивилась, узнав о

визите Эгвейн к Элайде. Возможно, посочувствовала. Вряд ли Элайде понравится, коли Эгвейн будет так же перечить ей, как и всем остальным в Башне.

Не потому ли Сильвиана велела Эгвейн вернуться после ужина для последней порки? Учитывая приказ Сильвианы, Эгвейн обязана будет поесть перед наказанием, даже если Элайда назначит ей сотню плетей.

Это была маленькая милость, но Эгвейн была благодарна и за такое. Переносить ежедневные истязания было нелегко, а если вдобавок еще и оставаться без обеда или ужина…

Пока девушка размышляла, к ней приблизились две Красные сестры — Кэтрин и Барасин. Кэтрин несла в руках медную чашу. Очередная порция настоя из корня вилочника. Похоже, Элайда желала убедиться, что Эгвейн не сможет направить ни капли Силы, пока она сама будет ужинать. Эгвейн без возражений приняла зелье и выпила чашу одним глотком, ощутив слабый, но характерный привкус мяты. Небрежным жестом девушка вернула чашу Кэтрин, и той не оставалось ничего другого, как принять ее — словно она была королевским виночерпием.

В покои Элайды Эгвейн направилась не сразу.

По иронии, затянувшееся наказание лишило ее ужина, но дало несколько свободных минут — и она не хотела приходить раньше времени, так как это сочли бы проявлением почтения к Элайде. Поэтому девушка и осталась возле двери наставницы послушниц с Кэтрин и Барасин. В кабинет должен был зайти еще кое-кто. Придет ли она?

Вдалеке по красно-зеленым плиткам коридора шли, сбившись в небольшие группы, сестры. Они опасливо поглядывали по сторонам, как зайцы, которым хочется выбежать на поляну пощипать травы, но они боятся таящихся в тенях хищников. Теперь сестры в Башне постоянно носили шали и больше не ходили поодиночке. Некоторых даже окружал ореол Силы, словно бы они опасались внезапного нападения злоумышленников даже здесь, в самой Белой Башне.

— И вам нравится все это? — неожиданно для себя спросила Эгвейн. Она посмотрела на Кэтрин и Барасин. Обе по совпадению были в той группе Айз Седай, которая захватила тогда Эгвейн.

— Что такое, дитя мое? — холодно спросила Кэтрин. — Задаешь вопросы сестре прежде, чем она позволит тебе заговорить? Тебе мало наказаний?

Основным цветом в ее одежде был красный, и носила женщина ярко-алое платье с черной отделкой в разрезах. Темные, слегка вьющиеся волосы каскадом спадали по спине.

Эгвейн пропустила угрозу мимо ушей. Что еще они могут ей сделать?

— Забудь на минуту о раздоре, Кэтрин, — сказала она, глядя, как проходившая мимо стайка Желтых ускорила шаг, завидев двух Красных сестер. — Забудь об угрозах и перестань упиваться властью. Отложи все это в сторону и взгляни вокруг. Ты гордишься этим? На протяжении столетий в Башне не было Амерлин, возвысившейся из Красной Айя. Теперь, когда у вас наконец-то появился шанс, вот что ваша предводительница делает с Башней. Женщины прячут взгляд от всех, с кем незнакомы, сестры не ходят по одной. Айя ведут себя так, словно воюют друг с другом!

Кэтрин фыркнула в ответ, но худощавая Барасин колебалась, бросая через плечо взгляды на группу спешивших дальше по коридору Желтых сестер. Некоторые из них косились на Красных.

— В этом виновна не Амерлин, — заявила Кэтрин. — А твои глупые бунтарки и их предательство!

«Мои бунтарки? — подумала Эгвейн, мысленно

улыбнувшись. — Значит, теперь ты называешь их „моими“, а не считаешь меня несчастной принятой, которой задурили голову? Это что-то новенькое».

— Разве мы свергли с престола прежнюю Амерлин? — спросила Эгвейн. — Разве мы заставили Стражей пойти друг против друга? Мы не сумели сдержать Дракона Возрожденного? Или мы избрали Амерлин, настолько жадную до власти, что она приказала построить для себя дворец? Ту, из-за которой едва ли не каждая сестра боится, что может оказаться следующей, кого лишат шали?

Кэтрин не ответила, видимо считая ниже своего достоинства вступать в спор с простой послушницей. Барасин до сих пор посматривала вслед Желтым сестрам. Глаза ее расширились, в них читалось беспокойство.

— Мне кажется, — промолвила Эгвейн, — Красные должны быть не защитницами Элайды, а ее самыми яростными критиками. Поскольку все наследие, что оставит после своего правления Элайда, достанется вам. Не забывайте об этом.

Кэтрин посмотрела на девушку, яростно сверкнув глазами, и Эгвейн подавила досаду. Наверное, последние слова были излишне откровенными.

— Вечером явишься к наставнице послуш-

ниц, дитя мое, — распорядилась Кэтрин, — и объяснишь, как ты продемонстрировала свое неуважение к сестрам и самой Амерлин.

Эгвейн промолчала. Зачем она тратит время, пытаясь убедить Красных?

Старая деревянная дверь с шумом захлопнулась, заставив девушку вздрогнуть и обернуться. Гобелены по обе стороны двери слегка колыхнулись и замерли. Только сейчас Эгвейн поняла, что, выйдя из кабинета наставницы послушниц, неплотно прикрыла дверь. Слышала ли их разговор Сильвиана?

Дальше тянуть было нельзя. Похоже, Алвиарин сегодня не появится. Где же она? Алвиарин всегда приходила для наказания сразу после того, как наставница послушниц заканчивала разбираться с Эгвейн. Девушка покачала головой и двинулась по коридору. Обе Красные сестры не отставали — теперь они находились при ней постоянно, смотрели и следили за ней, за исключением того времени, когда Эгвейн посещала для обучения апартаменты других Айя. Девушка старалась делать вид, будто это ее почетный эскорт, а не тюремщицы. И старалась не замечать, как болит спина.

Все говорило о том, что Эгвейн побеждала в сво-

ей войне против Элайды. За обедом она слышала, как послушницы шептались о том, что старания Элайды удержать в плену Ранда с треском провалились. Произошло это несколько месяцев назад, и случившееся должно было оставаться в тайне. А еще ходили слухи об Аша'манах, связавших узами сестер, которых послали их уничтожить. Об этом задании Элайды тоже никто не должен был знать. Эгвейн предприняла шаги, чтобы обитатели Башни узнали об этих неудачах и не забывали о них, как и о несправедливом обращении Элайды с Шимерин.

О чем бы ни сплетничали послушницы, мимо Айз Седай слухи пройти не могли. Да, Эгвейн побеждала. Но она начинала терять удовольствие, которое когда-то испытывала от осознания своей победы. Какая радость в том, чтобы видеть, как Айз Седай трещат по швам и расползаются, как старая ткань? Кто станет радоваться, что Тар Валон, величайший из великих городов, переполнен отбросами и подонками? Какую бы ненависть ни испытывала Эгвейн к Элайде, она не могла торжествовать оттого, что Престол Амерлин правит так бездарно.

И вот сегодня вечером она встретится с Элайдой лично. Эгвейн медленно шла по коридорам, сдер-

живая шаг, чтобы не прийти раньше времени. Как ей вести себя за ужином? За девять дней в Башне Элайду она видела лишь мельком. Встреча с этой женщиной опасна. Если Эгвейн оскорбит Амерлин-самозванку, хоть на волосок преступив черту, то ее, того гляди, просто-напросто и казнить могут. Но унижаться и пресмыкаться она не станет. Эгвейн ни за что не склонит голову перед Элайдой, даже если это будет стоить ей жизни.

Эгвейн свернула за угол и резко остановилась, едва не упав. Коридор оказался неожиданно перегорожен каменной стеной, которую украшала красочная мозаика с изображением древней Амерлин. Она восседала на богато украшенном золотом троне и, обращаясь к королям и королевам, в предостерегающем жесте простирала перед собой руку. Табличка внизу гласила, что тут изображена Карайган Маконар, положившая конец восстанию в Мосадорине. Мозаика была смутно знакома Эгвейн, — когда девушка в последний раз видела ее, та находилась на стене в библиотеке Башни. Однако в тот раз лицо Амерлин не представляло собой кровавой маски. И с потолочных балок не свисали мертвые тела.

Кэтрин, побледнев, застыла рядом с Эгвейн. Никто не хотел говорить о том, как неестествен-

ным и пугающим образом менялись местами помещения и коридоры Башни. Происходившие трансформации служили безмолвным напоминанием о том, насколько внутренние раздоры и борьба за власть незначительны по сравнению с намного более страшными бедами, которые угрожают миру. Эгвейн же впервые видела, как не только переместился коридор, но и изменилась сама картина. Это шевельнулся Темный, и сам Узор содрогнулся.

Эгвейн повернулась и широким шагом пошла прочь от перегородившей коридор мозаики. Сейчас она не может думать об этих проблемах. Любая уборка начинается с того, что нужно выбрать одно место и сначала навести порядок там. Она свое место выбрала. Нужно во что бы то ни стало вернуть Белой Башне целостность.

К сожалению, путь в обход займет гораздо больше времени. Эгвейн с неохотой ускорила шаг; являться раньше не стоило, но и опаздывать нельзя. Обе ее надсмотрщицы тоже спешили следом, шурша юбками. Им пришлось вернуться, пройдя обратно через несколько коридоров, и по пути Эгвейн заметила свернувшую за угол Алвиарин. Она шла торопливым шагом, понурившись и направляясь в сторону кабинета наставницы

послушниц. Значит, она все-таки пришла за наказанием. Но что заставило ее задержаться?

Миновав еще два поворота и пролет холодной каменной лестницы, Эгвейн оказалась в той части Башни, которая была отведена Красной Айя. Сейчас здесь пролегал кратчайший путь к покоям Амерлин. На стенах висели гобелены различных оттенков красного, пол был выложен плитками кармазинового цвета. Женщины ступали по коридорам с одинаково строгим выражением на лицах, словно то было элементом некоей форменной одежды, и тщательно укутав плечи шалями. Здесь, в апартаментах собственной Айя, где Красные сестры должны чувствовать себя в безопасности, они настороженно и подозрительно косились даже на деловито снующих мимо слуг с эмблемой Пламени Тар Валона на груди. Эгвейн шагала по коридору, жалея, что ей приходится торопиться — спешка придает ей испуганный вид. Но тут уж ничего не поделаешь. Добравшись до центра Башни, она поднялась по нескольким лестничным пролетам и наконец достигла коридора, ведущего к покоям Амерлин.

Занятость уроками и поручениями не оставила ей времени обдумать, как вести себя с самозваной Амерлин. Именно эта женщина свергла Суан, это

она схватила Ранда, это она привела Айз Седай на край гибели. Элайда должна узнать ее гнев, должна испытать стыд и унижение! Она…

Эгвейн остановилась перед вызолоченной дверью, ведущей в личные апартаменты Элайды. «Нет».

Она легко могла представить, что будет тогда. Разъяренная Элайда бросит ее в темницы в подземельях Башни. Какая в том польза? Нет, еще рано идти на открытое столкновение. Иначе за кратким мигом торжества последует сокрушительное поражение.

Но Света ради, она не склонится перед Элайдой! Никогда Амерлин так не поступала!

Нет… не так. Амерлин делает то, что от нее требуется. Что важнее? Белая Башня или гордость Эгвейн? Выиграть эту битву можно, только если позволить Элайде думать, будто она близка к победе. Нет… Нет, выиграть можно только тогда, если Элайда решит, что битвы нет вовсе. Это единственный способ.

Хватит ли у Эгвейн сил весь вечер держать себя в руках и обуздать свои речи? Она не была в этом уверена. Но ей нужно, чтобы после ужина Элайда полагала, будто все у нее в руках, будто Эгвейн приведена к покорности. Лучший спо-

соб добиться подобного результата и сохранить хоть какое-то достоинство — вообще ничего не говорить.

Молчание. Сегодня оно будет ее оружием. Укрепившись духом, Эгвейн постучала.

Первой неожиданностью стало то, что дверь ей открыла одна из Айз Седай. Разве у Элайды нет для этого слуг? Эгвейн не узнала сестру, но лишенное возраста лицо, сразу привлекавшее внимание, не оставляло места сомнениям. Стройная, но пышногрудая женщина была из Серой Айя, на что указывала бахрома ее шали. Золотисто-каштановые волосы спадали до середины спины, но во взгляде читалась затравленность, словно бы в последнее время она находилась под грузом огромного напряжения.

Элайда была внутри. Эгвейн задержалась на пороге, глядя в лицо соперницы впервые с тех пор, как покинула Белую Башню вместе с Найнив и Илэйн, отправившись выслеживать Черных Айя. Казалось, это поворотное событие случилось целую вечность тому назад. Красивая и статная, Элайда будто бы утратила часть присущей ей суровости. Она сидела с царственной осанкой и едва заметно улыбалась, словно какой-то шутке, понятной ей одной. Ее кресло было почти троном

— красного и белого цветов, украшенное резьбой и позолотой. На столе лежал и второй столовый прибор — вероятно, для той самой незнакомой Эгвейн Серой сестры.

Прежде Эгвейн не доводилось бывать в личных покоях Амерлин, но она вполне могла представить себе, как выглядели бы комнаты Суан. Просто, но не строго. Там нашлось бы место украшениям, дабы они демонстрировали значимость владелицы покоев, но притом не отвлекали внимания. При Суан каждая вещь исполняла бы свою функцию — возможно, сразу несколько. Столы с потайными ящиками. Настенные гобелены, одновременно служившие картами. Повешенные над камином скрещенные мечи, наточенные и смазанные — на случай, если понадобятся Стражам.

Наверное, картины, что предстали перед мысленным взором Эгвейн, — это чистой воды фантазии. В любом случае Элайда не только выбрала для себя другие апартаменты, но и роскошь их убранства бросалась в глаза. Просторная комната была обставлена еще не полностью — поговаривали, будто она едва ли не каждодневно прибавляла что-то новое к обстановке своих покоев, — но даже то, что уже тут имелось, просто кричало о богатстве. Стены и потолок украшали

новые драпировки из шелковой парчи, исключительно красной. Тайренский напольный ковер с рисунком летящих птиц, был соткан так искусно, что его можно было принять за картину. По всему залу была расставлена мебель дюжины разных стилей и видов, каждый предмет украшали замысловатая резьба и инкрустации из драгоценной поделочной кости. Тут красовались переплетенные лозы, там — выпуклый зубчатый узор или извивающиеся змеи.

Но более, чем вычурная роскошь, возмущал палантин на плечах Элайды. На нем были полосы шести цветов. Шести, а не семи! Хотя сама Эгвейн так и не выбрала Айя, ее выбор наверняка пал бы на Зеленую. Но это обстоятельство не уменьшало ее гнева при виде накидки, с которой исчез голубой цвет. Никто не вправе распустить одну из Айя, никто — даже та, кто занимает Престол Амерлин!

Но Эгвейн удержала яростные слова, так и рвущиеся с языка. Эту встречу необходимо пережить. Ради Башни Эгвейн сумела вынести боль от ударов ремня. Под силу ли ей перенести высокомерие Элайды?

— А где же реверанс? И даже не поклонишься? — спросила Элайда, когда Эгвейн вошла в

комнату. — Слышала, что ты упряма. Ладно, после ужина зайдешь к наставнице послушниц и расскажешь ей о своей оплошности. Что на это скажешь?

«Скажу, что ты сущее бедствие, грозящее разрушить все построенное прежде, напасть столь же гибельная и разрушительная, как все болезни, вместе взятые, что когда-либо обрушивались на город и его жителей. Скажу, что ты…»

Эгвейн отвела взгляд от Элайды. И — чувствуя, как стыд от содеянного сотрясает ее до костей, — склонила голову.

Элайда рассмеялась, восприняв произошедшее так, как и следовало.

— Честно говоря, думала, от тебя будет больше проблем. Похоже, Сильвиана все-таки знает свое дело. Вот и хорошо. Я уже начала волноваться, что она, как слишком многие ныне в Башне, отлынивает от своих обязанностей. А теперь займись делом. Я не собираюсь ждать ужина всю ночь.

Эгвейн стиснула кулаки, но не произнесла ни слова. У дальней стены стоял длинный сервировочный столик, уставленный серебряными подносами. Полированные круглые крышки, напоминающие купола, затуманились от пара горячих блюд. Там же находилась серебряная суп-

ница. Серая сестра по-прежнему стояла у двери. О Свет, у нее на лице явственно читался чистый ужас! Эгвейн редко видела подобное выражение у сестер. Что могло быть его причиной?

— Подойди сюда, Мейдани, — велела Элайда. — Так и будешь торчать у двери? Сядь!

Эгвейн сумела скрыть свое потрясение. Мейдани? Одна из тех, кого Шириам и другие послали шпионить в Белую Башню! Изучая содержимое каждого подноса, Эгвейн бросила взгляд через плечо. Мейдани подошла ко второму, меньше украшенному резьбой, небольшому стулу подле Элайды. Неужели Серые всегда так роскошно одеваются к столу? На шее Серой сестры сияли изумруды, а платье приглушенно-зеленого цвета было сшито из самого дорогого шелка, и покрой подчеркивал грудь Мейдани, казавшуюся особенно пышной при ее хрупкой фигуре.

Беонин утверждала, что предупредила засланных в Башню Серых сестер о том, что Элайда раскрыла шпионок. Так почему же Мейдани не покинула Башню? Что держит ее здесь?

По крайней мере, ужас на ее лице был теперь понятен.

— Мейдани, — отпив вина из кубка, промолвила Элайда, — что-то ты бледна сегодня. Мало

бываешь на солнце?

— Я практически дни напролет провожу с летописями и историческими архивами, Элайда, — дрогнувшим голосом ответила Мейдани. — Вы ведь не забыли?

— Ах да, разумеется, — задумчиво протянула Элайда. — Неплохо бы узнать, как в прошлом поступали с изменницами. Обезглавить — слишком просто и безыскусно, на мой взгляд. Те, кто вносят раскол в нашу Башню и гордятся своим предательством, заслуживают особой награды. Что ж, продолжай свои изыскания.

Мейдани села, сложив руки на коленях. Не будь она Айз Седай, ей пришлось бы утирать пот со лба. Эгвейн помешала суп, сжимая разливную ложку так, что побелели костяшки пальцев. Элайда *знала*. Она знала, что Мейдани — шпионка, но тем не менее пригласила ее к себе на ужин. Чтобы поиграть.

— Поживее, девочка! — прикрикнула Элайда.

Эгвейн подхватила супницу за еще теплые ручки и понесла к маленькому столу. Она наполнила суповые тарелки коричневатым бульоном с грибами — «венцами королевы». Бульон столь обильно приправили перцем, что он полностью заглушал прочие ароматы. Столько еды уже ис-

портилось, что без специй суп был бы и вовсе несъедобен.

Эгвейн действовала механически, как вращается колесо телеги, которую тащит запряженный в нее мул. Ей не нужно было что-то решать, что-то говорить. Она просто работала. Аккуратно налив суп, она взяла хлебную корзинку и положила по куску — посвежее — на каждое фарфоровое блюдце. Потом вернулась с двумя кружочками масла, вырезанными из большого куска двумя быстрыми и точными движениями ножа. Она ведь была дочерью владельца гостиницы, так что еду подавать умела.

Но, даже работая, Эгвейн кипела внутри. Каждый шаг был пыткой, и продолжавшая пылать болью спина была ни при чем. Физическая боль, как ни странно, сейчас казалась незначительной. Гораздо мучительнее было молчать, не позволяя себе возразить этой ужасной женщине, такой властной и такой высокомерной.

Когда две женщины приступили к трапезе — старательно не замечая жучков-долгоносиков в хлебном мякише, — Эгвейн отошла к стене и встала неподвижно, сложив руки перед собой. Элайда поглядела на нее и улыбнулась, приняв ее позу за очередной знак покорности. На самом

же деле девушка не решалась шевельнуться, опасаясь, что любое ее движение закончится тем, что она ударит Элайду по лицу. О Свет, как это все невыносимо!

— О чем говорят в Башне, Мейдани? — спросила Элайда, макая хлеб в суп.

— Я… у меня нет времени слушать…

Элайда подалась вперед:

— Ну, наверняка тебе что-то известно. У тебя есть уши, и даже Серые сплетничают между собой. Что говорят о тех мятежницах?

Мейдани побледнела еще больше:

— Я… я…

— Хм. Когда мы были послушницами, Мейдани, не припомню, чтобы ты была такой тугодумкой. В последние недели ты меня разочаровываешь. Я начинаю задумываться, почему тебе вообще дали шаль. Может, ты никогда ее и не заслуживала.

Мейдани испуганно распахнула глаза.

— Я просто дразню тебя, дитя мое, — улыбнулась ей Элайда. — Ешь, не волнуйся.

Она шутила! Шутила о том, как вероломно лишила женщину шали, подвергнув таким унижениям, что та сбежала из Башни. О Свет! Что случилось с Элайдой? Эгвейн встречалась с ней раньше, она и тогда отличалась суровостью, но

не была тираном. Власть меняет людей. Похоже, в случае с Элайдой престол заменил ее строгость и спокойствие на опьяняющую жажду власти и жестокость.

Мейдани подняла взгляд:

— Я… я слышала, что сестры тревожатся из-за шончан.

Элайда безразлично махнула рукой, прихлебывая суп.

— А-а. Они слишком далеко, чтобы чем-то грозить нам. Интересно, не действуют ли они втайне заодно с Возрожденным Драконом. В любом случае, полагаю, слухи слишком преувеличены. — Элайда бросила взгляд на Эгвейн. — Меня всегда забавляет, как некоторые верят всему, что услышат.

Эгвейн потеряла дар речи. Она и слова не могла вымолвить. Что сказала бы Элайда об этих «преувеличенных» слухах, когда бы холодный шончанский ай'дам сомкнулся на ее глупой шее? Иногда Эгвейн будто снова чувствовала на собственной коже этот ошейник — вызывающий зуд, не дающий пошевелиться. Бывало, от подобного ощущения тошнота подкатывала к горлу, не позволяя свободно двигаться, ее как будто вновь оставили взаперти, простой металлической пет-

лей приковав к штырю в стене.

Эгвейн знала, о чем говорили ее сны, и знала, что они пророческие. Шончан нанесут удар по самой Белой Башне. Элайду же, очевидно, предупреждения Эгвейн не волновали.

— Нет, — произнесла Элайда, знаком велев Эгвейн принести еще супа. — Шончан проблемы не представляют. Настоящая опасность — в том неповиновении, которое выказывают Айз Седай. Что мне еще сделать, чтобы прекратить эти глупые переговоры на мостах? Сколько сестер нужно наказать, чтобы они признали мою власть?

Она сидела, постукивая ложкой по суповой чашке. Эгвейн взяла супницу с дальнего стола и вынула половник из серебряного крепления.

— Да, — вслух размышляла Элайда, — если бы сестры были послушны, в Башне не было бы раскола. Эти бунтовщицы подчинились бы, а не бросились врассыпную, как стая глупых перепуганных птиц. Если бы сестры слушались, Дракон Возрожденный был бы в наших руках и мы бы давно разделались с теми ужасными мужчинами, которые обучаются в своей Черной Башне. Как по-твоему, Мейдани?

— Я… Послушание действительно очень важно, Элайда.

Элайда покачала головой, пока Эгвейн наливала суп ей в тарелку.

— Это любому ясно, Мейдани. Я же спросила, что следует делать. К счастью, у меня самой есть идеи. Тебе не кажется странным, что в Трех клятвах нет упоминания о повиновении Белой Башне? Сестрам нельзя лгать, они не могут создавать оружие, которым одни люди будут убивать других, и не имеют права использовать Силу как оружие, кроме как защищаясь. Эти клятвы всегда представлялись мне слишком слабыми, какими-то необязательными. Почему нет клятвы повиноваться Амерлин? Если бы мы все дали такое простое обещание, скольких мучений и трудностей можно было избежать? Вероятно, уместно это пересмотреть.

Эгвейн стояла неподвижно. Когда-то она и сама не понимала важности клятв. Она подозревала, что многие послушницы и принятые сомневались в их полезности. Но теперь она, как и должно каждой Айз Седай, осознавала их значимость. Три клятвы составляли суть Айз Седай. Они заставляли Айз Седай творить благо для мира и, более того, ограждали их от обвинений.

Изменить клятвы… подобное будет невообразимой катастрофой. Должна же Элайда это

понимать. Самозваная Амерлин снова принялась за суп, улыбаясь своим мыслям и, без сомнения, обдумывая четвертую клятву, требующую повиновения. Разве Элайда не видит, что такая клятва подорвет устои Башни? Из главы Айз Седай Амерлин превратится в деспота!

Гнев кипел внутри Эгвейн, дымился, как суп в ее руках. Эта женщина, эта… тварь! Она была причиной всех бед Башни, она разделила всех на лояльных ей сторонниц и тех, кого назвала мятежницами. Она виновна в том, что Ранда захватили и избивали. Она была сущим бедствием!

Эгвейн чувствовала, как ее трясет. Еще миг, и она взорвется и выскажет Элайде всю правду. Все это рвалось из нее, и она едва могла сдерживаться.

«Нет! — подумала Эгвейн. — Если я так поступлю, то моя битва окончена. Я проиграю войну».

И чтобы не дать себе сорваться, девушка сделала единственное, что пришло ей в голову. Она уронила супницу на пол.

Коричневая жидкость расплескалась по искусно вытканному ковру с красными, желтыми и зелеными птицами. Вскочив с кресла, Элайда с проклятиями попятилась от пролившегося супа.

На платье ей не попало ни капли — очень жаль. Эгвейн спокойно взяла со стола полотенце и принялась вытирать лужу.

— Тупая неумеха! — рявкнула Элайда.

— Прошу прощения, — сказала Эгвейн. — Я не хотела.

И это было правдой. Она хотела, чтобы ничего этого не было, чтобы сегодняшнего вечера вообще не случилось. Чтобы Элайды не было у власти. Она хотела, чтобы не было раскола Башни. Чтобы ей не пришлось разливать суп по полу. Но ей пришлось так поступить, ничего другого не оставалось. И она разберется со всем этим, поэтому, опустившись на колени, и вытирала пол.

Элайда тыкала в девушку пальцем и брызгала слюной.

— Этот ковер, дичок, стоит больше, чем вся твоя деревня! Мейдани, помоги ей!

Серая сестра повиновалась без малейших возражений. Сорвавшись с места, она схватила ведро ледяной воды, в котором охлаждалось вино, и бросилась помогать Эгвейн. Элайда направилась к двери в дальнем конце комнаты, собираясь позвать слуг.

— Вызови меня к себе, — прошептала Эгвейн, когда Мейдани склонилась рядом с ней, помогая

отчищать ковер.

— Что?

— Вызови меня, чтобы дать распоряжения, — тихо сказала Эгвейн, поглядывая на Элайду, стоявшую к ним спиной. — Нужно поговорить.

Поначалу Эгвейн намеревалась избегать салидарских шпионок, позволив Беонин действовать как своей посреднице. Но у нее было слишком много вопросов. Почему Мейдани не покинула Башню? Что планировали шпионки? Был ли еще кто-то из них приближен к Элайде и подвергнут такому же унижению, как Мейдани?

Мейдани взглянула на Элайду, потом вновь на Эгвейн:

— Может, иногда так и не кажется, девочка, но я все еще Айз Седай. Ты не можешь мне приказывать.

— Я — твоя Амерлин, Мейдани, — спокойно сказала Эгвейн, выжимая в ведро пропитанное бульоном полотенце. — И тебе лучше не забывать об этом. Если не хочешь, чтобы Три обета превратились в клятву вечно служить Элайде.

Мейдани посмотрела на нее, потом поморщилась от резких выкриков Элайды, подзывающей слуг. Бедной женщине в последнее время явно приходилось нелегко.

Эгвейн положила руку ей на плечо:

— Элайду можно остановить, Мейдани. Башня вновь будет едина. Я сделаю для этого все, что в моих силах, но мы должны быть бесстрашны. Распорядись, чтобы меня прислали к тебе.

Мейдани подняла голову, устремив на Эгвейн пристальный взгляд.

— Как… как тебе удается? Слышала, тебя наказывают по три, а то и четыре раза в день, а между наказаниями Исцеляют, чтобы пороть тебя снова. Как ты это терпишь?

— Я терплю, потому что так надо, — сказала Эгвейн, опуская руку. — Мы все делаем то, что должны. Я вижу, как нелегко тебе находиться здесь и следить за Элайдой, но знай, что твоя работа важна и ценима.

Эгвейн не знала, на самом ли деле Мейдани шпионит за Элайдой, но всегда лучше, если женщина считает, что ее страдания служат высшей цели. Похоже, Эгвейн не зря сказала эти слова — Мейдани выпрямилась, заметно приободрившись и кивая:

— Благодарю тебя.

Вернулась Элайда, за нею по пятам ступали три служанки.

— Пришли за мной, — снова велела Эгвейн Се-

рой сестре, опустив голос до тихого шепота. — Я одна из немногих в этой Башне, у кого есть предлог, чтобы бывать в апартаментах разных Айя. Я могу исправить то, что было разрушено, но мне понадобится твоя помощь.

Помедлив, Мейдани кивнула и тихо произнесла:

— Хорошо.

— Ты! — рявкнула Элайда, шагнув к Эгвейн. — Ступай прочь! И передай Сильвиане, чтобы отхлестала тебя так, как ни одной женщине прежде не доставалось! Пусть она накажет тебя, потом сразу же Исцелит и отхлещет снова. Вон отсюда!

Эгвейн встала, передала полотенце одной из служанок. И направилась к выходу.

— И не думай, что твоя неуклюжесть спасет тебя от исполнения обязанностей, — продолжала Элайда ей в спину. — Ты вернешься прислуживать мне в другой день. И если прольешь хоть каплю, я запру тебя в темницу без окон и света на неделю. Тебе ясно?

Эгвейн вышла из комнаты. Была ли вообще эта женщина настоящей Айз Седай, всегда держащей эмоции в узде?

Однако ведь и сама Эгвейн не сумела сдержать

своих чувств. Нельзя было допускать того, что ей пришлось пролить суп. Она недооценила, какой гнев у нее способна вызвать Элайда, но больше это не повторится. Продолжая идти, девушка успокаивала себя, сосредоточенно делая медленные вдохи и выдохи. Злость тут не помощница, от нее нет никакого прока. Нет никакого смысла сердиться на лису, которая залезла во двор и съела твоих кур. Нужно просто поставить капкан и избавиться от хищника. Гнев здесь бесполезен.

От рук Эгвейн все еще слабо пахло перцем и пряными травами. Девушка спустилась на самый нижний этаж Башни, где рядом с главными кухнями находилась трапезная для послушниц. В последние девять дней Эгвейн часто приходилось трудиться на этих кухнях; все послушницы обязаны были выполнять порученные им хозяйственные работы. Запахи этого места — уголь и дым, кипящие супы и резкий запах простого мыла — были ей хорошо знакомы. Да и не так уж они отличались от запахов кухни в гостинице отца Эгвейн, в родном для нее Двуречье.

Зал с белыми стенами был пуст, столы стояли неубранными, но на одном из них обнаружился маленький поднос, накрытый, чтобы его содержимое не остыло, большой крышкой. Подушечка

тоже оказалась тут, послушницы оставили ее, чтобы мягче было сидеть на жесткой скамье. Эгвейн села, но подушку отодвинула в сторону, как поступала всегда, хотя и была благодарна за этот жест. Она сняла крышку с подноса. К сожалению, ее ждала всего лишь миска того же коричневатого супа. Ни кусочка жаркого, ни подливки или длинной тонкой фасоли с маслом, которые составляли ужин Элайды.

Но все же это была пища, и желудок Эгвейн был ей рад. Элайда не приказывала, чтобы она отправилась за наказанием немедленно, поэтому распоряжение Сильвианы поесть имело более высокий приоритет. Или, по крайней мере, служило достаточным аргументом в ее защиту.

Девушка ела одна, в тишине. Суп и вправду был острым, на вкус и по запаху в нем был один перец, но ничего против она не имела. Не считая излишка специй, суп был вполне неплох. Еще ей оставили несколько ломтей хлеба, пусть это и были горбушки. Если подумать, не худшая еда для того, кто вовсе не рассчитывал на ужин.

Эгвейн ела в задумчивости, слушая, как в соседнем помещении гремят кастрюлями Ларас и посудомойки, и удивляясь тому, какое спокойствие ею владеет. Эгвейн изменилась, что-то в

ней стало другим. Воочию увидев Элайду, встретившись лицом к лицу с той, кто все эти месяцы была ее соперницей, она по-новому взглянула на свои действия.

У нее уже сложился план, каким образом она расшатает владычество Элайды изнутри и возьмет власть над Белой Башней в свои руки. Теперь же Эгвейн поняла, что подрывать авторитет Элайды незачем. Та прекрасно справится с этой задачей сама. Эгвейн без труда могла представить себе реакцию восседающих и глав Айя, когда Элайда объявит о своем намерении изменить Три клятвы!

Рано или поздно Элайда низвергнется с трона, с помощью Эгвейн или же без ее участия. Долг Эгвейн как Амерлин — не ускорить ее падение, а сделать все возможное, чтобы удержать Башню и ее обитателей вместе. Дальнейший раскол недопустим. Ее долг — остановить хаос и разрушение, которые угрожают им всем, и восстановить целостность Башни. Доев суп и обтерев стенки миски последней корочкой хлеба, Эгвейн поняла, что ей понадобятся абсолютно *все* средства, чтобы вернуть силы сестрам в Башне. Времени оставалось все меньше. Что сотворит с миром Ранд без ее руководства? Когда шончан нападут

на север? Чтобы добраться до Тар Валона, им нужно пробиться через Андор, и какие беды и разрушения сулит их удар? Несомненно, еще оставалось время, чтобы восстановить Башню до шончанского наступления, но ни минуты нельзя терять понапрасну.

Эгвейн отнесла поднос на кухню, положила в мойку и сама вымыла за собой грязную посуду, заслужив одобрительный кивок от тучной госпожи кухонь. Затем Эгвейн отправилась в кабинет наставницы послушниц. Нужно поскорее покончить с наказанием; она еще собиралась навестить Лиане, что стало для нее обычаем. Постучав, Эгвейн переступила порог и обнаружила, что Сильвиана сидит за столом и при свете двух серебряных ламп листает толстую книгу. Увидев вошедшую Эгвейн, Сильвиана заложила страницу красной ленточкой и закрыла книгу. На потертой обложке виднелось название: «Размышления о разжигании огня» — история прихода к власти многих Амерлин. Любопытно.

Эгвейн села на табурет возле стола — нижняя часть тела тут же отозвалась резкой болью, но девушка даже не поморщилась, — и спокойно рассказала о произошедшем этим вечером, опустив то обстоятельство, что суп она разлила

намеренно. Тем не менее Эгвейн не преминула отметить, что супницу она уронила после того, как Элайда заговорила о пересмотре и изменении Трех клятв.

Последние слова Сильвиана выслушала с весьма задумчивым видом.

— Что ж, — заметила наставница послушниц, вставая и беря в руки ремень, — Амерлин все сказала.

— Да, я все сказала. — Эгвейн встала и легла на стол, оголив нижнюю часть спины для битья.

Сильвиана чуть помедлила, а потом приступила к порке. Как ни странно, у Эгвейн не было даже желания кричать. Конечно, было больно, но кричать она просто не могла. Насколько же нелепым и бессмысленным предстало это наказание!

Она помнила свою боль, которую испытывала при виде сестер, когда те спешили по коридорам с затравленными, испуганными, преисполненными подозрительности взглядами. Она помнила, как мучительно было прислуживать Элайде — и молчать. Она помнила безграничный ужас от мысли о том, что все в Башне будут связаны клятвой повиноваться такому тирану.

Эгвейн помнила и свою жалость к бедной Мейдани. Ни одна сестра не заслуживает подобного

обращения. Одно дело — заключить под стражу. Но измываться над нею, играть с нею, как кошка с мышкой, запугивать, намекая на предстоящие пытки? Это было невыносимо.

Каждый этот момент отзывался болью в душе Эгвейн, словно нож, вонзающийся в сердце. И пока продолжалось избиение, она понимала, что никакая телесная боль не сравнится с душевными терзаниями, которые она испытывала, видя страдания Белой Башни под властью Элайды. По сравнению с этой вечной пыткой ремень и плеть были просто смешны.

И Эгвейн начала смеяться.

Это был не вымученный смех. Это был не смех протеста. Это был смех неверия. Этому невозможно поверить. Как им в голову пришло, что избиение что-то решит? Это просто абсурд!

Ремень остановился. Эгвейн обернулась, — конечно же, наставница послушниц еще не закончила.

Сильвиана смотрела на девушку с выражением беспокойства на лице.

— Дитя мое, — спросила она. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Вполне нормально.

— Ты… уверена? Что творится у тебя в голове?

«Она думает, я потеряла рассудок от боли, — поняла Эгвейн. — Она бьет меня, а я хохочу».

— С головой у меня все в порядке, — сказала Эгвейн. — Я смеюсь не потому, что ты сломила меня, Сильвиана. Я смеюсь, потому что мое избиение абсурдно.

Лицо Сильвианы помрачнело.

— Разве ты не видишь? — спросила Эгвейн. — Не чувствуешь боли? Мучительной пытки — видеть, как вокруг тебя рушится Башня? Какое наказание с этим сравнится?

Сильвиана не отвечала.

«Теперь я понимаю, — подумала Эгвейн. — Я не осознавала раньше, что делали айильцы. Я думала, что просто должна быть сильнее, и это научит меня смеяться над болью. Но дело вовсе не в этом. Не сила заставляет меня смеяться. Понимание».

Допустить падение Башни, позволить распасться Айз Седай — боль этого уничтожила бы ее. Эгвейн обязана это остановить, ведь именно ей принадлежал Престол Амерлин.

— Я не могу отказаться наказывать тебя, — сказала Сильвиана. — Ты ведь понимаешь.

— Разумеется, — сказала Эгвейн. — Но напомни мне кое о чем. Что ты говорила о Шимерин? Почему Элайда забрала ее шаль и почему это сошло

ей с рук?

— Потому что Шимерин согласилась и смирилась с этим, — ответила Сильвиана. — Она вела себя так, словно действительно лишилась шали. Она не боролась.

— Я не повторю ее ошибку, Сильвиана. Пусть Элайда говорит что хочет. Но это не изменит ни моей сути, ни сути любой из нас. Даже если она попытается изменить Три клятвы, найдутся те, кто будет сопротивляться, кто встанет против нее, кто будет держаться за то, что правильно. Поэтому, когда ты бьешь меня, ты бьешь ту, кто занимает Престол Амерлин. И это настолько нелепо, что заставит смеяться нас обеих.

Наказание продолжилось, и Эгвейн встречала боль, принимала ее и отметала как незначительную, с нетерпением ожидая, когда закончится порка.

Ей предстояло немало дел.

Глава 3
Правила чести

Авиенда вместе с сестрами по копью и несколькими разведчиками из Истинной Крови, затаившись на вершине поросшего травой низкого холма, наблюдала за беженцами внизу. Жалкое сборище представляли собой эти мокроземцы из Арад Домана: грязные лица, месяцами не знавшие воды, и исхудавшие дети, слишком голодные, чтобы плакать. Понурый мул тащил единственную тележку среди сотни изможденных людей. Все, что не уместилось на телеге, бедняги несли на себе, но вообще вещей, и тех и других, было немного. Доманийцы плелись на северо-восток по тропе, которую и дорогой-то назвать было нельзя. Возможно, в том направлении находилась деревня. А возможно, они просто бежали из неспокойных прибрежных земель.

Местность была холмистой, но, не считая редких групп деревьев, открытой. Авиенду и ее спутников беженцы не замечали, несмотря на то что от айильцев их отделяло меньше сотни шагов. Она никогда не понимала, как мокроземцы

могут быть так слепы. Неужели у них глаз нет? Неужели они не высматривают опасность на горизонте? Разве они не понимают, что, проходя так близко к вершине холма, превращают себя в превосходные мишени для лазутчиков? Перед тем как приблизиться к холму, им нужно было отправить туда собственных разведчиков.

Неужели им все равно? Авиенда содрогнулась. Как можно с безразличием относиться к тому, что за тобой наблюдают чьи-то глаза — глаза вооруженных копьями мужчины или Девы? Неужели им так не терпится пробудиться ото сна? Смерти Авиенда не боялась, но одно дело — принимать смерть, и совсем другое — желать ее.

«Города, — подумала она, — от них все беды». Города, эти вонючие гниющие ямы, незаживающие нарывы. Некоторые были лучше прочих — остается только восхищаться тем, как Илэйн удалось навести в Кэймлине порядок, — но даже в лучших из городов собиралось слишком много людей, которые приучались к удобствам жизни на одном месте. Будь беженцы привычны к странствиям и научись они полагаться на собственные ноги, а не на лошадей, как то зачастую в обычае у мокроземцев, им не было бы так трудно покидать свои города. У айильцев и ремесленники уме-

ли за себя постоять, и дети могли по несколько дней жить тем, что дарит земля, и даже кузнецы с завидной быстротой преодолевали большие расстояния. Целый септ мог бы сняться с места за час, а все, что им нужно, айильцы несли с собой на спинах.

Без сомнения, мокроземцы — странный народ. Но Авиенда испытывала жалость к беженцам. Это чувство удивляло ее. Она не была бессердечной, но связала себя не с этой землей, а с Рандом ал'Тором. У нее не было причин для сочувствия горстке людей, которых она совершенно не знает. Но время, проведенное с Илэйн Траканд, ее первой сестрой, научило Авиенду, что не все мокроземцы — мягкие и слабые. Только большинство из них. А в том, чтобы заботиться о тех, кто не может позаботиться о себе, и состояло *джи*.

Наблюдая за беженцами, Авиенда пыталась смотреть на них глазами Илэйн, но по-прежнему не понимала, как та правит страной. Это же совершенно не то, как просто командовать отрядом Дев Копья во время набега — принимая решения стремительно и повинуясь инстинкту. Илэйн вряд ли бы сразу заподозрила в беженцах переодетых солдат, не стала бы она высматривать в них еще какие-то признаки опасности. Она бы по-

чувствовала ответственность за них, пусть они и не принадлежали ее народу. Она бы нашла способ отправить им продовольствие, возможно, послала бы своих солдат, чтобы обезопасить область, где могли бы поселиться беженцы, — и, поступая так, сделала бы часть этой страны своей.

Когда-то Авиенда предоставила бы размышлять на подобную тему вождям кланов и хозяйкам крова. Но она уже больше не была Девой Копья и приняла то, что с ней случилось. Теперь она жила под другим кровом. И стыдилась, что противилась переменам так долго.

Но в этом и заключалась трудность. В чем теперь ее честь? Она уже не Дева, но еще не Хранительница Мудрости. Вся ее сущность была влита в те копья, ее «я» было вплавлено в их сталь так же прочно, как уголь, улучшающий свойства металла. С детства она росла в уверенности, что станет *Фар Дарайз Май*. И конечно же, она присоединилась к Девам, едва только появилась такая возможность. Она гордилась своей жизнью и своими сестрами по копью. Она бы служила своему клану и септу до того дня, пока не пала бы от копья, пролив последние капли своей крови — воды ее жизни — на опаленную почву Трехкратной земли.

Но здесь не Трехкратная земля, и она слышала, что некоторые *алгай'д'сисвай* сомневаются, что Айил когда-нибудь туда вернутся. Их жизнь изменилась. Авиенда же не доверяла переменам. Их нельзя отследить или пригвоздить копьем; перемены незаметнее любого разведчика и намного опаснее наемного убийцы. Нет, она всегда не доверяла переменам, хотя и принимала их. Она научится жить как Илэйн и научится думать как вождь.

Она непременно найдет честь в своей новой жизни. Рано или поздно.

— Они неопасны, — прошептал Гейрн, затаившийся вместе с воинами Истинной Крови по другую сторону от Дев.

Руарк глядел на беженцев, оставаясь начеку.

— Восстают мертвые, — произнес вождь клана Таардад, — и люди падают без разбора от зла Затмевающего Зрение, а их кровь осквернена, как вода в дурном колодце. Возможно, это несчастливцы, бегущие от ужасов войны. Или же нечто иное. Будем держаться на расстоянии.

Авиенда взглянула на удаляющуюся вереницу беженцев. Она не думала, что Руарк прав — это не призраки и не чудовища. От тех и других всегда становилось… не по себе. Возникало чувство

неизбежной опасности, некий зуд в ожидании неминуемого нападения.

И все же Руарк был мудр. Трехкратная земля, где даже крошечная веточка могла убить, учила быть осторожным. Айильский отряд соскользнул с холма на равнину, покрытую бурой травой. Авиенда даже спустя месяцы, проведенные в мокрых землях, находила пейзаж странным и необычным. Высокие деревья тянули ввысь длинные ветви, усыпанные почками. Когда айильцы пересекали участки желтой весенней травы, пробивающейся сквозь палые зимние листья, то стебли были так наполнены влагой, что, казалось, лопнут у нее под ногами. Как она знала, мокроземцы утверждали, что весна нынче наступала необычно медленно, но даже при этом она была изобильней, чем у нее на родине.

В Трехкратной земле такую равнину — с холмами вокруг, которые обеспечивали наблюдательные пункты и укрытия, — немедленно захватил бы какой-нибудь септ, превратив в возделанные поля и огороды. Здесь же она представляла собой один из тысяч нетронутых участков земли. Виновны в этом тоже города. Даже ближайшие из них находились слишком далеко отсюда, чтобы этот участок мог стать у мокроземцев хорошей и

преуспевающей фермой.

Двигаясь стремительно и тихо, восемь айильцев быстро пересекли травянистую ложбину, образованную склонами холмов. Оглушительный галоп лошадей не сравнится с поступью человека. Ужасные животные — почему мокроземцы все время на них ездят? Непостижимо. Авиенда могла попытаться понять, как нужно мыслить вождю или королеве, но знала, что никогда не поймет мокроземцев до конца. Слишком уж они странные. Даже Ранд ал'Тор.

Особенно Ранд ал'Тор. Девушка улыбнулась, вспомнив его прямой горящий взгляд. Авиенда помнила его запах — аромат мокроземского, отдающего растительным маслом мыла, смешанный с тем особым, присущим только Ранду, земляным мускусным запахом. Она выйдет за него замуж. Она была столь же решительно настроена так поступить, как и Илэйн. Теперь, когда они стали первыми сестрами, они обе могут выйти за него, по всем правилам. Вот только как теперь Авиенда может выйти замуж хоть за кого-то? Ее честь прежде заключалась в ее копьях, но их наконечники были переплавлены и перекованы в пряжку, которую Ранд ал'Тор носит на своем поясе и которую она сама ему подарила.

Однажды он предложил ей выйти за него замуж. Мужчина — и сделал предложение о браке! Еще один чудной обычай мокроземцев, один из многих. Даже если отбросить странность этого обычая — и оскорбительность подобного предложения по отношению к Илэйн — Авиенда никогда не смогла бы принять Ранда ал'Тора как своего мужа. Разве он не понимает, что женщина приносит честь в брак? А что может предложить простая ученица Хранительниц Мудрости? Разве он примет ее, коли она будет стоять ниже его? Для нее это обернется настоящим позором!

Должно быть, он ничего не понял. Она не считала его жестоким, просто непонятливым. Она придет к нему, когда будет готова, — тогда и положит свадебный венок к его ногам. Но будет то не раньше, чем Авиенда поймет, кто она есть.

Исполнять *джи'и'тох* — не просто и не легко. Авиенда знала, каковы правила чести у Дев Копья, но у Хранительниц Мудрости был совсем иной подход к вопросам чести. Сама она полагала, что сумела приобрести в их глазах некую толику чести. Например, они позволяли ей проводить много времени со своей первой сестрой в Кэймлине. Но потом — совершенно неожиданно — явились Доринда и Надере и сообщили Ави-

енде, что она забывает о своем обучении. Они сцапали ее, точно ребенка, тайком подслушивающего у палатки-парильни, и уволокли прочь, в лагерь их клана, который отправлялся в Арад Доман.

Теперь же… А теперь Хранительницы Мудрости и вовсе проявляют к Авиенде еще меньше уважения, чем раньше! Они даже обучать ее перестали. Наверняка она допустила какой-то промах и упала в их глазах. От этой мысли у девушки сводило желудок. Опозорить себя перед другими Хранительницами Мудрости было почти так же ужасно, как проявить страх перед кем-то столь же храбрым, как Илэйн!

Пока что Хранительницы Мудрости позволяли Авиенде восстанавливать честь, исполняя повинности, но она не знала, *в чем* оступилась изначально. Спросив об этом, она — естественно — навлечет на себя еще больший позор. Не разгадав эту загадку, она не исполнит свой *тох*. Что еще хуже, она рискует повторить ошибку. Пока Авиенда не разберется в произошедшем, она останется ученицей и никогда не сможет принести достойный свадебный венок Ранду ал'Тору.

Авиенда стиснула зубы. Другая бы женщина разрыдалась, но какой в этом толк? В чем бы ни

состояла ее оплошность, она сама в ней виновата, и ее долг — исправить ошибку. Она вновь обретет честь и выйдет замуж за Ранда ал'Тора раньше, чем он погибнет в Последней битве.

Это значит, что все, чему Авиенде необходимо научиться, она должна узнать быстро. Очень быстро.

Возглавляемая Руарком группа встретилась с другим отрядом айильцев, который ждал на небольшой лужайке среди редкого соснового лесочка. Землю устилал толстый ковер опавшей бурой хвои, к небу тянулись высокие, как башни, стволы. По меркам кланов и септов отряд был небольшим и насчитывал меньше двух сотен человек. В центре поляны стояли четыре Хранительницы Мудрости, каждая носила обычную для них одежду — коричневую шерстяную юбку и белую блузу. Авиенда была одета так же, что теперь для нее стало столь же естественно, как когда-то *кадин'сор*. Разведывательный отряд разделился, мужчины и Девы разошлись по своим кланам и воинским сообществам. Руарк присоединился к Хранительницам Мудрости, и Авиенда последовала за ним.

Каждая из Хранительниц Мудрости — Эмис, Бэйр, Мелэйн и Надере — смерила девушку взгля-

дом. Бэйр, единственная из айильцев в отряде, кто не принадлежал к кланам Таардад или Гошиен, прибыла совсем недавно; очевидно, чтобы согласовать действия с остальными. Неизвестно почему, но все они выглядели недовольными. Авиенда замешкалась. Если уйти сейчас, не будет ли похоже на то, будто она пытается избежать внимания Хранительниц? Или лучше рискнуть и остаться — что может вызвать еще большее неудовольствие?

— Итак? — обратилась Эмис к Руарку. Хотя волосы ее давно побелели, выглядела она совсем молодой. В ее случае обращение с Силой было ни при чем — волосы у нее начали серебриться еще в детстве.

— Все так, как рассказывали разведчики, прохлада моего сердца, — отозвался Руарк. — Еще одна жалкая горстка мокроземских беженцев. Я не вижу в них скрытой опасности.

Хранительницы Мудрости закивали, словно именно этого и ожидали.

— Это десятая группа беженцев менее чем за неделю, — промолвила старая Бэйр, ее водянистые голубые глаза были задумчивы.

Руарк кивнул:

— Есть слухи о нападениях шончан на западные

порты. Возможно, люди уходят вглубь страны, стремясь избежать набегов. — Он посмотрел на Эмис. — Эта страна кипит, как вода, выплеснутая на камни очага. Кланы не знают, чего именно от них хочет Ранд ал'Тор.

— Он высказался вполне ясно, — заметила Бэйр. — Он будет доволен, если вы с Добрэйном Таборвином наведете порядок в Бандар Эбане, как он просил.

Руарк кивнул и сказал:

— И все же намерения его неясны. Он просил нас восстановить порядок. Значит, мы должны стать для мокроземцев чем-то вроде их городской стражи? Это не для Айил. Мы здесь ничего не захватываем и потому пятую часть получить не можем. Но все-таки то, что мы делаем, очень похоже на завоевание. Приказы *Кар'а'карна* ясны, но в то же время могут сбить с толку. Думаю, у него к этому особый дар.

Бэйр с улыбкой кивнула:

— Наверное, он хочет, чтобы мы сами придумали, как поступить с этими беженцами.

— Но как нам с ними быть? — спросила Эмис, качая головой. — Мы же не Шайдо, чтобы делать из них *гай'шайн*.

Ее тон не оставлял сомнений в том, как она

относится и к Шайдо, и к идее превращать мокроземцев в гай'шайн.

Авиенда согласно кивнула. Как сказал Руарк, Кар'а'карн направил их в Арад Доман, чтобы «восстановить порядок». Но это было понятие мокроземцев. Айильцы же понимали порядок по-своему. Да, верно, в войне и в бою есть хаос, но каждый айилец знает свое место и поступает сообразно ему. Даже маленькие дети понимают, что такое честь и тох, и холд продолжит жить даже после того, как будут убиты все вожди и Хранительницы Мудрости.

С мокроземцами все обстояло иначе. Они, как дикие ящерицы, которых высыпали из корзины на горячие камни, бегали и суетились, бросая при бегстве вещи и съестные припасы. Стоит только их предводителям отвернуться в сторону или отвлечься на другие дела, как воцаряются разбой и хаос. Сильные отбирают у слабых, и даже кузнецы оказываются в опасности.

Каких действий ожидал от айильцев Ранд ал'Тор? Не могут же они научить джи'и'тох целую страну. Ранд ал'Тор велел им постараться не убивать доманийских солдат. Но эти солдаты — зачастую опустившиеся и сами превратившиеся в мародеров — были частью проблемы.

— Возможно, он объяснит больше, когда мы прибудем в то его поместье, — заметила Мелэйн. Она качнула головой, и ее золотисто-рыжие волосы блеснули на солнце. Под белой блузой едва заметно проявлялся округлившийся живот. — А если нет, то, конечно же, нам лучше оставаться здесь, в Арад Домане, чем терять уйму времени в стране древоубийц.

— Как скажешь, — согласился Руарк. — Тогда нам пора в путь. Впереди еще длинная дорога.

Он отошел переговорить с Бэилом. Авиенда шагнула было за ним, но суровый взор Эмис заставил ее застыть на месте.

— Авиенда, — жестким тоном произнесла беловолосая женщина. — Сколько Хранительниц Мудрости ходило с Руарком на разведку того каравана беженцев?

— Кроме меня, никто, — призналась Авиенда.

— Ах, так ты уже Хранительница Мудрости? — спросила Бэйр.

— Нет, — быстро сказала Авиенда и покраснела, устыдившись больше прежнего. — Я сказала, не подумав.

— Значит, ты будешь наказана, — заключила Бэйр. — Ты больше уже не Дева Копья, Авиенда. Не твое дело — ходить на разведку, это задача

других.

— Да, Хранительница Мудрости, — ответила Авиенда, опустив глаза. Девушка не предполагала, что вылазка с Руарком навлечет на нее позор, — она видела, как другие Хранительницы выполняли похожие задания.

«Но я еще не Хранительница Мудрости, — напомнила себе Авиенда. — Я всего только ученица».

Бэйр не сказала, что Хранительницы Мудрости не могут ходить на разведку, она лишь указала, что Авиенда не должна была идти. Дело было в самой Авиенде. И в том, что Авиенда сделала — или продолжала делать, — чтобы рассердить Хранительниц Мудрости.

Возможно, они решили, что их ученица чересчур размякла, проводя время с Илэйн? Авиенда и сама тревожилась, что так случилось. В Кэймлине айилка обнаружила, что ей начинают нравиться шелка и купание в ванне. Под конец она почти без возражений поддалась уговорам Илэйн, отыскавшей предлог нарядить ее в непрактичное и фривольное платье с вышивкой и кружевами. Тогда даже к лучшему, что за Авиендой пришли.

Хранительницы же Мудрости просто стояли и выжидающе смотрели на девушку, а лица их

напоминали красные камни пустыни, бесстрастные и суровые. Авиенда снова скрипнула зубами. Она закончит обучение и обретет честь. Добьется этого во что бы то ни стало.

Прозвучал сигнал отправляться в путь, и мужчины и женщины, облаченные в кадин'сор, тронулись с места, двигаясь трусцой небольшими группами. Хранительницы Мудрости бежали так же легко, как и воины, несмотря на длинные тяжелые юбки. Эмис дотронулась до руки Авиенды.

— Ты побежишь со мной, чтобы мы смогли обсудить твое наказание.

На бегу Авиенда поравнялась с Хранительницами Мудрости. В таком темпе любой из айильцев мог бежать сколь угодно долго. Группа, с которой Авиенда покинула Кэймлин, соединилась с отрядом Руарка, когда тот направлялся из Бандар Эбана в западную часть страны, где должен был встретиться с Рандом ал'Тором. Добрэйн Таборвин, кайриэнец, остался поддерживать порядок в столице, где он, как сообщали, обнаружил кого-то из доманийского правящего совета.

Вероятно, остаток пути айильский отряд мог бы преодолеть с помощью Перемещения. Но до оговоренного места встречи было недалеко — всего

несколько дней пешего пути, — и они выступили достаточно рано, чтобы прибыть вовремя, не прибегая к помощи Единой Силы. Руарк хотел самолично разведать местность вокруг того поместья, где сейчас обосновался Ранд ал'Тор. Если будет нужно, то там к ним присоединятся, воспользовавшись переходными вратами, и другие отряды айильских кланов Гошиен и Таардад.

— Авиенда, как ты думаешь, почему Кар'а'карн потребовал, чтобы мы находились здесь, в Арад Домане? — на бегу спросила Эмис.

Авиенда скрыла недовольство. Что же за наказание ее ждет?

— Просьба необычная, — сказала она, — но даже для мокроземца у Ранда ал'Тора немало странных идей. Это не самое странное задание, которое он нам поручил.

— А то обстоятельство, что Руарк считает такое поручение неудобным?

— Сомневаюсь, что оно как-то стесняет вождя клана, — сказала Авиенда. — Полагаю, Руарк, сообщая об этом Хранительницам Мудрости, выражает мнение других. Он не хочет навлечь на них позор, открыв, кто именно выразил свои страхи.

Эмис кивнула. К чему все эти вопросы? Храни-

тельница Мудрости наверняка и сама догадалась обо всем. Ей незачем советоваться с Авиендой.

Какое-то время женщины бежали молча, не вспоминая о наказании. Может быть, Хранительницы Мудрости простили своей ученице допущенную, но оставшуюся ей неизвестной оплошность? Нет, вряд ли, они не стали бы так бесчестить ее. Должно быть, дали Авиенде время обдумать свои поступки, иначе позор будет невыносим. Скорее всего, она оступилась вновь, на сей раз еще серьезнее.

Эмис ничем не давала понять, о чем думает. Когда-то она, как и Авиенда, была Девой Копья. Даже по айильским меркам Хранительница Мудрости была весьма сурова.

— А сам ал'Тор? — спросила Эмис. — Что ты думаешь о нем?

— Я люблю его, — сказала Авиенда.

— Я не спрашивала глупую девчонку Авиенду, — резко сказала Эмис. — Я спросила Авиенду Хранительницу Мудрости.

— Он человек, на котором лежит тяжкое бремя многих забот, — ответила Авиенда уже осторожнее. — Боюсь, многие из них он сам делает тяжелее, чем нужно. Когда-то я думала, что это единственный путь к тому, чтобы стать сильнее,

но благодаря первой сестре я узнала, что это не так. А Ранд ал'Тор… не думаю, что он уже научился тому же. Меня тревожит, что он ошибочно принимает твердость за силу.

Эмис снова кивнула, словно бы одобряя. Не были ли эти расспросы некой проверкой?

— Ты бы вышла за него замуж? — спросила Эмис.

«Мне казалось, мы не говорим о „глупой девчонке“ Авиенде», — подумала девушка, но мысли свои вслух, разумеется, не высказала. Эмис подобное говорить нельзя.

— Я *выйду* за него замуж, — вслух сказала Авиенда. — Я не думаю, я знаю точно.

За свой тон она удостоилась от Эмис строгого взгляда, но не отступила. Если Хранительница Мудрости ошибается, ее следует поправить.

— А мокроземка Мин Фаршав? — спросила Эмис. — Она явно любит его. Что ты будешь с ней делать?

— Это моя забота, — сказала Авиенда. — Мы достигнем согласия. Я разговаривала с Мин Фаршав, и, думаю, с ней легко будет договориться.

— Вы и с ней станете первыми сестрами? — В голосе Эмис проскользнуло легкое удивление.

— Мы с ней договоримся, Хранительница Муд-

рости.

— А если не сможете?

— Сможем, — твердо сказала Авиенда.

— Почему ты так уверена?

Пробираясь сквозь лишенные листвы заросли кустарника, Авиенда колебалась, испытывая неуверенность. Какая-то ее часть желала ответить молчанием на вопрос Эмис. Но она была только ученицей, и хотя заставить ее говорить Эмис не могла, Авиенда знала, что Хранительница Мудрости не отстанет, пока не вытянет из девушки то, что хочет узнать. Авиенда надеялась, что не навлечет на себя слишком много тех своим ответом.

— Тебе ведь известно о видениях Мин? — спросила Авиенда.

Эмис кивнула.

— Одно из этих видений было о Ранде ал'Торе и трех женщинах, которых он полюбит. Другое — о моих детях от Кар'а'карна.

Больше девушка ничего не сказала, а настаивать Эмис не стала. Услышанного было достаточно. Они обе знали, что скорее отыщется Каменный Пес, который отступит в бою, чем окажется неверным видение Мин.

С одной стороны, Авиенде было приятно знать,

что Ранд ал'Тор будет ее, хоть и придется его делить. К Илэйн, конечно же, она не ревновала, а вот Мин… ее она совершенно не знала. Тем не менее видение вселяло уверенность. Но в то же время и беспокоило. Авиенда любила Ранда ал'Тора, потому что сама так решила, а не потому, что так ей было суждено. Разумеется, видение Мин не обещало, что Авиенда и в самом деле выйдет за него замуж, так что, возможно, сказанное ею Эмис могло оказаться не вполне верным. Да, Ранд будет любить трех женщин, и три женщины будут любить его, но вот получится ли у Авиенды выйти за него замуж?

Нет, будущее не было предопределено, что по какой-то причине вселяло в нее уверенность. Возможно, ей стоило испытывать из-за этого тревогу, но девушка была спокойна. Она вернет свою честь, а потом выйдет замуж за Ранда ал'Тора. Возможно, вскоре после этого он погибнет, а возможно, сегодня айильцы наткнутся на засаду и Авиенда падет от стрелы. Беспокойство ничего не решало.

Однако с тох все обстояло совершенно иначе.

— Я ошиблась, Хранительница Мудрости, — промолвила Авиенда. — Я сказала, видение означает, что я стану женой Ранда ал'Тора. Это

не так. Мы все три будем любить его, а значит ли оно, что будет замужество, я наверняка не знаю.

Эмис кивнула. В этом не было тох — Авиенда исправилась достаточно быстро. Вот и хорошо. Нельзя, чтобы она навлекла на себя еще больше позора, чем уже заслужила.

— Ладно, — сказала Эмис, глядя на тропу перед собой. — Тогда обсудим сегодняшнее наказание.

Авиенда слегка расслабилась. Значит, у нее еще есть время выяснить, что она сделала не так. Судя по всему, мокроземцев нередко озадачивали айильские принципы наказания, но они мало что понимали в чести. Честь была не в том, чтобы *быть* наказанным, а чтобы *принять* наказание, и перенести наказание означало восстановить честь. В этом была суть тох — в добровольном принижении себя, дабы восстановить утерянное. Ей было странно, что мокроземцы не понимают этого; в самом деле странно, что они не следуют джи'и'тох инстинктивно. Что есть жизнь без чести?

Эмис не скажет Авиенде, в чем ее ошибка, — и правильно сделает. Тем не менее, размышляя над этим сама, Авиенда не добилась успеха, но если она отыщет ответ благодаря беседе, то стыдиться ей придется меньше.

— Да, — осторожно сказала Авиенда. — Я заслуживаю наказания. Время, проведенное в Кэймлине, могло сделать меня слабой.

Эмис фыркнула:

— Ты не стала слабее, чем когда носила копья, девочка. Я бы даже сказала, стала сильнее, и намного. Время, проведенное с твоей первой сестрой, оказалось важным для тебя.

Значит, дело не в этом. Когда Доринда с Надере пришли за Авиендой, то заявили, что ей нужно продолжить обучение. Но с тех пор, как Айил отправились в Арад Доман, Авиенде не дали ни одного урока. Ей поручали носить воду, штопать шали, подавать чай. Ей назначали то одно наказание, то другое, всякий раз разное, почти не объясняя, в чем состояла ее провинность. А когда девушка совершала нечто очевидное — вроде похода в разведку без дозволения, — суровость наказания всегда оказывалась несоразмерной с ее упущением.

Все выглядело так, будто наказание и было именно тем, чему Хранительницы Мудрости хотели ее научить, но такого не могло быть. Она же не какая-то мокроземка, которую нужно учить правилам чести. Что проку в бесконечных наказаниях непонятно за что — если только про-

исходящее не означало, что Авиенда совершила очень серьезный проступок?

Эмис потянулась к поясу и отвязала что-то. В руке у нее оказался шерстяной мешочек размером с кулак.

— Мы решили, — сказала она, — что были излишне небрежны в своих распоряжениях. Время драгоценно, и у нас не осталось места для поблажек.

Авиенда постаралась скрыть удивление. То есть предыдущие наказания были мягкими?

— Поэтому, — сказала Эмис, протягивая девушке мешочек, — ты возьмешь вот это. Внутри лежат семена. Одни черные, другие коричневые, третьи белые. Сегодня вечером, перед сном, ты разложишь их по цветам и сосчитаешь, сколько семян каждого цвета. Если ошибешься, мы перемешаем их и ты начнешь заново.

Авиенда потеряла дар речи и сбилась с шага, едва не остановившись вовсе. Носить воду — это полезная и нужная работа. Чинить одежду тоже необходимо. Готовить пищу — не менее важное и нужное дело, особенно когда небольшой передовой отряд не брал с собой гай'шайн.

Но это… это же бессмысленный труд! Это не только бесполезно, это глупо. Подобного на-

казания заслуживали только самые большие упрямцы или те, кто навлек на себя самый большой позор. Это все равно что… почти как если бы Хранительницы Мудрости назвали ее *да'тсанг*!

— Затмевающий Зрение, — прошептала девушка, заставляя себя выровнять бег. — Что же я наделала?

Эмис бросила на нее взгляд, и Авиенда отвела глаза. Обе знали, что Хранительница Мудрости не станет отвечать на этот вопрос. Девушка молча взяла мешочек. Более унизительному наказанию ее никогда прежде не подвергали.

Эмис отбежала в сторону, присоединившись к прочим Хранительницам Мудрости. Авиенда стряхнула оцепенение, к ней возвращалась решимость. Должно быть, ее ошибка была намного серьезнее, чем она предполагала. Наказание, назначенное Эмис, свидетельствовало именно об этом.

Авиенда распустила завязки, раскрыв горловину, и заглянула внутрь. Там лежали три пустых маленьких мешочка из *алгода*, призванных облегчить сортировку, и они почти скрывались под тысячами крошечных семян. Цель подобного наказания заключалась в том, чтобы ее *увидели* за подобным занятием, дабы устыдить ее еще боль-

ше. Что бы девушка ни натворила, ее поступок оскорбил не только Хранительниц Мудрости, но и всех вокруг, даже если они — как сама Авиенда — об этом не ведали.

Означало же это только то, что она должна стать еще более решительной и стойкой.

Глава 4
Наступление ночи

Гавин смотрел, как солнце сжигает дотла облака на западе и как гаснут последние солнечные лучи. Туман вечной мглы оставался непроницаемым даже для солнца. Точно так же сумрачная пелена ночью скрывала от его взора звезды. Сегодня облака были неестественно высокими. Нередко в пасмурные дни тучи полностью скрывали верхушку Драконовой горы, но этот густой серый туман почти все время висел так высоко, что едва задевал ее зазубренный обломанный пик.

— Пора начинать, — прошептал Джисао, затаившийся вместе с Гавином на вершине холма.

Гавин отвел взгляд от заката и снова посмотрел на деревушку внизу. Там должно было быть тихо, разве что какой-нибудь добросовестный хозяин в последний раз перед сном проверит скот в загоне. Там должно было быть темно, разве что светилось в домах несколько окон, где при сальных свечах селяне заканчивали бы ужин.

Но там не было темно. Там не было тихо. Дерев-

ню озаряла дюжина факелов в руках у крепких фигур. В свете этих факелов и угасающего солнца Гавин мог разглядеть, что каждый из них был одет в черно-коричневую, ничем не примечательную форму. Гавин не мог разглядеть на солдатах эмблему из трех звезд, но знал, что она там есть.

Со своего отдаленного наблюдательного пункта Гавин смотрел, как несколько припоздавших жителей, выйдя из дома, направляются на небольшую площадь, к собравшимся уже там соседям. Вид у всех был встревоженный и испуганный. Жители деревни встречали вооруженных людей без радости. Женщины прижимали к себе детей, мужчины старательно опускали взоры. Всем своим видом они говорили: «Мы не хотим неприятностей». Несомненно, из других деревень до них доходили слухи, что эти захватчики вели себя мирно и дисциплинированно. Солдаты платили за то, что брали, юношей в рекруты силком не забирали и в войско вступать не уговаривали — хотя желающим и не отказывали. И в самом деле, очень необычная армия завоевателей. Но Гавин знал, что думают эти люди. Армию вели Айз Седай, и кто возьмется сказать, что нормально, а что странно, когда дело касается Айз Седай?

Благодарение Свету, с этим патрулем не было

сестер. Вежливые, но суровые солдаты выстроили жителей деревни в ряд и принялись их осматривать. Затем солдаты по двое проверили внутри каждый дом и сарай. Ничего не было взято, ничего не было сломано. Все очень аккуратно и любезно. Гавин с готовностью поклялся бы, что командир извинялся перед деревенским мэром.

— Гавин? — спросил Джисао. — Их там от силы дюжина. Если с севера отправить отряд Родика, мы отрежем их с обеих сторон и раздавим. Уже стемнело, они даже не заметят нашего приближения. Мы покончим с ними, даже не вспотев.

— А селяне? — спросил Гавин. — Там дети есть.

— В прошлом нас это не останавливало.

— Тогда было по-другому, — заметил Гавин, покачав головой. — Последние три деревни, которые они обыскали, ведут прямой дорогой к Дорлану. Если этот отряд исчезнет, другие заинтересуются, что же такое те там обнаружили. Мы привлечем внимание целой армии.

— Но…

— Нет, Джисао, — тихо сказал Гавин. — Нужно уметь вовремя отступить.

— Значит, мы проделали весь этот путь впустую.

— Мы проделали этот путь ради возможно-

сти, — возразил Гавин, спускаясь по обратному склону холма так, чтобы его силуэт не выделялся на фоне неба. — Сейчас я эту возможность изучил, и мы ею не воспользуемся. Только дурак потратит стрелу лишь потому, что обнаружил перед собой птицу.

— Почему бы и не потратить, коли она у тебя прямо под носом? — спросил Джисао, спускаясь вслед за Гавином.

— Иногда трофей не стоит стрелы, — сказал Гавин. — Идем.

У подножия холма, в темноте, заслонив плащами фонари, стояли несколько человек — тех самых, кого искали в деревне солдаты. Наверняка Гарет Брин совсем не обрадовался, узнав, что где-то поблизости скрывается отряд, который совершает набеги на его войска. Брин прилагал все усилия, чтобы избавиться от них, но местность вокруг Тар Валона была просто усеяна деревнями, лесами и уединенными долинами, где мог спрятаться небольшой подвижный отряд. До сих пор Гавину удавалось скрывать своих Отроков от чужих глаз, время от времени устраивая рейды и засады на солдат Брина. Однако большего, имея три сотни человек, не сделаешь. Особенно если приходится противостоять одному из пяти вели-

ких капитанов — выдающихся военачальников своего времени.

«Неужели такова моя судьба — все время сражаться с теми, кто были моими наставниками и учителями?» Гавин взял своего коня под уздцы и вскинул правую руку, отдавая безмолвный приказ к отходу, потом резким жестом указал в сторону от деревни. Люди беспрекословно повиновались; они спешились и, ведя коней в поводу, чтобы не производить лишнего шума, двинулись прочь.

Гавин думал, что сумел оставить в прошлом гибель Хаммара и Коулина; сам Брин учил Гавина, что порой на поле боя соратники могут нежданно превратиться в противников. Гавин сразился со своими бывшими учителями и победил. На этом все кончено.

Но память его, похоже, решила вдруг вновь вытащить их тени и не давала покоя. Почему сейчас, спустя столько времени?

Гавин подозревал, что муки совести имеют отношение к столкновению с Брином, со своим первым и наиболее влиятельным наставником в делах войны. Ведя Неукротимого по погруженной в сумрак местности, Гавин качал головой. Свой отряд он решил вести подальше от дороги, на

случай если разведчики Брина выставили дозорных. Полсотни человек шагали за Гавином как можно тише, и мягкая весенняя почва заглушала стук копыт.

Если Брин был неприятно удивлен, узнав, что кто-то наносит удары по его конным разведчикам, то Гавин поразился не меньше, обнаружив на униформе убитых им солдат эти три звезды. Каким образом врагам Белой Башни удалось нанять величайший военный ум во всем Андоре? И прежде всего, почему вообще капитан-генерал гвардии королевы сражается на стороне кучки мятежных Айз Седай? Его место — в Кэймлине, он должен оберегать Илэйн.

Да ниспошлет Свет, чтобы Илэйн *уже* прибыла в Андор. Не может быть, чтобы она до сих пор была с мятежницами. Не сейчас, когда ее страна оставалась без королевы. Ее долг перед Андором перевешивает долг перед Белой Башней.

«А как обстоит дело с твоим долгом, Гавин Траканд?» — мысленно спросил он себя.

Гавин не был уверен, остались ли у него долг или честь. Может быть, вина за гибель Хаммара, кошмары войны и смерти у Колодцев Дюмай мучили его оттого, что он, как начинал понимать Гавин, неправильно выбрал сторону. Его вер-

ность принадлежала Илэйн и Эгвейн. Так почему же он продолжает сражаться в битве, до которой ему не было дела, почему он помогает стороне, которая — по всем имеющимся у него сведениям — была совершенно противоположна той, какую выбрали Илэйн и Эгвейн?

«Они — всего лишь принятые, — сказал он себе. — Илэйн и Эгвейн не выбирали, на какую сторону встать, они просто выполняют чужие приказы!» Но слова, сказанные ему Эгвейн тогда, много месяцев назад в Кайриэне, заставляли предполагать, что выбор она сделала по своей воле.

Она сделала выбор. Хаммар сделал выбор. Гарет Брин, со всей очевидностью, тоже. Но Гавин по-прежнему хотел оказаться на *обеих* сторонах. И это разрывало его на части.

Когда от деревни отряд отделял час пути, Гавин приказал сесть на коней и выехать на дорогу. Остается надеяться, что разведчики Брина не станут осматривать местность за околицей деревни. Если они возьмутся за поиски следов, то наверняка обнаружат следы пятидесяти всадников — такое сложно не заметить. Сейчас лучше всего добраться до твердой земли, где на наезженной дороге их следы затеряются среди тысяч прошед-

ших по ней чужих сапог и башмаков, копыт и колес. Две пары солдат из отряда Гавина ехали в дозоре впереди и еще две держались позади. Остальные сохраняли молчание, хотя лошади теперь неслись шумным галопом. Никто не спросил, почему они отступили, но Гавин знал, что они, как Джисао, тоже теряются в догадках и мучаются сомнениями.

Они были славными парнями. Пожалуй, даже слишком. С Гавином, пришпорив коня, поравнялся Раджар. Всего несколько месяцев назад он был едва ли не мальчишкой. Теперь же Гавин не мог не считать его — как и всех прочих — солдатом. Ветераном. Одни набираются опыта за долгие годы жизни. Другие обретают опыт в течение считаных месяцев, глядя на то, как гибнут их друзья и товарищи.

Гавин поднял взгляд вверх. Ему не хватало звезд. Свой блеск они прятали от него за этими облаками. Точно как айильцы прячут лица за своими черными вуалями.

— Раджар, что мы сделали не так? — продолжая скакать, спросил Гавин.

— Не так, лорд Гавин? — переспросил Раджар. — Не думаю, что мы совершили ошибку. Мы же не могли заранее узнать, какие деревни

патруль выберет для проверки или что они не свернут на старую Фургонную дорогу, как вы надеялись. Может, кто-то и сомневается, но мы правильно сделали, что отступили.

— Я не о набеге, — сказал Гавин, покачав головой. — Я обо всей этой треклятой ситуации. Ты же должен был не на фуражиров набеги устраивать и не разведчиков убивать. К этому времени ты должен был стать Стражем какой-нибудь новоиспеченной Айз Седай.

«А я должен был быть в Кэймлине, подле Илэйн».

— Колесо плетет так, как желает Колесо, — заметил Гавину его соратник.

— Оно заплело нас и затянуло в яму, — пробормотал Гавин, снова поглядев на хмурое небо. — И Элайда, похоже, вытаскивать нас не торопится.

Раджар, уступавший в росте Гавину, укоризненно посмотрел на командира снизу вверх.

— У Белой Башни свои методы, лорд Гавин, и свои мотивы. Не нам о них задумываться. Что толку от Стража, если он станет сомневаться в приказах своей Айз Седай? Сомнение погубит обоих — и его, и ее.

«Ты не Страж, Раджар. В этом-то все и дело!» Но вслух Гавин ничего не сказал. Казалось, никто

из остальных Отроков подобными вопросами не терзался. Для них мир был гораздо проще. Поступать следует так, как велит Белая Башня — и Престол Амерлин. Ну и что, если эти приказы как будто имеют целью тебя погубить.

Три сотни юнцов против армии из пятидесяти тысяч закаленных солдат под предводительством самого Гарета Брина? Такова воля Амерлин или нет, но это смертельная западня. Отроки до сих пор живы единственно лишь потому, что Гавину известно, как действует его прежний наставник. Он знал, как Брин мыслит, куда направит патрули и верховую разведку, и знал, как избежать его поисковых отрядов.

И все же это безнадежная затея и его старания тщетны. Гавин даже и близко не имел в своем распоряжении сил, необходимых для того, чтобы вести по-настоящему серьезные действия и изматывать противника, а не просто беспокоить его, особенно если учесть, что Брин давно ведет осаду и успел укрепить свои позиции. Кроме того, возможностей снабжать такую армию, по сути, не имелось. Откуда войскам Гавина брать продовольствие? Да, они покупали съестные припасы в окрестных деревнях, но этого едва хватало, чтобы самим прокормиться. Как среди

зимы они могли нести на себе все необходимое и при этом достаточно быстро передвигаться, чтобы совершать неожиданные набеги?

Атаки Гавина были практически бесполезны. Одного этого достаточно, чтобы задуматься о том, не захотела ли Амерлин попросту убрать с дороги Гавина — и прочих Отроков. Еще до Колодцев Дюмай у Гавина начали зарождаться определенные подозрения. Теперь догадка превратилась в уверенность, которая только крепла.

«Но ты продолжаешь по-прежнему исполнять ее приказы», — сказал сам себе Гавин.

Юноша покачал головой. Разведчики Брина подбирались опасно близко к убежищу, откуда действовали Отроки. Гавин не мог больше их убивать, не рискуя обнаружить себя. Пора возвращаться в Дорлан. Возможно, там Айз Седай подскажут, как действовать дальше.

Пригнувшись к шее коня, Гавин продолжил свой путь в ночи. «О Свет, как же мне хочется увидеть звезды», — подумал он.

Глава 5
Рассказ о крови

Ранд пересек истоптанную лужайку перед особняком. Вокруг стояли шатры и палатки, колыхались и хлопали знамена, с западной стороны, от коновязей, доносилось лошадиное ржание. Воздух был наполнен запахами хорошо устроенного военного лагеря, когда ароматы дыма и горячего варева от котлов гораздо сильнее, чем изредка доносившиеся запахи конского навоза или немытого тела.

Люди Башира содержали свой бивак в опрятности и занимались сотней мелких, но важных дел, необходимых для того, чтобы армия оставалась армией: точили мечи, промасливали кожу, чинили седла, носили воду из ручья. Слева, на дальней стороне лужайки, между рядами палаток и росшими вдоль ручья чахлыми деревцами, солдаты отрабатывали маневры. Вскидывались сверкающие пики, и выстроившиеся в ряд лошади неслись вперед, топча копытами мокрую землю. Тренировки оттачивали навыки не только бойцов, но и коней.

Как всегда, за Рандом тянулся шлейф сопровождающих. Охраняли его Девы, и айилки настороженно смотрели на салдэйских солдат. Рядом с Рандом шли несколько Айз Седай. Теперь они всегда находились поблизости. Когда-то Ранд потребовал, чтобы они держались от него на расстоянии вытянутой руки, но Узор сплетался, не считаясь с его желаниями, и опыт показал, что Ранд нуждался в Айз Седай. Хотел он того или нет, уже не имело значения. Теперь он понимал это.

Многие из находившихся в лагере Айз Седай поклялись Ранду в верности, но это мало обнадеживало. Всем известно: данные ими клятвы Айз Седай понимают и исполняют по-своему, и они сами решают, чего требует их «верность».

Элза Пенфелл, сопровождавшая сегодня Ранда, была из числа тех сестер, которые присягнули ему. Принадлежала она к Зеленой Айя, и ее лицо можно было счесть привлекательным, если бы не свойственная всем Айз Седай печать безвозрастности. Женщина была довольно миловидной — для Айз Седай, несмотря даже на тот факт, что она участвовала в похищении Ранда, когда его целыми днями держали в сундуке, откуда время от времени вытаскивали лишь для того, чтобы избить.

В глубине сознания Ранда возмущенно заворчал Льюс Тэрин.

Дело прошлое. Элза дала клятву, и этого достаточно, чтобы Ранд использовал ее. Вторая из Айз Седай в эскорте Ранда была менее предсказуема — она принадлежала к окружению Кадсуане. Кореле Ховиан из Желтой Айя — стройная, с голубыми глазами, копной черных волос и вечной улыбкой — повиноваться ему не обещала. Тем не менее Ранду хотелось доверять ей, так как однажды она пыталась спасти ему жизнь. Выжил Ранд только благодаря ей, Самитзу и Дамеру Флинну. Одна из двух незаживающих ран в боку Ранда — «подарок» от прóклятого кинжала Падана Фейна — по-прежнему ныла, напоминая о том дне. Непроходящая пульсирующая боль от этого мучительного источника зла накладывалась на не меньшую боль от застарелой раны под ним, которую Ранд так давно получил в битве с Ишамаэлем.

Скоро из одной из этих ран — а возможно, и из обеих — кровь Ранда прольется на скалы Шайол Гул. Он не знал, станут ли причиной его гибели эти раны или нет. Столь разные силы и столь многие чуть ли не наперебой стремились лишить Ранда жизни, что даже Мэт не знал бы, на

что ставить.

Едва только Ранд подумал о Мэте, как закружившиеся в голове цветные пятна сложились в образ гибкого кареглазого молодого человека в широкополой шляпе, бросающего игральные кости в окружении небольшой группы наблюдавших за ним солдат. Мэт, как всегда, ухмылялся и будто позерствовал, но не было видно, чтобы перед его бросками делали ставки.

Видения возникали всякий раз, как Ранд вспоминал Мэта или Перрина, и он перестал отгонять их. Он не знал, что порождает эти образы; возможно, природа та'верена давала ему связь с двумя другими та'веренами из его родной деревни. Чем бы ни было необычное явление, Ранд нашел ему применение. Просто еще один инструмент. В видении Мэт, похоже, по-прежнему оставался с Отрядом, но находился уже не в разбитом на лесной поляне военном лагере. Разглядеть детали было сложно, но кажется, все происходило в окрестностях какого-то города. По крайней мере, совсем неподалеку проходила широкая дорога.

Вот уже какое-то время Ранд не видел с Мэтом невысокой темнокожей женщины. Кто она такая? И куда делась?

Видение растаяло. Ранд надеялся, что Мэт скоро

вернется к нему. У Шайол Гул ему будет нужен и сам Мэт, и его навыки в тактике.

Один из офицеров-квартирмейстеров Башира — кривоногий кавалерист с густыми усами и непропорционально широким туловищем, — заметив Ранда, быстрым шагом направился к нему. Ранд отмахнулся от салдэйца, сейчас ему не до отчетов о продовольственных запасах. Тот сразу же отсалютовал и ретировался. Когда-то Ранда удивляло, что ему мгновенно подчиняются, но не сейчас. Так и надо — солдаты должны повиноваться. Ранд был королем, даже если и не носил в настоящий момент Корону мечей.

Ранд прошел через луг, где теперь тесно стояли палатки и коновязи. Миновав незаконченный земляной вал, он оказался за пределами бивака. Здесь, спускаясь по пологому склону, росли сосны. Тут же справа, среди деревьев, находилась площадка для Перемещения — из предосторожности огороженный веревками квадратный участок земли, где открывали переходные врата.

Такие врата и сейчас висели в воздухе — портал для перехода в другое место. Через них на площадку, усеянную сосновыми шишками, только что вышла немногочисленная группа. Ранд ясно видел плетения, образовавшие эти врата;

и создали их с помощью саидин.

На большинстве новоприбывших были яркие одежды Морского народа — мужчины, несмотря на прохладный весенний воздух, шли с голым торсом, на женщинах были свободные цветные блузы. Все были облачены в широкие штаны, и у всех в носу или в ушах сверкали золотые кольца. Сложность этих украшений указывала на занимаемое каждым место в иерархии Ата'ан Миэйр.

К Ранду, дожидавшемуся гостей из Морского народа, подошел один из солдат, охранявших площадку для Перемещения, и вручил запечатанное письмо. Вероятно, его передали через Аша'манов кем-то из сторонников Ранда на востоке. И в самом деле, вскрыв послание, он обнаружил, что оно от Дарлина, тайренского короля. Ранд оставил ему приказы собирать войска и готовиться к выступлению в Арад Доман. Армию давно собрали, и Дарлин — в который уже раз — интересовался дальнейшими указаниями. Неужели нельзя просто сделать так, как сказано?

— Отправьте гонца, — сказал Ранд солдату, нетерпеливо запихивая письмо в карман. — Передайте Дарлину, чтобы продолжал набирать людей. Пусть каждого тайренца, способного держать меч, отправляет либо учиться воевать, либо

работать в кузнице. Грядет Последняя битва. Очень скоро.

— Будет исполнено, милорд Дракон, — ответил солдат, отсалютовав.

— Известите его, что я пришлю Аша'мана, когда надо будет выступать, — сказал Ранд. — Я по-прежнему намерен использовать его в Арад Домане, но сначала нужно узнать, что обнаружили айильцы.

Солдат поклонился и ушел. Ранд снова повернулся к представителям Морского народа. Одна из женщин приблизилась к нему.

— Корамур! — произнесла она, кивком поприветствовав юношу.

Харине была красивой женщиной средних лет, в волосах ее уже пробивалась седина. Блуза Ата'ан Миэйр была такого ярко-синего цвета, что позавидовали бы Лудильщики, в каждом ухе висело по пять массивных колец, а цепочку, соединявшую серьги с колечком в носу, украшали золотые подвески.

— Не ожидала, что ты встретишь нас лично, — продолжила Харине.

— У меня есть к тебе вопросы, которые не могут ждать.

Судя по виду, Харине будто застигли врасплох.

Она была послом Морского народа к Корамуру — так они называли Ранда. Их страшно возмутило, что Ранд несколько недель провел без их «опекуна», — и он пообещал, что всегда будет держать кого-то из Морского народа при себе, — но Логайн упомянул, что предводители Ата'ан Миэйр сомневались, стоит ли отправлять Харине обратно. С чего бы? Может, она удостоилась более высокого ранга и стала слишком важной особой для того, чтобы сопровождать Ранда? Разве кто-то может занимать настолько важное положение, что для него стало бы неподобающим сопровождать Корамура? Многое в обычаях Морского народа представлялось Ранду странным и непонятным.

— Если смогу, отвечу, — сдержанно промолвила Харине.

Через переходные врата позади женщины носильщики заканчивали переносить оставшиеся вещи Харине. По ту сторону портала, держа его открытым, стоял Флинн.

— Хорошо, — сказал Ранд, принявшись расхаживать перед ней туда-сюда. Временами он чувствовал себя таким усталым — изможденным до костей, — что ему просто необходимо было двигаться. Не останавливаться ни на миг. Если он остановится, враги найдут его. Или же его

раздавит собственная усталость, физическая и душевная. — Скажи мне вот что, — требовательным тоном произнес Ранд, так и не перестав ходить. — Где обещанные вами корабли? На востоке гниет зерно, а народ Арад Домана умирает от голода. Логайн сказал, что вы согласны на мои условия, но я не видел ни единого корабля. Прошло уже несколько недель!

— Наши корабли быстры, — с раздражением сказала Харине, — но нужно преодолеть огромное расстояние. И мы должны пройти через моря, которые контролируют шончан. Захватчики чрезвычайно бдительны и всюду рассылают патрули, так что несколько раз нашим кораблям приходилось поворачивать вспять. Не ожидаешь же ты, что мы доставим продовольствие в мгновение ока? Возможно, Корамур, удобство этих переходных врат сделало тебя нетерпеливым. Нам же приходится преодолевать трудности войны и больших расстояний. Даже если ты избавлен от этого.

Ее тон предполагал, что иначе ему пришлось бы столкнуться с этими трудностями.

— Я ожидаю результатов, — покачал головой Ранд, — а не проволочек. Я знаю, вам не нравится, когда вас заставляют выполнять договоренности,

но я не потерплю задержек, как бы вы ни стремились еще раз настоять на своем. Из-за вашей медлительности умирают люди.

Харине выглядела так, будто ей дали пощечину.

— Уверена, — произнесла она, — Корамур не хочет сказать, что мы не выполняем свою часть сделки.

Морской народ славится упрямством и гордостью, а Госпожи Волн — самые упрямые из Морского народа. В этом отношении все эти женщины были под стать Айз Седай. Ранд помедлил. «Мне не стоит так ее оскорблять и вымещать на ней свое раздражение».

— Нет, — наконец сказал Ранд. — Нет, я не имею этого в виду. Скажи мне, Харине, тебя сильно наказали за наше соглашение?

— Меня нагой подвесили за лодыжки и хлестали до тех пор, пока я не смогла больше кричать. — Произнося эти слова, она в ужасе распахнула глаза.

Что ж, Ранд — та'верен, а оказываемое та'вереном воздействие проявляется и в том, что зачастую люди раскрывают то, о чем не хотят говорить.

— Так жестоко? — Ранд был искренне потря-

сен.

— Не так плохо, как могло бы быть. Я сохранила пост Госпожи Волн своего клана.

Но было очевидно, что Харине сильно потеряла лицо, или навлекла на себя большой тох, или утратила уважение, в общем, случившееся плохо сказалось на том, что этот треклятый Морской народ называл честью. Даже там, где Ранда и рядом не было, он причинял страдания и приносил боль!

— Рад, что ты вернулась, — сделав над собой усилие, произнес он. Без улыбки, но гораздо более мягким тоном. Лучшего он сделать не мог. — Восхищен твоей способностью здраво и рассудительно мыслить, Харине.

Она кивнула в знак благодарности.

— Мы выполним нашу сделку, Корамур. Не беспокойся.

Ранду припомнилось еще кое-что — один из тех вопросов, ради которых он и пришел сюда.

— Харине! Я хочу задать тебе довольно деликатный вопрос о твоем народе.

— Спрашивай, — с настороженностью произнесла она.

— Как Морской народ относится к мужчинам, способным направлять Силу?

Женщина помедлила, потом произнесла:

— Этого не следует знать сухопутникам.

Ранд посмотрел Харине в глаза.

— Если ты ответишь, взамен я отвечу на твой вопрос.

Лучший способ вести дела с Ата'ан Миэйр — не сила и угрозы, а торговля и обмен.

Она помолчала, потом сказала:

— Если ты ответишь мне на два вопроса, тогда я дам ответ.

— Я отвечу на один вопрос, Харине, — заявил Ранд, подняв палец. — Но обещаю отвечать как можно искренней. Уговор честный, и ты это знаешь. Сейчас у меня маловато терпения.

Харине коснулась пальцами своих губ:

— Ладно, договорились, и Свет тому свидетель.

— Договорились, — согласно обычаю, произнес Ранд. — Свет свидетель. Итак, каков ответ на мой вопрос?

— Мужчинам, способным направлять Силу, предоставляют выбор, — сказала Харине. — Они могут шагнуть с носа своего корабля, держа в руках камень, привязанный к ногам, либо их высадят на пустынном острове без воды и пищи. Второе считается более постыдным, но некоторые поступают именно так, чтобы ненадолго

продлить себе жизнь.

По правде говоря, все это мало отличалось от того, как у него в стране обращались с такими мужчинами — подвергая их укрощению.

— Саидин теперь очищена, — заявил он Харине. — От этого обычая нужно отказаться.

Харине поджала губы, разглядывая Ранда.

— Тот твой… человек говорил об этом, Корамур. Не всем будет легко это принять.

— Это правда, — твердо сказал он.

— Я не сомневаюсь, что ты в это веришь.

Ранд заскрежетал зубами и стиснул кулак, с трудом подавив очередную вспышку ярости. Он избавил саидин от порчи! Он, Ранд ал'Тор, совершил деяние, неслыханное со времен Эпохи легенд. И что в благодарность? Сомнения и подозрения. Большинство решило, что он теряет рассудок, а значит, никакого «очищения» и в помине не было.

Мужчинам, способным направлять Силу, никогда не доверяли. Однако только они могли подтвердить слова Ранда! Он воображал себе радость и восторг победы, но глубоко заблуждался. Некогда мужчины Айз Седай пользовались таким же уважением, как и наделенные подобным званием женщины, но было то давным-давно.

Дни Джорлена Корбесана затеряны во времени. Все, что люди теперь помнят, — Разлом Мира и Безумие.

Таких мужчин ненавидели. Но все же, идя за Рандом, служили одному из них. Разве они не видят противоречия? Как убедить их, что больше нет причин убивать мужчин, способных коснуться Единой Силы? Они нужны ему! Среди тех, кого Морской народ швырнул в океан, мог оказаться еще один Джорлен Корбесан.

Ранд застыл на месте. Джорлен Корбесан был до Разлома Мира одним из самых талантливых Айз Седай, человеком, создавшим некоторые из наиболее удивительных тер'ангриалов, которые Ранд когда-либо видел. Вот только Ранд никак не мог их видеть. Это — воспоминания Льюса Тэрина, а не его. Исследовательская лаборатория Джорлена в Шероме была уничтожена, а сам он погиб в результате обратного выплеска Силы из Скважины.

«О Свет, — с отчаянием подумал Ранд. — Я теряю самого себя. Теряю себя в нем».

Самым ужасным и пугающим было то, что Ранд больше не мог заставлять себя прогонять Льюса Тэрина. Льюс Тэрин знал способ запечатать Скважину, пусть не идеально, но сам Ранд и вовсе

не представлял, как подступиться к такой задаче. Весьма возможно, судьба всего мира зависит от воспоминаний давно умершего безумца.

На лицах окружающих Ранд вдруг заметил испуг, а взгляд Харине был одновременно неловким и слегка встревоженным. Ранд понял, что вновь что-то еле слышно бормочет, и сразу же умолк.

— Я принимаю твой ответ, — сухо промолвил он. — Каким будет твой вопрос?

— Я задам его позже, — сказала Харине. — Мне нужно время подумать.

— Как пожелаешь. — Ранд повернулся, и следом потянулась свита из Айз Седай, Дев и прочих сопровождающих. — Караульные проводят тебя в комнату и принесут вещи. — Пожитков у Харине оказалась целая гора. — Флинн, за мной!

Пожилой Аша'ман прыгнул в переходные врата, знаком велев последним носильщикам возвращаться на причал на той стороне. Затем портал свернулся в светящуюся полоску и исчез, и Флинн поспешил за Рандом, успев обменяться взглядами и улыбками с Кореле, которая связала его узами как своего Стража.

— Прошу простить, что возвращение затянулось, лорд Дракон. — У Флинна было обветренное лицо и редкие пучки волос на голове. Он походил

на тех фермеров, которых Ранд знал в Эмондовом Лугу, хотя бóльшую часть жизни тянул солдатскую лямку. Флинн пришел к Ранду, потому что хотел научиться Исцелению. Вместо этого Ранд превратил его в оружие.

— Ты сделал все, как приказано, — заметил Ранд, направляясь обратно к лугу. Ему хотелось взвалить на Харине вину за предрассудки целого мира, но это несправедливо. Нужен способ получше, надо найти способ *заставить* всех увидеть.

— Никогда не был силен в создании переходных врат, — продолжал Флинн. — Не то что Андрол. Нужно было…

— Флинн, — прервал его Ранд. — Хватит.

Аша'ман покраснел:

— Прошу прощения, милорд Дракон.

Кореле, шедшая рядом, тихонько засмеялась и похлопала Флинна по плечу.

— Не обращай внимания, Дамер, — сказала она с певучим мурандийским выговором. — Он все утро мрачнее зимней тучи.

Ранд метнул на нее сердитый взгляд, но она лишь добродушно улыбнулась. Независимо от того, что думали Айз Седай о способных направлять Силу мужчинах, те из них, кто взяли в Стражи Аша'манов, казалось, опекали и оберегали их,

как мать ребенка. Она связала его узами, но это не отменяло факта, что Флинн был одним из его людей. Прежде всего — Аша'ман и лишь потом Страж.

— А что ты думаешь, Элза? — промолвил Ранд, поворачиваясь от Кореле к другой Айз Седай. — О порче и о том, что сказала Харине?

Круглолицая женщина помолчала, медля с ответом. Она шагала, заложив руки за спину, ее темно-зеленое платье украшала лишь легкая вышивка. Практичный наряд, но скромный для Айз Седай.

— Если милорд Дракон утверждает, что порча отчищена, — осторожно произнесла она, — него-же в этом сомневаться в присутствии других.

Ранд поморщился. Ответ, достойный Айз Седай. Дала она клятву или нет, Элза все равно поступала так, как ей заблагорассудится.

— Мы же обе были там, у Шадар Логота, — сказала Кореле, закатывая глаза. — Мы видели, что ты сделал, Ранд. К тому же я чувствую мужскую половину Силы через узы с Дамером. Она действительно изменилась. Порча исчезла. Это верно, как солнечный свет, хотя по ощущениям направлять мужскую половину все равно что бороться с ураганом.

— Да, — сказала Элза, — но даже будь так, ты должен понимать, как трудно в это поверить другим, милорд Дракон. Во Времена безумия десятилетия ушли на то, чтобы некоторые уяснили, что мужчины Айз Седай обречены сойти с ума. Вероятнее всего, чтобы преодолеть недоверие, укоренившееся в людях так прочно, потребуется еще больше времени.

Ранд стиснул зубы. Дойдя до небольшого холма у лагеря, возле самого вала, он начал взбираться на него; Айз Седай шли следом. Здесь была возведена короткая деревянная платформа — небольшая башня для стрельбы поверх вала.

Ранд остановился на вершине холма, и Девы окружили его. Несколько солдат отсалютовали ему, но юноша едва обратил на них внимание, обводя взглядом салдэйский лагерь с аккуратными рядами палаток.

И это все, что он оставит миру? Порча очищена, но мужчин по-прежнему убивают или изгоняют за то, в чем нет их вины, с чем они ничего поделать не могут. Он привязал к себе большинство стран. Но Ранд хорошо знал, что чем туже затянуть тюк, тем сильнее хлестнет обвязка, когда перережешь веревку. Что будет, когда он умрет? Войны и опустошение, сравнимые с Разломом

Мира? В прошлом он не сумел помочь, так как его поглотили безумие и скорбь после смерти Илиены. Удастся ли ему предотвратить нечто подобное на этот раз? Есть ли у него выбор?

Он — та'верен. Узор обвивается и обретает форму вокруг него. Тем не менее, став королем, он очень быстро понял одно: чем больше у тебя власти, тем меньше ты контролируешь собственную жизнь. Долг воистину тяжелее горы; он направлял его руку столь же часто, что и пророчества. Или это одно и то же? Долг и пророчество? Его суть та'верена и его место в истории? Сможет ли он изменить свою жизнь? Будет ли после его ухода мир лучше, не оставит ли он страны и народы израненными, истерзанными и истекающими кровью?

Ранд смотрел на лагерь, на занятых своими делами людей, на лошадей, водивших мордами по земле в поисках зимней травы, которую они еще не успели сжевать до корней. Хотя Ранд приказал армии двигаться налегке, вместе с солдатами шло немало и других людей. Женщины, помогавшие со стряпней и стиркой, кузнецы и подковщики, заботившиеся о лошадях и снаряжении, мальчишки, разносившие послания и обучающиеся владеть оружием. Салдэйя была страной Порубе-

жья, а для народов Пограничных земель битвы занимали привычное место в жизни.

— Иногда я им завидую, — прошептал Ранд.

— Милорд? — спросил Флинн, шагнув ближе.

— Люди в лагере, — ответил Ранд. — Они делают, что им велено, каждый день исполняют приказы. Порой суровые приказы. Но все равно они куда свободнее, чем я.

— Чем вы, милорд? — сказал Флинн, потирая обветренную щеку узловатым пальцем. — Вы — самый могущественный человек из ныне живущих! Вы — та'верен. Подумать только, даже Узор подчиняется вашей воле!

Ранд покачал головой:

— Все не так, Флинн. Все эти люди… любой из них может сесть на лошадь и ускакать отсюда. Сбежать, если им вздумается. Оставить битву другим.

— В жизни я знавал нескольких салдэйцев, милорд, — заметил Флинн. — Прошу прощения, но сомневаюсь, чтобы кто-то из них так поступил.

— Но они могли бы, — сказал Ранд. — У них есть такая возможность. Каковы бы ни были законы и клятвы, они свободны. А я… Мне кажется, что я могу поступать, как мне хочется, но связан я так крепко, что путы врезаются в мою плоть. Моя

власть и влияние бессильны перед судьбой. Моя свобода — всего лишь иллюзия, Флинн. И поэтому я завидую им. Иногда.

Флинн заложил руки за спину, явно не зная, что ответить.

«Мы все делаем то, что должны, — всплыл в памяти Ранда голос Морейн. — Как велит Узор. У некоторых свободы меньше, чем у других. И нет разницы, сами мы выбираем или оказываемся избраны. Что должно быть, то обязательно случится».

Она понимала. «Я стараюсь, Морейн, — подумал Ранд. — Я сделаю то, что должен».

— Милорд Дракон! — раздался чей-то возглас.

Обернувшись, Ранд увидел, что на холм взбегает один из разведчиков Башира. Девы, не спуская с темноволосого юноши настороженных глаз, позволили ему приблизиться к Ранду.

— Милорд, — сказал разведчик, салютуя. — Возле самого лагеря обнаружены айильцы. Мы видели двоих в полумиле отсюда, они крались среди деревьев ниже по склону.

Пальцы Дев тотчас же пришли в движение — айильские воительницы оживленно переговаривались на своем тайном языке жестов.

— Никто из тех айильцев не помахал тебе, сол-

дат? — сухо осведомился Ранд.

— Милорд? — удивился юноша. — Зачем им это делать?

— Это Айил. Если ты увидел их, значит они того хотели и значит это союзники, а не враги. Сообщи Баширу, что скоро мы встретимся с Руарком и Бэилом. Пора навести порядок в Арад Домане.

Или, может быть, пришла пора его разрушить. Иногда бывает сложно отличить одно от другого.

— Планы Грендаль, — произнесла Мериса. — Расскажи еще раз, что тебе о них известно.

Высокая Айз Седай — из Зеленой Айя, как и сама Кадсуане, — сохраняла строгое выражение лица, руки сложены на груди, черные волосы удерживал воткнутый сбоку в прическу серебряный гребень.

Тарабонка хорошо подходила для того, чтобы вести допрос. По крайней мере, лучше из всех, кто имелся в распоряжении Кадсуане. Находясь рядом с одним из самых ужасных созданий на свете, Мериса не выказывала ни капли беспокойства и была неутомима в вопросах. Хотя проявляла несколько излишнее старание, стремясь продемонстрировать свою суровость. Это было заметно по тому, например, как сильно она затягивала свои волосы в узел или как выставляла напоказ

своего Стража-Аша'мана.

Комната находилась на втором этаже доманийского особняка Ранда ал'Тора. Наружная стена была сложена из толстых круглых сосновых бревен, внутренние стены — из одинаковых досок, выкрашенных в коричневый цвет. Раньше тут располагалась спальня, а теперь отсюда убрали всю мебель, и на посыпанном песком дощатом полу не было даже коврика. По сути, единственным предметом обстановки являлся прочный стул, на котором сидела Кадсуане.

Она мелкими глотками пила чай, намеренно создавая вокруг атмосферу сдержанности. Это было важно особенно сейчас, когда от внутреннего спокойствия она была далека, как никогда. В данный момент, например, ей хотелось раздавить чашку в ладонях, а потом, наверное, еще и целый час топтать осколки ногами.

Кадсуане сделала еще глоток.

Источник ее недовольства и разочарованности — и объект допроса Мерисы — висел вниз головой, удерживаемый прядями Воздуха, со связанными за спиной руками. У пленницы были короткие волнистые волосы и темная кожа. Несмотря на обстоятельства, невозмутимостью на лице она не уступала Кадсуане. На ней было

простое коричневое платье — подол, чтобы не закрывал лицо, удерживался у ног прядью Воздуха. Узница была связана и ограждена щитом, но каким-то образом от нее исходило превосходство.

Мериса стояла перед пленницей. Кроме них, в комнате был лишь Наришма, прислонившийся спиной к стене.

Кадсуане допросом не руководила — пока что. Позволив другой задавать вопросы, она использовала эту возможность, чтобы думать и планировать. Щит вокруг пленницы удерживали находившиеся за стенами комнаты Эриан, Сарен и Несан — на две сестры больше, чем обычно считалось нужным.

С Отрекшимися нельзя рисковать.

Их пленницей была Семираг. Чудовище, которое многие считали просто легендой. Кадсуане не знала, какие из историй об этой женщине правдивы. Но она знала, что Семираг нелегко запугать, вывести из себя или манипулировать ею. В этом-то и заключалась проблема.

— Итак? — требовательным тоном спросила Мериса. — Я задала вопрос. У тебя есть на него ответ?

Семираг заговорила с ледяным презрением:

— Тебе известно, что происходит с человеком,

если его кровь заменить на другую жидкость?

— Я не…

— Разумеется, он умрет, — как ножом отрезала Семираг. — Часто смерть происходит мгновенно, но быстрая смерть неинтересна. Посредством экспериментов я обнаружила, что некоторые растворы заменяют кровь более эффективно, позволяя подопытному прожить после переливания еще, пусть и недолго.

Она замолчала.

— Отвечай на вопрос, — сказала Мериса, — или я снова вывешу тебя из окна и…

— Сама трансфузия, естественно, требует использования Силы, — снова перебила ее Семираг. — Другие методы недостаточно быстры. Я сама изобрела нужное плетение. Оно способно внезапно и мгновенно удалить кровь из тела и поместить в другой сосуд, одновременно влив требуемый раствор в вены.

Мериса заскрежетала зубами, бросив взгляд на Наришму. Аша'ман, как обычно, был одет в черные штаны и куртку, его длинные темные волосы были заплетены в косы с колокольчиками на концах. Он стоял, привалившись к бревенчатой стене. У него было юное лицо, но от Аша'мана веяло опасностью. Возможно, это результат тре-

нировок с другими Стражами Мерисы. Возможно, сказалось общение с людьми, способными допрашивать Отрекшуюся.

— Предупреждаю… — снова начала Мериса.

— Один из объектов прожил после переливания целый час, — сообщила Семираг спокойным, непринужденным тоном, — что я считаю одним из крупнейших своих достижений. Разумеется, все это время он испытывал боль. Настоящую боль, агонию, которую он ощущал в каждом участке своего тела, до мельчайших сосудов в кончиках пальцев. Я не знаю иного способа создать такую единовременную и всеохватывающую пытку.

Она встретилась взглядом с Мерисой:

— Когда-нибудь я продемонстрирую тебе это плетение.

Мериса — едва заметно — побледнела.

Резко взмахнув рукой, Кадсуане сплела щит Воздуха вокруг головы Семираг, чтобы та ничего не слышала, затем создала две маленькие сферы из Огня и Воздуха и поместила их перед глазами Отрекшейся. Зависшие перед Семираг огненные шары были не настолько яркими, чтобы ослепить или повредить ей зрение, но видеть окружающее не позволяли. Это был особый прием Кадсуане.

Слишком многие сестры лишали пленников возможности слышать, но оставляли им способность видеть. Никогда не знаешь, умеет ли кто читать по губам, а Кадсуане не склонна была ни в коей мере недооценивать свою нынешнюю пленницу.

Мериса бросила на Кадсуане взгляд, в котором читалось раздражение.

— Ты теряешь над ней контроль, — твердо заявила Кадсуане, поставив чашку на пол рядом со стулом.

Мериса, помешкав, кивнула. Выглядела она всерьез рассерженной. Скорее всего, на саму себя.

— Эта женщина… — произнесла она. — Ничем ее не проймешь. Она не меняет тона, что бы мы с ней ни делали. На любую экзекуцию, какую я придумываю, в ответ лишь еще больше угроз. Каждая ужаснее предыдущей! О Свет!

Мериса снова стиснула зубы, сложила руки и глубоко вдохнула и выдохнула через нос. Наришма выпрямился, словно собираясь подойти к ней, но она жестом велела ему оставаться на месте. Мериса была достаточно строга со своими Стражами, но никому другому не позволяла ставить их на место.

— Мы можем сломить ее.

— Ты так думаешь, Кадсуане?

— Пфф! Конечно можем. Она — человек, как и любой другой.

— Это верно, — согласилась Мериса. — Но она живет уже три тысячи лет. Три тысячи лет, Кадсуане.

— Бóльшую часть из которых она провела в заточении, — отметила Кадсуане, презрительно фыркнув. — Века, проведенные в узилище Темного, скорее всего, в состоянии транса или своеобразной спячки. Вычти эти годы, и она окажется не старше любой из нас. Я бы сказала, даже помладше некоторых.

Это был легкий намек на собственный возраст Кадсуане, хотя среди Айз Седай эта тема редко обсуждалась. Подобный поворот в разговоре, по сути, свидетельствовал о том, насколько неуютно чувствовала себя Мериса в присутствии Отрекшейся. Айз Седай хорошо умели сохранять внешнее спокойствие, но не зря Кадсуане оставила державших щит сестер за дверью. Слишком многое они выдавали. Даже обычно непоколебимая Мериса слишком часто теряла самообладание во время этих допросов.

Конечно, Мериса и прочие — как и все женщины в Башне в нынешние дни — были далеки

от истинных Айз Седай. Им, более молодым, попустили стать мягкими и слабыми, склонными к мелким раздорам. Некоторые позволили себя так запугать, что согласились присягнуть на верность Ранду ал'Тору. Иногда Кадсуане жалела, что не может назначить им всем какое-нибудь наказание на срок в несколько десятилетий.

Или, быть может, дело в ее собственном возрасте. Старость делала Кадсуане все более нетерпимой к глупости. Более двухсот лет назад она поклялась себе, что доживет до Последней битвы, сколько бы времени это ни потребовало. Использование Единой Силы продлевало годы, и она обнаружила, что решительность и настойчивость способны продлить их еще больше. Она была в числе старейших из живущих ныне людей.

К сожалению, годы научили ее, что никакая целеустремленность или искусство планирования не сделают жизнь такой, какой хочешь, но это нисколько не ослабляло ее раздражения. Можно было подумать, что годы также научат ее терпению, но все оказалось наоборот. Чем старше она становилась, тем меньше была настроена ждать, потому что знала, что лет осталось немного.

Любой, кто утверждает, будто старость наде-

лила его терпением, либо лжет, либо выжил из ума.

— Ее *можно* сломить, и мы это сделаем, — повторила Кадсуане. — Я не позволю ей, знающей плетения из Эпохи легенд, вынудить нас казнить ее. Мы вытянем из нее все крупицы знания, даже если против нее придется обратить кое-какие из ее собственных «изобретательных» методов.

— Ай'дам. Если б только лорд Дракон разрешил применить его на ней… — промолвила Мериса, покосившись на Семираг.

Если когда-либо у Кадсуане возникало искушение нарушить слово, то именно сейчас. Надеть ай'дам на эту женщину… но нет — чтобы заставить кого-то говорить с ай'дам на шее, нужно причинить ему боль. Это равноценно пыткам, а ал'Тор запретил их.

Огни Кадсуане заставили Семираг закрыть глаза, но она по-прежнему оставалась спокойна и невозмутима. Что творится в голове у этой женщины? Ждет ли она спасения? Хочет ли заставить их казнить ее, чтобы избежать настоящей пытки? Или она действительно полагает, что сумеет сбежать и отомстить Айз Седай, допрашивавшим ее?

Скорее всего, последнее — и трудно не почув-

ствовать угрозу в ее словах. Эта женщина знала о Единой Силе то, что не сохранилось даже в легендах. Три тысячи лет — это много, очень много. Под силу ли Семираг неизвестным способом взломать отгораживающий ее щит? Если она может так поступить, то почему еще не сделала этого? Кадсуане не успокоится, пока не напоит ее отваром корня вилочника.

— Можешь снять свои плетения, Кадсуане. — Мериса встала. — Я взяла себя в руки. Боюсь, нам придется вывесить ее за окно на какое-то время, как я и говорила. Может, мы сумеем пригрозить ей болью. Не может же она знать о глупых распоряжениях ал'Тора.

Кадсуане подалась вперед, распуская плетения, чтобы погасить светящиеся сферы перед глазами Отрекшейся, но не снимая щит Воздуха, не позволявший той слышать. Семираг сразу же открыла глаза и быстро нашла взглядом Кадсуане. Да, она знала, кто всем руководит. Две женщины скрестили взгляды.

Мериса продолжила, повторяя вопросы о Грендаль. Ал'Тор считал, что вторая Отрекшаяся находится где-то в Арад Домане. Кадсуане же гораздо больше интересовало другое, но для начала сгодятся и сведения о Грендаль.

На сей раз вопросы Мерисы Семираг встречала полным молчанием, и Кадсуане поймала себя на том, что размышляет об ал'Торе. Мальчишка сопротивлялся ее урокам так же упрямо, как Семираг — допросу. Правда, кое-чему он научился — как относиться к ней с долей уважения и как хотя бы казаться вежливым. Но не более.

Кадсуане терпеть не могла признавать поражения. Это еще не было провалом — пока нет, — но она была близка к неудаче. Мальчику суждено уничтожить мир. И возможно, спасти его. Первое было неизбежным; второе зависело от многих условий. Хотелось бы ей, чтобы было наоборот, но от желаний не больше пользы, чем от деревянных монет. Можно раскрасить их как угодно, но они все равно останутся деревянными.

Кадсуане стиснула зубы, выбрасывая из головы всякие мысли об ал'Торе. Ей нужно наблюдать за Семираг. Любое слово этой женщины может стать подсказкой. Семираг тоже смотрела на нее, не обращая внимания на Мерису.

Как сломить одну из самых могущественных женщин в истории? Женщину, которая творила бесчисленные злодеяния в давние дни чудес, даже еще до освобождения Темного? Заглянув в эти черные глаза, Кадсуане кое-что поняла.

Запрет ал'Тора на причинение боли Семираг бессмыслен. Без боли ее не сломить. Семираг была великой мучительницей среди Отрекшихся, ее привлекали смерть и страдания.

Нет, и тогда эта женщина не поддастся, даже будь у Кадсуане разрешение прибегнуть к подобному способу. Глядя в эти глаза, Кадсуане с холодной дрожью подумала, что видит в Семираг нечто от себя самой. Возраст, изобретательность и нежелание сдаваться.

Значит, тогда остается вопрос к самой Кадсуане. Если бы перед ней встала такая задача, как Кадсуане сломила бы себя?

Мысль была настолько пугающей, что она испытала облегчение, когда через несколько секунд допрос прервала Кореле. Стройная жизнерадостная мурандийка была верна Кадсуане, и та поручила ей сегодня следить за ал'Тором. Известие Кореле о том, что ал'Тор скоро встретится с вождями Айил, положило конец допросу. Три сестры, державшие щит, вошли в комнату и увели Семираг в ее узилище; там ее свяжут и заткнут рот прядями Воздуха.

Кадсуане проводила взглядом Отрекшуюся, крепко спутанную арканом из прядей Воздуха, и покачала головой. С Семираг день только начал-

ся. Пора разобраться с мальчишкой.

Глава 6
Когда плавится железо

Родел Итуралде видел много полей сражений. Все они были похожи. Мертвые тела, сваленные в кучи, точно мешки с тряпьем. Во́роны, предвкушающие пир. Стоны и крики, плач и бессвязное бормотание тех, кому не повезло и пришлось дольше дожидаться смерти.

Но каждое поле битвы по-своему неповторимо. По нему можно определить ход сражения — как охотник читает следы преследуемого зверя. Неестественно ровные ряды тел — там, где на атакующую пехоту обрушились ливни стрел. Тут — разбросанные и затоптанные тела пеших воинов, столкнувшихся с тяжелой кавалерией. В этом сражении несметное число шончан было прижато к стенам Дарлуны, где они отчаянно сражались. Чуть ли не вбиты в камень. В том месте, где кто-то из дамани пытался сбежать в город, часть стены была разрушена полностью. Сражение на улицах и среди домов обернулось бы в пользу шончан. Прорваться туда они не успели.

Итуралде, верхом на своем чалом мерине,

пробирался через хаос. Битва всегда бывает хаосом. Аккуратными сражения выглядят только в сказаниях и в исторических книгах, когда все лишнее отсечено и вычищено старательными руками хронистов, которым нужна лаконичность. «Захватчик одержал победу, потери составили пятьдесят три тысячи человек» или «Оборона выстояла, погибло двадцать тысяч».

Что напишут об этой битве? Все зависит от того, кто будет писать. Вряд ли станут писать о крови, впитавшейся в почву и превратившей поле в болото. Об изувеченных, пронзенных и растерзанных телах. О земле, взрытой полосами после ударов разъяренных дамани. Возможно, они запомнят цифры; по-видимому, цифры нередко важны для летописцев. Полегла половина из стотысячного войска Итуралде. В другом бою пятьдесят тысяч павших вызвали бы в нем стыд и ярость. Но он вступил в бой с армией, в три раза превосходящей его войско числом, и к тому же у противника были дамани.

Итуралде следовал за разыскавшим его юным гонцом, мальчишкой лет, наверное, двенадцати, в шончанской красно-зеленой униформе. Они миновали упавший штандарт; полотнище свисало со сломанного древка, воткнутого в землю. На

стяге была эмблема: солнце и поверх него шесть парящих чаек. Итуралде терпеть не мог, когда не знал гербов и имен тех, с кем сражался, но откуда ему быть осведомленным о гербах и значках шончан, явившихся невесть откуда из-за океана.

Тени от гаснущего вечернего солнца расчерчивали поле. Скоро тьма укроет тела, и выжившие смогут ненадолго притвориться, что травянистая равнина стала могилой для их друзей. И для людей, которых их друзья убивали. Итуралде обогнул пригорок, приближаясь к месту, где тела павших элитных шончанских бойцов составляли причудливый рисунок. На большинстве погибших были те необычные шлемы, напоминавшие видом головы насекомых. Погнутые, треснувшие, помятые. Из щелей между искривленными жвалами невидяще смотрели мертвые глаза.

Шончанский военачальник еще дышал. Он был без шлема, на губах запеклась кровь. Он полулежал, привалившись к большому, заросшему мхом валуну; под спину, словно бы на привале, подсунут свернутый плащ. Все впечатление портили вывернутая нога и торчавшее из живота обломанное древко копья.

Итуралде спешился. Как и у большинства его солдат, на нем была одежда работника — простые

коричневые штаны и куртка, позаимствованные у человека, который в соответствии с планом надел форму Итуралде.

Без униформы он чувствовал себя непривычно. К тому же такой человек, как генерал Туран, не заслуживал солдата-оборванца. Итуралде жестом велел юному гонцу оставаться подальше в стороне, чтобы не слышать разговора военачальников, и подошел к шончанину в одиночку.

— Значит, это ты, — по-шончански тягуче выговаривая слова, Туран поднял взгляд на Итуралде. Он был коренаст и невысок, с острым носом. Короткие черные волосы были выбриты на два пальца на висках и над ушами, шлем с плюмажем из трех белых перьев лежал на земле рядом. Он потянулся нетвердой рукой в черной перчатке к лицу и стер кровь, сочащуюся из уголка рта.

— Я, — отозвался Итуралде.

— В Тарабоне тебя зовут «великим капитаном».

— Это так.

— Заслуженно, — сказал Туран, кашляя. — Как тебе удалось? Наши разведчики… — Он снова зашелся кашлем.

— Ракены, — произнес Итуралде, когда кашель шончанина стих. Он присел на корточки рядом

со своим врагом. Над горизонтом на западе еще виднелся краешек солнца, озарявший поле битвы красно-золотым светом. — Твои разведчики глядят с воздуха, а на расстоянии правду легко скрыть.

— Армия позади нас?

— В основном женщины и юноши, — сказал Итуралде. — И много крестьян. Одетых в форму моих солдат.

— А если бы мы повернули и атаковали?

— Не повернули бы. Твои ракены сообщили, что то войско превосходит тебя числом. Лучше преследовать меньшую армию впереди. Еще лучше направиться к городу, который, как тебе доложили, почти не защищен. Даже если долгий марш измотает твоих солдат.

Туран кивнул и снова закашлялся.

— Да. Да, но город был пуст. Как твои люди оказались там?

— С воздуха разведчики, — сказал Итуралде, — не в состоянии увидеть, что находится внутри зданий.

— Ты приказал своим солдатам прятаться в домах? Так долго?

— Да, — сказал Итуралде. — Позволяя небольшим группам поочередно каждый день работать

на полях.

Туран недоверчиво покачал головой.

— Ты же понимаешь, что наделал, — сказал он. В голосе шончанского военачальника не слышно было угрозы. Напротив, прозвучало явное восхищение. — Верховная леди Сюрот ни за что не смирится с этим поражением. Теперь она обязана уничтожить тебя, хотя бы для того, чтобы сохранить лицо.

— Знаю, — отозвался Итуралде, вставая. — Но я не могу прогнать вас, нападая на ваши крепости. Мне нужно, чтобы вы пришли ко мне.

— Ты не понимаешь, сколько у нас войск… — промолвил Туран. — То, что ты уничтожил сегодня, — легкий ветерок по сравнению с бурей, которую ты накликал. Уцелело немало моих людей, они расскажут о твоих уловках. Второй раз эти трюки не сработают.

Туран был прав. Шончан учились быстро. Итуралде вынужден был прекратить рейды в Тарабон из-за стремительных ответных действий шончан.

— Ты же знаешь, что тебе нас не одолеть, — тихо произнес Туран. — Я вижу это в твоих глазах, великий капитан.

Итуралде кивнул.

— Почему же тогда? — спросил Туран.

— Почему ворон летает? — ответил вопросом Итуралде.

Туран слабо кашлянул.

Итуралде и в самом деле понимал, что не в состоянии выиграть войну против шончан. Странно, но каждая новая победа лишь подкрепляла уверенность Итуралде в окончательном поражении. Шончан были умны, хорошо экипированы и замечательно вымуштрованы. Более того, они были настойчивы и упрямы.

Должно быть, едва только открылись ворота, Туран и сам понял, что обречен. Но не сдался; он сражался до тех пор, пока его войска не были разбиты и не разбежались во все стороны, так что у измотанных солдат Итуралде уже не оставалось сил их преследовать. Туран понимал. Иногда сдаваться не имеет смысла. Умирать никому не хочется, но для солдата есть участь и гораздо хуже, и горше. Отдать свою землю на милость захватчика… Итуралде не смог бы так поступить. Даже если битву невозможно выиграть.

Он делал то, что было нужно и когда это было нужно. И сейчас Арад Доман должен был сражаться. Они потерпят поражение, но их дети всегда будут помнить, что отцы не сдались без

боя. Эта стойкость сыграет свою роль через сто лет, когда начнется восстание. Если начнется.

Итуралде поднялся, собираясь вернуться к ожидавшим его солдатам.

Туран с трудом дотянулся до своего меча. Итуралде остановился и снова повернулся к шончанскому военачальнику.

— Сделаешь? — спросил Туран.

Итуралде кивнул, обнажая собственный меч.

— Это честь для меня, — сказал Туран, закрывая глаза.

Через мгновение клинок Итуралде — отмеченный знаком цапли — снял голову с его плеч. На мече Турана тоже стояло клеймо в виде цапли — едва заметное на той части поблескивающего клинка, которую тому хватило сил вытянуть из ножен. Жаль, что им не довелось скрестить мечи — хотя то, что происходило последние несколько недель, и было их поединком, пусть и иного масштаба.

Итуралде очистил меч от крови и плавным движением убрал снова в ножны. Напоследок он целиком вытащил клинок Турана и с силой вонзил его в землю рядом с поверженным генералом. Затем Итуралде вскочил на коня, кивком попрощался с мальчишкой-гонцом и поскакал

обратно через усеянное телами поле, которое укрыли тени.

Во́роны приступили к трапезе.

— Я пыталась завлечь нескольких слуг и караульных из гвардии Башни, — тихо промолвила Лиане, сидевшая возле прутьев своей тюремной клетки. — Но это сложно. — Она улыбнулась Эгвейн, устроившейся на табурете по другую сторону решетки. — Сейчас я не чувствую себя привлекательной.

Эгвейн кисло улыбнулась в ответ — она вполне ее понимала. Лиане была в том же платье, в котором ее захватили, и оно до сих пор оставалось без надлежащей стирки. Каждое третье утро Лиане раздевалась и полоскала платье в выдаваемом ей ведре воды — после того как сама обтиралась мокрой тряпкой. Но это все, что можно было сделать без мыла. Чтобы придать волосам опрятный вид, она заплетала волосы в косу, но с обломанными ногтями ничего поделать не могла.

Лиане вздохнула, вспоминая, как приходится по утрам стоять нагишом, прячась в дальнем углу камеры, и ждать, пока высохнут платье и сорочка. То, что она доманийка, еще не значит, что ей нравится разгуливать в чем мать родила. Соблазнение требует мастерства и деликатно-

сти; обнаженное тело этому ни в коей мере не способствует.

Камера Лиане была не так уж плоха — для подземной темницы. У нее были лежанка, еда, достаточно воды и ночной горшок, который ежедневно меняли. Но ее никогда не выпускали наружу, и ее всегда охраняли две сестры, удерживавшие щит. Единственным человеком, кто навещал ее — не считая тех, кто пытался выведать у Лиане сведения о Перемещении, — была Эгвейн.

Амерлин сидела на табурете с задумчивым видом. Она действительно была Амерлин. Невозможно считать ее кем-то иным. Как могло это юное дитя научиться так быстро? Эта гордая осанка, это сдержанное выражение лица. Владеть ситуацией — не столько обладать властью, сколько заставлять думать, что ты ею обладаешь. На самом деле это во многом схоже с тем, как нужно вести себя с мужчинами.

— Ты… слышала что-нибудь? — спросила Лиане. — О том, что меня ждет?

Эгвейн покачала головой. На скамье неподалеку, в свете лампы на столе, сидели и беседовали две Желтые сестры. Ни на один вопрос тех, кто захватил ее, Лиане не ответила, а закон Башни

был очень строг в том, что касалось допроса сестер. Ей не могли причинить боль, особенно с применением Силы. Но могли оставить ее гнить здесь навеки.

— Спасибо, что приходишь ко мне по вечерам, — сказала Лиане, протянув руку сквозь прутья и беря Эгвейн за руку. — Наверное, только благодаря тебе я еще не сошла с ума.

— Мне это в радость, — промолвила Эгвейн, хотя во взгляде можно было уловить крайнюю усталость, которую она, вне всяких сомнений, испытывала. Сестры, приходившие к Лиане, упоминали о порке, которой подвергают Эгвейн «в искупление» за непокорность. Странно, что послушницу, находящуюся в обучении, можно бить, но узницу на допросе — нет. И, несмотря на боль, Эгвейн приходила к Лиане практически каждый вечер.

— Я добьюсь твоего освобождения, Лиане, — пообещала Эгвейн, продолжая сжимать ее руку. — Тирания Элайды не продлится вечно. Теперь я уверена, что конец ее власти близок.

Лиане кивнула, отпуская пальцы и вставая. Эгвейн ухватилась за прутья и поднялась на ноги, едва заметно поморщившись. Она кивнула Лиане на прощание и вдруг замерла в недоумении.

— Что? — спросила Лиане.

Нахмурившись, девушка отпустила решетку и посмотрела на свои ладони. Они словно бы покрылись поблескивающей воскообразной массой. Лиане ошеломленно глядела на прутья, заметив на железе отпечатки рук Эгвейн.

— Что, во имя Света… — промолвила Лиане, ткнув пальцем металлический прут. Тот поддался, словно теплый воск на ободке подсвечника.

Внезапно камни под ногами Лиане всколыхнулись, и она почувствовала, что будто бы тонет. Она вскрикнула. С потолка полились капли расплавленного воска, разбиваясь у нее на лице. Они не были теплыми и не обжигали, но были жидкими. И у них был цвет камня!

Лиане ахнула, оступившись и теряя равновесие, запаниковала, скользя по поплывшему под ступнями полу. Ноги все глубже увязали в разжижавшемся камне. Чья-то рука схватила ее, и она увидела, что ее держит Эгвейн. Прутья таяли на глазах, расползаясь в стороны и стекая вниз.

— Помогите! — крикнула Эгвейн Желтым. — Чтоб вам сгореть, не стойте столбами!

Перепуганная Лиане пыталась найти опору и подтянуться по решетке к Эгвейн. Руки натыкались лишь на воск. Комок железа остался у нее

в кулаке, просочившись между пальцами; пол прогнулся воронкой, засасывая Лиане.

А потом потоки Воздуха подхватили женщину, выдергивая из западни. Комната накренилась, Лиане швырнуло на Эгвейн, сбив девушку с ног. Обе Желтых — беловолосая Музарин и невысокая Геларна — вскочили на ноги, их окружало сияние саидар. Музарин звала на помощь, огромными глазами глядя на тающую темницу.

Лиане сползла с Эгвейн, поднялась и, пошатываясь, отступила в сторону от клетки, ее платье и ноги были облеплены всё тем же странным воском. В коридоре пол казался прочным. О Свет, как же ей хотелось самой обнять Источник! Но, даже не будь щита, она все равно была опоена корнем вилочника.

С помощью Лиане Эгвейн тоже поднялась на ноги. Все затихло, лишь подрагивал огонек лампы. Все не сводили глаз с клетки. Таять решетка прекратила, в середине металлических прутьев как не бывало; на оплывших, точно сосульки, остатках решетки наверху застыли капельки стали. Нижние половины прутьев были загнуты внутрь, многие из них при освобождении Лиане оказались придавлены к каменным плитам и расплющены. Ровный пол внутри решетчатой

клетки растянулся и изогнулся к центру, приняв форму огромной воронки. Там, где за камень пыталась ухватиться Лиане, на нем остались борозды.

Лиане стояла с колотящимся сердцем, осознав, что прошло всего несколько секунд. Что им делать? В страхе убегать? А если весь коридор тоже начнет таять?

Шагнув вперед, Эгвейн стукнула носком туфли по пруту решетки. Тот не поддался. Лиане сделала было шаг, и ее платье *захрустело* — с него, как известь, посыпалась каменная крошка. Она наклонилась отряхнуть подол и почувствовала, что его покрывает не воск, а твердый камень.

— Подобные вещи происходят все чаще, — спокойно сказала Эгвейн, глядя на двух Желтых. — Силы Темного растут. Близится Последняя битва. Что предпринимает ваша Амерлин?

Музарин посмотрела на девушку. Высокая пожилая Айз Седай выглядела не на шутку встревоженной. Лиане подошла к Эгвейн и встала рядом с Амерлин, заставляя себя, взяв с нее пример, успокоиться. Каменная крошка продолжала осыпаться с ее платья.

— Э-э… Тебе, послушница, — произнесла Музарин, — пора вернуться в свою комнату. А

ты… — Она оглядела Лиане, потом перевела взор на то, во что превратилась камера. — Нам… придется найти тебе другое место.

— И полагаю, дать мне новое платье, — произнесла Лиане, складывая руки на груди.

Музарин бросила быстрый взгляд на Эгвейн.

— Ступай, дитя мое. Тебе здесь больше нечего делать. Мы позаботимся о заключенной.

Эгвейн скрипнула зубами, но потом повернулась к Лиане.

— Будь сильной, — сказала она и быстрым шагом удалилась по коридору.

Уставшая и встревоженная появлением пузыря зла, коробящего камень, Эгвейн шла, шелестя юбками, к крылу Башни, где располагались комнаты послушниц. Что же нужно, чтобы убедить этих глупых женщин, что для пустых пререканий уже не осталось времени!

Час был поздний, и в коридорах Эгвейн встречалось мало сестер и ни одной послушницы. Мимо девушки, шурша по выложенному плитками полу мягкой обувью, торопливо прошли несколько слуг и служанок, очевидно спешивших по поздним делам. В этой части Башни жили многие, и поэтому на стенах горели тусклые лампы, дающие оранжевый свет. Мерцающее пламя

отражалось в сотнях разноцветных отполированных плиток, словно в глазах, следящих за идущей по переходам Эгвейн.

В голове с трудом укладывалось, что этот тихий вечер обернулся западней, которая чуть не погубила Лиане. Если самой земле нельзя доверять, то чему можно? Эгвейн покачала головой, слишком уставшая, слишком измученная, чтобы немедленно начать искать решение. Девушка почти не заметила, когда плитки пола из серых превратились в темно-коричневые. Она просто шагала, все дальше по коридору, считая двери. Ее была седьмая…

Эгвейн встала как вкопанная, недоуменно хмурясь. Совсем недавно она видела двух Коричневых сестер — салдэйку Менадрин и Нигайн. Переговариваясь приглушенным шепотом, они проводили Эгвейн подозрительными взглядами. Что они делают в крыле послушниц?

Погодите-ка. В помещениях, отведенных послушницам, пол был не коричневым. Там должны быть невыразительные серые плитки. И двери тут в коридоре отстояли друг от друга слишком далеко. Это вообще не похоже на половину послушниц! Неужели она так устала, что забралась совершенно не туда?

Девушка повернула обратно, снова миновав двух Коричневых, потом нашла окно и выглянула наружу. Перед ее глазами, как и следовало, предстал прямоугольник белой стены Башни. Значит, она не заблудилась.

Она озадаченно обернулась, оглядывая коридор. Темноглазая Менадрин сложила руки на груди, рассматривая Эгвейн. Нигайн, высокая и худощавая, приблизилась к Эгвейн.

— Что ты забыла здесь в такое позднее время, дитя мое? — требовательно спросила она. — Тебя вызвала сестра? Тебе давно пора вернуться к себе и лечь спать.

Эгвейн, не говоря ни слова, указала на вид за окном. Нигайн недовольно повернула голову к окну и застыла, тихо ахнув. Коричневая сестра окинула взглядом коридор, потом снова посмотрела за окно, будто не в силах поверить, где она находится.

Через несколько минут всю Башню будто безумие охватило. Эгвейн, о которой все забыли, стояла у стены коридора в компании сонных, мало что понимающих послушниц, пока сестры возбужденно спорили, стараясь решить, что же следует делать. Получалось, что две части Башни поменялись местами и спящие Коричневые сест-

ры перенеслись с верхних этажей своего крыла на нижние. Кельи послушниц оказались там, где раньше находились покои Коричневых. Никто не почувствовал ни движения, ни колебаний, и перемещение, казалось, произошло совершенно незаметно. Ровно разделенные плитки одной секции Башни без всякого шва или зазора сливались с плитками другой.

«Становится все хуже и хуже», — подумала Эгвейн. Коричневые сестры решили пока что смириться с произошедшей переменой. Нельзя же переселить сестер из их апартаментов в тесные клетушки послушниц.

Таким образом, Коричневые сестры оказались разделены — половина на новом месте, а половина в прежнем крыле, вместе с угодившими между ними комнатками послушниц. Разделение метко отражало другой незримый раскол, от которого страдали все Айя.

Вскоре совершенно измотанную Эгвейн и всех прочих отправили спать — хотя теперь, чтобы добраться до постели, ей пришлось преодолеть не одну лестницу.

Глава 7
План для Арад Домана

Надвигается гроза, — заметила Найнив, выглядывая из окна особняка.

— Да, — отозвалась Дайгиан, сидевшая на стуле возле камина. Она даже не потрудилась посмотреть в окно. — Думаю, ты права, дорогая моя. Такое чувство, будто тучи висят уже много недель!

— Всего лишь вторую, — заметила Найнив, придерживая рукой длинную темную косу. Она взглянула на Дайгиан. — Я уже десять дней не видела даже клочка чистого неба.

Дайгиан нахмурилась. Полная женщина, с округлой фигурой, она была из Белой Айя и носила на лбу, как когда-то Морейн, украшение с драгоценным камнем. Только у Дайгиан это был подходящий по цвету ее Айя белый лунный камень. Подобный обычай, очевидно, был связан с происхождением Белой сестры из кайриэнской знати, как и четыре цветных разреза на ее платье.

— Десять дней, говоришь? — переспросила

Дайгиан. — Ты уверена?

Найнив не сомневалась. Она хорошо разбиралась в погоде, это входило в ее обязанности деревенской Мудрой. Теперь она была Айз Седай, но это ничего не меняло. Погода всегда присутствовала в уголке ее сознания. В шепоте ветра она угадывала дождь, солнце или снег.

Но в последнее время эти ощущения были далеки от шепота. Они больше походили на далекие крики, которые становились все громче. Или как будто волны бились друг о друга, где-то далеко на севере, и их было все труднее не замечать.

— Что ж, — произнесла Дайгиан, — уверена, это не единственный период в истории, когда облачность держалась десять дней!

Найнив покачала головой, теребя косу.

— Это ненормально, — сказала она. — И эти хмурые небеса — не та гроза, о которой я говорю. Буря еще далека, но приближается. И она будет ужасна. Страшнее, чем любая на моей памяти. Намного страшнее.

— Ну что ж, — сказала Дайгиан с легким беспокойством, — мы разберемся с ней, когда она придет. Ты не присядешь, чтобы мы могли продолжить?

Найнив взглянула на пухлую Айз Седай. Дайги-

ан крайне слабо владела Силой. Возможно, Белая сестра была слабейшей Айз Седай из всех, кого знала Найнив. По традиционным — хоть и неписаным — правилам это означало, что Найнив должна занимать ступень выше.

К сожалению, положение Найнив оставалось по-прежнему спорным. Эгвейн возложила на нее шаль указом, точно так же как и на Илэйн: положенного испытания Найнив не проходила и не давала обетов на Клятвенном жезле. Для большинства — даже для тех, кто признавал Эгвейн истинной Амерлин, — эти упущения не позволяли считать Найнив полноправной Айз Седай. Уже не принятая, но едва ли равная сестре.

Особую сложность представляли сестры, державшиеся при Кадсуане, поскольку они не примкнули открыто ни к Белой Башне, ни к мятежницам. Еще труднее было с сестрами, присягнувшими Ранду, — большинство из них сохраняли верность Башне, не видя проблемы в том, чтобы поддерживать обоих — и Элайду, и Ранда. Найнив до сих пор не могла уразуметь, о чем думал Ранд, когда позволил сестрам принести ему клятву верности. Она несколько раз объясняла ему, какую ошибку он допустил, и приводила логичные аргументы, но сейчас с ним

разговаривать — все равно что с камнем. Хотя даже камень не был бы так упрям и невыносим.

Дайгиан же все ждала, когда Найнив сядет. Дабы не провоцировать столкновение характеров, Найнив наконец села. Дайгиан до сих пор переживала потерю своего Стража — Аша'мана Эбена, — погибшего в битве с Отрекшимися. В том сражении Найнив была полностью поглощена тем, что передавала Ранду для его плетений огромные потоки саидар.

До сих пор Найнив помнила восхитительный восторг — от ошеломляющей силы, пьянящей эйфории и невероятно полного ощущения жизни, — которое владело ею, когда она пропускала через себя эту огромную мощь. Это чувство пугало ее. Найнив была рада, что тер'ангриал, которым она воспользовалась, чтобы прикоснуться к этой силе, оказался разрушен.

Но мужской тер'ангриал оставался по-прежнему цел и невредим — ключ, открывающий доступ к могущественному *са'ангриалу*. Насколько знала Найнив, Ранд не сумел убедить Кадсуане вернуть ему артефакт. Да ей и не следует его возвращать. Ни один человек, даже Дракон Возрожденный, не должен направлять такой громадный объем Единой Силы. Слишком велик соблазн того, что с

ним можно сделать…

Она же говорила Ранду, что о ключе нужно забыть. Все равно что об камень горох. Большой непробиваемый рыжеволосый болван. Железный болван с каменным лицом. Найнив тихо фыркнула, и это заставило Дайгиан приподнять бровь. Белая сестра хорошо скрывала свою душевную боль, но Найнив — чья комната в доманийском особняке располагалась по соседству с комнатой Дайгиан — слышала, как та плачет по ночам. Терять Стража всегда очень тяжело.

«Лан…»

Нет, лучше сейчас о нем не думать. С Ланом все будет в порядке. Опасность грозит ему только в конце пути длиной в тысячи миль. Там он был намерен броситься на Тень, точно одинокая стрела, выпущенная в каменную стену…

«Нет! — оборвала себя Найнив. — Он не будет один. Я уже позаботилась об этом».

— Хорошо, — промолвила Найнив, заставляя себя собраться, — продолжим.

Она не подчинялась Дайгиан. Она делала одолжение, отвлекая ее от скорби. Таковы, по крайней мере, были объяснения Кореле. Эти встречи нужны вовсе не Найнив. Ей нечего доказывать. Она — Айз Седай, что бы другие об этом ни думали и

ни предполагали.

Все предпринимается лишь для того, чтобы помочь Дайгиан. И все. Ничего больше.

— Вот восемьдесят первое плетение, — произнесла Белая сестра.

Вокруг нее вспыхнуло сияние саидар, и она направила Силу, создавая чрезвычайно сложное плетение из Огня, Воздуха и Духа. Сложное, но бесполезное. Оно создало три пылающих огненных кольца, повисших в воздухе и испускающих необычное свечение, но какой от них прок? Найнив уже умела формировать огненные шары и светящиеся сферы. Зачем тратить время на изучение плетений, которые более замысловатым образом повторяли то, что она и так знает? И почему каждое кольцо должно быть немного другого оттенка?

Найнив небрежно взмахнула рукой, в точности повторив плетение.

— Честно говоря, — сказала она, — мне кажется, это самое бесполезное плетение из всех! Какой в них смысл?

Дайгиан поджала губы. Она ничего не ответила, но Найнив знала: Дайгиан предполагала, что для Найнив это будет гораздо сложнее. Наконец Белая сестра сказала:

— Об испытании нельзя рассказывать многого. Могу лишь сказать, что тебе придется повторить эти плетения в точности, в то время как твое внимание будут всячески отвлекать. Когда придет время, ты поймешь.

— Сомневаюсь, — сухо заметила Найнив, повторив плетение еще три раза, не прерывая разговора. — Потому что — и я, наверное, это раз десять повторяла — я не собираюсь проходить испытание. Я *уже* Айз Седай.

— Ну разумеется, дорогая моя.

Найнив стиснула зубы. Плохая затея. Зачем она взялась за это дело? Когда она пришла к Кореле — которая вроде как была из той же Айя, какую выбрала и Найнив, — та отказалась признавать в ней равную. По своему всегдашнему обыкновению, Кореле являла собой саму любезность, однако было совершенно ясно, каково ее отношение к Найнив. Казалось, она даже сочувствовала. Сочувствовала! Как будто Найнив нужна ее жалость. Кореле предположила, что если Найнив будет знать сто плетений, которым в обязательном порядке обучают каждую принятую перед тем, как допустить к испытанию на звание Айз Седай, то это поможет ей заслужить доверие сестер.

Проблема заключалась в том, что освоение этих плетений снова ставило Найнив в положение ученицы. Нет, она не отрицала, что знать сто плетений полезно — слишком мало довелось ей их изучать, и едва ли не каждая сестра их знала. Но согласие на эти уроки вовсе не означает, что сама она считает себя ученицей!

Найнив потянулась было к косе, но удержала руку. Видимые проявления эмоций были еще одной причиной, почему другие Айз Седай так к ней относились. Если б у нее было такое же лишенное возраста лицо!

Следующее созданное Дайгиан плетение произвело легкий хлопок, и снова оно было излишне и бесполезно сложным. Найнив повторила его, почти не задумываясь, но все же запомнила.

Дайгиан сидела, глядя на плетение с отсутствующим видом.

— Что? — раздраженно спросила Найнив.

— Мм? Нет, ничего. Просто… в последний раз я использовала его, чтобы отвлечь… я… не обращай внимания.

Эбен. Ее Страж был совсем юн, лет пятнадцати-шестнадцати, и она была очень привязана к нему. Они проводили время, как брат со старшей сестрой, а не как Айз Седай и ее Страж.

«Мальчишка шестнадцати лет, — подумала Найнив, — и он погиб. Зачем Ранд набирает таких юных?»

Дайгиан снова сделала лицо бесстрастным, пряча чувства гораздо лучше, чем это могла бы сделать Найнив.

«Не приведи Свет оказаться мне в подобном положении, — подумала она. — Пусть такое если и случится, то через много-много лет». Лан еще не был ее Стражем, но Найнив намеревалась связать его узами как можно скорее. В конце концов, он уже ее муж. Ее до сих пор злило, что сейчас его узы переданы Мирелле.

— Дайгиан, может, я помогу? — промолвила Найнив, подавшись вперед и кладя руку женщине на колено. — Если я попробую Исцелить, возможно…

— Нет, — резко ответила она.

— Но…

— Сомневаюсь, что ты поможешь.

— Все можно Исцелить, — упрямо сказала Найнив, — даже если мы еще не знаем как. Все, кроме смерти.

— И что бы ты сделала, дорогая моя? — спросила Дайгиан.

Найнив подумала, намеренно ли та не назы-

вает ее по имени или это был подсознательный результат их отношений. Дайгиан не называла ее «дитя мое», как какую-нибудь принятую, но обращение по имени подразумевало бы равенство.

— Я могла бы сделать хоть что-то, — сказала Найнив. — Твоя боль, очевидно, вызвана влиянием уз, а значит, как-то связана с Единой Силой. Если Сила является причиной этой боли, то она же может и избавить от нее.

— Зачем мне желать этого? — спросила Дайгиан, снова взяв себя в руки.

— Как… потому что это боль. Боль причиняет мучение.

— Так и должно быть, — сказала Дайгиан. — Эбен мертв. Ты бы хотела забыть свою боль, если бы с тем твоим великаном что-то случилось? Отрезать свои чувства к нему, как заплесневелую корку от каравая хлеба?

Найнив открыла рот, но промолчала. Хотела бы она этого? Все не так просто — ее чувства к Лану были искренними, а не результатом созданных Силой уз. Он был ее мужем, и она любила его. Дайгиан заботилась о своем Страже, но это больше походило на привязанность тетки к любимому племяннику. Это было совсем другое.

Но захотела бы Найнив избавиться от этой

боли? Она закрыла рот, внезапно оценив слова Дайгиан. В них была честь.

— Я поняла. Извини меня.

— Ничего, дорогая моя, — продолжила Дайгиан. — Для меня это просто и логично, но, боюсь, другие этого не осознают. И правда, не все ведь согласятся, что логика зависит от момента и от человека. Показать тебе следующее плетение?

— Да, пожалуйста, — сказала Найнив, нахмурившись.

Сама она была очень способна в Силе — ее считали одной из сильнейших среди живущих — и потому нечасто задумывалась о своем таланте. Так высокий человек редко обращает внимание на то, какого роста другие; все равно они ниже его, а насколько их рост разнится между собой, ему не так уж важно.

Каково же было этой женщине, которая провела в принятых дольше, чем кто-либо вообще помнил? Женщине, которая с громадным трудом получила шаль — как говорили многие, буквально вися на волоске? Дайгиан вынуждена была выказывать почтение всем прочим Айз Седай. Если вместе оказывались две сестры, Дайгиан всегда была ниже рангом. Если вместе оказывалось более двух, Дайгиан подавала им чай. Перед

более сильными сестрами ей приходилось унижаться и заискивать. Ну, может, и не унижаться, она все же была Айз Седай, но тем не менее…

— С этой системой что-то не так, Дайгиан, — словно в пустоту, промолвила Найнив.

— С испытанием? Чтобы определить достойных, представляется вполне уместным проводить какую-то проверку, и выполнение сложных плетений в стрессовой ситуации кажется мне приемлемым вариантом.

— Я не об этом, — сказала Найнив. — Я имею в виду систему, которая определяет наши взаимоотношения. Друг с другом.

Дайгиан вспыхнула. Упоминать хоть косвенно о чьем-то уровне в Силе считалось неуместным. Но что поделать, Найнив никогда не отличалась тем, что подстраивалась под чужие ожидания. Особенно когда ее недооценивали.

— Например, ты, — продолжила она, — знаешь не меньше любой другой Айз Седай, я бы даже сказала, знаешь *больше* многих. Но как только какая-нибудь принятая снимает свое белое платье и получает шаль, ты тут же начинаешь плясать под ее дудку.

Дайгиан покраснела еще больше.

— Нам лучше продолжить занятие.

Это было неправильно. Но Найнив решила пока отложить беседу на эту тему. Однажды она уже свалилась в яму, которую сама же и вырыла: научила на свою голову женщин из Родни, как тем постоять за себя перед Айз Седай. Минуло какое-то время, и они стали ставить под сомнение и авторитет Найнив, что в ее намерения вовсе не входило. Вряд ли ей хочется и среди самих Айз Седай учинить схожий переворот.

Найнив постаралась вернуться к обучению, но чувство надвигающейся бури заставляло то и дело поглядывать в окно. Комната находилась на втором этаже, и из окна хорошо был виден лагерь. По чистой случайности Найнив заметила Кадсуане; ее седые волосы, убранные в характерную прическу, украшенную невинными с виду *тер'агриалами*, были заметны даже издали. Женщина быстрой походкой шла через двор, ее сопровождала Кореле.

«Что она затевает?» — подумала Найнив. Быстрый шаг Кадсуане насторожил ее. Что произошло? Что-то с Рандом? Если он снова повредил себе…

— Извини меня, Дайгиан, — сказала Найнив, вставая. — Я вспомнила об одном важном деле.

Женщина вздрогнула:

— А-а… Ну что ж, тогда ладно, Найнив. Наверное, можно будет продолжить в другое время.

Только выскочив за дверь и сбежав вниз по лестнице, Найнив поняла, что Дайгиан назвала ее по имени. Она улыбнулась, выходя на лужайку.

В лагере были айильцы, что само по себе не было необычным — при Ранде нередко находилась группа Дев в качестве дополнительной охраны. Но айильцы, которых увидела Найнив, были мужчинами — воинами Айил, в песочно-коричневых кадин'сор и с копьями в руках. У многих головные повязки украшал символ Ранда.

Вот почему Кадсуане так спешила — если прибыли вожди айильских кланов, Ранд наверняка захочет с ними встретиться. Найнив в раздражении пересекла лужайку, где зелени сейчас почти не было. За Найнив Ранд не послал. Вероятно, не потому, что не хотел ее приглашать, просто он, болван шерстеголовый, мог и не додуматься до этого. Возрожденный Дракон он или нет, но Ранд редко считал нужным делиться с кем-то своими планами. Но ему уже давно пора было понять, как важно услышать совет от того, кто хоть немного опытнее, чем он сам. Сколько раз он был похищен, ранен или попадал в плен из-за собственной поспешности?

Пусть все в лагере ему подчинялись, преклонялись перед ним, а то и боготворили его, но Найнив знала, что он-то — всего лишь овечий пастух из Эмондова Луга. Ранд до сих пор точно так же влипал в неприятности, как и тогда, когда они с Мэтримом в детстве устраивали свои проказы. Только теперь он не деревенских девчонок переполошит, он ныне в состоянии ввергнуть в хаос целые страны.

На дальней, северной, стороне лужайки — прямо напротив особняка, возле самой насыпи, — пришедшие айильцы устанавливали коричневые палатки своего лагеря. Они располагали их иначе, чем салдэйцы, — вместо ровных рядов ставили их небольшими группами, организуясь по воинским сообществам. Кое-кто из людей Башира обменивался с айильцами приветствиями, но помощи никто не предлагал. Айильцы были народом обидчивым, и хотя, по мнению Найнив, салдэйцы были рассудительнее многих, они оставались жителями Порубежья. Прежде мелкие стычки с Айил были для них частью жизни, да и недавняя Айильская война не истерлась из памяти. Сейчас все они сражались на одной стороне, но это не значило, что салдэйцы позабудут об осмотрительности, когда рядом

столько вооруженных айильцев.

Найнив поискала взглядом Ранда или кого-то из знакомых айильцев. Она сомневалась, что с ними будет Авиенда — та должна быть в Кэймлине с Илэйн, помогать ей защищать трон Андора. Найнив до сих пор испытывала вину за то, что оставила девушек, но кто-то же должен был помочь Ранду очистить саидин. Нельзя же, чтобы такое он делал в одиночку. Но где же сам Ранд?

Найнив остановилась на границе салдэйского и айильского лагерей. Солдаты с пиками в руках, приветствуя ее, почтительно кивали. По траве будто скользили айильцы в коричневато-зеленой одежде, движения их были текучими, как вода.

От ручья, бежавшего возле особняка, несли выстиранное белье женщины в зеленых и синих платьях. Толстые иглы сосен дрожали на ветру. Лагерь шумел, как деревенская лужайка во время Бэл Тайна. Куда именно пошла Кадсуане?

Ощутив поток Силы на северо-востоке, Найнив улыбнулась и, шелестя желтой юбкой, решительным шагом двинулась туда. Силу направляла либо Айз Седай, либо Хранительница Мудрости. Как и следовало ожидать, вскоре она увидела айильский шатер, стоявший на краю луга; он

был больше остальных. Найнив зашагала прямо к палатке, и ее взгляд — или, может быть, репутация — заставил салдэйских солдат расступиться. Девы, охранявшие вход, останавливать ее и не подумали.

Внутри, одетый в черное с красным, стоял Ранд. Заложив левую руку за спину, он листал карты, разложенные на массивном деревянном столе. Башир стоял рядом, кивая своим мыслям и изучая небольшую карту, которую держал перед собой.

Когда вошла Найнив, Ранд вскинул голову. Когда он стал так похож на Стража, с этим постоянно оценивающим взглядом? Глаза, выхватывающие любую опасность, напряженное тело, словно в ожидании атаки? «Я не должна была позволить той женщине забрать его из Двуречья, — подумала Найнив. — Вот что с ним теперь стало из-за нее».

Она тут же рассердилась на себя за глупую мысль. Останься Ранд в Двуречье, он бы сошел с ума и, возможно, погубил бы их всех — если, конечно, троллоки, Исчезающие или Отрекшиеся не успели бы сделать это раньше. Если бы Морейн не явилась за Рандом, он был бы сейчас мертв. С ним исчезли бы свет и надежда мира. Просто Найнив трудно было избавиться от былых

предрассудков.

— А-а, это ты, Найнив, — произнес Ранд, расслабившись и возвращаясь к картам. Он указал на одну из карт Баширу, жестом приглашая взглянуть на нее, а потом снова повернулся к Найнив. — Я как раз собирался послать за тобой. Руарк и Бэил уже здесь.

Найнив приподняла бровь, складывая руки на груди.

— Вот как? — безразлично спросила она. — А я-то подумала, что все эти айильцы в лагере означают, будто на нас напали Шайдо.

От ее тона Ранд помрачнел, и во взгляде промелькнула… угроза. Но затем он посветлел лицом и мотнул головой, как будто что-то стряхивая. Словно вернулось нечто от прежнего Ранда — простого, бесхитростного овечьего пастуха.

— Ты бы это точно заметила, — сказал он. — Рад, что ты тут. Мы начнем, как только придут вожди кланов. Я настоял, чтобы сначала их люди обустроились.

Ранд жестом предложил Найнив сесть. На полу лежали подушки, но в шатре не было ни единого стула. Айильцы стульев не признавали, и Ранд хотел, чтобы им было удобно. Найнив разглядывала юношу, удивляясь охватившему ее

саму напряжению. Он же просто шерстеголовая деревенщина, каким и был, несмотря на все свое влияние. Ведь так?

Но ей не давал покоя этот взгляд, эта вспышка гнева. Говорят, корона многих меняет к худшему. Найнив намеревалась проследить, чтобы подобного не случилось с Рандом ал'Тором, но как ей поступить, если он вдруг решит посадить ее в темницу? Он ведь так не сделает? Только не Ранд.

«Семираг говорила, что он потерял рассудок, — подумала Найнив. — Говорила, что… он слышит голоса из своей прошлой жизни. Может, именно это и происходит сейчас, когда он наклоняет голову набок, будто прислушивается к тому, что никто не может слышать?»

Найнив поежилась. Разумеется, Мин тоже была в палатке: девушка сидела в углу, читая книгу «Последствия Разлома». Слишком пристально она смотрела на страницы, очевидно прислушиваясь к разговору Ранда и Найнив. Что она думает о переменах в нем? Она была ближе к Ранду, чем кто-либо еще, — близка настолько, что, будь дело в Эмондовом Лугу, Найнив задала бы обоим головомойку и отчитала бы так, чтобы впредь неповадно было. И хотя они давно уже не в Эмон-

довом Лугу и Найнив больше не деревенская Мудрая, она дала Ранду понять о своем негодовании. Ответ его был прост: «Если я женюсь на ней, моя смерть принесет ей еще больше горя».

Еще одна его глупость. Если тебя ждет опасность, тем больше причин жениться. Это же очевидно! Найнив расположилась на полу, расправив юбки и стараясь не думать о Лане. Ему предстояло преодолеть еще так много миль, и…

И она должна обязательно сделать так, чтобы ей передали его узы раньше, чем он доберется до Запустения. Так, на всякий случай.

Вдруг Найнив выпрямилась. Кадсуане. Ее здесь не было. Помимо охраны, в шатре находились только Ранд, Найнив, Мин и Башир. Не задумала ли та чего-то такого, что Найнив…

И тут вошла Кадсуане. На седовласой Айз Седай было простое желто-коричневое платье. Внимание на себя она обращала присущей ей властностью, а не нарядами, и, конечно же, в волосах сверкали непременные золотые украшения. Следом за ней в палатке появилась Кореле.

Кадсуане сплела и выставила малого стража — для защиты от подслушивания, и возражать Ранд не стал. Ему стоит лучше отстаивать свое мнение — эта женщина его почти что приручила,

и тревожно было видеть, как много он ей позволяет. Например, допрос Семираг. Отрекшиеся слишком сильны и опасны, чтобы относиться к ним беспечно. Семираг следовало усмирить в ту же минуту, как ее схватили… хотя в этом отношении Найнив напрямую полагалась на собственный опыт удержания в плену Могидин.

Кореле улыбнулась Найнив; у нее для всех находилась улыбка. Кадсуане, как обычно, оставила Найнив без внимания. Ну и пусть. Найнив не нужно ее одобрение. Кадсуане считает, что может всеми командовать только потому, что живет дольше всех остальных Айз Седай. Но Найнив прекрасно знала, что возраст еще не означает мудрость. Взять Кенна Буйе — он стар как мир, но ума у него не больше, чем у груды камней.

В течение следующих нескольких минут в шатре появились находившиеся в лагере Айз Седай и командиры отрядов. Вероятно, Ранд действительно послал за ними, и, может, он и вправду собирался позвать Найнив. Среди пришедших оказались Мериса и ее Стражи, одним из которых был Аша'ман Джахар Наришма; на кончиках его косичек позвякивали вплетенные в них колокольчики. Следом явились Дамер Флинн, Элза Пенфелл, несколько офицеров Башира. Всякий

раз, как кто-то входил в шатер, Ранд вскидывал на вошедших взгляд, тревожный и настороженный, но потом быстро возвращался к картам. Неужели у него паранойя? У некоторых безумцев первым шагом к сумасшествию было то, что они начинали подозревать и опасаться всех и каждого.

Наконец вместе с другими айильцами появились Руарк и Бэил. Через широкий вход шатра они прокрались, как хищники на охоте. Что странно, с ними пришли и несколько Хранительниц Мудрости, приближение которых Найнив ощутила еще до их появления. Обычно у Айил дела разделялись на те, что касались вождей клана, и те, что относились к ведению Хранительниц Мудрости; так же в Двуречье делили между собой обязанности Совет деревни и Круг женщин. Это Ранд попросил их всех прийти вместе или на то у них нашлись свои причины?

Насчет Авиенды Найнив ошиблась. К своему изумлению, позади группы Хранительниц Мудрости она заметила высокую рыжеволосую девушку. Когда та успела покинуть Кэймлин? И почему она несет в руках кусок истертой ткани с истрепанными краями?

Расспросить Авиенду у Найнив не получилось, так как Ранд, кивнув Руарку и всем остальным,

пригласил их сесть, что они и сделали. Сам Ранд остался стоять у стола. С озабоченным видом он заложил руки за спину, обхватив ладонью искалеченную культю, и начал без всякого вступления.

— Расскажи о том, что сделано в Арад Домане, — обратился он к Руарку. — Разведчики сообщают: там по-прежнему неспокойно.

Руарк принял чашку чая от Авиенды — значит, она до сих пор считалась ученицей — и повернулся к Ранду. Пить вождь клана не стал.

— У нас было мало времени, Ранд ал'Тор.

— Мне не нужны оправдания, Руарк, — сказал Ранд. — Мне нужны результаты.

Лица некоторых айильцев вспыхнули от гнева, а Девы у входа обменялись быстрыми отрывистыми знаками на своем языке жестов.

Сам Руарк своего возмущения ничем не выдал, хотя Найнив была уверена, что его рука крепче сжала чашку.

— Я делил с тобой воду, Ранд ал'Тор, — промолвил айильский вождь. — Не думал, что ты пригласишь меня сюда ради оскорблений.

— Никаких оскорблений, Руарк, — ответил Ранд. — Только правда. Нам нельзя терять время.

— Нельзя терять время, Ранд ал'Тор? — ска-

зал Бэил. Вождь клана Гошиен Айил отличался внушительным ростом и возвышался над всеми даже сидя. — Многих из нас ты оставил в Андоре, и мы месяцами сидели без дела, полируя копья и пугая мокроземцев! Теперь ты посылаешь нас сюда с невыполнимыми приказами, а через несколько недель появляешься следом и требуешь результатов?

— В Андоре вы должны были помогать Илэйн, — сказал Ранд.

— Нашей помощи она не хотела и не нуждалась в ней, — фыркнул Бэил. — И правильно сделала, что отказалась. Лучше я пробегу через всю Пустыню с одним бурдюком воды, чем кто-то станет указывать мне, как править кланом.

Лицо Ранда снова потемнело, в глазах будто сгустились грозовые тучи, и это снова напомнило Найнив о буре, надвигавшейся с севера.

— Эта страна расколота, Ранд ал'Тор, — промолвил Руарк, его голос был спокойнее, чем у Бэила. — Это данность, а не отговорка, и проявлять осторожность в трудном задании — не трусость.

— Нам нужен здесь мир, — прорычал Ранд. — Если не можешь его обеспечить…

— Мальчик, — заговорила Кадсуане, — возмож-

но, тебе стоит остановиться и подумать. Часто ли айильцы подводили тебя? И как часто подводил, задевал или оскорблял их ты?

Ранд захлопнул рот, и Найнив скрипнула зубами от досады, что не сказала этого сама. Она взглянула на Кадсуане, для которой принесли кресло — Найнив не припоминала, чтобы та когда-либо сидела на полу. Кресло, очевидно, взяли в особняке; оно было изготовлено из бледных рогов элгилрима, с подлокотниками, протянутыми вперед, как раскрытые ладони, и с красным мягким сиденьем. Авиенда подала Кадсуане чашку чая, из которой та аккуратно отпила.

Видимым усилием воли Ранд обуздал свой гнев.

— Прошу прощения, Руарк, Бэил. Это были… тяжелые месяцы.

— У тебя нет передо мной тох, — ответил Руарк. — Но прошу, садись. Разделим прохладу и поговорим достойно.

Ранд шумно выдохнул и кивнул, усаживаясь перед вождями. Сопровождавшие айильских вождей Хранительницы Мудрости — Эмис, Мелэйн, Бэйр, — казалось, не собирались принимать участия в беседе. Они лишь наблюдали, сообразила Найнив, совсем как она сама.

— Нам нужен мир в Арад Домане, друзья мои, — сказал Ранд, разворачивая карту на расстеленном в шатре ковре.

Бэил покачал головой.

— Добрэйн Таборвин хорошо сделал свое дело в Бандар Эбане, — сказал он, — но Руарк прав: эта страна расколота. Как блюдо из фарфора Морского народа, брошенное с вершины горы. Ты велел нам выяснить, кто стоит тут во главе и способны ли мы восстановить порядок. Насколько можно судить, страной не управляет никто. Каждый город сам по себе.

— А что Купеческий совет? — спросил Башир, садясь рядом с айильцами. Поглаживая согнутым пальцем усы, он принялся изучать карту. — Мои разведчики сообщают, что кое-где члены Совета еще сохраняют какую-то власть.

— В тех городах, где они правят, — да, — сказал Руарк. — Но их влияние слабо. В столице осталась всего одна женщина из Совета, и она мало что контролирует. Беспорядки на улицах мы прекратили, но ценой больших усилий. — Он покачал головой. — Вот что случается, когда пытаешься управиться с чем-то большим, чем холды и клан. Без короля доманийцы не знают, кого слушать.

— А где король? — спросил Ранд.

— Никто не знает, Ранд ал'Тор. Он исчез. Кто-то говорит, месяцы назад, а другие — уже годы.

— Его могла захватить Грендаль, — прошептал Ранд, внимательно всматриваясь в карту. — Если она здесь. Да, вполне вероятно, она здесь. Но где? Не в королевском дворце, это не в ее духе. У нее должно быть какое-то *свое* место — такое, где она может выставить свои трофеи. Место, которое само по себе трофей, но не такое, чтобы о нем сразу догадались. Да, я знаю. Ты прав. Она уже поступала так раньше…

Какая осведомленность! Найнив содрогнулась. Авиенда опустилась перед ней на колени, предлагая чай. Найнив взяла чашку и, взглянув в глаза женщины, хотела шепотом задать вопрос, но Авиенда коротко мотнула головой. «Потом», — говорило выражение ее лица. Девушка поднялась и отошла в дальний уголок, после чего с раздраженным видом взяла свою рваную тряпицу и принялась по одной выдергивать из нее нитки. Зачем Авиенда так делает?

— Кадсуане, — громко произнес Ранд, перестав шептать. — Что тебе известно о Купеческом совете?

— По большей части Совет состоит из женщин, — сказала Кадсуане. — Женщин большого

ума и хитрости. При этом они весьма эгоистичны. Выбирать короля — их обязанность, и когда исчез Алсалам, они должны были найти ему замену. Но слишком многие из Совета увидели в сложившейся ситуации шанс получить власть, и потому им не удается прийти к согласию. Могу предположить, что они разделились, чтобы в этом хаосе сохранить власть в родных городах. Они добиваются лучшего для себя положения и борются за союзы, и каждый предлагает другим своего короля.

— И при этом доманийская армия сражается с шончан? — спросил Ранд. — Это их рук дело?

— Об этом мне ничего не известно.

— Ты говоришь о Роделе Итуралде, — промолвил Руарк.

— Да.

— Он хорошо воевал двадцать лет назад, — заметил Руарк, потирая квадратный подбородок. — Один из тех, кого называют великими капитанами. Я бы не прочь станцевать с ним танец копий.

— Этого не будет, — отрезал Ранд. — По крайней мере, пока я жив. Нам нужно навести порядок в этой стране.

— И ты рассчитываешь, что мы сумеем обой-

тись без боя? — спросил Бэил. — Говорят, этот Родел Итуралде обрушился на шончан, как песчаная буря, и изрядно их разъярил — даже посильнее, чем удалось тебе самому, Ранд ал'Тор. Он не будет дремать, пока ты завоевываешь его родную землю.

— Повторю еще раз, — сказал Ранд. — Мы здесь не ради завоеваний.

Руарк вздохнул:

— Тогда зачем посылать нас, Ранд ал'Тор? Почему не отправить твоих Айз Седай? Они понимают мокроземцев. Эта страна все равно что целое королевство детей, а мы — горстка взрослых, которым нужно заставить их слушаться. А ты вдобавок даже шлепать их не разрешаешь.

— Сражаться я не запрещаю, — сказал Ранд, — но только при необходимости. Руарк, эта задача слишком сложна, и Айз Седай не сумеют с ней справиться. Но вы можете. Люди боятся айильцев; они сделают, как вы скажете. Если мы остановим войну доманийцев с шончан, возможно, эта Дочь Девяти Лун поймет, что я действительно хочу мира. Может, тогда она согласится встретиться со мной.

— Почему не сделать так, как раньше? — спросил Бэил. — Самому захватить страну?

Башир кивнул, взглянув на Ранда.

— Здесь так не получится, — сказал Ранд. — Война потребует слишком много ресурсов. Ты говорил про этого Итуралде — он сдерживает шончан горсткой людей и почти без снабжения. Вам хочется ввязываться в драку со столь изобретательным человеком?

Каким задумчивым выглядел Башир — словно бы всерьез размышлял о войне с Итуралде. Мужчины! Все они одинаковы. Брось им вызов, и они тут же ринутся в бой, даже если это грозит тем, что они закончат жизнь с копьем в груди.

— В наши дни мало найдется таких, как Родел Итуралде, — сказал Башир. — И уж наверняка он бы очень помог в нашем деле. Мне всегда было интересно, мог бы я победить его.

— Нет, — снова произнес Ранд, окидывая взглядом карту. Насколько видела Найнив, на ней были отмечены места сосредоточения войск, значки сопровождались комментариями. Айильцы были обозначены аккуратными рядами темно-серых меток вдоль северной границы Арад Домана. Войска Итуралде вели бои с шончан в глубине равнины Алмот. Центральную часть Арад Домана испещряли беспорядочно разбросанные черные значки и пометки, вероятно относящиеся

к личным войскам различных знатных особ.

— Руарк, Бэил! — обратился Ранд к айильским вождям. — Я хочу, чтобы вы захватили членов Купеческого совета.

В шатре воцарилось молчание.

— Ты уверен, мальчик, что это разумно? — наконец спросила Кадсуане.

— Им угрожает опасность со стороны Отрекшихся, — сказал Ранд, постукивая пальцами по карте. — Если Грендаль уже похитила Алсалама, то, вернув его, мы ничего не добьемся. Он будет настолько подавлен силой ее Принуждения, что у него едва ли останется разум ребенка. Она никогда не отличалась изяществом методов. Нам нужно, чтобы Купеческий совет избрал нового короля. Это единственный способ восстановить мир и порядок в этом королевстве.

Башир кивнул:

— Смелый план.

— Мы не похитители, — нахмурился Бэил.

— Вы те, кем я скажу вам быть, Бэил, — негромко обронил Ранд.

— Мы по-прежнему свободный народ, Ранд ал'Тор, — сказал Руарк.

— Пройдя свой путь, я переменю айильцев, — качнул головой Ранд. — Я не знаю, какими вы

будете, когда все закончится, но вы не можете оставаться теми, кем были. Вы возьметесь за это задание. Из всех, кто следует за мной, вам я доверяю больше всего. Если мы хотим захватить членов Купеческого совета, не ввергнув эту страну в новую войну, мне понадобятся ваши скрытность и сноровка. Вы можете пробраться в их дворцы и усадьбы, как проникли в Тирскую Твердыню.

Руарк и Бэил, нахмурившись, обменялись взглядами.

— Когда вы захватите членов Купеческого совета, — продолжал Ранд, оставив без внимания их беспокойство, — введите Айил в города, где правили эти купцы. Убедитесь, что эти города не пришли в упадок. Восстановите там порядок, как сделали в Бандар Эбане. Начните оттуда насаждать закон и очищать окрестности от разбойников. От Морского народа вскоре прибудет продовольствие. Сначала займитесь городами на побережье, затем продвигайтесь вглубь страны. Через месяц доманийцы станут не разбегаться перед вами, а сами побегут навстречу. Предложите им пищу и безопасность, и порядок не заставит себя ждать.

Удивительно разумный план. Ранд и в самом

деле очень умен для мужчины. У него много достоинств, — возможно, он мог бы стать настоящим лидером, если бы только умел держать свой характер в узде.

Руарк снова потер подбородок:

— Было бы неплохо, Даврам Башир, если бы с нами пошел кто-то из ваших салдэйцев. Мокроземцам не нравится подчиняться айильцам. Если они увидят среди командиров кого-то из мокроземцев, то гораздо охотнее последуют за нами.

Башир рассмеялся:

— К тому же мы окажемся прекрасными мишенями. Как только мы захватим нескольких членов Совета, остальные непременно пошлют за нами убийц!

Руарк расхохотался, словно услышал отличную шутку. Айильское чувство юмора отличалось своеобразием.

— Мы не дадим тебе погибнуть, Даврам Башир. А если не получится, то сделаем из тебя чучело и привяжем к лошади, и ты будешь отличной мишенью для их стрел!

Бэил громко рассмеялся, а Девы у входного клапана снова принялись оживленно обмениваться знаками языка жестов.

Башир усмехнулся, хотя шутку вряд ли оценил.

— Уверен, что хочешь этого? — обратился он к Ранду.

Тот кивнул и сказал:

— Возьми часть своих войск и распредели между айильскими отрядами, как решит Руарк.

— А что с Итуралде? — спросил Башир, вновь глядя в карту. — Как только он узнает, что мы вторглись в его страну, спокойствие долго не продлится и мира не будет.

Ранд тихо побарабанил пальцами по карте.

— С ним я разберусь лично, — сказал он наконец.

Глава 8
Чистые рубашки

Такое небо называли небом начальника порта. Серые неспокойные тучи, закрывающие солнце, сплошные и гнетущие. Возможно, прочие обитатели лагеря на окраине Тар Валона не придавали им значения, но только не Суан. Ни один моряк не упустит их из виду. Слишком светлые, чтобы принести шторм, но слишком темные, чтобы обещать спокойную воду.

Подобное небо обманчиво. Можно выйти в море и не встретить ни капли дождя, ни единого порыва штормового ветра. Или в мгновение ока можно очутиться в самом центре бури. Этим предательски-плотным облакам нельзя верить.

В большинстве портов с каждого пришвартованного в гавани судна брали ежедневную плату, но в дни шторма — когда ни один рыбак не мог добыть улов — ее снижали наполовину, а то и отменяли вовсе. Однако в такие дни, с тяжелыми тучами, но без признаков шторма, начальники портов взимали полную плату. Выбор был за рыбаком — либо оставаться в порту и ждать, либо

выходить в море, чтобы возместить расходы. Чаще всего шторма так и не случалось и дни протекали спокойно.

Но если в такой день приходил шторм, то был он очень силен. Многие из самых ужасных бурь в истории случались под небом начальника порта. Потому-то у рыбаков имелось еще и другое название для таких вот туч. Они называли их вуалью рыбы-льва. И вот уже много дней в обложенных тучами небесах не было просвета. Суан поежилась, плотнее кутаясь в шаль. Дурной знак, не сулящий ничего хорошего.

Вряд ли многие рыбаки отважатся сегодня выйти в море.

— Суан? — окликнула Лилейн, и в ее голосе сквозило раздражение. — Поторапливайся. И больше я не желаю слышать об этих глупых суевериях и всякой чепухи о небе. Я не шучу. — Развернувшись, высокая Айз Седай снова двинулась вдоль рядов палаток.

«Суеверия? — возмущенно подумала Суан. — Мудрость тысячи поколений — это вовсе не суеверие. Это здравый смысл!» Но вслух она ничего не сказала и поспешила вслед за Лилейн. Вокруг нее, в лагере верных Эгвейн Айз Седай, жизнь шла отлаженно, как часы. Если в чем-то Айз Се-

дай не знали себе равных, так это в наведении порядка. Шатры были расставлены группами, согласно разделению по Айя, словно бы повторяя планировку Белой Башни. Здесь встречались и мужчины, и большинство из них — солдаты из армии Гарета Брина, посланные со срочными поручениями, и конюхи, ухаживавшие за лошадьми, — спешили поскорее закончить со своими делами. Гораздо больше здесь было женщин-работниц, многие из них даже вышили у себя на юбках и лифах платьев эмблему Пламени Тар Валона.

Единственно, что было странным в этом поселении — не считая того, что вместо комнат были шатры, а ходить вместо выложенных цветной плиткой коридоров приходилось по дощатым настилам, — это количество послушниц. Их были сотни и сотни. На самом деле их число могло уже перевалить за тысячу — намного больше, чем размещалось в Башне в недавнем прошлом. Когда Айз Седай воссоединятся, комнатки послушниц, что не использовались десятилетиями, придется открыть снова. Возможно, для них понадобится и вторая кухня.

Эти послушницы, державшиеся в лагере группками — так называемыми семьями, — обычно,

как и сейчас, сбивались в шумные компании, и большинство Айз Седай старались их не замечать. Одни вели себя так по привычке — с какой стати обращать внимание на послушниц? Другие поступали так из неприязни. По их мнению, женщин, которым по возрасту впору быть матерями и бабушками — а многие таковыми и были, — не следовало вносить в книгу послушниц. Но что поделать? Эгвейн ал'Вир, Престол Амерлин, объявила, что так должно быть.

Проходя мимо некоторых Айз Седай, Суан попрежнему чувствовала их потрясение. За Эгвейн должны были тщательно следить. Что произошло? Когда Амерлин сумела сбежать от них? Суан испытала бы большее злорадство от их изумленных взглядов, если бы ее саму не тревожило, что Эгвейн слишком долго находится в плену в Белой Башне. Поистине вуаль рыбы-льва. Возможность великого успеха, но также — громадной катастрофы. Она торопливо зашагала за Лилейн.

— Как идут переговоры? — спросила Лилейн, даже не взглянув на Суан.

«Могла бы и сама поприсутствовать на одном из заседаний и все выяснить», — подумала Суан. Но Лилейн хотела, чтобы все видели ее руководителем, а не исполнителем. И прилюдно задать

этот вопрос тоже было рассчитанным ходом. Суан знали как одну из приближенных Эгвейн, и на ней до сих пор лежала печать печальной славы бывшей Амерлин. Для Лилейн не так было важно услышать ответ Суан, как вести этот разговор на людях, что усиливало ее влияние в лагере.

— Они идут не слишком хорошо, Лилейн, — сказала Суан. — Эмиссары Элайды ничего не обещают и наотрез отказываются обсуждать любые важные вопросы, которые мы затрагиваем, например, о восстановлении Голубой Айя. Сомневаюсь, что Элайда вообще наделила их полномочиями заключать соглашения, которые бы к чему-то ее обязывали.

— Хм, — задумчиво протянула Лилейн и кивком поприветствовала группу послушниц, и те вразнобой присели перед ней в реверансах. Она приняла здравое и практичное решение доброжелательно отзываться о женщинах, пополнивших их ряды.

Романда новых послушниц недолюбливала, это всем было известно. Теперь, в отсутствие Эгвейн, Романда начала намекать, что как только будет достигнуто примирение, то с такой «глупостью», как слишком взрослые послушницы, необходимо будет сразу покончить. Но все больше и больше

сестер видели мудрость в решении Эгвейн. В числе новых послушниц были те, кто обладал большими способностями, многие наверняка станут принятыми к тому моменту, когда будет возвращена Белая Башня. С недавних пор — молчаливо одобряя присутствие этих женщин — Лилейн еще раз проявила себя сторонницей Эгвейн.

Суан взглянула на расступившихся послушниц. Они поклонились Лилейн почти так же быстро и учтиво, как поклонились бы Амерлин. Становилось ясно, что после месяцев упорной борьбы Лилейн выигрывала у Романды битву за превосходство.

И в этом заключалась очень большая проблема.

Неприязни к Лилейн Суан не питала. Та была волевой, способной и решительной. Некогда они были подругами, но изменившееся положение Суан в корне поменяло и их отношения.

Да, можно сказать, Лилейн ей была симпатична. Но Суан не доверяла ей и тем более не хотела видеть ее Амерлин. В другую эпоху Лилейн вполне подошла бы для этой роли. Но этому миру нужна была Эгвейн, и Суан — несмотря ни на какие узы дружбы — не могла допустить, чтобы

эта женщина сместила законную Амерлин. И она не позволит Лилейн предпринять что-то, что могло бы помешать возвращению Эгвейн.

— Значит, — сказала Лилейн, — нам придется обсудить переговоры в Совете. Амерлин хочет продолжать переговоры, так что прервать их мы никак не можем. Но нужно сделать их эффективными. Пожелания Амерлин необходимо выполнять.

— Несомненно, — сухо ответила Суан.

Лилейн бросила на нее взгляд, и Суан мысленно обругала себя за то, что позволила проявить эмоции. Нужно, чтобы Лилейн считала, что Суан на ее стороне.

— Прости, Лилейн. Эта женщина выводит меня из себя. Почему Элайда идет на переговоры, если не желает ни в чем уступать?

Лилейн кивнула и сказала:

— Вот именно! Но кто вообще возьмется объяснять поступки Элайды? Сообщения Амерлин указывают на то, что правление Элайды в Башне… по меньшей мере нелогично.

Суан молча кивнула. К счастью, Лилейн, похоже, не заподозрила ее в нелояльности. Или для нее это не важно. Просто поразительно, какой безвредной стали считать Суан — теперь, когда

она настолько утратила свое былое могущество.

Быть слабой было для нее непривычно. С первых дней, как Суан появилась в Белой Башне, сестры отмечали ее способности в Силе и остроту ума. О том, что в будущем она станет Амерлин, шептаться начали почти сразу — иногда казалось, будто сам Узор направлял Суан прямо к палантину. И хотя стремительное восхождение Суан к Престолу Амерлин, да еще в столь юном возрасте, поразило многих, для нее самой собственное возвышение удивительным не было. Когда рыбачишь с наживкой из кальмара, не стоит удивляться, коли поймаешь клык-рыбу. Если хочешь поймать угря, то на крючок насаживаешь нечто другое.

Когда Суан только что Исцелили, она была разочарована своей уменьшившейся силой. Но постепенно ее отношение к этой перемене менялось. Да, подобная слабость ужасно выводила ее из себя — оказаться ниже столь многих, лишиться почтительного отношения окружающих. Но из-за того, что ее возможности в Силе стали меньше, многие, по-видимому, решили, будто и ее политический талант ослабел! Неужели люди настолько забывчивы? У Суан появилось чувство, что новое положение среди Айз Седай давало ей

свободу.

— Да, это так, — произнесла Лилейн, кивнув еще одной группе послушниц. — Я считаю, что пора отправить посланниц в те королевства, которые еще не завоевал ал'Тор. Возможно, мы еще не владеем Белой Башней, но это не повод забывать о нашем политическом влиянии в мире.

— Разумеется, Лилейн, — сказала Суан. — Но ты уверена, что Романда не воспротивится?

— С чего бы? — небрежно ответила она. — В этом нет никакого смысла.

— В действиях Романды редко бывает смысл. Думаю, она спорит лишь назло тебе. Но я сама видела, как в начале недели она беседовала с Маралендой.

Лилейн нахмурилась. Мараленда приходилась дальней родственницей семьи Траканд.

Суан скрыла улыбку. Удивительно, сколь многого можно добиться, когда другие не принимают тебя в расчет. Скольких женщин она сама недооценила оттого, что не видела в них силы? И часто ли манипулировали ею — так, как сейчас она манипулирует Лилейн?

— Я займусь этим, — сказала Лилейн.

Не важно, что она выяснит: пока Лилейн занята Романдой, тем меньше у нее будет времени на то,

чтобы похищать власть у Эгвейн.

Эгвейн. Лучше бы Амерлин поторопиться со своими замыслами и закончить дела в Белой Башне. Хорошо ли выйдет, если она подорвет власть Элайды, а из-за ее отсутствия распадется единство Айз Седай, подступивших к Тар Валону? Суан под силу только отвлечь на время Романду и Лилейн, особенно теперь, когда Лилейн имеет такое явное преимущество. О Свет! Порой у Суан возникало чувство, будто она пытается жонглировать обмазанной жиром живой щукой-серебрянкой.

Суан взглянула туда, где за этими тучами должно было находиться солнце. День близился к вечеру.

— Рыбий потрох! — пробормотала она. — Лилейн, мне пора идти.

Лилейн посмотрела на Суан:

— Тебя ждет стирка? Для твоего генерала-головореза?

— Он не головорез, — огрызнулась Суан и вновь прокляла себя. Она утратит преимущество, если будет грубить тем, кто считает себя выше нее.

Лилейн улыбнулась, в ее глазах блеснул огонек, словно она что-то знала. Невыносимая женщина. Подруга она или нет, но Суан иногда хотелось

стереть ее…

Нет.

— Прошу прощения, Лилейн, — заставила она себя произнести эти слова. — Я злюсь всякий раз, как подумаю о том, чего он требует от меня.

— Еще бы, — сказала Лилейн, поджимая губы. — Я размышляла об этом, Суан. Возможно, Амерлин и мирится с тем, что Брин изводит одну из сестер, но я подобного не потерплю. Теперь ты одна из моих приближенных.

«Одна из твоих приближенных? — подумала Суан. — А я-то думала, что просто помогаю тебе, пока не вернется Эгвейн».

— Да, — продолжала Лилейн. — Полагаю, пора тебе перестать прислуживать Брину. Я выплачу твой долг, Суан.

— Выплатишь мой долг? — Суан на миг охватила паника. — Надо ли? Конечно, я бы рада освободиться от этого человека, но мое положение дает неплохую возможность узнавать его планы.

— Планы? — переспросила Лилейн, нахмурившись.

Суан мысленно скривилась от досады. Чего она совсем не хотела — бросить тень на Брина. О Свет, по сравнению с твердостью его слова клятвы,

даваемые Стражами, могут показаться шаткими.

Наверное, стоило бы просто позволить Лилейн покончить с тем глупым обязательством, но от одной мысли об этом холодело внутри. Брин уже был разочарован тем, что Суан нарушила несколько месяцев назад данное ему обещание. Вернее, она не нарушила — просто отложила его выполнение. Но попробуй убеди в этом упрямца!

Если сейчас Суан пойдет по легкому пути, что Брин о ней подумает? Он решит, что взял верх, что доказал, будто она неспособна сдержать слово. Такого Суан никак не могла допустить.

Кроме того, нельзя, чтобы ее выручила Лилейн. Тогда Суан окажется в долгу не перед Брином, а перед ней. А Айз Седай прибегнет к гораздо более тонким методам, но непременно взыщет долг сполна, пусть даже это окажется лишь требование верности.

— Лилейн, — мягко сказала Суан, — я ни в чем не подозреваю честного генерала. Но он стоит во главе наших армий. Можем ли мы быть уверены, что он делает все как надо, если не будем за ним присматривать?

Лилейн хмыкнула:

— Не думаю, что хоть кому-то из мужчин можно доверять настолько, чтобы оставлять без надле-

жащего руководства.

— Стирку я терпеть не могу, — сказала Суан. Это была правда. Но от этого она не отказалась бы и за все золото Тар Валона. — Но если эта обязанность позволяет мне быть рядом и держать ухо востро…

— Да, — Лилейн медленно кивнула. — Да, вижу, ты права. Я не забуду твою самоотверженность, Суан. Хорошо, ты можешь идти.

Лилейн повернулась, бросив взгляд на свою руку, как будто ей чего-то не хватало. Вероятно, она предвкушает тот день, когда — став Амерлин — будет, прощаясь с сестрой, протягивать для поцелуя руку с кольцом Великого Змея. О Свет, Эгвейн нужно поскорее возвращаться. Какая скользкая эта обмазанная жиром щука-серебрянка! Растреклятая щука-серебрянка!

Суан направилась к границе лагеря Айз Седай. Армия Брина окружала лагерь Айз Седай широким кольцом, но шатер военачальника находился на противоположной стороне. Чтобы добраться до него, понадобилось бы не меньше получаса. К счастью, Суан встретилась телега со съестными припасами для армии, доставленными через переходные врата. Низкорослый седеющий возчик тут же согласился подвезти ее,

хотя был искренне удивлен, почему она не возьмет лошадь, как подобает Айз Седай. Путь был не так уж далек, а проехать его вместе с репой было для Суан куда менее недостойно, чем трястись на спине лошади. Если Гарет Брин вздумает сетовать на ее опоздание, она ему еще и не то выскажет! Всенепременно!

Она привалилась спиной к бугристому мешку с овощами, свесив через задний борт ноги, скрытые коричневой юбкой. Пока телега преодолевала небольшой подъем, Суан окинула взором раскинувшийся перед ней лагерь Айз Седай — своей упорядоченностью белые палатки походили на город. Его окружали ровные ряды армейских шатров, размерами поменьше, а уже за ними, в свою очередь, росло кольцо палаток и навесов маркитантов и всех прочих, кто обычно следовал за войском.

Вокруг же расстилался бурый пейзаж: зимние снега уже растаяли, но весенняя поросль была редкой. По равнине были разбросаны дубовые рощицы; тени в долинах и вьющиеся струйки дыма из труб указывали на далекие деревни. Удивительно, каким знакомым и каким приветливым казался ей этот край. Когда Суан впервые попала в Белую Башню, то была уверена, что никогда не

полюбит эту местность, с ее совершенно «сухопутными» пейзажами, где морем и не пахло.

Теперь же куда бóльшую часть своей жизни она прожила уже в Тар Валоне, а не в Тире. Порой трудно было вспоминать ту девочку, которая плела и чинила сети и рано поутру отправлялась рыбачить вместе с отцом. Теперь она стала совсем другой — женщиной, которая имеет дело отнюдь не с рыбой, а с тайнами.

Тайны, дающие власть и силу, интригующие тайны. Они стали ее жизнью. Никакой любви, не считая легкого флирта в юности. Нет времени на привязанности и почти нет места дружбе. Только одно составляло ее цель: найти Дракона Возрожденного. Помогать ему, наставлять его, надеясь даже управлять им.

Морейн погибла, выполняя эту задачу, но ей, по крайней мере, довелось повидать мир. Суан же состарилась — пусть не телом, но духом, — заточив себя в Башне, дергая за ниточки и подталкивая мир к нужному пути. Ее усилия были во благо. Время покажет, достаточно ли было этих усилий.

О своей жизни Суан не жалела. И все же в какую-то минуту, проезжая мимо солдатских шатров — на телеге, которая подскакивала на

рытвинах и разбитых колеях и дребезжала, как сухие рыбьи кости в пустом котелке, — она позавидовала Морейн. Часто ли Суан находила время, чтобы позволить себе выглянуть из окна и полюбоваться прекрасным зеленым пейзажем, пока он не стал болезненно тусклым? Они с Морейн отчаянно сражались ради спасения этого мира, но для себя не оставили от него ничего, чем могли бы насладиться.

Возможно, Суан совершила ошибку, оставшись в Голубой Айя, в отличие от Лиане, которая, воспользовавшись возможностью, представившейся после их усмирения и Исцеления, перешла в Зеленую. «Нет, — подумала Суан под громыхание телеги и резкий запах репы. — Нет, я по-прежнему намерена спасти этот треклятый мир». Она не может перейти к Зеленым. Хотя, когда Суан думала о Брине, ей хотелось, чтобы кое в чем Голубые больше походили на Зеленых.

Когда Суан была Амерлин, у нее не было времени на привязанности, — но как насчет Суан, которая превратилась лишь в приближенную Амерлин? Чтобы управлять людьми, незаметно манипулируя ими, требуется гораздо больше умений, чем заставлять их повиноваться из страха перед властью Престола Амерлин, и, как

оказалось, это дает лучший результат. И вдобавок нынешнее положение избавляло ее от ужасного груза ответственности, который она ощущала в те годы, пока правила Белой Башней. Возможно, в ее жизни найдется место и для других перемен?

Повозка доехала до дальней стороны армейского лагеря, и Суан покачала головой, укорив себя за глупость, а затем спрыгнула на землю и кивком поблагодарила возчика. Она не девчонка, едва доросшая до того, чтобы на целый день выйти в море за чернорыбицей. Нет смысла в подобных мыслях о Брине. По крайней мере, не сейчас. Нужно еще очень многое сделать.

Она шагала вдоль периметра лагеря, армейские шатры оставались по левую сторону от нее. Уже темнело, и фонари жгли драгоценное масло, освещая хаотично расставленные палатки и хижины справа от Суан. Впереди возвышался небольшой частокол. Он не охватывал весь армейский лагерь, а лишь окружал несколько дюжин офицерских шатров и палаток побольше, выделенных для командного состава. Частокол должен был послужить укрепленной позицией в случае нападения на лагерь, но в обычное время тут располагался штаб, где Брин проводил советы с офицерами — он считал, что будет лучше,

если от остального лагеря командование отделяет физический барьер. В ином случае суета и неразбериха скопища палаток маркитантов и прочего невоенного люда и излишне протяженный периметр, усложняющий патрулирование, позволили бы шпионам с легкостью подобраться к шатрам Брина.

Частокол был готов только на три четверти, но работа продвигалась быстро. Возможно, со временем, если осада затянется, Брин обнесет палисадом весь армейский бивак. А пока он считал, что небольшой укрепленный командный пункт не только обеспечит безопасность и вселит в солдат уверенность, но и поднимет его авторитет.

Восьмифутовые колья тянулись заостренными вершинами к небу и сами чем-то напоминали караульных, стоящих плечом к плечу. При ведении осады обычно людей для фортификационных работ бывает в достатке. Охрана у ворот частокола знала, что Суан нужно пропустить, и вскоре она добралась до шатра Брина. Ей действительно предстояла стирка, но большую часть работы придется отложить до утра. Как только стемнеет, она должна встретиться с Эгвейн в *Тел'аран'риоде*, а закат уже начинал таять.

Шатер Брина, как обычно, едва светился сла-

бым светом. В то время как остальные тратили масло, он экономил. Большинство его людей жили лучше, чем он сам. Вот глупый мужчина. Решительным шагом Суан вошла в палатку, даже не спрашивая разрешения. Если Брин настолько глуп, чтобы переодеваться, не зайдя за ширму, он заслуживает того, чтобы его застали в таком виде.

Гарет Брин сидел за столом, освещенным лишь одной свечой, и, по всей видимости, читал доклады разведчиков.

Суан фыркнула, отпуская край входного полога, и парусиновые клапаны, опустившись, сомкнулись у нее за спиной. Ни одной лампы! Что за человек!

— Гарет Брин, ты глаза испортишь, если будешь читать при таком освещении.

— Суан, я почти всю жизнь читаю при одной свече, — не поднимая головы, заметил он и перевернул страницу. — И, коли хочешь знать, вижу я сейчас так же, как в детстве.

— Правда? — сказала Суан. — Хочешь сказать, что зрение у тебя всегда было плохим?

Брин усмехнулся, но продолжил читать. Суан фыркнула снова, погромче, чтобы он наверняка услышал. Затем она сплела светящуюся сферу

и подвесила ее над столом. Глупый мужчина. Она не позволит Брину ослепнуть, чтобы в битве он пал от удара, которого не увидит. Поместив светящийся шар рядом с его головой — настолько близко, что он отодвинулся, — Суан отошла, собираясь снять белье с веревки, которую сама натянула посреди палатки. Он ни словом не высказал недовольства тем, что она вздумала сушить белье внутри его палатки, и снимать его не стал. К большому разочарованию Суан. Ей хотелось, чтобы у нее нашелся повод укорить его.

— Ко мне сегодня приходила женщина из внешнего лагеря, — заметил Брин, передвинувшись со стулом немного в сторону и взяв новую стопку бумаг. — Предлагала стирать для меня. У себя в лагере она организовала группу прачек и говорит, что мою одежду они будут стирать быстрее и лучше, чем одна служанка, которая постоянно отвлекается на другие дела.

Суан застыла, бросив взгляд на Брина, а тот продолжал просматривать бумаги. Жесткие линии его нижней челюсти освещали одновременно два источника: слева на его лицо падало ровное белое сияние сферы Суан, а справа подрагивало оранжевое пламя свечи. Одних людей возраст делал слабыми, других — усталыми и дряхлыми.

Черты же Брина просто стали выразительней — как колонна, высеченная мастером-каменщиком и оставленная на милость стихий. Возраст не лишил его силы и энергии. Годы закалили Гарета Брина, придали твердость характеру, лишь припорошив виски серебром и исчертив мужественное лицо линиями мудрости.

— И что ты ответил этой женщине? — спросила она.

Брин перевернул очередную страницу.

— Сказал, что моя прачка меня устраивает. — Он поднял на Суан взгляд. — Должен сказать, Суан, я удивлен. Я думал, Айз Седай не знакомы с такой работой, но редко когда моя униформа так замечательно сочетала в себе жесткость и удобство. Ты достойна похвалы.

Суан отвернулась, чтобы он не заметил выступивший на щеках румянец. Глупец! Перед ней короли преклоняли колени! Она ловко манипулировала Айз Седай и планировала спасение всего человечества! А он хвалит ее за стирку?

Но дело в том, что со стороны Брина похвала была честной и весомой. Он не смотрел свысока на прачек или мальчишек-посыльных. Он со всеми обращался одинаково. Чтобы заслужить уважение Брина, не нужно было быть королем

или королевой; нужно было выполнять свой долг и держать данное слово. Похвала от него за хорошо выстиранное белье значила не меньше, чем награда, врученная солдату, который не отступил перед врагом.

Суан вновь взглянула на Брина. Он по-прежнему смотрел на нее. Глупый мужчина! Она торопливо сняла следующую рубашку и начала ее складывать.

— Ты так и не объяснила мне как следует, почему нарушила клятву, — сказал он.

Она замерла, уставившись на дальнюю стенку палатки, испятнанную тенями от еще висевшего белья.

— Я думала, ты понял. — Она продолжала складывать рубашку. — У меня были важные сведения для Айз Седай в Салидаре. Кроме того, не могла же я позволить Логайну разгуливать без присмотра? Мне нужно было найти его и доставить в Салидар.

— Это все отговорки, — сказал Брин. — Нет, я знаю, что так и было. Но ты — Айз Седай. Ты можешь взять факты и с той же ловкостью, как прочие используют ложь, искусно скрыть за ними настоящую правду.

— Хочешь сказать, что я лгу? — с вызовом в

голосе спросила Суан.

— Нет, — ответил он. — Ты просто нарушила клятву.

Она посмотрела на него расширившимися глазами. Ну что ж, она не станет смягчать правду…

Но Суан все еще медлила. Он задумчиво смотрел на нее, окутанный сиянием двух источников света. Сдержанно, но не обвиняюще.

— Знаешь, именно этот вопрос и привел меня сюда, — сказал он. — Поэтому я выслеживал тебя все это время. Поэтому я все же присягнул этим мятежным Айз Седай, хотя у меня не было никакого желания ввязываться в очередную войну у Тар Валона. Все это я сделал для того, чтобы понять. Мне нужно знать. Почему? Почему женщина с такими глазами — горящими, незабываемыми — нарушила свою клятву?

— Я же сказала, что вернусь и исполню обещание, — сказала Суан, отворачиваясь и встряхивая перед собой рубашку, чтобы разгладить на ней складки.

— Снова отговорка, — тихо промолвил Брин. — Еще один ответ под стать Айз Седай. Услышу ли я когда-нибудь от тебя всю правду, Суан Санчей? Доводилось ли хоть кому-нибудь ее от тебя услышать?

Брин вздохнул, и Суан услышала шуршание бумаг, и пламя свечи затрепетало чуть сильнее, когда он снова вернулся к докладам.

— Я была еще принятой в Белой Башне, — тихо заговорила Суан, — когда оказалась одной из тех четырех, кто присутствовал при Предсказании, объявившем о неизбежном рождении Дракона Возрожденного на склонах Драконовой горы.

Шелест бумаг стих.

— Одна из трех других, кто был при Предсказании, — продолжила Суан, — умерла на месте. Еще одна — вскоре после этого. Уверена, что ее — саму Амерлин — убила Черная Айя. Да, она существует. Если ты хоть кому-то обмолвишься, что я признала этот факт, я вырву тебе язык.

Суан помолчала.

— Но до своей гибели Амерлин отправила Айз Седай на поиски Дракона. Одна за другой эти женщины исчезли. Должно быть, перед тем, как убить Тамру, Черные сестры пытками вырвали у нее их имена. Так просто она бы их не выдала. Я до сих пор содрогаюсь, стоит мне задуматься о том, что ей пришлось вынести.

Вскоре осталось только двое, кто знал. Морейн и я. Мы не должны были слышать Предсказание. Мы были всего лишь принятыми и случайно там

оказались. Уверена, что Тамре как-то удалось утаить от Черной Айя наши имена, иначе нас непременно убили бы, как и других.

Нас осталось двое. Только мы двое во всем мире знали о том, что грядет. По крайней мере лишь двое из тех, кто служил Свету. И поэтому, Гарет Брин, я поступила так, как должна была поступить. Я посвятила свою жизнь приготовлениям к приходу в мир Дракона. Я поклялась, что мы переживем Последнюю битву. Что сделаю то, что необходимо — все, что будет необходимо, — что вынесу возложенное на меня бремя. Был только один человек, кому я могла доверять, и теперь она мертва.

Суан повернулась, встретившись с Брином взглядом. От ночного ветра подрагивали стенки палатки и колебалось пламя свечи, но Брин сидел неподвижно, не сводя с нее взора.

— Теперь ты понимаешь, Гарет Брин, — сказала она. — Я *должна* была отложить исполнение данного тебе обета, потому что у меня были и другие клятвы. Я дала зарок довести все до конца, и Дракон еще не встретил свою судьбу у Шайол Гул. Когда человек дает клятвы, то исполнять сначала должен те, которые важнее. Когда я приносила тебе клятву, то не обещала, что начну служить

тебе сразу же. Я намеренно осторожничала в словах. Ты назовешь это словесными играми Айз Седай. Я бы назвала иначе.

— Иначе? Как? — поинтересовался Брин.

— Я делаю то, что необходимо, чтобы защитить тебя, твои земли, твой народ, Гарет Брин. Ты винишь меня за потерю амбара и нескольких коров. Лучше задумайся, как дорого заплатят твои люди, если Дракон Возрожденный потерпит поражение. Иногда нужно идти на жертву, чтобы исполнить более важный долг. По-моему, солдату это должно быть понятно.

— Тебе стоило сказать мне, — произнес он, по-прежнему не отводя взгляда. — Надо было объяснить, кто ты есть.

— И что? — спросила Суан. — Ты бы мне поверил?

Он промолчал.

— К тому же, — призналась она, — я тебе не доверяла. Прошлая наша встреча, как мне помнится, была не особенно… теплой. Могла ли я рисковать, Гарет Брин, и открыться человеку, которого не знаю? Могла ли я доверить ему тайны, которые известны только мне и которые я должна передать новой Амерлин? Могла ли я терять хоть миг, когда над целым миром навис

топор палача?

Суан требовательно смотрела ему в глаза, желая получить ответ.

— Нет, — наконец признал Брин. — Сгореть мне на месте, Суан, нет! Ты не должна была ждать. Тебе вообще не надо было давать мне эту клятву!

— А тебе стоило повнимательней слушать, — сказала она, фыркнув и наконец отведя глаза. — Если станешь впредь брать с кого-то клятву служить тебе, советую оговаривать сроки службы.

Брин что-то проворчал, и Суан резким движением сдернула последнюю рубашку, веревка задрожала, отчего ее тень на дальней стене шатра превратилась в размытое пятно.

— Что ж, — сказал Брин, — самому себе я сказал, что продержу тебя на службе, пока не добьюсь ответа. Теперь я получил ответ. Могу сказать, что…

— Молчи! — выкрикнула Суан, резко развернувшись и направив на него палец.

— Но…

— Не говори этого, — пригрозила она. — А не то я заткну тебе рот и подвешу в воздухе до завтрашнего заката. Не думай, что я этого не сделаю.

Брин сидел, не говоря ни слова.

— Я еще не закончила с тобой, Гарет Брин. —

Суан со злостью встряхнула рубашку и сложила ее. — Я скажу тебе, когда закончу.

— О Свет, женщина, — пробормотал он вполголоса. — Если б я знал, что ты — Айз Седай, когда гнался за тобой до Салидара… если б я ведал, что творил…

— Что тогда? — требовательно спросила она. — Ты бы не погнался за мной?

— Конечно погнался бы, — с негодованием сказал Брин. — Просто я был бы осторожнее, может, подготовился бы лучше. Это все равно что отправиться охотиться на кабана не с копьем, а с перочинным ножичком!

Суан уложила последнюю рубашку поверх остальных и взяла в руки всю стопку, а потом бросила на Брина страдальческий взор.

— Постараюсь сделать вид, будто не заметила, как ты, Брин, только что сравнил меня с кабаном. Будь любезен, следи за своим языком. Иначе лишишься служанки и тебе придется позволить тем прачкам заняться стиркой твоих рубашек.

Тот озадаченно взглянул на Суан, потом просто расхохотался. Она и сама не сумела скрыть усмешки. Что ж, после этого разговора он будет знать, с кем имеет дело и кто сидит у кормила.

Но… Свет! Почему она рассказала ему о Предска-

зании? Суан редко вообще кому-либо говорила об этом. Укладывая чистые рубашки в сундук, она покосилась на Брина, который до сих пор качал головой и посмеивался.

«Когда другие клятвы больше не будут довлеть надо мной, — подумала Суан, — когда буду уверена, что Дракон Возрожденный делает то, что должен, тогда, возможно, настанет время. В които веки я начинаю ждать, когда все закончится, и смотреть в будущее». Как замечательно.

— Тебе пора спать, Суан, — сказал Брин.

— Еще рано, — ответила она.

— Да, но уже закат. Каждый третий день ты ложишься непривычно рано и надеваешь то странное кольцо, что прячешь под тюфяком. — Брин снова повернул голову к разложенным на столе бумагам. — Передавай мои наилучшие пожелания Амерлин.

Суан развернулась к нему, чуть не открыв рот. Откуда ему знать о Тел'аран'риоде? Она заметила довольную улыбку у Брина на лице. Возможно, он и не знал ничего, но, очевидно, догадался, что кольцо и странности в распорядке ее дня как-то связаны с общением с Эгвейн. Вот же хитрый лис! Когда Суан проходила мимо него, Брин бросил на нее взгляд поверх бумаг, и она уловила в его

глазах лукавый блеск.

— Невыносимый мужчина, — пробормотала Суан, садясь на топчан и гася свою светящуюся сферу. Затем она тайком вытащила кольцо-тер'ангриал и повесила его на шею, повернулась к Брину спиной и легла, пытаясь заставить себя заснуть. Она специально каждый третий день вставала спозаранку, чтобы к вечеру больше устать. Суан жалела, что не может засыпать по своей воле так же легко, как это проделывала Эгвейн.

Невыносим… Как же он невыносим! Нужно как-то с ним поквитаться. Запустить мышей в постель, например. Это будет хорошая расплата.

Суан лежала еще очень долго, но в конце концов ей удалось уговорить себя заснуть, причем со слабой улыбкой от предвкушения мести. Суан пробудилась в Тел'аран'риоде, одетая в одну лишь возмутительно короткую сорочку, едва прикрывающую тело. Она вскрикнула и тут же усилием воли сменила ее на зеленое платье. Зеленое? Как зеленое? Она сделала платье голубым. О Свет! Ну почему Эгвейн в Тел'аран'риоде так замечательно контролирует все вокруг себя, а у Суан даже одежда меняется при любой посторонней мысли? Должно быть, потому, что тот тер'ангри-

ал, который надевала Суан, был посредственной копией, работавшей хуже оригинала. Оттого-то для тех, кто видел тут Суан, она казалась какой-то иллюзорной.

Суан стояла среди палаток, в центре лагеря Айз Седай. Входные клапаны шатров едва ли не каждую секунду то открывались, то закрывались. В небе бушевала яростная, но странно беззвучная гроза. Любопытно, но в Тел'аран'риоде странности — обычное дело. Суан зажмурилась, желая оказаться в кабинете наставницы послушниц в Белой Башне. Открыла глаза она уже там. В небольшой комнате, стены которой были обшиты деревянными панелями, стояли массивный письменный стол и узкий стол, где наказывали провинившихся.

Суан хотелось пользоваться оригинальным кольцом, но его бдительно оберегали восседающие. Нужно быть благодарной и за малый улов, так любил говаривать ее отец. Она вообще могла остаться даже и без этого кольца. Восседающие сочли, что оно было у Лиане, когда ту схватили.

Как там Лиане? В любой момент лже-Амерлин могла назначить казнь. Суан прекрасно знала, какой злопамятной могла быть Элайда. У нее до сих пор щемило сердце, когда она вспоминала

бедного Алрика. Испытывала ли Элайда хоть малейшие угрызения совести за то, что хладнокровно убила Стража перед тем, как свергнуть ту, чью власть она подрывала?

— Меч, Суан? — вдруг раздался голос Эгвейн. — Это что-то новенькое.

Суан опустила взгляд и с ужасом увидела, что держит окровавленный меч, предназначенный, вероятно, для сердца Элайды. Она заставила его исчезнуть, затем обернулась к Эгвейн. Девушка выглядела почти как Амерлин. Она была облачена в роскошное золотистое платье, темные волосы украшала изящная сеточка, унизанная жемчугами. Лицо девушки еще не утратило признаков возраста, но ей все лучше давалось непоколебимое спокойствие Айз Седай. Вообще говоря, сейчас Эгвейн бесстрастие давалось даже лучше, чем тогда, когда ее схватили.

— Прекрасно выглядишь, мать, — промолвила Суан.

— Благодарю, — едва заметно улыбнулась Эгвейн.

Перед Суан она открывалась больше, чем перед другими. Обе они знали, как сильно полагалась Эгвейн на ее наставничество, чтобы добиться того, чего она достигла.

«Хотя, вероятно, она справилась бы и без меня, — мысленно признала Суан. — Просто не так быстро».

Эгвейн оглядела кабинет, где они находились, и слегка поморщилась.

— Понятно, что в прошлый раз я сама предложила это место, но с меня уже довольно этой комнаты. Насмотрелась за последние дни. Встречу тебя в обеденном зале для послушниц. — И Эгвейн исчезла.

Странный выбор, но вряд ли для того, чтобы укрыться от чужих ушей. Суан и Эгвейн были не единственными, кто использовал Тел'аран'риод для тайных встреч. Суан закрыла глаза — это было необязательно, но помогало — и представила себе трапезную послушниц, с рядами скамеек и голыми стенами. Когда она открыла глаза, то оказалась там, как и Эгвейн. Амерлин элегантно присела, и в тот же миг под ней возникло великолепное мягкое кресло. Суан сомневалась, что ей самой под силу подобное, поэтому просто уселась на одну из скамеек.

— Думаю, мать, нам нужно встречаться чаще, — заметила Суан, барабаня пальцами по столу и приводя мысли в порядок.

— Да? Почему? — Эгвейн выпрямилась в крес-

ле. — Что-то случилось?

— Многое, — ответила Суан, — и боюсь, кое-что из этого пахнет не лучше, чем улов недельной давности.

— Рассказывай.

— Одна из Отрекшихся проникла в наш лагерь, — сказала Суан. Ей не хотелось слишком часто вспоминать о случившемся. От одной мысли об этом по спине бежали мурашки.

— Кто-нибудь погиб? — спросила Эгвейн. Голос ее был спокоен, но глаза казались стальными.

— Нет, хвала Свету, — сказала Суан. — Кроме тех, о ком ты уже знаешь. Связь между событиями установила Романда. Эгвейн, эта тварь какое-то время скрывалась среди нас.

— Кто она?

— Делана Мосалэйн, — ответила Суан. — Или ее служанка Халима. Скорее всего, Халима, ведь Делану я знаю уже довольно давно.

Глаза Эгвейн расширились, но едва заметно. Халима прислуживала Эгвейн. Одна из Отрекшихся служила Эгвейн, прикасалась к ней. Девочка стойко восприняла известия. Как и подобает Амерлин.

— Но Анайя была убита мужчиной, — сказала Эгвейн. — Эти убийства в чем-то отличались?

— Нет. Анайю убил не мужчина, ее убила женщина, направлявшая саидин. Вот единственное разумное объяснение, иного нет.

Эгвейн медленно кивнула. Все было возможно, когда дело касалось Темного. Суан улыбнулась — довольно и с гордостью. Девочка учится быть Амерлин. О Свет, да она уже Амерлин!

— Что-то еще? — спросила Эгвейн.

— Об этом случае — нет, — сказала Суан. — К несчастью, они сбежали от нас. Исчезли в тот же день, когда мы их раскрыли.

— Знать бы, что же их спугнуло.

— А вот тут дело касается кое-чего другого, о чем мне необходимо тебе рассказать. — Суан сделала глубокий вдох. Худшее уже сказано, но и говорить на следующую тему было не легче. — В тот день состоялось заседание Совета, на котором присутствовала Делана. На той встрече один из Аша'манов заявил, что почувствовал, как в лагере направляет Силу мужчина. Мы думаем, именно это послужило для нее предупреждением. Мы сумели сопоставить события только после того, как Делана сбежала. Тот же самый Аша'ман рассказал нам, что его товарищ сталкивался с женщиной, способной направлять саидин.

— А что Аша'ман делал в лагере? — спокойным

голосом поинтересовалась Эгвейн.

— Его прислали в качестве посланника, — объяснила Суан. — От Дракона Возрожденного. Мать, судя по всему, некоторые мужчины, что следуют за ал'Тором, связывают себя узами с Айз Седай.

Эгвейн моргнула один раз.

— Да. До меня доходили эти слухи. Я надеялась, что они преувеличены. Этот Аша'ман не сказал, кто позволил Ранду совершать столь неслыханные поступки?

— Он — Дракон Возрожденный, — сказала Суан, поморщившись. — Не думаю, что он считает нужным просить чьего бы то ни было позволения. Но, справедливости ради, он, похоже, не знал о случившемся. Женщины, которых связали узами, были посланы Элайдой, чтобы уничтожить Черную Башню.

— Да. — Эгвейн наконец-то проявила чуточку эмоций. — Значит, слухи верны. Даже слишком верны. — Ее великолепное платье сохранило форму, но приобрело темно-коричневый цвет, как одежда айильцев. Эгвейн, очевидно, не заметила перемены. — Когда же закончится правление Элайды, приносящее одну катастрофу за другой?

Суан лишь покачала головой:

— В виде некоего возмещения нам предложили

связать узами сорок семь Аша'манов, по числу тех женщин, которые оказались связаны узами с мужчинами ал'Тора. Нельзя сказать, что обмен равноценный, но Совет все же решил принять это предложение.

— И правильно сделал, — сказала Эгвейн. — С безрассудством Дракона мы разберемся позднее. Может быть, они действовали без его прямых приказов, но Ранд должен за такое ответить. Мужчины! Связывают узами женщин!

— Они утверждают, что саидин очищена, — заметила Суан.

Эгвейн приподняла бровь, но возражать не стала.

— Да, — заметила она, — полагаю, это весьма вероятно. Разумеется, нам будут нужны более основательные подтверждения. Но саидин была запятнана, когда казалось, что победа близка. Так почему бы порче не исчезнуть, когда все как будто катится к полному безумию?

— Это мне в голову не приходило, — сказала Суан. — Так что же нам делать, мать?

— Пусть с этим разбирается Совет, — ответила Эгвейн. — Похоже, они держат ситуацию под контролем.

— Если бы ты вернулась, мать, то было бы легче

держать под контролем их самих.

— Со временем вернусь, — отозвалась Эгвейн. Девушка откинулась на спинку кресла и, сплетя пальцы, положила руки на колени. Она вдруг показалась гораздо старше, чем можно было судить по лицу. — Пока же мне нужно потрудиться здесь. Тебе придется проследить за тем, чтобы Совет действовал так, как нужно. Я всецело полагаюсь на тебя.

— И я ценю твое доверие, мать, — сказала Суан, скрывая досаду. — Но я теряю влияние на них. Лилейн возомнила себя второй Амерлин — и при этом притворяется, что поддерживает тебя. Она поняла, насколько ей это выгодно: делать вид, будто она действует от твоего имени, и в то же время преследовать собственные интересы.

Эгвейн поджала губы:

— Я бы скорее подумала, что верх одержит Романда, учитывая, что именно она обнаружила Отрекшуюся.

— Думаю, Романда считала, что сохранит преимущество, — сказала Суан, — но она слишком долго упивалась победой. Лилейн не без усилий стала самой преданной приверженкой Амерлин, какую только можно представить. Послушать ее, так подумаешь, что вы с ней были ближайши-

ми соратницами! Она выделяет меня как свою приближенную, и всякий раз, как собирается Совет, только и слышно «так хотела Эгвейн» и «помните, что об этом говорила Эгвейн».

— Умный ход, — заметила Эгвейн.

— Блестящий, — вздохнула Суан. — Но мы предвидели, что рано или поздно одна из них примется пробивать себе путь, стремясь обойти другую. Я продолжаю сталкивать их с Романдой, но не знаю, сколько еще мне удастся отвлекать Лилейн.

— Прилагай все усилия, — сказала Эгвейн. — Но не беспокойся, если Лилейн не пойдет у тебя на поводу.

Суан нахмурилась:

— Но она стремится узурпировать твое место!

— Она укрепляет его, — улыбаясь, сказала Эгвейн. Заметив в конце концов, что ее платье стало коричневым, она вернула наряду прежний цвет в мгновение ока, не прерывая разговора. — Игры Лилейн обернутся успехом только в том случае, если мне не удастся вернуться. Она использует меня как источник власти. Когда я вернусь, у нее не будет иного выбора, кроме как принять мое главенство. Все свои усилия она потратит на то, чтобы укрепить мой авторитет.

— А если ты не вернешься, мать? — тихо спросила Суан.

— Тогда для Айз Седай будет лучше иметь сильного лидера, — сказала Эгвейн. — И если той, у кого в руках будет эта сила, окажется Лилейн, то так тому и быть.

— Знаешь ли, у нее есть веская причина помешать твоему возвращению, — заметила Суан. — По меньшей мере свою ставку она делает против тебя.

— Ну, за это я бы не стала ее сильно винить. — Эгвейн позволила себе настолько расслабиться, что скривила лицо в гримасе. — Будь я там, за пределами Башни, то и сама бы поддалась соблазну поставить против себя. Просто-напросто, Суан, заняться ею придется тебе. Я не могу позволить себе отвлекаться. Не сейчас, когда тут так велика возможность успеха, и не тогда, когда цена за провал стала еще выше.

Суан знала, насколько бывает упряма Эгвейн, когда так сильно стискивает челюсти. Сегодня ночью переубедить ее ни за что не получится. Придется попробовать снова при следующей встрече.

Все это — очищение саидин, Аша'маны, раскол Башни — заставляло ее невольно содрогаться.

Хотя к этому Суан готовилась большую часть своей жизни, ей становилось не по себе оттого, что это время наконец настало.

— Последняя битва и вправду близка, — сказала Суан больше себе самой.

— Именно так. — Голос Эгвейн был непроницаемо спокоен.

— И я иду на нее лишь с жалкой каплей моей былой силы, — скривившись, отметила Суан.

— Что ж, пожалуй, нам удастся добыть тебе ангриал, когда Башня вновь станет едина, — сказала Эгвейн. — Когда мы выступим против Тени, нам понадобится все, что у нас есть.

Суан улыбнулась:

— Было бы замечательно, но это необязательно. Наверное, я ворчу по привычке. На деле же я постепенно учусь справляться со своим… новым положением. С ним не так уж трудно мириться — теперь, когда я увидела в этом определенные преимущества.

Эгвейн нахмурилась, словно пытаясь понять, какие могут быть преимущества в том, что твои силы уменьшились. В конце концов девушка покачала головой.

— Илэйн однажды говорила мне о комнате в Башне, набитой предметами силы. Полагаю,

такая комната действительно существует?

— Конечно, — сказала Суан. — Хранилище под Башней. На втором подземном этаже, на северо-восточной стороне. Маленькая комнатка с простой деревянной дверью, но мимо нее не пройдешь. В том коридоре это единственная запертая дверь.

Эгвейн кивнула своим мыслям.

— Грубой силой одолеть Элайду я не могу. И все же хорошо, что я знаю о хранилище. У тебя еще есть что-нибудь важное?

— Пока нет, мать, — сказала Суан.

— Тогда возвращайся и поспи немного. — Эгвейн помедлила. — В следующий раз мы увидимся через два дня. Здесь, в обеденном зале для послушниц, хотя, наверно, стоит перенести встречи куда-нибудь в город. Не доверяю я этому месту. Если в нашем лагере окопалась Отрекшаяся, то я готова поставить в заклад половину отцовской гостиницы, что кто-то из них шпионит и за Белой Башней.

Суан кивнула:

— Хорошо.

Она закрыла глаза и вскоре обнаружила, что моргает в палатке Брина. Свеча была погашена, и Суан слышала тихое дыхание Брина, который

спал на топчане в другом углу палатки. Сев на постели, она посмотрела на него, хотя в темноте трудно было разглядеть что-то, кроме неясных теней. Как ни странно, но после разговора об Отрекшихся и Аша'манах присутствие рядом этого крепкого мужчины успокаивало ее.

«Есть ли еще что-нибудь важное, Эгвейн? — подумала Суан, вставая. Зайдя за ширму, она сняла платье и переоделась в ночную сорочку. — Мне кажется, я влюбилась. Насколько это важно?» Ей самой это казалось куда более странным, чем избавление от порчи или женщина, направляющая саидин.

Качая головой, Суан спрятала позволяющий ходить по снам тер'ангриал обратно в тайник и уютно устроилась под одеялами.

Так уж и быть, на этот раз она не станет подкладывать ему мышей. Но вот в другой раз… Нет, зарекаться не стоит.

Глава 9
Покидая Малден

Прохладный весенний ветер щекотал Перрину лицо. Такой легкий ветер должен пахнуть цветочной пыльцой и холодной утренней росой, свежей почвой, из которой пробиваются и тянутся к свету молодые ростки, он должен пахнуть новой жизнью и обретшей новое рождение землей.

Этот же ветер принес лишь запахи крови и смерти.

Перрин повернулся к ветру спиной, опустился на колени и принялся осматривать колеса. Повозка, сделанная из гикори, потемневшего от времени, была крепкой и с виду в хорошем состоянии, но Перрин усвоил, что надо быть начеку, когда имеешь дело с чем-то из Малдена. Хотя Шайдо с презрением относились к лошадям, но использовать фургоны и волов не отказывались, однако они — как и все айильцы — предпочитали отправляться в путь налегке. О телегах и фургонах они заботились плохо, и в ходе своего осмотра Перрин обнаружил немало изъянов и незаметных на первый взгляд повреждений.

— Следующий! — выкрикнул он, проверяя втулку первого колеса. Реплика адресовалась ждущей неподалеку толпе — все эти люди хотели поговорить с ним.

— Милорд, — голос был низкий и неприятный, напоминающий звук, который раздается, если одной деревяшкой потереть о другую. Герард Арганда, первый капитан Гэалдана. Исходивший от него запах заставлял вспомнить хорошо смазанные маслом доспехи, — вынужден напомнить, что нам необходимо отправляться в путь. Позвольте мне выехать вперед вместе с ее величеством.

Ее величеством Арганда именовал Аллиандре, королеву Гэалдана. Перрин продолжал осматривать колесо. Плотницкое ремесло было ему не так знакомо, как кузнечное, но его отец научил всех своих сыновей разбираться в повозках. Лучше обнаружить неприятность заранее и вовремя исправить поломку, чем застрять потом на полпути. Перрин провел ладонью по гладкой коричневой древесине. Волокна дерева были хорошо различимы, и умелые пальцы быстро проверили, нет ли трещин. На вид все четыре колеса были в порядке.

— Милорд? — напомнил о себе Арганда.

— Мы выступим все вместе, — сказал Перрин. — Таков мой приказ, Арганда. Я не хочу, чтобы беженцы решили, будто мы их бросаем.

Беженцы. Больше сотни тысяч людей, которым нужна помощь. Сотня тысяч! О Свет, да их намного больше, чем живет во всем Двуречье! И Перрин отвечал за то, чтобы накормить каждого из них. Фургоны. Многие люди не понимают, как важен надежный фургон. Он лег на спину, собираясь осмотреть оси, и это дало ему возможность увидеть хмурое небо, отчасти закрытое тянувшимся рядом участком городской стены Малдена.

Для дальнего севера Алтары Малден был крупным городом. Он представлял собой больше крепость, чем город, с высокими стенами и башнями. Два дня назад окрестности города служили пристанищем для Шайдо Айил, но теперь их тут не было — многие погибли, другие бежали, а захваченные ими пленники освобождены соединенными силами Перрина и шончан.

От Шайдо ему остались лишь витавший в воздухе запах крови и сотня тысяч беженцев, нуждающихся в заботе. Перрин был рад, что сумел вернуть им свободу, но, освобождая Малден, он преследовал другую цель — спасение Фэйли.

К расположению отрядов Перрина прибли-

жалось еще одно войско айильцев, но они замедлились, потом разбили лагерь и больше уже не торопились к Малдену. Возможно, бежавшие с поля боя Шайдо предупредили о том, что впереди большая армия, разбившая их, несмотря на женщин, обладающих способностью направлять Силу. Кажется, это новое войско имело не больше желания связываться с Перрином, чем он с ними.

Это давало ему время. Пусть и немного.

Арганда по-прежнему смотрел на Перрина. На капитане блестела начищенная кираса, свой шлем с узкой прорезью в забрале он держал под мышкой. Коренастый мужчина не принадлежал к числу спесивых и заносчивых офицеров, он был простолюдином, дослужившимся до высокого ранга с самых низов. Он хорошо сражался и исполнял данные ему приказы. Обычно.

— Я не передумаю, Арганда, — сказал Перрин, подтягиваясь на руках по влажной земле и глубже залезая под повозку.

— Можем мы хотя бы воспользоваться переходными вратами? — спросил Арганда, тоже опускаясь на колени. Наклонившись и заглядывая под фургон, он едва не касался земли коротко стриженными седеющими волосами.

— Аша'маны истощены почти до смерти, — отрезал Перрин. — Ты это знаешь.

— Они слишком устали для того, чтобы открыть большие врата, — сказал Арганда, — но, возможно, сумеют отправить небольшую группу. Моя госпожа так устала после плена! Вы же не хотите, чтобы она шла пешком вместе со всеми!

— Беженцы тоже устали, — сказал Перрин. — Аллиандре может ехать на лошади, но отправится в одно время с нами. Да ниспошлет Свет, чтобы это случилось поскорее.

Арганда вздохнул, но кивнул и поднялся, а Перрин продолжал ощупывать ось. Он мог определять напряжение дерева и на глаз, но предпочитал убедиться с помощью пальцев. На ощупь — оно надежнее. Там, где дерево ослабело, всегда будет скол или трещинка, и можно определить, что оно скоро сломается. Дерево было простым и предсказуемым.

В отличие от людей. В отличие от него самого.

Перрин заскрежетал зубами. Он не хотел думать об этом. Ему нужно продолжать работать, делать что угодно, лишь бы отвлечься. Он любил работу. А в последнее время для этого у него было мало возможностей.

— Следующий! — сказал он, и голос гулко отра-

зился от днища фургона.

— Милорд, мы должны атаковать! — громогласно объявил голос откуда-то сзади.

Перрин уронил голову на изрядно примятую траву и закрыл глаза. Бертайн Галленне, лорд-капитан Крылатой гвардии, занимал в Майене то же положение, что Арганда в Гэалдане. Не считая этого единственного сходства, два военачальника были настолько разными, насколько люди вообще могут отличаться друг от друга. Из-под фургона Перрин видел лишь большие, превосходно сшитые сапоги Бертайна, украшенные пряжками в виде ястребов.

— Милорд! — продолжил Бертайн. — Атака отважной Крылатой гвардии рассеет этот айильский сброд, я уверен в этом. Мы же легко справились с айильцами в городе!

— Тогда с нами были шончан, — заметил Перрин, закончив осмотр задней оси и ползком перебираясь к передней. На нем была его старая, вся в пятнах, куртка. Фэйли бы его отругала. Он должен выглядеть, как то подобает лорду. Но неужели она считает, будто он наденет дорогую одежду, если собирается целый час лежать на грязной траве, разглядывая днища фургонов?

Начать с того, что Фэйли вообще бы не захоте-

ла, чтобы он лежал на грязной траве. Положив ладонь на переднюю ось, Перрин задумался, припоминая ее черные, как вороново крыло, волосы и характерный салдэйский нос. Она была воплощением его любви. Она была для него всем.

Перрин добился своей цели — он спас ее. Так почему же у него на душе почти так же тягостно, как раньше? Он должен радоваться, должен испытывать восторг и облегчение. Пока Фэйли была в плену, он места себе не находил. Но и теперь, когда она в безопасности, по-прежнему казалось, что все не так, как надо. Но почему? Он не мог объяснить почему.

О Свет! Почему ничто не идет так, как должно? Перрин потянулся было рукой к карману, чтобы потрогать шнурок с узелками, который когда-то там носил. Но он уже выбросил его. «Прекрати! — велел он себе. — Она вернулась. Мы снова можем жить, как раньше. Разве нет?»

— Да, верно, — продолжал Бертайн, — полагаю, отсутствие шончан осложнит атаку. Но та группа айильцев, что разбила свой лагерь, меньше воинства, которое мы уже разгромили. А если вы беспокоитесь, то можете послать гонца к той шончанке-военачальнице и вернуть ее. Наверняка она не откажется вновь сразиться рядом

с нами!

Перрин заставил себя вернуться в настоящее. Размышлять о собственных проблемах сейчас неуместно; в данный момент главное — подготовить к дороге эти фургоны. Передняя ось была в порядке. Перрин перевернулся и ногами вперед выполз из-под фургона.

Бертайн был среднего роста, хотя плюмаж из трех перьев на шлеме делал его выше. Одну глазницу майенца закрывала красная повязка — Перрин не знал, где Галленне потерял глаз, — а его доспехи сияли. Он выглядел возбужденным, словно принял молчание Перрина за согласие на атаку.

Перрин встал, отряхивая коричневые штаны из грубой ткани.

— Мы уходим, — сказал он и поднял руку, пресекая возможные возражения. — Мы победили здесь несколько септов, но айильцы были опоены вилочником, и на нашей стороне были дамани. Мы устали, изранены, и мы вернули Фэйли. Больше нет причин сражаться. Нам не нужен бой.

На лице Бертайна явственно читалось неудовольствие, но он кивнул и развернулся. Тяжело шагая по грязи, майенец направился обратно к своим воинам, седлавшим лошадей. Перрин

поглядел на сгрудившуюся возле фургона кучку людей, желавших поговорить с ним. Когда-то подобное раздражало Перрина. Это казалось бесполезной работой, так как многие из просителей знали заранее, каким будет его ответ.

Но им нужно было услышать ответы от него, и Перрин начал понимать важность этого. Кроме того, их вопросы помогали ему забыть то странное напряжение, которое не оставляло его после спасения Фэйли.

Перрин направился к следующему фургону, люди двинулись за ним. В длинной веренице каравана было не меньше полусотни повозок. Первые были нагружены спасенным горожанами имуществом из Малдена; на тех, что в середине, еще шла погрузка, и Перрину оставалось осмотреть только два фургона. Ему хотелось до заката оказаться подальше от Малдена. Возможно, вдали отсюда он почувствует себя в безопасности.

Если только этим новым Шайдо не вздумается преследовать его из мести. С такой толпой, которую Перрину нужно увести с собой, его и слепой способен выследить.

Солнце, размытой кляксой светившее за пеленой облаков, клонилось к горизонту. О Свет, ну и задача — разобраться со всей неразберихой и ор-

ганизовать беженцев и солдат из разных лагерей. И кто-то еще говорит, что обратная дорога легче!

Лагерь Шайдо был полностью разорен. Многие из брошенных палаток его люди обшарили, разобрали и свернули. Теперь о том, что возле города был разбит айильский лагерь, говорили лишь истоптанная трава, грязь и разбросанный по размякшей земле мусор. Шайдо, будучи айильцами, предпочли поставить свой лагерь за стенами города, а не внутри их. Странный народ, вне всяких сомнений. Кто же отказывается от хорошей постели, не говоря о более выгодной с военной точки зрения позиции, оставшись жить в палатках в чистом поле?

Но Айил к городам относились с презрением. Бóльшая часть зданий Малдена была сожжена еще при первой атаке Шайдо или разграблена в поисках ценностей. Двери были выбиты, окна разбиты, вещи разбросаны по улицам и втоптаны в грязь ногами гай'шайн, которые неустанно носили из города воду.

Точно муравьи, вокруг по-прежнему суетливо сновали люди; миновав городские ворота, они разбегались по бывшему лагерю Шайдо, хватая все, что можно увезти. Фургоны придется бросить, если решено будет прибегнуть к Переме-

щению, — Грейди не мог создавать переходные врата достаточно большими, чтобы через них прошел фургон, — но до тех пор повозки будут немалым подспорьем. Отыскалось также много волов, и кто-то наверняка сейчас проверяет их, дабы удостовериться, что животные способны тащить фургоны. Жаль, что многие лошади, выпущенные Шайдо из городских конюшен, разбежались. Что ж, приходится довольствоваться тем, что есть.

Перрин приступил к осмотру очередного фургона, в который будут впряжены волы, и начал с длинного дышла.

— Следующий! — окликнул он.

— Милорд, — раздался скрипучий голос, — думаю, следующий — я.

Перрин взглянул на говорившего: Себбан Балвер, его секретарь. Сухое узкое лицо и вечная сутулость придавали человечку сходство с усевшимся на скале стервятником. Хотя куртка и штаны на нем были чистые, Перрину казалось, что от Балвера при каждом его шаге поднимаются облачка пыли. От него даже пахло пылью, как от старой книги.

— Балвер, — промолвил Перрин, пробегая пальцами по оглобле, а затем проверяя на ощупь

ремни упряжи, — я думал, ты разговариваешь с пленниками.

— Действительно, я был там занят своей работой, — сказал Балвер. — Однако меня стало мучить любопытство. Вы разрешили шончан забрать всех пленниц из Шайдо, способных направлять Силу?

Перрин через плечо бросил взгляд на пахнущего пылью секретаря. Хранительницы Мудрости, которые могли направлять Силу, были одурманены настоем из корня вилочника, и их, по-прежнему остававшихся в беспамятстве, передали на милость шончан. Такое решение пришлось не по душе айильским союзникам Перрина, но он не мог оставить способных направлять женщин на свободе, чтобы они потом стали мстить ему.

— Не вижу, зачем они мне, — сказал он Балверу.

— Ну как же, милорд, от них можно узнать много важного. К примеру, то, что многие Шайдо, по-видимому, стыдятся поведения своего клана. Сами Хранительницы Мудрости не в ладах друг с другом. К тому же они имели дело с некоторыми весьма любопытными личностями, которые предлагали им предметы силы, относящиеся к Эпохе легенд. И кто бы то ни был, они умеют

создавать переходные врата.

— Отрекшиеся, — пожал плечами Перрин, опускаясь на колено, чтобы проверить правое переднее колесо. — Сомневаюсь, что мы сумеем их опознать. Скорее всего, они маскируются.

Краем глаза он заметил, как при его словах Балвер поджал губы.

— Ты считаешь иначе? — спросил Перрин.

— Нет, милорд, — сказал секретарь. — Но «предметы», которые получили Шайдо, на мой взгляд, очень подозрительны. Айильцев обманули, хотя с какой целью, я пока понять не могу. Но если бы у нас было больше времени на то, чтобы обыскать город…

О Свет! Ну почему каждый человек в лагере просит его о том, что заведомо не может получить? Перрин лег на землю, осматривая заднюю сторону втулки колеса. Что-то в ней ему не нравилось.

— Балвер, мы уже знаем, что нам противостоят Отрекшиеся. Они не станут встречать Ранда с распростертыми объятиями, чтобы тот снова заточил их в узилище или что он там собирается сделать.

Проклятый цветной вихрь! Опять он принес видение Ранда. Перрин отогнал эти образы прочь. Всегда, когда он вспоминал о Ранде или Мэте,

перед его мысленным взором возникали эти видения.

— В любом случае, — продолжал Перрин, — не пойму, чего ты от меня хочешь. Мы уводим Шайдо-гай'шайн с собой. Девы захватили их немало. Можешь их допрашивать. Но отсюда мы уходим.

— Да, милорд, — сказал Балвер. — Мне просто жаль, что мы упустили этих Хранительниц Мудрости. Мой опыт говорит о том, что среди Айил они обладают наибольшим… пониманием.

— Их требовали шончан, — сказал Перрин. — И получили их. Я не позволю Эдарре угрожать мне из-за этого — что сделано, то сделано. Чего ты хочешь от меня, Балвер?

— Наверное, стоило бы отправить послание, — предложил Балвер, — чтобы Хранительницам Мудрости, когда они очнутся, задали кое-какие вопросы. Я… — Он умолк и, нагнувшись, посмотрел на Перрина. — Милорд, это несколько отвлекает. Разве нельзя было найти кого-то другого для осмотра фургонов?

— Остальные или слишком устали, или слишком заняты, — сказал Перрин. — Мне нужно, чтобы беженцы дожидались в лагерях, пока мы не отдадим приказ выступать. А большинство солдат прочесывают город в поисках съестных

припасов — нам пригодится любая лишняя горсть зерна. Половина запасов все равно испорчена. В этих поисках я им помочь не могу, потому что должен быть там, где меня могут найти люди.

Как это ни злило его, Перрин вынужден был так поступить.

— Конечно, милорд, вы должны быть там, где вас можно найти, — произнес Балвер. — Но разумеется, вам при этом вовсе незачем ползать под фургонами.

— Я могу чем-то заниматься и в то же время с людьми разговаривать, — сказал Перрин. — Мои руки вам не нужны, нужна только моя голова. И эта голова велит тебе забыть об айильцах.

— Но…

— Больше я ничего не могу сделать, Балвер, — твердо сказал Перрин, глядя на секретаря снизу вверх сквозь спицы колеса. — Мы отправляемся на север. Хватит с меня Шайдо. Чтоб им всем сгореть, но мне нет до них дела.

Балвер снова поджал губы, и от него чуть пахнуло досадой.

— Разумеется, милорд, — сказал он, быстро поклонившись. И затем секретарь удалился.

Перрин, извиваясь, как змея, выполз из-под повозки и встал, кивком подзывая к себе молодую

женщину в грязном платье и стоптанных туфлях, которая стояла сбоку от вереницы фургонов.

— Сбегай за Линконом, — велел ей Перрин. — Скажи ему, чтоб взглянул на эту втулку. Думаю, крепление разболталось и проклятая штуковина вот-вот отвалится.

Молодая женщина кивнула и убежала. Линкон был мастером-плотником и, на свою беду, отправился навещать родственников в Кайриэне, когда напали Шайдо. Воля его была практически сломлена. Возможно, именно ему стоило заниматься повозками, но, видя его затравленный взгляд, Перрин сомневался, что тот способен как следует все проверить. Хотя, если показать ему пальцем на то, что требовало починки, Линкон неплохо справлялся с порученным делом.

Да и по правде говоря, пока Перрин сам работал, он чувствовал, что делает нечто полезное, что-то нужное. Не думая о других проблемах. Фургоны починить легко. Фургоны — это ведь не то что люди. Совсем не то.

Перрин повернулся, оглядывая пустой лагерь — черные пятна кострищ и разбросанное тряпье. В город возвращалась Фэйли: она отправляла на разведку местности небольшую группу своих последователей. Она была поразительна. Пре-

красна. Эта красота была не только во внешности или в гибкой фигуре, но и в том, с какой легкостью она командовала людьми, с какой быстротой понимала, что надо делать. Фэйли обладала тем даром, какого никогда не имел Перрин.

Он не был глуп — просто он любил все обдумывать, а вот с людьми, в отличие от Мэта или Ранда, никогда общаться особо не умел. Фэйли показала, что ему необязательно уметь ладить с людьми, даже с женщинами; достаточно, что есть один человек, который его понимает. Ему не надо уметь разговаривать со всеми — до тех пор, пока он может разговаривать с ней.

Но сейчас Перрин не мог найти слов. Его тревожило, что произошло с ней в плену, но значения это уже не имело. Он злился из-за того, что ей пришлось пережить, но ни в чем ее вины не было. Чтобы выжить, пойти можно на многое. Он уважал ее силу.

«О Свет! — подумал Перрин. — Опять я размышлять стал! Надо работать дальше».

— Следующий! — прорычал он, наклоняясь и продолжая осматривать фургон.

— Если б я видел только твое лицо, парень, и ничего больше, — раздался добродушный голос, — то решил бы, что мы проиграли эту битву.

Удивленный, Перрин повернулся. Он и не знал, что среди тех, кто хотел с ним поговорить, был Тэм ал'Тор. Толпа поредела, но в ней еще оставались гонцы и слуги. Позади, в ожидании опершись на боевой посох, стоял рослый и крепкий пастух, чьи волосы высеребрила седина. Перрин еще помнил времена, когда они были черны как смоль. Тогда Перрин был совсем еще мальчишкой, не знавшим жара кузнечного горна и не державшим молота в руках.

Рука Перрина потянулась к молоту, висевшему на поясе. Он предпочел молот топору. Решение было верное, но в битве за Малден он все равно утратил контроль над собой. Быть может, именно это беспокоило его?

Или то, насколько ему нравилось убивать?

— Что тебе нужно, Тэм? — спросил Перрин.

— Я лишь хочу доложить, милорд, — сказал Тэм. — Двуреченцы готовы к маршу, каждый несет за спиной по две палатки, на всякий случай. Городскую воду из-за корня вилочника мы использовать не можем, поэтому я отправил нескольких парней наполнить бочки из акведука. Обратно мы могли бы привезти их на фургоне.

— Отлично, — сказал Перрин, улыбнувшись.

Наконец хоть кто-то сделал то, что нужно, не заручившись сначала его разрешением. — Скажи двуреченцам, что я хочу отправить их домой как можно скорее. Пусть только Грейди и Неалд наберутся сил, чтобы создать переходные врата. Хотя, наверное, придется немного подождать.

— Мы благодарны за это, милорд, — сказал Тэм. Чувствовалось, что ему непривычно было использовать этот титул. — Могу ли я побеседовать с тобой наедине?

Перрин кивнул, заметив, что к фургону, хромая, приближается Линкон. Вместе с Тэмом Перрин двинулся подальше от стражи и маленькой толпы просителей, отойдя в тень стены Малдена. Основания массивных каменных блоков обросли зеленым мхом. Странно, но мох был гораздо ярче, чем истоптанная грязная трава под ногами. Казалось, этой весной не было никакой зелени, кроме мха.

— В чем дело, Тэм? — спросил Перрин, когда они оказались достаточно далеко.

Тэм потер ладонью щеку с пробивавшейся седой щетиной. В последние дни Перрин никому не давал продыха, и на бритье времени не оставалось. Одет Тэм был в простую синюю шерстяную куртку, и плотная ткань, скорее всего, неплохо

спасала от ветра с гор.

— Парни спрашивают, Перрин. — Когда они остались одни, речь Тэма стала менее формальной. — Ты всерьез говорил о том, что отказываешься от Манетерен?

— Да, — сказал Перрин. — От этого знамени, как только оно появилось, одни неприятности. Шончан, да и все прочие, пусть тоже знают. Никакой я не король.

— А как же королева, которая принесла тебе вассальную клятву?

Перрин, подбирая слова для ответа, задумался над сказанным Тэмом. Когда-то его считали тугодумом. Теперь люди называли его задумчивость признаком острого ума и изобретательности. И все благодаря вычурному титулу перед именем!

— Думаю, ты поступил правильно, — вдруг произнес Тэм. — Назвав во всеуслышание Двуречье древним именем Манетерен, ты испортил бы отношения не только с шончан, но и с самой королевой Андора. Они могли бы решить, что ты хочешь большего, а не только одно Двуречье. Что, наверное, ты намерен завоевать все те земли, которыми некогда владела Манетерен.

Перрин замотал головой:

— Не хочу я ничего завоевывать, Тэм! О Свет! И

вообще я не думаю владеть никакими землями, которые мне приписывают люди. Чем скорее Илэйн взойдет на трон и пришлет в Двуречье настоящего правителя, тем лучше. Можно будет покончить с этим «лордом Перрином» и вернуться к нормальной жизни.

— А королева Аллиандре? — спросил Тэм.

— Она может поклясться в верности Илэйн, — упрямо сказал Перрин. — Или, может быть, дать клятву самому Ранду. Ему, похоже, нравится собирать королевства. Все равно что ребенок, играющий в кубики.

От Тэма исходил запах беспокойства. Какой-то тревоги. Перрин отвернулся. Ну почему, почему все так сложно? Должно же быть проще.

— Ну что еще?

— Просто я подумал, что ты уже привык к этому, — заметил Тэм.

— Ничего не изменилось. Все так же, как было до того, как похитили Фэйли, — сказал Перрин. — И то знамя с волчьей головой мне по-прежнему не нравится. Вот думаю, не пора ли и его тоже убрать подальше.

— Люди верят в это знамя, Перрин, — негромко сказал Тэм. Он был человеком добродушным и спокойным, но тихий уверенный голос заставлял

других слушать его. А говорил Тэм обычно разумные вещи. — Парень, я отвел тебя в сторонку, чтобы предупредить. Если дашь ребятам возможность вернуться в Двуречье, кто-то и вернется. Но не все. Я слышал, как многие клялись, что пойдут за тобой к Шайол Гул. Они знают, что близится Последняя битва — а кто не видел всех этих знамений? Они не хотят оставаться в стороне. — Тэм помолчал. — Да и я, пожалуй, тоже не хочу. — Теперь от него пахло решимостью.

— Посмотрим, — сказал Перрин, хмурясь. — Посмотрим.

Он отослал Тэма, дав распоряжение взять повозку и привезти бочки с водой. Солдаты его послушают; Тэм был при Перрине первым капитаном, хотя самому Перрину казалось, что должно быть наоборот. Он мало знал о прошлом Тэма, но много-много лет назад тот сражался в Айильской войне и меч в руках держать научился задолго до того, как Перрин появился на свет. А теперь он подчинялся Перрину.

Они все ему подчинялись. И хотели выслушивать от него приказы и в дальнейшем! Неужели они не поняли? Перрин не стал возвращаться к просителям, а остался в тени, прислонившись спиной к стене.

Теперь он вдруг осознал, что́ было одной из причин его беспокойства. Вот что его тревожило, хотя и не только это. Даже теперь, когда Фэйли вновь была с ним.

В последнее время он не был хорошим лидером. Коли на то пошло, он никогда и не был в этом отношении образцом для подражания, даже когда его направляла Фэйли. Но без нее все стало хуже. Намного хуже. Он игнорировал приказы Ранда, отметал все, лишь бы вернуть Фэйли.

А как еще должен поступать мужчина? Его жену похитили!

Он спас ее. Но бросил всех остальных. И многие из-за него погибли. Хорошие люди. Люди, которые ему доверяли.

Стоя в тени стены, Перрин вспомнил, как всего лишь день назад его соратник пал от айильских стрел, а душа его была отравлена Масимой. Айрам был Перрину другом, одним из тех, кого Перрин бросил в своем стремлении спасти Фэйли. Айрам заслуживал лучшей участи.

«Я не должен был допустить то, что этот Лудильщик взял в руки меч», — с горечью подумал Перрин, но сейчас разбираться с этой проблемой он не хотел. Просто не мог. Слишком много неотложных дел. Он двинулся прочь от городской

стены, направившись к последнему в караване фургону.

— Следующий! — гаркнул Перрин, вновь принимаясь за дело.

Вперед шагнула Аравин Карнел. Женщина из Амадиции больше не носила облачение гай'шайн; теперь на ней было простое, светло-зеленое платье, не слишком чистое и явно доставшееся ей из тех вещей, что уцелели в Малдене после Шайдо. Несмотря на природную полноту, ее лицо за время, проведенное в плену, заметно осунулось. Амадицийка была полна решимости. Ей удивительно хорошо удавалось организовывать людей, и Перрин подозревал, что она была знатного происхождения. Это чувствовалось и в исходившем от нее запахе — уверенность в себе, привычка распоряжаться другими. Удивительно, как эти качества она сохранила за время плена.

Опустившись на колени, чтобы осмотреть первое колесо, он подумал, как все же странно, что во главе беженцев Фэйли поставила именно Аравин. Почему она не выбрала кого-то из *Ча Фэйли*? Порой эти молодые щеголи раздражали, но при этом выказывали поразительные способности.

— Милорд, — промолвила Аравин; отработанный реверанс служил еще одним свидетельством

ее происхождения. — Я закончила подготовку людей к отъезду.

— Так быстро? — спросил Перрин, поднимая на нее взгляд от колеса.

— Оказалось не так сложно, как мы предполагали, милорд. Я велела им разделиться по странам, затем по городам, откуда они родом. Как и следовало ожидать, большинство — из Кайриэна, потом идет Алтара, затем — Амадиция, людей из других городов совсем немного. Сколько-то доманийцев, несколько тарабонцев, есть еще тайренцы и жители Пограничных земель.

— Сколько из них в состоянии выдержать день или два пешего перехода?

— Большинство, милорд, — сказала она. — Когда Шайдо захватили город, то изгнали больных и старых. Местный люд привычен к тяжелому труду. Они истощены, милорд, но никому не хочется сидеть тут, дожидаясь тех Шайдо, которые встали лагерем менее чем в половине дневного перехода отсюда.

— Хорошо, — сказал Перрин. — Пусть выступают немедленно.

— Немедленно? — удивленно переспросила Аравин.

Он кивнул:

— Я хочу, чтобы они отправились в путь без промедления. Пусть идут по дороге на север. Впереди них я отправлю Аллиандре и ее охрану.

Тогда Арганда перестанет жаловаться, а беженцы не будут мешаться под ногами. Дело пойдет лучше и быстрее, если Девы будут сами собирать припасы. Уцелевшие вещи все равно уже почти собраны. Его людям придется провести в дороге всего несколько недель. Потом они смогут переместиться через переходные врата куда-нибудь в другое место, поспокойнее. В Андор, наверное, или в Кайриэн.

Эти Шайдо за спиной заставляли Перрина нервничать. Они могли напасть в любое время. Лучше поскорее убраться отсюда и не искушать их.

Аравин присела в реверансе и поспешила прочь, чтобы завершить последние приготовления, и Перрин возблагодарил Свет за то, что она была из тех, кто не видел необходимости спрашивать и переспрашивать. Он отправил мальчишку известить Арганду о скором походе, а потом закончил осмотр фургона. После этого Перрин встал, вытирая ладони о штаны.

— Следующий! — произнес он.

Вперед никто не вышел. Перрина окружали только гвардейцы, мальчишки-посыльные и

несколько возчиков — последние должны были впрячь волов и отвести фургоны на погрузку. В центре бывшего лагеря возникла целая гора продовольствия и прочих запасов в дорогу, которые успели натаскать Девы. Среди них Перрин разглядел руководившую айилками Фэйли.

Всех остававшихся подле него Перрин отправил ей на помощь и оказался в одиночестве. Без какого-либо дела.

Именно этого он и стремился избежать.

Ветер снова задул в его сторону, неся тот жуткий смрад смерти. Еще ветер нес воспоминания. Жар битвы, ярость и возбуждение каждого удара. Айильцы были непревзойденными воинами — лучшими, каких знала эта земля. Перрин не раз сходился с ними в ближнем бою и заработал свою долю ран и синяков, хотя они уже были Исцелены.

Сражение с Айил заставило его почувствовать жизнь. Каждый, кого он убил, мастерски владел копьем; каждый из них мог убить его. Но победил он. В те мгновения битвы он чувствовал, как его ведет страсть. Всеохватное чувство, что он наконец что-то делает. Спустя два месяца ожидания каждый удар приближал его к тому, чтобы найти Фэйли.

Больше не осталось ни разговоров, ни планов. Он достиг цели. И теперь цели нет.

Перрин ощущал пустоту. Как тогда… как в то время, когда отец пообещал ему особенный подарок на Ночь зимы. Перрин ждал месяцами, прилежно выполняя поручения, чтобы заслужить неведомый подарок. Когда же в конце концов он получил деревянную лошадку, то был в восторге. Но уже на следующий день ему стало невыносимо грустно. Не из-за подарка, а оттого, что больше нечего было ждать. Восторг исчез, и тогда-то Перрин понял, насколько для него ожидание важнее самого подарка.

Вскоре после этого он начал бывать в кузнице у мастера Лухана и со временем стал его учеником.

Перрин был рад, что вернул Фэйли. Он ликовал. Но что теперь его ждало? Эти несчастные люди видели в нем своего предводителя. Некоторые даже почитали его своим королем! Ни о чем таком он никогда не просил. Всякий раз, как они поднимали знамена, он заставлял убирать их, пока Фэйли не убедила его, что в этом есть и свои преимущества. И все равно Перрин был убежден: этому надменно реющему знамени с изображенной на нем волчьей головой в его

лагере не место.

Но вправе ли он избавиться от него? Люди действительно равнялись на это знамя. Он чувствовал, как всякий раз, проходя мимо, они преисполняются гордости. Он чуял ее в их запахе. И Перрин не мог поступить наперекор чувствам тех, кто шел за ним. В Последней битве Ранду пригодится их помощь — тогда ему пригодится любая помощь.

Последняя битва. Может ли такой человек, как он, который не хочет быть лидером, вести этих людей к самому важному моменту в их жизни?

Завихрились цвета, кружащиеся пятна складывались в образ Ранда — тот сидел в каком-то каменном доме, кажется, в тайренском. На лице старого друга было мрачное выражение, как у человека, которому не дают покоя тяжелые и тревожные раздумья. Но даже и так Ранд выглядел по-королевски. Вот он-то был именно таким, каким должен быть король — в роскошной красной куртке, с благородной осанкой. А Перрин был просто-напросто кузнецом.

Перрин вздохнул и покачал головой, отгоняя видение. Ему нужно отыскать Ранда. Он чувствовал, как что-то звало, влекло, тянуло его к Ранду.

Он нужен Ранду. Вот что теперь станет его

целью.

Глава 10
Последняя щепотка табака

Родел Итуралде молча курил, попыхивая трубкой, и дым вился змеиными изгибами. Сизые завитки собирались в облачка под потолком у него над головой и просачивались наружу через щели в крыше ветхого убежища. Доски стен покоробились от времени и разошлись, посеревшая древесина потрескалась и расщепилась. В углу горела жаровня, сквозь щелястые стены свистел ветер. Итуралде слегка беспокоился, что ветер каким-нибудь сильным своим порывом и вовсе опрокинет хижину.

Он сидел на табурете, разложив перед собой несколько карт. На углу стола, прижатый кисетом, лежал помятый клочок бумаги. Истрепанный бумажный квадратик был весь в складках и потертостях — его долго носили во внутреннем кармане куртки.

— Ну что? — спросил Раджаби, непоколебимый и решительный, с карими глазами, крупным широким носом и круглым выпирающим подбородком. Теперь он был совершенно лыс и чем-то

смахивал на большой валун. Он и вел себя как валун. Сдвинуть его с места было нелегко, но если уж он покатится, то не остановишь. Раджаби одним из первых присоединился к Итуралде, несмотря на то что он, по слухам, незадолго до этого будто бы замышлял взбунтоваться против короля.

Минуло почти две недели после победы Итуралде у Дарлуны. Победа далась дорогой ценой. Возможно, даже слишком дорогой.

«Ах, Алсалам, — подумал Итуралде. — Надеюсь, старый друг, все было не зря. Надеюсь, твой рассудок еще цел. Может, Раджаби и похож на валун, но шончан — все равно что лавина, и мы сами обрушили ее на себя».

— Что теперь? — напомнил о себе Раджаби.

— Ждем, — сказал Итуралде. О Свет, как же он ненавидит ждать. — Потом будем биться. Или, может, опять побежим. Я еще не решил.

— Тарабонцы…

— Не придут, — сказал Итуралде.

— Они же обещали!

— Обещали.

Итуралде сам ездил к ним, воодушевлял, просил еще раз выступить против шончан. Ему отвечали одобрительными криками, но следовать за ним

не спешили. Они вообще не торопились что-либо предпринимать. Уже несколько раз он убеждал их сразиться «в последний раз». Они видели, к чему ведет эта война, и больше он не мог на них рассчитывать. Если вообще когда-либо мог рассчитывать.

— Проклятые трусы, — пробормотал Раджаби. — Испепели их Свет! Справимся сами. Не привыкать.

Итуралде в задумчивости сделал глубокую затяжку. Он наконец решился набить трубку двуреченским табаком. У него кончились запасы табака, это была последняя щепотка; он берег ее много месяцев. Хороший вкус. Лучше не найти.

Итуралде вновь принялся изучать карты, взяв в руки меньшую из них. Определенно, карты оставляли желать лучшего.

— У этого нового шончанского командующего, — произнес Итуралде, — под началом больше трехсот тысяч человек и вдобавок не меньше двух сотен дамани.

— Мы и раньше побеждали большие армии. Вспомни, что мы сделали у Дарлуны! Ты стер их в порошок, Родел!

И для этого понадобились вся изобретательность, мастерство и удача, которые сумел собрать

Итуралде. Даже при этом он потерял больше половины своих людей. Теперь, зализывая раны, он бежал от второго, еще более многочисленного войска шончан.

На этот раз они не допускали ошибок. Шончан не полагались только на своих ракенов. Солдаты Итуралде перехватили нескольких пеших разведчиков, а значит, были еще десятки, которых не поймали. На этот раз шончанские военачальники знали истинную численность войска Итуралде и где именно оно находится.

Теперь врага водить за нос не выходит, в западню заманить не удается. И уже шончан неустанно охотятся за ним, избегая его ловушек. Итуралде планировал отступать все дальше вглубь Арад Домана; отход даст некоторое преимущество его войскам и растянет линии снабжения у шончан. По его расчетам, он мог продержаться так еще четыре или пять месяцев. Но теперь от этих планов проку не было; они пошли прахом, когда Итуралде обнаружил, что по Арад Доману рыщет целое полчище проклятых айильцев. Если доклады были верны — а сообщения об Айил зачастую бывали преувеличенными, поэтому Итуралде сомневался, насколько им можно верить, — то их насчитывалось под сотню тысяч, и они удер-

живали значительную территорию на севере, включая Бандар Эбан.

Сотня тысяч айильцев. Все равно что двести тысяч доманийских солдат. А то и больше. Итуралде хорошо помнил Кровавый Снег двадцать лет назад, когда казалось, что за каждого убитого айильца он терял десять человек.

Он очутился в западне, еще немного — и его раздавят, точно орех между двух камней. Лучшее, что смог сделать Итуралде, это отступить сюда, в заброшенный *стеддинг*. Это даст ему преимущество против шончан. Но очень небольшое. Шончанская армия в шесть раз превосходила его числом, и даже самый неопытный командир знает: сражаться при таком раскладе равносильно самоубийству.

— Раджаби, ты когда-нибудь видел мастера-жонглера? — спросил Итуралде, рассматривая карту.

Краешком глаза он заметил, как здоровяк озадаченно нахмурился.

— Я видел менестрелей, которые…

— Нет, не менестреля. Мастера.

Раджаби покачал головой.

Итуралде затянулся трубкой и лишь потом заговорил.

— Я видел однажды. Это был придворный бард в Кэймлине. Шустрый парень, и со своим умом мог бы найти себе применение получше, чем в этаком наряде щеголять. Барды нечасто жонглируют, но этот, когда его попросили, отказывать не стал. По-моему, он любил жонглировать и хотел порадовать юную дочь-наследницу.

Он вынул трубку изо рта, примял в чашечке табак.

— Родел, — сказал Раджаби. — Шончан…

Итуралде поднял палец, затянулся трубкой и только потом продолжил:

— Сначала бард жонглировал тремя шарами. Потом спросил у нас — сможет ли он справиться еще с одним. Мы подбодрили его. Он взял четвертый, потом пятый, потом шестой. С каждым шаром мы хлопали в ладоши все громче, а он спрашивал, не добавить ли еще один. Конечно, мы кричали: «Давай еще!» Седьмой, восьмой, девятый. Вскоре в воздухе летал уже десяток шаров, и они мелькали так, что я уследить за ними не мог. Барду стоило немалых стараний жонглировать ими. Ему приходилось то и дело наклоняться, чтобы у самого пола подхватить те шары, что он чуть не упустил. Он был слишком сосредоточен, чтобы спрашивать у нас, но собрав-

шиеся сами просили еще. «Одиннадцать! Давай одиннадцать!» И вот помощник бросил жонглеру еще один шар.

Итуралде пыхнул трубкой.

— Он уронил их? — спросил Раджаби.

Родел покачал головой:

— Последний «шар» не был на самом деле шаром. Это был какой-то фокус иллюминаторов. Не долетев до барда, он ярко полыхнул и взорвался дымом. Когда мы снова смогли что-то видеть, то бард исчез, а десять шаров лежали рядком на полу. Оглядевшись вокруг, я обнаружил, что он сидит за одним из столов с гостями, пьет вино и заигрывает с женой лорда Финндала.

Бедняга Раджаби был совершенно обескуражен. Он любил ответы простые и ясные. Итуралде обычно тоже отдавал им предпочтение, но в последнее время эти неестественно хмурые небеса и ощущение постоянного уныния склоняли его к философствованию.

Вытащив из-под кисета с табаком истертый на складках сложенный клочок бумаги, Итуралде протянул его Раджаби.

— «Нанеси удар по шончан всеми своими силами, — прочитал вслух Раджаби. — Оттесни их, загони обратно на корабли, пусть плывут

обратно, на ту сторону своего проклятого океана. Полагаюсь на тебя, старый друг. Король Алсалам». — Раджаби опустил письмо. — Я знаю о его приказах, Родел. Я пришел сюда не ради него. Я пришел ради тебя.

— Да, но *я* сражаюсь ради него, — сказал Итуралде.

Он был предан королю и всегда будет ему верен. Итуралде встал, выбил пепел из трубки и притоптал тлеющие угольки каблуком. Отложив трубку в сторону, он забрал у Раджаби письмо, а потом направился к двери.

Нужно было решать. Остаться здесь и сражаться — или бежать, в менее подходящее для сражения место, но зато выиграть немного времени.

Хижина скрипела, ветер раскачивал деревья. За порогом Итуралде встретило хмурое утро. Эту лачугу, разумеется, построили не огиры, слишком уж она хлипкая. Сам стеддинг был покинут уже давным-давно. Солдаты разбили лагерь среди деревьев. Не лучшее место для военного лагеря, но суп приходится варить с теми специями, что имеются под рукой, так что нужно с толком использовать то, что есть. А у стеддинга было преимущество, отказываться от которого вряд ли стоило. Можно было бежать в город и укрыться за

его стенами, но здесь, среди деревьев, Единая Сила бесполезна. Если вывести из игры шончанских дамани, то это куда лучше любых стен, какими бы высокими те ни были.

«Мы должны остаться», — подумал Итуралде, наблюдая за тем, как его люди копают землю и возводят частокол. Ему ненавистна была сама мысль о том, чтобы рубить деревья в стеддинге. Он знавал в свое время нескольких огиров и питал к ним уважение. Наверное, эти массивные дубы хранили какую-то скрытую силу с тех дней, когда здесь жили огиры. Рубить их — преступление. Но приходится делать то, что необходимо. Бегство могло дать ему время, но могло и обернуться напрасной потерей этого времени. До того, как шончан нанесут удар, у Итуралде есть несколько дней. Если он сумеет как следует укрепиться, возможно, удастся навязать им осаду. Стеддинг поколеблет их решительность, а лес даст преимущество малочисленному войску Итуралде.

Он злился, что позволил загнать себя в угол. Вероятно, потому и размышлял так долго, хотя в глубине души давно осознавал, что пора прекратить бегство. Шончан наконец-то настигли его.

Итуралде прошелся среди солдат, чтобы они

его увидели, приветствуя их одобрительными кивками. У него осталось сорок тысяч человек — просто чудо, учитывая мощь противника. Им бы самое время дезертировать. Но они видели, как Итуралде выигрывал одну невозможную битву за другой, подбрасывал один шар за другим, вызывая еще больше аплодисментов. Они считали его непобедимым. Они не понимали, что когда в воздух подбрасывают все больше шаров, то не только само представление окажется грандиознее.

Не менее впечатляющим будет и падение в конце.

Шагая вместе с Раджаби по разбитому в лесу лагерю и осматривая частокол, Итуралде держал при себе свои мрачные мысли. Работа шла хорошо, толстые стволы деревьев один за другим занимали место в свежевыкопанных ямах. После осмотра Итуралде кивнул самому себе и сказал:

— Мы остаемся, Раджаби. Передай всем.

— Кое-кто поговаривает, будто остаться здесь значит неминуемо погибнуть, — ответил Раджаби.

— Они ошибаются, — сказал Итуралде.

— Но…

— Ни в чем нельзя быть уверенным, Раджа-

би, — сказал Итуралде. — Посади лучников на деревья внутри частокола. Будет ничем не хуже башен. Нужно подготовить место для битвы перед палисадом. Пусть вырубят как можно больше деревьев вокруг частокола, а внутри из бревен надо сложить заграждения, как вторую линию обороны. Будем стоять твердо. Может, я ошибаюсь насчет тарабонцев и они придут нам на помощь. Или, возможно, у короля где-то спрятана армия, которая нас прикроет. Кровь и пепел, может, мы и сами здесь от них отобьемся. Поглядим, как им понравится воевать без своих дамани. Мы еще поживем.

Раджаби на глазах распрямился, обретая уверенность. Итуралде знал, что тот ждал подобных слов. Как и другие, Раджаби верил Маленькому Волку. Они и мысли не допускали, что он может проиграть.

Итуралде же так вовсе не считал. Но коли умирать, то достойно. Юношей Итуралде часто грезил о войнах, о славных битвах. Старый же Итуралде понимал, что в бою не бывает места славе. Но что было, так это честь.

— Милорд Итуралде! — окликнул его посыльный, трусцой огибая незаконченный частокол. Совсем мальчишка, такой юный, что шончан,

скорее всего, пощадят его. Иначе Итуралде отослал бы паренька и всех его ровесников прочь.

— Да? — повернулся к гонцу Итуралде.

Раджаби высился рядом с ним как гора.

— Человек, — переводя дыхание, выдохнул мальчик. — Разведчики схватили его, когда он подходил к стеддингу.

— Хочет сражаться вместе с нами? — спросил Итуралде.

Во всякой армии обычное дело — нанимать рекрутов. Всегда находятся те, кого манит слава или по меньшей мере то, что обычно солдата регулярно кормят.

— Нет, милорд. — Посыльный все еще тяжело дышал. — Он говорит, что хочет видеть вас.

— Шончанин? — прорычал Раджаби.

Мальчишка замотал головой:

— Нет. Но одежда на нем дорогая.

Значит, посланец какого-нибудь лорда. Доманиец или, возможно, перебежчик из Тарабона. Кто бы это ни был, едва ли из-за него положение станет хуже.

— И он пришел один?

— Да, сэр.

Смельчак.

— Хорошо, веди его сюда, — сказал Итуралде.

— Где вы его примете, милорд?

— Что? — рявкнул Итуралде. — Я что, по-твоему, расфуфыренный купец с дворцом? Вот здесь, на поляне, и встречу. Ступай приведи его, но не торопись. И убедись, чтобы караул к нему приставили надежный.

Мальчишка кивнул и убежал. Итуралде, взмахнув рукой, подозвал нескольких солдат и отправил их за Вакедой и остальными офицерами. Шимрон погиб, сожженный дотла огненным шаром дамани. Очень жаль. Итуралде многих променял бы на него одного.

Большинство командиров появились раньше гостя. Долговязый Анкайр. Одноглазый Вакеда — если бы не этот недостаток, он был бы хорош собой. Коренастый Меларнед. Юный Лидрин, продолжавший следовать за Итуралде после гибели отца.

— Что я слышу? — произнес Вакеда, приблизившись широким шагом и складывая руки на груди. — Мы остаемся в этой западне? Родел, у нас нет людей, чтобы оказать сопротивление. Если они нападут, мы окажемся заперты тут.

— Ты прав, — просто сказал Итуралде.

Вакеда повернулся к остальным, затем снова к Итуралде; честный ответ отчасти погасил его

раздражение.

— Тогда… почему мы не бежим?

В нем осталось намного меньше бравады, чем несколько месяцев назад, когда Итуралде только начал свою кампанию.

— Не стану лгать и обнадеживать, — сказал Итуралде, глядя на всех по очереди. — Ситуация скверная. Но дела пойдут еще хуже, если мы побежим. Для нас не осталось нор, где можно спрятаться. Эти деревья дадут нам преимущество, мы можем здесь обороняться. Стеддинг лишит силы дамани, и одного этого достаточно, чтобы остаться. Мы примем здесь бой.

Анкайр кивнул, похоже, понимая серьезность ситуации, и промолвил:

— Мы должны верить ему, Вакеда. До сих пор он не ошибался.

Вакеда кивнул:

— Наверное, ты прав.

Проклятые болваны. Четыре месяца назад половина из них убила бы его на месте за то, что он сохраняет верность королю. Теперь они считают, будто ему под силу невозможное. Жаль, он начал было думать, что сумеет привести их к Алсаламу как верных подданных.

— Хорошо, — сказал Итуралде, потом, указывая

на разные участки укрепления, заметил: — Эти слабые места надо укрепить. Вот что мы сделаем. Нужно…

Он оборвал фразу, заметив вышедших на поляну людей. Мальчишка-посыльный и несколько солдат, сопровождавших человека в красной с золотом одежде.

Что-то в незнакомце притягивало взгляд Итуралде. Быть может, рост — молодой мужчина был высок, как айилец, и у него были такие же светлые волосы. Но никто из айильцев не носит роскошных красных курток с искусной золотой вышивкой. На поясе у незнакомца висел меч, и его движения подсказывали Итуралде, что тот умеет обращаться со своим оружием. Он шагал твердой, решительной походкой, и сопровождавшие его солдаты походили на почетный караул. Значит, лорд, к тому же привыкший отдавать приказы. Почему же он явился лично, а не отправил гонца?

Молодой лорд остановился в нескольких шагах перед Итуралде и его военачальниками, оглядел каждого из них по очереди, затем вернулся взглядом к Итуралде.

— Родел Итуралде? — спросил незнакомец.

Что у него за акцент? Андорский?

— Да, — настороженно ответил тот.

Молодой лорд кивнул.

— Башир верно описал вас. Похоже, вы решили запереть себя здесь. Вы и вправду надеетесь выстоять против шончанской армии? Их во много раз больше, а ваши тарабонские союзники, кажется… не торопятся вам на помощь.

Кто бы он ни был, разведка у него хороша.

— У меня нет обыкновения обсуждать свою тактику обороны с незнакомцами.

Итуралде пристально рассматривал юношу. Тот был хорошо сложен — строен и подтянут, хотя из-за куртки точнее сказать было невозможно. Он явно был правшой, и, присмотревшись повнимательнее, Итуралде заметил, что левая кисть у него отсутствует. Оба его предплечья украшали странные золотисто-красные татуировки.

Глаза. Эти глаза видели смерть множество раз. Не просто молодой лорд. Молодой *военачальник*. Итуралде сузил глаза:

— Кто ты такой?

Незнакомец встретил его взгляд:

— Я — Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный. И вы мне нужны. Ты и твоя армия.

Несколько воинов Итуралде выругались, и он окинул их взглядом. На лице Вакеды читалось

полное неверие, Раджаби был удивлен, юный Лидрин не скрывал явного пренебрежения.

Итуралде вновь посмотрел на явившегося к нему мужчину. Дракон Возрожденный? Этот юноша? Впрочем, это могло быть правдой. Многие слухи сходились в том, что Дракон Возрожденный был молодым мужчиной с рыжими волосами. Но слухи вдобавок утверждали, будто был он десяти футов ростом, а иные заявляли, что в сумерках у него глаза светятся. Еще пересказывали истории о том, как он явился в небе над Фалме. Кровь и пепел, Итуралде и сам не знал, верит он или нет в то, что Дракон вообще возродился!

— У меня нет времени на споры, — произнес незнакомец с бесстрастным лицом.

Он казался… старше, чем выглядел. Похоже, его нисколько не волновало, что он окружен вооруженными солдатами. Даже то, что он пришел один… это должно было показаться огромной глупостью, но на самом деле заставило Итуралде призадуматься. Только сам Дракон Возрожденный мог вот так запросто заявиться в военный лагерь, совершенно один, и ожидать, что ему станут подчиняться.

Чтоб ему сгореть, если только одно это не заставляло Итуралде верить незваному гостю. Либо

он действительно тот, за кого себя выдает, либо полнейший безумец.

— Если мы выйдем за пределы стеддинга, я докажу, что способен направлять Силу, — сказал молодой человек. — Это должно что-то значить для вас. Только скажите, и я приведу сюда десять тысяч айильцев и несколько Айз Седай, и все они поклянутся, что я тот, кем себя называю.

Если верить слухам, то Айил следовали за Драконом Возрожденным. Воины вокруг Итуралде обменялись неловкими взглядами, кто-то кашлянул.

Многие из солдат Итуралде, до того как присоединиться к его армии, были среди тех, кто называл себя преданными Дракону. Нужными словами этот Ранд ал'Тор — или кто бы он ни был — способен обратить людей в лагере Итуралде друг против друга.

— Даже если предположить, что я тебе верю, — осторожно сказал Итуралде, — то не вижу, какой в этом смысл. Я веду войну. У тебя, как полагаю, есть другие заботы.

— Вы — моя забота, — заявил ал'Тор. Взгляд его был таким пронзительным, что, казалось, мог пробуравить череп Итуралде и найти внутри то, что ему нужно. — Ты должен заключить мир с

шончан. Твоя война ничего нам не даст. Я хочу, чтобы вы отправились в Пограничные земли. Мне не хватает людей для защиты от Запустения, а сами порубежники забыли о своем долге.

— У меня есть приказ, — сказал Итуралде, покачав головой. Погоди-ка. Он не стал бы подчиняться этому юноше, даже если бы у него не было приказов. Вот только… этот взгляд. У Алсалама был такой же взгляд, когда оба они были моложе. Взгляд, который требовал повиновения.

— Твой приказ, — сказал ал'Тор. — Он исходит от короля? Поэтому ты бросаешься грудью на шончан?

Итуралде кивнул.

— Я наслышан о тебе, Родел Итуралде, — промолвил ал'Тор. — Те, кому я верю, те, кого я ценю, верят тебе и уважают тебя. Вместо того чтобы бежать и прятаться, ты встаешь здесь в глухую оборону, зная, что в предстоящей битве погибнешь. И все это — из верности королю. Я ценю это. Но пришло время отступить и сразиться в битве, которая куда важнее. Которая важнее всего. Идем со мной, и я отдам тебе трон Арад Домана.

Итуралде вскинулся:

— Сначала ты хвалишь мою верность, а потом мне же предлагаешь свергнуть моего короля!

— Твой король мертв, — сказал ал'Тор. — Либо его разум стал мягче воска. Я все больше убеждаюсь, что он в руках Грендаль. В хаосе, охватившем эту страну, я вижу ее руку. Какие бы приказы ты ни получал, они, скорее всего, исходят от нее. Пока еще мне не удалось выяснить, зачем ей нужно, чтобы ты сражался с шончан.

Итуралде хмыкнул:

— Ты говоришь об Отрекшейся так, словно она захаживает к тебе на обед.

Ал'Тор снова посмотрел доманийцу в глаза:

— Я помню каждого из них — их лица, их манеры, как они говорят и действуют, — словно знаю их тысячу лет. Иногда я помню их лучше, чем собственное детство. Я — Дракон Возрожденный.

Итуралде моргнул.

«Чтоб мне сгореть, — подумал он. — Я ему верю. Кровавый пепел!»

— Что ж… давай посмотрим на твое доказательство.

Конечно, согласны были не все, особенно Лидрин, который считал подобную демонстрацию слишком опасной. Другие были ошеломлены. Вот перед ними человек, в верности которому они поклялись, ни разу не видев. Ал'Тора словно окружала некая… сила, которая притягивала

Итуралде, требовала от него поступать так, как тот сказал. Но все же сначала ему необходимо было удостовериться.

Они послали людей за лошадьми, чтобы выехать из стеддинга, но ал'Тор уже разговаривал так, словно Итуралде во всем ему подчинялся.

— Возможно, Алсалам жив, — заметил ал'Тор, пока дожидались лошадей. — Если так, я пойму, почему ты отказываешься от его трона. Возможно, тебе по душе Амадиция? Мне понадобится, чтобы кто-то правил там и приглядывал за шончан. Сейчас там воюют белоплащники. Не уверен, смогу ли я положить конец этому конфликту до Последней битвы.

Последняя битва. О Свет!

— Я не соглашусь, если ты убьешь тамошнего короля, — сказал Итуралде. — Если его уже убили белоплащники или шончан, тогда возможно.

Король! Что он вообще говорит? «Чтоб тебе сгореть, — мысленно выругал себя Итуралде. — Дождись сначала доказательств, а потом уж соглашайся на трон!» Что-то было в этом человеке, в том, как он говорил о таких событиях, как Последняя битва, — событиях, упоминания о которых тысячелетиями внушали страх человечеству, — словно отмечал пункты в ежедневном

докладе по лагерю.

Солдаты привели лошадей, и Итуралде запрыгнул в седло. То же самое проделали ал'Тор, Вакеда, Раджаби, Анкайр, Меларнед, Лидрин и еще полдюжины офицеров рангом помладше.

— Я привел много айильцев в вашу страну, — сказал Ранд ал'Тор, трогаясь с места. — С их помощью я надеялся восстановить порядок, но на это требуется больше времени, чем мне бы хотелось. Я намерен захватить членов Купеческого совета. Возможно, когда они окажутся у меня в руках, то мне удастся вернуть мир и спокойствие в эти земли. Что ты думаешь?

Итуралде не знал, что думать. Захватить Купеческий совет? Иначе говоря, похитить их и удерживать против их воли. Во что Итуралде ввязался?

— Это может сработать, — неожиданно для себя ответил он. — О Свет, в нынешних обстоятельствах это, вероятно, лучший план.

Ал'Тор кивнул, глядя вперед. Всадники выехали за частокол и направились по тропе к окраине стеддинга.

— Мне в любом случае нужно защитить Пограничные земли. О твоей родной стране я позабочусь. Чтоб им сгореть, этим порубежникам! Что

они замышляют? Нет. Нет, не сейчас. Они могут подождать. Нет, он это сделает. Он сумеет их удержать. Я отправлю с ним Аша'манов. — Ал'Тор вдруг повернулся к Итуралде. — Что бы ты сделал, если бы я дал тебе сотню мужчин, способных направлять Силу?

— Безумцев?

— Нет, большинство из них вполне вменяемы, — ответил ал'Тор, по виду вовсе не обидевшись. — Какая-то доля безумия, поселившегося в них до того, как я очистил саидин от порчи, по-прежнему никуда не делась — исчезновение порчи их не исцелило. Однако большинство сохранило рассудок. А теперь, когда саидин чиста, хуже им не станет.

Саидин? Чиста? Будь у Итуралде в распоряжении люди, способные направлять Силу… Собственные дамани, если можно так выразиться. Итуралде почесал подбородок. Все обрушилось на него очень быстро — но полководец должен уметь действовать решительно.

— Я бы нашел им применение, — сказал он. — Вполне подходящее.

— Хорошо, — отозвался ал'Тор. Они выехали за пределы стеддинга; казалось, даже воздух теперь изменился. — Тебе придется присматривать за

обширной территорией, но многие владеющие Силой, которых я вам дам, способны создавать переходные врата.

— Переходные врата? — переспросил Итуралде.

Ал'Тор посмотрел на него, потом вдруг как будто стиснул зубы, закрыв глаза и содрогаясь, словно его мутило. Итуралде встревоженно выпрямился в седле, положив руку на меч. Что такое? Яд? Или он ранен?

Но нет, ал'Тор распахнул глаза, и в их глубине читался восторг. Он повернулся, взмахнул рукой, и воздух перед маленьким отрядом рассекла полоска света. Раздались проклятия, и люди рядом с Итуралде отшатнулись, попятились. Одно дело, когда кто-то утверждает, будто может направлять Силу, и совсем другое, когда он делает это у тебя на глазах!

— Это и есть переходные врата, — сказал ал'Тор, когда полоса света развернулась в огромную черную дыру в воздухе. — Если Аша'ман достаточно силен, то врата могут быть настолько широкими, что через них проедет и фургон. Вы способны перемещаться практически куда угодно с невероятной быстротой, иногда почти мгновенно, в зависимости от обстоятельств. Имея нескольких

обученных Аша'манов, твоя армия может утром позавтракать в Кэймлине, а спустя считаные часы пообедать в Танчико.

Итуралде потер подбородок.

— Что ж, на это стоило посмотреть. И в самом деле, впечатляет. — Если этот человек говорит правду и эти переходные врата действительно работают… — С *этим* я сумею очистить Тарабон от шончан, а может, и все земли!

— Нет, — отрезал ал'Тор. — Мы заключаем с ними мир. Если верить моим разведчикам, их и без того непросто будет уговорить на перемирие, не пообещав им твою голову. Я не стану злить их еще больше. На дрязги и свары времени нет. У нас есть дела поважнее.

— Нет ничего важнее моей родной страны, — сказал Итуралде. — Даже если эти приказы подделаны, я знаю Алсалама. Он бы со мной согласился. Мы не потерпим чужой армии на земле Арад Домана.

— Тогда дам обещание, — сказал ал'Тор. — Я избавлю Арад Доман от шончан. Обещаю тебе. Но мы не станем больше с ними сражаться. В обмен на это ты отправишься в Пограничные земли и защитишь их от вторжения. Сдержи троллоков, если они появятся, и оставь мне нескольких сво-

их офицеров. Они помогут восстановить порядок в Арад Домане, и задача будет проще, если народ увидит, что местные лорды заодно со мной.

Итуралде поразмыслил, хотя уже знал, каким будет его ответ. Эти переходные врата могли вывести его людей из грозящей неминуемой смертью западни. Имея на своей стороне айильцев — с Драконом Возрожденным в качестве союзника, — у него на самом деле есть шанс вернуть мир и порядок в Арад Доман. Погибнуть с достоинством — это, конечно, хорошо. Но иметь возможность и дальше сражаться с честью… это гораздо ценнее.

— Согласен, — сказал Итуралде, протягивая руку.

Ал'Тор в ответ крепко пожал ее:

— Сворачивайте лагерь. К ночи вы будете в Салдэйе.

Глава 11
Гибель Адрина

«Думаю, его надо снова поколотить в наказание, — складывая пальцы в сложных знаках языка жестов Дев Копья, сказала Лериан. — Он все равно что ребенок, а когда ребенок хватает что-то опасное, его наказывают. Если ребенок порезался, потому что его не научили держаться подальше от ножей, то позор его родителям».

«В прошлый раз наказание, кажется, ничего не дало, — ответила Суриал. — Он принял его как мужчина, а не как ребенок, но ведет себя как и прежде».

«Значит, мы должны попытаться еще раз», — сказала Лериан.

Авиенда бросила камень в груду возле дозорного поста и повернулась. Она сделала вид, что не замечает Дев, охранявших дорогу к лагерю, а они тоже не обращали на нее внимания. Если бы они заговорили с ней, пока она исполняла наказание, это лишь навлекло бы на нее еще больший позор, и ее сестры по копью не станут так поступать.

Авиенда также не подала виду, что поняла их

беседу. Никто не ждет, что бывшая Дева забудет знаки языка жестов, но лучше не выказывать себя бесцеремонной. Язык жестов принадлежит только Девам.

Авиенда выбрала большой камень из второй кучи и двинулась обратно в лагерь. Она не знала, продолжили ли Девы переговариваться, так как не видела их рук. Однако содержание их беседы не давало ей покоя. Их рассердило, что Ранд ал'Тор отправился на встречу с полководцем Роделом Итуралде без охраны. Не в первый раз он поступал так безрассудно, но казалось, будто он не желал — или был неспособен — учиться действовать так, как надо. Всякий раз, как Ранд подвергал себя опасности, оставаясь без защиты, он оскорблял Дев точно так же, как если бы каждой давал пощечину.

Возможно, по отношению к сестрам по копью у Авиенды был незначительный тох. Учить ал'Тора обычаям Айил было ее задачей, и вполне очевидно, что она с порученным делом не справилась. К сожалению, к Хранительницам Мудрости тох у нее был еще больше, пусть даже она до сих пор не знает о причине. Ее меньший долг перед сестрами по копью должен ждать своего времени.

От таскания камней у девушки болели руки.

Камни были гладкими и тяжелыми, и их ей пришлось выкапывать из реки рядом с усадьбой. Только время, проведенное с Илэйн, когда Авиенду заставляли купаться в воде, дало айилке силы войти в ту реку. Хоть в этом она не навлекла на себя позор. Хорошо еще речка была небольшой — мокроземцы превратно назвали бы ее ручьем. Ручей — это бьющий меж скал маленький источник, куда можно окунуть руки или где можно наполнить бурдюк. Всякий поток, который нельзя перешагнуть, должен, вне всяких сомнений, называться рекой.

День, как обычно, был пасмурным, и в лагере было тихо. Еще несколько дней назад — когда прибыли айильцы — здесь царили шум и суета, но сейчас лагерь казался погруженным в сонное состояние. В нем по-прежнему царил порядок; Даврам Башир, даром что мокроземец, был слишком требовательным командиром, чтобы попустить небрежение в службе. Тем не менее в поведении людей сквозила явная вялость. Авиенда слышала, как кое-кто жаловался, будто от хмурого неба у них портится настроение. Какие же странные эти мокроземцы! Как погода связана с настроением? Она могла еще понять недовольство тем, что прекратились набеги или что не

удалась охота. Но из-за облаков в небе? Неужели они так мало ценят тень?

Авиенда на ходу покачала головой. Она выбирала камни, которые заставляли ее напрягать мускулы. Поступить иначе означало бы облегчить себе наказание, а она не стала бы этого делать — хотя каждый шаг был ударом по ее гордости. Она должна идти через весь лагерь, у всех на виду, делая бесполезную работу! Лучше бы ее выставили перед всеми голой возле палатки-парильни. Лучше бы она тысячу раз обежала вокруг лагеря, лучше бы ее избили так, чтобы она вообще не могла ходить.

Авиенда дошла до того края лагеря, где стоял особняк, и, тайком облегченно выдохнув, опустила камень на землю. У дверей особняка стояли на страже два солдата-мокроземца — своеобразные двойники Дев, которые охраняли вход в лагерь в дальней его стороне. Наклоняясь и беря очередной большой камень из кучи у стены, девушка услышала разговор солдат между собой.

— Сгореть мне, ну и жара, — пожаловался один.

— Жара? — Второй посмотрел на затянутое тучами небо. — Ты издеваешься.

Первый караульный, пыхтя и потея, обмахивал

себя рукой.

— Ты что, не чувствуешь?

— У тебя, видать, нечто вроде лихорадки.

Первый покачал головой:

— Просто жару не люблю, вот и все.

Авиенда подняла камень и направилась обратно через лужайку. Поразмыслив, она пришла к выводу, что мокроземцы обладают одной неотъемлемой чертой: они любят ныть и жаловаться. В первые месяцы, проведенные в мокрых землях, она считала это свойство постыдным. Неужели караульного не волновало, что, выказав свою слабость, он теряет лицо перед напарником?

Все мокроземцы были такими, даже Илэйн. Она только и говорила о том, что у нее болит, как ей плохо и как вообще ей трудно переносить беременность, — можно подумать, помирать собралась! Но если жаловалась даже Илэйн, то Авиенда отказывалась считать жалобы проявлением слабости. Ее первая сестра не станет навлекать на себя позор.

Значит, в подобном поведении должна быть какая-то скрытая честь. Возможно, выказывая слабость перед своими товарищами, мокроземцы выражали тем самым дружескую привязанность и доверие. Если друг знает твои слабости, это

дает ему преимущество, когда вместе с ним ты станешь танцевать с копьями. Или, возможно, жалобы были для мокроземцев проявлением смирения — наподобие того, как гай'шайн обретали честь в покорности.

Она спрашивала Илэйн о своих предположениях, но в ответ та от души рассмеялась. Может, это черта общества мокроземцев, которую нельзя обсуждать с чужестранцами? Или Илэйн смеялась потому, что Авиенда догадалась о том, чего не должна была узнать?

Так или иначе, это было способом проявить честь, что вполне устраивало Авиенду. Если бы ее собственные затруднения с Хранительницами Мудрости разрешались так же просто! Понятно, когда мокроземцы поступают странно и неестественно — от них иного и не ждешь. Но как быть, коли необъяснимо ведут себя Хранительницы Мудрости?

Авиенда начинала злиться — не на Хранительниц Мудрости, а на себя. Она — сильная и смелая. Не такая смелая, как другие, конечно, — о том, чтобы быть такой же бесстрашной, как Илэйн, ей оставалось лишь мечтать. И все же мало нашлось бы ситуаций, с которыми Авиенда не сумела бы справиться с помощью копий, Единой Силы

или своего ума. Однако ей никак не удавалось разобраться в своем нынешнем затруднительном положении.

Она дошла до другого края лагеря и положила камень, затем отряхнула руки. Девы стояли задумчиво, застыв без движения. Авиенда перешла к другой куче и выбрала продолговатый камень с зазубренным краем. Он был в три ладони шириной, и из-за гладкой поверхности едва не выскальзывал из пальцев. Девушке пришлось несколько раз перехватить обломок скалы, пока наконец не удалось ухватить его поудобнее. Она направилась обратно к особняку — мимо салдэйских шатров по истоптанной зимней траве.

Илэйн сказала бы, что Авиенда недостаточно хорошо обдумала проблему. Когда другие люди нервничали, Илэйн оставалась спокойной и рассудительной. Порой Авиенду раздражало, как много ее первая сестра любила говорить перед тем, как что-то сделать. «Мне нужно быть такой, как она. Нужно помнить, что я больше не Дева Копья. Я не могу бросаться в бой, подняв оружие повыше».

Ей нужно подходить к проблемам так, как это делала Илэйн. Только так Авиенда сумеет вновь обрести свою честь, и только тогда она получит

право на Ранда ал'Тора и он будет принадлежать ей так же, как Илэйн или Мин. Она чувствовала Ранда через узы, он был в своей комнате, но не спал. Он не щадил себя и спал слишком мало.

Камень начал выскальзывать из рук, и девушка чуть не споткнулась, разом стараясь устоять на ногах и удержать его в уставших руках. Проходившие мимо солдаты Башира обменялись озадаченными взглядами, и Авиенда ощутила, как вспыхнули щеки. Хотя они не знали, что она наказана, девушка почувствовала себя пристыженной.

Как бы рассудила Илэйн? Хранительницы Мудрости сердились на Авиенду за то, что она «недостаточно быстро учится». Однако и сами ее не учили. Только задавали ей вопросы. Вопросы о том, что она думает об их нынешнем положении, вопросы о Ранде ал'Торе или о том, как вел себя Руарк на совете с Кар'а'карном.

Авиенда не могла избавиться от ощущения, что эти вопросы были испытанием. Может, она неправильно отвечает? Тогда почему они не научат ее, как нужно отвечать?

Хранительницы Мудрости не считали ее мягкой. Что же она упускает? Что сказала бы Илэйн? Как бы Авиенде хотелось, чтобы у нее в руках

вновь оказались ее копья — тогда их можно было бы во что-нибудь вонзить. Атаковать, испытать свои силы в схватке с кем-нибудь, выплеснуть свою злость.

«Нет, — решительно подумала Авиенда. — Я научусь поступать, как Хранительницы Мудрости. Я снова обрету свою честь!»

Она добралась до особняка, бросила камень наземь и утерла лоб. Илэйн научила ее не обращать внимания на жару и холод, но эта уловка не спасает от пота, когда заставляешь тело как следует трудиться.

— Адрин? — окликнул своего товарища караульный у дверей. — О Свет, да ты и вправду худо выглядишь. Совсем худо.

Авиенда бросила взгляд в сторону дверей. Караульный, жаловавшийся на жару, тяжело привалился к косяку, прижав ладонь ко лбу. Он и в самом деле выглядел плохо. Авиенда обняла саидар. Она не была сильна в Исцелении, но, возможно, удастся…

Вдруг солдат вскинул руки и принялся скрести виски пальцами. Глаза закатились, ногти раздирали кожу и плоть. Но вместо крови из ран потекло что-то угольно-черное. Даже на расстоянии Авиенда ощущала исходящий от мужчины

жар.

Второй караульный застыл в ужасе, глядя, как полосы черного огня охватывают голову его товарища. Шипя и пузырясь, сочилась наружу черная смола. Одежда на несчастном вспыхнула, плоть съеживалась, ссыхаясь от жара.

Он не издавал ни звука.

Авиенда стряхнула с себя оцепенение, поспешно создавая из Воздуха простое плетение, чтобы перенести второго солдата в безопасное место. Его приятель теперь превратился в ком пульсирующей черной смолы, из которого местами торчали обуглившиеся кости. От черепа и следа не осталось. От невыносимо сильного жара Авиенда попятилась, потащив за собой караульного.

— На нас… на нас напали! — шептал человек. — Владеющие Силой!

— Нет, — сказала Авиенда, — это зло еще страшнее. Беги за помощью!

Тот по-прежнему был в ступоре от ужаса, но она подтолкнула его, и караульный наконец двинулся с места. Смола, похоже, дальше не расползалась, чему можно было лишь радоваться, но от нее уже загорелась дверная рама. Пламя грозило охватить все здание прежде, чем кто-то внутри заподозрит опасность.

Авиенда сплела Воздух и Воду, намереваясь потушить огонь. Однако ее плетения истончались и теряли силу, едва только приближались к пламени. Они не пропадали, но этот огонь каким-то образом противостоял им.

Девушка отступила еще на шаг от невыносимого палящего жара. На лбу выступили капли пота, и ей пришлось прикрыть рукой лицо от жарких волн. Авиенда успела еще разглядеть в середине смоляной кучи черный уголек, как он засветился темно-красным и стремительно раскалился добела. Скоро черноты почти не осталось. Огонь пополз по фасадной стене дома. Авиенда услышала внутри крики.

Она встряхнулась и, сердито зарычав, быстро сплела Землю и Воздух, срывая с земли вокруг себя пласты дерна. Она швырнула их на огонь, стремясь загасить его. Ее плетения неспособны потушить огонь, но она может ими воспользоваться, чтобы чем-нибудь забрасывать пламя. Комья земли, вырванные вместе с травой, шипели и съеживались от невероятного жара, жухлые стебли, вспыхнув, тотчас же превращались в пепел. Авиенда продолжала работу, вспотев от усилий и разлитого в воздухе жара.

Вдалеке послышались крики — возможно, там

был и караульный. Люди кричали, чтобы несли ведра.

Ведра? Ну конечно! В Трехкратной земле вода была слишком драгоценна — никому и в голову не придет тушить ею пожар. В ход шли земля и песок. Но здесь не жалели воды. Авиенда попятилась еще на несколько шагов, выискивая взглядом ручей, струящийся рядом с домом. Ей едва удалось разглядеть поверхность воды, в которой отражалась пляска красно-оранжевых языков пламени. Уже весь фасад дома был охвачен огнем. Авиенда почувствовала, как кто-то внутри дома направляет Силу — Айз Седай или Хранительницы Мудрости. Девушка надеялась, что им удастся выбраться через черный ход. Пламя уже охватило коридор, а других дверей, которые вели бы наружу, выходившие туда комнаты не имели.

Авиенда сплела массивную колонну Воздуха и Воды, подняв из реки столб прозрачной жидкости и потянув его к себе. Столб колыхался в воздухе, как чудной зверь на знамени Ранда, и блестящий, по-змеиному извивающийся дракон обрушился на пламя. Зашипела вода, и взметнувшееся облако пара окутало Авиенду.

Влажная и жаркая волна ударила ее, ошпарила

кожу, но девушка не отступила. Снова щедро зачерпнув воду из широкого потока, она бросила ее толстую колонну на темную груду, едва различимую сквозь пар.

Жар ничуть не ослабел! Пошатываясь, Авиенда попятилась, отступив на несколько шагов, и, стиснув зубы, продолжала действовать, как и прежде. Внезапно на огонь шумно обрушился еще один столб речной воды. Вкупе с ее усилиями это отвело на странный огонь едва ли не весь поток. Авиенда моргнула. Другой столб направляли невидимые для нее плетения, но в окне второго этажа ей удалось разглядеть фигуру мужчины — с напряженным и сосредоточенным лицом он стоял с вытянутой вперед рукой. Наэфф, один из Аша'манов Ранда. Говорили, он особенно силен во владении Воздухом.

Огонь отступил; остался только смоляной холмик, излучающий сильный жар. Вместо части стены перед ней теперь зияла дыра с почерневшими краями. Авиенда продолжала зачерпывать воду и заливать ею черную обугленную массу, хотя уже давала о себе знать огромная усталость. Чтобы управлять таким объемом воды, ей приходилось направлять Силу почти на пределе своих способностей.

Скоро вода перестала шипеть и пузыриться. Авиенда ослабила поток, затем позволила ему превратиться в струйку и стихнуть. Земля вокруг представляла собой пропитанное влагой черное месиво, над которым поднимался тяжелый запах мокрого пепла. В грязных лужах плавали обугленные деревянные обломки и щепки; борозды, образовавшиеся там, где девушка зачерпывала землю, заполнились водой и превратились в канавы. Айилка осторожно прошла вперед, разглядывая неопрятный ком — все, что осталось от несчастного солдата. Остывающий холмик был стеклянисто-черным, как обсидиан, и влажно блестел. Девушка подобрала длинную обгорелую щепу, отколотую от дощатой стены ударом ее водяного столба, и потыкала ею черный бугор. Его поверхность оказалась твердой и неподатливой.

— Чтоб тебе сгореть! — прогремел голос. Авиенда подняла голову. Из дыры, образовавшейся в фасаде особняка, широким шагом вышел Ранд ал'Тор. Он пристально глядел в небо, потрясая кулаком. — Это я тебе нужен! Скоро ты получишь свою войну!

— Ранд, — нерешительно промолвила Авиенда.

По лужайке бегали туда-сюда солдаты, лица у

них были встревоженные, они словно ожидали сражения. Через обугленную дыру было видно, как из дверей комнат в дальнем конце коридора опасливо выглядывают переполошенные слуги. Все происшествие заняло меньше пяти минут.

— Я остановлю тебя! — проревел Ранд, заставив испуганно вздрогнуть и слуг, и солдат. — Слышишь меня?! Я приду за тобой! Не трать свою силу! Она тебе пригодится против меня!

— Ранд! — окликнула его Авиенда.

Он замер, ошеломленно глядя на девушку, словно не видя. Она смотрела ему в глаза и ощущала его гнев почти так же, как совсем недавно чувствовала обжигающее пламя. Ранд развернулся и зашагал обратно в дом, поднимаясь по почерневшим деревянным ступеням.

— О Свет! — раздался обеспокоенный голос. — И часто так случается, когда он поблизости?

Повернувшись, Авиенда увидела стоявшего рядом и наблюдавшего за происходящим молодого человека в незнакомой униформе. Долговязый юноша со светло-каштановыми волосами и кожей медного оттенка — имени она не помнила, но была почти уверена, что это один из офицеров, которых Ранд привел с собой после встречи с Роделом Итуралде.

Девушка снова повернулась к пепелищу, прислушиваясь к звучавшим в отдалении зычным приказам. Прибыл Башир и взял на себя командование, велев солдатам следить за периметром, хотя, скорее всего, он просто стремился их чем-то занять. Случившееся не было началом атаки. Это всего лишь еще одно из прикосновений Темного к миру — точно такое же, как внезапно испортившееся мясо, как возникавшие из ниоткуда жуки и крысы, как люди, падавшие замертво от неведомых болезней.

— Да, — ответила Авиенда на вопрос юноши, — это бывает часто. По крайней мере, гораздо чаще рядом с Кар'а'карном. С вашими людьми не происходило ничего подобного?

— До меня доходили слухи, — сказал он. — Но я не придавал им значения.

— Не все слухи преувеличены, — произнесла Авиенда, глядя на чернеющие останки солдата. — Стены узилища Темного слабеют.

— Кровавый пепел, — пробормотал юноша, отворачиваясь. — Во что ты нас втянул, Родел? — Покачивая головой, он двинулся прочь.

Офицеры Башира принялись отдавать солдатам распоряжения по уборке лагеря. Покинет ли Ранд теперь этот особняк? Когда где-то про-

являлось зло, люди нередко бросали это место. Но через узы девушка не чувствовала, чтобы Ранд спешил. На самом деле… он, похоже, снова отправился отдыхать! Перемены в настроении этого мужчины столь же необъяснимы, как и у беременной Илэйн.

Авиенда покачала головой и, решив помочь прибраться в лагере, стала собирать горелые обломки дерева. Тут из особняка показались несколько Айз Седай, которые стали оглядывать нанесенный ущерб. По всему фасаду здания чернели опалины, обгорелый пролом на месте входных дверей и передней был не меньше пятнадцати футов шириной. Одна из женщин, Мериса, с благодарностью посмотрела на Авиенду.

— Какая жалость, — промолвила Айз Седай.

Авиенда выпрямилась, держа в руках обломок обгоревшей доски; ее одежда была все еще мокрой. С этими облаками, скрывающими солнце, сохнуть ей придется долго.

— Вы о чем? — спросила девушка. — Вы о доме жалеете?

В разгромленной передней тучный лорд Теллаэн, которому принадлежал особняк, вполголоса застонав, тяжело опустился на табурет. Он горестно качал головой, то и дело утирая лоб.

— Нет, — сказала Мериса. — Я о тебе, дитя мое. Твое мастерство плетения, оно поразительно. Будь ты у нас в Белой Башне, то к этому времени уже получила бы шаль Айз Седай. Да, в твоем плетении есть некая грубость, но, обучаясь у сестер, ты бы быстро исправила этот недостаток.

Кто-то громко хмыкнул, Авиенда резко развернулась и увидела позади себя Мелэйн. Золотоволосая Хранительница Мудрости стояла, сложив руки под грудью, ее живот уже начал округляться от бремени. Судя по лицу, она ничуть не была удивлена. Как Мелэйн удалось подойти незаметно? Как Авиенда не услышала ее приближения? Видно, она поддалась усталости и потеряла бдительность.

Мелэйн и Мериса какое-то время сверлили друг друга взглядами; затем высокая Айз Седай резко повернулась, взметнув зеленые юбки, и направилась к слугам, оказавшимся в плену у пламени, на ходу спрашивая у них, не требуется ли кому-то Исцеление. Мелэйн проводила ее взглядом и покачала головой.

— Невыносимая женщина, — процедила она. — Подумать только, ведь мы когда-то их так уважали!

— Хранительница? — переспросила Авиенда.

— Я сильнее большинства Айз Седай, но ты, Авиенда, намного сильнее меня. Тому, как ты понимаешь плетения и управляешь ими, позавидуют, к своему стыду, многие из нас. Другие годами учатся тому, что тебе дано от природы. «Некая грубость!» Сомневаюсь, чтобы кто-то из Айз Седай, не считая разве что Кадсуане Седай, сумела бы сотворить то, что ты проделала со столбом воды. Чтобы переместить воду на такое расстояние, нужно использовать само течение и напор реки.

— И я это сделала? — моргая, спросила Авиенда.

Мелэйн посмотрела на нее и снова хмыкнула, но на сей раз тихо, себе под нос.

— Да, ты это сделала. У тебя огромный талант, дитя мое.

Авиенда расцвела от похвалы. От Хранительниц редко дождешься похвалы, но она всегда бывала искренней.

— Но ты не хочешь учиться, — продолжила Мелэйн. — А у нас мало времени! У меня к тебе вопрос. Что ты думаешь о плане Ранда ал'Тора похитить этих купеческих вождей, правящих доманийцами?

Авиенда снова моргнула — она слишком устала

и думать совсем не хотелось. Во-первых, совершенно неразумно само то, что Арад Доманом правят купцы. Как могут торговцы управлять народом? Разве они не должны заниматься своими товарами? Что за глупость. Перестанут ли когда-нибудь мокроземцы удивлять ее своими странными обычаями?

И почему именно сейчас Мелэйн вздумалось спрашивать ее об этом?

— План Ранда вполне хорош, Хранительница Мудрости, — сказала Авиенда. — Хотя копьям не нравится, когда их используют для похищения людей. Думаю, Кар'а'карну стоило говорить об этом как об охране — принудительной охране — для этих купцов. Вожди отнеслись бы к задуманному лучше, если бы им сказали, что они будут защищать, а не похищать.

— Делать-то они будут все равно то же самое, как это ни назови.

— Однако важно, как ты сам это назовешь, — сказала Авиенда. — Не будет бесчестным, если оба определения верны.

Глаза Мелэйн лукаво блеснули, и Авиенда уловила затаенную улыбку на ее губах.

— Что еще ты думаешь о совете?

— Ранд ал'Тор, похоже, до сих пор считает, что

Кар’а’карн может не просить Айил, а требовать от них, будто какой король мокроземцев. Мне стыдно за это. Я виновата — мне не удалось втолковать это ему как следует.

Мелэйн отмахнулась от ее признания.

— Тебя не за что ни винить, ни стыдить. Все мы знаем, как упрям и своеволен Кар’а’карн. Хранительницы Мудрости тоже пытались, и никому не удалось обучить его как надо.

Значит, причина ее позора перед Хранительницами была не в этом. Тогда в чем? Авиенда с досады сжала челюсти, но потом заставила себя продолжить:

— И все же нужно напоминать ему об этом. Снова и снова. Руарк терпелив и мудр, но не все вожди кланов таковы. Я знаю, кое-кто из них сомневается, не было ли ошибкой принятое ими решение следовать за Рандом ал’Тором.

— Верно, — сказала Мелэйн. — Но посмотри, что стало с Шайдо.

— Я не говорю, что они правы, Хранительница Мудрости, — ответила Авиенда. Несколько солдат нерешительно пытались убрать глянцевито-черный холмик. Казалось, он вплавился в землю. Авиенда понизила голос. — Они не правы в том, что сомневаются в Кар’а’карне, но они же разгова-

ривают друг с другом. Ранд ал'Тор должен понять, что терпеть от него оскорбления бесконечно они не станут. Может, они не пойдут против него, как Шайдо, но вполне может случиться так, что, к примеру, Тимолан просто вернется в Трехкратную землю, оставив Кар'а'карна наедине со своей надменностью.

Мелэйн кивнула:

— Не беспокойся. Мы осведомлены о такой… вероятности.

Это значит, что кого-то из Хранительниц Мудрости отправили успокоить Тимолана, вождя Миагома Айил. И не в первый раз уже. Знает ли Ранд ал'Тор, какие усилия прилагают Хранительницы Мудрости у него за спиной, чтобы сохранить верность ему айильцев? Скорее всего, нет. Он смотрел на Айил как на единое целое, как на преданный ему народ, который можно использовать. В таком отношении заключалась одна из самых больших слабостей Ранда. Он не понимал, что айильцам, как и любому другому народу, не нравится, когда их превращают в некий инструмент. Кланы связаны между собой куда более слабыми узами, чем полагает Ранд. Лишь ради него на время забыта кровная вражда. Неужели он не понимает, насколько такое неве-

роятно? Неужели он не видит, каким шатким становится этот союз?

Но он не только был мокроземцем по рождению, он не был Хранительницей Мудрости. Мало кто из самих айильцев понимал, какие усилия прилагают Хранительницы Мудрости во всех перипетиях их непростой жизни. Какой простой казалась Авиенде жизнь, когда она была Девой! И какое потрясение она испытала, узнав, сколь многое проходило мимо, оставаясь ею незамеченным и непонятым.

Мелэйн смотрела на поврежденное здание, но будто не видела его.

— Остаток от остатка, — произнесла она словно бы самой себе. — А если он и нас бросит, обожженными и изломанными, как эти доски? Что тогда станется с Айил? Зализывая раны, мы вернемся в Трехкратную землю и будем жить как прежде? Многие не захотят уходить. Эти земли предлагают слишком многое.

Авиенда заморгала, осознав тяжесть этих слов. Она редко задумывалась о том, что будет тогда, когда у Кар'а'карна отпадет надобность в Айил. Она была сосредоточена на настоящем, на том, чтобы вернуть свою честь и суметь защитить Ранда ал'Тора в Последней битве. Но Хранитель-

ница Мудрости не вправе думать лишь о дне сегодняшнем или завтрашнем. Она обязана предвидеть грядущие годы, те времена, которые ветер принесет на своих крыльях.

Остаток от остатка. Он расколол Айил как народ. Что же будет с ними?

Мелэйн снова посмотрела на Авиенду, и лицо ее смягчилось.

— Иди к палаткам, дитя мое, и отдохни. Ты выглядишь как *шарадан*, который три дня полз через пустыню.

Авиенда поглядела на свои руки, покрытые хлопьями пепла от обгорелых обломков. Ее одежда была мокрой и испачканной, она догадывалась, что и лицо у нее такое же грязное. Руки ныли оттого, что она целый день таскала камни. Стоило только девушке вспомнить про усталость, как та, точно лавина, обрушилась на нее. Авиенда стиснула зубы и заставила себя распрямиться. Она не уронит лицо, свалившись тут без сил! Она повернулась, направляясь к палаткам, как ей и велели.

— Ах да, Авиенда! — окликнула ее Мелэйн. — Завтра мы обсудим твое наказание.

Девушка ошеломленно развернулась.

— За то, что не перетаскала все камни, — заме-

тила Мелэйн, снова оглядывая обломки. — И за то, что недостаточно быстро учишься. Ступай.

Авиенда вздохнула. Еще одна порция вопросов и еще одно незаслуженное наказание. Между ними должна быть какая-то связь. Но какая?

Она слишком устала, чтобы думать об этом сейчас. Ей хотелось лишь одного — добраться до постели, и она поймала себя на том, что малодушно вспоминает роскошные мягкие матрасы во дворце Кэймлина. Авиенда отогнала эти мысли прочь. Если спать так крепко, утопая в подушках и перинах, то чересчур расслабишься и не сумеешь вовремя проснуться, если кто-то ночью попытается тебя убить! Как она вообще позволила Илэйн уговорить ее спать в такой пуховой западне?

Не успела девушка отогнать эту мысль, как в голове у нее родилась другая — не менее предательская. Мысль о Ранде ал'Торе. Можно пойти к нему, остаться у него в комнате…

Нет! Не раньше, чем она вновь обретет свою честь. Она не придет к нему как нищая попрошайка. Она придет как женщина чести. Если, конечно, когда-нибудь поймет, что она делает не так.

Авиенда покачала головой и трусцой побежала

в айильский лагерь на краю луга.

Глава 12
Неожиданные встречи

Эгвейн, погрузившись в размышления, шла по смахивающим на пещеры коридорам Белой Башни. Эскорт из двух Красных сестер не отставал. В последние дни они казались несколько угрюмыми. Элайда все чаще приказывала им сопровождать Эгвейн; и хотя сами сестры менялись, почти всегда их было две. И по-видимому, они чувствовали, что Эгвейн считает их больше свитой, чем конвоем.

Уже больше месяца минуло с тех пор, как Суан, встретившись с Эгвейн в Тел'аран'риоде, сообщила тревожные вести, но Эгвейн все еще продолжала размышлять о случившемся. Произошедшие события напоминали, что мир на грани распада. В такие времена Белая Башня должна являть собой средоточие стабильности. Она же вместо этого расколота изнутри, а мужчины Ранда ал'Тора связывают сестер узами. Как Ранд допустил такое? Как же мало в нем осталось от того паренька, с которым она вместе росла. Конечно, и от прежней девочки Эгвейн тоже

осталось немного. Давно уже в прошлом те дни, когда казалось, что им суждено пожениться и жить на маленькой ферме в Двуречье.

Эти воспоминания странным образом привели Эгвейн к мыслям о Гавине. Сколько же времени прошло с тех пор, когда они в последний раз виделись и украдкой целовались в Кайриэне? Где он сейчас? Что с ним?

«Не отвлекайся, — велела себе Эгвейн. — Чтобы прибраться во всем доме, начинать нужно с одной комнаты». Гавин способен и сам о себе позаботиться; прежде он хорошо с этим справлялся. Иногда даже слишком хорошо.

С проблемой Аша'манов разберутся Суан и остальные. Другие известия тревожили гораздо больше. Одна из Отрекшихся — и в лагере Айз Седай? Женщина, однако владеющая саидин вместо саидар? Когда-то Эгвейн заявила бы, что подобное невозможно. Но она видела призраков в залах Белой Башни и коридоры, которые чуть не ежедневно менялись местами. Это просто еще один знак.

Эгвейн поежилась. Халима касалась ее, с помощью массажа избавляя от головной боли. Как только Эгвейн схватили, головные боли прекратились — почему у нее и мысли не возникало, что

Халима могла намеренно их вызывать? Что еще замышляла эта женщина? В какие силки попадутся Айз Седай, какие ловушки она расставила?

Все надо делать по очереди. Подмести сначала там, докуда дотянешься, а потом двигаться дальше. С замыслами Халимы тоже придется разбираться Суан и другим.

Спина у Эгвейн болела, но боль для нее имела значение все меньше. Иногда она даже смеялась, когда ее истязали. Порка не заслуживает внимания. Куда мучительнее другая пытка — видеть то, что происходит с Тар Валоном. Вот что важно, и проблема эта насущней день ото дня. Эгвейн кивком поприветствовала проходившую мимо по коридору стайку послушниц в белых платьях, и те дружно присели в реверансе. Эгвейн нахмурилась, но не стала их отчитывать — она лишь понадеялась, что девочки не удостоятся наказания от шедших следом за нею Красных за то, что выказали ей почтение.

Целью девушки были покои Коричневой Айя, которые теперь находились в дальней части крыла. У Мейдани наконец-то нашлось время для занятий с Эгвейн — только сегодня. Явиться к ней она распорядилась лишь сейчас, через несколько недель после того памятного ужина у Элайды.

Однако странно то, что Бенней Налсад тоже пожелала обучать ее и именно в этот день. Та первая беседа с Коричневой сестрой, происходившей из Шайнара, состоялась много недель назад, и больше Эгвейн с ней не встречалась. А дважды уроки с ней ни одна из Айз Седай не проводила. Но утром именно имя Бенней значилось первым в перечне тех, кого Эгвейн нужно было сегодня посетить.

Когда девушка добралась до восточного крыла Башни, где теперь находились апартаменты Коричневой Айя, сопровождающие девушку Красные сестры вынуждены были остаться снаружи и дожидаться ее возвращения в коридоре. Вероятно, Элайда предпочла бы, чтобы они отправились за Эгвейн, но после того, как сами Красные столь непримиримо защищали неприкосновенность границ покоев своей Айя, представлялось крайне маловероятным, что другие Айя — даже покладистые Коричневые — позволят двум Красным сестрам ступить на свою территорию. Войдя в коридор, где пол был выложен коричневыми плитками, и проходя мимо спешащих по своим делам женщин в невзрачных и неприметных платьях, Эгвейн ускорила шаг. День предстоял напряженный — визиты к сестрам, назначенные наказания и обычные обязанности послушницы

— мытье полов, уборка, стирка и прочие поручения подобного рода.

У дверей, ведущих в комнаты Бенней, девушка замешкалась. Большинство сестер соглашались обучать Эгвейн только по обязанности, и зачастую занятия оказывались неприятны обеим. Одним наставницам Эгвейн не нравилась из-за того, что девушка была связана с мятежницами, других раздражало, с какой легкостью она выполняла сложные плетения, а некоторых выводило из себя то, что она не выказывает им должного уважения.

Эти «уроки», однако, предоставляли Эгвейн прекрасную возможность сеять семена противодействия Элайде. Одно такое семя она и заронила при первом разговоре с Бенней. Дало ли оно всходы?

Эгвейн постучалась и, дождавшись приглашения, вошла. Гостиная была завалена всякими предметами, свидетельствующими о научных занятиях хозяйки. Точно башни на городских стенах, высились, клонясь друг к другу, книжные стопки. Повсюду стояли скелеты различных существ, полные и неоконченные; эта женщина собрала тут столько костей, что хватит на целый зверинец. Эгвейн поежилась, заметив в углу че-

ловеческий скелет, поставленный во весь рост и скрепленный толстыми нитками. На отдельных костях красовались выполненные черными чернилами подробные описания.

Среди всех этих книг и скелетов в комнате едва можно было повернуться, и свободным от них оставалось лишь одно кресло — самой Бенней, с одинаковыми вмятинами на потертых подлокотниках; тут, несомненно, покоились руки Коричневой сестры, когда, засиживаясь допоздна, она проводила за чтением бессчетные вечера. Низкий потолок казался еще ниже из-за подвешенных к нему чучел и мумифицированных тушек птиц, а также загадочных астрономических штуковин. Эгвейн пришлось пригнуть голову, чтобы не задеть модель солнца. Наконец девушка добралась до Бенней, которая стояла перед стопкой обтянутых кожей фолиантов и что-то в них искала.

— Ага! — промолвила Коричневая сестра, заметив Эгвейн. — Хорошо.

Айз Седай была скорее худощавой, чем стройной, темные волосы, которые возраст отметил сединой, были собраны сзади в пучок. Как и многие Коричневые сестры, она носила простое платье, вышедшее из моды пару веков назад.

Бенней подошла к своему креслу с мягкой обивкой, обойдя жесткие стулья у камина — со времени предыдущего визита Эгвейн на обоих скопились кипы бумаг. Девушка освободила для себя табурет, переставив пыльный скелет крысы на пол между двумя стопками книг о правлении Артура Ястребиное Крыло.

— Что ж, полагаю, пора приступить к твоему обучению, — сказала Бенней, устраиваясь в кресле.

Эгвейн сохраняла внешнее спокойствие. Сама ли Бенней воспользовалась возможностью вновь встретиться с Эгвейн? Или ее заставили вызвать Эгвейн на занятие? Эгвейн была свидетелем, как на бесхитростную Коричневую сестру не раз спихивали ту работу, которую никто другой делать не желал.

По просьбе Бенней Эгвейн выполнила несколько плетений — они были гораздо сложнее, чем те, что доступны большинству послушниц, но просты для Эгвейн даже сейчас, когда ее сила была ослаблена настоем из корня вилочника. Девушка попыталась вызнать, что думает Бенней о перемещении своих покоев, но та — как и большинство Коричневых сестер, с кем говорила Эгвейн, — не склонна была обсуждать эту тему.

Эгвейн сотворила еще несколько плетений. Спустя некоторое время она задумалась, в чем вообще смысл сегодняшней встречи. Разве не показывала Эгвейн почти все то же самое в прошлый раз по просьбе Коричневой сестры?

— Очень хорошо, — заметила Бенней, наливая себе чашку чая из чайника, гревшегося на маленькой угольной жаровне. Эгвейн чая она не предложила. — В этом ты достаточно умела. Но вот что мне интересно. Обладаешь ли ты той остротой ума, умением разрешать сложные ситуации, какими должна обладать Айз Седай?

Эгвейн ничего не ответила, только демонстративно налила себе чаю. Бенней возражать не стала.

— Посмотрим… — задумчиво сказала Бенней. — Представим ситуацию, когда ты оказываешься в конфликте с некоторыми сестрами из твоей же Айя. Ты случайно узнала нечто, чего не должна была знать, и главы твоей Айя очень разгневаны на тебя. Вдруг тебе начинают поручать самые неприятные задания, словно хотят убрать с глаз долой и забыть. Скажи мне, как бы ты отреагировала в подобной ситуации?

Эгвейн едва не поперхнулась чаем. Коричневая сестра решила действовать напрямик. Неуже-

ли она начала расспрашивать о Тринадцатом книгохранилище? И навлекла тем самым на себя неприятности? Предполагалось, что лишь немногим известно о тайных архивах, о которых Эгвейн словно мельком упоминала во время своего прошлого посещения Бенней.

— Что ж, — сказала Эгвейн, глотнув чая, — допустим, я подойду к этому непредвзято. Думаю, лучше всего рассматривать ситуацию с позиции глав Айя.

Бенней едва заметно нахмурилась:

— Полагаю, что так.

— Далее. В описанной тобой ситуации можем ли мы предположить, что Айя было поручено хранить эти тайны? Ага, хорошо. Итак. Значит, с их точки зрения, были разрушены важные и тщательно разработанные планы. Подумай, как это должно выглядеть. Кому стали известны секреты, которых он не должен был знать. Это наводит на мысль, что утечка произошла где-то среди самых доверенных людей, и это весьма тревожно.

Бенней побледнела, промолвив:

— Полагаю, я могу подобное представить.

— Тогда лучший способ разрешить эту ситуацию — подойти к ней с двух сторон, — сказала Эгвейн, сделав еще один глоток чая. Вкус у на-

питка был отвратительный. — Во-первых, нужно успокоить глав Айя. Они должны знать: не их вина, что сведения просочились наружу. Будь я на месте гипотетической сестры, оказавшейся в подобной неприятной ситуации, — если она не совершила ничего дурного, — то пошла бы к ним и объяснилась. Тогда им не нужно будет искать того, кто выдал тайну.

— Но, — сказала Бенней, — скорее всего, это не поможет сестре — гипотетической — избежать наказания.

— Это тоже поправимо, — сказала Эгвейн. — Скорее всего, ее «наказывают», чтобы она не мешала, пока главы Айя ищут предателя. Когда они поймут, что искать некого, то гораздо вероятнее, что к оступившейся сестре отнесутся со снисхождением — особенно после того, как она предложит им решение.

— Решение? — спросила Бенней. Она держала в руках чашку, но, казалось, совсем забыла о ней. — И какое решение предложила бы ты?

— Наилучшее — компетентность. Очевидно, кое-кому в Айя известны эти тайны. Если сестра выкажет свои способности и надежность, возможно, главы ее Айя поймут, что лучшее место для нее — среди хранителей тайн. Простое реше-

ние, если подумать.

Бенней сидела с задумчивым видом; над головой у нее медленно вращалось подвешенное на шпагате чучело зяблика.

— Да, но сработает ли оно?

— Это определенно лучше, чем корпеть в каком-то позабытом хранилище, перебирая свитки и составляя их опись, — сказала Эгвейн. — Иногда несправедливого наказания нельзя избежать, но нужно, чтобы другие помнили, что оно несправедливо. Если же она просто смирится с тем, как с ней поступили, тогда скоро они станут считать, что она сама заслуживает подобного отношения.

«И спасибо, Сильвиана, за тот маленький совет».

— Да, — сказала Бенней, кивая. — Да, думаю, ты действительно права.

— Я всегда готова помочь, Бенней, — тихим голосом промолвила Эгвейн, снова принимаясь за чай. — В гипотетических, разумеется, ситуациях.

На секунду Эгвейн испугалась, не слишком ли далеко зашла, назвав Коричневую сестру по имени. Однако та посмотрела ей в глаза и даже слегка кивнула в знак благодарности.

Даже будь продолжавшийся всего час визит к Бенней единственным на сегодня, Эгвейн все

равно сочла бы его примечательным. Однако, выйдя из апартаментов Коричневой сестры, девушка, к своему огромному удивлению, встретила у дверей послушницу, которая передала ей распоряжение явиться к Нагоре из Белой Айя. До встречи с Мейдани у Эгвейн еще оставалось время, так что девушка отправилась к Нагоре. Проигнорировать вызов к Айз Седай она не могла, хотя позже ей, несомненно, поручат дополнительную работу по хозяйству за то, что она пропустит мытье полов.

Нагора решила потренировать ее в логике — и заданные ей «логические головоломки» очень походили на просьбу о помощи в ситуации со Стражем, который не желал мириться со своими преклонными годами и неспособностью сражаться. Эгвейн оказала помощь, какую смогла, и перед тем, как отпустить ее, Нагора объявила, что «логика ее безупречна». После этой встречи Эгвейн ждало еще одно послание, на этот раз от Суаны, одной из восседающих от Желтой Айя.

Восседающая! Впервые Эгвейн получила распоряжение явиться к одной из них. Девушка не стала мешкать и поспешила на вызов. На пороге апартаментов Суаны, больше напоминавших сад, ее встретила горничная. Как восседающая, Суана

вправе была потребовать себе покои с окнами, а примыкавший к ним балкон был полностью превращен в садик, где росли всякие травы. А вдобавок она развесила и расположила зеркала так, что они отражали свет внутрь комнаты, уставленной горшками с маленькими деревцами и большими кадками с кустами, среди которых нашлось место даже для грядок с морковью и редисом. В корзине Эгвейн с огорчением заметила в плошке горку гнилых клубней, — скорее всего, их собрали совсем недавно, но они уже успели испортиться.

Комнату наполняли пряные ароматы базилика, тимьяна и десятка прочих трав. Несмотря на беды Башни, несмотря на гниющие растения, здесь ее окутывал запах жизни — взрыхленной земли и тянущихся ввысь растений. А Найнив еще жаловалась, будто сестры в Башне не ценят пользу лекарственных трав! Ей бы стоило побывать в гостях у пухлой, круглолицей Суаны.

Эгвейн считала эту женщину удивительно приятной. Суана задала ей несколько рядов плетений — многие из них относились к Исцелению, которое никогда не было сильной стороной Эгвейн. И все же ее способности, по-видимому, произвели впечатление на восседающую, поскольку в

середине урока тон беседы переменился. Эгвейн сидела между двух кадок с деревцами, на табурете с мягким сиденьем, а Суана более подобающим образом устроилась на жестком, обитом кожей стуле.

— Мы были бы рады видеть тебя среди Желтых, дитя мое, — промолвила Айз Седай.

Эгвейн вздрогнула и удивленно заметила:

— Я никогда не проявляла особых способностей в Исцелении.

— Чтобы быть Желтой, важен не только талант, — сказала Суана. — Важна увлеченность. Если ты стремишься к тому, чтобы все было в порядке, любишь исправлять, что было сломано, для тебя здесь найдется цель.

— Благодарю, — ответила Эгвейн. — Но Амерлин не принадлежит ни к одной из Айя.

— Да, но до своего возвышения она принадлежит к какой-то из них. Подумай об этом, Эгвейн. Ты могла бы обрести здесь дом.

Какой поразительный разговор! Очевидно, Суана не считает ее Амерлин, но одно то, что она приглашает Эгвейн в ряды своей Айя, говорит о многом. Это означает то, что она признает за Эгвейн права законной сестры — пускай даже и в неполной мере.

— Суана, — сказала Эгвейн, проверяя, насколько далеко простираются эти права, — принимают ли восседающие какие-то меры, чтобы сгладить напряженность между Айя?

— Не вижу, что здесь можно сделать, — ответила Суана, глядя на свой зеленеющий балкон. — Если другие Айя решили видеть в Желтых своих врагов, я не могу вложить им в головы здравый смысл.

«Они, вероятно, то же самое говорят и о тебе», — подумала Эгвейн, но вслух заметила:

— Кто-то должен сделать первый шаг. Стена недоверия становится такой толстой, что скоро ее трудно будет сломать. Возможно, если бы восседающие из разных Айя стали вместе обедать или ходить по коридорам на виду у прочих, это послужило бы примером для всей Башни.

— Возможно… — промолвила Суана.

— Они не враги вам, Суана, — сказала Эгвейн, позволив себе твердость тона.

Та, нахмурившись, недовольно взглянула на Эгвейн, словно бы осознав вдруг, кто дает ей совет.

— Пожалуй, тебе уже пора. Уверена, у тебя на сегодня еще очень много дел.

Осторожно обходя свисающие ветви и расстав-

ленные кадки, Эгвейн покинула апартаменты Суаны. Когда девушка вышла из той части Башни, которую занимала Желтая Айя, и вновь оказалась под эскортом Красных сестер, она вдруг кое-что сообразила. За все три визита ей не назначили ни одного наказания. Эгвейн даже не знала, как к этому относиться. А ведь двух сестер она в глаза назвала по имени!

Они начинали принимать ее. К сожалению, то была лишь малая часть битвы. Гораздо важнее было сделать так, чтобы Белая Башня выдержала то напряжение, которое вызывали действия Элайды.

Покои Мейдани выглядели на удивление уютными и домашними. Эгвейн всегда считала, что Серые похожи на Белых — бесстрастные, отличные дипломаты, у которых нет времени для личных чувств и человеческих слабостей.

Эти комнаты, однако, говорили о том, что их хозяйка любит путешествовать. На стенах, как драгоценные произведения искусства, висели карты в изящных рамах. По бокам одной карты красовались айильские копья, другая изображала острова Морского народа. Хотя многие предпочли бы фарфоровые безделицы, которыми славился Морской народ, Мейдани собрала небольшую

коллекцию сережек и раскрашенных раковин. Все они были аккуратно закреплены и выставлены в рамке. На табличке внизу значились даты их обретения.

Гостиная напоминала музей, посвященный путешествиям одного человека. Брачный кинжал из Алтары, с четырьмя мерцающими рубинами, висел рядом с маленьким штандартом Кайриэна и шайнарским мечом. Каждый предмет сопровождала небольшая табличка с пояснением, что это такое и как он попал к Мейдани. Брачный кинжал, к примеру, был подарен за помощь в разрешении спора между двумя семействами, вызванного смертью какого-то очень важного землевладельца. Его вдова и преподнесла Мейдани этот кинжал в знак признательности.

Кто бы мог подумать, что женщина, так раболепствовавшая за обедом несколько недель назад, обладает такой достойной гордости коллекцией? Даже ковер на полу был снабжен описанием — то был дар от купца, который приобрел его в закрытых доках Шары и вручил Мейдани в благодарность за исцеление его дочери. Этот необычный ковер был сплетен из чего-то, что походило на крохотные крашеные тростинки, и был оторочен пучками экзотичного серого меха.

На ковре были изображены удивительные животные с длинными шеями.

Сама Мейдани сидела в причудливом плетеном кресле — оно напоминало живой куст, случайно принявший форму кресла. В любом другом помещении Башни оно казалось бы ужасно нелепым, но было уместно здесь, где каждый предмет отличался от прочих и вроде бы никак не был связан с остальными, однако неким образом их всех объединяло то, что это были подарки, полученные во время путешествий.

Сегодняшний наряд Серой сестры разительно отличался от того, что был на ней во время обеда с Элайдой: вместо яркого платья с глубоким вырезом — совсем другое, длинное, из простой белой ткани с высоким воротником, своим свободным покроем словно бы призванное скрыть фигуру Мейдани. Ее волосы цвета темного золота были собраны в узел на затылке, и на ней не было ни единого украшения. Был ли этот контраст намеренным?

— Не очень-то ты спешила позвать меня, — заметила Эгвейн, ступив на дорогой шарский ковер.

— Я не хотела пробудить подозрения у Амерлин, — сказала Мейдани, когда Эгвейн пересекала

комнату. — Кроме того, я все еще не уверена, кем считать тебя.

— Для меня это не имеет значения, — ровным тоном отозвалась Эгвейн, усаживаясь на огромное дубовое кресло, снабженное табличкой с надписью о том, что оно подарено ростовщиком из Тира. — Амерлин не важно, как к ней относятся те, кто следует за ней, пока они ей повинуются.

— Тебя захватили и свергли.

Эгвейн, приподняв бровь, посмотрела Мейдани в глаза. Потом промолвила:

— И вправду захватили.

— Совет мятежниц наверняка уже избрал новую Амерлин.

— Насколько я знаю, нет.

Мейдани замолчала. Раскрывать существование контакта с мятежными Айз Седай было рискованно, но если Эгвейн не сумеет добиться верности Мейдани и прочих шпионок, то почва у нее под ногами действительно будет зыбкой. Она полагала, что легко сумеет заручиться поддержкой Мейдани, учитывая, как та была перепугана за ужином. Однако похоже, что подчинить эту женщину окажется не так-то просто.

— Что ж, — заметила Мейдани, — даже если это правда, тебе следует знать, что выбрали тебя

лишь номинальной главой. Марионеткой, которой станут манипулировать.

Эгвейн выдержала пристальный взгляд собеседницы.

— Реальной власти у тебя нет, — промолвила Мейдани, однако голос ее дрогнул.

Эгвейн не отводила взора. Мейдани внимательно смотрела на нее, медленно хмурясь, морщины постепенно появлялись на ее гладком, лишенном признаков возраста лице. Она вглядывалась в глаза Эгвейн, как каменщик, выискивающий недостатки в камне перед тем, как заложить его в кладку. Увиденное, казалось, ее обескуражило.

— А сейчас, — заявила Эгвейн, словно бы не замечая изучающего взгляда Мейдани, — ты расскажешь мне, почему не покинула Башню. Хотя я считаю, что твоя слежка за Элайдой очень важна, ты не можешь не осознавать, какой опасности подвергаешь себя теперь, когда Элайде известно о твоей истинной приверженности. Почему же ты не уйдешь?

— Я… не могу ответить, — сказала Мейдани, отводя взгляд.

— Я приказываю тебе, как твоя Амерлин.

— Я все равно не могу сказать. — Мейдани опустила глаза в пол, словно бы от стыда.

«Любопытно», — подумала Эгвейн, скрывая досаду, а вслух сказала:

— Очевидно, ты не понимаешь всей тяжести нашей ситуации. Либо ты признаешь мою власть, либо власть Элайды. Нельзя остаться посередине, Мейдани. И я тебе обещаю: если Элайда удержит за собой Престол Амерлин, ты увидишь, что с предателями она обходится крайне неприятным образом.

Мейдани продолжала смотреть в пол. Несмотря на первоначальную строптивость, ее воля, казалось, надломилась.

— Ясно, — сказала Эгвейн, вставая. — Ты предала нас. Когда ты переметнулась на сторону Элайды — до того, как тебя раскрыли, или после признания Беонин?

Мейдани тут же вскинула взор:

— Что? Нет! Я никогда не предавала нашу цель! — Казалось, одна мысль об этом внушает ей отвращение: она побледнела, губы превратились в тонкую линию. — Как ты только подумать могла, что я поддержу эту ужасную женщину? Мне ненавистно то, что она сотворила с Башней.

Что ж, сказано весьма откровенно: такими словами непросто обойти Три клятвы. Либо Мейдани говорит правду, либо она из Черной Айя — хотя

Эгвейн с трудом могла себе представить, чтобы Черная сестра, рискуя разоблачить себя, стала бы так лгать.

— Тогда почему ты не сбежала? — снова спросила Эгвейн. — Почему осталась?

Мейдани покачала головой:

— Я не могу ответить.

Эгвейн глубоко вдохнула и выдохнула. Весь этот разговор начинал ее раздражать.

— Может, ты хотя бы скажешь, почему так часто трапезничаешь с Элайдой? Уж, наверное, не потому, что тебе нравится подобное обращение.

Мейдани вспыхнула.

— Когда мы с Элайдой были послушницами, то были близкими подругами. Другие решили, что если я восстановлю прежние отношения с ней, то смогу получить ценные сведения.

Эгвейн сложила руки на груди:

— Довольно опрометчиво полагать, что она будет доверять тебе. Впрочем, жажда власти заставляет Элайду совершать глупости, так что, возможно, план был не так уж плох. Так или иначе, она не почтит тебя своим доверием теперь, когда ей известно, на чьей стороне ты на самом деле.

— Знаю. Но было решено, что я не должна по-

давать виду, будто знаю об этом. Если я отступлю сейчас, она поймет, что мы предупреждены — а нам нельзя потерять это ценное преимущество, их и так мало.

Мало настолько, что оставаться тут ей не имело смысла. Здесь она ничего не добьется. Почему же тогда Мейдани не сбежала? По-видимому, женщину что-то удерживало в Башне. Некая сила. Обещание?

— Мейдани, — промолвила Эгвейн, — я должна знать, о чем ты умалчиваешь.

Та покачала головой; вид у нее был едва ли не испуганный.

«О Свет! — подумала Эгвейн. — Я не стану делать с ней то, что делает Элайда во время тех ужинов».

Эгвейн села обратно.

— Выпрямись, Мейдани. Ты же не какая-то глупая послушница. Ты — Айз Седай. Веди себя соответственно.

Возмущенно сверкнув глазами, женщина вскинула голову. Эгвейн одобрительно кивнула и заметила:

— Мы исправим вред, нанесенный Элайдой, и я займу по праву принадлежащее мне место как Амерлин. Но нам предстоит много работы.

— Я не могу…

— Да, — сказала Эгвейн. — Ты не можешь сказать мне, в чем дело. Догадываюсь, что это как-то связано с Тремя клятвами, хотя Свет знает как. Попробуем обойти это препятствие. Ты не можешь сказать, почему осталась в Башне. Но показать ты ведь сможешь?

Мейдани склонила голову набок:

— Не уверена… Я могла бы отвести тебя… — Она резко оборвала фразу. Да, сила одной из клятв не позволяла ей продолжить. — Наверное, я смогу тебе показать, — запинаясь, договорила она. — Я точно не знаю.

— Что ж, давай выясним. Насколько опасно, если мои Красные сопровождающие последуют за нами?

Мейдани побледнела:

— Опасно.

— Тогда придется оставить их здесь. — Эгвейн задумалась, рассеянно постукивая ногтем по подлокотнику огромного дубового кресла. — Можно покинуть Серый сектор Башни другим путем. Но если нас заметят, возникнут лишние вопросы.

— У входов и выходов из нашей части Башни вьется много Красных, — сказала Мейдани. — Подозреваю, все Айя таким образом следят друг за

другом. Проскользнуть незамеченными будет сложно. За мной одной они не пойдут, но если увидят тебя…

Соглядатаи, следящие за апартаментами других Айя? О Свет! Неужели все настолько плохо? Все равно что разведчики, высланные наблюдать за вражеским лагерем. Эгвейн нельзя рисковать, нельзя, чтобы ее увидели выходящей вместе с Мейдани, но если выйти одной — это тоже привлечет внимание, ведь Красные знают, что Эгвейн должна находиться под надзором.

Перед Эгвейн возникла проблема, и она видела лишь один способ ее решения. Девушка внимательно посмотрела на Мейдани. Насколько ей можно доверять?

— Ты даешь слово, что не поддерживаешь Элайду и принимаешь мою власть?

Серая сестра помедлила, но все же кивнула:

— Даю.

— Если я покажу тебе кое-что, клянешься ли ты никому не раскрывать этого без моего разрешения?

Мейдани нахмурилась и промолвила:

— Да.

Эгвейн приняла решение. Сделав глубокий вдох, девушка обняла Источник.

— Смотри внимательно, — сказала она, сплетая нити Духа. Ослабленная настоем корня вилочника, Эгвейн была не в состоянии открыть переходные врата, но все же могла показать Мейдани нужное плетение.

— Что это такое? — спросила Мейдани.

— Это переходные врата, — ответила Эгвейн. — Для Перемещения.

— Перемещение невозможно! — тут же воскликнула Мейдани. — Это умение было утрачено много… — Она умолкла, широко распахнув глаза.

Эгвейн позволила плетению растаять. Мейдани тотчас же обняла Источник, на лице ее была написана решимость.

— Думай о том месте, куда хочешь попасть, — сказала Эгвейн. — Чтобы все получилось, ты должна очень хорошо знать место, откуда отправляешься. Полагаю, со своими апартаментами ты хорошо знакома. Выбери для Перемещения такое место, где никого не должно быть. Врата бывают опасны, если их открыть не там, где нужно.

Мейдани сосредоточенно кивнула, качнув золотым узлом волос. Она в точности повторила плетение Эгвейн, и врата раскрылись прямо между ними, воздух прорезала белая линия и

развернулась в портал. Проход находился со стороны Мейдани; Эгвейн видела лишь колеблющееся пятно, словно бы дрожащее марево в знойном воздухе. Девушка обошла сбоку возникшие переходные врата, и в их проеме ее взору предстал темный каменный коридор, где пол был выложен тусклыми бело-коричневыми плитками. Окон видно не было. Где-то в глубине Башни, догадалась Эгвейн.

— Скорее, — сказала она. — Если я через час не выйду из твоей комнаты, мои «няньки» из Красных заинтересуются, почему я так надолго тут задержалась. Подозрительно уже то, что именно ты вызвала меня. Нам остается лишь надеяться, что Элайда не обратит особого внимания на такое совпадение.

— Конечно, мать, — промолвила Мейдани, бросившись к столу и схватив с него бронзовую лампу. От резкого движения пламя затрепетало. Серая сестра вдруг замешкалась.

— Что? — спросила Эгвейн.

— Я просто удивлена.

Эгвейн чуть не спросила, что здесь такого удивительного, но прочла это по глазам Мейдани. Айз Седай была поражена тем, как быстро она повиновалась Эгвейн. Она была удивлена тем,

насколько естественной оказалась мысль об Эгвейн как об Амерлин. Нет, Мейдани еще не была полностью завоевана, но близка к этому.

— Скорее, — повторила Эгвейн.

Шагнув через врата, Мейдани кивком пригласила Эгвейн за собой, и та последовала за Серой сестрой. Хотя на полу коридора на той стороне пыли не было, в застоявшемся воздухе сильно пахло плесенью. В отличие от верхних коридоров, стены здесь ничем не были украшены, а единственным звуком был отдаленный шорох крысиных лапок. Крысы. В Белой Башне. Когда-то подобное было немыслимо. Но то, что защитные малые стражи не справятся со своей задачей, тоже казалось немыслимым. Гора невозможных событий росла с каждым днем.

В эту часть Башни редко заглядывали слуги. Видимо, поэтому-то Мейдани и выбрала это место, чтобы открыть здесь врата. Вполне разумно и предусмотрительно, но, вероятно, не вполне безопасно. Потребуются драгоценные минуты, чтобы вернуться из глубин Башни в главные коридоры и найти то, что Мейдани хотела показать ей. И возникнут новые проблемы. Что, если другие сестры заметят, как Эгвейн ходит по коридорам без привычного сопровождения Красных

надзирательниц?

Прежде чем Эгвейн успела вслух заявить о беспокоящих ее мыслях, Мейдани двинулась вперед. Но не к лестницам, ведущим наверх, а еще глубже вниз. Эгвейн нахмурилась, но зашагала следом.

— Не уверена, позволено ли мне вести тебя сюда, — тихо промолвила Мейдани, шурша на ходу юбками, и раздающийся звук мало отличался от производимого крысами шебуршания. — Однако должна предупредить — то, куда ты попадешь, для тебя может оказаться неожиданным. И вероятно, опасным.

Имела ли в виду Мейдани физическую опасность или политическую? Последнего Эгвейн хватало сполна. И все же она кивнула, принимая предупреждение серьезно:

— Понимаю. Но если в Башне действительно происходит что-то опасное, я должна об этом знать. Это не только мое право, но и моя обязанность.

Мейдани больше не сказала ни слова. Она вела Эгвейн по извилистому коридору, бормоча, что не прочь была бы взять с собой своего Стража. По всей видимости, он был послан в город по какому-то поручению. Коридор вился спиралью, почти как кольца самого Великого Змея. Когда

терпение Эгвейн уже начало истощаться, Мейдани остановилась перед закрытой дверью. С виду она ничем не отличалась от десятков других дверей, ведущих в полузабытые кладовые и хранилища, примыкавшие к основному коридору. Мейдани нерешительно подняла руку, затем коротко постучала.

Дверь немедленно открылась, за ней обнаружился Страж, с рыжеватыми волосами и квадратной челюстью. Он окинул пронзительным взглядом Мейдани, затем повернулся к Эгвейн. Лицо его разом помрачнело, а рука дернулась, словно бы он едва сдержался, чтобы не выхватить меч.

— Должно быть, это Мейдани, — послышался из комнаты женский голос. — Пришла доложить о встрече с этой девочкой. Адсалан?

Страж отступил в сторону, открыв взгляду небольшую комнату, где — на ящиках вместо стульев — сидели четыре Айз Седай. И что поразительно, все — из разных Айя! Эгвейн не видела, чтобы женщины из четырех разных Айя по коридору рядом прошлись, не говоря уже о том, чтобы они собирались вместе. Ни одна из них не была Красной, и все четыре были восседающими.

В белых одеждах с серебряной оторочкой —

Сине, восседающая от Белой Айя, женщина с царственной осанкой, с густыми черными бровями и волосами. Светло-голубые глаза взирали на Эгвейн с непроницаемым выражением. Рядом с ней сидела Дозин, восседающая от Желтой Айя, — стройная и высокая для кайриэнки; ее роскошное розовое платье было расшито золотой нитью. Прическу украшали сапфиры в тон камню, свисавшему на лоб.

Возле Дозин расположилась Юкири. Серая сестра была женщиной, наверное, самого миниатюрного роста, какую доводилось видеть Эгвейн, но она всегда излучала такую властность, будто именно она владеет ситуацией, даже находясь в окружении самых высоких Айз Седай. Последней была Саэрин, восседающая от Коричневой Айя, родом из Алтары. Как и многие Коричневые сестры, она носила платье без украшений, неприметного желтовато-коричневого цвета. Гладкость ее смуглой кожи нарушал шрам на левой щеке. О Саэрин Эгвейн знала очень мало. Казалось, она была меньше всех прочих сестер удивлена появлением в комнате Эгвейн.

— Что ты наделала? — в ужасе воскликнула Сине, повернувшись к Мейдани.

— Адсалан, давай их сюда, — коротко взмахну-

ла рукой Дозин, вставая. — Если кто-то пройдет мимо и увидит здесь эту девчонку ал'Вир…

Мейдани поморщилась от резких слов — да, ей предстоит немало поработать над собой, прежде чем она вернет себе невозмутимость Айз Седай. Эгвейн шагнула в комнату раньше, чем грубый Страж успел бы втащить ее внутрь. Мейдани вошла следом, и Адсалан с грохотом захлопнул дверь. Комнатку скудно освещали две лампы, что только придавало встрече этих женщин атмосферу некоего заговора.

Четыре восседающих занимали ящики с таким достоинством, будто это были троны, и Эгвейн села на один из них.

— Тебе не позволяли садиться, девочка, — холодно произнесла Саэрин. — Мейдани, что означает этот возмутительный поступок? Твоя клятва призвана была предотвратить подобные оплошности!

— Клятва? — спросила Эгвейн. — И что же это за клятва?

— Помолчи, девочка! — прикрикнула Юкири, хлестнув девушку по спине плетью Воздуха. Такой удар был настолько слабым наказанием, что Эгвейн едва не рассмеялась.

— Я не нарушала клятву! — поспешила заявить

Мейдани, вставая рядом с Эгвейн. — Вы приказали мне никому не говорить об этих собраниях. Так я и сделала — я ей ничего не рассказала. Я показала. — В ее голосе слышался вызов. В Мейдани не угасла искорка неповиновения. Это хорошо.

Эгвейн не была уверена, что именно здесь происходит, но присутствие четырех восседающих давало ей ни с чем не сравнимую возможность. Она и представить не могла, что получит шанс поговорить сразу с несколькими из них. Если эти женщины по доброй воле собираются вместе, то, вероятно, они свободны от раздоров, терзающих остальную Башню.

Или же их собрание намекало на нечто более зловещее, более темное? Клятвы, неизвестные Эгвейн, встречи подальше от верхних коридоров, охраняющий дверь Страж… А если эти женщины были не из четырех разных Айя, а из одной и той же? Что, если Эгвейн по собственной опрометчивости угодила в логово Черной Айя?

Сердце учащенно колотилось, и Эгвейн заставила себя не спешить с выводами. Если они и в самом деле были Черными сестрами, значит она попалась. Если нет, то ей предстоит работа.

— Это весьма непредвиденно, — заметила спокойная Сине, обратившись к Мейдани. — В

дальнейшем мы внимательнее будем относиться к тому, как формулировать для тебя распоряжения, Мейдани.

Юкири кивнула и сказала:

— Не думала, что ты поступишь так по-детски глупо и выдашь нас назло нам. Мы не должны были забывать, что ты, как и все мы, умеешь обходить клятвы в стремлении достичь того, что тебе нужно.

«Погодите-ка, — подумала Эгвейн. — Это же похоже на…»

— Безусловно, — сказала Юкири. — Полагаю, проступок заслуживает наказания. Но как нам быть с девчонкой, которую она привела? На Жезле она не клялась, и поэтому будет…

— Вы связали ее четвертой клятвой? — перебила Эгвейн. — О чем, во имя Света, вы думали?

Юкири взглянула на нее, и Эгвейн вновь ощутила на себе плеть Воздуха.

— Тебе не давали разрешения говорить.

— Амерлин не нужно разрешение, — заявила Эгвейн, глядя на окружающих женщин сверху вниз. — Что вы сделали, Юкири? Ты предаешь саму нашу сущность! Клятвы нельзя использовать как инструмент раскола. Неужели вся Башня обезумела так же, как и Элайда?

— Это не безумие, — внезапно вмешалась в разговор Саэрин. Коричневая сестра покачала головой. Ее тон оказался куда более властным, чем Эгвейн могла ожидать от представительницы этой Айя. — Так было сделано исключительно по необходимости. Ей нельзя доверять, после того как она встала на сторону мятежниц.

— Не думай, будто нам неизвестно, что и ты, Эгвейн ал'Вир, связана с этой группой, — сказала Юкири. Надменная Серая сестра едва сдерживала гнев. — Если будет по-нашему, к тебе не выкажут такого снисхождения, что проявила Элайда.

Эгвейн безразлично отмахнулась:

— Усмирите меня, казните или избейте, Юкири, это не спасет Башню от распада. В этом вина не тех, кого ты так легко клеймишь мятежницами. Тайные собрания в подземельях, самовольно навязанные клятвы — вот преступления, по меньшей мере равные выступлению против Элайды.

— Ты напрасно сомневаешься в нас, — произнесла Сине голосом тише прежнего. По сравнению с прочими она казалась робкой. — Иногда нужно принимать нелегкие решения. Недопустимо, чтобы среди Айз Седай оказались приспешницы Темного, поэтому были предприняты меры для их розыска. Все здесь присутствующие доказали

Мейдани, что мы не сторонники Тени, и потому не будет ничего плохого, если она даст нам клятву. Это разумный шаг, чтобы убедиться, что все мы действуем ради одних и тех же целей.

Эгвейн сумела сохранить спокойствие на лице. Сине только что признала существование Черной Айя! Эгвейн никогда не думала услышать подобного из уст восседающей, тем более в присутствии нескольких свидетелей. Значит, эти женщины использовали Клятвенный жезл для поиска Черных сестер. Если с каждой сестры сначала снять клятвы, а потом заставить дать их вновь, то можно спросить ее, не принадлежит ли та к числу Черных. Шаг отчаянный, но — решила Эгвейн — допустимый и логичный, учитывая обстоятельства.

— Соглашусь, что план разумный, — сказала Эгвейн. — Но связывать эту женщину еще одной клятвой нет никакой необходимости!

— А если известно, что она верна другой стороне? — требовательно спросила Саэрин. — То, что она не приспешница Темного, еще не значит, что она не способна предать нас как-то иначе.

Вероятно, данная Мейдани клятва повиноваться и была той причиной, по которой она не могла сбежать из Башни. Эгвейн ощутила жалость к

бедняжке. Айз Седай в Салидаре велели ей вернуться в Башню и шпионить для них, а здесь ее обнаружили эти женщины — предположительно, во время поисков Черных сестер, — и затем ее истинные цели стали известны Элайде. Три разные группировки, и все навалились на нее.

— Все равно это неприемлемо, — сказала Эгвейн. — Но об этом мы поговорим позже. Что о самой Элайде? Вы не выяснили, сама она не Черная? Кто поручил вам это дело и как возник ваш заговор?

— Пфф! Зачем мы вообще разговариваем с ней? — возмутилась Юкири, встав и уперев руки в бедра. — Мы должны решить, как с ней поступить, а не отвечать на ее вопросы!

— Если я стану помогать вашему делу, — сказала Эгвейн, — то мне нужно знать факты.

— Разве ты здесь для того, чтобы помогать, дитя мое? — промолвила Дозин. Голос стройной кайриэнки из Желтой Айя был тверд. — Очевидно, Мейдани привела тебя, дабы доказать, что мы не полностью ее подчинили. Точно капризный ребенок, который бьется в истерике.

— А остальные? — спросила Сине. — Нужно собрать их и убедиться, что данные им приказы сформулированы точнее. Нельзя допустить, что-

бы кто-то из них пошел к Амерлин прежде, чем мы узнаем, кому они на самом деле верны.

«Остальные? — подумала Эгвейн. — Выходит, они всех шпионок заставили дать клятвы?» Это было логично. Раскрой одну, и будет куда легче узнать имена остальных.

— Так вы нашли настоящих Черных? — спросила Эгвейн. — Кто они?

— Молчи, дитя мое, — сказала Юкири, сверкнув зелеными глазами и вперив взгляд в Эгвейн. — Еще хоть слово, и я позабочусь о том, чтобы тебя примерно выпороли, да так, чтобы ты все слезы выплакала.

— Вряд ли ты, Юкири, сумеешь потребовать для меня наказания большего, чем мне назначено сейчас, — спокойно сказала Эгвейн. — Если только мне не придется дни напролет проводить в кабинете наставницы послушниц. Кроме того, если ты отправишь меня к ней, что ей сказать? Что ты лично назначила для меня наказание? Наверняка она узнает, что в моем сегодняшнем расписании визита к тебе не было. Могут возникнуть вопросы.

— Мы велим Мейдани назначить тебе наказание, — сказала Сине, Белая сестра.

— Она этого не сделает, — ответила Эгвейн. —

Она признала мою власть как Амерлин.

Все сестры воззрились на Мейдани. Эгвейн затаила дыхание. Мейдани, казалось, была в ужасе оттого, что идет против остальных, но все же кивнула. Мысленно вознеся благодарности, Эгвейн тихонько выдохнула.

Саэрин выглядела удивленной, но заинтригованной. Юкири сложила руки на груди — ее убедить было не так-то просто.

— Это ничего не значит. Мы просто прикажем ей назначить тебе наказание.

— Прикажете? — спросила Эгвейн. — Кажется, вы говорили, что четвертая клятва служит для того, чтобы восстановить единство, чтобы она не выдала Элайде ваши секреты. Теперь вы используете клятву как дубину, чтобы насильно превратить Мейдани в ваш инструмент?

После этих слов в комнате повисла тишина.

— Вот почему клятва подчинения отвратительна по сути, — сказала Эгвейн. — Ни одна женщина не должна иметь такую власть над другой. То, что вы сделали с остальными, всего лишь на шаг отстоит от Принуждения. Я еще не знаю, возможно ли хоть как-то оправдать эту мерзость, но то, как вы обращаетесь с Мейдани и другими, определенно повлияет на мое решение.

— Сколько еще повторять? — резко бросила Юкири, поворачиваясь к восседающим. — С какой стати нам тратить время на эту девчонку? Что мы тут квохчем, точно куры в курятнике? Пора уже решать!

— Мы говорим с ней потому, что она, похоже, задалась целью нам мешать, — без особой вежливости сказала Саэрин, разглядывая Эгвейн. — Сядь, Юкири. Я с ней разберусь.

Эгвейн встретила взгляд Саэрин, сердце ее сильно стучало. Юкири хмыкнула и села, очевидно вспомнив наконец-то, что она Айз Седай, и придав лицу безмятежное выражение. Все четыре восседающих испытывали огромное напряжение. Если об их деяниях станет известно…

Эгвейн не отводила взора от Саэрин. Сначала девушка предполагала, что эту четверку возглавляет Юкири — Серая сестра и Саэрин почти равны по силе, а Коричневые обычно отличались пассивностью. Однако она ошиблась: слишком просто было бы судить о сестрах, исходя из их принадлежности к определенной Айя.

Саэрин, подавшись вперед, заговорила твердым голосом:

— Дитя мое, мы должны добиться твоего повиновения. Мы не можем заставить тебя клясться

на Клятвенном жезле, и в любом случае я сомневаюсь, что ты согласилась бы дать клятву подчинения. Но тебе нельзя продолжать свою нелепую игру и называть себя Престолом Амерлин. Нам всем известно, как часто тебя подвергают наказаниям, и нам всем известно, как мало от них проку. Поэтому я испробую другой подход. И очевидно, это то, к чему еще никто не прибегал в обращении с тобой: здравый смысл.

— Можешь говорить откровенно, — сказала Эгвейн.

Коричневая сестра в ответ фыркнула, потом сказала:

— Ладно. Начнем с того, что ты просто не можешь быть Амерлин. Из-за корня вилочника ты едва способна направлять Силу!

— Разве власть Престола Амерлин заключается в ее способности направлять Силу? — спросила Эгвейн. — Разве она тиран, которому подчиняются лишь потому, что она способна заставлять выполнять свои распоряжения?

— Не совсем так, — ответила Саэрин.

— Тогда не понимаю, каким образом то, что меня опоили настоем корня вилочника, связано с моей властью.

— Ты теперь всего лишь послушница.

— Только Элайда настолько глупа, чтобы решить, будто кто-то вправе лишать звания Айз Седай, — ответила Эгвейн. — Прежде всего, нельзя было допускать, чтобы у нее вообще появилась мысль, будто она имеет такую власть.

— Не считай она так, — сказала Саэрин, — ты была бы мертва, девочка.

Эгвейн снова встретилась взглядом с Саэрин:

— Иногда я думаю, что лучше бы мне умереть, чем видеть то, что сделала Элайда с женщинами этой Башни.

В комнате снова воцарилась тишина.

— Должна заметить, — промолвила Сине, — твои притязания лишены рациональных оснований. Элайда является Амерлин, потому что она, как подобает, была возвышена Советом Башни. Следовательно, ты никак не можешь быть Амерлин.

Эгвейн покачала головой:

— Она была «возвышена» после постыдного и незаконного смещения Суан Санчей. И ты смеешь называть занимаемое Элайдой положение «подобающим»? — Вдруг девушке в голову пришла рискованная догадка, но она казалась правильной. — Скажите мне: вы допрашивали кого-то из женщин, которые сейчас являются восседающи-

ми? Вы нашли среди них Черных сестер?

Взгляд Саэрин оставался спокойным, а Сине нервно отвела глаза.

«В точку!» — подумала Эгвейн.

— Значит, нашли, — сказала Эгвейн. — Этого следовало ожидать. Будь я одной из Черных сестер, то приложила бы все усилия, чтобы кого-то из приспешниц Тьмы назначили восседающей. Так им легче всего манипулировать Башней. А теперь скажите мне: входила ли хоть одна Черная восседающая в число тех, кто возвел на престол Элайду? Кто-то из них голосовал за низложение Суан?

Вновь тишина.

— Отвечайте мне, — потребовала Эгвейн.

— Мы обнаружили Черную среди восседающих, — наконец вымолвила Дозин. — И… да, она была одной из тех, кто выступал за низложение Суан Санчей.

Голос ее был мрачен. Она поняла, к чему ведет Эгвейн.

— Суан была смещена минимально необходимым числом голосов восседающих, — сказала Эгвейн. — Одна из них была Черной — значит, этот голос недействителен. Вы свергли и усмирили свою Амерлин, убив ее Стража, и совершили

это незаконно.

— Во имя Света… — прошептала Сине. — Она права.

— Это бессмысленно, — заявила Юкири, снова вставая. — Если мы станем гадать и искать подтверждения, какие из Амерлин могли занять свое высокое положение при участии Черных сестер… Да так под подозрение попадет едва ли не каждая Амерлин, которая когда-либо носила палантин!

— Неужели? — спросила Эгвейн. — И сколько из них было возведено на престол минимально необходимым числом голосов собрания восседающих? Лишь по одной этой причине смещать Суан подобным способом было ужасной ошибкой. Когда на престол возводили меня, мы удостоверились, что все восседающие знали, что происходит.

— Лжевосседающие, — не преминула уточнить Юкири. — Получившие свои места незаконно.

Эгвейн повернулась к ней, радуясь, что никто не слышит, как бешено стучит ее сердце. Она должна сохранять спокойствие. Должна!

— Ты так называешь нас, Юкири? Лже-Амерлин и Лже-восседающими? А за какой Амерлин готова идти ты? За той, которая обращает Айз Седай в послушниц и принятых, изгоняет целую

Айя и порождает в Башне раскол и раздоры, что опаснее любой когда-либо подступавшей к Тар Валону армии? За женщиной, которая возвысилась отчасти при поддержке Черной Айя? Или ты готова служить той Амерлин, которая пытается все это исправить?

— Ты же не хочешь сказать, будто мы, возводя на престол Элайду, служили Черным! — сказала Дозин.

— Думаю, мы все служим интересам Тени, — резко отозвалась Эгвейн, — пока позволяем Башне оставаться разделенной. Какова, по-вашему, роль Черных в едва ли не тайном низложении Амерлин и в последующем расколе среди Айз Седай? Не удивлюсь, если при дальнейшем розыске выяснится, что эта безымянная Черная сестра, которую вы обнаружили, — не единственная приспешница Тьмы в числе тех, кто участвовал в свержении законной Амерлин.

В очередной раз комнату заполнила тишина.

Саэрин подвинулась на ящике, устраиваясь поудобнее, и вздохнула.

— Нам не по силам изменить прошлое, — произнесла она. — Твои аргументы, Эгвейн ал'Вир, проливают свет на многое, но они совершенно бесполезны.

— Согласна: мы не в состоянии изменить то, что уже произошло, — кивнув, сказала Эгвейн. — Но мы можем смотреть в будущее. Меня восхищают ваши усилия по поиску Черной Айя, но еще больше меня радует ваше желание работать сообща. В нынешней Башне Айя редко сотрудничают друг с другом. Я хочу, чтобы именно это стало вашей главной целью — восстановить единство Белой Башни. Любой ценой.

Эгвейн встала, почти уверенная, что сестры вновь отчитают ее, но те будто забыли, что говорят с «послушницей» и мятежницей.

— Мейдани, — произнесла Эгвейн. — Ты принимаешь меня как Амерлин.

— Да, мать, — ответила та, склоняя голову.

— Тогда поручаю тебе и впредь работать с этими женщинами. Они не враги нам и никогда ими не были. Отправлять тебя сюда шпионить было ошибкой, и мне жаль, что эту ошибку я не предотвратила. Однако ты здесь, и твоя помощь нам пригодится. Сожалею, что ты вынуждена продолжать игру перед Элайдой, но я благодарю тебя за мужество.

— Я выполню все, что потребуется, мать, — промолвила Мейдани, хотя на лице ее отразилось страдание.

Эгвейн посмотрела на остальных Айз Седай:

— Верность лучше заслужить, а не принуждать к ней. Клятвенный жезл здесь?

— Нет, — сказала Юкири. — Его трудно вынести незаметно. Мы берем его только по необходимости.

— Жаль, — сказала Эгвейн. — Я бы хотела принести клятвы. Так или иначе, вы как можно скорее заберете его и освободите Мейдани от четвертой клятвы.

— Мы подумаем, — ответила Саэрин.

Эгвейн приподняла бровь:

— Как скажете. Но знайте: когда Белая Башня вновь обретет единство, Совет узнает о том, как вы поступили. Мне бы хотелось сообщить членам Совета, что ваши действия были проявлением осторожности, а не вызваны стремлением к незаконной власти. Если в ближайшие дни я вам понадоблюсь, пришлите за мной — но будьте любезны изыскать возможность избавиться от двух Красных сестер, которые меня сторожат. Мне бы не хотелось опять использовать Перемещение внутри Башни — иначе можно нечаянно открыть слишком многое тем, кому лучше оставаться в неведении.

Девушка направилась к двери, и ее слова по-

висли в воздухе. Страж не остановил Эгвейн, хотя и проводил подозрительным взглядом. Она задумалась, чей же это Страж — вряд ли у кого-то из присутствующих здесь сестер имелись Стражи, хотя кто знает. Возможно, он принадлежал кому-то из шпионок, отправленных из Салидара, и был поставлен караулить у двери Саэрин и ее товарками. Это могло бы объяснить его недовольство.

Мейдани поспешно вышла за Эгвейн из комнаты, оглядываясь через плечо, словно ожидая окрика или упреков за то, что последовала за девушкой. Страж же просто закрыл дверь.

— Поверить не могу, что тебе это удалось, — сказала Серая сестра. — С них сталось бы подвесить тебя за лодыжки и заставить выть от боли!

— Для этого они слишком умны, — ответила Эгвейн. — Они единственные в этой несчастной Башне — кроме, возможно, Сильвианы, — у кого на плечах есть хоть какое подобие головы.

— Сильвианы? — изумленно спросила Мейдани. — Не она ли каждый день истязает тебя?

— Несколько раз в день, — безразлично сказала Эгвейн. — Она очень ответственна и весьма рассудительна. Будь среди нас больше таких, как она, Башня наверняка не оказалась бы в таком положении.

Мейдани посмотрела на Эгвейн — со странным выражением на лице.

— Ты и вправду Амерлин, — наконец промолвила Мейдани.

Странное замечание. Не она ли только что поклялась, что признает власть Эгвейн?

— Идем. — Эгвейн ускорила шаг. — Мне нужно вернуться, пока Красные чего-нибудь не заподозрили.

Глава 13
Предложение и отъезд

Гавин стоял, держа меч наготове и лицом к двум Стражам. В полосах солнечного света, что пробивался сквозь щелястые стены амбара, искрились пыль и соломенная труха, взметнувшиеся во время схватки. Пересекая полосы света, Гавин осторожно отступал по утоптанному земляному полу. Воздух вокруг казался очень теплым. По вискам стекал пот, но, когда оба Стража устремились на юношу, хватка на мече ничуть не ослабла.

Впереди был Слит, гибкий и длиннорукий, с грубыми чертами лица. В полумраке амбара его лицо напоминало недоделанный портрет, какие встречаются в мастерской скульптора: в глазницах лежат глубокие тени, подбородок рассечен ложбинкой, кривой нос — он был когда-то сломан и не Исцелен. У Слита были длинные волосы и небольшие черные бакенбарды.

Хаттори очень обрадовалась, когда ее Страж наконец-то прибыл в Дорлан; она потеряла его у Колодцев Дюмай, и его история оказалась напо-

добие тех, которые рассказывают менестрели и барды. Не один час Слит пролежал раненый, пока в полузабытьи не сумел ухватиться за поводья своего коня и втащить себя в седло. Верный конь несколько часов нес хозяина, почти потерявшего сознание, пока они не добрались до ближайшей деревни. Тамошние жители хотели продать Слита шайке местных разбойников — их главарь, явившийся незадолго до того в деревню, пообещал не трогать селян, если они выдадут ему тех, кто уцелел в произошедшей неподалеку битве. Однако дочка местного мэра отстояла Слита, убедив односельчан, что если разбойники ищут раненых Стражей, то они, скорее всего, приспешники Темного. Люди решили укрыть Слита, а девушка стала выхаживать его.

Слиту, едва он достаточно окреп, чтобы выдержать дорогу, пришлось тайком ускользнуть — девушка, по-видимому, влюбилась в него. Среди Отроков ходили слухи, что Слит сбежал еще и потому, что сам начал испытывать к ней чувства. Большинство Стражей понимали что к чему и не позволяли себе привязанностей. Слит ушел ночью, когда девушка и ее семья спали, — но в благодарность за доброту селян он выследил разбойников и позаботился о том, чтобы больше

никогда они не потревожили эту деревню.

Такие-то события и ложатся в основу сказаний и легенд — по крайней мере, тех, что бытуют среди обывателей. Для Стражей история Слита была почти обыденной. Такие, как он, притягивают к себе легенды, как простые люди — блох. На деле Слит вовсе не намеревался распространяться о том, что с ним приключилось; вся история вышла на свет лишь благодаря нескончаемым расспросам неугомонных Отроков. Слит вел себя так, словно ему нечем похвастаться, словно в том, что он выжил, нет ничего особенного. Он был Стражем. Выжить вопреки всему, в беспамятстве проскакать по бездорожью многие мили, в одиночку, вдобавок с едва успевшими затянуться ранами истребить разбойничью шайку — только так и должен поступать Страж.

Гавин уважал Стражей. Даже тех, кого убил. В особенности тех, кого убил. Нужно быть единственными в своем роде мужчинами, чтобы проявлять такую самоотверженность, такую неусыпность. Такое смирение. Пока Айз Седай стяжали славу, манипулируя миром и такими чудовищами, как ал'Тор, — такие мужчины, как Слит, незамеченными каждодневно совершали героические деяния. Никакой славы, никакого

признания. Если о них и помнили, то обычно только благодаря Айз Седай, с которыми их связывали узы. И еще о них помнили сами Стражи. Своих они не забывали.

Слит атаковал, и его меч устремился вперед в прямом колющем ударе. «Укус гадюки» — смелая атака, еще более эффективная оттого, что Слит сражался на пару с другим Стражем, худощавым и низкорослым, — тот обходил Гавина слева. В Дорлане они были единственными Стражами, но прибытие сюда Марлеша было куда менее драматичным. Марлеш сопровождал ту самую группу из одиннадцати Айз Седай, которым удалось бежать после битвы у Колодцев Дюмай, и он все время оставался с ними. Его Айз Седай, юная красотка-доманийка по имени Вэша, из Зеленой Айя, лениво наблюдала за схваткой, стоя у стены амбара.

На «Укус гадюки» Гавин ответил «Котом, танцующим на стене», единым движением отводя удар и угрожая противнику атакой в ноги. Однако по-настоящему он атаковать не собирался; это был защитный прием, позволяющий ему следить за обоими Стражами. Марлеш рискнул применить «Поглаживание леопарда», но Гавин ответил «Порывом ветра», аккуратно отбивая удар и ожидая

следующей атаки от Слита, который из двоих был более опасен. Слит сменил позицию, перемещаясь плавными шагами, при этом меч он держал сбоку и спиной развернулся к огромным стогам сена в глубине душного амбара.

Марлеш попытался исполнить «Колибри, целующую медвяную розу», и Гавин перешел в «Кота на горячем песке». Для подобной атаки «Колибри» считалась неподходящим приемом; она редко была эффективна против обороняющегося, но Марлешу явно надоело, что противник отражает все его удары. Он начал терять терпение. Гавин может воспользоваться нетерпением Стража. И не преминет это сделать.

В наступление вновь пошел Слит. Пока два Стража приближались к нему гуськом, Гавин перевел меч в позицию для защиты. И тотчас же Гавин продемонстрировал «Лепестки яблони на ветру». Три стремительных взмаха клинка заставили Марлеша отступить с широко раскрытыми глазами. Выругавшись, Страж снова бросился вперед, но Гавин сменил стойку, подняв меч выше, и плавно перешел в «Стряхивание росы с ветки». Он шагнул, сделал выпад, выполняя серию из шести резких ударов, по три на каждого противника. В итоге Гавин сбил Марлеша с ног

— тот слишком быстро устремился обратно в бой, — и, дважды парировав удары Слита, остановил свой клинок, едва не касаясь его шеи.

Оба Стража потрясенно смотрели на Гавина. То же выражение на лицах было у них в прошлый раз, когда Гавин победил их, и еще однажды до этого. Слит носил меч с клеймом цапли и славился в Белой Башне почти легендарным мастерством. Говорили, что он взял верх над самим Ланом Мандрагораном в двух из семи схваток — еще в те времена, когда Лан еще участвовал в учебных поединках с другими Стражами. Марлеш был не так знаменит, как его товарищ, но он был умелым фехтовальщиком и прошедшим подготовку Стражем, а значит — весьма непростым противником.

Но Гавин победил. Опять. Все казалось таким простым, когда он сражался. Мир уменьшался, сжимался — как ягоды, из которых выдавливают сок, — во что-то маленькое, в то, что легче рассмотреть вблизи. Все, чего хотел Гавин, — защищать Илэйн. Защищать Андор. Возможно, чуть больше походить на Галада.

Почему жизнь не может быть так же проста, как поединок на мечах? Противники стоят прямо перед тобой, с ними все ясно. Награда очевидна

— жизнь. Когда люди сражаются, между ними возникает связь. Обмениваясь ударами, они становятся братьями.

Гавин отвел клинок в сторону и отступил на шаг, пряча меч в ножны. Он протянул руку Марлешу, тот принял ее и встал, качая головой.

— Ты невероятен, Гавин Траканд. Ты двигаешься так, словно состоишь из света, тени и цвета. Против тебя я все равно что мальчишка с палкой.

Слит, убирая в ножны меч, не сказал ничего, но уважительно склонил голову — точно так же, как после тех двух схваток с Гавином. Он был немногословен. Гавин это ценил.

Все трое направились к стоявшей в углу амбара полубочке с водой. Корбет, один из Отроков, торопливо зачерпнул воды ковшом и подал его Гавину. Тот передал черпак Слиту. Страж снова кивнул и поднес ковш к губам. Марлеш взял чашку с пыльного подоконника и сам набрал себе воды.

— Говорю тебе, Траканд, — продолжил он, — нужно отыскать тебе клинок с цаплей. Никто не должен лезть в драку с тобой, не зная, с кем связывается!

— Я не мастер клинка, — тихо сказал Гавин,

принимая черпак от кривоносого Слита и делая глоток. Вода была теплой, и это было приятно. Естественней, лучше, чем обжигающий холод.

— Ты ведь убил Хаммара? — спросил Марлеш.

Гавин замялся. Легкость, которую он чувствовал раньше, во время поединка, таяла на глазах.

— Да.

— Значит, ты мастер клинка, — заключил Марлеш. — Надо было взять его меч, когда ты одолел его.

— Это было бы недостойно, — ответил Гавин. — Да и времени собирать трофеи у меня не было.

Марлеш рассмеялся, хотя шутить Гавин и не думал. Юноша бросил взгляд на Слита, с любопытством наблюдавшего за ним.

Шуршание юбок возвестило о приближении Вэши. У Зеленой сестры были длинные черные волосы и ярко-зеленые, почти кошачьи, глаза.

— Ну как, Марлеш, наигрался? — поинтересовалась она с легким доманийским выговором.

Марлеш усмехнулся:

— Тебе бы радоваться этим играм, Вэша. Помнится, на поле битвы моя «игра» пару раз спасла твою голову.

Она хмыкнула и вскинула бровь. Гавин редко видел, чтобы Айз Седай и Страж общались так

запросто, как эти двое.

— Пойдем, — промолвила Вэша, разворачиваясь на каблуках и направляясь к открытым дверям амбара. — Хочу посмотреть, почему Наренвин и остальные так долго не выходят. Наверняка что-то решают.

Марлеш пожал плечами и кинул чашку Корбету.

— Что бы ни решили, надеюсь, мы двинемся с места. Не нравится мне сидеть в этой деревне, когда вокруг шныряют те солдаты. Если обстановка в лагере станет еще напряженнее, я, того гляди, сбегу к Лудильщикам.

Гавин кивнул. Не одна неделя минула с тех пор, как он последний раз отправлял Отроков в рейд. Поисковые отряды Брина все ближе подбирались к деревне, и это оставляло все меньше возможностей для вылазок в окрестности.

Вэша уже вышла за дверь, но до слуха Гавина донесся ее голос:

— Иногда ты болтаешь, как ребенок.

Марлеш лишь пожал плечами и, помахав на прощание Гавину и Слиту, вышел из амбара.

Гавин покачал головой, снова наполнил ковш и отпил из него.

— Эти двое иногда прямо как брат с сестрой.

Слит улыбнулся.

Гавин положил черпак на место, кивнул Корбету и направился было к выходу. Он хотел убедиться, что ужин для Отроков готов и всем достанется сколько положено. Некоторые юноши с головой уходят в учебные схватки и тренировки, да так, что поесть забывают.

Однако не успел он сделать и двух шагов, как Слит остановил его, взяв за плечо. Гавин удивленно оглянулся.

— У Хаттори только один Страж, — произнес Слит негромким скрипучим голосом.

Гавин кивнул:

— У Зеленых так нередко бывает.

— Это не потому, что она не готова принять еще одного, — сказал Слит. — Когда, много лет назад, она связала меня узами, то сказала, что еще одного возьмет, только если я сочту его достойным. Она попросила меня подыскать его. О подобных вещах она обычно не думает. Слишком занята другими делами.

«И ладно», — подумал Гавин, недоумевая, зачем Страж ему об этом рассказывает.

Слит повернулся, глядя Гавину в глаза.

— Прошло более десяти лет, но я нашел достойного. Если пожелаешь, она сейчас же свяжет тебя

узами.

Гавин удивленно моргнул. Долговязую фигуру Слита вновь скрывал меняющий цвета плащ, под которым была непримечательная одежда коричневато-зеленых оттенков. Кое-кто недовольно ворчал, что из-за длинных волос и бакенбард Слит выглядел неряшливей, чем подобает Стражу. Но слово «неряшливый» к этому мужчине было неприменимо. В нем чувствовалась природная безыскусность. Как в нетесаном камне или узловатом, но стойком дубе.

— Слит, это честь для меня, — сказал Гавин. — Но на обучение в Белую Башню я пришел согласно традициям Андора, а не потому, что хотел стать Стражем. Я должен быть рядом с сестрой.

«А если кто и свяжет меня узами, то это будет Эгвейн».

— По этой причине ты пришел, — сказал Слит, — но ее больше нет. Ты сражался в нашей войне, ты убивал Стражей и защищал Башню. Ты — один из нас. Твое место — с нами.

Гавин медлил.

— Ты еще ищешь, — продолжил Слит. — Точно ястреб, глядя туда и сюда, решая, сесть ли на сук или охотиться дальше. Когда-нибудь ты устанешь летать. Иди к нам и стань одним из нас. Ты

увидишь, что Хаттори — хорошая Айз Седай. Умнее большей части из них и не столь подвержена склокам и глупостям, как многие в Башне.

— Не могу, Слит. — Гавин покачал головой. — Андор…

— В Белой Башне Хаттори не имеет большого влияния, — продолжил Слит. — Других мало волнует, что она делает. Чтобы получить тебя, она сделает так, чтобы ее назначили в Андор. Ты можешь получить и то и другое, Гавин Траканд. Подумай об этом.

Гавин помолчал, потом кивнул:

— Хорошо. Я подумаю.

Слит отпустил его:

— О большем я и не прошу.

Гавин направился к выходу, но остановился, оглянувшись на стоявшего в пыльном амбаре Слита. Потом Гавин посмотрел на Корбета и коротким жестом подал ему знак, означавший: «Выйди и наблюдай». Отрок энергично кивнул — будучи одним из самых юных, он всегда искал способ проявить себя. Он будет следить за входом и предупредит, если кто-то приблизится.

Слит с любопытством проводил взглядом Корбета, который, положив руку на меч, занял пост у дверей. Гавин шагнул обратно и заговорил впол-

голоса, так тихо, что Корбет не мог его услышать.

— А что *ты* думаешь о том, что произошло в Башне, Слит?

Страж нахмурился, затем, сделав шаг назад, прислонился к стене амбара. При этом он, словно бы невзначай, бросил взгляд за окно, проверяя, что с той стороны никто не подслушивает.

— Плохо это, — наконец произнес Слит, понизив голос. — Страж не должен биться со Стражем. Айз Седай не должна сражаться с Айз Седай. Так не должно было случиться. Не сейчас. Никогда.

— Но так случилось, — сказал Гавин.

Слит кивнул.

— И теперь у нас две разные группы Айз Седай, — продолжил Гавин, — с двумя армиями, и одна взяла в осаду другую.

— Просто сиди тихо и выжидай, — сказал Слит. — В Башне немало горячих голов, но немало и разумных. Они сделают то, что нужно.

— То есть?

— Покончат с этим, — сказал Слит. — Прибегнув к убийству при необходимости или иными путями, если будет возможно. Ничто не стоит этого раскола. Ничто.

Гавин кивнул.

Слит покачал головой.

— Моя Айз Седай… ей не нравилось происходящее в Башне. Хотела убраться оттуда. Она разумная… умная и изобретательная. Но у нее мало влияния, поэтому другие ее не слушают. Айз Седай… Иногда кажется, что их волнует только то, кто из них сильнее.

Гавин наклонился ближе. О взаимоотношениях внутри Айз Седай, различии в их положении и влиянии разговоры заходили редко. У Айз Седай не было званий или рангов, как у военных, но все они интуитивно знали, кто из них стоит выше. Как это получалось? Похоже, у Слита имелись на этот счет свои мысли, но он не стал развивать тему, и пока что это оставалось загадкой.

— Хаттори убралась оттуда, — негромко продолжил Слит. — Отправилась с этим посольством к ал'Тору, даже не подозревая, во что она ввязывается. Она просто не хотела оставаться в Башне. Разумная женщина. — Он вздохнул, выпрямился и положил руку Гавину на плечо. — Хаммар был славным человеком.

— Да, — отозвался Гавин, чувствуя холодок в животе.

— Но он убил бы тебя, — сказал Слит. — Убил бы быстро и чисто. Атаковал он, не ты. Он понимал, почему ты это делаешь. В тот день никто не

принимал верных решений. Их и не было тогда, верных решений.

— Я… — Гавин просто кивнул. — Спасибо.

Слит убрал руку и направился к выходу. Однако через пару шагов Страж обернулся.

— Кое-кто говорит, что Хаттори стоило за мной вернуться, — сказал он. — Эти твои Отроки считают, что она бросила меня у Колодцев Дюмай. Это не так. Она знала, что я выжил. Знала, что я ранен. Но еще она верила в меня, верила, что я выполню свой долг, пока она выполняет свой. Она должна была сообщить Зеленым о том, что случилось у Колодцев Дюмай, к чему привели истинные приказы Амерлин в отношении ал'Тора. Я должен был выжить. Каждый из нас выполнял свой долг. Но когда послание было доставлено, она, если бы не почувствовала, что я иду к ней, отправилась бы за мной сама. Чего бы это ни стоило. И мы оба это знаем.

И Слит ушел, оставив Гавина размышлять над загадочными словами, сказанными ему на прощание Стражем. Беседы со Слитом зачастую были странными. В поединке тот действует плавно и текуче, точно вода, но вести разговор гладко не умеет.

Покачивая головой, Гавин вышел из амбара и

взмахом руки отпустил Корбета с поста. Ни за что Гавин не согласится стать Стражем Хаттори. Лишь на миг предложение показалось ему привлекательным, но только как способ уйти от проблем. Он знал, что не будет счастлив, если станет Стражем Хаттори или Стражем любой другой сестры, кроме Эгвейн.

Ей Гавин готов был пообещать все, что угодно. Что угодно, если это не вредит Андору или Илэйн. О Свет, да он бы пообещал ей не убивать ал'Тора. По крайней мере, пока не удостоверится наверняка, что это Дракон убил его мать. Как Эгвейн не видит, что человек, с которым она росла, превратился в чудовище, изуродованное Единой Силой? С ал'Тором необходимо покончить. Так будет лучше для них всех.

Стискивая и снова разжимая кулак, Гавин зашагал через деревенскую площадь, жалея, что простоту и спокойствие поединка на мечах нельзя продлить на всю жизнь. В воздухе резко пахло коровами и навозом из сараев; Гавину нестерпимо хотелось вернуться в какой-нибудь приличный город. Возможно, из-за своей отдаленности и размеров Дорлан и был подходящим убежищем, но Гавин предпочел бы, чтобы Элайда выбрала для Отроков менее пахучее пристанище.

Ему казалось, что запах скотного двора въелся в одежду на всю оставшуюся жизнь — разумеется, если через пару недель армия мятежниц не обнаружит и не перебьет их всех.

Гавин покачал головой, подходя к дому мэра. Двухэтажный дом с остроконечной крышей находился в самом центре деревни. Бóльшая часть Отроков расположилась в лагере на небольшом лугу сразу за зданием. Когда-то там росла ежевика, но слишком жаркое лето и жестокие зимние бури погубили кусты. Они стали одними из многих жертв, после которых новая зима может оказаться еще тяжелее.

Для устройства лагеря луг представлялся не лучшим местом — Отроки постоянно ворчали на колючки, то и дело впивавшиеся в кожу, — но оно было близко к центру деревни и в то же время довольно уединенным. Можно и потерпеть пару ежевичных колючек ради таких преимуществ.

Чтобы добраться до луга, Гавину нужно было пересечь немощеную площадь и пройти мимо канала, протекавшего перед самым домом мэра. Он кивком поздоровался с женщинами, стиравшими в канале белье. Айз Седай наняли их в качестве прачек для самих сестер и офицеров Гавина. За тяжелую работу платили работницам

скудно, и Гавин доплачивал им, сколько мог себе позволить, из собственного кармана. Над этим поступком Наренвин Седай лишь посмеялась, но от деревенских женщин он удостоился благодарностей. Мать всегда учила Гавина, что трудовой люд — основа и хребет королевства; сломаешь его — и пошевелиться не сможешь. Пусть жители этого городка и не подданные его сестры, но он не допустит, чтобы их притесняли его собственные солдаты.

Гавин прошел мимо дома мэра, обратив внимание на закрытые ставни на окнах. Марлеш бесцельно слонялся снаружи, его миниатюрная Айз Седай стояла, уперев руки в бедра, и недовольно взирала на дверь. Очевидно, ей не позволили войти. С чего бы? Вэша не занимала высокого места в иерархии Айз Седай, но все же стояла выше Хаттори. Если даже ее не впустили… что ж, видимо, и вправду серьезные дела решались за этими дверями. Это пробудило в Гавине любопытство.

Его люди предпочли бы не обращать внимания на происходящее — Раджар заявил бы, что дела Айз Седай лучше оставить им самим, а лишние уши лишь на неприятности напрашиваются. Это была одна из причин, почему из Гавина не вый-

дет хорошего Стража. Он не доверял Айз Седай. Его мать доверяла им, и вот чем все закончилось. А если учесть, как в Белой Башне обращались с Илэйн и Эгвейн… Ну, поддерживать Айз Седай он, может, и поддерживал, но уж определенно не доверял им.

Под вполне обоснованным предлогом проверки часовых Гавин обошел дом сзади. Большинство Айз Седай в Дорлане были без Стражей — они либо принадлежали к Красным, либо где-то их оставили. Несколько сестер прожили уже столько, что потеряли Стражей из-за старости, а новых они так и не выбрали. У двух несчастных Стражи погибли у Колодцев Дюмай. Гавин и остальные старательно делали вид, что не замечают покрасневших глаз и всхлипов, время от времени доносящихся из их комнат.

Айз Седай, конечно, утверждали, что не нуждаются в защите и им не нужна охрана Отроков. Возможно, они и правы. Но возле Колодцев Дюмай Гавин видел мертвых Айз Седай; неуязвимыми они не были.

У задней двери дома Гавина воинским салютом приветствовал Хэл Мэйр, который впустил командира внутрь для продолжения обхода. По короткой прямой лестнице Гавин поднялся в

верхний коридор. Там он отпустил с поста Берде-на, темнокожего Отрока родом из Тира. Берден был офицером, и Гавин велел ему проследить за раздачей ужина в лагере. Тот кивнул и удалился.

Перед комнатой Наренвин Седай Гавин замешкался. Если ему хочется знать, что происходит у Айз Седай, проще всего было бы их подслушать. Единственным часовым на втором этаже был Берден, а Стражей, которые уберегали бы от нежелательных ушей, здесь не было. Но от самой мысли о том, чтобы подслушивать, во рту у Гавина стало кисло. Почему он вообще должен подслушивать? Он — командир Отроков, и Айз Седай не раз использовали его воинов в своих целях. Они обязаны поделиться с ним своими сведениями. Поэтому, не таясь, Гавин уверенно постучал в дверь.

Ответом была тишина. Затем дверь заскрипела, и в приоткрывшейся щелочке появилось недовольное лицо Коварлы. Светловолосая Красная возглавляла сестер в городке, пока ее не сместили, но она по-прежнему имела значительное влияние в Дорлане.

— Нам не должны мешать, — резким тоном заявила она в щель. — Твоим солдатам велено никого не впускать, даже других сестер.

— Ко мне эти приказы не относятся, — сказал Гавин, глядя ей в глаза. — В этой деревне моим людям грозит серьезная опасность. Если вы не позволяете мне участвовать в разработке планов, то я требую, чтобы у меня была, по крайней мере, возможность их услышать.

Казалось, по бесстрастному лицу Коварлы промелькнула тень раздражения.

— Твоя дерзость, дитя мое, растет день ото дня, — заметила она. — Возможно, тебя стоит сместить и подыскать более подходящего командира для этого отряда.

Гавин стиснул челюсти.

— Думаешь, они не отвергнут тебя, если об этом их попросит сестра? — с едва заметной улыбкой спросила Коварла. — Они — жалкое подобие армии, но место свое знают. Жаль, что того же нельзя сказать об их командире. Возвращайся к своим людям, Гавин Траканд.

С этими словами она захлопнула дверь у него перед носом.

Гавина охватило нестерпимое желание силой ворваться в комнату. Но он бы пожалел об этом через пару вздохов — ровно столько времени понадобится Айз Седай, чтобы скрутить и связать его с помощью Силы. Как это отразится на боевом

духе Отроков? Когда они увидят, как их командира, отважного Гавина Траканда, вышвыривают из дверей с кляпом Воздуха во рту? Он подавил в себе негодование и спустился обратно по лестнице. Гавин прошел на кухню и прислонился к дальней стене, глядя на лестницу, ведущую на второй этаж. Раз он отпустил Бердена, то обязан сам оставаться на посту или должен отправить вестового за другим солдатом. Но прежде ему нужно поразмыслить. Если совещание затянется, то он найдет себе кого-то на смену.

Айз Седай… Разумные мужчины держались от них по возможности подальше, а коли так не получалось — с готовностью им подчинялись. У Гавина были трудности и с тем и с другим: происхождение не позволяло ему оставаться в стороне, а гордость мешала им подчиняться. На сторону Элайды в мятеже Гавин встал не потому, что она ему нравилась — в те годы, когда она была советницей его матери, Элайда всегда оставалась холодной и неприветливой. Нет, ее Гавин поддержал потому, что ему не нравилось, как Суан обращалась с его сестрой и с Эгвейн.

Но поступила ли Элайда с девушками хоть немногим лучше? Да и любая из Айз Седай обошлась бы с ними лучше? Тогда свое решение

Гавин принял сгоряча; это не было обдуманное и хладнокровное проявление верности и долга, как считали его люди.

Так кому же он верен на самом деле?

Через несколько минут шаги на лестнице и приглушенные голоса, доносящиеся из коридора, возвестили о том, что Айз Седай закончили свое тайное совещание. Коварла в красно-желтых одеждах спустилась по ступеням, продолжая разговор с идущими позади сестрами:

— …поверить не могу, что мятежницы избрали собственную Амерлин!

За ней, кивая на ходу, шла Наренвин — худая, с грубыми чертами лица. Затем внезапно вслед за ними на лестнице появилась Кэтрин Алруддин. Потрясенный, Гавин выпрямился. Кэтрин покинула лагерь несколько недель назад, через день после прибытия Наренвин. Красная сестра, с волосами цвета воронова крыла, не относилась к тем, кого изначально отправили в Дорлан, и воспользовалась этим предлогом, чтобы вернуться в Белую Башню.

Когда она возвратилась в Дорлан? Как ей это удалось? Гавину непременно доложили бы, если бы кто-то из его людей ее увидел. Он сомневался, что часовые проглядели бы ее появление.

Когда три Айз Седай проходили через кухню, Кэтрин смерила Гавина взглядом и криво усмехнулась. Она явно заметила его удивление.

— Именно, — сказала Кэтрин, поворачиваясь к Коварле. — Только представьте — Амерлин без престола! Восседать-то не на чем! Глупые девчонки затеяли кукольное представление, вырядив кукол как будто по-настоящему. Сущие дети! Разумеется, для главной роли они выбрали дичка, причем простую принятую. Они же понимали, насколько жалко их решение.

— По крайней мере, ее уже схватили, — заметила Наренвин, останавливаясь у двери и пропуская вперед Коварлу.

Кэтрин резко рассмеялась:

— Схватили и сделали так, что она каждый день воет. Не хотела бы я оказаться на месте девчонки ал'Вир. Впрочем, ничего иного она и не заслуживает за то, что позволила возложить шаль Амерлин себе на плечи.

«Что?» — в ужасе подумал Гавин.

Три Айз Седай вышли из кухни, их голоса стихли, но Гавин почти не заметил этого. Пошатнувшись, он привалился спиной к стене. Этого не может быть! Выходит, что Эгвейн… Нет, ему послышалось!

Но Айз Седай не могут лгать. До него доходили слухи, что у мятежниц есть собственный Совет и своя Амерлин… но Эгвейн? Что за нелепость!.. Она же всего лишь принятая!

Но кто бы подошел лучше, принимая во внимание возможное падение? Вероятно, никто из сестер не пожелал рисковать своей шеей, принимая этот титул. Юная девушка, такая, как Эгвейн, стала бы идеальной марионеткой.

Взяв себя в руки, Гавин бросился из кухни вслед за Айз Седай. Выскочив на свет клонящегося к закату дня, он наткнулся на Вэшу — Зеленая сестра, застыв с раскрытым ртом, во все глаза смотрела на Кэтрин. Очевидно, не один Гавин был поражен неожиданным возвращением Красной сестры.

Гавин схватил за руку Тандо, одного из Отроков-часовых, стоявших перед зданием.

— Ты видел, как она входила сюда?

Юный андорец помотал головой:

— Нет, милорд. Один из наших внутри доложил, что видел, как она встречалась с другими Айз Седай, — похоже, она внезапно спустилась с чердака. Но никто не знает, *как* она туда попала!

Гавин отпустил солдата и помчался за Кэтрин. Трех женщин он нагнал посреди пыльной деревенской площади.

Все три повернулись к нему: одинаково недовольные и лишенные признаков возраста лица, нахмуренные брови и поджатые губы. В глазах Коварлы читалось особое раздражение, но Гавину было все равно, заберут у него Отроков или подвесят в воздухе. Унижение не имело никакого значения. Только одно было важно.

— Это правда? — требовательным тоном спросил Гавин. Затем, испытывая отвращение, добавил в голос почтительности. — Прошу вас, ответьте, Кэтрин Седай! Правда ли то, что я услышал ненароком? То, что вы говорили о мятежницах и их Амерлин?

Кэтрин смерила юношу оценивающим взглядом.

— Полагаю, будет полезно, если весть разойдется среди твоих солдат. Да, Амерлин мятежниц схвачена.

— И ее имя? — спросил Гавин.

— Эгвейн ал'Вир, — ответила Кэтрин. — Пусть хоть раз слухи будут правдивы.

Коротким кивком она отпустила Гавина, а сама зашагала дальше, продолжая разговор с остальными двумя Айз Седай:

— С умом используйте то, чему я вас научила. Амерлин настаивает, чтобы рейды проводились

чаще и бóльшими силами, а эти плетения дадут вам беспрецедентную свободу маневра. Но не удивляйтесь, если мятежницы будут настороже. Они знают, что их так называемая Амерлин у нас, и, наверное, догадываются, что нам известны и новые плетения. Пройдет немного времени, как Перемещением овладеют все. Используйте клинок, пока он остер.

Гавин едва слышал их. Где-то в глубине души он был поражен. Перемещение? Нечто из легенд. Не таким ли способом Гарет Брин снабжал свою армию?

Но гораздо больше Гавин был ошеломлен самим известием. Суан Санчей усмирили, ее даже намеревались казнить, а была она лишь низложенной Амерлин. Что же сделают со лже-Амерлин, возглавлявшей мятежниц?

«Сделали так, что она каждый день воет…»

Эгвейн пытали. Ее наверняка усмирят! Быть может, уже так поступили. И в конце концов ее наверняка казнят. Гавин проводил взглядом трех Айз Седай. Со странным спокойствием он медленно развернулся, положив ладонь на рукоять меча.

Эгвейн в беде. Гавин задумчиво закрыл глаза. Он стоял на площади, издалека доносилось мы-

чание коров, рядом в канале журчала вода.

Эгвейн собираются казнить.

«Кому ты верен, Гавин Траканд?»

Он прошел через деревню странно уверенной походкой. Что бы Гавин ни предпринял против Белой Башни, в этом ему на Отроков надеяться нельзя. Он не мог использовать их, чтобы вызволить Эгвейн. Но в одиночку он ни за что не справится. Оставался только один вариант.

Через десять минут Гавин оказался в своем шатре и принялся тщательно упаковывать седельные сумки. Большую часть пожитков придется оставить. Вдалеке от городка были выставлены посты дозорных, и иногда он без предупреждения отправлялся их проверять. Это будет хорошим предлогом, чтобы покинуть лагерь.

Он не должен вызывать подозрений. Коварла права. Отроки следовали за ним. Они уважали Гавина. Но верны они не ему — а Белой Башне, и повернут свои мечи против него с той же быстротой, как он пошел против Хаммара, если такова будет воля Амерлин. Если у кого-то из них в голове мелькнет хоть тень догадки о его планах, он и на сотню ярдов никуда не уедет.

Гавин закрыл сумки, застегнул пряжки на клапанах. Этого хватит. Перекинув сумки через

плечо, он вышел из шатра и направился к коновязям. На ходу он помахал Раджару, подзывая его к себе, — тот демонстрировал десятку солдат усовершенствованную технику боя на мечах. Раджар, оставив вместо себя десятника, поспешил навстречу Гавину, окинув недоуменным взглядом седельные сумки.

— Поеду навещу четвертый пост, — сказал Гавин.

Раджар взглянул на небо. Уже смеркалось.

— Так поздно?

— В прошлый раз я проверял посты утром, — ответил Гавин. Удивительно, но сердце билось ровно и спокойно. — До этого выезжал днем. Но самое опасное время — это вечер, когда для атаки еще достаточно светло, а люди уже успели устать и наесться.

Раджар кивнул, шагая рядом с Гавином.

— Видит Свет, сейчас нам нужны бдительные разведчики, — согласился он. Отряды Брина рыскали по деревням не далее чем в полудне пути верхом от Дорлана. — Я отправлю с тобой эскорт.

— Не стоит, — сказал Гавин. — В прошлый раз на четвертом посту меня заметили еще за полмили. Отряд поднимет слишком много пыли. Хочу проверить, так ли зорки у них глаза, когда

всадник всего один.

Раджар снова нахмурился.

— Ничего со мной не случится, Раджар! — Гавин сумел криво улыбнуться. — Кому это знать, как не тебе. Чего ты боишься — что меня схватят разбойники?

Раджар расслабился, усмехнулся:

— Тебя? Скорее они Слита поймают. Ладно. Но не забудь выслать ко мне гонца, когда будешь возвращаться в лагерь. Я полночи спать не буду, если ты не вернешься вовремя.

«Прости меня за бессонную ночь, дружище», — подумал Гавин, кивнув Раджару. Тот побежал обратно, следить за учебными поединками, а Гавин вскоре оказался за пределами лагеря. Послав за своим седлом деревенского мальчишку, бывшего за подручного конюха, он начал развязывать путы стреноженного Неукротимого.

— У тебя вид человека, который уже все решил, — неожиданно раздался тихий голос.

Гавин вскочил и развернулся, хватаясь за меч. Одна из теней поблизости шевельнулась. Присмотревшись, он различил смутный человеческий силуэт. По кривому носу он узнал Слита. Будь прокляты эти плащи Стражей!

Гавин попытался напустить на себя беззабот-

ный вид, как при разговоре с Раджаром.

— Рад наконец-то заняться делом, — промолвил он, отворачиваясь от Слита, когда заметил возвращающегося конюха. Бросив пареньку медную монетку, Гавин отпустил его и сам принялся седлать коня.

Он положил седло на спину Неукротимого, а Слит продолжал наблюдать за юношей из тени большой сосны. Страж знал. Поведение Гавина могло обмануть кого угодно, но он чувствовал, что со Слитом это не пройдет. О Свет! Неужели ему придется убить еще одного человека, которого он уважает? «Чтоб тебе сгореть, Элайда! Чтоб ты сгорела, Суан Санчей, и вся ваша Башня. Хватит использовать людей. Хватит использовать меня!»

— Когда мне сообщить твоим людям, что ты не вернешься? — спросил Слит.

Гавин туго затянул ремни подпруги и подождал, пока конь выдохнет. Потом, нахмурившись, посмотрел поверх седла на Стража и спросил:

— Ты не собираешься меня останавливать?

Слит усмехнулся:

— Я трижды сражался с тобой сегодня и не выиграл ни одного поединка, хотя мне помогал славный товарищ. По тебе видно, что ты

готов убить, если потребуется, а я не так спешу расстаться с жизнью, как некоторые могут предположить.

— Ты бы сразился со мной, — сказал Гавин, закончив седлать коня. Подхватив седельные вьюки, он уложил их на место и принялся закреплять. Неукротимый всхрапнул. Ему не нравилось таскать лишнюю тяжесть. — Ты бы даже погиб, если бы счел это нужным. Если бы ты напал, даже если бы я убил тебя, в лагере поднялся бы переполох. Я бы ни за что не сумел объяснить, почему я убил Стража. Ты мог бы меня остановить.

— Верно, — отозвался Слит.

— Тогда почему ты даешь мне уйти? — спросил Гавин, обходя коня и беря поводья. Он заметил блеск скрытых в тени глаз, и ему показалось, что он уловил улыбку на губах Стража.

— Может, мне просто нравятся люди, которым не все равно, — ответил Слит. — Может, я надеюсь, что ты найдешь способ покончить со всем этим. Может, меня одолели упадок духа и горечь после стольких поражений. Найди то, что ты ищешь, юный Траканд.

Тихо зашуршал плащ, и Слит исчез, растворившись в полумраке наступающей ночи.

Гавин запрыгнул в седло. Ему на ум приходило

только одно место, где можно найти помощь для спасения Эгвейн.

Ударив коня каблуками по бокам, он покинул Дорлан.

Глава 14
Шкатулка открывается

Так, значит, она — из Предавшихся Тени, — промолвила Сорилея.

Беловолосая Мудрая обошла пленницу кругом, задумчиво рассматривая Семираг. Разумеется, Кадсуане и не ждала, что такая женщина, как Сорилея, будет испытывать страх. Айилка была тверда, как статуя, выстоявшая перед многими бурями, непреклонная перед ветрами. Среди айильцев эта Хранительница Мудрости была особенным образчиком внутренней силы. В поместье она появилась недавно, прибыв на днях вместе с теми, кто доставил ал'Тору доклад из Бандар Эбана.

Среди Айил, следующих за Рандом ал'Тором, Кадсуане ожидала обнаружить многое — свирепых воинов, странные обычаи, честь и преданность, неискушенность в интригах и политике. Она оказалась права. И все же одного она точно не ожидала найти, а именно — равную себе. И уж наверняка — не в Хранительнице Мудрости, которая едва могла направлять Силу. Но как ни

странно, именно так она оценивала эту айилку с выдубленным солнцем и обветренным лицом.

Нельзя сказать, что она доверяла Сорилее. У Хранительницы Мудрости были свои цели, которые могли не вполне совпадать с целями Кадсуане. Однако Айз Седай действительно считала Сорилею способной, а нынче в мире лишь очень немногие заслуживали этого эпитета.

Семираг вдруг дернулась, и Сорилея склонила голову набок. На сей раз Отрекшаяся не была подвешена в воздухе; она стояла прямо, одетая в плотное коричневое платье, ее короткие темные волосы были спутаны и давно не чесаны. Она по-прежнему излучала превосходство и властность. Так держалась бы и сама Кадсуане, окажись в подобной ситуации.

— Что это за плетения? — спросила Сорилея, указывая рукой. Она имела в виду плетения, которые заставляли Семираг вздрагивать.

— Мое личное изобретение, — сказала Кадсуане, снимая их и сплетая заново, чтобы показать, как они созданы. — Каждые несколько минут у субъекта в ушах раздается звон, а перед глазами вспыхивает свет, что не дает ему заснуть.

— Ты надеешься так истощить ее силы, что она заговорит, — промолвила Сорилея, вновь прини-

маясь рассматривать Отрекшуюся.

Семираг, разумеется, была лишена возможности их слышать. Несмотря на два дня, проведенные без сна, ее лицо выражало спокойствие, глаза были открыты, но перед ними мерцали огни. Скорее всего, Отрекшаяся придумала какой-то ментальный прием, позволявший ей справляться с усталостью.

— Сомневаюсь, что это ее сломит, — признала Кадсуане. — Пфф! Она едва вздрагивает.

Помимо Семираг, в комнате находились только Кадсуане, Сорилея и Бэйр — старая Хранительница Мудрости, не имеющая способностей в Силе. Айз Седай, удерживавшие щит Семираг, сидели на своих местах в коридоре.

Сорилея кивнула, заметив:

— На Предавшихся Тени не так-то легко воздействовать. И все же попытаться вполне разумно, учитывая твои… ограничения.

— Мы могли бы поговорить с Кар'а'карном, — сказала Бэйр. — Убедить его передать ее нам на время. Несколько дней… утонченных допросов по-айильски, и она расскажет все, что пожелаешь.

Кадсуане ответила неопределенной улыбкой. Как будто она позволит кому-то другому вести

допрос! Тайны этой женщины слишком ценны, чтобы доверять ее чужим рукам, пусть даже союзникам.

— Поговорить ты всегда можешь, — ответила она, — но сомневаюсь, что ал'Тор станет слушать. Ты же знаешь, как упрям глупый мальчишка, когда речь заходит о том, чтобы причинить боль женщине.

Бэйр вздохнула. Трудно было представить эту женщину, так похожую на добрую бабушку, принимающей участие в «утонченном допросе по-айильски».

— Да, — сказала она. — Полагаю, ты права. Ранд ал'Тор вдвойне упрямее любого вождя клана, которого я знаю. И вдобавок вдвойне самонадеянней. Предположить, будто женщина не способна выносить боль наравне с мужчиной!

Кадсуане фыркнула в ответ:

— Честно говоря, я подумывала о том, чтобы вздернуть ее и отхлестать плетьми, а запреты ал'Тора пусть на дым изойдут! Но вряд ли это поможет. Пфф! Чтобы сломить ее, нам нужно что-то иное, чем боль.

Сорилея все еще разглядывала Семираг.

— Я бы хотела поговорить с ней.

Коротким жестом Кадсуане распустила плете-

ния, не позволявшие Семираг слышать, видеть и говорить. Женщина моргнула — всего раз, — чтобы прояснилось в глазах, затем повернулась к Сорилее и Бэйр.

— Ага, Айил, — промолвила Отрекшаяся. — Вы были отличными слугами когда-то. Скажите-ка, сильно ли вас гложет совесть за то, что вы предали свои клятвы? Ваши предки, рыдая, умоляли бы о наказании, знай они, сколько смертей принесли руки их потомков.

Сорилея никак не отреагировала. Кадсуане знала кое-что о том откровении, что ал'Тор раскрыл айильцам о них; эти обрывочные сведения дошли до нее через вторые-третьи руки. Ал'Тор утверждал, будто Айил некогда, пока не нарушили свои клятвы, следовали Путем листа, поклявшись никому и ничему не причинять вреда. Кадсуане с живым интересом собирала эти слухи, и с еще большим интересом она услышала, как их подтверждает сама Семираг.

— Она куда больше похожа на человека, чем я думала, — обратилась Сорилея к Бэйр. — Выражение ее лица, ее тон и выговор довольно необычны, но их легко понять. Этого я не ожидала.

При этих словах глаза Семираг на мгновение сузились. Как странно. Практически ни на что,

ни на одно воздействие, ни на одно наказание, она не отреагировала так сильно, как на замечание Сорилеи. Вспышки света и звук вызывали у Отрекшейся лишь легкие непроизвольные судороги. Однако слова Сорилеи, по-видимому, затронули Семираг на эмоциональном уровне. Неужели Хранительницам Мудрости так легко удастся то, чего долго и безуспешно добивалась Кадсуане?

— Думаю, именно об этом нужно помнить, — сказала Бэйр. — Женщина — всего лишь женщина, не важно, насколько она стара и сколько секретов хранит. Плоть можно разрезать, кровь можно пролить, кость можно сломать.

— По правде говоря, я почти разочарована, Кадсуане Меледрин, — заметила Сорилея, покачивая белоснежной головой. — Я думала, у этого чудовища клыки подлиннее.

Семираг больше не реагировала. Она вернула себе самообладание, лицо ее было спокойным, взгляд — надменным и властным.

— Я слыхала кое-что о вас — новых, отринувших клятвы Айил, и о вашем истолковании чести. Мне доставит огромное удовольствие узнать, сколько боли и страданий смогут вынести члены ваших кланов прежде, чем обесчестят себя.

Скажи мне, как по-твоему, насколько далеко мне придется зайти, чтобы один из вас убил кузнеца и пообедал его плотью?

Семираг знала больше, чем «кое-что», если понимала, какое почти священное место занимают кузнецы в айильском обществе. Сорилея одеревенела от услышанных слов, но стряхнула с себя оцепенение. Она вновь сплела малого стража, поставив преграду для слуха Семираг, затем, помедлив, поместила светящиеся сферы перед глазами Отрекшейся. Да, в Силе Сорилея была слаба, но схватывала все на лету.

— Разумно ли держать ее вот так? — спросила Сорилея.

Ее тон давал понять, что с любым другим она говорила бы куда категоричней. Обращаясь к Кадсуане, она смягчила свои слова, отчего на губах у Айз Седай едва не появилась улыбка. Они с Сорилеей были все равно что две старые ястребицы, привыкшие властвовать в своих охотничьих угодьях, а теперь вынужденные гнездиться на соседних деревьях. Ни одной из них почтение к другой не давалось легко.

— Моя бы воля, — продолжила Сорилея, — велела бы перерезать ей горло, а труп бросить иссыхать в пыли. Оставлять ее в живых — все рав-

но что держать в доме древесного черножала.

— Пфф! — скривилась Кадсуане. — Ты права, это опасно, но убить ее сейчас еще хуже. Ал'Тор не может — или не желает — сказать мне точно, скольких Отрекшихся он уничтожил, но утверждает, что по меньшей мере половина из них еще жива. Они станут сражаться в Последней битве, и чем больше плетений мы вызнаем от Семираг, тем меньше от них будет неприятных для нас сюрпризов.

Едва ли этот довод убедил Сорилею, но настаивать она не стала.

— А тот предмет? — спросила Хранительница Мудрости. — Могу я взглянуть на него?

Кадсуане едва было не ответила безапелляционным «нет». Но… Сорилея обучила ее Перемещению, невероятно могущественному средству. Это был дар, протянутая рука помощи. Кадсуане необходимо сотрудничество этих женщин, а Сорилеи — в особенности. В одиночку ей с ал'Тором не управиться.

— Пойдемте со мной, — сказала Кадсуане, направляясь к выходу из комнаты.

Хранительницы Мудрости двинулись следом. Выйдя за порог, Кадсуане оставила сестрам — это были Дайгиан и Сарен — указания, чтобы Семи-

раг не давали ни спать, ни закрывать глаза. Вряд ли это сработает, но лучшей стратегии у Кадсуане пока не было.

Хотя… Она же видела взгляд Семираг, тот мгновенный отблеск гнева в глазах Отрекшейся в ответ на слова Сорилеи. Если ты в состоянии управлять чьим-то гневом, то ты можешь управлять и другими его эмоциями. Вот почему Кадсуане так старалась научить ал'Тора обуздывать свою ярость.

Самообладание и гнев. Что из сказанного Сорилеей вызвало тот отклик? То, что Семираг слишком похожа на человека и разочаровала ее. Можно подумать, Сорилея предполагала, что она окажется таким же уродливым чудовищем, как мурддраал или драгкар. Почему нет? На протяжении трех тысяч лет Отрекшиеся были персонажами легенд, их окружали мрак, темные тени и тайны. Легко испытать разочарование, увидев, что из всех приверженцев Темного Отрекшиеся во многих отношениях более всего похожи на людей: мелочные, склочные и склонные к разрушению. По крайней мере, так, судя по описанию ал'Тора, они себя ведут. Странно, но для него они словно давние знакомцы.

Семираг же считала себя не просто человеком, а

кем-то бóльшим. Эта стать, эта манера держаться, взирать на окружающих свысока — отсюда она черпала свою силу.

Кадсуане покачала головой. Слишком много задач и слишком мало времени.

Сам деревянный коридор служил еще одним напоминанием о мальчишеском безрассудстве ал'Тора. Кадсуане до сих пор чувствовала запах дыма, достаточно сильный и потому неприятный. Через зияющую дыру в фасаде здания, затянутую лишь тканью, проникал холодный воздух весенних ночей. Конечно, лучше было бы перебраться куда-нибудь в другое место, но мальчишка заявил, что его так просто отсюда не прогонишь.

Казалось, ал'Тор почти жаждет Последней битвы. Или же он просто смирился и сдался. Он думал, что на пути к цели ему нужно будет продираться через мелкие человеческие дрязги — так полуночный путник пробирается по наметенным сугробам к постоялому двору. Вот только ал'Тор не готов к Последней битве. Кадсуане чувствовала его неготовность — в том, как он говорил, в том, как он поступал. В том, как он смотрел на мир — с этим мрачным, почти непонимающим выражением лица. Если тот человек,

каким он сейчас стал, встретится с Темным, дабы решить судьбу мира, тогда Кадсуане страшно за всех людей.

Кадсуане и две Хранительницы Мудрости добрались до ее спальни — чистой, не затронутой пожаром комнаты, откуда хорошо были видны истоптанный луг и военный лагерь перед домом. В отношении меблировки Кадсуане была непритязательна — обстановку комнаты составляли прочная кровать, запирающийся сундук, зеркало и этажерка. Кадсуане была слишком стара и нетерпелива, чтобы беспокоиться о чем-то сверх того.

Сундук с замком служил обманкой, отвлекающей внимание; в нем она держала немного золота и прочие относительно бесполезные предметы. Самые ценные вещи Кадсуане либо носила на себе — это были ее тер'ангриалы в виде украшений, — либо запирала в потертой невзрачной шкатулке для документов, что стояла на этажерке у зеркала. Шкатулка была вырезана из старого дуба, краска на ней пооблупилась, а многочисленные царапины и сколы придавали ей вид вещи, которой пользуются много лет, — но при этом она не выглядела неуместной среди прочих пожитков Кадсуане. Когда Сорилея закрыла за

ними дверь, Кадсуане обезвредила оберегавшие шкатулку ловушки.

Ей казалось странным, что столь немногие Айз Седай пробовали экспериментировать с Единой Силой. Они выучивали традиционные и проверенные временем плетения, но редко у кого возникала мысль о том, чтобы придумать нечто новое, попытаться сделать шаг дальше. Да, верно, эксперименты с Силой могут привести к катастрофе, но многие простые опыты вполне безопасны. Именно такой придумкой и было плетение, созданное Кадсуане для этой шкатулки. До недавнего времени она применяла обычное плетение Огня, Духа и Воздуха, которое уничтожило бы содержимое шкатулки, если бы ее открыл кто-то чужой. Действенно, но слишком грубо.

Новое ее плетение было гораздо более многофункциональным. Оно не разрушало находившиеся в шкатулке предметы — Кадсуане не была уверена, что их вообще возможно уничтожить. Вместо этого особенные плетения — называвшиеся обращенными или инвертированными и невидимые никому, кроме своего создателя, — выбрасывали во все стороны извивающиеся пряди Воздуха и обездвиживали всякого, кто находился в комнате, когда открывалась шкатулка.

Затем другое плетение издавало громкий звук, подобный призыву сотни труб, а в воздухе, поднимая тревогу, вспыхивали яркие огни. Плетения срабатывали, если бы кто-то вздумал открыть шкатулку, сдвинуть ее с места или хотя бы едва коснуться ее легчайшей нитью Единой Силы.

Кадсуане откинула крышку. Чрезвычайные меры предосторожности — отнюдь не излишество, а насущная необходимость. Ибо в шкатулке находились два предмета, которые представляли громадную опасность.

Сорилея, подойдя ближе, внимательно рассматривала содержимое. Статуэтка в виде длиннобородого мудреца, держащего в поднятой над головой руке шар, имела в высоту около фута. Второй предмет представлял собой черный металлический ошейник, соединенный с двумя браслетами, — ай'дам, предназначенный для мужчины. С помощью этого тер'ангриала женщина могла превратить мужчину, способного направлять, в своего раба, взяв под контроль его способность прикасаться к Единой Силе. Возможно, она могла всецело подчинить его себе. Действие ошейника Айз Седай не испытывали. Ал'Тор запретил.

Не обращая внимания на статуэтку, Сорилея не

сводила взора с браслетов и ошейника. Шипящим шепотом она произнесла:

— Эта вещь — само зло.

— Да, — согласилась Кадсуане. Редко когда она называла простой предмет «злом», но этот был именно таким. — Найнив ал'Мира утверждает, что ей знакома подобная вещь. Мне не удалось вытянуть из девчонки, *откуда* ей известно о таких предметах, но она, по ее утверждениям, знает, что существовал лишь один мужской ай'дам, да и тот она приказала утопить в океане. Впрочем, она признает, что сама лично не видела, как он был уничтожен. Возможно, шончан воспользовались им как образцом.

— От одного его вида становится не по себе, — заметила Сорилея. — Если один из Предавшихся Тени или хотя бы кто-то из шончан захватит его с помощью этого…

— Да убережет всех нас Свет, — прошептала Бэйр.

— И вот с этими людьми, с теми, кто обладает такими вещами, ал'Тор желает заключить мир? — Сорилея покачала головой. — Для кровной вражды достаточно одного лишь того, что они создали эти отвратительные предметы. Слыхала, были и другие, похожие. Что с ними?

— Хранятся в других местах, — сказала Кадсуане, закрывая крышку. — Вместе с женскими ай'дамами, что мы заполучили. Кое-кто из моих знакомых — Айз Седай, удалившиеся от мира на покой, — испытывают их, ищут в них слабые места.

И еще у них был *Калландор*. Кадсуане очень не хотелось выпускать его из виду, но она понимала, что меч по-прежнему хранит тайны, которые еще предстоит раскрыть.

— Я храню ошейник тут, потому что намерена найти способ и испытать его на мужчине, — сказала Айз Седай. — Это лучшая возможность узнать о слабых местах этого предмета. Однако ал'Тор не позволит надеть его на кого-то из своих Аша'манов. Даже на короткий срок.

Бэйр стало не по себе.

— Это как проверять остроту копья, вонзив его кому-то в грудь, — пробормотала она.

Сорилея тем не менее согласно кивнула. Она понимала.

Как только женский ай'дам попал в руки Кадсуане, первым делом она надела ошейник на себя, чтобы отыскать способ избавиться от него. Разумеется, свой эксперимент она проводила в тщательно контролируемой обстановке, в

присутствии женщин, которым она доверяла и которые, если что, должны были ей помочь. В конце концов, к их помощи и пришлось прибегнуть. Кадсуане так и не нашла способов самостоятельно высвободиться из ошейника.

Но если враг планирует что-то с тобой сделать, ты обязан выяснить, как противостоять его замыслу. Пусть даже для этого тебе придется посадить себя на поводок. Вот этого ал'Тор и не понимает. Когда Кадсуане спросила его, он попросту принялся бормотать о «проклятом ящике» и о том, как его избивали.

— Мы должны что-то делать с этим мужчиной, — сказала Сорилея, встретившись взглядом с Кадсуане. — Со времени нашей прошлой встречи он стал хуже.

— И в самом деле так, — ответила Кадсуане. — Ему удивительным образом удается уклоняться от занятий со мной.

— Тогда давай кое-что обсудим, — предложила Сорилея, пододвигая к себе табурет. — Нужно составить план. На благо всех.

— На благо всех, — согласилась Кадсуане. — А в первую очередь — на благо самого ал'Тора.

Глава 15
Отправная точка

Ранд очнулся на полу в коридоре. Сел, прислушиваясь к далекому плеску воды. Ручей возле особняка? Нет… нет, что-то не так. Здесь стены и пол были каменными, а не из дерева. На голых каменных стенах не видно ни свечей, ни ламп, но темно не было — словно бы сам воздух светился.

Он поднялся на ноги, разгладил красную куртку. Удивительно, но страха он вовсе не чувствовал. Откуда-то это место было ему знакомо, по воспоминаниям, сокрытым где-то в глубинах памяти. Как он попал сюда? Недавнее прошлое будто бы подернулось облачной пеленой и ускользало от него, истаивая клочьями тумана…

«Нет», — твердо сказал себе Ранд. Подчиняясь его воле и решительности, воспоминания послушно встали на свои места. Он находился в доманийском загородном особняке, в комнате, которую им с Мин отвели, и ожидал доклада Руарка о захвате первых членов Купеческого совета. Мин, сидя в глубоком зеленом кресле, читала книгу — чье-то жизнеописание под названием

«Каждый замок».

Ранд чувствовал себя изнуренным, что часто случалось с ним в последнее время. Он прилег на кровать. Значит, он уснул и спит. Был ли это Мир снов? Хотя он и побывал там несколько раз, но знал о нем очень мало. Эгвейн и айильские ходящие-по-снам рассказывали о Мире снов крайне сдержанно.

Место, где оказался Ранд, чем-то отличалось от мира сновидений, но было странно знакомым. Он бросил взгляд вглубь коридора — тот был таким длинным, что терялся в полумраке. Монотонность каменного коридора нарушали лишь деревянные двери, рассохшиеся и потрескавшиеся, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. «Да… — подумал Ранд, хватаясь за воспоминание. — Я и в самом деле когда-то был тут, только очень недолго».

Ранд наугад выбрал одну из дверей — он знал, что не важно, на какую именно падет выбор, — и толкнул ее. За открывшейся дверью оказалась комната скромных размеров. Дальняя стена представляла собой ряд серых каменных арок, за которыми виднелся маленький дворик и небо с пылающими красными облаками. Облака громоздились и разрастались, как пузыри в кипящей

воде. Это были тучи надвигающейся бури, но было в них что-то неестественное.

Присмотревшись, он увидел, что каждое вновь возникавшее облако имело вид искаженного мукой лица с раскрытым в безмолвном крике ртом. Облако набухало и разрасталось, лицо перекашивалось, двигалась челюсть, раздувались и шли складками щеки, вылезали из орбит глаза. Затем облако разделялось на части, и на поверхности новых облаков вспучивались другие лица, вопящие и искаженные судорожными волнами. Зрелище одновременно завораживало и ужасало.

За пределами дворика не было земли. Только это жуткое небо.

Ранду не хотелось смотреть в левую часть комнаты. Туда, где находился камин. Камни, из которых был сделан пол и сложены сам камин и колонны, были деформированы, словно бы оплавленные невероятным жаром. Стоило чуть отвести от них взгляд, как они будто начинали смещаться и изменяться. Соотношение размеров и углов комнаты было каким-то неправильным, искаженным. Точно так же все обстояло и раньше, когда Ранд был здесь, давным-давно.

Однако кое-что на этот раз было по-другому.

Иные цвета. Многие камни оказались черными, будто бы обгоревшими, их покрывала сеточка трещин. В глубине они тускло светились красным, словно внутри каждого таилось ядро из раскаленной лавы. Здесь же когда-то был стол. Полированный, из дорогого дерева. Его обыденные линии рождали тревожный контраст с искаженными углами камней.

Стола не было, но перед камином, развернутые к камину, стояли два кресла. Высокие спинки могли скрыть любого, кто сидел в кресле. Ранд заставил себя сделать первый шаг вперед, и его сапоги сухо стукнули по обожженным камням. Он не чувствовал жара — ни от черных камней, ни от языков пламени в камине. Когда Ранд приблизился к креслам, у него перехватило дыхание и бешено забилось сердце. Он страшился того, что мог увидеть.

Обойдя кресла, Ранд увидел, что в левом из них сидит мужчина, высокий и моложавый, с квадратным лицом и старыми голубыми глазами, в которых отражался огонь камина, отчего их радужка казалась почти багровой. Второе кресло было пустым. Ранд подошел и сел, стараясь унять сердцебиение и глядя на пляшущее пламя. Он видел этого человека раньше — в видениях вроде

тех, что являлись ему, когда он вспоминал Мэта или Перрина.

На сей раз мысли о друзьях не вызвали цветного вихря в голове. Это было странно, но почему-то не стало для Ранда неожиданностью. Видения, в которых возникал мужчина, что сидел рядом, отличались от тех, где появлялись Перрин и Мэт. Они были более отчетливыми, в каком-то отношении более реальными. Порой в эти моменты Ранду казалось, что стоит ему только протянуть руку, и он коснется этого человека. Ранд боялся того, что могло бы произойти, поступи он так.

Только однажды Ранд встретился с этим человеком. В Шадар Логоте. Незнакомец спас Ранду жизнь, и юноша терялся в догадках, кто же это мог быть. Сейчас и именно здесь Ранд наконец-то понял.

— Ты мертв, — прошептал Ранд. — Я убил тебя.

Не отрывая взгляда от огня, мужчина рассмеялся. В низком, гортанном смехе не слышалось ни капли подлинного веселья. Когда-то Ранд знал этого человека под именем Ба'алзамон — таким было одно из имен Темного — и по глупой наивности решил, что, убив его, навеки победил Тень.

— Я видел, как ты умираешь, — произнес Ранд. — Я пронзил твою грудь Калландором.

Иша…

— Это не мое имя, — перебил его человек, все так же глядя на пламя. — Теперь меня знают как Моридина.

— Имя не имеет значения, — разозлившись, сказал Ранд. — Ты мертв, и это всего лишь сон.

— Всего лишь сон, — сказал Моридин, посмеиваясь. — Конечно.

Мужчина был облачен в черные кафтан и штаны, и черноту его одежд нарушала только красная вышивка на рукавах.

Моридин наконец посмотрел на Ранда. Пламя бросало красно-оранжевые отблески на его угловатое лицо и немигающие глаза.

— Почему ты всегда скулишь одно и то же? Всего лишь сон. Разве ты не знаешь, что многие сны гораздо достовернее мира яви?

— Ты мертв, — упрямо повторил Ранд.

— Как и ты. Кстати, я видел, как ты умираешь. Исторгнув бурю, взгромоздив целую гору как свой могильный курган. Какая заносчивость!

Льюс Тэрин — обнаружив, что погубил все и всех, кого любил, — призвал Единую Силу и уничтожил себя, воздвигнув при этом Драконову гору. Упоминание о тех событиях всегда пробуждало вопли скорби и ярости в голове Ранда.

Но на сей раз ничего не было. Тишина.

Моридин снова повернулся к негреющему пламени. Сбоку, в камнях, обрамлявших камин, Ранд уловил какое-то движение. Дрожащие клочки тени, едва различимые сквозь паутину трещин между камней. Изнутри пробивалось жарко-багровое свечение, будто от раскаленной лавы, и тени лихорадочно метались. Ранд напряг слух и сумел различить слабое, едва слышное царапанье. Крысы, понял он. Там, за этими камнями, крысы гибли от страшного жара, заключенного по ту сторону стены. Зверьки скреблись, пытаясь вырваться оттуда сквозь щели и спастись от всепожирающего огня.

Порой их крошечные лапки слишком походили на человеческие руки.

«Всего лишь сон», — настойчиво твердил себе Ранд. Всего лишь сон. Но он знал: Моридин говорит правду. Враг Ранда по-прежнему жив. О Свет! Сколько их еще вернулось? В гневе Ранд крепко обхватил пальцами подлокотник кресла. Наверное, он должен был бы прийти в ужас, но он давно перестал бегать и от этого создания, и от его хозяина. В нем не осталось места для страха. Вообще-то говоря, это Моридину следовало бояться, ведь в последнюю их встречу Ранд убил его.

— Каким образом? — требовательно спросил Ранд.

— Когда-то давным-давно я пообещал тебе, что Великий повелитель вернет твою потерянную любимую. Ты не задумывался, с какой легкостью он может возродить того, кто ему служит?

Темного, помимо прочих имен, звали также и Повелителем Могил. Да, так оно и есть, пусть даже Ранд и не хотел этого признавать. Стоило ли удивляться возвращению своих врагов, коли Темный способен воскрешать мертвых?

— Мы все перерождаемся, — продолжал Моридин, — вплетаемые в Узор вновь и вновь. Смерть — не преграда для моего повелителя, если не считать тех, кто познал погибельный огонь. Они — вне его власти. Чудо, что мы их еще помним.

Значит, некоторые из них все-таки мертвы. Дело в погибельном огне. Но как Моридин попал в сны Ранда? Ранд каждую ночь устанавливал малых стражей. Он бросил взгляд на Моридина, заметив что-то странное в его глазах. В белках глаз Моридина блуждали крошечные черные точки, словно частицы пепла, гонимые ленивым ветром.

— А ведь Великий повелитель может даровать тебе здравый рассудок, — промолвил Моридин.

— Когда в прошлый раз ты преподнес мне подобный дар, это не дало мне покоя, — сказал Ранд, удивляясь собственным словам. Это были воспоминания Льюса Тэрина, отнюдь не его собственные. Но при этом Льюс Тэрин пропал из его сознания. Странно, но в этом месте, где все остальное будто текло и искажалось, Ранд чувствовал себя каким-то образом внутренне устойчиво, будто бы стоящим на твердой земле. Части его собственного «я» складывались друг с другом лучше, будто подогнанные точнее. Конечно, неидеально, но лучше, чем прежде, — насколько он помнил.

Моридин глухо фыркнул, но ничего не сказал. Ранд снова отвернулся к огню, глядя, как дрожат и извиваются языки пламени. Подобно облакам за окном, они тоже образовывали фигуры, но то были безголовые тела — с мучительно выгибающимися спинами, они мгновение судорожно корчились в огне и, вспыхнув, исчезали без следа.

Какое-то время Ранд смотрел на пламя и размышлял. Со стороны можно было подумать, будто зимой у камина сели погреться два старых приятеля. Вот только тепла этот огонь не давал, и скоро Ранд снова убьет этого человека. Или

погибнет от его рук.

Моридин побарабанил пальцами по подлокотнику:

— Зачем ты пришел сюда?

«Я пришел?» — ошеломленно подумал Ранд. Разве не Моридин затащил его сюда?

— Я так устал, — продолжил Моридин, закрывая глаза. — Дело в тебе или во мне? Я бы придушил Семираг за эти ее фокусы.

Ранд нахмурился. Моридин сошел с ума? Ишамаэль под конец определенно был безумен.

— Сейчас нам не время драться, — заметил Моридин, махнув рукой в сторону Ранда. — Ступай. Оставь меня в покое. Не знаю, что случится, если мы убьем друг друга. Великий повелитель скоро получит тебя. Его победа неизбежна.

— У него не вышло тогда и ничего не выйдет снова, — сказал Ранд. — Я одолею его.

Моридин рассмеялся, все тем же бездушным смехом.

— Может, тебе и удастся, — заметил он. — Но неужели ты возомнил, будто это имеет значение? Подумай! Колесо вращается, снова и снова. Одна за другой сменяются эпохи, а люди сражаются с Великим повелителем. Но однажды он победит, и когда он победит, Колесо остановится. Вот почему

его победа неизбежна. Полагаю, произойдет все в эту эпоху, а если нет, так в следующую. Когда ты одерживаешь победу, ведет она лишь к новой битве. Когда же победит он, всему настанет конец. Разве ты не видишь, что для тебя нет надежды?

— Поэтому ты решил примкнуть к нему? — спросил Ранд. — Ты всегда обо всем думал, обо всем размышлял, Элан. Разве не твоя собственная логика тебя же и погубила?

— Нет пути к победе, — заявил Моридин. — Единственный путь — это следовать за Великим повелителем и править все то время, пока всему не настанет конец. Глупцы те, кто полагает иначе. Они стремятся к великим почестям и вечной жизни, но никакой вечности не будет. Есть только настоящее, самые последние дни.

Он снова рассмеялся и на этот раз — с радостью. С искренним удовольствием.

Ранд поднялся. Моридин бросил на него настороженный взгляд, но не встал.

— Способ победить есть, Моридин, — сказал Ранд. — Я намерен убить его. Уничтожить Темного. Пусть Колесо вращается, его он больше не запятнает.

Моридин никак не отреагировал. Он продолжал смотреть на огонь.

— Мы связаны, — наконец промолвил он. — Полагаю, именно поэтому ты попал сюда, хотя сам я еще не понимаю, в чем суть нашей связи. Сомневаюсь, что ты способен осознать всю бессмысленность своих слов.

Ранд ощутил вспышку гнева, но подавил ее. Он не позволит себя спровоцировать.

— Это мы еще посмотрим.

Ранд потянулся к Единой Силе. Она была далека, едва достижима. Ранд ухватился за нее и почувствовал, как его, словно бы подхваченного нитью саидин, выдергивает прочь из этого места. Комната исчезла, вслед за ней и Единая Сила, а Ранд погрузился в кромешную тьму.

Ранд наконец перестал метаться во сне, и Мин затаила дыхание, надеясь, что это не повторится. Подобрав под себя ноги и завернувшись в одеяло, она сидела в углу комнаты в кресле и читала. Подрагивающий неровный свет лампы освещал высящуюся на низком столике стопку старых, пахнущих пылью книг. «Осыпающийся сланец», «Знаки и комментарии», «Памятники минувшего». Книги по истории большей частью.

Ранд тихо вздохнул, но не пошевелился. Мин облегченно выдохнула и откинулась на спинку кресла, заложив пальцем страницу в томике

«Размышлений Пелатеоса». Сквозь закрытые на ночь ставни было слышно, как в соснах шелестит ветер. В комнате еще слегка пахло дымом от того странного пожара. Находчивость и быстрота Авиенды превратили возможное бедствие в небольшое, хотя и неприятное происшествие. Впрочем, нельзя сказать, что за этот поступок девушку ждало вознаграждение. Хранительницы Мудрости продолжали нагружать ее работой, как торговец поклажей — своего последнего мула.

Хотя в одном лагере они находились уже довольно долго, Мин до сих пор так и не удалось улучить момент, чтобы поговорить с Авиендой. Она не знала, что и думать об этой женщине. После того вечера, который они провели за *ооскваи*, девушки несколько сблизились, и напряженность в отношениях заметно спала. Но в один день друзьями не становятся, да и после той выпивки Мин явно чувствовала себя не очень уютно.

Мин снова посмотрела на Ранда — тот лежал на спине, с закрытыми глазами, дыхание стало ровным. Искалеченная левая рука лежала поверх одеяла. Мин не понимала, как ему удается заснуть с этими ранами в боку. Едва подумав о ранах Ранда, девушка ощутила, как они болят, —

эта боль была частью клубка эмоций Ранда в глубине ее разума. Мин научилась не обращать на боль внимания. Вынуждена была научиться. Но Ранду приходилось во много раз хуже. Она не понимала, как он выносит эту боль.

Мин не была Айз Седай — благодарение Свету! — но каким-то образом связала его с собой узами. Это было поразительно: она знала, где он находится, чувствовала, если он расстроен. Чаще всего ей удавалось отгородиться от его эмоций, чтобы они не захлестнули ее, но только если речь не шла о моментах страсти. Но какая женщина не хочет, чтобы в такие мгновения ее переполняли чувства? Это было… Узы делали их особенно пьянящими, позволяли ей чувствовать и свое желание, и неистовую бурю страсти Ранда.

Подобные мысли заставили Мин покраснеть, и, чтобы отвлечься от них, девушка поспешила открыть «Размышления». Ранду нужно спать, и она не станет тревожить его покой. К тому же необходимо продолжать штудировать книги, хотя в них она натолкнулась на умозаключения, которые ей не понравились.

Раньше книги принадлежали Гериду Филу, добродушному старику-ученому, который появился в созданной Рандом в Кайриэне школе. Мин

улыбнулась, вспомнив его рассеянную манеру говорить и его странные и путаные — но при этом выдающиеся — открытия.

Теперь же Герид Фил мертв — убит, растерзан отродьем Тени. Что-то он обнаружил в своих книгах, и об этом он намеревался рассказать Ранду. Его находка касалась Последней битвы и печатей на узилище Темного. Фила убили до того, как он успел передать эти сведения. Возможно, это было случайным совпадением; возможно, книги не имели никакого отношения к гибели ученого. Но вполне возможно, из-за них он и погиб. Мин была преисполнена решимости найти ответы. Ради Ранда и ради самого Герида.

Девушка отложила «Размышления» и взяла «Думы среди развалин» — сочинение почти тысячелетней давности. Страницы в книге были заложены небольшой полоской бумаги, ныне заметно истертой, — это была та самая записка, которую Герид послал Ранду незадолго до убийства. Мин повертела ее в пальцах и перечитала еще раз.

«Вера и порядок дают силу. Не начинай строить, не расчистив площадку. Придешь в следующий раз — все объясню. Девчонку не приводи, уж больно хорошенькая».

Мин думала, что, читая книги Фила, сумеет проследить ход его мыслей. Ранду необходимы были знания о том, как запечатать узилище Темного. Смог ли Фил обнаружить то, что — как ей представлялось — отыскала она?

Девушка покачала головой. Ей ли пытаться разрешить научную загадку? Но если не ей, то кому же? С такой задачей лучше справилась бы какая-то сестра из Коричневой Айя, но можно ли им доверять? Даже те, кто поклялся Ранду в верности, могут решить, что ради блага самого же Ранда будет лучше сохранить итоги своих розысков в тайне от него. Сам Ранд был слишком занят, а в последнее время и слишком нетерпелив, чтобы корпеть над книгами. Оставалась только Мин. Она уже начала складывать воедино кое-что из того, что Ранду предстоит сделать, но куда больше — гораздо больше — оставалось по-прежнему неизвестным. Мин чувствовала, что приближалась к разгадке, но тревожилась о том, как ей рассказать Ранду о своих находках. Как он их воспримет?

Девушка вздохнула, задумчиво листая страницы. Кто бы мог подумать, что она, именно она, потеряет голову от мужчины! Но так случилось, и вот она следует за ним повсюду, ставя его инте-

ресы выше собственных. Это не значит, что Мин была его игрушкой, что бы ни болтали некоторые в лагере. Она была с Рандом потому, что любила его, и она чувствовала — в буквальном смысле, — что он отвечает на ее любовь взаимностью. Несмотря на жестокость, которая мало-помалу охватывала его все больше, несмотря на гневливость и безрадостность его жизни, он любил ее. И Мин делала все, что могла, чтобы помочь ему.

Если же ей удастся помочь ему разрешить одну эту загадку, загадку печатей узилища Темного, то она сделает что-то не только для Ранда, но и для целого мира. Какая разница, что солдаты в лагере знать не знают, насколько она важна? Даже к лучшему, если все будут думать, что на нее не стоит обращать внимания. Наемный убийца, решивший добраться до Ранда, вряд ли счел бы Мин помехой для себя. Но очень скоро он бы пожалел о своей ошибке, познакомившись с припрятанными у нее в рукавах острыми ножами. Пусть с ними Мин обращается и не так искусно, как Том Меррилин, но для того, чтобы убивать, ее умений вполне достаточно.

Ранд заворочался было во сне, но успокоился вновь. Мин любила его. Не она сделала такой выбор, но ее сердце — или Узор, или Создатель, или

что там управляет подобными вещами — так решило за нее. И теперь она ни на что не променяла бы это чувство. Даже если это означает опасность, если приходится мириться с косыми взглядами людей в лагере, даже если это означает… делить его с другими.

Ранд снова пошевелился. На этот раз он испустил стон и, открыв глаза, сел. Ранд поднял руку к голове; почему-то сейчас у него был намного более усталый вид, чем тогда, когда ложился спать. На нем было лишь нижнее белье, и грудь была обнажена. С минуту он сидел так, а потом встал и подошел к закрытому ставнями окну.

Мин захлопнула книгу:

— И куда же ты собрался, овечий пастух? Ты проспал едва ли пару часов!

Он распахнул ставни и открыл окно, устремив взгляд в темноту ночи. От резкого порыва ветра затрепетало пламя лампы.

— Ранд? — окликнула его Мин.

Когда он ответил, девушка едва расслышала его голос.

— Он у меня в голове. Во время сна его не было. А сейчас он вернулся.

Мин захотелось вжаться поглубже в кресло, но девушка поборола себя. О Свет, она терпеть

не могла разговоры о безумии Ранда. Она так надеялась, что, очистив саидин, он освободится от вызываемого порчей безумия.

— Он? — спросила она, стараясь говорить спокойным тоном. — Это голос… Льюса Тэрина?

Юноша развернулся от окна, на фоне затянутого облаками ночного неба его лица почти не было видно — слабый свет лампы оставлял в тени его черты.

Мин, отложив книгу, поднялась с кресла, подошла к Ранду и встала рядом с ним.

— Ранд, — сказала девушка. — Тебе нужно с кем-то поговорить. Нельзя держать все внутри.

— Я должен быть сильным.

Она взяла его за плечо, разворачивая к себе:

— Избегаешь меня? От этого ты становишься сильным?

— Я не…

— Не надо, не отнекивайся. Я же вижу по твоим айильским глазам — что-то у тебя в голове творится. Ранд, неужели ты думаешь, что я перестану любить тебя из-за того, что тебе какие-то голоса слышатся?

— Тебя это напугает.

— Ах, — сказала Мин, складывая руки на груди. — Значит, по-твоему, я нежный цветочек?

Ранд открыл рот, пытаясь подобрать слова, как уже когда-то было. Тогда, когда он был всего лишь пастухом, угодившим в приключение.

— Мин, я знаю, что ты сильная. И ты знаешь, что я это знаю.

— Тогда поверь: мне по силам вынести то, что таится внутри тебя, — заявила она. — Мы не можем притворяться, будто ничего не произошло. — Мин заставила себя шагнуть еще ближе к нему. — Порча оставила на тебе свой след. Я это знаю. Но если ты со мной не можешь этим поделиться, тогда с кем?

Ранд пятерней взъерошил себе волосы, затем отвернулся и принялся мерить шагами комнату.

— Чтоб оно все сгорело, Мин! Если враги прознают о моих слабостях, они их используют. Я будто слепой. Бегу во мраке по неведомой тропе. Я даже не знаю, есть ли рытвины на дороге или эта треклятая штука кончается обрывом!

Когда расхаживавший по комнате Ранд оказался рядом, девушка остановила его, положив ладонь ему на руку.

— Расскажи мне.

— Ты решишь, что я безумен.

Она фыркнула:

— Я уже думаю, что ты непрошибаемый дурень

с шерстью вместо мозгов. Куда уж хуже?

Ранд посмотрел на Мин, и его напряженное лицо немного смягчилось. Он присел на краешек кровати, тихо вздохнув. Но это уже было кое-что.

— Семираг была права, — произнес Ранд. — Я слышу… нечто. Голос. Голос Льюса Тэрина, Дракона. Он говорит со мной и откликается на то, что происходит вокруг. Иногда он пытается перехватить у меня саидин. И… иногда это ему удается. Он неудержим, Мин. Безумен. Но то, что он способен творить с Единой Силой, просто поразительно.

Ранд замер, устремив взор куда-то вдаль. Мин содрогнулась. О Свет! Он позволил, чтобы голос у него в голове завладел Единой Силой? Что это значит? Что он допустил, чтобы безумная часть его сознания взяла верх?

Он покачал головой:

— Семираг утверждает, будто это сумасшествие, выверты моего разума, но Льюсу Тэрину известно многое — то, чего я не знаю. О прошлом, о Единой Силе. У тебя было видение обо мне, в котором два человека сливались в одного. Это значит, что мы — Льюс Тэрин и я — различны! Мы — это два человека, Мин! Он — есть.

Девушка подошла к нему и села рядом:

— Ранд, он — это ты. Или ты — это он. Вплетен-

ный в Узор вновь. Эти воспоминания и то, что ты способен делать, — все это осталось от того, кем ты был прежде.

— Нет, Мин, — сказал Ранд. — Он безумен, а я — нет. Вдобавок он потерпел поражение. Я не проиграю. Не будет этого, Мин. Я не причиню боли тем, кого люблю, как сделал он. И когда я повергну Темного, то сделаю так, чтобы он не мог спустя недолгое время вернуться и снова терзать нас страхом.

Три тысячи лет — «недолгое время»? Мин обеими руками обняла Ранда.

— Так ли это важно? — спросила она. — Другой это человек или просто воспоминания из прошлого, эти знания полезны.

— Да, — промолвил Ранд, вид у него опять стал отсутствующим. — Но я боюсь использовать Единую Силу. Всякий раз я рискую тем, что он перехватит у меня ее поток. Ему нельзя доверять. Он не хотел ее убивать, но куда деваться от факта, что именно он убил ее. О Свет… Илиена…

Неужели со всеми остальными тоже так происходило? Каждый из них считал, что сам он — вполне в здравом рассудке и что это другой, где-то внутри его, творит ужасные вещи?

— С этим покончено, Ранд, — сказала Мин,

крепче обнимая его. — Чем бы ни был тот голос, хуже уже не будет. Саидин очищена.

Ранд не ответил, но заметно расслабился. Девушка закрыла глаза, радуясь ощущению его тепла рядом с собой, тем более что окно он оставил распахнутым.

— Ишамаэль жив, — произнес Ранд.

Мин широко раскрыла глаза:

— Что?

А она только-только начала чувствовать себя спокойно!

— Я попал в Мир снов и встретился с ним, — сказал Ранд. — И не надо спрашивать, я сразу отвечу, что нет. Это не было каким-то кошмаром, и это не было приступом безумия. Все было по-настоящему, и я не могу объяснить, откуда это знаю. Просто поверь мне.

— Ишамаэль… — прошептала Мин. — Ты же убил его!

— Да, — сказал Ранд. — В Тирской Твердыне. Он вернулся, с новым лицом и под другим именем, но это он. Мы должны были догадаться, что такое случится. Без боя Темный не откажется от столь полезных инструментов. И могила не преграда для него.

— Тогда как мы победим? Если все, кого мы

убиваем, возвращаются вновь…

— Погибельный огонь, — промолвил Ранд. — Он уничтожит их навеки.

— Кадсуане говорит…

— Мне нет дела до того, что говорит Кадсуане, — перебил он девушку. — Она мой советник и дает советы. Только советы. Я — Дракон Возрожденный, и мне решать, как нам вести битву. — Он замолчал, глубоко вздохнув. — В любом случае не важно, вернутся ли Отрекшиеся, не важно, что или кого Темный нашлет на нас. В конце концов, если это возможно, я уничтожу его. Если же нет, то я хотя бы запечатаю его в узилище так надежно, что мир сможет забыть о нем.

Ранд посмотрел на Мин:

— А для этого… мне нужен этот голос, Мин. Льюс Тэрин многое знает. Или… или я знаю. Так или иначе, это знание есть. Можно сказать, Темного уничтожит оставленная им порча, ведь именно она дала мне связь с Льюсом Тэрином.

Мин бросила взгляд на книги. Полоска бумаги со строчками Герида по-прежнему выглядывала из толстого томика «Дум среди развалин».

— Ранд, — промолвила девушка, — тебе нужно разрушить печати на узилище Темного.

Нахмурившись, он посмотрел на нее.

— Я уверена в этом. Все это время я перечитывала книги Герида и думаю, именно это он имел в виду под «расчисткой». Чтобы возвести заново узилище Темного, тебе нужно сначала вскрыть его. Снять заплату, которую наложили на Скважину.

Мин ожидала, что он откажется поверить. К ее огромному удивлению, Ранд просто кивнул.

— Да, — произнес он. — Да, в этом есть смысл. Сомневаюсь, правда, что многие обрадуются, услышав такое. Если сломать печати, то невозможно предсказать, что произойдет дальше. Если мне не удастся сдержать его…

Пророчества не утверждали, что Ранд победит. Только то, что он будет сражаться. Мин снова поежилась — проклятое окно! — но посмотрела Ранду в глаза:

— Ты победишь. Ты одолеешь его.

Ранд вздохнул:

— Веришь в безумца, Мин?

— Верю в тебя, овечий пастух.

Неожиданно вокруг Ранда закружились образы. Обычно девушка не обращала на видения внимания, если только не появлялось что-то новое, но сейчас она стала выхватывать отдельные образы. Светлячки, гаснущие во мраке. Три жен-

щины перед погребальным костром. Вспышки света, тьма, тени, знаки смерти, короны, раны, боль и надежда. Вокруг Ранда ал'Тора бешено кружился вихрь сильнее любой бури, порожденной силами природы.

— Все равно нам неизвестно, что делать, — сказал он. — Печати настолько хрупки, что я способен сломать их руками, но что потом? Как мне остановить его? Об этом есть что-то в твоих книгах?

— Трудно сказать, — признала Мин. — Подсказки — если это действительно подсказки — весьма расплывчаты. Буду искать дальше. Обещаю. Я найду для тебя ответы.

Ранд кивнул, и Мин с удивлением ощутила через связывающие их узы его доверие. В последнее время он пугающе редко испытывал к кому-то это чувство, но сейчас Ранд и в самом деле казался мягче, чем прежде. Все тот же камень, но, похоже, по нему пробежали трещинки, дающие ей возможность проникнуть внутрь. Это было начало.

Мин еще крепче обняла Ранда и снова закрыла глаза. Начало положено, но времени оставалось так мало. Нужно успеть.

Аккуратно заслоняя ладонью горящую свечу, Авиенда зажгла висящий на шесте фонарь. Пламя

задрожало, разгорелось, осветило пространство возле шеста. Вокруг рядами выстроились шатры, откуда доносился храп спящих солдат. Вечер был холодным, в отдалении шумели на ветру ветви деревьев. Заухала одинокая сова. Авиенда очень устала.

Уже полсотни раз она пересекла луг — зажигала фонарь, потом задувала его и бегом неслась в особняк, а там девушка опять зажигала свою свечу и осторожно — не позволяя ветру загасить огонек — шагала обратно, чтобы снова зажечь фонарь.

Еще месяц подобных наказаний, и она превратится в такую же сумасшедшую, как мокроземцы. Вот проснутся однажды Хранительницы Мудрости и увидят, как она купается в реке, или несет мех, лишь наполовину наполнив его водой, или даже в охотку носится верхом на лошади! Авиенда чувствовала себя совершенно обессиленной и не способной ни о чем думать. Она вздохнула и в надежде наконец-то лечь спать направилась было в ту часть лагеря, где темнели айильские палатки.

За спиной у нее кто-то стоял.

Девушка вздрогнула, рука сама собой потянулась к кинжалу, но, узнав Эмис, Авиенда

успокоилась. Из всех Хранительниц Мудрости только она — бывшая Дева — могла так незаметно подкрасться к Авиенде.

Хранительница Мудрости стояла, сложив руки перед собой, коричневые шаль и юбка слегка колыхались на ветру. От одного особенно холодного порыва у Авиенды по коже побежали мурашки. Серебристые волосы Эмис казались почти призрачными в вечернем свете; в них застряла принесенная ветром сосновая иголка.

— К своим наказаниям, дитя мое, ты подходишь с таким… рвением, — промолвила Эмис.

Авиенда опустила глаза. Обращать внимание на то, чем она занималась, означало позорить ее. Неужели у нее вышел срок? Хранительницы Мудрости в конце концов махнули на нее рукой?

— Прошу вас, Хранительница Мудрости. Я делаю то, что велит долг.

— Да, это так, — сказала Эмис. Она провела рукой по волосам, вытащила из них сосновую иголку и бросила ее в жухлую траву. — И в то же время нет. Иногда, Авиенда, нас так волнует то, что мы сделали, что не задумываемся о том, чего же мы *не* сделали.

Авиенде оставалось лишь порадоваться темноте, которая скрыла проступившую у нее на

щеках краску стыда. Вдалеке, отбивая время, солдат принялся звонить в вечерний колокол; прозвучало одиннадцать мелодично-печальных ударов. Как ответить на замечание Эмис? Казалось, правильного ответа не было вовсе.

Авиенду выручила вспышка света возле лагеря — хотя и слабая, но без труда заметная в темноте.

— Что такое? — спросила Хранительница Мудрости, проследив за взглядом Авиенды и обернувшись в сторону вспышки.

— Свет, — ответила она. — С площадки для Перемещений.

Эмис нахмурилась, и они обе направились к площадке. Вскоре им встретились Дамер Флинн и Даврам Башир, двигавшиеся к лагерю в сопровождении немногочисленного отряда салдэйцев и айильцев. Авиенда не знала, что и думать о таком существе, как Флинн. Да, саидин очищена от порчи, но этот мужчина, как и многие другие, пришел обучаться задолго до того, как это произошло. Сама Авиенда скорее обняла бы Затмевающего Зрение, чем поступила бы так, как он, но Аша'маны *уже* доказали, что являются могущественным оружием.

Эмис и Авиенда отступили в сторону, пропуская

небольшой отряд, который спешил к особняку, освещенному лишь подрагивающим пламенем факелов и отсветом затянутого тучами неба. Отряд, отправленный на встречу с шончан, состоял по большей части из солдат Башира, но с ними отправили и несколько Дев. С одной из них, немолодой женщиной по имени Корана, Эмис встретилась взглядом, и та отделилась от группы. Хотя темнота не позволяла судить наверняка, вид у Девы был встревоженный. Возможно, даже рассерженный.

— Какие новости? — спросила у нее Эмис.

— Эти захватчики, шончан, — Корана чуть ли не выплюнула это слово, — согласились еще на одну встречу с Кар'а'карном.

Эмис кивнула. Корана, однако, громко засопела. Холодный ветер взъерошил ее короткие волосы.

— Говори, — сказала Эмис.

— Кар'а'карн слишком уж стремится к миру, — ответила Корана. — Эти шончан дали ему повод объявить им кровную вражду, а он им угождает и готов потворствовать. Я чувствую себя выдрессированной собакой, которую послали вылизать ноги какому-то чужаку.

Эмис взглянула на Авиенду:

— А что скажешь об этом ты, Авиенда?

— Сердцем я согласна с ее словами, Хранительница Мудрости. Хотя Кар'а'карн, бывает, и ведет себя безрассудно, на сей раз о глупости и речи нет. Разум мой согласен с ним, и в этом случае я прислушаюсь к разуму.

— Как ты можешь так говорить? — вскинулась Корана. Она особо выделила «ты», словно намекая, что кто-кто, а уж Авиенда — недавняя Дева — должна ее понять.

— Что важнее, Корана? — ответила Авиенда, вздернув подбородок. — Твоя распря с другой Девой или кровная вражда, объявленная кланом своему врагу?

— Разумеется, клан превыше всего. Но при чем тут это?

— Шончан заслуживают войны, — сказала Авиенда, — и ты права, просить их о мире невыносимо. Но не забывай, у нас есть враг куда страшнее. Сам Затмевающий Зрение объявил кровную вражду всем людям, и наш долг выше, чем раздоры между народами.

Эмис кивнула и промолвила:

— Мы еще покажем шончан силу наших копий. Но сейчас не время.

Корана покачала головой:

— Хранительница Мудрости, ты говоришь,

как мокроземка. Какое нам дело до их историй и пророчеств? Долг Ранда ал'Тора как Кар'а'карна превыше его долга перед мокроземцами. Он должен привести нас к славе.

Эмис суровым взглядом впилась в светловолосую Деву:

— Ты говоришь, как Шайдо.

Какое-то мгновение Корана выдерживала взгляд Эмис, но потом опустила взор и отвернулась.

— Прошу прощения, Хранительница Мудрости, — наконец сказала она. — Я навлекла на себя тох. Но ты должна знать, что у себя в лагере шончан держат Айил.

— Что? — переспросила Авиенда.

— Они посадили их на привязь, — сказала Корана, — как своих прирученных Айз Седай. Подозреваю, выставили их как трофеи к нашему прибытию. Среди них я узнала многих Шайдо.

Эмис тихо зашипела. Не важно, Шайдо они или нет, но превратить айильцев в дамани — смертельное оскорбление. И вдобавок шончан похвалялись своими пленниками. Пальцы Авиенды крепко обхватили рукоять кинжала.

— Что ты теперь скажешь? — Эмис смотрела на Авиенду.

Авиенда в гневе стиснула зубы, потом промолвила:

— То же самое, Хранительница Мудрости. Хотя лучше бы я отрезала себе язык, чем признала это.

Эмис кивнула, вновь обратив свой взор на Корану.

— Не думай, Корана, что мы закроем глаза на подобное оскорбление, — сказала Хранительница Мудрости. — Придет еще время для мести. Когда эта война закончится, на шончан обрушится буря наших стрел и они познают остроту наших копий. Но не раньше. Ступай и расскажи двум вождям кланов то, что ты сказала мне.

Корана кивнула — она искупит свой тох позже, наедине с Эмис, — и ушла. Дамер Флинн и его спутники уже добрались до особняка. Собираются ли они разбудить Ранда? Сейчас он спал, хотя прямо посреди вечернего наказания Авиенда вынуждена была поставить барьер перед тем, что передавалось ей через узы, — чтобы избавиться от ощущения, будто она подсматривает. По крайней мере, она бы предпочла, чтобы те чувства, что докатывались по узам, приходили к ней напрямую.

— Среди копий пойдут опасные разговоры, —

задумчиво произнесла Эмис. — Будут призывать к нападению, требовать, чтобы Кар'а'карн отказался от попыток заключить мир.

— А если он откажется, останутся ли они с ним? — спросила Авиенда.

— Конечно останутся, — сказала Эмис. — Они же Айил. — Хранительница Мудрости посмотрела на Авиенду. — У нас мало времени, дитя мое. Пожалуй, пора перестать с тобой нянчиться. Назавтра я придумаю для тебя наказание подейственней.

«Перестать нянчиться? — Авиенда проводила взглядом удалявшуюся Эмис. — Как будто можно придумать что-то еще бесполезней и унизительней!»

Но девушка давно поняла, что не стоит недооценивать Эмис. Вздохнув, Авиенда трусцой побежала к своей палатке.

Глава 16
В Белой Башне

Мне интересно узнать мнение послушницы. Расскажи-ка, Эгвейн ал'Вир, как бы ты вышла из положения?

Удивленная, Эгвейн оторвала взгляд от плошки со скорлупками, застыв с длинными стальными щипцами в одной руке и смахивающим на луковичку орехом в другой. Впервые к ней обратилась одна из присутствовавших здесь Айз Седай. А девушка уже стала думать, что визит к троице Белых сестер вновь окажется напрасной тратой времени.

На этот раз занятие с ней проводили на небольшом, углубленном в нишу стены балконе на третьем этаже Белой Башни. Восседающие могли потребовать себе покои не только с большими, во всю высоту комнаты, окнами, но вдобавок и с балконами — подобные апартаменты для рядовых сестер хотя и не были чем-то неслыханным, однако все же редкостью. Выступающий наружу балкончик имел вид башенки, ограниченной полукружием крепкого каменного парапета,

которому соответствовал нависавший сверху козырек. Между каменными бортиками оставалось немалое пространство, и с балкона открывался чудный вид на восток: череда возвышавшихся холмов уходила вдаль, до самого Кинжала Убийцы Родичей. Должно быть, отсюда в ясный день можно разглядеть и сам далекий Кинжал.

По балкону гулял прохладный ветерок; здесь, высоко, воздух был свеж — в нем не ощущалось ни следа той вони, которая пропитала город внизу. Внутри каменную кладку справа и слева от проема обвивала парочка прилипчивых остролистов — с листьями-трезубцами и колючими стеблями, — и из-за обилия похожих на лианы цепких отростков стены напоминали каменные руины, скрытые в лесной чаще. Как показалось Эгвейн, такие растения уж слишком пышно украшали покои Белой, а ведь Феране и без того слыла едва ли не тщеславной. Наверное, ей льстило, что ее балкон так не похож на остальные, пусть правила и обязывали подрезать лианы, дабы они не портили блестящий вид величественной Башни.

Три Белые сестры устроились в плетеных креслах за низким столиком. Эгвейн сидела напротив них на плетеном табурете, спиной к великолепному пейзажу, не имея возможности даже

краешком глаза на него взглянуть, и занималась тем, что колола для Айз Седай орехи. Для этого те могли вызвать служанку или кого-нибудь из тех, кто трудился подручным на кухне. Однако подобную работенку сестры предпочитали поручать послушницам, считая, будто те слишком часто болтаются без дела.

Сначала Эгвейн думала, что возня с орехами — просто предлог, чтобы привести ее сюда. Но, просидев тут битый час, за который никто не соизволил обратить на нее ни малейшего внимания, девушка уже начала сомневаться в своих предположениях, но вот теперь все трое пристально смотрели на нее. Так что стоит доверять интуиции.

У Феране, как у всякой доманийки, была медного оттенка кожа и доманийский же, совершенно несвойственный Белым, темперамент. Она была невысокой, с круглым, как яблоко, лицом и блестящими темными волосами. Золотисто-каштановое платье — тонкое и полупрозрачное, но все же вполне пристойное, — перехватывал на талии широкий белый пояс, под цвет шали, что сейчас лежала у нее на плечах. Вышивка обильно украшала одеяние Феране, а сама его ткань, очевидно намеренно, указывала на доманийское

происхождение хозяйки.

Две другие сестры, Мийаси и Тэсан, были облачены в белое, как будто они опасались, что одежда иных цветов явилась бы предательством по отношению к их Айя. Подобные предубеждения становились все более расхожими среди Айз Седай. У тарабонки Тэсан темные волосы были заплетены в украшенные белыми и золотистыми бусинками косы, обрамлявшие узкое лицо, которое, казалось, кто-то ухватил сверху и снизу и с силой растянул. Вид у нее всегда был крайне озабоченный. Возможно, виной тому наступившие смутные времена. Свет свидетель, им всем было о чем беспокоиться.

Более спокойным характером отличалась Мийаси, высокая и полная. Ее серо-стального цвета волосы были собраны в пучок на макушке, однако ничто в невозмутимом, свойственном Айз Седай лице не выдавало тех многих лет, которые так обильно припорошили серебром ее волосы. Мийаси предпочитала, чтобы орехи ей всегда подавали по-особому: никаких осколков или поврежденных ядрышек, лишь целые половинки. Поэтому Эгвейн очень аккуратно извлекла из только что расколотой скорлупы половинку ореха и сразу же протянула Мийаси; маленькое

коричневое ядрышко было все в морщинках и бороздках, точно мозг какой-то крошечной зверюшки.

— О чем ты спросила, Ферране? — осведомилась Эгвейн, расколов очередной орех и бросая скорлупки в стоявшую у ног плошку.

Услышав столь непочтительное обращение, Белая сестра лишь слегка нахмурилась. Они уже начинали привыкать к тому, что эта «послушница» редко ведет себя сообразно своему положению.

— Я спросила, — холодно проговорила Ферране, — как бы ты поступила на месте Амерлин. Считай этот вопрос частью обучения. Тебе известно следующее: Дракон возродился, а Башня обязана обрести руководство над ним в преддверии Последней битвы. Как бы ты с ним обращалась?

Любопытный вопрос. Не очень-то он похож на часть «обучения». Но и намека на недовольство Элайдой в голосе Ферране не слышалось. Зато сквозило полнейшее презрение к Эгвейн.

Остальные две Белые сестры хранили молчание. Ферране была восседающей, и они подчинялись ей.

«Она слышала, как часто я упоминала о провале Элайды с Рандом, — подумала Эгвейн, глядя

в глаза Феране цвета черной стали. — Вот как. Значит, решили устроить мне проверку?» Что ж, нужно быть крайне осторожной.

— Для начала я послала бы нескольких сестер в деревню, откуда он родом, — произнесла Эгвейн, потянувшись за очередным орехом.

— Чтобы припугнуть его семью? — осведомилась Феране, удивленно подняв бровь.

— Разумеется, нет, — отозвалась Эгвейн. — Чтобы порасспросить их. Кто он, этот Дракон Возрожденный? Вспыльчив ли он и насколько, подвержен страстям? Или же он человек спокойный, рассудительный и предусмотрительный? Каков он из себя — предпочитал в одиночестве проводить время в полях или легко обзаводился друзьями из числа молодежи? Где его легче найти — в таверне или в мастерской?

— Но ты-то ведь и так его знаешь, — пронзительным голосом заметила Тэсан.

— Да, знаю, — ответила Эгвейн, раскалывая орех. — Но мы ведь говорим о предположительной ситуации.

«Лучше бы вам помнить, что в том реальном, большом мире я хорошо знакома с Драконом Возрожденным. И знаю его так, как никто другой в этой Башне».

— Предположим, что ты — это ты, — сказала Феране. — А он — это Ранд ал'Тор, твой друг детства.

— Хорошо.

— Тогда скажи, — продолжила Феране, чуть подавшись вперед, — к людям какого сорта, из тех, что ты только что перечислила, относится этот Ранд ал'Тор?

Эгвейн ответила не сразу.

— Ко всем сразу, — наконец произнесла она, ссыпая кусочки разломавшегося орехового ядрышка в плошку к другим таким же. Мийаси, разумеется, к раскрошившимся орехам и не прикоснется, но остальные две Айз Седай были не столь разборчивы. — Если бы я была я, а Ранд был Драконом, я бы сказала, что он — человек разумный — для мужчины, конечно. Пусть даже временами он излишне упрям. Ну, не временами, а почти всегда. Важнее же то, что в глубине души он хороший человек. Так что мой следующий шаг — послать к нему сестер, чтобы те предложили наставлять и направлять его.

— А если бы он отверг такое предложение? — поинтересовалась Феране.

— Тогда я бы послала шпионов, — ответила Эгвейн. — Чтобы выяснить, остался ли он тем

человеком, которого я когда-то знала.

— А пока ты выжидаешь и шпионишь за ним, он бы наводил ужас на всю округу, сея смуту и опустошение, и собирал под свои знамена войска.

— Разве это не то, что мы от него хотим? — парировала Эгвейн. — Не думаю, что мы, даже если бы захотели, помешали бы ему завладеть Калландором. Ему удалось восстановить порядок в Кайриэне, объединить Тир и Иллиан под властью одного правителя, и он, по-видимому, завоевал также и благосклонность Андора.

— Не говоря уже о покорении тех Айил, — промолвила Мийаси, потянувшись за горстью ореховых половинок.

Эгвейн бросила на нее пронзительный взгляд:

— Никто не может покорить Айил. Ранд добился их уважения. Я была тогда вместе с ним.

Мийаси так и застыла с протянутой к плошке рукой. Она тряхнула головой, отводя взор от Эгвейн, затем запустила руку в плошку и потом снова откинулась на спинку кресла. Здесь, на балконе, поддувал прохладный ветер, едва слышно шуршали тонкие стебли вьющихся растений, которые — к величайшему недовольству Феране, о чем она не раз говорила, — в эту весну были не

так зелены, как им бы следовало быть. Эгвейн снова принялась колоть орехи.

— Кажется, — заметила Феране, — что ты попросту позволила бы ему сеять хаос там, где вздумается.

— Ранд ал'Тор, он как река, — отвечала Эгвейн. — Спокойная и мирная, если ее не трогать, но если ужать ее слишком сильно, тогда она превращается в яростный, несущий смерть поток. То, что сделала с ним Элайда, — все равно что попытаться втиснуть всю Манетерендрелле в ущелье шириной всего в пару футов. Выжидать, чтобы узнать побольше о нраве человека, не так уж и глупо, и ни в коей мере это не признак слабости. Действовать, не обладая необходимыми сведениями, — глупое безрассудство, и Белая Башня заслужила те потрясения, которые сама же и вызвала.

— Возможно, — обронила Феране. — Но ты так и не рассказала, как бы *ты* вышла из положения, когда бы собрала все нужные сведения, а время на ожидание уже закончилось.

Феране славилась своей горячностью, но сейчас голос ее был холоден, как у любой Белой сестры. Восседающая говорила с бесстрастием человека, лишенного эмоций, рассуждающего сугубо логи-

чески и не терпящего сторонних влияний.

Не лучший подход к решению проблем. Люди — существа сложные, и они не подчиняются какому-то одному своду правил и закономерностей. Разумеется, есть время, когда требуется прибегнуть к логике, но нужно находить время и для чувств.

Ранд представлял собой проблему, надолго задумываться над которой Эгвейн себе не позволяла: нельзя хвататься за все сразу, необходимо разбираться по одной проблеме зараз. Но поговорить нужно о многом, иначе никак не составить дальнейших планов. Если она не придумает, как быть с Драконом Возрожденным, то рано или поздно окажется в столь же плачевном положении, как и Элайда.

Ранд уже изменился, перестав быть таким, каким Эгвейн его когда-то знала. Но все же крупицы прежнего Ранда должны в нем остаться. Ей довелось повидать его ярость в те несколько месяцев, что они странствовали по Айильской пустыне! В детстве Ранд не так уж часто выходил из себя, но теперь Эгвейн осознавала, что тот, должно быть, таил в себе обуревавшие его чувства. Трудно предположить, что он вдруг, ни с того ни с сего, стал буйным; просто тогда, в Двуречье, ничто не

огорчало его.

За те месяцы, что они вместе путешествовали, Ранд, казалось, ожесточался с каждым шагом. У него на плечах лежало колоссальное бремя. Как вообще иметь дело с таким вот человеком? Честно говоря, она понятия не имела.

Однако разговор на самом деле шел не о Ранде и не о том, как с ним поступить. Просто Феране пыталась понять, что из себя представляет Эгвейн.

— Ранд ал'Тор видит себя императором, — начала Эгвейн. — И полагаю, сейчас он таковым и является. Поэтому если он сочтет, что на него давят или пытаются к чему-то подталкивать, то начнет рвать и метать. Так что, если бы мне пришлось иметь с ним дело, то отправила бы к нему послов, дабы воздать ему почести.

— Пышную процессию с щедрыми дарами? — спросила Феране.

— Нет, — ответила Эгвейн. — Но и бедняков в обносках посылать бы не стала. Подобрала бы трех Айз Седай — Зеленую и Голубую сестру под предводительством Серой. Голубым он благоволит, из-за воспоминаний о прошлом, а Зеленую Айя часто рассматривают как противовес Красной, так что присутствие Зеленой сестры послужит тонким намеком на то, что мы жела-

ем действовать вместе с ним, а не стремимся укротить его. А Серую бы я отправила не только потому, что этого всегда ждут, — когда посылают Серую, это означает, что за ней последуют переговоры, а не армии.

— Логично рассуждаешь, — кивнув, заметила Тэсан.

Однако убедить Феране оказалось не так-то просто.

— В прошлом такие посольства не раз терпели неудачу, — возразила она. — Уверена, что и посланниц от Элайды возглавляла Серая.

— Да, но у того посольства был один громадный изъян, — заметила Эгвейн.

— Какой же именно?

— Какой? Разумеется, тот, что их послала Красная, — объяснила Эгвейн, с хрустом раскалывая орех. — Мне трудно усмотреть логику в возведении на Престол Амерлин кого-то из Красной Айя в те дни, когда в мир явился Дракон Возрожденный. Не кажется ли, что это и предопределило враждебность между ним и Белой Башней?

— Кое-кто считает, — возразила Феране, — что в эти тревожные времена необходима именно Красная сестра, потому что Красные, как никто другой, умеют обращаться с мужчинами, способ-

ными направлять Силу.

— «Обращаться» и «действовать вместе» — разные вещи, — сказала Эгвейн. — Конечно, Дракону Возрожденному нельзя позволять делать все, что ему заблагорассудится, но с каких это пор Белая Башня похищает людей и силой принуждает их подчиняться своей воле? Разве не мы славимся, как самые ловкие и осмотрительные дипломаты? Не мы ли гордимся тем, что способны убедить других поступить так, как надо, причем они будут считать, что действовали по собственному разумению? Неужели когда-то в прошлом мы запирали королей в сундуках и избивали за неповиновение? Почему же сейчас — и ни в какое другое время под Светом — мы отказались от наших утонченных приемов и превратились в заурядных разбойниц?

Феране выбрала себе очередной орешек. Обе другие Белые сестры имели весьма встревоженный вид.

— В твоих словах есть определенный смысл, — в конце концов признала восседающая.

— В душе, — продолжила Эгвейн, отложив щипцы для орехов, — Ранд ал'Тор — хороший человек, но ему нужен тот, кто станет его направлять. Настали дни, когда мы должны быть

проницательны и искусны, как никогда прежде. Следовало добиться того, чтобы он доверял Айз Седай больше кого бы то ни было, всецело полагался на наши советы. Нужно было показать ему, насколько мудрым будет прислушиваться к нам. А вместо этого мы продемонстрировали, что станем обращаться с ним как с непослушным ребенком. Даже если он и вправду неслух, нельзя было позволять ему думать, что мы таким его видим. Из-за наших же собственных просчетов он захватил в плен нескольких Айз Седай, а некоторых из них даже позволил этим своим Аша'манам связать узами.

— Лучше вовсе не упоминать об этом кошмаре, — заявила Феране, чопорно выпрямившись.

— Что-что? — пробормотала потрясенная Тэсан, прижав ладонь к груди. Кажется, некоторые Белые сестры совершенно не уделяют внимания тому, что творится в мире вокруг них. — Феране? Ты знала об этом?

Феране не ответила ей.

— До меня… доходили слухи, — промолвила тучная Мийаси. — Если они правдивы, нужно что-то делать.

— Да, — ответила Эгвейн. — Но сейчас мы, к сожалению, не в состоянии сосредоточиться на

ал'Торе.

— Он несет опасность для всего мира, — протянула узколицая Тэсан, чуть подавшись вперед. — В первую очередь мы должны разобраться именно с ним.

— Нет, — возразила Эгвейн. — У нас есть другие дела.

Мийаси, нахмурившись, сказала:

— Надвигается Последняя битва, так что более важных дел я не вижу.

Эгвейн отрицательно покачала головой:

— Если прямо сейчас заняться Рандом, то мы будем походить на фермера, который глядит на свой фургон и сокрушается, что у него нет ничего на продажу, а сам не замечает, что у фургона треснула ось. Нагрузи телегу раньше времени — тогда она сломается и все будет еще хуже, чем прежде.

— Что именно ты хочешь этим сказать? — требовательно спросила Тэсан.

Эгвейн покосилась на Феране.

— Мне понятно, — кивнула Феране. — Ты намекаешь на раскол в Белой Башне.

— Будет ли треснувший камень надежным фундаментом для дома? — спросила Эгвейн. — Удержит ли протершаяся веревка мечущуюся в панике лошадь? Так можем ли мы, в нашем

теперешнем состоянии, надеяться на то, что справимся с самим Драконом Возрожденным?

— Тогда зачем ты усугубляешь раскол, настаивая на своем праве на Престол Амерлин? Где логика? Ты противоречишь сама себе, — заявила Феране.

— Ты считаешь, если я откажусь от претензий на Престол Амерлин, то ситуация в Башне улучшится? — спросила Эгвейн.

— Стало бы легче.

Эгвейн приподняла бровь и сказала:

— Давайте представим на секунду, что, отказавшись от претензий на звание Амерлин, я сумела бы убедить восставших вернуться в Белую Башню и признать Элайду правительницей. — Произнеся эти слова, Эгвейн еще выше вздернула бровь, демонстрируя, насколько вероятным она считает такой оборот событий. — По-вашему, раскол был бы исцелен?

— Ты же сама сейчас именно так и сказала, — нахмурилась Тэсан.

— Неужели? — переспросила Эгвейн. — Разве тогда сестры перестанут бегать по коридорам, боясь и шагу ступить в одиночку? Разве женщины из разных Айя, случайно встретившись в тех же коридорах, перестанут враждебно поглядывать

друг на друга? При всем должном уважении разве избавимся мы от чувства, что нам необходимо каждодневно носить наши шали — как постоянное напоминание о том, кто мы такие и чему верны?

Феране бросила короткий взгляд на свою шаль с белой бахромкой.

— Я уверена, что вы, как никто другой в Белой Башне, — подавшись вперед, продолжала Эгвейн, — понимаете, как важно разным Айя действовать сообща. Нам нужно, чтобы Айя принимали к себе женщин с различными способностями и интересами. Но какой для нас смысл отказываться от совместной работы?

— Вовсе не Белые виноваты, что в отношениях между Айя возникла эта… прискорбная напряженность, — недовольно фыркнув, заметила Мийаси. — В ней виноваты другие — те, кто действует излишне эмоционально.

— За сложившуюся ситуацию ответственны те, кто правит ныне, — отметила Эгвейн. — Те, для кого в порядке вещей тайно усмирять сестер и казнить Стражей еще до того, как их Айз Седай приведут на суд. Те, кому ничего не стоит лишить сестру шали и низвести ее до принятой, кому ничего не стоит распустить целую Айя. Что уж

говорить о столь опасном решении захватить и посадить под замок Дракона Возрожденного, причем принятом даже без обсуждения на Совете? Стоит ли после всего этого удивляться, что сестры так напуганы и встревожены? Разве все, что произошло с нами, не было совершенно логичным?

Троица Белых сестер безмолвствовала.

— Но я не сдамся, — продолжала Эгвейн. — Не склонюсь, пока расколу не будет положен конец. И впредь я не перестану утверждать, что Элайда — не Амерлин. Своими действиями она это доказала. Хотите помочь в битве с Темным? Что ж, тогда первый ваш шаг связан вовсе не с Драконом Возрожденным. Первым делом вы должны протянуть руку сестрам из других Айя.

— Почему мы? — промолвила Тэсан. — Мы не отвечаем за промахи, совершённые другими.

— Полагаете, вас вообще не за что винить? — спросила Эгвейн, позволив капле своего гнева просочиться наружу. Неужели никто из сестер не возьмет на себя даже малую толику ответственности? — Кому, как не вам, сестрам из Белой Айя, понимать, куда заведет нас эта дорожка. Конечно, Суан и остальные Голубые не без греха, но вы-то обязаны были осознать эту ошибку — низложить Суан, а потом позволить Элайде распустить Го-

лубую Айя. Кроме того, я уверена, что кое-кто из вашей Айя непосредственно причастен к возведению Элайды на Престол Амерлин.

Мийаси слегка отшатнулась. Белые сестры очень не любили упоминаний об Алвиарин и ее окончившемся провалом пребывании на посту хранительницы летописей при Элайде. Вместо того чтобы ополчиться на Элайду за то, что она сместила Белую сестру, они, как казалось, выступили против сестры из своей же Айя за тот позор, что она на них навлекла.

— Все равно я считаю, что этим делом должны заняться Серые, — промолвила Тэсан, хотя голос ее звучал уже не столь убежденно, как минуту назад. — Тебе лучше поговорить с ними.

— Уже говорила, — ответила Эгвейн. Терпение у нее подходило к концу. — Некоторые, не желая ничего слушать, назначают мне всё новые наказания. Другие твердят, что этот раскол не их вина, но их все-таки удалось убедить, и они пообещали сделать то, что в их силах. Желтые — самые разумные, и, по-моему, они начинают смотреть на неурядицы в Башне как на рану, которую необходимо исцелить. Я до сих пор работаю с некоторыми сестрами из Коричневой Айя, но, кажется, эти проблемы их больше за-

нимают, чем тревожат. Я поручила нескольким из них поискать исторические примеры подобных расколов в надежде, что они наткнутся на рассказ о Ренале Мерлон. Тут легко проследить связь, и, наверное, до них дойдет, что наши сегодняшние трудности можно разрешить. Как это ни иронично, но самыми упрямыми оказались Зеленые. Во многом они походят на Красных, что страшно меня злит, поскольку на самом деле им следовало бы с готовностью принять меня как ту, кто должен был оказаться одной из них. Значит, остаются Голубые сестры, которые изгнаны, и Красные. Сомневаюсь, что сестры из Красной Айя прислушаются к моим доводам.

Задумавшись, Феране откинулась на спинку кресла, Тэсан, позабыв про три орешка в своей руке, неотрывно смотрела на Эгвейн. Мийаси, с округлившимися от удивления глазами, теребила прядь серебристо-седых волос.

Неужели Эгвейн позволила себе сказать слишком многое? Айз Седай удивительно похожи на Ранда ал'Тора; они тоже всегда чувствуют себя уязвленными, поняв, что их сумели хитро обойти.

— Вы потрясены, — произнесла Эгвейн. — А вы думали, я, как прочие, буду сидеть сложа руки

и спокойно смотреть, как рушится Башня? Это белое платье на меня надели силком, и с ним я не смирюсь, но применение ему найду. Женщина в белом одеянии послушницы — из тех немногих, кто в эти дни может свободно ходить из апартаментов одной Айя в покои другой. Кто-то же должен исцелить Башню, и для этого я подхожу лучше всех. К тому же это мой долг.

— Как… разумно с твоей стороны, — промолвила Феране, наморщив нестареющий лоб.

— Спасибо, — отозвалась Эгвейн.

Интересно, они думают, будто она переступила границы дозволенного? Рассержены тем, что она посмела манипулировать Айз Седай? Преисполнены холодной решимости в очередной раз назначить ей наказание?

Феране чуть наклонилась к Эгвейн и сказала:

— Положим, мы бы хотели потрудиться ради воссоединения Башни. Какой бы путь предложила ты?

Эгвейн ощутила прилив волнения. В последнее время ее преследовали одни неудачи. Вот ведь тупоголовые Зеленые! Какими же дурами они себя почувствуют, когда ее признают Амерлин!

— Суана из Желтой Айя вскоре пригласит вас троих разделить с ней трапезу, — сказала Эгвейн.

Ну, Суана обязательно их пригласит, как только Эгвейн убедительно об этом ее попросит. — Примите ее приглашение и отобедайте где-нибудь на виду — скажем, в одном из садов Башни. Пусть увидят, что встреча вам в радость. Потом я постараюсь устроить так, чтобы вас пригласила одна из Коричневых. Пусть сестры чаще видят, как вы общаетесь с женщинами из других Айя.

— План нехитрый, — заметила Мийаси. — Усилий потребуется немного, а результат можно получить замечательный.

— Посмотрим, — заключила Феране. — Эгвейн, ты можешь идти.

Как же Эгвейн не любила, когда ее вот так вот выпроваживали, но тут деваться некуда. Хотя все-таки восседающая выказала уважение Эгвейн, обратившись к ней по имени. Девушка встала и затем медленно слегка склонила голову перед Феране. Хотя бурной реакции со стороны Тэсан и Мийаси не последовало, у обеих заметно округлились глаза. К этому времени уже все в Башне знали, что от Эгвейн ни за что не добьешься ни реверансов, ни поклонов. И, что было еще поразительней, Феране в ответ тоже едва заметно склонила голову.

— Если решишь выбрать Белую Айя, Эгвейн

ал'Вир, — произнесла восседающая, — то знай, что встретят тебя с радушием. Твои логичные суждения о нынешних днях весьма примечательны для столь юной девушки.

Эгвейн сдержала улыбку. Всего четыре дня назад Бенней Налсад практически предложила Эгвейн место в Коричневой Айя, и Эгвейн не переставала удивляться той настойчивости, с какой Суана советовала ей примкнуть к Желтым. Под напором ее убедительных речей девушка едва не переменила решение, хотя в тот момент главную роль сыграло недовольство Зелеными сестрами.

— Благодарю, — ответила Эгвейн. — Но не забывай, что Амерлин представляет все Айя. Тем не менее наша беседа была приятна. Надеюсь, в будущем вы снова позволите мне посидеть в вашем обществе.

С этими словами Эгвейн удалилась и, кивнув на прощание кривоногому Стражу Феране, стоявшему у выхода с балкона, широко улыбнулась. Улыбка не сходила у нее с лица до тех пор, пока она не покинула ту часть Башни, которая была отведена под покои Белой Айя, и не наткнулась на Кэтрин, поджидавшую ее в коридоре. Странно, ведь сегодня в надзирательницы Эгвейн эту Красную не назначали… В Башне к тому же по-

говаривали, что Элайда все больше и больше полагается теперь на Кэтрин, потому что ее хранительница летописей исчезла невесть куда с какой-то таинственной миссией.

На лице Кэтрин, отличавшемся острыми, резкими чертами, играла своеобразная улыбочка. Недобрый знак.

— Держи, — промолвила женщина, протягивая Эгвейн деревянную чашку с прозрачной жидкостью.

Пора принимать дневную дозу настоя из корня вилочника.

Эгвейн поморщилась, но взяла чашку и выпила содержимое. Вытерев губы платочком, она двинулась прочь по коридору.

— Куда это ты собралась? — спросила Кэтрин.

Самодовольный тон Красной сестры заставил Эгвейн в нерешительности остановиться. Нахмурившись, девушка повернулась:

— У меня следующий урок…

— Не будет у тебя больше никаких уроков, — перебила ее Кэтрин. — По крайней мере, таких, как прежде. Все согласны с тем, что для послушницы у тебя впечатляющие навыки в плетениях.

Эгвейн нахмурила брови. Неужели решили снова возвести ее в принятые? Девушка очень

сомневалась, что Элайда позволит ей бóльшую свободу, а поскольку ей редко доводилось проводить время в своей комнатке, то и в более просторных апартаментах для себя она никакой необходимости не видела.

— Нет, — продолжала Кэтрин, лениво поигрывая бахромой своей шали. — Чему тебе нужно поучиться, так это скромности. И все уже решено. Амерлин уже наслышана о твоем глупом отказе приветствовать сестер реверансом. Она сочла это неким символом, в котором проявляется твоя непокорная натура, так что теперь твое обучение примет новый вид.

На мгновение Эгвейн охватил страх.

— Что за новое обучение? — спросила она, стараясь, чтобы в голосе ее не слышалось дрожи.

— Будешь работать по хозяйству, — пояснила Кэтрин.

— Да я и так уборкой и стиркой занимаюсь, как и все послушницы.

— Ты меня не поняла, — сказала Кэтрин. — Отныне только хозяйственными работами ты и будешь заниматься. Сейчас же отправляйся на кухню — там ты будешь трудиться в дневные часы. По вечерам станешь драить полы. А ежеутренне будешь являться к главному садовнику

и работать в садах. Такой и станет твоя жизнь — только эти три занятия каждый день — по пять часов на каждое, — и так до тех пор, пока не отбросишь свою тупую гордыню и не научишься склоняться в реверансе перед теми, кто выше тебя.

Свободе Эгвейн настал конец — даже той небольшой свободе, что у нее была. Взгляд Кэтрин исполнился ликованием.

— Так что, сама понимаешь… — промолвила Красная сестра. — Отныне тебе незачем бывать у сестер в апартаментах и отнимать у них время, чтобы обучать тебя плетениям, которые ты и так превосходно уже освоила. С праздностью покончено; теперь ты будешь трудиться. Ну, что скажешь?

Но не тяжесть многочасового труда беспокоила Эгвейн; она ничего не имела против обыденных хозяйственных работ, которыми и так занималась каждый день. Она тревожилась, что не сможет, как прежде, видеться с другими сестрами и это погубит ее. Как же она теперь сумеет восстановить единство Белой Башни? О Свет! Это настоящая беда.

Эгвейн стиснула зубы, изо всех сил стараясь поглубже загнать охватившие ее чувства. Потом,

встретившись взглядом с Кэтрин, она сказала:

— Отлично. Идем.

Кэтрин удивленно моргнула. Видимо, ждала вспышки гнева или хотя бы перебранки. Но время для споров было неподходящее. Эгвейн направилась в сторону кухонь, оставив позади апартаменты Белой Айя. Нельзя выдать себя ничем; нельзя, чтобы они догадались, насколько действенным было новое наказание.

Девушка, борясь с тревогой, шагала вперед; вдоль стен внутренних коридоров Башни, сильно смахивавших на пещеры, тянулись ряды ламп, укрепленных в длинных изогнутых кронштейнах, и из-за этого эти лампы напоминали змеиные головы, устремившие к каменному своду пламенные язычки. Она справится, сумеет. Обязательно справится. Им ее не сломить.

Может, поработать пару деньков, а потом притвориться, будто она смирилась? И склониться в реверансе перед Элайдой, как та требует? Это же совсем просто. Один пустяковый реверансик — и она сможет вернуться к делам поважнее.

«Нет, — подумала Эгвейн. — Этим все не закончится. Я проиграю в тот же миг, как сделаю этот первый реверанс». Уступить сейчас — значит показать Элайде, что Эгвейн можно сломить. Ре-

верансы станут началом конца, первым шагом к поражению. Вскоре Элайда потребует, чтобы она кланялась в ножки всем Айз Седай. Лже-Амерлин опять отправит Эгвейн на нудные и тяжелые работы, зная, что однажды такое уже подействовало. И что, Эгвейн вновь придется склониться перед ней? И сколько пройдет времени, пока все то доверие, которого Эгвейн удалось добиться, не будет напрочь забыто, втоптанное в каменные плитки, которыми выложены коридоры Башни?

Ей нельзя уступать. Побои не изменили ее поведения; не изменит его и тоскливая тяжкая работа.

После трех часов работы на кухне настроение у Эгвейн нисколько не улучшилось. Ларас, здоровенная госпожа кухонь, поручила ей отчищать один из похожих на духовой шкаф очагов. Работенка была грязная, внутренность очага заросла сажей, что ничуть не способствовало размышлениям. Да и о чем тут думать — выходов из сложившегося положения было немного.

Разогнув спину, Эгвейн села на пятки, потом подняла руку и вытерла лоб. Отняв руку ото лба, она увидела, что та вся вымазана сажей. Эгвейн вздохнула; мокрая тряпка закрывала рот и нос девушки, не позволяя вдыхать слишком много

пепла. Дыхание у нее было горячее и тяжелое, а кожа стала липкой от пота. Соленые капельки, стекавшие со лба и висков, были черны от копоти; даже сквозь тряпицу она ощущала неотвязный и неприятно-резкий запах пепла, успевшего прогореть тут невесть сколько раз.

Очаг представлял собой громадную прямоугольную конструкцию из обожженного красного кирпича. С двух сторон он был открыт, и устья печи были достаточно большие, чтобы пролез человек — что и пришлось проделать Эгвейн. Изнутри горнило печи и дымоход покрывала черная корка, от которой нужно было избавиться, пока не забилась дымовая труба, а отваливающиеся лохмотья сажи не стали падать в горшки и кастрюли. Из трапезной до Эгвейн приглушенно доносились смех и болтовня Кэтрин и Лирен. Время от времени одна из этих Красных сестер заглядывала в кухню, дабы удостовериться, что их подопечная не бездельничает, но по-настоящему за девушкой присматривала Ларас, начищавшая котлы в другом конце комнаты.

Перед тем как приступить к работе, Эгвейн переоделась. Рабочее платье некогда было белым, но его так часто надевали чистившие печи послушницы, что сажа накрепко въелась в ткань.

Платье покрывали похожие на тени серые пятна.

Потерев спину, Эгвейн снова опустилась на четвереньки и заползла поглубже в очаг. Орудуя маленьким деревянным скребком, она упорно выковыривала ошметки сажи из стыков между кирпичами, потом собирала все, что удалось выскрести, в медные ведра, которые по краям покрывал слой бело-серого пепла. Первым ее заданием было отчистить всю эту сажу и собрать ее в ведра. От этакой работы руки у Эгвейн так запачкались, что ей казалось: как потом ни мой и ни оттирай почерневшие руки, въевшуюся копоть все равно не отчистить. Колени у девушки болели, не говоря уже о ноющей спине, которая до сих пор еще горела от ставших уже привычными ежеутренних побоев.

Но Эгвейн продолжала водить скребком по почерневшему участку кирпичной кладки, тускло освещенному фонарем, который стоял в углу внутри горнила печи. Ее так и подмывало прибегнуть к Единой Силе; но Красные сестры, что болтаются неподалеку, непременно почувствуют, как она направляет Силу. Вдобавок девушка обнаружила, что дневная доза настоя из корня вилочника стала до странности крепкой, поэтому

она теперь не могла направить и тонкой струйки. Вообще говоря, настой оказался настолько крепок, что ее клонило в сон, отчего работать становилось еще тяжелее.

Неужели впредь ей придется так жить? Сидя в духовой печи, отскабливая кирпичи, которых никто не видит, отгороженной от всего мира? Она не сумеет дать отпор Элайде, если все про нее забудут. Девушка тихонько кашлянула, и звук эхом отдался внутри очага.

Ей нужен план. У нее только одна надежда — использовать сестер, которые пытаются искоренить Черную Айя. Но как с ними встретиться? Раз сестры больше ее не обучают, то у нее нет возможности попасть в апартаменты других Айя, избавившись тем самым от опеки Красных надзирательниц. Может, ей удастся улизнуть во время работы? Но если ее исчезновение обнаружат, то в итоге, вероятно, она окажется в ситуации намного худшей.

Но не может же она допустить, чтобы в жизни у нее остался лишь этакий кабальный труд! Близится Последняя битва, Дракон Возрожденный предоставлен самому себе и творит невесть что, а Амерлин, в саже с ног до головы, ползает на карачках и чистит очаги! Скрежеща зубами, Эгвейн

с яростью принялась вновь орудовать скребком. Долго копившаяся сажа основательно запеклась, превратившись в блестящий черный налет на кирпичах. Эту корку ей никогда полностью не отчистить. Нужно просто соскрести столько, чтобы сам налет не отваливался и его куски не падали в очаг.

Глядя на свое смутное отражение в глянцевитом налете, Эгвейн заметила промелькнувшую в дальнем устье печи тень. Девушка тотчас же потянулась к Источнику — но, разумеется, ничего не обнаружила. И понятно почему — корень вилочника основательно затуманил ей голову. Но снаружи печи точно кто-то был — кто-то подкрадывался, двигаясь тихо-тихо…

Сжав скребок в одной руке, другой Эгвейн медленно потянулась за щеткой, которой сгребала золу. И резко развернулась.

У печи, наклонившись и заглядывая в ее устье, застыла Ларас. Госпожу кухонь охватывал огромный белый передник, украшенный пятнами все той же сажи. Ее пухлое круглое лицо повидало немало зим; волосы начинали седеть, а от уголков глаз разбегались морщинки. Когда Ларас вот так наклонялась, то у нее появлялись второй, третий и четвертый подбородки; за край устья она ухва-

тилась большой рукой с толстыми пальцами.

У Эгвейн отлегло от сердца. Почему она была так уверена, что к ней кто-то подкрадывается? Это всего лишь Ларас пришла ее проверить.

И все же почему та двигалась столь бесшумно? Ларас, прищурившись, бросила взгляд куда-то в сторону. Затем приложила палец к губам. Эгвейн вновь напряглась. Что происходит?

Ларас отступила от очага и поманила Эгвейн за собой. Поступь у госпожи кухонь оказалась на удивление легкой, двигалась она намного тише, чем ожидала Эгвейн. Поварихи, их подручные и посудомойки гремели кастрюлями и мисками в разных углах кухни, но поблизости никого из них видно не было. Эгвейн выползла из очага и, заткнув скребок за пояс, вытерла руки об одежду. Стянув тряпку с лица, она вдохнула сладостный воздух без примеси сажи. Она сделала глубокий вдох, но тут же попала под суровый взгляд Ларас, которая снова приложила к губам палец.

Эгвейн кивнула и двинулась через кухню вслед за Ларас. Очень скоро они оказались в кладовой, где воздух казался плотным от запахов сухого зерна и старого сыра. Плитка уступила здесь место более надежной кирпичной кладке. Отодвинув в сторону несколько мешков, Ларас открыла в

полу неприметный люк. Деревянная крышка сверху была облицована тонкими кирпичиками, и люк полностью сливался с полом, и догадаться о его существовании было невозможно. Внизу оказалась крохотная каморка с каменными стенами, где вполне мог поместиться человек, хотя рослый мужчина чувствовал бы себя там весьма стесненно.

— Обождешь здесь до вечера, — прошептала Ларас. — Сейчас я тебя вывести отсюда не смогу — в Башне суетня, как на птичьем дворе, когда куры лису рядом видят. Но поздно вечером с кухонь вывозят отбросы, и мы тебя выдадим за одну из тех девчонок, что мусор грузят. У портового грузчика есть маленькая лодка, он переправит тебя через реку. Среди стражников у меня есть друзья, они отвернутся и сделают вид, будто ничего не видят. Как окажешься на том берегу, сама решай, что делать. Но не советую возвращаться к этим дурехам, что сделали тебя своей марионеткой. Найди укромное местечко, где можно переждать, пока тут все не уляжется, а потом, когда вернешься, глядишь, тебя и примет та, кто здесь будет верховодить. Судя по тому, как все оборачивается, вряд ли ею окажется Элайда…

Эгвейн лишь удивленно моргнула.

— Ну, давай, — скомандовала дородная госпожа кухонь. — Дуй вниз.

— Я…

— Давай-давай! Недосуг мне с тобой болтать! — поторопила девушку Ларас, хотя, кроме нее, болтать тут было и некому. Видимо, она нервничала: уж очень часто озиралась и все время постукивала ногой. Но Ларас явно и раньше проделывала нечто подобное. Иначе почему обычная повариха из Белой Башни умеет так тихо подкрадываться? Как смогла она так ловко спланировать побег Эгвейн из укрепленного и охраняемого города, да еще и осажденного? И откуда вообще на кухне у Ларас этакий схрон? О Свет! Она что, сама его вырыла?

— За меня не волнуйся, — бросила Ларас, пристально глядя на Эгвейн. — Я тут сама управляюсь. Кухонную прислугу будут держать подальше от того места, где ты работала. Эти Айз Седай проверяют тебя каждые полчаса или около того, и раз они проверили тебя с минуту назад, то какое-то время соваться сюда не станут. А когда вздумают снова тебя проведать, то я сделаю вид, будто ничего не знаю, и все подумают, что ты тихонько улизнула из кухонь. Скоро мы вытащим тебя из этого города, и никто ничего не заподозрит.

— Хорошо, — пробормотала Эгвейн, наконец-то обретя дар речи. — Но почему?

Она-то думала, что Ларас, после того как помогла Мин и Суан, вряд ли захочет помочь еще какой-нибудь беглянке.

В ответ Ларас бросила на девушку взгляд, преисполненный той решимости, какая была свойственна разве что Айз Седай. Несомненно, Эгвейн зря не принимала в свои расчеты эту женщину! Кто же она на самом деле?

— Удумали у девушки дух сломить, так я им не помощница! — решительно проговорила Ларас. — Эти избиения — настоящее позорище! Глупые Айз Седай. Я верой и правдой служила им все эти годы, и что мне теперь велели? Сказали, я должна заставить тебя трудиться на износ и изо дня в день. И конца этому не будет. Ну, я не слепая и вижу, когда девушку перестают обучать и начинают притеснять. Совсем забить вознамерились! Я такого не потерплю, не у себя на кухне. Да испепелит Свет Элайду за то, что она возомнила, будто ей такое позволено! Пусть казнит тебя или делает послушницей, мне все равно. Но такое издевательство неприемлемо!

Ларас стояла, уперев руки в бока; с ее передника взлетали облачка муки. Как ни странно, но

Эгвейн поймала себя на том, что принялась обдумывать предложение о побеге. Предложение Суан спасти ее она отвергла, но, воспользовавшись планом Ларас, она вернется в лагерь мятежниц не с их помощью, а освободившись сама. Даже более того — она не просто окажется на свободе. Она разом избавится от всего — и от побоев, и от утомительной отупляющей работы.

И зачем? Чтобы сидеть по ту сторону стен Тар Валона и смотреть, как рушится Башня?

— Нет, — ответила Эгвейн. — Предложение очень заманчиво, но я не приму его. Прости.

— Так, послушай-ка… — нахмурилась Ларас.

— Ларас, — перебила ее Эгвейн. — Никто не имеет права разговаривать с Айз Седай в таком тоне, даже госпожа кухонь.

Ларас опешила:

— Глупая девчонка. Ты — не Айз Седай.

— Нравится тебе или нет, но уйти я не могу. Можешь, конечно, силком запихнуть меня в эту нору, засунув в рот кляп, чтоб я не орала, а потом лично перевезти меня через реку. Нет? Тогда, будь добра, позволь мне вернуться к работе.

— Но почему?

— Потому что, — промолвила Эгвейн, оглянувшись на очаг, — кто-то же должен с ней

бороться.

— В таком положении бороться ты не можешь, — заметила Ларас.

— Каждый день — битва, — ответила Эгвейн. — Каждый день, когда я отказываюсь склониться, что-то да значит. Даже если об этом знают только Элайда и ее Красные, это уже кое-что. Немного, но больше, чем я в состоянии сделать по ту сторону стен. Идем. Мне еще два часа работать.

Развернувшись, Эгвейн двинулась обратно к очагу. Ларас неохотно закрыла люк потайного погреба и поспешила за девушкой. Теперь госпожа кухонь передвигалась куда более шумно — задевала бедрами столешницы, громко ступала по кирпичному полу. Удивительно, как у нее получалось двигаться столь тихо, когда ей было нужно?

Через кухню вспышкой промелькнуло красное одеяние — точно кровь убитого кролика на снегу. Эгвейн застыла, увидев перед собой Кэтрин в алом платье с темно-красными юбками и с желтой отделкой. Красная сестра смотрела на Эгвейн, сузив глаза и стянув губы в ниточку. Неужели она заметила, как Ларас уводила Эгвейн?

Ларас замерла.

— Теперь я поняла, что делала не так, — поспеш-

но затараторила Эгвейн, повернувшись к госпоже кухонь и поглядывая на вторую печь, находящуюся неподалеку от кладовой с люком. — Спасибо, что показала. Теперь я буду внимательнее.

— Вот и проверим, — кивнула Ларас, придя в себя после неожиданного появления Красной сестры. — Иначе узнаешь, что такое настоящее наказание, а не эти вялые шлепки наставницы послушниц. А теперь давай за работу!

Эгвейн кивнула и устремилась обратно к очагу. Кэтрин подняла руку, останавливая девушку. Сердце у Эгвейн предательски заколотилось.

— Не нужно, — произнесла Кэтрин. — Амерлин потребовала, дабы послушница прислуживала ей сегодня вечером за обедом. Я сказала Амерлин, что один день работ едва ли способен сломить такую глупую упрямицу, как это дитя, но она настояла. По-моему, тебе дали первый шанс высказать свою покорность, дитя мое. Советую им воспользоваться.

Эгвейн опустила взгляд на свои испачканные сажей руки и грязное платье.

— Беги давай! — сказала Кэтрин. — Умойся и почистись. Нельзя заставлять Амерлин ждать.

Отмываться оказалось почти так же непросто, как и чистить очаг. Сажа въелась в руки не ху-

же, чем в рабочее платье. Едва ли не час Эгвейн просидела в лохани с теплой водой, стараясь привести себя в подобающий вид. Ногти были обломаны — чистка кирпичной кладки плохо сказалась на них, а когда девушка снова и снова ополаскивала голову, то ей каждый раз казалось, что она смывает с волос целое ведро сажи.

И все же Эгвейн обрадовалась, что ей выпала возможность как следует помыться. На купание у нее не хватало времени; обычно она едва успевала наскоро пройтись по телу жесткой мочалкой. Отмываясь и отчищаясь в маленькой, выложенной серой плиткой купальне, девушка обдумывала свой следующий шаг.

Предложение бежать она отвергла. Значит, придется как-то разбираться с Элайдой и ее Красными товарками — единственными сестрами, с которыми она теперь вообще имела дело. Но как их заставить увидеть и осознать собственные ошибки? Как бы ей хотелось назначить им епитимью и отослать прочь, избавившись тем самым ото всех разом!

Но нет! Ведь она — Амерлин; она представляет все Айя, в том числе и Красную. Она не вправе поступить с ними так же, как Элайда обошлась с Голубыми сестрами. Да, Красные сестры отно-

сились к ней враждебнее всех прочих, но это лишь усложняет задачу. Кажется, наметился какой-никакой прогресс с Сильвианой, да и потом, разве Лирен Дойреллин не признала за Элайдой серьезных ошибок?

Возможно, Красные — не единственные, на кого она способна сейчас повлиять. Всегда есть шанс встретить в коридорах других сестер. Если кто-то из них подойдет и заговорит с Эгвейн, то вряд ли Красные надсмотрщицы решатся насильно уволочь ее прочь. Им придется соблюдать некоторые внешние приличия, так что у Эгвейн будет шанс хоть немного пообщаться с другими сестрами.

Но как вести себя с Элайдой? Разумно ли позволять лже-Амерлин и дальше считать, будто Эгвейн напугана чуть ли не до смерти? Или пора решительно выступить против нее?

К концу купания Эгвейн чувствовала себя гораздо чище и куда увереннее. Ее положение в войне изрядно ухудшилось, но сражаться она вполне могла. Спешно расчесав еще влажные волосы, она накинула свежее платье послушницы — о Свет, как приятно ощутить кожей чистую мягкую ткань! — и вышла к своим надзирательницам.

Те сопроводили ее до покоев Амерлин. Эгвейн прошла мимо нескольких групп сестер, ради их

же блага держа голову высоко поднятой. Надсмотрщицы провели ее через Красный сектор Башни, где узорный пол был выложен красными и темно-серыми плитками. Чем ближе они подходили к покоям Амерлин, тем больше встречалось народу — женщин в шалях, служанок с Пламенем Тар Валона на груди. Но — ни одного Стража, что всегда удивляло Эгвейн, поскольку в других частях Башни их присутствие было обычным делом.

Долгий подъем вверх, еще несколько поворотов — и вот они оказались у входа в покои Элайды. Эгвейн машинально поправила юбки. По пути она решила, что с Элайдой будет вести себя так же, как в прошлый раз, — то есть хранить молчание. Если и дальше ее сердить — запретов только прибавится. Унижать свое достоинство Эгвейн не станет, но и стараться оскорбить Элайду тоже незачем. Пусть эта женщина думает все, что ей заблагорассудится.

Служанка отворила дверь, впустила Эгвейн и провела в обеденный зал. Увиденное потрясло девушку. Она-то предполагала, что Элайда будет одна или, может быть, вдвоем с Мейдани. Эгвейн даже на секунду не могла вообразить, что в обеденном зале окажется столько женщин.

Айз Седай было пять, по одной от каждой Айя, за исключением Красной и Голубой. И каждая из присутствующих сестер — восседающая. Глазам Эгвейн предстали Юкири и Дозин, обе — тайные охотницы на Черную Айя. Феране тоже была тут, хотя она, кажется, удивилась, увидев Эгвейн; неужели Белых не известили заранее об обеде у Элайды, или же Феране просто забыла упомянуть о нем?

Рубинде из Зеленой Айя сидела рядом с Шеван — Коричневой сестрой, с которой Эгвейн хотела бы встретиться и переговорить. Шеван входила в число тех, кто выступал за переговоры с мятежными Айз Седай, и Эгвейн надеялась, что сумеет подтолкнуть ее к тому, чтобы она изнутри помогала объединить Белую Башню.

За столом не было ни одной Красной сестры, если не считать саму Элайду. Может, потому, что все Красные восседающие находились сейчас вне пределов Башни? Или же Элайда полагала, что в этом зале достаточно будет только ее присутствия, поскольку она по-прежнему считала себя Красной, хоть Амерлин подобное и не пристало.

Стол был длинный, хрустальные бокалы сверкали от падавшего на них света богато изукрашенных напольных ламп, что выстроились

вдоль желто-красных, цвета ржавчины, стен. На каждой из восседающих красовалось чудесное платье цвета ее Айя. Пахло сочным мясом и пареной морковью. Женщины разговаривали друг с другом. Вполне дружелюбно, хотя и принужденно. Все они явно испытывали внутреннее напряжение. Находиться здесь им не хотелось.

С дальнего конца стола Дозин кивком поприветствовала Эгвейн — почти что знак уважения. Это уже кое-что значит. «Я здесь, потому что ты сказала: такие вещи важны», — как будто бы говорила она.

Во главе стола восседала, самодовольно улыбаясь, Элайда, облаченная в красное платье с длинными рукавами, отделанными, как и лиф, негранеными гранатами. Взад-вперед носились служанки, разливая вино и разнося блюда с яствами. Зачем Элайда созвала восседающих на обед? Не было ли это попыткой исцелить отчуждение в Башне? Может, Эгвейн несправедливо судит о ней?

— Ага, прекрасно, — произнесла Элайда, заметив Эгвейн. — Наконец-то ты явилась. Подойди сюда, дитя мое.

Эгвейн прошла через всю трапезную, и теперь наконец все восседающие заметили ее. Появле-

ние Эгвейн у некоторых, казалось, вызвало легкое замешательство, другие же посматривали на нее с любопытством. Шествуя через зал, девушка кое-что поняла.

Сегодня вечером все, ради чего трудилась Эгвейн, могло запросто пойти прахом.

Если собравшиеся здесь Айз Седай увидят, что Эгвейн раболепно прислуживает Элайде, стараясь ей угодить, то Эгвейн утратит в их глазах всякое достоинство. Элайда заявила, что Эгвейн сломлена, но та выказала обратное. И если сейчас она хоть на чуточку склонится перед Элайдой, все сочтут это свидетельством правоты Элайды.

Да испепелит Свет эту женщину! Зачем она пригласила сюда столько сестер, на которых всеми силами стремилась повлиять Эгвейн? Или это просто случайность? Пройдя во главу стола, Эгвейн встала рядом со лже-Амерлин, и служанка вручила ей хрустальный кувшин с искрящимся красным вином.

— Следи, чтобы кубок у меня не пустел, — приказала Элайда. — Стой здесь, но не подходи слишком близко. Не хочу дышать сажей, что осталась на тебе после сегодняшнего наказания.

Эгвейн стиснула зубы. Дышать сажей? После того, как она отмывалась едва не час? Вряд ли. Стоя

сбоку от Элайды, которая лениво потягивала вино, девушка смогла заметить, каким довольством светятся у той глаза. Потом Элайда повернулась к Шеван, сидевшей от нее по правую руку. Долговязая Коричневая сестра, с узловатыми пальцами и угловатым лицом, была словно бы составлена из сучковатых искривленных палок. Она задумчивым взглядом изучала хозяйку стола.

— Скажи мне, Шеван, — промолвила Элайда. — Ты все еще настаиваешь на этих глупых переговорах с мятежницами?

— Сестрам нужно дать шанс к примирению, — ответила Шеван.

— Был у них шанс, — возразила Элайда. — Честно говоря, от Коричневых я ожидала большего. Вы ведете себя упрямо и ничуть не смыслите в делах реального мира. Со мной согласна даже Мейдани, а ведь она — Серая! А тебе известно, каковы они, эти Серые.

Шеван отвернулась, и вид у нее стал еще более обеспокоенный. Зачем же Элайда созвала восседающих на ужин — чтобы оскорблять их и их Айя? Эгвейн наблюдала за происходящим, а Элайда тем временем обратилась к Ферране, принявшись жаловаться ей на Рубинде — восседающую из Зеленой Айя, которая тоже всячески

противилась попыткам Элайды положить конец переговорам. Беседуя с Белой сестрой, Элайда, не оборачиваясь, приподняла свой кубок и постучала по нему пальцем. Она отпила едва ли пару глотков.

Эгвейн сцепила зубы, наполняя Элайде кубок. Многие и раньше видели, как она прислуживает — скажем, для Ферране она колола орехи. Так что этим репутации себе она не испортит, если только Элайда как-то не вынудит Эгвейн унизиться.

Но какова же цель этого обеда? Непохоже, чтобы Элайда хотя бы пальцем пошевелила ради объединения Айя. Наоборот, она только углубляла раскол, судя по тому, как обходилась с теми, кто с ней не соглашался. Время от времени она требовала Эгвейн подлить ей вина в чашу, но больше глотка-другого так и не отпивала.

Мало-помалу до Эгвейн начало доходить. Не ради сплочения Айя устроила Элайда этот обед. Нет, Элайда стремилась запугать восседающих, чтобы те делали то, что она сочтет нужным. А Эгвейн вызвала сюда в качестве назидательного примера! Все устроено для того, чтобы Элайда продемонстрировала свою власть: она способна ту, кого некоторые величали Амерлин, обрядить в платье послушницы и подвергать каждоднев-

ной епитимье.

Эгвейн почувствовала, как у нее в душе вновь закипает злоба. Почему Элайде всегда удается задеть ее за живое? Со стола убрали суповые миски, и принесли тарелки с приготовленной на пару и сдобренной маслом морковью; в воздухе поплыл слабый аромат корицы. Эгвейн пообедать так и не дали, но от происходящего ее едва не тошнило, поэтому о еде девушка даже и не думала.

«Нет, — подумала Эгвейн, собирая решимость в кулак. — Так рано я не сдамся, не так, как в прошлый раз. Я выдержу. Я сильнее Элайды. Сильнее ее безумия».

Разговор между Айз Седай продолжался, Элайда отпускала в адрес сидевших за столом женщин оскорбительные замечания — иногда намеренно, иногда даже того не замечая. Ее собеседницы плавно перевели беседу от мятежниц к необычайно хмурому небу. Наконец Шеван упомянула о слухах, утверждавших, будто где-то далеко на юге шончан действуют заодно с Айил.

— Опять эти шончан? — вздохнув, заметила Элайда. — Не стоит о них беспокоиться.

— Но мои источники утверждают обратное, — сухо произнесла Шеван. — Думаю, мать, нам стоит обратить пристальное внимание на дей-

ствия шончан. Знаю, некоторые сестры уже расспрашивали это дитя о том, что ей о них известно — а известно ей немало. Вам стоило бы узнать, как они поступают с Айз Седай.

Элайда в ответ звонко и мелодично рассмеялась.

— Вам же известно, насколько это дитя склонно преувеличивать! — воскликнула она, бросив взгляд на Эгвейн. — Скажи нам, ты ведь сеяла ложь ради своего дружка, этого глупца ал'Тора? Что он велел тебе рассказывать об этих захватчиках? Они же ему служат?

Эгвейн не отвечала.

— Говори, — велела Элайда, указав на нее чашей. — Признайся всем этим женщинам, что ты лгала. Признавайся, девочка, иначе я снова накажу тебя.

Наказание, которое она понесет за молчание, будет легче, чем гнев Элайды, который обрушится на нее, если Эгвейн вздумает ей перечить. Молчание было путем к победе.

Однако, окинув взглядом тех, кто сидел за длинным столом из красного дерева, на котором сиял белизной фарфор Морского народа и ярко горели красные свечи, Эгвейн увидела, что на нее пристально смотрят пять пар глаз. Вопрос в них

читался без труда. Наедине с этими женщинами Эгвейн разговаривала смело, но будет ли она держаться своих слов сейчас, оказавшись лицом к лицу с самой могущественной женщиной в мире? Женщиной, в чьих руках была сама жизнь Эгвейн.

Действительно ли Эгвейн — Амерлин? Или она всего лишь девчонка, которой нравилось разыгрывать из себя Амерлин?

«Да испепелит тебя Свет, Элайда, — подумала Эгвейн, стискивая зубы и ясно осознавая, что ошибалась. Молчание не приведет к победе, не с этими женщинами. — Тебе точно не придется по вкусу то, что дальше произойдет».

— Шончан не служат Ранду, — произнесла Эгвейн. — И для Белой Башни они — серьезная угроза. Ни слова лжи я не говорила. Сказать иное — значит нарушить Три клятвы.

— Ты не давала Трех клятв, — суровым тоном произнесла Элайда, повернувшись к девушке.

— Давала, — ответила Эгвейн. — Я не держала в руках Клятвенного жезла, но не Жезл делает мои слова правдивыми. Слова обетов я произнесла сердцем, и для меня они тем дороже, что ничто не заставляет меня исполнять данные клятвы. И, блюдя принесенные обеты, я скажу вам снова.

Я — сновидица, и в Сновидении я узрела, как шончан атакуют Белую Башню.

Глаза у Элайды вспыхнули на мгновение, и она сжала вилку с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Эгвейн не отвела взгляда, и наконец Элайда снова рассмеялась.

— Вижу, ты упряма, как прежде. Придется сказать Кэтрин, что она была права. Ты будешь наказана за свою дерзость, дитя мое.

— Эти женщины знают, что я не лгу, — спокойно проговорила Эгвейн. — И всякий раз, когда ты твердишь, что я лгу, ты роняешь себя в их глазах. Даже если не веришь моему Сновидению, ты должна признать, что шончан несут угрозу. Женщин, способных направлять Силу, они сажают на привязь и с помощью неких извращенных тер'ангриалов превращают их в оружие. Я сама носила подобный ошейник. До сих пор у меня бывает чувство, будто он на моей шее. Я ощущаю его во снах. В своих кошмарах.

В обеденном зале повисла мертвая тишина.

— Ты действительно глупое дитя, — промолвила Элайда, явно стараясь показать, что уж Эгвейн-то для нее не угроза. Хотя ей стоило повнимательнее вглядеться в глаза остальным. Тогда бы она увидела правду. — Ладно, ты сама

меня вынудила. Сейчас, дитя мое, ты опустишься передо мной на колени и попросишь прощения. Немедленно. Иначе я отправлю тебя под замок и будешь сидеть одна. Этого ты хочешь? Только не рассчитывай, что побои прекратятся. Тебя по-прежнему будет ожидать ежедневная епитимья, просто после наказания ты вновь будешь возвращаться в темницу. А сейчас — на колени и проси прощения.

Восседающие переглянулись. Теперь отступать уже некуда. Меньше всего Эгвейн хотелось, чтобы дошло до такого. Но все повернулось именно так, и Элайда потребовала сражения.

Что ж, пришло время дать ей бой.

— А если я не склонюсь? — спросила Эгвейн, глядя Элайде в глаза. — Что тогда?

— Ты склонишься передо мной, так или иначе, — прорычала Элайда, обнимая Источник.

— Ты используешь против меня Силу? — спокойно спросила Эгвейн. — Иного средства у тебя нет? Неужели ты ни на что не способна, не обращаясь к Силе?

Элайда замешкалась.

— Мое право — наказывать ту, кто не проявляет должного уважения.

— И ты, значит, заставишь меня подчинить-

ся, — сказала Эгвейн. — Так ты и станешь поступать со всеми в Башне, Элайда? Да? Выступит против тебя какая-то Айя — и ее тут же разгоняют. Кто-то вызовет твое недовольство — и ты желаешь лишить эту женщину права быть Айз Седай. И ты не успокоишься, пока все сестры не станут ползать у тебя в ногах!

— Чушь!

— Да? — не унималась Эгвейн. — А ты уже объявила о своей идее ввести новую клятву? Все сестры должны будут на Клятвенном жезле дать обет — подчиняться Амерлин и во всем поддерживать ее!

— Я…

— Скажи еще, что не заявляла такого, — продолжала гнуть свое Эгвейн. — Опровергни мои слова. Только позволят ли тебе клятвы?

Элайда застыла на месте. Будь она Черной сестрой, то могла бы все отрицать, несмотря на Клятвенный жезл. В любом случае слова Эгвейн могла подтвердить Мейдани.

— То была пустая болтовня, — ответила Элайда. — Просто размышления, мысли вслух.

— В любых размышлениях кроется истина, — настаивала Эгвейн. — Ты посадила в сундук под замок самого Дракона Возрожденного. Только что

ты угрожала проделать то же самое со мной, при свидетелях — вон их тут сколько! Люди его зовут тираном, но именно ты, и никто иной, попираешь наши законы и властвуешь силой страха.

Элайда широко распахнула глаза, уже не скрывая сверкавшей в них злобы. Казалось, она… поражена. Словно не могла понять, как от попытки преподать урок нерадивой послушнице перешла к спору с ней на равных. Эгвейн видела, как Элайда начала сплетать поток Воздуха. Нужно ее остановить. Иначе сплетенный из Воздуха кляп положит спору конец.

— Ну давай, — невозмутимо промолвила Эгвейн. — Прибегни к Силе, чтобы заткнуть мне рот. Как Амерлин, разве не должна ты уметь убеждать другую сторону, вместо того чтобы прибегать к силе?

Уголком глаза Эгвейн заметила, как миниатюрная Юкири из Серой Айя кивнула, соглашаясь с последней репликой девушки.

Глаза Элайды сверкнули от гнева, но сплетать пряди Воздуха она перестала.

— Мне незачем опровергать слова какой-то послушницы, — отрезала Элайда. — Амерлин нет нужды объясняться перед кем-то вроде тебя.

— «Амерлин осознает всю сложность чужой

точки зрения и готова ее обсуждать, — произнесла Эгвейн, цитируя по памяти. — Ведь, в конце концов, она служит всем, даже последнему чернорабочему». Так некогда сказала Балладаре Арандайлле, первая Амерлин из Коричневой Айя. Эти строки написаны ею незадолго перед смертью; в том послании она объясняла свое правление и те действия, что предприняла во время Кавартенских войн. Поскольку кризис миновал, Арандайлле сочла, что моральный долг Амерлин обязывает ее объясниться перед простым народом.

Сидящая рядом с Элайдой Шеван одобрительно кивнула. Цитата была мало кому известна, и Эгвейн мысленно возблагодарила Суан за то, что некогда та по секрету познакомила ее с мудростью Амерлин прошлого. Многое из того, что рассказывала Суан, было почерпнуто в тайных архивах, однако попадались и иные небезынтересные крупицы знаний — например, изречения таких женщин, как Балладаре.

— Что за чушь ты там лопочешь? — со злостью бросила Элайда.

— Что ты намеревалась сделать с Рандом ал'Тором, захватив его в плен? — спросила Эгвейн, не обращая внимания на ее вопрос.

— Я не…

— Учти, не мне ты сейчас отвечаешь, а им! — сказала Эгвейн, кивком указывая на восседающих за столом. — Готова объясниться перед ними, Элайда? Каковы были твои планы? Или увильнешь, не дав ответа, как было и с остальными моими вопросами?

Элайда побагровела, но, приложив немалые усилия, сумела успокоиться.

— Я хотела держать его в надежном месте, отгородив щитом, здесь, в Башне, пока не настанет время Последней битвы, — заявила она. — Чтобы он не сеял вокруг страдания и хаос, на которые уже обрек многие страны. Цель стоила риска вызвать его гнев.

— «Как плуг взрезает землю, разрушая ее и все живое в ней, так будут разрушены человеческие жизни, и все, что было, истребит огонь его глаз, — процитировала Эгвейн. — Трубный глас войны последует за ним по пятам, и во́роны слетятся на голос его, и он наденет Корону мечей».

Ошеломленная, Элайда нахмурилась.

— «Кариатонский цикл», Элайда, — заметила Эгвейн. — Когда ты посадила Ранда под замок, чтобы держать его в «надежном месте», разве он уже завладел Иллианом? Разве носил то, что сам

назвал Короной мечей?

— Ну… Нет.

— И как же, по-твоему, он бы исполнил пророчества, будь он спрятан в Белой Башне? — спросила Эгвейн. — Как бы он вызвал войну, которую предвещают ему пророчества? Как бы он сумел разрушить государства и привязать к себе народы? Как смог бы «поразить народ свой мечом мира» или «обязать девять лун служить ему», если бы ты заточила его? Или в пророчествах упомянуто, что он будет «раскован»? Разве в них не говорится о «хаосе с его пришествием»? Как вообще хоть что-то могло бы исполниться, держи ты его в цепях?

— Я…

— Твоя логика, Элайда, просто поразительна, — холодно подытожила Эгвейн.

При этих словах девушки Феране хитро улыбнулась; должно быть, она вновь подумала, что Эгвейн прекрасно подойдет для Белой Айя.

— Фу! Что за бессмысленные вопросы! — промолвила Элайда. — Так или иначе, пророчества должны были исполниться. По-другому и быть не могло.

— Значит, ты утверждаешь, что твоя попытка захватить его была обречена с самого начала?

— Нет, вовсе нет, — заявила Элайда, снова покраснев. — И вообще, не об этом надо беспокоиться… Да и не тебе судить об этих делах. Давай лучше потолкуем о твоих мятежницах и о том, что они сотворили с Белой Башней!

Элайда ловко повернула разговор: попыталась сделать так, чтобы защищаться пришлось Эгвейн. Кое на что она все-таки годилась. Хоть и была слишком уж высокомерна.

— Я вижу, как они стараются устранить возникший между нами раскол, — отвечала Эгвейн. — Того, что произошло, мы изменить не в силах. Мы не можем изменить того, что ты сотворила с Суан, хотя те, кто на моей стороне, нашли способ Исцелить ее от усмирения. Нам остается лишь идти вперед и делать все возможное, чтобы изгладить шрамы. А что делаешь ты, Элайда? Отказываешься от переговоров, пытаешься запугать восседающих, чтобы они отступились? Оскорбляешь все Айя, кроме той, что считаешь своей?

Дозин из Желтой Айя что-то согласно пробормотала. Это привлекло внимание Элайды, и она на несколько мгновений умолкла, будто понимая, что утратила свое преимущество в споре, а потом, словно подводя черту, заявила:

— Довольно!

— Трусиха! — сказала в ответ Эгвейн.

— Да как ты посмела!.. — сверкнула гневными глазами Элайда.

— Я посмела сказать правду, Элайда, — негромко ответила Эгвейн. — Ты трусиха и деспот. Я бы нарекла тебя приспешницей Темного, но, наверное, даже Темный отказался бы иметь с тобой дело.

Элайда пронзительно вскрикнула, и вспыхнувшее на миг плетение ударило Эгвейн с такой силой, что девушка впечаталась спиной в стену, выронив из рук кувшин с вином. Стукнувшись о деревянный пол у края ковра, кувшин раскололся вдребезги, а капли кроваво-красной жидкости разлетелись во все стороны, окропив добрую половину сидящих за столом и обильно запятнав белоснежную скатерть.

— Ты назвала меня приспешницей Темного? — вскричала Элайда. — Это ты — приспешница Темного! Ты и все эти мятежницы, которые только и стараются отвлечь меня от того, что нужно сделать.

Поток сплетенного Воздуха вновь швырнул Эгвейн на стену, и она упала на пол — прямо на осколки разбитого кувшина, которые в кровь

изрезали ей руки. Девушку стегала дюжина хлыстов, разрывая в клочья одежду. Кровь текла по располосованным рукам, красные капли разлетались по сторонам, пачкали стену, а Элайда никак не унималась.

— Элайда, прекрати! — сказала Рубинде, вставая под шелест зеленого платья. — Ты обезумела?

Элайда обернулась к ней, тяжело дыша:

— Не искушай меня, Зеленая.

А хлысты все стегали Эгвейн. Она молча терпела, потом с усилием поднялась. Девушка чувствовала, как у нее уже начинают опухать лицо и руки. Но Эгвейн по-прежнему не отводила невозмутимого взгляда от Элайды.

— Элайда! — воскликнула Феране, вскакивая. — Ты преступаешь закон Башни! Ты не имеешь права использовать Силу для наказания послушницы!

— Я сама — закон Башни! — прорычала Элайда, а потом вскричала, указывая на сестер: — Вы насмехаетесь надо мной! Знаю, что насмехаетесь. У меня за спиной. При встрече вы выказываете почтение, но мне известно, что вы болтаете, о чем шепчетесь между собой. Вы неблагодарные дуры! И это после всего, что я сделала для вас!

Думаете, я буду вечно от вас терпеть такое? Пусть это послужит для вас примером!

Элайда резко развернулась, вытянув указательный палец в сторону Эгвейн, но тут же изумленно попятилась, увидев, что Эгвейн стоит и спокойно смотрит на нее. Элайда едва слышно охнула, подняв руку к груди, и принялась с ожесточением вновь хлестать девушку. Все видели плетения Силы — как видели и то, что Эгвейн не кричала, хотя рот ей кляпом из Воздуха не заткнули. По рукам у нее текла кровь, тело и без того уже перенесло побои, и все же девушка молчала, не видя ни малейшей причины для криков. Вместо этого она безмолвно благословляла айильских Хранительниц Мудрости за их знания.

— И чему именно, Элайда, — ровным голосом осведомилась Эгвейн, — я должна послужить примером?

Истязание продолжалось. Ох, как же больно! Слезы выступили у Эгвейн в уголках глаз, но ей ведь бывало и похуже. Гораздо хуже. Каждый раз, когда она думала о том, что эта женщина делает с Башней, которую она, Эгвейн, так любит. Настоящую боль девушка испытывала не от ран, а от того, как вела себя Элайда перед восседающими.

— Во имя Света, — прошептала Рубинде.

— Как бы мне хотелось, Элайда, чтобы я не была нужна здесь, — негромко промолвила Эгвейн. — Как бы я хотела, чтобы в тебе Башня обрела великую Амерлин. Хотела бы отступить и принять твою власть. Хотела бы, чтобы ты этого заслуживала. Я готова пойти на казнь, если бы тем самым у Башни осталась достойная и способная Амерлин. Белая Башня важнее, чем я. А ты можешь сказать то же самое?

— Ты хочешь казни! — завопила Элайда, вновь обретя дар речи. — Знай же, что ее для тебя не будет! Смерть была бы для тебя слишком легким избавлением, приспешница Темного! Я буду смотреть, как тебя бьют — все будут на это смотреть! — пока *я* с тобой не закончу. Только тогда ты умрешь! — Она повернулась к служанкам, которые застыли у стен обеденного зала и с открытыми от изумления ртами наблюдали за происходящим. — Послать за солдатами! Пусть ее заточат в самый глубокий каменный мешок, какой только найдется в Башне! Пусть по городу огласят, что Эгвейн ал'Вир — приспешница Темного и она отвергла милость Амерлин!

Слуги бросились выполнять приказание. Плети продолжали хлестать Эгвейн, но тело ее уже начало неметь. Девушка прикрыла глаза, чувствуя

головокружение и слабость, — она потеряла много крови: порезы на левой руке оказались очень глубокими.

У нее лишь мелькнуло в голове, что сбылись самые худшие ее опасения. Что ж, она сделала свой выбор.

Но не за свою жизнь боялась Эгвейн. Она тревожилась за Белую Башню. Переполненная печалью, с мыслями, тонущими во мгле, девушка привалилась спиной к стене.

Так или иначе, ее битва в Башне подходила к концу.

Глава 17
Способность владеть собой

Тебе стоит быть поосмотрительней, — раздался голос Сарен из комнаты. — Престол Амерлин… мы ведь способны на нее повлиять. А твоя кара… можно уговорить ее облегчить твое наказание — если бы ты помогала нам.

Презрительное фырканье Семираг было ей ответом. Из коридора, расположившись в удобном деревянном кресле, Кадсуане слушала, как идет допрос Отрекшейся. Айз Седай потягивала из чашечки теплый чай из сладколиста. Коридор был отделан простым деревом, на полу лежала красно-коричневая с белым ковровая дорожка, на стенах, помигивая, горели лампы в виде призм.

Кроме Кадсуане, в коридоре находились еще Дайгиан, Эриан и Элза: сейчас пришел их черед удерживать ограждавший Семираг щит. Все Айз Седай в лагере, за исключением Кадсуане, поочередно принимали в этом участие. Было бы слишком опасным перекладывать эту обязанность только на тех Айз Седай, кто занимает более низкое положение, потому что они быстро

уставали бы. А щит должен оставаться крепким и надежным. Одному лишь Свету ведомо, что случится, если Семираг вырвется на свободу.

Прислонившись спиной к стене, Кадсуане глотнула чаю. Ал'Тор настоял на том, чтобы именно «его» Айз Седай позволили допрашивать Семираг, вместо тех, кого выбрала Кадсуане. Она не была уверена, стремился ли он таким образом утвердить свой авторитет или же искренне полагал, будто они преуспеют там, где сама Кадсуане пока что терпит неудачу.

Так или иначе, именно по этой причине допрос сегодня проводила Сарен. Эта задумчивая Белая, родом из Тарабона, понятия не имела о том, что была одной из самых красивых женщин, кто за последние годы получил право на шаль. В ее неведении не было ничего удивительного, ведь она принадлежала к Белой Айя, а Белые сестры зачастую много чего не замечали, очень напоминая этим Коричневых. Не знала Сарен и того, что за дверью сидит Кадсуане и подслушивает, пустив в ход маленькое плетение Духа. Простой трюк, на который способны даже послушницы. Воспользовавшись же той заново открытой уловкой — инвертированием плетений, — Кадсуане могла подслушивать без помех — никто из на-

ходившихся в комнате и понятия не имел о том, что она здесь.

Расположившиеся в коридоре Айз Седай, разумеется, видели, что делает Кадсуане, но никто ей ничего не сказал. Даже те двое, Элза и Эриан, которые среди прочих дур поклялись в верности мальчишке ал'Тору, ходили перед ней на цыпочках; они прекрасно знали, как она к ним относится. Что за глупые женщины. Порой Кадсуане казалось, что добрая половина ее сторонников твердо вознамерилась усложнить стоящую перед ней задачу.

А в комнате Сарен продолжала допрос. Бóльшая часть находящихся в поместье Айз Седай уже предпринимали попытки разговорить Отрекшуюся. Коричневые, Зеленые, Белые и Желтые — все они потерпели неудачу. Самой Кадсуане еще предстояло лично задать Отрекшейся парочку вопросов. Прочие Айз Седай смотрели на Кадсуане, как на фигуру почти легендарную — такую репутацию ей удалось себе создать. По несколько десятилетий кряду она держалась подальше от Белой Башни, и когда большинство сестер уже приходило к мысли, будто она умерла, Кадсуане вновь переступала порог Башни, вызывая своим появлением немалый переполох. Охотиться на

Лжедраконов она отправлялась потому, что, во-первых, это было необходимо, а во-вторых, каждый отловленный ею мужчина укреплял ее репутацию в глазах прочих Айз Седай.

Все, что она делала прежде, делалось ради этих последних дней. Ослепи ее Свет, если она позволит теперь этому мальчишке ал'Тору все погубить!

Скрывая сердито сдвинутые брови, Кадсуане опять глотнула чаю. Постепенно, нить за нитью, она теряет над ним контроль. Когда-то нечто столь поразительное, как эти ссоры и дрязги в Белой Башне, непременно привлекли бы ее внимание. Но разбираться с ними сейчас у нее не было возможности. Сама ткань мироздания сейчас истончалась, расползалась в клочья, и, чтобы противостоять происходящему, у Кадсуане был лишь один вариант: все свои усилия она должна сосредоточить на ал'Торе.

Он же сопротивлялся всякой ее попытке ему помочь. Шаг за шагом он превращался в человека с окаменевшей душой — очерствевшего, безразличного и неспособного на уступки и приспособление. А бесчувственная статуя не может противостоять Темному.

Проклятый мальчишка! А тут еще эта Семираг,

которая, хоть убей, ничему не поддается. Кадсуане так и подмывало ворваться в комнату и самой с ней схлестнуться, но Мериса задавала в точности те вопросы, которые задала бы Кадсуане, — и безо всякого успеха. Интересно, надолго ли останется легендарным образ Кадсуане, если она окажется столь же бессильной, что и прочие?

Снова раздался голос Сарен.

— Ты не должна так относиться к Айз Седай, — спокойным тоном произнесла она.

— Айз Седай? — захихикав, отозвалась Семираг. — Не стыдно тебе так себя величать? Все равно что щенок, назвавшийся волком!

— Готова признать, мы, наверное, не все еще знаем, но…

— Ничего вы не знаете, — заявила Семираг. — Вы — дети, что забавляются с игрушками родителей.

Кадсуане побарабанила указательным пальцем по чашке. Вновь ее поразило сходство между нею и Семираг — и вновь это сходство породило где-то внутри беспокойный зуд.

Краешком глаза Айз Седай заметила поднимавшуюся по лестнице худощавую служанку. Она несла тарелку бобов и пареного редиса — сегодняшний обед Семираг. Неужели прошло столько

времени? Битых три часа Сарен допрашивает Отрекшуюся, а разговор так и ходит аккурат по кругу. Служанка уже подошла к двери, и Кадсуане коротко махнула рукой, разрешая ей войти.

Буквально через мгновение поднос загромыхал по полу. Услыхав внезапный грохот, Кадсуане вскочила на ноги, обнимая саидар, и едва удержалась, чтобы не ворваться в комнату. Замешкаться Кадсуане заставил голос Семираг.

— Я не стану это есть, — промолвила Отрекшаяся, сохраняя, как всегда, полное самообладание. — Надоели мне ваши помои. Принесите нечто более подобающее.

— А если принесем, — прозвучал голос Сарен, готовой, очевидно, ухватиться за любую возможность, — ты ответишь на наши вопросы?

— Может быть, — промолвила Семираг. — Посмотрим, какое у меня будет настроение.

Повисла тишина, Кадсуане взглянула на женщин в коридоре: грохот упавшего подноса заставил их всех вскочить, однако голосов Сарен и Семираг никто из них слышать не мог. Знаком Кадсуане попросила их снова сесть.

— Ступай и принеси ей что-нибудь другое, — распорядилась, обращаясь к служанке, Сарен. — И пришли кого-нибудь прибрать тут.

Дверь отворилась, затем быстро захлопнулась, когда служанка стремглав выскочила вон.

— Следующий вопрос, — продолжала допрос Сарен. — Благодаря ему мы выясним, получишь ли ты еду получше или нет.

Несмотря на твердость голоса Сарен, Кадсуане уловила в ее словах излишнюю поспешность. Неожиданно упавший поднос с едой явно испугал Белую сестру. Оказавшись рядом с Отрекшейся, они все испытывали какое-то беспокойное волнение. Почтения ей никто не выказывал, но тем не менее все относились к Семираг с определенной долей уважения. А как иначе? Она ведь была настоящей легендой. Нельзя стоять возле этого создания — одного из самых злых существ, когда-либо являвшихся в мир, — и не испытывать хотя бы капли благоговения.

Благоговения…

— Вот в чем наша ошибка, — прошептала Кадсуане.

Моргнув, она повернулась и распахнула дверь в комнату.

Семираг стояла посередине небольшого помещения; она вновь была связана потоками Воздуха — очевидно, эти плетения были созданы сразу же, как только она отшвырнула поднос. На полу

валялось медное блюдо, по полу, впитываясь в рассохшиеся деревянные половицы, растекалась подливка от бобов. Окон в комнатке не было; вообще-то, некогда она служила кладовкой, которую переделали в «камеру» для Отрекшейся. Рядом с Семираг сидела на стуле Сарен, чьи темные волосы были заплетены в украшенные бусинками косички. На миловидном лице Белой сестры явственно читалось удивление столь неожиданным вторжением. В углу стоял ее Страж Витальен — с широкими плечами и мертвенно-бледным лицом.

Голову Семираг обездвиживать не стали, поэтому она тут же впилась взором в Кадсуане.

Кадсуане уже приняла решение: она должна схлестнуться с этой женщиной и сломить ее. К счастью, задуманное ею не требовало особой утонченности. Все упиралось в один элементарный вопрос. Как бы Кадсуане стала ломать саму себя? Решение было простым — теперь, когда оно пришло ей в голову.

— Так, — строгим тоном сказала Кадсуане. — Значит, дитя отказалось от еды. Сарен, освободи ее от пут.

Семираг приподняла брови и открыла было рот, собираясь выдать очередное издевательское

замечание, однако Кадсуане, стоило только Сарен ослабить плетения Воздуха, схватила Семираг за волосы и, небрежной подсечкой сбив Отрекшуюся с ног, бросила ее наземь.

Наверное, можно было прибегнуть к Единой Силе, но Кадсуане казалось, что будет правильным пустить в ход руки. Пару-тройку плетений она на всякий случай приготовила, хотя и сомневалась, что они понадобятся. Несмотря на высокий рост, Семираг была женщиной тонкой и хрупкой, а саму Кадсуане отличала скорее дородность, чем стройность. Вдобавок Отрекшаяся явно была не на шутку ошарашена подобным обращением с нею.

Кадсуане присела, уперлась коленом Отрекшейся в спину, а затем несколько раз ткнула ее носом в лужицу с плавающими в ней бобами.

— Ешь давай, — сказала Кадсуане. — Не люблю, когда еду понапрасну переводят, тем паче в такие-то времена.

Семираг невнятно прошипела несколько фраз — Кадсуане могла лишь предположить, что то были ругательства, поскольку ни одного слова не поняла. По всей вероятности, их смысл оказался потерян, унесен потоком времени. Вскоре проклятия и ругательства смолкли, и Семираг затихла.

Она не сопротивлялась. На ее месте Кадсуане тоже не стала бы дергаться; это лишь повредило бы ее репутации. Та власть над окружающими, какую сохраняла Семираг, даже будучи пленницей, зиждилась на страхе и уважении, которое к ней испытывали Айз Седай. Кадсуане нужно было в корне переломить эту ситуацию.

— Будь любезна, освободи-ка стул, — обратившись к Сарен, произнесла Кадсуане.

Белая сестра встала, явно пораженная происходящим. Они перепробовали все методы воздействия, которые ал'Тор дозволил Айз Седай, но при этом сохраняли должный пиетет. К Семираг относились как к опасному, но достойному уважения противнику. И это лишь еще больше раздувало самомнение пленницы.

— Ну, будешь есть? — спросила Кадсуане.

— Я убью тебя, — спокойно проговорила Семираг. — Первой, раньше всех. Я заставлю их слушать твои вопли.

— Понятно, — ответила Кадсуане. — Сарен, позови сюда тех трех сестер, что ждут в коридоре. И вот еще… — добавила Кадсуане, подумав несколько мгновений. — В том конце коридора, как я заметила, горничные прибираются в комнатах. Их тоже приведи.

Сарен кивнула и стрелой вылетела из комнаты. Кадсуане уселась на стул и, сплетя нити Воздуха, поставила Семираг на ноги. В дверь заглянули Элза и Эриан, в глазах у них читалось громадное любопытство. Они вошли в комнату, а вслед за ними — и Сарен. Немного спустя в комнате появилась Дайгиан, вместе с пятью слугами — тремя доманийками в передниках, худосочным мужчиной, с пятнами коричневой краски на руках, оставшимися после перекрашивания бревенчатых стен, и мальчишкой-подручным. Превосходно.

Как только все вошли в комнату, Кадсуане с помощью плетений Воздуха развернула Семираг и уложила себе на колено. А затем принялась шлепать Отрекшуюся.

Поначалу Семираг хранила молчание. Но потом начала осыпать Кадсуане проклятиями. После, брызгая слюной, принялась угрожать. Кадсуане продолжала экзекуцию, хотя рука уже начала побаливать. Угрозы Семираг превратились в завывания, полные ярости и боли. В этот момент вернулась служанка, отправленная за едой, отчего экзекуция стала для Семираг еще позорнее. Айз Седай следили за происходящим с отвисшими челюстями.

— А теперь, — сказала Кадсуане, оборвав очередной крик боли Семираг. — Будешь есть?

— Я отыщу всех, кто тебе когда-нибудь был дорог, — со слезами на глазах заявила Отрекшаяся. — И заставлю их жрать друг друга у тебя на глазах. Я…

Кадсуане цыкнула на нее и принялась бить ее снова. Столпившиеся в комнате люди пораженно молчали, смотря во все глаза. Семираг заплакала — не от боли, а от унижения. Вот он, ключ. Семираг нельзя было одолеть, причинив боль или уговорив, — взять над ней верх было возможно, лишь разрушив сложившееся представление о ней. Уничтожить легендарный образ Семираг — для нее это окажется пострашнее любой кары. Впрочем, то же было бы верно и для самой Кадсуане.

Еще через несколько минут Кадсуане опустила уставшую руку и убрала плетения, удерживавшие Семираг неподвижно.

— Ну, будешь есть? — спросила она.

— Я…

Кадсуане снова подняла руку, и Семираг буквально скатилась у нее с колен и, ползая на четвереньках, принялась поедать бобы.

— Она — человек, — промолвила Кадсуане,

глядя на остальных. — Всего лишь человек, как и все мы. У нее есть свои тайны, но у всякого мальчишки есть секрет, о котором он не захочет говорить. Помните об этом.

Кадсуане встала и направилась к двери. Возле Сарен, которая зачарованно смотрела, как Отрекшаяся ест бобы прямо с пола, она чуть задержалась.

— Возможно, тебе стоит в следующий раз прихватить щетку для волос, — добавила Кадсуане. — А то, не ровен час, и руку отбить можно.

— Конечно, Кадсуане Седай, — улыбнулась Сарен.

«Итак, что же делать с ал'Тором?» — подумала Кадсуане, выходя из комнаты.

— Милорд, — промолвил Грейди, потирая обветренное лицо. — Сдается мне, вы не понимаете.

— Так растолкуй мне, — сказал Перрин.

Он стоял на склоне холма и глядел вниз, на громадное скопище беженцев и солдат. Разномастные палатки самых разных видов — желтокоричневые островерхие айильские, большие разноцветные кайриэнцев, обычные палатки с двумя верхушками, — вырастали тут и там по мере того, как люди готовились к ночлегу.

Как он и надеялся, Шайдо Айил в погоню не бросились. Они позволили армии Перрина отступить, хотя разведчики сообщали, что Шайдо приближаются к городу, собираясь его осмотреть. Как бы то ни было, теперь у Перрина есть время. Время на отдых, время на то, чтобы уползти подальше, время — как он надеялся — на то, чтобы, воспользовавшись переходными вратами, отправить отсюда бóльшую часть беженцев.

О Свет, но их так много! Тысячи и тысячи человек, сущий кошмар, и их надо организовать, обеспечить всем необходимым, разобраться с их бедами. Последние дни на него нескончаемым потоком сыпались жалобы, протесты, суждения и бумаги. Откуда только у Балвера столько бумаги? Похоже, большинство тех людей, что приходили к Перрину, удовлетворялись листом бумаги. Решения тяжб и вердикты о спорах казались им более весомыми, коли были записаны на бумаге. Балвер заявил, что Перрину необходимо обзавестись печатью.

Вся эта работа отвлекала, и это было хорошо. Однако Перрин прекрасно понимал, что проблемы в долгий ящик откладывать нельзя. Ранд тянул его на север. Перрин должен выйти на Последнюю битву. Все прочее значения не имело.

Но все же именно его упрямое стремление к одной-единственной цели — заставляющее не замечать все остальное вокруг — во время поисков Фэйли породило немало бед. Нужно каким-то образом найти золотую середину. Нужно решить для себя, хочет ли он вести за собой всех этих людей. Нужно примириться с волком в своей душе — с тем свирепым зверем, который пробуждался в нем всякий раз, как он устремлялся в битву.

Но прежде, чем браться за решение этих проблем, он должен отправить беженцев домой. А эта задачка оказалась совсем не из простых.

— У тебя было время отдохнуть, Грейди, — заметил Перрин.

— Усталость — это еще не все, милорд, — вздохнул Грейди. — Хотя, честно говоря, у меня по-прежнему такое чувство, что я могу проспать целую неделю.

Аша'ман и впрямь выглядел очень усталым. Сложения Грейди был крепкого, как фермер, да и характером обладал таким же. Случись какая беда, Перрин скорее доверился бы Грейди, а не большинству известных ему лордов. Только Грейди уже порядком вымотался. Что бывает с человеком, когда ему приходится так много направлять Силу? Под глазами у Грейди появились

мешки, лицо налилось бледностью, заметной, даже несмотря на смуглую кожу. Хотя он был молод, но уже начал седеть.

«О Свет, я слишком его загонял, — подумал Перрин. — И его, и Неалда». Вот еще одно следствие его собственного упрямства, если не упертости, как начал понимать Перрин. А то, что он сотворил с Айрамом, то, как оставил окружавших его людей без руководства… «Я должен все исправить. Обязан найти способ справиться со всем».

А иначе до Последней битвы он попросту не дотянет.

— Тут ведь какое дело, милорд. — Грейди снова потер ладонью подбородок, окидывая взглядом лагерь. Майенцы, гвардейцы Аллиандре, двуреченцы, айильцы, беженцы из самых разных городов — все расположились наособицу, расставив шатры и палатки отдельно друг от друга. — Нам нужно отправить домой несколько сотен тысяч человек. Ну, тех, кто захочет уйти. Многие говорят, что им безопаснее здесь, с вами.

— Пусть даже не мечтают, — отрезал Перрин. — Их место рядом с семьями.

— А как быть с теми, у кого семьи в землях, занятых шончан? — пожал плечами Грейди. — Если бы не пришли захватчики, многие из этих

людей были бы рады вернуться. Но теперь… В общем, они твердят, что хотят остаться там, где их защитят и где есть еда.

— Нужно отослать тех, кто хочет уйти, — ответил Перрин. — Без них идти будет легче.

— В том-то и дело, милорд, — покачал головой Грейди. — Этот ваш Балвер, он все подсчитал. Я в состоянии создать врата, через которые одновременно смогут пройти два человека. Будем считать, что врата они пройдут за секунду… Значит, на то, чтобы пропустить всех, понадобятся многие часы. Не знаю, сколько именно, но работы хватит на несколько дней, так он сказал. Еще добавил, что его подсчеты, пожалуй, весьма оптимистичны. Милорд, я так измотан, что едва ли сумею удержать врата открытыми даже час.

Перрин скрежетнул зубами. Стоило бы самому с Балвером поговорить, но у него было гнетущее чувство, что расчеты Балвера верны.

— Тогда будем двигаться дальше, — сказал Перрин. — Пойдем на север. Каждый день вы с Неалдом станете открывать врата и понемногу отправлять людей домой. Но старайтесь излишне себя не утомлять.

Грейди кивнул, глаза у него от усталости были запавшие. Может, лучше обождать несколько

дней, прежде чем браться за дело? Перрин кивнул, давая Аша'ману-посвященному понять, что он может идти, и Грейди поспешил обратно в лагерь. Перрин же остался на склоне, наблюдая за разными частями лагеря и за тем, как люди в нем готовятся к вечерней трапезе. Груженные провиантом фургоны стояли в середине лагеря, и Перрин серьезно опасался, что съестные припасы кончатся раньше, чем они успеют добраться до Андора. Или же стоит двинуться в обход, в Кайриэн? Именно там он в последний раз видел Ранда, хотя видения подсказывали Перрину, что сейчас Ранда нет ни в одной из этих стран. Еще его одолевали сомнения в том, что королева Андора встретит его с распростертыми объятиями — до нее наверняка дошли все те слухи о нем и об этом проклятом стяге с Красным орлом.

Перрин решил на время выкинуть эти мысли из головы. Похоже, люди в лагере сносно обустроились. От каждой группы палаток к главному складу с провизией отправились особо выделенные люди, которые должны были получать вечерний рацион. За приготовление пищи для своих каждая группа отвечала сама; Перрин взял на себя лишь распределение продовольствия. Он разглядел квартирмейстера — кайриэнца по име-

ни Бавин Рокшау, тот стоял сейчас позади одного из фургонов, занимаясь выдачей продуктов по очереди каждому из представителей групп.

Удовлетворенный увиденным, Перрин спустился в лагерь и прошел через ряды палаток кайриэнцев, направляясь к своим шатрам — они располагались возле палаток двуреченцев.

Ныне со своими обострившимися чувствами он уже вполне свыкся. Слух, зрение, обоняние стали острее тогда же, когда приобрели желтый цвет глаза. Теперь большинство окружающих, казалось, не замечали его желтых глаз, но о его инаковости Перрину сразу же напоминали те, кто встречал его впервые. Например, многие кайриэнские беженцы, когда он проходил мимо, переставали возиться со своими палатками. «Златоокий», — шептали они, провожая его взглядами.

Но он не слишком беспокоился о том, как его прозвали. Айбара — таково имя его рода, и Перрин с гордостью его носил. Он был одним из немногих, кто сможет передать это имя по наследству. Об этом позаботились троллоки.

Перрин окинул быстрым взглядом группу пялившихся на него беженцев, и те поспешно принялись вновь вколачивать колья от палатки.

Затем он прошел мимо парочки двуреченцев — Тода ал'Каара и Джори Конгара. Увидав Перрина, они отсалютовали ему, прижав кулак к сердцу. Им-то Перрин Златоокий вовсе не внушал страх, хотя они и питали к нему уважение, что, впрочем, не мешало парням до сих пор шептаться о той ночи, которую тот провел в палатке Берелейн. Как же Перрину хотелось избавиться от тени того. После победы над Шайдо люди по-прежнему испытывали возбуждение и душевный подъем, но еще не так давно Перрин, оказываясь среди них, чувствовал, что они ему совсем не рады.

И все же эти двое словно бы упрятали подальше свое недовольство, по крайней мере на время. И даже отсалютовали ему. Неужели они забыли, что Перрин вырос вместе с ними? Забыли о тех днях, когда Джори насмехался над медлительностью речи Перрина или когда заглядывал в кузницу похвастаться, у кого из девчонок сорвал украдкой поцелуй?

Перрин просто кивнул им в ответ. Что толку копаться в прошлом, раз их преданность Перрину Златоокому помогла спасти Фэйли. Впрочем, стоило ему пройти мимо, как тотчас же своим острым слухом он уловил, как парни принялись болтать о битве, произошедшей несколькими

днями раньше, и своем участии в ней. От одного из парней до сих пор пахло кровью; он так и не удосужился еще вычистить сапоги. Наверное, даже не замечает на них грязи, перемешанной с кровью.

Порой Перрин гадал, на самом ли деле его чувства острее, чем у прочих. Просто он замечал то, на что другие не обращали внимания. Как можно не уловить этого запаха крови? И свежего дуновения ветерка с гор на севере? Оттуда пахнуло домом, хотя они находились за много лиг от Двуречья. Если кто-нибудь закроет глаза и сосредоточится, неужели он не почувствует тот запах, который способен ощутить Перрин? Если люди раскроют пошире глаза и присмотрятся к миру вокруг, станут ли их называть «остроглазыми», как сами они называют Перрина?

Нет. Выдумки все это. Его чувства и вправду острее; родство с волками изменило его. О своей общности с волками Перрин какое-то время не думал — он был слишком поглощен мыслями о Фэйли. Но он перестал стесняться цвета своих глаз. Глаза наконец-то стали частью его самого. Что толку ворчать и сетовать на них.

И все-таки… Та ярость, которая охватывает его в битве… Он терял над собой контроль. Вот что все

больше и больше беспокоило Перрина. Впервые он почувствовал эту всепоглощающую ярость давным-давно, в ночь схватки с белоплащниками. На какое-то время Перрин перестал тогда понимать, кто он — волк или человек.

И вот — в одном из недавних волчьих снов — он пытался убить Прыгуна. А в волчьем сне смерть была окончательной. В тот день Перрин едва не потерял себя, свое «я». Размышления о случившемся пробуждали старые страхи — страхи, которые он старательно отгонял от себя. Страхи, связанные с запертым в клетке мужчиной, который вел себя как волк.

Пока Перрин шагал к своей палатке, он кое-что решил для себя. Он целеустремленно гнался за Фэйли, избегая волчьих снов точно так же, как уклонялся от любой ответственности. Утверждал, что все прочее не важно. Однако он прекрасно понимал, что истинное положение вещей намного сложнее. Перрин был так поглощен мыслями о Фэйли, потому что очень сильно любил ее, но еще и потому, что так ему было удобней. Спасение Фэйли было предлогом — ему хотелось избавиться от беспокойства и неловкости, вызванных тем, что он должен руководить другими, и ненадежным перемирием в душе между самим собой и

волком внутри себя.

Он спас Фэйли, но многое по-прежнему шло не так. Быть может, ответы отыщутся в его снах?

Пора туда вернуться.

Глава 18
Послание второпях

Едва войдя в лагерь Айз Седай, Суан застыла как вкопанная. К бедру она прижимала корзину с грязным бельем, и на сей раз белье было только ее. Суан наконец сообразила, что ни к чему ей возиться и со своим бельем, и с бельем Брина. Пусть лучше часть ее стирки возьмут на себя послушницы. Вон сколько их ныне развелось, просто пруд пруди.

И сейчас все они толпились на дорожке возле большого шатра в самом центре лагеря. Послушницы стояли плечом к плечу — стена белых фигур, с волосами всевозможных природных оттенков. Вряд ли заурядное собрание Совета Башни привлекло бы столь пристальное внимание. Должно быть, происходит нечто важное.

Водрузив плетеную корзину с бельем на пенек, Суан накрыла ее полотенцем. Хмурое небо не внушало доверия, хотя за всю прошедшую неделю дождь разве что разок слегка поморосил. Не доверяй небу начальника гавани. Вот ее девиз. Даже если рискуешь всего лишь промочить бе-

лье, пусть и нестираное.

Суан торопливо пересекла немощеную дорогу и, шагнув на деревянные мостки, поспешила в сторону большого шатра. Нетесаные доски слегка прогибались под ногами и скрипели при каждом шаге. Давно уже поговаривали, что пора, мол, сменить дощатые настилы дорожек на нечто более долговечное, а то и недешевое — например, замостить дорожки камнем.

Наконец Суан дошла до задних рядов собравшейся толпы. Последний раз на заседании Совета Башни, привлекшем столько народу, было объявлено, что Аша'маны связали сестер узами и что саидин очищена от порчи. Да ниспошлет Свет, чтобы на сей раз не было сюрпризов подобного рода! Нервы у нее и так на пределе из-за этого треклятого Гарета Брина. Взять хотя бы его предложение научить ее владеть мечом — так, на всякий случай. Она никогда не думала, что от мечей может быть какой-то особый прок. Да и потом, слыханное ли дело — Айз Седай носит оружие и сражается, будто какой безумный айилец? Кому такое в башку взбредет? Разве что этому Брину!..

Пробиваясь сквозь толпу послушниц, Суан злилась на то, что приходится привлекать к се-

бе внимание — иначе освободить себе путь ей не удавалось. Разумеется, едва завидев сестру, послушницы тут же пропускали ее, но иных происходящее захватило настолько, что убрать их с дороги Суан стоило труда. Некоторых она успела пожурить за то, что те отлынивают от работы. Где же, интересно знать, Тиана? Ей бы следовало всех этих бездельниц заставить вновь взяться за работу! Даже если в лагере самолично объявился растреклятый Ранд ал'Тор, послушницы не должны отвлекаться от своих повседневных занятий!

Наконец возле самого входа в шатер, у входного клапана, Суан обнаружила ту женщину, которую и ожидала тут найти. Шириам, будучи хранительницей летописей при Эгвейн, не имела права входить туда, где заседал Совет, без Амерлин. Так что ей приходилось ждать снаружи. Но вероятно, это все же лучше, чем томиться и переживать, сидя в своей палатке.

За несколько минувших недель эта некогда дородная женщина с огненно-рыжими волосами заметно подрастеряла былую округлость форм. Пожалуй, не худо бы ей пошить себе новые платья — еще немного, и старые будут висеть на ней как на вешалке. Впрочем, в последнее время она, похоже, обрела некоторое спокойствие, став ме-

нее переменчивой в своем поведении. Что бы ни тревожило Шириам, по-видимому, это осталось в прошлом. Сама же она с самого начала твердила, что с ней все в порядке.

— Вот же рыбий потрох, — пробурчала Суан, когда какая-то послушница ненароком заехала ей локтем в бок. Она ожгла бедняжку сердитым взором, и та тотчас сникла и поспешила убраться прочь, за ней неохотно потянулись и подружки-послушницы из ее «семьи». Суан вновь повернулась к Шириам и спросила: — Ну, что тут такое? Всплыло, что какой-то подручный конюха — на самом деле король Тира?

— Элайда овладела Перемещением, — ответила Шириам, приподняв бровь.

— Что? — удивилась Суан и заглянула внутрь шатра.

Места внутри были заняты, и перед Айз Седай выступала долговязая Ашманайлла — из Серой Айя. Почему это заседание не запечатано Пламенем?

— Да, — кивнула Шириам. — Мы это выяснили, когда послали Ашманайллу в Кандор за деньгами.

Подношения были одним из основных источников средств для Айз Седай, объединившихся

вокруг Эгвейн. Из века в век все королевства отправляли денежные пожертвования в Тар Валон. Но Белая Башня давно уже не полагалась на подобные поступления в свою казну: куда лучше иметь средства самим обеспечивать себя, чем рассчитывать на щедрость со стороны. Тем не менее от даров никогда не отказывались, и многие из королевств Порубежья по-прежнему держались старых обычаев.

До раскола в Белой Башне в обязанности Ашманайллы входил учет таких подношений, и она каждый месяц отсылала жертвователям благодарственные письма от имени Амерлин. Когда произошел раскол, то после открытия Перемещения у Айз Седай, перешедших на сторону Эгвейн, появилась возможность отправлять в Пограничные земли делегации для получения подобных пожертвований лично. Кандорского главного писца не волновал вопрос, какую из сторон расколовшейся Белой Башни нужно поддерживать, — для него важнее было отправить подношение, и он был только рад передать деньги непосредственно Ашманайлле в руки.

Осада Тар Валона дала возможность направить ручеек монет от пожертвований на жалованье солдатам Брина, не позволяя деньгам попасть к

Элайде. Весьма причудливый поворот судьбы. Но ни одно море не бывает спокойным вечно.

— Главный писец был вне себя от ярости, — своим деловым тоном докладывала Ашманайлла. — «Я уже заплатил вам за этот месяц! — заявил он мне. — Еще и дня не прошло, как я передал деньги явившейся за ними женщине. Она принесла письмо от самой Амерлин, честь по чести запечатанное, и в этом послании говорилось, что я должен отдать деньги только представительнице Красной Айя».

— Это еще не доказывает, что Элайда владеет Перемещением, — заметила сидящая в глубине шатра Романда. — Красная сестра могла добраться до Кандора и другим способом.

— Нет, — покачала головой Ашманайлла. — Есть те, кто видел переходные врата. Главный писец заметил ошибку в подсчетах и отправил посыльного догнать посланниц Элайды и передать им еще мешочек с монетами. Так этот мужчина рассказал в точности то, что видел. В воздухе была черная дыра, куда уходили лошади. Увиденное настолько его потрясло, что он стал звать стражу, но пока та явилась, люди Элайды уже успели уйти. Я лично расспрашивала посыльного.

— Не люблю я полагаться на свидетельство всего одного человека, — заметила сидевшая в первых рядах Морайя.

— Главный писец подробно описал женщину, которая взяла у него деньги, — ответила Ашманайлла. — Уверена, это Несита. Возможно, нам удастся выяснить, в Башне ли она? Это даст нам еще одно доказательство.

Отовсюду посыпались возражения, но Суан уже перестала внимательно прислушиваться. Возможно, то хитрая уловка, чтобы их отвлечь, но идти на такой риск им никак нельзя. О Свет! Неужели только у Суан, у нее одной, есть голова на плечах?

Суан схватила за руку первую попавшуюся послушницу, что стояла ближе к ней, — робкого вида девчушку, которая наверняка была постарше, чем выглядела, — иначе и быть не могло, поскольку, если судить по виду, ей исполнилось лет девять, не больше.

— Для тебя есть срочное поручение, — сообщила Суан девчонке. — Приведи ко мне посыльного, одного из тех, кого лорд Брин оставил в лагере доставлять ему известия. Быстро!

Что-то взвизгнув в ответ, девчонка унеслась прочь.

— Ты что делаешь? — спросила Шириам.

— Спасаю наши шкуры, — ответила Суан, обводя сердитым взглядом толпящихся вокруг шатра послушниц. — Так! — проревела она. — Довольно тут околачиваться! Если ваши занятия отложили из-за неприятностей, то у вас что, других забот нет? Ступайте отыщите для себя какое-нибудь полезное дело. Послушницу, которая через десять секунд останется тут, на мостках, ждет такое наказание, что она считать разучится!

Тотчас же начался массовый исход женщин в белых одеяниях — послушницы разом отхлынули и, разбившись на «семьи», быстрым шагом поспешили прочь. Через несколько мгновений возле Шириам и Суан осталась лишь небольшая группка принятых. Они под суровым взглядом Суан ежились и неловко переминались с ноги на ногу, но она ничего не сказала. В отличие от послушниц, принятые пользовались большей свободой — таковы были их привилегии. К тому же Суан была уже довольна тем, что теперь можно ходить, никого не расталкивая.

— Почему с самого начала это заседание не было запечатано Пламенем? — осведомилась она у Шириам.

— Понятия не имею, — призналась Шириам,

заглядывая внутрь огромного шатра. — Если это правда, то известие весьма пугающее.

— Рано или поздно такое должно было произойти, — заметила Суан, хотя в душе не чувствовала и тени того спокойствия, которое она выказывала. — Новости о Перемещении уже наверняка разошлись повсюду.

«Что же произошло? — думала она. — Неужели они сломили Эгвейн? Да ниспошлет Свет, чтобы это не была ни она, ни Лиане. Беонин! Наверное, это ее заставили выдать тайну. Чтоб им всем сгореть!»

Суан покачала головой:

— Да ниспошлет Свет, чтобы мы уберегли секрет Перемещения от шончан. Когда они нападут на Белую Башню, нам понадобится хотя бы такое преимущество!

Шириам, не скрывая своего скептицизма, смерила Суан взглядом. Большинство сестер не верило Эгвейн, которой Сновидение предрекало нападение на Башню. Что за дуры — хотят рыбку на обед поймать, но потрошить ее не желают. Нельзя избрать женщину на Престол Амерлин, а потом относиться к ее предостережениям как к пустому сотрясанию воздуха…

Суан ждала, нетерпеливо притопывая и впол-

уха слушая разговор внутри шатра. Только она уже задумалась, не отправить ли еще одну послушницу, как к ней рысью подскакал один из посыльных Брина. Когда всадник в аккуратной форме и с коротко остриженными каштановыми волосами осадил коня, то эта своенравная зверюга — черная, как ночь, только над копытами было чуть-чуть белого, — фыркнула прямо в лицо Суан. Неужели надо было непременно приводить сюда это животное?

— Айз Седай? — поклонился ей, не слезая с коня, посыльный. — У вас послание для лорда Брина?

— Да, — ответила Суан. — Его нужно доставить как можно скорее. Понял меня? Возможно, от этого будут зависеть жизни всех нас.

Солдат коротко кивнул.

— Передай лорду Брину… — начала Суан. — Скажи, пусть следит за своими флангами. Наш враг научился тому приему, благодаря которому мы попали сюда.

— Будет исполнено.

— Повтори, что должен передать, — потребовала Суан.

— Я все понял, Айз Седай, — ответил стройный мужчина, снова поклонившись. — Но знайте, я десять лет прослужил посыльным у генерала. Так

что память у меня…

— Хватит, — перебила его Суан. — Мне все равно, сколько ты всем этим занимаешься. Мне все равно, какая у тебя память. И мне все равно, если тебе раньше по какому-то капризу судьбы доводилось тысячу раз передавать точно такое же послание. А сейчас повтори то, что я тебе сказала.

— Хм… как вам угодно, Айз Седай. Я должен передать лорду генералу, чтобы он следил за флангами. Наш враг научился тому приему, благодаря которому мы попали сюда.

— Хорошо. Скачи.

Гонец кивнул.

— Быстро!

Вздыбив эту ужасную лошадь, всадник с места послал ее в галоп и поскакал из лагеря; плащ громко хлопал у него за спиной.

— А что это было? — спросила Шириам, оторвавшись ненадолго от происходящего на собрании.

— Не хочу, чтобы мы проснулись, окруженные войском Элайды, — ответила Суан. — Бьюсь об заклад, я единственная, кому пришло в голову предупредить нашего генерала, что противник, возможно, только что лишил нас главнейшего тактического преимущества. Такого важного

для осады.

Шириам нахмурилась, — видимо, об этом она даже не подумала. И не одна она такая. Нет, разумеется, раньше или позже кто-то наверняка вспомнит о Брине и решит, что надо бы отправить весточку командующему. Но для большинства вся беда не в том, что Элайда теперь в состоянии перебросить войска и атаковать с флангов, не в том, что осада, которую ведет Брин, теперь бесполезна. Для них катастрофа имеет личный характер: знание, которое они старательно хранили в тайне, попало в чужие руки. Раньше секрет Перемещения принадлежал только им, а теперь он известен и Элайде! Совершенно в духе Айз Седай. Сначала негодовать, а потом уже думать, каковы будут последствия.

А возможно, Суан просто испытывает горечь? Наконец кто-то в шатре додумался предложить, чтобы собрание Совета было запечатано Пламенем, так что Суан отступила в сторону и сошла с деревянных мостков на плотно утоптанную землю. Мимо туда-сюда сновали послушницы, опуская головы, дабы не встречаться с нею взглядами, однако склониться в торопливом реверансе никто не забывал.

«Сегодня у меня плохо выходит выглядеть сла-

бой», — поморщившись, подумала Суан.

Белая Башня разваливалась. Все Айя ослабляли друг друга мелочными склоками и глупыми ссорами. Даже здесь, в лагере Айз Седай, поддерживающих Эгвейн, больше времени уходило на политиканство, чем на подготовку к надвигающейся буре.

И ответственность за эти несчастья отчасти несла и Суан.

Но львиная доля вины все равно лежит на Элайде и ее Айя. А может, если бы Суан сумела склонить Айя к сотрудничеству, и не случилось бы никакого раскола? Конечно, Элайда виновата в расколе, но времени у нее было не настолько много. Каждую брешь в единстве Башни наверняка можно отследить в прошлое, когда они — во время пребывания Суан на Престоле Амерлин — были совсем еще крошечными трещинками. Вероятно, не будь она всего-навсего посредницей, примиряющей между собой различные группировки в Белой Башне, а стань кем-то большим, удалось бы ей придать крепости и сил этим женщинам? Удержать их, не дать кинуться друг на друга, точно обезумевшим от крови рыбы-бритвы?

Да, Дракон Возрожденный очень важен. Но он

— лишь одна из ключевых фигур в плетениях последних дней. Забыть об этом обстоятельстве очень легко — так же легко наблюдать только за одним выдающимся героем из легенд, позабыв обо всех прочих.

Вздохнув, Суан взяла корзину с бельем и по привычке проверила, все ли на месте. И тут, свернув с одной из примыкавших дорожек, к Суан приблизилась фигура в белом облачении.

— Суан Седай?

Суан, нахмурившись, подняла взгляд на подошедшую женщину. Стоявшая перед ней послушница была одной из самых необычных в лагере. Старческое обветренное лицо почти семидесятилетней Шарины испещряла целая сеть морщин. Серебристо-седые волосы она убирала в пучок и, если не сутулилась при ходьбе, в каждом ее шаге угадывалась особая сила. В жизни Шарина многое повидала, многое сделала, да и прожила уже немало лет. И, в отличие от Айз Седай, Шарина все эти годы действительно жила. Трудилась, растила семью, даже своих детей ей довелось хоронить.

В Силе женщина обладала высоким потенциалом. Необыкновенно высоким; она наверняка получит шаль, и когда это произойдет, то будет

стоять много выше Суан. Впрочем, сейчас Шарина склонилась в низком реверансе. Почтение она умела выказывать почти идеально. Известна она была еще и тем, что много реже всех прочих послушниц жаловалась, доставляла меньше всех хлопот и к тому же слыла самой прилежной ученицей. Будучи послушницей, она понимала то, чему большинство Айз Седай так и не научились — либо забывали в тот миг, когда получали шаль. Как проявить покорность, когда это необходимо; как достойно принять наказание; как понять, когда надо учиться, а не делать вид, будто и так все знаешь.

«Если б только среди нас было побольше таких, как она, — подумала Суан. — И поменьше таких, как Элайда и Романда».

— Да, дитя мое? — промолвила Суан. — В чем дело?

— Просто увидела, Суан Седай, как вы поднимаете корзину с бельем, — ответила Шарина. — И подумала: может, мне понести ее вместо вас?

Немного помешкав, Суан сказала:

— Мне бы не хотелось, чтобы ты утомлялась.

Шарина приподняла бровь, и лицо ее приобрело выражение, совершенно несвойственное послушницам.

— Лишь год назад, Суан Седай, эти старые руки носили тяжести и поболе — от реки, да обратно, да по пути еще с тремя внуками управлялись. Так что, думаю, меня от этого не убудет.

Что-то было такое у Шарины в глазах — некий намек, что за ее предложением стоит нечто совсем иное. По-видимому, искусна она не в одних лишь плетениях Исцеления.

Снедаемая любопытством, Суан позволила старой женщине взять корзину. И они двинулись по дорожке в сторону палаток послушниц.

— Разве не странно, Суан Седай, — начала Шарина, — что столь незначительное с виду происшествие вызвало этакий переполох?

— То, что Элайда овладела Перемещением, — вовсе не пустяк.

— И все же по важности это событие не сравнить с тем потрясением, которое, по слухам, имело место на собрании несколько месяцев тому назад, когда у нас побывал мужчина, способный направлять Силу. Удивительно, что сегодня возникла такая кутерьма.

Суан покачала головой.

— То, как мыслят люди, Шарина, всегда поначалу кажется странным. Да, все до сих пор судачат о посещении лагеря тем Аша'маном. Люди жаждут

чего-нибудь новенького, и поэтому, когда появился шанс узнать какие-то вести, всех охватило такое волнение. Поистине большие откровения, бывает, остаются сокрыты тайной, из-за чего намного менее важные события сопровождаются бурным ростом беспокойства.

— Думаю, кое-кому это наблюдение пошло впрок, — сказала Шарина и кивком указала на кучку послушниц, мимо которых они проходили. — Если кому-то нужно создать неразбериху, то далеко искать не надо.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Суан, прищурившись.

— Сначала Ашманайлла сообщила обо всем Лилейн Седай, — тихо промолвила Шарина. — А насколько я слыхала, как раз Лилейн и не стала молчать о новостях. Созывая заседание Совета, она в присутствии послушниц во всеуслышание говорила об известиях Ашманайллы. И опять-таки Лилейн не обратила ни малейшего внимания на прозвучавшие тогда же призывы объявить собрание запечатанным Пламенем.

— Ага! — удивилась Суан. — Так вот в чем дело!

— Понятно, что я всего лишь слухи пересказываю, — пояснила Шарина, остановившись в

тени чахлого чернодрева. — Наверное, все это глупости. Как же иначе-то, а? Ведь любая Айз Седай, занимающая столь высокое положение, как Лилейн, должна понимать, что обмолвись она о подобном известии рядом с послушницами, то о нем вскоре узнают все, кто уши не заткнул.

— А в Башне уши готовы даже малейший шорох услышать.

— Вот именно, Суан Седай, — с улыбкой сказала Шарина.

Выходит, Лилейн вздумала превратить собрание в показное зрелище — хотела, чтобы послушницы ловили каждое сказанное на совете слово, а все сестры, находившиеся в лагере, приняли участие в обсуждении сообщенных Ашманайллой новостей. Но зачем? И с какой стати Шарине делиться с Суан своими мыслями, вовсе не свойственными послушнице?

Ответ очевиден. Чем отчетливее женщины в лагере ощутят нависшую над собой угрозу — чем больше будут видеть в Элайде опасность, — тем проще будет для твердой и решительной руки взять их всех под свой контроль. И хотя покамест сестры лишь негодуют из-за раскрытия тайны, которую все так старательно оберегали, вскоре они осознают опасность, которую Суан увидела

сразу. Скоро всеми овладеет страх. Беспокойство. Тревога. Осада не даст нужного результата — не теперь, когда сидящие в Башне Айз Седай получили возможность Перемещаться, куда и когда бы они того ни захотели. Армия Брина, занявшая позиции у мостов, стала бесполезной.

Если Суан не ошибается в своих догадках, то Лилейн позаботится о том, чтобы остальные тоже осознали, какие могут быть последствия.

— Она хочет, чтобы мы перепугались до смерти, — заключила Суан. — Ей нужен кризис.

Как умно со стороны Лилейн. Суан обязана была предвидеть подобный поворот событий. А то, что Суан не сумела его предугадать, — и то, что у нее о намерениях Лилейн даже намека не было, — само по себе наводило на определенные выводы. А именно — вполне вероятно, что Лилейн не так уж доверяет Суан, как это кажется. Вот же проклятье!

Она пристально посмотрела на стоявшую рядом Шарину. Седовласая женщина терпеливо дожидалась, пока Суан обдумает все свои догадки и предположения.

— Зачем ты мне это рассказала? — спросила Суан. — Откуда ты знаешь, вдруг я прихлебательница Лилейн?

Приподняв брови, Шарина проговорила:

— Ах, оставьте, Суан Седай! Эти глаза не слепы, и они видят женщину, которая изо всех сил старается, чтобы враги Амерлин без дела не сидели.

— Ладно, — согласилась Суан. — Но ты все равно рискуешь навлечь на себя неприятности, а вознаградить-то тебя, считай, и нечем.

— Нечем вознаградить? — спросила Шарина. — Простите, Суан Седай, но какой, по-вашему, окажется моя судьба, если Амерлин не вернется? Что бы ни говорила сейчас Лилейн Седай, но мы-то знаем, что она думает на самом деле.

Суан задумалась. Пусть ныне Лилейн выступает в роли рьяной защитницы Эгвейн, но еще не так давно она, как и все прочие, с явной неприязнью относилась к «слишком старым» послушницам. Мало кому нравится, когда рушатся прежние традиции.

Поскольку имена принятых на обучение женщин заносились в книгу послушниц, то изгнать их из Башни окажется крайне затруднительно. Но это не значит, что Айз Седай будут согласны и в дальнейшем принимать в послушницы женщин совсем не юного возраста. Кроме того, велика вероятность, что Лилейн — либо та, кто в конце концов окажется на Престоле Амерлин, —

изыщет способ усложнить, а то и совершенно перекрыть путь к шали женщинам, ставшим послушницами вопреки традициям. А в число последних как раз и входила Шарина.

— Я дам знать Амерлин о том, как ты поступила, — сказала Суан. — Ты будешь вознаграждена.

— Моей наградой, Суан Седай, станет возвращение Эгвейн Седай. Молюсь, чтобы это произошло поскорее. Наши судьбы переплелись с ее судьбой в тот день, когда она приняла нас. После всего, что я увидела и пережила, я ни за что не брошу учиться. Думаю, вы не против, — добавила Шарина, приподняв корзину, — если это будет постирано и возвращено вам чистым?

— Нет, конечно. Спасибо тебе.

— Я — послушница, Суан Седай. Таков мой долг, и он мне не в тягость.

С этими словами Шарина учтиво поклонилась и зашагала по дорожке дальше — походкой слишком легкой для женщины ее лет.

Проводив ее взглядом, Суан остановила пробегавшую мимо другую послушницу. Еще одно сообщение Брину. Так, на всякий случай.

«Поторопись, девочка, — мысленно обратилась Суан к Эгвейн, глядя на шпиль Белой Башни. — С твоей судьбой переплетена не только судьба Ша-

рины. Ты всех нас запутала-заплела в свои сети».

Глава 19
Жертвы

Хаос. Весь мир обратился в хаос.

Туон, заложив руки за спину, стояла на балконе своего приемного зала во дворце в Эбу Дар. Перед дворцом на площади, плиты которой, как и многие стены и улицы в городе, были вымыты добела, под надзором пары настороженных офицеров Туон обучалась перестроениям группа облаченных в черную с золотом форму дружинников из Алтары. За площадью возвышались городские здания, и там и тут между окаймленными цветными полосами белыми куполами устремлялись к небу высокие белые шпили.

Порядок. Здесь, в Эбу Дар, повсюду царил порядок — даже среди того моря палаток и фургонов вокруг городских стен. Патрули из шончанских солдат оберегали общий покой. В планах было еще заняться очисткой Рахада. Бедность — не причина, чтобы жить без закона, и тем более не оправдание этому.

Но этот город был маленьким, просто крошечным уголком порядка в мире, охваченном

неутихающими бурями. Теперь, когда императрица умерла, даже саму Шончан расколола гражданская война. *Коринне* продолжалось, но из-за Дракона Возрожденного на востоке и доманийских войск на севере возвращение этих земель Артура Ястребиное Крыло продвигалось медленно. Туон по-прежнему ждала новостей от лейтенант-генерала Турана, но знамения ничего хорошего не предвещали. Галган неустанно твердил, что они будут приятно удивлены исходом дела, но в тот час, когда Туон доложили о затруднительном положении, в какое попал Туран, она увидела черного голубя. Знамение не оставляло сомнений. Живым он не вернется.

Хаос. Туон бросила взгляд в сторону — туда, где стоял верный Карид в толстых доспехах, выкрашенных в кроваво-красный и темно-зеленый, почти черный, цвета. Это был рослый мужчина, чье квадратное лицо твердостью своего выражения могло поспорить с доспехами, что он носил. Только вчера Туон вернулась в Эбу Дар, и сегодня Карида сопровождали полные две дюжины Стражей Последнего часа, а также шесть огиров-Садовников. Стражи, выстроившись вдоль стен, словно бы взяли в кольцо пространство этого зала, с высокими потолками и белыми колоннами.

Карид ощущал царивший хаос и не желал, чтобы кто-то снова захватил Туон. Хаос всегда становится смертельно опасным, когда начинаешь строить догадки о том, кого он может поразить, а кого — нет. Здесь, в Эбу Дар, хаос проявил себя в интриге некоей клики, имевшей целью лишить саму Туон жизни.

Покушения стали для нее частью жизни с того времени, как она научилась ходить, и ей удавалось ловко уклоняться от них, благополучно все пережив. Она даже ожидала, если не предвкушала их. В каком-то смысле именно благодаря покушениям она становилась крепче и уверенней в своих силах. Откуда тебе знать, что ты могуществен, если никто не подсылает к тебе наемных убийц?

Но предательство Сюрот… Вот уж действительно хаос налицо, раз даже глава Предвестников оказалась предателем. Вернуть мир назад к порядку будет очень и очень трудно. А может, и невозможно.

Туон распрямила спину. Не думала она, что так скоро станет императрицей. Но свой долг она выполнит.

Повернувшись спиной к открывавшемуся с балкона виду, Туон направилась обратно в при-

емный зал, чтобы встретиться с теми, кто ее ожидал. Как и у прочих Высокородных, на щеках у нее темнели полосы пепла — в знак скорби по ушедшей императрице. Особой привязанности к матери Туон никогда не питала, но императрица в любви и не нуждается — она должна нести порядок и постоянство. Туон только начала осознавать важность подобных вещей, когда на ее плечи легло бремя ответственности.

Просторный прямоугольный зал освещался свечами в канделябрах, укрепленных между колоннами, и вливавшимися через широкий балкон ослепительными лучами солнца. Туон распорядилась вынести отсюда все ковры, отдав предпочтение сияющим белым плиткам пола. Потолок украшала фреска, изображавшая вышедших в море рыбаков, над которыми в чистом небе парили чайки, а стены были выкрашены в приглушенный голубой цвет. Под канделябрами по правую руку от Туон в ожидании приказа застыли десять коленопреклоненных да'ковале, облаченных в одежды из тончайшей просвечивающей ткани. Сюрот среди них не было. Стражи Последнего часа будут неусыпно следить за ней, по крайней мере до того времени, когда у нее отрастут волосы.

Как только Туон ступила в зал, все находившиеся в нем Высокородные преклонили колени и склонили головы. Те же, кто был простого звания, опустились на колени и склонились перед нею, коснувшись лбом пола.

Напротив да'ковале, по другую сторону зала, на колени встали и Ланелле с Мелитене, их платья были украшены серебряными молниями на красных вставках на юбках. Их обузданные дамани стояли на коленях, уткнувшись лицами в пол. Для нескольких дамани похищение Туон оказалось невыносимой мукой; пока ее не было, они беспрестанно и безутешно рыдали.

Ее трон для аудиенций был довольно скромен — простое деревянное кресло с ручками и спинкой, обтянутыми черным бархатом. Она уселась и разгладила складки на плиссированном платье насыщенного темно-синего, как у моря на глубине, цвета; за спиной колыхнулась белая пелерина. Едва она села, все в зале встали, за исключением да'ковале, оставшихся стоять на коленях. Селусия, поднявшись, подошла и встала рядом с креслом; ее золотистые волосы, заплетенные в косу, спускались на правое плечо, а левая половина головы была обрита наголо. Она не принадлежала к Высокородным, а потому

не вымазала щеки пеплом, однако повязанная на руку белая лента свидетельствовала, что она — как и все в империи, — оплакивает императрицу и скорбит о ней.

Юрил, секретарь Туон, бывший втайне от прочих также ее Дланью, занял место по другую сторону кресла. Затем Туон бесшумно окружили полукольцом Стражи Последнего часа, и их темные доспехи тускло заблистали в лучах солнца. В последнее время они оберегали ее как только могли. Что ж, приняв во внимание недавние события, она не могла винить их за чрезмерную настороженность.

«Вот я сижу тут, и рядом со мной такая сила, — подумала Туон. — С одной стороны — дамани, а с другой — Стражи Последнего часа. И все же я не чувствую себя в большей безопасности, чем рядом с Мэтримом». Как странно, что рядом с ним она вообще чувствовала себя в безопасности.

Прямо перед ней, освещенные солнечными лучами, наискось вливавшимися в открытые двери балкона, собрались Высокородные, среди которых наивысшее положение занимал капитан-генерал Галган. Сегодня он облачился в доспехи — нагрудник был выкрашен в такой темно-синий цвет, что казался почти черным. Его

напудренные белые волосы стояли гребнем на выбритой по бокам голове, а сзади, заплетенные в косу, спускались до плеч — ибо Галган принадлежал к высшей знати, верховным Высокородным. С ним было двое низших Высокородных — знаменные генералы Наджира и Йамада — и еще несколько офицеров из простолюдинов. Все они терпеливо ждали, старательно избегая встречаться с Туон взглядами.

В нескольких шагах позади них стояли остальные Высокородные, призванные стать свидетелями действий Туон. Их возглавляли жилистый Фаверде Нотиш и длиннолицый Аменар Шумада. Оба были фигурами крайне значимыми — достаточно значимыми, чтобы быть опасными. Не одна лишь Сюрот полагала, что нынешние смутные времена предоставляют шанс возвыситься. Если Туон падет, то практически кто угодно может стать императрицей. Или императором.

Война на родине, в Шончан, вряд ли скоро закончится; но когда война все же закончится, то, несомненно, победитель — или победительница — взойдет и на Хрустальный трон. Тогда в Шончанской империи появятся два правителя: разделенные океаном, но единые в своем желании подчинить себе всю империю и добиться

низвержения другого. Ни один из них не позволит противнику остаться в живых.

«Порядок. Спокойствие и порядок, — думала Туон, постукивая выкрашенным голубым лаком ногтем по подлокотнику черного дерева. — Я должна олицетворять порядок, должна излучать спокойствие. Я принесу умиротворение тем, кто истерзан бурями».

— Селусия — моя Говорящая Правду, — объявила Туон залу. — Пусть об этом известят всех Высокородных.

Новость была вполне ожидаемая. Селусия склонила голову в знак того, что принимает это назначение, хотя у нее не было иного желания, кроме как служить Туон и защищать ее. Новая должность была ей не по нраву, однако Селусию отличали также честность и прямодушие, поэтому из нее выйдет превосходная Говорящая Правду.

По крайней мере теперь Туон могла быть уверена, что ее Говорящая Правду не была Отрекшейся.

Выходит, она поверила рассказу Фалендре? Правдоподобным его назвать можно было лишь с большой натяжкой; очень уж ее слова походили на фантастические байки Мэтрима о несуществу-

ющих тварях, что таятся во тьме. Однако и другие сул'дам и дамани подтверждали истинность сказанного Фалендре.

В любом случае кое-какие факты выглядели вполне похожими на правду. Анат действовала заодно с Сюрот. Не без некоторого убеждения, правда, однако Сюрот призналась, что встречалась с одной из Отрекшихся. Или, по крайней мере, она так думала. Сюрот не знала, что этой самой Отрекшейся и была Анат, но, по-видимому, считала вполне вероятным, что та могла скрываться за личиной Анат.

Была Анат Отрекшейся или нет, но, выдавая себя за Туон, она явилась на встречу с Драконом Возрожденным. И тогда-то она попыталась его убить. «Спокойствие и порядок, — подумала Туон, стараясь оставаться внешне невозмутимой. — Я являю собой порядок и спокойствие».

Туон быстрым жестом отдала указание Селусии, которая, несмотря на новое ответственное назначение в качестве Говорящей Правду, продолжала оставаться глашатаем, голосом Туон — и ее тенью. Поэтому Туон, отдавая приказы тем, кто стоит намного ниже ее, сначала передавала распоряжение Селусии, а уже та доносила ее волю до прочих.

— Тебе приказано впустить его, — сказала Селусия да'ковале, стоявшему рядом с троном. Тот поклонился до земли, коснувшись лбом пола, потом встал, быстро прошел в дальний конец просторного зала и открыл дверь.

Беслан, король Алтары и верховная опора Дома Митсобар, был худощавым черноволосым и черноглазым юношей, с кожей характерного для уроженцев Алтары оливкового оттенка, однако одежду носил такую же, какой отдавало предпочтение большинство Высокородных. На нем были широкие желтые штаны и короткая, доходящая только до середины груди куртка с высоким воротником, а под ней — желтая рубашка. Высокородные оставили в середине зала достаточно места, и Беслан двинулся по образовавшемуся проходу в сторону Туон. Потупив взгляд, он приблизился к трону и остановился на предназначенном для просителей месте, потом опустился на колени и склонился в низком поклоне. Если бы не легкая золотая корона на голове, Беслан выглядел бы идеальным воплощением верного подданного.

Туон подала знак Селусии.

— Тебе велено встать, — промолвила Селусия.

Беслан встал, но глаз не поднял. Он был превос-

ходным актером.

— Дочь Девяти Лун выражает соболезнования в связи с твоей потерей, — сказала ему Селусия.

— Прошу принять мои соболезнования о вашей утрате, — ответил Беслан. — Моя печаль — лишь свечка рядом с великим пламенем скорби народа Шончан.

Он был слишком подобострастен. Он ведь — король; от него не требуют кланяться так низко. Он был ровней большинству Высокородных.

Туон почти могла поверить, что Беслан готов подчиниться ей, преклониться перед женщиной, которая вскоре станет императрицей. Но ей слишком хорошо был известен его характер — благодаря и шпионам, и слухам.

— Дочь Девяти Лун желает знать, почему в твоем дворце больше не проводятся приемы, — провозгласила Селусия, наблюдая за быстрыми движениями пальцев Туон. — Она находит печальным, что твои люди больше не получают аудиенций у своего короля. Смерть твоей матери — событие трагическое и шокирующее, но ты нужен своему королевству.

— Прошу, дайте ей знать, — с поклоном отвечал Беслан, — что у меня и в мыслях нет ставить себя выше ее. Просто я не знаю, как поступить. И

никого не желаю оскорбить.

— Ты уверен, что истинная причина именно в этом? — произнесла Селусия, читая жесты Туон. — Или дело в том, что ты затеваешь против нас мятеж и на другие свои обязанности у тебя никак не найдется времени?

Беслан, резко вскинув голову, посмотрел на Туон широко раскрытыми глазами:

— Ваше величество, я…

— Незачем лгать и дальше, дитя Тайлин, — обратилась Туон к нему напрямую, отчего несколько человек из присутствовавших Высокородных изумленно ахнули. — Мне известно, о чем ты говорил с генералом Хабигером и со своим приятелем, лордом Малалином. Мне известно о ваших тайных встречах в подвале «Трех звезд». Мне известно обо всем, король Беслан.

В зале воцарилась тишина, Беслан на мгновение склонил голову. Затем вдруг вскочил на ноги и устремил взор прямо на Туон, глядя ей в глаза. Она и не думала, что в столь учтивом и обходительном юноше может таиться этакое.

— Я не позволю, чтобы моих людей…

— На твоем месте я бы прикусила язык, — перебила его Туон. — Ты стоишь на зыбкой почве.

Беслан замялся. В глазах его читался вопрос. Не

думает ли она казнить его?

«Если бы я хотела убить тебя, — подумала Туон, — ты был бы уже мертв и даже ножа не успел бы увидеть».

— Шончан охвачена смятением и беспорядками, — произнесла она, устремив взгляд на Беслана. Того как будто ошеломили ее слова. — Неужели ты, Беслан, думаешь, что я ничего не замечаю? Я не собираюсь глядеть на звезды, когда моя империя разваливается на части. Правду нужно уметь признавать. Моя мать мертва. Императрицы больше нет. Однако сил Коринне более чем достаточно, чтобы сохранить наши позиции по эту сторону океана, в том числе в Алтаре.

Девушка слегка наклонилась вперед, стремясь всем своим видом продемонстрировать, что от нее исходят властность и непоколебимая уверенность. Матери подобное удавалось всегда. Ростом Туон матери уступала, но она обязана приобрести способность создавать вокруг себя такую ауру. Одно лишь присутствие Туон должно вселять в окружающих чувство безопасности и защищенности.

— В такие времена, как сейчас, — продолжала Туон, — даже с угрозой восстания мириться нельзя. Многие готовы воспользоваться слабостью

империи, и если не принять меры, то пустяковые склоки приведут всех нас к гибели. Поэтому я должна быть тверда. Очень тверда. С теми, кто противостоит мне.

— Тогда почему, — спросил Беслан, — я все еще жив?

— Мятеж ты начал затевать до того, как стало известно о событиях в империи.

Ошарашенный, Беслан нахмурился.

— Восстание ты поднял, когда здесь правила Сюрот, — заявила Туон, — и когда королевой еще была твоя мать. С тех пор многое переменилось, Беслан. Очень многое. В такие времена, как сейчас, возможны большие свершения.

— Вы должны понимать, что я не жажду власти, — сказал Беслан. — Я желаю лишь одного — свободы для своего народа.

— Знаю, — ответила Туон, сложив перед собой ладони; покрытые лаком ногти чуть загибались, а локти по-прежнему покоились на подлокотниках кресла. — И вот другая причина, почему ты до сих пор жив. Ты решил восстать не из стремления возвыситься, а из-за полнейшего невежества. Ты заблуждаешься, а значит, способен измениться, если обретешь нужные знания.

Юноша сконфуженно посмотрел на Туон.

«Опусти глаза, глупец! Иначе мне придется выпороть тебя за дерзость ремнем!»

Будто прочитав мысли Туон, Беслан тут же отвел глаза, а потом и опустил взгляд. Да, ее суждения о Беслане оказались верными.

Сколь же шатко ее положение! Действительно, войска у нее есть, но значительную часть армии загубила Сюрот своими неосмотрительно агрессивными действиями.

Рано или поздно все королевства по эту сторону океана должны будут склониться перед Хрустальным троном. На всех марат'дамани наденут ошейники, все короли и королевы дадут клятвы. Но Сюрот перестаралась, особенно если вспомнить то поражение Турана. Всего в одной лишь битве потеряно сто тысяч человек. Безумие!

Туон нужна Алтара. Ей нужен Эбу Дар. Народ любит Беслана. Насадить голову Беслана на пику после загадочной гибели его матери… Ну, стабильности в Эбу Дар Туон обязательно добьется, но ради этого ей лучше все же не отзывать войска оттуда, где они нужнее для сражений.

— Смерть твоей матери — большая утрата, — сказала Туон. — Она была славной женщиной. И прекрасной королевой.

Беслан сжал губы.

— Можешь говорить, — разрешила Туон.

— Почему она погибла… так и не выяснили, — сказал он. Понятно было, что он имел в виду.

— Не знаю, повинна ли Сюрот в ее смерти, — произнесла Туон, чуть смягчив тон. — Сама она утверждает, что не имеет к ней отношения. Но расследование еще ведется. Если выяснится, что за ее гибелью стоит Сюрот, тебе и всей Алтаре будут принесены извинения от самого трона.

Вновь послышались сдавленные возгласы изумления среди Высокородных. Взглядом заставив их умолкнуть, Туон снова повернулась к Беслану.

— Смерть твоей матери действительно громадная потеря. Ты должен знать, что она оставалась верна своим клятвам.

— Да, — ответил Беслан с горечью. — И отказалась от трона.

— Нет, — коротко сказала Туон. — Трон принадлежит тебе. Вот в чем твое невежество, о котором я говорила. Ты должен встать во главе своего народа. У него должен быть король. У меня нет ни времени, ни желания заниматься тем, что является твоим долгом. Полагаешь, власть Шончан над твоей родной страной стесняет свободу твоего народа? Это неправда. Твой народ станет свобод-

нее, могущественнее и более защищенным, когда примет наше верховенство. Я стою выше тебя. Но неужели это настолько неприемлемо? Имея на своей стороне мощь империи, ты сможешь обезопасить границы страны и оберегать земли за пределами Эбу Дар. Ты говоришь о своем народе? Что ж, я распорядилась для тебя кое-что приготовить.

С этими словами она кивком указала на да'ковале у боковой стены, и одна из женщин, тонкая и гибкая, вышла вперед, держа в руках кожаную суму.

— Внутри, — пояснила Туон, — ты найдешь донесения, которые получены от моих разведчиков и стражников. У тебя будут доклады о преступлениях, что были совершены за время нашего пребывания в этой стране. Прочти отчеты и свидетельства и сравни, как жили люди до и после Возвращения. Думаю, ты понимаешь, что обнаружишь в этих отчетах. Империя — это счастливый шанс для тебя, Беслан. Могущественный, очень могущественный союзник. Я не стану оскорблять тебя, суля почести и троны, которые тебе не нужны. Я лишь хочу привлечь тебя на сторону империи, обещанием для твоего народа стабильности, изобилия и защиты. И цена всему

этому — лишь твоя верность.

Беслан нерешительно взял суму.

— Я предлагаю тебе выбор, Беслан, — продолжала Туон. — Если пожелаешь, можешь выбрать казнь. Я не стану превращать тебя в да'ковале. Я позволю тебе умереть с честью, и во всеуслышание будет оглашено, что ты умер, потому что отверг клятвы и не пожелал принять шончан. Если хочешь, чтобы было так, я позволю этому случиться. Твой народ узнает, что ты погиб, не покорившись. Либо можешь сделать иной выбор и куда лучше послужить своему народу. Можешь выбрать жизнь. Поступишь так, и я возвышу тебя, причислив тебя к верховным Высокородным. Дальше ты будешь править так, как того требует твой народ. Обещаю, что не стану указывать, как жить твоему народу. Как и надлежит, я буду требовать припасов и солдат для моей армии, и своей волей ты не сможешь отменить моих приказов. В остальном же твоя власть в Алтаре будет абсолютной. Ни один Высокородный не вправе будет без твоего дозволения распоряжаться твоими людьми, наносить им ущерб или лишать их свободы. Я приму от тебя на рассмотрение список знатных семейств, которых, по твоему мнению, стоит возвести в низший ранг Высокородных,

и наделю этим званием не меньше двадцати из них. Алтара станет постоянным местопребыванием императрицы по эту сторону океана. А значит, станет здесь самым могущественным королевством. Выбирай.

Подавшись вперед, Туон разомкнула руки. Потом сказала:

— Но уясни одно. Если решишь присоединиться к нам, ты не просто дашь мне слово, но и даруешь свою душу. Я не позволю тебе забыть данные клятвы. Я дала тебе шанс, потому что верю — ты можешь быть сильным союзником, и полагаю, ты был введен в заблуждение — очевидно, угодил в коварную паутину Сюрот. Чтобы принять решение, у тебя есть один день. Подумай как следует. Твоя мать считала, что для вас этот путь лучший, а она была женщиной мудрой. Империя означает стабильность. Мятеж приведет лишь к страданиям, голоду и мраку. Сейчас не время оставаться одному, Беслан.

Она откинулась на спинку кресла, а Беслан стоял, разглядывая суму, которую держал в руках. Наконец молодой человек поклонился, испрашивая разрешения удалиться, но движение его оказалось каким-то судорожным, словно бы он был целиком поглощен совершенно другими

мыслями.

— Можешь идти, — обращаясь к Беслану, сказала Туон.

Тот поднялся на ноги, но уходить почему-то не спешил, так и оставшись стоять. В зале повисло молчание, а он продолжал разглядывать суму в руках. На лице Беслана явственно отражалась охватившая его внутренняя борьба — Туон читала его мысли как книгу. К нему приблизился да'ковале, чтобы поторопить к дверям, — ведь его уже отпустили, однако Туон, подняв руку, остановила слугу.

Она снова чуть подалась вперед, кое-кто из Высокородных в ожидании переминался с ноги на ногу. Беслан же стоял, уставившись на суму. Наконец он поднял голову, глаза сверкали решимостью. А потом вдруг — неожиданно для всех — вновь пал на колени и заговорил:

— Я, Беслан из Дома Митсобар, присягаю в верности и готов служить Дочери Девяти Лун и в ее лице всей Шончанской империи, отныне и во веки веков, если только она по своей воле не решит освободить меня от клятвы. Мои земли и мой трон отныне принадлежат ей, и я сам передаю их ей в руки. И в этом я клянусь перед Светом.

Туон позволила себе слегка улыбнуться.

Стоявший позади Беслана капитан-генерал Галган шагнул вперед и обратился к королю.

— Так не подобает… — заговорил было военачальник, однако Туон знаком заставила его умолкнуть.

— Мы требуем, чтобы его народ перенял наши порядки, генерал, — сказала она. — Не страшно, если мы станем придерживаться некоторых их обычаев.

Не очень многих, разумеется. Однако стоит с благодарностью вспомнить долгие разговоры с госпожой Анан, которые помогли ей многое понять. Возможно, шончан допустили ошибку, заставляя этих людей клятву повиновения давать на шончанский манер. Взять того же Мэтрима: поклясться-то он поклялся, но, когда пришло время, ловко пренебрег этими клятвами, — хотя был уверен, что данное Туон слово он сдержал, да и его люди уверяли ее, что Мэтрим — человек чести.

Как странно, что сами они ставят одну клятву выше другой. Непонятный народ. Но дабы править ими, Туон придется их понять, — а ей необходимо утвердить свое верховенство над ними, чтобы собрать силы для своего возвращения в Шончан.

— Твоя клятва радует меня, король Беслан. Я возвышаю тебя до верховного Высокородного и дарую тебе и твоему Дому право властвовать в королевстве Алтара отныне и во веки веков, и ничто не будет ограничивать твою власть и правление, кроме воли имперского трона. Поднимись.

Беслан встал, колени у него заметно подрагивали.

— Вы уверены, миледи, что вы — не та'верен? — спросил он. — Ведь когда я шел сюда, то у меня даже и в мыслях не было, что я сделаю нечто подобное.

Та'верен. Ох уж этот народ с его глупыми предрассудками!

— Я довольна тобой, — произнесла Туон. — Твою мать я знала совсем недолго, но считала ее весьма одаренной. Мне не доставило бы радости, если бы пришлось казнить ее единственного оставшегося в живых сына.

Беслан благодарно кивнул. Селусия, стоявшая сбоку от кресла Туон, тайными знаками передала ей: «Хорошо сделано. Наверное, нетрадиционно, но очень ловко».

Туон ощутила, как ее охватывает теплое чувство гордости.

— Генерал! — обратилась она к беловолосому

Галгану. — Как я понимаю, тебе есть что мне сказать, и твое терпение достойно похвалы. Теперь говори, с чем пришел. Король Беслан, ты можешь удалиться или остаться. Ты вправе присутствовать на любых официальных собраниях, которые я провожу в вашем королевстве, и для этого тебе не требуется ни разрешения, ни приглашения.

Беслан кивнул и, поклонившись, отступил к боковой стене, откуда и стал наблюдать за происходящим.

— Благодарю вас, высочайшая дочь, — почтительно произнес Галган, выходя вперед.

Взмахом руки он подозвал своих *со'джин*, ожидавших в коридоре у открытых дверей. Переступив порог зала приемов, они первым делом пали ниц перед Туон, а затем быстренько внесли стол и разложили на нем карты. Один из слуг подал Галгану сверток. Тот взял узел и, держа его в руках, направился к Туон. В следующее мгновение возле правого плеча Туон оказался Карид, а Селусия заняла место слева от нее, однако Галган остановился от Туон на почтительном расстоянии. Поклонившись, он развернул сверток прямо на полу. Внутри обнаружилось красное знамя, в середине которого красовался круг, разделенный волнообразной линией. Одна половина круга

была черной, другая белой.

— Что это? — спросила Туон, наклонившись вперед.

— Знамя Дракона Возрожденного, — объяснил Галган. — Он прислал его с гонцом и снова просит о встрече.

Генерал поднял взгляд, не желая встречаться глазами с Туон, но придав лицу выражение озабоченности и задумчивости.

— Сегодня утром, когда я встала, — заявила Туон, — то видела в небе подобие трех башен, а между ними высоко-высоко пролетел сокол.

В зале многие Высокородные со знающим видом закивали. Только Беслан, по-видимому, был сбит с толку. Как тут люди вообще живут, раз ничего не знают о знамениях? Неужели у них нет желания понять судьбоносные знаки, которые дарует Узор? Сокол и три башни знаменовали, что в скором будущем предстоит принимать непростые решения. И еще давали понять, что необходима смелость.

— Что ты думаешь о просьбе Дракона Возрожденного? — спросила Туон у Галгана.

— Полагаю, встреча с этим человеком будет не слишком разумным шагом, высочайшая дочь. Сомневаюсь, что его притязания на то, как он

себя величает, оправданны. Кроме того, разве у империи нет сейчас более важных дел?

— Тебе непонятно, почему мы не отвели наши войска, — сказала Туон. — Ты теряешься в догадках, почему мы не вернулись в Шончан, дабы всей нашей мощью защитить трон?

Склонив голову, Галган ответил:

— Полагаюсь на вашу мудрость, высочайшая дочь.

— Это действительно Дракон Возрожденный, — сказала Туон. — Он не какой-то самозванец. Я убеждена в этом. Прежде чем начнется Последняя битва, он должен склониться перед Хрустальным троном. Поэтому мы и должны остаться. Отнюдь не случайно, что Возвращение случилось именно сейчас. Мы нужны здесь. И к сожалению, нужны здесь больше, чем на родной земле.

Галган медленно кивнул. Он согласился с решением Туон не возвращаться в Шончан; просто он предположил, что таково желание Туон. Заявив во всеуслышание о том, что они останутся, она заслужила его уважение. Хотя навряд ли он отказался от надежд самому захватить трон. Невозможно занимать столь высокое положение, как у него, и не строить честолюбивых планов.

Однако, помимо честолюбия, Галган известен

был также и своей рассудительностью. Он никогда не наносил удара, не убедившись, что добьется максимального результата. Он должен быть уверен, что успех ему гарантирован и что устранение Туон пойдет на благо империи. В этом разница между преисполненным амбициями глупцом и умным и предусмотрительным честолюбцем. Последний отдает себе ясный отчет, что чье-то убийство есть только начало. Лишив Туон жизни и узурпировав трон, Галган в итоге ничего не получит, если от него отвернутся остальные Высокородные.

Подойдя к столу с картами, он промолвил:

— Если желаете продолжать военные действия, высочайшая дочь, то позвольте доложить о состоянии вашей армии. Один из наших самых грандиозных планов разработан лейтенант-генералом Йуланом.

Галган подал знак группе явившихся с ним офицеров, и вперед выступил невысокий смуглый мужчина из низших Высокородных. Свою лысину он прятал под черным париком. Приблизившись, Йулан опустился на колени перед Туон и поклонился.

— Тебе повелевают встать и говорить, генерал, — произнесла Селусия, повинуясь безмолв-

ным знакам Туон.

— Пусть высочайшая дочь примет мою глубочайшую благодарность, — ответил Йулан, вставая.

Подойдя к столу с картами, он жестом приказал нескольким помощникам взять карту и держать так, чтобы ее могла видеть Туон.

— Исключая отдельные неудачи в Арад Домане, — начал Йулан доклад, — возвращение этих земель продвигается так, как мы и ожидали. Медленнее, чем нам хотелось бы, но были и славные победы. Народы этих королевств не испытывают особого желания вставать на защиту соседних стран. И мы весьма успешно захватили их по одному. Наше беспокойство вызывают только два обстоятельства. Во-первых, этот Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, который ведет наступательную войну за объединение севера и востока. Чтобы покорить его, нам необходимы мудрость и наставление высочайшей дочери. Другой вопрос касается огромного множества марат'дамани, собравшихся в некоем месте под названием Тар Валон. Полагаю, высочайшая дочь наслышана о том мощнейшем оружии, после применения которого к северу от Эбу Дар остался лишь громадный участок выжженной земли.

Туон кивнула.

— Ничего подобного сул'дам никогда не видели, — продолжал Йулан. — Мы полагаем, что это нечто такое, чему можно обучить дамани, если будут захвачены подходящие марат'дамани. Их неслыханная способность перемещаться в мгновение ока из одного места в другое — если, конечно, слухи правдивы — вот второе, что нам нужно для значительного тактического преимущества, которым мы непременно должны завладеть.

Туон снова кивнула, изучая карту, где было изображено место, именуемое Тар Валон.

— Высочайшую дочь заинтересовали твои планы, — озвучила Селусия знаки Туон. — Продолжай.

— С глубочайшей благодарностью, — с поклоном отвечал Йулан. — Как капитан воздуха, я имею честь командовать ракенами и *то'ракенами*, служащими Возвращению. Я считаю, что удар прямо в сердце вражеских владений не только возможен, но и весьма выгоден для нас. До сих пор нам не приходилось сталкиваться в бою со многими этими марат'дамани, но, ведя наступление в земли, подвластные Дракону Возрожденному, мы без сомнения встретим их в

значительном числе. Они полагают, что сейчас они в безопасности и мы им никак угрожать не можем. Нанеся удар сейчас, мы можем получить большое преимущество в будущем. Каждая марат'дамани, которую мы посадим на привязь, не только станет мощным орудием в наших руках, но и обернется потерей для врага. Согласно предварительным рапортам, в месте, носящем название Белая Башня, сосредоточены сотни и сотни марат'дамани.

«Так много?» — подумала Туон. Подобная сила способна полностью переменить ход войны. Правда, те марат'дамани, что путешествовали с Мэтримом, говорили, что они не принимают участия в войнах. Действительно, пока что марат'дамани, которые некогда были Айз Седай, оказывались на данный момент совершенно бесполезны в качестве оружия. Интересно, а нет ли возможности обойти якобы данные ими клятвы? Случайно оброненное Мэтримом замечание наводило Туон на мысль, что такой способ есть. Туон принялась быстро складывать пальцы в знаки языка жестов.

— Дочь Девяти Лун интересует, каким образом можно нанести по ним удар, — озвучила Селусия жесты Туон. — Расстояние велико. До них

сотни лиг.

— Главным образом, применив отряды то'ракенов, — ответил Йулан. — А некоторое число ракенов используем для разведки. На захваченных нами картах отмечены обширные травянистые равнины, вдобавок малонаселенные. Они вполне сгодятся для отдыха в пути. Мы можем ударить через Муранди здесь, — добавил он, указывая на вторую карту, которую также держали помощники, — и выйти к Тар Валону с юга. Если будет угодно высочайшей дочери, то мы бы атаковали ночью, пока марат'дамани спят. Наша цель — захватить как можно больше марат'дамани.

— Хотелось бы знать, осуществим ли этот план на самом деле, — вслух передала Селусия знаки весьма заинтригованной Туон. — Какие силы возможно задействовать в набеге?

— Получив одобрение? — спросил Йулан. — Полагаю, для такой атаки я могу собрать от восьмидесяти до ста то'ракенов.

От восьмидесяти до ста то'ракенов. То есть, вероятно, всего около трехсот солдат вместе со снаряжением и с учетом того, что возвращаться им придется с плененными марат'дамани. Для подобного набега триста солдат — внушительная сила, но, чтобы не угодить в ловушку, им придет-

ся передвигаться быстро и налегке.

— Если будет угодно высочайшей дочери, — произнес капитан-генерал Галган, снова шагнув вперед. — Полагаю, что у плана генерала Йулана немало достоинств. Конечно, нельзя исключать вероятность крупного поражения, но другого такого шанса у нас не будет. Если эти марат'дамани все же выступят против нас, то они способны причинить нам огромный ущерб. Но если мы сумеем добраться до этого их оружия или даже овладеем их способностью перемещаться на большие расстояния… Ну, по-моему, ради такого выигрыша стоит рискнуть всеми то'ракенами нашей армии.

— Если будет угодно высочайшей дочери, — продолжил Йулан, — для осуществления нашего плана потребуется двадцать команд Небесных Кулаков — всего двести воинов — и еще пятьдесят сул'дам со своими подопечными. Мы полагаем, что, вероятно, не помешает небольшой отряд Кровавых Ножей.

Кровавые Ножи, элита Небесных Кулаков, представляли собой отборнейших бойцов. Очевидно, что Йулан и Галган очень многое ставили на этот набег! Не имея крайне серьезных причин, никто никогда не стал бы пускать в дело Крова-

вых Ножей, ибо из боя они не возвращались. Их долг и задача — остаться после отхода Кулаков и причинить врагу как можно больший ущерб. Если удастся доставить их в Тар Валон с приказом убить как можно больше марат'дамани…

— Дракону Возрожденному этот набег не понравится, — сказала Туон, обращаясь к Галгану. — Разве он не связан как-то с этими марат'дамани?

— Есть сведения, что он с ними заодно, — ответил Галган. — Но докладывают также, что он противостоит им. Есть и те, кто сообщает, будто они — лишь орудие в его руках. Скудость имеющихся у нас сведений и слабость разведки в этом районе, высочайшая дочь, вынуждают меня опускать глаза. Мне не под силу разобраться, где правда, а где ложь. Пока у нас нет более точных сведений, мы должны предполагать худшее — что этот набег сильно его разозлит.

— И ты все равно считаешь, что дело того стоит?

— Да, — без колебаний ответил Галган. — Если эти марат'дамани связаны с Драконом Возрожденным, тогда у нас еще более веская причина нанести удар сейчас, пока он не использовал их против нас. Возможно, нападение и вызовет у него ярость, но оно также и ослабит его и тем

самым даст вам преимущество в переговорах с ним.

Туон задумчиво кивнула. Несомненно, это и было то самое трудное решение, о котором говорило знамение. Но выбор ее казался очевидным. В общем-то, решение было совсем не трудным. На всех марат'дамани из Тар Валона необходимо надеть ошейники, посадив их на привязь, вдобавок этот план давал прекрасную возможность ослабить сопротивление Непобедимой армии одним-единственным мощным ударом.

Но знамение предвещало трудное решение. Туон сделала знак Селусии.

— Есть ли в зале те, кто не одобряет этот план? — спросила глашатай. — У кого-то имеются возражения против того, что предлагают генерал Йулан и его люди?

Собравшиеся в зале Высокородные переглянулись. Беслан как-то замялся, переступил с ноги на ногу, возможно желая что-то сказать, однако так ни слова и не произнес. Жители Алтары нисколько не возражали, когда надевали ошейники на их марат'дамани; по-видимому, они сами не слишком-то доверяли тем, кто обладал способностью направлять. Конечно, в благоразумии всем далеко до Амадиции, где эти самые Айз Седай

объявлены вне закона, но и с распростертыми объятиями тех в Алтаре не встречали. Так что вряд ли Беслан стал бы возражать против нападения на Белую Башню.

Туон откинулась в кресле, выжидая… Чего? А может, предзнаменование вовсе не на это решение указывало? Девушка уже собиралась отдать приказ приступить к исполнению предложенного Йуланом плана, но приотворившаяся створка двери заставила ее закрыть рот.

Еще через миг приставленные охранять двери Стражи Последнего часа расступились, впустив в приемный зал со'джин, до этого ожидавшего в коридоре. Мужчину с мощными руками звали Ма'комбе; войдя в залу, он склонился в земном поклоне, и его черная коса, соскользнув с правого плеча, легла на выложенный плиткой пол.

— Да простит меня Дочь Девяти Лун, но лейтенант-генерал Тайли Хирган просит об аудиенции.

Галган выглядел потрясенным.

— В чем дело? — спросила его Туон.

— Я и не знал, что она вернулась, высочайшая дочь, — отозвался тот. — Я покорнейше прошу дать ей позволение говорить. Она — из числа лучших моих офицеров.

— Пусть войдет, — провозгласила Селусия.

Сначала в зал вступил мужчина-да'ковале в белом одеянии, а следом за ним появилась облаченная в доспехи женщина с шлемом под мышкой. Темнокожая, с черными и очень короткими, в мелких тугих кудряшках волосами, она была высока и худа. Седина словно бы обрызгала ее виски. Перекрывающиеся пластины ее доспехов были раскрашены полосами красного, желтого и голубого лака и поскрипывали в такт шагам Тайли. Она была всего лишь низшей Высокородной — и повысили ее совсем недавно, приказом Галгана, — однако известили об этом через ракена. В волосах по бокам ее головы были выбриты полосы шириной в палец.

Глаза у Тайли покраснели от усталости. Судя по исходившим от нее запаху пота и лошадиной вони, к Туон она отправилась тотчас по прибытии в город. Вслед за ней в залу вошли несколько солдат, моложе ее, но таких же изнуренных, один из них держал в руке большой коричневый мешок. Остановившись на предназначенном для просителей месте, которое было обозначено прямоугольником красной ткани, все вошедшие опустились на колени. Солдаты-простолюдины затем склонились в глубоком поклоне, коснув-

шись лбом пола, и Тайли сделала движение, чтобы последовать их примеру, но вовремя спохватилась. Она еще не привыкла к своему новому титулу Высокородной.

— Очевидно, ты утомлена, воин, — сказала Селусия, переводя в слова то, что Туон показывала ей знаками. Сама Туон чуть подалась вперед. — Полагаем, у тебя имеются известия огромной важности?

Тайли встала на одно колено и подала знак своим солдатам. Один из них выпрямился и, стоя на коленях, приподнял свой коричневый мешок. Снизу мешковина была в засохших пятнах от какой-то темной жидкости. От крови.

— Если будет угодно высочайшей дочери, — проговорила Тайли, чей голос выдавал ее крайнюю усталость.

Она кивнула своему солдату, тот открыл мешок и вывалил на пол содержимое. Несколько звериных голов. Кабанья, волчья и… ястребиная? По спине Туон пробежал холодок. По размерам голова ястреба не уступала человеческой. А может, была даже покрупнее. Но эти головы были… какие-то неправильные. Странно и ужасно искаженные.

Она готова была поклясться, что у ястребиной

головы, подкатившейся настолько близко, что ее можно было как следует рассмотреть, глаза оказались как у человека. И… другие головы тоже имели… человеческие черты. Туон едва сумела подавить дрожь. Что за мерзкое знамение?

— Что все это значит? — требовательным тоном спросил Галган.

— Полагаю, высочайшей дочери известно о моем походе, предпринятом против Айил, — начала Тайли, по-прежнему стоя на одном колене.

Кажется, Тайли во время того рейда пленила нескольких дамани, но большего Туон не знала. Капитан-генерал Галган ожидал ее возвращения, дабы утолить свое любопытство и услышать всю историю в подробностях.

— Во время похода, — продолжала Тайли, — ко мне присоединились люди из разных стран, и никто из них не был связан клятвами. В должное время я дам о них полный отчет. — Она замешкалась, бросила взгляд на странные головы. — Эти… твари… напали на мои войска, когда мы уже возвращались, в десяти лигах от Эбу Дар. Мы понесли серьезные потери. Кроме этих голов, мы привезли и несколько целых тел. Эти существа… передвигались на двух ногах, как люди, но внешне очень походили на зверей. — Тайли

снова замолчала, не решаясь продолжать, но потом вымолвила: — По-моему, их по эту сторону океана кое-кто называет троллоками. И мне кажется, что они идут сюда.

Хаос. Высокородные принялись обсуждать услышанное, говоря о неправдоподобии случившегося. Генерал Галган незамедлительно приказал своим офицерам организовать дозоры и разослать гонцов с предупреждением о возможной атаке на город. Сул'дам, стоявшие у стены, кинулись рассматривать головы, а Стражи Последнего часа безмолвно окружили Туон, сформировав еще одно защитное кольцо и наблюдая за присутствующими — за Высокородными, за слугами и за солдатами — с равной настороженностью.

Такое известие должно было бы поразить Туон. Но, как ни странно, она не была ошеломлена им. «Выходит, Мэтрим не ошибался», — адресовала она Селусии несколько тайных знаков на языке жестов. А она-то полагала, что троллоки — всего лишь суеверие, и ничего больше. Девушка вновь взглянула на головы. Отвратительно.

Селусия казалась обеспокоенной. «Хотела бы я знать, не было ли еще чего-то в его речах, от чего мы просто отмахнулись?»

Поразмыслив, Туон ответила: «Вот и надо будет у него спросить. Как же мне хочется, чтобы он вернулся!» Она замерла — вот уж не желала она в этом признаваться. Однако собственные чувства ей показались по меньшей мере любопытными. Это представлялось совершенной нелепицей, но с ним она действительно чувствовала себя в безопасности. И ей хотелось, чтобы сейчас он был рядом с ней.

Чудовищные головы были еще одним доказательством того, как мало о нем она знает. Пока же надо привести в чувство эту заболтавшуюся толпу. Несколько движений пальцев, и приглушенный шум голосов перекрыл голос Селусии:

— Все успокойтесь и замолчите.

В зале воцарилась тишина, хотя выражения лиц у Высокородных и у сул'дам остались крайне обеспокоенными. Тайли все так же стояла на одном колене, склонив голову, а рядом с ней застыл, также преклонив колени, солдат, принесший головы. Да-а, ее нужно будет хорошенько расспросить.

— Эти известия немногое меняют, — проговорила Селусия, переводя на слова тайные жесты Туон. — Мы и так знали, что приближается Последняя битва. Мы высоко ценим открытие

лейтенант-генерала Тайли. Она заслуживает похвалы. Но это лишний раз подтверждает, что нам нужно как можно скорее привести к покорности Дракона Возрожденного.

Некоторые из присутствующих в зале закивали, в том числе и генерал Галган. Беслана же, судя по его виду, так легко убедить не удалось. Выглядел он весьма озабоченным.

— Если будет угодно высочайшей дочери… — с поклоном промолвила Тайли.

— Тебе дозволено говорить.

— В последние несколько недель мне довелось повидать немало такого, что заставило меня задуматься, — произнесла Тайли. — Еще до нападения на мои войска меня не покидало беспокойство. Несомненно, мудрость и величие высочайшей дочери позволяют ей видеть дальше, чем способна такая, как я, однако уверена, что до сих пор завоевания в этих землях давались нам легко по сравнению с тем, как все может обернуться в будущем. Если бы мне позволили, то я бы осмелилась… Лучше, по-моему, чтобы Дракон Возрожденный и те, кто с ним связан, были бы нашими союзниками, чем врагами.

Действительно, очень смелое заявление. Туон чуть наклонилась вперед, постукивая лакирован-

ными ногтями о подлокотники кресла. Многие из низших Высокородных при виде кого-то из семьи или домочадцев императрицы, не говоря уже о самой высочайшей дочери, исполнялись такого благоговения, что не отваживались и рта раскрыть. Однако эта женщина смеет давать советы? Причем такие, которые идут наперекор объявленной во всеуслышание воле Туон?

— Трудное решение — не всегда такое, когда нужно брать в расчет интересы обеих сторон, Туон, — неожиданно заговорила Селусия. — Наверное, сейчас трудное решение — это верное решение, приняв которое ты неизбежно будешь чувствовать себя виноватой.

Туон моргнула от удивления. «Ах да, — вдруг осознала девушка. — Селусия же отныне — моя Говорящая Правду». Понадобится время, чтобы самой Туон привыкнуть к этой новой роли Селусии. Немало лет прошло с тех пор, как Селусия поправляла или упрекала Туон прилюдно.

И все-таки — самой идти на встречу с Драконом Возрожденным? Ей и в самом деле нужно встретиться с ним, и она уже это запланировала. Но не лучше ли явиться к нему во всем блеске своей силы, когда его войска будут побеждены, а Белая Башня срыта? Ей необходимо доставить

его к Хрустальному трону, точно соблюдая определенные условия, причем ему нужно понимать, что он должен покориться ее власти.

И все-таки… В Шончан — мятеж… А ее положение здесь, в Алтаре, только-только утвердилось… Что ж, наверное, удар по Белой Башне стоит пока отложить, чтобы было время поразмыслить — перевести дыхание и уберечь то, что уже ей принадлежало.

— Генерал Галган, отправьте ракенов к нашим войскам на равнине Алмот и на востоке Алтары, — твердым тоном заявила Туон. — Пусть защищают наши завоевания, но избегают столкновений с Драконом Возрожденным. И передайте ответ на его просьбу о встрече. Дочь Девяти Лун встретится с ним.

Кивнув, генерал Галган поклонился ей.

В мир нужно привнести порядок. Если ради этого ей придется чуточку «опустить взор» и встретиться с Драконом Возрожденным, значит так тому и быть.

Странно, но Туон вновь захотелось, чтобы с нею рядом был Мэтрим. Его осведомленность об этом Ранде ал'Торе очень бы ей пригодилась перед предстоящей встречей с Драконом Возрожденным.

«Держись, занятный ты человек, — подумала Туон, бросив взгляд за спину, поверх балкона на север. — Не влезай по уши в неприятности, а то потом не выкарабкаешься. Не забывай, ты теперь Принц воронов. Веди себя соответственно.

Где бы ты ни был».

Глава 20
На разбитой дороге

Женщины — все равно что упрямые мулы, — заявил Мэт, ехавший верхом на Типуне по пыльной и почти что заброшенной дороге. Потом, нахмурившись, он поправил себя: — Хотя постой. Нет, не так. Козы. Женщины навроде коз. Но вот проклятье: все, как одна, мнят себя лошадьми, причем такими, что хоть сейчас выставляй на скачки и делай на них призовые ставки. Понимаешь, Талманес?

— Да, Мэт, поэтичней некуда, — заметил Талманес, уминая табак в трубке.

Мэт тряхнул поводьями, и Типун неспешно зашагал дальше. Вдоль каменистой дороги тянулись высокие трехигольные сосны. Им посчастливилось отыскать эту древнюю дорогу, которую проложили, должно быть, еще до Разлома Мира. Она сильно заросла, многие камни растрескались, а отдельные — и значительные — участки дороги… Ну, их попросту не было.

Молодые сосенки пробивались из земли на обочинах и между скал — маленькие подобия

рослых отцов, возвышающихся над ними по соседству. Дорога, пусть и несколько ухабистая, была широкой — что вполне устраивало Мэта. Он вел за собой семь тысяч человек, все — конные и все вот уже без малого неделю — с тех пор, как отправили Туон обратно в Эбу Дар, — не покидали седла.

— Доказать что-либо женщине — дело невозможное, — продолжал разглагольствовать Мэт, глядя вперед. — Это все равно что… Ну, короче, спорить с женщиной — все равно что с приятелями в кости играть. Только вот проклятье, женщине дела нет до правил игры. Мужчина тебя если и надует, так станет делать все честь по чести. Пустит в ход утяжеленные свинцом кости, чтоб ты подумал, будто проиграл случайно. А коли ты не так сметлив и не сумеешь его за руку схватить, так он, пожалуй, и заслуживает тех деньжат, что из тебя вытрясет. Так-то. А вот женщина сядет с тобой в ту же самую игру поиграть, да и станет мило улыбаться и вести себя так, будто и впрямь играть намерена. Но настанет ее черед бросать, так она вытащит пару собственных костей, а у них все шесть сторон — *пустые*. Гладкие, без всяких очков. Бросит их, глянет, что выпало, а потом посмотрит на тебя и скажет: «Очевидно,

выиграла я». Тогда-то ты почешешь в затылке, посмотришь на кости. Потом глянешь на нее, затем снова на кости и скажешь: «Но тут на гранях точек нет». А она удивится: «Как это? Вон на обоих кубиках выпало по единице». — «Как раз столько тебе и нужно для выигрыша», — брякнешь ты. «Вот так удача!» — заявит она, сгребая твои монеты. А ты сидишь и голову ломаешь, силясь понять, что ж такое произошло. И наконец тебя осенит. Две единицы-то — вовсе не выигрышный бросок! Ты-то ведь в свой ход выбросил шесть! А значит, ей нужны были две двойки! Спохватившись, начнешь ей сбивчиво втолковывать то, до чего додумался. И знаешь, что она тогда сделает?

— Без понятия, Мэт, — ответил Талманес, посасывая трубку, над которой вился сизый дымок.

— Тогда она возьмет брошенные ею кости и протрет их гладкие, без единого очка, грани, — промолвил Мэт. — После чего с совершенно невозмутимым видом заявит: «Извини, тут грязное пятнышко налипло. Теперь-то видно, что на самом деле выпало две двойки!» И сама в это поверит. Вот же проклятье, но она и впрямь в это поверит!

— Невероятно, — отозвался Талманес.

— Только на этом все не кончится!

— Так я и думал, Мэт.

— Она сгребет к себе все твои монеты, — продолжал Мэт, размахивая рукой, а второй придерживая лежащий поперек седла *ашандарей*. — А потом все женщины, что есть в комнате, станут подходить к ней и поздравлять с тем, что она выбросила пару двоек! И чем сильнее ты будешь возмущаться, тем больше этих проклятых женщин примется спорить с тобой. И минуты не пройдет, как тебя задавят числом, и каждая особа женского пола станет объяснять и уверять тебя, что на каждом кубике со всей очевидностью выпало по двойке и что тебе пора перестать вести себя как ребенок. И каждая — каждая! — из этих треклятых женщин видит те самые двойки! Даже распоследняя грымза, которая с самого рождения ненавидит игравшую с тобой женщину за то, что бабка той стащила у ее бабули рецепт медового кекса, когда обе еще в девках ходили, — даже эта старая карга будет настроена против тебя.

— Действительно, мерзкие создания, — промолвил Талманес ровным и бесстрастным голосом. Талманес вообще редко улыбался.

— А когда все угомонятся, — подытожил Мэт, обращаясь больше к самому себе, — ты останешься без гроша в кармане, с бесконечным списком

того, что должен сделать, и куда нужно сбегать, и какую при том одежку надеть, да еще и с жуткой головной болью в придачу. И вот сидишь ты и таращишься на стол, а сам все больше начинаешь сомневаться: может, и в самом деле на костях выпали двойки? А иначе как оставшийся рассудок сохранить? Вот что такое с женщиной спорить, говорю тебе!

— А сам-то спорил. И еще как!

— Ты чего, посмеяться надо мной решил?

— Ну что ты, Мэт! — ответил кайриэнец. — Ты же знаешь, я бы никогда не стал.

— Оно и плохо, — пробормотал Мэт, с подозрением покосившись на него. — Мне бы сейчас посмеяться не помешало. — Он обернулся и окликнул ехавшего несколько позади толстяка. — Эй, Ванин! На какой еще прыщавый зад Темного нас занесло?

Ванин, бывший конокрад, поднял на Мэта взгляд от карты, которая была расправлена и закреплена на дощечке, чтобы по ней можно было ориентироваться, не слезая с седла. Добрую половину утра Ванин изучал эту проклятую карту. А ведь Мэт просил его провести отряд через Муранди по-тихому, а не блуждать месяцами, потерявшись в невесть какой горной глуши.

— Это — Пик Ослепляющего, — объяснил Ванин, указывая коротким толстым пальцем на плосковерхую гору, едва различимую среди макушек сосен. — Во всяком случае, так я считаю. А может, это гора Сардлен.

Невысокий холм не слишком походил на гору; на вершине и снега-то почти не было. Конечно, в этих краях мало встречалось по-настоящему впечатляющих вершин, не то что в Горах тумана, неподалеку от Двуречья. Здесь, к северо-востоку от хребта с названием Дамона, местность представляла собой группы низеньких предгорий, и передвигаться по ней было сложно. Впрочем, непроходимой ее не назовешь — одолеть ее можно, было бы желание. А его у Мэта хватало, да и настроен он был весьма решительно. Мэту совершенно не хотелось, чтобы его снова загнали в угол шончан или чтобы его приметил кто-нибудь, кому вовсе незачем знать, что он здесь. И так пришлось слишком много расплачиваться кровью. Ему теперь очень хотелось поскорее убраться прочь отсюда, где он чувствовал себя как в западне, так, будто на шее у него петля затягивается.

— Ну, — поинтересовался Мэт, слегка натягивая вожжи, чтобы поравняться с Ванином, — так что

это за гора? Может, лучше у мастера Ройделле уточнить?

Карта принадлежала мастеру-картографу; вообще-то, лишь благодаря ему им удалось отыскать эту дорогу. Но Ванин настоял, чтобы вести отряд поручили именно ему, — дескать, картограф и разведчик — это не одно и то же. Незачем сажать этого пропахшего книжной пылью картографа на лошадь и пускать его во главе войска, твердил Ванин.

По правде говоря, навыками заправского следопыта мастер Ройделле не обладал. Он был вовсе не проводником, а книжником, ученым. Про карты и что на них нанесено он мог рассказать все, но определить нынешнее местоположение отряда сумел бы не лучше Ванина, потому что дорога была разбита, то и дело прерывалась, а сосны загораживали все более-менее заметные ориентиры, да и вершины холмов едва ли отличались одна от другой.

Конечно, было и еще кое-что: само присутствие картографа Ванин, видимо, считал угрозой для себя, как будто боялся, что лишится поста проводника Отряда. Мэт никогда не думал, что тучного конокрада станут одолевать этакие страхи. Подобные подозрения могли бы даже его

позабавить — если б, конечно, отряд не плутал уже так долго.

Ванин нахмурился и промолвил:

— Наверняка это гора Сардлен. Да. Точно должна быть она.

— И значит?..

— А значит, что нам и дальше надо двигаться по дороге, — отозвался Ванин. — То же самое я тебе еще час назад говорил. Не можем же мы провести целую армию через такой густой лес, будь он проклят! Значит, придется держаться проезжей дороги.

— Я просто спрашиваю, — сказал Мэт, пониже надвигая шляпу, чтобы солнце в глаза не светило. — Кто, как не командир, должен задавать такие вопросы.

— Лучше мне поехать вперед, — произнес Ванин, вновь нахмурившись. У него вообще в привычке было брови хмурить. — Если это и вправду гора Сардлен, то впереди, в часе-двух отсюда, должна быть немаленькая деревня. Наверняка я разгляжу ее с ближайшего холма.

— Ладно, езжай, — согласился Мэт.

Передовых дозорных, разумеется, уже выслали, но сравниться с Ванином никому из них не удалось бы. Несмотря на свою комплекцию, толстяк

мог настолько близко подобраться к вражеским укреплениям, чтобы пересчитать волоски в бородах караульных, а потом уйти незамеченным. Да вдобавок, глядишь, прихватил бы у них и котелок с похлебкой.

Снова обратив взор к карте, Ванин покачал головой.

— Вообще-то, я тут подумал… — пробормотал он. — А случаем, не гора ли это Фавленд…

Не успел Мэт и слова вымолвить, как Ванин рысью умчался вперед.

Мэт вздохнул и, пришпорив Типуна, нагнал Талманеса. Кайриэнец покачал головой. Умел же он напускать на себя серьезный вид, этот Талманес. Вначале Мэт посчитал нового знакомца мрачным типом, неспособным на веселье. Но потом узнал его получше. Талманес был вовсе не угрюмым, а просто очень сдержанным. Но порой, несмотря на твердо сжатые челюсти и губы, на которых не мелькало и тени улыбки, в глазах у этого дворянина появлялся такой блеск, словно бы он смеялся над всем миром разом.

Сегодня на Талманесе красовался обшитый золотом красный кафтан, а лоб у него был выбрит и напудрен по кайриэнской моде. Выглядел он до смешного нелепо, но, проклятье, Мэт-то кто

такой, чтобы того судить? Возможно, вкус у Талманеса и ужасный, но зато он верный офицер и славный малый. Да и в вине знает толк.

— Не будь таким хмурым, Мэт, — заметил Талманес, попыхивая золоченой трубкой. Интересно, где он ее раздобыл? Мэт не припоминал, чтобы у него была такая прежде. — Животы и карманы у твоих солдат набиты, и они только что одержали большую победу. О чем еще может мечтать солдат?

— Мы похоронили тысячу человек, — ответил Мэт. — Какая ж это победа.

Роившиеся у него в голове воспоминания — которые не были его собственными воспоминаниями — подсказывали, что ему стоит гордиться. Сражение прошло весьма удачно. Но думы о павших давили на него тяжелым грузом.

— Потери бывают всегда, — произнес Талманес. — Нельзя, чтобы мысли о них съели тебя с потрохами, Мэт. Такое случается.

— Потерь не бывает, если не ввязываться в битву.

— Тогда почему ты так часто рвешься в бой?

— Я сражаюсь только тогда, когда не в силах этого избежать! — огрызнулся Мэт. Кровь и проклятый пепел, ведь он дрался лишь тогда, когда

без драки никак не обойтись. Когда его загоняли в угол! Но почему такое происходит всякий раз, как только у него что-то к лучшему меняется?

— Говори что хочешь, Мэт, — сказал Талманес, вынув трубку изо рта и указывая мундштуком на Мэта. — Но что-то тебе не дает покоя. И дело тут не в том, сколько человек мы потеряли.

Вот ведь дворяне треклятые. Даже те из благородных, с кем можно общаться — такие, как Талманес, — вечно воображают, будто все-то им известно.

Впрочем, теперь и сам Мэт превратился в знатную особу. «И думать не смей об этом», — велел он себе. Талманес несколько дней кряду обращался к Мэту не иначе как «ваше высочество», пока у того не лопнуло терпение и он не наорал на него. Почтение ко всяким титулам у кайриэнцев, видать, с самого рождения появляется.

Когда Мэт впервые осознал, что означает его женитьба на Туон, то расхохотался, но то был смех, преисполненный невероятной боли. А его еще называли удачливым! Почему же его хваленая удача не помогла ему избежать такой судьбы? Принц воронов, вот как? Проклятье, что же это значит?

Ну а сейчас ему нужно беспокоиться о своих

людях. Обернувшись, Мэт взглянул на кавалерийскую колонну и ехавших позади них арбалетчиков. И тех и других было несколько тысяч, и все же Мэт приказал свернуть знамена. Вряд ли на этой глухой тропе им повстречается много путников, но если вдруг кто-то все же увидит Отряд, то Мэту не хотелось, чтобы о его появлении раззвонили по всей округе.

Станут ли шончан преследовать его? И он, и Туон, оба понимали, что теперь они находятся по разные стороны забора, и ей довелось увидеть, на что способна его армия.

Любит ли она его? Да, он женат на ней, но ведь у шончан все не так, как у обычных людей. Прежде Туон была в его власти, стойко выносила плен и не пыталась сбежать. Но Мэт почти не сомневался: если она сочтет, что так будет лучше для ее империи, то без колебаний выступит против него.

Разумеется, она выслала следом за ним своих людей, однако возможная погоня тревожила Мэта вдвое меньше, чем безопасное возвращение Туон в Эбу Дар. Кто-то предлагал за ее голову кучу денег. Тот предатель-шончанин, командовавший армией, которую разгромил Мэт. Но в одиночку ли тот действовал? Или с ним заодно был еще

кто-то? Во что Мэт впутал Туон, освободив ее?

Эти вопросы не давали ему покоя.

— Понять бы еще, правильно ли я поступил, отпустив ее? — спросил себя Мэт, сообразив, что произнес это вслух.

— Ты дал слово, Мэт, — пожал плечами Талманес. — И сдается мне, вздумай ты ее удерживать, наверняка бы вмешался тот здоровенный шончанин в черных доспехах и с твердым взглядом.

— А может, ей все равно угрожает опасность, — возразил Мэт, обращаясь, по сути, к самому себе и по-прежнему глядя через плечо. — Не стоило упускать ее из виду. Глупая женщина.

— Мэт, — произнес Талманес, вновь ткнув в сторону спутника мундштуком трубки. — Ты меня удивляешь. С чего это ты заговорил как примерный муженек?

Замечание кайриэнца заставило Мэта вздрогнуть.

— В смысле? — вскинулся он, резко развернувшись в седле. — Ты это о чем?

— Да ни о чем, Мэт, — поспешно промолвил Талманес. — Просто ты так о ней переживаешь, что я…

— Ничего я не переживаю, — отрезал Мэт, надвигая на глаза шляпу и поправляя шарф.

Медальон висел у него на шее милым сердцу грузом. — Я лишь беспокоюсь. Вот и все. Она много знает о нашем Отряде и могла бы проговориться о наших силах.

Талманес, попыхивая трубкой, только плечами пожал. Какое-то время они ехали молча. Сосновые иголки шуршали на ветру, и до слуха Мэта порой долетал женский смех — оттуда, где небольшой группой ехали позади него Айз Седай. Хоть друг дружку они явно и недолюбливали, обычно на виду у всех прочих эти особы как будто бы ладили между собой. Но, как Мэт и говорил Талманесу, женщины лишь до тех пор одна с другой враждуют, пока рядом не окажется мужчины, а уж против него они мигом объединяются.

Положение солнца на небосводе угадывалось по более ярким лоскутьям облаков, через которые пробивался солнечный свет; минуло уже несколько дней, как Мэт не видел солнца, не скрытого тучами. Столько же не видел он и Туон. Эти две мысли словно бы парой кружились у него в голове. Неужели эти два факта как-то связаны между собой?

«Проклятье, ну ты и дурень! — подумал Мэт. — А потом ты станешь думать, как она, и будешь видеть знамения в каждом пустяке, выискивать

символы и скрытые значения, стоит только кролику перебежать тебе дорогу, а лошади пустить ветры».

Чепуха все эти и подобные им предсказания. Впрочем, он вынужден был признать, что теперь всякий раз, заслышав двойное уханье совы, ежится.

— Талманес, ты когда-нибудь любил женщину, а? — неожиданно для себя поинтересовался Мэт.

— Случалось, и не раз, — ответил низкорослый кайриэнец, выпуская изо рта дым, сизым облачком уплывший ему за спину.

— И даже жениться подумывал?

— Нет, благодарение Свету, — ответил Талманес. Потом, явно поразмыслив над своими словами, он продолжил: — Пожалуй, Мэт, в те времена мне этого не было нужно. А вот тебе, уверен, брак пойдет на пользу.

Мэт нахмурился. Вот что за напасть — раз уж Туон в конце-то концов надумала разобраться со своим замужеством, то неужели не могла выбрать время, когда бы рядом не было чужих ушей?

Ведь нет же! Пришла и заявила об этом во всеуслышание! Даже Айз Седай теперь все известно. А значит, Мэт обречен. Айз Седай прекрасно

умеют хранить секреты, если только последние не могут хоть в какой-то степени поставить в неудобное положение Мэта Коутона или помешать его планам. В таком случае не приходилось сомневаться, что новости за один день разнесутся по всему лагерю, да и две-три деревни дальше по тракту не минуют. Наверняка теперь даже его проклятая матушка, которая находится за много-много лиг от него, уже прослышала новости про него.

— Я все равно не откажусь ни от выпивки, ни от игры в кости, — пробормотал Мэт.

— По-моему, ты мне уже это говорил, — заметил Талманес. — Раза так три-четыре. Думаю, если бы я ночью заглянул к тебе в палатку, то услышал бы, как ты во сне только об этом и бубнишь. «Я все равно буду играть в кости! Да-да, проклятье, я буду играть и пить! Где моя растреклятая выпивка? Кто-нибудь хочет поставить ее на кон?!»

Все это Талманес произнес с абсолютно невозмутимым видом, но снова в глазах его промелькнул тот отблеск улыбки, которую мог приметить только хорошо знающий кайриэнца собеседник.

— Хочу, чтобы все об этом знали наверняка, — проворчал Мэт. — А то еще подумают, будто я размяк только потому, что… Ну, ты понимаешь…

Талманес наградил его утешающим взглядом.

— Мэт, вряд ли ты станешь размазней только потому, что женился. Да и сдается мне, даже кое-кто из великих капитанов и те женаты. Даврам Башир — уж он точно женат, а еще Родел Итуралде. Нет, не станешь ты тряпкой из-за женитьбы.

Мэт сдержанно кивнул. Ладно хоть с этим прояснилось.

— А вот заскучать можешь, — заметил Талманес.

— Так, ну ладно, — заявил Мэт. — В первой же попавшейся деревне мы пойдем в таверну играть в кости. Ты и я.

— С тем третьесортным винишком, что наливают в местных горных деревушках? — поморщился Талманес. — Пожалуйста, Мэт, не надо. А то ты в следующий раз станешь предлагать мне эль.

— Ладно, не будем спорить.

Услышав знакомые голоса, Мэт оглянулся. Лопоухий Олвер — чье маленькое личико было таким уродливым, что казалось диковинным даже Мэту, который всякого повидал, — восседал на Ветерке и болтал с Ноэлом, ехавшим рядом на костлявом мерине. Своенравный старик то и дело одобрительно кивал словам Олвера. Мальчишка же выглядел на удивление серьезным и явно

излагал свою очередную теорию о том, как лучше всего можно незаметно прокрасться в Башню Генджей.

— Ага, вот и Ванин! — сказал Талманес.

Развернувшись, Мэт увидел впереди на разбитой каменной дороге всадника. У сидящего на лошади Ванина вечно был такой смешной и нелепый вид — он походил на круглый арбуз с торчащими по бокам ногами. Но ездить верхом он умел, тут уж никаких сомнений.

— Это и вправду гора Сардлен, — объявил Ванин, подъехав поближе и утерев потный лысеющий лоб. — Впереди есть деревня, на карте она называется Хиндерстап. Чтоб мне сгореть, но карты очень хороши, — нехотя добавил он.

Мэт облегченно вздохнул. Ему в голову уже закралась мысль, что они прошляются по этим горам до скончания Последней битвы.

— Отлично, — начал он. — Мы сможем…

— Деревня? — раздался женский голос — пронзительный и требовательный.

Горестно вздохнув, Мэт обернулся и взглянул на трех наездниц, пробиравшихся в голову колонны. Талманес неохотно поднял руку, знаком приказывая двигавшимся позади солдатам остановиться, а Айз Седай тем временем направились

к Ванину. Толстяк весь сжался в седле, всем своим видом давая понять, что он скорее готов попасться на конокрадстве и прямиком отправиться на казнь, чем сидеть тут и отвечать на расспросы Айз Седай.

Компанию возглавляла Джолин. Когда-то Мэт назвал бы ее весьма миловидной девушкой со стройной фигурой и большими манящими карими глазами. Но сейчас это нестареющее лицо Айз Седай сразу же внушало ему опасения. Нет, нынче он даже и мысли о Зеленой сестре как о милашке допустить не посмел бы. Попробуй только подумать об Айз Седай как о красотке, и глазом не успеешь моргнуть, как она обведет тебя вокруг пальца и примется тобой понукать. Да и вдобавок Джолин уже прозрачно намекнула, что совсем не прочь увидеть Мэта своим Стражем!

Интересно, она до сих пор злится на него за то, что он ее отшлепал? Разумеется, при помощи Силы она ничем не могла навредить ему — даже не будь у него медальона, ведь Айз Седай давали клятву не прибегать к Силе для убийства, иначе как в самых исключительных случаях. Но дураком-то Мэт не был. Он подметил, что в тех клятвах ни слова не говорилось про ножи.

Джолин сопровождали Эдесина из Желтой Айя

и Теслин — из Красной. На Эдесину взглянуть было бы приятно, если не вспоминать о лишенном признаков возраста лице, а вот Теслин была не аппетитнее палки. Костлявая иллианка с острыми и резкими чертами лица напоминала старую кошку, слишком долго гулявшую сама по себе. Однако, как успел понять Мэт, голова у нее на плечах была, а порой он замечал, что эта женщина относится к нему с определенной долей уважения. Подумать только — снискал уважение Красной сестры!

Однако, если судить по тем взглядам, которыми эти Айз Седай, оказавшись впереди колонны, поочередно наградили Мэта, никто бы и не подумал, что они обязаны ему жизнью. С женщинами вечно так. Спасешь ее от гибели — и она непременно заявит, что еще чуть-чуть — и она сама бы выкрутилась, а посему ничем тебе не обязана. Да потом и выбранить тебя не забудет за то, что порушил ее планы.

Да какое ему вообще до них дело? В следующий раз он, чтоб ему сгореть, поступит поумнее и оставит всю их шайку-лейку рыдать на цепи.

— Что там? — суровым тоном потребовала от Ванина ответа Джолин. — Ты наконец выяснил, где мы находимся?

— Да, чтоб мне сгореть, — ответил Ванин и с невозмутимым видом почесался.

Славный малый, этот Ванин. Мэт улыбнулся. Да-а, Ванин ко всем относился одинаково. И к Айз Седай, и ко всем остальным на свете.

Джолин уставилась Ванину прямо в глаза, отчего стала похожа на горгулью, какую ставят на крыше особняка какого-нибудь лорда. Ванин заметно съежился, поник и, в конце концов сконфуженный, опустил взор к земле.

— Я хотел сказать, что выяснил, Джолин Седай.

Улыбка сошла у Мэта с лица. «Чтоб вам всем сгореть, Ванин!» — подумал он.

— Превосходно, — заметила Джолин. — Слышала, впереди деревня. Может наконец найдется приличный постоялый двор. Я не прочь отведать чего-нибудь иного, чем тот «паек», который головорезы Коутона зовут едой.

— Эй, полегче! — воскликнул Мэт. — Никакие они не…

— Далеко ли нам до Кэймлина, мастер Коутон? — вмешалась Теслин.

Она изо всех сил старалась не замечать Джолин. В последнее время обе готовы были вцепиться друг дружке в горло — разумеется, сохраняя при этом холодное выражение лица и всю внешнюю

любезность, свойственную Айз Седай, — ведь Айз Седай не устраивают скандалов промеж собой. Мэту уже пришлось выслушать нотацию, когда их «обсуждения» он назвал «грызней». А ведь Мэт рос вместе с сестрами, и кому, как не ему, знать, на что похожа настоящая ссора.

— Что ты там раньше говорил, Ванин? — спросил Мэт, глядя на него. — Что мы примерно в двухстах лигах от Кэймлина?

Ванин кивнул.

Они планировали перво-наперво отправиться в Кэймлин: Мэту нужно встретиться с Истином и Дайридом, обменяться сведениями и пополнить припасы. После этого он мог бы выполнить обещание, данное Тому. Башня Генджей подождет еще несколько недель.

— Двести лиг, — произнесла Теслин. — И когда же мы туда доберемся?

— Ну, трудно сказать, — пожал плечами Ванин. — Будь я один, с парой лошадей, чтобы по очереди на них скакать, да по знакомой местности, то двести лиг преодолел бы, пожалуй, за неделю или чуть больше. А сколько потребуется целой армии, если пробираться по этим холмам, да еще по разбитой дороге? Дней двадцать, я бы сказал. А то и больше.

Джолин посмотрела на Мэта.

— Отряд мы не оставим, — решительно сказал Мэт. — О таком варианте и не думайте.

Джолин отвернулась, на ее лице явственно читалось полнейшее недовольство.

— Хотите, езжайте вперед сами, — предложил Мэт. — Это ко всем вам относится. Вы же Айз Седай, а не мои пленницы, так что вольны уйти, когда вам заблагорассудится, тем более если намерены направиться на север. В другую сторону идти не советую, если не хотите угодить в плен к шончан.

А хорошо бы было — отправиться снова в путь со своим Отрядом, и никаких Айз Седай рядом? Ах, если бы, если бы…

Теслин призадумалась. Джолин взглянула на нее, но по лицу Красной сестры нельзя было понять, хочет она уйти или нет. Эдесина же, поколебавшись немного, кивнула Джолин. Она согласна была покинуть Отряд.

— Очень хорошо, — надменным тоном заявила Джолин. — Было бы счастьем избавиться от твоей грубости, Коутон. Приготовь для нас, скажем, двадцать четыре лошади, и мы отправимся в путь.

— Двадцать четыре? — удивился Мэт.

— Да, — подтвердила Джолин. — Твой приятель

сказал, что ему, чтобы добраться до цели в разумный срок, понадобилось бы две лошади. Вторая нужна для того, чтобы он, по-видимому, мог пересесть на нее, когда первая лошадь устанет.

— Я считал, что уедете вы вдвоем, — произнес Мэт, закипая. — Значит, вам понадобятся четыре лошади. По-моему, Джолин, у вас хватает ума сложить два и два. — Потом, куда тише, он добавил: — Хотя бы на это хватает.

Джолин широко распахнула глаза. Эдесина, судя по выражению лица, тоже была потрясена. Теслин, явно разочарованная, бросила на Мэта возмущенный взгляд. Талманес, со своей стороны, лишь опустил трубку и тихонько присвистнул.

— Из-за того медальона, Мэтрим Коутон, ты становишься слишком дерзким, — холодно заметила Джолин.

— Вини в моей дерзости мой язык, Джолин, — со вздохом ответил Мэт, дотрагиваясь до медальона, спрятанного под рубахой со слабо затянутым воротом. — А медальон просто делает меня правдивым. Думаю, вам стоит объяснить, зачем вам нужны двадцать четыре лошади, когда их едва хватает для моих людей.

— По две лошади для Эдесины, для меня и моих

Стражей, — сухо изрекла Джолин. — По две — для каждой бывшей сул'дам. Неужели ты думаешь, будто я намерена оставить их здесь на растерзание твоей банде?

— Два Стража и две сул'дам, — согласился Мэт, пропустив колкость мимо ушей. — Итого — двенадцать лошадей.

— Еще две — для Сеталль. Полагаю, что она тоже захочет уйти с нами подальше от всего этого.

— Четырнадцать.

— Еще две лошади — для Теслин, — продолжала Джолин. — Несомненно, она пожелает отправиться с нами, пускай сейчас ничего и не говорит по этому поводу. Еще нам понадобится четыре вьючные лошади для наших вещей. И раз их тоже придется менять, то им на смену нужны еще четыре. Всего — двадцать четыре.

— Чем вы их кормить будете? — поинтересовался Мэт. — Если собираетесь ехать так быстро, то времени пасти лошадей у вас не будет. К тому же в эти дни им и так-то есть почти нечего.

Действительно, непростая задачка; весенняя трава расти не спешила. Луга, мимо которых проезжал Отряд, коричневели палой листвой и жухлой, слежавшейся под снегом травой, а молодая травка едва-едва начинала пробиваться.

Конечно, лошадей можно было кормить опавшими листьями и прошлогодней травой, но ведь дикие олени и прочие звери тоже не дремали и подчистую съедали все, что могли отыскать.

А если земля так и не решит, что пора уже давать всходы… Да, тогда их ждет тяжелое лето. Но это уже совсем другая проблема.

— Разумеется, припасами нас должен снабдить ты, — сказала Джолин. — И дать денег для постоялых дворов…

— А кто станет ухаживать за лошадьми? Или ты сама будешь чистить их каждый вечер, осматривать копыта, следить, чтобы фуража им отмеряли сколько нужно?

— Полагаю, несколько твоих солдат нам придется взять с собой, — промолвила Джолин недовольным голосом. — Необходимое неудобство.

– *Необходимо* лишь одно, — безапелляционным тоном заявил Мэт. — Чтобы мои солдаты оставались там, где нужны, а не там, где к ним относятся как к неудобству. Нет уж, они останутся… и денег ты от меня не получишь. Хотите уйти, забирайте каждая по лошади и можете взять еще одну вьючную лошадь, чтобы вещи свои везти. Я дам вам немного фуража для несчастных животных, и с моей стороны это уже будет весьма

щедро.

— Но с одной лошадью на человека мы двигаться будем едва ли быстрее твоей армии! — возразила Джолин.

— Подумать только! — промолвил Мэт и отвернулся от нее. — Ванин, ступай к Мандеввину, пусть сообщит всем. Скоро разбиваем лагерь. Знаю, сейчас едва за полдень перевалило, но я хочу, чтобы Отряд держался подальше от деревни и ему ничто не угрожало, но достаточно близко от нее, чтобы кое-кто из нас мог бы отправиться туда и разведать обстановку.

— Ладно, — кивнул Ванин без тени того уважения, которое выказывал проклятым Айз Седай. Он развернул коня и поскакал было вдоль колонны.

— И вот еще, Ванин! — крикнул ему вслед Мэт. — Удостоверься, что Мандеввин понял: если я говорю, что в деревню отправится «кое-кто из нас», то я имею в виду очень маленькую группу во главе со мной и Талманесом. Мне не нужно, чтобы в деревню завалилось семь тысяч солдат, жаждущих повеселиться! В городке я куплю повозку и весь эль, какой отыщу, и отправлю его ребятам. В лагере должен быть строгий порядок, и чтобы никто не вздумал случайно забрести в деревню. Ясно?

Ванин кивнул, заметно приуныв. Незавидная обязанность — сообщать солдатам, что им придется неотлучно сидеть в лагере.

— Ну так что? — вновь повернувшись к Айз Седай, спросил Мэт. — Принимаете мое щедрое предложение или нет?

Джолин лишь презрительно фыркнула, развернула лошадь и поскакала рысью обратно вдоль колонны, со всей очевидностью отклонив предложение отправиться дальше наособицу. Что ж, очень жаль. Случись так, Мэт, пожалуй, на каждом бы шагу улыбаться стал. Впрочем, наверное, у Джолин бы дня три ушло на то, чтобы отыскать какого-нибудь олуха в окрестной деревеньке, который отдаст ей своих лошадей. Тогда ее отряд смог бы двигаться быстрее.

Эдесина тоже ускакала, за ней последовала и Теслин, окинув Мэта пытливым взглядом. Кажется, ее надежд он тоже не оправдал. Мэт отвел взгляд, потом разозлился сам на себя. Да ему-то какое дело, что она думает?

Талманес внимательно смотрел на него.

— Не ожидал такого от тебя, Мэт, — заметил он.

— Чего? — спросил Мэт. — Запрета покидать лагерь? Парни в Отряде славные, но я не слыхал

про солдат, которые не нарывались бы тут и там на неприятности, особенно если под рукой найдется эль.

— Я не о наших парнях говорю, Мэт, — вздохнул Талманес и, склонившись в седле, выбил трубку, постучав ею о стремя; остатки недокуренного табака рассыпались по каменистой дороге возле копыт лошади. — Я о том, как ты вел себя с Айз Седай. Света ради, Мэт, мы ведь могли от них отделаться! Я бы не поскупился на двадцать четыре лошади, да и звонкой монеты в придачу отсыпал, лишь бы от парочки Айз Седай избавиться.

— Я не позволю им собой понукать, — с упрямством заявил Мэт и взмахнул рукой, отдавая Отряду команду двигаться дальше. — Даже ради того, чтобы отделаться от Джолин. Если она хочет что-то от меня получить, пусть проявит хоть толику вежливости, а не пытается угрозами добиться от меня того, что ей надо. Я не комнатная собачка!

Чтоб оно сгорело, он не комнатная собачка! Да и примерным муженьком он не будет, что бы это ни значило.

— Ты и правда скучаешь по ней, — слегка удивленно протянул Талманес, пустив лошадь шагом рядом с лошадью Мэта.

— Что за вздор ты теперь несешь?

— Готов признать, Мэт, ты не самый утонченный человек в мире. Шутки у тебя бывают грубые и непотребные, да и с людьми ты порой обходишься бесцеремонно. Но ты редко бываешь откровенно невежлив и жесток и редко стремишься намеренно кого-то оскорбить. Ты же сейчас весь на нервах.

Мэт ничего не ответил, только пониже надвинул шляпу.

— Уверен, с ней все будет хорошо, Мэт, — тихим голосом произнес Талманес. — Она — член императорской семьи. А уж они-то знают, как о себе позаботиться. Кроме того, ее охраняют солдаты. Не говоря уж про огиров. Воины-огиры! Кто бы мог подумать? С ней все будет хорошо.

— Давай кончать с этим разговором, — сказал Мэт, устанавливая свое копье вертикально — подняв изогнутый клинок к невидимому солнцу, а пятку древка поместив в ременную петлю для пики на седле сбоку.

— Я просто…

— Хватит, — сказал Мэт. — У тебя того табака больше не осталось?

— Это была последняя щепоть, — вздохнул Талманес. — Отличный табак… выращен в Дву-

речье. Единственный кисет, что мне попался за последнее время. Король Роэдран подарил, вместе с трубкой.

— Видимо, он тебя ценил.

— Я хорошо служил ему, верой и правдой, — пожал плечами Талманес. — Но скука была смертная. Не то что рядом с тобой, Мэт. Хорошо, что ты вернулся, нахалюга. Однако твоя беседа с Айз Седай по поводу фуража меня обеспокоила.

Мэт кивнул.

— Как у нас вообще со съестными припасами? — осведомился он.

— Маловато, — заметил Талманес.

— Что сможем, купим в деревне, — сказал Мэт. — Тебе Роэдран столько дал, что у нас монеты разве что из ушей не лезут.

В маленькой деревушке вряд ли найдется припасов на целую армию. Но если верить картам, скоро они должны выйти к более населенным землям. Отряд передвигается с такой быстротой, что в тех краях ему на пути каждый день будет встречаться одна-две деревни. Чтобы продержаться, необходимо во всех деревнях подряд скупать все, что удастся отыскать, и привередничать не придется. Фургон здесь, тележка там, корзина-другая яблок с придорожной фермы.

Семь тысяч человек едят немало, а хороший военачальник знает, что и от горсти зерна отказываться нельзя. Вот такой итог.

— Да, но продадут ли нам что-то в деревне? — спросил Талманес. — Когда мы ехали тебе навстречу, то нам выпали нелегкие деньки, когда мы пытались найти хоть кого-то, кто продаст нам еды. Похоже, сейчас совсем не до жиру. Еды мало везде — куда бы ты ни пошел и сколько бы у тебя денег ни было.

Верно, вот проклятье. Мэт заскрежетал зубами, а потом за это на себя разозлился. Что ж, возможно, он и в самом деле сейчас на нервах. Хотя Туон, разумеется, тут ни при чем.

Так или иначе, ему нужно развеяться, расслабиться. И впереди деревня… как ее Ванин назвал? Хиндерстап?

— Сколько у тебя при себе денег?

Талманес задумчиво сдвинул брови.

— Пара золотых марок да кошель серебряных крон. А что?

— Не хватит, — ответил Мэт, потирая подбородок. — Сперва придется еще денег взять из моего сундучка. А лучше, пожалуй, и сам сундучок прихватить. За мной! — приказал он, разворачивая Типуна.

— Погоди, Мэт! — воскликнул Талманес. Осадив и повернув лошадь, он послал ее вслед за Мэтом. — Что ты задумал?

— Ты же вроде собирался воспользоваться моим предложением — развлечься в таверне, — отозвался Мэт. — Вот там заодно и пополним наши припасы. И если удача меня не покинет, то это нам не будет стоить даже медяка.

Окажись рядом Эгвейн или Найнив, они бы надрали ему уши и отчитали, велев впредь ничего подобного не делать. А Туон бы наверняка окинула его пристальным взглядом, а потом сказала нечто такое, отчего Мэт от стыда покраснел бы с головы до пят.

Но Талманес — и это Мэту в нем очень нравилось — только пришпорил лошадь, сохранив на лице невозмутимо-стоическое выражение. Его веселость выдавал лишь блеск глаз.

— Ладно, тогда я непременно это должен увидеть! — воскликнул он.

Глава 21
Уголья и пепел

Перрин открыл глаза и понял, что висит в воздухе.

Испытав прилив ужаса, он забарахтался в небе. Над ним кипели черные тучи, мрачные и зловещие. Внизу раскинулась дикая равнина, бурая трава волнами колыхалась на ветру, и никаких признаков человека. Ни палаток, ни дорог, не было даже оставленных людьми следов.

Перрин не падал. Просто висел — и все. Он инстинктивно взмахивал руками, будто бы плыл в воде, захлестываемый паникой, пока его разум силился понять, что случилось, где он и почему.

«Волчий сон, — подумал Перрин. — Я — в волчьем сне. Ведь именно сюда я надеялся попасть, когда ложился спать!»

Он заставил себя дышать глубоко и перестать размахивать руками, хотя трудно успокоиться, когда висишь в нескольких сотнях шагов над землей. Внезапно мимо него промелькнуло нечто серое и косматое. Скачками несясь по воздуху, волк слетел вниз, к полям, и мягко опустился

на землю.

— Прыгун!

Давай сюда, Юный Бык. Прыгай. Это не опасно.

Как всегда, послание от волка явилось смесью запахов и образов. Понимать их Перрину становилось все легче и легче: рыхлая почва — это земля, порыв ветра — образ прыжка, расслабляющий и успокаивающий запах — знак того, что бояться не стоит.

— Но как?

Были времена, ты всегда убегал вперед, точно полугодовалый щенок. Прыгай. Прыгай же!

Далеко внизу, на поле, усевшись на задние лапы и задрав морду к Перрину, скалился Прыгун.

Перрин скрипнул зубами и пробормотал парочку проклятий в адрес своенравных волков. Причем ему казалось, что мертвые волки отличаются особенным упрямством. Впрочем, Прыгун говорил дело. Тут Перрину уже доводилось прыгать, пусть и не с самого неба.

Сделав глубокий вдох, Перрин закрыл глаза и представил себе, как спрыгивает вниз. Внезапным порывом ветра его обдало со всех сторон, но потом ступни ударились о мягкую почву. Он открыл глаза. Громадный серый волк, весь в шрамах от многочисленных схваток, сидел

на земле рядом с ним, а вокруг расстилалась обширная равнина, поросшая диким просом, перемежавшимся густыми зарослями высокой тонкой травы, что тянулась высоко вверх. Колышась на ветру, шершавые травинки щекотали Перрину руки, отчего ему хотелось почесаться. От травы исходил чересчур сухой запах — как от сена, пролежавшего в сарае целую зиму.

Здесь, в волчьем сне, кое-что лишь на короткое время оставалось неизменным: только что у ног Перрина лежала груда листьев, а через миг она исчезла. Вокруг слабо пахло какой-то затхлостью, словно бы все тут было не совсем здесь.

Перрин взглянул вверх. Небо предвещало бурю. Обычно здешние тучи могли быть столь же мимолетны и исчезали так же быстро, как и кое-что другое. В какой-то момент они целиком затягивали небо, а потом — и моргнуть не успеешь — глазам представал чистый небосвод. На сей раз черные грозовые тучи никуда не исчезали. Они кипели, кружились и выстреливали друг в друга молниями. Однако ни одна молния в землю не ударяла, и никаких звуков грома от них не доносилось.

На равнине было до странности тихо. Тучи зловещим покровом заволокли все небо. И рассе-

иваться не собирались.

Близится Последняя охота. — Прыгун поднял взгляд к небу. — *Значит, побежим вместе. Если только вместо этого не уснем.*

— Не уснем? — переспросил Перрин. — А как же Последняя охота?

Она все ближе, — повторил Прыгун. — *Если Убийца Тени падет перед натиском бури, все уснут навечно. Если же выживет, тогда мы будем охотиться вместе. Ты и я.*

Перрин потер подбородок, стараясь разобраться в послании — смешанных вместе образов, запахов, звуков, ощущений. Но понятного ему было мало.

Ладно, сейчас он здесь. Он сам захотел прийти и был преисполнен решимости получить, если удастся, от Прыгуна кое-какие ответы. И все же славно было свидеться с ним вновь.

Побежали, — пришло сообщение от Прыгуна. В его послании не было тревоги. Это было просто приглашение. Прыгун предложил побегать вместе.

Перрин кивнул и побежал по траве. Прыгун вприпрыжку несся рядом, рассылая образы радости.

Бежишь на двух ногах, Юный Бык? На двух-то

медленно!

Это послание сопровождалось образами, в которых люди то и дело наталкивались друг на друга, спотыкались, путаясь в дурацких длинных ногах.

Перрин колебался.

— Мне нужно сдерживать себя, Прыгун, — проговорил он. — Когда я позволяю волку завладеть собой, то я… Ну, тогда я опасные вещи вытворяю.

Волк вскинул голову и потрусил рядом с Перрином по травянистой равнине. Стебли травы, примятые ногами Перрина, шуршали и тихо хрустели, когда они вдвоем обнаружили след какого-то мелкого зверька и двинулись по нему.

Бежим, — подгонял Прыгун, явно озадаченный тем нежеланием, которое выказывал Перрин.

— Не могу, — пробормотал Перрин, остановившись.

Прыгун развернулся и в несколько прыжков вернулся обратно к нему. От Прыгуна пахло замешательством.

— Прыгун, когда я себя перестаю в руках держать, то мне самому за себя страшно, — сказал Перрин. — В первый раз со мной такое случилось сразу после встречи с волками. Ты должен помочь мне во всем разобраться.

Прыгун же просто неотрывно глядел на него, чуть свесив язык из приоткрытой пасти.

«Зачем я это делаю?» — подумал Перрин, качая головой. Волки мыслят не так, как люди. Какая тогда разница, что обо всем этом думает Перрин?

Будем охотиться вместе, — пришло послание от Прыгуна.

— А если я не хочу с тобой охотиться? — сказал Перрин. От этих слов у него сжалось сердце. Ему нравилось здесь, в волчьем сне, сколь бы опасным тот ни был. Вообще, с тех пор, как Перрин покинул Двуречье, с ним случилось немало всего удивительного и замечательного.

Но он не мог позволить себе вновь утратить самоконтроль. Нужно обрести равновесие. То, что он отказался от топора, было важным. Топор и молот — разное оружие: одно из них можно использовать только для убийства, тогда как второе оставляло ему выбор.

Но он обязан сделать выбор, раз и навсегда. Он должен держать себя в руках. И наверное, первый шаг к этому — научиться справляться с волком внутри себя.

Бежим со мной, Юный Бык, — пришло от Прыгуна. — *Забудь про эти мысли. Беги, как волк!*

— Не могу, — отозвался Перрин. Он повернул-

ся, окидывая взглядом равнину. — Но я должен узнать про это место, Прыгун. Мне нужно научиться его использовать, контролировать.

Люди, — так подумал Прыгун, посылая Перрину запахи пренебрежения и гнева. — *Контроль. Вам бы только все контролировать.*

— Я хочу, чтобы ты научил меня, — снова повернувшись к волку, сказал Перрин. — Хочу уметь управлять этим местом. Покажешь мне, как это делается?

Прыгун снова уселся на задние лапы.

— Как хочешь, — буркнул Перрин. — Поищу других волков, которые научат.

Он повернулся, возвращаясь на оставленный дичью след. Местности вокруг Перрин уже не узнавал, однако он успел уяснить, что волчий сон непредсказуем. Этот луг с доходившей ему до пояса травой и купами тисов мог быть где угодно. Где же ему отыскать волков? Чтобы найти их, он потянулся было к ним разумом, но обнаружил, что здесь это дается ему намного труднее.

Бегать ты не хочешь. Но ты ищешь волков. Почему с тобой так сложно, волчонок?

Перед ним в высокой траве сидел Прыгун.

Перрин зарычал и сделал прыжок, который перенес его разом на сотню ярдов. И он при-

землился среди травы на ноги, будто бы сделал обычный шаг.

А Прыгун уже был впереди. Перрин и не заметил, как прыгнул волк. Только что тот был в одном месте, а теперь оказался уже в другом. Перрин стиснул зубы, вновь мысленно стараясь отыскать других волков. Он почувствовал что-то, далеко-далеко. Надо постараться еще. Перрин сосредоточился, как-то собрался с силами и сумел проникнуть разумом еще дальше.

Это опасно, Юный Бык, — пришло послание от Прыгуна. — *Ты слишком глубоко сюда зашел. Так можно и погибнуть*.

— Ты всегда так говоришь, — ответил Перрин. — Расскажи мне то, что я хочу знать. Покажи мне, научи меня.

Вот упрямый щенок, — отозвался Прыгун. — *Возвращайся, когда расхочется совать нос в гнездо огненных гадюк*.

Сразу после этого что-то ударило Перрина — будто бы тяжесть обрушилась на разум. Все исчезло, и его вышвырнуло из волчьего сна — так лист сметается бурей.

Фэйли чувствовала, как муж ворочается рядом с ней во сне. Она посмотрела на него сквозь царившую в палатке тьму; хоть тот и лежал рядом

с нею на соломенном тюфяке, ей не спалось. Она выжидала, прислушиваясь к его дыханию. Перрин перевернулся на спину, бормоча что-то сквозь сон.

«Ну почему ему плохо спится именно сегодня?» — с досадой подумала Фэйли.

Неделя миновала с тех пор, как они покинули Малден. Беженцы разбили лагерь — вернее, несколько лагерей — рядом с водным протоком, ведущим прямо к Джеханнахской дороге, что находилась совсем недалеко.

В последние дни дела шли на лад, хотя Перрин считал, что Аша'маны слишком устали, чтобы открывать переходные врата. Вечер Фэйли провела с мужем, напоминая ему о тех нескольких веских причинах, почему он женился именно на ней. Несомненно, Перрин был преисполнен энтузиазма, хотя во взгляде была заметна какая-то необычная искорка. Не внушающая опасений, а скорее печальная. Пока они были в разлуке, что-то явно не давало ему покоя, и беспокойство его только возросло. Подобное чувство Фэйли вполне могла понять. Ей и самой являлись призраки прошлого. Никто и не думал, что все останется как было, но у нее не было сомнений: Перрин по-прежнему любит ее — любит всей душой. Этого достаточно,

и ей не о чем было беспокоиться.

Однако Фэйли намеревалась затеять спор и вытянуть из мужа его секреты. Что ж, придется с этим еще несколько дней повременить. Будет полезно напомнить мужу, что не стоит довольствоваться лишь достигнутым, но нельзя допустить, чтобы у него возникла мысль, будто она не рада, что он опять вместе с ней.

Нет, все как раз наоборот. Фэйли улыбнулась и, перекатившись на бок, положила ладонь на волосатую грудь Перрина, а головой прижалась к его голому плечу. Она была без ума от этого большого и сильного мужчины, напоминавшего ей сходящую с гор лавину. Вновь оказавшись рядом с ним, она испытала такое приятное чувство, с которым не сравнится и радость, охватившая ее после успешного побега от Шайдо.

Веки Перрина задрожали, он открыл глаза и вздохнул. Любовь любовью, но как бы ей хотелось, чтобы этой ночью он спал крепким сном! Неужели она недостаточно измотала его?

Он взглянул на Фэйли; его золотистые глаза, казалось, слегка светились в темноте, хотя она прекрасно понимала, что это лишь игра света. Перрин притянул жену поближе.

— Я не спал с Берелейн, — хрипло произнес

он. — Какие бы слухи ни ходили.

Дорогой, милый, несмышленый Перрин.

— Знаю, что не спал, — успокаивающим тоном сказала Фэйли.

Наслушалась она этих сплетен. Едва ли не каждая женщина из лагеря, с кем ей довелось разговаривать, от Айз Седай до служанки, как ни прикидывалась, будто держит язык за зубами, все равно не могла удержаться и не выболтать одну и ту же историю. О том, что Перрин провел ночь в шатре Первенствующей Майена.

— Не спал, правда! — сказал Перрин, и в голосе его прозвучала мольба. — Не было этого. Поверь, Фэйли!

— Я же сказала, что верю.

— Но твой голос… Не знаю… Сгори оно все, женщина, но, судя по голосу, ты ревнуешь!

Неужели он так никогда и не поймет?

— Перрин, — без обиняков заявила Фэйли. — Чтобы соблазнить тебя, я потратила добрых полгода, не говоря уже о том, сколько хлопот мне это доставило. Да и удалось все у меня только потому, что дело к свадьбе шло! У Берелейн сноровки не хватит с тобой управиться.

Подняв правую руку, Перрин почесал бороду — явно озадаченно. А потом просто улыбнулся.

— Кроме того, — добавила Фэйли, прижавшись еще теснее, — я верю твоим словам.

— Значит, ты не ревнуешь?

— Конечно же ревную! — воскликнула она, шлепнув его ладонью по груди. — Перрин, разве я не объясняла тебе? Муж должен знать, что жена его ревнует, иначе он никогда не поймет, как она о нем заботится. Бережешь то, что для тебя очень ценно. Честно говоря, если ты и дальше будешь заставлять меня все так тебе растолковывать, у меня ни одного секрета не останется!

В ответ на последние слова он фыркнул:

— Вряд ли такое возможно.

Перрин замолчал, и она закрыла глаза в надежде, что он быстро уснет. Снаружи раздавались отдаленные голоса совершавших обход дозорных и звон инструментов кого-то из ковочных кузнецов — не то Джерасида, не то Аймина, а может, и Фалтона: кто-то из них припозднился с работой, — наверное, выковывал подкову или гвозди, дабы подготовить чью-то лошадь к очередному дневному переходу. Славно было вновь слышать стук молота о наковальню. Когда дело касается лошадей, то от айильцев толку никакого, а Шайдо, захватив скакунов, либо отпускали их на волю, либо делали их из верховых рабочи-

ми. За те дни, что Фэйли провела в Малдене, она повидала немало запряженных в телеги кобыл, которые были бы хороши под седлом.

Должна ли она, вернувшись, испытывать какое-то необычное чувство? В плену Фэйли провела меньше двух месяцев, но ей они показались годами. Годы, когда приходилось выполнять поручения Севанны, годы, когда ее подвергали наказаниям из прихоти. Но даже тогда она не сломалась. Странно, но в те дни она куда в большей степени чувствовала себя знатной леди, чем когда-либо прежде.

До Малдена она словно и не понимала, что значит быть женщиной благородного происхождения. О, свою долю побед она получила. Ча Фэйли, двуреченцы, Аллиандре и люди из лагеря Перрина. Она пустила в ход все свои умения, чтобы помочь Перрину стать настоящим лидером. И очень пригодились все полученные ею навыки — от Фэйли потребовалось применить все, чему научили ее мать с отцом.

Но Малден раскрыл ей глаза. Там нашлись люди, которым она была нужна больше, чем когда-либо раньше. Жестокое правление Севанны не оставляло ни времени на игры, ни права на ошибку. Фэйли унижали, избивали и даже

едва не убили. Именно тогда она по-настоящему поняла подлинную суть отношений сеньора с его вассалами. Ее действительно терзало чувство вины за то, что прежде она помыкала Перрином, стараясь заставить его — и других тоже — подчиниться своей воле. А ведь быть благородной леди означает идти впереди всех. Означает вставать под побои — чтобы не избивали других. Означает идти на жертвы, рисковать жизнью — чтобы защитить тех, кто от тебя зависит.

Нет, вернувшись, она не чувствовала себя както иначе — ведь она принесла с собой из Малдена ту его частицу, которая действительно была важна. Из гай'шайн сотни дали Фэйли клятву верности, и она спасла их. Спасла благодаря Перрину, но у нее был и свой план, и, так или иначе, она бы и сама сбежала и привела армию ради освобождения тех, кто присягнул ей.

Конечно, тому была своя цена. Но скоро она со всем разберется, сегодня ночью, да будет на то воля Света. Приоткрыв глаз, Фэйли украдкой взглянула на Перрина. Кажется, спит, но ровно ли он дышит? Она убрала руку с его груди.

— Мне нет дела до того, что с тобой произошло, — произнес он.

Фэйли вздохнула. Нет, не спит.

— А что со мной произошло? — озадаченно спросила она.

Открыв глаза, он уставился в купол шатра.

— Я про Шайдо — про того мужчину, что был с тобой, когда я тебя спас. Что бы он ни сделал… На что бы ты ни пошла ради того, чтобы выжить… Это ничего.

Так вот что, оказывается, его тревожит? О Свет!

— Ах ты, бык вислоухий, — сказала она, стукнув Перрина кулаком по груди, отчего тот охнул. — Что ты несешь? По-твоему, неверность для меня — это ничего? И это после того, как сам заверял меня, что не изменял мне?

— Что? Нет, Фэйли, это же совсем другое дело. Ты была в плену, и…

— И что, я не способна о себе позаботиться? Нет, ты и вправду глупый бычок. Никто и пальцем меня не тронул. Они же Айил. И ты знаешь, что из них никто не посмел бы гай'шайн обидеть.

Здесь Фэйли была не вполне правдива; с женщинами в лагере Шайдо — ведь Шайдо перестали вести себя как Айил — обращались порой плохо, нередко подвергали оскорблениям и насилию.

Но в лагере были и другие — айильцы, которые не были Шайдо. Люди, отказавшиеся принять Ранда как своего Кар'а'карна, но и не желавшие

признавать над собой власть Шайдо. Безродные были людьми чести; они хоть и заявили, что порывают все прежние связи, в Малдене они оставались единственными, кто соблюдал древние обычаи. Когда женщинам-гай'шайн стали грозить опасности, Безродные сделали свой выбор и защитили тех, кого смогли. Взамен они не просили ничего.

Хотя… Это не совсем верно. Просили они о многом, однако ничего не требовали. По отношению к Фэйли Ролан всегда был настоящим айильцем, и не на словах, а на деле. Но о ее взаимоотношениях с Роланом, как и о смерти Масимы, Перрину знать незачем. Большего, чем поцеловать Ролана, Фэйли никогда не допускала, но его страсть она использовала в своих целях. Впрочем, Фэйли подозревала, что тот хорошо понимает, каковы ее намерения.

Перрин убил Ролана. Вот еще одна причина, почему ее муж не должен знать о выказанной Безродным доброте. Если Перрин узнает, что натворил, то это знание будет терзать ему душу.

Перрин закрыл глаза и обмяк. За последние два месяца он изменился — наверное, так же сильно, как и она сама. Это хорошо. У ее народа в Пограничных землях было присловье: «Один только

Темный не меняется». Люди же растут, развиваются; Тень всегда остается тем, чем была. Злом.

— Завтра надо заняться планами, — зевая, промолвил Перрин. — Когда появится возможность открыть переходные врата, нам придется решить — заставить ли людей уйти и кто отправится первым. Никто не выяснил, что случилось с Масимой?

— Нет, насколько мне известно, — осторожно произнесла она. — Но из его палатки столько всего пропало…

— Вещи Масиму не волнуют, — тихо пробормотал Перрин, не открывая глаз. — А может, он взял их с собой, чтобы начать все заново. Думаю, он мог бы сбежать, хотя странно, что никто не знает, как или куда.

— Наверно, он улизнул в сумятице после сражения.

— Наверно, — согласился Перрин. — Интересно… — зевнув, заметил он. — Интересно, что скажет Ранд. Поход-то и затевался из-за Масимы. Я должен был доставить его к Ранду, но, похоже, у меня ничего не получилось.

— Ты же разгромил тех, кто именем Дракона убивал и грабил, — ответила Фэйли. — Ты лишил Шайдо их предводителей, не говоря уж о том, что

многое узнал о шончан. Думаю, Дракон поймет, что все твои успехи с лихвой перевешивают то, что тебе не удалось привести Масиму.

— Может, ты и права, — сонно пробормотал Перрин. — Проклятые цвета… Не хочу смотреть, как ты спишь, Ранд. Что с твоей рукой случилось? Ослепленный Светом дурак, поберегся бы ты! Ты — все, что у нас есть… Скоро Последняя охота…

Последние слова Фэйли едва удалось разобрать. Почему он, заговорив о руке Ранда, вспомнил про охоту? Или наконец-то он и в самом деле засыпает?

И правда, очень скоро Перрин начал тихонько похрапывать. Любовно улыбнувшись, Фэйли покачала головой. Да, иногда он очень походил на быка. Но этот бык принадлежал ей. Девушка сползла с тюфяка и, пройдя по шатру, накинула платье и затянула пояс. Затем она надела сандалии и, приподняв входной клапан, выскользнула наружу. У шатра на страже вместе с двумя Девами стояли Аррела и Ласиль. Девы кивнули ей — уж они-то сохранят ее тайну.

Оставив Дев на страже, Фэйли двинулась в ночную тьму и знаком позвала за собой Аррелу и Ласиль. Аррела, темноволосая тайренка, отличавшаяся резкостью и бесцеремонностью, ростом

превосходила большинство Дев Копья. Ласиль же была бледной, невысокой и очень стройной, с плавной грациозной походкой. Женщины были настолько разными, насколько это вообще возможно, но пребывание в плену у Шайдо заметно сблизило их. Обе они входили в Ча Фэйли и были вместе с Фэйли захвачены и уведены в Малден как гай'шайн.

Не успели Фэйли, Аррела и Ласиль отойти далеко от шатра, как к ним присоединились еще две Девы, — по-видимому, с ними переговорили Байн и Чиад. Покинув лагерь, они направились к двум растущим рядом ивам, где Фэйли поджидали две женщины, по-прежнему облаченные в белые одежды гай'шайн. Байн и Чиад сами были Девами и вдобавок первыми сестрами, и обе были очень дороги Фэйли. Возможно, они были преданы Фэйли даже больше, чем те, кто поклялся ей в верности. Обе были преданы Фэйли до глубины души, но при этом свободны от всяких клятв. Противоречие, уразуметь которое способны лишь одни Айил.

Байн и Чиад, в отличие от Фэйли и прочих, никогда бы не сняли белые одежды лишь по одной той причине, что тем, кто их пленил, нанесено поражение. Эти одеяния они должны проносить

год и один день. Вообще, прийти сюда этой ночью — и тем самым напомнить себе и другим, кем были девушки до своего пленения, — с большим трудом укладывалось в рамки, допустимые их честью. Однако они признавали, что пребывание в качестве гай'шайн у Шайдо нормальным назвать было никак нельзя.

Фэйли поприветствовала айилок улыбкой и не стала позорить их, обращаясь к ним по имени или на языке жестов Дев. Однако, взяв узелок из рук Чиад, она не удержалась от вопроса и поинтересовалась у нее:

— У вас все хорошо?

Чиад — восхитительная рыжеватая блондинка с серыми глазами, чьи короткие волосы скрывал капюшон облачения гай'шайн, — услышав вопрос, скорчила гримасу.

— Чтобы отыскать меня, Гаул перевернул вверх дном весь лагерь Шайдо и, судя по рассказам, сразил копьем двенадцать алгай'д'сисвай. Когда все закончится, придется, наверное, мне сплести ему свадебный венок.

Фэйли улыбнулась.

Улыбнувшись в ответ, Чиад заметила:

— Вряд ли он предполагал, что один из убитых им окажется тем, у кого Байн была в гай'шайн.

По-моему, Гаул совсем не рад тому, что мы обе ему служим.

— Глупый мужчина, — сказала Байн; ростом она была выше своей первой сестры. — Очень на него похоже — не смотреть, куда копье втыкает. Не смог убить того, кого надо, случайно не убив заодно и еще нескольких.

Обе женщины захихикали.

Фэйли лишь кивнула с улыбкой; айильского юмора ей не понять.

— Спасибо, что принесли, — произнесла она, держа в руке тряпичный узелок.

— Да не за что, — ответила Чиад. — В тот день многим пришлось потрудиться, так что ничего сложного не было. Аллиандре Марита Кигарин уже ждет тебя у деревьев. Нам нужно вернуться в лагерь.

— Да, — добавила Байн. — Наверняка Гаулу захочется, чтобы ему снова спинку потерли или воды принесли. Он так злится, когда мы спрашиваем его, но ведь гай'шайн обретают честь только в служении. Что нам еще остается?

Женщины снова рассмеялись и бегом, шурша белыми одеждами, направились обратно в лагерь. Фэйли лишь покачала головой им вслед. Ее передергивало при одной мысли о том, что ей

доведется когда-нибудь снова оказаться в подобном одеянии, — хотя бы только потому, что оно заставляло вспоминать о днях, проведенных в услужении у Севанны.

Вместе с Фэйли к двум ивам подошли долговязая Аррела и грациозная Ласиль. Охранявшие их Девы издали наблюдали за происходящим. Вскоре к двум Девам присоединилась, выйдя из тени, и третья: наверняка ее прислали Байн и Чиад для охраны Аллиандре. Темноволосая королева стояла под деревьями, и глазам Фэйли она предстала вновь похожей на знатную даму — в своем ярко-красном платье и с вплетенными в прическу золотыми цепочками. Вид у нее был весьма экстравагантный, словно бы она хотела стереть из памяти те дни, которые провела на положении служанки. Одежда Аллиандре заставляла Фэйли думать о своем платье как о слишком заурядном. Но она вряд ли сумела бы отыскать что-то понаряднее, не разбудив Перрина. Аррела и Ласиль были в украшенных вышивкой штанах и блузах, обычных для Ча Фэйли.

Аллиандре держала небольшой фонарь с чуть приоткрытыми створками; пробивавшийся из тонкой щелочки свет падал на молодое лицо под копной темных волос.

— Они что-нибудь отыскали? — спросила она. — Умоляю, скажи, что нашли.

Для королевы Аллиандре всегда была женщиной необычайно практичной, пускай и весьма требовательной. Впрочем, пребывание в Малдене, судя по всему, немного смягчило последнюю черту ее характера.

— Да, — ответила Фэйли, показав узелок.

Фэйли опустилась на колени, положив узелок на землю. Остальные три женщины окружили ее. В свете фонаря верхушки коротких травинок заполыхали, будто язычки пламени. Фэйли развязала и развернула узелок. Внутри не оказалось ничего необычного. Небольшой платок из желтого шелка. Пояс из выделанной кожи, на обеих сторонах — тисненый узор в виде птичьих перьев. Черная вуаль. И тонкий кожаный шнурок с прикрепленным посередине камешком.

— Этот пояс принадлежал Кингуину, — сказала Аллиандре, указывая на узорчатую вещицу. — Я видела пояс на нем, до того как… — Она замолчала, затем наклонилась и взяла пояс.

— Такую вуаль носят Девы, — промолвила Аррела.

— А что, вуали бывают разные? — изумленно спросила Аллиандре.

— Разумеется, — ответила Аррела, взяв вуаль.

Фэйли никогда не встречала Деву, вставшую на защиту Аррелы, но знала, что женщина эта пала в сражении, хотя смерть ее не была столь драматичной, как гибель Ролана и прочих.

Шелковый платок принадлежал Джорадину; Ласиль долго колебалась, а потом все же взяла его в руки и, перевернув, обнаружила на другой стороне пятнышко крови. Остался только кожаный шнурок. Иногда Ролан носил его на шее, под кадин'сор. Фэйли терялась в догадках, что значил для него этот маленький камешек — осколок грубо обработанной бирюзы, — и значил ли вообще что-то. Фэйли взяла шнурок и взглянула на Ласиль. Странно, но ей почудилось, что худенькая женщина плачет. Ласиль так быстро забралась в постель гиганта-Безродного, что Фэйли была уверена: отношения кайриэнки с ним были основаны скорее на необходимости, а не на подлинной привязанности.

— Четыре человека мертвы, — произнесла Фэйли, и у нее вдруг пересохло во рту. Говорила она бесстрастно-торжественным тоном: это лучший способ не позволить чувствам повлиять на голос. — Они защищали нас; можно сказать, даже заботились о нас. Хоть они и были врагами,

мы скорбим по ним. Но не забывайте: они были айильцами. А для Айил смерть в бою — далеко не самый страшный конец.

Остальные женщины закивали, но Ласиль подняла взгляд и посмотрела в глаза Фэйли. Для них двоих все было иначе. Когда Перрин вынесся из того переулка и, увидев Шайдо, грубо тащивших, как казалось со стороны, Фэйли и Ласиль, взревел от ярости, события стали развиваться молниеносно. Во время стычки Фэйли на какое-то мгновение отвлекла Ролана, и тот замешкался. Замешкался потому, что она была ему небезразлична, и эта заминка позволила Перрину убить Ролана.

Намеренно ли поступила так Фэйли? Ей самой до сих пор не удавалось в этом разобраться. Столько всего пронеслось у нее в голове, столько чувств ее охватило, когда она увидела Перрина. Она закричала и… она никак не могла понять, действительно ли хотела отвлечь Ролана, чтобы тот погиб от руки Перрина.

Ласиль же сомнений не испытывала. Заслоняя ее собой, Джорадин одним прыжком встал перед ней и поднял оружие против незваного гостя. А Ласиль вонзила ему в спину нож, впервые в жизни убив человека. И это был мужчина, с которым она делила ложе.

Фэйли убила Кингуина, еще одного Безродного, который защищал их. Он был не первым, у кого она отняла жизнь, — и не первым, кому она нанесла удар в спину. Но Кингуин был первым убитым Фэйли человеком, кто видел в ней друга.

Иного выхода не было. Для Перрина они были лишь Шайдо, а Безродные видели перед собой только напавшего на них врага. Схватка не могла кончиться иначе, кроме как смертью Перрина или Безродных. Никакими криками бойню было не остановить.

Но потому-то все было еще трагичней. Фэйли постаралась взять себя в руки, чтобы не заплакать, как Ласиль. Ролана она никогда не любила и радовалась, что именно Перрин вышел живым из той схватки. Но Ролан был благородным человеком, достойным уважения мужчиной, и у Фэйли было чувство, будто она… как-то замарала себя и на ней лежит вина за его смерть.

Так не должно было случиться. Но так случилось. Отец Фэйли нередко рассказывал ей о ситуациях вроде этой — когда приходится убивать симпатичных тебе людей только потому, что на поле битвы им довелось оказаться на стороне врага. Тогда девушка никак не могла этого понять. Но если бы время вернулось назад, то

она поступила бы точно так же. Она ни за что не стала бы подвергать Перрина опасности. Ролан должен был погибнуть.

Но по этой-то причине мир для нее казался намного печальнее.

Тихонько всхлипывая, Ласиль отвернулась. Стоя на коленях, Фэйли взяла из свертка, оставленного Чиад, склянку с маслом. Затем она сняла с кожаного шнурка камень и положила шнурок в середину развернутого куска ткани. Потом девушка полила тонкий ремешок маслом, зажгла от фонаря лучинку, — и шнурок быстро занялся огнем.

Фэйли глядела на пламя — маленькие всполохи голубовато-зеленого цвета с оранжевыми кончиками. Запах горящей кожи жутко походил на вонь горящей человеческой плоти. Ночь выдалась тихая, ветра не было, и язычки пламени плясали, как им заблагорассудится.

Облив пояс маслом, Аллиандре опустила его в маленький костер. Аррела то же самое проделала с вуалью. Наконец Ласиль бросила в огонь носовой платок. Она по-прежнему плакала.

Вот и все, что они могли сделать. В том хаосе, в котором они покидали Малден, невозможно было позаботиться о телах. Чиад сказала, что это

вовсе не позорно — оставить их там, но Фэйли чувствовала, что должна что-то сделать. Каким-то образом почтить Ролана и остальных.

— Погибли они от наших рук, — произнесла Фэйли, — или же просто пали в бою, но эти четверо показали нам, что такое истинная честь. Как сказали бы айильцы, у нас к ним большой тох. Не думаю, что нам удастся его отдать. Но в наших силах помнить о них. Безродные и одна Дева были добры к нам, хотя ничто их к тому не обязывало. И они сохранили честь тогда, когда все вокруг от нее отреклись. Если и есть искупление для них — и для нас, — то вот оно.

— В лагере Перрина есть один Безродный, — заговорила Ласиль, а в глазах ее отражалось пламя погребального костра. — Его зовут Ниаген; он — гай'шайн Сулин, одной из Дев. Я ходила к нему, чтобы рассказать, что ради нас сделали другие. Он добрый.

Фэйли прикрыла глаза. Очевидно, Ласиль хотела сказать, что побывала в постели у этого Ниагена. Гай'шайн это не запрещалось.

— Джорадина ты этим не вернешь, — произнесла Фэйли, открыв глаза. — И не изменишь сделанного.

— Знаю, — промолвила уязвленная Ласиль. —

Но они были так веселы, несмотря на ужасное положение. Что-то в них было эдакое. Джорадин хотел забрать меня в Трехкратную землю, сделать своей женой.

«Ты бы на это не согласилась, — подумала Фэйли. — Я знаю, что такого бы никогда не случилось. Но теперь он мертв, и ты поняла, какой шанс упустила».

Впрочем, кто Фэйли такая, чтобы судить? Пусть Ласиль делает что хочет. Если этот Ниаген хотя бы наполовину таков, каким были Ролан и остальные, то Ласиль, наверное, с ним хорошо.

— Кингуин только-только начал заглядываться на меня, — заметила Аллиандре. — Я понимаю, чего он желал, но он никогда ничего не требовал. Мне казалось, что он собирался покинуть Шайдо и был готов помочь нам бежать. Даже если бы я его отвергла, он все равно бы нам помог.

— Мартии было ненавистно то, что творили другие Шайдо, — сказала Аррела. — Но она оставалась с ними ради своего клана. И погибла из-за своей преданности. Люди умирают и за кое-что похуже.

Фэйли неотрывно глядела на догоравшие угольки подобия погребального костра.

— Думаю, Ролан и в самом деле меня любил, —

промолвила она. И это было все.

Четыре женщины встали и вернулись в лагерь. Как гласит древняя салдэйская пословица, прошлое — это поле, что усыпано угольями и пеплом, оставшимися от пламени, которым было настоящее. Ветер развеял и унес пепел за спиной у Фэйли. Но она сохранила у себя бирюзовый камушек Ролана. Не ради сожалений, а ради памяти.

В эту тихую ночь Перрину не спалось: он лежал, вдыхая запахи парусиновой палатки и неповторимый аромат, оставленный Фэйли. Ее рядом не было, хотя совсем недавно она лежала тут. Только он задремал — как она куда-то ушла. Наверное, ушла в отхожее место.

Перрин вглядывался во мрак, пытаясь разобраться в том, что узнал от Прыгуна и увидел в волчьем сне. Чем больше он обо всем размышлял, тем сильнее в нем крепла решимость. Он отправится в Последнюю битву, и когда это случится, он к тому времени обязан будет уметь обуздывать волка внутри себя. Ему нужно либо избавиться от всех тех людей, кто идет за ним, либо научиться принимать их верность ему.

Он должен кое-что решить. Это будет непросто, но он обязан принять решение. Ничего не поделаешь — человек должен преодолевать труд-

ности. Такова жизнь. Вот поэтому все у Перрина и пошло наперекосяк после того, как Фэйли попала в плен. Вместо того чтобы принимать решения, он стал избегать их. Мастер Лухан в нем бы разочаровался.

И теперь Перрину предстояло принять еще одно решение, самое сложное из всех. Он позволит Фэйли отправиться навстречу опасности, даже, возможно, снова рискнет ее жизнью. Неужели нет иного выбора? Способен ли он так поступить? Перрина замутило при одной лишь мысли, что Фэйли вновь окажется в опасности. Но ему придется что-то предпринять.

Надо решить три задачи. Он возьмется за них и найдет решения. Но сначала ему нужно все хорошенько обдумать, потому что по-другому он не поступал. Лишь глупец принимает решение, не поразмыслив как следует.

Но само решение разобраться с возникшими трудностями немного успокоило Перрина, и он, перевернувшись, снова погрузился в сон.

Глава 22
Последнее, что можно сделать

Семираг сидела одна в маленькой комнатушке. Стул у нее забрали и не дали ни фонаря, ни свечи.

Будь проклята эта эпоха с ее растреклятыми людишками! Она что угодно бы отдала за световые колбы на стенах. В ее время узникам не отказывали в освещении. Конечно, несколько раз она сажала подопытных под замок в кромешную тьму, но это же совсем другое дело. Необходимо было понять, какое воздействие на них окажет отсутствие света. А эти так называемые Айз Седай, что ее захватили, — у них нет никакой разумной причины держать ее в темноте. Они поступают так лишь для того, чтобы унизить ее.

Обхватив себя руками, Семираг съежилась и привалилась к деревянной стене. Плакать она ни за что не станет. Она же как-никак Избранная! Ну заставили ее унижаться, и что? Сломить-то ее им не удалось.

Но… эти тупые Айз Седай теперь относились к ней не так, как раньше. Сама Семираг осталась

прежней, а вот они изменились. Каким-то образом та проклятая женщина с паралич-сетью в волосах одним махом у них на глазах низвергла Семираг с ее пьедестала.

Как? Как Семираг столь стремительно утратила над ними ту власть, которую имела? Ее пробирала дрожь при одном лишь воспоминании о том, как та женщина разложила ее у себя на коленях и отшлепала. Причем с каким равнодушием! Единственной эмоцией, которая слышалась у той в голосе, было легкое раздражение. С ней, с Семираг, — одной из Избранных! — обращались как с девчонкой, едва достойной внимания! Подобное отношение уязвляло больше, чем сами шлепки.

Больше этого не повторится. В следующий раз Семираг уже будет готова к такому унижению и не станет придавать побоям никакого значения. Да, это должно сработать. Разве нет?

Ее снова передернуло. Семираг подвергла пыткам сотни людей, а может, и тысячи, — во имя знания и понимания, имея на то какую-то причину. Применение пытки имеет смысл. Только тогда по-настоящему понимаешь, из чего человек сделан — в любом значении этого слова, — когда начинаешь резать его на кусочки. Эту фразу Семираг повторяла не раз и не два, и обычно она

вызывала у нее улыбку.

Но не сейчас.

Почему они не стали причинять ей боль? Настоящую боль? Не переломали пальцы, не нанесли порезов, не положили тлеющие уголья в локтевую впадину? Собрав волю в кулак, она была готова к любому подобному исходу. Какая-то малая часть ее рассудка, не утратившая любопытства, даже с нетерпением ждала этого.

Но такого? Чтобы ее заставили есть с пола? Чтобы перед теми, кто взирал на Семираг с таким трепетом и ужасом, с ней обращались как с малым ребенком?

«Я ее убью, — подумала Семираг уже не в первый раз. — Но сначала вытяну из нее по одному все жилы и сухожилия, всякий раз исцеляя потом Силой, чтобы она целую жизнь страдала от боли, снова и снова. Хотя нет. Нет, для нее я приготовлю что-нибудь новенькое. Она познает у меня такую муку, которую доселе никто не ведал ни в одной эпохе!»

— Семираг… — прозвучал шепот.

Она застыла, напряженно вглядываясь во тьму. Голос был приглушенным и слабым — словно морозным ветерком дунуло, но в то же время резким и колючим. Неужели ей почудилось? Он

— тут? Возможно ли такое?

— Какой огромный провал, Семираг. И по твоей вине, — продолжал голос, такой тихий.

Из-под двери просачивался тусклый свет, но голос раздавался внутри ее темницы. Казалось, свет становился ярче, и в багровой вспышке проявился силуэт фигуры в черном плаще, возвышавшейся перед Семираг. Она вскинула голову. Темно-красное свечение озаряло лицо мертвенно-белого цвета. Глаз на лице не было.

В тот же миг Семираг пала на колени, а затем простерлась ниц на старом деревянном полу. Хотя стоявший перед ней и походил на мурддраала, он был гораздо выше и крупнее — и гораздо могущественнее. Она содрогнулась, вспомнив голос самого Великого повелителя и сказанные ей тогда слова.

«Повинуясь Шайдару Харану, ты повинуешься мне. Не повинуясь же…»

— Ты должна была захватить мальчишку, а не убивать его, — произнесла фигура свистящим шепотом — так пар вырывается через щель между котлом и крышкой. — Ты лишила его руки и едва не лишила жизни. Ты раскрыла себя, потеряла ценные пешки. Ты попала в руки наших врагов, и теперь ты уже ими сломлена.

Семираг едва ли не слышала, как его губы кривятся в улыбке. Шайдар Харан был единственным мурддраалом, которого она видела с улыбкой на безглазом лице. Но она никак не могла поверить, что стоящее перед ней нечто действительно было мурддраалом.

Она ничего не ответила на обвинения. Никому и в голову не придет лгать или хотя бы искать оправданий перед этим существом.

Неожиданно ограждавший ее щит исчез. У Семираг перехватило дыхание. Саидар вернулась! О, сладостная сила. Однако, потянувшись к ней, Семираг вдруг засомневалась. Эти жалкие подобия Айз Седай, что сидят снаружи, обязательно почувствуют, как только она начнет направлять.

Щеки Семираг коснулась холодная рука с длинными ногтями — по ощущению плоть этого страшного существа напомнила ей кожу мертвеца. Шайдар Харан, приподняв ее голову за подбородок, устремил на Семираг безглазый взгляд.

— Тебе дается еще один, последний шанс, — прошептало существо, шевеля похожими на личинки губами. — Посмей. Только. Подвести.

Свечение угасло. Рука, касавшаяся ее щеки, исчезла. Семираг, не в силах подняться с колен,

боролась с охватившим ее ужасом. Последний шанс. За провалы Великий повелитель всегда воздает… весьма своеобразно. Прежде она одаривала других подобными «милостями», и удостоиться их самой ей совершенно не хотелось. По сравнению с карой Великого повелителя любые пытки, любые жестокости, какие способны выдумать эти так называемые Айз Седай, покажутся детской забавой.

Семираг заставила себя подняться на ноги, ощупью добралась до двери. Потом, затаив дыхание, она попробовала ее открыть.

Дверь отворилась. Семираг осторожно, чтобы не заскрипели петли, выскользнула из комнаты. В коридоре, рядом со стульями, она увидела три обмякших тела. Это были женщины, которые удерживали сковывавший Семираг щит. Возле лежавших на полу трех женщин стояла на коленях четвертая. Одна из Айз Седай. Одетая в зеленое шатенка, с собранными в хвост волосами, преклонив голову, замерла перед Семираг.

— Я живу, чтобы служить, Великая госпожа, — прошептала женщина. — Мне приказано сообщить вам, что мой разум скован Принуждением, которое вам нужно снять.

Семираг приподняла бровь; она не представля-

ла себе, что среди здешних Айз Седай найдутся Черные сестры. Избавление от Принуждения могло очень… неприятным образом сказаться на человеке. Каким бы слабым ни было Принуждение и как бы искусно оно ни было осуществлено, при освобождении от него мозг может серьезно пострадать. А если Принуждение было сильным… что ж, весьма интересно будет взглянуть.

— И еще, — произнесла женщина, протягивая ей что-то, завернутое в ткань. — Я должна передать вам это.

Под тряпкой Семираг увидела тускло-черный металлический ошейник и два браслета. «Оковы господства». Сработанные во времена Разлома Мира, поразительно похожие на ай'дам, с которым столько времени имела дело Семираг.

Этот тер'ангриал позволял контролировать мужчину, способного направлять Силу. Наконец-то сквозь страх, которым была охвачена Семираг, пробилась улыбка.

Ранду только раз довелось побывать в Запустении, хотя в голове то и дело всплывали смутные воспоминания о том, что ему неоднократно случалось оказываться здесь до того, как скверна Запустения погубила эти земли. Но то были воспоминания не самого Ранда, а Льюса Тэрина.

Пока отряд пробирался через поросшие невысоким кустарником пустоши Салдэйи, безумец, угнездившийся глубоко внутри Ранда, то и дело что-то шипел и сердито бормотал. Даже Тай'дайшар и тот становился все норовистей и пугливей по мере продвижения дальше на север.

В ландшафте Салдэйи преобладал бурый цвет — темная почва, рыже-коричневая поросль и низкие кустарники; земля здесь была вовсе не столь бесплодна, как в Айильской пустыне, но и буйной растительностью и изобильностью вряд ли могла похвастать. Нередко встречались фермы, которые, однако, больше походили на укрепленные форты, а тамошние мальчишки вели себя точно обученные воины. Однажды Лан сказал Ранду, что в Порубежье мальчик становится мужчиной, когда заслужит право носить меч.

— Вам не приходило в голову, — заметил Итуралде, ехавший по левую руку от Ранда, — что наше появление здесь могут принять за вторжение?

Ранд кивком указал на Башира, чей конь пробирался через кустарник справа от Тай'дайшара, и ответил:

— Я взял солдат-салдэйцев, — сказал он. — Они — мои союзники.

Башир рассмеялся:

— Сомневаюсь, друг мой, что королева посмотрит на ситуацию именно так! Месяцы минули с тех пор, когда я в последний раз запрашивал у нее приказаний. Хм, не удивлюсь, если теперь она потребует моей головы.

Ранд устремил взор вперед и произнес:

— Я — Дракон Возрожденный. И поход против сил Темного — вовсе не вторжение.

Перед ними высились предгорья Гор Рока. Их темные склоны были словно бы вымазаны сажей.

Как бы он сам поступил, если бы узнал, что какой-то другой правитель, использовав переходные врата, переправил в пределы его страны почти пятидесятитысячную армию? Наверняка счел бы подобный шаг началом военных действий, но войска порубежников находились далеко и занимались Свет знает чем, и он, Ранд, не оставит эти земли без защиты. Всего в часе конного перехода на юг доманийцы Итуралде выстроили укрепленный лагерь на берегу реки, бравшей начало где-то среди нагорий Края Мира. Ранд прошелся по лагерю, произвел смотр войск. Затем Башир предложил Ранду отправиться на разведку в Запустение. Его разведчики были по-

ражены тем, как быстро разрастается Запустение, и Башир счел важным, чтобы Итуралде и Ранд увидели все своими глазами. Ранд согласился. Иногда карты не в состоянии показать то, что способны увидеть зоркие глаза.

Солнце опускалось к горизонту, подобно усталому сонному глазу. Тай'дайшар бил копытом, то и дело вскидывая голову. Ранд поднял руку, останавливая свой отряд — два военачальника, пятьдесят солдат и столько же Дев. Позади всех ехал Наришма — его задачей было сплетать переходные врата.

Севернее, на пригорке, под ветром качались низенькие кустарники, по траве с широкими листьями прокатывались волны. Где начиналось Запустение, сказать было невозможно; оно не имело какой-либо определенной границы. Но — крапинки на травинке здесь, больной согнутый стебелек там… По отдельности каждое пятнышко выглядело вполне безобидно, и их все же было много, слишком много. А на вершине холма вовсе не осталось растений, не затронутых пятнами. Казалось, сыпь расползается прямо у него на глазах.

От Запустения веяло маслянистым душком смерти, все вокруг пронизывал запах гибнущих

трав, которые едва здесь выживали — будто пленники, измученные голодом и балансирующие на грани смерти. Если бы нечто подобное Ранд увидел в Двуречье на поле, то спалил бы все посевы разом, удивившись, что никто не сделал этого раньше его.

Башир, ехавший рядом с Рандом, провел по длинным черным усам костяшкой согнутого пальца.

— Я еще помню, когда это начиналось несколькими лигами дальше отсюда, — заметил он. — Еще совсем недавно.

— Я разослал дозоры вдоль кромки Запустения, — сказал Итуралде, глядя на пораженную скверной местность. — Все докладывают одно и то же. Там все тихо.

— И это служит вполне понятным предостережением: что-то не так, — сказал Башир. — Набеги троллоков или стычки с их патрулями — тут обычное дело. А раз ничего подобного нет, значит троллоков отпугивает нечто еще страшнее. Черви или осы-кровососы.

Облокотившись рукой о луку седла, Итуралде покачал головой, по-прежнему разглядывая Запустение.

— У меня нет опыта сражений с этими тварями.

Я могу понять, что на уме у людей, но бандам троллоков, ушедшим в набег, не нужны припасы и пути их подвоза, а о том, на что способны черви, я слышал одни лишь рассказы.

— Я оставлю тебе в качестве советников несколько офицеров Башира, — решил Ранд.

— Уже хорошо, — промолвил Итуралде. — Но вот что я думаю: не лучше ли было просто оставить здесь его? Солдаты Башира могли бы патрулировать эту местность, а моя армия вам пригодилась бы в Арад Домане. Не в обиду будь сказано, милорд, но неужели вам не кажется странным, что я со своими войсками буду действовать в его королевстве, а он со своими воинами — в моей стране?

— Нет, — ответил Ранд.

Такое решение было вовсе не странным, а вполне разумным, хотя диктовалось горькими предчувствиями. Ранд доверял Баширу, и воины Салдэйи служили ему верой и правдой, но было бы опасно оставлять их на родине. Да, Башир приходился двоюродным братом самой королеве, а как быть с его людьми? Как им отвечать, когда соотечественники спросят их, почему они превратились в преданных Дракону? Какими бы странными и неразумными ни казались поступ-

ки Ранда, он понимал: если оставить чужеземцев на земле Салдэйи, то столкновений и конфликтов из-за него будет гораздо меньше.

Не менее жестоко он поступил и с Итуралде. Тот поклялся Ранду в верности, но не исключено, что он мог бы и поступиться своей преданностью. А здесь, вблизи Запустения, у Итуралде и его солдат вряд ли найдется какая-либо возможность обратиться против Ранда. Сейчас они находились на враждебных землях, и Аша'маны Ранда будут для них единственным средством быстро вернуться в Арад Доман. А останься Итуралде в родной стране, он сам бы распоряжался своими войсками и, пожалуй, мог бы решить, что не нуждается в покровительстве Ранда.

Словом, держать армии на враждебной им территории будет куда безопаснее. Ранду не нравились рассуждения подобного рода, но, помимо прочего, способность думать именно таким образом отличала того человека, каким он стал, от того, каким он был. Только один из этих двух Рандов способен сделать то, что необходимо, сколь бы ненавистно оно ему ни было.

— Наришма! — окликнул Ранд Аша'мана. — Врата.

Ему незачем было оборачиваться — он сразу

же почувствовал, как Наришма ухватился за Источник и начал создавать плетения. Источник манил к себе, и у Ранда будто все зачесалось, однако он справился с соблазном и подавил возникшее было желание. С каждым разом ему становилось все труднее обращаться к Единой Силе, не рискуя извергнуть содержимое желудка, и у него не было никакого желания мучиться от рвотных позывов на глазах у Итуралде.

— К концу недели у тебя будет сотня Аша'манов, — произнес Ранд, обращаясь к Итуралде. — Думаю, ты распорядишься ими с толком.

— Полагаю, что именно так.

— Мне нужны каждодневные донесения, даже если не будет происходить ничего особенного, — продолжал Ранд. — Посылай гонцов через врата. Через четыре дня я сверну лагерь и двинусь в Бандар Эбан.

Башир что-то проворчал; сейчас Ранд впервые заговорил о своих планах выступить в поход. Тем временем Ранд, повернув коня, направил его к большим переходным вратам, раскрывшимся позади всадников. Несколько Дев уже успели нырнуть в них первыми — как и всегда. Наришма стоял в сторонке — темные волосы заплетены в две косицы, украшенные колокольчиками.

Он тоже был порубежником — до того, как стал Аша'маном. Наверняка и не скажешь, кто чему или кому верен — во многих случаях об этом остается только догадываться. Что для Наришмы важнее всего? Родина? Ранд? Айз Седай, Стражем которой он был? Ранд был уверен в преданности этого человека; Наришма был одним из тех, кто пришел за Рандом к Колодцам Дюмай. Но ведь самыми опасными врагами оказываются те, кому, как тебе казалось, ты мог доверять.

«Нельзя доверять никому из них! — сказал Льюс Тэрин. — Ни одного из них нельзя слишком близко к нам подпускать. Иначе они набросятся на нас!»

Безумец всегда ожидал неприятностей от всякого, кто способен направлять Силу. Ранд, легко ударив каблуками, послал Тай'дайшара вперед, стараясь не замечать бормотания Льюса Тэрина, однако его голос вернул Ранда мыслями к той ночи. К ночи, когда ему приснился Моридин, а Льюса Тэрина у него в голове и в помине не было. Ранда мутило от осознания того, что теперь и в собственных снах ему стало небезопасно. А ведь до того он находил в снах убежище. Конечно, и раньше его могли одолевать кошмары, но то были его собственные кошмары.

Зачем Моридин пришел на помощь Ранду в Шадар Логоте, во время сражения с Саммаэлем? Что за хитроумные сети тот плел? Он утверждал, что это Ранд вторгся в его сны, но не были ли эти слова очередной ложью?

«Я должен уничтожить их, — подумал он. — Должен уничтожить всех Отрекшихся, и на этот раз — окончательно. Я должен быть тверд».

Вот только Мин не желала, чтобы он был твердым. А пугать ее он хотел меньше, чем кого бы то ни было. С Мин нельзя играть; девушка может обозвать его дураком, но она никогда не лгала, и потому он хотел быть таким, каким она желает его видеть. Но посмеет ли он? Как можно, не разучившись смеяться и радоваться, сделать на склонах Шайол Гул то, что нужно сделать?

«Чтобы жить, ты должен умереть», — таков был ответ на один из тех трех вопросов. Если Ранду удастся задуманное, то память о нем — его наследие — будет жить и после его смерти. Не очень-то утешительная мысль. Умирать ему вовсе не хотелось. А кому хочется? Айильцы утверждали, что смерти они не ищут, но принимали ее объятия, когда она являлась к ним.

Ранд прошел через переходные врата, Переместившись обратно в поместье в Арад Домане,

на бурую утоптанную площадку, окруженную кольцом сосен, возле длинных рядов палаток и шатров. Только твердому человеку под силу встретиться лицом к лицу со смертью, сразиться с Темным, окропляя скалы своей кровью. Кто способен смеяться, коли ему уготована такая судьба?

Ранд покачал головой. И голос Льюса Тэрина у него в голове мало чем помог.

«Она права», — вдруг произнес Льюс Тэрин.

«Она?» — удивился Ранд.

«Та милашка. С короткими волосами. Она говорит, нам нужно сломать печати. Она права».

Осадив Тай'дайшара, Ранд застыл, не замечая конюха, подошедшего забрать лошадь. Чтобы Льюс Тэрин, да с чем-то согласился…

«И что нам потом делать?» — спросил Ранд.

«Мы умрем. Сам обещал, что мы сможем умереть!»

«Только если одолеем Темного, — заметил Ранд. — Ты же знаешь: если он победит, для нас уже не будет ничего. Даже смерти».

«Да… ничего, — сказал Льюс Тэрин. — И это замечательно. Никакой боли, никаких сожалений. Ничего».

Ранда пробила холодная дрожь. Раз даже у Лью-

са Тэрина возникли подобные мысли…

«Нет, — сказал Ранд. — Кое-что все-таки останется. Он заберет нашу душу. И боли будет больше, и будет она намного хуже».

Льюс Тэрин заплакал.

«Льюс Тэрин! — воззвал мысленно Ранд. — Что нам делать? Как ты тогда запечатал Скважину?»

«Не получилось, — прошептал Льюс Тэрин. — Мы воспользовались саидин, но задели ею Темного. Другого способа не было! Надо было чем-то коснуться его, чем-то закрыть щель, но он сумел запятнать ее порчей. Печать оказалась непрочна!»

«Да, но что нам нужно сделать по-другому?» — подумал Ранд.

Никакого ответа. Ранд подождал еще немного, а потом слез с Тай'дайшара, и взволнованный конюх увел коня. Тем временем переходные врата миновали остальные Девы, последними шли Башир и Наришма. Ранд не стал их дожидаться, хотя заметил рядом с площадкой для Перемещения Дейру Башир — жену Даврама Башира. Она была высока и величава, в ее темных волосах виднелись на висках белые пряди. Она смерила Ранда оценивающим взглядом. Как бы поступила она, если бы Башир погиб, исполняя приказания

Ранда? Сохранила бы верность ему или увела бы войска обратно в Салдэйю? Силой воли она не уступала мужу. А может, даже и превосходила его.

Поприветствовав Дейру кивком и улыбкой, Ранд прошел мимо нее и зашагал к особняку через лагерь, на который уже опускался вечер. Выходит, Льюсу Тэрину неведомо, как запечатать узилище Темного. Какой тогда прок от его голоса? Чтоб ему сгореть, он ведь был едва ли не единственной надеждой Ранда!

Большинству людей хватало ума отступить в сторону, когда они замечали шагавшего через лагерь Ранда. А Ранд еще помнил времена, когда ему были чужды подобные настроения, — когда он был простым пастухом. Ранд, Дракон Возрожденный, был теперь совсем другим человеком. Он был человеком долга и чести. Приходилось быть таким.

Долг. Долг подобен горе. Ну вот Ранд и чувствовал себя так, будто его зажало между доброй дюжиной гор и все они сдвигались, грозя раздавить его. И под их давлением эмоции в нем словно кипели и бурлили. И чему удивляться, когда они вырвутся наружу?

Подойдя к особняку, Ранд покачал головой. На

востоке лежали Горы тумана. Солнце уже почти закатилось, и горы окунулись в красное марево. За горами, к югу от них и до странности близко, находились Двуречье и Эмондов Луг. Дом, которого ему больше не видать: появление там Ранда лишь позволит врагам узнать о его любви к родным местам. Ранд же немало сил потратил на то, чтобы убедить их в том, что привязанностями он не отягощен. Иногда его охватывал страх, не обернулась ли уже эта уловка в правду.

Горы. Горы подобны долгу. В его случае — долг в том, чтобы оставаться одиноким. Где-то к югу от этих, казавшихся такими близкими гор жил его отец. Тэм. Ранд так давно не виделся с ним. Именно Тэм был ему отцом. Так считал Ранд. Своего настоящего отца, вождя айильского клана, которого звали Джандуин, он не знал, и хотя тот, без сомнения, был человеком чести, Ранд не испытывал никакого желания называть его отцом.

Порой Ранду не хватало голоса Тэма, его мудрых слов. В такие минуты от Ранда требовалось быть твердым, как никогда, так как всякий момент слабости — когда его одолевало желание броситься к отцу за поддержкой — грозил погубить почти все, ради чего он трудился. И вероятнее всего, для Тэма это тоже обернулось бы гибелью.

Ранд вошел в дом через прожженную в фасаде брешь, отодвинув прикрывавшую ее толстую парусину, и оказался спиной к Горам тумана. Теперь он один. Ему *нужно* оставаться одному. Положись Ранд хоть на кого-нибудь, он рискует стать слабее ко времени, когда доберется до Шайол Гул. В Последней битве ему нельзя полагаться ни на кого, кроме как на самого себя.

Долг. Сколько гор способен нести на себе человек?

В доме по-прежнему сильно пахло гарью. Лорд Теллаэн не без опаски, но с завидным постоянством сетовал на пожар до тех пор, пока Ранд не распорядился выдать тому денежную компенсацию, хоть в пузыре зла вовсе и не было его вины. Или все же была? Вокруг та'верена случалось множество всяких странностей — начиная с того, что люди принимаются говорить такое, чего обычно никогда не говорят, и кончая тем, что о верности ему заявляют колеблющиеся и нерешительные. Он был средоточием всяческих злоключений и бед, в том числе пузырей зла. Это не его выбор, он не хотел быть подобным средоточием, но именно он решил остановиться в особняке.

Так или иначе, ущерб Теллаэну возмещен. Конечно, эти жалкие гроши не шли ни в какое

сравнение с теми суммами, которые Ранд тратил на содержание своих армий, а эти деньги, в свою очередь, были лишь малой толикой средств, которые уходили у него на снабжение провизией Арад Домана и других бедствующих областей. Во всяком случае, его управляющие тревожились, что в скором времени Ранду грозит банкротство и потеря всего имущества в Иллиане, Тире и Кайриэне. Ранд не стал им говорить, что все это его совершенно не волнует.

Ведь ему суждено привести мир к Последней битве.

«И неужели тебе больше нечего будет оставить после себя?» — прошептал голос где-то на задворках сознания. Это не был Льюс Тэрин, то были его собственные мысли, слабенький такой голосок, та часть самого Ранда, что подвигла его основать школы в Кайриэне и Андоре. «Ты хочешь жить после смерти? И ты оставишь всем, кто следует за тобой, лишь хаос войны и голода? Будут ли разрушение и гибель сопровождать твою жизнь?»

Ранд тряхнул головой. Ну не может он исправить все сразу! Он всего лишь человек. Глупо заглядывать во времена, которые настанут после Последней битвы. Не мог он, просто не мог волноваться о том мире, который останется после

нее. Иначе ему пришлось бы отвлечься от главной цели.

«А какая у тебя цель? — казалось, услышал он голос. — Выжить или благоденствовать? Хочешь заложить основы для нового Разлома или для новой Эпохи легенд?»

Ответов у него не было. Льюс Тэрин зашевелился, бессвязно бормоча. Ранд поднялся по лестнице на второй этаж особняка. О Свет, как же он устал.

Что там говорил этот безумец? Когда он запечатывал Скважину в узилище Темного, то использовал саидин. А потому, что многие Айз Седай того времени выступили против Льюса Тэрина, вместе с ним осталось всего лишь Сто спутников — сто самых могущественных мужчин Айз Седай той эпохи. Ни одной женщины. Женщины Айз Седай назвали его план чересчур рискованным.

Смутно, но Ранд все же будто бы припоминал те события — вернее, не сами события, а сопутствовавшие им гнев, отчаяние и решимость. Не было ли тогда ошибкой, что вместе с мужской половиной силы не была использована женская? Не это ли позволило Темному нанести ответный удар и запятнать саидин, ввергнуть в безумие

Льюса Тэрина и оставшихся мужчин из числа Ста спутников?

Неужели решение действительно настолько просто? Сколько женщин Айз Седай ему понадобится? Или можно и вовсе без них обойтись? Немалое число Хранительниц Мудрости способны направлять Силу. Наверняка здесь нечто большее.

Есть такая детская игра в «змей и лисиц». Говорят, единственный способ выиграть в ней — нарушить правила. Как тогда быть с другим его планом? Можно ли нарушить правила, убив Темного? Не слишком ли это смело даже для Дракона Возрожденного?

Пройдя по скрипучим половицам коридора, Ранд отворил дверь в свою комнату. Мин в украшенных вышивкой зеленых штанах и льняной рубахе лежала на сработанной из бревен кровати. При свете лампы, подперев спину подушками, девушка листала очередную книгу. Рядом копошилась пожилая служанка, собирая посуду, оставшуюся после вечерней трапезы Мин. Скинув куртку, Ранд тихо вздохнул и принялся разминать руку.

Потом он присел на краешек кровати Мин, и девушка тотчас же отложила книгу — та

называлась «Всестороннее и всеобъемлющее рассмотрение реликвий, относящихся к периоду до Разлома Мира». Приподнявшись и протянув руку, Мин погладила Ранда по шее. Убиравшая посуду служанка звякнула тарелками и, извиняясь, склонилась в поклоне, а потом засуетилась еще больше, укладывая их в корзину.

— Опять ты вернулся совсем без сил, овечий пастух, — промолвила Мин.

— Так надо.

Она с силой ущипнула Ранда за шею, и он, заворчав, дернулся.

— Нет, не надо, — зашептала она ему в самое ухо. — Почему ты меня не слушаешь? Что хорошего в том, что ты загоняешь себя до полусмерти еще до Последней битвы? О Свет, Ранд, я несколько месяцев не слышала, как ты смеешься!

— Разве сейчас время для смеха? — спросил он. — Ты хочешь, чтобы я скакал от радости, когда дети голодают, а взрослые убивают друг друга? Или я должен смеяться, услышав, что троллоки по-прежнему пробираются через Пути? Или я должен быть счастлив оттого, что большинство Отрекшихся до сих пор таятся невесть где, помышляя, как лучше меня убить?

— Ты что, нет! — сказала Мин. — Нет, конечно.

Но нельзя позволить бедам мира нас раздавить. Кадсуане говорит, что…

— Погоди, — бросил Ранд, повернувшись так, чтобы смотреть ей прямо в лицо.

Девушка встала на кровати на колени, и короткая прядь черных волос упала ей на щеку. Казалось, ее поразил резкий тон Ранда.

— А Кадсуане-то здесь при чем? — спросил он.

— Да ни при чем, — нахмурилась Мин.

— Она указывала тебе, что нужно говорить, — сказал Ранд. — Использует тебя, чтобы добраться до меня!

— Не будь идиотом, — заявила Мин.

— Что она наговорила обо мне?

— Ее беспокоит то, что ты стал очень груб, — пожала плечами Мин. — Ранд, что с тобой происходит?

— Она пытается воздействовать на меня, управлять мной, — ответил он. — Она тебя использует. Что ты ей рассказала, Мин?

Мин опять сильно ущипнула Ранда и сердито сказала:

— Мне не нравится твой тон, дурень. Я-то считала Кадсуане твоей советницей. Почему я должна следить за своими словами в ее присутствии?

Служанка все гремела тарелками. Почему бы

ей просто не убраться отсюда? Вести при посторонних подобные разговоры Ранду совершенно не хотелось.

Не может же Мин быть заодно с Кадсуане! Или нет? Кадсуане Ранд ни капельки не доверял. А если она уже добралась до Мин…

Ранд ощутил, как у него сжалось сердце. Он же не подозревает Мин. Ведь он всегда мог рассчитывать на ее честность, и она никогда не играла с ним в игры. Что он будет делать, если вдруг потеряет ее? «Чтоб мне сгореть! — подумал Ранд. — Она права. Я стал слишком груб и резок. В кого же я превращусь, если начну подозревать даже тех, кто любит меня? Я буду ничем не лучше безумного Льюса Тэрина».

— Мин, — смягчив тон, промолвил Ранд. — Может, ты и права. Я и в самом деле зашел слишком далеко.

С видимым облегчением Мин повернулась и посмотрела на него. И вдруг застыла, глаза ее округлились от ужаса.

Что-то холодное защелкнулось на шее у Ранда.

Ранд тотчас же развернулся, вскидывая руку к шее. Позади него стояла та служанка, но фигура ее вдруг замерцала, задрожала и через мгновение она исчезла, и на ее месте возникла темнокожая

женщина с черными глазами и с торжествующим выражением на угловатом лице. Семираг.

Пальцы Ранд коснулись металла. Очень холодного металла — на ощупь почти как лед, — который сильно давил на кожу. В ярости он попытался высвободить меч из черных ножен, украшенных изображением дракона, но понял, что не может этого сделать. Ноги у него напряглись, как от тяжкой ноши. Пальцами Ранд еще мог двигать, но, как ни царапал он ошейник, тот, казалось, был сделан из цельного куска металла.

В это мгновение Рандом овладел ужас. Он встретился взглядом с Семираг, и та широко улыбнулась.

— Давно я ждала случая надеть на тебя «оковы господства», Льюс Тэрин. Как ни странно получается, но…

Тут в воздухе что-то блеснуло, и Семираг едва успела вскрикнуть, прежде чем нечто отбило мелькнувшее лезвие, — как предположил Ранд, то было плетение Воздуха, хотя он и не мог видеть плетения, созданного саидар. И все же нож Мин успел оставить порез на щеке Семираг и лишь потом, отбитый вбок, улетел к двери и вонзился в деревянную створку.

— Стража! — закричала Мин. — Девы, к ору-

жию! Кар’а’карн в опасности!

Семираг выругалась, взмахнула рукой, и Мин осеклась. Ранд, охваченный тревогой, извивался, силясь — но безуспешно — ухватиться за саидин. Что-то его не пускало. Плетениями Воздуха Мин сбросило с кровати, она не могла даже рта раскрыть. Ранд хотел было кинуться к ней, но вновь понял, что не в состоянии этого сделать. Ноги просто отказывались двигаться.

И тут дверь в его комнату распахнулась. Торопливым шагом внутрь вошла еще одна женщина. Переступив порог, она выглянула в коридор, словно высматривая что-то, а затем затворила за собой дверь. Элза. Вначале Ранд испытал прилив надежды, но низенькая Айз Седай подошла к Семираг и взяла у нее из рук второй браслет, который контролировал ай’дам на шее у Ранда. Она взглянула на Ранда покрасневшими глазами, и вид у нее был ошеломленный — словно бы ее чем-то сильно ударили по голове. Однако, увидев, как Ранд падает на колени, она улыбнулась.

— Вот ты и встретился со своей судьбой, Ранд ал’Тор. Ты встретишься с Великим повелителем. И ты проиграешь.

Элза. Элза — Черная сестра, чтоб ей сгореть! Кожу Ранда словно иголками закололо, когда

она, стоя возле своей хозяйки, ухватилась за саидар. Они обе стояли перед ним, у обеих было по браслету, и вид Семираг имела в высшей степени самоуверенный.

Зарычав, Ранд повернулся к ней. Он не позволит поймать себя в ловушку!

Отрекшаяся дотронулась до кровоточащего пореза на щеке и прищелкнула языком. На ней было неприметное серо-коричневое платье. Как ей удалось вырваться из плена? И где она раздобыла этот треклятый ошейник? Ранд же отдал его Кадсуане на хранение. И она поклялась, что надежно его припрячет!

— Караульные не придут, Льюс Тэрин, — рассеянно произнесла Семираг, подняв украшенную браслетом руку; с виду тот очень походил на ошейник, надетый на Ранда. — Я установила малых стражей, и нас никто не услышит. Скоро ты поймешь, что даже шевельнуться не можешь без моего дозволения. Ты уже попытался и, должно быть, понял, что это бесполезно.

В отчаянии Ранд вновь потянулся к саидин, но безрезультатно. Льюс Тэрин у него в голове принялся рычать и рыдать, и Ранд почувствовал, будто почти слился с ним воедино. Мин! Нужно добраться до нее. Он должен быть сильным!

Ранд попытался шагнуть к Семираг и Элзе, но по ощущениям ноги его будто принадлежали теперь кому-то другому. Он оказался в ловушке, был заперт внутри самого себя, как Льюс Тэрин. Он открыл было рот, чтобы разразиться проклятиями, но издал один лишь хрип.

— Да, — заметила Семираг. — Говорить без разрешения ты тоже не можешь. И не советую впредь тянуться к саидин. Вряд ли этот опыт покажется тебе приятным. Когда я раньше испытывала «оковы господства», то обнаружила, что это орудие куда более утонченное, чем ай'дам этих шончан. Их ай'дам дает некоторую свободу, а сдерживающим фактором служит тошнота. Но «оковы господства» требуют гораздо большего подчинения. Ты будешь делать в точности то, что я пожелаю. Например…

Ранд поднялся с кровати, ноги двигались против его воли. Затем его рука взлетела вверх и начала сдавливать ему горло, чуть выше ошейника. Он задыхался, ноги подгибались. Будто обезумев, он вновь потянулся к саидин.

И обрел боль. Он будто бы окунулся в чан с кипящим маслом, и раскаленная жидкость влилась ему в вены. Закричав от потрясения и муки, Ранд рухнул на деревянный пол. Он корчился от боли,

глаза заволокла тьма.

— Вот видишь, — прозвучал словно бы издалека голос Семираг. — Ах, я и забыла, какое наслаждение это мне доставляет.

Миллионом муравьев боль вгрызлась в кожу и устремилась к костям. Ранд извивался, мышцы спазматически сокращались.

«Мы снова в сундуке!» — возопил Льюс Тэрин.

И вдруг он действительно оказался в сундуке. Ранд видел их, эти черные стенки, что сдавливали его. Тело страдало от бессчетных побоев, рассудок отчаянно старался не утратить здравомыслия. Единственным его собеседником оставался лишь Льюс Тэрин. Ранд даже припомнил, что тогда чуть ли не впервые стал общаться с безумцем — тот начал отвечать ему незадолго до того дня, как Ранд был пленен.

Ранду не хотелось воспринимать Льюса Тэрина как часть себя. Впавшую в безумие часть самого себя, часть, способную выдержать любую пытку, пусть даже и потому, что ей уже пришлось пережить мучительные страдания. Еще более сильная боль и еще более тяжкие муки были лишены всякого смысла. Невозможно подлить воды в чашу, которая и так наполнена до краев.

Он перестал кричать. Боль никуда не ушла, от

нее слезились глаза, но больше криков не было. Воцарилась тишина. Нахмурившись, Семираг глядела на Ранда сверху вниз; кровь, стекая у нее по щеке, капала с подбородка. Новая волна боли накатила на него. Кем бы он ни был.

Он смотрел на нее. Молча.

— Что ты делаешь? — сказала Семираг, заставляя его отвечать. — Говори.

— Больше со мной ничего нельзя сделать, — прошептал он.

Очередной вал боли. Его затрясло, и нечто внутри его захныкало, но вовне он своих мучений не проявил. Не потому, что сдерживал крик, — просто он ничего уже не чувствовал. Сундук, две сочащиеся его собственной кровью и болью раны в боку, побои, унижение, страдания и свое самоубийство. Убить себя. С внезапной и холодной отчетливостью он вспомнил об этом. В конце концов, сделать с ним что-то большее не способна даже Семираг.

— Великая госпожа, — произнесла Элза, повернувшись к Семираг, и в глазах у нее, казалось, читалось какое-то потрясение. — Наверное, нам лучше…

— Заткнись, червячка, — бросила Семираг, стирая кровь со щеки. Затем она глянула на

окровавленную руку. — Уже второй раз эти ножи узнали вкус моей крови. — Тряхнув головой, Отрекшаяся с улыбкой повернулась к Ранду. — Значит, ничего более страшного с тобой случиться уже не может? Ты забываешь, Льюс Тэрин, с кем говоришь. Боль — моя стезя, а ты — всего-навсего мальчишка. У меня ломались мужи в десятки раз крепче тебя. Встань.

Он встал. Боль не уходила. Видимо, она решила изводить его болью до тех пор, пока не добьется от него какой-то реакции.

Повинуясь ее безмолвному приказу, он повернулся и увидел Мин — девушка висела над полом, стянутая невидимыми путами Воздуха. В глазах у нее плескался дикий страх, руки были связаны за спиной, а рот заткнут кляпом из тех же плетений Воздуха.

— Говоришь, я ничего не могу сделать? — хихикнула Семираг.

Ранд ухватился за саидин — не по своей воле, а по ее приказу. Ревущая мощь ворвалась в него, принеся с собой странное чувство тошноты, которое ему никак не удавалось объяснить. Он рухнул на четвереньки и, чувствуя, как вся комната начинает качаться и кружиться вокруг него, со стоном опорожнил желудок.

— Как необычно, — услышал он голос Семираг, донесшийся как будто издалека.

Он потряс головой, по-прежнему удерживая Единую Силу — борясь с ней, как это обычно ему приходилось делать с саидин, подчиняя своей воле этот мощный, бурлящий поток энергии. Это было все равно что сковать цепями бушующий в бурю ветер, и это было очень непросто сделать, даже если ты здоров и полон сил. Сейчас же подобное граничило практически с невозможным.

«Примени Силу, — зашептал Льюс Тэрин. — Убьем ее, пока можем!»

«Я не стану убивать женщину, — с упрямством подумал Ранд в каком-то вымышленном воспоминании на задворках разума. — Эту черту я не переступлю…»

Льюс Тэрин взревел, пытаясь отнять саидин у Ранда, но безуспешно. К тому же Ранд осознал, что не способен направлять по собственной воле, как не может и шагу ступить без разрешения Семираг.

Исполняя ее приказ, Ранд выпрямился, кружение комнаты замедлялось, тошнота отступала. А потом он принялся выстраивать сложные плетения из Духа и Огня.

— Да, — произнесла Семираг как бы сама се-

бе. — Итак, если я сумею припомнить… Как это иногда бывает занятно — проделывать такое мужским способом.

Сформировав плетения, Ранд направил их на Мин.

— Нет! — вскричал он, как только сообразил, что сотворил. — Только не это!

— Ну вот видишь, — заметила Семираг, — не так уж трудно оказалось тебя сломать.

Когда плетения коснулись Мин, та скорчилась от боли. Ранд продолжал направлять Силу, из глаз его текли слезы, а он вынужден был пронизывать тело Мин сложными плетениями. Они несли в себе одну лишь муку и превосходно справлялись со своей задачей. Должно быть, Семираг освободила Мин от кляпа, поскольку та начала кричать и рыдать.

— Прошу тебя, Ранд! — молила она. — Пожалуйста!

Ранд же ревел от ярости, старался остановиться, но не мог прекратить ее мучения. Благодаря связующим их узам он чувствовал боль Мин, ощущал те страдания, которые сам же ей и причинял.

— Прекрати! — проревел он.

— Умоляй, — произнесла Семираг.

— Пожалуйста, — плача, промолвил он. — Прошу, умоляю тебя.

Вдруг он замер: истязавшие Мин плетения рассеялись. Девушка, плача, по-прежнему висела в воздухе, глаза ее были затуманены болью. Развернувшись, Ранд взглянул на Семираг и на стоявшую рядом с Отрекшейся невысокую Элзу. Черная сестра выглядела перепуганной насмерть, словно бы ввязалась в то, к чему совсем не была готова.

— Теперь, — сказала Семираг, — тебе понятно, что твоим предназначением всегда было служение Великому повелителю. Сейчас мы покинем эту комнату и разделаемся с этими так называемыми Айз Седай, которые держали меня в плену. Затем Переместимся к Шайол Гул и вручим тебя Великому повелителю — тогда все и закончится.

Ранд склонил голову. Должен же быть какой-то выход! Он представил себе, как она понукает им, дабы прорваться сквозь ряды его же людей. Он подумал, что атаковать они побоятся, испугаются ранить его. Он видел кровь, смерть и разрушения, причиной которых станет он сам. Эти страшные мысли обдали его морозным холодом, обратили все внутри его в лед.

«Они победили».

Семираг взглянула на дверь, потом повернулась к Ранду и, улыбнувшись, сказала:

— Но боюсь, сначала нам придется разделаться с ней. Вот этим мы и займемся.

Ранд повернулся и попытался подойти к Мин.

— Нет! — сказал он. — Ты обещала, что если я попрошу…

— Ничего я не обещала, — смеясь, произнесла Семираг. — Умолял ты очень мило, Льюс Тэрин, но я решила пренебречь твоими мольбами. Однако саидин ты отпусти. Здесь потребуется нечто личное.

Саидин исчезла, и Ранд с сожалением ощутил, как уходит сила. Мир вокруг словно бы потускнел. Он подошел к Мин, встретив ее умоляющий взгляд. Затем Ранд обхватил ладонью горло девушки, с силой его сдавил и начал душить ее.

— Нет… — прошептал он в ужасе, когда его рука, против его воли, перекрыла девушке дыхание.

Мин пошатнулась, и он, вопреки своей воле, толкнул ее наземь, почти не замечая ее попыток сопротивления. Ранд навис над девушкой, с силой сдавливая рукой ее горло и продолжая душить. Она смотрела на него, глаза ее начали вылезать из орбит.

«Этого не может случиться».

Семираг смеялась.

«Илиена! — застонал Льюс Тэрин. — О-о Свет! Я убил ее!»

Ранд крепче сдавил горло девушки, наклонившись над ней пониже; его пальцы впивались в кожу, сжимая горло Мин все сильнее. Он словно бы сдавливал собственное сердце, и мир вокруг почернел, все вокруг погрузилось во мрак, за исключением Мин. Он чувствовал у себя под пальцами биение ее пульса.

Эти прекрасные черные глаза глядели на него — глядели с любовью, даже когда он убивал ее.

«Этого не может случиться!»

«Я убил ее!»

Я обезумел!

«Илиена!»

Должен быть выход! Должен! Ранду хотелось закрыть глаза, но он не мог. Она не позволит ему этого сделать — и не Семираг, а Мин. Не давая ему отвести взора, она не сводила с него своих глаз, по ее щекам текли слезы, черные кудряшки растрепались. Как она прекрасна.

Ранд рванулся к саидин, но дотянуться не сумел. Собрав воедино всю свою волю, до последней капли, он силился разжать пальцы, но они продолжали сжимать горло девушки. Он был в ужасе,

он чувствовал ее боль. Лицо Мин побагровело, веки задрожали.

«ЭТОГО НЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ! Я НЕ ПОСТУПЛЮ ТАК СНОВА!» — взвыл про себя Ранд.

Внутри его будто оборвалось что-то. Он похолодел; затем холод исчез, и он больше ничего не чувствовал. Никаких чувств. Никакого гнева.

В этот момент он осознал присутствие странной силы. Она походила на громадный источник воды, кипящей и бурлящей где-то рядом, вне поля зрения. Он потянулся к этой силе разумом.

Перед взором Ранда возникло чье-то лицо, оно было словно в туманной дымке, и он не сумел различить его черт. Через миг лицо исчезло.

А Ранд обнаружил, что его наполняет какая-то чуждая сила. Не саидин, не саидар, а нечто иное. Нечто такое, чего он прежде никогда не чувствовал.

«О-о Свет! — вдруг вскричал Льюс Тэрин. — Это невозможно! Мы не можем этим воспользоваться! Отринь это! Избавься! Это смерть! Смерть мы держим, смерть и предательство».

«Это — ОН».

Стоя на коленях возле Мин, Ранд закрыл глаза и направил странную, неведомую силу. Энергия и жизнь хлынули через него — мощный поток

силы, подобной саидин, только в десять раз сладостней и в сто раз неистовей. Эта сила вдохнула в него жизнь, заставила осознать, что он никогда прежде не был настолько живым. Она дала ему такую мощь, какую он и представить себе не мог. Своей мощью она могла посоперничать даже с той силой, которой он обладал, черпая из Чойдан Кэл.

Ранд закричал — в восторге и в ярости — и принялся сплетать гигантские копья из Огня и Воздуха. Он швырнул плетения на свой ошейник, и комната будто взорвалась множеством огненных вспышек от частичек расплавленного металла — и каждый пламенный язычок он видел ясно и отчетливо. Ранд чувствовал каждый мельчайший кусочек металла, на которые разлетелся ошейник, чувствовал, как эти кусочки насыщают воздух своим жаром и испускают дымные следы, ударяясь о стену или пол. Он открыл глаза и отпустил Мин. Девушка тяжело задышала, всхлипывая и ловя ртом воздух.

Ранд встал и повернулся, и по венам его словно бежала раскаленная добела магма — почти как в те минуты, когда его пытала Семираг, но сейчас все было как-то совершенно иначе. Несмотря на ту же мучительную боль, Ранд испытывал

крайний экстаз.

Семираг была потрясена до глубины души.

— Но… Это невозможно… — вымолвила она. — Я ничего не чувствую. Ты не мог… — Вытаращив глаза, она неотрывно глядела на Ранда. — Истинная Сила… Почему ты предал меня, Великий повелитель? Почему?

Ранд поднял руку и, наполненный силой, которую не понимал, создал одно-единственное плетение. Полоса чистейшего белого света, очищающего пламени, вырвалась у него из руки и ударила Семираг в грудь. Семираг вспыхнула и исчезла, оставив перед глазами Ранда лишь свой гаснущий образ. Ее браслет упал на пол.

Элза кинулась к двери. Еще одна полоса белейшего света, и Черная сестра исчезла, на мгновение сама превратившись в свет. Браслет ее тоже оказался на полу: обе женщины были полностью выжжены из Узора.

«Что ты наделал? — спросил Льюс Тэрин. — О Свет! Лучше бы опять убить, чем совершить такое… О-о Свет. Мы обречены».

Еще какое-то мгновение насладившись силой, Ранд — с сожалением — отпустил ее. Он и рад бы был не выпускать ее, но совершенно выдохся. Исчезнув, неведомая сила оставила Ранда в

оцепенении.

Или же… нет. Охватившее его онемение не имело никакого отношения к той силе, которая только что бурлила в нем. Повернувшись, Ранд посмотрел на Мин — девушка тихо покашливала и потирала шею. Она подняла на него взгляд, и вид у нее был напуганный. Ранд сомневался, что когда-нибудь она снова увидит его прежним.

Он ошибался: на самом деле кое-что Семираг смогла с ним сотворить. Он почувствовал, что значит убить ту, кого любишь и кем дорожишь. Когда он совершил такое в прошлом, будучи Лью-сом Тэрином, он был безумен и не мог владеть собой. Он едва мог припомнить, как убивал Илиену, — то будто бы происходило в неясном сне. Осознать содеянное он сумел только после того, как Ишамаэль ненадолго вернул ему рассудок.

И вот в конце концов он узнал в точности, каково это — собственными глазами видеть, как ты убиваешь тех, кого любишь.

— Все кончено, — прошептал Ранд.

— Что? — переспросила Мин, снова закашлявшись.

— Последнее, что со мной могли сделать, — произнес он, поражаясь собственному спокойствию. — Теперь у меня отняли все, до последней

капли.

— О чем ты говоришь, Ранд? — спросила Мин. Девушка снова потерла шею. На коже уже начали проступать синяки.

Ранд покачал головой, и тут в коридоре — наконец-то! — раздались голоса. Наверное, Аша'маны почувствовали, как Ранд, истязая Мин, направлял Силу.

— Я сделал свой выбор, Мин, — сказал он, поворачиваясь к двери. — Ты просила от меня мягкости и смеха, но этого во мне больше нет. Прости.

Как-то несколько недель тому назад он решил стать сильнее — превратиться из железа в сталь. Как оказалось, сталь тоже непрочна.

Впредь он будет тверже. Он понял, как этого добиться. Он был сталью, теперь же станет чем-то иным. Отныне он будет квейндияром. Ранд погрузился в некое подобие той пустоты, обретать которую его научил Тэм — когда-то очень давно. И в этой новой пустоте у Ранда не было места чувствам. Вообще никаким.

Его не смогут ни сломать, ни подчинить.

Все кончено.

Глава 23
Сгущение в воздухе

Что с сестрами, которые охраняли ее камеру? — осведомилась Кадсуане, тяжело поднимаясь по деревянным ступеням лестницы вместе с Мерисой.

— Кореле и Несан, к счастью, живы, хотя и крайне слабы, — ответила Мериса. Чтобы юбки не мешались под ногами, ей пришлось подхватить их спереди.

Следом за женщинами поспешал Наришма; колокольчики, вплетенные в кончики его косиц, тихо позвякивали.

— Дайгиан мертва, — продолжала Мериса. — Нам не совсем понятно, почему двух других оставили в живых.

— Стражи, — пояснила Кадсуане. — Если убить этих Айз Седай, то их Стражи мигом бы об этом узнали, а тогда и мы бы поняли, что что-то не так.

Все равно Стражи должны были заметить, что что-то не в порядке, — нужно будет обязательно допросить мужчин и выяснить, что они

почувствовали. Но наверняка есть какая-то взаимосвязь.

У Дайгиан же не было Стража. Кадсуане ощутила прилив жалости к симпатичной сестре, но тут же отбросила сожаления и печаль прочь. Сейчас не время скорбеть.

— Двух других ввели в какой-то транс, — продолжала Мериса. — Следов каких-то плетений я не заметила, Наришма тоже ничего не нашел. Сестер мы обнаружили буквально перед тем, как зазвучал сигнал тревоги. Потом, убедившись, что ал'Тор жив и с врагами покончено, мы отправились за вами.

Кадсуане раздраженно кивнула. Как назло, именно сегодня вечером ей нужно было отправиться в лагерь к Хранительницам Мудрости! За Наришмой, во главе нескольких Хранительниц Мудрости, шла Сорилея, и Кадсуане не отваживалась замедлить шаг — не то айилки, торопясь проведать ал'Тора, еще затопчут ее ненароком.

Поднявшись по лестнице, они поспешили по коридору к комнате Ранда. Как его угораздило навлечь на себя такие неприятности — снова! И как эта проклятая Отрекшаяся сумела выбраться из темницы? Наверняка кто-то помог ей, а это значит, что у них в лагере есть приспешник

Темного. Ничего невероятного в этом нет — коли приспешницы Темного действуют в Белой Башне, то, несомненно, тут их тоже можно обнаружить. И какому приспешнику Темного под силу справиться с тремя Айз Седай? Вне всякого сомнения, плетения такого уровня Единой Силы ощутили бы все сестры или Аша'маны в лагере.

— Чая не находили? — тихо спросила Кадсуане Мерису.

— Вроде бы нет, — отозвалась Зеленая сестра. — Узнаем больше, когда те двое очнутся. Они без сознания с тех пор, как мы вывели их из транса.

Кадсуане кивнула. Дверь в комнату ал'Тора была распахнута, и у порога скучились Девы, подобно осам, только что обнаружившим свое гнездо разоренным. Кадсуане не могла винить их за беспокойство. По-видимому, ал'Тор немногое рассказал о случившемся. Глупому мальчишке еще повезло, что жив остался! «Вот же прóклятая Светом передряга!» — подумала Кадсуане, проходя мимо Дев в комнату Ранда.

В дальнем конце комнаты, тихонько переговариваясь, стояла группка Айз Седай. Сарен, Эриан, Белдейн — все те, кто находился в лагере и остался жив и в сознании. Только Элзы нет. Где же Элза?

Три Айз Седай кивнули вошедшей Кадсуане,

но та едва удостоила их взглядом. Бледная как полотно Мин, потирая шею, сидела на кровати, глаза у нее покраснели, а коротко стриженные волосы были растрепаны. Ал'Тор, заложив руки за спину, стоял у открытого окна в дальнем углу комнаты и вглядывался в ночь. Здоровой рукой он крепко сжимал культю. Он был в белой рубахе, помятая куртка валялась на полу, а врывавшийся в окно холодный ветер ерошил золотисто-рыжие волосы юноши.

Кадсуане оглядела комнату; у нее за спиной, в коридоре, Хранительницы Мудрости о чем-то принялись расспрашивать Дев.

— Ну? — произнесла Кадсуане. — Что случилось?

Мин подняла взгляд. На шее у нее виднелись багровые отметины, понемногу превращавшиеся в синяки. Ранд даже не отвернулся от окна. «Вот наглый мальчишка», — подумала Кадсуане, проходя вглубь комнаты.

— Говори, мальчик! — сказала она. — Мы должны знать, не грозит ли опасность лагерю.

— С опасностью покончено, — тихо произнес Ранд.

Что-то в его голосе обеспокоило Кадсуане. Она ожидала вспышки гнева или, может, довольства

собой. По меньшей мере усталости. Однако голос Ранда звучал холодно и бесстрастно.

— Не объяснишь, что все это значит? — требовательно спросила Кадсуане.

Наконец-то повернувшись, Ранд посмотрел на нее. Она невольно отступила на шаг, хотя не сумела бы объяснить почему. Вроде тот же самый глупый мальчишка. Слишком высок и чересчур самоуверен и тупоголов. Сейчас же от него словно исходило странное спокойствие, но с какой-то темной окаемкой. Похожее спокойствие можно увидеть в глазах осужденного в тот миг, когда ему на шею надевают петлю.

— Наришма, — произнес Ранд, глядя за спину Кадсуане. — У меня есть для тебя плетение. Я покажу тебе его только один раз — запоминай.

С этими словами ал'Тор отвел руку в сторону, между пальцами у него полыхнул ослепительно-белый огонь, полосой ударивший в лежащую на полу куртку. Вспыхнув ярким светом, куртка вмиг исчезла.

Кадсуане зашипела:

— Я же говорила тебе — не смей применять такое плетение! Не делай так больше никогда. Слышишь меня, мальчик? Это не…

— Такое плетение, Наришма, мы отныне долж-

ны использовать против Отрекшихся, — произнес ал'Тор, тихим голосом обрывая отповедь Кадсуане. — Если убивать их чем-то иным, у них будет возможность возродиться. Это опасный инструмент, однако всего лишь инструмент. Как и любой другой.

— Он под запретом, — сказала Кадсуане.

— Отныне нет. Я так решил, — бесстрастно произнес ал'Тор.

— Ты даже не представляешь, на что способно это плетение! Ты как ребенок, вздумавший играть с…

— Я видел, как погибельный огонь уничтожает целые города, — заговорил ал'Тор с нарастающей тревожностью в глазах. — Я видел, как его очищающим пламенем людей из Узора выжигало тысячами. Если ты, Кадсуане, называешь меня ребенком, то как назвать тех из вас, кто младше меня на тысячи лет?

Она встретилась с ним взглядом. Свет всемогущий! Что с ним произошло? Кадсуане отчаянно старалась привести свои мысли в порядок.

— Так что, Семираг мертва?

— Еще хуже, — ответил ал'Тор. — И для нас, по-моему, так во многих отношениях лучше.

— Что ж… Тогда, полагаю, нам стоит…

— Узнаёшь этот предмет, Кадсуане? — спросил ал'Тор, кивком указав на какую-то металлическую вещицу, лежавшую на кровати и почти целиком прикрытую простынями.

Без всякого желания Кадсуане подошла к кровати. Сорилея, с невозмутимым выражением лица, внимательно смотрела на происходящее. Судя по всему, она не желала участвовать в разговоре, пока ал'Тор пребывает в подобном настроении. Винить ее за это Кадсуане не стала бы.

Откинув простыни, Кадсуане обнаружила под ними знакомые браслеты. Ошейника не было.

— Невозможно, — прошептала она.

— И я так думал, — произнес ал'Тор этим своим ужасающе бесчувственным голосом. — Я говорил себе, что наверняка это не тот тер'ангриал, который я передал тебе на хранение. Ты обещала, что укроешь его в надежном месте.

— Ну что ж… — совсем утратив присутствие духа, вымолвила Кадсуане и снова прикрыла браслеты. — Значит, с этим ясно.

— Еще как. Я послал людей к тебе в комнату. Скажи-ка, не в этой ли шкатулке ты хранила браслеты? Мы нашли ее на полу в твоих покоях, и она была открыта.

Одна из Дев вынесла знакомую Кадсуане ду-

бовую шкатулку. По всей видимости, ту самую. Кадсуане обратила свой гнев на Ранда.

— Ты обыскивал мою комнату?! — возмутилась она.

— Я не знал, что ты отправилась навестить Хранительниц Мудрости, — сказал ал'Тор. В знак почтения он коротко кивнул Сорилее и Эмис, и они нехотя ответили на его приветствие. — Я боялся, что Семираг решила тебе отомстить, и поэтому послал слуг, дабы проверили, что с тобой.

— К шкатулке и прикасаться не должны были, — сказала Кадсуане, забирая ящичек у Девы. — Она была защищена очень замысловатыми малыми стражами!

— Недостаточно замысловатыми, — заметил ал'Тор, отворачиваясь от нее. Он по-прежнему стоял у темного окна, устремив взор поверх лагеря и вглядываясь в ночь.

Комната погрузилась в тишину. Наришма тихонько расспрашивал Мин о ее самочувствии, но, когда перестал говорить ал'Тор, умолк и он. Очевидно, Ранд считал Кадсуане ответственной за то, что мужской ай'дам был украден, но это же нелепо! Она защитила его самыми лучшими малыми стражами, которые ей известны, но кто знает, какими умениями и знаниями обладают

Отрекшиеся, чтобы обойти подобную защиту?

Как вообще ал'Тору удалось остаться в живых? И что сталось с прочим содержимым этой шкатулки? Ключ доступа теперь оказался у ал'Тора или же статуэтку похитила Семираг? Осмелится ли Кадсуане спросить об этом? В комнате по-прежнему царила тишина.

— Чего ты ждешь? — наконец спросила Кадсуане со всей бравадой, на которую была способна. — Рассчитываешь, что я стану извиняться?

— Ты? — произнес ал'Тор. В голосе его не было даже тени каких-то эмоций — все то же холодное спокойствие. — Нет, полагаю, легче добиться извинений от камня, чем от тебя.

— Значит…

— Уходи с моих глаз долой, Кадсуане, — негромко промолвил он. — И если назавтра я увижу твое лицо, то убью тебя.

— Нет, Ранд! — воскликнула Мин, вскакивая с кровати. Но он на девушку даже не обернулся.

Кадсуане ощутила приступ паники, которая тут же оказалась сметена ее гневом.

— Что? — воскликнула она. — Что за глупость, мальчик. Да я…

Ранд повернулся, и, наткнувшись на его взгляд, Кадсуане вновь осеклась. Во взоре Ранда читалась

угроза, какая-то непонятная тень в его глазах внушала ей такой страх, с которым, пожалуй, ее старое сердце уже не сможет справиться. Пока Кадсуане глядела на Ранда, воздух вокруг него словно бы начал коробиться, сгущаться, и ей как будто показалось, что в комнате отчего-то стало темнеть.

— Н-но… — Она поймала себя на том, что запинается. — Но ты же не убиваешь женщин. Все об этом знают. Ты даже Дев стараешься от опасности подальше держать, лишь бы кого-то из них не ранили!

— Меня вынудили пересмотреть это правило, — сказал ал'Тор. — И отказаться от него с сегодняшнего вечера.

— Но…

— Кадсуане, — тихо произнес он, — ты веришь, что я могу убить тебя? Вот здесь и сейчас, даже не прибегая к мечу или к Силе? Ты веришь, что стоит мне только пожелать, и Узор изогнется вокруг меня и остановит твое сердце? Такая вот… случайность?

Пусть он и та'верен, но такое невозможно. О Свет! Или все-таки возможно? Разве? Неужели он способен подчинить своей воле сам Узор?

И все же, встретившись с ним взглядом, Кадсу-

ане действительно поверила его словам. Взглянув ему в глаза, она вопреки всякой логике осознала, что если она не отправится в изгнание, то неизбежно умрет.

И Кадсуане медленно кивнула, ненавидя себя — такую необычно слабую.

Ранд отвернулся от нее и снова уставился в окно.

— И чтобы твоего лица я больше не видел. Никогда, Кадсуане. Теперь ступай.

Ошеломленная, она повернулась и краешком глаза уловила, как от ал'Тора исходит кромешная тьма, отчего воздух сгущается еще больше. Оглянувшись, Кадсуане ничего не увидела. Стиснув зубы, она удалилась.

— Готовьтесь сами и готовьте армии, — приказал ал'Тор оставшимся, и голос его эхом раскатился по комнате. — К исходу недели мы выступаем.

Приложив ладонь ко лбу, Кадсуане прислонилась в коридоре к стене; сердце учащенно билось, по руке тек пот. Прежде она противостояла упрямому, но добросердечному мальчишке. Кто-то подменил этого ребенка взрослым мужчиной — самым опасным из всех, кого ей случалось встречать. И с каждым днем он все дальше ускользал от них.

И вот теперь — будь оно все проклято! — Кадсуане не имела ни малейшего представления о том, как быть дальше.

Глава 24
Новое обязательство

Совершенно измотанный после двухдневной скачки, Гавин верхом на Неукротимом въехал на невысокий холм, что высился к юго-западу от Тар Валона.

Вообще-то, местность вокруг уже должна была зеленеть от весенней поросли, но склон холма перед ним покрывали лишь клочья жухлой травки, погубленной зимними снегами. Однообразно-бурый пейзаж нарушали видневшиеся тут и там островки чернодрева и тиса. Он насчитал немало рощиц, вместо которых теперь красовались одни лишь пеньки. Военные лагеря пожирали лес, подобно голодным жукам-древогрызам, изводя деревья на стрелы и дрова, пуская их на возведение построек и осадных сооружений.

Гавин зевнул — ему пришлось проскакать ночь напролет. Армейский лагерь Брина был хорошо укреплен, в нем царили деловитая суета и постоянное движение. Войско подобной численности порождало в лучшем случае организованный хаос. Небольшая кавалерийская группа могла пе-

редвигаться налегке — так и действовали Отроки Гавина; подобный отряд, даже увеличившись в числе до нескольких тысяч, все равно оставался подвижным. Поговаривали, что опытные конники, такие как салдэйцы, могли формировать семи- или восьмитысячные отряды, которые при этом нисколько не утрачивали быстроты и легкости передвижения.

Но армия, подобная той, что расположилась внизу, являла собой совершенно иное чудище. Это была расползшаяся громадина, имевшая вид гигантского пузыря с лагерем поменьше в середине — в нем, очевидно, жили Айз Седай. Небольшие городки возле мостов по обоим берегам реки Эринин также занимали войска Брина, в сущности отрезав остров от сухопутных путей снабжения.

Армия расположилась возле Тар Валона подобно пауку, подстерегающему бабочку, что порхает рядом с паутиной. Тут и там войсковые колонны отправлялись на патрулирование, на фуражировку и закупку продовольствия, выезжали со срочными поручениями посыльные. Дюжины и дюжины отрядов — конных и пеших. Подобно пчелам из улья, одни солдаты покидали лагерь, а другие торопились вернуться туда. Восточную

часть лагеря заполонили хибары и палатки, где обитали маркитанты и всякий прочий люд, обычно следующий за любой армией. Невдалеке, в пределах главного войскового лагеря, возвышался деревянный частокол — высокое кольцо ярдов пятидесяти в поперечнике. Вероятнее всего, там находился командный пункт.

Гавин знал, что он, подъезжая к лагерю, не остался незамеченным дозорными Брина, однако пока никто его не остановил. И наверное, не остановит — если только он не попытается ускакать прочь. Вряд ли вызовет большой интерес одинокий всадник — в приличном сером плаще и штанах и в белой рубашке на шнуровке. Он мог оказаться вольным наемником, желающим завербоваться в ряды армии. Мог быть гонцом от местного лорда, присланного с жалобой на разведчиков. Он даже мог оказаться солдатом этой же армии. Хотя многие солдаты Брина носили униформу, немало было таких, кто довольствовался лишь простой желтой полосой на рукаве куртки, не имея возможности заплатить даже за то, чтобы им пришили достойную эмблему.

Нет, один-единственный человек, приближавшийся к целой армии, опасности не представлял. А вот из-за всадника, скачущего прочь от ар-

мии, вполне могли поднять тревогу. Тот, кто едет в лагерь, был либо другом, либо врагом, либо ни тем ни другим. Но верховой, который осмотрел лагерь, а потом поскакал восвояси, — почти наверняка шпион. Так что дозорные Брина побеспокоят Гавина, скорее всего, лишь в том случае, если тот вздумает уехать, так и не продемонстрировав им со всей очевидностью своих намерений.

О Свет, как же ему хотелось растянуться на кровати! Гавин провел две беспокойные ночи, в которые ему удалось поспать всего по паре часов — на голой земле, завернувшись в плащ. Он чувствовал себя взвинченным и раздраженным, отчасти он злился на самого себя за то, что не захотел заехать на постоялый двор из опасения, что его смогут выследить Отроки. Поморгав, дабы прояснить затуманенный усталостью взор, Гавин пришпорил Неукротимого и пустился вниз по склону. Теперь он точно решился.

Нет. Решился он еще тогда, когда оставил Слита в Дорлане. Сейчас Отрокам наверняка уже известно о предательстве их вожака. Слит не позволит им тратить время на поиски. Он расскажет им то, что знает. Как бы ни убеждал себя Гавин, что Отроки будут удивлены, однако и раньше, стоило

ему высказаться об Элайде и об Айз Седай, на него недовольно косились или бросали смятенные взгляды.

Белая Башня не заслуживала его верности, но вот Отроки… К ним он теперь вернуться не мог. Мысли об этом не давали Гавину покоя; впервые его колебания стали очевидны для столь многих. О том, что он помог бежать Суан, не знал никто, да и о его романтических отношениях с Эгвейн было известно очень немногим.

И все же он правильно сделал, что уехал. Впервые за несколько месяцев он поступил по велению сердца. Нужно спасти Эгвейн. Вот в это он действительно мог поверить.

К границе лагеря Гавин подъехал, стараясь сохранять невозмутимый вид. Сама мысль о том, что нужно будет действовать заодно с мятежными Айз Седай, была ему ненавистна не меньше, чем то, что он был вынужден бросить своих бойцов. Эти мятежницы ничем не лучше Элайды. Именно они выставили и поддержали Эгвейн как Амерлин — сделав ее удобной мишенью. Это ж надо — Эгвейн! Обыкновенную принятую! По сути, пешку. Если их попытка захватить Башню провалится, они, вполне возможно, сумеют избежать наказания. А Эгвейн наверняка будет

казнена.

«Я проберусь туда, — думал Гавин. — И как-нибудь да спасу ее. А потому вложу ей в голову каплю здравомыслия и увезу подальше от всех этих Айз Седай. Может, после разговора с Брином и его удастся образумить. И мы все вместе вернемся в Андор и поможем Илэйн».

Вновь обретя уверенность, немного потеснившую усталость, Гавин устремился вперед. Чтобы добраться до штаба внутри палисада, надо было проехать через выросший под боком у воинского лагеря настоящий городок тех, кто обычно сопровождает армию. Числом этот люд превосходил сами войска. Кого там только не было! Повара, что готовили еду. Служанки-подавальщицы и посудомойки. Возчики, доставлявшие провиант. Колесные мастера, чинившие повозки, на которых доставляли припасы. Кузнецы, ковавшие подковы для лошадей, которые тянули повозки, что доставляли еду и прочие припасы. Закупавшие для армии провизию торговцы и квартирмейстеры, которые вели с торговцами расчеты. Куда менее почтенные торговцы, стремящиеся нажиться на солдатах и урвать свою долю от их денежного довольствия, и женщины, желавшие того же. Мальчишки, сновавшие с

донесениями и мечтавшие когда-нибудь сами взять в руки меч.

Словом, полнейшая неразбериха. Целое скопище возведенных на скорую руку хижин и лачуг, а также палаток и шатров всевозможных расцветок, форм и различной степени ветхости. Даже такой способный военачальник, как Брин, мог добиться разве что относительного порядка среди прибившегося к армейскому лагерю люда. Его солдаты с большим или меньшим успехом поддерживали здесь мир и спокойствие, но им не под силу было заставить разношерстное сборище соблюдать воинскую дисциплину.

Гавин направился в гущу людской толчеи, не обращая внимания на зазывал, предлагавших ему начистить меч или купить сладких булочек. Цены здесь наверняка были низкими — ведь главный доход тут приносили солдаты, однако из-за боевого коня и хорошей одежды Гавина принимали за офицера. Стоит ему что-нибудь купить — как остальные, почуяв запах денег, и шагу не дадут ему ступить, окружив в надежде что-нибудь продать.

Не обращая внимания на окрики, он смотрел вперед — туда, где находилась собственно сама армия. Палатки там были выстроены ровны-

ми рядами, разделены по подразделениям и знаменам, хотя кое-где виднелись отдельные обособленные группы поменьше. Даже не видя расположения палаток в лагере, Гавин мог бы догадаться, что картина будет очень похожей. Брин любил порядок, но он также полагался и на самостоятельность подчиненных. Офицеры у Брина лагерную жизнь в своих подразделениях организовывали по своему усмотрению — отсюда меньше единообразия в порядке расположения, однако проще в управлении войсками.

Гавин направился прямиком к частоколу. Местных маркитантов оказалось не так-то просто игнорировать. Кругом раздавались обращенные к нему выкрики, в воздухе разносились ароматы готовящейся еды, вонь выгребных ям, запахи лошадей и дешевых духов. Конечно, по людской скученности армейский лагерь не сравнится с городом, но, в отличие от города, в чистоте его содержат куда с меньшим тщанием. К запаху пота добавлялся дым от кухонных костров, к которому примешивался запах стоячей воды, а с ним мешалась вонь от немытых тел. Гавину захотелось прикрыть лицо платком, но он сдержался. Тогда бы он выглядел изнеженным дворянчиком, презрительно воротящим нос от простолюдинов.

Зловоние, неразбериха и вопли ничуть не улучшали настроения. Гавину пришлось стиснуть зубы, чтобы ненароком не разразиться проклятиями в адрес торговцев — всех вместе и каждого по отдельности. Вдруг на пути у него возникла фигура, и ему пришлось резко осадить коня. Это оказалась женщина, она была в коричневой юбке и белой блузе, руки ее были запачканы сажей.

— Прочь с дороги, — рявкнул Гавин.

Услышь мать, с какой злостью он сказал эти слова, она пришла бы в ярость. Но его матери нет в живых — погибла от руки ал'Тора.

Женщина вскинула голову и поспешно кинулась в сторону. Она была слегка полновата, и ее светлые волосы были собраны под желтой косынкой. Когда женщина повернулась, Гавин успел мельком заметить ее лицо.

И застыл на месте. Это было лицо Айз Седай! Ошибки быть не могло. Потрясенный, он так и сидел в седле, а женщина тем временем, сорвав косынку, бросилась прочь.

— Постой! — крикнул Гавин, разворачивая коня.

Но останавливаться женщина и не думала. Гавин помедлил в нерешительности и опустил руку, увидев, как незнакомка слилась с толпой

прачек, трудившихся возле деревянных корыт неподалеку. Раз она пытается выдать себя за простолюдинку, значит у нее есть на то причины, как обычно у этих треклятых Айз Седай, и вряд ли она поблагодарит его за разоблачение. Что ж, отлично. Гавин подавил свое раздражение. Эгвейн. Нужно думать об Эгвейн.

Когда он добрался до палисада, то неприятных ароматов в воздухе стало значительно меньше. Ворота, ведущие внутрь частокола, охраняла четверка солдат — караульные стояли, уперев алебарды в землю, их стальные шапки сияли, как и нагрудники, которые украшали три звезды — герб Брина. Рядом с воротами похлопывало на ветру знамя с эмблемой в виде пламени Тар Валона.

— Рекрут? — спросил один из солдат, когда Гавин подъехал ближе.

У самого крупного из солдат на левом плече красовалась красная нашивка, свидетельствовавшая о его чине караульного сержанта. Вместо алебарды он был вооружен мечом. Нагрудник был ему явно тесен, а подбородок зарос рыжей щетиной.

— Тебе к капитану Алдану, — проворчал караульный. — Двигай вдоль края лагеря, в четверти

пути вокруг него увидишь большой синий шатер. У тебя есть меч и конь, значит платить будут хорошо.

И сержант указал куда-то вдаль, на ту часть лагеря, которая находилась заметно в стороне от палисада. Так не пойдет. Гавин видел, что за частоколом развевается знамя Брина.

— Я не рекрут, — произнес Гавин, развернув Неукротимого так, чтобы лучше видеть солдат. — Меня зовут Гавин Траканд. Я должен срочно поговорить с Гаретом Брином по чрезвычайно важному делу.

Солдат приподнял бровь. И хохотнул.

— Вы мне не верите, — бесцветным голосом заметил Гавин.

— Тебе лучше отправиться беседовать с капитаном Алданом, — с ленцой произнес сержант, снова указав на далекий шатер.

Гавин сделал глубокий вдох, стараясь погасить свое раздражение.

— Если вы просто пошлете за Брином, то узнаете, что…

— Ты что, на неприятности нарываешься? — раззадорившись, спросил солдат. Остальные уже держали алебарды наготове.

— Нет, неприятности мне не нужны, — ровным

тоном проговорил Гавин. — Мне лишь нужно…

— Коли хочешь остаться в нашем лагере, — перебил солдат, шагнув к нему ближе, — лучше тебе научиться делать то, что тебе велят.

Гавин встретился с солдатом взглядом.

— Очень хорошо. Можно и по-другому. Пожалуй, так и быстрее получится.

Сержант положил руку на меч.

Резким движением высвободив ноги из стремян, Гавин соскочил с седла. Если сидишь верхом на лошади, то нужно очень постараться, чтобы удержаться и не убить человека. Едва ноги его коснулись грязной земли, он стремительно и плавно выхватил клинок — шорох меча о ножны походил на вдох. Гавин применил связку «Дуб трясет ветвями» — серию несмертельных ударов, которую часто применяли мастера при обучении учеников. Еще эта техника была весьма эффективна в схватке против большого числа противников, действующих разным оружием.

Не дав сержанту достать меч, Гавин прыгнул на него, сильно ударив караульного в живот, чуть ниже плохо сидящего на том нагрудника. Тот хрюкнул и согнулся, а потом Гавин стукнул его в висок рукоятью меча: не стоило бедолаге носить шлем вот так, набекрень. Затем Гавин применил

«Рассечение шелка», дабы этим приемом разобраться с первым алебардщиком. Пока другие караульные громкими криками звали подмогу, меч Гавина со звоном полоснул наискось по нагруднику солдата с алебардой, и тот отпрянул. Гавин покончил с ним, свалив наземь подножкой, а затем, прибегнув к «Вихрю», отразил пару ударов со стороны двух других караульных.

К несчастью, этих алебардщиков он вынужден был все же ранить в бедро. Он бы предпочел не наносить им ран, но схватки — особенно такие, как эта, когда твои противники далеко не так искусны, как ты, — обычно становятся тем менее предсказуемы, чем дольше длятся. Поле битвы нужно контролировать ловко и умело, с необходимой быстротой, а значит, обоих солдат нужно вывести из боя — так что они рухнули на землю, держась за окровавленные бедра. Сержант, получивший удар по голове, валялся без сознания, а вот первый алебардщик, пошатываясь, пытался встать. Гавин ногой отшвырнул алебарду подальше и двинул солдата сапогом в лицо, и тот, обливаясь кровью из разбитого носа, повалился на спину.

Позади заржал Неукротимый, фыркая и топоча копытами о землю. Боевой конь почуял запах

битвы, но он был хорошо обучен. Неукротимый знал: когда повод брошен, он должен стоять на месте. Вытерев клинок о штаны, Гавин вложил его обратно в ножны; раненые солдаты стонали на земле. Погладив Неукротимого по носу, Гавин снова взял поводья в руку. Маркитанты и прочая шушера за спиной у Гавина сначала попятились, а потом бросились наутек. За воротами, внутри палисада, показался отряд солдат; они приближались, и в руках у них были взятые на изготовку луки. А вот это нехорошо. Повернувшись к ним лицом, Гавин снял с пояса меч в ножнах и кинул его на землю перед лучниками.

— Я безоружен, — бросил он, перекрикивая стоны раненых. — И никто из этих четверых сегодня не умрет. Идите и скажите своему генералу, что мастер клинка в одиночку только что уложил весь его караул, всего за десять ударов сердца. Когда-то я был его учеником. Он захочет повидать меня.

Один из солдат вышел вперед и подобрал меч Гавина, другой подал знак посыльному. Остальные продолжали держать короткие луки наготове. Один из поверженных караульных стал отползать в сторону. Гавин развернул Неукротимого, готовый укрыться за конем, если

солдаты начнут стрелять. Он не хотел, чтобы дело так обернулось, но если в кого-то из них попадет несколько стрел, то у Неукротимого больше шансов выжить, чем у Гавина.

Несколько солдат рискнули выйти за ворота и помочь раненым приятелям. Дородный караульный сержант зашевелился, приподнялся и, сидя на земле, разразился приглушенными проклятиями. Гавин не двигался, чтобы его движение не сочли угрозой.

Возможно, он совершил ошибку, ввязавшись в стычку, но он и так потерял немало времени. Может, Эгвейн уже мертва! Когда кто-то вроде этого сержанта пытается утвердить свою власть над тобой, есть только два варианта. Либо ты вынужден с помощью слов преодолевать ступени иерархической лестницы, на каждом шагу убеждая каждого из солдат, что ты действительно важная персона. Либо нужно устроить заварушку. Второй способ экономил время, да и вдобавок в лагере наверняка хватает Айз Седай, способных Исцелить нескольких раненых солдат.

Наконец из глубины обнесенного частоколом участка показалась небольшая группа людей. Форма на них сидела безупречно, осанка была грозной, а лица — усталыми. Во главе уверенно

шагал человек с квадратным лицом и с сединой на висках, крепкий и коренастый. Гавин улыбнулся. Брин собственной персоной. Риск оправдался.

Оглядев Гавина, капитан-генерал повернулся и окинул взглядом поверженных солдат. Наконец Брин покачал головой.

— Отставить, — приказал он своим людям. — Сержант Кордс!

— Я! — поднявшись на ноги, отозвался коренастый сержант.

Брин, снова посмотрев на Гавина, сказал сержанту:

— В следующий раз, когда к воротам явится человек и, назвав себя дворянином, попросит встречи со мной, пошлите за офицером. Не мешкая. Пусть даже у этого человека будет грязная, отросшая за два месяца борода и вонять от него будет дешевым элем. Ясно?

— Так точно! — вспыхнув, ответил сержант. — Понял, сэр!

— Отправьте своих людей в лазарет, сержант, — распорядился Брин, не сводя глаз с Гавина. — А ты — идешь со мной.

Гавин сжал челюсти. Последний раз Гарет Брин так обращался с ним, когда Гавин даже еще и

бриться не начинал. Впрочем, вряд ли он рассчитывал, что старый военачальник обрадуется. Пройдя за палисад, Гавин приметил мальчишку — то ли подручного конюха, то ли посыльного. Гавин вверил Неукротимого заботам большеглазого юнца, оставив указания насчет ухода за конем. Затем Гавин забрал свой меч из рук солдата и заторопился вслед за Брином.

— Гарет, — начал Гавин, нагнав его, — я…

— Попридержи язык, юноша, — сказал Брин, даже не поворачиваясь к нему. — Я еще не решил, как с тобой поступить.

Гавин захлопнул рот. Это уже слишком! Как ни крути, а Гавин приходится братом законной королеве Андора и он должен стать первым принцем меча, когда Илэйн займет и удержит трон! Брину стоило отнестись к нему с уважением.

Но Брин был упрям, как кабан. Гавин прикусил язык. Они подошли к высокой островерхой палатке, у входа в которую стояли двое часовых. Брин, пригнувшись, шагнул внутрь, и Гавин последовал за ним. В палатке было куда чище и прибраннее, чем мог ожидать Гавин. На письменном столе громоздились свернутые в рулоны карты, лежали ровные стопки бумаг, тюфяки в углу шатра были аккуратно свернуты, одеяла

— сложены уголок к уголку. По всей видимости, заботу о чистоте и порядке Брин вверил кому-то очень педантичному.

Сцепив руки за спиной, Брин повернулся к Гавину, и тот увидел свое отражение в кирасе генерала.

— Ладно, а теперь объясни, что ты здесь делаешь.

— Генерал, — произнес Гавин, выпрямившись. — Полагаю, вы заблуждаетесь. Я больше не ваш ученик.

— Знаю, — отрезал Брин. — Мальчик, которого я обучал, никогда не стал бы выкидывать подобные детские фокусы, дабы привлечь мое внимание.

— Караульный сержант повел себя воинственно, а я терпеть не могу подлаживаться под дураков. Так что я выбрал наилучший способ.

— Наилучший способ для чего? — осведомился Брин. — Разгневать меня?

— Послушайте, — произнес Гавин, — может, я и повел себя опрометчиво, но у меня есть важная цель. Вы должны выслушать меня.

— А если я не стану слушать? — спросил Брин. — Если я вместо этого просто вышвырну тебя из своего лагеря за то, что ты ведешь себя, как из-

балованный князек, — чересчур горделиво и совершенно неразумно?

— Поосторожнее, Гарет, — нахмурился Гавин. — Я многому научился с тех пор, как мы виделись последний раз. Думаю, очень скоро вы поймете, что с прежней легкостью больше вам меня мечом не одолеть.

— Ничуть не сомневаюсь, — сказал Брин. — О Свет, мальчик! Ты всегда был способным. Но неужели ты думаешь, будто твои слова будут иметь вес лишь потому, что ты искуснее владеешь мечом? И я должен выслушивать тебя потому, что иначе ты меня убьешь? Мне казалось, я сумел научить тебя чему-то большему, чем этакие приемы.

Брин постарел с тех пор, как Гавин видел его в последний раз. Но года не согнули Брина — просто мягко легли ему на плечи. Чуть больше седины на висках, немного новых морщинок вокруг глаз, но все же он оставался силен и строен и выглядел намного моложе своих лет. Никто бы, взглянув на Гарета Брина, не сказал, что лучшая пора его жизни осталась в прошлом, нет, наоборот, его сочли бы мужчиной в самом расцвете сил.

Гавин не сводил глаз с седого полководца, изо всех сил стараясь не вскипеть от гнева. Брин со-

вершенно спокойно глядел на юношу. Спокойно и твердо. Как и подобает военачальнику. Как подобает и самому Гавину.

Неожиданно устыдившись, Гавин отвел взгляд.

— О Свет, — прошептал он, отпустив меч и подняв руку ко лбу. Он вдруг ощутил себя крайне измотанным. — Простите меня, Гарет. Вы правы. Я повел себя как дурак.

Брин хмыкнул:

— Рад слышать. А то я уже заволновался, что с тобой стряслось.

Гавин вздохнул и потер лоб, мечтая выпить чего-нибудь холодненького. Гнев его растаял, осталась одна громадная усталость.

— Год выдался трудный, — произнес он. — И я, наверно, загнал себя, стараясь досюда добраться. Я просто на грани безумия.

— Не ты один, парень, — заметил Брин.

Глубоко вздохнув, он подошел к маленькому столику и налил Гавину выпить. То был всего лишь теплый чай, но Гавин с благодарностью принял чашку и немного отпил.

— Такие времена испытывают людей на прочность, — сказал Брин, налив чашечку и себе. Сделав глоток, он скривился.

— Что такое? — спросил Гавин, глядя на чашку генерала.

— Да ничего. Терпеть не могу эту гадость.

— Тогда зачем пить? — удивился Гавин.

— Якобы полезно для моего здоровья, — пробурчал Брин. — Так что же, — продолжил он, не дав Гавину задать новый вопрос, — прикажешь заковать тебя в колодки, прежде чем объяснишь, с чего ты решил с боем прорываться в расположение моего штаба?

— Гарет, — произнес, шагнув к нему, Гавин. — Все дело в Эгвейн. Они схватили ее.

— Айз Седай из Белой Башни?

Гавин энергично кивнул.

— Я знаю. — Отпив еще немного, Брин вновь поморщился.

— Мы должны выручить ее! — воскликнул Гавин. — Я приехал просить у тебя помощи. Я намерен спасти ее.

— Спасти? — фыркнул Брин. — И как ты проберешься в Белую Башню? Даже Айил не сумели пробиться в этот город.

— Да они просто не хотели, — сказал Гавин. — Но мне незачем захватывать весь город. Мне нужно всего-навсего проникнуть туда с маленьким отрядом и вывести за стены одного человека.

В каждой скале есть трещины. Я найду способ.

Брин поставил чашку. Он посмотрел на Гавина твердым взглядом; обветренное морщинистое лицо полководца являло собой благородство и величие.

— Скажи-ка мне вот что, парень. Как ты убедишь ее пойти с тобой?

— В смысле? — удивился Гавин. — Да она лишь обрадуется. С чего бы быть иначе?

— Да с того, что она запретила нам спасать ее, — ответил Брин, снова сложив руки за спиной. — По крайней мере, насколько мне известно. Айз Седай мало что мне говорят. Кто-то сочтет, что им стоило бы больше доверять человеку, которому поручили вести осаду. Так или иначе, Амерлин каким-то образом поддерживает с ними связь, и она велела им оставить все как есть.

Что? Это же нелепо! Наверняка Айз Седай, засевшие в этом лагере, что-то скрывают или весьма вольно обращаются с фактами!

— Брин, ее бросили в темницу! Я своими ушами слышал разговор Айз Седай: говорят, ее каждый день избивают. Ее казнить собираются!

— Не знаю, — протянул Брин. — Она в плену уже несколько недель и до сих пор еще жива.

— Они убьют ее, — с горячностью в голосе за-

явил Гавин. — Вы же знаете, так и будет. Порой неплохо выставить поверженного врага напоказ перед войсками, но ведь все равно потом придется насадить его голову на пику, чтобы солдаты знали: наконец-то враг мертв. Вы же понимаете, что я прав.

Внимательно посмотрев на Гавина, Брин кивнул и заметил:

— Может, и прав. Но я не в силах ничего поделать. Я связан клятвами, Гавин. Я не смогу сделать ничего, пока девчонка не даст мне указаний.

— И вы позволите ей погибнуть?

— Ради того, чтобы соблюсти клятву? Да.

Раз Брин связан клятвой… Что ж, скорее Айз Седай солжет, чем Гарет Брин нарушит свое слово. Но Эгвейн! Он должен что-то предпринять!

— Постараюсь устроить тебе встречу кое с кем из тех Айз Седай, кому я служу, — сказал Брин. — Возможно, они что-то смогут сделать. Если ты убедишь их, что Эгвейн необходимо спасти и что Амерлин сама этого хочет, тогда посмотрим.

Гавин кивнул. Ну хоть что-то.

— Спасибо.

Брин равнодушно отмахнулся.

— Вообще-то, мне стоило бы заковать тебя в колодки, — заметил он. — Хотя бы только за то,

что ранил трех моих людей.

— Пусть их Айз Седай Исцелят, — предложил Гавин. — Насколько я слышал, здесь нет недостатка в сестрах, которые вами понукают.

— Как же, — заметил Брин. — Мне редко удается уломать их кого-нибудь Исцелить — разве что жизнь солдата под угрозой. У меня один парень на днях сильно расшибся, свалившись с лошади, так Айз Седай мне сказали, что, если они его Исцелят, это не излечит его от безрассудства. «Боль послужит ему уроком, — сказала одна из этих проклятых женщин. — Может, когда в следующий раз он сядет на лошадь, то дважды подумает, прежде чем станет развлекать своих приятелей».

Гавин поморщился и сказал:

— Но для этих караульных они наверняка сделают исключение. В конце концов, их ранил враг.

— Видно будет, — ответил Брин. — Сестры редко бывают в солдатском лагере. У них свои дела.

— Сейчас во внешнем лагере есть одна, — рассеянно заметил Гавин, глянув через плечо.

— Молоденькая такая? Темноволосая и на лице нет печати безвозрастности?

— Нет, другая. Она точно Айз Седай. Именно по лицу я ее опознал. Полненькая, со светлыми

волосами.

— Может, просто ищет для себя Стража, — вздохнув, промолвил Брин. — Так бывает.

— Не думаю, — ответил Гавин, снова обернувшись. — Она пряталась среди прачек.

Задумавшись об этом случае, он сообразил, что она вполне может оказаться шпионкой тех, кто остался верен Белой Башне.

Брин нахмурился сильнее. Наверное, ему в голову пришли те же мысли.

— Пойдем, покажешь, — сказал он, направляясь к выходу из палатки.

Отбросив в сторону закрывавший проем клапан, Брин вышел на утренний свет. Гавин последовал за ним.

Шагая через содержащийся в порядке лагерь, Брин заметил:

— Гавин, ты так и не объяснил, что ты тут делаешь.

Солдаты, завидев своего командира, приветствовали его воинским салютом.

— Я же сказал, — произнес Гавин. Ладонь его привычно покоилась на рукояти меча. — Я хочу найти способ вытащить Эгвейн из той смертельной ловушки.

— Я не спрашивал, зачем ты явился в мой ла-

герь. В первую очередь я хочу понять, почему ты вообще оказался в этих краях. Почему ты не в Кэймлине, не помогаешь своей сестре?

— У вас есть новости об Илэйн? — спросил Гавин, остановившись. О Свет! Почему он сам не заговорил об этом раньше? Да, он и в самом деле здорово устал. — Слышал, она была в вашем лагере. Она обратно в Кэймлин отправилась? С ней все в порядке? Ей ничего не угрожает?

— Она довольно давно нас покинула, — ответил Брин. — Но вроде бы с нею все хорошо. — Брин остановился и пристально посмотрел на Гавина. — Хочешь сказать, что ничего не знаешь?

— Чего именно?

— Ну, на слухи полагаться не стоит, — произнес Брин. — Но многие слухи подтвердили Айз Седай, которые с помощью Перемещения побывали в Кэймлине, чтобы узнать новости. Твоя сестра заняла Львиный трон. Судя по всему, она сумела разобраться с большей частью того бардака, что ей мать оставила.

Гавин глубоко вздохнул. «Благодарение Свету», — подумал он, прикрыв глаза. Илэйн жива. Илэйн удерживает трон. Когда Гавин открыл глаза, затянутое тучами небо показалось ему немного светлее. Он двинулся дальше, а рядом,

шаг в шаг, шел Брин.

— А ты и вправду ничего не знал, — заметил Брин. — Где ж ты был, парень? Ты теперь первый принц меча или станешь им, когда вернешься в Кэймлин! Твое место — рядом с сестрой.

— Сначала Эгвейн.

— Ты дал клятву, — строго отчеканил Брин. — Мне. Не забыл?

— Нет, — отозвался Гавин. — Но если трон у Илэйн, значит сейчас ей опасность не грозит. Я вызволю Эгвейн и увезу ее в Кэймлин, где смогу за ней присматривать. За ними обеими.

— Интересно было бы увидеть, — фыркнул Брин, — как ты справишься с первой частью своего плана. Кстати, а почему тебя не было в Кэймлине, когда Илэйн боролась за трон? Неужели у тебя нашлись дела поважнее?

— Я… тут все запутанно, — произнес Гавин, глядя перед собой.

— Запутанно? — спросил Брин. — Ты же был в Белой Башне, когда это…

Он осекся и замолчал. Какое-то время они шли, не произнося ни слова.

— Где ты услышал разговор сестер о попавшей в плен Эгвейн? — спросил Брин. — Откуда ты знаешь, что ее избивают?

Гавин ничего не ответил.

— Кровь и кровавый пепел! — воскликнул Брин. Ругался он редко. — Я ведь знал, что человек, который устраивает против меня те рейды, слишком хорошо осведомлен. А я-то подозревал, что кто-то из моих офицеров излишне болтлив!

— Теперь это не важно.

— Мне судить об этом, — возразил Брин. — Ты убивал моих людей. Устраивал рейды против меня!

— Рейды на войска мятежниц, — поправил Гавин, твердо посмотрев на Брина. — Вы вправе винить меня за то, что я силой пробил себе путь в ваш лагерь, но неужели вы всерьез думаете, что я почувствую вину за то, что помогал Белой Башне сражаться против армии, которая взяла ее в осаду?

Брин помолчал, потом отрывисто кивнул.

— Очень хорошо, — промолвил он. — Но тогда ты, оказывается, вражеский командир.

— Уже нет, — покачал головой Гавин. — Я оставил командование.

— Но…

— Я им помогал, — сказал Гавин. — Но больше не помогаю. Ничего из того, что я здесь увидел, Брин, ваш противник не узнает. Клянусь в этом

перед Светом.

Брин ответил не сразу. Они миновали палатки, по всей видимости отведенные для старших офицеров, и приблизились к частоколу.

— Хорошо, — наконец произнес Брин. — Верю, ты не настолько изменился, чтобы нарушить данное тобой слово.

— Я не нарушу слова, — решительно заявил Гавин. — Как вы могли подумать иначе?

— Были у меня недавно случаи, когда нежданно отрекались от клятв, — сказал Брин. — Но я сказал, парень, что верю тебе. А раз сказал, значит так и есть. Но все же ты так и не объяснил, почему не вернулся в Кэймлин.

— Эгвейн осталась с Айз Седай, — ответил Гавин. — Илэйн, насколько я знаю, тоже. Вот и мне показалось, что для меня это вполне подходящее место, хоть я и не уверен, что мне нравится правление Элайды.

— А что значит для тебя Эгвейн? — негромко поинтересовался Брин.

— Не знаю, — признался Гавин, посмотрев тому в глаза. — Хотел бы я знать.

Странно, но Брин усмехнулся.

— Ясно. Понимаю. Идем отыщем ту Айз Седай, которую ты вроде бы видел.

— Я действительно ее видел, Гарет, — сказал Гавин, кивая часовым у ворот. Солдаты отсалютовали Брину, а вот на Гавина посмотрели, как на змею-черножала. Неудивительно.

— Посмотрим, что отыщется, — заметил Брин. — Как бы там ни было, раз я обещал устроить тебе встречу с главами Айз Седай, то хочу, чтобы ты дал мне слово вернуться в Кэймлин. Оставь Эгвейн нам. Ты должен помочь Илэйн. Твое место в Андоре.

— То же самое я могу сказать вам.

Гавин окинул взглядом кишащий людьми маркитантский лагерь. Где же он встретил ту женщину?

— Можешь, — резко парировал Брин. — И ошибешься. Твоя мать об этом позаботилась.

Гавин посмотрел на него.

— Она вышибла меня в отставку, Гавин. Изгнала и пригрозила смертью.

— Быть того не может!

Вид у Брина был мрачный.

— Вот и я так думал. Но тем не менее такова правда… Больно было слышать, чего она мне наговорила, Гавин… Очень больно.

Больше Брин ничего не сказал, но для него и этого было слишком много. Гавин никогда не

слышал, чтобы этот человек выражал недовольство своим положением или отданными ему приказами. Он был предан Моргейз — верен ей с той непоколебимостью, о которой любой правитель мог только мечтать. Гавин никогда не знал человека более надежного или менее склонного на что-то сетовать.

— Очевидно, то был какой-то план, — предположил Гавин. — Вы же ее знаете. Раз мать обидела вас, значит у нее была причина.

Брин покачал головой:

— Не было никакой иной причины, кроме глупой любви к этому фату Гейбрилу. Она настолько потеряла голову, что едва не погубила Андор.

— Да никогда! — воскликнул Гавин. — Никогда бы она не сделала ничего, что было бы во вред Андору! Гарет, кому, как не вам, знать об этом!

— Кому, как не мне… — согласился Брин, понизив голос. — Хотел бы я знать точно.

— Нет, у нее была другая причина, — упрямо твердил Гавин. Он вновь почувствовал, как в нем вскипает горячая волна гнева. Суетившиеся вокруг торговцы посматривали на двух мужчин, но не окликали их, ничего им не предлагали. Наверно, знали, что Брина лучше обходить стороной. — Но какая — мы не узнаем. Никогда, потому

что она мертва. Проклятый ал'Тор! Близок день, когда я проткну его насквозь.

Брин окинул Гавина пронзительным взглядом и сказал:

— Ал'Тор спас Андор, сынок. По крайней мере, он сделал для этого все, на что способен человек.

— Как вы можете такое говорить? — возмутился Гавин. — Как можно так хорошо отзываться о чудовище? Он убил мою мать!

— Не знаю, стоит ли верить этим слухам, — заметил Брин, потирая подбородок. — Но если верить, парень, то, вероятно, он даже оказал услугу Андору. Ты не представляешь, как плохо тогда все обстояло, особенно под конец.

— Ушам своим не верю, — произнес Гавин, опуская ладонь на меч. — Брин, я не намерен слушать, как порочат ее имя.

Брин посмотрел юноше прямо в глаза. Взгляд у него был такой твердый. Как будто глаза были из гранита высечены.

— Гавин, я говорил и всегда буду говорить правду. Невзирая на то, кто захочет за мои слова бросить мне вызов. Тебе тяжело это слушать? Что ж, пережить такое было еще тяжелее. Что проку жаловаться и сетовать? Однако ее сын должен все знать. Под конец, Гавин, твоя мать, попав

в объятия Гейбрила, пошла против Андора. От нее надо было избавиться. Раз ал'Тор сделал это вместо нас, то мы обязаны его поблагодарить.

Гавин замотал головой: ярость в нем боролась с потрясением. Неужели это говорит Гарет Брин?

— И это отнюдь не слова отвергнутого любовника, — добавил Брин с таким выражением лица, словно был напрочь лишен всяких эмоций. Они шагали дальше, обитатели маркитантского лагеря, освобождая им дорогу, старались держаться подальше. Брин продолжал говорить тихим голосом: — Я понимаю, женщина может охладеть к одному мужчине и подарить любовь другому. Да, я могу простить Моргейз как женщину. Но как королеву? Она отдала королевство этому змею. Она отправила своих союзников на побои и в узилище. Она была не в себе. Иногда случается, что у солдата начинает гноиться рана на руке, и тогда, чтобы спасти человеку жизнь, нужно отрезать руку. Я рад успехам Илэйн, и меня ранят мои собственные слова. Но тебе нужно поглубже зарыть свою ненависть к ал'Тору. Не в нем была проблема. А в твоей матери.

Гавин не мог разомкнуть стиснутые зубы. «Никогда, — думал он. — Никогда я не прощу ал'Тора. За такое — никогда».

— По глазам вижу, что у тебя на уме, — промолвил Брин. — И тем больше причин, чтобы ты вернулся в Андор. Сам поймешь. Не веришь мне, спроси у сестры. Послушаешь, что она скажет.

Гавин резко кивнул. Все, хватит. Он заметил впереди то самое место, где он видел женщину. Посмотрев в сторону прачек, занятых поодаль стиркой, он решительно зашагал к ним, для чего ему пришлось протиснуться между двумя торговцами — они продавали яйца, и у них в тесных клетках кудахтали курицы.

— Сюда, — излишне, наверное, резко бросил Гавин.

Он даже не оглянулся проверить, идет ли за ним Брин. Вскоре тот догнал его, явно недовольный, но по-прежнему сдержанный. По петляющей тропинке, где было тесно от людей в коричневых и серых одеждах, они вскоре добрались до прачек: женщины стояли на коленях в ряд вдоль двух длинных деревянных желобов-лоханей, по которым медленно стекала вода. Воду вливали в желоба стоявшие возле их дальних концов мужчины. В первой лохани прачки стирали одежду в мыльной воде, а затем полоскали ее в другой. Неудивительно, что земля здесь была такая влажная! Но здесь хотя бы пахло чистотой

и мыльной пеной.

Рукава у женщин были закатаны почти до плеч, и, лениво болтая, прачки старательно терли вещи о стоявшие прямо в лоханях ребристые доски. На всех были одинаковые коричневые юбки — такие же, как у той Айз Седай, которую заметил Гавин. Положив руку на эфес меча, Гавин со стороны принялся внимательно рассматривать прачек.

— Кто из них? — осведомился Брин.

— Сейчас, — ответил Гавин.

Здесь было несколько десятков женщин. В самом ли деле он видел Айз Седай? С чего бы та решила затеряться в лагере среди маркитанток, посудомоек и прачек? Вряд ли Элайда стала посылать шпионить Айз Седай — ведь их очень легко распознать по лицу.

А коли их так легко узнать, почему сейчас Гавину не удается ее увидеть?

И вдруг он заметил ее. Женщина, одна из немногих, не болтала с соседками. Она стояла на коленях, наклонив голову с повязанной на ней желтой косынкой, которая немного скрывала лицо; из-под косынки выбивалось несколько прядей светлых волос. Ее поза была столь униженно-раболепна, что Гавин едва не пропустил ее, однако женщину выдала фигура. Она была

полненькой, и только у нее из всех прачек в ряду была желтая косынка.

Когда Гавин зашагал вдоль вереницы работниц, то несколько из них вскочили и, уперев руки в бока, принялись без обиняков заявлять, что «солдатам с их ножищами и неуклюжими локтями» лучше держаться подальше от женщин, когда те заняты работой. Не обращая на них внимания, Гавин шагал дальше и остановился возле женщины в желтой косынке.

«Это безумие, — подумал Гавин. — За всю историю не было ни одной Айз Седай, которая заставила бы себя встать в подобную позу».

Подошел Брин и встал рядом. Гавин нагнулся, стараясь увидеть лицо женщины. Та склонилась еще ниже, с еще большим остервенением принявшись тереть рубаху в лохани.

— Женщина, — произнес Гавин. — Позволь-ка взглянуть на тебя.

Та не ответила. Гавин посмотрел на Брина. Нерешительно наклонившись, генерал стянул косынку с головы толстушки. Лицо, которое они увидели, определенно принадлежало Айз Седай — об этом безошибочно говорило то, что ее лицо не имело примет возраста. Женщина не поднимала глаз. Просто работала себе дальше.

— Говорила же я, что ничего не выйдет, — раздался женский голос. Это встала здоровенная прачка в широком, как палатка, коричнево-зеленом платье и, переваливаясь, как утка, двинулась вдоль лоханей. — «Миледи, — сказала я ей, — делайте что хотите. Отказать вам я все равно не могу, но вас, как пить дать, приметят».

— Вы — старшая над прачками, — сказал Брин.

Рослая работница утвердительно кивнула, качнув рыжими кудряшками.

— Так и есть, генерал. — Она повернулась к Айз Седай и, присев в подобии реверанса, сказала: — Леди Тагрин, я ведь вам говорила. Испепели меня Свет, я ведь предостерегала. Мне в самом деле так жаль…

Женщина, названная ею леди Тагрин, склонила голову. Неужели это слезы у нее на щеках? Разве такое возможно? В чем дело?

— Миледи, — заговорил Брин, присев рядом с женщиной на корточки. — Вы — Айз Седай? Если так, то можете приказать мне уйти, и я удалюсь без всяких вопросов.

Хороший подход. Если она и вправду Айз Седай, то солгать не сможет.

— Я не Айз Седай, — прошептала женщина.

Брин посмотрел на Гавина, нахмурился. Если

она так говорит, то что происходит? Айз Седай не лгут, а значит…

Женщина тихим голосом промолвила:

— Меня зовут Шимерин. Да, когда-то я была Айз Седай. Но больше я не Айз Седай. С тех пор, как… — Она запнулась и опустила взор. — Прошу вас. Оставьте меня наедине с моим стыдом и работой.

— Ладно, — ответил Брин и замер в нерешительности. — Но мне нужно, чтобы ты сначала поговорила с некоторыми сестрами из лагеря. Они уши мне оторвут, если я не отведу тебя к ним.

Шимерин вздохнула, но все же поднялась.

— Идем, — сказал Брин, обращаясь к Гавину. — Нисколько не сомневаюсь, что они и с тобой тоже захотят поговорить. Лучше покончить со всем этим поскорее.

Глава 25
Во мраке

Шириам нерешительно заглянула в свою темную палатку, но ничего не увидела. Позволив себе довольно улыбнуться, она шагнула внутрь и опустила входной клапан. На сей раз все шло вполне неплохо.

Разумеется, она по-прежнему, перед тем как войти, проверяла свою палатку — высматривая того, кто иногда таился внутри. Того, чье присутствие Шириам ни разу не сумела ощутить, хотя ее не оставляло чувство, что она должна была его заметить. Да, Шириам продолжала проверять, не поджидает ли ее кто в сумраке, и, возможно, будет так поступать еще не один месяц — но теперь-то необходимость в этом отпала. Никакой призрак больше не подстерегал ее, дабы подвергнуть наказанию.

Небольшая прямоугольная палатка была достаточно высока, чтобы можно было выпрямиться во весь рост; у одной из стенок стояла койка, у другой — дорожный сундук. Места и для стола хватило бы, но тогда Шириам в шатре было бы

просто не повернуться. Кроме того, неподалеку, в пустующей палатке Эгвейн, имелся вполне приличный письменный стол.

Был разговор о том, чтобы отдать опустевшую палатку кому-нибудь из сестер — ведь большинству из них приходилось делить шатры с кем-то еще, хотя новые и привозили каждую неделю. Однако шатер Амерлин являлся символом. Пока остается надежда на возвращение Эгвейн, шатер будет ее дожидаться. Благодаря стараниям безутешной Чезы, которая — Шириам сама это видела — по сию пору лила слезы по попавшей в плен хозяйке, палатка содержалась в чистоте. И пока Эгвейн нет, ее палатка фактически находилась в распоряжении Шириам, которая там только разве что не ночевала. В конце концов, кому, как не хранительнице летописей, заниматься делами Амерлин в ее отсутствие?

Присев на свою койку, Шириам вновь расплылась в улыбке. Не столь давно жизнь ее была нескончаемой чередой разочарований и боли. Теперь с этим покончено. Будь благословенна Романда. Что бы там Шириам ни думала об этой глупой женщине, именно Романда выгнала Халиму из лагеря, а вместе с ее исчезновением пришел конец и наказаниям Шириам.

Конечно, боль еще вернется. Служение, которому отдалась Шириам, никогда не обходилось без мучений и побоев. Но Шириам научилась принимать и лелеять моменты покоя.

Порой она задумывалась о том, что ей стоило бы держать рот на замке и не задавать вопросов. Но ничего не могла с собой поделать — такой уж она была. Ее преданность, как и было обещано, принесла ей силу и власть. Но никто не предупредил ее о боли. Довольно часто Шириам жалела, что не выбрала Коричневую Айя — она бы тогда запряталась в какой-нибудь библиотеке, лишь бы не видеть остальных. Однако она оказалась там, где оказалась. И нет смысла гадать и размышлять о том, что могло бы случиться.

Вздохнув, Шириам сняла платье и сменила сорочку. Все это она проделала во мраке: свечи и масло выдавались по нормам, а поскольку денежные потоки у мятежниц пересыхали, ей приходилось экономить и беречь то, чем потребуется воспользоваться потом.

Забравшись в койку, Шириам подтянула одеяло повыше. Она не наивная девчонка и совершенно не испытывала чувства вины за содеянное. Любая сестра в Белой Башне стремилась подняться повыше; в этом и состоит смысл жизни! Нет та-

кой Айз Седай, которая ради собственной выгоды не была бы готова вонзить своим сестрам нож в спину. Сообщники Шириам просто несколько больше преуспели… в практической стороне дела.

Ну почему конец времен наступает именно сейчас? В ее окружении наперебой твердили о славе и великой чести жить именно в эту эпоху, но Шириам была с этим не согласна. Ею двигало стремление возвыситься, занять высокое место в политической иерархии Белой Башни, обрести власть, дабы покарать своих недоброжелателей. Она вовсе не желала участвовать в каком-то окончательном подведении итогов с участием Дракона Возрожденного, и уж связываться с Избранными ей и подавно не хотелось!

Но теперь деваться было некуда. Оставалось довольствоваться покоем, наслаждаться жизнью без побоев и без самоуверенной болтовни Эгвейн. Да уж, действительно…

Снаружи возле ее шатра стояла женщина, обладающая громадной способностью в Силе.

Шириам распахнула глаза. Как любая Айз Седай, она могла чувствовать присутствие женщин, способных направлять Силу. «Кровь и пепел! — нервно подумала она, крепко зажму-

рившись. — Только не снова!»

Входной клапан палатки качнулся. Открыв глаза, Шириам обнаружила у своей койки черную как смоль фигуру; ее очертания были едва различимы в слабом лунном свете, который проникал сквозь узкие щели между колеблющимися под токами воздуха откидными полотнищами, прикрывавшими вход в шатер. Фигура была облачена в неестественно черные одежды, у нее за спиной трепетали ленты из черной ткани, а лицо скрывал глубокий мрак. Шириам сдавленно ахнула, скатилась с койки на парусиновый пол и застыла перед фигурой в почтительном низком поклоне. В тесноте палатки ей едва хватило места преклонить колени. Она сжалась, ожидая, что на нее снова обрушится боль.

— Ага… — раздался скрежещущий голос. — Очень хорошо. Ты покорна. Я довольна.

Это не Халима. Шириам так ни разу и не смогла ощутить присутствия Халимы, которая, судя по всему, способна была направлять саидин. К тому же Халима никогда не являлась столь… драматично.

Какая мощь! Похоже, то была одна из Избранных. Либо Избранная, либо, по крайней мере, одна из наиболее могущественных слуг Великого

повелителя, намного превосходящая Шириам по своему положению. Тревога пробирала Шириам до костей: ее, коленопреклоненную, охватила дрожь.

— Я живу, дабы служить, Великая госпожа, — поспешила произнести Шириам. — Я, кто почитает за честь склониться перед вами, жить в эти дни ради того только…

— Довольно болтовни, — прорычал голос. — В этом лагере ты занимаешь высокое место, верно я понимаю?

— Да, Великая госпожа, — ответила Шириам. — Я — хранительница летописей.

Фигура фыркнула:

— Караулишь оборванок-мятежниц, претендующих на то, чтобы зваться Айз Седай. Ладно, это не важно. Ты нужна мне.

— Я живу, дабы служить, Великая госпожа, — повторила Шириам, встревожившись еще сильнее. Что от нее понадобилось этому существу?

— Эгвейн ал'Вир. Ее необходимо низложить.

— Что? — переспросила пораженная Шириам.

В тот же миг плетение Воздуха хлестнуло ее по спине, отчего та начала нестерпимо гореть. Вот же дура! Она что, хочет, чтобы ее убили?

— Примите мои извинения, Великая госпожа, —

торопливо заговорила Шириам. — Простите мою несдержанность. Но до того я по приказу одной из Избранных помогла Эгвейн ал'Вир стать Амерлин!

— Да, однако она оказалась… Это был… плохой выбор. Нам нужен был ребенок, а не женщина, лишь лицом похожая на ребенка. Ее необходимо сместить. Ты должна сделать так, чтобы эта шайка глупых мятежниц перестала ее поддерживать. И нужно положить конец этим треклятым встречам в Тел'аран'риоде. Как вы в таком числе туда попадаете?

— У нас есть тер'ангриалы, — промолвила нерешительно Шириам. — Несколько — в виде янтарных пластин, а какие-то — в форме железных дисков. И еще имеется несколько колец.

— А-а, ткачи снов, — произнесла фигура. — Да, они бывают полезны. Сколько их?

Шириам замерла в нерешительности. Первым ее побуждением было солгать или увильнуть от прямого ответа, — похоже, эти сведения вполне можно было и скрыть от таинственной фигуры. Но лгать одной из Избранных? Не самое разумное решение.

— Было двадцать, — честно ответила Шириам. — Но одно было у женщины по имени Лиане,

а ее захватили в плен. Так что у нас осталось девятнадцать.

Вполне достаточно для встреч с Эгвейн в Мире снов — по одному для каждой восседающей и еще одно — для самой Шириам.

— Да, — прошипела закутанная во мрак фигура. — И в самом деле пригодятся. Укради ткачей снов, а потом отдай их мне. Этому сброду совершенно незачем болтаться под ногами у Избранных.

— Я… — Украсть тер'ангриалы? И как она это сделает? — Я живу, дабы служить, Великая госпожа.

— Именно так. Сделаешь это для меня — и будешь щедро вознаграждена. Если же подведешь меня… — Загадочная фигура замолчала, подумала о чем-то, потом сказала: — У тебя есть три дня. Каждый ткач снов, который за этот срок ты не сумеешь раздобыть, будет стоить тебе пальца — на ноге или на руке.

С этими словами Избранная открыла переходные врата прямо посреди шатра и исчезла в них. По ту сторону врат Шириам успела разглядеть хорошо ей знакомые выложенные плиткой коридоры Белой Башни.

Украсть ткачей снов! Все девятнадцать? За

три дня? «Тьма всемогущая! — подумала Ширием. — Лучше бы я соврала о том, сколько их у нас! Почему, ну почему я не солгала?»

Она еще долго, тяжело дыша, стояла на коленях и размышляла о том затруднительном положении, в котором оказалась. Судя по всему, спокойное для нее время близилось к концу.

Недолго же продлился ее покой.

— Разумеется, ее будут судить, — тихим голосом сказала Сине.

Учтивая Белая сестра сидела на стуле, который ей предоставили те две Красные сестры, что охраняли темницу Эгвейн.

Дверь камеры была открыта, Эгвейн сидела внутри на табурете — также принесенном Красными. Эта пара охранниц — толстая Кариандре и суровая Патринда — неотрывно наблюдали за собеседницами из коридора, не отпуская Источник и поддерживая щит, отделявший от него Эгвейн. Красные сестры смотрели на нее так, будто ждали, что в любой момент девушка кинется вон, чтобы с боем прорваться на свободу.

Эгвейн не обращала на них внимания. Два дня, проведенные в заточении, приятным времяпровождением не назовешь, но она решила переносить свое заключение с достоинством.

Даже если ее заперли в крошечной каморке, куда сквозь дверь не просачивается ни один лучик света. Даже если ей не позволили снять испачканное кровью платье послушницы. Даже если ее избивают каждый день за то, как она обошлась с Элайдой. Она ни за что не склонится.

Красные — хоть и крайне неохотно — пускали к ней посетителей, ибо так предписывал закон Башни. Эгвейн была удивлена, что к ней вообще хоть кто-то приходит, однако Сине была не единственной, кто навещал ее. Несколько раз приходили восседающие. Любопытно. Тем не менее Эгвейн изголодалась по новостям. Как в Башне отнеслись к тому, что ее посадили в темницу? Оставалось ли отчуждение между Айя по-прежнему таким же глубоким или же благодаря ее трудам через широкие разломы все-таки начали наводить мосты?

— Элайда явным образом нарушила закон Башни, — объяснила Сине. — Свидетельницами тому были пять восседающих из пяти разных Айя. Она пыталась предотвратить суд, но потерпела неудачу. Однако нашлись и те, кто прислушивается к ее доводам.

— К каким именно? — поинтересовалась Эгвейн.

— Что ты — приспешница Темного, — ответила Сине. — И именно поэтому она изгнала тебя из Белой Башни и лишь потом избила.

Эгвейн ощутила озноб. Если Элайде удалось заручиться достаточной поддержкой с помощью подобных аргументов…

— Это не пройдет, — успокоила девушку Сине. — Тут не захолустная деревушка, где для обвинительного приговора хватает Клыка Дракона, наспех нацарапанного у кого-то на двери.

Эгвейн приподняла бровь. Она выросла в такой вот «захолустной деревушке», и тамошним жителям доставало ума, обвиняя кого-то в преступлении — в чем бы оно ни состояло, — опираться на нечто большее, чем россказни и слухи. Но Эгвейн ничего не сказала.

— Обосновать подобное обвинение сообразно требованиям Белой Башни будет трудновато, — заметила Сине. — И поэтому я подозреваю, что Элайда не станет доказывать его в суде — отчасти потому, что тогда ей придется дать тебе слово. Она же, как я предполагаю, захочет держать тебя ото всех подальше.

— Да, — согласилась Эгвейн, поглядывая на праздно сидевших неподалеку Красных сестер. — Наверное, ты права. Но если она не в состоянии

доказать, что я — приспешница Темного, и, вопреки ее стараниям, дело все же дойдет до суда…

— Вряд ли ее низложат за подобный проступок, — ответила Сине. — Максимальное наказание за него — формальное порицание со стороны Совета Башни и месячная епитимья. Шаль она сохранит.

«Однако лишится изрядной доли доверия», — подумала Эгвейн. Это обнадеживало. Но как наверняка сделать так, чтобы Элайда просто-напросто не упрятала ее куда-нибудь? Нужно продолжать оказывать на Элайду давление, но как же это трудно — и Свет тому свидетель! — коли ты круглые сутки сидишь взаперти в крошечной камере! Прошло совсем немного времени, но упущенные возможности ужасно раздражали Эгвейн.

— А ты будешь на суде? — спросила девушка.

— Разумеется, — ответила Сине настолько невозмутимо, насколько Эгвейн вообще могла ожидать от Белой сестры. Некоторые Белые являли собой само спокойствие, рациональность и холодную логику. От прочих Сине отличалась теплотой, но все равно была очень сдержанной. — Я же восседающая, Эгвейн.

— Полагаю, влияние шевелений Темного за-

метно по-прежнему? — спросила Эгвейн, затем содрогнулась и взглянула на пол своей камеры, припомнив то, что случилось с Лиане. У девушки камера была намного аскетичнее, чем у Лиане, — потому, видимо, что Эгвейн обвиняли в том, будто она — приспешница Темного.

— Да, — промолвила Сине еще тише. — Последствия становятся серьезнее. Слуги умирают. Еда портится. Целые секции Белой Башни беспорядочно перемещаются. Минувшей ночью вторая кухня оказалась на шестом уровне, а целый коридор из апартаментов Желтых переехал в подвал. Это похоже на то, что раньше случилось у Коричневых, и с результатами того происшествия не разобрались до сих пор.

Эгвейн кивнула. Поскольку расположение комнат нежданно-негаданно поменялось таким образом, то тех немногих послушниц, чьи комнаты остались на месте, отправили жить на двадцать первый и двадцать второй уровни, где прежде располагались покои Коричневой Айя. Сами же Коричневые против своего желания переезжали теперь в апартаменты на нижних этажах того же отдельного крыла. Интересно, не навсегда ли эти перемены? В прошлом сестры жили собственно в Башне, в главном ее здании, а

в боковом крыле размещались лишь послушницы и принятые.

— Не забывай упоминать и об этих вещах, Сине, — тихо заметила Эгвейн. — Надо постоянно напоминать сестрам о том, что Темный шевелится и приближается Последняя битва. Пусть все внимание и силы они сосредоточат на совместной работе, а не на дрязгах.

За спиной у Сине одна из Красных сестер проверила отметку на свече, что горела на столе. Время, отпущенное Эгвейн на встречи с посетителями, подходило к концу. Скоро ее снова запрут; девушка могла даже унюхать запах пыльной лежалой соломы, куча которой валялась в углу у нее за спиной.

— Ты должна хорошенько потрудиться, Сине, — сказала Эгвейн, вставая при виде направившихся к ней Красных сестер. — Сделай то, что не могу сделать я. И попроси остальных действовать так же.

— Постараюсь, — отозвалась Сине.

Поднявшись, она смотрела на то, как Красные забирают у Эгвейн табурет и жестом велят узнице отправляться обратно в темницу. Потолок в камере был слишком низок и не позволял девушке выпрямиться в полный рост.

Эгвейн, ссутулившись, неохотно шагнула в камеру.

— Последняя битва приближается, Сине. Помни об этом.

Белая сестра кивнула, и дверь камеры захлопнулась, оставив Эгвейн во мраке. Девушка села на пол. Она чувствовала себя напрочь ослепшей! Что произойдет на суде? Даже если Элайду и постигнет кара, что случится с Эгвейн?

Элайда приложит все силы, чтобы Эгвейн казнили. Как у Престола Амерлин, согласно писаным и неписаным законам Белой Башни, у Элайды — как, впрочем, и у Эгвейн, — есть для этого все основания.

«Я должна оставаться непреклонной, — во мраке сказала себе Эгвейн. — Я сама вскипятила этот котел и теперь должна свариться в нем, если тем самым удастся защитить Башню».

Им известно, что она продолжает сопротивляться. Большего она им дать не могла.

Глава 26
Трещина в камне

Авиенда обвела внимательным взглядом пространство возле особняка, где все было охвачено суетой — люди готовились к выступлению в поход. Для мокроземцев мужчины и женщины, которыми командовал Башир, были неплохо обучены — они быстро и со знанием дела сворачивали палатки и укладывали снаряжение. Однако по сравнению с Айил другие мокроземцы, которые на деле и солдатами-то настоящими не были, создавали один лишь беспорядок. Женщины суетливо бегали туда-сюда по лагерю, будто были уверены, что непременно что-то недоделают или забудут упаковать какую-то нужную вещь. Повсюду, окруженные стайками приятелей, носились мальчишки-посыльные, напустив на себя чрезвычайно занятой вид, чтобы их работать не заставили. Палатки и вещи прочих обитателей лагеря едва только начали неспешно укладывать, к тому же, чтобы добраться куда надо, им еще понадобятся лошади и фургоны с возницами.

Авиенда покачала головой. Айильцы берут с собой только то, что могут нести сами, и в их военный отряд входили лишь воины и Хранительницы Мудрости. И если для долгого военного похода необходимо нечто большее, чем копья, то всем работникам и ремесленникам известно, что готовиться к выступлению надо быстро. То был вопрос чести. Честь требовала, чтобы каждый мог самостоятельно позаботиться о себе и о своей поклаже, не задерживая клан.

Возвратившись к порученной работе, Авиенда снова покачала головой. В подобные дни не работали только те, кому поистине недоставало чести. Обмакнув палец в бадью с водой, стоявшую перед ней на земле, Авиенда занесла руку над второй бадьей. Капелька воды, сорвавшись с пальца, упала в нее. Девушка снова опустила руку в первую бадью и проделала то же самое.

Таково было наказание, в котором ни один мокроземец не увидел бы никакого прока. Работенка легче не придумаешь — сиди себе на земле, привалившись спиной к бревенчатой стене особняка. Води рукой туда-сюда и опустошай по капле одну бадью и наполняй другую. Да мокроземцы вообще не сочли бы порученную работу наказанием.

Все из-за их лености. Мокроземцы скорее согласились бы наполнять по капле бадьи, чем таскать камни. А ведь таскать камни — это труд, причем полезный и для ума, и тела. А переливать воду — занятие бессмысленное. Бесполезное. Авиенда не могла даже ноги вытянуть или мышцы размять. Она должна ерундой заниматься, в то время как все в лагере сворачивают палатки и собираются в дорогу. От этого наказание становилось в десять раз постыднее! Пока она сидит тут, никому не помогая, ее тох растет с каждым мгновением, и с этим она ничего не могла поделать.

Ей оставалось лишь переливать воду. Каплю за каплей, каплю за каплей.

От этого Авиенда злилась. А злость заставляла ее чувствовать стыд. Не подобает Хранительницам Мудрости поддаваться своим эмоциям. Она должна быть терпеливой и постараться понять, почему ее наказывают.

Но как только девушка начинала размышлять над этой загадкой, ей хотелось кричать. Сколько еще ей придется прокручивать в голове одни и те же мысли, приходить к одним и тем же выводам? Наверное, она слишком тупа и неспособна во всем разобраться? Наверное, она не заслуживает быть Хранительницей Мудрости.

Макнув руку в бадью, Авиенда вновь перенесла каплю воды. Ей не нравилось, как сказывались на ней эти наказания. Она была воительницей, пусть уже и не носила копья. Ее не страшили наказания, и боль ее тоже не пугала. Но все больше и больше девушка боялась, что падет духом и станет бесполезной, как пораженные песчаной слепотой.

Она хотела стать Хранительницей Мудрости, желала этого отчаянно. Авиенда поразилась, осознав это, поскольку никогда не думала, что способна желать чего-то с той же страстью, с какой некогда стремилась получить копья. Однако за последние месяцы обучения у Хранительниц Мудрости ее уважение к ним возросло, и она стала считать себя равной им, призванной помогать вести и оберегать Айил в эти опасные времена.

Последняя битва станет испытанием, которому прежде никогда не подвергался ее народ. Эмис и другие прилагают все силы ради того, чтобы защитить айильцев, а Авиенда сидит тут и воду по капле переливает!

— Как ты? — раздался голос.

Авиенда вздрогнула, вскидывая голову, и так резко потянулась за ножом, что чуть не опрокинула бадьи с водой. Неподалеку, в тени дома,

скрестив руки на груди, стояла женщина с короткими темными волосами. Мин Фаршав была в куртке кобальтового цвета с серебряной вышивкой. Шея у нее была обмотана шарфом.

Разжав пальцы, стиснувшие рукоять ножа, Авиенда снова прислонилась к стене. С каких пор она позволяет мокроземцам незаметно подкрадываться к себе?

— Со мной все в порядке, — ответила айилка, стараясь не залиться краской.

Ее голос и движения должны были подсказать Мин, что Авиенда не хочет навлечь на себя стыд разговором, но та, казалось, ничего не замечала. Оглянувшись, Мин окинула лагерь взглядом.

— Разве… Тебе нечем заняться?

— Я делаю то, что должна, — ответила Авиенда и на этот раз не смогла не покраснеть.

Мин кивнула, а Авиенда изо всех сил старалась дышать ровно. Она не позволит себе разозлиться на эту женщину. Первая сестра просила Авиенду быть поласковее с Мин. Поэтому она решила не обижаться. Мин просто не понимает, о чем толкует.

— Думала поговорить с тобой, — произнесла Мин, по-прежнему не отрывая взора от охваченного суетой лагеря. — Не знаю, к кому еще пойти.

Айз Седай я не доверяю, да и он тоже. По-моему, он теперь вообще никому не доверяет. Даже мне, наверное.

Кинув взгляд в сторону, Авиенда поняла, что Мин следит за Рандом ал'Тором. Тот, в черной куртке, шагал через лагерь, и его рыжеватые волосы золотились в свете дневного солнца. Он словно башня возвышался над сопровождавшими его салдэйцами.

Авиенда была наслышана о событиях прошлого вечера, когда на Ранда напала Семираг. Одна из Предавшихся Тени собственной персоной. Авиенда не отказалась бы посмотреть на эту тварь, пока та еще жива была. Девушка содрогнулась.

Ранд ал'Тор сражался и победил. Пусть он чаще всего и поступал по-дурацки, но все же был умелым — и везучим — воином. Кто еще из живых, кроме него, может похвастаться тем, что собственноручно одолел стольких Предавшихся Тени? Сколько же чести это ему сделало.

После той схватки у него остались шрамы, и их природу Авиенда пока еще не понимала. Она чувствовала его боль. Почувствовала и во время нападения Семираг, хотя тогда ей поначалу показалось, что это ночной кошмар. Но очень быстро Авиенда сообразила, что ошиблась. Таки-

ми страшными кошмары не бывают. До сих пор она испытывала отголоски той жуткой боли, этих волн мучительных страданий, того безумия.

Авиенда подняла тревогу, но опоздала. Из-за этой промашки у нее был к Ранду тох; с этим она разберется, когда закончится наказание. Если оно вообще закончится.

— Со своими неприятностями Ранд ал'Тор разберется сам, — промолвила Авиенда, отправив в бадью новую каплю воды.

— Как ты можешь так говорить? — спросила Мин, взглянув на нее. — Разве не чувствуешь, как ему больно?

— Каждое мгновение чувствую, — через стиснутые зубы прошипела айилка. — Но, как и я, он сам должен смотреть в глаза своим испытаниям. Может, настанет день, и мы станем бороться с ним вместе, но этот день еще не пришел.

«Сперва я должна стать равной ему, — добавила она про себя. — Я не буду стоять пускай и рядом, но ниже его».

Мин изучающе глядела на айилку, и Авиенда ощутила пробежавший по спине холодок, гадая, что за видения предстали перед глазами Мин. Поговаривали, что ее предсказания о будущем сбываются всегда.

— Ты не такая, как я ожидала, — наконец промолвила Мин.

— Я тебя обманула? — сказала Авиенда, нахмурившись.

— Нет, я не об этом, — с легким смешком произнесла Мин. — Я хочу сказать, что, наверно, ошибалась в тебе. Я не знала, что и думать после той ночи в Кэймлине, когда… ну, после той ночи, когда мы вместе связали Ранда узами. Я чувствую, что мы с тобой близки и в то же время далеки. Наверное, — добавила она, пожав плечами, — я ждала, что ты кинешься искать меня, едва появишься в лагере. Нам много чего надо было обсудить. Когда ты не стала меня искать, я забеспокоилась. Подумала, не обидела ли тебя.

— У тебя нет тох ко мне, — ответила Авиенда.

— Вот и хорошо, — сказала Мин. — И все же иногда я беспокоюсь, что между нами… дойдет до потасовки.

— И какой в ней толк?

— Ну, не знаю, — ответила Мин, пожав плечами. — Мне казалось, это вполне по-айильски. Бросить мне вызов на честный бой. Из-за него.

— Драться из-за мужчины? — фыркнула Авиенда. — Кто станет этим заниматься? Будь у тебя ко мне тох, я, пожалуй, могла бы потребовать

танца с копьями, — но только если бы ты была Девой. И только если бы я до сих пор оставалась Девой Копья. Полагаю, мы могли бы схватиться на ножах, но вряд ли бой был бы честным. Какая в этом честь — драться с неумехой?

Мин вспыхнула, как будто Авиенда оскорбила ее. Занятно.

— Насчет чести ничего не скажу, — ответила Мин, выхватив из рукава нож и принявшись крутить его между пальцами. — Но вряд ли я так уж беззащитна.

Нож Мин исчез в другом рукаве. И почему мокроземцы вечно хвастаются своим умением владеть ножом? Том Меррилин тоже был склонен к подобной рисовке. Неужели Мин не понимает, что Авиенда в состоянии перерезать ей горло три раза, пока той вздумается с ножом выпендриваться, точно уличный артист? Но Авиенда ничего не сказала. Судя по всему, Мин гордится своим мастерством, и незачем ее смущать.

— Это не важно, — ответила Авиенда, снова принявшись за работу. — Я не стану драться с тобой, если только ты не нанесешь мне смертельное оскорбление. Моя первая сестра считает тебя подругой, и я бы хотела так же к тебе относиться.

— Вот и ладно, — сказала Мин и, скрестив руки, снова стала следить за Рандом. — Думаю, это хорошо. Но должна признаться, мне не очень-то нравится мысль, что его придется с кем-то делить.

Авиенда замешкалась, потом снова окунула палец в ведро:

— Да и мне, вообще-то, тоже.

По крайней мере, ей не нравилась мысль делить мужчину с женщиной, которую она знает не слишком хорошо.

— Так как нам быть?

— Пусть все идет как раньше, — ответила Авиенда. — У тебя есть то, что ты желаешь, а я занята своими делами. Когда наступят иные времена, я дам тебе знать.

— Это… так честно и откровенно с твоей стороны, — заметила Мин, явно озадаченная. — А у тебя есть какие-то дела? Например, макать палец в бадьи с водой?

Авиенда снова вспыхнула.

— Да, — огрызнулась она. — Вроде того. Надеюсь, ты простишь меня.

Авиенда встала и, оставив бадьи, зашагала прочь. Она понимала, что совершенно напрасно вышла из себя, но ничего не могла с собой

поделать. Мин, которая несколько раз напомнила ей о наказании. Собственная тупость, не позволяющая разгадать, чего добиваются от нее Хранительницы Мудрости. Ранд ал'Тор, то и дело влезающий в опасные передряги, в то время как сама Авиенда и пальцем не способна пошевелить, чтобы ему помочь.

Больше она не могла этого выносить. Стараясь держаться подальше от Ранда, сжимая и разжимая кулаки, девушка зашагала по бурой траве, через луг возле особняка. Если так пойдет дальше, Ранд заметит, что кожа у нее на пальце побелела и покрылась морщинами, и спросит, зачем она его в воде держала! А если выяснит, что такое наказание ей назначили Хранительницы Мудрости, то, пожалуй, учудит что-нибудь безрассудное и выставит себя дураком. Мужчины, они такие, а уж Ранд ал'Тор — в первую очередь.

Почва под ногами мягко пружинила, на бурой траве повсюду виднелись квадратные отпечатки на тех местах, где недавно стояли палатки, вокруг суетливо сновали мокроземцы. Авиенда прошла мимо выстроившихся в цепочку солдат — они перекидывали друг другу мешки с зерном и грузили их в повозку, куда были запряжены два тяжеловоза с мощными копытами.

Айилка продолжала шагать дальше, стараясь не разразиться проклятиями. По правде говоря, она себя чувствовала так, словно вот-вот сама учудит нечто «безрассудное», в духе Ранда ал'Тора. Почему? Почему она никак не может понять, что именно делает не так? Другие айильцы в лагере, по-видимому, тоже пребывали в неведении, хотя, разумеется, никто из них и словом не обмолвился с ней о наказании. Сама Авиенда хорошо помнила, как еще Девой Копья не раз была свидетельницей похожих наказаний, и никогда не забывала, что в дела Хранительниц Мудрости свой нос лучше не совать.

Обойдя телегу, она поняла, что опять идет навстречу Ранду ал'Тору. Он разговаривал с тремя квартирмейстерами Даврама Башира — на голову выше любого из них. Один из салдэйцев, с длинными черными усами, указал на коновязи и что-то сказал. Ранд заметил Авиенду и приветственно поднял руку, но девушка поспешно развернулась и заторопилась на северную сторону луга, туда, где располагалась лагерная стоянка Айил.

Авиенда скрежетала зубами, пытаясь — безуспешно — укротить собственный гнев. Но на кого ей злиться, если не на саму себя? Миру

вот-вот настанет конец, а она проводит дни в наказаниях! Впереди она заметила небольшую группу Хранительниц Мудрости — Эмис, Бэйр и Мелэйн стояли возле груды свернутых коричневых палаток. Плотные, стянутые продолговатые тюки были оснащены ремнями, чтобы носить их через плечо.

Авиенде следовало бы вернуться к бадьям и удвоить свои старания. Но она не стала этого делать. Подобно ребенку, с одной палкой бросающегося на барханного кота, айилка, кипя от гнева, решительно зашагала к Хранительницам Мудрости.

— Авиенда! — окликнула девушку Бэйн. — Ты уже закончила с назначенным наказанием?

— Нет, не закончила, — ответила Авиенда, остановившись перед ними и уперев руки в бока. Ветер трепал ее рубаху, дергал за полы, но ей было все равно. Спешащие мимо обитатели лагеря обходили группу Хранительниц с Авиендой стороной — как айильцы, так и салдэйцы.

— И что? — спросила Бэйр.

— Не очень-то быстро ты учишься, — добавила Эмис, качая белоснежно-седой головой.

— Не очень быстро учусь? — возмутилась Авиенда. — Я выучила все, что вы от меня требовали!

Я запомнила каждый урок, повторила все мне рассказанное, исполнила все поручения. Я ответила на все ваши вопросы и видела, как вы одобрительно киваете при каждом моем ответе!

Перед тем как продолжить, Авиенда ожгла взглядом каждую из Хранительниц Мудрости.

— Я умею направлять лучше, чем любая из живущих ныне женщин-Айил, — заявила она. — Я отказалась от копий, и я имею право на место среди вас. Я выполняла, что должна, и каждый раз добивалась чести. А вы все продолжаете назначать мне наказания! С меня хватит. Либо скажите, чего вы от меня хотите, либо отошлите прочь.

Авиенда ждала, что они обрушат на нее свой гнев. Ожидала от них разочарования. Думала, они примутся объяснять, что какой-то там ученице не положено приставать с вопросами к полноправным Хранительницам Мудрости. Самое меньшее, чего она ожидала от них, — еще более сурового наказания за ее безрассудную дерзость.

Эмис поглядела на Мелэйн и Бэйр.

— Не мы наказываем тебя, дитя, — произнесла Эмис, и было заметно, что она старательно подбирает каждое слово. — Ты сама навлекаешь на себя кару.

— Что бы я ни сделала, — заявила Авиенда, — не вижу повода называть меня да'тсанг. Так обращаясь со мной, вы лишь себя позорите.

— Дитя, — сказала Эмис, встретившись с девушкой взглядом. — Ты отказываешься принимать наши наказания?

— Да, — ответила Авиенда, сердце у нее учащенно билось. — Отказываюсь.

— Ты считаешь, что твои копья столь же крепки, что и наши? — осведомилась Бэйр, прикрывая от солнца ладонью морщинистое лицо. — Готова быть с нами на равных?

«На равных с ними? — подумала Авиенда, ощутив панический ужас. — Какая я им ровня?! Мне еще учиться и учиться многие годы. Что я делаю?»

Есть ли у нее возможность отступить? Попросить прощения, как-нибудь исполнить свой тох? Может, ей лучше поспешить обратно и, исполняя назначенное наказание, вновь заняться переливанием воды? Да! Вот что ей нужно сделать. Ей нужно пойти и… Но вместо этого Авиенда вдруг, сама того не ожидая, заявила Хранительницам Мудрости:

— Не понимаю, чему еще мне учиться. Если, кроме этих наказаний, вам меня учить больше

нечему, тогда, уверена, я уже научилась всему, чему должна была научиться. Я готова стать одной из вас.

Авиенда стиснула зубы, ожидая взрыва ярости, слов недоверия. О чем она вообще думает? Напрасно она позволила себе так болезненно воспринять дурацкую болтовню Мин.

И вдруг Бэйр расхохоталась.

Смех был утробный, совершенно неожиданный для такой невысокой женщины. К ее хохоту присоединилась Мелэйн — золотоволосая Хранительница Мудрости смеялась, придерживая слегка свой увеличившийся из-за беременности живот.

— Она держалась дольше тебя, Эмис! — воскликнула Мелэйн. — Такой упрямой девчонки я еще не встречала.

Выражение лица у Эмис было непривычно для нее приветливым.

— Добро пожаловать, сестра, — сказала она Авиенде.

Авиенда удивленно моргнула:

— Что?

— Теперь ты одна из нас, девочка! — сказала Бэйр. — Или скоро ею станешь.

— Но я же перечила вам!

— Хранительнице Мудрости нельзя поддаваться чьему-то давлению, — объяснила Эмис. — Если женщина вступает под сень нашего сообщества, но при этом думает как ученица, то она никогда не сможет считать себя равной нам и не встанет с нами рядом.

Бэйр взглянула на стоявшего в отдалении Ранда ал'Тора, который о чем-то разговаривал с Сарен.

— Я никогда не понимала, как важны наши обычаи, пока не узнала получше этих Айз Седай, — сказала она. — Те, что на самом низу, притворно улыбаются и, как собаки, выпрашивают подачку, а другие, кто почитает себя стоящими выше, словно бы и не замечают их. Просто удивительно, что они вообще хоть чего-то добиваются!

— А среди Хранительниц Мудрости есть те, кто стоит выше или ниже? — поинтересовалась Авиенда. — Или нет?

— Выше или ниже? — озадаченно переспросила Эмис. — Некоторых почитают больше прочих, и свою честь они заслужили благодаря мудрости, поступкам и опыту.

— Но очень важно, — добавила Мелэйн, подняв палец, — даже жизненно важно, чтобы каждая Хранительница Мудрости была готова защищать собственный колодец. Коли она уверена

в своей правоте, она не позволит столкнуть ее с того места, на котором стоит, — даже другим Хранительницам, сколь бы почтенны и мудры те ни были.

— Женщина только тогда готова стать одной из нас, когда сама об этом заявит, — продолжила Эмис. — Она должна поставить себя наравне с нами.

— Наказание, Авиенда, никогда не будет по-настоящему наказанием, пока ты не принимаешь его, — добавила Бэйр, по-прежнему улыбаясь. — Еще несколько недель назад мы решили, что ты готова, но ты упрямо продолжала слушаться указаний.

— Я уж было подумала, что ты, девочка, спесива, — прибавила Мелэйн с нежной улыбкой.

— Больше она не девочка, — заметила Эмис.

— О нет, все еще девочка, — сказала Бэйр. — Осталось сделать еще одну вещь.

Авиенда чувствовала себя оглушенной. Они же сами сказали, что она не очень быстро учится. Требовали уметь постоять за себя! Авиенда никогда не позволяла другим помыкать собой, но то ведь не были «другие» — они были Хранительницами Мудрости, а она лишь ученицей. Что бы произошло, если бы Мин не рассердила

ее? Авиенде стоит поблагодарить ее, хоть та и не поймет, что сделала.

«Осталось сделать еще одну вещь…»

— Что я еще должна сделать? — спросила Авиенда.

— Руидин, — произнесла Бэйр.

Ну конечно. Каждая Хранительница Мудрости посещала этот священный город дважды в жизни. Первый раз — став ученицей, а второй — превратившись в полноправную Хранительницу Мудрости.

— Теперь все будет иначе, — сказала Мелэйн. — Руидин больше не такой, каким был прежде.

— Это не причина отказываться от древних традиций, — отозвалась Бэйр. — Город-то, может, и открыт, однако не найдется такого глупца, который посмеет пройти через колонны. Авиенда, ты должна…

— Бэйр, — вмешалась Эмис, — если не возражаешь, я бы предпочла сама рассказать ей.

Немного помешкав, Бэйр кивнула:

— Да, разумеется. Так будет правильно. Теперь мы повернемся к тебе спиной, Авиенда. Мы не увидим тебя вновь, пока ты не придешь к нам как сестра, возвратившаяся из долгого странствия.

— Как сестра, которую мы забыли, но которую

знали, — с улыбкой добавила Мелэйн.

Две Хранительницы Мудрости отвернулись от Авиенды, а Эмис двинулась к площадке для Перемещений. Авиенда поспешила нагнать ее.

— На сей раз ты можешь остаться в одежде, — сказала Эмис, — в знак твоего положения. Вообще-то, я бы посоветовала тебе отправиться в путь пешком, пускай мы и освоили теперь Перемещение, но, думаю, можно эту традицию обойти. Впрочем, прямо в город Перемещаться тебе не следует. Предлагаю отправиться к холду Холодные Скалы и оттуда идти пешком. Тебе нужно провести какое-то время в Трехкратной земле и обдумать предстоящее путешествие.

Авиенда кивнула и заметила:

— Мне понадобятся бурдюк с водой и припасы.

— Все готово и ждет тебя, — сказала Эмис. — Мы рассчитывали, что ты вскоре перепрыгнешь эту расщелину. Не худо было бы, если б ты преодолела ее еще несколько дней назад, учитывая все наши намеки.

Эмис изучающе смотрела на Авиенду, а та стояла, потупив взор.

— Тебе нечего стыдиться, — заметила Эмис. — Бремя лежит на нас. Сколько бы Бэйр ни подшучивала, ты все сделала правильно. Некоторые

женщины терпят наказания месяц за месяцем, прежде чем придут к решению, что с них довольно. Мы должны были быть суровы с тобой, дитя, и обращались с тобой строже, чем с любой из готовых к посвящению учениц, которых я повидала. У нас так мало времени!

— Я понимаю, — ответила Авиенда. — И… спасибо вам.

— Ты заставила нас проявить изобретательность, — фыркнула Эмис. — Не забывай это время и тот стыд, что ты испытала, потому что этот стыд суждено познать любому да'тсанг, буде ты обречешь его на подобную участь. И ему не избежать такой судьбы, просто потребовав отпустить его.

— А как вы поступите, если ученица уже в первые месяцы обучения заявит, что готова стать Хранительницей Мудрости?

— Пожалуй, выпорем ее и отправим ямы копать, — ответила Эмис. — Не знаю, случалось ли вообще такое. Что-то отдаленно похожее было разве что с Севанной.

Авиенде было любопытно, почему Хранительницы Мудрости приняли женщину-Шайдо, не выказав особого неудовольствия. Ей достаточно оказалось заявить о себе — и Эмис с остальными вынуждены были принять ее.

Эмис поправила свою шаль и сказала:

— У Дев Копья, охраняющих площадку для Перемещения, будет для тебя узелок. Когда доберешься до Руидина, ступай в центр города. Там найдешь стеклянные колонны. Пройди между колоннами до самой их середины, а потом возвращайся сюда. С пользой проведи те дни, которые уйдут на дорогу до города. Мы сильно давили на тебя, чтобы у тебя появилось время поразмыслить. Вероятно, в следующий раз такая возможность тебе представится не скоро.

— Близится битва, — кивнула Авиенда.

— Да. Как только пройдешь через колонны, возвращайся побыстрее. Нам нужно обсудить, как быть с Кар'а'карном. После минувшей ночи он… изменился.

— Понимаю, — глубоко вздохнув, промолвила Авиенда.

— Ступай, — сказала Эмис. — И вернись.

Последнее слово она выделила особо. Некоторые женщины в Руидине погибали.

Встретившись взглядом с Эмис, Авиенда кивнула. Во многом Эмис была для нее второй матерью. В награду девушка получила лишь редкую улыбку. Затем Эмис повернулась к Авиенде спиной, как чуть раньше поступили и две другие Храни-

тельницы Мудрости.

Еще раз глубоко вздохнув, Авиенда оглянулась на утоптанную лужайку перед особняком, где Ранд разговаривал с квартирмейстерами: выражение лица у него было суровое, рука, лишившаяся кисти, заложена за спину, а другой рукой Ранд оживленно жестикулировал. Авиенда улыбнулась ему, хоть он в ее сторону и не смотрел.

«Я вернусь ради тебя», — подумала она.

Девушка рысцой побежала к площадке для Перемещений, взяла там предназначенный ей узелок и создала плетения для переходных врат, которые должны будут перенести ее к холду Холодные Скалы и открыться для безопасности в отдалении от самого холда, возле скального образования, известного как Копье Девы. Оттуда она побежит в холд и будет готовиться к предстоящему посещению Руидина. Переходные врата раскрылись, и через них она ощутила веяние знакомого сухого ветра Пустыни.

Авиенда нырнула во врата, наконец-то обрадовавшись тому, что только что произошло.

Она вновь обрела свою честь.

— Выбралась я через ведущую на берег реки маленькую калитку, Айз Седай, — сказала Ши-

мерин, склонив голову перед собравшимися в шатре. — Откровенно говоря, как только я покинула Башню и выбралась в город, это оказалось не так трудно. Уйти по какому-то из мостов я не осмелилась. Я не могла допустить, чтобы Амерлин узнала, что я делаю.

Романда слушала, скрестив руки. Ее шатер освещали две медные лампы, язычки пламени подрагивали и трепетали. Историю беглянки слушали шесть женщин. Здесь была Лилейн — несмотря на все приложенные Романдой старания, чтобы та не узнала о собрании. Романда надеялась, что стройная Голубая сестра окажется слишком занята, наслаждаясь своим статусом в лагере, и не заинтересуется столь обыденным, по всей видимости, событием.

Поближе к Лилейн держалась Суан. Вот ведь прилипла, не отдерешь! Бывшая Амерлин впилась в Лилейн точно клещ. Романду весьма обрадовала новоприобретенная способность Исцелять усмирение — как-никак она ведь была из Желтой Айя, — но в каком-то уголке души жалела, что Суан Исцелили. Ей и с Лилейн хлопот хватало. Романда помнила о хитроумной натуре Суан, хотя чуть ли не все в лагере, казалось, о том позабыли. Пусть способности Суан в Силе снизи-

лись, умения плести интриги от этого меньше не стали.

Разумеется, присутствовала тут и Шириам. Рыжеволосая хранительница летописей сидела подле Лилейн. В последнее время Шириам как-то отдалилась и с трудом сохраняла присущее Айз Седай достоинство. Глупая женщина. Нужно бы сместить ее с поста хранительницы летописей; это понимали все. Если Эгвейн когда-нибудь вернется — а Романда лишь об этом и молилась, хотя бы только ради того, чтобы расстроить планы Лилейн, — вот тогда и появится благоприятная возможность. Обзавестись новой хранительницей летописей.

В числе собравшихся в шатре была Магла. Романда и Лилейн вступили в спор — держа себя в руках, разумеется, — о том, кто будет первой допрашивать Шимерин. Сошлись на том, что единственный устраивающий всех способ — сделать это вместе. Поскольку Шимерин была из Желтой Айя, Романда смогла созвать собрание у себя в шатре. Она испытала потрясение, увидев, что Лилейн приволокла с собой не только Суан, но и Шириам в придачу. Но ведь они никогда не уговаривались о том, сколько сопровождающих можно приводить с собой. Так что у Романды

была одна-единственная Магла. Широкоплечая сестра восседала рядом с Романдой, молча выслушивая признания. Вероятно, Романде стоило послать еще за кем-то? Отсрочить встречу ради такого — дело обычное.

Вообще, происходящий разговор не слишком походил на допрос. Шимерин говорила свободно, не противясь вопросам. Она сидела на маленьком табурете напротив остальных. Подложить подушку она отказалась. Романде редко встречались женщины, столь же склонные к самоистязанию, как это бедное дитя.

«Нет, не дитя, — подумала Романда. — Полноправная Айз Седай, что бы она там ни твердила. Чтоб тебе сгореть, Элайда, за то, что одну из нас превратила в такое!»

Шимерин была из Желтой Айя. Чтоб оно все сгорело, она не была, она по-прежнему — Желтая сестра! Шимерин говорила уже битый час, отвечая на вопросы о ситуации в Белой Башне. Суан первая спросила, как той удалось бежать.

— Прошу простить меня за то, что стала искать работу в лагере и не пришла к вам, Айз Седай, — склонив голову, промолвила Шимерин. — Но я ведь сбежала из Белой Башни вопреки закону. Я — беглянка, как принятая, которая ушла без

разрешения. Я знала — если меня обнаружат, то накажут. Здесь я осталась потому, что тут все знакомо и я не могу от этого отказаться. Когда пришла ваша армия, то мне выпал шанс подработать и я за него ухватилась. Но прошу вас, не заставляйте меня возвращаться. Я не представляю опасности. Я стану жить жизнью обычной женщины, стараясь не использовать своих способностей.

— Ты — Айз Седай, — произнесла Романда, старательно сдерживая раздражение, чтобы оно не прорезалось в голосе. Поведение и речи Шимерин придавали куда больше веры рассказам Эгвейн о правлении в Башне Элайды, явно стремящейся к абсолютной власти. — Несмотря на то, что там говорит Элайда.

— Я… — Шимерин просто покачала головой.

О Свет! Она никогда не была самой уравновешенной среди Айз Седай, но все же было потрясением видеть, как низко она пала.

— Расскажи про приречную калитку, — сказала Суан, подавшись вперед на стуле. — Где она находится?

— В юго-западной части города, Айз Седай, — ответила Шимерин. — Примерно в пяти минутах ходьбы на восток от того места, где установле-

ны древние статуи Элейан ал'Ландерин и ее Стражей. — Шимерин замешкалась и вдруг как будто забеспокоилась. — Но калитка маленькая. Армию через нее не провести. Я узнала-то о ней лишь потому, что в мои обязанности входило заботиться о живущих рядом бедняках.

— Так или иначе, мне нужна карта, — промолвила Суан, потом взглянула на Лилейн. — По крайней мере, нам она, по-моему, не помешает.

— Разумная мысль, — заметила Лилейн до тошноты великодушным тоном.

— Мне бы хотелось побольше узнать о том… что с тобой произошло, — заговорила Магла. — Как Элайда вообще помыслить могла, что лишить сестру звания Айз Седай — мудрое решение? Эгвейн рассказывала об этом, и я тогда сочла подобное просто невероятным событием. О чем Элайда думала?

— Я… не могу говорить за Амерлин, — ответила Шимерин.

Она съежилась, когда находившиеся в шатре женщины дружно окинули ее отнюдь не ласковыми взглядами из-за того, что она назвала Элайду Амерлин. Романда же не поддержала всеобщее осуждение. Что-то маленькое ползло под парусиновым полом шатра, двигаясь из угла

на середину. О Свет! Это что, мышь? Нет, то было нечто совсем маленькое. Вероятно, сверчок. Романда поерзала на стуле.

— Но ты ведь, наверное, сделала нечто такое, что вызвало ее гнев, — сказала Магла. — Чем ты заслужила подобное отношение?

— Я… — вымолвила Шимерин. Почему-то она не сводила глаз с Суан.

«Вот же глупая женщина». Романда почти уверилась в том, что Элайда поступила правильно. Шимерин вообще не стоило вручать шаль. Конечно, низведение ее до принятой тоже не выход из положения. Недопустимо, чтобы Амерлин могла забрать себе столько власти.

Да, определенно под полом что-то было, и оно явно двигалось к центру шатра — какой-то комочек, перемещавшийся толчками и рывками.

— Я была почти бессильна перед ней, — наконец промолвила Шимерин. — Мы говорили о… событиях, происходящих в мире. Для меня они были непереносимы. Я не проявила подобающего Айз Седай самообладания.

— И все? — спросила Лилейн. — Ты не строила против нее козни? Не выступила против нее?

— Я была ей верна, — покачала головой Шимерин.

— Мне трудно в такое поверить, — заметила Лилейн.

— Я ей верю, — сухо проговорила Суан. — Шимерин вполне убедительно не раз продемонстрировала, что она полностью находилась в руках Элайды.

— Это будет опасный прецедент, — заключила Магла. — Сгори моя душа, очень опасный.

— Да, — согласилась Романда, наблюдая за скрытым парусиной непонятным существом, замершим в дюйме от ее ноги. — Выскажу предположение, что она использовала бедняжку Шимерин как пример, дабы придать подобной каре характер обыденности. Сделав такое наказание привычным в Белой Башне, она получит возможность использовать ее против тех, кто на самом деле является ее врагом.

В разговоре возникла пауза. Если Элайда удержит власть и все Айз Седай примирятся с ее деспотизмом, то восседающие, выступавшие в поддержку Эгвейн, наверняка возглавят список тех, кого могут лишить шали.

— Это мышь? — спросила Суан, опустив взгляд на пол.

— Мелковато для мыши, — ответила Романда. — Экая важность.

— Мелковато? — сказала Лилейн, наклоняясь.

Романда нахмурилась и снова посмотрела на существо под полом. Оно выросло или это ей показалось? Вообще-то…

Вдруг бугорок дернулся, рванулся вверх. Парусиновый пол лопнул, и из дыры выскочил жирный таракан величиной с винную ягоду. Романда отпрянула в отвращении.

Таракан, шевеля усиками и шустро перебирая лапками, понесся по полу. Намереваясь прихлопнуть его, Суан сорвала с ноги туфлю. Но в ту же секунду под парусиной рядом с дырой вспух новый бугорок, и в палатку вылез еще один таракан. Затем третий. И наконец они хлынули целой волной, вырываясь через щель, подобно тому как человек, обжегшись, выплевывает изо рта оказавшийся слишком горячим чай. Черно-коричневый ковер из суетливо движущихся, толкающих друг друга, скребущих лапками существ, стремящихся побыстрее выбраться наружу.

Женщины в отвращении завизжали, повскакивали с мест, опрокидывая стулья и табуреты. Через миг в шатер ворвались Стражи; широкоплечий Рорик, связанный узами с Маглой, и меднокожий Бурин Шарен — настоящий камень, а не человек, который был Стражем Лилейн. В

руках у них сверкали мечи — оружие они выхватили, едва заслышав вопли, но выползающие тараканы явно поставили Стражей в тупик. Они застыли на месте, глядя на поток мерзких насекомых.

Шириам запрыгнула на стул. Суан, направляя Силу, принялась давить насекомых рядом с собой. Романда терпеть не могла использовать Единую Силу для умерщвления, пусть даже таких гадких созданий, но, недолго думая, сама тоже стала плести пряди Воздуха и ряд за рядом давить тараканов, но эти твари заполняли шатер чересчур быстро. Вскоре пол уже кишел ими, и Айз Седай вынуждены были выбраться из палатки в безмолвную тьму лагеря. Рорик захлопнул и затянул входные клапаны шатра, хотя это не остановило насекомых — их уже начало выдавливать наружу.

Выскочив на ночной воздух, Романда машинально провела пальцами по волосам, дабы удостовериться, что ни одна тварь там случайно не запуталась. При одной мысли о том, что эти существа бегают у нее по телу, она содрогнулась.

— У тебя в шатре ничего ценного или нужного не осталось? — спросила Лилейн, оглянувшись на шатер.

В свете ламп, пробивающемся изнутри, она увидела тени тараканов, взбегающих по стенкам палатки.

У Романды мелькнула мысль о ее дневнике, но она поняла, что никогда не заставит себя прикоснуться к его страницам после того, как тараканья зараза затопила ее шатер.

— Ничего такого, чем бы я теперь стала дорожить, — ответила Желтая восседающая, сплетая пряди Огня. — И незаменимого там ничего нет.

Остальные присоединились к ней, и когда Айз Седай направили Силу, шатер вмиг полыхнул огнем, так что Рорик едва успел отскочить подальше. Романде казалось, будто она слышит, как внутри трещат и лопаются горящие насекомые. Айз Седай отступили от внезапно жаркого пламени. Через мгновение шатер превратился в сущее пекло. Выскочившие из соседних палаток женщины с любопытством смотрели на происходящее.

— Не думаю, что это случилось само собой, — тихо произнесла Магла. — Это четырехшипные тараканы. Моряки видели таких на кораблях, бывавших в Шаре.

— Что ж, не самое страшное из того, что нам подкидывал Темный, — заметила Суан, скре-

стив на груди руки. — Худшее мы еще увидим, попомните мои слова. Пойдем, — добавила она, взглянув на Шимерин. — Нам с тобой нужно с картой разобраться.

И Айз Седай удалились вместе с Рориком и прочими — кто взбудоражит всех рассказами о том, что лагерь сегодняшней ночью пережил прикосновение Темного. Романда стояла и смотрела, как горит шатер. Вскоре от него остались одни тлеющие угольки.

«О Свет, — подумала Романда. — Эгвейн права. Оно приближается. И быстро».

И теперь девушка посажена в узилище; прошлой ночью она встречалась с Советом в Мире снов и рассказала об ужине с Элайдой, кончившемся катастрофой, о том, как она осыпала оскорблениями лже-Амерлин, и о том, какие последствия это будет иметь. И все равно Эгвейн не желала, чтобы ее спасали.

Были зажжены факелы и разбужены все Стражи, дабы предупредить еще бóльшие беды. Сильно пахло гарью. Тлели остатки всего того, что у Романды оставалось в этом мире.

Башня нуждается в единстве. Любой ценой. Готова ли она ради единства Башни склониться перед Элайдой? Снова облачиться в платье

принятой, если это нужно ради сплоченности накануне Последней битвы?

Романда не могла найти ответа. И неспособность ответить на эти вопросы тревожила ее не меньше, чем разбежавшиеся по палатке тараканы.

Глава 27
«Захмелевший мерин»

Разумеется, без Айз Седай покинуть лагерь Мэту не удалось. Вот проклятые женщины.

Он ехал по вымощенной камнем древней дороге, но уже без Отряда за спиной, зато в сопровождении трех Айз Седай, двух Стражей, пяти солдат, Талманеса, Тома и с вьючной лошадью. Ладно хоть Алудра, Аматера да Эгинин не настояли на поездке. Компания и так оказалась слишком велика.

Дорогу охраняли трехигольные сосны, в воздухе пахло смолой, вокруг раздавалось мелодичное пение горных зябликов. До захода солнца оставалось еще несколько часов; Отряд Мэт остановил около полудня. Он ехал немного впереди державшихся вместе Айз Седай и их Стражей. После того как Мэт отказался выдать Джолин лошадей и деньги, они не желали уступать ему больше ни одного выигрышного очка. Не сейчас, когда можно вынудить его взять их с собой в деревню, где они смогут хоть одну ночь провести на постоялом дворе, понежиться в мягких постелях и

принять теплую ванну.

Спорить с ними во весь голос Мэт не стал. Он совершенно не желал, чтобы длинные языки болтали об Отряде, а женщины — известные сплетницы, пусть даже они Айз Седай. Но все равно — вряд ли Отряду Красной руки удастся миновать деревню, не вызвав там суматохи. Если какой-то из шончанских патрулей просочился по этим извилистым горным тропам… Что ж, тогда Мэт продолжит в том же духе — не снижая темпа, поведет Отряд дальше на север, вот и все. Плакать тут не о чем.

Да и вообще, сидя верхом на Типуне и двигаясь по этой дороге, обдуваемый свежим весенним ветерком, он чувствовал себя все лучше, вновь возвращаясь к себе прежнему. Он снова стал носить один из своих старых кафтанов, красный с коричневой отделкой, расстегнутый на груди, так что под ним была видна старая желто-коричневая рубаха.

Вот это жизнь! Странствуй себе по новым деревням, метай игральные кости в гостиницах и харчевнях, шлепай да щипай служанок в кабаках. А Туон из головы он выбросит, и думать о ней не станет. Треклятая шончанка. С ней же все хорошо будет, да?

Нет. У Мэта аж руки чесались — так ему хотелось в кости сыграть. Слишком много времени прошло, как он в последний раз сидел в уютном уголке и играл в кости с простым людом. Может, лица у них погрязнее и в выражениях не стесняются, но в душе они славные люди. Уж всяко получше большинства лордов.

Чуть впереди ехал Талманес. Наверное, он предпочтет таверну поприличнее, чем выбрал бы Мэт, — такую, где обычно играют в карты, а не бросают кости. Но вряд ли у них будет большой выбор. Деревня была немаленькая; возможно, ее даже стоило назвать городком, но непохоже, чтобы в ней отыскалось больше трех-четырех постоялых дворов. Выбор будет ограничен.

«Немаленькая деревня, да уж», — подумал Мэт и усмехнулся про себя, потом снял шляпу и почесал в затылке. В Хиндерстапе отыщется всего три или четыре гостиницы, так что городок, получается, маленький. Что ж, Мэт помнил времена, когда ему и Байрлон казался большим городом, а он вряд ли намного превосходит по размерам этот самый Хиндерстап!

С Мэтом поравнялась чья-то лошадь. Опять Том изучал то распроклятое письмо. Лицо долговязого менестреля было задумчивым, белые волосы

трепал ветер, а сам он неотрывно водил взглядом по строчкам. Будто и не он перечитал это письмо раз, наверное, тысячу.

— Да убери ты его подальше, — сказал Мэт.

Том поднял на Мэта взгляд. Чтобы уговорить менестреля отправиться в деревню, пришлось хорошенько постараться, но Тому надо было поехать — ему просто необходимо немного отвлечься.

— Спрячь письмо, Том, — продолжил Мэт. — Знаю, тебе не терпится отправиться за Морейн. Но пройдет не одна неделя, пока у нас появится такая возможность, а перечитывая эти строчки, ты только душу себе сильнее разбередишь.

Том кивнул, тщательно и с благоговением сложил бумажный лист.

— Ты прав, Мэт. Но я столько месяцев носил при себе это письмо. Теперь, когда я тебе все рассказал, я чувствую… Ну, просто мне хочется уже взяться за дело.

— Понимаю, — ответил Мэт, глядя на горизонт.

Морейн. Башня Генджей. Мэт чуть ли не воочию видел это сооружение, его смутные очертания. Туда лежал его путь, а Кэймлин был лишь одной из ведущих туда ступеней. Если Морейн до сих пор жива… О Свет, что тогда? Как к этому отне-

сется Ранд?

Спасение Морейн — вот еще одна причина провести ночь за доброй игрой в кости.

Зачем он согласился отправиться с Томом в ту башню? Эти треклятые змеи и лисы — у него не возникало никакого желания вновь видеть их.

Но… и в одиночку Тома он отпустить не мог. Так что рано или поздно, но отправиться туда неизбежно придется. Где-то в глубине души Мэт все время знал, что должен будет вернуться и снова встретиться с этими тварями. Они уже два раза взяли над ним верх, а Илфин даже как будто протянули веревочки ему к мозгам, впихнув в голову эти воспоминания. У Мэта к ним должок, это точно, и надо с этим разобраться.

Морейн Мэт не слишком-то любил, но у них он ее не оставит, хоть она и Айз Седай. Кровь и пепел. Наверное, он бы бросился вызволять оттуда даже кого-то из самих Отрекшихся, попади они в этакую западню.

Хотя… может, одна Отрекшаяся туда и угодила. Ланфир же упала в тот же самый портал. Чтоб ему сгореть, что Мэт станет делать, если обнаружит ее там? На самом ли деле ее тоже спасать будет?

«Ну и дурень же ты, Мэтрим Коутон. Никакой не герой. Просто дурень безмозглый».

— Мы доберемся до Морейн, Том, — пообещал Мэт. — Даю слово, чтоб мне сгореть. Мы отыщем ее. Но нам нужно отвести Отряд в какое-нибудь безопасное место, а еще необходимы сведения. Байл Домон говорит, что знает, где находится башня, но я не успокоюсь, пока мы не доберемся до большого города и не разнюхаем, какие есть слухи и рассказы о той башне. Кто-то же должен хоть что-то знать. А еще нам нужны припасы, а я сомневаюсь, что в горных деревушках найдется то, что нам требуется. Если получится, мы должны добраться до Кэймлина, хотя по пути, возможно, остановимся в Четырех Королях.

Том кивнул, но Мэт видел, как тот переживает из-за того, что Морейн по-прежнему остается в ловушке, что ее пытают и кто знает что еще с ней творят. Ярко-голубые глаза Тома глядели куда-то вдаль. Почему он так за нее волнуется? Неужели Морейн для него — нечто большее, чем какая-то Айз Седай, вроде одной из тех, что стоили жизни его племяннику?

— Сгори оно все, — произнес Мэт. — Напрасно мы о таком задумываемся, Том! У нас впереди прекрасный вечер! Мы будем играть в кости и смеяться. Может, даже пару-другую песен споем.

Том кивнул, и лицо его прояснилось. Сзади к

седлу его лошади был приторочен футляр с арфой; будет славно, если он вновь достанет свой музыкальный инструмент.

— Хочешь на ужин снова жонглированием заработать, а, ученичок? — сверкнув глазами, улыбнулся Том.

— Уж лучше шарики подбрасывать, чем в треклятую флейту дуть, — пробурчал Мэт. — Никогда не умел толком на ней играть. А вот у Ранда неплохо получалось.

Перед глазами у Мэта закружились разноцветные пятна, из которых постепенно проступило лицо Ранда — тот, в рубашке с роскошной вышивкой, сидел, широко расставив ноги, один у себя в комнате. Черная с красным куртка валялась рядом с ним у бревенчатой стены. Одну руку Ранд прижимал ко лбу, словно пытался унять головную боль. А вторая…

Вторая рука оканчивалась культей. Когда Мэт впервые ее увидел, несколько недель назад, то испытал сильное потрясение. Где это Ранд лишился руки? Он, казалось, был едва жив, почти не двигался, застыв в одной позе. Впрочем, губы вроде бы шевелились, Ранд что-то бормотал. «О Свет! — подумал Мэт. — Чтоб тебе сгореть, что ты с собой-то делаешь?»

Ладно, по крайней мере, Мэта сейчас рядом с ним нет. «Считай, что тебе повезло», — сказал себе Мэт. Жизнь в последнее время и так была нелегка, но не мог он торчать подле Ранда. Конечно, Ранд был ему другом. Но Мэту вовсе не хотелось оказаться с ним рядом, когда тот сойдет с ума и поубивает всех, кого знает. Дружба дружбой, но глупости откровенные зачем делать? И то, что им суждено драться бок о бок в Последней битве, ни капельки, конечно же, в этой ситуации не помогало. Мэт лишь надеялся оказаться совсем в другом конце поля битвы — подальше от любого безумца, владеющего саидин.

— Ах да, Ранд, — произнес Том. — Головой ручаюсь, этот паренек мог бы вырасти в настоящего менестреля. Или, глядишь, даже стал бы славным бардом, займись он этим ремеслом, когда был помоложе.

Мэт помотал головой, и видение рассеялось. «Чтоб тебе сгореть, Ранд. Оставь меня в покое».

— Хорошие были денечки, да, Мэт? — улыбнулся Том. — Когда мы втроем плыли вниз по реке Аринелле.

— Ага, и мурддраал гнался за нами не пойми зачем, — мрачно добавил Мэт. В те дни тоже несладко приходилось. — А приспешники Темно-

го норовили воткнуть нам в спину нож — стоило лишь отвернуться.

— Уж лучше, чем когда нас пытались убить голам и Отрекшийся.

— Тебя послушать, так петля на шее лучше, чем меч в брюхе.

— По крайней мере, Мэт, из петли можно выскользнуть. — Том провел согнутым пальцем по длинному седому усу. — А вот если тебе в живот воткнут меч, то в этом случае ничего поделать уже нельзя.

Помешкав чуток, Мэт вдруг расхохотался. Он погладил шарф, повязанный у него вокруг шеи.

— Думаю, тут ты прав, Том. Ох, как прав. Ладно, давай на сегодня выбросим все эти мысли из головы. Забудем и сделаем вид, будто все вновь по-старому!

— Не знаю, парень, возможно ли это.

— Наверняка, — упрямо заявил Мэт.

— Ой ли? — с веселой ноткой в голосе промолвил Том. — И ты снова будешь думать, что старина Том Меррилин — много чего повидавший, много где побывавший и самый мудрый человек из всех, кого ты знаешь? И снова станешь корчить из себя ротозея-селянина и хвататься за мой рукав всякий раз, когда мы будем проезжать

деревню, где больше одного постоялого двора?

— Эй, погоди! Вовсе я не был таким простофилей!

— Позволь не согласиться, Мэт, — посмеиваясь, возразил Том.

— Я многого не помню, — заявил Мэт в свое оправдание, снова почесывая в затылке. — Но припоминаю, что после того, как наш отряд разделился, мы с Рандом вполне неплохо и вдвоем обходились. Мы же в конце концов до Кэймлина добрались. И твою треклятую арфу тебе возвратили, в целости и сохранности. Не забыл?

— Да, я заметил пару-тройку трещинок на корпусе…

— Чтоб тебе сгореть, не было там трещин! — воскликнул Мэт, ткнув в сторону Тома пальцем. — Ранд чуть ли не в обнимку спал с той арфой. Ему и в голову не приходило ее продать, даже когда мы так оголодали, что сожрали бы собственные сапоги, если б они не были нам нужны, чтобы до очередного городка дойти.

Те дни Мэт помнил смутно, в памяти оказалось полно дыр — так по железному ведру, надолго оставленному у сарая, расползаются пятна ржавчины. Но кое-какие кусочки воспоминаний он мог сложить воедино.

— В прошлое нам не вернуться, Мэт, — усмехнулся Том. — Колесо вращается, к добру или к худу. И будет вращаться дальше, пусть даже погаснут огни, сгинут леса, налетят бури, разверзнутся небеса. Оно не остановит своего вращения. Колесо не несет надежды, Колесу все безразлично, Колесо просто есть. Но до тех пор, пока оно вращается, люди могут надеяться, люди могут чего-то желать. Ибо погаснет один огонь, но со временем разгорится другой, а любая буря, какой бы яростной ни была, рано или поздно утихнет. Так будет до тех пор, пока вращается Колесо. Пока оно вращается…

Мэт заставил Типуна обойти особенно глубокую расселину между камней дороги. Впереди Талманес болтал с несколькими солдатами, взятыми в деревню в качестве охранников.

— Звучит прямо как песня, Том.

— Именно, — ответил Том, едва ли не со вздохом. — Старая песня, позабытая почти всеми. Я обнаружил, что эта песня существует в трех переложениях — слова одни и те же, но мелодии разные. Наверное, здешние места навеяли воспоминания о ней; поговаривают, оригинальный текст поэмы сочинила сама Дорейлле.

— Здешние места? — удивленно проговорил

Мэт, глядя на трехигольные сосны.

Том кивнул и задумчиво сказал:

— Это старая дорога, Мэт. Очень древний тракт. Возможно, здесь дорога пролегала еще до Разлома Мира. Такие приметные места нередко находят свое отражение в песнях и сказаниях. Думаю, эта местность давным-давно носила название Расколотые холмы. Если это верно, то мы находимся неподалеку от Орлиных Пределов, там, где некогда была страна Кореманда. Бьюсь об заклад, если мы вскарабкаемся на какой-нибудь из этих холмов, что повыше, то найдем там древние укрепления.

— А при чем здесь Дорейлле? — с беспокойством спросил Мэт. Дорейлле была королевой Аридола.

— Она побывала тут, — объяснил Том. — И сочинила в Орлиных Пределах несколько своих лучших поэм.

«Чтоб мне сгореть, — подумал Мэт. — Я ведь помню». Он вспомнил, как стоял на стенах высокой крепости, на какой-то холодной горной вершине, и глядел вниз на длинную петляющую дорогу, с потрескавшимися и разбитыми плитами. А еще он помнил армию с фиолетовыми флажками на пиках, штурмующую склон холма

под ливнем стрел. Расколотые холмы. Женщина на балконе. Королева собственной персоной.

Мэт поежился, отгоняя прочь воспоминания. Аридол был одним из древних государств, существовавших много-много лет назад, — тогда же мощной державой была и Манетерен. А столица Аридола носила другое название — Шадар Логот.

Уже очень давно Мэт не чувствовал притяжения кинжала с рубином в рукояти. Он почти позабыл, каково это — быть к нему столь привязанным, если подобное вообще можно забыть. Но иногда он вспоминал этот рубин, красный, как его собственная кровь. И былое желание, былая страсть, которая стремилась снова в него просочиться…

Мэт помотал головой, гоня подальше те воспоминания. Чтоб оно сгорело, он же развлечься собирается!

— Эх, какие были времена, — с ленцой протянул Том. — Я вспоминаю эти деньки, Мэт, как стершийся узор на старом ковре, что вывесили проветриться, с поблекшими и выцветшими красками, которые некогда были такими живыми и яркими. Иногда я гадаю, есть ли тебе от меня какой-то толк. Сдается мне, я тебе не очень-то и нужен.

— Что? Ну конечно, ты нужен мне, Том!

— Вся закавыка с тобой в том, Мэт, — ответил седой менестрель, разглядывая собеседника, — что ты и вправду хорошо умеешь врать. В отличие от тех двоих парней.

— Да не вру я! Чтоб мне сгореть, нисколечко я не вру! Ну да, ты можешь уйти на все четыре стороны и, как когда-то, странствовать по миру и рассказывать истории. Ну да, без тебя дела, наверно, пойдут не так гладко, и мне точно будет не хватать твоей мудрости. Это так, чтоб мне сгореть. Человеку нужны друзья, которым он верит, а тебе я доверял и всегда буду доверять.

— С какой стати, Мэтрим, — произнес Том, подняв на него сверкающие весельем глаза, — помогать тому, кто пал духом? Убеждать его остаться и делать то, что важно, вместо того, чтобы самому пуститься на поиски приключений? И это ты? Откуда такая ответственность? Что на тебя нашло?

— Думаю, все дело в браке, — поморщился Мэт. — Чтоб мне сгореть, но я не намерен отказываться ни от выпивки, ни от азартных игр!

Ехавший впереди Талманес обернулся и, взглянув на Мэта, закатил глаза.

Заметив, как на слова Мэта откликнулся Тал-

манес, Том расхохотался и сказал:

— Ладно, парень, не расстраивайся. Я вовсе не хочу, чтобы ты пал духом. Это так, праздная болтовня. Мне еще есть что показать этому миру. Если я и в самом деле сумею освободить Морейн… Ладно, посмотрим. Кроме того, кто-то же должен здесь быть и смотреть во все глаза, чтобы когда-нибудь сложить песню. Про эти приключения можно сочинить не одну балладу.

Он развернулся в седле и принялся рыться в привязанных к седлу сумах.

— Ага, вот он где! — воскликнул Том, вытаскивая свой лоскутный, в разноцветных заплатах, плащ менестреля. Артистичным движением он набросил плащ себе на плечи.

— Ну, — промолвил Мэт, — когда будешь писать про нас, есть шанс заработать несколько золотых марок — если тебе удастся сочинить пару хороших стихов про Талманеса. Знаешь, что-нибудь о его глазе, который косит куда ни попадя, и еще о том, как часто от него исходит какой-то запах, который мне о козлином загоне напоминает.

— Я все слышу! — крикнул ехавший впереди Талманес.

— А я знаю! — отозвался Мэт.

Том хохотал, стараясь завернуться в плащ так,

чтобы тот выглядел попривлекательнее.

— Не буду ничего обещать, — сказал он, отхохотавшись наконец. — Но если не возражаешь, Мэт, то когда доберемся до деревни, я вас оставлю. Уши менестреля способны услышать то, чего не станут говорить рядом с солдатами.

— Никакие сведения лишними не будут, — согласился Мэт, потирая подбородок. Дорога впереди сворачивала; Ванин же сообщил, что деревня будет сразу за поворотом. — У меня такое чувство, будто я несколько месяцев ползу по длинной пещере, не слыша и не видя мира вокруг. Чтоб мне сгореть, было бы славно узнать, где сейчас Ранд. Хотя бы ради того, чтобы знать, куда не надо идти.

Перед глазами у Мэта вновь закружились цветные пятна, и ему предстал Ранд: тот стоял в комнате, в той ее части, где не было окон, и Мэт не имел ни малейшего представления о местоположении Ранда.

— Боюсь, жизнь чаще всего похожа на эту пещеру, — заметил Том. — Люди ждут от менестреля вестей, так что мы добываем эти вести, отряхиваем от пыли, чтобы выставить товар напоказ, но большинство наших «новостей» — очередные байки, зачастую не более правдивые, чем балла-

ды тысячелетней давности.

Мэт кивнул.

— И еще, — добавил Том, — посмотрю, не удастся ли разузнать что-нибудь полезное для нашей вылазки.

Башня Генджей. Мэт пожал плечами.

— То, что нам нужно, мы скорее отыщем в Четырех Королях или в Кэймлине.

— Да, знаю. Но я обещал Олверу все проверить. Если ты не велел Ноэлу как-то отвлечь сорванца, то, боюсь, открыв сумы, мы его там обнаружим. Он очень хотел поехать.

— Ночь танцев и азартные игры — не для мальчишки, — пробурчал Мэт. — Хотелось бы мне верить, что парни в лагере не испортят его больше, чем в той же таверне.

— Ну, он притих, стоило только Ноэлу достать игровую доску, — сказал Том. Олвер был убежден, что если он будет часто играть в «змей и лисиц», то научится секретному способу, как одолеть Элфин и Илфин. — Паренек до сих пор думает, что отправится с нами к башне, — понизив голос, промолвил Том. — Он знает, что не может быть одним из троих, но собирается дожидаться нас рядом с ней. Наверное, если задержимся с возвращением, он кинется туда нас спасать. Не хочу

оказаться там, когда он узнает правду.

— Да я и сам не хочу, — заметил Мэт.

Впереди, между расступившимися деревьями, путникам открылась небольшая долина с зелеными пастбищами, поднимающимися по склонам холмов. Между холмами уютно расположился городок из нескольких сотен зданий, рассеченный посередине горным потоком. Дома были сложены из темно-серого камня, над круто наклоненными скатами крыш торчали массивные трубы, над большей частью которых поднимались завитки дыма. Такой большой наклон крыш, вероятно, позволял легче пережить снежные зимы, хотя сейчас снег виднелся разве что на далеких горных вершинах. На некоторых крышах уже вовсю трудились работники — меняли поврежденную зимой кровельную дранку. На склонах холмов, под присмотром мальчишек-пастухов, паслись козы и овцы.

До темноты оставалось еще несколько часов, так что возле лавок и за заборами еще видны были люди. По деревенским улочкам без всякой спешки шагали мужчины и женщины. Более того, в городке царила какая-то расслабляющая атмосфера прилежания и лености.

Мэт догнал Талманеса и ехавших с ним рядом

солдат.

— Приятный вид, — заметил Талманес. — А я уж начал подумывать, что каждый городок в мире либо лопается от наплыва беженцев, либо стонет под пятой захватчиков. И то ладно, что этот городок, похоже, не растает прямо у нас на глазах…

— Да ниспошлет Свет, дабы было так, — ответил Мэт, поежившись при воспоминании о городке в Алтаре, который попросту исчез. — Как бы там ни было, будем надеяться, что они не откажутся иметь дело с чужаками.

Мэт оглядел солдат. Все пятеро были «красноруками», его лучшими бойцами.

— Трое из вас поедут вместе с Айз Седай, — сказал он. — Подозреваю, вряд ли они захотят остановиться в той гостинице, куда отправлюсь я. Увидимся утром.

Солдаты отсалютовали, а проезжавшая мимо Джолин фыркнула, нарочито не удостоив Мэта взглядом. Небольшой группой все Айз Седай и их Стражи направились вниз по скату, и трое солдат Мэта последовали за ними.

— Кажется, вон там постоялый двор, — сказал Том, указывая на выделявшееся своими размерами здание на восточной стороне деревни. Оно

было крупнее прочих. — Найдете меня там.

Он махнул рукой, ударил пятками лошадь, пустив ее рысью. Разноцветный плащ развевался за спиной менестреля. Явившись первым, он произведет наибольший эффект.

Мэт взглянул на Талманеса — тот пожал плечами. Вместе, в сопровождении пары солдат, они двинулись в долину. Из-за того что дорога тут поворачивала, в деревню они въезжали с юго-запада. Древний тракт продолжался на северо-восточной окраине селения. Странно, что такая широкая дорога, пусть совсем старая и разбитая, проходила мимо подобной деревушки. Мастер Ройделле заявил, что тракт приведет отряд прямиком в Андор. Для большака дорога была слишком ухабистой и вдобавок больше не вела в сторону крупных городов, так что ее забросили и позабыли. Впрочем, Мэт только благодарил свою удачу за то, что отыскался хоть такой путь. На главных дорогах, ведущих в Муранди, теперь, наверно, от шончан тесно.

Если верить картам Ройделле, то в Хиндерстапе занимались изготовлением козьего сыра, который наряду с бараниной продавали в окрестные городки и поместья. Наверняка жители деревни к чужестранцам привычны. И действительно,

несколько мальчишек, едва завидев Тома в плаще менестреля, бросились прочь с полей. Том явно послужил причиной переполоха, но в появлении менестреля ничего необычного они не увидели. Пожалуй, Айз Седай местные жители запомнят надолго.

«Что ж, замечательно», — подумал Мэт, скача вместе с Талманесом по дороге, обочины которой поросли травой. Надо оставаться в хорошем расположении духа; на этот раз он не позволит Айз Седай испортить ему настроение.

Когда Мэт с Талманесом въехали в деревню, вокруг Тома уже успела собраться небольшая толпа. Он стоял в седле и, правой рукой жонглируя тремя разноцветными шариками, рассказывал о своих странствиях на юге. На жителях деревни были жилеты и зеленые плащи из какой-то плотной бархатистой ткани. Выглядела одежда вполне теплой, хотя, присмотревшись повнимательнее, Мэт заметил, что у многих плащи, жилеты и штаны были в разных местах порваны и потом тщательно заштопаны.

Еще одна группа, в основном состоящая из женщин, собралась возле Айз Седай. Отлично. Мэт-то думал, что жители испугаются.

Один из поселян стоял в стороне от обступив-

шей менестреля толпы и оценивающе разглядывал Мэта и Талманеса. То был крепкий мужчина с сильными руками, в льняной рубахе с рукавами, закатанными до локтей, несмотря на прохладный весенний ветерок. Руки у него поросли черным курчавым волосом, одного цвета с бородой и волосами на голове.

— Ты похож на лорда, — заявил мужчина, подойдя к Мэту.

— Вообще-то, он пр… — начал было Талманес, но Мэт поспешил перебить своего спутника.

— Так и есть, по-моему, — ответил черноволосому Мэт, покосившись на Талманеса.

— Я — Барлден, здешний мэр, — сообщил мужчина, складывая руки на груди. — Добро пожаловать, и можете здесь вести торговлю. Но знайте, что для продажи у нас мало что есть.

— Ну, сыр-то у вас наверняка найдется, — сказал Талманес. — Вы же его тут изготавливаете?

— Весь сыр, что не заплесневел и не испортился, предназначен для постоянных покупателей, — ответил мэр Барлден. — Такая вот жизнь, в нынешнее время. Но, — добавил он, чуть замявшись, — если у вас есть одежда или ткани на продажу, может, мы и наскребем что-нибудь, чтобы день вас кормить.

«День нас кормить? — подумал Мэт. — Всех — одиннадцать человек?» А Мэту нужно получить целую телегу еды, не говоря уж об эле, который он пообещал своим солдатам.

— Вам все равно надо знать о запретном времени. Торгуйте, грейтесь у очагов, но помните — к ночи все чужаки должны покинуть городок.

— Но осталось меньше трех часов! — воскликнул Мэт, глянув на затянутое тучами небо.

— Такой у нас порядок, — отрезал Барлден.

— Что за нелепость, — вмешалась Джолин, отвернувшись от жительниц деревни. Она подъехала верхом поближе к Мэту с Талманесом, а ее Стражи, как всегда, тенями следовали за ней. — Мастер Барлден, мы не можем принять этот глупый запрет. Я понимаю ваши опасения и сомнения в эти тревожные времена, но вы должны понять, что ваши правила в данном случае неприменимы.

Мэр, ни слова не говоря в ответ, продолжал стоять со сложенными на груди руками.

Джолин поджала губы и перехватила поводья так, чтобы хорошо было видно ее кольцо в виде Великого Змея.

— Неужели символ Белой Башни в нынешнее время ничего не значит?

— Белую Башню мы уважаем, — ответил Барлден. Он глядел на Мэта. Да, весьма разумный мужчина. Встретившись взглядом с Айз Седай, любой мог дать слабину и отступиться от своего. — Но правила наши строги, миледи. Уж простите.

— Полагаю, — фыркнула Джолин, — хозяева здешних постоялых дворов не слишком рады таким требованиям. Как они сводят концы с концами, если не сдают комнаты путникам?

— Постоялым дворам полагается возмещение, — угрюмо проворчал мэр. — Три часа. Делайте свои дела и езжайте своей дорогой. Мы рады всем, кто проезжает через наш городок, но наши правила нарушать не позволим.

С этими словами Барлден развернулся и ушел прочь. По пути к нему присоединилось несколько крепких поселян, некоторые держали в руках топоры. Вид у них был не слишком грозный. Как будто они ходили рубить лес, а теперь — вот так случилось — идут по улице городка. Все вместе. И в ту же сторону, куда направился мэр.

— По мне, так вполне гостеприимно, — пробормотал Талманес.

Мэт кивнул. В это мгновение у него в голове со стуком принялись катиться игральные кости.

«Чтоб им сгореть!» Мэт решил не обращать на катящиеся кости внимания. От них все равно никогда не было проку.

— Давай найдем какую-нибудь таверну, — сказал он, ударом каблуков посылая Типуна вперед.

— Все еще надеешься провести веселую ночку? — с улыбкой спросил Талманес, следуя за Мэтом.

— Почему бы и нет, — произнес Мэт, против своей воли прислушиваясь к стуку игральных костей у себя в голове. — Там видно будет.

Пока они скакали по деревне, Мэт заметил три гостиницы. Одна находилась в конце главной деревенской улицы, у входа горело два фонаря, хоть ночь еще и не наступила. Эти побеленные стены и окна с начисто вымытыми стеклами привлекут Айз Седай, как мотыльков — пламя. Скорее всего, эта гостиница предназначалась для едущих по торговым делам купцов и сановников, которым не посчастливилось оказаться среди этих холмов.

Но теперь чужаки не могли остаться на ночь. Сколько же времени действует этот запрет? На какие деньги содержат гостиницы и постоялые дворы? Да, там могут предложить горячую ванну и вкусную трапезу, но если не сдавать комнаты…

Мэт не поверил мэру, когда тот заметил, что постоялым дворам выплачивается «возмещение». Зачем им платить, если от них для деревни нет никакого толку? Очень странно.

Так или иначе, Мэт проехал мимо симпатичной гостиницы, равно как и не стал сворачивать к постоялому двору, на который пал выбор Тома. Тот располагался хоть и не на главной улице, но тоже на широкой, что пролегала северо-восточнее. Постоялый двор явно был рассчитан на посетителей среднего достатка, респектабельных мужчин и женщин, которые не желают тратить больше необходимого. Здание было ухоженным; постели наверняка мягкие и чистые, а еда неплохая. Вероятно, туда заходили промочить горло и местные жители, решившие вырваться из-под неусыпного присмотра своих женушек.

Последний постоялый двор отыскать было бы непросто, не знай Мэт, где нужно искать. Находился тот всего через три улицы от центра, в дальнем западном углу деревни. Вывески при входе не было, лишь в одном из окон маячила доска с вырезанным изображением существа, напоминавшего пьяную лошадь. Стекла в окнах отсутствовали.

Изнутри исходил свет и доносился смех. Боль-

шинство чужаков сочли бы тревожным знаком отсутствие у дверей гостиницы приглашающей вывески и уличных фонарей. На деле заведение больше походило на таверну, чем на постоялый двор; Мэт предполагал, что в лучшем случае там отыщется разве что пара-тройка соломенных тюфяков в задней комнатушке, которую сдают за медяк. Сюда приходил отдохнуть и развеяться местный рабочий люд, который с наступлением вечера уже начал собираться. Самое подходящее место для того, чтобы посидеть в хорошей компании и расслабиться, выкурить вместе с друзьями трубочку табака. И еще чтобы сыграть в кости.

Мэт улыбнулся, спрыгнул с коня и привязал Типуна к столбу у входа.

— Наверняка выпивку водой разбавляют, — вздохнул Талманес.

— Значит, придется заказать в два раза больше, — рассудил Мэт, отвязав несколько мешочков с монетами от седла и спрятав их в карманы кафтана.

Знаком он велел солдатам оставаться на улице и стеречь лошадей. Вьючная лошадь везла денежный сундучок. То были личные сбережения Мэта: в азартной игре он не стал бы рисковать жалованьем Отряда.

— Тогда ладно, — заметил Талманес. — Но я хочу быть уверен, что, добравшись до Четырех Королей, мы отправимся в стоящую таверну. Мне еще надо тебя кое-чему обучить, Мэт. Ты теперь принц. А принц должен…

Мэт поднял руку, прерывая речи Талманеса. И указал на столб. Снова вздохнув, Талманес соскользнул с седла и привязал лошадь. Подойдя к двери таверны, Мэт сделал глубокий вдох и шагнул через порог.

Вокруг столов сгрудился народ, их плащи висели на спинках стульев и вешалках, продырявленные и зашитые жилеты у всех были расстегнуты, рукава рубах — закатаны. Почему же у всех местных одежда, некогда такая нарядная, теперь вся в латках и штопках? У них же здесь полно овец, и в шерсти никакого недостатка наверняка нет.

Мэт решил не обращать внимания на эту странность. Мужчины, сидя за липкими столами, играли в кости, попивали эль из кружек и шлепали по задницам проходивших мимо служанок. Те выглядели измученными, у многих от усталости закрывались глаза. Вполне ожидаемо под конец целого дня работы. Несмотря ни на что, в зале висел неутихающий гомон: голоса перекрывали друг друга, отовсюду доносились приглушенные

разговоры и невнятное бормотание. Несколько человек подняли взгляды на вошедшего Мэта, кое-кто нахмурился, заметив его богатую одежку, но большинство посетителей не обратили на молодого человека ни малейшего внимания.

Без всякой охоты Талманес последовал за Мэтом, хотя он и не относился к тем знатным господам, которым претит оказаться бок о бок с людьми, занимающими более низкое положение. В свое время он частенько бывал в самых разных тавернах, хотя и жаловался непрестанно на выбор Мэтом злачных мест. И теперь вслед за Мэтом Талманес быстро подхватил стул и придвинул его к столу, где уже сидело несколько мужчин. Широко улыбнувшись, Мэт кинул сверкнувшую золотом монету проходящей служанке и потребовал выпивки. Вот это наверняка привлечет внимание окружающих, как тех, кто сидел за столом, так и Талманеса.

— Что ты творишь, — прошипел Талманес, наклонясь к Мэту. — Хочешь, чтобы нам глотки перерезали, едва мы вывалимся отсюда?

Мэт лишь ухмыльнулся в ответ. За соседним столом вовсю шла игра в кости. Похоже, в «кошачью лапу» — во всяком случае, так называлась эта игра в ту ночь, когда Мэта научили в нее играть.

В Эбу Дар такая разновидность игры называлась «Третий самоцвет», а в Кайриэне, насколько он слышал, — «Перья в воздухе». Идеальный вариант игры, принимая во внимание то, что надо было Мэту. Кости в игре бросал лишь один игрок, а собравшиеся толпой зрители делали ставки на броски игрока или против них.

Сделав глубокий вдох, Мэт пододвинул свой стул к столу и припечатал золотую крону к деревянной столешнице, точнехонько в центр оставленного кружкой с элем влажного кольца. Кружку сейчас держал в руке коротышка, успевший растерять большую часть своих мышиного цвета волос. Впрочем, оставшиеся волосы свисали у него даже ниже воротника. Коротышка едва не поперхнулся элем.

— Не против, если я сделаю бросок? — осведомился Мэт у сидевших за столом.

— Э-э… Не знаю, можем ли мы ответить подходящей ставкой, — произнес мужчина с короткой черной бородкой. — М'лорд, — добавил он запоздало.

— Мое золото против вашего серебра, — беспечно заявил Мэт. — Я уже лет сто не играл в кости.

Талманес, заинтересовавшись, тоже придвинул стул. Он и прежде видел, как Мэт проделывает

такое — ставит золотые монеты, а выигрывает серебряные. Удача Мэта возмещала разницу, и он всегда оказывался в выигрыше. Иногда Мэт выигрывал, даже поставив золото против медяков. Много денег так не выиграешь. Только вот проходило немало времени, прежде чем у играющих либо кончались деньги, либо они решали прекратить игру. А Мэт оставался с пригоршней серебра, а бросать кости было уже не с кем.

Так не пойдет. У армии есть куча денег. Им же нужны съестные припасы, так что пора испробовать что-то другое. Несколько завсегдатаев таверны поставили серебряные монеты. Мэт встряхнул кости в руках и бросил. К всеобщей радости, на одном кубике выпала единица, на другом двойка. Верное поражение.

Талманес моргнул, а сидевшие вкруг стола мужчины уставились на Мэта, явно раздосадованные — словно бы в замешательстве оттого, что сделали ставку против лордика, который явно не собирался проигрывать. Так и до неприятностей недалеко.

— Гляди-ка, — произнес Мэт. — Похоже, вы выиграли. Деньги ваши.

И он катнул золотую крону на середину стола, чтобы его проигрыш, согласно правилам, подели-

ли между собой те, кто ставил против него.

— Может, еще разок? — спросил Мэт, шлепнув на стол еще две золотые кроны.

На сей раз желающих принять участие в игре стало больше. И снова Мэт бросил и проиграл, а Талманес чуть не затрясся от удушья. Мэту и прежде доводилось проигрывать броски даже ему — такое случалось. Но чтобы дважды подряд?

Откатив на середину еще две золотые кроны, Мэт вытащил четыре монеты. Талманес положил руку ему на локоть.

— Не обижайся, Мэт, — тихо проговорил он. — Но может, стоит остановиться? У каждого бывает неудачный день. Давай допьем и, пока не настала ночь, отправимся покупать припасы.

Мэт лишь улыбнулся и поглядел на кучу серебра, поставленного против его золотого. Ему пришлось доложить пятую монету, так как очень многие захотели войти в игру. Не обратив внимания на Талманеса, он снова бросил и снова проиграл. Талманес застонал, затем протянул руку, выхватив кружку у служанки, которая наконец-то явилась с заказом Мэта.

— Не будь таким мрачным, — тихо произнес Мэт, взвесил в руке кошель с деньгами и потянулся за своей кружкой. — Именно этого я и

добивался.

Вскинув бровь, Талманес опустил кружку.

— Я могу и проигрывать, если того хочу, а сейчас лучше так, — сказал Мэт.

— Как это, проигрыш лучше? — спросил Талманес, косясь на игроков, заспоривших, как им поделить золото Мэта.

— Погоди, — сказал Мэт и отхлебнул эля.

Как и опасался Талманес, выпивка оказалась заметно разбавленной. Мэт опять развернулся к столу, отсчитывая еще несколько золотых монет.

Время шло, и все больше и больше людей собиралось вокруг стола. Мэт выиграл несколько партий — точно так же, как он намеренно проигрывал порой в богатую победами ночь, — чтобы не вызывать подозрений в своей неудачной полосе. Однако понемногу монеты из его кошелей одна за другой переходили в руки игроков, ставивших против него. Вскоре все в таверне примолкли, мужчины сгрудились вокруг Мэта в ожидании своей очереди поставить против него. Сыновья и приятели побежали за отцами и братьями, чтобы притащить их в «Захмелевшего мерина» — так назывался постоялый двор.

Наконец, в перерыве между бросками, пока Мэт дожидался очередной кружки эля, Талманес

отвел его в сторонку.

— Мне это не нравится, Мэт, — сказал жилистый Талманес, понизив голос и поближе склонившись к нему. Капельки пота прочертили дорожки на припудренном бритом лбе Талманеса, и он, с силой проведя ладонью, стер остатки пудры с головы.

— Я же тебе сказал, — ответил Мэт, отхлебнув разбавленного эля. — Я знаю, что делаю.

Рядом одобрительно загомонили и зашумели выпивохи — это один из них осушил подряд три кружки, одну за другой. Пахло потом и мутным элем, пролитым на деревянный пол и втоптанным в него сапогами пастухов, вернувшихся с пастбищ.

— Я не об этом, — сказал Талманес, поглядывая на веселящийся вокруг народ. — Швыряйся своими деньгами, сколько хочешь, главное — не забывай мне вовремя выпивку покупать. Не об этом я беспокоюсь, нет.

— А в чем дело? — нахмурился Мэт.

— Что-то не так с этими людьми, Мэт. — Талманес говорил очень тихо, поглядывая через плечо. — Пока ты играл, я потолковал с ними. Их совершенно не волнует, что творится в мире вокруг. Ни Дракон Возрожденный, ни шончан

— вообще ничего. Совсем наплевать.

— И что? — удивился Мэт. — Они ж простые люди.

— Простым-то людям и беспокоиться стоит больше других, — сказал Талманес. — Они здесь зажаты, как в ловушке, между двумя готовящимися к битве армиями. Но эти… Когда я заговариваю с ними, они просто пожимают плечами и дальше хлещут свое пойло. Такое чувство, будто они… Будто их заботит только их пирушка, а больше — ничего. Как будто для них одно лишь важно — напиться и повеселиться.

— Выходит, они поистине люди, — заключил Мэт.

— Скоро стемнеет, — продолжил Талманес, глянув в окно. — У нас есть час или чуть больше. Может, нам стоит…

В это мгновение дверь постоялого двора с грохотом распахнулась, и внутрь шагнул рослый мэр. Его сопровождали те самые мужчины, что присоединились к нему раньше, только на сей раз без топоров. Судя по лицам, им не понравилось то, что они увидели: как полдеревни сбежалось в таверну играть с Мэтом.

— Мэт… — снова начал Талманес.

Мэт, подняв руку, остановил его.

— Этого-то мы и ждали.

— Неужто? — удивился Талманес.

Улыбаясь, Мэт вернулся к игровому столу. Бóльшая часть кошелей с монетами уже опустела, но денег ему еще хватало на несколько бросков, если, разумеется, не брать в расчет привезенный с собой денежный сундучок. Мэт взял кубики, отсчитал несколько золотых крон, и столпившиеся вокруг люди начали бросать свои монеты, многие из которых были теперь золотыми — те, что были выиграны у Мэта.

Мэт бросил кости и проиграл, отчего зрители взволнованно взревели. У Барлдена был такой вид, словно ему хочется выкинуть Мэта прочь — уже и в самом деле было поздно, и захода солнца ждать оставалось недолго, — однако мэр стоял в нерешительности, глядя, как Мэт выгребает еще одну пригоршню золотых монет. Жадность снедала всех, так что самые строгие «правила» вполне можно обойти, коли благоприятная возможность сама плывет в руки, да еще завлекающе подмигивает.

Мэт вновь бросил кости и вновь проиграл. Толпа снова взревела. Мэр скрестил руки на груди.

Когда Мэт полез в кошель, там оказалось пусто. Окружавшие его игроки выглядели удрученны-

ми, и кто-то из них крикнул, чтобы всем принесли выпить, дабы «помочь несчастному молодому лорду позабыть о своем невезении».

«Ну, проклятье, это вряд ли», — подумал Мэт, пряча улыбку. Он встал, поднимая руки, и заявил:

— Похоже, поздно уже.

— Даже очень поздно, — вмешался Барлден, отпихнув от себя в сторону козопасов, от которых сильно воняло. Или так противно пахли их плащи с меховыми воротниками? — Тебе пора уходить, чужеземец. Только не думай, что я заставлю этих людей вернуть тебе то, что ты проиграл в честной игре.

— Даже и не мечтаю, — промолвил Мэт, несколько неотчетливо произнося слова. — Эй, Гарнан! Деларн! — крикнул он. — Принесите сундук!

Через полминуты двое солдат, остававшихся с лошадьми, вошли в таверну, неся небольшой деревянный сундучок, снятый с вьючной лошади. Все в таверне умолкли, глядя, как один из солдат поставил его на стол. Чуть покачиваясь, Мэт выудил ключ, отпер сундучок и откинул крышку. Взорам столпившихся в таверне открылось его содержимое.

Золото. Много золота. Почти все, что у Мэта оставалось от личных накоплений.

— Пора бросить еще разок, — провозгласил Мэт на весь зал, замерший в ошеломленном молчании. — Ставки будут?

Люди принялись бросать на стол монеты до тех пор, пока не выросла целая груда, где была большая часть проигранных Мэтом денег. Куча монет на столе ни в какое сравнение не шла с тем, что лежало в сундучке. Мэт, окинув взглядом выложенную ставку, постучал себя пальцем по подбородку.

— Друзья мои, этого совсем не хватит. Я готов принять неравную ставку, но если мне сегодня остался всего один бросок, я хочу, чтобы у меня был шанс выйти отсюда хоть с какой-то выгодой для себя.

— Это все, что у нас есть, — прозвучал чей-то голос в хоре призывов, убеждавших Мэта не выходить из игры и в любом случае сделать бросок.

Вздохнув, Мэт захлопнул крышку сундучка и громко сказал:

— Нет.

В тот момент даже у Барлдена загорелись глаза.

— И все же, — произнес Мэт и, выдержав паузу,

продолжил: — Я приехал сюда за припасами. Думаю, я могу согласиться на обмен. Оставьте себе деньги, что вы выиграли, а я поставлю этот сундук против припасов. Съестное для моих людей, несколько бочонков эля. И повозка, чтобы это увезти.

— Времени не хватит, — заметил Барлден, глянув на сгущавшиеся за окном сумерки.

— Наверняка хватит, — ответил Мэт, подавшись вперед. — Делаю этот бросок — и ухожу. Даю вам слово.

— Мы здесь правил не нарушаем, — сказал мэр. — Слишком высока цена.

Мэт рассчитывал, что готовые сделать ставки мужчины примутся громко протестовать, накинутся на мэра, упрашивая сделать исключение. Но ничего подобного не случилось. Мэт вдруг ощутил холодный укол страха. Если после такого проигрыша… если его все равно выкинут за порог…

В отчаянии он снова открыл сундучок, демонстрируя блеск золотых монет.

— Я дам вам эля, — вдруг сказал хозяин постоялого двора. — Эй, Мардри! Ты живешь на соседней улице. У тебя же есть фургон и упряжка.

— Да, — ответил Мардри — широколицый

мужчина с короткими черными волосами. — Ставлю ее!

Люди принялись кричать, что могут поставить съестное — кто предлагал зерно из кладовых, другие — картошку из погребов. Мэт посмотрел на мэра.

— Сколько до ночи осталось? С полчаса? Почему бы не посмотреть, что они насоберут? Коли я проиграю, кое-что достанется и деревенским амбарам. Бьюсь об заклад, вы найдете, на что потратить лишние монеты, — после такой-то зимы.

Барлден замер в нерешительности, затем кивнул, не отрывая взгляда от денежного сундучка.

Несколько человек с криками и топотом бросились бегом за фургоном, другие принялись выкатывать бочонки с элем. Многие вприпрыжку помчались по домам и на деревенский склад. Мэт проводил их взглядом; общая зала таверны быстро опустела.

— Догадываюсь, что вы делаете, — сказал мэр, обращаясь к Мэту.

Он и не думал куда-то спешить.

Повернувшись к мэру, Мэт вопросительно взглянул на него.

— Я не позволю вам надуть нас своим чудесным

выигрышем под конец вечера, — проговорил Барлден, скрестив руки. — Играть будете моими костями. И когда станете их бросать, будете делать это аккуратно и медленно. Говорят, вы тут много игр проиграли, но, полагаю, если мы вас обыщем, то парочку-другую костей найдем. Закатились куда-нибудь за подкладку.

— Да пожалуйста, обыскивайте, — предложил Мэт, поднимая руки в стороны.

Барлден замешкался.

— Разумеется, вы их уже выкинули, — наконец вымолвил он. — Хитро придумано, вырядиться лордом и использовать шулерские кости, чтобы проигрывать, а не выигрывать. Ни разу не слыхал о наглеце, который, играя жульническими костями, стал бы вот так разбрасываться золотом.

— Если вы так уверены, что я плутую, — спросил Мэт, — зачем тогда согласились на этот бросок?

— Потому что знаю, как остановить вас, — отозвался мэр. — Как я и сказал, бросать будете мои кости.

Он поколебался мгновение и, улыбнувшись, взял со стола пару кубиков, которыми играл Мэт. Бросил их. Выпали единица и двойка. Мэр снова бросил кости — с тем же результатом.

— Еще лучше. — Улыбка мэра стала шире, и он

промолвил: — Сыграете этими. А давайте-ка… Я брошу кости за вас.

В тусклом свете лицо Барлдена приобретало зловещее выражение.

Мэт испытал приступ паники.

— Хватит, Мэт, — вмешался Талманес, схватив Мэта за локоть. — Думаю, нам пора уходить.

Мэт высвободил руку. Сработает ли его удача, если игральные кости кинет кто-то другой? Иногда в бою удача уберегала его от ранения. Он был в этом совершенно уверен. Или же нет?

— Валяйте, — сказал Мэт Барлдену.

Казалось, мэр был поражен.

— Можете сделать бросок, — сказал Мэт. — Но будет считаться так, как будто кости бросал я. Выиграете — я ухожу со всем добром. Проиграете — я забираю шляпу и лошадь и убираюсь восвояси, а вам достается этот проклятый сундучок. Согласны?

— Согласен.

Мэт протянул было руку, чтобы скрепить уговор рукопожатием, но мэр отвернулся, сжав кубики в кулаке.

— Нет, — бросил он. — Я не дам вам подменить кости, путник. Ступайте наружу и ждите там. И близко ко мне не подходите.

Они сделали так, как велел мэр, — вышли из душной вонючей таверны на свежий воздух. Солдаты Мэта вынесли сундучок. Барлден потребовал, чтобы сундучок, дабы его не подменили, оставили открытым. Один из его громил с любопытством сунул руку в монеты, позвенел ими, потом попробовал несколько монет на зуб, удостоверившись, что они настоящие и полновесны. Мэт ждал, прислонившись к двери и глядя на то, как подъехала телега и селяне начали грузить на нее бочки с элем.

От солнца, скрытого проклятыми облаками, осталась лишь светлая дымка на горизонте. Мэт, поглядев на мэра, заметил, что тот становится все беспокойнее. Кровь и кровавый пепел, этот малый крепко держится за свои правила! Ну что ж, Мэт ему покажет, он всем им покажет. Покажет им…

А что он покажет? Что его невозможно одолеть? И что это докажет? Мэт ждал, а телега постепенно все больше наполнялась провизией, и он почему-то начал испытывать странное чувство вины.

«Я же не делаю ничего плохого, — подумал Мэт. — Мне нужно накормить своих людей. Эти парни делают честные ставки, и я тоже. Никаких шулерских костей. Все без обмана».

За исключением его удачливости. Ну везет ему, что тут поделать: у любого человека, и у него в том числе, есть свое везение. Некоторые рождаются с музыкальным даром и становятся придворными бардами или менестрелями. Кто станет им завидовать за то, что они зарабатывают, используя полученный от Создателя дар? Мэт наделен удачливостью, вот и пользуется ею. Ничего плохого в этом нет.

Тем не менее, глядя на людей, возвращавшихся на постоялый двор, Мэт начал понимать, о чем толковал Талманес. Казалось, селяне находятся на грани отчаяния. Неужели они охвачены нездоровой тягой к азартным играм? Почему делают безрассудно смелые ставки? Что такое заметно у них в глазах — то, что Мэт по ошибке принял за усталость? Они пили, чтобы отметить окончание дня, или напивались, чтобы избавиться от затравленности во взглядах?

— Возможно, ты и прав, — сказал Мэт Талманесу, следившему за солнцем почти с тем же беспокойством, что и мэр.

Последний свет солнца еще касался островерхих крыш домов, окрашивая в темно-оранжевый цвет желто-коричневую черепицу. За облаками закатное солнце горело ярко.

— Значит, уходим? — спросил Талманес.

— Нет, — ответил Мэт. — Остаемся.

И кости у него в голове прекратили греметь и катиться. Это было так неожиданно, тишина настала так внезапно, что Мэт застыл на месте. Одного этого было достаточно, чтобы заставить Мэта подумать, что он принял неверное решение.

— Чтоб мне сгореть, мы остаемся, — повторил он. — Никогда раньше я не забирал сделанную ставку, не намерен и сейчас.

Прискакали несколько верховых, на лошадях были навьючены мешки с зерном. Поразительно, как маленькая монетка способна пробудить в человеке желание действовать. Еще не все всадники успели прибыть, как вдруг к постоялому двору прибежал какой-то мальчишка. Бросившись к мэру, он потянул Барлдена за полу фиолетового жилета. Спереди жилет у мэра, не раз порезанный и продырявленный, был сплошь залатан и заштопан.

— Мэр, — проговорил мальчуган, — матушка говорит, что чужеземки до сих пор еще ванну принимают. Она и так их торопит, и этак, но…

Мэр напрягся, сердито посмотрел на Мэта.

Хмыкнув, Мэт сказал:

— Не думайте, что я могу хоть как-то поторопить эту компашку. Если б даже я их попросил поспешить, они наверняка уперлись бы, как мулы, и копались бы раза в два дольше. Проклятье, пусть с ними кто-нибудь другой разбирается.

Талманес продолжал наблюдать за удлиняющимися тенями на дороге.

— Чтоб мне сгореть, Мэт, — пробормотал он. — Если те призраки вновь начнут появляться…

— Тут что-то другое, — промолвил Мэт, глядя, как вновь прибывшие всадники бросают мешки с зерном в фургон. — Чувствуется иначе.

Фургон уже был загружен съестными припасами; неплохой улов, учитывая то, какого размера деревня. Именно это требовалось Отряду и было достаточно для того, чтобы подстегнуть солдат и кормить их до тех пор, пока они не доберутся до следующего городка. Конечно, вся эта провизия не стоила сундучка золота, но в таверне Мэт проиграл примерно столько же, сколько заплатил бы за этот фургон с едой, особенно если принять в расчет стоимость самой повозки и ломовых лошадей. А лошади были хороши — крепкие и справные, да и заботились о них добросовестно, судя по состоянию шкуры и копыт.

Мэт открыл было рот, собираясь сказать «доста-

точно», но промолчал, увидев, что мэра окружило несколько человек и он о чем-то с ними говорит. Эти шестеро все были в серо-коричневых драных жилетах и с нечесаными темными волосами. Один из них указывал на Мэта, держа в руке нечто похожее на лист бумаги. Барлден замотал головой, но человек с бумагой зажестикулировал еще настойчивее.

— Та-ак, — протянул Мэт. — Это еще что?

— Мэт, солнце… — промолвил Талманес.

Решительным жестом мэр отослал прочь от себя оборванную шестерку, и те бочком-бочком удалились. Мужчины, притащившие мешки с провизией, толпились теперь на погружающейся в сумрак улице, стараясь держаться ближе к ее середине. Большинство из них смотрели на горизонт.

— Мэр! — окликнул его Мэт. — Хватит. Давайте бросайте!

Барлден помешкал, глядя на него, потом посмотрел на кости у себя в руке — так, словно совсем позабыл о них. Люди вокруг него беспокойно закивали, и мэр поднял кулак, встряхивая кубики. Он посмотрел через улицу и, встретившись взглядом с Мэтом, бросил игральные кости на землю перед собой. Стук катящихся костей

показался Мэту слишком громким — все равно что грохот далекого грома или хруст ломающихся друг о друга костей.

Мэт затаил дыхание. Уже довольно давно ему не приходилось переживать по поводу броска игральных костей. Он подался вперед, глядя на перекатывающиеся по земле белые кубики. Что случается с хваленой удачей Мэта, если кто-то другой делает ход за него?

Кости остановились. Пара четверок. Несомненный выигрышный бросок. Мэт глубоко и с облегчением вздохнул, хотя и почувствовал, как по виску стекла капелька пота.

— Мэт, — тихо произнес Талманес, заставив его поднять взгляд.

Стоявшие на улице люди довольными отнюдь не казались. Кое-кто разразился радостными восклицаниями, но приятели тут же объяснили им, что выигрышный бросок мэра означает, что приз достанется Мэту. Напряжение в толпе нарастало. Мэт встретился взглядом с Барлденом.

— Уходите, — недовольно бросил здоровяк, резко взмахнув рукой в сторону Мэта и тут же отвернувшись. — Забирайте свою добычу и убирайтесь отсюда. И больше не возвращайтесь.

— Что ж, — ответил Мэт, расслабившись. — От

всей души благодарю за игру. Мы…

— Прочь! — взревел мэр.

Взглянув на последние полоски света на горизонте, он выругался и взмахом руки приказал всем зайти в «Захмелевшего мерина». Кое-кто задержался, поглядывая на Мэта с потрясением и враждебностью, но вскоре и они, подгоняемые настойчивым и суровым тоном мэра, зашли внутрь постоялого двора под низенькой крышей. Мэр захлопнул дверь, и Мэт, Талманес да пара солдат остались одни на опустевшей улице.

Повисшая внезапно тишина показалась зловещей. На улице не было больше ни одного жителя деревни. Ну хоть какой-то шум должен же доноситься из таверны! Звон кружек, разговоры о проигранной ставке?

— Что ж, — сказал Мэт, и голос его эхом разнесся среди безмолвных домов, — думаю, на этом все. — Он подошел к Типуну и погладил, успокаивая, коня, который уже принялся нервно переступать копытами. — Видишь, Талманес, я же говорил. Беспокоиться не о чем.

И тут раздался первый вопль.

Глава 28
Ночь в Хиндерстапе

Чтоб тебе сгореть, Мэт! — выкрикнул Талманес, выдергивая меч из живота судорожно дернувшегося селянина. А ведь Талманес почти никогда не ругался. — Чтоб тебе дважды сгореть, а потом и еще!

— Кому? Мне? — огрызнулся Мэт, разворачиваясь и сверкая ашандареем, которым он только что ловко подрезал поджилки двум жителям деревни. Оба в ярко-зеленых жилетах, они как подкошенные рухнули наземь, на утоптанную немощеную улицу. Глаза их округлились от ярости, они злобно рычали, брызгая слюной. — Мне? Талманес, это ж не я хочу убить тебя. Вон их вини!

— Они велели нам уйти! — бросил Талманес, с трудом забравшись в седло.

— Ну да, — ответил Мэт, хватая Типуна за уздечку и оттаскивая подальше от «Захмелевшего мерина». — И вот теперь хотят нас убить. Не стоит винить меня за их нелюбезность!

Повсюду в деревне раздавались крики, вопли

и визги. Кто-то был разъярен, кто-то напуган, кто-то уже бился в агонии.

Еще больше людей выбегало из таверны, все рычали и орали, каждый был готов убить любого, кто окажется рядом. Некоторые устремились к Мэту, Талманесу и «краснорукими». Но многие сразу нападали на соседей, пальцами впивались в кожу, ногтями раздирали лица. Дрались они неумеючи, и лишь немногим пришло в голову вооружиться камнем, кружкой или какой-нибудь деревяшкой подлиннее.

То было нечто большее, чем заурядная кабацкая драка. Люди изо всех сил старались убить друг друга. На улице уже валялось с полдюжины полумертвых тел или умирающих, и, насколько Мэту удалось увидеть через окна, в общей зале постоялого двора битва шла не менее жестокая.

Мэт старался держаться поближе к фургону с провизией, Типун, цокая копытами, не отходил от хозяина. Сундучок с золотом так и стоял на земле. Дерущиеся не обращали никакого внимания ни на съестные припасы, ни на деньги, видя, словно в шорах, только друг друга.

Талманес, равно как и Гарнан с Деларном — те двое солдат, — пятился от таверны вслед за Мэтом, уводя за собой своих лошадей. Группа

беснующихся мужчин вскоре накинулась на тех двоих селян, которых покалечил Мэт: их били и били головами об землю, пока те не замерли. Затем их убийцы подняли взоры на Мэта и его людей. Жажда крови туманила их глаза. Никак не верилось, что столь озверелые выражения появились на этих чисто умытых лицах, на лицах мужчин с аккуратно расчесанными волосами и в опрятной одежде.

— Кровь и проклятый пепел! — воскликнул Мэт, вскочив в седло. — По коням!

Гарнана и Деларна уговаривать не пришлось. С проклятьями они вложили мечи в ножны и запрыгнули на лошадей. Толпа местных жителей ринулась было вперед, но Мэт и Талманес отразили нападение. Мэт старался лишь ранить противников, однако поселяне оказались на удивление сильны и проворны, так что Мэту пришлось сражаться всерьез, лишь бы его не стащили с седла. Кляня все на свете, он вынужден был наносить смертельные удары и двоих с размаху ранил в шею. Типун лягнул одного и свалил его наземь, угодив несчастному копытом в голову. Через пару мгновений в драку вступили Гарнан с Деларном.

Жители деревни не отступали. Они продолжа-

ли неистово драться, пока не полегла вся группа из восьми человек. Солдаты Мэта сражались с круглыми от ужаса глазами, и винить их Мэт не мог. Проклятье, да самому жутко становилось при виде того, как повели себя простые селяне! Казалось, в них не осталось ничего человеческого. Вместо слов они теперь исторгали рыки, шипение и вопли, лица исказились от злобы и жажды крови. И вот уже новые деревенские обыватели — те, что не нападали на людей Мэта, — стали сбиваться в стаи, валить дубинами группки числом поменьше, рвать их ногтями и зубами. Зрелище было страшное и обескураживающее.

На глазах у Мэта из окна таверны, выбив раму, вылетело чье-то тело. Труп покатился по земле, шея была сломана. По ту сторону окна стоял Барлден, с дикими, почти нечеловеческими глазами. Он кричал что-то в ночь, а когда увидел Мэта, то в нем, казалось, сверкнул — на миг — отблеск разума. Но затем блеснувшая искорка сознания погасла, и мэр снова истошно завопил, с разбегу выпрыгнул в разбитое окно и набросился на двоих мужчин, что оказались к нему спиной.

— Уходим! — крикнул Мэт, подняв Типуна на дыбы и разворачивая коня, когда еще одна стая поселян увидела чужака.

— Золото! — крикнул Талманес.

— Да чтоб ему сгореть! — отозвался Мэт. — Выиграем еще, а эта жратва наших жизней не стоит! Вперед!

Развернув лошадей, Талманес с солдатами галопом понеслись вниз по улице, и Мэт, ударив Типуна каблуками, устремился за ними, бросив золото и фургон. Они и в самом деле не стоили их жизней — если будет возможность, назавтра Мэт приведет сюда целую армию, чтобы вернуть добро. Но для начала нужно остаться в живых.

Они проскакали немного, и на следующем углу Мэт, подняв руку, дал спутникам команду придержать коней. Он оглянулся через плечо. Жители деревни еще гнались за ними, но четверка конных, проскакав квартал галопом, оторвалась от них.

— Все равно ты виноват, — заявил Талманес.

— Я-то думал, ты любишь подраться, — заметил Мэт.

— Мне не все драки нравятся, — ответил Талманес. — Ну, на поле боя схватиться или кулаками от души в таверне помахать. Но здесь… Это безумие.

Гнавшиеся за Мэтом и его спутниками поселяне опустились на четвереньки и передвигались

теперь какими-то чудными скачками. Талманеса передернуло.

В тусклых сумерках мало что удавалось разглядеть. Солнце село, и высившиеся вокруг горы и серые тучи скрыли собой последний свет. На многих улицах стояли фонари, но зажигать их, похоже, никто не собирался.

— Мэт, нас догоняют, — заметил Талманес, держа меч наготове.

— Тут дело не в нашей ставке, — произнес Мэт, вслушиваясь в крики и вопли.

Они доносились со всех концов деревни. Где-то на боковой улице, из окна на верхнем этаже дома, сцепившись в схватке, выпали два человека. То оказались женщины: даже падая, они продолжали рвать друг друга ногтями. С тошнотворным звуком ударившись о землю, обе замерли.

— Вперед, — приказал Мэт, развернув Типуна. — Нужно найти Тома и женщин.

Четверка верховых промчалась галопом по боковой улочке, которая пересекала главную деревенскую улицу, мимо групп дерущихся в канавах мужчин и женщин. Когда на дорогу перед всадниками, спотыкаясь, шагнул какой-то толстяк с окровавленными щеками, Мэт сбил его конем. Он не хотел этого, но слишком много

людей дралось на обочинах дороги, и он не мог рисковать, объезжая несчастного дурака. Мэт заметил, что дрались даже дети — они кусали за ноги тех, кто был покрупнее, и душили ровесников.

— Весь проклятый городишко обезумел, — угрюмо пробормотал Мэт, когда четверка вылетела на главную улицу и понеслась в сторону самой приличной в Хиндерстапе гостиницы. Нужно забрать Айз Седай, а потом двинуться в восточную часть городка за Томом: его постоялый двор располагался дальше всех.

К несчастью, на главной улице дела обстояли еще хуже, чем там, откуда прискакал Мэт. К этому времени опустилась почти кромешная тьма. Вообще-то, как ему показалось, стемнело здесь как-то слишком быстро. Неестественно быстро. Дорога кишела тенями, повсюду дрались какие-то смутные фигуры, в сгущавшемся мраке раздавались вопли и хрипы. В этом сумраке сцепившиеся в драке люди иногда походили на единых существ — уродливых чудищ с дюжиной размашистых лап и сотней пастей, исторгающих крики из темноты.

Мэт погнал Типуна вперед. Делать нечего, придется прорываться через самую гущу свары.

— О Свет! — орал Талманес, когда маленький отряд галопом устремился к постоялому двору. — О Свет!

Мэт стиснул зубы и, держа копье под рукой и пригнувшись к шее Типуна, устремился в ночной кошмар. Тьму сотрясал рев, сцепившиеся тела катались по дороге. В ужасе Мэт содрогнулся, шепотом сыпля проклятия. Казалось, сама ночь старается задушить их, удавить, порождая чудовищ мрака и убийства.

Типун, равно как и прочие лошади, был хорошо обучен, и потому четыре коня неудержимо неслись по середине улицы. Мэт едва-едва не вылетел из седла, когда какие-то темные фигуры попытались схватить его за ноги и стянуть вниз. Они орали и шипели, словно легионы утопленников старались уволочь Мэта в бездну загадочного моря.

Внезапно конь Деларна, скакавшего рядом с Мэтом, встал как вкопанный: прямо перед ним выскочила плотная масса черных фигур. Мерин в испуге вскинулся на дыбы и выбросил всадника из седла.

Обернувшись на крик солдата, Мэт осадил Типуна; вопль Деларна прозвучал куда более узнаваемо и более по-человечески, чем донося-

щиеся отовсюду завывания.

— Мэт! — заорал Талманес, проносясь мимо. — Вперед! Нельзя останавливаться!

«Нет! — подумал Мэт, гоня прочь ужас. — Нет, я никого им не оставлю». Он глубоко вздохнул и, не обращая внимания на Талманеса, бросил Типуна обратно, к скоплению черных тел — туда, где упал Деларн. Пот заливал Мэту лоб, холодя кожу от ветра и быстрой скачки. Стоны, вопли и шипение, казалось, обрушились на него со всех сторон.

Мэт взревел и спрыгнул с Типуна — слишком велик был риск растоптать конем того, кого он хотел спасти. Он терпеть не мог драться в темноте, просто ненавидел. Мэт атаковал эти темные фигуры, лиц которых было не различить, лишь случайно мелькали чьи-то оскаленные зубы или безумные глаза, в которых отражались последние отсветы уходящего дня. На краткий миг Мэту вспомнилась другая ночь, когда он убил во тьме одно из порождений Тени. Вот только фигуры, с которыми он сражался, не обладали грацией мурддраала. У них не было даже ловкости троллоков.

На минуту Мэту почудилось, будто он действительно бьется с тенями, отброшенными отсветом

костра, бесформенными и неслаженными, однако смертельно опасными из-за того, что Мэт не мог предугадать их поведение. Ему едва не размозжили череп совершенно бестолково нанесенными ударами. При свете дня подобные атаки вызвали бы у него смех, но яростный натиск этой скрытой темнотой человеческой стаи — причем состоящей не только из мужчин, но и из женщин, — был сокрушителен. Нападавшим было все равно, кого они бьют, во что приходятся их удары. Волей-неволей Мэту пришлось сражаться просто для того, чтобы остаться в живых; он размахивал ашандареем, описывая им круги и опрокидывая противников наземь не реже, чем поражая их насмерть. Едва почувствовав какое-то движение во тьме, Мэт сразу наносил удар. Как, Света ради, он сумеет отыскать тут Деларна?!

Совсем рядом мелькнула тень, и Мэт тотчас же признал в ее очертаниях боевую стойку опытного мечника. «Крыса грызет зерно»? Вряд ли кому-то из деревенских жителей известны приемы владения мечом. Вот молодец!

Мэт бросился к той тени, полоснув на ходу поперек груди еще двоим, в ответ услышав сдавленный рык и страдальческий вой. На неясно видимую фигуру Деларна набросилось еще

несколько теней. Солдат рухнул, тотчас погребенный под черными телами. Мэт, не желая верить случившемуся, взревел и прыгнул через чье-то лежащее у ног тело. Приземляясь, он со всего размаху нанес широкий сметающий удар ашандареем. Кровь брызнула там, куда на фигуры из тени обрушился клинок, и кровь была лишь еще одним темным пятном. Очередного противника Мэт сбил с ног, ткнув его тупым концом копья. Нагнувшись и вытянув руку, он рывком поставил одну из фигур на ноги и услышал невнятные ругательства. То был Деларн.

— Идем, — бросил Мэт и поволок солдата к Типуну, который стоял на месте, фыркая во тьме. По-видимому, никакого внимания на животных нападающие не обращали, что было весьма удачно. Мэт дотащил спотыкавшегося Деларна до лошади и развернулся, чтобы заняться той стаей, которая неминуемо за ними увяжется. И Мэт опять затанцевал во мраке, вновь и вновь нанося удары, стараясь уйти и оторваться от черных теней и получить наконец возможность забраться в седло. Рискнув бросить взгляд через плечо, он увидел, что Деларну удалось вскарабкаться на Типуна, но солдат тут же тяжело осел на коне темной грудой. Как сильно он ранен? Он

же едва способен прямо сидеть! Кровь и проклятый пепел!

Мэт снова развернулся лицом к атакующим, широко взмахивая и вращая копьем, стараясь заставить их отступить. Но их не страшили раны, им было безразлично, насколько Мэт опасен. Они просто шли и шли на него! Окружали его. Надвигались со всех сторон. Кровь и пепел! Мэт едва успел повернуться, как заметил бросившуюся на него со спины черную тень.

Что-то сверкнуло в ночи — отразив какой-то далекий-далекий отблеск.

Темная фигура позади Мэта грузно свалилась наземь. Еще один высверк, и на сей раз упал кто-то перед Мэтом. Внезапно мимо пронеслась фигура на белом коне, и еще один нож блеснул в воздухе, сразив очередного нападавшего.

— Том! — крикнул Мэт, узнав менестреля по плащу.

— Садись на коня! — донесся в ответ голос Тома. — У меня ножи кончаются!

Новым взмахом копья Мэт уложил еще двоих поселян, затем ринулся к коню и запрыгнул в седло, доверив Тому прикрывать отступление. И в самом деле, сзади до его слуха донеслось несколько криков боли. Через несколько мгно-

вений громкий топот копыт по плотной земле возвестил о приближении лошадей. Мэт покрепче уселся в седле, видя, как скачущие к нему кони прорываются сквозь черную трясину, отбрасывая с дороги селян.

— Мэт, ну ты и придурок! — крикнул с одного из коней Талманес — едва различимый в ночи силуэт.

Мэт благодарно улыбнулся Талманесу и, развернув Типуна, подхватил Деларна, который чуть было не соскользнул со спины коня. «Красноручий» был жив, так как еще слабо шевелился, однако бок у него был весь мокрым и липким. Мэт придерживал солдата перед собой и, бросив поводья, управлял Типуном во тьме короткими и быстрыми ударами колен. Сам он не знал, как управлять конем в бою, но это знание пришло к нему с теми проклятыми воспоминаниями, вот он и выучил Типуна слушаться этих команд.

Мимо галопом пронесся Том, и Мэт повернул Типуна вслед за менестрелем, одной рукой придерживая Деларна, а второй сжимая свое копье. По бокам от него скакали Талманес и Гарнан. По коридору безумия они пробивались к гостинице в конце улицы.

— Держись, приятель, — прошептал Мэт Де-

ларну. — Потерпи. Айз Седай рядом. Они тебя подлатают.

Деларн прошептал что-то в ответ.

— Что? — переспросил Мэт, подавшись вперед.

— …И кости мы метнем, — прошептал «краснорукий», — а потом скорей на танец с Джаком-из-Теней…

— Замечательно, — пробормотал Мэт.

Впереди были какие-то огни, и, насколько понял Мэт, свет исходил из гостиницы. Может, удастся отыскать в этой треклятой деревушке хоть одно место, где мозги у людей не вывернулись наизнанку.

Но нет. Эти вспышки света Мэт узнал. Огненные шары, вспыхивающие в окнах верхнего этажа гостиницы.

— Ну что же, — заметил Талманес по левую руку Мэта, — похоже, Айз Седай еще живы. Это уже кое-что.

Перед гостиницей и у ее дверей теснились и дрались во мраке темные фигуры, изредка озаряемые вспыхивающим в окнах светом.

— Обойдем и через заднюю дверь? — предложил Том.

— Давай так, — сказал Мэт, устремляясь мимо дерущихся.

Талманес, Том и Гарнан, не растягиваясь, проскакали за Типуном почти след в след по рыхлой земле позади гостиницы. Мэт благословлял свою удачу, которая позволила им не наткнуться на яму или канаву. Кони запросто могли угодить туда копытами и переломать себе ноги, что обернулось бы настоящей бедой для всех.

Позади гостиницы было тихо, и Мэт натянул поводья, останавливая Типуна. Том спрыгнул с коня, причем проворство старого менестреля опровергало его недавние сетования на возраст. Он заглянул за угол здания, дабы убедиться в отсутствии преследователей.

— Гарнан! — сказал Мэт, указав копьем на конюшню. — Выведи для женщин лошадей и держи их наготове. Оседлай, если получится, но будь готов ехать так, коли придется. По воле Света, скакать нам недалеко, всего милю или около того. Лишь бы выехать из деревни, прочь из этого безумия.

Гарнан отсалютовал во мраке, затем, соскочив с коня, ринулся к конюшне. Мэт подождал какое-то время, чтобы удостовериться, что на него никто не прыгнет из темноты, а затем обратился к Деларну, которого по-прежнему придержал впереди себя.

— Ты еще в сознании?

— Да, Мэт, — слабо кивнул Деларн. — Но брюхо мне распороли. Я…

— Мы приведем Айз Седай, — пообещал Мэт. — Просто посиди здесь. С коня не слезай, ладно?

Деларн снова кивнул. Мэта смутила медлительность солдата и неуверенность движений, но Деларн взялся за поводья и был, казалось, полон решимости. Так что Мэт соскользнул с седла, держа наготове ашандарей.

— Мэт, — позвал его Деларн.

Мэт обернулся.

— Спасибо, что за мной вернулся.

— Не мог же я бросить своего солдата им на растерзание, — сказал Мэт с содроганием. — Одно дело — погибнуть на поле боя, но здесь, в этой темноте… Ну не мог я такого допустить. Талманес! Попробуй отыскать, чем посветить можно.

— Этим я и занят, — отозвался кайриэнец, уже возившийся возле задней двери гостиницы.

Там он нашел фонарь. Несколько ударов сталью о кремень — и тусклый огонек осветил задний двор гостиницы. Талманес поспешил задвинуть заслонку фонаря, чтобы скрыть источник света.

— За нами никто не гонится, Мэт, — сообщил подбежавший Том.

Мэт кивнул. В свете фонаря он видел Деларна: вид у того был весьма неважный. Он был ранен не только в живот — лицо изодрано, одежда порвана, один глаз распух и не открывался.

Шагнув к Типуну, Мэт вытащил носовой платок и, вытянув руку, прижал к ране на животе у солдата.

— Держи крепко. Как тебя так ранили? У них же оружия не было.

— Один вырвал у меня меч, — с хрипом произнес Деларн. — Вот разок и сумел им ловко воспользоваться.

Талманес распахнул заднюю дверь гостиницы, потом взглянул на Мэта и кивнул. Проход внутрь был свободен.

— Мы скоро вернемся, — пообещал Мэт Деларну.

Держа ашандарей слабой хваткой, он миновал несколько шагов, отделявших его от двери, и кивнул Талманесу с Томом. Все трое нырнули внутрь.

Дверь вела в кухню. Мэт окинул взглядом темное помещение, и Талманес легонько ткнул юношу локтем, указывая на несколько темных куч на полу. Узкая полоска света от фонаря выхватила двух мальчишек-поварят, лет десяти,

не старше; оба, со свернутыми шеями, валялись мертвые. Мэт отвернулся и, собрав волю в кулак, стал медленно пробираться дальше. О Свет! Всего лишь мальчишки — и теперь мертвы из-за этого безумия.

Том мрачно покачал головой, и все трое двинулись вперед. В боковом коридоре они обнаружили повара, который, рыча, молотил по голове мужчину — очевидно, хозяина гостиницы. На нем, во всяком случае, был белый передник. Он был уже мертв. Едва только Мэт и Талманес вошли в коридор, как толстый повар повернулся к ним с горящими дикой яростью глазами. Без всякого желания Мэт ударил его, заставив умолкнуть, пока своим воем тот не навел на маленький отряд других алчущих крови поселян.

— На лестнице дерутся, — сообщил Талманес, кивком указав вперед.

— Спорим, тут есть лестница для слуг, — заметил Том. — Заведение-то вполне приличное.

Разумеется, пробравшись по двум коридорам в дальнюю часть гостиницы, они обнаружили узкую шаткую лесенку, ведущую во тьму. Глубоко вздохнув, Мэт начал подниматься по ступеням, держа ашандарей наготове. Здание имело всего два этажа, а вспышки виднелись именно на вто-

ром, причем в фасадных окнах.

Взобравшись на второй этаж, они толчком открыли дверь, и в нос им ударил резкий запах горелой плоти. Обшитые деревом стены коридоров покрывал толстый слой белой краски. На полу лежал ковер каштанового цвета. Мэт кивнул Талманесу с Томом, и все — взяв поудобнее оружие — бросились с лестничной площадки в коридор.

В тот же миг в их сторону с шумом понесся огненный шар. С проклятием Мэт отшатнулся и упал спиной на Талманеса, едва увернувшись от огня. Том, со свойственной менестрелю живостью, распластался на полу, и шар пролетел над ним. Мэт же с Талманесом едва было не загремели вниз по ступеням.

— Кровавый пепел! — заорал Мэт в коридор. — Что вы там вытворяете?!

Тишина. Потом наконец раздался голос Джолин:

— Коутон?

— Растреклятье! А кто еще, по-вашему? — крикнул он в ответ.

— Не знаю! — отозвалась она. — Вы так быстро выскочили, да еще и с оружием. Хотите, чтобы вас убили?

— Мы вас спасти хотим! — выпалил Мэт.

— А что, разве нас спасать нужно? — послышался ответ.

— Ну, вы же все еще здесь, — откликнулся Мэт.

Его слова были встречены молчанием.

— О Света ради, — в конце концов воскликнула Джолин. — Выходите же наконец!

— Вы же не будете опять швырять в нас огненными шарами? — пробормотал Мэт, заходя в коридор.

За ним следовал Талманес. Том уже поднялся на ноги. Трех Айз Седай Мэт увидел в дальнем конце коридора — они стояли на верхней площадке широкой красивой лестницы. Теслин и Эдесина продолжали метать огненные шары на ступени вниз, в невидимых отсюда поселян. Волосы у них были мокрыми, платья — в беспорядке, словно бы одевались они в страшной спешке. На Джолин оказался лишь белый облегающий купальный халат; ее милое личико сохраняло безмятежность, влажные черные волосы блестели. Полы халата несколько разошлись на груди, давая возможность представить себе, что сокрыто под ними. Талманес тихонько присвистнул.

— Талманес, она не женщина, — шепотом предостерег приятеля Мэт. — Она Айз Седай. Не думай о ней как о женщине.

— Стараюсь, Мэт. Но это трудно, — ответил Талманес. А чуть погодя он добавил: — Чтоб мне сгореть.

— Не будешь осторожен, так она твое желание исполнит, — заметил Мэт, надвигая шляпу пониже на глаза. — Кстати, с полминуты назад она едва это не проделала.

Талманес вздохнул, и все трое зашагали по коридору к женщинам. Два Стража Джолин, держа оружие в руках, стояли сразу за порогом купальни. С дюжину слуг лежали в углу связанными: две молоденькие девушки — очевидно, банщицы — и несколько мужчин в жилетах и штанах. По всей видимости, платье Джолин пустили на путы, разрезав на полосы. Для этой цели шелк подходил лучше шерстяных полотенец. Возле верхней площадки лестницы, на ступенях ниже Айз Седай, Мэт с трудом разглядел груду мертвецов — павших от меча, а не от огня.

На подходившего Мэта Джолин глядела так, будто виновным в случившемся считала его. Она скрестила на груди руки, прикрывая вырез одеяния, хотя Мэт не был уверен, простое ли это совпадение или причина в том, какими глазами на нее пялился Талманес.

— Нужно уходить, — сказал Мэт женщинам. —

Весь город сошел с ума.

— Мы не можем уйти, — ответила Джолин. — Нельзя оставить этих слуг спятившей толпе. А еще надо найти мастера Тобрада и убедиться, что он в безопасности.

— Мастер Тобрад — это хозяин гостиницы? — спросил Мэт.

Очередной огненный шар со свистом устремился вниз по лестнице.

— Да, — ответила Джолин.

— Слишком поздно, — сказал Мэт. — Его мозги уже украшают стены внизу. Послушайте, вся деревня ополоумела. Как я уже и сказал. А эти слуги, они ведь вас убить пытались?

— Да, — помявшись, призналась Джолин.

— Оставьте их, — потребовал Мэт. — Мы ничем им помочь не можем.

— Но если мы дождемся рассвета… — неуверенно начала Джолин.

— И что? — отозвался Мэт. — Будете обращать в пепел всех, кто попытается подняться по этим ступеням? И так тут гвалт устроили, а на шум еще больше народу прибежит. Чтобы их остановить, вам придется здесь всех поубивать.

Джолин глянула на двух других женщин.

— Слушайте, — произнес Мэт. — У меня внизу

раненый «краснорукий», и я намерен вытащить его отсюда живым. Ничего для местного люда вам не сделать. Подозреваю, прежде чем вы испугались настолько, что решили применить Силу, вашим Стражам пришлось перебить всех тех, кто тут наверху лежит. Вы уже поняли, как решительно местный народ настроен.

— Ладно, — сдалась Джолин. — Я пойду. Но двух служанок мы заберем с собой. Их понесут Блерик и Фен.

Мэт вздохнул: он бы предпочел, чтобы руки у Стражей были свободны — на случай неприятностей, но больше ничего говорить не стал. Он кивнул Талманесу и Тому, а потом с нетерпением ждал, пока Стражи возьмут двух связанных служанок и взвалят их себе на плечи. После этого вся компания поспешила вниз по лестнице для слуг: впереди двигался Талманес, последним — Мэт. До его слуха донеслись вопли: отчасти яростные, отчасти радостные — деревенские жители, сгрудившиеся у подножия лестницы, смекнули, что огня больше не будет. Раздались топот, глухие удары и крики, которые сменились скрипом и грохотом открывающихся дверей, и Мэт поежился, представив себе, как толпа накидывается на слуг, что остались связанными в купальне.

Когда немногочисленный отряд Мэта вывалился на задний двор, они обнаружили, что Деларн лежит на земле рядом с Типуном, а возле него стоит на коленях Гарнан. Бородатый солдат поднял на Мэта встревоженный взгляд и сказал:

— Он с седла свалился. Я…

Договорить ему не дала Эдесина: она подбежала к Деларну и опустилась перед раненым на колени. Айз Седай закрыла глаза, и Мэт ощутил, как холодеет его медальон. Он поежился, представив, как Единая Сила перетекает от женщины к солдату. Это почти так же плохо, как и умирать, кровь и кровавый пепел! Мэт крепко сжал медальон под рубахой.

Деларн одеревенело застыл, а потом, широко распахнув глаза, охнул и принялся глотать воздух.

— Готово, — вставая, сказала Эдесина. — После Исцеления он будет слаб, но я успела вовремя.

Гарнан, да благословит его Свет, отыскал и оседлал для всех их лошадей. Славный малый. Женщины взобрались в седла и оглянулись на гостиницу.

— Их будто сам мрак отравляет, — промолвил Том, когда Мэт помогал Деларну забраться в седло. — Будто от них сам Свет отказался, оставив их

лишь одной Тени…

— Мы ничего не можем сделать, — сказал Мэт, залезая в седло позади Деларна.

После полученного Исцеления солдат был слишком слаб и не мог ехать верхом самостоятельно. Мэт взглянул на служанок, которых Стражи перебросили через лошадиные спины. Они извивались, рвались из своих пут с горящими от ненависти глазами. Мэт повернулся и кивнул Талманесу, прикрепившему фонарь к седлу. Кайриэнец открыл заслонку фонаря, и свет залил конюшенный двор гостиницы. Со двора вела тропа — на север, в темноту. В сторону от армии, но главное — прямо выводила прочь из деревни, к холмам. Мэта такое направление вполне устраивало.

— Выступаем, — скомандовал он, ударив Типуна каблуками.

Отряд устремился следом за ним.

— Надо было уйти, говорил же тебе, — глядя через плечо назад, заметил Талманес, скакавший слева от Мэта. — Но тебе захотелось остаться, чтобы сделать еще один бросок.

Мэт оглядываться не стал.

— Моей вины тут нет, Талманес. Откуда мне было знать, что из-за нашей задержки они при-

мутся рвать друг другу глотки?

— Да ну? — удивился Талманес, глянув на Мэта. — Разве не это с людьми обычно случается, когда ты заявляешь, что желаешь провести с ними вечерок?

Мэт закатил глаза, но пока они не выбрались из деревни, ему было совсем не до смеха.

Несколько часов спустя Мэт сидел на валуне, что торчал из земли на склоне темного холма, и глядел на лежавший в долине внизу Хиндерстап. В деревне было темно. Не горел ни единый огонек. Что там происходит, было совершенно непонятно, но он все смотрел и смотрел. Как вообще можно уснуть после того, что им пришлось пережить?

Ну, солдаты-то спали. Он не винил Деларна. Исцеление Айз Седай способно полностью истощить силы человека. Мэту уже доводилось испытывать этот льдистый холод, и повторения он не желал. У Талманеса и Гарнана не было оправдания в виде Исцеления, но они были солдатами. А солдаты способны спать при любой возможности, да и потом, ночное приключение, казалось, и близко не взволновало их так, как Мэта. Ну конечно, они нервничали, оказавшись в гуще событий, но сейчас просто отдыхали после

очередного сражения. Сражения, в котором им опять удалось выжить. Крепкий Гарнан перед тем, как лечь спать, даже шутил и улыбался.

Но не Мэт. Была какая-то неправильность в случившемся ночью. Может, связанные с запретным временем правила деревни каким-то образом оберегали ее жителей? Неужели это Мэт, оставшись, послужил причиной всех этих смертей? Кровь и кровавый пепел. Неужели в мире не осталось уголка, где бы не потеряли разум?

К нему, столь знакомо прихрамывая, подошел Том. После событий в деревне у него оказалась сломана рука, хотя он не говорил о переломе, пока Эдесина не заметила, что менестрель вздрагивает от боли, и не настояла на Исцелении.

— Мэт, — произнес Том. — Парень, тебе нужно поспать.

Теперь, когда взошла луна, пусть ее и закрывали облака, Мэт сумел прочесть беспокойство на лице Тома.

Маленький отряд устроил привал в овражке возле дороги. Отсюда открывался хороший вид на деревню и — что куда важнее — на дорогу, по которой из Хиндерстапа бежал Мэт со своими спутниками. Овражек находился на склоне крутого холма, и подойти к нему можно было только

снизу. Один дозорный без труда заметил бы любого, кто попытался бы подкрасться к стоянке.

Айз Седай устроились на ночлег в дальнем конце ложбинки, хотя Мэт сомневался, что они действительно спят. Стражи Джолин догадались прихватить походные одеяла в скатках, просто на всякий случай. Вот такие они, Стражи. У людей Мэта были лишь плащи, что отнюдь не помешало их крепкому сну. Талманес, несмотря на весенний холодок, даже негромко похрапывал. Разводить огонь Мэт запретил. Было не так уж холодно, чтобы греться у костра, а его пламя могло послужить сигналом, начни кто вдруг их искать.

— Со мной все в порядке, Том, — сказал Мэт, подвинувшись на камне и давая менестрелю сесть рядом. — А вот тебе поспать не мешает.

Том покачал головой:

— Приметил я одну занятную вещь: чем старше становишься, тем меньше нуждаешься в сне. Видимо, на то, чтобы человек рос и взрослел, уходит куда больше сил, чем на его умирание.

— Не начинай по новой, — сказал Мэт. — Или надо напомнить, как ты вытащил мою тощую задницу из беды? О чем ты недавно волновался? Что больше не нужен мне? Да не будь тебя сегодня со мной, не ищи ты меня, я бы погиб в этой

деревне. И Деларн тоже.

Том ухмыльнулся, в лунном свете ярко блестели его глаза.

— Ладно, Мэт, — согласился он. — Больше не буду. Обещаю.

Мэт кивнул. Вдвоем они сидели на скальном выступе и глядели на городок.

— Никак меня в покое не оставят, Том, — наконец промолвил Мэт.

— Кто?

— Да все они, — устало ответил Мэт. — Проклятый Темный и его выродки. Они преследуют меня с той ночи в Двуречье, и ничто их не в силах остановить.

— Думаешь, его рук дело?

— А чьих еще? — ответил Мэт. — Мирный деревенский люд, и вдруг превращается в обезумевших насильников? Работка самого Темного, ты же понимаешь.

Том молчал.

— Да, — наконец произнес он. — Полагаю, что так.

— Они до сих пор идут за мной, — сердито проговорил Мэт. — Уверен, где-то рядом треклятый голам, но это еще не все. Мурддраалы и приспешники Темного, чудовища и призраки. Гонятся

за мной и охотятся на меня. А я то в одну беду попадаю, то в другую, едва голову над водой высунуть удается. И так с тех самых пор, как вся каша заварилась. Я устал твердить, что мне нужно лишь спокойное пристанище, где можно выпить и сыграть в кости, но этим их не остановишь. Ничто их не остановит.

— Ты — та'верен, парень, — заметил Том.

— Я для себя такого не просил. Чтоб мне сгореть, лучше б они Ранда донимали. Ему такое нравится.

Мэт замотал головой, избавляясь от видения, в котором Ранд спал у себя в постели, а Мин свернулась подле него.

— Ты и впрямь так думаешь? — спросил Том.

Мэт замялся.

— Хотелось бы, — признался он. — Так проще было бы.

— Из-за лжи жизнь никогда проще не становится. Ну, разве что врать надо именно тому, кому нужно — обычно женщине, — да и момент следует выбрать точно. А вот когда лжешь себе, то еще больше бед на себя навлекаешь.

— Я навлек беду на тех людей. В деревне.

Мэт глянул туда, где сидели два Стража, охраняя связанных до сих пор служанок. Девушки

не оставляли попыток вырваться из пут. О Свет! Откуда у них столько сил? Это что-то нечеловеческое.

— Не думаю, что ты тому виной, Мэт, — задумчиво промолвил Том. — Да, согласен, напасти преследуют тебя, — кажется, сам Темный на тебя охотится. Но Хиндерстап… Знаешь, пока я пел песни в той таверне, то слышал в общей зале обрывки разговоров. Так, всякая ерунда, как мне показалось. Но, оглядываясь на произошедшее, я вдруг понял, что те люди ждали этого. Или чего-то подобного.

— Как это — ждали? — спросил Мэт. — Случись такое прежде, они бы все уже мертвы были.

— Ну, не знаю, — задумчиво произнес Том, а потом вскинулся, будто вспомнив вдруг о чем-то, и принялся копаться в недрах своего плаща. — Ох, совсем забыл! Может, и есть какая-то связь между тобой и тем, что случилось. Вот что мне удалось стащить у одного парня, — на свое счастье, он был в стельку пьян.

Менестрель вытащил сложенный лист бумаги и передал его Мэту.

Мэт взял бумагу и, нахмурившись, развернул. Прищурившись, чтобы лучше видеть в рассеянном лунном свете, он наклонился поближе и

зарычал, разглядев то, что было на бумаге. Глазам Мэта предстали не слова и строки, а рисунок — очень точный его портрет, со шляпой на голове. Был изображен даже висящий на шее медальон. Кровавый пепел.

— Красивый парень, — заметил Мэт, подавив раздражение. — Прекрасный нос, прямые зубы, модная шляпа.

Том фыркнул.

— Я видел, как несколько человек показывали мэру какую-то бумагу, — сказал Мэт, складывая листок обратно. — Что на ней, я не разглядел, но, бьюсь об заклад, на том листке было нарисовано то же самое. А что сказал тот, у кого ты забрал рисунок?

— Какая-то чужестранка в городке к северу отсюда раздает их и предлагает награду всякому, кто увидит тебя. Тот парень взял рисунок у приятеля, так что ему не известно ни то, как она выглядит, ни название городка. То ли этот приятель нарочно ему не сказал, желая сам получить награду, то ли он был слишком пьян и просто не мог вспомнить.

Мэт спрятал рисунок в карман кафтана. Предрассветные сумерки чуть высветлили небосвод на востоке. Мэт просидел всю ночь, но усталым

себя не чувствовал. Лишь… опустошенным.

— Я возвращаюсь обратно, — решил он.

— Что? — изумился Том. — В Хиндерстап?

Мэт кивнул, вставая:

— Как только рассветет. Мне нужно…

Его прервали чьи-то глухие проклятия. Мэт развернулся, потянувшись за ашандареем. В мгновение ока у Тома в руках появилась пара ножей. Оказалось, что ругался салдэйец Фен, Страж Джолин. Он стоял, положив ладонь на меч, и что-то высматривал на земле. Блерик стоял подле Айз Седай, настороженный и с обнаженным мечом в руке.

— Что? — не тратя лишних слов, спросил Мэт.

— Пленницы, — отозвался Фен.

Мэт вздрогнул, сообразив, что банщиц, темными мешками лежавших возле Стражей, нет. Он бросился к Фену, проклиная все и вся. Шум разбудил Талманеса, и он, перестав храпеть, сел. На земле валялись путы, изготовленные из разорванного на полосы платья Джолин, а самих служанок и след простыл.

— Что случилось? — спросил Мэт, оглядываясь.

— Я… — Темноволосый Страж был явно ошарашен. — Понятия не имею. Только что они были тут!

— Ты что, задремал? — сурово спросил Мэт.

— Фен на такое неспособен, — заметила Джолин спокойным голосом, усаживаясь на своем одеяле. Она по-прежнему была в том купальном халате.

— Парень, — промолвил Том, — да мы и сами видели девчонок всего минуту назад.

Талманес выругался и разбудил «красноруких». Деларн выглядел гораздо лучше, и когда он поднялся на ноги, то слабость после Исцеления, казалось, его уже совершенно не тяготила. Стражи требовали начать поиски, но Мэт просто повернулся лицом к лежащей внизу деревне.

— Ответы — там, — сказал он. — Том! Пойдешь со мной. А ты, Талманес, присмотришь за женщинами.

— За нами незачем «присматривать», Мэтрим, — сварливо заметила Джолин.

— Прекрасно, — рявкнул Мэт. — Том, ты со мной. А Джолин будет присматривать за солдатами. Так или иначе, вы все остаетесь здесь. Сейчас я не в состоянии беспокоиться обо всех сразу.

Он не дал им ни малейшей возможности для споров. Прошли считаные минуты, а Мэт с Томом уже ехали верхом по дороге обратно в Хиндерстап.

— Парень, а что ты хочешь там найти? — осведомился Том.

— Не знаю, — ответил Мэт. — А если бы знал, то вряд ли бы искать кинулся.

— Вполне логично, — тихо произнес Том.

Странности Мэт приметил сразу. Козы на западном пастбище. Трудно было разглядеть в тусклом предрассветном свете, но, кажется, их кто-то пас. И что за огни мелькали в деревне? За всю ночь не было ни единого огонька! Мэт заставил Типуна перейти на более быстрый аллюр, Том молча последовал за ним.

Прошел почти час, пока всадники добрались до деревни — рисковать и устраиваться на ночь слишком близко к Хиндерстапу Мэт не захотел, но и искать кружной путь и добираться до армии в темноте не имел никакого намерения. Уже совсем рассвело, хоть и было еще очень рано, когда всадники въехали во двор гостиницы. Двое мужчин в серовато-коричневых кафтанах прилаживали обратно створку задней двери, которую, по-видимому, сорвали с петель вскоре после бегства Мэта и остальных. Заметив Тома и Мэта, работники подняли головы, и один, явно встревожившийся, стянул с головы шапку. В их движениях не крылось никакой угрозы.

Мэт остановил Типуна. Один из работников что-то шепнул другому, и тот скрылся за дверью. Почти тотчас оттуда вышел лысеющий мужчина в белом фартуке. Мэт почувствовал, что бледнеет.

— Хозяин гостиницы, — промолвил он. — Чтоб мне сгореть, я же видел тебя мертвым!

— Сбегай-ка за мэром, сынок, — велел хозяин гостиницы одному из работяг и, глянув на Мэта, добавил: — Быстро!

— Что здесь происходит, во имя треклятой левой руки Ястребиного Крыла? — громко вопросил Мэт. — Это что, какое-то дикое представление? Вы…

Задняя дверь приоткрылась, оттуда высунулась чья-то голова: человек глянул поверх плеча хозяина гостиницы в сторону Мэта — пухлое лицо и светлые волнистые волосы. Это же повар! Когда Мэт в последний раз видел толстяка, то вынужден был выпустить тому кишки и перерезать горло.

— Эй, ты! — воскликнул Мэт, указывая на повара пальцем. — Я же *убил* тебя!

— Ладно, сынок, успокойся, — сказал хозяин гостиницы. — Заходи, угостим тебя чаем и…

— С тобой, привидение, я никуда не пойду, — заявил Мэт. — Том, ты это видишь?

Менестрель, почесав подбородок, заметил:

— А может, Мэт, лучше выслушаем человека?

— Призраки да привидения, — пробормотал Мэт, разворачивая Типуна. — Поехали отсюда.

Он послал Типуна вперед, завернул за угол здания и выехал на улицу возле главного входа в гостиницу. Том спешил за ним следом. Внутри гостиницы Мэт заметил множество рабочих: они таскали ведра с белой краской. По всей вероятности, собираются закрашивать подпалины от огненных шаров Айз Седай.

— Никогда не видел ничего подобного, Мэт, — сказал Том, остановив свою лошадь рядом с Типуном. — С какой стати привидениям красить стены и чинить двери?

Мэт покачал головой. Он увидел место, где, спасая Деларна, дрался с селянами, и погнал туда коня. Там юноша так резко осадил Типуна, что Тому, проскакавшему мимо, пришлось с руганью разворачивать свою лошадь и возвращаться.

— Что? — подъехав к Мэту, спросил Том.

Тот показал на пятна крови, видневшиеся на земле и на камнях возле дороги.

— Тут они ранили Деларна, — сказал Мэт.

— Понятно, — отозвался Том.

Мимо по улице, отводя взгляды в сторону, про-

ходили люди. Все старались держаться подальше от Мэта с Томом.

«Кровь и кровавый пепел! — подумал Мэт. — Нас снова окружили. А если они нападут? Вот проклятый дурак!»

— Ну, кровь, — произнес Том. — А ты что ожидал увидеть?

— А где кровь остальных, Том? — прорычал Мэт. — Я убил здесь дюжину человек и видел, как они истекали кровью. Ты своими ножами завалил троих. Где кровь?

— Она исчезает, — раздался голос.

Развернув Типуна, Мэт увидел стоявшего на дороге неподалеку здоровяка-мэра с волосатыми руками. Должно быть, он был где-то поблизости — работники никак не могли так быстро за ним сбегать. Хотя, судя по тому, какие дела творятся в деревне, как можно в чем-то быть уверенным? На Барлдене были плащ и рубаха, на которых виднелись свежие дыры и разрезы.

— Кровь исчезает, — повторил мэр бесконечно усталым голосом. — Никто из нас ее не видел. Мы просыпаемся, а ее уже нет.

Мэт медлил, окидывая взглядом деревню. Из домов выглядывали женщины с детьми на руках. Шли на поля мужчины, неся с собой пастушеские

посохи и мотыги. Если бы не тень всеобщего беспокойства, вызванного появлением Мэта и Тома, и не заподозришь, что в деревне происходило нечто неладное.

— Ничего плохого мы вам не сделаем, — сказал мэр, отворачиваясь от Мэта. — Так что не тревожьтесь. По крайней мере, до захода солнца. Если хотите, я все вам объясню. Либо выслушайте меня, либо езжайте восвояси. Мне все равно, лишь бы вы оставили мой городок в покое. У нас много работы. Много больше обычного из-за вас.

Мэт взглянул на Тома, тот пожал плечами.

— От нас не убудет, коли выслушаем, — сказал Том.

— Даже не знаю, — проговорил Мэт, разглядывая Барлдена. — От нас много чего убудет, коли со всех сторон на нас накинутся рехнувшиеся горцы, алчущие крови и убийства.

— Так что, уезжаем?

— Нет, — покачал головой Мэт. — Чтоб мне сгореть, у них же мое золото осталось! Пойдем с ним, посмотрим, что он расскажет.

— Началось все несколько месяцев назад, — заговорил мэр, стоя у окна.

Мэта с Томом провели в чистенькую — хоть и довольно просто обставленную — гостиную

в большом доме мэра. Занавески и ковер здесь были бледно-зеленые, почти такого же цвета, что и листья нивяника, стены были обшиты желтовато-коричневыми деревянными панелями. Жена мэра принесла чай из сушеных ягод гордовины. Мэт решил ничего не пить и нарочно встал рядом с входной дверью, прислонившись к стене. Копье он поставил рядом.

Жена Барлдена оказалась невысокой шатенкой, чуть пухленькой, с материнскими манерами. Сходив на кухню, она принесла горшочек меда к чаю и замялась, увидев подпиравшего стену Мэта. Покосившись на копье, женщина поставила горшочек на стол и удалилась.

— Что случилось? — спросил Мэт, глянув на Тома, который тоже отказался сесть. Старый менестрель стоял, скрестив на груди руки, у двери, ведущей в кухню. Он кивнул Мэту: женщина их не подслушивала. Если кто-то приблизится к двери, Том услышит и даст знать.

— Нам неведомо, сами мы виноваты в происходящем или это тяжкое проклятие самого Темного, — сказал мэр. — День был как день, в начале этого года, перед самым Праздником Эбрам. Насколько помню, ничем особенным тот день не выделялся. Погода тогда поменялась, хотя снег

еще не выпал. Поутру многие из наших занялись обычными делами и ни о чем таком не думали.

Странности были, но, понимаете, какие-то незначительные. Там сломанная дверь, у кого-то одежда порвана, а где порвал — человек и не помнит. И ночные кошмары. Всем приснился один и тот кошмарный сон, полный смертей и убийств. Несколько женщин разговорились о нем промеж собой и поняли, что не могут припомнить, как легли спать накануне вечером. Они помнили, как проснулись, целые и невредимые, в своих постелях, но лишь немногие помнили, как вчера ложились в кровати. Те, кто помнил, спать отправились рано, еще до заката. Но для остальных поздний вечер остается лишь расплывшимся пятном.

Барлден умолк. Мэт взглянул на Тома, но тот ничего не говорил. Судя по выражению голубых глаз, менестрель старательно запоминал рассказанное.

«Лучше, чтобы баллада хорошая вышла, если он вздумает меня в нее впихнуть, — подумал Мэт, складывая руки на груди. — И лучше, чтобы он про шляпу мою не забыл. Проклятье, шляпа-то славная».

— В ту ночь я был на пастбище, — продолжал

мэр. — Помогал старику Гаркену чинить сломанный забор. А потом… ничего. Туман и темнота. Наутро я проснулся в своей постели, рядом с женой. Мы чувствовали усталость, словно бы не выспались. — Он помолчал, потом, намного тише, добавил: — А еще мне снились кошмары. Помню их совсем смутно, и они истираются из памяти. Но одну картину помню, как наяву. Старик Гаркен, мертвый у моих ног. Будто растерзанный диким зверем.

Барлден стоял напротив Мэта, у окна, выходящего на восток, и глядел в окно.

— Но на следующий день я пошел проведать Гаркена, и с ним все было в порядке. Мы закончили чинить ограду. И лишь когда я вернулся в город, до меня дошли слухи. Кошмары, которые снились разным людям, часы после заката, о которых никто не помнил. Мы собрались, потолковали, а потом все повторилось вновь. Солнце село, и на рассвете я снова проснулся у себя в кровати — усталый, полный воспоминаний о ночном кошмаре.

Он вздрогнул и, подойдя к столу, налил себе чашку чая.

— Мы понятия не имеем, что творится ночью, — сказал мэр, размешивая в чашке ложечку меда.

— Понятия не имеете? — вспылил Мэт. — Проклятье, да я вам расскажу, что ночью творится. Вы…

— Мы не знаем, что творится, — перебил мэр гостя, бросив на него пронзительный взгляд. — И не хотим знать.

— Но…

— Нам не нужно этого знать, чужеземец, — категорическим тоном заявил мэр. — Мы хотим жить своей жизнью, по мере наших сил. Многие из нас встают рано, а спать ложатся до захода солнца. Тогда провалов в памяти не возникает. Мы ложимся в кровать и в ней же просыпаемся. Бывают кошмарные сны, случается небольшой урон домам, но ничего такого, что мы не смогли бы починить. Кто-то предпочитает отправиться в таверну и напиваться там, пока не зайдет солнце. Думаю, есть в этом и что-то хорошее. Пей все, что хочешь, и не думай о том, как до дома добираться. Все равно проснешься, живой и здоровый, в своей постели.

— Нельзя же делать вид, будто ничего не происходит, — тихо промолвил Том.

— Мы и не делаем, — ответил Барлден, глотнув чая. — У нас есть правила. Правила, от которых вы отмахнулись. Не зажигать огонь после заката

— нельзя, чтобы ночью возник пожар, который некому будет тушить. И не позволять чужакам оставаться в городке после захода солнца. Этот урок мы усвоили быстро. Первыми, кто угодил здесь в ловушку с наступлением ночи, стали родственники бочара Саммри. На следующее утро на стенах его дома мы обнаружили кровь. Но сестра Саммри и ее семья спокойно спали в своих постелях, которые для них вечером приготовил хозяин дома. — Мэр помолчал. — Теперь у них те же кошмары, что и у нас.

— А что, уехать нельзя? — спросил Мэт. — Убраться прочь из этого проклятого места, уйти куда подальше!

— Мы пытались, — сказал мэр. — И все равно снова просыпаемся здесь, как бы далеко ни ушли. Некоторые решили покончить с жизнью. Их тела мы погребли. На следующее утро они проснулись в своих постелях.

В комнате повисла тишина.

— Кровь и проклятый пепел, — прошептал Мэт. Его стало знобить.

— Вы сумели пережить ночь, — помешивая чай, сказал мэр. — Увидев те пятна крови, я уж подумал, что нет. Нам было любопытно, где вы проснетесь. Большинство комнат на постоялых

дворах заняты путниками, которые теперь, к добру или худу, стали частью нашей деревни. Не мы выбираем, где кому проснуться. Так просто случается. Свободная кровать получает нового постояльца, и с тех пор он каждое утро просыпается там. Однако, услышав, как вы разговариваете об увиденном, я понял, что вам, должно быть, удалось сбежать. Слишком уж отчетливо вы помните ночные события. Любому, кто… становится одним из нас… ему просто снятся кошмары. Считайте, что вам повезло. Ступайте своей дорогой и забудьте о Хиндерстапе.

— С нами едут Айз Седай, — заметил Том. — Может, они сумеют чем-то вам помочь. Можно послать весточку в Белую Башню, они пришлют сюда…

— Нет! — сказал, как отрезал, Барлден. — Жизнь у нас не так плоха, ведь теперь нам известно, как с этим справляться. Мы не хотим жить под присмотром Айз Седай. — Он отвернулся в сторону. — Жаль, не удалось дать вам от ворот поворот. Иногда мы так поступаем, когда чувствуем, что путники не станут подчиняться нашим правилам. У нас почти получилось. Но с вами были Айз Седай. Они задавали вопросы, им стало любопытно. Мы опасались, что если не впустим вас,

то у них возникнут какие-то подозрения и они заявятся в городок вопреки нашему запрету.

— Ваши старания выпроводить их из деревни до заката только пробудили у них еще больше любопытства, — заметил Мэт. — Да и когда тебя пытаются убить треклятые служанки в купальне, очень трудно не задуматься, не скрыта ли тут какая тайна.

Вид у мэра был бледный и болезненный.

— Кое-кто хотел… э-э… ну, оставить вас в городке. Они думали, что если в этот капкан попадут Айз Седай, то они найдут выход для всех обитателей городка. Не все с этим согласны. Так или иначе, *нам* с этим разбираться. Прошу, просто… просто уезжайте.

— Хорошо, — ответил Мэт. Отступив от стены, он взял свое копье. — Но сперва поведайте, откуда взялось вот это.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги — тот самый, со своим портретом.

— Такие же раздавали во всех окрестных деревнях, — взглянув на рисунок, сказал Барлден. — Вас кто-то разыскивает. Как вчера вечером я и сказал Ледрону: гостей я не продаю. Зачем мне похищать вас и рисковать, держа здесь в плену всю ночь? И что взамен — какое-то вознаграждение?

— Кто меня ищет? — спросил Мэт.

— На северо-восток отсюда, лигах в двадцати, есть маленький городок Трустэйр. По слухам, можно немного заработать, если узнаешь что-нибудь о человеке, который нарисован либо на этой картинке, либо на другой. Отправляйтесь в Трустэйр и там, на постоялом дворе под названием «Грозящий кулак», ищите того, кто вас разыскивает.

— Еще один портрет? — нахмурившись, спросил Мэт.

— Да. Здоровенный бородач. Под картинкой написано, что у него золотые глаза.

Мэт взглянул на Тома, и тот приподнял густую бровь.

— Кровь и проклятый пепел, — пробормотал Мэт и поглубже надвинул шляпу на ухо.

Кто разыскивает его и Перрина и что ему надо?

— Наверное, мы пойдем, — сказал юноша.

Мэт посмотрел на Барлдена. Вот бедняга. Такое свалилось на деревню. Но что мог сделать Мэт? Есть сражения, которые ты можешь выиграть, а есть и другие битвы, сражаться в которых ты предоставляешь кому-то другому.

— Ваше золото в фургоне на улице, — ответил

мэр. — Из вашего выигрыша мы ничего не взяли. И еда тоже там. — Он пристально посмотрел Мэту в глаза. — Мы здесь держим свое слово. Прочее нам неподвластно, особенно когда к нашим правилам не прислушиваются. Но мы никого не станем грабить только потому, что он чужеземец.

— Многое же вы готовы снести, — безжизненным голосом произнес Мэт, открывая дверь. — Что ж, хорошего вам дня, а когда настанет ночь, постарайтесь не убить никого, кого бы я сам не захотел убить. Том, ты идешь?

Менестрель последовал за юношей, чуть прихрамывая из-за старой раны. Мэт оглянулся на Барлдена, тот стоял в центре комнаты, в рубахе с закатанными рукавами, уставившись в чашку. Судя по виду, он был бы не против, чтобы в чашке оказалось что-нибудь покрепче чая.

— Бедняга, — сказал Мэт, шагнул на утренний свет вслед за Томом и захлопнул за собой дверь.

— Полагаю, мы едем искать ту особу, которая раздает твои портреты? — осведомился Том.

— Да, ты прав, как сам Свет, — ответил Мэт, приторачивая ашандарей к седлу Типуна. — Все равно это по пути к Четырем Королям. Если сможешь править фургоном, садись и бери вожжи, а

я поведу твоего коня.

Том кивнул, продолжая смотреть на дом мэра.

— Что? — спросил Мэт.

— Нет, ничего, парень, — отозвался менестрель. — Просто… хм, печальная история. Что-то не так с миром. Здесь в Узоре какое-то замятие. Словно нити бытия для городка на ночь распутываются, а каждое утро мир пытается это исправить, восстановить все, вернуть на прежнее место…

— Ну, им стоит быть пооткровеннее, — заметил Мэт.

Пока Мэт и Том беседовали с мэром, жители деревни успели пригнать фургон с провизией. В повозку была запряжена пара ломовых лошадей — каурой масти, с широкими копытами.

— Пооткровеннее? — переспросил Том. — Как это? Мэр прав — они и вправду пытались нас предостеречь.

Мэт хмыкнул и, подойдя к фургону, открыл сундучок, проверил, на месте ли золото. Оно было там, как и говорил мэр.

— Не знаю, — сказал Мэт. — Могли бы повесить табличку с предупреждением. Или сделать надпись, навроде такой: «Привет. Добро пожаловать в Хиндерстап. Если останетесь тут после заката,

то ночью мы вас убьем и сгрызем ваше проклятое лицо. Отведайте наши пироги. Мартна Бэйли каждый день печет свежие».

Том не засмеялся.

— Что за дурной вкус, парень. Слишком велика трагедия, чтобы шутить.

— Все равно смешно, — возразил Мэт. Он отсчитал столько золота, сколько, по его разумению, стоили провизия и повозка. Затем, поразмыслив немного, добавил еще десять серебряных крон. Монеты Мэт сложил в кучку на крыльце у мэра, а потом закрыл сундучок. — Чем трагичнее дела, тем больше мне хочется смеяться.

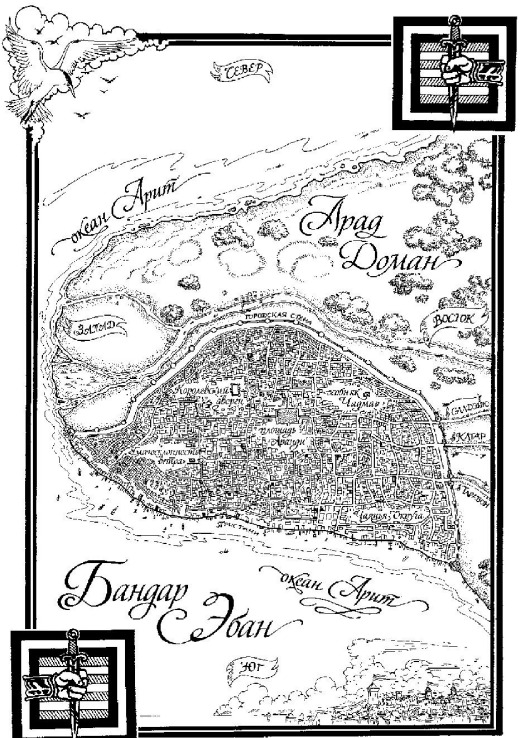
— Мы что, в самом деле заберем фургон?

— Нам нужна еда, — сказал Мэт, поставив сундучок в фургон и привязывая его к заднему борту. Несколько больших головок белого сыра и полдюжины бараньих ног красовались рядом с бочками эля. От съестного исходил приятный запах, и у Мэта заурчало в животе. — Это мой честный выигрыш.

Он взглянул на проходивших мимо жителей. Увидев их днем раньше, медлительность их походки Мэт отнес на счет присущей горным жителям лености. Теперь до него вдруг дошло, что на то имелась совсем иная причина.

Вернувшись к делу, Мэт проверил у лошадей сбрую.

— Да и не вижу я ничего плохого в том, что мы заберем фургон и лошадей. Сомневаюсь, что в будущем кто-то из жителей соберется куда-нибудь в дальний путь…


СЕВЕР
Океан Арит
Арад Доман
ЗАПАД
ВОСТОК
ЮГ
Бандар Эбан
Океан Арит

Глава 29
В Бандар Эбане

«Морейн Дамодред, которая погибла из-за моей слабости».

Переведя Тай'дайшара на шаг, Ранд миновал массивные городские ворота Бандар Эбана. Перед ним двигались ряды Айил, а позади следовала свита. Поговаривали, что на воротах вырезана городская печать, но створки были распахнуты, и удостовериться в истинности слухов Ранд не мог.

«Безымянная приспешница Темного, которую я обезглавил среди тех холмов в Муранди. Как выглядели другие, те, кто был с ней, я не помню, но ее лица не забуду никогда».

Список прокручивался в голове Ранда. Имена всех женщин, которые погибли от его руки или из-за его поступков. Это перечисление уже стало едва ли не ежедневным ритуалом. Городская улица не была замощена, и проезжая часть представляла собой утоптанную и укатанную землю, расчерченную колеями, которые пересекались на перекрестках. Цвет грунта здесь был светлее,

чем тот, к которому привык Ранд.

«Колавир Сайган, которая умерла потому, что я обрек ее на нищету».

Он проезжал мимо доманийцев: женщины носили просвечивающие платья, мужчины, щеголявшие тонкими усиками, предпочитали яркие цветные кафтаны. По сторонам улиц здесь были настелены дощатые тротуары, где толпились люди, во все глаза смотревшие на процессию. Ранд слышал, как на ветру хлопают знамена и вымпелы. В городе их оказалось великое множество.

Список всегда начинался с Морейн. Это имя причиняло больше всего боли, потому что он мог спасти ее. Должен был спасти. Ранд ненавидел себя за то, что позволил ей пожертвовать собой ради него.

Ребенок, шагнув с дощатого тротуара, побежал было на середину улицы, но отец поймал его за руку и втащил обратно в людскую толчею. Некоторые покашливали или негромко переговаривались, но большинство людей молчали. В этой тишине топот воинов Ранда, шагавших по плотно убитой земле, казался громыханием грома.

Не оказалась ли Ланфир снова среди живых? Если возродился Ишамаэль, то, возможно, и она

тоже? В таком случае смерть Морейн бессмысленна, а его трусость — даже еще более унизительна. Никогда больше. Список имен никуда не денется, но отныне он больше никогда не будет слишком слаб и сделает то, что должен.

Со стороны стоявших на тротуарах людей не слышалось приветствий. Что ж, он пришел не освобождать. Он явился сделать то, что должно быть сделано. Возможно, он найдет здесь Грендаль; Асмодиан говорил, что она обосновалась где-то в этой стране, но разговор между ними состоялся так давно. Если Ранд ее отыщет, наверное, совесть не станет сильно грызть его за вторжение в Арад Доман.

А испытывал ли он вообще угрызения совести? Ранд не был в этом уверен.

«Лиа из септа Косайда из клана Чарин, которую я убил, твердя себе, что это ради ее же блага». Странно, но Льюс Тэрин начал повторять за ним список имен. Странное, монотонно-напевное перечисление, эхом звучащее у него в голове.

Впереди, на городской площади, которую украшал медный фонтан в виде выпрыгивающих из пенной волны лошадей, в ожидании Ранда стояла большая группа айильцев. У фонтана его также ждал еще один человек — верхом на ло-

шади, в окружении почетного караула. Всадник был крепким, плотно сложенным мужчиной с квадратным, покрытым морщинами лицом и с седыми волосами. Лоб у него был выбрит и напудрен по обычаю кайриэнских солдат. Добрэйну можно было доверять — по крайней мере, настолько, насколько можно доверять кайриэнцу.

«Сендара из септа Железная Гора из клана Таардад; Ламелле из септа Дымный Ручей из клана Миагома; Андилин из септа Красная Соль из клана Гошиен».

«Илиена Тэрин Моерелле», — сказал Льюс Тэрин, вставляя это имя меж двух других. Ранд позволил названному имени остаться в списке. По крайней мере, безумец больше не плакал и не стенал.

— Лорд Дракон, — учтиво произнес Добрэйн, поклонившись приближающемуся Ранду. — Вручаю вам город Бандар Эбан. Порядок, как вы и приказывали, восстановлен.

— Я просил восстановить порядок во всей стране, Добрэйн, — тихо промолвил Ранд. — А не только в одном городе.

Аристократ слегка увял.

— Нашелся кто-нибудь из Купеческого совета? — спросил Ранд.

— Да, — ответил Добрэйн. — Милисайр Чадмар, последняя, кто бежала от воцарившегося в городе хаоса.

В его глазах горела жажда действия. Он всегда был предан, но не было ли это уловкой? В последнее время Ранд испытывал трудности с доверием кому-либо. За теми, кто кажется в наибольшей степени заслуживающим доверия, приглядывать нужно внимательнее всего. К тому же Добрэйн был из Кайриэна. Осмелится ли Ранд доверять хоть одному кайриэнцу, зная, в какие игры они играют?

«Морейн была кайриэнкой. Я доверял ей. Почти всегда».

Наверное, Добрэйн надеется, что Ранд назовет его королем Арад Домана. Он был наместником в Кайриэне, но — как и большинство остальных — знал, что Ранд намеревался возвести Илэйн на Солнечный трон.

Что ж, в таком случае Ранд мог бы и отдать это королевство Добрэйну — тот был получше многих. Ранд кивнул кайриэнцу, предлагая ему указывать путь. Добрэйн так и поступил, двинувшись вперед вместе с группой айильцев по широкой боковой улице. Ранд, в сознании которого продолжал разворачиваться список имен,

последовал за ними.

Здесь высокие прямоугольные здания своим обликом напоминали поставленные одна на другую коробки. У многих домов имелись балконы, которые сейчас, как и платформы-тротуары под ними, были переполнены людьми.

Каждое имя из скорбного списка причиняло Ранду боль, но сейчас эта боль была странной, далекой. Его чувства… стали иными с того дня, когда он убил Семираг. Она научила его, как закрыться от чувства вины и боли. Она думала посадить Ранда на цепь, но вместо этого дала ему силу.

Ранд добавил в список и ее имя, и имя Элзы. Никакого права там находиться у них не было. Семираг была не столько женщиной, сколько чудовищем. Элза же предала его, все это время служа Тени. Но тем не менее он занес их в свой список. У них столько же прав винить его в своей смерти, как и у прочих. Даже больше. Он не желал ради спасения Морейн убивать Ланфир, но использовал погибельный огонь, чтобы выжечь Семираг из бытия ради того, чтобы не оказаться вновь плененным.

Ранд притронулся к предмету, что лежал у него в суме, притороченной к седлу. Это была гладкая

статуэтка. Он не сказал Кадсуане, что его слуги обнаружили старинную фигурку в ее комнате. А теперь, когда Ранд прогнал от себя Кадсуане, заявив, что не желает никогда больше видеть ее лица, то никогда и не скажет. Он знал, что Кадсуане по-прежнему держится где-то поблизости, смешавшись со свитой и испытывая, насколько далеко заходит его приказ. Но до тех пор, пока она не показывается ему на глаза, он позволяет ей так себя вести. Он не будет с ней разговаривать, а она не станет говорить с ним.

Кадсуане — инструмент, и этот инструмент доказал свою негодность. Отказавшись от него, Ранд не испытывал сожалений.

«Джендилин, Дева Копья, из септа Холодный Пик, из клана Миагома», — думал он, и Льюс Тэрин шептал в унисон. Список был так длинен. И он станет еще длиннее, прежде чем Ранд умрет.

Смерть его больше не тревожила. Наконец-то он понял Льюса Тэрина, призывающего со всем покончить. Ранд заслуживал смерти. Есть ли смерть настолько полная, что человек никогда не возродится снова? И вот Ранд добрался до конца списка. Когда-то он повторял его, чтобы никогда не забывать эти имена. Больше этого не требовалось: даже если б он захотел, то не смог бы забыть

все эти имена. Ранд повторял список лишь как напоминание того, кем он был.

Но у Льюса Тэрина было что добавить.

«Элминдреда Фаршав», — прошептал он еще одно имя.

Рванув поводья, Ранд осадил Тай'дайшара, чем заставил остановиться посреди дороги колонну воинов Айил, салдэйской кавалерии и лагерной обслуги. Добрэйн, восседавший на белом жеребце, оглянулся и вопросительно посмотрел на Ранда.

«Я не убивал ее! — подумал Ранд. — Она жива, Льюс Тэрин. Мы не убивали ее! А если кого и надо винить, так это Семираг».

Молчание. Он до сих пор явственно помнил и чувствовал, как впиваются в плоть девушки, сдавливают ее горло его пальцы — непослушные, и в то же время невероятно сильные. Даже если за всем происходившим стояла Семираг, то именно Ранд оказался слишком слаб и не смог отослать от себя Мин и тем самым защитить ее.

Он не отослал ее. Не потому, что слишком слаб. Просто что-то внутри его перестало беспокоиться. Не о ней — он очень сильно любил Мин и всегда будет ее любить. Но Ранд знал: следом за ним идут смерть, боль и разрушение, он тащит их за собой, как плащ. Мин могла здесь погибнуть, но если бы

он отослал девушку, то она была бы в опасности не меньшей. Его враги наверняка догадывались, что он ее любит.

Безопасного места нет нигде. Если Мин погибнет, он добавит ее имя в список и будет из-за этого страдать.

Не дожидаясь, пока его станут спрашивать, почему он остановился, Ранд двинул коня дальше по немощеной улице. Копыта Тай'дайшара со стуком опускались на слегка размякшую от влаги землю. Дожди случались здесь часто; город Бандар Эбан был на северо-западе главным портом. Пусть по размерам его и нельзя было сравнить с громадными городами юга, он все равно производил впечатление. Квартал за кварталом стояли ряды прямоугольных домов, возведенных из дерева, с двускатными крышами над вторыми или третьими этажами. Дома напоминали поставленные один на другой детские кубики безупречной формы, разделенные на этажи. Они заполнили город, понемногу спускаясь по небольшому уклону к огромному порту.

Шире всего город был именно у порта, из-за чего и походил на голову человека с широко раскрытым ртом, будто собравшегося выпить сам океан. Протянувшиеся вдоль берега причалы были

практически пусты — возле них виднелись только небольшая группа кораблей Морского народа — трехмачтовых «гонщиков» — и еще несколько рыбацких тралеров с сетями. Громадный порт казался заброшенным, и это впечатление становилось лишь сильнее из-за отсутствия у причалов пришвартованных судов.

Первый признак того, что в Бандар Эбане не все ладно.

Помимо почти пустого порта, другой отличительной чертой города были флаги. Они реяли над каждым зданием — или свисали с них, — сколь бы скромным и непритязательным оно ни было. Многие из флагов оповещали, чем торгуют или каким ремеслом занимаются в этом доме — наподобие простых деревянных вывесок в Кэймлине. Эти были куда больше по размерам и намного более кричащими, чем бóльшая часть прочих, — стяги ярких расцветок, развевающихся или хлопающих на ветру над крышами. Похожие на гобелены знамена свисали по бокам большей части городских зданий, броскими надписями извещая о владельце, мастере-ремесленнике и торговце каждой лавки и мастерской. Даже на жилых домах красовались флаги с именами проживающих там семей.

Меднокожие и темноволосые доманийцы любили одежду ярких цветов. Печальную славу женщинам Арад Домана принесли их наряды — они предпочитали носить одежду из такой тонкой и просвечивающей ткани, что в прочих странах такие платья считали возмутительно-неприличными. Поговаривали, что, готовясь к совершеннолетию, девочки-доманийки с самых юных лет учатся мастерству вертеть мужчинами по своему хотению.

Стоявшие вдоль улиц и глазеющие на процессию доманийцы представляли собой весьма красочное и занимательное зрелище, несколько отвлекшее Ранда от горьких раздумий. Наверное, с год назад он и сам с интересом вертел бы головой по сторонам, но теперь Ранд едва окинул местных жителей взглядом. На самом деле, он осознал, что, собравшись вот так вместе, доманийцы выглядели куда менее впечатляюще. Цветок всегда заметнее посреди поля сорной травы, но если каждодневно проходишь мимо изящных клумб, то ни на один цветок не обращаешь внимания.

Как ни был отвлечен своими мыслями Ранд, он заметил признаки голода. Никак нельзя было ошибиться: эти испуганно-настороженные взгляды детей, исхудавшие лица взрослых. Всего

несколько недель назад в городе царил хаос, хотя Добрэйн и айильцы восстановили закон и порядок. От его взгляда не укрылось, что кое-где окна в домах были починены плохо, попадались и сломанные доски или разбитые ставни, а некоторые флаги явно были недавно порваны, а после на скорую руку залатаны. Закон был восстановлен, но еще оставалась свежа память о том времени, когда его не было.

Процессия Ранда достигла центрального перекрестка, который хлопающие на ветру полотнища гордо провозглашали площадью Аранди, и оттуда Добрэйн повел колонну на восток. Многие айильцы и кайриэнцы носили красные головные повязки в знак принадлежности к *сисвай'аман*. Копья Дракона. В лагерях, разбитых вокруг Бандар Эбана, и в окрестных городках у Руарка было около двадцати тысяч Айил; сейчас большинству доманийцев уже наверняка известно, что эти Айил следуют за Драконом Возрожденным.

Ранд обрадовался, увидев, что корабли Морского народа с грузом зерна наконец-то пришли с юга. Надо надеяться, для восстановления мира и порядка продовольствие сделает не меньше, чем Добрэйн с Айил.

Кавалькада добралась до той части Бандар Эба-

на, где жили богатые горожане. Он знал, где будет этот район, задолго до того, как окружающие дома приобрели более величественный и роскошный вид: как можно дальше от порта, от причалов и доков, но тем не менее на достаточном удалении от городских стен. Даже не глядя на карту, Ранд мог бы определить, где искать богачей. О том, где они живут, весьма красноречиво говорит сам городской ландшафт.

Рядом стукнула копытом чья-то лошадь. Поначалу Ранд подумал, что это Мин, но нет, девушка ехала позади, вместе с Хранительницами Мудрости. Смотрит ли она на него теперь иначе или ему просто так казалось? Вспоминает ли его пальцы на своем горле каждый раз, как видит лицо Ранда?

Оказалось, это Мериса — верхом на спокойной мышастой кобыле. Айз Седай была в ярости из-за того, что Ранд прогнал от себя Кадсуане. Неудивительно. Айз Седай предпочитали напускать на себя невозмутимость и сдержанность, однако Мериса и прочие угождали Кадсуане, точно хозяин деревенской гостиницы — королю.

Сегодня тарабонка решила надеть свою шаль, свидетельствующую о ее принадлежности к Зеленой Айя. Возможно, она носила шаль, стре-

мясь подкрепить свой авторитет. Ранд вздохнул. Он ожидал противостояния, но надеялся, что неизбежные хлопоты, связанные с переходом, позволят оттянуть столкновение, пока не улягутся страсти. Ранд уважал Кадсуане, до известной степени, но никогда не доверял ей. Проступок не остается без последствий, и Ранд испытывал громадное облегчение, что разделался с этим. Не будет больше нитей, которыми она его опутывает, за которые дергает, точно кукловод.

Или, по крайней мере, их станет меньше.

— Это изгнание, Ранд ал'Тор… это же глупо, — как ни в чем не бывало начала Мериса.

Пытается ли она умышленно разозлить его, чтобы он, возможно, легче поддавался ее запугиваниям и угрозам? Что за бледное подобие Кадсуане! После месяцев общения с самой Кадсуане для Ранда попытка Мерисы копировать ее поведение выглядела почти забавной.

— Тебе следует просить ее о прощении, — продолжала Мериса. — Она снизошла до того, чтобы остаться с нами, несмотря на то что твой бессмысленный запрет заставил ее, невзирая на дневную жару, носить плащ с капюшоном. Тебе должно быть стыдно.

Снова Кадсуане. Нельзя было давать ей возмож-

ность обойти его приказ.

— Ну? — спросила Айз Седай.

Ранд повернул голову и посмотрел Мерисе в глаза. За последние часы он обнаружил кое-что любопытное. Запирая в себе бурлящую ярость — превращаясь в квейндияр, — Ранд наконец понял то, что долгое время от него ускользало.

Люди не реагировали на злость. Они не реагировали на требования. Тишина и вопросы — вот что было гораздо действеннее. И действительно, Мериса — полноправная, обученная Айз Седай — сникла под его взглядом.

Ранд не вкладывал в свой взор никаких эмоций. Ярость, гнев, страсть — все это по-прежнему было похоронено глубоко внутри. Но он окружил их льдом, сковал холодом, заморозил недвижимо. Это был лед того места, куда он научился приходить благодаря Семираг, того места, которое походило на пустоту, но было намного опаснее.

Наверное, Мериса почуяла в нем застывшее бешенство. Или, вероятно, она смогла ощутить нечто другое — то, что он прибег к этой… силе. Где-то далеко-далеко заплакал Льюс Тэрин. Безумец поступал так всякий раз, когда Ранд начинал думать о том, что он сделал, дабы избежать ошейника Семираг.

— Ты сделал глупость, — продолжала Мериса. — Тебе следует…

— Значит, ты считаешь, что я глуп? — тихо спросил Ранд.

Отвечай на требования молчанием, отвечай на вызов вопросами. Это работает просто потрясающе. Мериса осеклась и заметно вздрогнула. Она опустила взгляд на притороченную к седлу Ранда сумку, в которой тот вез маленькую статуэтку мужчины, держащего над головой сферу. Чуть отпустив поводья, Ранд прикоснулся к сумке.

Он не выставлял статуэтку напоказ. Он просто вез ее с собой, но Мериса и большинство прочих знали о той почти неограниченной силе, которую Ранд мог вызвать, если б захотел. Это было оружие, которое по своей мощи превосходило любое иное из когда-либо известных. С ним он был способен уничтожить сам мир. И оно невинно болталось в сумке у его седла. На людей это производило определенное впечатление.

— Я… нет, — признала Мериса. — Не всегда.

— Думаешь ли ты, что проступки должны оставаться безнаказанными? — спросил Ранд, все тем же тихим голосом. Почему он рассердился? Эти досадные мелочи не стоят его пыла, его ярости. Если кто-то слишком сильно его беспокоил, тре-

бовалось лишь одно — погасить его, как свечку.

Опасная мысль. Принадлежит ли она ему? Или Льюсу Тэрину? Или… не явилась ли эта мысль… откуда-нибудь еще?

— Ты был, несомненно, слишком суров, — сказала Мериса.

— Слишком суров? — спросил Ранд. — Мериса, ты осознаешь, какую ошибку она допустила? Обдумала ли, что могло бы произойти? Что должно было случиться?

— Я…

— Конец всего, Мериса, — прошептал Ранд. — Темный, взявший под контроль Дракона Возрожденного. Мы с ним, сражающиеся на одной стороне.

Айз Седай замолчала, затем проговорила:

— Да. Но что касается ошибок, ты и сам их совершал. Они могли закончиться схожей катастрофой.

— Я плачу́ за свои ошибки, — сказал Ранд, отворачиваясь. — Плачу́ за них каждый день. Каждый час. Каждый вздох.

— Я…

— Хватит. — Он не выкрикнул это слово. Ранд произнес его твердо, но тихо, поймав взгляд Мерисы и позволив ей ощутить всю полноту его

неудовольствия. Она вдруг осела в седле, глядя на него снизу вверх широко раскрытыми глазами.

Откуда-то сбоку донесся громкий треск, вслед за которым вдруг раздался грохот. Закричали люди. Ранд встревоженно обернулся. Не выдержав, подломились балки, и переполненный зеваками балкон рухнул на улицу и, ударившись о землю, разбился в щепы — так разлетается на плашки бочка, налетевшая с размаху на валун. Люди стонали от боли, кто-то звал на помощь. Но треск и грохот падения донеслись с обеих сторон улицы. Ранд нахмурился и повернулся; точно так же рухнул и второй балкон — прямо напротив первого.

Мериса побледнела, потом, поспешно развернув лошадь, двинулась к раненым. Другие Айз Седай уже торопились к упавшим, собираясь помочь им Исцелением.

Ранд ударом коленей послал Тай'дайшара вперед. Происшествие было вызвано не Силой, но его сущностью та'верена, изменяющей вероятности. Там, где он появлялся, везде происходили события поразительные и случайные. Большее число рождений, смертей, свадеб и несчастных случаев. Он научился не обращать на них внимания.

Однако ему редко доводилось сталкиваться с происшествиями столь… жестокими. Мог ли

он быть уверен, что причиной тому не взаимодействие с новой силой? С этим невидимым, но соблазнительным источником силы, который Ранд распечатал и использовал и которым насладился? Льюс Тэрин полагал, что случившееся не должно было стать возможным.

Истинной причиной, по которой человечество пробило скважину в узилище Темного, была сила. Новый источник энергии, которую можно направлять, подобный Единой Силе, но иной. Неизведанный и необычный, потенциально неисчерпаемый. Как выяснилось, этим источником силы оказался сам Темный.

Льюс Тэрин захныкал.

У Ранда была причина носить с собой отпирающий ключ — тот связывал его с одним из величайших са'ангриалов, какие когда-либо были созданы. Используя эту мощь и с помощью Найнив Ранд очистил саидин. Ключ доступа позволил ему открыть дорогу невообразимой реке, буре, бескрайней, словно океан. Это переживание было величайшим из всех, что он когда-либо испытывал.

До того момента, как Ранд воспользовался безымянной силой.

Она звала его, пела ему, искушала его. Столько

мощи, столько неземного восторга. Но эта сила ужасала Ранда. Он не смел вновь прикоснуться к ней, больше никогда.

Потому-то Ранд и взял с собой отпирающий ключ. Он не был уверен в том, какой из двух источников силы опаснее, но пока оба они взывают к нему, он способен противостоять обоим. Подобно двум людям, взывающим к нему, они заглушали друг друга. На какое-то время.

Кроме того, больше никогда на него не наденут ошейник. Пожалуй, в борьбе против Семираг отпирающий ключ его и не выручил бы — сколько бы Единой Силы ни было, она не поможет мужчине, которого застали врасплох, — но, наверное, он пригодится в будущем. Когда-то Ранду недостало смелости носить его с собой — он опасался того, что предлагал ключ доступа. Больше у Ранда нет возможности поддаваться подобным слабостям.

Не составляло труда определить, куда ведет колонну Добрэйн: на территории великолепного обширного поместья разбили свой лагерь около пяти сотен кайриэнских солдат-дружинников. Там же виднелись и айильские палатки, но Айил также обосновались и в близлежащих домах, и на некоторых крышах. Для Айил расположиться

где-то лагерем, по сути, было тем же самым, что защищать и охранять сам лагерь, поскольку айильцы на отдыхе были вдвое бдительней, чем обычный солдат в дозоре. Бóльшую часть войска Ранд оставил за городской чертой; устраивать своих воинов на постой внутри стен города он предоставит Добрэйну и его управляющим.

Ранд остановил Тай'дайшара и оглядел свой новый дом.

«У нас нет дома, — прошептал Льюс Тэрин. — Мы уничтожили его. Выжгли его в шлак, расплавили, как песок в огне».

Несомненно, просторный городской особняк представлял собой шаг вверх от бревенчатого охотничьего дома в сельской глуши. Вход на обширную территорию поместья преграждали железные ворота. На клумбах было пусто — цветы этой весной совсем не спешили цвести, — но обширный газон был куда зеленее большинства лужаек, что Ранд здесь видел. О, там господствовали в основном желтый и коричневый цвета и их оттенки, но виднелись и зеленые участки. В упорстве и трудолюбии садовникам не откажешь, и об их стараниях свидетельствовали посадки аритского тиса, рядами окружавшие лужайку, причем деревья и кусты были подрезаны и подстрижены

в виде различных фантастических животных.

Собственно особняк по сути являлся дворцом; разумеется, в городе имелся настоящий дворец, принадлежащий королю, однако поговаривали, что королевский дворец по всем статьям уступает в роскоши и великолепию домам членов Купеческого совета. Золотой с черным флаг, развевающийся высоко над поместьем, объявлял, что всем тут владеет дом Чадмар. Наверное, Милисайр посчитала, что отъезд прочих членов Совета открывает перед ней благоприятные возможности. Коли так, в действительности она получила лишь одну-единственную возможность — шанс быть захваченной Рандом.

Ворота в ограде поместья были открыты, и айильцы, сопровождавшие Ранда, уже торопились внутрь, спеша присоединяться к группам своих сородичей по клану или собратьям по воинским сообществам. Конечно, несколько раздражало, что айильцы редко дожидались приказаний или распоряжений Ранда, но Айил есть Айил. Любое предложение Ранда о том, что им следует чего-то ждать, было бы просто встречено смехом, будто отменная шутка. Проще приручить сам ветер, чем заставить Айил вести себя как мокроземцы.

Это навело Ранда на мысли об Авиенде. Куда

она отправилась, да еще так неожиданно? Он мог ощущать ее через узы, хотя и слабо, — Авиенда находилась где-то очень далеко. Далеко на востоке. Что за дела у нее в Пустыне?

Ранд покачал головой. Любую женщину сложно понять, а уж айильские женщины вдесятеро непостижимее остальных. Он надеялся провести с ней какое-то время, но Авиенда явно его избегала. Что ж, вероятно, ее удерживало на расстоянии присутствие Мин. Наверно, у него получится не сделать ей ничего плохого, пока не придет смерть. Оно и к лучшему, что Авиенды рядом нет. Его враги о ней еще не знают.

Направив Тай'дайшара через ворота, Ранд поскакал по аллее, ведущей к самому особняку. Там он спешился и переложил статуэтку в большой карман, который специально для нее был в спешном порядке пришит к изнанке куртки. Повод Ранд передал конюху — одному из слуг, который служил в поместье и носил зеленую куртку поверх ослепительно-белой рубахи с кружевными гофрированными манжетами и воротничком. Слугам, работавшим в поместье, уже сообщили, что в доме отныне будет жить Дракон Возрожденный и пользоваться в нем всем, как своим, а прежний хозяин будет… взят под его покрови-

тельство.

Когда Ранд широким шагом поднимался по лестнице, ведущей в особняк, к нему присоединился Добрэйн. Дом был отмыт добела, площадку перед главным входом обрамляли деревянные колонны. Ранд шагнул внутрь через парадную дверь. Даже успев до этого пожить в нескольких дворцах, он был впечатлен. И испытывал отвращение. Глядя на роскошь и богатство, которые он обнаружил за дверями особняка, никогда и не подумаешь, что народ в городе голодает. В дальнем конце передней в ряд выстроились слуги. Они изрядно нервничали, и Ранд чувствовал исходящие от них волны страха. Не каждый день случается, что дом, где ты обитаешь, захватывает Дракон Возрожденный.

Прижав правую ладонь к боку левым предплечьем, Ранд стянул со здоровой руки перчатку для верховой езды, потом засунул ее за пояс.

— Где она? — спросил он, повернувшись к паре Дев — Бералне и Риаллин, — которые приглядывали за слугами.

— На втором этаже, — ответила одна из них. — Пьет чай, хотя руки у нее так трясутся, что, того гляди, фарфор переколотит.

— Мы все твердим ей, что она не пленница, —

добавила вторая Дева. — Просто ей уйти нельзя.

Обе находили ситуацию забавной. Ранд бросил взгляд на Руарка, появившегося в передней. Рослый, с огненно-рыжими волосами, вождь клана внимательно оглядел комнату, задержав взгляд на сверкающей люстре и на красивых орнаментированных вазах. Ранд знал, о чем тот думает.

— Можете забрать пятую часть, — сказал Ранд. — Но только у богачей, которые живут в этих кварталах.

Так было не по правилам — Айил должны были получить пятую долю со всех. Но Руарк не спорил. Взятие айильцами Бандар Эбана нельзя было назвать настоящим завоеванием, хотя им и пришлось сразиться с головорезами и разбойничьими шайками. Может, Ранду вообще не следовало ничего им давать. Но раз в городе немало таких поместий, как это, значит есть и богатство, частью которого можно поделиться с айильцами. По крайней мере, за счет богачей.

Девы кивнули, словно иного и не ожидали, и быстро удалились, вероятно, чтобы начать отбирать свою долю. Добрэйн смотрел на них в ужасе. Кайриэну несколько раз довелось отдавать Айил пятую часть.

— Никак не пойму, почему ты разрешаешь им

грабить, точно разбойникам, которые обнаружили караван с уснувшей охраной, — промолвила с улыбкой Кореле, входя в комнату. Разглядывая впечатляющее убранство комнаты, она приподняла бровь. — И как можно грабить такой прелестный дом? Все равно что позволить солдатам растоптать бутоны весенних цветов.

Выходит, теперь ее послали к Ранду после того, как он нагнал страху на Мерису? Кореле встретила его взгляд с обычной для нее обходительностью и радушием, но Ранд смотрел на женщину, пока та не сдалась и не отвернулась. А он мог припомнить времена, когда подобный номер с Айз Седай никогда не проходил.

Ранд повернулся к Добрэйну.

— Вы хорошо потрудились, — обратился он к кайриэнскому лорду. — Пусть даже вам и не удалось распространить порядок так широко, как мне бы того хотелось. Собирайте своих дружинников. Наришме сказано отправить вас через переходные врата в Тир.

— В Тир, милорд? — удивленно спросил Добрэйн.

— Да, — ответил Ранд. — Передайте Дарлину, чтобы перестал докучать мне гонцами. Он должен продолжать сбор войск. Я отправлю его в

Арад Доман, когда решу, что для этого настало время.

А настанет оно после того, как Ранд встретится с Дочерью Девяти Лун. Эта встреча определит многое.

Добрэйн выглядел слегка удрученным. Или Ранду просто так показалось? Выражение лица Добрэйна менялось редко. Неужели размышляет о том, как развеиваются его мечты о власти над этим королевством? Неужели он плетет интриги против Ранда?

— Разумеется, милорд, — проговорил Добрэйн. — Верно ли я полагаю, что выступать мне нужно немедленно?

«Добрэйн никогда не давал нам повода в нем сомневаться. Он даже собирал сторонников, готовых поддержать Илэйн в притязаниях на Солнечный трон!»

Слишком долго Ранд пробыл далеко от Добрэйна. Слишком долго, чтобы доверять ему. Но лучше всего отослать Добрэйна сейчас; тот имел слишком много времени, чтобы успеть создать для себя здесь плацдарм, и Ранд не верил в то, что какой-нибудь кайриэнец станет избегать игр в политику.

— Да, вы отбываете в течение часа, — добавил

Ранд, развернувшись к изящной белой лестнице, ведущей наверх.

Добрэйн отсалютовал со своим обычным стоицизмом и вышел из особняка через парадный вход. Он повиновался мгновенно. Ни слова недовольства. Добрэйн был хорошим человеком. Ранд знал это.

«О Свет, да что со мной происходит? — подумал Ранд. — Мне нужно кому-то доверять».

«Доверять?.. — прошептал Льюс Тэрин. — Да, наверное, мы можем ему доверять. Он не способен направлять Силу. О Свет, да мы вообще сами себе не можем доверять…»

Ранд стиснул зубы. Он вознаградит Добрэйна королевством, если Алсалама не найдут. Итуралде королевство не нужно.

Прямая и широкая у основания, лестница раздваивалась и двумя изогнутыми пролетами выходила на две разные площадки второго этажа.

— Мне нужен зал для приемов, — сказал Ранд собравшимся внизу слугам, — и трон. Быстро.

Не прошло и десяти минут, как Ранд сидел в роскошно украшенной гостиной на втором этаже, ожидая, пока к нему приведут купчиху Милисайр Чадмар. В качестве трона вполне

сгодилось и украшенное резным орнаментом деревянное кресло из какого-то белого дерева — пусть и не слишком-то похожее на трон. Возможно, Милисайр и сама использовала его во время аудиенций. Впрочем, гостиная — из-за небольшого возвышения, где и стояло кресло, — очень напоминала тронный зал. Гостиную, как и помост, устилал тканый красно-зеленый ковер с прихотливым узором, который гармонировал с фарфоровыми изделиями Морского народа, красовавшимися на подставке в углу. Четыре больших и широких окна — в каждое можно было пройти во весь рост — позади Ранда впускали в гостиную дневной свет, приглушенный плотной облачной пеленой. Ранд сидел в кресле спиной к окнам, слегка наклонившись вперед и положив руку на колено. Статуэтка-ключ стояла перед ним на полу.

Вскоре в гостиную, миновав айильских стражей, вошла Милисайр Чадмар. На ней было одно из тех знаменитых доманийских платьев, закрывавшее женщину от шеи до пальцев ног, но полупрозрачная ткань обтягивала ее фигуру, подчеркивая каждый изгиб тела и каждую округлость — чем она обделена отнюдь не была. Платье было темно-зеленого цвета, и шею Милисайр

Чадмар обвивало жемчужное ожерелье. Темные волосы мелкими кудряшками спускались ниже плеч, несколько локонов обрамляли лицо. Ранд не ожидал, что доманийская купчиха окажется такой молодой — она едва перешагнула тридцатилетний рубеж.

Жаль было бы ее казнить.

«Всего один день, — сказал себе Ранд, — и я уже подумываю, не казнить ли мне женщину за то, что она не согласна последовать за мной. А было время, когда я едва мог согласиться на казнь заслуживающих такой кары преступников».

Но он сделает то, что должно быть сделано.

Глубокий реверанс, в котором склонилась Милисайр, как будто свидетельствовал о том, что она признаёт его власть. Или же, наверное, она просто воспользовалась возможностью дать Ранду получше взглянуть на то, что подчеркивало платье. Очень по-доманийски. К несчастью для нее, с женщинами у Ранда и без того хватало забот — он и с нынешними-то не знал, как разобраться.

— Милорд Дракон, — промолвила Милисайр, выпрямляясь после реверанса. — Как я могу служить вам?

— Когда ты в последний раз связывалась с коро-

лем Алсаламом? — спросил Ранд. Он подчеркнуто не дал ей позволения сесть в одно из кресел, стоящих в комнате.

— С королем? — удивленно переспросила Милисайр. — С того времени прошли недели.

— Мне нужно поговорить с гонцом, который доставил последнее послание, — сказал Ранд.

— Не уверена, что его можно будет найти, милорд, — ответила женщина с беспокойством в голосе. — Я не слежу за всеми гонцами, что прибывают в город или уезжают из него.

Ранд чуть наклонился вперед.

— Ты лжешь мне? — тихо спросил он.

Ее рот приоткрылся, возможно, от потрясения, вызванного его грубостью и прямотой. Доманийцев не сравнить с кайриэнцами — те как будто с молоком матери впитывали склонность к политическим интригам и коварству, — однако доманийцы и в самом деле были хитроумны и лукавы. Особенно женщины.

Ранд не был ни утончен, ни дипломатичен. Он — пастух, ставший завоевателем, и душой оставался двуреченцем, пусть даже в жилах его и текла кровь Айил. Какую бы искусную и беспринципную политическую игру доманийка ни вела, с Рандом этот номер не пройдет. Он не желал

терпеть никаких игр.

— Я… — начала Милисайр, глядя на него широко раскрытыми глазами. — Милорд Дракон…

Что она скрывает?

— Что ты с ним сделала? — высказал догадку Ранд. — С гонцом?

— О местонахождении короля он ничего не знал, — быстро ответила Милисайр, слова хлынули из нее потоком. — Мои люди обстоятельно его допросили.

— Он мертв?

— Я… Нет, милорд Дракон.

— Тогда доставишь его ко мне.

Она побледнела еще больше и бросила взгляд в сторону, невольно ища путь к спасению, потом перевела взор обратно на Ранда и нерешительно вымолвила:

— Милорд Дракон… теперь, когда вы здесь, король, наверное, по-прежнему будет оставаться… в своем укрытии. Возможно, нет необходимости продолжать его искать.

«Она тоже считает, что он мертв, — подумал Ранд. — Вот потому-то она и пошла на риск».

— Алсалама найти нужно, — ответил он. — Или хотя бы узнать, что с ним произошло. Нам надо узнать о его судьбе, и тогда вы сможете выбрать

нового короля. Это же так происходит?

— Уверена, милорд Дракон, вас коронуют быстро, — льстиво произнесла Милисайр.

— Я не буду здесь королем, — сказал Ранд. — Приведи мне гонца, Милисайр, и, возможно, доживешь до того дня, когда будет коронован новый король. Можешь удалиться.

Милисайр замешкалась, потом вновь склонилась в реверансе и покинула гостиную. Ранд мельком увидел Мин — она стояла снаружи вместе с айильцами и провожала взглядом купчиху. Он поймал ее взгляд; Мин выглядела встревоженной. Интересно, что она увидела в своих видениях о Милисайр? Ранд хотел было позвать девушку, но Мин, сделав несколько быстрых шагов, исчезла из виду. Стоявшая в стороне Аливия с любопытством посмотрела ей вслед. В последнее время бывшая дамани стала держаться в стороне от всех, будто дожидаясь того момента, когда сможет исполнить свое предназначение — помочь Ранду умереть.

Он сообразил, что почему-то встал с кресла. То выражение в глазах Мин. Она на него сердится? Вспоминает его руку у себя на шее? Колено, которое прижимало ее к полу?

Ранд уселся обратно. Мин подождет.

— Хорошо, — сказал он, обращаясь к айильцам. — Пришлите сюда секретарей и управителей и позовите Руарка и Бэила. А еще приведите тех видных горожан, кто не сбежал из города и кого не убили в беспорядках. Нужно обсудить, как лучше распределить зерно.

Айильцы отрядили гонцов, и Ранд откинулся в кресле. Он позаботится о том, чтобы людей накормили, порядок был восстановлен и вновь собран Купеческий совет. Он даже позаботится о том, чтобы был избран новый король.

А еще он выяснит, куда подевался Алсалам. Ибо именно там, как твердили ему все инстинкты, стоит искать Грендаль. Это лучшая из имеющихся ниточек.

Если Ранд найдет Грендаль, то сделает все, чтобы та умерла от погибельного огня — точно так же, как и Семираг. Он сделает то, что должно быть сделано.

Глава 30
Старый совет

Своего отца Гавин помнил плохо — этот человек никогда особенно отцом и не был, по крайней мере, для него, — но воспоминания об одном дне, проведенном в садах кэймлинского дворца, были сильны. Стоя у небольшого прудика, Гавин кидал в воду округлые камешки. Мимо, по Розовому променаду, проходил Таринге́йл, и его сопровождал юный Галад.

В воспоминаниях Гавина картина по-прежнему оставалась живой и яркой. Одуряющий аромат цветущих роз. Серебристая рябь на глади пруда; гольяны, прыскающие в стороны от маленьких камешков, которые он в них кидал. Гавин мог легко представить отца. Высокий, привлекательный, слегка вьющиеся волосы. Галад уже тогда ходил расправив плечи и с мрачным выражением лица. Несколькими месяцами позже Галад спасет Гавина, тонувшего в том самом пруду.

До слуха Гавина донеслись сказанные отцом слова, которые он никогда не забывал. Что бы ни думали о Таринге́йле Дамодреде, этот совет

был верен.

— Есть два сорта людей, кому никогда не следует доверять, — говорил Тарингейл, обращаясь к Галаду, когда оба они проходили мимо Гавина. — Первый — хорошенькие женщины. Второй — Айз Седай. И да поможет тебе Свет, сын, если когда-нибудь тебе доведется столкнуться с красоткой, которая вдобавок окажется и Айз Седай.

«И да поможет тебе Свет, сын».

— Я просто не понимаю, как можно решиться нарушить ясно высказанную волю Амерлин, — чопорным тоном промолвила Лилейн, помешивая чернила в маленькой склянке, стоящей у нее на столе. Ни один мужчина не станет доверять красивой женщине, сколь бы в ней ни было очарования. Но немногие понимают то, о чем говорил Тарингейл: подобно остывшему и с виду совсем не горячему угольку, хорошенькая девушка может оказаться намного, намного опаснее.

Красавицей Лилейн не слыла, но она была очень миловидна, особенно когда улыбалась. Стройная и изящная, без единой седой прядки в темных волосах, с миндалевидным лицом и полными губами. Она смотрела на Гавина снизу вверх — такими пленительными глазами, которые не могли принадлежать столь хитроумной

женщине. И кажется, она отдавала себе в этом отчет. Лилейн понимала, что она достаточно хороша собой, чтобы привлечь внимание мужчины, но не настолько ошеломляюща, чтобы заставить его насторожиться.

Лилейн принадлежала к женщинам самого опасного типа. К тем, кто не теряет связи с реальностью, кто заставляет мужчин думать, будто им под силу овладеть ее вниманием. Она не была так привлекательна, как Эгвейн, расставаться с которой не хотелось ни на минуту. От улыбки такой особы, как Лилейн, просыпалось желание пересчитать ножи на ремне и за голенищами сапог — просто чтобы убедиться, что ни один из них, стоит лишь тебе отвернуться в сторону, не воткнут тебе же в спину.

Гавин стоял возле письменного стола Лилейн, под тенью полога островерхой синей палатки. Сесть ему не предложили, и он не стал просить о такой привилегии. Разговор с Айз Седай, в особенности с высокопоставленной Айз Седай, требовал рассудительности и уравновешенности. Лучше он постоит. Не исключено, что это поможет ему держаться настороже.

— Эгвейн пытается вас защитить, — сказал Гавин, умело скрывая разочарование. — Вот почему

она приказала вам отказаться от ее спасения. Совершенно очевидно, что она не хочет, чтобы вы рисковали собой. Слишком уж она готова пожертвовать собой.

«А не будь она такой, — добавил про себя Гавин, — то никогда бы не позволила вам всем втянуть себя в эту глупость. Вот же выдумали — выдавать ее за Амерлин!»

— Кажется, она весьма уверена, что ей ничто не грозит, — ответила Лилейн, обмакнув перо в чернила. Она начала писать что-то на клочке пергамента — явно записка кому-то. Из вежливости Гавин не стал читать поверх плеча Айз Седай, однако отметил этот рассчитанный шаг с ее стороны. Гавин не представлял собой важности, а значит, и не мог претендовать на все внимание Лилейн. Юноша предпочел не заметить подобного оскорбительного выпада. На Брина он попытался надавить — ничего не вышло; на эту женщину его угрозы подействуют еще меньше.

Поэтому Гавин сказал:

— Она пытается умерить вашу тревогу, Лилейн Седай.

— Я трезво сужу о людях, юный Траканд. И не думаю, что она чувствует для себя угрозу. — Айз Седай покачала головой. Духи Лилейн пахли

яблочным цветом.

— Не сомневаюсь в ваших умениях, — ответил Гавин. — Но вероятно, если бы я знал, *как* вы с ней связываетесь, то мог бы судить лучше. Если бы я…

— Тебя предупреждали — не спрашивать об этом, дитя мое, — сказала Лилейн своим негромким, мелодичным голосом. — Предоставь Айз Седай разбираться в делах Айз Седай.

Фактически тот же самый ответ Гавин получал от каждой сестры, когда спрашивал, как они связываются с Эгвейн. От разочарования Гавин стиснул зубы. А чего он ожидал? Тут вряд ли обошлось без Единой Силы. Даже проведя столько времени в Белой Башне, он слабо представлял себе, на что Сила способна, а на что — нет.

— Так или иначе, — продолжила Лилейн, — Амерлин полагает, что она находится в относительной безопасности. То, что мы выяснили из рассказа Шимерин, только подкрепляет и подтверждает сказанное нам Эгвейн. Элайда настолько ослеплена властью, что не рассматривает законную Амерлин как угрозу.

Она явно чего-то недоговаривает. Гавин чувствовал это. Ему никак не удавалось добиться от них прямого ответа, принимая во внимание

то, каково нынче положение Эгвейн. До него доходили слухи, что девушка теперь находится в заключении и ее лишили свободы передвижения — той возможности, какой обладают послушницы. Но получить хоть какие-то сведения от Айз Седай было не легче, чем сбить масло из камней!

Гавин вздохнул. Нельзя терять самообладание. Если он сорвется, то ни за что не заставит Лилейн слушать себя. А она была очень ему нужна. Брин и шагу с места не ступит без разрешения Айз Седай, и, насколько смог понять Гавин, наиболее высоки у него шансы добиться такого разрешения или у Лилейн, или у Романды. Именно к этим двум, судя по всему, прислушиваются остальные.

К счастью, Гавин обнаружил, что может вынудить их играть друг против друга. Посещение Романды практически всегда влекло за собой приглашение от Лилейн. Разумеется, причина, по которой они стремились увидеть его, вообще-то, имела слабое отношение к Эгвейн. Несомненно, очень скоро разговор свернет в том направлении.

— Вероятно, вы правы, Лилейн Седай, — произнес Гавин, решив испробовать другой подход. — Вероятно, Эгвейн действительно считает, что ей ничего не угрожает. А если допустить возмож-

ность того, что она ошибается? Вы и в самом деле верите, будто Элайда позволит женщине, которая называет себя Амерлин, без помех разгуливать по Белой Башне? Очевидно, это просто способ выставить схваченную соперницу напоказ — перед тем, как предать ее казни.

— Это возможно, — ответила Лилейн, продолжая писать. У нее был гладкий, витиеватый почерк. — Но разве не обязана я поддерживать Амерлин, пусть даже она и ошибается?

Гавин не ответил. Разумеется, она способна не подчиниться воле Амерлин. Он достаточно знал и о политике, и об Айз Седай, чтобы понимать, что так делается постоянно. Но если он скажет об этом, подобное заявление ничего ему не даст.

— Тем не менее… — задумчиво протянула Лилейн. — Пожалуй, я могу вынести вопрос на обсуждение Совета. Может, нам удастся убедить Амерлин прислушаться к просьбе иного рода. Посмотрим, сумею ли я изложить новые доводы.

«Посмотрим», или «возможно, нам…», или «я посмотрю, что можно сделать». Ясные и твердые обязательства — никогда; при всех неопределенных обещаниях — обильно смазанные гусиным жиром удобные пути для отступления. О Свет, но как ему уже надоели уклончивые ответы Айз

Седай!

Подняв на Гавина взгляд, Лилейн одарила юношу улыбкой.

— А теперь, когда я согласилась что-то сделать для тебя, ты, возможно, захочешь предложить кое-что мне. Как ты знаешь, великие деяния редко увенчиваются успехом без помощи многих соратников.

Гавин вздохнул:

— Говорите, что вам нужно, Айз Седай.

— Судя по сообщениям, твоя сестра замечательно проявила себя в Андоре, — сказала Лилейн так, будто и не говорила Гавину практически тех же самых слов во время их последних трех встреч. — Однако, дабы обезопасить свой трон, ей все же пришлось наступить кое-кому на ноги. Что ты думаешь о ее политике в отношении фруктовых садов Дома Траймане? При правлении твоей матери налогообложение этих земель было очень благоприятным для Траймане. Отменит ли Илэйн особые привилегии или этим медком подсластит горечь поражения у тех, кто противостоял ей?

Гавин сдержал очередной вздох. В итоге разговор всегда сводился к Илэйн. Он был уверен, что ни Лилейн, ни Романда не были по-настоящему заинтересованы в спасении Эгвейн — обеим

очень пришлось по нраву, насколько выросла их власть в отсутствие Амерлин. Нет, с Гавином они встречались лишь из-за того, что на Львином троне теперь — новая королева.

Сам он никакого понятия не имел, с какой стати Айз Седай из Голубой Айя волнует налогообложение яблочных садов. Денежной выгоды Лилейн искать не стала бы — это не в обычае у Айз Седай. Но ей не помешал бы некий рычаг, какой-то способ заручиться выгодной связью со знатными домами Андора. Гавину очень не хотелось отвечать. Зачем ему помогать этой женщине? Что это даст, какую пользу принесет?

Но все-таки… разве он совершенно уверен, что она ничего не станет предпринимать ради освобождения Эгвейн? Если из-за него эти встречи станут для Лилейн бесполезными, продолжит ли она с ним встречаться? Не окажется ли он тогда отрезан от своего единственного в лагере источника влияния — сколь бы незначительным оно ни было?

— Ну, — промолвил Гавин, — думаю, что сестра займет более жесткую позицию, чем моя мать. Она всегда считала, что больше нет оснований предоставлять владельцам садов благоприятные условия.

Он заметил, что Лилейн стала тайком записывать то, что он говорит, в нижней части пергамента. Не по этой ли причине на столе у нее наличествовали перо и чернила?

Иного выбора, как отвечать по возможности искренне и честно, у Гавина не было, однако он должен быть осторожен, чтобы не выдать слишком много сведений. Родство с Илэйн — вот то единственное, что он мог предложить для сделки, и он должен был отмерять свою полезность понемногу, стремясь растянуть ее надолго. Это раздражало Гавина. Илэйн — его сестра, а не предмет для торга!

Но больше ничего у него не было.

— Понятно, — ответила Лилейн. — А как обстоят дела с северными вишневыми садами? В последнее время они давали не столь завидные сборы, и…

Гавин вышел из палатки, качая головой. Битый час Лилейн изводила его вопросами о налоговых ставках в Андоре. И вновь Гавин не был уверен, добился ли чего-нибудь этим визитом. Так он никогда не освободит Эгвейн!

Как всегда, снаружи возле палатки посетителя ждала послушница в белом, готовая сопроводить Гавина из внутреннего лагеря. На сей раз этой

послушницей оказалась низенькая полная женщина, которая выглядела заметно старше того возраста, когда принято было надевать белое облачение послушницы.

Гавин позволил ей провести его через лагерь Айз Седай, старательно делая вид, будто она — просто провожатая, а не страж, который должен удостовериться, что он, как и велено, покинул пределы лагеря. Да, Брин прав: женщинам не нравится, когда всякий нежелательный люд — а в особенности солдаты — шатается поблизости от их аккуратной деревеньки, уподобленной Белой Башне. По пути Гавину встретилось несколько куда-то торопившихся групп облаченных в белое женщин — они быстро шли по дощатым тротуарам и поглядывали на него с тем легким недоверием, каким даже самый дружелюбный человек одаривает незнакомца. Гавин прошел мимо Айз Седай — этих отличала непоколебимая уверенность в себе, независимо от того, носили они богатые шелка или плотную шерсть. Он миновал и несколько групп работниц, с виду куда более опрятных, чем их товарки в военном лагере. Да и шагали они так, будто и сами Айз Седай, словно бы обрели толику власти уже тем, что им позволено находиться в пределах насто-

ящего лагеря.

Все эти группы пересекали открытое пространство вытоптанной травы, которое образовывало общую зону. В том лагере Гавин осознал одну вещь, которая больше всего приводила его в замешательство, и связано это было с Эгвейн. Он все отчетливее понимал, что люди здесь действительно видели в ней Амерлин. Она вовсе не была подсадной уткой, которую подставили под гнев Элайды, и в то же время ее избрание не было рассчитанным оскорблением, призванным вывести из себя Элайду. Для них Эгвейн на самом деле была Амерлин.

Несомненно, избрали ее потому, что мятежницам был нужен кто-то, кем можно управлять. Но обращались с ней не как с марионеткой — и Лилейн, и Романда говорили об Эгвейн с уважением. Да, отсутствие Эгвейн давало им преимущество, потому что создавало пустоту во власти. А значит, они относились к Эгвейн как к источнику правомочной власти. Неужели он единственный, кто помнит, что считаные месяцы назад она была принятой?

Дел у нее и вправду было выше головы. Тем не менее она произвела на людей в лагере впечатление. Это напоминало то, как его мать пришла

к власти в Андоре много лет назад.

Но почему Эгвейн не разрешает себя спасти? Был вновь открыт секрет Перемещения — судя по тому, что он слышал, сама Эгвейн его и открыла! Ему нужно с ней поговорить. Вот тогда он сможет судить о том, вызвано ли ее нежелание бежать страхом подвергнуть опасности других людей, или же дело в чем-то ином.

На границе между воинским биваком и лагерем Айз Седай Гавин отвязал Неукротимого от столба, кивнул на прощание послушнице и запрыгнул в седло. Потом, отметив положение солнца, он развернул коня на восток и пустил Неукротимого рысью по дорожке между армейскими палатками. Гавин не врал Лилейн, сказав, что у него назначена еще одна встреча — он обещал Брину встретиться с ним. Разумеется, Гавин условился об этой встрече потому, что знал: возможно, ему потребуется повод сбежать от Лилейн. Этому его научил Брин: заранее подготовить путь отступления — вовсе не проявление страха. Это всего лишь хорошая и понятная стратегия.

Проскакав рысью больше часа, Гавин обнаружил своего старого наставника там, где они и договаривались встретиться: на одном из отдаленных сторожевых постов. Брин проводил

проверку — похожую на ту, какой Гавин воспользовался для маскировки своего побега от Отроков. Когда на склоне, покрытом короткой щетинистой травой и чахлыми весенними побегами, появился Гавин, генерал как раз садился верхом на своего большеносого гнедого мерина. Аванпост располагался в ложбине на пологом уклоне, откуда хорошо просматривались подходы с северного направления. В присутствии командующего солдаты держались со всем почтением, скрывая в то же время свою враждебность к Гавину. Давно уже не было секретом, что именно он возглавлял войско, которое с таким успехом осуществляло налеты на них. Стратег, подобный Брину, мог с уважением относиться к Гавину, ценя за его умения, пусть и находились они по разные стороны, но у этих людей были товарищи, погибшие при нападениях отрядов Гавина.

Кивнув Гавину, Брин развернул коня.

— Ты прибыл позднее, чем говорил, парень, — заметил генерал.

— Но ведь не позднее, чем вы ожидали? — промолвил Гавин, натягивая повод Неукротимого.

— Нисколько, — улыбаясь, сказал Брин. — Ты же был с визитом у Айз Седай.

В ответ Гавин ухмыльнулся, и оба повернули

коней, направляясь через невысокие холмы на север. Брин планировал проинспектировать все сторожевые посты к западу от Тар Валона, а эта обязанность предполагает долгие часы езды верхом, поэтому Гавин предложил командующему сопровождать его. Времени у Гавина было хоть отбавляй, а чем себя занять, он не знал: немногие солдаты согласились бы попрактиковаться с ним в фехтовании, а согласные на тренировочный бой с излишним усердием старались довести схватку до «несчастного случая». Долго себе докучать Айз Седай не позволят, а настроения для игры в камни у Гавина в последнее время не было. Он чувствовал себя как на иголках, тревожился за Эгвейн и был раздражен своим топтанием на месте. Да и по правде говоря, он, вообще-то, никогда и не был очень хорошим игроком — в отличие от матери. Брин же настаивал, чтобы Гавин все равно практиковался в этой игре, полагая ее способом обучения военной стратегии.

Склоны холмов там и сям покрывали желтая трава и неряшливые кустики живокостника с характерными искривленными и сучковатыми ветвями и мелкими бледно-голубыми цветами. Холмы должны были как лоскутное одеяло, пестреть полевыми цветами, но ни один цветок так

до сих пор и не зацвел. В пейзаже чувствовалась какая-то болезненность: всхолмье было где-то желтым, где-то — голубовато-белесым, в обильных заплатах бурой жухлой поросли, которая после суровой зимы так и не смогла вновь вернуться к жизни.

— Не хочешь рассказать, как прошла встреча? — спросил Брин. Позади них держался отряд солдат — своеобразный почетный караул.

— Готов биться об заклад, что вы и так уже догадались.

— Ну, не знаю, — отозвался Брин. — Времена нынче необычные, и странные события стали в порядке вещей. Может, Лилейн решила на время отказаться от интриг и захотела в самом деле прислушаться к твоим просьбам.

Гавин скривился:

— Думаю, что скорее отыщется троллок, который возьмется ткать, чем Айз Седай, которая откажется от интриг.

— Полагаю, тебя предупреждали.

Ни одного довода Гавин привести не мог, так что какое-то время они просто ехали молча, оставляя далекую реку справа от себя. А там, за рекой, — башня и крыши Тар Валона. Тюрьма.

— В конце концов, Гавин, нам с тобой не уйти

от разговора о тех солдатах, которых ты покинул, — вдруг сказал Брин, глядя куда-то вперед.

— Не понимаю, что там обсуждать, — ответил Гавин, хотя и не вполне искренне. Он подозревал, о чем именно попросит Брин, и вовсе не желал подобной беседы.

Брин покачал головой:

— Мне нужны сведения, парень. Расположение, численность отрядов, их вооружение. Я знаю, что вы базировались в какой-то деревне на востоке, но в какой именно? Сколько человек в твоем войске и какую поддержку им оказывают Айз Седай, верные Элайде?

Гавин смотрел прямо перед собой.

— Я пришел помочь Эгвейн. А не предавать тех, кто мне доверял.

— Ты их уже предал.

— Нет, — твердо ответил Гавин. — Я покинул их, но не предавал. И предавать не собираюсь.

— И ты думаешь, я позволю себе не воспользоваться возможным преимуществом? — спросил Брин, развернувшись к Гавину. — То, что у тебя в голове, может спасти немало жизней.

— Или стоить немало жизней. Если посмотреть с другой стороны.

— Не усложняй, Гавин.

— Или что? — спросил Гавин. — Прибегнете к пытке?

— Ты готов страдать ради них?

— Они — мои люди, — просто ответил Гавин.

«Или, по крайней мере, были моими». Так или иначе, но с него довольно, что войны и обстоятельства швыряют его туда-сюда. Белой Башне Гавин не стал бы присягать, но и этим мятежницам он не отдаст свою верность. Эгвейн и Илэйн — вот кто владеет его сердцем и его честью. И если он не может отдать душу и честь им, тогда отдаст и то и другое Андору — и всему миру, — выследив Ранда ал'Тора и сделав все, чтобы увидеть его мертвым.

Ранд ал'Тор. Гавин не верил тому, что Брин говорил в защиту ал'Тора. О нет, Брин искренне убежден в том, что говорит, — но он ошибается. Подобное случается и с лучшими из людей — любой может поддаться обаянию такого харизматического существа, как ал'Тор. Тому удалось даже Илэйн провести. Единственный способ им всем помочь — разоблачить этого Дракона и избавиться от него.

Гавин внимательно смотрел на Брина, который отвернулся в сторону. Наверное, тот все еще размышляет об Отроках. Маловероятно, чтобы Брин

отдал приказ подвергнуть Гавина допросу под пыткой. Гавин слишком хорошо знал полководца и его понятие о чести. Такого не случится. Но Брин *мог* прийти к решению взять Гавина под стражу. Возможно, будет разумным ему что-нибудь предложить.

— Они совсем юнцы, Брин, — сказал Гавин.

Тот нахмурился.

— Юнцы, — повторил Гавин. — Едва прошедшие обучение. Они годятся для тренировочных площадок, а не для полей сражений. У них храбрые сердца, они хорошо владеют оружием, но сейчас, когда я от них ушел, для вас они представляют куда меньшую угрозу. Я был тем, кто понимал вашу стратегию. Без меня им придется куда сложнее во время рейдов. Подозреваю, если они продолжат свои набеги, то недалек тот день, когда им сильно не поздоровится. Мне нет нужды торопить эти печальные события.

— Хорошо, — ответил Брин. — Я подожду. Но если их нападения останутся такими же эффективными, то ты вновь услышишь от меня этот же вопрос.

Гавин кивнул. Лучшее, что он может сделать для Отроков, — всячески содействовать тому, чтобы положить конец расколу между мятеж-

ницами и теми, кто остался лоялен Элайде. Но подобное казалось намного превыше его сил. Возможно, после освобождения Эгвейн он сумеет что-нибудь придумать. О Свет! Не собираются же они нападать? Или нет? В стычках после падения Суан Санчей уже пролилась кровь, и это само по себе было достаточно плохо. А что случится, если здесь, под стенами Тар Валона, столкнутся целые армии? Айз Седай против Айз Седай, Страж против Стража на поле боя? Катастрофа.

— Не может же дойти до такого… — Гавин понял, что произнес эти слова вслух.

Брин окинул юношу взглядом. Их лошади продолжали путь через поле.

— Нельзя атаковать, Брин. Осада — это одно. Но что вы станете делать, если вам прикажут идти на приступ?

— То же, что и всегда, — ответил Брин. — Повиноваться приказу.

— Но…

— Я дал слово, Гавин.

— И сколько смертей будет стоить ваше слово? Штурм Белой Башни обернется катастрофой. Сколь бы пренебрежительно ни относились к этому мятежные Айз Седай, но ни о каком примирении и речи не будет, если к нему принудить

мечом.

— Это не нам решать, — ответил Брин. Он посмотрел на Гавина с задумчивым выражением на лице.

— Что? — спросил тот.

— Странно, почему это тебя волнует. Я думал, ты тут только ради Эгвейн.

— Я… — Гавин запнулся.

— Кто ты, Гавин Траканд? — Брин настойчиво продолжал добиваться от юноши ответа. — Чему на самом деле отдана твоя верность?

— Гарет, вы знаете меня лучше прочих.

— Я знаю, кем ты должен был быть, — ответил Брин. — Первый принц меча, обученный Стражами, но не связанный узами ни с одной из женщин.

— И кем из этого я не являюсь? — с запальчивостью поинтересовался Гавин.

— Спокойнее, парень. Я не хотел тебя обидеть. Просто взгляд со стороны. Я знаю, что ты никогда не был столь прямолинеен, как твой брат. Думаю, я должен был заметить это в тебе.

Гавин повернулся к старому генералу. О чем тот говорит?

Брин вздохнул:

— Такой вопрос, Гавин, перед большинством

солдат никогда и не встает. Ну, может, они об этом и задумываются, но мучиться из-за подобных мыслей себе не позволяют. Пусть об этом думает кто-нибудь другой, повыше званием.

— О чем? — спросил Гавин, озадаченный.

— О том, какую сторону выбрать. И о том, верным ли было решение — если ты уже успел сделать свой выбор. Простым пехотинцам не приходится делать выбор или мучиться сомнениями, но те, кто отдает им приказы, кто командует войсками… да, я вижу, в тебе это есть. У тебя немалый талант во владении мечом. Ради чего ты применяешь свой дар?

— Ради Илэйн, — не медлил с ответом Гавин.

— Так, как делаешь это сейчас? — с насмешливой ноткой в голосе спросил Брин.

— Ну, как только спасу Эгвейн.

— А если Эгвейн не пойдет? Парень, мне знаком этот твой взгляд. И об Эгвейн ал'Вир мне кое-что известно. Она не уйдет с поля боя, пока не будет выявлен победитель.

— Я заберу ее. Увезу обратно в Андор.

— Прибегнув к силе? Так же, как проложил дорогу в мой лагерь? Ты готов угрожать и запугивать, готов стать разбойником, славящимся лишь способностью убивать или карать тех, кто

с тобой не согласен?

Гавин не ответил.

— Кому служить? — задумчиво промолвил Брин. — Порой наши способности пугают нас самих. Чем становится способность убивать, если для нее не находится выхода? Растраченным попусту талантом? Тропинкой, идя по которой превращаешься в убийцу? Сила защищать и беречь — пугает. И вот ты ищешь, кому бы отдать свое умение, того, кто сумеет мудро распорядиться им. Необходимость выбирать грызет тебя, даже после того, как ты сделал выбор. Чаще я замечаю эти сомнения у молодых. Мы, старые псы, счастливы тем, что для нас есть местечко у очага. Если кто-то велит нам сражаться, нам не хочется слишком уж будоражить все вокруг. Но молодые… они задумываются.

— Вы задавали себе этот вопрос? Хотя бы раз?

— Да, — ответил Брин. — И не однажды. В Айильскую войну я не был капитан-генералом, но я уже командовал людьми. Тогда я не раз и не два задумывался над этим.

— Как можно было задаваться вопросом о выборе стороны в Айильской войне? — нахмурившись, спросил Гавин. — Они же пришли убивать.

— Они явились не за нами, — ответил Брин. — Им нужны были только кайриэнцы. Конечно, сразу это было непросто понять, но, по правде говоря, кое-кто из нас задумывался. Ламан заслуживал смерти. Почему должны умирать мы, встав у них на пути? Возможно, многим из нас следовало бы задать себе этот вопрос.

— Тогда каков ответ? — спросил Гавин. — Где ваша верность? Кому служу я?

— Я не знаю, — откровенно ответил старый военачальник.

— Так зачем вообще спрашивать? — грубо отозвался Гавин, резким рывком осаживая лошадь.

Брин, натягивая поводья, обернулся к нему:

— Я не знаю ответа — потому что его нет. Так или иначе, но каждый сам решает для себя. Когда я был молод, то сражался ради славы. В конце концов до меня дошло, что в убийстве мало чести, и я понял, что изменился. Потом я сражался, потому что служил твоей матери. Я был ей верен. Когда она не оправдала моей верности, я снова начал сомневаться. Каков итог тех многих лет служения ей? А те люди, которых я убивал во имя нее? Ради чего все это было? Какое это имело значение?

Седой генерал повернулся и, тряхнув поводьями, послал свою лошадь вперед. Догоняя его,

Гавин пришпорил Неукротимого.

— Ты удивляешься, почему я здесь, а не в Андоре? — спросил Брин. — Да потому, что я не могу уйти. Потому, что мир меняется, и я должен быть частью этих перемен. Потому что, когда в Андоре у меня отняли все, мне нужно было куда-то девать свою верность. Узор дал мне такую возможность.

— И вы сделали свой выбор лишь потому, что представилась возможность?

— Нет, — произнес Брин. — Потому что глупец. Вот потому я за нее и ухватился. — Брин взглянул Гавину в глаза. — Но остался я потому, что так правильно. То, что разломилось, должно снова стать целым, а мне довелось увидеть, что способен сотворить с королевством плохой правитель. Нельзя допустить, чтобы Элайда утянула за собой весь мир.

Гавин вздрогнул.

— Да, — сказал Брин. — Я и в самом деле стал им верить. Глупым женщинам. Но, во имя Света, они правы, Гавин. И то, что я делаю, — правильно. Она права.

— Кто?

Брин покачал головой, бормоча:

— Проклятая женщина.

«Кто? Эгвейн?» — удивился про себя Гавин.

— У меня на то свои причины, парень, и для тебя они вряд ли так значимы, — заметил Брин. — Ты же не один из моих солдат. Но тебе нужно будет принять решение. Наступают непростые дни, и ты должен встать на чью-то сторону. И ты должен понимать, почему сделал такой выбор. Вот и все, что я скажу об этом.

Он дал коню шенкеля, пустив его вперед быстрым аллюром. Вдалеке Гавин разглядел очередной сторожевой пост. Когда Брин в сопровождении своего эскорта направился туда, Гавин поотстал от них.

Выбери сторону. А если Эгвейн не пойдет с ним?

Брин прав. Что-то надвигается. Это можно было почуять в воздухе, почувствовать в слабом солнечном свете, сумевшем пробиться сквозь облака. Можно было ощутить, как в отдалении, где-то на севере, будто бы потрескивают за темнеющим горизонтом некие невидимые разряды, подобные темным молниям.

Война, битвы, конфликты, перемены. Гавина не оставляло чувство, будто он не в состоянии осознать, что же это за разные стороны. Не говоря уж о том, какую из них он должен выбрать.

Глава 31
Обещание Льюсу Тэрину

Несмотря на то что влажная жара подвергала испытанию ее способность «не замечать» погоду, Кадсуане продолжала носить плащ с надвинутым капюшоном. Она не осмеливалась ни опустить капюшон, ни снять плащ. Слова ал'Тора были точны: если он увидит лицо Кадсуане, ее казнят. Айз Седай считала, что лучше несколько часов потерпеть неудобства, а не рисковать собственной жизнью, даже если она уверена, что ал'Тор преспокойно сидит в том поместье, которое совсем недавно себе присвоил. Нередко мальчик появлялся там, где его не ждали или не желали видеть.

Разумеется, Кадсуане не собиралась мириться с тем, что он вздумал ее прогнать от себя. Чем больше власти и могущества обретает мужчина, тем вероятнее, что распоряжаться ими он будет как идиот. Дайте мужчине корову, и он будет с прилежанием заботиться о ней, чтобы полученным удоем кормить семью. Дайте ему десять коров, и наверняка он посчитает себя богачом

— и дело кончится тем, что все десять передохнут у него из-за нерадивости и недостатка заботы.

Шаги Кадсуане грохотали по дощатому настилу тротуара. Она шла мимо украшенных флагами зданий, похожих на поставленные друг на друга ящики. Ей вовсе не по душе было снова оказаться в Бандар Эбане. Против доманийцев Кадсуане ничего не имела; просто она предпочитала не столь многолюдные города. А из-за того, что за пределами городских стен было весьма неспокойно, людей в Бандар Эбан стеклось вдвое больше обычного. Беженцы продолжали прибывать мелкими группками, несмотря на слухи о появлении в городе ал'Тора. В переулке слева от себя Кадсуане увидела целое семейство таких беженцев — дети и взрослые, с потемневшими от грязи лицами.

Ал'Тор обещал еду. Обещание привлекло в город множество голодных ртов, и селяне вовсе не жаждали вернуться на свои фермы даже после того, как их обеспечат съестными припасами. В сельской местности все еще хватало хаоса, а здесь еда была неиспорченной. Беженцы не могли быть уверены, что зерно просто-напросто не испортится, как это нередко случалось в последнее время. Нет, они никуда не уходили, наводнив город своими толпами.

Двигаясь по тротуару дальше и стуча по его доскам этими ужасными деревянными башмаками, Кадсуане покачала головой. Город был известен этими длинными прочными платформами-тротуарами, позволявшими пешеходам избежать уличной грязи. Мостовые избавили бы жителей от подобной неприятности, но частенько доманийцы гордились тем, что они отличаются от остального мира. Непереносимо острые блюда и внушающие ужас столовые приборы. Столица, переполненная легкомысленными флагами и выстроенная над огромным портом. Скандальные платья на женщинах, тонкие усики у мужчин и подобающая скорее Морскому народу любовь к серьгам.

Сотни стягов трепетали на ветру, и, идя мимо, Кадсуане стиснула зубы, борясь с искушением отбросить капюшон на спину и почувствовать на лице ветер. Проклятый Светом океанский воздух. Обычно в Бандар Эбане было прохладно и дождливо. Нечасто ей доводилось терпеть такую жару. А влажность в любом случае была чудовищной. У здравомыслящих людей хватает ума держаться подальше от моря!

Кадсуане миновала несколько улиц, переходя перекрестки по грязи. На ее взгляд, это был

непоправимый недостаток, присущий тротуарам-настилам. Местные жители знали, по каким улицам можно пройти напрямик, а какие утопают в грязи, однако Кадсуане приходилось перебираться на другую сторону улицы там, где она могла ее перейти. Потому-то она отыскала эти башмаки с толстой деревянной подошвой, сработанные в тайренском стиле, как колодки, надев их поверх своих туфель. На удивление сложно оказалось отыскать торговца, который бы их продавал; доманийцев, по-видимому, подобный товар интересовал мало, и большинство пешеходов либо шлепали по грязи босиком, либо знали, где можно перебраться через улицу, не испачкав обуви.

На полпути к причалам Кадсуане наконец-то добралась до своей цели. О деревянный резной фасад хлопал красивый флаг, гласивший, что гостиница называется «Благосклонность ветра». Кадсуане шагнула в дверь и, прежде чем пройти дальше, сбросила башмаки-колодки в заляпанной грязью передней. И там наконец она позволила себе снять капюшон. Если ал'Тор случайно заглянет именно в эту гостиницу, тогда ему придется ее повесить.

Общая зала гостиницы была украшена скорее

как королевская столовая, а не таверна. Столы были застланы белыми скатертями, а покрытый лаком деревянный пол — вымыт до блеска. По стенам развешаны со вкусом подобранные натюрморты: чаша с фруктами — позади стойки; ваза с цветами — на стене напротив. Бутылки на полке за стойкой по большей части были винными, только несколько содержали бренди или иные напитки.

Худощавого хозяина гостиницы, высокого андорца с овальным лицом, звали Куиллин Тасил. Волосы у него — редеющие на макушке и коротко подстриженные на висках — были темными, а борода, окладистая и тоже коротко подрезанная, — почти целиком седой. Из рукавов его прекрасно сшитого кафтана цвета лавандовых лепестков выглядывали белые кружевные манжеты, но поверх кафтана он носил передник трактирщика. Обычно хорошо осведомленный, Тасил никогда не отказывался при необходимости навести справки и среди собратьев по ремеслу — содержателей гостиниц и постоялых дворов. Действительно, очень полезный человек.

Тасил улыбнулся вошедшей Кадсуане, вытирая руки полотенцем, и жестом пригласил гостью присаживаться за стол, а сам направился к стойке

за вином. Кадсуане только успела сесть за столик, как двое мужчин в другом конце комнаты принялись громко спорить. Остальные посетители, которых было всего четверо — две женщины за столом в дальнем углу и еще двое мужчин у стойки, — не обратили на перепалку внимания. Проведя какое-то время в Арад Домане, нельзя не научиться игнорировать частые вспышки гнева и прочие шумные проявления человеческого темперамента. Мужчины-доманийцы могли, точно вулканы, взорваться в любой момент, и большинство людей соглашались, что виной тому — доманийки. Ссора этих двоих не обернулась дуэлью, что было бы обычным делом в Эбу Дар. Вместо того они какое-то время орали, потом стали соглашаться друг с другом, а напоследок оба настояли на том, что каждый закажет другому еще вина. Драки были обыденностью, кровопролитие — редкостью. Ранения вредят бизнесу.

Появился Куиллин, неся кубок с вином — должно быть, одного из лучших сборов. Кадсуане никогда не просила у него подавать ей лучшее вино, но никогда и не жаловалась.

— Госпожа Шор! — любезно приветствовал ее хозяин гостиницы. — Жаль, что я раньше не узнал, что вы вновь появились в городе! Об этом

мне стало известно только из вашего письма!

Кадсуане взяла предложенный кубок:

— Мастер Тасил, я не привыкла сообщать всем знакомым о своем местопребывании.

— Нет, конечно же нет! — Казалось, резкий ответ его совершенно не задел. Кадсуане ни разу не удалось вызвать у него вспышку гнева. Эта сдержанность всегда вызывала у нее любопытство.

— Кажется, дела в гостинице идут хорошо, — вежливо промолвила Айз Седай.

После ее слов Тасил повернулся, окидывая взглядом немногочисленных посетителей. Создавалось впечатление, что им неуютно сидеть за безупречно чистыми столами посреди сияющего пола. Кадсуане не была уверена, пугающая чистота в «Благосклонности ветра» заставляла людей держаться подальше или причина тому упрямое нежелание Куиллина нанимать для развлечения гостей музыкантов и менестрелей. Он утверждал, что они портят атмосферу. В гостиницу, оставляя за собой грязные следы, вошел еще один посетитель. Кадсуане видела, как у Куиллина буквально руки чешутся от нетерпеливого желания снова вымыть пол.

— Эй, вы, — окликнул Куиллин вошедшего. — Если вас не затруднит, очистите обувь, прежде

чем внутрь заходить.

Мужчина, нахмурившись, застыл на миг, но вернулся и сделал, как просили. Куиллин вздохнул и сел за стол Айз Седай.

— Откровенно говоря, госпожа Шор, на мой вкус, в последнее время здесь слишком людно. Иногда не успеваю уследить за всеми посетителями! Люди уходят, так и не дождавшись своей выпивки, потому что я не успеваю до них добраться.

— Можно нанять прислугу, — заметила Айз Седай. — Подавальщицу, пару служанок.

— Как? Чтобы им досталось все веселье? — Он произнес эту фразу со всей серьезностью.

Кадсуане пригубила вино. Да, превосходный вкус, замечательное вино хорошего года, наверное, слишком дорогое, чтобы в гостинице — сколь бы роскошной она ни была — такое вино держали наготове на полке за стойкой. Она вздохнула. Доманийская жена Куиллина входила в число самых преуспевающих городских торговцев шелком. Многие корабли Морского народа разыскивали именно ее, стремясь именно с нею вести торговлю. Куиллин вел счета жены почти двадцать лет, пока не удалился от дел; оба сумели нажить неплохое состояние.

И что он сделал со своим богатством? Открыл гостиницу. Очевидно, он всегда мечтал владеть гостиницей. Кадсуане давным-давно научилась не задавать вопросов о былых желаниях и устремлениях людей, у кого было слишком много свободного времени.

— Что нового в городе, Куиллин? — спросила Айз Седай, толкнув по столешнице к хозяину гостиницы маленький мешочек с монетами.

— Обижаете, госпожа, — поднял он руки. — Я не могу взять ваши деньги!

Кадсуане приподняла бровь:

— Сегодня я не в настроении для игр, мастер Тасил. Если деньги не нужны вам самому, раздайте их бедным. Свет знает, в эти дни их в городе предостаточно.

Куиллин вздохнул, но все же с неохотой опустил мешочек в карман. Возможно, поэтому-то общая зала часто пустовала: трактирщик, который не заботится о деньгах, — странное существо. Многие обыватели сочли бы, что из-за Куиллина чувствуют себя не в своей тарелке — точно так же, как испытывают неловкость от сверкающего пола и изысканных украшений в общей зале.

Однако Куиллин был очень хорош в качестве источника сведений. Жена делилась с ним сплет-

нями. По лицу Кадсуане он наверняка давно уже понял, что его гостья — Айз Седай. Старшая дочь Куиллина, Наминэ, отправилась в Белую Башню, выбрав в итоге Коричневую Айя и устроившись в библиотеке. Доманийка-библиотекарь — в этом не было ничего необычного; книгохранилище Терхана в Бандар Эбане считалось одним из крупнейших в мире. Тем не менее мнения, которые Наминэ высказывала о происходящих событиях — пусть и нерегулярно, однако с редкой проницательностью и глубиной понимания, — пробудили у Кадсуане немалое любопытство, и она решила побольше разузнать о родственниках Коричневой сестры, надеясь обнаружить родителей с положением в обществе. Если у кого-то дочь нашла свое место в Белой Башне, то связь такого рода зачастую настраивала людей по отношению к Айз Седай благожелательно. И ниточка привела ее к Куиллину. Полностью ему Кадсуане не доверяла, но ей он действительно нравился.

— Что нового в городе? — переспросил Куиллин. Ну, скажите по чести, какой содержатель гостиницы станет носить под фартуком украшенный вышивкой шелковый жилет? Чего же удивляться, коли люди считали «Благосклонность ветра» чудно́й гостиницей. — С чего бы

начать? За последнее время столько всего случилось, что и не уследишь!

— Начни с Алсалама, — предложила Кадсуане, потягивая вино. — Когда его видели в последний раз?

— По слухам? Или по рассказам надежных свидетелей?

— И так и этак.

— Есть купцы и один младший ветророжденный, утверждавшие, будто не далее как неделю назад получали от короля личные сообщения, но к подобным заявлениям, миледи, лично я отношусь скептически. Вскоре после того, как король оказался… в нетях, стали появляться поддельные письма, в которых утверждалась якобы его воля. Я собственными глазами видел кое-какие указы, в подлинность которых верю, — ну, по крайней мере, я верю печатям на них, — но чтоб от самого короля? Я бы сказал, что минуло почти полгода с тех пор, как его видел кто-то, за кого я могу ручаться.

— А что о его местонахождении?

Владелец гостиницы с виноватым видом пожал плечами:

— Какое-то время мы были уверены, что за исчезновением короля стоит Купеческий совет.

Они редко выпускали короля из виду, и, памятуя о беспорядках на юге, все считали, что его величество переправили в безопасное место.

— Но?

— Но мои источники, — Куиллин имел в виду свою жену, — больше не имеют подобной уверенности. В последнее время Совет совершенно утратил единство, каждый его член пытается уберечь от развала свой кусок Арад Домана. Если бы король был у них, они бы уже показали его стране.

Кадсуане раздосадованно постукивала ногтем по кубку. Могла ли в таком случае оказаться оправданной убежденность мальчика ал'Тора в том, что Алсалам находится в руках кого-то из Отрекшихся?

— Что еще?

— В городе Айил, миледи, — промолвил Куиллин, пытаясь оттереть со скатерти незаметное пятнышко.

Кадсуане подарила ему хмурый взгляд:

— А то я не заметила.

Куиллин хихикнул:

— Да-да, по-моему, это очевидно. Но точное их число в городе и окрестностях — двадцать четыре тысячи. Некоторые поговаривают, что Дракон

Возрожденный держит их тут, чтобы показать свою силу и власть. В конце концов, кто когда-нибудь слышал об Айил, раздающих еду? Половина городской бедноты слишком напугана, чтобы идти за хлебными раздачами — боятся того, что Айил свою отраву подмешивают в зерно.

— Айильская отрава? — Об этом Кадсуане еще не слышала.

Куиллин кивнул:

— Кое-кто утверждает, миледи, будто потому-то продукты и портятся.

— Но ведь съестные припасы в стране портиться начали задолго до появления тут Айил.

— Да-да, конечно. Но сложно держать в памяти такие вещи, когда столько зерна сгнило. Вдобавок, после того как в город явился лорд Дракон, порча усугубилась и все стало гораздо хуже.

Кадсуане скрыла свой хмурый взгляд, поднеся кубок к губам. Стало хуже после появления ал'Тора? Было ли это просто слухом — или правдой? Она опустила кубок и осторожно, чтобы проверить, что удастся обнаружить, поинтересовалась:

— А другие странные происшествия в городе?

— Значит, вы о них слышали? — Куиллин подался вперед. — Люди, разумеется, не любят о

них говорить, но мои источники слышат многое. Мертворожденные дети. Люди погибают от падений, когда ничего серьезнее синяков с ними не могло случиться. Из стен домов выпадают камни и насмерть убивают женщин, отправившихся за покупками. Опасные времена, миледи. Не люблю пересказывать обычные слухи, но кое-что я и сам видел!

Сами по себе события не были непредвиденными.

— Разумеется, есть и то, что их уравновешивает.

— Уравновешивает?

— Рост числа свадеб, — пояснила Кадсуане, взмахнув рукой. — Дети, столкнувшиеся с дикими зверями, но спасшиеся, не получив ни царапины. Нежданные клады, найденные под половицами в доме бедняка. И все такое прочее.

— Несомненно, это было бы замечательно, — со смешком промолвил Куиллин. — Остается лишь желать и надеяться, миледи.

— Ты не слышал подобных историй? — удивленно спросила Кадсуане.

— Нет, миледи. Могу поспрашивать, если хотите.

— Пожалуй, да, поспрашивай. — Хоть ал'Тор

и был та'вереном, но Узор пребывает в равновесии. На каждую смерть от несчастного случая, вызванную присутствием в городе Ранда, всегда приходилось чудесное спасение.

Если такой ход вещей нарушен, что это может значить?

Кадсуане продолжила задавать Куиллину вопросы, уже более конкретные, в первую очередь — о возможном местонахождении членов Купеческого совета. Она знала, что мальчик ал'Тор хочет захватить их всех; если она узнает о том, где они находятся, а у него таких сведений не будет, тогда такое знание может оказаться очень полезным. Еще она попросила Куиллина выяснить экономическое положение других главных городов Арад Домана, и собрать любые сведения о мятежниках или о нападениях тарабонцев на границе.

Когда Кадсуане покидала гостиницу — с крайней неохотой вновь накидывая на голову капюшон и выходя на грязную послеполуденную улицу, — то поняла, что после слов Куиллина вопросов у нее стало больше, чем было до того, как она шагнула через порог «Благосклонности ветра».

Казалось, что вот-вот польет дождь. Конечно,

в последнее время погода всегда была такой. Хмурое и унылое серое небо, облака сливаются в однообразную пелену. По крайней мере, прошлой ночью и в самом деле лил дождь; от этого по какой-то причине пасмурное небо представлялось более приемлемым. Словно бы более естественным, давая Кадсуане возможность притворяться, будто постоянная хмурость — вовсе не очередной признак шевеления Темного. Он изнурил людей засухой, заморозил необычайно суровой зимой, а теперь, похоже, вознамерился уничтожить их унынием.

Кадсуане покачала головой, потопала колодками, дабы убедиться, что они плотно сидят на ногах, после чего шагнула на заляпанный грязью дощатый тротуар и направилась по улице вниз, к причалам и докам. Она решила сама убедиться, насколько точны те слухи о порче. Действительно ли странные события, случающиеся вокруг ал'Тора, приобрели более пагубный характер, или она просто готова легко поверить в то, чего боится?

Ал'Тор. Нужно взглянуть правде в глаза: как она ни старалась, но не справилась с ним, не сумела накинуть на него узду. Конечно, что бы ни утверждал ал'Тор, она не допустила оплошности

с мужским ай'дам. Кто бы ни украл ошейник, он должен быть чрезвычайно силен и умел. Тот, кому по плечу подобное деяние, вполне способен раздобыть у шончан еще один мужской ай'дам. У них, вероятно, такого добра хватает.

Нет, ай'дам забрали у нее из комнаты, чтобы посеять недоверие; в этом Кадсуане была убеждена. Возможно даже, что в намерение похитителя входило замаскировать нечто иное: возвращение статуэтки ал'Тору. Его нрав стал так темен и мрачен, что уже нельзя предсказать, какие разрушения он способен причинить в таком состоянии.

Бедный глупый мальчик. Какой ужас — оказаться в этом ошейнике во власти одной из Отрекшихся! Случившееся наверняка лишь заставило его вспомнить те времена, когда Айз Седай избивали его и держали под замком в сундуке. Из-за этого работа Кадсуане становилась намного трудней… если не совершенно невозможной.

И все подводило к вопросу, который теперь стоял перед Кадсуане. Не оказался ли он уже за гранью спасения? Не слишком ли поздно для попыток его изменить? И если да, что она может сделать — да и может ли вообще хоть что-то?

Дракону Возрожденному суждено встретиться с Темным у Шайол Гул. Если этого не будет, то все потеряно. Но что, если их встреча с Темным окажется в равной мере гибельной?

Нет. Она отказывалась верить, что их битва уже проиграна. Должно быть нечто такое, что способно изменить поведение ал'Тора. Но что?

Ал'Тор вел себя совсем не так, как поступило бы большинство простых селян, внезапно обретших власть; он не стал эгоистичен или мелочен. Не копил богатства, не мстил по-детски всем, кто презирал его в юности. На самом деле многие его решения были разумны и даже мудры — те, где не было места заигрываниям с опасностью.

Кадсуане продолжала шагать дальше, проходя мимо беженцев-доманийцев в их нелепо ярких одеждах, а иногда и обходя их. Беженцы устраивались на сырых бревнах и чурбаках, их импровизированные стоянки возникали возле неиспользуемых боковых входов в дома или на пересечениях улиц с переулками. Никто из них и не подумал посторониться. И что хорошего, если у тебя лицо Айз Седай, а тебе нужно его скрывать? Этот город просто переполнен людьми.

У вереницы вымпелов, на которых красовались буквы имени портового архивариуса, Кадсуане

замедлила шаг. Прямо впереди лежал порт, и у причалов стояло вдвое больше кораблей Морского народа, чем прежде. Многие из кораблей относились к типу «гонщик» — самым крупным у Морского народа. Большинство же остальных были переделанными шончанскими судами, по всей вероятности захваченными в Эбу Дар во время недавнего массового побега.

Пристани были переполнены толпой, жаждущей получить зерно. Раздавались пронзительные крики, люди толкались и отпихивали друг друга, и, судя по виду, никого не беспокоила пресловутая «отрава», о которой упоминал Куиллин. Разумеется, голод заставит о многих страхах забыть. В толпе распоряжались портовые рабочие; среди них виднелись айильцы в коричневых кадин'сор, — вооруженные копьями, они глядели вокруг теми суровыми взорами, на которые способны одни только Айил. Кроме того, у причалов крутилось немалое число купцов, вероятно рассчитывающих часть полученного при раздаче зерна припрятать, чтобы потом выгодно продать.

Порт выглядел практически так же, как и каждый день после появления в Бандар Эбане ал'Тора. Что заставило ее остановиться? По спине

у нее пробежали мурашки, возникло какое-то покалывание, словно бы…

Кадсуане развернулась и увидела, как по грязной улице к порту спускается конная процессия. Ал'Тор величественно восседал на своем вороном жеребце; в масть коню была и одежда на нем — тоже темная, лишь слегка украшенная красной вышивкой. Как обычно, за ним следовал отряд солдат, советников и лизоблюдов из доманийцев, и число последних день ото дня возрастало.

Что-то слишком часто, по мнению Кадсуане, она его встречала, бродя по городским улицам. Айз Седай заставила себя остаться на месте, а не шарахнуться испуганно в переулок, однако капюшон, скрывая лицо, она надвинула еще ниже. Хотя Ал'Тор проехал прямо перед ней, мальчишка и виду не подал, что узнал Кадсуане. Выглядел он погруженным в свои мысли, что с ним часто бывало. Кадсуане захотелось крикнуть ему, что нужно действовать быстрее — укрепить власть, заполучить корону Арад Домана и двигаться дальше, но она прикусила язык. Она не допустит, чтобы оборвалась ее трехсотлетняя жизнь, да еще чтобы на казнь ее отправил Дракон Возрожденный!

Кортеж миновал Кадсуане. Как и раньше, отво-

рачиваясь от ал'Тора, она заметила… краешком глаза… какую-то тьму вокруг него, словно бы на него слишком много теней легло от туч. Когда Кадсуане смотрела прямо на юношу, тьма исчезала — а вообще-то, всякий раз, как она старалась разглядеть эту тьму, у нее ничего не получалось. Тьма появлялась случайно и то лишь тогда, когда Айз Седай смотрела на Ранда не впрямую.

За всю свою долгую жизнь Кадсуане ни о чем похожем ни разу не читала и никогда не слышала. То, что нечто подобное она увидела вокруг Дракона Возрожденного, пугало ее. Дело не в уязвленной гордыне, не в ее неудачах. Это стало чем-то бóльшим. Нет — это всегда было больше ее. Направлять ал'Тора — вовсе не то же самое, что править лошадью в галопе, это куда больше походило на попытку управлять самой бурей в открытом океане!

Она никогда не сможет влиять на ал'Тора, на его намерения. Айз Седай он не доверял, и на то имелись веские причины. По-видимому, он не доверял никому, за исключением, возможно, Мин, — но Мин противилась любым попыткам Кадсуане ее использовать. Девчонка упрямством не уступит и ал'Тору.

Идти в порт бесполезно. Нет смысла разгова-

ривать со своими глазами-и-ушами. Если она срочно что-нибудь не предпримет, они все обречены. Но что? Кадсуане прислонилась к стене какого-то здания, у нее перед глазами бились на ветру треугольные флажки-вымпелы, указывая на север. На Запустение и на неизбежную судьбу ал'Тора.

И тут ее осенило. За пришедшую в голову мысль Кадсуане ухватилась так, словно бы тонула в штормовых волнах. Айз Седай не знала, к чему все это в итоге приведет, но эта идея была ее единственной надеждой.

Кадсуане крутанулась на пятках и, опустив голову и едва смея думать о своем плане, заторопилась обратно тем же путем, каким пришла. Все может с такой легкостью провалиться. Если ал'Тор и в самом деле настолько обуян яростью, как она того боится, тогда даже эта задумка ему не поможет.

Но если он и вправду зашел так далеко, то ему уже ничего не сможет помочь. А значит, ей нечего терять. Нечего — кроме мира.

Пробиваясь сквозь толпы и спускаясь порой в уличную грязь, чтобы обойти кучки беженцев, Кадсуане добралась до поместья. Некоторые айильцы заняли лагерную стоянку, где до своего

ухода располагались дружинники Добрэйна. Айильцы были повсюду — их палатки стояли на жухлой траве, кто-то разместился во флигельном крыле, другие нашли себе пристанище в строениях поблизости.

Кадсуане направилась в занятое айильцами крыло, и никто ее не остановил. Она пользовалась привилегиями, которыми ее удостоили Айил и которыми не обладала больше ни одна другая Айз Седай. Сорилею и прочих Хранительниц Мудрости она обнаружила собравшимися в одной из библиотек. Разумеется, они сидели на полу. Вошедшую Айз Седай Сорилея приветствовала кивком. Айилка была тощей и костлявой, кожа вся в морщинах, но никогда и никто не счел бы ее хрупкой. Хотя бы из-за этих глаз и лица, пусть и обветренного и обожженного солнцем, но слишком молодого для ее лет. Как такое возможно, что Хранительницы Мудрости живут так долго, не обретая при этом печати безвозрастности, свойственной Айз Седай? На этот вопрос Кадсуане не знала ответа.

Она скинула капюшон и уселась на пол рядом с Хранительницами Мудрости, при этом воздержавшись от возможности подложить подушку. Потом Кадсуане взглянула Сорилее в глаза и

промолвила:

— Меня постигла неудача.

Хранительница Мудрости кивнула, будто думала о том же самом. Кадсуане заставила себя не выказывать раздражения.

— В неудаче нет позора, — сказала Бэйр, — если неудача произошла не по твоей вине.

Эмис кивнула и заметила:

— Кар'а'карн упрямей всех мужчин, Кадсуане Седай. У тебя нет тох перед нами.

— Позор или тох, — ответила Кадсуане, — скоро все это будет не важно. Но у меня есть план. Вы мне поможете?

Хранительницы Мудрости переглянулись.

— Что за план?

Кадсуане улыбнулась и принялась объяснять.

Ранд оглянулся через плечо на стремительно удаляющуюся Кадсуане. Вероятно, она решила, будто он не заметил, как она прячется на краю улицы. Плащ скрывал лицо Айз Седай, но ничто не могло спрятать ее самоуверенную осанку, даже в этой неуклюжей обувке. Даже когда Кадсуане торопилась, выглядела она полностью владеющей собой, и люди инстинктивно освобождали ей дорогу.

Она рисковала, этак играя с запретом Ранда и

следуя за ним таким образом по городу. Тем не менее своего лица она ему не показывала, поэтому он не стал ничего предпринимать. Наверное, с самого начала было плохой идеей прогнать ее от себя, но теперь сделанного не воротишь. Просто надо в будущем получше сдерживаться, как следует обуздывать свой нрав. Держать его завернутым в лед, исходящим паром глубоко в груди, пульсирующим будто второе сердце.

Ранд снова повернулся к причалам. Наверно, и не было причины лично проверять, как проходит раздача еды. Однако он обнаружил, что у зерна появляется заметно больше шансов попасть к тем, кому оно необходимо, если все знают, что за ними присматривают. У этих людей слишком долго не было короля; они заслуживают того, чтобы видеть, что кто-то всем руководит.

Добравшись до пристани, Ранд развернул Тай'дайшара и неспешным шагом двинулся вдоль доков. Он бросил взгляд на ехавших рядом Аша'манов. У Наэффа были резкие и угловатые черты лица и сухощавое сложение воина; он служил солдатом в гвардии королевы, прежде чем, преисполнившись отвращения, оставил службу во время правления «лорда Гейбрила». В конце концов Наэфф добрался до Черной Башни

и теперь носил знаки как меча, так и дракона.

Со временем Ранду, пожалуй, придется или вернуть Наэффа его Айз Седай — он был одним из первых, кто связал себя с ними узами, — или доставить ее к нему. Ранд не испытывал желания иметь в своем окружении еще одну Айз Седай, хотя Нелавейр Демасиллин из Зеленой Айя была довольно-таки славной женщиной — для сестры из Белой Башни.

— Продолжай, — велел Ранд Наэффу.

Аша'ман доставлял сообщения от Башира, вместе с которым занимался устройством встречи с шончан.

— Что ж, милорд, нутром чую, — сказал Наэфф, — что на Катар в качестве места встречи они не согласятся. Стоит лорду Баширу или мне упомянуть о нем, так они сразу упираются и принимаются твердить, что им необходимо запросить инструкции у Дочери Девяти Лун. А коли судить по их тону, то в «инструкциях» будет сказано, что это место для них неприемлемо.

— Катар — нейтральная территория, — тихо промолвил Ранд. — Вне пределов Арад Домана и не так далеко от границы земель, занятых шончан.

— Знаю, милорд. Мы пытались. Обещаю, что

продолжим.

— Очень хорошо, — сказал Ранд. — Если они продолжат упорствовать в этом вопросе, выберу другое место. Возвращайся к ним и передай, что мы встретимся в Фалме.

За спиной у Ранда негромко присвистнул Флинн.

— Милорд! — промолвил Наэфф. — Этот город находится довольно-таки глубоко во владениях шончан.

— Знаю, — ответил Ранд, бросив взгляд на Флинна. — Но он имеет… определенное историческое значение. Нам ничего не будет угрожать; эти шончан крепко связаны своим кодексом чести. Они не нападут, если мы прибудем под флагом перемирия.

— Вы уверены? — тихо спросил Наэфф. — Мне не нравится, милорд, как они на меня смотрят. У них в глазах презрение, у всех и у каждого. Презрение и жалость, будто я — потерявшаяся собака, что копается в объедках позади харчевни. Чтоб мне сгореть, но меня от такого тошнит.

— Те ошейники, милорд, у них наготове, — отозвался Флинн. — Под флагом перемирия или как еще, но у них руки будут чесаться от желания нас всех заковать.

Ранд прикрыл глаза, удерживая ярость внутри, чувствуя, как в лицо дует соленый морской ветер, и снова открыл их небу, плотно затянутому темными тучами.

Он не станет думать ни об ошейнике у себя на шее, ни о руке, душащей Мин. Это осталось в прошлом.

Он прочнее стали. Его не сломать.

— Мы должны заключить мир с шончан, — произнес он. — Вопреки всем разногласиям.

— Разногласиям? — переспросил Флинн. — По чести сказать, милорд, навряд ли я бы назвал это «разногласиями». Они хотят поработить всех нас, а может, и казнить. И то и другое они считают для нас благом!

Ранд встретился с ним взглядом. Флинн вовсе не выказывал непокорства; он был так же верен, как и раньше. Но Ранд все равно заставил его опустить голову. Разладу не будет снисхождения. Распри и ложь привели его к ошейнику. Несогласию больше места нет.

— Прошу прощения, милорд, — наконец вымолвил Флинн. — Чтоб мне сгореть, если Фалме не прекрасный выбор! Вы заставите их со страхом смотреть на небеса, это уж точно.

— Доставь сообщение немедленно, Наэфф, —

велел Ранд. — Мне нужно, чтобы с этим было улажено.

Наэфф кивнул, повернул лошадь, пустив ее рысью прочь; от колонны отделилась также сопровождавшая его небольшая группа айильцев. Перемещение возможно только из того места, которое очень хорошо знакомо, поэтому уйти через переходные врата сразу из порта Наэфф не мог. Ранд продолжил свой путь; его беспокоило молчание Льюса Тэрина. В последнее время безумец непривычно отдалился. Подобная отстраненность должна была порадовать Ранда, но вместо этого вызывала у него тревогу. Отчуждение имело какое-то отношение к безымянной силе, к которой прикоснулся Ранд. Он до сих пор часто слышал рыдания испуганного Льюса Тэрина, шептавшегося сам с собой.

— Ранд?

Он не слышал, как приблизилась Найнив. Ранд обернулся. Она носила смелое зеленое платье, скромное по стандартам доманийцев, но все-таки куда более откровенное, чем те, которые она признавала пристойными, когда жила в Двуречье. «У нее есть право меняться, — подумал Ранд. — Что значат откровенные наряды по сравнению с тем, что я отдавал приказы о ссылках и казнях?»

— Что ты решил? — спросила она.

— Мы встретимся с ними в Фалме.

Найнив что-то еле слышно пробормотала.

— Что такое? — спросил Ранд.

— А, просто кое-что о том, что ты — шерстеголовый дурень, — ответила она, с вызовом в глазах глядя на Ранда.

— Фалме их устроит.

— Да. Ты же сам лезешь к ним в руки.

— Я не могу ждать, Найнив. Да, это рискованно, но мы должны пойти на риск. Но уверен, что они не станут нападать.

— А в прошлый раз ты тоже был уверен? — спросила она. — Тогда, когда тебе руку оттяпали?

Ранд глянул на свою культю и заметил:

— Вряд ли на сей раз с ними будет кто-то из Отрекшихся.

— Ты уверен?

Ранд встретился с Найнив взглядом, и та выдержала его — а в последнее время немногие оказывались способны на такое. В конце концов он покачал головой:

— Нет, не уверен.

Найнив фыркнула в ответ, отмечая тем самым, что выиграла спор.

— Что ж, придется проявлять крайнюю осто-

рожность. Возможно, воспоминания о твоем прошлом визите в Фалме заставят их понервничать.

— Надеюсь, — ответил Ранд.

Найнив снова что-то пробормотала себе под нос, но слов он не разобрал. Идеальной Айз Седай Найнив никогда не станет; слишком много воли она дает своим чувствам и свой горячий нрав не особенно сдерживает. Ранд не считал ее вспыльчивость изъяном — по крайней мере, он всегда знал, чего ждать от Найнив. Играть она не умела, в чем и состояла ее ценность. Ранд доверял ей. Одной из немногих.

«Мы же верим ей? — спросил Льюс Тэрин. — А можем ли?»

Ранд не ответил. Он завершил осмотр пристаней. Найнив оставалась рядом с ним. Кажется, она пребывала в мрачном настроении, однако Ранд не понимал почему. После изгнания Кадсуане Найнив вполне могла занять опустевшее место его главного советника. Неужели это ее не обрадовало?

Наверное, переживает из-за Лана. Повернув процессию обратно к центру города, Ранд спросил:

— У тебя есть весточки от него?

Найнив, прищурившись, взглянула на него:

— От кого?

— Сама знаешь от кого, — обронил Ранд, проезжая мимо череды ярко-красных флагов, развевающихся над целым рядом домов, каждый из которых принадлежал кому-то из потомков одной семьи.

— Что он делает — не твоя забота.

— Найнив, меня касается все, что делается в мире. — Ранд посмотрел на нее. — Будешь спорить?

Найнив открыла было рот, без сомнения намереваясь рявкнуть на Ранда, но, наткнувшись на его взгляд, осеклась. «О Свет, — подумал он, заметив опасение в ее глазах. — Теперь у меня и с Найнив получается. Что же они видят, когда смотрят на меня?» Взор Найнив едва не заставил его испугаться самого себя.

— С Ланом все будет хорошо, — сказала Найнив, отвернувшись.

— Он отправился в Малкир?

Она вспыхнула.

— Давно? — спросил Ранд. — Он ведь еще не добрался до Запустения.

Обретя свободу следовать тому, что он считает и долгом, и судьбой, Лан бы устремился прямиком в Малкир, в одиночку. Королевство — его

королевство — было проглочено Запустением десятилетия назад, когда он был еще младенцем.

— Два или три месяца, — ответила Найнив. — Может, чуть дольше. Он отправился в Шайнар, чтобы встать в Тарвиновом ущелье, даже если будет там один.

— Он ищет мести, — тихо сказал Ранд. — Отомстить за то, что нельзя защитить.

— Он исполняет долг! Но… Я встревожена его поспешностью. Он настоял, чтобы я доставила его в Пограничные земли. Так я и поступила, но оставила я его в Салдэйе. Мне хотелось, чтобы он оказался как можно дальше от ущелья. Чтобы добраться туда, ему придется преодолеть немало очень трудных для перехода мест.

Ранд ощутил ледяной холод, когда представил себе Лана, скачущего в ущелье. По сути, навстречу своей смерти. Но с этим ничего нельзя было поделать.

— Мне жаль, Найнив, — произнес Ранд, хотя не испытывал ни сожаления, ни сочувствия. В последнее время у него было неладно с чувствами.

— Думаешь, я бы его одного отправила? — накинулась на Ранда Найнив. — Да вы оба дурни с шерстью в башке! Я уж позаботилась, чтобы у него своя армия была, пусть даже он того и не

желает.

И на такое она вполне была способна. Вероятно, от имени Лана разослала бы весточки уцелевшим малкири. В Лане все так причудливо смешалось: он отказался поднять стяг Малкир и не стал заявлять о себе как о короле этой страны, потому что боялся повести последних своих выживших соотечественников на смерть. Однако во имя чести сам охотно отправился на эту смерть.

«А не так ли и я поступаю? Скачу навстречу смерти во имя чести? Но нет, тут все по-иному. У Лана есть выбор». Не было предсказаний, гласящих, что Лан должен умереть, как бы он ни представлял там себе свою судьбу.

— Все равно было бы не худо как-то ему помочь, — неловко промолвила Найнив. Она всегда чувствовала себя неудобно, когда ей приходилось просить о помощи. — Его армия будет совсем маленькой. Сомневаюсь, что они долго продержатся против троллоков.

— Он намерен атаковать? — спросил Ранд.

Найнив замялась, испытывая колебания.

— Он не сказал, — произнесла она. — Но думаю, да, он будет наступать. Он считает, Ранд, что здесь ты впустую теряешь время. Если он придет туда и соберет армию, а потом обнаружит, что троллоки

скопились у ущелья… Да, думаю, он атакует.

— Тогда он получит то, что заслуживает, раз отправился туда без нас, — сказал Ранд.

Найнив сердито воззрилась на него:

— Как ты можешь так говорить?

— Я должен, — тихо ответил Ранд. — Надвигается Последняя битва. Возможно, мой удар по Запустению произойдет в то же время, что и атака Лана. А может, и нет. — Ранд умолк, задумавшись. Если Лан и та армия, которую ему удастся собрать, вступят в бой у Тарвинова ущелья… вероятно, это привлечет внимание. Если Ранд не станет там атаковать, то это может смешать планы Тени. Пока ее внимание отвлечено на Лана, у Ранда будет возможность нанести удар там, где нападения не ожидают.

— Да, — задумчиво произнес Ранд. — Его смерть сослужит мне хорошую службу.

Глаза Найнив расширились от ярости, но Ранд не обратил на это внимания. Какой-то укромный уголок, где-то глубоко внутри его, был охвачен тревогой и волнением о друге. Ранд должен не замечать этого беспокойства, утишить его. Но тот голос продолжал шептать.

«Он назвал тебя другом. Не бросай его…»

Найнив справилась со своим гневом, что про-

извело впечатление на Ранда.

— Мы еще поговорим на эту тему, — отрывисто сказала она. — Вероятно, потом, когда ты удосужишься обдумать, что именно означает то, что ты бросаешь Лана.

Ему нравилось считать Найнив все той же воинственной Мудрой, которая когда-то в Двуречье нагоняла на него страх. Все время казалось, что она чересчур усердствует, как будто тревожится, что из-за ее молодости окружающие забудут о ее статусе Мудрой. Однако с тех пор Найнив заметно повзрослела.

Кортеж добрался до поместья, где у ворот стояло на страже полсотни воинов Башира. Караульные дружно, как один, отсалютовали проезжавшему мимо них Ранду. Он миновал раскинувшийся у стен поместья айильский лагерь, у конюшни спрыгнул с лошади и переложил отпирающий ключ из седельной сумки в специально предназначенный для статуэтки большой карман — даже не карман, а пришитый к куртке мешочек. Рука, держащая сферу, осталась торчать из глубин кармана.

Ранд прошел в тронный зал. Теперь, когда сюда для него доставили королевский трон, он не мог называть это помещение как-то иначе. Трон, сни-

зу доверху покрытый позолотой, был огромен. Драгоценные камни, вделанные в подлокотники и в спинку над головой, выдавались из резного дерева подобно нераспустившимся бутонам цветов, придавая трону вид роскошный и излишне декоративный — подобный стиль не отвечал вкусам Ранда. Трон обнаружили отнюдь не во дворце. Один из местных купцов «уберегал» его от беспорядков. Вероятно, рассчитывал завладеть троном и в буквальном смысле.

Ранд сел на трон, невзирая на его кричащий вид, и повернулся так, чтобы ключ доступа в кармане не давил в бок. Те, кто обладал в городе властью и влиянием, не знали, что о нем думать, и Ранда такое положение дел вполне устраивало. Он не именовал себя королем, хотя его армии завладели столицей. Он говорил о возвращении Алсаламу престола, но, будто бы по праву, восседал на его троне. Он не стал перебираться в королевский дворец. Ранд хотел, чтобы они мучились неизвестностью и терялись в догадках.

По правде говоря, он и сам не принял решения. Многое зависит от сегодняшних докладов. Ранд кивнул вошедшему Руарку, и крепко сложенный айилец ответил ему таким же кивком. Затем Ранд сошел с трона, и они с Руарком уселись на

круглом коврике со спиральным узором, лежащем на полу перед застланным зеленым ковром помостом. Когда они так сделали впервые, то это возбудило общий, хотя и скрываемый интерес среди доманийцев из дворцовой прислуги и из числа должностных лиц при дворе Ранда, которых становилось все больше.

— Мы обнаружили и захватили еще одну, Ранд ал'Тор, — сказал Руарк. — Аламиндра Кутрен скрывалась во владениях своей кузины, возле северной границы. То, что мы узнали у нее в имении, привело нас прямо к ней.

Иными словами, теперь у него под надзором четыре члена Купеческого совета.

— Что насчет Мейшан Дубарис? Ты говорил, что можешь и ее отыскать.

— Мертва, — ответил Руарк. — Убита толпой неделю назад.

— Ты уверен? Возможно, это уловка, чтобы сбить тебя со следа.

— Своими глазами я тела не видел, — ответил Руарк, — но видели люди, которым я верю. Они утверждают, что труп отвечает ее описанию. Я вполне уверен, что след был верный.

Значит, четверо захвачены, а двое мертвы. Необходимо найти еще четверых, и тогда у него

будет достаточно членов Совета для того, чтобы провести выборы короля. В истории Арад Домана эти выборы вряд ли окажутся самыми честными и безупречными; да и с какой стати ему об этом беспокоиться? Он мог бы назначить короля или сам взойти на трон. С чего бы ему волноваться о том, что сочтут правильным доманийцы?

Руарк наблюдал за юношей; взгляд айильского вождя был задумчив. Возможно, он размышлял о том же.

— Продолжайте поиски, — сказал Ранд. — Я не собираюсь забирать Арад Доман себе. Мы найдем законного короля или соберем заседание Купеческого совета, чтобы они смогли выбрать себе нового короля. Мне безразлично, кто им станет, лишь бы он не был приспешником Темного.

— Как скажешь, Кар'а'карн, — ответил Руарк, собираясь было подняться.

— Важен порядок, Руарк. У меня нет времени самому защищать это королевство. Последней битвы ждать уже недолго. — Ранд взглянул на Найнив — та присоединилась к нескольким Девам Копья в дальнем конце небольшой комнаты. — Мне нужно, чтобы к концу месяца в наших руках оказалось еще четыре члена Купеческого совета.

— Ты задаешь высокий темп, Ранд ал'Тор.

Ранд поднялся:

— Просто найди мне этих купчих. Этому народу нужны правители.

— И король?

Ранд бросил взгляд в сторону, где под бдительным присмотром айильцев стояла Милисайр Чадмар. Она выглядела… осунувшейся. Некогда роскошные волосы цвета воронова крыла были собраны в пучок, потому, очевидно, что так за ними легче ухаживать. Богатое по-прежнему платье было помятым, как будто она слишком долго его носила. Глаза Милисайр покраснели. Она все равно была красива, однако во многом подобно рисунку, который остается прекрасным, будучи сначала смят, а потом расправлен на столе.

— Да обретешь ты прохладу и воду, Руарк, — промолвил Ранд на прощание айильскому вождю.

— Да обретешь ты прохладу и воду, Ранд ал'Тор.

Высокий айилец удалился, сопровождаемый несколькими своими воинами. Ранд глубоко вздохнул, затем поднялся к изукрашенному трону и сел. С Руарком он обращался с тем уважением, которого айилец был достоин. Остальные…

ну, к ним тоже отнесутся с уважением, какое они заслужили.

Ранд наклонился чуть вперед и сделал Милисайр знак приблизиться. Одна из Дев Копья подтолкнула женщину в спину, заставляя поторопиться. Вид у доманийки был гораздо более напуганный, чем в последний раз, когда она предстала перед Рандом.

— Ну? — спросил он.

— Милорд Дракон… — начала Милисайр, озираясь вокруг, будто прося помощи у доманийских придворных и прислужников. Те старательно ее не замечали; даже этот фат, лорд Рамшалан, смотрел в другую сторону.

— Говори, женщина, — потребовал Ранд.

— Гонец, за которым вы посылали… — промолвила Милисайр. — Он мертв.

Ранд глубоко вдохнул и выдохнул.

— И как это произошло?

— Люди, которым я поручила следить за гонцом, — поспешно ответила Милисайр. — Я не представляла себе, что они так плохо с ним обращались! Да они ему воды не давали по нескольку дней, а потом еще и лихорадка…

— Другими словами, — сказал Ранд, — добиться от него нужных сведений ты не сумела, а потому

бросила гнить в подземелье. А о том, где посыльный, ты вспомнила, лишь когда я потребовал доставить его ко мне.

— Кар'а'карн, — шагнула вперед одна из Дев Копья — юная девушка по имени Джалани. — Мы обнаружили ее, когда она собирала вещи, намереваясь, как видно, бежать из города.

Милисайр смертельно побледнела.

— Лорд Дракон, — начала она. — Это был момент слабости! Я…

Ранд взмахом руки велел ей умолкнуть.

— И как теперь мне с тобой быть?

— Ее следует казнить, милорд! — с горячностью заявил Рамшалан, выступив вперед.

Нахмурившись, Ранд поднял взор. Ответа на свои слова он не просил. Долговязый, щеголявший усиками на доманийский манер, Рамшалан обладал внушительным носом — который, по всей вероятности, достался ему от какого-то предка-салдэйца. На нем была бросающаяся в глаза куртка, в расцветке которой перемешались голубой, оранжевый и желтый цвета, из обшлагов выбивались белые кружева плоеных манжет. Наверное, подобный наряд считался модным в определенных кругах высшего доманийского общества. На серьгах Рамшалана виднелся знак

его дома, а на щеке у него красовалась мушка в виде летящей птицы.

Ранд знавал немало таких, как Рамшалан, придворных подхалимов, у кого мозгов было слишком мало, зато с избытком хватало родственных связей. Знать будто плодит их — точно так же, как в Двуречье разводят овец. В особенности Рамшалан раздражал своим гнусавым голосом и страстным стремлением предавать других — лишь бы подольститься к Ранду.

И все же применение можно найти и для таких людей, как Рамшалан. Иногда.

— Как ты думаешь, Милисайр? — задумчиво спросил Ранд. — Стоит ли мне казнить тебя за измену, как предлагает этот человек?

Она не зарыдала, но явно была в ужасе; простертые к Ранду руки Милисайр дрожали, широко распахнутые глаза смотрели на него не моргая.

— Нет, — в конце концов проговорил Ранд. — Ты мне нужна для избрания нового короля. Что толку рыскать по стране, разыскивая других советников, если я стану отправлять на казнь тех членов Совета, которых я уже нашел?

Милисайр, затаившая было дыхание, облегченно выдохнула, плечи ее обмякли.

— Заприте ее в том же подземелье, где она

держала королевского гонца, — приказал Ранд Девам. — Позаботьтесь о том, чтобы она не разделила его судьбу — по крайней мере, пока я с ней не закончу.

Милисайр закричала в отчаянии. Девы выволокли ее, вопящую и рыдающую, из зала, но Ранд уже выбросил женщину из головы. Рамшалан смотрел на происходящее с явным удовлетворением; видимо, она не раз прилюдно унижала и оскорбляла его. Это обстоятельство говорило в пользу Милисайр.

— Сообщался ли с королем кто-нибудь из прочих членов Совета? — обратился Ранд с вопросом к группе придворных.

— Не позднее четырех или пяти месяцев назад, милорд, — ответил один из них, приземистый и толстый доманиец по имени Нореладим. — Правда, нам ничего не известно об Аламиндре, поскольку ее лишь недавно… э-э… обнаружили.

Возможно, она сообщит что-то новое, хотя Ранд и не надеялся, что у Аламиндры найдется ниточка получше, чем посланец, заявивший, будто прибыл он от самого Алсалама. Чтоб той женщине сгореть за то, что позволила гонцу умереть!

«Если гонца послала Грендаль, — внезапно сказал Льюс Тэрин, — мне бы никогда не удалось

его сломать и разговорить. Она слишком хороша в Принуждении. Искусна, очень искусна».

Ранд помедлил. Разумное замечание. Если на посланце действительно лежало Принуждение, сплетенное Грендаль, то крайне мало шансов на то, что гонец выдаст ее местонахождение. По крайней мере, до тех пор, пока не снята сеть Принуждения, что требовало таких навыков Исцеления, которые превосходили все умения Ранда. Грендаль всегда хорошо заметала свои следы.

Но Ранд не был уверен в том, что она находится в стране. Если бы он нашел гонца и обнаружил на нем Принуждение, то был бы совершенно в этом уверен.

— Мне нужно поговорить с каждым, кто утверждает, будто у него есть послание от короля, — сказал он. — С любым человеком в городе, кто мог поддерживать с ним связь.

— Их разыщут, лорд Дракон, — с важным видом отозвался Рамшалан.

Ранд кивнул с отсутствующим видом. Если Наэфф, как они надеялись, устроит встречу с шончан, то вскоре Ранд сможет покинуть Арад Доман. Он надеялся оставить им короля, надеялся найти и убить Грендаль. Но он заключит мир с

шончан и обеспечит этих людей едой. Ранд не мог разбираться со всеми бедами. Просто он мог отодвинуть их на время — которого для него будет достаточно, чтобы умереть у Шайол Гул.

И тем самым позволить миру расколоться снова, как только его не станет. Ранд стиснул зубы. Он и так потратил слишком много времени впустую, беспокоясь о том, что не в состоянии исправить.

«И поэтому я не стремлюсь никого провозглашать королем Арад Домана? — подумал Ранд. — Когда я умру, этот человек утратит власть и Арад Доман вновь вернется туда, откуда все началось. Если я не оставлю короля, у которого будет поддержка купцов, значит фактически, как только умру, я передам королевство в руки шончан».

Столь многое надо сбалансировать. Так много сложностей. Он не может справиться со всеми. Не может.

— Я этого не одобряю, Ранд. — Найнив, скрестив руки, стояла около двери. — И кстати, мы еще не закончили разговор о Лане.

Ранд пренебрежительно махнул рукой.

— Он — твой друг, Ранд, — сказала Найнив. — О Свет! А что с Перрином и Мэтом? Ты знаешь, где

они? Что с ними?

Закружившиеся перед глазами Ранда цветные водовороты открыли ему картинку: Перрин стоит у палатки вместе с Галадом. Почему Перрин — и вдруг с Галадом? И когда это единокровный брат Илэйн присоединился к белоплащникам? Картинка переменилась, и теперь Мэт скакал по улицам знакомого города. Кэймлин? И рядом с Мэтом был Том.

Ранд нахмурился. Он мог ощущать далекое притяжение, исходящее от Перрина и Мэта. Это была природа та'верена, пытающаяся притянуть их друг к другу. Им обоим нужно было быть с ним для Последней битвы.

— Ранд? — окликнула его Найнив. — Ты отвечать собираешься?

— О Перрине и Мэте? — спросил Ранд. — Они живы.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. — Ранд вздохнул, качая головой. — И лучше бы им оставаться живыми. Они оба понадобятся мне, прежде чем все это закончится.

— Ранд! — воскликнула Найнив. — Они — твои друзья!

— Найнив, они — нити в Узоре, — заявил Ранд,

поднимаясь. — Я уже едва их знаю, и, подозреваю, то же самое они сказали бы обо мне.

— Ты о них не беспокоишься?

— Беспокоюсь? — Ранд сошел по ступеням с помоста, на котором стоял трон. — Последняя битва — вот о чем я беспокоюсь. Меня волнует заключение мира с этими про́клятыми Светом шончан, чтобы я мог забыть о какой-то пустяковой ссоре и заняться настоящей битвой. По сравнению с этими заботами два паренька из моей маленькой деревни не имеют значения.

Ранд с вызовом посмотрел на нее. Рамшалан и прочие придворные, стараясь не шуметь, попятились, не желая оказаться между его пристальным взглядом и Найнив.

Та стояла молча, но лицо ее выражало глубокую печаль.

— Ох, Ранд, — наконец промолвила Найнив. — Так дальше не может продолжаться. Эта твердость внутри тебя… она сломает тебя.

— Я поступаю так, как должен, — сказал Ранд. Где-то глубоко в нем зашевелилась ярость. Неужели недовольству сделанным им выбором не будет конца?

— Это не то, что ты должен делать, Ранд, — сказала Найнив. — Ты уничтожишь себя. Ты…

Ярость вскипела, хлынула потоком. Ранд крутанулся, уставив на нее палец.

— Хочешь закончить, как Кадсуане? Изгнанием? Так, Найнив? — прорычал Ранд. — Я не позволю с собой играть! С этим покончено. Давай советы, когда их просят, а в остальное время не смей опекать меня!

Найнив отшатнулась, и Ранд стиснул зубы, загоняя ярость обратно вглубь себя. Он опустил руку, но понял, что инстинктивно потянулся к ключу доступа, лежащему в кармане куртки. Найнив уставилась на ключ широко раскрытыми глазами, и он заставил себя отвести руку от статуэтки.

Гневная вспышка застала Ранда врасплох, и он был поражен ею. Он-то считал, что владеет собой. Он обуздал ярость — что оказалось на удивление непросто сделать. Ранд повернулся и, толчком распахнув двери, широкими шагами вышел из тронного зала. Девы последовали за ним.

— Сегодня больше никаких аудиенций, — сказал он придворным, устремившимся было за ним. — Идите и делайте то, что вам велено! Мне нужны остальные члены Купеческого совета. Живо!

Челядинцы бросились врассыпную. Остались

только айильцы, охранявшие его на пути к комнатам, которые Ранд занимал в поместье.

Еще немного времени. Ему нужно только одно — еще недолго сохранять все в равновесии. А потом пусть всему наступит конец. И Ранд обнаружил, что стал с тем же нетерпением ждать конца, как и Льюс Тэрин.

«Ты обещал, что мы сможем умереть», — сказал между рыданиями, где-то далеко-далеко, Льюс Тэрин.

«Да, обещал, — ответил Ранд. — И мы умрем».

Глава 32
Реки тени

Стоя на широкой стене, окружавшей Бандар Эбан, Найнив смотрела на погруженный в темноту город. Стена охватывала город со стороны суши, но Бандар Эбан был построен на склоне, так что Найнив имела возможность направить взор поверх города на океан. Над черной, зеркально-гладкой водой стлался ночной туман, кажущийся отражением облаков высоко вверху. По облакам разливался призрачный жемчужный свет невидимой за ними луны.

Города туман не достигал — подобное случалось редко. Клубясь, он прокатывался над океаном и, подобно призраку лесного пожара, останавливался будто перед какой-то незримой преградой.

Найнив по-прежнему чувствовала грозовую бурю на севере. Буря требовала от нее броситься вскачь по городским улицам, выкрикивая предупреждения. Прячьтесь в подвалах! Запасайте еду, ибо вот-вот обрушится беда! К сожалению, против этой бури утрамбованная земля или укрепленные стены не помогут. Буря была совер-

шенно иного сорта.

Туман над океаном часто предвещал ветра, и эта ночь не стала исключением. Найнив закуталась в шаль, ощущая в воздухе привкус соли, который смешивался с запахами перенаселенного города, от которых некуда было деться. Мусор, людская скученность, копоть и дым от костров и печей. Она скучала по Двуречью. Зимой там дули холодные ветра, но воздух был свеж. Ветер в Бандар Эбане всегда казался каким-то уже попользованным.

Для нее больше нет места в Двуречье. Найнив понимала это, хотя подобное знание доставляло ей боль. Теперь она — Айз Седай, и быть ею для Найнив сейчас означало намного больше, чем когда-либо значило быть Мудрой. Владея Единой Силой, она могла Исцелять людей так, что это по-прежнему казалось ей чудом. Имея же за спиной авторитет и мощь Белой Башни, Найнив была одним из самых могущественных людей в мире, сравнимой лишь с некоторыми сестрами и немногими монархами.

А что касается правителей, то она и сама была замужем за королем. Может, королевства у него и нет, но Лан — настоящий король. Если и ни для кого больше, то — для нее. Жизнь в Двуречье не

подошла бы ему. Да и ей, по правде говоря. Та, простая жизнь — когда-то единственная, которую Найнив могла себе представить, — теперь казалась скучной и лишенной смысла.

И все равно порой Найнив испытывала тоску, особенно когда смотрела на ночной туман.

— Там, — напряженным голосом произнесла Мериса. Она стояла рядом с Кадсуане и Кореле, и вместе они смотрели в другую сторону — не на юго-запад, через город на океан, а на восток. Найнив совсем было решила не присоединяться к их группе, поскольку почти не сомневалась, что Кадсуане отчасти винит ее в своем изгнании. Однако перспектива своими глазами увидеть призраков оказалась слишком заманчивой.

Найнив отвернулась от города и перешла на внешнюю сторону стены, встав рядом с остальными Айз Седай. Кореле покосилась на нее, но Мериса и Кадсуане не обратили внимания на Найнив. Ее это устраивало, однако раздражало то, что Кореле, сама из Желтой Айя, так настороженно относилась к Найнив. Кореле была милой, полной сочувствия, но при этом категорически отказывалась признавать Найнив как сестру по той же Желтой Айя. Что ж, когда Эгвейн утвердится в Белой Башне, этой женщине придется

переменить свое поведение.

Встав меж зубцами стены, Найнив всматривалась в темный пейзаж за пределами города. Ей с трудом удалось разглядеть остатки хижин и шалашей, которые до недавних пор теснились под стенами. Опасности жизни в предместьях — какие-то настоящие, а остальные мнимые — заставили большинство беженцев перебраться на городские улицы. Необходимость разбираться с толпами беженцев, а также с болезнями и голодом, которые те принесли с собой, по-прежнему отнимала у Ранда много времени.

Дальше, за разрушенным лачужным городком, виднелись только кустарники, чахлые деревца, какие-то скрытые тенями деревянные обломки, которые могли быть тележным колесом. Окрестные поля — без всходов. Вспаханы, засеяны — и все равно бесплодны. О Свет! Почему зерно больше не прорастает? Где искать еду этой зимой?

В любом случае сейчас она высматривала вовсе не это. Что же там увидела Мериса? Где…

А потом Найнив увидела это. Подобное клочку морского тумана, по земле двигалось маленькое яркое пятно света. Оно росло, разбухая, точно небольшое штормовое облачко, наливаясь жемчужным свечением, очень похожим на то,

которым светились облака над ним, потом обрело облик шагающего человека. Затем этот светящийся туман породил еще несколько фигур. Прошло несколько мгновений, и вот уже целая светящаяся процессия ступает по темной земле медленным скорбным шагом.

Найнив задрожала, но тут же сурово одернула себя. Да, может, то и духи мертвых, но на таком расстоянии они не представляют угрозы. Но как она ни пыталась, ей не удавалось избавиться от бегающих по рукам мурашек.

Процессия двигалась слишком далеко, и деталей было не разглядеть. Там были как мужчины, так и женщины, облаченные в светящиеся одежды, которые переливались и трепетали подобно городским флагам. В представшем перед Айз Седай видении нельзя было различить никаких цветов, только одна общая бледность — в отличие от большинства призраков, которые появлялись в последнее время.

Эти привидения полностью состояли из странного, потустороннего света. Несколько фигур из процессии, которая насчитывала уже примерно двести участников, несли что-то большое. Какой-то паланкин? Или… нет. Гроб. Значит, это погребальная процессия из далекого прошлого?

Что случилось с этими людьми и почему их снова возвратили в мир живых?

Если верить ходившим в городе слухам, впервые процессия объявилась в ночь того дня, когда Ранд вступил в Бандар Эбан. Стражники на стене — кажется, на них можно было положиться больше всего, — подтвердили это дрожащими голосами.

— Не вижу причин для этакой суматохи, — сложив руки на груди, сказала Мериса с явственным тарабонским выговором. — Призраки. Мы все уже привыкли к ним. По крайней мере, появление этих не приводит к тому, что люди истаивают или сгорают ярким пламенем.

Судя по рассказам горожан, со всей очевидностью выходило, что число «инцидентов» растет и происходят они все чаще. Только в последние несколько дней Найнив занималась выяснением обстоятельств трех случаев, сообщения о которых были вполне достойны доверия: у людей из-под кожи начинали вылезать наружу насекомые, отчего несчастные умирали. Еще был мужчина, которого нашли утром в собственной постели — сам он превратился в пережженный уголь, а белье его ничуть не пострадало. Найнив своими глазами видела тело.

Эти случаи вызваны были не призраками, но люди винили именно их. Найнив считала, что лучше так, чем если бы вину стали возлагать на Ранда.

— Сидим в городе, чего-то ждем. Это раздражает, — продолжала Мериса.

— То время, что мы проводим в этом городе, и в самом деле кажется бесплодным, — согласилась Кореле. — Нам нужно действовать. Вы же слышали, что он объявил о скором начале Последней битвы.

Найнив ощутила укол беспокойства за Лана, а затем злость на Ранда. Он по-прежнему считал, что, если сумеет начать наступление в то же время, когда Лан нанесет удар по Тарвинову ущелью, это приведет врага в замешательство. Атака Лана может запросто обернуться началом Последней битвы. Почему же тогда Ранд не отправит в помощь Лану войска?

— Да, — задумчиво промолвила Кадсуане. — Вероятно, он прав.

Почему она не откинет капюшон? Ранда же рядом точно нет.

— Тогда у нас есть еще больше причин действовать, — решительно продолжила Мериса. — Ранд ал'Тор… да он дурак! Арад Доман не имеет ника-

кого значения. Есть король, нет короля — какая вообще разница?

— А вот шончан имеют значение, — фыркнула Найнив. — Как насчет них? Хочешь отправиться в Запустение и оставить наши королевства беззащитными перед вторжением?

Мериса не ответила. Кореле улыбнулась и пожала плечами, после чего бросила взгляд на Дамера Флинна, который, скрестив руки на груди, прислонился к стене позади женщин. Обыденная поза пожилого человека как бы говорила, что он не видит в шествии призраков ничего особенного. Возможно, в эти дни так оно и верно.

Найнив снова посмотрела на призраков, которые чередой шагали вдоль городской стены, огибая ее по дуге. Прочие Айз Седай возобновили свой разговор. Очередной возможностью вслух выразить свое недовольство Рандом Мериса с Кореле воспользовались по-разному: одна говорила строго и решительно, другая — в более благоприятном для него тоне.

Неудовольствие Айз Седай вызвало в Найнив желание защитить Ранда. Хотя в последнее время он был непостоянен и общаться с ним было трудно, все же у него в Арад Домане есть важная работа. Совсем скоро состоится встреча в Фалме

с шончан. Более того, Ранд прав, что беспокоится о том, кто займет доманийский трон. А если Грендаль действительно окопалась где-то здесь, как он и предполагает? Остальные думают, что он, наверное, ошибается в отношении Отрекшейся, но едва ли не в каждом королевстве Ранд обнаруживал кого-то из Отрекшихся. И почему бы Грендаль не оказаться в Арад Домане? Пропавший неведомо куда король, страна охвачена смятением, голодом и раздорами. В точности список тех бед и горестей, которые обнаруживаешь рядом с кем-то из Отрекшихся.

Остальные продолжали свою беседу. Уже собравшись уходить, Найнив заметила, что на нее смотрит Кадсуане. Найнив замешкалась, остановилась, повернувшись к закутанной в плащ женщине. Лицо Кадсуане было едва различимо в свете факелов, но Найнив уловила на нем такое выражение, будто та недовольна жалобами Мерисы и Кореле. Какое-то мгновение Найнив и Кадсуане смотрели друг на друга, а потом Кадсуане коротко кивнула. Пожилая Айз Седай развернулась и двинулась прочь, прямо посреди очередной тирады Мерисы о Ранде.

Ее собеседницы поспешили следом. Что означал этот взгляд? У Кадсуане была манера обра-

щаться с остальными Айз Седай так, будто те заслуживают меньше уважения, чем обыкновенный мул. Словно бы в ее глазах они все были лишь неразумными детишками.

Впрочем, принимая во внимание, как в последнее время поступали многие Айз Седай…

Нахмурившись, Найнив направилась в другую сторону, кивая стражникам на стене. Тот кивок Кадсуане никак не мог быть проявлением уважения. Для этого она была слишком надменна и самоуверенна.

Что же делать с Рандом? Он не желал помощи Найнив — и вообще чьей-либо помощи, — но в этом не было ничего нового. Таким же упрямцем он был, когда пас овец в Двуречье, да и отец его был немногим лучше. Но чужое упрямство никогда не останавливало Найнив Мудрую, поэтому оно точно не остановит Найнив Айз Седай. Она справлялась с Коплинами и Конгарами, сумеет управиться и с заносчивым Рандом ал'Тором. Она уже всерьез подумывала отправиться в его новый «дворец» и устроить ему выволочку.

Вот только… Ранд ал'Тор не был каким-то Коплином или Конгаром. Упрямых обывателей Двуречья никогда не окружала, как Ранда, такая необычайно угрожающая аура.

Ей и раньше доводилось иметь дело с опасными людьми. Ее Лан опасен, как вышедший на охоту волк, и столь же раздражителен, пусть даже и способен скрывать свою вспыльчивость от большинства окружающих. Но Лан, даже будучи таким опасным и внушающим страх, скорее руку себе отрубит, чем поднимет ее на Найнив.

С Рандом же все обстояло иначе. Найнив добралась до ступеней, ведущих со стены в город, и направилась вниз, отмахнувшись от предложения стражников взять кого-то из них в качестве провожатого. Стояла ночь, и в городе полным-полно беженцев, но едва ли ее можно счесть беззащитной. Впрочем, фонарь у какого-то стражника она взяла. Конечно, можно освещать себе путь, используя Единую Силу, но прохожие, бывает, пугаются.

Ранд. Одно время Найнив полагала, что он так же добр и великодушен, как и Лан. Его стремление защитить женщин было едва ли не смехотворным в своей наивности. Того простодушного Ранда больше нет. Перед мысленным взором Найнив вновь явственно предстало то, как Ранд изгнал Кадсуане. Тогда она поверила, что он убьет Кадсуане, если снова увидит ее лицо, и при воспоминании об этом она по-прежнему

вздрагивала. Конечно, виной тому лишь ее воображение, но ей показалось, что в то мгновение в комнате заметно потемнело — словно на солнце набежала туча.

Ранд ал'Тор стал непредсказуем. Его гневная вспышка, когда он взъярился на Найнив несколько дней назад, — лишний тому пример. Разумеется, что бы Ранд ни говорил, ее он никогда не изгонит и не станет ей угрожать. Ранд не настолько жесток. Или нет?

Найнив достигла подножия каменной лестницы и, плотнее закутавшись в шаль, ступила на дощатый тротуар, испятнанный грязью после вечерней суеты. На другой стороне улицы виднелись сбившиеся в плотные кучки люди. Переулки и входы в лавки позволяли хоть как-то укрыться от ветра.

Найнив услышала, как в отдаленной группе закашлял ребенок. Она застыла, и кашель раздался снова. Тяжелый и мучительный. Ворча, Найнив пересекла улицу и проложила себе путь сквозь толпу беженцев; фонарь освещал кучки апатичных людей, одну за другой. У многих кожа была по-доманийски медного оттенка, но хватало тут и тарабонцев. И… а эти — из Салдэйи? Весьма неожиданно.

Большинство беженцев лежали на рваных одеялах возле своих скудных пожитков. Горшок тут, лоскутное одеяло там. У одной девочки была маленькая тряпичная кукла, которая, вероятно, когда-то была красивой, но теперь лишилась одной руки. Захватывать страны у Ранда, пожалуй, хорошо получалось, но его королевствам требовалось нечто большее, чем раздача зерна. Им нужна была стабильность и еще что-то — кто-то, — во что они могли бы верить. И с той и с другой задачей Ранд справлялся все хуже и хуже.

Где же источник этого кашля? Мало кто из беженцев разговаривал с ней, и отвечать на ее вопросы они не желали. Когда Найнив наконец обнаружила мальчика, то была не на шутку разозлена. Родители устроили постели в щели между двумя деревянными лавками, а когда Найнив приблизилась, отец встал, преградив ей дорогу. Это был грязный, неряшливый доманиец с темной клочковатой бородой и густыми усами, которые некогда были по доманийской моде подбриты и ухожены. Куртки на нем не было, а рубаха практически превратилась в лохмотья.

Найнив уставилась на него взглядом, которому научилась задолго до получения шали Айз Седай. Честное слово, мужчины такими дурнями могут

быть! Сын у него, наверное, умирает, а он тем не менее встает на пути одной из немногих в городе, кто может помочь. У его жены ума оказалось больше, как оно обычно и бывает. Она тронула мужчину за ногу, заставив его опустить взгляд. Наконец тот с тихим ворчанием отвернулся.

Черты лица женщины было сложно разглядеть под слоями въевшейся в кожу грязи. Щеки пересекали светлые полоски, оставленные слезами. Очевидно, ей довелось пережить не одну тяжелую ночь.

Не обращая внимания на мужчину, Найнив опустилась на колени и откинула краешек одеяла с лица ребенка, которого держала на руках женщина. Конечно, он был тощим и бледным, а веки лихорадочно трепетали.

— Давно он кашляет? — спросила Найнив, доставая из сумки на боку несколько пакетиков с травами. С собой целебных трав у нее было немного, но они должны помочь.

— Неделю, госпожа, — отозвалась женщина.

Найнив досадливо цыкнула зубом и указала на оловянную чашку, стоявшую рядом.

— Наполни ее, — велела она отцу малыша. — Вам повезло, что мальчик столько времени протянул с белой трясучкой. Если не помочь, он,

скорее всего, этой ночи не переживет.

Невзирая на былое нежелание, отец ребенка поспешил повиноваться и наполнил чашку из близстоящей бочки. Хорошо хоть из-за частых дождей в воде недостатка не было.

Взяв чашку и смешав в ней ацему и жарогон, Найнив сплела нить Огня и согрела воду. Над чашкой поднялся легкий пар, и отец мальчика снова заворчал. Найнив покачала головой. Она часто слышала, что доманийцы — народ прагматичный, если дело касается Единой Силы. Должно быть, на беженцев и в самом деле повлияло охватившее город смятение.

— Пей, — сказала она мальчику, нагибаясь еще ниже и используя все пять Сил в сложном плетении Исцеления, которое она использовала безотчетно. Эта способность Найнив вызывала благоговение у некоторых Айз Седай и презрение — у прочих. В любом случае ее способ работал, пусть даже Найнив и не могла объяснить, как она делает то, что делает. В этом было одно из благословений и в то же время проклятий дичков: то, чему другим Айз Седай приходилось старательно обучаться, Найнив делала интуитивно. Но Найнив непросто было отучиться от некоторых приобретенных ею дурных привычек.

Ребенок, хоть и был почти без сознания, отреагировал на поднесенную к губам чашку. Пока он пил, на него легло плетение Исцеления, и мальчик застыл, на миг задохнувшись. Необходимости в травах не было, но они могли придать ребенку сил, нужных после Исцеления. Найнив сумела побороть свое обыкновение при Исцелении всегда прибегать к травам, но по-прежнему считала, что от них есть польза, если применять их к месту.

Отец с угрожающим видом встал рядом на колени, но Найнив уперлась ему в грудь кончиками пальцев и оттолкнула:

— Ребенку нужен воздух.

Мальчик моргнул, и Найнив увидела, что взгляд его стал осмысленным. Ребенок слегка дрожал. Айз Седай использовала Искательство, чтобы определить, хорошо ли подействовало Исцеление.

— Лихорадка ушла, — кивнула она, вставая и отпуская Единую Силу. — Ему нужно как следует есть следующие несколько дней. Я дам ваше описание старшинам в порту, и вам выдадут дополнительные продукты. Еду не продавайте, не то я узнаю и рассержусь. Понятно?

Женщина пристыженно опустила глаза:

— Мы бы никогда…

— Я больше ничего не принимаю на веру, — заявила Найнив. — Так или иначе, он выживет, если вы сделаете, как я велела. Дайте ему ночью остаток лекарства, поите хотя бы по глотку. Если лихорадка вернется, принесете его ко мне, во дворец Дракона.

— Хорошо, миледи, — ответила женщина, а ее муж опустился на колени и, улыбаясь, взял ребенка на руки.

Найнив подобрала фонарь и поднялась.

— Госпожа, спасибо вам, — промолвила беженка.

Обернувшись, Найнив сказала ей:

— Вам надо было принести его ко мне несколько дней назад. Мне плевать на глупые суеверия, на дурацкие слухи в городе. Айз Седай вам не враги. Если вы знаете, что кто-то болен, убедите его прийти к нам.

Женщина кивнула, а ее муж казался испуганным. Найнив вышла из переулка и зашагала по темной улице мимо людей, глядевших на нее со смесью благоговения и ужаса. Глупцы! Вот, значит, как — пусть дети умирают, лишь бы к Исцелению не прибегать?

Оказавшись на улице, Найнив успокоила себя.

Произошедшее не отняло у нее много времени, да и времени — по крайней мере, этой ночью — у нее было полно. С Рандом ей не очень везло. Единственным утешением служило то, что у Кадсуане в роли советницы все обернулось еще хуже.

Но кто-то же как-то справлялся с существом наподобие Дракона Возрожденного? Найнив знала, что прежний Ранд никуда не делся, он где-то там, внутри. Его били и пинали так часто, что он спрятался в укрытие, отдав бразды правления более жестокой версии самого себя. Как ни больно Найнив было это сознавать, угрозы и запугивание с ним больше не дадут результата. Но как ей заставить Ранда делать то, что тот должен, коли он чересчур упрям и на обычные понукания никак не отзывается?

Найнив остановилась; фонарь освещал безлюдную улицу впереди. Был один человек, который смог работать вместе с Рандом, одновременно обучая его и наставляя. И это не Кадсуане, и не кто-то из тех Айз Седай, что пытались захватить, обмануть или запугать Ранда.

Этим человеком была Морейн.

Найнив продолжила свой путь. На протяжении последних месяцев Голубые сестры разве что хвостом перед Рандом не виляли. Чтобы он принял

Найнив в качестве советницы, она согласилась подчиняться его приказам и предлагать советы, только если о них попросят. Что хорошего в совете, если его давать только по требованию? Людям совет нужен именно тогда, когда они о нем и слышать не хотят!

Но у Морейн-то получалось. Это с ней Ранд начал преодолевать свою антипатию к Айз Седай. Если бы Ранд в конце концов не принял Морейн, то очень сомнительно, чтобы Кадсуане вообще удалось стать его советницей.

Что ж, вести себя с Рандом ал'Тором в той же манере Найнив не собиралась, какими бы звучными титулами тот ни обзавелся. Тем не менее ей было чему поучиться на успехе Морейн. Возможно, Ранд прислушивался к Морейн потому, что ее подобострастие льстило ему или же он просто устал от людей, которые пытались им командовать. Вокруг Ранда и вправду было много людей, старавшихся его контролировать. Несомненно, они раздражают его и делают работу Найнив гораздо труднее и сложнее, так как на самом деле это ее он обязан слушать.

А не видит ли в ней Ранд просто еще одного беззастенчивого манипулятора? Такого от него вполне можно ожидать.

Найнив должна показать ему, что они стремятся достичь одних и тех же целей. Она не хочет указывать Ранду, что делать; она просто хочет, чтобы он перестал вести себя как безмозглый дурень. И, кроме того, Найнив хочет, чтобы Ранд был в безопасности. Еще бы ей хотелось, чтобы люди видели в нем лидера, которого уважают, а не который вызывает у них только страх. Судя по всему, Ранд не в состоянии уяснить, что встал на путь тирана.

Быть королем и быть мэром в Двуречье — по сути, две эти вещи не сильно отличаются. В городке мэра должны уважать, и он должен нравиться людям. С трудными задачами, когда надо, например, наказать тех, кто переступил границы, разбираются Мудрая и Круг женщин. Мэру, однако, требуется любовь. Тогда жизнь в городке становится спокойной, благопристойной и безопасной.

Но как объяснить это Ранду? Принуждать его Найнив не может. Ей нужно как-то иначе заставить Ранда прислушаться к ней. В голове у Найнив начал зреть план. К тому времени, как молодая женщина добралась до поместья, она уже представляла себе, что следует делать.

На страже ворот, ведущих в поместье, стояли

салдэйцы; айильцы предпочитали держаться ближе к Ранду, охраняя покои и коридоры самого особняка. Хастер Налмат, дежурный офицер, поклонился подошедшей к воротам Найнив. Что ж, еще есть люди, которые не забыли, как должно вести себя с Айз Седай. Парк за воротами был ухожен и украшен декоративными растениями. Фонарь Найнив отбрасывал странные тени на траву, и его свет выхватывал из темноты подрезанные ветви деревьев, выращенные в виде причудливых сказочных животных. Тени двигались вместе с ее фонарем, призрачные очертания удлинялись и сливались с мраком окружающей ночи. Словно реки тени.

Перед самим особняком несла стражу группа салдэйских солдат — и их было гораздо больше необходимого. Где бы ни стояли на страже мужчины, вечно вокруг них собираются приятели — несомненно, для того, чтобы поболтать и поделиться сплетнями. Найнив решительным шагом направилась к солдатам, отчего некоторые, до того стоявшие лениво прислонившись к колоннаде, поспешили выпрямиться.

— Кто из вас сейчас не на дежурстве? — спросила Найнив.

Ну, точно — трое из девяти солдат с какой-то

робостью подняли руки.

— Отлично, — сказала Найнив, вручив одному из них фонарь. — Вы трое пойдете со мной.

Она устремилась в особняк, предоставив солдатам ее догонять.

Было поздно — процессия призраков являлась только в полночь, — и все поместье уже погрузилось в сон. Вычурная люстра в холле была потушена, и в коридорах царила темнота. Доверившись памяти, Найнив двинулась в выбранном направлении в глубину дома. Выбеленные стены были здесь столь же безупречно чисты, как и в других частях особняка, но не были ничем украшены. Чутье не подвело Найнив, и вскоре она добралась до небольшой буфетной, где слуги раскладывали кушанья по тарелкам перед тем, как подать их в столовую. Коридор, по которому пришла Найнив, вел в гостиные особняка; другой, в дальней части буфетной, — на кухни. Обстановку буфетной составляли большой и крепкий деревянный стол и несколько высоких табуретов. Сейчас, расположившись на табуретах, за столом играли в кости несколько мужчин, одетых в бело-зеленые полотняные блузы — ливреи дома Милисайр — и плотные рабочие штаны.

Игроки потрясенно взирали на вошедшую в комнату Найнив; один из слуг, опрокинув табурет на пол, вскочил на ноги и стянул с головы шапку — кривобокое коричневое нечто, которое даже Мэт постеснялся бы носить. У него был вид ребенка, которого застигли перед обедом, когда он ковырял пальцем в пироге.

Найнив было плевать, чем они тут занимались. Она нашла людей, служивших в поместье, и больше ее ничего не волновало.

— Мне нужно видеть досун, — заявила она, употребив местное слово, которым называлась главная домоправительница. — Найдите ее.

Следом за Найнив в комнату вошли солдаты. Все трое были салдэйцами, и даже если и были они немного неуклюжими, то держались как люди, знающие толк в драке. Найнив не сомневалась, что достаточно одного лишь присутствия Айз Седай, чтобы нагнать страху на этих простых слуг, однако, скорее всего, польза от солдат будет позднее.

— Досун? — переспросил наконец работник с шапкой. — Вы уверены, что не хотите видеть управляющего или, может…

— Досун, — твердо сказала Найнив. — Приведи ее сейчас же. Дай ей время накинуть халат, но

не больше. — Она ткнула пальцем в одного из солдат. — Пойдешь с ним. Проследи, чтобы этот человек ни с кем не говорил по дороге и не дал женщине шанса сбежать.

— Сбежать? — проскулил слуга. — Зачем Лорал сбегать? Что она натворила, миледи?

— Ничего, надеюсь. Ступай!

Двое мужчин — работник и солдат — поспешили прочь, а остальные трое слуг все так же сидели за столом. Они явно чувствовали себя неуютно. Найнив сложила руки под грудью, обдумывая план. Ранд был уверен, что со смертью гонца его поиски доманийского короля уперлись в тупик. Найнив не была столь уж в этом уверена. В деле замешаны и другие, так что несколько верно заданных вопросов могут кое-что прояснить.

Маловероятно, чтобы досун сделала что-либо предосудительное. Но Найнив не хотела, чтобы посланный за домоправительницей слуга принялся болтать с теми, кто ему встретится по дороге. А чтобы он поостерегся языком трепать, лучше внушить ему страх и отправить вместе с ним солдата. Не говоря уж о том, что тогда поручение будет исполнено быстрее и в точности.

Предусмотрительность себя окупила. Минуло всего несколько минут, как слуга торопливо

вернулся в буфетную, ведя за собой встрепанную пожилую женщину в синем вечернем халате. Из-под повязанного на скорую руку алого головного платка выбивались седые пряди, и лицо обуреваемой мрачными предчувствиями пожилой доманийки было совершенно белым. Найнив почувствовала себя виноватой. Что должна испытывать эта женщина, которую разбудил посреди ночи перепуганный слуга, утверждающий, что одна из Айз Седай хочет немедленно ее видеть!

Солдат, войдя следом за ними, встал на страже у дверей в кухни. Он был коренаст и кривоног и носил длинные салдэйские усы. Двое других солдат-салдэйцев стояли возле той двери, через которую пришла Найнив. Их ничем не примечательный вид придавал только еще большее напряжение атмосфере в буфетной. Кажется, они кое-что поняли касательно ее намерений.

— Мир тебе, добрая женщина, — сказала Найнив и кивком указала в сторону стола. — Можешь сесть. А вы, — обратилась она к остальным слугам, — выйдите в главный коридор и оставайтесь там. И ни с кем не разговаривайте.

Лишних уговоров четверке слуг не потребовалось. Найнив велела одному солдату проследить, чтобы те сделали так, как им было сказано.

Поздний час играл ей на руку — пока слуги и придворные Ранда спят, она может вести расследование, не опасаясь насторожить тех, у кого совесть нечиста.

После того как Найнив отослала работников, досун занервничала еще больше. Найнив уселась на один из освободившихся табуретов. Уходя в спешке, слуги позабыли про игральные кости, но деньги, разумеется, забрали. Комнату освещала небольшая лампа без заслонок, стоявшая на подоконнике. Фонарь прихватил с собой отправленный со слугами салдэйец.

— Тебя зовут Лорал? — спросила Найнив.

Досун с опаской кивнула.

— Тебе известно, что Айз Седай не лгут?

Домоправительница снова кивнула. Большинство Айз Седай не могли лгать, Найнив же, вообще-то говоря, имела возможность лгать, поскольку формально не давала обетов с Клятвенным жезлом в руках. Этим обстоятельством отчасти объяснялось, что в глазах других Айз Седай ее положение было ниже. Совершенно незаслуженно. Клятвенный жезл — не более чем формальность; людям Двуречья, чтобы оставаться честными, тер'ангриал не требовался.

— Тогда ты поверишь мне, если я скажу, что не

считаю, будто ты сделала что-то не так. Мне всего лишь нужна твоя помощь.

Женщина, казалось, чуть расслабилась.

— Какая помощь вам нужна, Найнив Седай?

— По опыту я знаю, что о слугах и работниках главной домоправительнице известно больше, чем управляющим имениями или даже самим хозяевам. Давно ты тут работаешь?

— Я служила трем поколениям семьи Чадмар, — с немалой гордостью в голосе ответила пожилая доманийка. — И надеялась послужить еще одному, если у ее светлости…

Домоправительница осеклась. «Ее светлость» Ранд заточил в ее же собственной темнице. Что не сулило особых надежд на службу следующему поколению семьи Чадмар.

— Ну да, — сказала Найнив, чтобы заполнить неуютную тишину. — Сегодня вечером я отчасти и разбираюсь с прискорбными обстоятельствами того дела, к которому причастна твоя госпожа.

— Найнив Седай, — с жаром заговорила пожилая женщина, — по-вашему, возможно ей вновь обрести свободу? Вернуть благосклонность лорда Дракона?

— Возможно. — «Сомнительно, — добавила про себя Найнив, — но ничего невозможного нет». —

То, чем я занята сегодняшней ночью, может этому помочь. Ты видела хоть раз того посланца, которого твоя госпожа бросила в тюрьму?

— Которого прислал король? — спросила Лорал. — Я с ним ни разу не говорила, Айз Седай, но я его видела. Высокий, привлекательный, гладко выбритый — что для доманийца необычно. Я увидела его в коридоре, проходя мимо. Такое прекрасное лицо — я настолько красивых мужчин в жизни, пожалуй, и не встречала.

— А потом? — продолжила расспросы Найнив.

— Ну, он сразу пошел беседовать с леди Чадмар, а после… — Лорал умолкла. — Найнив Седай, не хочу доставлять своей госпоже еще больше неприятностей, и…

— Его отправили на допрос, — коротко отозвалась Найнив. — Лорал, у меня нет времени на всякие глупости. Я здесь не затем, чтобы искать свидетельства против твоей госпожи, и мне плевать, кому ты верна. На кон поставлено нечто гораздо большее. Отвечай на вопрос.

— Конечно, госпожа, — сказала Лорал, побледнев. — Разумеется, нам всем известно, что произошло. Как-то неправильно было вот так отсылать королевского гонца к допроснику. Особенно такого мужчину. Жаль ведь уродовать

столь прекрасное лицо.

— Знаешь, где тюрьма? А где того допросника искать?

Домоправительница замялась, затем неохотно кивнула. Хорошо. Она не станет утаивать нужные сведения.

— Тогда идем, — сказала Найнив, поднимаясь.

— Куда, миледи?

— В темницу. Полагаю, тюрьма же не в самом поместье находится? Если, конечно, Милисайр Чадмар столь осторожна, как я считаю.

— Отсюда до тюрьмы не близко. Она в Чаячьем Пиру, — сказала Лорал. — Вы прямо сейчас хотите идти?

— Да, — ответила Найнив, потом, подумав, заметила: — Если только я не решу вместо этого навестить допросника у него дома.

— Он живет там же, миледи.

— Отлично. Идем.

Выбора у Лорал не было. Найнив разрешила ей вернуться в свою комнату переодеться — впрочем, в сопровождении солдата.

Вскоре Найнив и ее солдаты уже вышли из особняка, ведя с собой досун, а заодно и четверых слуг — чтобы те, случайно сболтнув лишнего, не дали знать остальным о происходящем. Вид у всех

пятерых доманийцев был весьма удрученный и недовольный. Вероятно, верили суеверным байкам о том, что ходить по ночам стало опасно. Найнив-то об этом знала лучше. Может, в ночные часы опасности человека и подстерегают, но их уж точно не больше, чем в другое время суток. На самом деле ночью, пожалуй, даже побезопасней. Чем меньше рядом людей, тем меньше шансов на то, что кто-то поблизости вдруг вспыхнет огнем или у него сквозь кожу шипы прорастут, либо его пожрут изнутри насекомые или постигнет еще какая-нибудь ужасная случайная смерть.

Они миновали окружающий поместье парк. Найнив ступала твердым шагом, надеясь, что ее уверенный вид подуспокоит ее нервничающих спутников. Кивнув страже у ворот, она двинулась в указанном Лорал направлении. Шаги грохотали по доскам настилов-тротуаров, сияние луны лишь слегка подсвечивало затянутое тучами ночное небо.

Найнив отказала себе в роскоши подвергнуть свой план сомнению. Она приняла решение, и пока что все идет хорошо. Верно, Ранд может рассердиться на нее за то, что она забрала с собой солдат и заварила эту кашу. Но иногда, чтобы проверить, что же находится на дне бочки с

мутной дождевой водой, эту воду нужно хорошенько взболтать, чтобы это нечто всплыло со дна. Слишком уж много совпадений. Гонца Милисайр Чадмар захватила несколько месяцев назад, но умер он как раз перед тем, как его захотел увидеть Ранд. И посланец был единственным человеком в городе, у которого имелся ключ к тайне местонахождения короля.

Совпадения бывают. Порой, когда два фермера враждуют между собой и у одного из них ночью подыхает корова, то это всего лишь случайность. А иногда бывает так, что стоит копнуть поглубже, как выясняется обратное.

Лорал вела Найнив в ту часть города, которую прозывали Чаячий Пир, также она была известна и как Чаячья Округа, — поблизости от нее рыбаки сваливали отходы после своих уловов. Как и большинство здравомыслящих людей, Найнив избегала появляться в том мрачном районе, а почему именно — ей напомнил нос, стоило Айз Седай и ее спутникам достаточно приблизиться к нему. Наверно, из рыбьих потрохов и получается прекрасное удобрение, но компостные кучи Найнив учуяла за несколько кварталов. От Чаячьей Округи даже беженцы старались держаться подальше.

Путь оказался довольно долгим — по понятным причинам богатая часть города находилась на значительном отдалении от Чаячьего Пира. Найнив ступала широким шагом, не оглядываясь на утонувшие в темноте переулки и здания, однако ее спутники — за исключением солдат, — сбившись в кучку, опасливо жались поближе к ней. Салдэйцы же держали руки на эфесах изогнутых мечей, стараясь смотреть во все стороны разом.

Найнив жалела, что у нее не было известий из Белой Башни. Когда она получала в последний раз весточку от Эгвейн или от кого-то еще? Найнив ощущала себя слепой. Она сама виновата, ведь именно она настояла на том, чтобы отправиться с Рандом. Но кому-то надо за ним присматривать, а это означает, что больше ни за кем она присматривать не сможет. По-прежнему ли расколота Белая Башня? До сих пор ли Эгвейн занимает Престол Амерлин? От уличных пересудов нет никакого проку. Как всегда, на каждый дошедший до Найнив слух находилось две сплетни, утверждавшие нечто противоположное. Белая Башня сражается сама с собой. Нет, она воевала с Аша'манами. Нет-нет, всех Айз Седай истребили шончан. Или Дракон Возрожденный. Нет, подобные слухи — пустое вранье, их распускает

сама Белая Башня, чтобы выманить своих врагов под удар.

Очень немногое молва говорила конкретно об Эгвейн или об Элайде, однако продолжали расползаться путаные известия о двух Амерлин. Последнее весьма сомнительно. Ни одной из группировок Айз Седай не понравится, коли начнут распространяться слухи о второй Амерлин. Нет ничего хорошего в байках о дрязгах между Айз Седай, такие слухи всем могут только повредить.

Наконец Лорал остановилась. Четверо встревоженных работников сгрудились позади нее. Найнив посмотрела на управительницу и сказала:

— Ну и?

— Вот, госпожа. — Женщина указала костлявым пальцем на дом на противоположной стороне улицы.

— Свечная лавка? — уточнила Найнив.

Лорел кивнула.

Найнив подозвала одного из солдат.

— Присматривай за этими и постарайся, чтобы они не угодили в неприятности. А вы двое пойдете со мной.

Найнив начала переходить улицу, но, нахмурившись, обернулась, не услышав за спиной

шагов с дощатого настила. Трое солдат стояли вместе, глядя на единственный фонарь и, вероятно, кляня себя за то, что не додумались прихватить еще.

— Ох, да Света ради, — сердито воскликнула Айз Седай, поднимая руку и обнимая Источник. Она сплела над ладонью светящуюся сферу огня, заливавшую пространство вокруг холодным ровным светом. — Оставьте фонарь.

Салдэйцы подчинились и заторопились за ней. Найнив поднялась на настил возле двери лавки, потом сплела малого стража, препятствующего подслушиванию, и накрыла им себя, двух солдат и дверь. Посмотрела на одного из солдат и спросила:

— Как тебя зовут?

— Трибен, миледи, — откликнулся тот.

У него были ястребиные черты лица, лоб пересекал шрам, и он носил небольшие ухоженные усы.

— А это — Лурц, — добавил Трибен, указав на второго солдата — крупного мужчину, который, к удивлению Найнив, был в форме кавалериста.

— Ладно, Трибен, — сказала Найнив. — Выбей дверь.

Спрашивать Трибен ничего не стал; он просто

поднял обутую в сапог ногу и пнул дверь. Дверная рама треснула, створка с грохотом распахнулась настежь, но, если плетение Найнив было размещено правильно, никто в доме ничего не услышал. Найнив заглянула внутрь. В помещении пахло воском и благовониями, а деревянный пол покрывали бесчисленные пятна. Следы подтеков — воск, после того как его счищают, часто оставляет следы.

— Живо, — обратилась Найнив к солдатам, распуская плетение малого стража, но оставляя светящийся шар. — Лурц, ступай в заднюю часть лавки и следи за переулком. И гляди, чтобы никто не сбежал. Трибен, за мной.

Лурц, двигаясь с удивительной для его комплекции стремительностью, прошел в свечную мастерскую и встал у дальней стены. Сфера над рукой Найнив осветила бочки для окунания свечей и груду огарков в углу, купленных за гроши для переплавки. Лестница справа вела наверх. В маленькой нише возле входа в лавку были выставлены свечи самых разных форм и размеров, от обычных белых стержней до благоуханных разукрашенных брусков. Если Лорал ошиблась насчет этого места…

Но у всякой тайной деятельности должен быть

благопристойный фасад. Найнив поспешила вверх по лестнице, деревянные ступеньки поскрипывали под ее ногами. Здание было узким. На втором этаже они с Трибеном обнаружили две комнаты. Дверь одной была чуть приоткрыта, так что Найнив притушила свечение своей сферы и, сплетя стража от подслушивания, накинула его на комнату, после чего ворвалась внутрь, следом за ней устремился Трибен, с тихим скрипом вытягивая из ножен меч.

В комнате оказался только один человек — на расстеленном на полу матрасе спал толстый мужчина, смятые одеяла обмотались вокруг его ног. Найнив сплела несколько прядей Воздуха и одним плавным движением связала спящего. Мужчина широко раскрыл глаза, попытался завопить, но Айз Седай заткнула ему рот кляпом из Воздуха.

Найнив повернулась к Трибену и кивнула, закрепляя плетения. Они оставили мужчину бороться с путами, и направились к другой двери. Прежде чем зайти, Найнив создала в комнате еще одно плетение против подслушивания, что оказалось весьма кстати — там было двое мужчин, помоложе первого, и проснулись они куда быстрее. Пока Трибен к ним подбирался, один

успел рывком сесть и взвизгнуть. Солдат ударил его в живот, выбив воздух из легких.

Найнив связала его прядью Воздуха, затем проделала то же самое со вторым парнем, который сонно ворочался на своей койке. Айз Седай подтянула обоих парней поближе к себе, держа в воздухе в нескольких дюймах над полом, и усилила свечение сферы. Оба оказались доманийцами, с темными волосами и тонкими усиками над верхней губой, с грубыми чертами лица. На обоих было только нижнее белье. Для подмастерьев они казались слишком старыми.

— Думаю, место верное, Найнив Седай, — промолвил Трибен, обойдя парней и встав рядом с ней.

Найнив с вопросом посмотрела на салдэйца, приподняв бровь.

— Они не ученики свечника, — продолжил Трибен, убирая меч в ножны. — Мозоли на ладонях есть, но где ожоги? Мускулистые руки? И оба слишком стары, чтобы в учениках ходить. А у того парня, что слева, был когда-то сломан нос. Один раз уж точно.

Найнив присмотрелась к пленникам. Трибен прав. «Я сама должна была это заметить». Ну, неподходящий возраст она все-таки заметила.

— Как думаешь, у которого вынуть кляп? — как ни в чем не бывало спросила она. — А которого мне убить?

Оба начали извиваться, уставившись на нее широко распахнутыми глазами. Им следовало бы знать, что Айз Седай никогда бы ничего подобного не сделала. На самом деле она, наверное, даже и намекать на такое не должна была, но сторожа частных тюрем и им подобные вызвали у нее ярость.

— Тот, который слева, кажется, поразговорчивей, — произнес Трибен. — Думаю, госпожа, он расскажет обо всем, что вы хотите знать.

Найнив кивнула и распустила кляп пленника, и тот сразу же затараторил:

— Я сделаю все, что скажете! Пожалуйста, не набивайте мне желудок пауками! Я ничего дурного не делал, уверяю вас, я…

Айз Седай вернула кляп из Воздуха на место.

— Плачется много. Может, другой будет помалкивать и говорить, только когда спросят, — сказала Найнив и избавила от кляпа второго пленника.

Тот, явно перепуганный до полусмерти, болтался в воздухе, но молчал. Единая Сила способна лишить мужества даже самых закоренелых

убийц.

— Как мне попасть в темницу? — спросила Найнив.

Вид у мужчины был неважный, но, вероятно, он уже сообразил, что ей нужна подземная тюрьма. Навряд ли Айз Седай станет вламываться за полночь в лавку потому, что ей продали скверно изготовленные свечи.

— Люк, — произнес пленник. — Под половиком у входа в лавку.

— Превосходно. — Найнив закрепила нити Воздуха, связывая мужчинам руки, затем вновь заткнула кляпом рот тому, с кем разговаривала. Она не собиралась оставлять их тут висеть в воздухе, но и тащить за собой тюремщиков не хотела — так что пусть лучше идут своими ногами.

Она велела Трибену привести толстяка из другой комнаты, а затем погнала всех троих пленников по лестнице. Внизу их встретил мускулистый Лурц, бдительно следивший за переулком. На полу перед ним сидел юноша, и сфера Найнив высветила его лицо — испуганный доманиец с русыми волосами и с пятнами ожогов на руках.

— Ага, а вот это — ученик свечника, — произнес Трибен, почесывая шрам на лбу. — Наверное, он-то тут всю работу для виду и делал.

— Спал вон там, под одеялами. — Лурц, подойдя к Найнив, кивнул на темную груду в углу мастерской. — Вы ушли наверх, а он попытался выбраться через переднюю дверь.

— Веди его сюда, — сказала Найнив.

В маленькой прихожей Трибен, откинув коврик, принялся тыкать острием меча между половиц, пока тот не ударился обо что-то под ними — об петли люка, как решила Найнив. Какое-то время салдэйец внимательно всматривался в щели, а потом, чуть повозившись, открыл потайной люк. Вниз, во мрак, вела приставная лестница.

Найнив шагнула было вперед, но Трибен поднял руку:

— Лорд Башир вздернет меня на моих же стременах, миледи, если я позволю вам пойти первой. Кто знает, что там, внизу.

Он спрыгнул в дыру, придерживаясь одной рукой за лестницу, а в другой сжимая меч. С глухим шумом он ударился сапогами о землю внизу, и Найнив закатила глаза. Ох уж эти мужчины! Жестом велев Лурцу присматривать за тюремщиками, она освободила их от пут, чтобы они сами могли спуститься. Затем, предварительно смерив каждого пленника суровым взглядом, Найнив

сошла по лестнице вниз — а не так, как Трибен, с этим его нелепым прыжком, — предоставив Лурцу гнать тюремщиков следом.

Оказавшись в подвале, она подняла свой светящийся шар и осмотрелась. Сложенные из камня стены несколько развеяли ее тревоги относительно тяжести здания над головой. Земляной пол был плотно утрамбован, а в стене напротив Найнив виднелась деревянная дверь, возле которой, прислушиваясь, стоял Трибен.

Найнив кивнула, и солдат, рывком распахнув дверь, стремительно ринулся внутрь. Похоже, кое-каких привычек салдэйцы набрались у Айил. Айз Седай двинулась следом, на всякий случай приготовив плетения Воздуха. По лестнице у нее за спиной, подгоняемые Лурцем, начали спускаться угрюмые тюремщики.

В обнаруженной комнате смотреть особо было не на что. Две толстые деревянные двери, ведущие в камеры. Стол, рядом несколько табуретов и большой деревянный сундук. Найнив отправила светящуюся сферу в угол, где Трибен осматривал сундук. Откинув крышку, он приподнял бровь и достал несколько блестящих ножей. Средства для развязывания языков на допросе. Найнив содрогнулась и бросила грозный взгляд на стоявших

позади тюремщиков, после чего распустила кляп у одного из них и спросила:

— Ключи?

— На дне сундука, — ответил головорез.

Толстый тюремщик — несомненно, старший из троицы, раз у него была отдельная комната, — кинул на сотоварища злобный взгляд. Найнив вздернула толстяка в воздух.

— Не серди меня, — прорычала она. — Уже слишком поздно, нормальные люди спят давно, и незачем их будить.

Найнив кивнула, и Трибен достал ключи и открыл двери тюремных камер. Первая была пуста. Во второй обнаружилась растрепанная женщина, по-прежнему облаченная в прекрасное, хотя и запачканное, доманийское платье. Леди Чадмар была грязна, ее нечесаные волосы всклокочены. Сонная, она свернулась калачиком возле стены и едва ли заметила, как открылась дверь. Найнив уловила струйку зловония, которое до этого момента перебивала вонь гниющей рыбы. Запах человеческих испражнений и немытого тела. Вот, видимо, еще одна причина, почему подземную тюрьму устроили в Чаячьей Округе.

Айз Седай задохнулась от гнева при виде того, как обращаются с этой женщиной. Как подоб-

ное допустил Ранд? Да, леди Чадмар сама таким образом поступала с другими, с теми, кто имел несчастье очутиться в ее темнице, но это не дает Ранду права опускаться до ее уровня.

Взмахом руки велев Трибену запереть двери камер, Найнив уселась на табурет и воззрилась на трех тюремщиков. Стоявший позади них Лурц охранял выход и заодно приглядывал за юным подмастерьем. Толстый главарь тюремщиков все так же висел в воздухе.

Ей нужны сведения. Найнив могла наутро получить у Ранда разрешение сходить в тюрьму, но она не хотела рисковать — ведь тогда о ее планах могли узнать те, кого она намеревалась расспросить, и насторожиться. Чтобы выявить скрытое, Найнив полагалась на неожиданность и устрашение.

— Сейчас, — сказала она троице тюремщиков, — я задам несколько вопросов. А вы на них ответите. Как с вами быть, я пока не решила, так что уясните: лучше вам быть со мной очень откровенными.

Двое стоявших на земле парней посмотрели на толстяка, болтавшегося над полом в невидимых путах Воздуха. Кивнули.

— Человек, которого к вам привели, — про-

молвила Найнив. — Посланец от короля. Когда это было?

— Два месяца назад, — ответил один из тюремщиков — тот, у которого был крупный подбородок и перебитый нос. — Как и всех прочих заключенных, доставили из поместья леди Чадмар в мешке со свечными огарками.

— И вам приказали?..

— Держать под стражей, — отозвался второй громила. — Сохранять ему жизнь. Мы мало что знаем, э-э… госпожа Айз Седай. Допросы вел Йоргин.

Найнив перевела взгляд на толстяка:

— Ты — Йоргин?

Тот неохотно кивнул.

— И что тебе приказывали?

Йоргин не ответил.

Найнив вздохнула, а потом сказала ему:

— Послушай, я — Айз Седай, и слово мое нерушимо. Если ты расскажешь мне то, что мне нужно знать, я пойму, что ты не причастен к той смерти. Дракону нет дела до вашей троицы, иначе не заправлял бы ты этим… своим тайным приютом.

— Если расскажем, то мы свободны? — спросил толстяк, пристально глядя на Найнив. — Даете слово?

Найнив обвела крохотную комнатку недовольным взором. Они держали леди Чадмар во мраке, а дверь, чтобы заглушать вопли, обита дерюгой. Тюремная камера, должно быть, темная, тесная и душная. Люди, согласные на работу в подобном месте, едва ли жизни заслуживают, не говоря уже о свободе.

Однако ей надо разобраться с болезнью куда более важной.

— Даю, — ответила Найнив, и слова горчили у нее во рту. — И как ты понимаешь, это много лучше того, что вы заслуживаете.

Йоргин помедлил, затем кивнул:

— Опустите меня, Айз Седай, и я буду отвечать.

Так она и сделала. Этот человек мог и не знать, но, чтобы настаивать на своем, у нее было очень мало власти. К тем методам, какими вел свои расспросы Йоргин, Найнив прибегнуть не могла, да и действовала она без ведома Ранда. Пожалуй, вряд ли Дракон обрадуется, узнав, что Найнив вздумала сунуть нос не в свое дело — если только она не преподнесет ему нечто важное, что ей удастся отыскать.

Йоргин обратился к своему помощнику со сломанным носом:

— Морд, подай мне табурет.

Тот вопросительно взглянул на Найнив, и она дала ему свое разрешение, коротко кивнув. Уместив грузное тело на табурете, Йоргин подался вперед и сложил руки перед собой. Он походил на огромного жука, поднявшегося на задние лапки.

— Не пойму, чего вам от меня нужно, — промолвил он. — Кажется, вам уже все известно. Вы знаете о моем заведении, о людях, которых тут держали. Чего ж еще надо?

Заведение? Ну, можно и так назвать.

— Это мое дело, — заметила Найнив, одарив тюремщика взглядом, который, как она надеялась, говорил, что нечего спрашивать о делах Айз Седай. — Расскажи, как умер посланец.

— Без всякого достоинства, — буркнул Йоргин. — Как и все прочие на моей памяти.

— Давай поподробней, а не то снова станешь в воздухе болтаться.

— Несколько дней назад я открыл камеру, чтобы покормить его. Он был мертв.

— И сколько тогда прошло времени с тех пор, как его кормили в последний раз?

Йоргин фыркнул:

— Госпожа Айз Седай, своих подопечных я голодом не морю. Я лишь… убеждаю их поделиться тем, что они знают.

— И сколько же тебе пришлось убеждать посланца?

— Ну уж не столько, чтобы он с жизнью расстался, — заявил в свою защиту тюремщик.

— Ой, ладно тебе. Человек оставался у тебя на попечении не один месяц, и все это время вроде как был жив-здоров. А потом, за день до того, как его должны были отвести к Дракону Возрожденному, он вдруг умер? Я уже пообещала тебя помиловать. Скажи, кто тебя подкупил, чтобы ты убил его, и я позабочусь, чтобы с тобой ничего не случилось.

Тюремщик покачал головой:

— Не так было. Говорю же вам, он просто умер! Такое иногда случается.

— Мне надоели твои игры.

— Это не игра, чтоб тебе сгореть! — огрызнулся Йоргин. — Неужто ты думаешь, что в моем ремесле человек долго протянет, коли пойдет слух, будто он за взятку убил своего подопечного? Да ему доверия будет не больше, чем *лживому* айильцу!

Последнее замечание Найнив пропустила мимо ушей, хотя никто и никогда не стал бы оказывать «доверие» такому человеку, как этот толстяк-тюремщик.

— Послушайте, — промолвил Йоргин, — все равно этот узник был не из тех, кого убивают. Всем хочется знать, где король. Кто станет убивать единственного человека, который это знает? Он немалых денег стоил.

— Так он не мертв? — предположила Найнив. — Кому ты его продал?

— О нет, он мертв, — усмехнулся Йоргин. — Если б я его продал, то после недолго бы прожил. В моем деле такие вещи быстро просекаешь.

Найнив повернулась к двум другим тюремщикам:

— Он *лжет*? Сотня золотых марок тому, кто докажет, что он *лжет*.

Морд глянул на главаря и скорчил гримасу.

— Да за сотню золотых я бы вам, госпожа, собственную мать продал. Чтоб мне сгореть, взаправду продал бы. Но Йоргин правду говорит. Гонец был мертвее мертвого. Люди Дракона все проверили, когда доставили к нам леди.

Значит, Ранд учитывал такую возможность. Но у нее по-прежнему не было доказательств, что эти трое говорят правду. Если там и есть что скрывать, то они постарались поглубже это зарыть. Найнив решила зайти с другого конца и спросила:

— Ладно, а что тогда вы узнали о том, где находится король?

Йоргин только вздохнул:

— Как я говорил и людям лорда Дракона, и леди Чадмар до того, как она сама очутилась в темнице, — этот человек что-то знал, но он бы ничего не рассказал.

— Ой, брось! — Найнив кинула взгляд на сундук с колюще-режущими приспособлениями. И поспешила отвернуться, пока вид содержимого сундука ее снова не разозлил. — Чтобы с твоими… умениями и не выведать у него одной простенькой мелочи?

— Да заберет меня Темный, если вру! — К лицу тюремщика прилила кровь, будто Найнив задела его гордость. — Никогда не видел, чтобы человек так сопротивлялся! Расфуфыренный голубок вроде него вообще должен был сломаться без особенных увещеваний. Да вот не раскололся. Он был готов выложить все, что угодно, но только не то, что нас интересовало! — Йоргин наклонился вперед. — Не знаю, госпожа, как он это делал. Чтоб мне сгореть, не знаю! Словно какая-то… сила удерживала его язык. Он будто говорить не мог. Даже если б захотел!

Двое подручных тюремщика с испуганным

видом что-то бормотали себе под нос. Кажется, вопросы Найнив затронули больное место.

— Значит, ты слишком сильно на него надавил, — высказала догадку Найнив. — Вот он и умер.

— Да неужели непонятно, женщина! — прорычал тюремщик. — Кровь и кровавый пепел! Да не убивал я его! Случается, люди просто умирают.

К сожалению, Найнив начинала верить его словам. Йоргин — негодяй, который должен с десяток лет под присмотром Мудрой черную работу делать. Но он не лжет.

Вот и конец ее великим планам. Найнив вздохнула и поднялась с табурета, только сейчас осознав, как она устала. О Свет! Узнав о затее Найнив, Ранд, скорее всего, разгневается на нее. И как потом ей убедить его прислушиваться к своим советам? Ей нужно вернуться в поместье и немного поспать. Может, завтра она придумает способ получше, чтобы показать Ранду, что они на одной стороне.

Найнив махнула рукой охранникам, чтобы они уводили тюремщиков наверх, а потом сплела нить Воздуха, закрывая дверь в камеру Милисайр Чадмар. Найнив непременно позаботится, чтобы ее содержали получше. Сколь бы презренным

человеком она ни была, с ней нельзя так обращаться. Ранд должен будет это понять, когда она все ему объяснит. К тому же Милисайр была так бледна, того гляди, еще с лихорадкой свалится! Погрузившись в свои мысли, Найнив подошла к двери камеры, заглянула в смотровую прорезь и рассеянно сплела из пряди Духа щуп Искательства, намереваясь убедиться, что женщина не заболела.

И, едва начав Искательство, Найнив застыла. Она ожидала, что Милисайр будет обессилена и истощена. Найнив думала найти признаки болезни, возможно, голода.

Но она не предполагала обнаружить яд.

Выругавшись, встревоженная Айз Седай распахнула дверь и ворвалась в камеру. Да, через плетение Искательства это было отчетливо видно. Лист тархрота. Найнив сама давала снадобье из него собаке, которую понадобилось усыпить. Эта трава много где растет и обладает очень горьким запахом. Не самый лучший яд. На вкус неприятный, да еще его проглотить надо.

Да, яд был плох — если только человек, которого травят, уже не захвачен и у него нет иного выбора и он вынужден есть то, что ему дают. Найнив начала Исцеление, сплетая все пять Сил,

сдерживая яд и укрепляя тело Милисайр. Само Исцеление было относительно легким, поскольку тархротовый лист не обладал особо сильным действием. Чтобы яд убил жертву, нужно или использовать сразу много листьев — как в случае с той собакой, — или давать отраву неоднократно, на протяжении какого-то времени. Однако если прибегнуть к последнему способу, то со стороны будет казаться, что человек умер своей смертью.

Как только Милисайр была спасена от яда, Найнив выскочила из камеры.

— Стойте! — закричала она. — Йоргин!

Лурц, шедший позади, удивленно обернулся, потом схватил Йоргина за руку и развернул лицом к Найнив.

— Кто готовит еду для узников? — решительно направившись к тюремщику, сурово спросила Найнив.

— Еду? — переспросил Йоргин, явно сбитый с толку. — Это была работа Керба. А что?

— Керба?

— Да мальчишка один, — пояснил толстяк. — В сущности, никто. Подмастерье, которого мы несколько месяцев назад отыскали среди беженцев. Удачная находка — наш-то последний подмастерье сбежал, а этот уже был обучен…

Охваченная внезапной тревогой, Найнив оборвала его резким взмахом руки:

— Мальчик! Где он?

— Да здесь был… — промолвил Лурц и посмотрел наверх. — Ушел с…

Вдруг сверху донесся шум какой-то возни. Найнив выругалась и заорала Трибену, чтобы тот ловил мальчишку, а потом, расталкивая всех, бросилась к лестнице и стала карабкаться наверх, сопровождаемая своей светящейся сферой. Выскочив из люка, она увидела, что два тюремщика, съежившись, стоят в замешательстве посредине мастерской, а рядом с ними — салдэйский солдат с обнаженным мечом. Трибен вопросительно посмотрел на Найнив.

— Мальчишка! — выкрикнула она.

Трибен бросил взгляд в сторону выхода из лавки. Дверь была открыта. Готовя на ходу плетения Воздуха, Найнив выбежала наружу.

Там, на грязной улице, она и обнаружила Керба — его держали четверо слуг, которых она застала за игрой в кости и увела с собой из поместья. Когда Найнив ступила с дощатого настила в уличную грязь, работники как раз подняли отчаянно отбивавшегося мальчишку на ноги. Третий солдат-салдэец стоял у дверей с обнаженным

мечом, будто собирался ворваться внутрь и проверить, не в опасности ли Найнив.

— Он вылетел из дверей, Айз Седай, — сказал один из работников из поместья, — так, словно за ним гнался сам Темный. Ваш солдат бросился в лавку проверить, все ли с вами в порядке. Ну а мы решили, что лучше поймать паренька, пока он далеко не убежал. Так, на всякий случай.

Найнив глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

— И правильно сделали, — промолвила она. Мальчишка сопротивлялся, но слабо. — Очень даже правильно.

Глава 33
Разговор с Драконом

Лучше, чтобы это оказалось что-то важное, — заявил Ранд.

Обернувшись, Найнив увидела стоявшего на пороге гостиной Дракона Возрожденного. На нем был темно-красный халат с вышитыми на рукавах черными драконами. Культя пряталась в складках левого рукава. Хотя волосы у Ранда были взъерошены со сна, глаза его смотрели настороженно.

Он ступил в гостиную как король; даже сейчас, далеко за полночь и только что поднятый с постели, Ранд выглядел абсолютно уверенным в себе. Слуги принесли чайник с горячим чаем, и Дракон налил себе чашку. Следом за ним в комнату вошла Мин. На ней тоже был ночной халат; подобные облачения считались у доманийцев модными, и халат у девушки был из желтого шелка, хотя и с куда менее богатой вышивкой, чем у Ранда. У дверей встали на страже айильские Девы — как всегда, позы их казались странно ленивыми, но в то же время они внушали чувство

опасности.

Ранд сделал глоток чаю. Все труднее и труднее становилось видеть в нем того мальчика, которого Найнив знала в Двуречье. Всегда ли подбородок и складки возле губ подчеркивали его решительность? Когда его поступь приобрела такую уверенность, а осанка стала столь властной? Этот человек казался не тем Рандом, что был знаком ей когда-то, а каким-то… его подобием. Как будто высеченная из камня статуя, лицом в точности похожая на него, но которой приданы подчеркнуто героические черты.

— Ладно, — начал Ранд. — Кто это?

В комнате было несколько скамеек с мягкой обивкой, и на одной из них, связанный прядями Воздуха, сидел юный подмастерье свечника. Найнив посмотрела на Керба, затем обняла Источник и сотворила плетение малого стража, защищавшего от подслушивания. Ранд бросил на женщину острый взгляд.

— Ты направила Силу?

Он чувствовал, когда женщина обращается к Силе, если при этом она не прибегает к мерам предосторожности; как показали исследования Эгвейн и Илэйн, в этом случае у Ранда возникало ощущение, будто у него по коже мурашки

забегали.

— Малый страж, — ответила Найнив, отказываясь пугаться. — Если я верно помню, прежде, для того чтобы направлять Силу, мне не требовалось твоего дозволения. Ты вырос большим и сильным, Ранд ал'Тор, но не забывай, что я шлепала тебя по заднице, когда ты еще пешком под стол ходил.

Когда-то на такое замечание Найнив он бы хоть как-то да отреагировал, пускай даже и вспышкой раздражения. Сейчас же Ранд просто смотрел на нее. Порой казалось, будто больше всего в нем изменились именно глаза.

Он вздохнул и спросил:

— Зачем ты меня разбудила, Найнив? Кто этот тощий перепуганный юнец? Если бы кто другой в этот ночной час потребовал встречи со мной, я бы отправил его к Баширу для порки.

Найнив кивком указала на Керба:

— Я думаю, что этот «тощий перепуганный юнец» знает, где король.

Слова Найнив привлекли внимание как Ранда, так и Мин. Последняя тоже налила себе чашку чая и стояла, прислонившись к стене. Почему они не поженятся?

— Король? — переспросил Ранд. — Значит, там

же и Грендаль. Откуда тебе это известно, Найнив? Где ты его нашла?

— В подземной темнице, куда ты отправил Милисайр Чадмар, — ответила Найнив, смерив его взглядом. — Это ужасно, Ранд ал'Тор. У тебя нет никакого права так обращаться с людьми.

На это он тоже не отреагировал. Вместо этого Ранд просто подошел к Кербу.

— Он что-то слышал при допросах?

— Нет, — отозвалась Найнив. — Но думаю, это он убил посланца. Я точно знаю, что он пытался отравить Милисайр. Она умерла бы к концу этой недели, если бы я ее не Исцелила.

Ранд посмотрел на Найнив, и та едва ли не чувствовала, как он увязывает воедино все ею сказанное, чтобы понять, что же она делала.

— Я начинаю понимать, — наконец произнес он, — что у вас, Айз Седай, много общего с крысами. Вы всегда появляетесь там, где вас видеть не желают.

Найнив фыркнула:

— Если бы я туда не полезла, то Милисайр бы уже умирала, а Керб разгуливал на воле.

— Полагаю, ты спросила у него, кто приказал ему убить гонца.

— Нет еще, — сказала Найнив. — Но я нашла

в его вещах яд и убедилась, что он готовил еду и для королевского посланца, и для Милисайр. — Найнив помолчала, а потом продолжила: — Ранд, я не уверена, что он сможет ответить на наши вопросы. Я осмотрела его с помощью Искательства, и хотя телом мальчик здоров, там… что-то есть. У него в сознании.

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросил Ранд.

— Блокировка какого-то рода, — ответила Найнив. — Тюремщик был разочарован — и даже удивлен — тем, что посланник оказался способен противостоять его «расспросам». По-моему, на него тоже был наложен какой-то запрет, нечто, не позволяющее открыть слишком многое.

— Принуждение, — небрежным тоном заметил Ранд, поднося чашку к губам.

Принуждение было темным, злым. Эту мерзость Найнив испытала на себе; ее до сих пор передергивало, когда она задумывалась над тем, что с ней творила Могидин. А ведь то была лишь мелочь, удаление некоторых отдельных воспоминаний.

— Немногие сравнятся в своих умениях с Грендаль, коли речь идет о Принуждении, — задумчиво проговорил Ранд. — Возможно, вот

оно, то подтверждение, которое я искал. Да… это действительно может быть великой находкой, Найнив. Настолько великой, чтобы я забыл, как именно ты ее сделала.

Ранд обошел скамейку и нагнулся, заглядывая юноше в глаза.

— Освободи его, — приказал Ранд.

Найнив подчинилась.

— Скажи мне, — обратился Ранд к Кербу, — кто велел тебе отравить этих людей?

— Я ничего не знаю! — взвизгнул мальчик. — Я просто…

— Прекрати, — тихо произнес Ранд. — Ты веришь, что я могу убить тебя?

Мальчик замолчал, и его голубые глаза распахнулись еще шире, хотя Найнив даже представить не могла, что такое возможно.

— Ты веришь, — продолжал говорить зловеще тихим голосом Ранд, — что стоит мне сказать лишь слово, и сердце твое перестанет биться? Я — Дракон Возрожденный. Ты веришь, что я могу забрать твою жизнь — или саму душу, если только пожелаю?

Найнив снова увидела это — патину мрака вокруг Ранда, ту ауру, в существовании которой она не была вполне уверена. Она поднесла чашку

к губам — и обнаружила, что чай вдруг стал горчить и отдавать затхлостью, как будто слишком долго настаивался.

Керб скорчился и заплакал.

— Говори, — велел Ранд.

Паренек открыл рот, но издал лишь стон. Он был настолько скован ужасом перед Рандом, что не мог даже сморгнуть слезы.

— Да, — задумчиво промолвил Ранд. — Это Принуждение, Найнив. Она здесь! Я был прав! — Он посмотрел на Найнив. — Ты должна распутать паутину Принуждения, убрать ее из разума Керба, чтобы он сумел сообщить нам то, что знает.

— Что? — недоверчиво спросила Найнив.

— У меня невелики навыки работы с этим типом плетения, — взмахнув рукой, произнес Ранд. — Думаю, если постараешься, ты сумеешь снять Принуждение. В каком-то отношении оно схоже с Исцелением. Применяй то же плетение, что формирует Принуждение, однако используй обращенные потоки.

Найнив нахмурилась. Исцелить бедного паренька — мысль сама по себе замечательная: в конце концов, всякая рана должна быть Исцелена. Но попытаться исполнить то, чего она никогда не делала, да еще на глазах у Ранда, —

подобная идея ее ничуть не привлекала. А если у нее что-то не так выйдет и она как-то навредит мальчишке?

Ранд уселся на мягкую скамью напротив Керба; Мин, подойдя поближе, села рядом с Рандом. Морщась, она подозрительно рассматривала свой чай; по-видимому, питье испортилось так же внезапно, как и у Найнив.

Ранд выжидающе смотрел на Найнив.

— Ранд, я…

— Просто попробуй, — сказал он. — Я не могу рассказать, как именно это делается — я же не женщина, но ты ведь умна и сообразительна. Уверен, ты справишься.

Его ненамеренно покровительственный тон вновь взбесил Найнив, а сильная усталость только довершила дело. Айз Седай стиснула зубы, повернулась к Кербу и пустила в ход все пять Сил. Глаза паренька бегали туда-сюда, хотя он и не мог видеть плетений.

Найнив накинула на Керба плетение самого легкого Исцеления, заставив мальчика застыть. Затем она сплела отдельную нить Духа, введя щуп Искательства ему в голову так осторожно, как только могла, коснулась скученных в его сознании плетений. Да, теперь она видела ее

— запутанную сеть, составленную из нитей Духа, Воздуха и Воды. Перед мысленным взором Найнив предстала сложнейшая паутина, и вид ее, пересекающей мозг мальчика, был ужасен. Ответвления касались сознания тут и там, крохотными крючочками впиваясь глубоко в мозг.

Обратить плетение, сказал Ранд. Задача далеко не такая простая и легкая. Ей придется снимать паутину Принуждения слой за слоем, а если она совершит ошибку, то своей оплошностью может запросто убить Керба. Найнив уже готова была пойти на попятную и отказаться от этой затеи.

Но кто, если не она? Принуждение было запретным плетением, и Найнив сомневалась, что Кореле или кто-то из прочих имели опыт работы с ним. Если Найнив остановится сейчас, то Ранд пошлет за другими Айз Седай и обратится с просьбой к ним. А они подчинятся, смеясь за глаза над Найнив — над принятой, возомнившей себя полноправной Айз Седай.

Но ведь именно она открыла новые способы Исцеления! Она помогла очистить от порчи саму Единую Силу! Она Исцеляла усмиренных и укрощенных!

И эта задача ей по плечу.

Найнив работала быстро, создав зеркальное

отражение первого слоя Принуждения. Каждое приложение Силы в точности соответствовало оригиналу, внедренному в сознание мальчика, но имело обращенные вспять потоки. С опаской Найнив осторожно накинула свое плетение, и, как Ранд и сказал, обе сети подернулись туманом и исчезли.

Откуда он знал? Найнив содрогнулась, подумав о том, что говорила о Ранде Семираг. Память другой жизни, воспоминания, на которые он не имел прав. Вот по этой-то причине Создатель и позволял людям забывать свои прошлые жизни. Никто не должен был помнить о провалах и неудачах Льюса Тэрина.

Так Найнив и действовала дальше, слой за слоем удаляя плетения Принуждения — подобно костоправу, снимающему повязки с пораненной ноги. Работа была изматывающей, но вполне выполнимой. Каждое плетение исправляло что-то поврежденное, исцеляло паренька еще немножко, делало мир хотя бы на волосок правильнее.

Процедура Исцеления, занявшего почти час, истощила Найнив. Но она справилась. С исчезновением последнего слоя Принуждения молодая женщина испустила усталый вздох и отпустила Единую Силу, убежденная, что не в состоянии

больше направить и единой нити, даже если это потребуется для спасения собственной жизни. Пошатываясь, Найнив подошла к стулу и тяжело опустилась на него, заметив, что Мин спит, свернувшись калачиком на скамейке возле Ранда.

Но Ранд не спал. Дракон Возрожденный наблюдал, словно бы прозревал нечто, чего не могла видеть Найнив. Он встал и шагнул к Кербу. В своем измотанном состоянии Найнив не разглядела лица мальчика. Оно было бледным и странно пустым, будто у человека, оглушенного сильным ударом в голову.

Ранд опустился возле паренька на одно колено и, приподняв его подбородок ладонью, посмотрел ему в глаза.

— Где? — тихо спросил Ранд. — Где она?

Мальчик разомкнул губы, и из уголка его рта потекла струйка слюны.

— Где она? — повторил Ранд.

Керб застонал, глаза его по-прежнему оставались бездумны, между губ виднелся кончик языка.

— Ранд! — сказала Найнив. — Прекрати! Что ты с ним делаешь?

— Я ничего не сделал, — негромко ответил Ранд, не глядя на нее. — Это совершила ты, Найнив,

расплетая сеть. Принуждения Грендаль очень сильны — но в каком-то отношении грубы. Она наводняет сознание Принуждениями настолько, что стираются и сама личность, и разум, оставляя лишь куклу, действующую исключительно под ее прямым контролем.

— Но еще совсем недавно он вел себя вполне сознательно!

Ранд покачал головой:

— Если спросишь тюремщиков, они скажут, что парень был тугодумом и редко с ними разговаривал. У него в голове не было настоящей личности, только наслоения плетений Принуждения. Указания, умело созданные, чтобы уничтожить сознание бедняги и заменить его существом, полностью послушным желаниям Грендаль. Я видел такое десятки раз.

«Десятки раз? — с дрожью подумала Найнив. — Ты видел их или Льюс Тэрин? Чьи воспоминания руководят тобой сейчас?»

Она посмотрела на Керба, ощущая дурноту. Его глаза были пусты не как у оглушенного человека, как ей подумалось поначалу; они не выражали ничего даже еще в большей степени. Когда Найнив была моложе и только начинала свой путь Мудрой, к ней привели женщину, упавшую с

повозки. Та не приходила в себя несколько дней, а когда наконец очнулась, то взгляд у нее был именно такой. Она никого не узнавала, ничто не говорило, что в пустой оболочке, какой стало ее тело, оставалась душа.

Неделю спустя женщина умерла.

Ранд снова обратился к Кербу:

— Мне нужно знать место. Хоть что-нибудь. Если в тебе осталась хоть капля того, что ей сопротивлялось, крупица, которая с ней боролась, я обещаю тебе месть. Назови место. Где она?

С губ паренька стекала слюна. Губы вроде как дрогнули. Ранд поднялся, навис над ним, продолжая пристально глядеть в глаза мальчику. Керба охватила дрожь, и потом он прошептал два слова:

— Натринов Курган.

Ранд облегченно выдохнул и отвел взор, едва ли не почтительным жестом отпуская Керба. Паренек соскользнул со скамьи на пол, роняя слюну на ковер. Выругавшись, Найнив вскочила со стула и пошатнулась, когда комната чуть не закружилась вокруг нее. О Свет, как же она вымоталась! Найнив собралась, закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, а затем опустилась на колени возле мальчика.

— Не утруждайся, — промолвил Ранд. — Он мертв.

Но Найнив не послушала и сама удостоверилась в смерти Керба, а потом резко вскинула голову и устремила на Ранда свой взор. По какому праву он выглядит таким уставшим, какой себя чувствует она? Он же ничего не делал!

— Что ты…

— Я ничего не делал, Найнив. Подозреваю, когда ты распутала Принуждение, то единственное, что поддерживало в нем жизнь, была глубоко упрятанная злость на Грендаль. Какая бы частица от него самого ни осталась, она знала, что помочь может лишь только двумя этими словами. А потом его не стало. Больше мы ничем не могли ему помочь.

— С таким объяснением я не смирюсь, — удрученно ответила Найнив. — Его можно было Исцелить!

Она обязана была ему помочь! Уничтожение сети Принуждения, накинутой Грендаль, казалось занятием таким хорошим, таким правильным. Оно не должно было вот так закончиться!

Найнив содрогнулась, чувствуя себя грязной. Использованной. Чем она лучше того тюремщика, который совершал столь ужасные вещи ради

того, чтобы получить нужные сведения? Найнив сердито воззрилась на Ранда. Он мог бы и сказать ей, к чему приведет снятие Принуждения!

— Не смотри так на меня, Найнив. — Ранд подошел к двери и жестом велел Девам унести тело Керба, что они и сделали. А Ранд тем временем тихим голосом распорядился принести чайник со свежезаваренным чаем.

Вернувшись, он сел на скамью возле спящей Мин; себе под голову девушка подложила одну из подушек. Одна из двух ламп, что освещали комнату, горела слабо, и лицо Ранда было наполовину скрыто тенями.

— Кончиться могло только так. Иной исход был невозможен, — продолжил Ранд. — Колесо плетет так, как желает Колесо. Ты — Айз Седай. Разве это выражение — не часть вашего кредо?

— Не знаю, что это такое, — огрызнулась Найнив, — но оно не оправдание твоих действий.

— Каких действий? — поинтересовался он. — Ты привела ко мне этого человека. Грендаль использовала на нем Принуждение. Теперь за это я убью ее — вот этот поступок будет исключительно на моей совести. Теперь оставь меня. Я постараюсь снова уснуть.

— И никакой вины ты не чувствуешь? — спро-

сила она.

Их взгляды скрестились: беспомощный и разочарованный — у Найнив, а у Ранда… Кто способен догадаться, какие нынче чувства испытывает Ранд!

— Должен ли я страдать за них всех, Найнив? — тихо спросил Ранд, вставая. Лицо его по-прежнему наполовину пряталось в тенях. — Если желаешь, пусть эта смерть ляжет на мою совесть. Она будет лишь одной из многих. Сколько камней можно навалить на человека, пока их тяжесть не перестанет что-то значить? Как долго можно жечь плоть, пока еще больший жар не окажется уже ненужным? Если я позволю себе испытывать чувство вины за смерть этого мальчика, то тогда я обязан буду почувствовать вину и за всех прочих. И это сокрушит меня.

Найнив смотрела на него в полумраке. И вправду, точно король. Воин, хотя войну он видел лишь изредка. Она укротила свою ярость. Возможно, все случившееся поможет доказать ему, что он может ей доверять?

— Ох, Ранд, — отвернувшись, промолвила Найнив. — То, чем ты стал, душа, в которой нет никаких иных чувств, лишь один гнев. Это уничтожит тебя.

— Да, — ответил он тихо.

Потрясенная, Найнив обернулась к нему.

— Не перестаю удивляться, — заметил Ранд, глядя на Мин, — почему вы все считаете, будто я слишком туп, чтобы не видеть того, что вы полагаете совершенно очевидным. Да, Найнив. Да, эта твердость, эта жесткость меня уничтожит. Я знаю.

— Тогда почему? — воскликнула она. — Почему ты не позволяешь нам тебе помочь?

Ранд поднял глаза — глядя не на нее, а куда-то в никуда. В двери тихонько постучалась служанка в белой с темно-зеленым ливрее дома Чадмар. Войдя, она поставила новый чайник, забрала старый и удалилась.

— Когда я был куда моложе, — негромко промолвил Ранд, — Тэм рассказал мне историю, которую слышал в своих странствиях по миру. Там говорилось о Драконовой горе. В то время я еще не знал ни того, что он собственными глазами видел эту гору, ни того, что он нашел меня там. Я был всего лишь мальчишкой-пастухом, а Драконова гора, Тар Валон и Кэймлин для меня существовали едва ли не в сказках, в каком-то другом, вымышленном мире. И Тэм рассказывал о горе такой высокой, что рядом с нею наш

Двурогий пик представал карликом. Если верить историям Тэма, то никто и никогда не взбирался на вершину Драконовой горы. И не потому, что это невозможно, а потому, что путь до самого пика отнял бы у человека все силы, до последней капли. Так высока гора, что ее покорение становилось борьбой, полностью истощавшей человека.

Он замолчал.

— И?.. — наконец спросила Найнив.

Ранд посмотрел на нее:

— Неужели не понимаешь? Истории утверждают, что никто не влезал на гору потому, что у того, кто добрался бы до вершины, не осталось бы сил на возвращение. Взойти на гору человек может — добраться до самого верха, увидеть то, чего до него не видел никто. Но потом он обречен на гибель. Самые разумные, сильные и выносливые понимали это. Поэтому они никогда и не пытались взойти на гору. Всегда хотели, но ждали, откладывая это путешествие на другой день. Ибо знали — оно станет для них последним.

— Но это же лишь история, — заметила Найнив. — Легенда.

— А я и есть — эта история, — промолвил Ранд. — Легенда. Та, которую годы спустя будут

шепотом пересказывать детям. — Он покачал головой. — Случается иногда, что ты не можешь повернуть назад. Ты должен продолжать идти и идти дальше. И порой понимаешь, что это восхождение станет для тебя последним… Вы все твердите, что я стал слишком жестким, что неизбежно сломаюсь, если буду продолжать в том же духе. Но вы исходите из того, что во мне должно будет что-то остаться — чтобы продолжать путь. Что мне надо будет спускаться с горы после того, как я доберусь до вершины. Вот разгадка, Найнив. Мне все теперь понятно. Мне не пережить того, что происходит, а значит, и незачем беспокоиться о том, что может со мной случиться после Последней битвы. Мне не нужно сдерживаться, не нужно спасать даже частички своей избитой, измученной души. Я знаю, что должен умереть. Те, кто хочет, чтобы я был мягче, был более гибок, они не в силах принять то, что со мной произойдет.

Ранд снова опустил взгляд на Мин. Прежде много раз Найнив видела любовь в глазах Ранда, когда он смотрел на Мин, но теперь они были пусты. Ничего не выражающие глаза на таком же бесстрастном пустом лице.

— Мы найдем выход, Ранд, — сказала Най-

нив. — Наверняка есть возможность для тебя победить и в то же время остаться в живых.

— Нет, — тихо прорычал Ранд. — Не уговаривай меня вновь ступить на этот путь. Он ведет только к боли, Найнив. Я… я думал о том, чтобы оставить что-то после себя, чтобы помочь миру выжить, когда я погибну, но это была попытка продлить себе жизнь. Я не могу себе потворствовать. Я заберусь на эту проклятую гору и увижу солнце. А вы все будете разбираться с тем, что случится потом. Вот как все должно быть.

Найнив открыла было рот, собираясь снова возразить, но Ранд бросил на нее пронзительный взгляд.

— Вот как все должно быть, Найнив.

Найнив захлопнула рот.

— Ты хорошо потрудилась сегодня ночью, — произнес он. — Избавила нас от многих бед.

— Я сделала это потому, что хотела, чтобы ты мне доверял, — ответила Найнив и тотчас же прокляла себя. Зачем она это сказала? Неужели настолько устала, что с языка соскакивает первое же, что на ум пришло?

Ранд только кивнул:

— Я доверяю тебе, Найнив. Настолько, насколько вообще хоть кому-то доверяю. Больше, чем

большинству прочих. Ты считаешь, будто тебе известно, что для меня лучше, даже если это идет наперекор моим желаниям, но я в состоянии это принять. Разница между тобой и Кадсуане в том, что ты на самом деле заботишься обо мне. Кадсуане же интересует лишь то, какое место она может отвести мне в своих планах. Она хочет, чтобы я стал частью Последней битвы. Ты хочешь, чтобы я жил. За это я благодарен тебе. Мечтай за меня, Найнив. Мечтай о том, о чем мне мечтать уже не суждено.

Наклонившись, Ранд подхватил Мин на руки — что ему удалось, невзирая на отсутствие одной кисти: одну руку он подсунул под нее, а другой, поднимая девушку, придерживал ее. Мин зашевелилась, потом теснее прижалась к нему; проснувшись, она проворчала, что вполне и сама может идти. Однако Ранд не выпустил ее из объятий; вероятно, из-за той усталости, которая слышалась в голосе Мин. Найнив знала, что большинство ночей девушка просиживает за книгами и от своей напряженной работы выматывается почти так же, как и Ранд.

Ранд направился к двери, неся Мин на руках.

— Сначала мы разберемся с шончан, — сказал он. — Хорошенько подготовься к этой встрече. А

уж после нее я разделаюсь с Грендаль.

Потом Ранд ушел. Лампа, неровное пламя в которой подрагивало и мигало, в конце концов догорела и погасла, и светила только одна, стоявшая на столе.

Ранд снова удивил Найнив. Он по-прежнему был шерстеголовым болваном, но на удивление хорошо себя знающим. Как может мужчина столько всего понимать, но при этом оставаться в таком неведении?

И почему она не начала с ним спорить, не стала возражать? Почему не наорала на него, стремясь убедить, что он не прав? Надежда есть всегда. Отказавшись от надежды, от этого важнейшего чувства, Ранд, может, и станет сильнее — но рискует лишиться всего того, что для него значимо и что заставляет его беспокоиться за исход своих битв.

Но по какой-то причине Найнив не смогла найти слов в подкрепление своих доводов.

Глава 34
Легенды

Итак, — произнес Мэт, разворачивая на столе одну из лучших карт Ройделле.

На стульях вокруг стола расположились Талманес, Том, Ноэл, Джуилин и Мандеввин. Рядом с картой Мэт разложил набросок с изображением плана средних размеров городка. Не без труда, но удалось отыскать торговца, согласившегося нарисовать карту Трустэйра — после Хиндерстапа Мэту не хотелось соваться в городок, не зная, с чем им придется там столкнуться.

Палатка Мэта стояла под сенью соснового леса, и денек выдался прохладный. Порой, когда начинал задувать ветер, с ветвей на землю осыпались засохшие сосновые иголки, шурша и скользя по парусиновой крыше палатки. Снаружи перекликались друг с другом солдаты и звякали котелки — было время обеда.

Мэт изучал карту города. Пора становиться умнее. Целый мир решил ополчиться против него — даже затерянные в сельской глуши горные деревни стали теперь смертельными ловушками.

Того и гляди, в следующий раз на него набросятся и попытаются сожрать растущие вдоль придорожных обочин маргаритки.

Эта картина заставила Мэта замолчать, и в голове у него всплыло воспоминание о бедном бродячем торговце, тонущем в призрачном городке в Шиоте. Когда то иллюзорное место исчезло, после него осталось поле с бабочками и цветами. В том числе и с маргаритками. «Чтоб мне сгореть», — подумал Мэт.

Ладно, Мэтрим Коутон не собирается кончить свои дни на какой-то захолустной дороге. На этот раз он все спланирует и будет готов. Мэт удовлетворенно кивнул, соглашаясь сам с собой.

— Вот гостиница, — сказал он, тыкая пальцем в карту. — «Грозящий кулак». Два разных путника сошлись на том, что это хорошая гостиница, лучшая из трех в городке. Женщина, которая меня ищет, нисколько не пыталась скрыть свое местонахождение, а значит, она думает, будто хорошо защищена. Стоит предположить, что у нее имеется охрана.

Мэт расстелил еще одну карту из запасов мастера Ройделле, на которой местность вокруг Трустэйра была нанесена с бóльшими подробностями. Городок окружали покатые холмы, и

располагался он в ложбине возле небольшого озера, которое питали ручьи с предгорий. Судя по имеющимся сведениям, в озере водилась превосходная форель, которая — в засоленном виде — являлась основным источником благосостояния городка.

— Мне нужны три отряда легкой кавалерии здесь, — продолжал Мэт, указывая на господствующий над местностью склон. — Их самих скроют деревья, но небо будет прекрасно видно. Если распустится красный ночной цветок, они должны отправиться нам на выручку прямо по этой вот дороге. С той и с другой стороны городка мы разместим сотню арбалетчиков для поддержки конницы. Если же ночной цветок будет зеленым, то кавалеристы должны перекрыть ведущие в город дороги здесь, здесь и вот здесь.

Затем Мэт поднял от карты взгляд и указал на Тома:

— Том, с тобой будут Гарнан, Фергин и Мандеввин в качестве «учеников» и Ноэл как лакей.

— Лакей? — переспросил Ноэл — сутулый, весь какой-то узловатый старик. У него были редкие зубы и крупный крючковатый нос. Несмотря на это, он был крепок и надежен, как старый, побывавший во многих битвах меч, что передают от

отца к сыну. — Зачем это менестрелю лакей?

— Ну ладно, — решил Мэт, — будешь тогда его братом, который заодно ему и прислуживает. Джуилин, ты…

— Погоди-ка, Мэт, — перебил его Мандеввин, почесывая щеку рядом с повязкой на глазу. — Я буду учеником менестреля? Не уверен, что мой голос годится для пения. Ты ж меня слышал, я точно знаю. А с одним глазом из меня и жонглер никакой.

— Ты новенький, — ответил Мэт. — Том знает, что способностей у тебя кот наплакал, но он тебя пожалел, потому что твоя двоюродная бабушка — у которой ты жил с тех пор, как твои родители трагически погибли под копытами стада перепуганных коров, — подхватила клеверную высыпь и умом тронулась. Начала тебя объедками кормить и вообще обращаться так, будто ты — ее пес Пятныш, а он сбежал, когда тебе еще семь лет стукнуло.

Мандеввин почесал в затылке. В волосах у него пробивалась седина.

— А я не слишком стар для ученика?

— Вздор, — заявил Мэт. — Душой ты молод, а поскольку никогда и женат не был — та единственная, кого ты когда-то любил, сбежала с

сыном кожевника, — то появление Тома дало тебе шанс начать новую жизнь.

— Но я не хочу оставлять бабушку, — заупрямился Мандеввин. — Она обо мне с детства заботилась! Негоже бросать престарелую женщину просто потому, что она забывчива стала и в голове у нее слегка путается.

— Да ведь нет никакой двоюродной бабушки, — раздраженно бросил Мэт. — Это просто легенда такая — некая байка, в подкрепление твоему вымышленному имени.

— А нельзя мне такую легенду, чтобы я почестнее был?

— Слишком поздно, — ответил Мэт, роясь в завалах на столе в поисках пяти скрепленных между собой страничек, исписанных каракулями. — Ничего не изменить. Я полночи на твою историю потратил. Лучший вариант из всех. Вот, заучи это.

Он вручил листки Мандеввину, затем выудил еще одну пачку бумажек и начал их просматривать.

— А ты не слишком далеко заглядываешь, парень? — спросил Том.

— Снова меня врасплох не захватят, Том, — заявил Мэт. — Чтоб мне сгореть, больше я такого

не допущу. То и дело с бухты-барахты в ловушки попадаю! Надоело! Я намерен взять свою судьбу в собственные руки, перестать шарахаться и метаться из огня да в полымя. Пора самому браться за рулевое весло.

— И ты хочешь сделать это… — начал Джуилин.

— Да, с помощью вымышленных имен и тщательно проработанных для них историй. Легенд, — договорил за него Мэт, передавая листки с описаниями Тому и Ноэлу. — Именно так, чтоб мне сгореть.

— А со мной что? — поинтересовался Талманес. В глазах у него вновь плясал озорной огонек, но голос был совершенно серьезен. — Дай угадаю, Мэт. Я — бродячий торговец, который некогда обучался у Айил, а в эту деревню пришел потому, что прослышал, будто в здешнем озере живет форель, которая как-то оскорбила моего отца.

— Чушь какая, — откликнулся Мэт, сунув ему очередные листы. — Ты — Страж.

— Что-то подозрительно, — заметил Талманес.

— Так тебе и полагается быть подозрительным. В карты всегда легче выиграть, если противник думает не о том, что у него на руках, а о чем-то постороннем. Вот ты и будешь нашим «чем-то

посторонним». Страж идет куда-то по своим таинственным делам и случайно оказался в городке. Грандиозным событие не станет и всеобщего внимания не притянет, но тех, кто знает, что искать, оно отвлечет. Можешь взять плащ Фена. Он сказал, что позволит мне одолжить плащ на время. Он до сих пор чувствует вину за то, что дал тем служанкам сбежать.

— Ты, разумеется, ему и говорить не стал, что они попросту исчезли, — добавил Том. — И что предотвратить их исчезновение никак было нельзя.

— Не видел надобности, — отозвался Мэт. — Я всегда говорил, что нет смысла копаться в прошлом.

— Страж? — перебирал бумажки Талманес. — Надо попрактиковаться делать хмурое лицо.

Мэт наградил его ничего не выражающим взглядом, заметив:

— Та-ак, ты всерьез это не воспринимаешь.

— Зачем спрашиваешь? Тут кто-то серьезно все принимает?

Будь проклят тот блеск в глазах. Неужели Мэт и вправду когда-то считал, что этот человек смеяться не умеет? Да просто смеется он исключительно в глубине души. Вот что бесило Мэта

больше всего.

— О Свет, Талманес! — воскликнул Мэт. — Женщина из того городка разыскивает Перрина и меня. Ей очень хорошо известно, как мы выглядим, она может нарисовать мой портрет намного точнее, чем моя матушка. Да я от одной мысли об этом холодею, будто сам Темный стоит у меня за плечом. Сам я туда отправиться не могу, потому что в том растреклятом местечке у каждого проклятого мужчины, женщины и ребенка есть картинка с моим лицом! И за любое словечко обо мне обещано золото! Может, я и переусердствовал с приготовлениями, но я хочу найти эту особу раньше, чем шайка приспешников Темного — а то и кто-то похуже — заявится в ночи перерезать мне глотку. Понятно?

Мэт посмотрел в глаза каждому из пятерых, кивнул и направился было к выходу из палатки, однако задержался у стула, на котором сидел Талманес. Прочистив глотку, он несколько невнятно пробормотал:

— Ты скрываешь свою любовь к рисованию и мечтаешь о том, чтобы покончить с этой посвященной смерти жизнью, на которую ты себя обрек. Ты направляешься на юг, а через Трустэйр идешь, вместо того чтобы двигаться напрямик,

потому что любишь горы. И еще надеешься разузнать, нет ли известий о твоем младшем брате, которого ты много лет не видел, с тех пор как он пропал на охоте где-то на юге Андора. И в прошлом на твою долю выпало немало мук. Прочитай четвертую страницу.

Договорив, Мэт заторопился наружу, под сень деревьев, но все равно успел уловить краем глаза, как Талманес в притворном страдании закатил глаза. Чтоб ему сгореть! На тех страничках рассказана настоящая драма!

Сквозь ветви сосен он видел затянутое тучами небо. Снова. Когда же это кончится? Мэт, качая головой, двинулся через лагерь, кивая солдатам, которые приветствовали его воинским салютом или выкрикивали здравицы «лорду Мэту». Отряд остановился здесь на день, чтобы завершить последние приготовления к атаке, — лагерь был разбит в укромном месте на лесистом склоне холма, отстоящего от городка примерно на половину дневного конного перехода. Трехигольные сосны здесь были высоки, и их кроны разрослись вширь, своей густой тенью препятствуя росту подлеска. Палатки стояли группами вокруг деревьев, и прохладный воздух пах глинистой землей, смолой и хвоей.

Обходя лагерь, Мэт смотрел, чем заняты его люди, и отмечал про себя, что все действуют умело и со знанием дела. Те древние воспоминания, которыми наделили его Илфин, стали так тесно сосуществовать и сливаться с его собственными, что Мэт едва мог сказать, какие чувства и мысли рождены ими, а какие идут от него самого.

Хорошо было снова оказаться с Отрядом; он и не подозревал, как сильно по нему скучает. Было бы недурно воссоединиться и с остальными — с теми частями, которые вели Истин и Дайрид. Надо надеяться, им пришлось легче, чем войску Мэта.

Первыми он навестил знамена конницы. Кавалеристы устроили свой лагерь наособицу — конник всегда считает, что он лучше пехотинца. Сегодня — как слишком часто в последние дни — людей больше всего волновал корм для лошадей. Для хорошего кавалериста забота о лошади всегда стоит на первом месте. Путь от Хиндерстапа для животных оказался нелегок, в частности из-за отсутствия подножного корма. Мало что выросло этой весной, а травы, оставшейся после зимы, было на удивление мало. Лошади отказывались пастись на островках пережившей зиму травы, как будто та была испорчена, как и прочие съестные припасы. Зерна у них было

мало — Отряд надеялся прокормить себя сам, так как передвигались они слишком быстро для фургонов с зерном.

Что ж, Мэту надо будет что-то да придумать. Кавалеристов Мэт заверил, что он не забывает о трудностях с фуражом, и они приняли его слова на веру. Покамест лорд Мэт их еще не подводил. Конечно, те, кого Мэт все же подвел, гнили в могильной тиши. Он отказал в просьбе выступить с развевающимися знаменами. Может быть, после рейда на Трустэйр.

Настоящей пехоты сейчас в составе Отряда не было — все пехотинцы остались с Истином и Дайридом. Талманес разумно предположил, что им важна будет маневренность, и взял с собой три знаменных отряда конницы и почти четыре тысячи конных арбалетчиков. К последним Мэт и заглянул после кавалеристов и задержался ненадолго, наблюдая за тем, как в дальней части лагеря пара взводов тренируется в стрельбе шеренгами на отведенной под их занятия поляне.

Мэт прислонился к высокой сосне, нижние ветви которой росли в двух футах выше его головы. Строй арбалетчиков тренировал не столько меткость, сколько согласованность действий. В большинстве сражений ты, вообще-то, и не це-

лишься — в этом и крылся залог столь отменной эффективности арбалетчиков. Для их обучения требуется в десять раз меньше времени, чем в случае лучников. Конечно, воин, вооруженный длинным луком, способен стрелять и быстрее, и дальше, но если у тебя нет целой жизни для тренировок, то арбалет послужит прекрасной заменой луку.

Кроме того, необходимость перезарядки арбалета позволяла лучше подготовить солдат к стрельбе разом всей шеренгой. Командир подразделения стоял на дальней стороне импровизированного стрельбища и каждые две секунды постукивал палкой по сосновому стволу, задавая ритм. Каждый удар по дереву был командой. Первый удар — поднять арбалеты к плечу. Второй — произвести выстрел. Третий — опустить арбалет. Четвертый — взвести. Пятый — снова поднять к плечу. Люди работали все лучше и слаженнее. Согласованная стрельба позволяла убивать более эффективно и последовательно. Каждый четвертый удар о ствол отправлял в деревья волну арбалетных болтов.

«Нам понадобится побольше арбалетных болтов», — подумал Мэт, заметив, сколько стрел ломается и повреждается в процессе трениро-

вочных стрельб. При обучении расходовалось больше стрел, чем в настоящем бою, но каждый арбалетный болт, что выпущен сейчас, может в битве стоить двух или трех. И в самом деле, у стрелков получалось все лучше и лучше. Будь у него, когда он сражался у Кровавого Водопада, несколько вот таких знаменных отрядов, то проучить Нашифа ему, наверное, удалось бы намного раньше.

Конечно, от арбалетчиков было бы еще больше пользы, если бы они могли стрелять еще быстрее. Все упиралось в медлительность взведения тетивы арбалета. Дело было даже не в самом взведении, а в необходимости всякий раз опускать арбалет и вновь его поднимать. На перемещение оружия уходило четыре секунды. Те новые взводные механизмы, вороты с коробками, про которые Талманес вызнал у механика в Муранди, существенно ускорили заряжание. Но механик намеревался продавать свои механизмы в Кэймлине, и неизвестно еще, кто их у него прикупить успеет, пока он будет туда добираться. Оглянуться не успеешь, как подобными устройствами обзаведутся все. И о каком преимуществе может идти речь, коли и у тебя, и у твоих врагов имеется одинаковое оружие?

Новый механизм во многом способствовал успешным действиям Мэта в Алтаре против шончан. Жалко лишаться такого преимущества. Нельзя ли отыскать способ еще больше ускорить стрельбу?

Погрузившись в размышления, он отметил при осмотре лагеря еще кое-что. Набранные в Отряд алтарцы понемногу осваивались, налаживали отношения с остальными солдатами, а с припасами, если не считать фуража и, возможно, стрел для арбалетов, дело обстояло вполне неплохо. Удовлетворенный осмотром, Мэт отправился на поиски Алудры.

Она расположилась на краю лагеря, возле небольшой расселины в скалистом склоне. Хотя эта прогалина была намного меньше поляны у деревьев, на которой стояли палатки Айз Седай и их свиты, она оказалась весьма укромным местом, скрытым от посторонних глаз. Чтобы добраться до женщины, Мэту пришлось попетлять, обходя три развешанных между деревьями полотнища ткани, которые со всем тщанием были расположены так, чтобы не дать увидеть рабочее место Алудры. Вдобавок его потом еще остановил Байл Домон, — выставив руку, он преградил Мэту путь, дожидаясь, пока Алудра не позволит тому

пройти дальше.

Стройная темноволосая иллюминаторша сидела на пне посреди своего маленького лагеря. На земле вокруг нее были аккуратно разложены на полосах ткани бумажные рулоны, инструменты, доска для письма и разнообразные порошки. Длинные волосы женщина больше в косы не заплетала, и теперь они свободно рассыпались по плечам. Для Мэта такой облик Алудры был непривычен. Но тем не менее привлекателен.

«Чтоб оно сгорело, Мэт. Ты ж теперь женат», — сказал он себе. Но все равно Алудра оставалась красоткой.

Эгинин тоже была там — держала вертикально оболочку ночного цветка, над которым трудилась Алудра. Та, сосредоточенно нахмурившись и чуть поджав пухлые губы, слегка постукивала по трубке. Темные волосы Эгинин понемногу отрастали, и она все меньше и меньше походила на шончанскую аристократку. Мэт до сих пор не мог разобраться, как обращаться к этой женщине. Сама она хотела называться Лильвин, и порой он так о ней и думал. Что за глупость — поменять свое имя лишь потому, что кто-то велел тебе так сделать, но Мэт нисколько не винил ее за нежелание сердить Туон. Она дико упряма, эта

Туон. Мэт поймал себя на том, что снова смотрит на юг, и одернул себя. Кровь и пепел! С ней все будет хорошо.

В любом случае Туон сейчас здесь нет. Так с какой стати Эгинин продолжает эту странную абсурдную игру, именуя себя Лильвин? После отбытия Туон Мэт, вообще-то, пару раз назвал Эгинин ее прежним именем, но в ответ получил резкий выговор. Женщины! Здравомыслия у них ни на грош, а с шончанками так вообще беда.

Мэт посмотрел на Байла Домана. Мускулистый бородатый иллианец прислонился к дереву возле входа во владения Алудры. По обе стороны от него свисали, колеблясь на ветерке, белые полотнища. И он по-прежнему не опускал предостерегающе поднятую руку. Как будто целиком во всем этом лагере не командовал в первую очередь сам Мэт!

Впрочем, силой прорываться внутрь Мэт не стал — он не мог позволить себе обидеть Алудру. Проклятье, она же почти закончила работу над этими драконьими штуковинами, а он горел от желания их заполучить. Но, Свет, как-то не очень приятно, когда в твоем же собственном лагере тебя караульные без проверки куда-то не пускают!

Алудра подняла взор от своей работы, заправила за ухо выбившийся локон. Она заметила Мэта,

затем снова перевела взгляд на ночной цветок и продолжила постукивать по нему молотком. Проклятый пепел! При виде молотка Мэт вспомнил, почему он так нечасто бывает у Алудры. И без того плохо, что нужно дожидаться разрешения, пока тебя впустят, но неужели этой женщине необходимо стучать молотком по чему-то, что запросто взорваться может? У нее вообще мозгов нет, что ли? Ну, тогда у всех иллюминаторов благоразумия и в помине нет. Как сказал бы папаша Мэта, без пары жеребчиков полный табун.

— Он может пройти, — сказала Алудра. — Благодарю вас, мастер Домон.

— Всегда пожалуйста, госпожа Алудра, — ответил Байл, опуская руку и дружески кивнув Мэту.

Тот одернул куртку и шагнул вперед, намереваясь спросить об арбалетах, но его внимание тут же привлекло кое-что другое. На земле позади Алудры были аккуратно разложены листы бумаги с подробными рисунками, пометками и длинным списком с указанием каких-то цифр.

— Это чертежи драконов? — с жадным любопытством поинтересовался Мэт. Чтобы поближе рассмотреть рисунки и заметки, он опустился на одно колено, однако к листам не прикасался. В подобных вещах Алудра могла быть весьма

привередливой.

— Да, — ответила она, по-прежнему постукивая молотком. Алудра посмотрела на Мэта, и выглядела она слегка выбитой из колеи. Как он подозревал, из-за Туон.

— А эти цифры? — Мэт старался не замечать ее смущения и неловкости.

— Сколько каких припасов необходимо, — ответила иллюминаторша.

Она отложила молоток и придирчиво, со всех сторон осмотрела цилиндрический ночной цветок, после чего кивнула Лильвин.

Кровь и пепел, да эти цифры просто огромны! Целая гора угля, серы и… помета летучих мышей? В пояснениях указывалось, что на северных отрогах Гор тумана есть город, где помет добывают на продажу. Что за город такой, где у жителей ремесло — собирать дерьмо летучих мышей? Так же в списке перечислялись медь и олово, но по каким-то причинам количество указано не было. Просто возле этих пунктов стояло примечание в виде звездочки.

Мэт покачал головой. Интересно, что сказали бы обычные люди, узнав, что распускающиеся в небе волшебные ночные цветки — всего лишь бумага, порох и — подумать только — мышиное

дерьмо? Чего ж удивляться, коли иллюминаторы так старательно скрывали секреты своего искусства. Наверное, не только потому, что опасались конкуренции. Чем больше ты знаешь о процессе, тем менее поразительным и более обыденным он становится.

— Это громадная куча всякого сырья, — заметил Мэт.

— Ты же о чуде меня просил, Мэтрим Коутон, вот о чем, — ответила Алудра, отдавая ночной цветок Лильвин, потом подняла с земли доску для письма и сделала несколько заметок на закрепленном на ней листке. — Это самое чудо я разбила на список компонентов. Деяние, которое само по себе — чудо, так? Так что не жалуйся на жару, когда тебе предлагают солнце в ладонях.

— Мне это кажется невыполнимым, — пробурчал Мэт, больше обращаясь к себе. — А это что за цифры? Это столько стоить будет?

— Я не торговец и не писец, — заметила Алудра. — Здесь только примерные оценки. Расчеты, какие смогла, я сделала, но прочим лучше заняться тем, кто больше в этом сведущ. Дракон Возрожденный, он такие расходы себе позволить может.

Лильвин посмотрела на Мэта с выражением

любопытства на лице. Из-за Туон она тоже изменилась. Но не так, как он ожидал.

Из-за упоминания Ранда перед глазами Мэта закружились в хороводе разноцветные пятна, и он, стряхивая наваждение, вынужден был задержать дыхание. Наверное, Ранд и в состоянии позволить себе такие траты, но он, Мэт, определенно не может. Чтобы такую кучу денег найти, ему пришлось бы играть в кости с самой королевой Андора!

Но это пусть волнует Ранда. Чтоб ему сгореть, но лучше Ранду по достоинству оценить то, что ради него делает Мэт.

— Здесь не учтены расходы на работников, — отметил Мэт, просматривая листы по новой. — Сколько литейщиков колоколов тебе понадобится?

— Сколько сумеешь найти, — резко ответила Алудра. — Не ты ли мне это обещал? Всех литейщиков от Андора до Тира, до единого.

— Да, вроде так. — Мэт не ожидал, что она воспримет его слова буквально. — Что с медью и оловом? Для них у тебя даже прикидок нет.

— Мне нужно все.

— Все… что ты имеешь в виду — вообще все?

— Все, — повторила Алудра, так спокойно

и обыденно, будто просила положить в кашу побольше морошкового варенья. — Каждый кусочек меди и олова, которые ты сумеешь раздобыть по эту сторону Хребта Мира. — Помолчав, она добавила: — Возможно, это выглядит слишком грандиозно.

— Проклятье, это и впрямь грандиозно, — пробурчал Мэт.

— Да. Предположим, — продолжила Алудра, — что у Дракона есть власть над Кэймлином, Кайриэном, Иллианом и Тиром. Если он предоставит мне доступ ко всем шахтам и всем складам меди и олова в этих четырех городах, думаю, этого будет достаточно.

— Ко всем складам, — ничего не выражающим голосом проговорил Мэт.

— Да.

— В четырех крупнейших городах мира.

— Да.

— И ты думаешь, что этого будет достаточно.

— Кажется, именно так я сказала, Мэтрим Коутон.

— Прекрасно. Посмотрим, что я смогу сделать. А не угодно ли, чтобы проклятый Темный явился почистить тебе туфли, пока ты этим занимаешься? Может, нам еще Артура Ястребиное Крыло

выкопать и заставить его станцевать с тобой?

При упоминании Артура Ястребиное Крыло Лильвин одарила Мэта сердитым взглядом. Алудра дописала что-то на своем листе и только потом повернулась и посмотрела на Мэта. Голос ее звучал ровно и спокойно, лишь с едва заметной неприязненной ноткой.

— Мои драконы подарят огромную власть человеку войны. Ты заявляешь, что эти требования непомерны. Но это лишь самое необходимое. — Она смерила Мэта взглядом. — Лгать не стану и скажу, что не ожидала от тебя, мастер Коутон, этакого пренебрежения. Пессимизм — это что, любимая твоя подружка?

— Ага, является незваная, — проворчал Мэт, снова глядя на рисунки. — Едва ее знаю. Случайная знакомая, не больше. Готов в этом поклясться.

Только прозвучала последняя фраза, как послышалось фырканье Байла. Не оглянувшись и не увидев его лица, трудно было сказать, веселый то смешок или издевательский. Мэт оборачиваться не стал. С него не сводила пристального взора Алудра. На миг они встретились взглядами, и Мэт сообразил, что, возможно, был с ней слишком резок. Наверное, он неуютно себя рядом с ней чувствует. Самую малость. До того как появилась

Туон, у Мэта с Алудрой начали складываться довольно близкие отношения. И не боль ли заметна в глазах Алудры?

— Прости, Алудра, — произнес Мэт. — Мне не следовало так говорить.

Та пожала плечами.

Мэт глубоко вздохнул:

— Послушай, я знаю, что… ну, странно, как Туон…

Она взмахом руки заставила Мэта замолчать.

— Ничего. У меня есть мои драконы. Ты дал мне шанс их создать. Все прочее больше не имеет значения. Желаю тебе счастья.

— Ну ладно, — промолвил Мэт, почесал подбородок, потом вздохнул. Лучше всего будет не обращать внимания. — Так или иначе, надеюсь, что смогу это все достать. Ты просишь целую прорву всякого сырья.

— Литейщики и сырье — вот что мне нужно. Не больше и не меньше. Если не будет нужных материалов, то все, что смогла, я сделала. Все равно еще не одну неделю придется на испытания потратить — надо сначала одного дракона изготовить для проверки. Так что ты вполне успеешь собрать все необходимое. Однако времени все это много займет, а ты не говоришь мне, когда

понадобятся драконы.

— Алудра, я не могу сказать тебе того, чего и сам не знаю, — ответил Мэт, обратив взор к северу. Он ощущал странное притяжение, будто кто-то запустил крючок с леской ему внутрь и тянет — мягко, но настойчиво. «Ранд, чтоб тебе сгореть, это ты?» Перед глазами снова закружилась цветная круговерть. Мэт обнаружил, что продолжает говорить: — Скоро, Алудра. Времени мало. Очень мало.

Она помедлила, будто услышала что-то в его голосе.

— Ладно, — сказала Алудра. — Если все так, то мои запросы не так уж непомерны. Если мир катится к войне, то в кузнях скоро станут ковать наконечники для стрел и подковы. Лучше сейчас задать им работу над моими драконами. Смею тебя уверить, что каждый дракон, которого мы закончим, в битве будет стоить тысячи мечей.

Мэт вздохнул, поднялся и на прощание слегка коснулся своей шляпы.

— Ну хорошо, — промолвил он. — Вполне разумно. Если Ранд не испепелит меня в тот же растреклятый миг, как я ему предложу этот план, то поглядим, что мне удастся сделать.

— С твоей стороны было бы мудро выказывать

госпоже Алудре уважение. — Лильвин говорила, глядя на Мэта и по-шончански чуть растягивая слова. — А не быть с ней непочтительным и легкомысленным.

— Это было искренне! — воскликнул Мэт. — По крайней мере, последняя часть. Чтоб мне сгореть, женщина! Ты что, не можешь понять, когда человек искренен?

Лильвин рассматривала его, будто пытаясь определить, не были ли эти слова насмешкой. Мэт закатил глаза. Женщины!

— Госпожа Алудра — гений, — строгим тоном заявила Лильвин. — Ты не осознаёшь, какой дар она тебе преподносит в этих чертежах. Да будь у империи такое оружие…

— Ага, надо будет проследить, чтобы ты, Лильвин, его им не передала. Не хочу проснуться однажды утром и узнать, что ты сбежала с этими чертежами, вознамерившись вернуть себе титул!

Она выглядела оскорбленной тем, что он вообще посмел предположить подобное, однако это казалось весьма логичным. У шончан было странное представление о чести — Туон ни разу не пыталась сбежать от него, хотя возможностей для бегства у нее было предостаточно.

Ну да, разумеется, практически с самого начала Туон предполагала, что выйдет за него замуж. У нее же было то Предсказание, сделанное дамани. Чтоб ему сгореть, он не будет опять смотреть на юг. Не будет!

— Мой корабль теперь влекут иные ветра, мастер Коутон, — просто ответила Лильвин, отвернувшись от него и глядя на Байла.

— Но ты не поможешь нам сражаться с шончан, — возразил Мэт. — Кажется, что ты…

— Парень, а вот сейчас ты заплываешь в опасные воды, — тихим голосом прервал Мэта Байл. — Да, в очень опасные воды, где в глубинах полно рыб-львов. Не пора ли перестать так громко плескаться?

Мэт закрыл рот.

— Ну, тогда ладно, — вымолвил он.

А не должна ли эта парочка относиться к нему с бóльшим уважением? Мэт же вроде бы какой-то верховный шончанский принц или нечто подобное? Вообще-то, он должен был понимать, что никакой титул не поможет ему с Лильвин или бородатым моряком.

Все равно он же был искренен. В словах Алудры был смысл, хотя поначалу они и звучали безумно. Им нужно заставить работать множество кузниц.

Недели, которые требовались ему, чтобы добраться до Кэймлина, теперь вызывали еще большую досаду. Эти недели, что уйдут на дорогу, стоило бы потратить на создание драконов! Мудрому ведомо, что нет смысла злиться на долгие переходы — однако в последнее время Мэт чувствовал, что до мудрости ему как до луны.

— Ну ладно, — повторил он и вновь взглянул на Алудру. — И все же — по совершенно иным причинам — я бы предпочел забрать чертежи с собой и хранить их в безопасном месте.

— По совершенно иным причинам? — спросила Лильвин ничего не выражающим тоном, будто искала в его словах новое оскорбление.

— Да, — пояснил Мэт. — Не хочу, чтобы эти бумаги лежали здесь, когда Алудра как-то не так долбанет по одному из этих цветков и от взрыва улетит аж до Тарвинова ущелья!

Алудра негромко рассмеялась, но у Лильвин снова был оскорбленный вид. М-да, сложно не обидеть шончан. Их — и еще проклятых Айил. Странно, насколько они совершенно разные, но при этом во многих отношениях поразительно схожи.

— Мэт, планы можешь забрать, — сказала Алудра. — Но только если будешь хранить их

в том же сундуке, что и свое золото. Сундук — единственная в лагере вещь, которая пользуется твоим наибольшим вниманием.

— Премного благодарен, — ответил он и нагнулся, собирая листки и пропустив мимо ушей завуалированное оскорбление. Разве они только что не помирились? Вот проклятая женщина. — Кстати, чуть не забыл. Алудра, ты в арбалетах разбираешься?

— В арбалетах?

— Ага. — Мэт принялся складывать листы в стопку. — По-моему, должен быть способ заряжать их быстрее. Знаешь, как с теми новыми механизмами, только, может, что-то навроде пружин или еще чего. Или рычаг, который можно натянуть, не опуская оружия.

— Мэт, вряд ли я сведуща в таких делах, — ответила иллюминаторша.

— Знаю. Но ты разбираешься в подобных вещах, и, может…

— Тебе придется найти кого-то другого, — сказала Алудра и взяла другой недоделанный ночной цветок. — Я слишком занята.

Мэт запустил пальцы под шляпу и почесал макушку:

— Это…

— Мэт! — раздался чей-то голос. — Мэт, ты должен пойти со мной!

Мэт обернулся и увидел Олвера, только что вбежавшего в лагерь Алудры. Байл протянул руку, пытаясь его остановить, но, разумеется, Олвер пробежал аккурат под ней. Мэт спросил:

— Чего еще?

— Тут в лагерь пришли, — сказал Олвер. От волнения он раскраснелся. Вид у мальца был еще тот. Приплюснутый нос, уши слишком велики для головы, а рот слишком широк. У ребенка его возраста подобная безобразная внешность вызывала жалость. Когда он вырастет, подобного счастья для него больше не будет. Наверное, солдаты были правы, когда взялись обучать его обращению с оружием. С таким некрасивым лицом ему лучше знать, как за себя постоять.

— Погоди, погоди, не спеши, — промолвил Мэт, засовывая планы Алудры за пояс. — Пришли? Кто? Я-то зачем тебе понадобился?

— Талманес велел мне за тобой сбегать, — затараторил Олвер. — Он думает, она — какая-то важная особа. Велел передать, у нее есть несколько листов с твоим портретом, и сказал, что у нее «особенное лицо», что бы это ни значило. Это…

Олвер продолжал говорить, но Мэт его не слу-

шал. Кивнув Алудре и остальным, он, рысью промчавшись между полотнищ, выскочил с поляны в лес и помчался к краю лагеря. Олвер держался за ним.

Верхом на коротконогой белой кобыле сидела низенькая полная женщина — видом что твоя бабушка: волосы с проседью, зачесанные сзади в узел, и коричневое платье. Ее окружала группа солдат, а прямо перед ней, как два каменных пилона, ограждающих вход в гавань, стояли Мандеввин и Талманес.

Вдобавок у женщины было лицо Айз Седай, а рядом с ее лошадью стоял пожилой Страж. Несмотря на начавшие седеть волосы, коренастый мужчина, подобно всем Стражам, излучал опасность. Скрестив руки на груди, он твердым взглядом смотрел на воинов Отряда.

Айз Седай встретила прибежавшего Мэта улыбкой.

— Ах, как замечательно, — сказала она. — Ты стал расторопнее с тех пор, как мы в последний раз виделись, Мэтрим Коутон.

— Верин, — произнес Мэт, слегка запыхавшись после бега. Он бросил беглый взгляд на Талманеса — тот держал лист бумаги, на котором было изображено лицо Мэта. — Ты узнала, что кто-то

раздает мои портреты в Трустэйре?

Верин рассмеялась:

— Можно и так сказать.

Мэт посмотрел в темно-карие глаза Айз Седай.

— Кровь и проклятый пепел, — пробормотал он. — Так это была ты? Да? Это ты меня разыскивала!

— И довольно давно, я бы добавила, — беспечным тоном заметила Верин. — И не совсем по своей воле.

Мэт закрыл глаза. Вот и конец его хитроумному плану вылазки в городок. Чтоб оно сгорело! А ведь какой хороший был план.

— Как ты узнала, что я здесь? — поинтересовался он, открывая глаза.

— Один любезный купец час назад зашел ко мне в Трустэйре и поделился известием, что он только что встречался с тобой и что ты щедро заплатил ему за план Трустэйра. Я и подумала, что лучше уберечь бедный городок от набега твоих… сотоварищей. Вот и пришла к тебе сама.

— Час назад? — Мэт нахмурился. — Но ведь Трустэйр в полудне марша отсюда!

— Совершенно верно, — улыбнулась Верин.

— Чтоб мне сгореть… — промолвил Мэт. — Ты использовала Перемещение.

Ее улыбка стала шире:

— Догадываюсь, мастер Коутон, что ты направляешься с этим войском в Андор.

— Там посмотрим. А можешь нас туда переправить?

— И очень быстро, — отозвалась Верин. — Твои люди будут в Кэймлине к вечеру.

О Свет! Избежать двадцати дней марша? Может, у него и получится в скором времени начать изготовление драконов Алудры! Мэт медлил, глядя на Верин и пытаясь сдержать волнение. Когда в деле замешаны Айз Седай, за их помощь всегда есть какая-то цена.

— Чего ты хочешь?

— Начистоту? — Верин слегка вздохнула. — А хочу я, Мэтрим Коутон, чтобы меня отсекли от твоей паутины та'верена! Ты хоть представляешь, сколько времени вынудил меня прождать в этих горах?

— Вынудил?

— Именно, — сказала она. — Идем, нам нужно многое обсудить.

Верин тряхнула поводьями, направив лошадь в лагерь. Талманес с Мандеввином неохотно расступились, освобождая ей дорогу. Мэт встал рядом с ними, наблюдая за тем, как Айз Седай

пробирается прямо к кострам, где готовили еду.

— Полагаю, рейд отменяется. — Печали в голосе Талманеса не слышалось.

Мандеввин тронул пальцем повязку на глазу:

— Значит, я могу вернуться к моей бедной престарелой тетушке?

— Да нет у тебя бедной престарелой тетушки, — прорычал Мэт. — Идем послушаем, что у нее на уме.

— Отлично, — согласился Мандеввин. — Но в следующий раз Стражем буду я. Ладно, Мэт?

Мэт только вздохнул и поспешил за Верин.

Глава 35
Ореол мрака

Как только Ранд миновал переходные врата, его овеял прохладный морской бриз. Этот легкий ветер, словно бы перышком коснувшийся лица, донес запахи тысяч разбросанных по всему городу Фалме кухонных плит и очагов, на которых готовился завтрак.

Не готовый к воспоминаниям, которые пробудили эти запахи, Ранд придержал Тай'дайшара. Воспоминаниям о том времени, когда он еще не был уверен, какова его роль в этом мире. О том времени, когда Мэт то и дело подтрунивал над тем, что Ранд носит красивые, замечательно сшитые и богатые куртки, хотя сам он и старался часто их не надевать. О том времени, когда Ранд стыдился знамен, которые сейчас развевались у него за спиной. Однажды он даже настоял на том, чтобы знамена свернули и убрали в чехлы, как будто так можно было спрятаться от своей судьбы.

Кавалькада ждала — поскрипывали седла и подпруги, слышалось фырканье и дыхание ло-

шадей. Когда-то Ранд побывал в Фалме; правда, задержался совсем ненадолго. В те дни он нигде не мог оставаться надолго. На протяжении тех месяцев он был либо преследователем, либо преследуемым. В Фалме он явился по следу Падана Фейна, унесшего Рог Валир и кинжал с рубином, с которым оказался связан узами Мэт. Стоило Ранду подумать о Мэте, как перед глазами вновь закружился цветной водоворот, но он словно бы и не заметил его. На несколько мгновений Ранд утратил связь с настоящим, перенесшись мыслями в прошлое.

Фалме стал поворотным моментом в жизни Ранда — столь же важным, как и тот, что случился позже, у Айил, когда Ранд провозгласил себя Кар'а'карном. После Фалме он уже не прятался, не боролся с собственной судьбой. В этом городе он впервые осознал себя убийцей, здесь он впервые понял, какую опасность представляет для окружающих. Он попытался сбежать, бросить их. Они явились за ним следом.

В Фалме мальчик-пастушонок сгорел дотла, пепел его унесли и развеяли вот эти океанские ветра. И из того пепла восстал Дракон Возрожденный.

Движением коленей Ранд послал Тай'дайшара

вперед, и кавалькада тронулась снова. Открыть переходные врата он распорядился на некотором удалении от города — если повезет, то там, где их не узрят дамани. Разумеется, созданием врат занимались Аша'маны — так что плетение было скрыто от женщин, — но Ранд не хотел давать шончан даже малейшего намека на искусство Перемещения. Одним из величайших его преимуществ была неспособность шончан Перемещаться.

Фалме располагался на небольшом полуострове — мысе Томан, — клочке земли, выдающемся в океан Арит. Шум океанских валов, разбивавшихся о высокие утесы по обе стороны мыса, сливался в отдаленный неумолчный гул. Здания на полуострове, сложенные из темного камня, напоминали скалы на ложе реки. Бóльшая часть домов представляла собой приземистые одноэтажные здания, построенные будто вширь, словно жители опасались, что волны, перехлестнув через утесы, станут разбиваться о стены домов. Трава на лугах не была такой чахлой и высохшей, как на севере, однако свежая весенняя поросль уже начинала выглядеть пожелтевшей и пожухлой, будто бы растения жалели о том, что пробились на свет из почвы.

Полуостров полого опускался к естественной гавани, где стояли на якоре бесчисленные корабли шончан. Реяли шончанские флаги, знаменуя, что город является частью империи Шончан. На стяге, развевающемся в городе выше всех прочих, был изображен золотой ястреб в полете, сжимающий в когтях три молнии. Стяг был оторочен голубой бахромой.

По городским улицам передвигались чудные звери, которых шончан привезли с собой через океан, но они находились слишком далеко, и Ранд не мог разглядеть их как следует. В небесах парили ракены; очевидно, у шончан здесь имелись для них обширные стойла. Мыс Томан располагался непосредственно южнее Арад Домана, и, без сомнения, Фалме был главным пунктом, где сосредоточивались войска для шончанской кампании на севере.

Этот завоевательный поход закончится сегодня. Ранд должен заключить мир, убедить Дочь Девяти Лун отозвать свои армии. Этот мир станет затишьем перед бурей. Ранд не спасал своих людей от войны; он просто сохранял людям жизнь для того, чтобы они умерли ради него в другом месте. Но он сделает то, что должно быть сделано.

Когда кавалькада продолжила путь к Фалме,

рядом с Рандом поехала Найнив. Ее изящное бело-голубое платье было сшито по доманийской моде, но из более плотной ткани — и куда более благопристойной. Казалось, ей нравится идея наряжаться в одежду разных стран мира, и она носила платья, которые считались модными в тех городах, где ей довелось побывать, однако ограничивала себя собственным пониманием того, что правильно и прилично. Наверное, когда-то Ранд нашел бы подобное поведение забавным. Отныне такие эмоции были для него, по-видимому, недоступны. Он чувствовал только ледяное спокойствие — спокойствие, за которым скрывался застывший поток ярости.

Ему нужно будет еще довольно долго сохранять равновесие между яростью и спокойствием. Он должен.

— И вот мы возвращаемся, — промолвила Найнив. Ее разноцветные тер'ангриалы в виде драгоценных украшений каким-то образом портили впечатление от скромно пошитого платья.

— Да, — отозвался Ранд.

— Помню, что тут творилось, когда мы были здесь в прошлый раз, — раздумчиво продолжала Айз Седай. — Такой хаос, такое безумие. И в конце концов мы обнаружили тебя с той раной в боку.

— Да, — прошептал Ранд.

Здесь, сражаясь с Ишамаэлем в небесах над городом, он получил свою первую незаживающую рану. Когда он подумал об этом, рана потеплела. Потеплела и заболела сильнее. Ранд начал воспринимать эту боль как старого друга, как напоминание о том, что он все еще жив.

— Я видела тебя в небе, — произнесла Найнив. — И не поверила глазам. Попыталась… исцелить ту рану, но тогда у меня еще был блок и я не могла вызвать ярость. Мин не отходила от тебя.

На этот раз Мин с ним не отправилась. Ранд с Мин оставались близки, но все же между ними что-то изменилось. Этого-то он всегда и боялся. Он знал: когда она смотрит на него, то видит, как Ранд ее убивает.

Всего несколько недель назад ему бы не удалось заставить ее отказаться сопровождать его. Сегодня же девушка осталась, не выразив ни малейшего протеста.

Холодное безразличие. Скоро все будет кончено. Нет места ни сожалению, ни печали.

Айильцы устремились вперед, проверяя, нет ли засады. У многих виднелись красные головные повязки. Ранд о засаде не тревожился. Шончан не

пойдут на обман, разве что среди них окажется еще один Отрекшийся.

Ранд опустил руку и прикоснулся к мечу, свисавшему с поясного ремня. Изогнутый клинок в черных ножнах, украшенных красно-золотым извивающимся драконом. Для воспоминаний о том, когда Ранд в последний раз был в Фалме, у него была не одна причина, а несколько.

— В этом городе я впервые убил человека мечом, — негромко произнес Ранд. — Я никогда не говорил об этом. Он был шончанским лордом, мастером меча. Верин велела мне не направлять Силу в городе, так что я встал против него только с мечом. Я победил его. Убил.

Найнив приподняла бровь:

— Так у тебя есть право носить клинок с клеймом цапли.

Ранд покачал головой:

— Свидетелей не было. Мэт и Хурин сражались где-то в другом месте. Они видели меня сразу после боя, но не видели завершающего удара.

— Кого волнуют свидетели? — насмешливо фыркнула Найнив. — Ты одолел мастера клинка, так что ты — один из них. Видел это кто-то или нет — несущественно.

Ранд посмотрел на нее:

— А зачем носят клеймо цапли, Найнив, как не для того, чтобы его видели другие?

Она не ответила. Впереди, почти у самого города, шончан установили полосатый черно-белый шатер. Открытый с боков павильон окружало едва ли не несколько сотен пар сул'дам и дамани; дамани были в своих характерных серых облачениях, а сул'дам — в красно-синих платьях с нашитыми на груди изображениями молний. С Рандом отправилось только несколько человек, способных направлять Силу: Найнив, три Хранительницы Мудрости, Кореле, Наришма и Флинн. Малая часть того, что он мог бы взять с собой, даже не посылая к своим войскам, расквартированным на востоке.

Но нет, лучше взять с собой лишь символическую охрану, чтобы придать отряду вид мирного посольства. Если эта встреча обернется битвой, то единственная надежда Ранда — на быстрое бегство через переходные врата. Или так, или… сделать нечто такое, чтобы самому завершить сражение.

Статуэтка, изображавшая мужчину со сферой в поднятой руке, висела на передней луке седла. С ней, возможно, он устоит и против сотни дамани. Двух сотен. Ранд помнил Силу, которая текла

через него, когда он очищал саидин. Та мощь позволяла ровнять с землей города, уничтожать любого, кто встанет против него.

Нет. Подобного не будет. Для него недопустимо доводить дело до такого. Вне всяких сомнений, шончан понимают, что нападение на него приведет к катастрофе. Ранд снова пришел к ним на встречу, зная, что прежде предатель из их числа пытался его захватить или убить. Они должны оценить его прямоту.

А если нет… Ранд наклонился в седле, взял отпирающий ключ — просто на всякий случай — и опустил его в нашитый снаружи на куртку огромный карман, после чего сделал глубокий вздох, усмирил чувства и призвал пустоту. И, погрузившись в пустоту, обратился к Единой Силе.

От охвативших его тошноты и головокружения он чуть не свалился наземь. Ранд зашатался, сжал коленями бока Тай'дайшара и судорожно стиснул ключ доступа. Он сцепил зубы. В глубине его сознания пробудился Льюс Тэрин. Безумец тянулся к Единой Силе. Борьба была отчаянной, и когда Ранд в итоге победил, то обнаружил, что мешком осел в седле.

И что снова бормочет что-то себе под нос.

— Ранд? — обратилась к нему Найнив.

Ранд выпрямил спину. Он же Ранд, разве нет? Иногда, после борьбы, подобной нынешней, он с трудом припоминал, кто он такой. Удалось ли ему, в конце-то концов, изолировать Ранда, этого незваного гостя, и стать Льюсом Тэрином? Вчера он очнулся посреди дня и обнаружил, что, забившись в угол комнаты, свернулся в комок и плачет, шепча про Илиену. Он едва ли не ощущал мягкость и шелковистость ее длинных золотистых волос в своих руках, помнил, как крепко обнимает ее. Даже помнил, что видел ее мертвой у своих ног, сраженной Единой Силой.

Кто он такой?

Имеет ли это значение?

— С тобой все в порядке? — снова спросила Найнив.

— С нами все хорошо. — Пока слова не сорвались с губ, Ранд не осознавал, что использует множественное число. Зрение у него восстанавливалось, хотя мир перед глазами еще слегка расплывался. Все, что Ранд видел, было чуть-чуть искажено, — как и продолжалось с того момента, как Семираг взяла его за руку. Теперь же он едва замечал эту неправильность.

Ранд выпрямился, зачерпнул еще немного Силы через ключ доступа, наполняя себя саидин.

Несмотря на вызванную этим действием тошноту, Источник давал такое наслаждение. Ему хотелось вобрать еще, но Ранд осадил себя. Он и так уже удерживал больше Единой Силы, чем смог бы любой другой человек без помощи со стороны. Этого будет достаточно.

Найнив бросила быстрый взгляд на статуэтку. Сфера слабо светилась.

— Ранд…

— Я просто набрал чуть больше Силы, из предосторожности. — Чем больше Силы удерживает человек, тем сложнее отсечь его от Источника. Если дамани попытаются его захватить, способность Ранда устоять перед нападением повергнет их в шок. Наверное, он смог бы противостоять и полному кругу.

— Меня не захватят снова, — прошептал Ранд. — Больше никогда. Меня не захватят врасплох.

— Может, лучше вернуться? — сказала Найнив. — Ранд, мы не обязаны встречаться с ними на их условиях. Это…

— Мы остаемся, — тихо произнес он. — И разберемся с ними здесь и сейчас.

Ранд видел, что под полосатым тентом на возвышении кто-то сидит. У стола напротив этого

человека, на том же уровне, стоял еще один стул. Это его удивило. Исходя из того, что ему было известно о шончан, Ранд предполагал, что придется вести спор о том, равен ли он по своему положению Высокородным.

Так это — Дочь Девяти Лун? Этот ребенок? Ранд нахмурился, но, приблизившись, понял, что на самом деле это не ребенок, а просто очень невысокая женщина. Она была облачена в черные одежды, и кожа ее была такой же темной, как у Морского народа. Круглое лицо хранило спокойствие, а на щеках виднелись следы серо-белого пепла. При ближайшем рассмотрении оказалось, что она примерно того же возраста, что и Ранд.

Сделав глубокий вдох, Ранд спешился. Пришло время положить конец войне.

Дракон Возрожденный оказался молодым человеком. Туон говорили об этом, но почему-то возраст не переставал ее удивлять.

И почему она удивлена его молодостью? Нередко герои-завоеватели бывали очень молоды. Сам Артур Ястребиное Крыло, великий основатель империи, когда начал свой путь, был еще молодым мужчиной.

Те, кто завоевывал, кто господствовал над миром, быстро выжигали себя, выгорали, как

лампы с неподрезанными фитилями. Дракон Возрожденный соскочил с большого черного коня и направился к павильону. Он носил расшитые золотым и красным черные одежды, пуговицы сверкали. Черная куртка ничем не была украшена, если не считать красно-золотой вышивки на обшлагах — и поэтому отсутствие кисти особенно бросалось в глаза. Он словно бы не видел смысла в пышности нарядов, которая отвлекала бы внимание от его лица.

Волосы у него были темно-рыжими, цвета закатного солнца. Дракон Возрожденный держался с королевским величием — твердая походка, каждый шаг выверен, взгляд устремлен вперед. Туон выучили ходить в такой манере — ни единым движением не выказывая слабости. Интересно, кто обучал его? Наверное, то были самые лучшие наставники, подготовившие его к общению на равных с королями и сильными мира сего. Однако в докладах говорилось, что он был фермером и вырос в какой-то глухой деревушке. Возможно, это легенда, которую распространяют, дабы привлечь к нему простой народ?

Гость взошел в шатер, сопровождаемый марат'дамани, которая шагала по левую руку от него. На женщине, увешавшей себя безвкусны-

ми драгоценностями, было платье цвета ясного неба, с отделкой в виде белых облаков. Ее темные волосы были заплетены в косу. Казалось, марат'дамани что-то не нравится: губы сжаты в ниточку, брови нахмурены. Ее близость заставила Туон содрогнуться. Можно было подумать, будто после путешествия с Мэтримом она сумела свыкнуться с присутствием рядом марат'дамани. Но все же не настолько. Они противоестественны. Опасны. Находясь рядом с дамани без ошейника, Туон чувствовала себя примерно так же уютно, как с обернувшимся вокруг лодыжки луговым ядозубом, который своим змеиным язычком щекочет ей кожу.

Конечно, если присутствие марат'дамани заставляло ее чувствовать беспокойство, то двое мужчин, вышагивающих справа от Дракона, вызывали у нее еще большую тревогу. Один — скорее юный, чем молодой, — носил косицы, причем вплетал в волосы колокольчики. Второй оказался заметно старше, с белыми волосами и загорелым лицом. Несмотря на разницу в возрасте, оба шагали без стеснения, с небрежной уверенностью бывалых воинов, прошедших не одну битву. И на обоих были черные мундиры со сверкающими значками на высоких воротниках.

Аша'маны, вот как они называются. Мужчины, способные направлять Силу. Мерзкие существа, которых лучше убивать как можно скорее. В истории Шончан были такие — хоть и нашлось их очень немного, — кто в своем безумном стремлении к непредвиденному преимуществу пытался обучать этих *Тсоров'анде Дун*, — Ураганов-с-Черными-Душами. Глупцов ждала быстрая гибель, зачастую их уничтожали те самые орудия, которыми они стремились управлять.

Туон взяла себя в руки. Карид и Стражи Последнего часа вокруг нее напряглись. Это напряжение было едва уловимым — руки прижаты к бокам, дыхание медленное и спокойное. Туон не стала к ним оборачиваться, но подала тайный знак Селусии.

— Сохраняйте спокойствие, — тихо приказала та охранникам.

Так и будет: ведь они — Стражи Последнего часа. Туон не любила делать замечания, ибо они могли заставить опустить глаза. Но ее не должна постигнуть неудача. Встреча с Драконом Возрожденным опасна. Избежать опасности нельзя. Даже с двадцатью дамани и сул'дам с каждой стороны шатра. Даже с Каридом за спиной и капитаном Музенге с отрядом лучников, укрытых

на крышах в пределах прямого выстрела из лука. Даже с Селусией по правую руку — настороженной и готовой к действию, подобно засевшему на скалах джагвину. Даже имея их всех рядом с собой, Туон была беззащитна. Дракон Возрожденный — все равно что костер, невесть зачем разожженный в доме. Как ни старайся, ущерба комнате не избежать. Можно лишь надеяться предотвратить пожар и спасти само здание.

Он прошел прямиком к стулу, поставленному напротив Туон, и уселся, даже не поинтересовавшись тем, что она встретила его как равного себе. Туон знала, что некоторые задаются вопросами, почему она до сих пор носит пепел скорби и почему не провозглашает себя императрицей. Время скорби закончилось, но Туон не заняла трон.

Все из-за этого человека. Императрица не может встречаться на равных ни с кем, даже с Драконом Возрожденным. А вот Дочь Девяти Лун… этот особенный человек мог быть ровней ей. И потому она медлила. Дракону Возрожденному, весьма вероятно, очень не понравится, если кто-то поставит себя выше его, даже если у этого человека будет совершенно законная на то причина.

Когда гость сел в кресло, вдалеке между двумя

тучами ослепительной дугой полыхнула молния, хотя Малаи — одна из умеющих предсказывать погоду дамани — настаивала, что дождя не будет. Молния посреди дня и без дождя. «Ступай крайне аккуратно, — подумала Туон, истолковывая предзнаменования, — и будь осторожна со своими речами». Не самые ясные знамения. Если нужно ступать еще осторожней, то ей, пожалуй, придется по воздуху летать!

— Ты — Дочь Девяти Лун, — произнес Дракон Возрожденный. Это было утверждение, а не вопрос.

— Ты — Дракон Возрожденный, — ответила Туон.

Глядя в эти серо-голубые глаза, она поняла, что сложившееся у нее поначалу мнение ошибочно. Он не был молодым. Да, тело, возможно, и было юным, но эти глаза… Они были глазами старика.

Он чуть наклонился вперед. Стражи Последнего часа напряглись, заскрипела выделанная кожа.

— Мы заключим мир, — промолвил ал'Тор. — Сегодня. Здесь.

Селусия тихо зашипела. По большому счету его слова звучали как требование. Туон выказала ему великую честь, приняв на своем уровне, но никто не смеет давать приказы членам импера-

торской семьи.

Ал'Тор глянул на Селусию.

— Можешь сказать своей телохранительнице, чтобы не волновалась, — сухо произнес он. — Эта встреча не обернется стычкой. Я этого не допущу.

— Она — мой глашатай, — осторожно ответила Туон, — и моя Говорящая Правду. Мои телохранители стоят у меня за спиной.

Ал'Тор приглушенно фыркнул. Значит, он наблюдателен. Или везуч. Немногие верно распознавали роль Селусии.

— Ты желаешь мира, — заговорила Туон. — Ты подготовил условия своего… предложения?

— Это не предложение, а необходимость, — ответил ал'Тор тихим голосом. Все люди в здешних краях говорили отрывисто, быстро произнося слова, но в устах ал'Тора они звучали весомо. Он напомнил Туон ее мать. — Последняя битва приближается. Несомненно, твой народ помнит пророчества. Продолжая эту свою войну, вы подвергаете опасности всех нас. Мои войска — войска всех — нужны для битвы против Тени.

Последней битве суждено произойти между империей и воинством Темного. Это известно всем. Пророчества совершенно недвусмысленно

утверждают, что императрица сокрушит тех, кто служит Тени, а затем пошлет Дракона Возрожденного на поединок с Пожирателем Света.

Насколько он преуспел в их исполнении? Ослепленным Дракон пока еще не выглядел, значит это еще предстоит. В цикле Эссаник утверждается, будто он будет стоять на собственной могиле и рыдать. Или это пророчество относится к ожившим мертвецам, которые уже как будто появились? Несомненно, некоторые из этих духов ходили по своим могилам. Местами древние писания бывали непонятны.

Здешний народ, кажется, позабыл многие пророчества, точно так же как позабыл свои клятвы ждать Возвращения. Но Туон об этом не сказала. «Следи за тем, что говоришь…»

— Значит, ты веришь, что Последняя битва близка? — спросила Туон.

— Близка? Так же близка, как убийца, чье грязное дыхание касается твоей шеи, когда он проводит ножом по твоей коже. Так же близка, как последний удар колоколов в полночь, когда одиннадцать уже отзвонили. Близка ли? Да, она близка. Ужасающе близка.

Неужели безумие уже одолело его? В таком случае все намного усложняется. Туон пристально

рассматривала Дракона, стараясь отыскать признаки безумия. Кажется, себя он контролирует.

Морской бриз овеял шатер, пустив парусину волнами и принеся с собой запах гниющей рыбы. Похоже, в эти дни гниет многое.

«Эти существа, — подумала Туон. — Троллоки». Что знаменует их появление? Тех перебила Тайли, а других разведчики не обнаружили. Туон медлила, оценивая силу человека, сидящего напротив. Да, Последняя битва близка. Возможно, даже так близка, как он утверждает. Поэтому объединение этих земель под своим знаменем становится для Туон еще важнее.

— Ты должна понимать, почему это так важно, — промолвил Дракон Возрожденный. — Почему ты борешься со мной?

— Мы — Возвращение, — сказала Туон. — Знамения сказали, что настало время нам прийти, и мы ожидали найти единое королевство, готовое воздать нам хвалу и предоставить войска для Последней битвы. Вместо этого мы обнаружили раздробленные государства, народы, забывшие свои клятвы и ни к чему не готовые. Как ты не понимаешь, что мы должны сражаться? Нам не доставляет удовольствия убивать вас — не больше, чем родителю нравится наказывать

сбившегося с правильного пути ребенка.

Ал'Тор недоверчиво посмотрел на нее.

— Мы для вас — дети?

— Это лишь метафора, — заметила Туон.

Несколько мгновений он просто сидел, затем потер ладонью подбородок. Винит ли он ее за потерю второй руки? Фалендре говорила об этом.

— Метафора, — промолвил он. — Пожалуй, вполне уместная. Да, этой земле и в самом деле недоставало единства. Но я сплавил ее воедино. Может, спайка и слаба, но продержится достаточно. Не будь меня, ваша война за объединение была бы достойна одобрения. А так — она лишь помеха. Мы должны заключить мир. Нашему союзу достаточно продлиться лишь до тех пор, пока не окончится моя жизнь. — Дракон посмотрел ей в глаза. — Уверяю, долго этого ждать не придется.

Туон сидела за широким столом, скрестив руки перед собой. Если ал'Тор вытянет руку, до нее он не дотянется. Так было сделано намеренно, хотя задним числом подобная мера предосторожности вызывала смех. Вздумай тот ее убить, ему незачем протягивать к ней руку. Лучше об этом не думать.

— Если ты видишь пользу объединения, — ска-

зала Туон, — то, наверное, следует объединить твои земли под знаменем Шончан. Твои люди принесут клятвы, и…

Пока Туон говорила, стоявшая позади ал'Тора женщина, та самая марат'дамани, смотрела на шончанку широко раскрытыми глазами.

— Нет, — перебив Туон, ответил ал'Тор.

— Но ты не можешь не видеть, что один правитель, с…

— Нет, — произнес он тихо, но с еще большей непоколебимостью. Еще более опасным тоном. — Я не допущу, чтобы еще хоть на кого-то надевали ваши мерзкие ошейники.

— Мерзкие? Это единственный способ. Только так возможно обращаться с теми, кто способен направлять Силу!

— Мы жили без них на протяжении веков.

— И вы…

— С этим я не соглашусь, — заявил ал'Тор.

Телохранители Туон — включая Селусию — стиснули зубы, и Стражи Последнего часа уронили ладони на эфесы мечей. Он перебил ее дважды подряд. Перебил Дочь Девяти Лун. Как он смеет быть таким наглым?

Потому что он — Дракон Возрожденный. Но его слова были глупостью. Он склонится перед

ней, когда она станет императрицей. Так гласили пророчества. Разумеется, это означает, что его королевства вольются в империю.

Туон позволила выпустить нить беседы из своих рук. Вопрос о марат'дамани для многих по эту сторону океана был болезненным. Вероятно, они и понимали логику, стоящую за необходимостью надевать на женщин привязь и ошейники, но отказываться от традиций всегда бывает сложно. Вполне понятно, почему они так волнуются, когда разговор заходит на эту тему.

Ей нужно перевести беседу на какую-то другую тему. Увести Дракона Возрожденного в ту область, где удастся усыпить его внимание. Туон изучающе посмотрела на него.

— И это все, о чем мы станем тут говорить? — спросила она. — Мы сидим друг напротив друга и ведем речь исключительно о наших различиях?

— О чем еще нам говорить? — спросил ал'Тор.

— Возможно, о том, что есть у нас общего.

— Сомневаюсь, что у нас есть много общего, тем более чтобы нашлось нечто для нас важное.

— Да? — промолвила Туон. — А как насчет Мэтрима Коутона?

Да, это его потрясло. Дракон Возрожденный моргнул, рот слегка приоткрылся.

— Мэт? — произнес он. — Ты знаешь Мэта? Как?..

— Он меня похитил, — ответила Туон. — И протащил едва не через всю Алтару.

Дракон Возрожденный изумленно воззрился на шончанку, потом закрыл рот.

— Теперь припоминаю, — тихо промолвил он. — Я видел тебя. С ним. Не связал тебя с тем лицом. Мэт… и что вы поделывали?

«Ты видел нас?» — скептически подумала Туон. Выходит, безумие все-таки себя проявляет. Значит ли это, что им будет проще манипулировать, или же наоборот? К несчастью, последнее более вероятно.

— Что ж, — наконец вымолвил ал'Тор, — полагаю, у Мэта имелись на то причины. Они у него всегда есть. И они тогда представляются ему такими логичными…

Итак, Мэтрим и в самом деле знал Дракона Возрожденного; он станет для нее превосходным инструментом. Возможно, потому-то он и был ей ниспослан, дабы она смогла больше узнать о Драконе Возрожденном. Придется Туон отыскать Мэтрима, чтобы он поделился с ней полезными сведениями об ал'Торе.

Вряд ли Мэтриму это придется по вкусу, но

он должен будет понять. Он — Первый принц воронов. Его необходимо было возвысить до верховного Высокородного, обрить голову и научить сообразному его званию надлежащему поведению. Все это звучало для нее неприятно по причинам, которые Туон не могла объяснить даже самой себе.

Она не сумела удержаться от дальнейших расспросов. Отчасти потому, что тема, кажется, вывела ал'Тора из равновесия, а отчасти потому, что ей было любопытно.

— Что он за человек, этот Мэтрим Коутон? Должна признать, мне он показался каким-то бездельным паршивцем, который очень быстро находит оправдания, чтобы не исполнять данных им клятв.

— Не говори так о нем!

Удивительно, но эти слова сказала марат'дамани, что стояла возле ал'Тора.

— Найнив… — начал было ал'Тор.

— Не затыкай мне рот, Ранд ал'Тор, — перебила его женщина, скрестив руки под грудью. — Он ведь и твой друг тоже.

Она посмотрела на Туон, глядя ей прямо в глаза. *Прямо в глаза* — и кто? Марат'дамани!

И она продолжила:

— Мэтрим Коутон — один из самых лучших людей, кто тебе, высочеству, в жизни встречался, и я не собираюсь выслушивать о нем дурные слова. Что верно, то верно.

— Найнив права, — с неохотой признал ал'Тор. — Он хороший человек. Иногда Мэт может показаться чересчур грубым, но он надежный друг, лучшего и не пожелаешь. Хотя сам и ворчит на то, как его заставляет поступать совесть.

— Он спас мне жизнь, — заявила марат'дамани. — Дорого заплатив за мое спасение, подвергая себя опасности, когда больше никто и не думал идти мне на выручку. — Ее глаза горели гневом. — Да, он любит выпить и играет слишком много. Но не говори так, будто ты знаешь его, потому что это не так. У него золотое сердце, а все прочее — шелуха, наносное. Если ты его обидела…

— Обидела? Да он похитил меня!

— Если он так поступил, значит на то была причина, — произнес ал'Тор.

Какая преданность! И она снова была вынуждена пересмотреть свое мнение о Мэтриме Коутоне.

— Но все это не важно, — сказал ал'Тор, вдруг резким движением поднимаясь на ноги.

Один из Стражей Последнего часа обнажил меч. Ал'Тор ожег его сердитым взглядом, и Карид поспешил знаком отдать приказ телохранителю. Тот, пристыженный, опустив взгляд, спрятал оружие в ножны.

Ал'Тор положил руку на стол ладонью вниз. Он подался вперед, ловя взор Туон. Кто смог бы отвести взгляд от этих настойчивых серых, как сталь, глаз?

— Ничто из этого не имеет значения. Мэт не имеет значения. Наши сходства и наши различия не имеют значения. Важно лишь то, что необходимо. И мне необходима ты.

Он еще больше склонился над столом, грозно нависая над Туон. Облик ал'Тора не изменился, но внезапно ей показалось, что он вырос на сотню футов. Дракон Возрожденный говорил тем же спокойным, пронизывающим до глубины души голосом, но теперь в нем слышалась угроза. Натиск.

— Ты должна прекратить атаки. — Он говорил почти шепотом. — Ты должна подписать со мной договор. Это не просьба. Такова моя воля.

Внезапно Туон ощутила горячее желание подчиниться ему. Доставить ему радость. Договор. Мирный договор был бы очень кстати. Мир дал

бы ей неплохой шанс упрочить свое положение в здешних землях. Можно было заняться подготовкой планов по восстановлению порядка в Шончан. Набирать и обучать солдат. Перед ней открывалось столько возможностей, будто разум Туон вдруг разом постиг все преимущества предложенного союза, не видя никаких его недостатков.

Она ухватилась за мысли об изъянах, силясь осознать трудности, которые повлечет за собой объединение с этим человеком. Но у нее в голове они словно таяли, расплывались и утекали прочь. Туон никак не удавалось зацепиться за них и сформулировать свои возражения. Шатер погрузился в тишину, даже бриз стих.

Что с ней происходит? Туон чувствовала, что ей трудно дышать, будто на грудь навалилась какая-то тяжесть. Она понимала, что у нее нет иного выбора, кроме как склониться перед волей этого человека!

Ал'Тор выглядел зловеще и неумолимо. Невзирая на свет дня, он был окутан тенями, которые скрывали его лицо больше всего остального под пологом шатра. Дракон Возрожденный по-прежнему удерживал ее своим взглядом, и дыхание Туон было частым и неглубоким. Ей показалось,

что уголком глаза она уловила нечто вокруг него. Какую-то исходившую от него темную дымку — его окружал некий ореол мрака. Воздух вокруг дрожал, как от сильного жара. В ее будто бы сдавленном горле зарождались слова. Да. Да. Я сделаю, как ты просишь. Да. Я должна. Я должна.

— Нет, — едва слышным шепотом промолвила Туон.

Ал'Тор помрачнел еще больше, и в том, как он прижал ладонь к столу, в том, как дрожали от сдерживаемой силы пальцы, она угадала бурлящую ярость. В том, как он сжал челюсти. Как расширились его глаза. Какая мощь!

— Мне нужно… — начал он.

— Нет, — повторила Туон. Ее уверенность в себе росла и крепла. — Ты склонишься передо мной, Ранд ал'Тор. Иного не будет.

Какая тьма! Как столько мрака может быть в одном человеке? Казалось, что он отбрасывает тень размером с гору.

Она не смогла бы вступить в союз с этим существом. Эта кипящая в нем ненависть — она пугала Туон, а такое чувство, как ужас, ей было несвойственно. Этому человеку нельзя позволять делать, как он хочет. Его необходимо сдерживать.

Он смотрел на нее еще какой-то миг.

— Ладно. — Голос его был ледяным.

Ал'Тор развернулся и, не оглядываясь, направился прочь от шатра. Свита последовала за ним; все, кто сопровождал Дракона Возрожденного, включая марат'дамани с косой, выглядели встревоженными. Будто бы они сами не были уверены, за кем или за чем они следуют.

Туон, тяжело дыша, провожала Дракона Возрожденного взглядом. Другим не следует видеть, насколько она потрясена. Они не должны знать, что в какой-то момент она его испугалась. Туон смотрела вслед всадникам — и ему, — пока те не скрылись за холмами. И тем не менее руки у нее еще дрожали и она не смела заговорить, опасаясь выдать себя голосом.

Все то время, пока Туон приходила в себя, никто не произнес ни слова. Возможно, окружающие были так же потрясены, как и она. Возможно, им передалась ее тревога. Наконец, когда ал'Тор уже давно скрылся из виду, Туон поднялась. Она повернулась к собравшимся Высокородным, военачальникам, солдатам и Стражам Последнего часа и обвела их взглядом.

— Я — императрица, — произнесла Туон тихим голосом.

Все, как один, пали на колени, даже верховные Высокородные простерлись ниц.

Вот и все — это единственная необходимая церемония. О, разумеется, предстоит еще официальная коронация по возвращении в Эбу Дар, с процессиями, парадами и аудиенциями. Ей нужно будет принять личные клятвы верности от каждого из Высокородных, и у нее будет возможность, согласно традиции, казнить любого из них собственной рукой без объяснения причин — того, кто, по мнению Туон, противился ее восшествию на трон.

Все это еще будет, и многое предстоит сделать сверх того. Но подлинной коронацией являлось вот это объявление, сделанное Дочерью Девяти Лун по истечении срока скорби.

Торжества начались с того момента, как она приказала всем подняться с колен. Предстояла неделя празднеств и ликования. Необходимое развлечение. Она нужна миру. Миру нужна императрица. И с этого момента все будет по-другому.

Когда да'ковале, поднявшись, начала возносить восхваления, Туон шагнула к генералу Галгану.

— Передайте приказ генералу Йулану, — негромко произнесла она. — Пусть готовит атаку на марат'дамани в Тар Валоне. Мы должны высту-

пить против Дракона Возрожденного и должны ударить быстро. Нельзя допустить, чтобы этот человек собрал силу еще бóльшую, чем у него уже есть.

Глава 36
Смерть Туон

В путь я отправилась из Тира, — сказала Верин, усаживаясь на лучший стул Мэта — из темного орехового дерева с замечательным мягким сиденьем и обивкой рыже-коричневого цвета. Томас занял место позади нее, держа руку на эфесе меча. — Я намеревалась добраться до Тар Валона.

— Тогда как ты тут оказалась? — не скрывая подозрений, спросил Мэт. Сам он пытался поудобнее усесться на скамье, — несмотря на подушечки, эту штуковину Мэт ненавидел. На ней совершенно невозможно сидеть так, чтобы тебе было удобно, и толку от подушечек — никакого. Даже наоборот — из-за них каким-то образом сиденье оказывалось еще более неудобным. Треклятую штуковину наверняка придумали спятившие косоглазые троллоки, смастерив ее из костей проклятых придурков. Это было единственное разумное объяснение.

Он поерзал на скамье и уже собрался послать за другим стулом, но Верин продолжила говорить. В шатре также находились Мандеввин и Талманес.

Первый стоял, сложив руки на груди, последний устроился на полу. Тоже на полу, но в другом углу палатки сидел Том, оценивающе разглядывая Верин. Все они находились в малом шатре для встреч, где обычно Мэт и его командиры лишь проводили короткие совещания. В свой шатер, в котором он жил, Мэт приглашать Верин не хотел, поскольку там до сих пор повсюду валялись бумаги с планами набега на Трустэйр.

— Я задаю себе тот же самый вопрос, мастер Коутон, — с улыбкой ответила Верин. Пожилой Страж стоял позади ее стула. — Как я тут оказалась? В мои намерения это не входило. И все же я здесь.

— Вы говорите так, будто это случайность, Верин Седай, — сказал Мандеввин. — Но речь идет о расстоянии в несколько сотен лиг!

— Вдобавок, — добавил Мэт, — ты умеешь Перемещаться. Так что, если ты направлялась в Белую Башню, почему нельзя было просто и без затей Переместиться туда?

— Хороший вопрос, — заметила Верин. — Вне всяких сомнений. Можно мне чая?

Мэт вздохнул, снова поерзал на растреклятой скамье и махнул Талманесу, чтобы тот распорядился о чае. Тот встал, высунул голову из шатра и

отдал приказ, после чего вернулся и снова уселся на пол.

— Спасибо, — поблагодарила Айз Седай. — Жажда совсем горло иссушила.

Верин имела такой знакомый отстраненно-рассеянный вид — сестры из Коричневой Айя обычно производили именно такое впечатление. Из-за провалов в памяти первую встречу с Верин Мэт припоминал весьма туманно. На самом деле в его воспоминаниях о ней вообще хватало пробелов и неясностей. Но он смутно помнил, что вроде как считал, будто у нее характер ученого книжника.

Мэт глядел на Верин, и на этот раз ее манерность казалась ему преувеличенной, будто та лишь воспользовалась сложившимся о Коричневых сестрах мнением. Дурачила людей, как уличный пройдоха, который втягивает деревенских парней в увлекательную карточную игру «Три листика».

Верин смотрела на него. Это что, улыбка в уголках ее губ? Это улыбка плута, которому нет дела до того, что ты разгадал его мошеннические трюки. Теперь, когда ты все понял, вы оба можете получать удовольствие от игры, а удастся, так вместе обдурите кого-нибудь другого.

— Молодой человек, ты осознаешь, насколько силен ты как та'верен? — поинтересовалась Айз Седай.

Мэт пожал плечами:

— Для таких штук тебе нужен Ранд. Честно, я — пустое место по сравнению с ним.

Проклятые цветные круговороты!

— О, у меня и в мыслях нет преуменьшать значимость Дракона, — усмехнулась Верин. — Но тебе не спрятать собственный свет в его тени, Мэтрим Коутон. Разве что в окружении слепцов. В любое другое время ты, вне всяких сомнений, являлся бы самым влиятельным из живущих ныне та'веренов. Вероятно, оказывающим наибольшее воздействие из всех, кто появлялся на протяжении нескольких веков.

Мэт поерзал на скамье. Кровь и пепел, он ненавидел эту штуку — из-за нее он выглядит так, будто места себе не находит от волнения, извиваясь точно червяк. Наверное, лучше было бы просто встать.

— О чем ты говоришь, Верин? — Мэт скрестил руки на груди и попытался хотя бы сделать вид, что ему удобно.

— Я говорю о том, как ты выдернул меня за полконтинента. — Улыбка Верин стала шире, когда

вошедший в шатер солдат подал ей чашку горячего мятного чая. Айз Седай с благодарностью ее приняла, и солдат удалился.

— Как это — выдернул? — спросил Мэт. — *Ты* же искала меня.

— Искать-то я стала только после того, как сообразила, что меня куда-то тащит Узор. — Верин подула на горячий чай. — Это должен был быть либо ты, либо Перрин. Ранд тут ни при чем, поскольку покинуть его мне не составило труда.

— Ты была с Рандом? — Еще одна разноцветная вспышка перед глазами.

Верин кивнула.

— Как он… тебе показался? — спросил Мэт. — Он же… ну, ты понимаешь…

— Безумен? — уточнила Коричневая сестра.

Мэт кивнул.

— Боюсь, что так, — ответила Верин, слегка поджав губы. — Но думаю, что он все еще держит себя в руках.

— Проклятая Единая Сила. — Мэт сунул руку под рубашку и ради собственного успокоения коснулся своего медальона в виде лисьей головы.

Верин подняла взгляд и сказала:

— Не уверена, Мэтрим, что трудности молодого ал'Тора проистекают исключительно от

Единой Силы. Многие склонны винить саидин в его вспыльчивости, но поступать так — значит упускать из виду тот невероятный груз, который мы возложили на плечи несчастного мальчика.

Мэт приподнял бровь и кинул взгляд на Тома.

— Так или иначе, — промолвила Верин и сделала глоток чая, — нельзя возлагать слишком большую вину на порчу, ибо больше она на него не влияет.

— Не влияет? — сказал Мэт. — Он что, решил перестать направлять?

Верин рассмеялась:

— Скорее рыба откажется плавать. Нет, порча больше не оказывает влияния потому, что ее нет. Ал'Тор очистил саидин.

— Что? — резко спросил Мэт, выпрямляясь.

Верин сделала глоток чая.

— Ты не шутишь? — спросил Мэт.

— Ничуть, — ответила она.

Мэт снова посмотрел на Тома, потом одернул куртку и провел рукой по волосам.

— Что ты делаешь? — удивленно поинтересовалась Верин.

— Не знаю, — промолвил Мэт, испытывая смущение. — Наверное, я должен как-то иначе себя чувствовать или что-то в этом роде. Целый мир

крутится и меняется из-за нас.

— Можно и так сказать. Но я бы отметила, что само по себе случившееся очищение больше напоминает камешек, брошенный в пруд. Пройдет время, пока волны достигнут берега.

— Камешек? — переспросил Мэт. — Камешек?!!

— Ну, может, больше похоже на валун.

— А по мне, так на треклятую гору, — пробурчал Мэт, снова пытаясь половчее устроиться на неудобной скамье.

Верин тихонько рассмеялась. Вот растреклятые Айз Седай. Они что, обязаны быть вот такими? Может, они еще какую-то, более никому не ведомую клятву дают, обязуясь вести себя загадочно и таинственно? Мэт уставился на Верин.

— Что это был за смех? — наконец осведомился он.

— Ничего особенного, — отозвалась Айз Седай. — Просто подумала, что вскоре ты почувствуешь долю того, что испытывала я на протяжении последних нескольких дней.

— И что же?

— Ну, сдается мне, об этом-то я и говорила, пока мы не отвлеклись на посторонние темы.

— Ах да, очищение Истинного Источника, чтоб его! — пробормотал Мэт. — В самом деле.

— Мне довелось пережить крайне любопытные события, — продолжила Верин, проигнорировав замечание Мэта. — Возможно, тебе это и неизвестно, но для Перемещения откуда-то в этом месте нужно провести какое-то время. Обычно хватает пробыть там ночь. Таким образом, расставшись с Драконом, я направилась в ближайшую деревню и сняла комнату в гостинице. Устроилась, начала изучать комнату, готовясь наутро открыть переходные врата. Однако посреди ночи заявился хозяин гостиницы и огорченно заявил, что мне придется сменить комнату. Оказалось, что в крыше над моей комнатой открылась течь и дождь скоро начнет капать прямо мне на кровать. Я возражала, но он настоял на своем. Итак, я перебралась в комнату напротив и начала изучать новое помещение. И только я решила, что познакомилась с ним достаточно, чтобы открыть врата, меня снова прервали. На сей раз хозяин — смущенный еще больше прежнего — рассказал, что его жена, прибираясь утром в этой комнате, потеряла кольцо. Проснувшись ночью, женщина была очень расстроена. Трактирщик — с виду весьма усталый, — рассыпаясь в извинениях, предложил мне опять поменять комнату.

— И? — спросил Мэт. — Случайные совпадения,

Верин.

Айз Седай вздернула бровь, глядя на него, потом улыбнулась, заметив, как он вертится на скамье. Чтоб оно все сгорело, он не ерзает!

— Я отказалась, Мэтрим. Сказала хозяину гостиницы, что он сможет обыскать комнату после того, как я уеду, и пообещала, что не заберу с собой никакого кольца, если найду хоть одно. А потом просто закрыла дверь у него перед носом. — Верин отпила из чашки. — Через несколько минут в гостинице начался пожар — уголек выкатился из очага на пол и спалил все здание дотла. К счастью, все спаслись, но гостиница оказалась полностью уничтожена. Усталые и невыспавшиеся, мы с Томасом вынуждены были отправиться в другую деревню и снять комнату там.

— Ну и что? — проговорил Мэт. — Каких только совпадений не бывает.

— Такое продолжалось три дня, — сказала Верин. — Мне мешали, даже когда я пыталась изучить местность, а не комнаты в зданиях. Случайные путники просили разрешения присесть к костру, дерево рухнуло на лагерь, набрело стадо овец, разразилась небольшая гроза. Различного рода случайные события постоянно мешали мне изучать местность.

Талманес тихо присвистнул. Верин кивнула.

— Каждый раз, когда я пыталась этим заняться, что-то шло не так. По какой-то причине я была вынуждена двигаться. Однако, когда я решила, что не стану изучать место вокруг для создания переходных врат, странности прекратились. Кто-то другой спокойно бы продолжил путь, на время отказавшись от Перемещения, но тут о себе заявила моя натура. Я стала изучать этот феномен. Он был довольно регулярным.

«Кровь и проклятый пепел». Считалось, что это Ранд проделывает такое с людьми, а не Мэт.

— Если этому верить, ты должна быть еще в Тире.

— Именно, — согласилась Айз Седай. — Однако вскоре я начала чувствовать какое-то притяжение. Что-то тянуло меня. Будто бы…

Мэт снова поерзал и заметил:

— Будто бы кто-то засунул в тебя проклятый рыболовный крючок? И теперь стоит вдалеке и слабо — но настойчиво — за леску тянет?

— Да, — улыбнулась Верин. — Какое удачное описание.

Мэт не ответил.

— Я решила двинуться в путь более привычным способом. Думала, моя неспособность

Перемещаться, наверное, как-то связана с тем, что рядом находился ал'Тор. Или, возможно, дело в постепенном разрушении Узора из-за влияния Темного. Я договорилась отправиться с торговым караваном, который собирался на север, к Кайриэну. У них нашелся свободный фургон, караванщики готовы были сдать его за разумную цену. Я тогда очень устала от пожаров, плачущих детей и постоянных переездов из одной комнаты в другую, так что, боюсь, проспала куда дольше, чем следовало бы. Томас тоже дремал. Когда мы проснулись, выяснилось, что караван, вместо того чтобы двигаться в Кайриэн, повернул на северо-запад. Я поговорила с главным караванщиком, и он объяснил, что в последний момент получил весточку, что в Муранди его товары можно продать по цене куда лучшей, чем в Кайриэне. Подумав, он заметил, что и в самом деле следовало бы сказать мне об изменении в маршруте, но это как-то выскочило у него из головы.

Она сделала еще один глоток чая.

— Тогда-то я действительно удостоверилась, что меня куда-то направляют. Многие бы не заметили этого, но я изучала природу та'веренов. Караван недолго двигался по направлению к Муранди — всего один день, — но в сочетании

с ощущением тяготения этого было достаточно. Я переговорила с Томасом, и мы решили, что не стоит направляться туда, куда тебя тянут. Скольжение лишь отчасти способно заменить Перемещение, но оно не имеет ограничений, связанных со знанием точки отправления. Я открыла переходные врата, но в конце нашего путешествия мы оказались не в Тар Валоне, а вышли в маленькую деревушку на севере Муранди! Этого не могло случиться. Однако в дальнейшем мы пришли с Томасом к выводу, что он как раз делился приятными воспоминаниями об охоте, на которую однажды выбрался в Трустэйре, и именно в тот момент я открыла врата. Должно быть, я позволила себе сосредоточиться не на том месте.

— И вот мы здесь, — произнес Томас, стоявший со сложенными на груди руками позади стула Айз Седай. Вид у Стража был недовольный.

— Именно, — отозвалась Верин. — Любопытно, не правда ли, юный Мэтрим? Я случайно оказываюсь здесь, у тебя на пути, именно тогда, когда тебе очень нужен кто-то, способный открыть переходные врата для твоей армии?

— Все равно это может быть совпадением.

— А притяжение?

Что ответить на это, Мэт не знал.

— Совпадения случайного. Так действует природа та'верена, — заметила Айз Седай. — Ты находишь брошенную вещь, которая тебе вдруг понадобилась, или случайно встречаешь нужного человека — и вовремя. Вероятности случайным образом оборачиваются к твоей выгоде. Или ты такого не замечал? — Верин улыбнулась. — Рискнешь поставить на это и бросить кости?

— Нет, — неохотно ответил Мэт.

— И все же меня беспокоит одна вещь. Разве не мог тебе попасться на пути кто-то другой? Аша'маны ал'Тора прочесывают страны, выискивая мужчин, способных направлять Силу, и я подозреваю, что глухие сельские уголки наподобие этого у них во главе списка, потому что в таких местах больше шансов, что способный направлять Силу мужчина останется незамеченным. Один из Аша'манов мог бы встретиться тебе и создать врата.

— Проклятье, да ничего подобного! — Мэта передернуло. — Я не доверю Отряд таким, как они.

— Даже чтобы попасть в Андор в мгновение ока?

Мэт помедлил. Ну, возможно.

— Я должна была оказаться здесь по какой-то

причине.

— А по-моему, ты пытаешься увидеть в этом смысл, которого там нет, — ответил Мэт, пытаясь поудобнее расположиться на растреклятой скамье.

— Возможно. А возможно, и нет. Сначала надо обсудить цену, которую я запрошу за то, чтобы перенести вас в Андор. Полагаю, ты хочешь добраться до Кэймлина?

— Цену? — недоуменно спросил Мэт. — Но ты ведь думаешь, будто это Узор заставил тебя явиться сюда! Почему я-то должен расплачиваться?

— Потому что, — ответила Айз Седай, воздев палец, — пока я тебя дожидалась — а признаться честно, я не знала, ты это будешь или юный Перрин, — то поняла, что в состоянии дать тебе еще кое-что, чего не могут другие. — Она опустила руку в карман и вытащила несколько листков бумаги. На одном из них красовался портрет Мэта. — Ты не спросил, откуда они у меня.

— Ты — Айз Седай, — пожал плечами Мэт. — Я думал, ты их… это… насаидарила.

— «Насаидарила»? — На лице Верин не отражалось ничего.

Мэт пожал плечами.

— Я получила эти листки, Мэтрим…

— Зови меня Мэт, — попросил он.

— Эти листки, Мэтрим, мне достались от приспешника Темного, который рассказал мне — посчитав, что я служу Тени, — что один из Отрекшихся приказал убить изображенных на них людей. Вам с Перрином грозит смертельная опасность.

— Я ничуть не удивлен, — ответил Мэт, скрывая дрожь, в которую его бросило от слов Айз Седай. — Верин, приспешники Темного пытаются убить меня с того дня, как я покинул Двуречье. — Он помолчал. — Чтоб мне сгореть. Это началось даже днем раньше того, как я уехал из Двуречья. Что это меняет?

— Это совсем другое, — посерьезнев, промолвила Верин. — Иной уровень опасности, которой ты подвергаешься… Я… Ну, давай просто скажем, что ты в большой, даже очень большой опасности. Советую тебе быть крайне осторожным в ближайшие несколько недель.

— Я всегда осторожен, — заметил Мэт.

— Значит, надо быть еще осторожней. Спрячься где-нибудь. Не рискуй. Пока это не кончится, тебе отведена важная роль.

Мэт пожал плечами. Спрятаться? Запросто. С помощью Тома у него, наверное, так получится за-

маскироваться, что и родные сестры не узнают.

— Это я могу. Проклятье, цена-то невелика. Сколько нужно времени, чтобы перебросить нас в Кэймлин?

— Мэтрим, это не была моя цена, — заметила она с ноткой веселости. — Это было предложение. К которому, полагаю, ты отнесешься с большой долей предубеждения.

Айз Седай достала из-под портрета сложенный в несколько раз лист бумаги, скрепленный и запечатанный каплей кроваво-красного воска.

Мэт неохотно взял письмо.

— Что это?

— Инструкции. Которым ты последуешь на десятый день после того, как я оставлю тебя в Кэймлине.

Мэт, нахмурившись, почесал голову и потянулся сломать печать.

— И пакет ты вскроешь не ранее того дня.

— Что? Но…

— Такова моя цена, — просто ответила Верин.

— Проклятая женщина, — произнес Мэт, вновь переводя взгляд на запечатанный пакет. — Я не собираюсь обещать чего-то, пока не буду знать, что это такое.

— Сомневаюсь, Мэтрим, — заметила Айз

Седай, — что ты сочтешь мои инструкции неприемлемыми.

Мэт секунду мрачно смотрел на печать, затем поднялся:

— Обойдусь без этого.

Верин поджала губы:

— Мэтрим, ты…

— Зови меня Мэт, — перебил он, подхватывая шляпу с подушек. — И я сказал, что сделки не будет. Так или иначе, я буду в Кэймлине через двадцать дней марша. — Мэт откинул входной клапан шатра и жестом указал собеседнице на выход. — Я не позволю тебе, женщина, прицепить ко мне веревочки и превратить в свою марионетку.

Верин нахмурилась, но не двинулась с места.

— Я и забыла, как трудно с тобой бывает.

— И я горжусь этим.

— А как насчет компромисса?

— Ты скажешь мне, что в этой проклятой бумажке?

— Нет, — ответила Верин. — Потому что может случиться так, что мне не понадобится твое участие. Надеюсь, тогда я вернусь и избавлю тебя от письма, и ступай, куда тебе угодно. Но если я не смогу этого сделать…

— Так в чем же компромисс?

— Можешь не вскрывать письма. Сожги его. Но в таком случае ты должен ждать меня в Кэймлине пятьдесят дней на тот случай, если мое возвращение займет больше времени, чем я предполагаю.

Сказанное Верин заставило Мэта задуматься. Пятьдесят дней — срок долгий. Но если ждать нужно будет в Кэймлине, а не добираться туда своим ходом… Интересно, Илэйн в городе? Мэт волновался за нее с момента ее бегства из Эбу Дар. Если Илэйн там, то он по меньшей мере сможет быстро начать изготовление драконов Алудры.

Но пятьдесят дней ожидания? Или ждать столько, или открыть проклятое письмо и сделать так, как в нем сказано? Ни то ни другое ему не нравилось.

— Двадцать дней, — сказал Мэт.

— Тридцать, — промолвила Верин и подняла указательный палец, пресекая его возражения. — Компромисс, Мэт. Когда речь идет о чем-то подобном, то, по-моему, ты счел бы меня среди Айз Седай намного более сговорчивой, чем большинство из них. — Она протянула Мэту руку.

Тридцать дней. Тридцать дней он мог бы подождать. Мэт посмотрел на письмо, которое держал в руках. Он мог устоять перед искушением его

открыть, а тридцать дней ожидания на самом деле не являлись потерянным временем. Они сами по себе будут добираться до Кэймлина немногим меньше. Проклятье, да ведь сделка на самом деле отменная! Ему требовалось несколько недель, чтобы наладить изготовление драконов, и еще нужно время, чтобы побольше разузнать о Башне Генджей, змеях и лисах. Тому Меррилину не на что жаловаться — в любом случае им до Кэймлина две недели ходу.

Верин наблюдала за Мэтом с едва заметным беспокойством на лице. Мэт не позволит ей увидеть, насколько на самом деле он доволен. Стоит женщине это понять, и она найдет способ заставить тебя расплатиться.

— Тридцать дней, — неохотно согласился Мэт, пожимая руку Айз Седай. — Этот срок кончится, и я свободен.

— Или через десять дней вскроешь письмо, — сказала Верин, — и сделаешь так, как там написано. Одно из двух, Мэтрим. Даешь слово?

— Даю, — промолвил он. — Но у меня и в мыслях нет открывать это проклятое письмо. Я буду ждать тридцать дней, а потом займусь своими делами.

— Посмотрим, — ответила Верин, улыбнув-

шись сама себе и выпустив руку Мэта.

Сложив рисунок, она достала из кармана небольшой мешочек с кожаными завязками, открыла его и засунула листок внутрь. Когда Айз Седай открывала мешочек, Мэт заметил внутри небольшую пачку сложенных и скрепленных печатями посланий — точно такого же вида, как и то, что он держал в руке. А для чего предназначены остальные?

Когда запечатанные записки были надежно уложены в карман, Верин достала резную безделушку из какого-то полупрозрачного камня — брошь в форме лилии.

— Начинай сворачивать лагерь, Мэтрим. Я хочу отправить вас через переходные врата как можно быстрее. Мне и самой скоро надо Перемещаться.

— Отлично. — Мэт глянул на запечатанную записку. Зачем Верин эта таинственность?

«Чтоб оно сгорело! — подумал он. — Я не стану его открывать. Не стану».

— Мандеввин! — сказал Мэт. — Предоставь Верин Седай палатку, пока мы сворачиваемся, и выдели пару солдат на случай, если ей что-то понадобится. И еще, сообщи остальным Айз Седай, что она здесь. Наверное, им будет интересно об этом узнать. Айз Седай есть Айз Седай.

Мэт затолкал бумажный пакет в поясной кошель и, уже шагнув к выходу, добавил:

— И пусть кто-нибудь сожжет эту проклятую скамью. Поверить не могу, что мы тащили ее так далеко.

Туон мертва. Исчезла, отброшена, забыта. Туон была Дочерью Девяти Лун. Теперь она — лишь строчка в хрониках и исторических книгах.

Фортуона была императрицей.

Фортуона Атаэм Дэви Пейндраг прикоснулась губами ко лбу солдата, преклонившего перед ней колени на поросшей низкой травой земле. Влажная жара Алтары заставляла думать, будто уже наступило лето, но трава — которая еще считаные недели назад была сочной и полной жизни — стала чахлой и начинала желтеть. Где же сорная трава, чертополох? В последнее время семена не давали побегов. Как и зерно, они портились, гибли еще до того, как успевали прорасти.

Солдат, что стоял перед Фортуоной, был первым из пяти. Позади этой пятерки стояли две сотни воинов из Небесных Кулаков — отборной элиты ее ударных войск. На них были доспехи из темной кожи и изготовленные в виде голов насекомых шлемы из светлого дерева и кожи. Как шлемы, так и доспехи носили на себе эмблему в

виде сжатого кулака. Еще там было пятьдесят пар сул'дам и дамани, в том числе Дали и ее сул'дам Малахавана, которых Фортуона выделила для участия в рейде, — она чувствовала, что обязана внести какой-то личный вклад в выполнение этой — едва ли не самой важной — миссии.

В загонах позади строя расхаживали сотни то'ракенов, которых их вожатые готовили к предстоящему полету. Стая ракенов уже грациозно кружила в небе.

Фортуона посмотрела на стоящего перед ней на коленях солдата и приложила кончики пальцев к его лбу — к тому месту, куда пришелся ее поцелуй.

— Да принесет твоя смерть победу, — негромко промолвила она ритуальные слова. — Да омоется твой нож в крови. Да поют твои дети тебе хвалу до последнего рассвета.

Солдат еще ниже склонил голову. Как и на остальных из пятерых, на нем были доспехи черной кожи. С пояса свисало три ножа, шлема на голове не было, как не было и плаща. Боец был низкорослым мужчиной — все воины Небесных Кулаков отличались низким ростом и плотным телосложением, а половину от их числа составляли женщины. При выполнении

заданий, связанных с полетами на то'ракенах, вес всегда имел большое значение. В рейд предпочтительнее брать двух маленьких и хорошо натренированных солдат, чем одного высокорослого увальня в тяжелой броне.

Стоял ранний вечер, и солнце только начинало клониться к закату. Лейтенант-генерал Йулан, который лично поведет ударную группу, считал, что лучше будет вылететь к вечеру. Рейд начнется в темноте, которая скроет солдат от тех, кто может наблюдать за небом в Эбу Дар. Возможно, такая мера предосторожности и излишняя. Что с того, если люди в Эбу Дар увидят, как сотни то'ракенов взмывают в небо? Вести не летят так быстро, как несут воинов крылья ракенов.

Но их враги способны передвигаться намного быстрее, чем того можно было ожидать. Что бы то ни было — тер'ангриал, какое-то плетение или еще нечто, дарующее такую способность, — оно определенно представляет опасность. Лучше осуществить все скрытно. Перелет до Тар Валона займет несколько дней.

Фортуона перешла к следующему солдату в шеренге. Им оказалась женщина с заплетенными в косу черными волосами. Фортуона поцеловала ее в лоб, произнесла те же ритуальные фразы. Эти

пятеро — Кровавые Ножи. Каждый из них носит черное каменное кольцо — особый тер'ангриал, который наделял их силой и быстротой движения и мог скрыть их во тьме, позволяя слиться с тенями.

Но невероятные способности тем не менее имели свою цену, ибо кольца выпивали жизни тех, кто их носит, убивая в считаные дни. Сняв кольцо, можно лишь слегка замедлить процесс, но, единожды запустив — капнув на тер'ангриал капельку крови того, кто надел кольцо, — остановить его было уже невозможно.

Эти пятеро не вернутся. Как бы ни сложился рейд, они останутся там — чтобы убить как можно больше марат'дамани. Ужасно расточительно, разумеется, — этих марат'дамани стоило бы посадить на привязь, — но уж лучше убить их, чем позволить остаться в руках Дракона Возрожденного.

Фортуона перешла к следующему солдату в коротком ряду, одарив и его поцелуем и благословением.

Столько всего изменилось за те дни, что миновали после ее встречи с Драконом Возрожденным. Новое имя было лишь одним из свидетельств этого. Теперь перед ней нередко простирались

ниц даже верховные Высокородные. Ее со'джин — включая Селусию — выбрили головы. Отныне они будут начисто брить волосы на правой стороне головы и отпускать их на левой, заплетая по мере роста. Пока что их головы слева прикрывали головные уборы.

Простой люд ходил более уверенно и гордо. У них снова есть императрица. Пусть еще есть что-то неправильное в мире, хотя бы в этом все шло теперь как положено.

Фортуона поцеловала последнего солдата из группы Кровавых Ножей, произнесла слова, обрекающие их не только на смерть, но и на героизм, и отступила назад. Рядом с ней, справа, встала Селусия. Вперед вышел генерал Йулан и низко поклонился:

— Пусть будет известно императрице, да живет она вечно, что мы не подведем ее.

— Ей известно, — промолвила Селусия. — Да следует за тобой Свет. Знай, что ее величество, да живет она вечно, видела сегодня, как распустившаяся в саду весенняя роза обронила три лепестка. Предзнаменование того, что тебе будет ниспослана победа. Исполни предначертанное, генерал, и награда твоя будет велика.

Йулан выпрямился, отсалютовал, прижав ку-

лак к груди — металл звякнул о металл — и повел солдат во главе с Кровавыми Ножами к загонам то'ракенов. Прошло совсем немного времени, и первое животное побежало по длинному лугу позади загонов, размеченному шестами и вымпелами, и взлетело в воздух. За ним последовали остальные — целый флот; их стая была больше любой другой, которую доводилось видеть в небе Фортуоне. Когда угас последний луч закатного солнца, они повернули на север.

Обычно ракенов и то'ракенов таким образом не использовали. Большинство рейдов организовывалось так, что солдат высаживали в определенном месте, где то'ракены и дожидались возвращения отрядов после атаки. Но этот рейд был слишком важен. Йулан предложил намного более дерзкий план нападения — из тех, которые обычно даже не принимались к рассмотрению. То'ракены, с дамани и сул'дам на своих спинах, наносят удар с воздуха. Такое решение могло породить совершенно новую и смелую тактику. Или же привести к полному провалу.

— Мы всё изменили, — тихо произнесла Фортуона. — Генерал Галган ошибается. Это не вынудит Дракона Возрожденного стать уступчивее на переговорах. Это заставит его обратиться против

нас.

— Разве прежде он не был против нас? — спросила Селусия.

— Нет, — ответила Фортуона. — Это мы были против него.

— А есть разница?

— Да. — Фортуона наблюдала за тучей то’ракенов, едва различимой в небе. — Есть. Боюсь, скоро мы увидим, насколько велика эта разница.

Глава 37
Сила Света

Мин сидела молча, глядя на то, как одевается Ранд. Его движения были выверенными и осторожными, подобно шагам акробата, ступающего по натянутому в вышине канату. Аккуратными и неторопливыми движениями пальцев Ранд застегнул манжету на левом рукаве свежей белой рубашки. Пуговица на правом рукаве уже была застегнута — об этом позаботились слуги.

На дворе стоял ранний вечер. Еще не стемнело, но ставни на ночь уже затворяли. Ранд взял черную с золотом куртку, скользнул рукой в рукав, потом сунул вторую руку в другой. Затем он принялся одну за другой застегивать пуговицы. С этим проблем не было — Ранд все больше привыкал управляться одной рукой. Пуговица за пуговицей. Одна, вторая, третья, четвертая…

Мин хотелось кричать.

— Поговорить не хочешь? — спросила девушка.

— О чем? — Ранд даже не отвернулся от зеркала.

— О шончан.

— Мира не будет, — промолвил он, поправляя ворот куртки. — Я провалил переговоры.

В голосе Ранда не слышалось никаких эмоций, однако он оставлял чувство, как от туго натянутой струны.

— То, что ты расстроен, — это нормально, Ранд.

— Расстраиваться бессмысленно, — ответил он. — Злиться бессмысленно. Никакое чувство не изменит фактов, а факт таков, что я не могу больше тратить время на шончан. Когда мы отправимся на Последнюю битву, а спокойствия в Арад Домане не будет, то придется смириться с риском нападения с тыла. Далеко не идеально, но выбора нет.

Воздух над Рандом замерцал, и над головой у него появилась гора. Видения вокруг Ранда возникали так часто, что Мин приучилась игнорировать их — разве что появлялось что-то новое, хотя, было дело, она несколько дней потратила, пытаясь собрать их все воедино и как-то рассортировать. Возникший сейчас образ был чем-то новым, почему и привлек внимание девушки. На склоне вознесшейся ввысь горы зияла иззубренная дыра, будто пробитая взрывом. Драконова гора? Пик окутывали черные тени, — казалось,

будто на гору отбрасывали тень собравшиеся высоко над ней тучи. Это было странно — всякий раз, как глазам Мин представала гора, она поднималась выше любых туч.

Драконова гора, окруженная тенями. В будущем это видение могло оказаться важным для Ранда. А это не тонкий ли лучик сияет с небес, освещая какую-то точку на горе?

Видение исчезло. Хотя Мин и понимала значение некоторых образов, последняя картинка сбила ее с толку. Вздохнув, она откинулась на спинку мягкого, с красной обивкой кресла. На полу были беспорядочно разбросаны книги; Мин все больше и больше времени посвящала копанию в них — отчасти потому, что ощущала владевшее Рандом нетерпение, а отчасти потому, что не знала, чем еще заняться. Ей нравилось думать, что она способна сама о себе позаботиться, и еще Мин начала воспринимать себя как последний рубеж обороны для Ранда.

А сейчас она поняла, насколько полезна была в качестве «линии обороны». Так же полезна, как ребенок! На самом деле она, помеха, обернулась орудием, которым воспользовалась Семираг против Ранда. Мин возмущалась, когда Ранд предлагал отослать ее, устраивала ему выговоры

уже за само подобное предложение. Отослать ее! Чтобы уберечь? Что за глупости! Она сама способна о себе позаботиться.

Так она думала. Теперь же Мин понимает, что он был прав.

Это понимание изводило ее, так что Мин занималась своими книгами и старалась не вставать у Ранда на пути. В тот день Ранд изменился, будто внутри его погасло что-то яркое. Лампа выгорела — масло кончилось, оставив лишь пустую оболочку. Теперь он смотрел на нее иначе. Когда взгляд этих глаз останавливался на Мин, видел ли он только обузу?

Задрожав, Мин попыталась отогнать от себя эту мысль.

Натянув сапоги и застегнув пряжки, Ранд встал и взял меч, приставленный к сундуку с одеждой. На черных ножнах сверкнул лаком красно-золотой дракон. Чудно́е оружие, которое те ученые книжники раскопали под статуей, наполовину ушедшей в землю. Меч казался уж очень древним. Берет ли Ранд этот меч сегодня как некий символ? Как знак того, что он собрался на битву?

— Так ты за ней собрался? — неожиданно для самой себя спросила Мин. — За Грендаль?

— Я должен решить те задачи, которые могу. —

Ранд вытянул древний меч из ножен и осмотрел клинок. Клейма в виде цапли на нем не было, но в свете ламп блестела превосходная сталь, и волнистые линии на клинке свидетельствовали, что выкован он из многократно сложенного металла. Ранд утверждал, что меч изготовлен при помощи Силы. Кажется, он знал нечто об этом мече, о чем не рассказывал.

Резким движением вогнав клинок в черные ножны, Ранд посмотрел на Мин.

— Разберись с тем, с чем можешь, и не беспокойся о тех проблемах, которые решить не в состоянии. Так однажды сказал мне Тэм. Арад Доману придется справляться с шончан самому. Единственное, что мне еще по силам сделать для народа Арад Домана, это избавить страну от одной из Отрекшихся.

— Ранд, она может знать, что ты явишься за ней. Тебе не приходило в голову, что мальчика, которого нашла Найнив, могли подсунуть нарочно? Что его должны были отыскать, чтобы направить тебя в западню?

Ранд помедлил, затем покачал головой:

— Он был настоящим, Мин. Такой трюк могла бы провернуть Могидин, но не Грендаль. Она слишком обеспокоена тем, чтобы ее не выследи-

ли. Нужно действовать быстро, пока до Грендаль не дошло известие, что ее убежище раскрыто. Я должен ударить сейчас.

Мин встала.

— Ты что, тоже идешь? — с удивленным видом спросил Ранд.

Мин залилась румянцем. «А если с Грендаль все обернется так же худо, как тогда, с Семираг? Что, если я снова стану орудием, которым воспользуются против Ранда?»

– Да, — ответила девушка — просто для того, чтобы доказать себе, что она не сдалась. — Конечно, я иду. Даже не думай, что сможешь уйти без меня!

— Об этом я и не мечтал, — сухо ответил Ранд. — Идем.

Мин ожидала, что он будет спорить.

Ранд взял с ночного столика статуэтку мужчины, держащего над головой сферу. Повертел тер'ангриал в руке, внимательно разглядывая, потом, словно бы с вызовом, посмотрел на Мин. Та ничего не сказала.

Он опустил статуэтку в большой карман куртки и с выкованным с помощью Силы древним клинком на поясе вышел из комнаты. Мин поспешила за Рандом, а тот обратился к двум Девам,

стоявшим на посту возле двери в его покои:

— Я отправляюсь на битву. Приведите два десятка, не больше.

Девы какое-то мгновение потратили на обмен знаками на языке жестов, после чего одна бросилась вперед, а вторая зашагала по коридору следом за Рандом, чуть отстав от него. Мин, с колотящимся сердцем, громко ступая сапожками по деревянным половицам, шла рядом с Рандом, едва за ним поспевая. Ранду уже случалось вот так отправляться на бой с Отрекшимися, но обычно он тратил больше времени на составление планов. Вокруг Саммаэля Ранд кружил несколько месяцев подряд и только потом ударил по Иллиану. А на то, чтобы решить, как будет действовать с Грендаль, ему понадобился едва ли не один-единственный день!

Мин проверила, на месте ли спрятанные в рукавах ножи, но поступила так по привычке и от волнения. Шагая широко и быстро, но без явной спешки, Ранд добрался до конца коридора и направился по лестнице вниз. Лицо его хранило спокойствие, но при этом вид его наводил на мысль о грозе, устремленной к некой определенной цели и готовой обрушить на нее всю свою накопленную мощь. Как же Мин хотелось,

чтобы Ранд просто взорвался, вышел из себя, как то бывало прежде! Тогда он злил ее, но никогда не пугал — такой, как теперь, с этими ледяными глазами, в которых не отражается ничего, с этой аурой опасности. После происшествия с Семираг он твердит о том, что будет делать «то, что должен» и за ценой не постоит, и Мин знала, что неудачный итог переговоров с шончан о союзе должен был разжечь в нем гнев. К чему приведет подобное сочетание целеустремленности и ощущения поражения?

Спустившись к подножию широкой лестницы, Ранд обратился к слуге:

— Найди мне Найнив Седай и лорда Рамшалана. Приведи их в гостиную.

Лорд Рамшалан? Тот ожиревший придворный, некогда входивший в число приближенных леди Чадмар?

— Ранд, что ты задумал? — нагнав его у подножия лестницы, тихонько спросила Мин.

Он не ответил. Миновав беломраморную приемную, Ранд вошел в гостиную, обставленную и декорированную в темно-красных тонах, что контрастировало с белым полом. Садиться он не стал, а, заложив руки за спину, остался стоять перед картой Арад Домана, которую недавно

распорядился повесить на стену. Старая карта заняла место написанной маслом превосходной картины и казалась совершенно неуместной в этой комнате.

На карте черными чернилами была поставлена точка — значок стоял на берегу небольшого озера в юго-восточном углу страны. Эту пометку Ранд нанес наутро после смерти Керба. Она обозначала Натринов Курган.

— Когда-то там была небольшая крепость, — не отводя взора от карты, отсутствующим тоном промолвил Ранд.

— Город, где прячется Грендаль? — спросила Мин, подойдя к нему.

Ранд покачал головой:

— Это не город. Я посылал разведчиков. Просто одиноко стоящая крепость, сооруженная давным-давно, чтобы вести наблюдение за Горами тумана и предупреждать набеги из Манетерен через перевалы. В военных целях замок не использовался со времен Троллоковых войн, ведь едва ли стоит опасаться вылазок двуреченцев, которые даже не помнят такого названия — Манетерен.

Мин кивнула:

— Впрочем, один пастух из Двуречья в Арад Доман все-таки вторгся.

Раньше подобная шутка заставила бы его улыбнуться. Мин постоянно забывала, что больше он так не делает.

— Несколько веков назад, — заговорил Ранд, задумчиво прищурившись, — король Арад Домана занял Натринов Курган, вернув его под власть своей короны. Незадолго до того он был захвачен незначительным дворянским родом с мыса Томан — они пытались основать собственное королевство. На равнине Алмот такое порой случается. Доманийскому королю место понравилось, и он стал использовать крепость в качестве дворца. Он проводил здесь много времени — столько, что несколько его противников из числа купцов прибрали в свои руки слишком много власти в Бандар Эбане. Король пал, но его преемники тоже пользовались этой крепостью, превратив ее в любимый загородный дворец, куда короли отправлялись развеяться и отдохнуть. Но за последнее столетие он постепенно утратил для короны привлекательность, так что лет пятьдесят назад замок подарили дальнему родственнику короля. С тех пор его семья им и владеет. А простой народ Арад Домана про Натринов Курган, можно считать, и вовсе позабыл.

— Но не Алсалам? — спросила Мин.

Ранд покачал головой:

— Нет. Сомневаюсь, что ему вообще об этом месте было известно. Эту историю я узнал от королевского архивариуса, который потратил много часов, пока нашел фамилию рода, который владеет замком. Вот уже много месяцев они ни с кем не связывались, хотя обычно по случаю наезжали в окрестные городки. Фермеры в округе говорят, что во дворце появились новые обитатели, но никто не знает, куда делся прежний владелец. Казалось, они сами были удивлены тем, что никогда не задумывались о том, что это как-то странно.

Ранд посмотрел на Мин и продолжил:

— Именно такое место Грендаль выбрала бы центром своей власти. Настоящее сокровище — забытая крепость, символ красоты и могущества, древняя и величественная. Достаточно близко к Бандар Эбану, чтобы она могла приложить руку к правлению королевством, но в то же время на отдалении, чтобы оставаться защищенным и уединенным. В своих поисках я допустил ошибку — предположил, что она выберет какое-нибудь прекрасное поместье, с садами и угодьями. Мне следовало понять, что она коллекционирует не просто красоту, но и престиж. Величественная

крепость, служившая резиденцией королям, подходит ей не хуже изящного поместья. Тем более что Натринов Курган теперь не столько крепость, сколько дворец.

Внимание Мин привлекли шаги в приемной. Спустя мгновение в гостиную в сопровождении слуги вошли Найнив и расфранченный Рамшалан, с бородкой клинышком и тонкими усиками. Сегодня в острый кончик бородки были вплетены маленькие колокольчики, а на щеке красовалась мушка из темно-фиолетового бархата — тоже в форме колокольчика. Одет придворный был в свободный шелковый сине-зеленый наряд с широкими рукавами, из-под которого виднелась кружевная рубашка с оборками. Мин не интересовало, что диктует мода, но выглядел мужчина нелепо. Как взъерошенный павлин.

— Милорд звал меня? — сказал Рамшалан, отвесив экстравагантный поклон.

Ранд и головы не повернул от карты, промолвив:

— У меня есть для тебя загадка, Рамшалан. Хочу узнать, что ты думаешь.

— Прошу вас, милорд, спрашивайте!

— Скажи тогда: как мне перехитрить противника, о котором я точно знаю, что он умнее меня?

— Милорд! — Рамшалан поклонился повторно, будто тревожась, что Ранд не заметил первого поклона. — Вы, разумеется, шутите! Нет никого, кто был бы умнее вас.

— Хотел бы я, чтобы это было правдой, — тихо произнес Ранд. — Я противостою нескольким наиболее одаренным людям из всех, что когда-либо жили. Мой теперешний враг разбирается в том, как думают другие люди, на уровне, достичь какого я и надеяться не могу. Так как же мне победить ее? Она скроется при первом намеке на угрозу, сбежит в одно из дюжины других убежищ, которые наверняка приготовила. Она не станет сражаться со мной лицом к лицу, но если я неожиданной атакой уничтожу ее цитадель, то рискую ее упустить, так никогда и не узнав, покончил ли я с ней.

— Определенно, трудная задача, милорд, — отозвался Рамшалан, выглядевший озадаченным.

Ранд кивнул, словно бы в подтверждение своим мыслям.

— Я должен посмотреть ей в глаза, заглянуть ей в душу, понять, что это именно с ней я столкнулся, а не с какой-то подсадной уткой. И я должен сделать это, не вспугнув ее, не дав сбежать. Как? Как мне убить врага, который умнее меня, вра-

га, которого невозможно застать врасплох, но который при этом совсем не желает открытого противостояния со мной?

Рамшалан выглядел совершенно сбитым с толку этими вопросами.

— Я… Милорд, если этот враг настолько умен, не лучше ли тогда обратиться за помощью к тому, кто еще умнее?

Ранд повернулся к нему:

— Отличное предложение, Рамшалан. Возможно, именно это я уже и сделал.

Толстяк раздулся от осознания собственной важности. «Он думает, будто именно поэтому Ранд его призвал!» — сообразила Мин. Чтобы скрыть улыбку, ей пришлось отвернуться и поднять руку к губам.

— Если бы у тебя был такой враг, Рамшалан, как бы ты поступил? — спросил Ранд. — Я с нетерпением жду твоего ответа.

— Я бы заключил союз, милорд, — не медля ни секунды, ответил Рамшалан. — Скажу, что такого могущественного человека лучше иметь другом, а не врагом.

«Идиот, — подумала Мин. — Если твой враг настолько ловок и безжалостен, союз закончится тем, что убийца воткнет кинжал тебе в спину».

— Еще одно превосходное предложение, — тихо промолвил Ранд. — Но меня по-прежнему занимает твое первое замечание. Ты сказал, что мне нужны союзники, которые умнее, чем я, и это правда. Значит, тебе пора отправляться в путь.

— Милорд?

— Ты станешь моим посланником, — сказал Ранд, взмахнув рукой, и в дальней части комнаты вдруг раскрылись переходные врата, разрезав надвое прекрасный коврик на полу. — Слишком многие из доманийской знати попрятались, разбежавшись по всей стране. Я хотел бы видеть их на своей стороне как союзников, но если я стану искать их по одному, то это отнимет у меня слишком много времени. К счастью, у меня есть ты. Вот и отправишься с этим поручением.

Рамшалан выглядел взволнованным открывшимися перспективами. В проеме переходных врат Мин видела высокие сосны, и воздух по ту сторону был холоден и свеж. Она обернулась на Найнив — та снова была одета в белое и голубое. Айз Седай оценивающе наблюдала за разговором, и в выражении ее лица Мин увидела те же чувства, какие испытывала сама. Что за игру затеял Ранд?

— За вратами будет склон холма, — наставлял

своего посланца Ранд. — Оттуда ты доберешься до старинного дворца, в котором обитает не слишком известное доманийское купеческое семейство. Это первое из множества мест, куда я намерен тебя послать. Ступай туда от моего имени и найди тех, кто стоит во главе дома. Узнай, намерены ли они меня поддержать, а то ведь, может, там обо мне вообще не знают. Предложи им за верность награду. Поскольку ты проявил себя как умный человек, то детали я оставлю на твое усмотрение. Сам я не в настроении для подобных переговоров.

— Разумеется, милорд! — Рамшалан напыжился еще больше, хотя на переходные врата поглядывал настороженно, относясь с опаской, подобно большинству людей, к Единой Силе, особенно когда ее направлял мужчина. В удобный для себя момент этот человек переметнется к другому господину с такой же быстротой, как то случилось при падении леди Чадмар. О чем думает Ранд, посылая этакого напыщенного фата на встречу с Грендаль?

— Иди, — велел Ранд.

Рамшалан сделал несколько неуверенных шагов к вратам.

— Э-э… Милорд Дракон, возможно, мне нужен

какой-нибудь эскорт?

— Незачем пугать или понапрасну волновать живущих там людей, — ответил Ранд, по-прежнему глядя на карту. Через переходные врата продолжал врываться холодный ветер. — Отправляйся, Рамшалан, и поскорее возвращайся. Врата я оставлю открытыми до твоего возвращения. Терпение мое не безгранично, и найдется немало других, кого я мог бы привлечь для выполнения этого поручения.

— Я… — Мужчина, казалось, взвешивает риск. — Конечно, лорд Дракон.

Сделав глубокий вдох, Рамшалан неловко, как домашняя кошка, пробующая лапой воду в луже, ступил через портал. Мин поймала себя на том, что чувствует к нему жалость.

Когда Рамшалан зашагал через лес, у него под ногами захрустела палая хвоя. В ветвях деревьев свистел ветер. Странно было слышать эти звуки, находясь в уютном поместье. Ранд не закрывал переходные врата, все так же рассматривая карту.

— Ладно, Ранд, — спустя несколько минут заговорила Найнив, сложив руки на груди. — Что за игру ты ведешь?

— А как бы ты одолела ее, Найнив? — спросил

Ранд. — Ее не вынудишь выйти на бой со мной, как получилось с Равином или Саммаэлем. Да и в ловушку ее поймать не так-то легко. Грендаль понимает людей лучше, чем кто бы то ни было. Может, она и извращенное существо, но умна и изворотлива, и недооценивать ее нельзя. Помнится, так ошибся Торз Маргин, и вам известно, что с ним сталось.

— Кто? — Мин нахмурилась и посмотрела на Найнив.

Айз Седай пожала плечами.

Ранд взглянул на них:

— Думаю, в истории он известен как Торз Сломленный.

И снова Мин с Найнив покачали головой. Ни одна из них не была особенно сведуща в истории, это верно, но Ранд говорил так, будто они обязаны знать это имя. Его лицо застыло, и он еле заметно покраснел и отвернулся от девушек.

— Вопрос остался все тем же, — произнес он голосом тихим, но напряженным. — Как бы ты, Найнив, с ней сразилась?

— Я не играю в твои игры, Ранд ал'Тор, — с раздражением откликнулась Найнив. — Очевидно, ты уже решил, что будешь делать. Зачем у меня-то спрашивать?

— Затем, что меня должно пугать то, что я намерен сделать, — сказал Ранд. — Но не пугает.

Мин содрогнулась. Ранд кивнул Девам, стоявшим у дверей. Те, двигаясь легко и стремительно, пересекли комнату, выскочили во врата и рассыпались по сосновому лесу, мгновенно исчезнув из виду. Все двадцать, вместе взятые, произвели шума меньше, чем один Рамшалан.

Мин ждала. По другую сторону переходных врат далекое и не видимое за облаками солнце проливало свет дня на тенистый подлесок. Через какое-то время в проеме врат появилась белоголовая Нерилия и кивнула Ранду. Все чисто.

— Идем. — Ранд прошел через переходные врата. Мин последовала за ним, но у самых врат ее успела обогнать — едва не припустившая рысью — Найнив.

Они ступили на ковер из коричневых хвоинок, грязных после долгого сна под пеленой исчезнувших уже зимних снегов. Ветви под ветром толкали друг друга, а горный воздух оказался еще холоднее, чем предвещали порывы ветра, долетавшие до них в гостиную. У Мин мелькнула мысль о плаще, но на то, чтобы вернуться за ним, не было времени. Ранд широким шагом шел напрямик через лес. Найнив догнала его и что-то

тихо говорила.

От Ранда, когда он в таком настроении, Найнив ничего толкового не добьется. Им просто придется увидеть то, что он захочет показать. Мин разглядела в лесу нескольких Айил, но лишь мельком, когда Девы, очевидно, не давали себе труда спрятаться. Они определенно хорошо приспособились к жизни в землях мокроземцев. Откуда люди, выросшие в Пустыне, так хорошо знают, как оставаться незамеченными в лесу?

Деревья впереди расступились. Мин ускорила шаг, чтобы присоединиться к Ранду и Найнив, остановившимся на слегка скошенном гребне холма. Отсюда поверх леса открывался вид на окружающую местность, и сосновый лес простирался под ними, как зелено-коричневое море. Сосны охватывали берега маленького горного озера, пойманного в треугольной низине.

На скальном уступе, высоко над водой, стояла впечатляющая постройка из белого камня. Прямоугольная и высокая, крепость имела вид нескольких башен, стоящих одна на другой, и каждая последующая была чуть тоньше предыдущей. Они придавали дворцу изысканный облик — укрепление, но при этом пышное.

— Как красиво, — затаив дыхание, произнесла

Мин.

— Крепость была построена в другие времена, — заметил Ранд. — Когда люди все еще считали, что величественность сооружения придаст ему прочности.

Как ни далеко находился дворец, Мин вполне могла различить фигуры людей, несущих стражу на зубчатых стенах. Алебарды на плечах, доспехи поблескивают в свете раннего вечера. Ворота миновала припозднившаяся группа охотников — на лошадь был навьючен прекрасный олень, — а артель работников рубила упавшее неподалеку дерево, наверное, на дрова. Две служанки в белых одеждах шли от озера с коромыслами, на концах которых покачивалось по ведру. В окнах по всему зданию мелькали и мерцали огни. В этом населенном множеством людей поместье кипела жизнь, сосредоточенная в стенах одного громадного сооружения.

— Как ты думаешь, Рамшалан не заблудился? — сказала Найнив, скрестив руки на груди. Она безуспешно пыталась скрыть свое удивление и то, какое впечатление произвела представшая их взорам картина.

— Даже такой дурак, как он, не пройдет мимо, — заметил Ранд, глядя на замок прищуренными

глазами.

Статуэтка по-прежнему лежала у него в кармане. Мин бы хотелось, чтобы он эту вещь оставил в поместье. То, как он прикасался к статуэтке, поглаживал и ласкал ее, заставляло Мин нервничать.

— Значит, ты послал Рамшалана на смерть, — сказала Найнив. — И чего ты этим добьешься?

— Она не убьет его.

— Почему ты так уверен?

— Это не в ее стиле, — ответил Ранд. — Ведь она может использовать его против меня.

— Ты же не ждешь, что она поверит байке, которую ты ему рассказал, — вступила в разговор Мин. — Что посылаешь его удостовериться в верности доманийских лордов?

Ранд медленно покачал головой:

— Нет. Я надеюсь, что она поверит, но не рассчитываю на это. Я имел в виду именно то, Мин, что и сказал о ней: она умнее меня. И, боюсь, меня она знает намного лучше, чем я ее. Она подчинит себе Рамшалана и полностью вытянет из него наш разговор. И тогда она найдет способ использовать его против меня.

— Как? — спросила Мин.

— Понятия не имею. И жаль, что этого не знаю.

Она придумает что-то хитроумное, потом заразит Рамшалана очень слабым Принуждением, которое я не смогу ощутить. Мне останется либо держать его поблизости и наблюдать, что он будет делать, либо отослать подальше. Но разумеется, об этом она тоже подумает и, как бы я ни поступил, приведет в действие какие-то иные планы.

— Ты говоришь так, будто не можешь победить, — нахмурилась Найнив.

Казалось, холода она не замечала. Как и Ранд. Что бы это ни был за трюк, позволяющий не замечать ни холода, ни жары, Мин так никак и не удавалось сообразить, в чем он состоит. Они утверждали, что этот фокус никак не связан с Единой Силой, но, коли так, почему только Ранд и Айз Седай могли так делать? Казалось, айильцев тоже не волнует холод, но они — совсем другое дело. На них глянуть, так их вообще никогда не беспокоят заботы обычных людей, но при этом Айил крайне болезненно воспринимали многие совершенно неожиданные пустяки.

— Говоришь, мы не можем победить? — промолвил Ранд. — Разве мы этого добиваемся? Пытаемся победить?

Найнив приподняла бровь.

— Ты больше не отвечаешь на вопросы?

Ранд повернулся и посмотрел на Найнив. Стоя с другой стороны, Мин не видела его лица, но приметила, как побледнела Найнив. Сама виновата. Неужели не чувствует, что Ранд на грани? Может, Мин дрожала не просто из-за холода. Мин придвинулась к Ранду, но тот не обнял ее, как мог бы сделать раньше. Когда он наконец отвернулся от Найнив, та слегка обмякла, будто его взгляд удерживал ее приподнятой на цыпочки.

Какое-то время Ранд молчал, и они ждали в тишине, стоя на гребне горы, пока далекое солнце опускалось к горизонту. Удлинялись тени — пальцы, тянущиеся от солнца. Внизу, у стен крепости, конюхи выгуливали лошадей. Все в большем числе окон загорались огни. Сколько там людей у Грендаль? Десятки, если не сотни.

Мин обернулась — в кустах вдруг раздался треск и шум падения, сопровождаемые ругательствами. Девушка вздрогнула, когда звуки внезапно стихли.

Через считаные мгновения появилась группа Дев, они вели встрепанного Рамшалана, его богатый наряд был облеплен сосновыми иголками и мелкими веточками. Он отряхнулся и шагнул было к Ранду, однако Девы его удержали.

Рамшалан глянул на них, вскинув голову:

— Милорд Дракон?

— Он заражен? — спросил Ранд у Найнив.

— Чем?

— Прикосновением Грендаль.

Найнив подошла к Рамшалану и мгновение изучала его, после чего зашипела и сказала:

— Да. Ранд, он под сильным Принуждением. Здесь множество плетений. Не такой тяжелый случай, как с учеником свечника, или, возможно, проделано просто поизящней.

— Милорд Дракон, что происходит? — заговорил Рамшалан. — Леди в замке внизу была довольно любезна. Она — ваш союзник, милорд. Вам нечего ее опасаться! Очень утонченная леди, должен сказать.

— В самом деле? — тихо промолвил Ранд.

Темнело, за отдаленными горами садилось солнце. В тускнеющем вечернем сумраке светились раскрытые переходные врата у них за спиной. Оттуда лился свет ламп — манящий портал, ведущий в тепло, подальше от этого места, полного теней и холода.

Голос Ранда звучал так жестоко. Хуже, чем Мин когда-либо доводилось слышать.

— Ранд, — произнесла она, касаясь его руки. —

Пойдем обратно.

— Я кое-что должен сделать, — ответил он, не глядя на девушку.

— Подумай еще раз. Хотя бы совета спроси. Можно у Кадсуане или…

— Кадсуане держала меня в сундуке, Мин, — тихо сказал Ранд.

Его лицо скрывали тени, но в его глазах, когда он повернулся к ней, отразился свет, исходящий из открытых врат. Оранжевый и красный. В его тоне звучали нотки ярости. «Зря я напомнила о Кадсуане», — поняла Мин. Имя этой женщины относилось к тому немногому, что все еще могло вызывать в нем какие-то чувства.

— В сундуке, Мин, — прошептал Ранд. — Пусть стенки его и были невидимы, он удерживал меня так же, как и тот, в который меня когда-то засунули. Ее язык причинял больше боли, чем любая розга, которую я ощущал на своей спине. Теперь я это понимаю.

Ранд отстранился от руки Мин.

— В чем смысл всего этого? — требовательным тоном спросила Найнив. — Ты отправил этого человека под Принуждение, зная, что оно с ним сотворит? Я не намерена смотреть, как из-за этого корчится и умирает еще один человек! Что бы

она ни принудила его сделать, я не стану снимать сеть! Если это повлечет твою смерть, то ты сам виноват.

— Милорд? — спросил Рамшалан. Его голос наполнялся ужасом, отчего Мин едва не теряла самообладание.

Солнце село; теперь Ранд был лишь силуэтом. Крепость превратилась в черную громаду, сквозь отверстия в стенах которой пробивался свет ламп и фонарей. Ранд шагнул к краю уступа и вытащил из кармана отпирающий ключ. Тот едва заметно засветился — красным светом, идущим из самой его середины. Найнив резко вдохнула.

— Никого из вас не было рядом, когда Калландор меня подводил, — сказал Ранд в ночь. — Это случилось дважды. Однажды я хотел использовать его, чтобы оживить мертвеца, но получил только куклу. В другой раз я пытался с его помощью уничтожить шончан, но в итоге в рядах моих армий погибло столько же солдат, сколько и у врага. Кадсуане сказала, что причина второй неудачи кроется в изъяне самого Калландора. Видите ли, в одиночку мужчина не в состоянии его контролировать. Он действует, только если этот мужчина находится в сундуке. Калландор — это выверенная приманка, завлекающая на

привязь, и его назначение — заставить меня сдаться добровольно.

Сфера отпирающего ключа вспыхнула еще ярче, будто приобретя кристаллическую структуру. Свечение было алым, ослепительноярким в сердцевине. Как будто кто-то бросил раскаленный докрасна камень в лужу крови.

— Есть другой способ разрешить мои затруднения. — Ранд по-прежнему говорил едва ли не шепотом. — Оба раза, когда Калландор подводил меня, я был неосторожен со своими чувствами. Я позволил настроению управлять мной. Я не могу убивать в гневе, Мин. Я должен держать эту ярость внутри себя. Должен направлять ее так же, как направляю Единую Силу. Каждая смерть должна быть тщательно подготовлена. Преднамеренна.

Мин не могла говорить. Не могла выразить свои страхи, не могла найти слов, чтобы остановить его. Глаза Ранда почему-то тонули во мраке, не отражая льющегося от сферы свечения. Свет этот, казалось, прогонял от Ранда тени, будто он стоял в центре бесшумного взрыва. Мин повернулась к Найнив; глаза Айз Седай были широко распахнуты, рот приоткрыт. Она тоже не могла найти нужных слов.

Мин снова повернулась к Ранду. Когда он был близок к тому, чтобы убить Мин собственной рукой, она его не боялась. Но тогда она знала, что это не Ранд причиняет ей боль, а Семираг.

Но этот Ранд — с рукой в огне и с безразличным сосредоточенным взглядом — ужасал ее.

— Я делал такое прежде, — прошептал Ранд. — Однажды я сказал, что не убивал женщин, но это ложь. Я убил женщину задолго до того, как встретился с Семираг. Ее звали Лиа. Я убил ее в Шадар Логоте. Убил, назвав это милосердием.

Ранд повернулся к крепости-дворцу у озера внизу.

— Прости меня, — произнес он, однако обращался, казалось, не к Мин. — За то, что и это тоже назову милосердием.

Когда перед ним в воздухе сформировалось что-то невозможно-яркое, Мин с криком попятилась. Казалось, сам воздух сворачивается, искажается, стремясь в страхе убежать от Ранда. Пыль взвихрилась вокруг него, а деревья, залитые ослепительно-белым сиянием, застонали. Иголки на соснах шумели, как тысячи насекомых, карабкающихся друг на друга. Мин больше не различала Ранда, она видела лишь пылающий водопад — слепящую, ярчайшую мощь света. Чистейшую,

сосредоточенную силу, от потока которой волоски у нее на руках встали дыбом. В этот момент девушке показалось, что она способна понять, что представляет собой Единая Сила. Она была здесь, перед Мин, воплотившаяся в мужчине по имени Ранд ал'Тор.

А потом, с похожим на вздох звуком, он освободил эту силу. Столб чистейшей белизны вырвался из него и прожег тихое ночное небо, бегущей волной осветив деревья под собой. Стремительно, словно спущенная тетива, слепящий свет ударил в стену далекой крепости. Камни засветились, будто впитав в себя обрушившуюся на них мощь. Вся крепость засияла, превращаясь в оживший свет, в удивительный, небывалый дворец подлинной силы. Это было красиво.

И потом крепость пропала. Выжженная с лица земли — и из Узора, — будто ее никогда не существовало. Целая крепость, сотни футов камня, и все, кто там жил.

Что-то ударило Мин, нечто похожее на воздушную волну. Удар был не физическим, и не он заставил Мин пошатнуться, однако он перевернул все внутри ее. Лес вокруг, все еще залитый свечением, что исходило от ключа доступа в руках Ранда, словно бы корчился и дрожал. Будто

бы сам мир стонал от мучительной боли.

Это чувство отпустило Мин, но она по-прежнему ощущала напряжение. В то мгновение казалось, что сама сущность мира была близка к разлому и разрушению.

— Что ты наделал? — прошептала Найнив.

Ранд не ответил. Теперь, когда чудовищный столб погибельного огня исчез, оставив только свечение отпирающего ключа, Мин вновь удалось разглядеть его лицо. Ранд был в экстазе — с разинутым ртом он воздел ключ перед собой, словно празднуя победу. Или испытывая почтение.

Потом Ранд сжал челюсти и оскалился, а его глаза широко раскрылись, как будто он, прилагая огромные усилия, боролся с давлением извне. Свечение раз мигнуло, а после тотчас же исчезло. Все погрузилось во мрак. Мин заморгала, пытаясь приспособиться к внезапно воцарившейся темноте. Ослепительный образ Ранда, казалось, навсегда остался запечатленным перед ее взором. Действительно ли он сделал то, о чем она подумала? Неужели испепелил целую крепость погибельным огнем?

Все эти люди. Мужчины, вернувшиеся с охоты… женщины, несущие воду… солдаты на стенах…

конюхи у стен…

Их больше нет. Они погибли. Выжжены из Узора. Убиты. Мертвы навеки. От осознания ужаса случившегося Мин покачнулась и, чтобы не упасть, привалилась спиной к дереву.

Столько жизней оборваны в один миг. Умерли. Уничтожены. Рандом.

Там, где стояла Найнив, возник свет, и, обернувшись, Мин увидела Айз Седай, освещенную мягким теплым сиянием, исходящим от шара, что висел у нее над рукой. Ее глаза, казалось, светились собственным огнем.

— Ты совсем спятил, Ранд ал'Тор, — заявила Найнив.

— Я делаю то, что должно быть сделано, — ответил он из теней. Голос звучал вымученно. — Проверь его, Найнив.

— Что?

— Проверь этого болвана! — сказал Ранд. — На нем еще есть Принуждение? Или прикосновение Грендаль исчезло?

— Я ненавижу то, что ты только что сделал, Ранд, — прорычала Айз Седай. — Нет. «Ненависть» — слишком слабое слово. Мне отвратительно то, что ты натворил. Что с тобой стало?

— Проверь его! — прошептал Ранд опасным

голосом. — Прежде чем обвинять меня, давай сперва определим, добился ли я своими прегрешениями чего-то иного, помимо проклятий на свою голову.

Найнив глубоко вздохнула, потом посмотрела на Рамшалана, которого по-прежнему удерживали несколько айильских Дев Копья. Она вытянула руку, прикоснулась ко лбу аристократа и сосредоточилась.

— Исчезло, — сказала Найнив. — Стерто.

— Значит, она мертва, — откликнулся Ранд из мрака.

«О Свет! — подумала Мин, осознав, что тот сделал. — Он использовал Рамшалана не как гонца и не как наживку, а чтобы удостовериться, что Грендаль мертва». Погибельный огонь полностью выжигал человека из Узора, притом так, что его последние действия будто никогда и не были совершены. Рамшалан помнил, что побывал у Грендаль, но ее Принуждения более не существовало. В каком-то смысле она была убита *до того*, как у нее побывал Рамшалан.

Мин потрогала свою шею, с которой до сих пор еще не сошли оставленные рукой Ранда кровоподтеки.

— Я ничего не понимаю. — Голос Рамшалана

походил на писк.

— Как драться с тем, кто умнее тебя самого? — прошептал Ранд. — Ответ прост. Пусть она думает, что ты сидишь за столом напротив нее, готовый играть в ее игру. И вот тогда изо всех сил ударь ее кулаком в лицо. Ты хорошо послужил мне, Рамшалан. Я прощаю тебя за то, что ты похвалялся перед лордами Вивианом и Калсвеллом тем, будто можешь вертеть мной, как тебе угодно.

От потрясения Рамшалан не удержался на ногах, он осел в руках державших его Дев, и те позволили ему упасть на колени.

— Милорд! — воскликнул тот. — В ту ночь я слишком много выпил, и…

— Ш-ш-ш! — оборвал его Ранд. — Как я сказал, ты хорошо послужил мне сегодня. Я не казню тебя. Южнее, в двух днях пути, есть деревня.

Промолвив эти слова, Ранд отвернулся. Для Мин он казался лишь тенью, шелестящей в лесу. Ранд направился к переходным вратам и вошел в них. Мин заторопилась следом, а вместе с нею и Найнив. За ними двинулись Девы, оставив оцепеневшего Рамшалана стоять на коленях в темном лесу. Когда последняя айилка миновала переходные врата, портал закрылся и больше

уже не слышно было хныканья Рамшалана.

— Ранд ал'Тор, то, что ты совершил, — мерзость, — сказала Найнив, едва сомкнулись врата. — В том дворце жили, наверно, десятки людей! Может, и сотни!

— Принуждение Грендаль их всех обратило в идиотов, — ответил ей Ранд. — Грендаль никогда не подпускает кого-то близко к себе, не уничтожив сперва его разум. Мальчик, которого она подослала в тюрьму, испытал лишь долю тех мук, что достаются большинству ее домашних зверушек. Она лишает людей всякой возможности мыслить или действовать — они могут лишь поклоняться ей и обожать ее. Да еще, возможно, исполнять задания по ее приказу. Я выказал им милость.

— Милость? — воскликнула Найнив. — Ранд, ты прибег к погибельному огню! Ты выжег их из существования!

— Как я и сказал, — тихо произнес Ранд, — это милость. Иногда я желаю такого благословения для самого себя. Доброй ночи, Найнив. Выспись получше, так как наше пребывание в Арад Домане близится к концу.

Мин смотрела, как уходит Ранд, и ей хотелось броситься за ним следом, но она переборола себя.

Когда Ранд покинул комнату, Найнив с тяжелым вздохом опустилась на красно-коричневый стул и уронила голову на руки.

Мин и самой хотелось поступить точно так же. До сего момента девушка не осознавала, насколько вымотана. В последнее время даже просто находиться рядом с Рандом было утомительно, это отнимало у нее столько сил даже тогда, когда он не занимался такими ужасными делами, как этой ночью.

— Как же мне хочется, чтобы здесь была Морейн, — тихо пробормотала Найнив и застыла, будто изумленная собственными словами.

— Найнив, мы должны что-то предпринять, — сказала Мин, глядя на Айз Седай.

Та с отсутствующим видом кивнула:

— Наверное.

— То есть как?

— Ну а если он прав? — спросила Найнив. — Он, конечно, дурень шерстеголовый, но что, если он на самом деле должен быть вот таким? Если иначе не победить? Прежний Ранд никогда бы не уничтожил крепость, где полно людей, только ради того, чтобы убить одну Отрекшуюся.

— Конечно нет, — сказала Мин. — Он тогда еще переживал из-за тех смертей! Найнив, все эти

жизни…

— А сколько людей были бы до сих пор живы, если б он с самого начала был так же безжалостен? — глядя в сторону, произнесла Найнив. — Будь он способен отправлять своих последователей в пасть опасности так же, как послал Рамшалана? Если б мог наносить удар, не тревожась о том, кого придется убить? Если бы он послал войска в крепость Грендаль, ее сторонники сопротивлялись бы отчаянно и погибли бы все равно. А она бы сбежала. Может, именно таким Ранд и должен быть. Последняя битва близка, Мин. Последняя битва! Осмелимся ли мы отправить сражаться с Темным человека, который не готов пожертвовать всем, что будет нужно?

Мин покачала головой:

— А осмелимся ли мы послать его в бой таким, каков он есть? С таким взглядом? Найнив, он больше не переживает. Ему безразлично все. Для него важно лишь одно — одолеть Темного, а все остальное не имеет значения.

— Не этого ли мы от него хотим?

— Я… — Мин помолчала. — Победа ничего не даст, если Ранд превратится в нечто столь же ужасное, что и Отрекшиеся… Мы…

— Понимаю, — внезапно сказала Найнив. — Да

испепелит меня Свет, но я понимаю, ты права. Мне просто не нравятся ответы, к которым приводят такие выводы.

— Какие выводы?

Найнив вздохнула:

— Что Кадсуане была права, — произнесла она и добавила еле слышно: — Несносная женщина. — Найнив встала со стула. — Пойдем. Нужно ее найти и узнать, что она планирует.

Мин поднялась, присоединившись к Найнив.

— Ты уверена, что у нее есть план? Ранд был с нею жесток. Может, она осталась с нами для того, чтобы смотреть, как без нее он станет барахтаться и терпеть неудачи.

— Есть у нее план, — сказала Найнив. — Если мы что-то наверняка об этой женщине и знаем, так это то, что она мастерица плести интриги. Остается лишь убедить ее, что мы ей нужны и можем стать частью ее плана.

— А если не получится?

— Еще как получится! — Найнив поглядела на ковер, разрезанный переходными вратами, которые создал Ранд. — Когда мы расскажем ей о сегодняшней ночи, она сразу за нас ухватится. Мне эта женщина не нравится, да и я ей тоже, пожалуй, не нравлюсь, однако ни одна из нас

не справится с Рандом в одиночку. — Найнив пожевала губами. — Боюсь, мы и все вместе с ним не управимся. Идем.

Мин пошла за ней. Справиться с Рандом? И это еще одна проблема. Обе они, что Найнив, что Кадсуане, были так озабочены тем, чтобы с ним справиться, что не могли понять, что, возможно, лучшим решением было бы помочь Ранду. Найнив переживала за Ранда, беспокоилась о нем, но она смотрела на него как на задачу, которую надо решить, а не как на человека, оказавшегося в беде.

Вместе с Айз Седай Мин вышла из особняка. Они миновали погруженный в темноту внутренний дворик, освещая себе дорогу сотворенным Найнив светящимся шаром, и, торопливо обойдя заднюю часть здания, направились мимо конюшни к домику привратника. По дороге им встретилась Аливия; вид у бывшей дамани был расстроенный и разочарованный. Вероятно, Кадсуане и остальные опять ее отослали от себя — Аливия тратила уйму времени, добиваясь от Айз Седай, чтобы те обучили ее новым плетениям.

Наконец девушки добрались до домика привратника. По крайней мере, раньше в этом домике жил привратник — пока Кадсуане не

убедила его съехать отсюда. Это была крытая соломой одноэтажная постройка с деревянными, выкрашенными в желтый цвет стенами. Окна были закрыты ставнями, и в щели между ними пробивался свет.

Найнив подошла к крепкой дубовой двери и постучалась. На стук почти сразу выглянула Мериса.

— Да, дитя мое? — Зеленая сестра будто нарочно старалась досадить Найнив.

— Мне нужно поговорить с Кадсуане, — прорычала Найнив.

— Кадсуане Седай сейчас нечего с тобой обсуждать. — Мериса потянулась закрыть дверь. — Приходи завтра, и, возможно, она захочет с тобой встретиться.

— Ранд ал'Тор только что выжег погибельным огнем целый дворец, полный людей. — Найнив говорила достаточно громко, чтобы ее услышали внутри. — Я была с ним.

Мериса застыла.

Из домика донесся голос Кадсуане:

— Впусти ее.

Мериса неохотно распахнула дверь. Внутри Мин увидела Кадсуане, та сидела на полу на подушках вместе с Эмис, Бэйр, Мелэйн и Сорилеей.

Гостиную, бывшую одновременно и главной комнатой домика, украшал лишь простой коричневый коврик, расстеленный на полу и практически скрытый сидящими на нем женщинами. В дальней стене был сложенный из серого камня камин, где лениво горел огонь и дрова уже почти все прогорели. В углу стоял табурет, на котором уместился чайник.

Найнив, едва удостоив Хранительниц Мудрости взглядом, направилась в глубину комнаты. Мин не столь решительно последовала за ней.

— Расскажи нам об этом событии, дитя мое, — сказала Сорилея. — Мы ощутили тут содрогание мира, но не знали, что его вызвало. Мы предположили, что виной тому Темный.

— Расскажу, — промолвила Найнив, а потом сделала глубокий вдох и добавила: — Но взамен я хочу стать частью ваших планов.

— Посмотрим, — ответила Кадсуане. — Все зависит от того, что с вами было.

Пока Найнив рассказывала о событиях у Натринова Кургана, Мин присела на деревянный табурет у стены. Хранительницы Мудрости слушали, поджав губы. Кадсуане лишь изредка кивала. Мериса, на лице которой читался явный ужас, взяла с табурета чайник и заново

наполнила чашки чаем — судя по запаху, то был черный чай с Тремалкина, — после чего подвесила чайник над огнем. Найнив, по-прежнему стоя, закончила свой рассказ.

«Ох, Ранд, — подумала Мин. — Должно быть, это рвет тебя изнутри на части». Но через узы девушка ощущала, какие он испытывает чувства. Казалось, он оставался совершенно холоден и безучастен.

— Ты поступила разумно, дитя мое, придя с этими известиями к нам, — сказала Сорилея Найнив. — Можешь удалиться.

Глаза Найнив расширились от злости.

— Но…

Ее прервала Кадсуане.

— Сорилея, — спокойным голосом произнесла Айз Седай. — Это дитя может оказаться полезной для наших планов. Она все еще близка к мальчику. Ал'Тор доверяет ей в достаточной мере, чтобы взять с собой этим вечером.

Сорилея посмотрела на остальных Хранительниц Мудрости. Пожилая Бэйр и рыжеволосая Мелэйн кивнули. Вид у Эмис был задумчивый, но возражать она не стала.

— Пожалуй, — промолвила Сорилея. — Но сможет ли она быть послушной?

— Ну? — поинтересовалась Кадсуане у Найнив. Казалось, на Мин никто из присутствующих не обращал внимания. — Сможешь?

Глаза Найнив все еще были расширены от гнева. «О Свет! — подумала Мин. — Найнив? Подчиняться Кадсуане и остальным? Да она сейчас взорвется — мало им не покажется!»

Найнив дернула себя за косу. Костяшки пальцев аж побелели от напряжения.

— Да, Кадсуане Седай, — прорычала она сквозь стиснутые зубы. — Смогу.

Хранительницы Мудрости, казалось, были удивлены, когда услышали от нее эти слова, но Кадсуане снова кивнула, будто ждала именно такого ответа. Кто бы мог подумать, что Найнив окажется столь… э-э… разумной?

— Садись, дитя мое, — сказала Кадсуане, сопроводив приглашение взмахом руки. — Посмотрим, сумеешь ли ты следовать приказам. Наверное, ты окажешься единственной из нынешнего урожая, кто на что-то годится.

Последняя фраза заставила Мерису залиться румянцем.

— Нет, Кадсуане, — сказала Эмис. — Не единственной. У Эгвейн достаточно чести.

Две другие Хранительницы кивнули.

— Каков план? — спросила Найнив.

— Твоя часть в нем…

— Погодите! Моя часть? Я хочу знать все.

— Узнаешь, когда мы будем готовы рассказать тебе, — резким тоном заявила Кадсуане. — И не вынуждай меня сожалеть о своем решении поручиться за тебя.

Найнив заставила себя закрыть рот. Глаза ее пылали, но ярость свою на собеседницах она срывать не стала.

— Твоя задача, — продолжила Кадсуане, — состоит в том, чтобы найти Перрина Айбара.

— Что это даст? — спросила Найнив. потом добавила: — Кадсуане Седай.

— Это уж наше дело. Совсем недавно он двигался на юг, но мы не смогли определить, где именно. Мальчику ал'Тору, возможно, известно, где тот находится. Выясни это, и, возможно, я объясню тебе, в чем тут дело.

Найнив неохотно кивнула, и остальные погрузились в дискуссию о том, сколько погибельного огня способен выдержать Узор, прежде чем полностью распасться. Найнив слушала молча, очевидно пытаясь по каким-то крохам уяснить суть планов Кадсуане, но, кажется, беседа не давала ей для этого особых зацепок.

Мин слушала вполуха. Каков бы ни был план, кому-то нужно приглядеть за Рандом. Сегодняшний поступок разрушал Ранда изнутри, что бы он сам ни утверждал. О том, что Ранд будет делать в Последней битве, беспокоилось множество людей. А у нее задача иная — сделать так, чтобы к этой битве он пришел живым и в здравом уме, с душой, не раздробленной на кусочки.

Как угодно — но сделать.

Глава 38
Вести из Тел'аран'риода

Эгвейн, сама посуди! — заявила Суан, чей облик был чуточку прозрачным из-за кольца-тер'ангриала, с помощью которого она попадала в Тел'аран'риод. — Какой тебе толк гнить в этой камере? Элайда никогда тебя не выпустит. Тем паче после того, что ты, как сама говоришь, наделала на обеде. — Суан покачала головой. — Мать, иногда просто нужно взглянуть правде в глаза. Зачем выбрасывать старую сеть и начинать вязать новую, коли ее можно всего лишь починить?

Эгвейн расположилась на трехногом табурете в углу передней комнаты в мастерской сапожника. Место встречи она выбрала наугад, так, чтобы оно не находилось в пределах Белой Башни. Отрекшимся было известно, что Эгвейн и другие Айз Седай могут ходить по Миру снов.

С Суан Эгвейн могла расслабиться, могла быть сама собой, такой, какая она есть. Обе понимали, что Эгвейн теперь — Амерлин, а Суан — ее подданная, но в то же время их связывало нечто общее. Товарищество, основанное на том, что обе зани-

мали одно положение. Эта связь, как ни странно, превратилась в нечто близкое к дружбе.

В настоящий же момент у Эгвейн просто руки чесались — так ей хотелось придушить свою подругу.

— Мы об этом уже говорили, — твердо заявила она. — Я не могу бежать. Каждый день, который я провожу в узилище — не делая попыток сбежать, — еще один удар по правлению Элайды. Если я исчезну до суда, это сведет на нет все, над чем мы трудились!

— Какой суд, мать! Это будет инсценировка, — сказала Суан. — А если и нет, то наказание будет легким. Из твоего рассказа понятно, что Элайда, когда тебя избивала, не сломала ни одной кости — да что там, она даже кожу не повредила!

Это было правдой. Кровь у Эгвейн пошла, когда она порезалась о разбитое стекло, а не из-за побоев Элайды.

— Даже формальное порицание Совета подрывает ее власть, — заметила Эгвейн. — То, что я сопротивляюсь, отказываюсь вырваться из заключения, что-то да значит. Восседающие сами приходили ко мне! Если я сбегу, то побег воспримут так, будто я уступила Элайде.

— Разве она не объявила тебя приспешницей

Темного? — не преминула указать Суан.

Эгвейн заколебалась. Да, Элайда так поступила. Но доказательств у нее не было.

Законы Башни были запутаны, и непросто было подобрать верные толкования и нужные наказания. Три клятвы должны были не допустить использования Элайдой Единой Силы как оружия, поэтому Элайда должна была осознавать, что своими действиями не нарушает данных ею клятв. Либо она зашла дальше, чем намеревалась, либо видит в Эгвейн приспешницу Темного. Для своей защиты Элайда могла прибегнуть к любому из этих объяснений; во втором случае с нее будет снята бóльшая часть вины, но привести доказательства в подтверждение первой причины легче всего.

— Она может добиться твоего осуждения, — сказала Суан, по-видимому размышляя о том же. — И тебе будет грозить казнь. Что тогда?

— У нее не получится. У Элайды нет ни единого доказательства, что я — приспешница Темного, так что Совет никогда такого не допустит.

— А если ты ошибаешься?

После минутных колебаний Эгвейн промолвила:

— Ну хорошо. Если Совет решит, что меня надо

казнить, я позволю тебе вытащить меня отсюда. Но не раньше, Суан! Не раньше.

Суан фыркнула:

— У тебя может не оказаться такой возможности, мать. Если Элайда их запугает, то провернет все быстро. Ее кара может обрушиться столь же внезапно, как шторм, и застигнет тебя врасплох. Это я знаю наверняка.

— Если так случится, — многозначительно заметила Эгвейн, — моя смерть станет победой. Именно Элайда проиграет, а не я.

— Упрямая, с места не сдвинешь — что твоя причальная тумба, — пробормотала Суан, качая головой.

— На этом, Суан, спор и закончим, — строго сказала Эгвейн.

Суан вздохнула, но ничего не стала говорить. Казалось, она слишком взволнована, и бурлящая в ней энергия не дает ей сидеть, и Суан, не замечая табурета у другой стены комнаты, встала у окна мастерской справа от Эгвейн.

В мастерской явно бывало много народу. Зальчик пересекал крепкий прилавок, шкаф у стены позади него был поделен на множество отделений, размером как раз под пару обуви. В какие-то моменты большая часть ящичков оказывалась

занята прочными рабочими башмаками из кожи или парусины, шнурки свисали наружу, а пряжки отсвечивали в тусклом свете Тел'аран'риода. Всякий раз, как Эгвейн смотрела на полки, картина менялась: какие-то башмаки исчезали, другие появлялись. Должно быть, обувь ненадолго задерживается в нишах, раз оставляет лишь смутные образы в Мире снов.

Передняя часть помещения была уставлена табуретами для клиентов. Обувь у дальней стены разнилась по моделям и пошиву, там же образцы для примерки различных размеров. Клиент заходил в мастерскую, определял нужный себе размер, потом выбирал модель. После этого сапожник — а скорее, его подмастерья — шили ботинки, которые потом забирал покупатель. На больших застекленных окнах белой краской было выведено имя сапожника — Наорман Машинта, а рядом с именем гордо красовалась маленькая цифра «три». Она означала, что мастерской владело третье поколение семьи Машинта. Обычное дело в городах. Вообще-то, какая-то часть Эгвейн до сих пор воспринимала окружающий мир по меркам Двуречья, и она находила странным, что кому-то может прийти в голову бросить родительское дело ради чего-то другого, если только

он не третий или четвертый ребенок в семье.

— Ну а теперь, когда с очевидным покончено, — сказала Эгвейн, — рассказывай, какие новости?

— Ну… — Суан оперлась на подоконник и смотрела в окно на неестественно пустые улицы Тар Валона. — Недавно в лагерь прибыл твой старый знакомый.

— Неужели? — отсутствующим тоном спросила Эгвейн. — И кто же?

— Гавин Траканд.

Эгвейн вздрогнула. Невозможно! Во время смуты Гавин примкнул к партии Элайды. Он бы не перешел на сторону мятежниц. Его захватили в плен? Но Суан выразилась иначе.

На миг Эгвейн ощутила себя взволнованной девчонкой, пойманной в сети произнесенных им шепотом обещаний. Тем не менее Эгвейн ухитрилась сохранить принятый ею образ Амерлин и привести мысли в порядок. Стараясь выглядеть и говорить как обычно, она переспросила:

— Гавин? Как странно. Не думала, что он там появится.

Суан улыбнулась:

— Хорошо получилось. Хотя пауза была слишком долгой, и вопрос прозвучал нарочито равнодушно. Это позволило легко прочитать твои

мысли.

— Да ослепит тебя Свет! — воскликнула Эгвейн. — Опять проверка? Или он и вправду там?

— Вот спасибо! Я верна клятвам, — обиженно ответила Суан.

Эгвейн была одной из немногих, кто знал, что в результате усмирения и последующего Исцеления Суан была свободна от действия Трех обетов. Но как и Эгвейн, она все равно решила всегда говорить правду.

— В любом случае, — промолвила Эгвейн, — по-моему, время испытывать меня уже в прошлом.

— Все, кого ты встретишь, мать, будут испытывать тебя. Ты должна быть всегда готова к неожиданностям. В любой момент кто-то может подсунуть тебе негаданный сюрприз — просто для того, чтобы увидеть, как ты отреагируешь.

— Спасибо, — холодно ответила Эгвейн. — Но мне не так уж нужны напоминания.

— Нет? Звучит так, будто это сказано Элайдой.

— Это нечестно!

— Докажи, — с ехидцей произнесла Суан.

Эгвейн заставила себя успокоиться. Суан права. Лучше принять совет — в особенности хороший совет, — чем брюзжать.

— Конечно, ты права. — Эгвейн разгладила складки на платье и заодно стерла с лица выражение разочарования. — Расскажи мне о прибытии Гавина.

— Мне немногое известно, — призналась Суан. — На самом деле мне стоило упомянуть о нем вчера, но наша встреча была прервана.

Теперь они встречались чаще — каждую ночь с того дня, как Эгвейн оказалась в узилище, — но вчера что-то разбудило Суан раньше, чем разговор закончился. Как она объяснила, в лагере мятежниц проявился пузырь зла, отчего ожившие вдруг палатки принялись душить людей. Три человека погибло, в том числе и одна Айз Седай.

— Так или иначе, — продолжала Суан, — Гавин не особенно много при мне и рассказал. Думаю, он здесь потому, что прослышал, что тебя захватили. Его появление вызвало заметный переполох, но сейчас он обосновался в штабе Брина и регулярно бывает у Айз Седай. Он что-то замышляет. Постоянно беседует то с Романдой, то с Лилейн.

— Это внушает тревогу.

— Ну, они же являются воплощением власти в лагере. Иногда еще часть полномочий способны выцарапать Шириам и прочие. Без тебя дела идут не очень хорошо. Лагерю нужно руководство.

Вообще-то, без него нам никак не обойтись, мы хотим его так, как голодный рыбак — улова. Видно, Айз Седай — приверженцы порядка, и…

Суан оборвала себя. Вероятно, она едва не предприняла новую попытку уговорить Эгвейн согласиться на спасение. Бывшая Амерлин посмотрела на Эгвейн и продолжила:

— В общем, было бы хорошо, мать, если бы ты к нам вернулась. Чем дольше тебя нет, тем сильнее разобщенность. Уже практически видны линии, по которым разделяется лагерь. Романда с одной стороны, Лилейн — с другой. И все уменьшается тот маленький клочок, занятый теми, кто не желает принимать ничью сторону.

— Мы не можем допустить еще одного раскола, — сказала Эгвейн. — Только не среди нас. Нам нужно доказать, что мы сильнее Элайды.

— По крайней мере, у нас разделение не совпадает с границами Айя.

— Фракции и расколы. — Эгвейн поднялась со стула. — Соперничество, распри, ссоры. Мы выше этого, Суан. Передай Совету, что я желаю встретиться с ними. Наверно, через пару дней. Завтра нам с тобой надо будет снова переговорить.

Суан, поколебавшись, кивнула:

— Хорошо.

Эгвейн посмотрела на нее:

— Думаешь, это неблагоразумно?

— Нет. Я беспокоюсь о том, — сказала Суан, — что ты себя просто не жалеешь. Амерлин должна понимать, как следует разумно расходовать силы. Некоторые, будучи на твоем месте, не справлялись не потому, что им не хватало власти или могущества, а потому, что напрягали силы до опасного предела и бросались бежать, когда лучше было идти.

Эгвейн воздержалась от упоминания, что сама Суан в бытность Амерлин по большей части мчалась вперед с головокружительной быстротой. На это могло последовать возражение, что Суан пала именно из-за того, что переоценила собственные силы. Кто способен лучше судить об опасности подобных действий, как не тот, кто был так сильно обожжен из-за них?

— Совет принят, дочь моя, — промолвила Эгвейн. — Но тут и вправду не о чем беспокоиться. Я провожу дни в одиночестве, которое иногда разнообразится побоями. Эти встречи по ночам помогают мне выживать.

Эгвейн вздрогнула, глядя мимо Суан в окно, на грязную безлюдную улицу.

— Тяжело приходится? — тихо спросила Суан.

— Камера такая узкая, что я могу разом коснуться противоположных стен. И в длину она тоже невелика. Когда я ложусь, то вынуждена сгибать ноги, а иначе не поместиться. Стоять я не могу, потому что из-за низких потолков приходится наклоняться. И сидеть мне больно, потому что после избиений меня больше не Исцеляют. Солома старая и колется. Дверь толстая, и через щели в ней света пробивается мало. Я и не знала, что в Башне есть такие камеры. — Эгвейн взглянула на Суан. — Когда я полностью вступлю в права Амерлин, эта камера и все ей подобные будут уничтожены. Двери выломаны, а сами комнаты заложены кирпичом и замурованы.

Суан кивнула:

— Мы об этом позаботимся.

Эгвейн снова отвернулась и со стыдом заметила, что ее платье сменилось на кадин'сор айильской Девы Копья, дополненный копьями и луком за спиной. Сделав глубокий вдох, девушка сменила айильское облачение обратно на платье.

— Никого нельзя держать в таких условиях, — сказала Эгвейн. — Даже…

Она осеклась, и Суан нахмурилась.

— Что случилось? — спросила она.

Эгвейн покачала головой:

— Да вот в голову пришло. Должно быть, вот как это было для Ранда. Нет, хуже. Говорят, его запирали в сундуке, который еще меньше моей камеры. Я хотя бы могу проводить часть вечера, болтая с тобой. У него же никого не было. Даже не было понимания, почему его избивают и значат ли побои вообще что-нибудь.

Хвала Свету, что ей не пришлось выносить это так же долго, как ему. Пока что заключение Эгвейн длилось всего несколько дней.

Суан молчала.

— Кроме того, — промолвила Эгвейн, — у меня есть Тел'аран'риод. Днями мое тело в заключении, но по ночам моя душа свободна. И каждый день, который я продержалась, служит доказательством того, что воля Элайды — это не закон. Она не может меня сломить. Опоры под нею размываются, и поддержка слабеет. Верь мне.

— Очень хорошо, — кивнула Суан и выпрямилась. — Ты действительно Амерлин.

— Само собой, — рассеянно произнесла Эгвейн.

— Нет, Эгвейн. Я сказала это от чистого сердца.

Эгвейн удивленно повернулась к Суан:

— Но ты всегда верила в меня!

Суан приподняла бровь.

— Ну, по крайней мере, — поправилась Эгвейн, — почти с самого начала.

— Я всегда верила, что у тебя есть задатки, — уточнила Суан. — И ты это подтвердила. Хотя бы частично. В достаточной мере. Сколь бы ни бушевал шторм, ты доказала одну вещь. Ты достойна того места, которое занимаешь. О Свет, девочка, да ты можешь в итоге оказаться лучшей Амерлин, какую знал этот мир со времен правления Артура Ястребиное Крыло! — Суан помолчала. — И уверяю тебя, мне не так-то легко это признавать.

Улыбнувшись, Эгвейн взяла Суан за руки. О Свет, Суан от гордости едва не прослезилась!

— Все, что я сделала, так это позволила запереть себя в узилище.

— И ты, Эгвейн, сделала это так, как подобает Амерлин, — сказала Суан. — Однако мне пора возвращаться. Кое-кто не может, как ты, проводить дни в праздности. Нам нужен настоящий сон, иначе мы без сознания свалимся в тазик с водой для умывания. — Она скорчила гримаску, высвобождаясь из рук Эгвейн.

— Так просто скажи ему, чтобы…

— А теперь с меня достаточно, — перебила подругу Суан, погрозив Эгвейн пальцем. Неужели

она успела позабыть, как только что хвалила достоинства Эгвейн как Амерлин? — Я дала слово и лучше превращусь в рыбий потрох, чем нарушу обещание.

Эгвейн моргнула.

— Такого у меня и в мыслях не было, — сказала она и поспешила скрыть улыбку, заметив, как в волосах призрачной фигуры Суан появилась ярко-красная лента. — Тогда на этом и все.

Суан коротко кивнула, потом села, закрыла глаза, и ее образ медленно исчез из Тел'аран'риода.

Эгвейн помедлила, глядя на то место, где только что находилась Суан. Наверное, самое время вернуться к нормальному сну, позволив сознанию отдохнуть. Но возврат к обычному сну означал шаг к мигу пробуждения, а когда она проснется, то обнаружит только душную тьму и тесноту подземного узилища. Девушке захотелось еще чуть-чуть задержаться в Мире снов. Эгвейн подумала о том, чтобы побывать во снах Илэйн и попросить о встрече… но нет. Это займет слишком много времени, даже если Илэйн удастся заставить сработать свой тер'ангриал. В последние дни это у нее получалось нечасто.

Сапожная мастерская исчезла, когда Эгвейн шагнула прочь из Тар Валона.

Она оказалась в лагере мятежных Айз Седай. Пожалуй, глупо было отправляться в это место. Если в Мир снов способны проникать Отрекшиеся или приспешники Темного, то с тем же успехом они могли осматривать этот лагерь в поисках каких-нибудь сведений, — во многом схожим образом Эгвейн в свое время, бывало, заглядывала в кабинет Амерлин в Тел'аран'риоде, пытаясь выяснить планы Элайды. Но Эгвейн нужно было навестить лагерь. Она не задумывалась почему; просто чувствовала, что должна оказаться здесь.

Проходы между палатками представляли собой грязную землю, изрытую колеями, что остались от множества проехавших фургонов. Обычное некогда поле было занято Айз Седай и превращено… во что-то. Отчасти — в место сбора войск, где солдаты Брина встали лагерем, кольцом окружив палатки Айз Седай, отчасти — в городок, хотя ни один город не мог бы похвалиться таким числом оказавшихся в его стенах Айз Седай, послушниц и принятых, а отчасти — в памятный знак, свидетельствующий о слабости Белой Башни.

Эгвейн шагала по главной «улице» лагеря, где сорная трава была вытоптана до дерна, а исхоженная и изъезженная земля превратилась в плотно убитую дорогу. Вдоль нее тянулись

дощатые тротуары, ровные участки за ними заполняли палатки. Людей здесь не было, только порой случалось мелькнуть человеческой фигуре, когда кто-то спящий невзначай выскакивал в Тел'аран'риод. Вон там на миг возникла женщина в зеленом платье. Наверное, спящая Айз Седай, хотя с той же вероятностью можно предположить, что это служанка, увидевшая себя во сне королевой. А вот женщина в белом, со светлыми тонкими волосами, которая для послушницы была слишком стара. Впрочем, возраст больше не играл роли. Книгу послушниц уже давным-давно надо было открыть для всех. Белая Башня слишком слаба и не вправе отказываться даже от самого малого источника силы.

Обе женщины исчезли так же быстро, как и появились. Немногие оставались в Тел'аран'риоде надолго. Для этого требовались либо особый дар и умения, которыми обладала Эгвейн, либо тер'ангриал, подобный кольцу, какое использовала Суан. Был и третий путь. Угодить в живой кошмар. Благодарение Свету, их в окрестностях не было.

Странно было видеть лагерь таким пустым. Эгвейн давно уже перестало нервировать жуткое безлюдье Тел'аран'риода, но этот лагерь поче-

му-то ощущался иначе. У него был такой вид, какой мог бы иметь военный лагерь после того, как все солдаты этой армии погибли на поле боя. Необитаемый — и притом всем своим существованием свидетельствующий о жизнях тех, кто его населял. Эгвейн показалось, что она видит то размежевание, о котором говорила Суан: палатки сбивались в кучки, подобно собранным в букеты цветам.

В отсутствие людей девушка отчетливо видела, как располагаются шатры и палатки, догадывалась о неприятностях, которые это разделение предвещало. Эгвейн могла обвинять Элайду в разладе между Айя в Белой Башне, но теперь и верных Эгвейн Айз Седай постигло разделение на группировки. Что ж, три Айз Седай не могут собраться вместе без того, чтобы две из них тут же не заключили меж собой союз. Полезно, когда женщины готовятся и планируют. Все трудности возникают тогда, когда они начинают смотреть на других женщин не как на соперниц, а как на врагов.

К несчастью, Суан права. Эгвейн больше не могла уповать на мечты о примирении и восстановлении согласия. Что, если Белая Башня не лишит Элайду палантина? Что, если разногласия

между Айя, несмотря на все успехи Эгвейн, не будут улажены? Что тогда? Война?

Был еще один вариант, о котором никто не заговаривал: совсем отказаться от мысли о воссоединении. Основать вторую Белую Башню. Это означало бы примириться с расколом в рядах Айз Седай и, возможно, навсегда. Эгвейн содрогнулась от подобной перспективы, и по коже пробежал зуд, словно в знак протеста против подобной мысли.

Но если у нее нет другого выбора? Эгвейн обязана была принять во внимание последствия, и они ее ужаснули. Как можно убеждать Родню или Хранительниц Мудрости связать себя с Айз Седай, если среди самих Айз Седай нет единства? Две Белые Башни станут противостоящими друг другу силами, и в каком замешательстве будут тогда предводители государств и народов, когда соперничающие Амерлин решат использовать целые страны в собственных целях? И враги, и союзники утратят тот благоговейный трепет, что внушают ныне Айз Седай, и короли, вполне может статься, надумают учреждать под своей короной собственные сообщества для женщин, наделенных даром направлять Силу.

Эгвейн взяла себя в руки. Она шагала по утоп-

танной земляной дороге, палатки вдоль которой то и дело меняли свой вид: входные клапаны были то откинуты, то закрыты, то вновь раскрывались, подчиняясь странной недолговечности Мира снов. Эгвейн почувствовала, как ей на шею и плечи лег палантин Амерлин — слишком тяжелый, словно бы с вплетенными в него свинцовыми грузилами.

Она непременно привлечет на свою сторону Айз Седай из Белой Башни. Падение Элайды неминуемо. А если нет… что ж, тогда Эгвейн предпримет все, что потребуется, ради спасения людей и мира в преддверии Тармон Гай'дон.

Девушка шагнула за пределы лагеря, и палатки, колеи и пустынные проходы исчезли. И снова она не была уверена в том, куда дальше поведет ее подсознание. Путешествовать по Миру снов таким образом — позволяя необходимости направлять себя — могло оказаться опасным, но могло также и пролить свет на многое, помочь что-то понять. На сей раз она искала не какой-то предмет, а знание. Что ей нужно знать, что необходимо увидеть?

Окружающее расплылось, затем мир разом вновь обрел четкость. Эгвейн стояла посреди небольшой лагерной стоянки; перед ней тлел

костер, от которого в небо поднималась слабая струйка дыма. Это было странно. Обычно срок жизни огня слишком мал, чтобы он успел обрести отражение в Тел'аран'риоде. Пламени как такового не было, только дым и оранжевое свечение нагретых речных голышей, окружавших кострище. Эгвейн посмотрела вверх, на слишком темное и мрачное грозовое небо. Эта бесшумная буря была еще одной странностью Мира снов; впрочем, в последнее время она стала уже настолько привычной, что Эгвейн едва ее замечала. Могло ли в этом месте хоть что-нибудь быть обычным?

Вокруг себя девушка с удивлением заметила разноцветные повозки — зеленые и красные, оранжевые и желтые. Были ли они тут мгновением ранее? Эгвейн стояла на большой поляне в призрачном осиновом лесу. Подлесок был густым, очажками пробивались тонкие стебли сорняков. Справа между стволами белых осин виднелись извивы заросшей лесной дороги. Разноцветные фургоны образовывали круг вокруг костра. Борта похожих на коробочки повозок, которые напоминали маленькие домики своими стенами и крышами, были выкрашены в яркие цвета. В Мире снов не бывало отражений волов или иных тягловых животных, но вот тарелки,

чашки и ложки то появлялись, то исчезали поблизости от костра или на козлах фургонов.

Это был лагерь Странствующего народа, Туата'ан. Почему она попала сюда? Эгвейн задумчиво обошла вокруг костра, разглядывая фургоны, краска на которых казалась свежей, без пятен и трещинок. Этот караван был гораздо меньше того, в котором она когда-то побывала с Перрином, но чувства он пробуждал схожие. Ей казалось, что она слышит пение флейт и стук барабанов, она могла представить себе вместо бликов костра тени от танцующих мужчин и женщин. Танцуют ли Туата'ан по-прежнему, даже под этим нагоняющим тоску небом, когда ветра полны дурных вестей? Есть ли место для Лудильщиков в мире, который готовится к войне? Троллокам нет дела до Пути листа. Может, эта группа Туата'ан ищет убежища от Последней битвы?

Эгвейн присела на ступеньки сбоку фургона, который передом был повернут к костру, и на миг позволила своему наряду превратиться в простое двуреченское платье из зеленой шерсти, подобное тому, которое она носила, когда впервые побывала у Странствующего народа. Уставившись в несуществующие языки пламени, она вспоминала и размышляла. Что стало с Айра-

мом, Райном и Илой? Наверное, живы и здоровы, сидят у костра где-нибудь в лагере, похожем на этот, и ждут того, что сотворит с миром Тармон Гай'дон. При воспоминаниях о былых днях, когда она флиртовала и танцевала с Айрамом под сердитым, полным неодобрения взглядом Перрина, Эгвейн улыбнулась. Какое было простое время, хотя Лудильщики, по-видимому, всегда жили просто и умели не усложнять себе жизнь.

Да, этот караван будет танцевать. Туата'ан будут танцевать до того самого дня, когда Узор сгорит дотла — и им не важно, найдут или нет они свою песню, не важно, опустошат или нет мир троллоки или же его уничтожит Дракон Возрожденный.

Неужели она потеряла способность видеть то, что для нее наиболее дорого и ценно? Почему Эгвейн столь яростно и решительно борется за Белую Башню? Ради власти? Из гордыни? Или потому, что чувствует, что так и в самом деле будет лучше всего для мира?

Собирается ли она выжать себя досуха в этой битве? Она остановила — или, вернее, остановила бы — свой выбор на Зеленой Айя, а не на Голубой. Отличие для нее состояло не только в том, что ей импонировало в Зеленых — как они

смелы и решительны, как они сражаются; она считала, что Голубые излишне сосредоточенны. У них перед глазами — только одна цель, а жизнь — штука куда более сложная и многогранная. Жизнь — для того, чтобы жить. Мечтать, смеяться и танцевать.

Гавин — в лагере Айз Седай. Эгвейн утверждала, что выбрала бы Зеленую Айя за их воинственность и решительность — это же Боевая Айя. Но втайне, будучи откровенна сама с собой, она признавала, что еще одной причиной для такого ее решения был Гавин. У Зеленых сестер считалось вполне обычным делом выходить замуж за своего Стража. Эгвейн непременно сделает Гавина своим Стражем. И своим мужем.

Она любила его. Она бы связала его узами. Верно, эти желания ее сердца не столь важны, чем судьбы мира, но тем не менее они все же важны.

Девушка встала со ступенек, и ее платье снова превратилось в бело-серебристое одеяние Амерлин. Она сделала шаг вперед, позволив миру вокруг перемениться в один миг.

Эгвейн стояла перед Белой Башней. Подняв голову, девушка провела взглядом по всей высоте изящного — но вместе с тем величественного — шпиля. Хотя небо представляло собой черное

месиво, что-то отбрасывало от Башни тень, которая падала точнехонько на Эгвейн. Это какое-то видение? Громадина Башни нависала над девушкой, которая ощущала ее вес, будто бы сама держала Башню, обхватив руками стены, не давая им растрескаться и обвалиться.

Она долго стояла там, под бурлящими небесами, в тени, которую отбрасывала на Эгвейн колонна идеальной формы. Она стояла и смотрела на самую верхушку шпиля, решая, не пришла ли пора просто дать Башне упасть самой.

«Нет, — подумала Эгвейн. — Пока еще рано. Еще несколько дней».

Девушка закрыла глаза и снова открыла их уже в темноте. Тело внезапно наполнилось болью: на спине ремнем содрана кожа, руки и ноги сведены судорогой оттого, что в тесной камере их невозможно было распрямить. Пахло прелой соломой и плесенью, и Эгвейн знала, что, если бы ее обоняние к этому уже не привыкло, то она ощущала бы и запах собственного немытого тела. Девушка подавила стон — снаружи были женщины, охранявшие ее и удерживавшие отсекающий ее от Источника щит. Она не позволит им услышать от нее ни ропота, ни недовольства — пусть даже в виде обычного стона.

Эгвейн села. На ней было то же платье послушницы, в каком она прислуживала на обеде Элайды. Рукава платья одубели от засохшей крови, и, когда Эгвейн двигалась, эта корка трескалась и больно терлась о кожу. Ее мучила жажда — узнице никогда не давали в достатке воды. Но девушка не жаловалась. Никаких криков, плача или мольбы. Невзирая на боль, Эгвейн заставила себя выпрямить спину, улыбнувшись тем ощущениям, которые вызвало это движение. Скрестив ноги, она отклонилась назад и размяла мышцы на обеих руках. Затем встала и выгнулась, разминая мускулы спины и плеч. Под конец Эгвейн легла на спину и, сжавшись от боли в мышцах, подняла ноги вверх. Она должна сохранять гибкость. Боль — ничто. Ничто по сравнению с опасностью, которой подвергается Белая Башня.

Эгвейн уселась снова, скрестив ноги, и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, повторяя себе, что сама хотела, чтобы ее заперли в этой камере. Она могла бы сбежать, если бы захотела, но останется здесь. Тем самым она подрывает власть Элайды. Тем самым она показывает, что не все покорно склонятся и молча примут падение Белой Башни. У пребывания в камере есть своя цель.

Слова, которые про себя повторяла Эгвейн, помогали отгонять страх, зарождавшийся у нее в душе, когда она осознавала, что в узилище ей предстоит провести еще один день. Что бы она делала без ночных снов, помогающих оставаться в здравом рассудке? И снова Эгвейн подумала о бедном Ранде, которого запирали в сундуке. Теперь у них было что-то общее. Нечто помимо проведенных вместе в Двуречье детских лет. Они оба страдали по воле Элайды. И ни одного из них это не сломило.

Делать ей было нечего, кроме как ждать. Около полудня двери откроют и ее вытащат из камеры, чтобы избить. И наказывать ее будет не Сильвиана. Право выпороть Эгвейн рассматривалось как награда — своеобразное возмещение Красным сестрам за то, что они обязаны день напролет сидеть в подземелье и охранять пленницу.

После ежедневного избиения Эгвейн бросят обратно в темницу и дадут миску безвкусной каши. День за днем, все одно и то же. Но она не сломается, особенно когда у нее есть возможность проводить ночи в Тел'аран'риоде. На самом деле, в каком-то смысле это и было ее днями — свободными и деятельными, — а сейчас настала одна из ночей, проходящих в бездействии и тьме. Так

говорила себе Эгвейн.

Утренние часы шли, и в конце концов в древнем замке звякнул железный ключ. Открылась дверь, и в проеме показались две стройные Красные сестры. Глаза Эгвейн, непривычные к свету, не различили лиц, а видели только силуэты. Несмотря на то что девушка никогда не оказывала сопротивления, Красные грубо схватили ее за руки, выволокли наружу и бросили наземь. Эгвейн услышала тихий шлепок, когда одна из сестер в предвкушении экзекуции ударила себя ремнем по ладони. Девушка приготовилась к очередной порке. Они услышат, как она смеется, так же как и каждый день до этого.

— Постойте, — раздался чей-то голос.

Руки, прижимавшие Эгвейн к полу, чуть ослабили нажим. Эгвейн, щека которой оказалась прижата к холодным плиткам пола, нахмурилась. Голос принадлежал… Кэтрин.

Сестры, державшие Эгвейн, медленно ослабили свою хватку и подняли узницу на ноги. Моргая от яркого света ламп, Эгвейн разглядела Кэтрин — та, скрестив руки на груди, стояла в коридоре неподалеку.

— Ее нужно отпустить. — Голос Красной звучал до странности самодовольно.

— Что? — спросила одна из охранявших Эгвейн Красных сестер. Глаза узницы наконец-то привыкли к свету, и она увидела, что это была долговязая Барасин.

— Амерлин поняла, что карает не того человека, — сказала Кэтрин. — Вина лежит не столько на этой… никчемной послушнице, но на том, кто за ней стоит и ею манипулирует.

Эгвейн уставилась на Кэтрин. А потом все стало на свои места.

— Сильвиана, — произнесла она.

— Именно, — подтвердила Кэтрин. — Если послушницы отбиваются от рук, разве не должна вина за их поведение пасть на ту, кто их обучает?

Выходит, Элайда все-таки осознала: ей не доказать, что Эгвейн является приспешницей Темного. Переключить внимание на Сильвиану — ход остроумный: если Элайда понесет наказание за применение Силы при избиении Эгвейн, а Сильвиана будет куда суровее наказана за то, что Эгвейн вышла из повиновения, тогда еще можно будет спасти репутацию Амерлин.

— Полагаю, Амерлин приняла мудрое решение, — продолжала Кэтрин. — Эгвейн, ты теперь… получаешь указания только от наставницы по-

слушниц.

— Но ты же сказала, что Сильвиана не справилась. — Эгвейн была сбита с толку.

— Не от Сильвианы. — Самодовольство Кэтрин, казалось, стало еще больше. — От новой наставницы послушниц.

Эгвейн встретилась взглядом с Красной сестрой.

— Ага, понятно, — промолвила девушка. — И ты считаешь, что преуспеешь там, где не справилась Сильвиана?

— Вот увидишь. — Кэтрин отвернулась и пошла обратно по выложенному плиткой коридору. — Отведите девчонку в ее комнату.

Эгвейн покачала головой. Элайда оказалась сообразительней, чем Эгвейн предполагала. Она поняла, что содержание в темнице не дает результата, и нашла для наказания другого козла отпущения. Но сместить Сильвиану с поста наставницы послушниц? Это удар по всему моральному состоянию самой Белой Башни, ибо многие сестры считали Сильвиану образцовой наставницей послушниц.

Красные сестры без всякого желания повели Эгвейн к помещениям, отведенным для послушниц, которые теперь располагались на двадцать

втором уровне. Кажется, они раздосадованы тем, что упустили возможность избить Эгвейн.

Она же не обращала на них внимания. После столь долгого заточения казалось чудом даже просто идти. Это была еще не свобода — какая свобода под конвоем двух охранниц, — но дышалось так вольно! И чувствовала она себя именно как на свободе! О Свет! Эгвейн даже не предполагала, сколько еще дней сумела бы продержаться в той промозглой дыре!

Но она выиграла. Осознание победы только начало приходить к Эгвейн. Она выиграла! Выстояла против худшего наказания, какое смогла придумать Элайда, и вышла победительницей! Амерлин будет наказана Советом Башни, и Эгвейн станет свободна.

Казалось, каждый знакомый коридор сияет праздничным светом, а каждый ее шаг — это победоносный марш тысячного полка на поле боя. Она победила! Война еще не окончена, но эту битву выиграла Эгвейн. Девушка и ее сопровождающие поднялись еще по нескольким лестницам и оказались в более населенной части Башни. Вскоре на пути им встретилась группа послушниц. Увидев Эгвейн, они зашептались, а потом прыснули в разные стороны.

Спустя несколько минут троице начало попадаться в коридорах все больше и больше людей. Сестры всех Айя имели вид чрезвычайно занятой, и, несмотря на это, они замедляли шаг при виде проходящей мимо Эгвейн. Принятые, в своих обычных украшенных цветными полосами платьях, были куда менее сдержанны. Они стояли на поворотах и пересечениях коридоров и во все глаза таращились на Эгвейн, которую вели мимо. Во всех взглядах читалось изумление. Почему она на свободе? Все выглядели напряженными. Случилось нечто такое, о чем Эгвейн не знает?

— Ах, Эгвейн! — раздался чей-то голос из перехода, выходящего в основной коридор. — Ты уже на свободе, вот и отлично. Я хочу с тобой поговорить.

Удивленно обернувшись, Эгвейн увидела Саэрин, восседающую от Коричневой Айя, известную своей целеустремленностью. Из-за шрама на щеке Саэрин всегда казалась более… устрашающей, чем большинство прочих Айз Седай. Это впечатление усугубляли белые пряди волос, свидетельствующие о немалом ее возрасте. Немногие из Коричневых сестер заслуживали эпитета «грозная», но Саэрин, несомненно, относилась к их числу.

— Мы ведем Эгвейн в ее комнату, — сказала Барасин.

— Значит, я поговорю с ней по дороге, — холодно ответила Саэрин.

— Ей нельзя…

— Красная, ты противоречишь мне? Восседающей?

Барасин залилась краской и промолвила:

— Амерлин это не понравится.

— Так беги к ней и жалуйся, — заявила Саэрин. — А я тем временем успею обсудить с юной ал'Вир кое-что важное. — Она окинула Красных сестер строгим взором. — Вы не против отойти подальше?

Две Красные сестры решили было смутить Коричневую восседающую взглядами, но потерпели неудачу и попятились. Эгвейн с интересом наблюдала за происходящим. Казалось, что власть и репутация Амерлин — а вообще-то, и всей ее Айя — стали как-то не столь неколебимы. Саэрин повернулась к Эгвейн и сделала приглашающий жест. Они двинулись по коридору дальше, две Красные сестры следовали позади них.

— Ты рискуешь — могут увидеть, как ты со мной вот так разговариваешь, — сказала Эгвейн.

Саэрин фыркнула:

— В наше время рискуешь, выходя из своих покоев. Я по горло сыта происходящим, и мне недосуг беспокоиться об изяществе манер. — Саэрин помолчала, потом глянула на Эгвейн. — Кроме того, быть увиденной рядом с тобой — стоит риска. В наши дни. Мне хотелось кое-что прояснить.

— Что? — заинтригованно спросила Эгвейн.

— Ну, на самом деле мне хотелось посмотреть, удастся ли ими помыкать. Основная часть Красных отнюдь не обрадовалась твоему освобождению. Они рассматривают этот шаг как серьезную неудачу Элайды.

Эгвейн кивнула:

— Ей нужно было убить меня. Причем давно.

— Это сочли бы провалом.

— Бóльшим, чем вынужденное смещение Сильвианы? — спросила Эгвейн. — Или внезапное, через неделю после событий, решение, что за случившееся следует винить наставницу послушниц?

— Так вот что они тебе рассказали, — улыбнувшись и глядя вперед, ответила Саэрин, пока они обе шагали по коридору. — Что Элайда «внезапно» пришла к такому решению. Сама.

Эгвейн приподняла бровь.

— Сильвиана потребовала слова перед полным

составом Совета Башни, — объяснила Саэрин. — Она встала перед всеми нами, перед самой Элайдой и заявила, что подобное обращение с тобой незаконно. Каковым оно, вероятно, и было. Даже если ты не Айз Седай, то недопустимо содержать тебя в таких ужасных условиях. — Саэрин покосилась на Эгвейн. — Сильвиана потребовала освободить тебя. Сдается мне, она очень тебя уважает. Сильвиана с гордостью говорила о том, как ты принимаешь наказания, как будто ты — школяр, который хорошо выучил урок. Она обвинила Элайду, призвав сместить ее с поста Амерлин. Это было… весьма необычно.

— О Свет, — тихо промолвила Эгвейн. — Что Элайда с ней сделала?

— Приказала надеть платье послушницы, — ответила Саэрин. — Что вызвало озабоченность в самом Совете. — Саэрин помолчала. — Разумеется, Сильвиана отказалась подчиниться. Элайда заявила, что ее следует усмирить и казнить. Совет не знает, *что* делать.

Эгвейн ощутила укол страха:

— О Свет! Нельзя, чтобы ее наказывали! Мы обязаны этого не допустить.

— Не допустить? — переспросила Саэрин. — Дитя мое, Красная Айя гибнет! Красные сестры

ополчаются друг против друга — все равно что волки нападают на свою же стаю. Если позволить Элайде убить сестру из ее же собственной Айя, то всякая поддержка, какая бы у нее ни была, испарится. Не удивлюсь, если обнаружится, когда уляжется пыль, что Красная Айя настолько пострадала, что можно будет ее просто распустить и забыть о ней.

— Я не хочу их распускать, — сказала Эгвейн. — Саэрин, вот в чем один из изъянов того, как мыслит и рассуждает Элайда! Чтобы встретить то, что грядет, Белой Башне необходимы все Айя, даже Красная. Вне всяких сомнений, мы не можем позволить себе потерять такую женщину, как Сильвиана, просто из принципа. Собери в поддержку всех, кого сможешь. Нужно остановить это безумие, и действовать нам придется быстро.

Саэрин заморгала:

— Ты в самом деле считаешь, что стоишь во главе Башни, дитя мое?

Эгвейн встретилась с ней взглядом:

— Ты хочешь встать во главе?

— О Свет, нет!

— Тогда не стой у меня на пути и займись делом! Элайду надо сместить, но нам нельзя допустить,

чтобы вместе с ее падением рухнула и вся Башня. Отправляйся в Совет и посмотри, что ты можешь сделать, чтобы остановить это!

Перед тем как исчезнуть в боковом коридоре, Саэрин, не скрывая уважения, кивнула девушке. Эгвейн оглянулась на двух своих Красных сопровождающих:

— Вы многое слышали из нашего разговора?

Те переглянулись. Конечно, они прислушивались.

— Наверняка вам хочется пойти и самим обдумать, что произошло, — сказала им Эгвейн. — Почему вы так не поступили?

Красные сестры бросили на нее по раздраженному взгляду.

— Щит, — пояснила Барасин. — Нам даны инструкции: для поддержания щита рядом с тобой должны находиться по меньшей мере две сестры.

— Ох, во имя… — Эгвейн сделала глубокий вдох. — Если я поклянусь не обнимать Источник, пока не окажусь под присмотром другой Красной сестры, этого вам будет достаточно?

Красные сестры с подозрением посмотрели на нее.

— Так я и думала, — сказала Эгвейн, повора-

чиваясь к группе послушниц, которые возились в боковом коридоре, делая вид, будто моют покрывающие стены плитки, а в действительности глазели на Эгвейн.

— Ты, — Эгвейн указала на одну из них, — Марсиаль?

— Да, матушка, — пискнула девочка.

— Сбегай принеси немного настоя корня вилочника. У Кэтрин в кабинете наставницы послушниц он должен быть. Это недалеко. Скажи, что настой попросила для меня Барасин. Принесешь в мою комнату.

Послушница убежала выполнять приказание.

— Я приму настой корня, после чего хотя бы одна из вас сможет уйти, — сказала Эгвейн. — Вашей Айя грозит распад. Понадобятся все ясные головы, которые у вас есть. Возможно, вам удастся убедить сестер из своей Айя, что неразумно позволять Элайде казнить Сильвиану.

Красные сестры неуверенно переглянулись, после чего длинная и тощая сестра, имени которой Эгвейн не знала, тихо выругалась и поспешила прочь, шелестя юбками. Барасин окликнула ее, но женщина не вернулась.

Барасин посмотрела на Эгвейн, что-то пробурчала себе под нос, но осталась на месте.

— Мы дождемся этого корня, — сказала она, сверля Эгвейн взглядом. — Ступай в свою комнатку.

— Чудесно. Но каждая минута промедления может дорого вам обойтись.

Поднявшись по лестницам к новым помещениям для послушниц, которые были устроены неподалеку от остатков сектора Коричневой Айя, они вскоре остановились у двери в комнату Эгвейн и стали дожидаться, когда принесут настой из корня вилочника. Пока Барасин с Эгвейн стояли в коридоре, вокруг начали собираться послушницы. Было видно, как по коридорам вдалеке спешным шагом проходят сестры и их Стражи. Остается надеяться, что Совет сумеет что-то предпринять, чтобы обуздать Элайду. Коли та и в самом деле дошла до того, что готова казнить сестер за простое несогласие с ней…

Вскоре появилась и посланная с поручением послушница — она примчалась с широко распахнутыми глазами, держа в руках чашку и маленький пакетик с травами. Барасин изучила содержимое пакетика и, видимо, пришла к удовлетворительному для себя выводу, поскольку высыпала травы в чашку и протянула ее Эгвейн. Вздохнув, та приняла чашку с теплым настоем

и осушила ее. Доза оказалась достаточно большой, чтобы девушка не смогла направить даже капельку Силы, но, как надеялась Эгвейн, все же не настолько, чтобы она потеряла сознание.

Барасин развернулась и поспешила прочь, оставив Эгвейн одну в коридоре. И не просто одну, а одну и имеющую возможность делать то, что она сама сочтет нужным. Немного таких возможностей ей выпадало.

Что ж, надо подумать, что можно предпринять в сложившейся ситуации. Но сначала, решила Эгвейн, нужно сменить это грязное и выпачканное засохшей кровью платье, да и самой не помешало бы помыться. Девушка открыла дверь в свою комнату.

И обнаружила, что там кто-то сидит.

— Здравствуй, Эгвейн, — сказала Верин, сделав глоток чаю из чашки, над которой поднимался пар. — Надо же. Я уже начала подумывать, что мне придется самой вломиться в камеру, чтобы с тобой поговорить.

Эгвейн стряхнула удивление. Верин? Когда она вернулась в Белую Башню? Сколько прошло времени с тех пор, как Эгвейн ее видела?

— Не самое удачное время, Верин, — заметила Эгвейн, торопливо открывая сундучок, где

хранилось ее запасное платье. — У меня дел невпроворот.

— Мм, да, — заметила Верин, спокойно отпив еще чаю. — Думаю, что именно так. Кстати, твое платье зеленого цвета.

Услышав этакую бессмыслицу, Эгвейн нахмурилась, опустила взгляд на свое платье. Разумеется, ее платье не было зеленым. О чем таком говорит Верин? Она что, сошла…

Эгвейн замерла, глядя на Верин.

Сказанное ею было ложью. «Верин могла лгать».

— Да, так я и подумала, что это привлечет твое внимание, — улыбнулась Верин. — Лучше тебе сесть. Обсудить нам нужно многое, а времени в обрез.

Глава 39
Визит Верин Седай

Ты никогда не держала Клятвенного жезла, — бросила ей обвинение Эгвейн, так и стоя возле шкафчика.

Верин продолжала сидеть на кровати, потягивая чай. На дородной Айз Седай было простое коричневое платье с подобающим почтенной женщине вырезом на груди и опоясанное на талии толстым кожаным поясом. Судя по покрою юбок-штанов, наряд предназначался для верховой езды, а видневшиеся из-под подола грязные башмаки говорили о том, что Коричневая сестра только что возвратилась в Белую Башню.

— Не говори глупостей. — Верин смахнула со лба прядь волос, выбившуюся из зачесанного на затылок пучка; в каштановых от природы волосах явственно была заметна седина. — Дитя мое, я держала Клятвенный жезл и давала на нем обеты еще до рождения твоей бабушки.

— Значит, ты сняла с себя клятвы, — сказала Эгвейн.

Такое было возможно с помощью все того же

Клятвенного жезла — ведь Юкири, Саэрин и прочие избавились от своих клятв и дали их заново.

— Ну да, — с материнскими нотами в голосе произнесла Верин.

— Я тебе не верю, — выпалила Эгвейн. — И вряд ли когда-нибудь вообще доверяла.

— Весьма разумно, — заметила Верин, все так же потягивая чай. Этот аромат Эгвейн не узнавала. — Как-никак я из Черной Айя.

Эгвейн внезапно ощутила холод — словно бы ледяной шип вонзился ей в спину и вышел из груди. Черная Айя. Верин — Черная сестра! О Свет!

Эгвейн немедленно потянулась к Единой Силе. Но естественно, настой корня вилочника сделал это усилие тщетным. И ведь Эгвейн сама предложила дать ей этот настой! О Свет, что на нее нашло-то? Неужели она совсем рассудка лишилась? Она была так уверена и самонадеянна, упиваясь своей победой, что не предвидела, что случится, наткнись она на Черную сестру. Но кто бы мог предвидеть столкновение с Черной сестрой? Вдобавок обнаружить ее сидящей на твоей собственной кровати — вон она, пьет чай и смотрит на тебя глазами, которые, казалось, повидали и знают слишком многое. Разве есть лучший способ замаскироваться, чем прикинуться скром-

ной, ни на что не претендующей Коричневой, которую прочие сестры практически не замечают и не берут в расчет из-за того, что она всецело поглощена своими учеными изысканиями?

— Мм, да, но чай и впрямь весьма хорош, — промолвила Верин. — Когда снова увидишь Ларас, передай ей от меня благодарность за чай. Она говорила, что у нее есть немного чая, который не испортился, а я ей не поверила. Да-а, в эти дни мало кому стоит верить.

— А что, Ларас — приспешница Темного? — будто невзначай поинтересовалась Эгвейн.

— О небеса, нет, — отмахнулась Верин. — Ларас — много кто, но точно не друг Темного. Скорее белоплащник женится на Айз Седай, чем Ларас станет давать клятвы Великому повелителю. Необычайная женщина. И неплохо разбирается в сортах чая.

— Что ты намерена со мной сделать? — Эгвейн принудила себя говорить спокойно. Если бы Верин хотела ее убить, то дело было бы уже сделано. Очевидно, что Верин хочет как-то использовать Эгвейн, а это дает Эгвейн шанс. Шанс убежать, шанс изменить ситуацию. О Свет, как же не вовремя!

— Ну, — протянула Верин, — для начала я по-

прошу тебя сесть. Я предложила бы тебе чая, но искренне сомневаюсь, что тебе захочется того чая, который я пью.

«Думай, Эгвейн!» — сказала себе девушка. Звать на помощь бессмысленно — ее услышат только послушницы, поскольку обе Красные надсмотрщицы умчались прочь. Что называется, сбылось наконец-то ее желание оказаться одной! Никогда Эгвейн не предполагала, что когда-нибудь захочет, чтобы ее тюремщицы находились рядом.

Как бы то ни было, если она закричит, то Верин, несомненно, свяжет ее и заткнет рот плетениями Воздуха. А если кто из послушниц что-то и услышит, они прибегут узнать, что случилось, и тем самым тоже угодят в когти Верин. Так что Эгвейн подошла к единственному в комнате табурету и села, ощущая, как зад возопил об отсутствии мягкой обивки на жестком дереве сиденья.

В маленькой комнатке было тихо и спокойно, прохладно и чисто, так как тут никто и не жил четыре дня. Эгвейн отчаянно пыталась отыскать какой-нибудь вариант бегства.

— Должна выразить свое восхищение тем, что ты здесь проделала, Эгвейн. — произнесла Верин. — Я и сама немного заразилась той глупостью, что царит в отношениях между Айз Седай.

Впрочем, я решила не вмешиваться лично. Было важнее продолжить исследования и присмотреть за молодым ал'Тором. Он горяч, смею сказать. Беспокоюсь я за парнишку. Не уверена, что он понимает, как действует Великий повелитель. Не все зло столь… очевидно, как Избранные. Отрекшиеся, как вы их называете.

— Очевидно? — не поняла Эгвейн. — Отрекшиеся?

— Ну, прибегнем к сравнению. — Верин улыбнулась и, грея ладони, обхватила ими чашку с чаем. — Избранные похожи на стайку ссорящихся детей, когда каждый пытается крикнуть погромче и привлечь внимание отца. Определить, чего хотят они, очень просто: власти над другими детьми, доказательства, что они являются самыми значимыми. Убеждена, что не ум, не хитрость и не какие-то умения делают их Избранными — хотя, разумеется, эти важные аспекты нельзя сбрасывать со счетов. Нет, я уверена, что в своих величайших лидерах Великий повелитель ищет себялюбие.

Эгвейн нахмурилась. Они что, действительно вот так сидят и спокойно болтают об Отрекшихся?

— Почему он выбирает именно это качество?

— Это делает их предсказуемыми. Инструмент, на который ты можешь рассчитывать и который действует так, как от него ожидаешь, гораздо ценнее того, действие которого ты не понимаешь. Или же, возможно, когда они борются между собой, то выживают только сильнейшие. Честно говоря, я не знаю. Избранные предсказуемы, а вот Великий повелитель — совершенно наоборот. Даже спустя десятки лет, потраченных на изучение этого вопроса, я не могу быть точно уверена, чего он хочет или почему этого хочет. Знаю только, что эта битва будет вестись совсем не так, как предполагает ал'Тор.

— А какое отношение все это имеет ко мне? — спросила Эгвейн.

— Не слишком большое, — отметила Верин, досадливо прищелкнув языком. — Боюсь, я позволила себе отвлечься на не слишком важное. А времени так мало. Мне действительно нужно быть внимательнее.

Она выглядела все такой же: приятная, погруженная в ученость Коричневая сестра. Эгвейн почему-то ожидала, что Черные сестры окажутся… другими.

— Как бы то ни было, — продолжила Верин, — мы говорили о твоих свершениях здесь, в Башне.

Я боялась, что, придя, обнаружу, что ты до сих пор ковыряешься со своими приятельницами по ту сторону городских стен. Вообрази мое удивление, когда я узнала, что ты не только проникла в оплот Элайды, но и обратила против нее, по-видимому, половину Совета. Могу тебе сказать, это определенно разозлило некоторых из моих сообщников. Им это совершенно не понравилось.

Верин покачала головой и сделала еще глоток чая.

— Верин, я… — Эгвейн запнулась. — Что…

— Боюсь, нет времени, — перебила ее Верин и подалась вперед. Вдруг что-то в ней как будто изменилось. И хотя она по-прежнему оставалась пожилой — иногда чем-то похожей на добродушную матушку, — выражение ее лица приобретало все большую решительность.

Верин встретилась взглядом с Эгвейн, и целеустремленность в ее взоре поразила Эгвейн. Неужели это была та же самая женщина?

— Спасибо, что потакаешь женским слабостям. — Голос Верин стал совсем тихим. — Так приятно немножко поболтать за чаем, хотя бы еще разок. Но теперь перейдем к вещам, о которых тебе следует знать. Сколько-то лет назад я была поставлена перед выбором. Ситуация сло-

жилась так, что я могла либо принести клятвы Темному, либо признаться, что на самом деле никогда не хотела — и даже не намеревалась — этого делать, причем после такого признания меня незамедлительно бы казнили. Возможно, кто-то другой сумел бы как-то выкрутиться. Многие просто предпочли бы смерть. Я же увидела в случившемся возможность. Видишь ли, редко кому-то предоставляется подобный шанс — изучить чудовище изнутри, увидеть его сердце, понять, что гонит кровь по жилам. Обнаружить, куда ведет каждый крошечный сосудик. Весьма необычный опыт исследования.

— Погоди, — прервала ее Эгвейн. — Ты вступила в Черную Айя ради того, чтобы изучать ее?

— Я вступила в нее ради того, чтобы сохранить свою шкуру целой, — улыбнулась Верин. — Она мне весьма нравится, хотя Томас и ворчал насчет седых волос. В любом случае, после того как я к ним присоединилась, лучшее, что я могла сделать в данной ситуации, — это изучать их.

— Томас. Он знает, что ты сделала?

— Он сам был приспешником Темного, дитя мое, — сказала Верин. — Хотел найти выход из этого положения. Но на самом-то деле выхода нет — только не тогда, когда Великий повелитель

уже запустил в тебя когти. Но была возможность сражаться, исправить хоть немного то, что уже сделано. Я предложила этот шанс Томасу, и, уверена, он был весьма мне за это благодарен.

Эгвейн помешкала, пытаясь осмыслить услышанное. Верин была приспешницей Темного… но в то же время не была ею.

— Ты сказала, «был» весьма благодарен?

Верин ответила не сразу. Она просто сделала сначала еще глоток чая.

— Клятвы, что приносят Великому повелителю, достаточно специфичны, — наконец произнесла она. — И когда эти обеты накладываются на человека, способного направлять Силу, то связывают они накрепко. От их исполнения не уклониться. Порвать эти путы невозможно. Можно сколько угодно обманывать других приспешников Темного, можно даже обратиться против Избранного, если сумеешь потом оправдать свои действия. Эгоизм нужно холить и лелеять. Но тебе никогда не удастся предать его. Ты никогда не сможешь выдать посторонним правду о самом ордене. Однако клятвы специфические. Очень даже специфические. — Она подняла глаза, встречаясь взглядом с Эгвейн. — «Я клянусь не предавать Великого повелителя и хранить свои секреты

вплоть до самого часа моей смерти». Вот что я пообещала. Понимаешь?

Эгвейн посмотрела на дымящуюся чашку в руках Верин:

— Яд?

— Нужен совершенно особый сорт чая, чтобы аспидова гниль показалась сладкой. — Верин сделала еще глоток. — Так вот, как я уже говорила — поблагодари Ларас от моего имени.

Эгвейн прикрыла глаза. Найнив как-то упоминала об аспидовой гнили — убить может всего одна капля. Смерть наступала легко и быстро, зачастую в течение… часа после отравления.

— Занятная прореха в клятвах, — тихо произнесла Верин. — Дает человеку возможность совершить предательство в последний час его жизни. Не перестаю гадать — ведомо ли об этом Великому повелителю. Почему он не залатал эту дырку?

— Возможно, считает, что она не представляет угрозы, — промолвила Эгвейн, открывая глаза. — Вообще-то говоря, какой приспешник Темного станет убивать себя, дабы совершить нечто доброе для всех? Как-то не похоже на те вещи, о каких будут задумываться его последователи.

— Возможно, в этом ты и права, — заметила

Верин и отставила чашку в сторону. — Дитя мое, будет благоразумным удостовериться, чтобы от этого избавились, причем со всеми предосторожностями.

— Что, и это все? — Эгвейн похолодела. — А что с Томасом?

— Мы попрощались. Свой последний час он проводит с семьей.

Эгвейн покачала головой. На глазах у нее происходила настоящая трагедия.

— Ты пришла ко мне с признанием и под конец убиваешь себя во искупление?

Верин рассмеялась:

— Искупление? Думаю, заработать его будет не так-то просто. Свету ведомо — я совершила достаточно, чтобы просить в высшей степени особого искупления. Но оно того стоило. Воистину стоило. Или, быть может, в этом я просто себя убеждаю.

Она протянула руку и из-под одеяла, сложенного в ногах кровати Эгвейн, вытащила кожаную суму. Аккуратно развязав тесемки, Верин достала из сумы две книги, переплетенные в кожу. Одна была побольше и походила на словарь или каталог, хотя и без всякого названия на красном переплете. Вторая книга, заметно тоньше, оказалась синей. Обложки обеих книг были немного

потрепаны — пользовались ими, видно, долго.

Верин протянула их Эгвейн. Не без колебаний девушка взяла книги — широкий тяжелый том в правую руку, синий и легкий — в левую. Проведя пальцем по гладкой выделанной коже, она нахмурилась, потом посмотрела на Верин.

— Каждая женщина из Коричневой Айя, — пояснила Верин, — стремится создать нечто долговечное. Изучить какую-то заметную тему, провести уникальное исследование — сделать что-то такое, что будет значимым, важным. Другие сестры нередко упрекают нас, что мы не обращаем внимания на мир вокруг нас. Они думают, будто мы смотрим только назад. Что ж, это неверно. Если мы слегка рассеянны, то только потому, что смотрим вперед, на тех, кто еще придет. И знания, те сведения, что мы собираем… мы оставляем для тех, кто придет в будущем. Пусть другие Айя заботятся о том, как сделать лучше день сегодняшний. Мы стремимся сделать лучше день грядущий.

Отложив синюю книгу в сторонку, Эгвейн заглянула сначала в красную. Странички были исписаны мелким убористым почерком, в котором она распознала руку Верин. Смысла не было ни в одном предложении. Все было тара-

барщиной.

— Тонкая книжечка — это ключ, Эгвейн, — пояснила Верин. — Она содержит шифр, который я использовала при написании этого тома. В том томе… работа. Моя работа. Работа всей моей жизни.

— Что в нем? — тихо спросила Эгвейн, подозревая, что ответ ей уже известен.

— Имена, места, пояснения, — ответила Верин. — Все, что я узнала о них. О главарях приспешников Темного, о Черной Айя. В какие пророчества они верят, каковы цели и мотивы отдельных группировок и фракций. А в конце приведен список всех сестер из Черной Айя, кого я смогла опознать.

Эгвейн вздрогнула:

— Всех до единой?

— Сомневаюсь, что я обнаружила всех, — улыбнулась Верин. — Но думаю, что отыскала большинство из них. Позволь уверить тебя, Эгвейн. Я могу быть весьма основательной и въедливой.

Эгвейн с благоговением посмотрела на книги. Невероятно! О Свет, это же большее сокровище, чем найдется в денежных сундуках любого короля. Сокровище, столь же великое, как и Рог Валир. Она посмотрела на Верин со слезами на глазах,

представляя себе целую жизнь, проведенную среди Черных сестер, — постоянно наблюдаешь, записываешь и трудишься во имя всеобщего блага.

— О нет-нет! Не надо этого, — сказала Верин. Лицо ее начало понемногу бледнеть. — Среди нас у них есть много шпионов — подобно червям, пожирающим фрукт изнутри. Ну, я подумала, что пришло время и нам завести хотя бы одного среди них. Это стоит жизни одной женщины. Немногим выпадал шанс создать что-то столь же полезное и настолько поразительное, как эта книга, что ты держишь в руках. Мы все, Эгвейн, ищем способ изменить будущее. Кажется, у меня была такая возможность.

Верин глубоко вздохнула и подняла руку к голове:

— Ох! Быстро действует. Есть еще одна вещь, о чем я должна тебе сказать. Открой красную книгу, пожалуйста.

Эгвейн так и сделала и обнаружила тонкую кожаную полоску с железными грузиками на концах — такие используют в качестве закладок, хотя эта и оказалась длиннее привычных ей.

— Оберни ее вокруг книги, — сказала Верин. — Заложи любую страницу, а затем перекрути

свободные концы сверху.

С любопытством Эгвейн так и сделала, заложив закладкой открытую наугад страницу и захлопнув книгу. Меньшую книгу девушка положила на бóльшую, затем взяла болтающиеся свободные концы полоски, свела их вместе поверх книг и переплела между собой. И обнаружила, что грузики подходят друг другу, так что девушка скрепила их вместе.

И книги исчезли.

Эгвейн не верила своим глазам. Она по-прежнему чувствовала их у себя в руках, но сами книги были невидимы.

— Боюсь, работает только на книгах, — заметила Верин и зевнула. — Видно, кто-то из Эпохи легенд очень хотел спрятать свой дневник от остальных.

Она слегка улыбнулась, но ее бледность усиливалась.

— Спасибо, Верин. — Эгвейн расстегнула и размотала закладку. Книги появились снова. — Как бы мне хотелось, чтобы был другой способ…

— Признаю, яд был запасным вариантом, — сказала Верин. — К смерти я не стремлюсь — еще есть дела, которые мне надо бы сделать. К счастью, я устроила так, чтобы кое-какие из них…

чтобы за ними присмотрели, если я не вернусь. Вообще-то, изначально я планировала найти Клятвенный жезл и проверить, не удастся ли с его помощью избавиться от клятв, данных мною Великому повелителю. К сожалению, Клятвенный жезл, кажется, пропал.

«Саэрин, — подумала Эгвейн. — И остальные. Наверное, они снова его взяли».

— Мне очень жаль, Верин, — сказала она.

— Жезл мог и не сработать. — Верин откинулась на спину, подложив под седеющую голову подушку. — Сам процесс принесения клятв Великому повелителю был… примечательным. Мне бы хотелось сообщить тебе еще одну любопытную деталь, которую удалось узнать. Дитя мое, кто-то из Избранных обосновался в Башне. Уверена, это Месана. Я надеялась, что смогу дать тебе имя, под которым она скрывается, но увы! Те два раза, что мы встречались, она была так замаскирована, что мне не удалось разобрать никаких подробностей. То, что я видела, — записано в красной книге. Будь осторожна, выбирая, куда шагнуть. Будь осторожна, когда ударишь. Я оставляю тебе решать — захочешь ли ты сцапать их всех разом, или же станешь хватать наиболее важных по-одиночке, тайно. А может, ты решишь последить

за ними, дабы повернуть их планы против них самих. Хороший допрос способен пролить свет на те вопросы, на которые я не смогла найти ответа. Как же много решений тебе нужно принять, а ты так молода… — Она зевнула, затем ее лицо скривила гримаса боли.

Эгвейн поднялась и подошла к лежащей на кровати Айз Седай.

— Спасибо, Верин. Спасибо, что доверила мне эту ношу.

Верин слабо улыбнулась.

— Ты очень хорошо справилась с теми фактами, что я предоставила тебе раньше. Там сложилась весьма любопытная ситуация. Амерлин приказала дать тебе сведения для поисков сбежавших из Башни Черных сестер, и я повиновалась, хотя главы Черных остались недовольны этим приказом. Знаешь, никто не предполагал, что я дам тебе тер'ангриал для хождения по снам. Но в отношении тебя у меня всегда было предчувствие.

— Не уверена, что заслуживаю такого доверия. — Эгвейн посмотрела на книги. — Доверия, какое ты выказываешь.

— Чепуха, дитя мое, — промолвила Верин, закрыв глаза, и снова зевнула. — Ты будешь Амерлин. Уверена в этом. А Амерлин должна быть

вооружена знаниями. В этом, превыше всего прочего, самая священная обязанность Коричневых: вооружить мир знаниями. А я все еще одна из них. Прошу тебя, сделай так, чтобы они знали: хотя мое имя может остаться навсегда отмеченным клеймом «Черная», душой я — Коричневая. Передай им…

— Обязательно, Верин, — пообещала Эгвейн. — Но твоя душа не Коричневая. Я это вижу.

Ресницы Верин затрепетали, и, нахмурив лоб, она встретилась взглядом с Эгвейн.

— Твоя душа — чистейшего белого цвета, Верин, — негромко сказала Эгвейн. — Как сам Свет.

Верин улыбнулась, и глаза у нее закрылись. Сама смерть наступит через несколько минут, но прежде человек впадает в бессознательное состояние. Эгвейн сидела, держа женщину за руку. Элайда и Совет способны позаботиться о себе сами; Эгвейн хорошо подготовила почву. Если появиться прямо сейчас и начать выдвигать требования, то это, скорее всего, окажется чересчур опасным испытанием для обретенного ею авторитета.

Когда пульс Верин угас, Эгвейн отставила чашку с отравленным чаем в сторону и поднесла к носу Верин блюдце. Сияющая поверхность

не запотела. Казалось бессердечием проверять дважды, но существовали некоторые яды, под воздействием которых человек только кажется мертвым и дыхание у него очень слабое и поверхностное. И если Верин задумала обмануть Эгвейн и указать на непричастных к Черной Айя сестер, то способ был бы просто замечательный. Воистину бессердечно проверять дважды, почему Эгвейн и чувствовала себя отвратительно, однако она — Амерлин. Она сделала то, что было тяжело, и учла все возможности.

Естественно, ни одна настоящая Черная сестра не захочет умереть только для того, чтобы навести на ложный след. Душой Эгвейн верила Верин, но рассудок хотел твердой убежденности. Девушка глянула на свой простенький стол, куда положила книги. В этот момент дверь ее комнаты без всякого стука или предупреждения открылась, и молодая Айз Седай — достаточно молодая, чтобы лицо ее еще не приобрело печати безвозрастности, — заглянула внутрь. Турезе, одна из Красных сестер. Значит, кого-то наконец-то назначили присматривать за Эгвейн. Время ее свободы подошло к концу. Что ж, нет смысла оплакивать то, что могло бы быть. Время потрачено с пользой. Хотелось бы Эгвейн, чтобы

Верин пришла повидаться неделей раньше, но что сделано — то сделано.

Увидев Верин, Красная сестра нахмурилась, но Эгвейн быстро приложила палец к губам и бросила на молодую сестру суровый взгляд. Потом девушка торопливо подошла к двери.

— Она только зашла, хотела поговорить со мной о том задании, что давала давно — еще до раскола Башни. Бывает, временами у них все мысли только одним заняты, о чем-то другом и не вспоминают — это ж Коричневые сестры. — Правдивые слова, все до одного.

На замечание о Коричневых Турезе понимающе кивнула.

— Мне бы, конечно, хотелось, чтобы для отдыха она свою постель выбрала, — продолжила Эгвейн. — Теперь и не знаю, как с ней быть. — Снова правда. Эгвейн и в самом деле нужно заполучить в руки Клятвенный жезл. Начинало складываться впечатление, что в ситуациях, подобных этой, солгать было бы куда удобней.

— Должно быть, устала после долгой дороги. — Голос Турезе был тихим, но строгим. — Пусть поступает так, как хочет. Ведь она — Айз Седай, а ты — всего лишь послушница. Не беспокой ее.

С этими словами Красная сестра закрыла дверь,

и Эгвейн довольно улыбнулась. Потом она посмотрела на тело Верин, и улыбка поблекла. Раньше или позже ей придется открыть, что Верин умерла. И как она объяснит это? Ладно, что-нибудь придумает. Если станут давить, она всегда может просто сказать правду.

Но главное — ей нужно какое-то время провести с книгой. Велики были шансы, что в ближайшем будущем ее могут у Эгвейн отобрать — несмотря даже на закладку-тер'ангриал. Наверное, ей лучше хранить шифр отдельно от потаенной книги. Вероятно, стоит выучить шифр наизусть и уничтожить. Было бы гораздо проще планировать свои действия, если бы она знала, как повернулись дела в Совете. Низложили Элайду или нет? Жива Сильвиана или ее казнили?

Сейчас же, находясь под стражей, она мало что могла узнать. Ей оставалось только лишь ждать. И читать.

Код оказался очень даже непростым, поэтому требовалось постоянно сверяться с небольшой книжкой. Сложность являлась одновременно как достоинством, так и недостатком. Будет невероятно трудно взломать код, не имея ключа, но и заучить на память его практически невозможно. До утра Эгвейн этого сделать не удастся, а тогда

все же придется раскрыть правду о состоянии Верин.

Она бросила взгляд на женщину. Верин и в самом деле выглядела так, словно мирно спит. В довершение картины Эгвейн подтянула одеяло и по шею накрыла им лежавшую, затем сняла с нее туфли и поставила их у кровати. Испытывая чувство, будто поступает неподобающе, девушка решила перевернуть Верин на бок. Красная сестра уже пару раз заглядывала, и если увидит Верин в ином положении, то все будет выглядеть менее подозрительно.

Закончив, Эгвейн посмотрела на свечу, прикидывая, сколько же прошло времени. Окон в комнатах послушниц не было. Она отогнала подальше желание зачерпнуть Силы и создать светящийся шарик. Для чтения ей придется довольствоваться пламенем единственной свечи.

Эгвейн занялась выполнением первой задачи: расшифровать имена Черных сестер, которые перечислены в конце тома. Это было даже важнее, чем запоминать шифр. Ей нужно знать, кому она сможет доверять.

Следующие несколько часов жизни были одними из самых беспокойных и неприятных для Эгвейн. Некоторые имена были ей неизвестны,

многие — едва знакомы. Какие-то принадлежали женщинам, с которыми она работала, которых уважала и которым даже доверяла. Она выругалась, когда обнаружила в самом начале списка имя Кэтрин, потом зашипела от удивления, когда всплыло имя Алвиарин. Об Элзе Пенфелл и Галине Касбан она слышала, хотя несколько следующих имен не узнала.

Девушка ощутила внутри тошнотворную пустоту, когда расшифровала имя Шириам. Да, верно — когда-то в отношении Шириам у Эгвейн имелись подозрения, но в те дни она сама была всего-навсего послушницей и принятой. В то время — когда она только начала охотиться за Черной Айя — память о вероломстве Лиандрин была еще слишком свежа. Тогда Эгвейн подозревала каждую.

Во время изгнания в Салидаре Эгвейн работала с Шириам рука об руку, и женщина ей полюбилась. А оказалось, что она — Черная сестра. Собственная хранительница летописей при Эгвейн оказалась Черной. «Будь тверда, Эгвейн», — подумала она, продолжая разбираться со списком. Девушка двигалась дальше, испытывая боль от предательства, борясь с горечью и сожалением. Нет, она не позволит чувствам встать на пути

долга.

Черные сестры проникли во все Айя. Некоторые были восседающими, другие занимали самые низшие ступени в иерархии Айз Седай, уступая по могуществу подавляющему большинству сестер. И их было много — по подсчетам самой Верин, свыше двух сотен. Двадцать одна — в Голубой Айя, двадцать восемь — в Коричневой, тридцать — в Серой, тридцать восемь — в Зеленой, семнадцать — в Белой, двадцать одна — в Желтой и ошеломляющее число в Красной — сорок восемь. Нашлись в списке имена как принятых, так и послушниц. В книге была пометка, что они, вероятно, были приспешницами Темного еще до того, как переступили порог Белой Башни, поскольку в Черную Айя набирают только из Айз Седай. В пометке стояла отсылка к предыдущей странице для более подробного объяснения, но Эгвейн продолжила прорабатывать список полноправных сестер. Ей нужно знать имя каждой женщины. Ей это нужно.

Черные сестры находились как среди мятежных Айз Седай, так и среди тех, кто остался в Белой Башне. И даже среди тех, кто не принял ничью сторону, оказавшись на момент раскола вне стен Башни. Помимо Шириам, наибольшее бес-

покойство вызывали открывшиеся Эгвейн имена сестер, занимавших посты восседающих как в самой Башне, так и среди восставших Айз Седай. Духара Басахин. Велина Бехар. Седоре Дадженна. Делана Мосалэйн, конечно же, а также Талене Минли. Как-то по секрету Мейдани призналась Эгвейн, что Талене была среди тех членов Черной Айя, кого обнаружили Саэрин и ее компания, однако та бежала из Башни.

Морайя Карентанис. Эта принадлежала к Голубой Айя — женщина, носившая шаль более сотни лет, известная своей мудростью и уравновешенностью. Много раз Эгвейн советовалась с ней, перенимала ее опыт и предполагала, что она — Голубая — будет одной из ее самых надежных союзниц. Морайя входила в число тех, кто с готовностью проголосовал за избрание Эгвейн в качестве Амерлин, и в некоторые наиболее решающие моменты она быстро вставала на сторону Эгвейн.

Каждое имя было подобно шипу, вонзающемуся в кожу Эгвейн. Дагдара Финчи излечила Эгвейн, когда однажды та споткнулась и вывихнула лодыжку. Заника давала Эгвейн уроки и вообще казалась такой милой. Ларисса Линдел. Мийаси — ей Эгвейн колола орехи. Несита. Насел-

ле Кайяма. Налаэне Форрелл, которая, подобно Элзе, дала клятву верности Ранду. Бирлен Пена. Мелвара. Чайи Рюган…

Список продолжался. Ни Романда, ни Лилейн не были Черными, и это как-то даже раздражало. Заковать одну из них, а то и обеих в цепи было бы так удобно. Почему Шириам, а не эти две?

«Прекрати, Эгвейн, — подумала она. — Ты ведешь себя неразумно». Желание того, чтобы какие-то отдельные сестры вдруг оказались Черными, приведет ее лишь в никуда.

Кадсуане в списке не было. Как не было и ближайших подруг Эгвейн. Хотя она и не ожидала их там увидеть, но все же было здорово дойти до конца и не обнаружить их имен. Те, кто охотился за Черной Айя в Белой Башне, действительно были настоящими Айз Седай — никого из них в списке не оказалось. В расшифрованном списке не нашлось также места и именам тех, кто был послан из Салидара в качестве шпионок.

И имени Элайды тоже в нем не было. В конце имелась пометка, поясняющая, что Верин внимательно присматривалась к Элайде, выискивая доказательства ее принадлежности к Черной Айя. Однако высказывания Черных сестер заставили ее безоговорочно поверить, что сама Элайда

Черной не была. Просто взбалмошная женщина, временами мешающая Черным так же, как и всем прочим в Башне.

К сожалению, в этом был смысл. Зная, что Галина и Алвиарин оказались Черными сестрами, Эгвейн уже заподозрила, что не найдет в списке имени Элайды. Куда вероятнее, что Черные выбрали бы в качестве Амерлин женщину покладистую, которой можно манипулировать, а чтобы держать ее в узде, подсунули бы ей Черную хранительницу.

Вероятно, они воздействовали на Элайду посредством какого-то рычага, используя для этого или Галину — которая, как отмечала Верин, сумела, по всей вероятности, сделать себя главой Красной Айя, — или Алвиарин. Они каким-то образом либо вынудили Элайду, либо подкупили ее, дабы она поступала так, как им требовалось, а сама даже не знала, что служит Черным. И это помогало объяснить странное падение Алвиарин. Вероятно, она зашла слишком далеко? Перешла границы и разъярила Элайду? Это казалось вполне правдоподобным, хотя узнать наверняка не удастся до тех пор, пока не заговорит Элайда или пока Эгвейн не заполучит Алвиарин для допроса. Последнее же Эгвейн намеревалась осу-

ществить как можно скорее.

Девушка задумчиво закрыла толстую красную книгу — свеча догорела почти до основания. День уже, очевидно, клонился к закату. Возможно, сейчас самое время добиться хоть каких-то сведений о положении в Башне.

Эгвейн только задумалась о том, как лучше решить эту задачу, вдруг раздался стук в дверь. Подняв голову, Эгвейн торопливо перекрутила концы закладки, превращая обе книги в невидимок. Стук означал, что, кроме Красной, за порогом был кто-то еще.

— Войдите, — пригласила Эгвейн.

Открывшаяся дверь явила стройную и темноглазую Николь. Турезе не сводила с нее преисполненного подозрительности взора. Красная сестра отнюдь не выглядела довольной тем, что к Эгвейн явилась посетительница, но дымящаяся миска на подносе в руках Николь служила понятным объяснением, почему той позволили постучать.

Николь присела перед Эгвейн в реверансе, и ее белое послушническое платье колыхнулось. Турезе нахмурилась сильнее, но Николь этого не заметила.

— Для Верин Седай, — тихо промолвила она, кивком указав на кровать. — По приказанию гос-

пожи кухонь: она прослышала, что Верин Седай очень утомлена после своих странствий.

Эгвейн кивнула и, пряча волнение, указала на стол. Николь быстро подошла, поставила поднос на стол и едва слышно прошептала:

— Должна спросить — доверяешь ли ты ей. — И она снова глянула на кровать.

— Да, — ответила Эгвейн, скрывая свой голос в скрежете табурета, нарочно отодвинутого с шумом.

Значит, ее союзники не знают, что Верин мертва. Это хорошо — значит, пока тайна Верин никому не известна.

Николь кивнула, после чего произнесла голосом погромче:

— Будет хорошо, если она съест это теплым. Но если не желаешь ее будить, то я просто оставлю миску. Мне велено предупредить, чтобы сама ты к еде не прикасалась.

— Не буду — если только не выяснится, что Верин она не нужна, — ответила Эгвейн и отвернулась.

Немного спустя дверь за Николь закрылась. Эгвейн с нетерпением ждала, пока пройдут несколько мучительных минут и Турезе заглянет в дверь для очередной проверки. За это время

девушка успела умыться и переодеться в чистое платье. Наконец, уверенная, что ей не помешают, она схватила ложку и запустила ее в суп. Как и ожидалось, она нашла маленький стеклянный пузырек с запиской, свернутой трубочкой, внутри.

Умно. Очевидно, ее союзники прослышали, что Верин находится в комнате Эгвейн, и решили воспользоваться этим предлогом, чтобы кого-нибудь к ней прислать. Девушка развернула клочок бумаги, на которой оказалось всего одно слово: «Жди».

Эгвейн вздохнула, но делать было нечего. Снова достать книгу и продолжить чтение она не осмелилась. Вскоре снаружи послышались голоса, — похоже, за дверью шел какой-то спор. Потом в дверь еще раз постучали.

— Войдите, — сказала Эгвейн, снедаемая любопытством.

Дверь открылась, и в комнату вошла Мейдани. Войдя, она захлопнула дверь перед самым носом у Турезе.

— Мать, — присела она в реверансе. Стройная женщина была в плотно облегающем сером платье, которое заметно — даже слишком заметно — подчеркивало ее роскошную грудь. Сегодня

вечером ее очередь обедать с Элайдой, что ли? — Прости, что заставила тебя ждать.

Эгвейн пренебрежительно отмахнулась:

— Как тебе удалось пройти мимо Турезе?

— Известно, что Элайда… благоволит мне, постоянно приглашая к себе, — ответила Мейдани. — И закон Башни гласит, что запрещено лишать узников посещений. Она не могла воспрепятствовать сестре, желающей зайти к простой послушнице, хотя и пыталась поспорить.

Эгвейн кивнула, а Мейдани взглянула на Верин и нахмурилась. Затем побледнела. Лицо Верин приобрело бледно-восковой оттенок, и было очевидно, что с ней что-то не так. Хорошо еще, Турезе ни разу не присмотрелась повнимательнее к «спящей» женщине.

— Верин Седай мертва, — сказала Эгвейн, глянув на дверь.

— Мать, что случилось? — спросила Мейдани. — На вас напали?

— Незадолго до нашей беседы Верин Седай была отравлена приспешником Темного. Она знала о яде и в свои последние минуты пришла передать мне важные сведения.

Невероятно, сколько всего могут скрыть три-четыре правдивых утверждения.

— О Свет! — воскликнула Мейдани. — Убийство? И где — в самой Белой Башне? Нужно сообщить кому-нибудь! Собрать стражу и…

— С этим разберутся, — твердо произнесла Эгвейн. — Говори тише и соберись. Мне не нужно, чтобы надзирательница снаружи услышала, о чем мы говорим.

Мейдани побледнела и посмотрела на Эгвейн, вероятно гадая, как та может быть столь бесчувственной. Хорошо. Пусть видит хладнокровную, преисполненную решимости Амерлин. До тех пор, пока не заметит намек на скорбь, замешательство и тревогу внутри.

— Да, мать. — Мейдани присела в реверансе. — Конечно. Прошу меня простить.

— Ладно. Полагаю, ты пришла с новостями?

— Да, мать, — промолвила Мейдани, успокаиваясь. — Меня отправила к тебе Саэрин. Она сказала, что вам нужно узнать о событиях этого дня.

— Да, нужно. — Эгвейн старалась не выказывать собственного нетерпения. О Свет, об этой части она вполне в состоянии догадаться и сама. Неужели собеседница не может поскорее приступить к главному? Ведь еще есть Черная Айя, с которой нужно разобраться!

— Элайда по-прежнему Амерлин, — сообщила Мейдани. — Но она висит на волоске. Собрался Совет Башни и официально вынес ей порицание. Они поставили Элайду в известность, что Амерлин вовсе не является абсолютным правителем и что она не вправе и дальше оглашать указы и отдавать распоряжения, не обсудив прежде с ними свои решения.

Эгвейн кивнула.

— Вполне ожидаемо, — сказала она. Не одна Амерлин превратилась в заурядную куклу из-за того, что сходным образом превысила полномочия. К этому шла и Элайда, и все было бы хорошо, если бы не близился конец дней. — И каково наказание?

— Три месяца, — ответила Мейдани. — Один — за то, что она сделала с вами. Два — за поведение, не подобающее ее положению.

— Интересно, — задумчиво произнесла Эгвейн.

— Были те, мать, кто требовал большего. В какой-то момент казалось, что ее низложат прямо в зале Совета.

— Ты все это видела? — с удивлением спросила Эгвейн.

Мейдани кивнула:

— Элайда просила, чтобы заседание было

запечатано Пламенем, но ее предложение не встретило поддержки. Думаю, мать, за этим стоит ее собственная Красная Айя. Всех трех Красных восседающих нет в Башне. Я до сих пор гадаю, куда подевались Духара и остальные.

«Духара. Черная. Чем она занята? И две другие? Вместе ли они? А если так — могут ли две другие тоже оказаться Черными?»

К этому вопросу Эгвейн придется вернуться позже.

— Как Элайда все это восприняла? — спросила она.

— Говорила она немного, мать, — ответила Мейдани. — По большей части сидела и смотрела. И очень довольной она не выглядела — я даже удивилась, что она не начала свои разглагольствования.

— Красные, — произнесла Эгвейн. — Если она и в самом деле теряет поддержку в собственной Айя, они должны были ее заранее предупредить, чтобы она не нагнетала обстановку.

— Саэрин считает так же, — согласилась Мейдани. — Она заметила, что и ты сама не желаешь падения Красной Айя. Это стало известно от послушниц, которые слышали твои слова. Отчасти и поэтому Элайда не была низложена.

— Ну, против ее низложения я бы не возражала, — промолвила Эгвейн. — Просто я не хочу распускать целую Айя. Но возможно, все к лучшему. Падение Элайды не должно привести к обрушению самой Башни. — Все же, будь такая возможность, Эгвейн, пожалуй, и взяла бы назад сказанные ранее слова. Она не хотела, чтобы кто-нибудь думал, будто она поддерживает Элайду. — Полагаю, что приговор Сильвиане отменен?

— Не полностью, мать, — откликнулась Мейдани. — Ее держат под стражей, пока Совет решает, как с ней поступить. Все-таки она публично бросила вызов Амерлин, так что поговаривают о наказании.

Эгвейн нахмурилась. Услышанное пахло компромиссом. Вероятнее всего, Элайда на закрытом совещании встретилась с главой Красной Айя — кто бы ею ни стал после исчезновения Галины — и обсудила детали. Сильвиану все же подвергнут наказанию, хотя и не суровому, но Элайда подчинится воле Совета. Это говорит о том, что Элайда стоит на зыбкой почве, но при этом все еще в состоянии выдвигать требования. Собственная Айя продолжает ее поддерживать, и поддержка эта ослаблена не настолько, как

надеялась Эгвейн.

Но все к лучшему. Сильвиана будет жить, а Эгвейн, судя по всему, будет позволено вернуться к ее жизни в качестве послушницы. Восседающие в достаточной мере недовольны Элайдой, чтобы наложить на нее наказание. Будь у нее побольше времени, Эгвейн могла добиться низвержения Элайды и воссоединить Башню — в этом девушка была уверена. Но осмелится ли она потратить на это время?

Эгвейн бросила взгляд на стол, где лежали скрытые от глаз бесценные книги. Если она подготовит мощный удар по Черной Айя — не ускорит ли это битву? Или ее действия только еще больше расшатают Башню? И насколько реализуемы ее надежды ударить разом по всем Черным? Ей нужно время, чтобы обдумать полученные известия. А значит, надо остаться в Башне и работать против Элайды. И к сожалению, это означает, что большинство Черных сестер смогут сбежать.

Но не все.

— Мейдани! — сказала Эгвейн. — Мне нужно, чтобы ты передала остальным. Они должны пленить Алвиарин и испытать ее Клятвенным жезлом. Скажи им: чтобы добиться этого, они

должны пойти на любой оправданный риск.

— Алвиарин? — переспросила Мейдани. — Почему ее, мать?

— Она — Черная, — промолвила Эгвейн, и желудок у нее сжался. — И стоит близко к вершине всей их организации в Башне. Это те сведения, ради которых умерла Верин.

Мейдани побледнела.

— Ты уверена, мать?

— В достоверности сведений Верин я убеждена, — сказала Эгвейн. — Но все же будет целесообразно снять с Алвиарин клятвы и заставить ее принести их заново, а затем задать вопрос — не Черная ли она сестра. Какими бы ни были доказательства, у каждой женщины должен быть шанс оправдаться. Полагаю, Клятвенный жезл у тебя?

— Да, — подтвердила Мейдани. — Он нам понадобился, чтобы убедиться в надежности Николь. Другие хотели еще привести нескольких принятых и послушниц, поскольку у тех есть возможность передавать сообщения там, куда не могут попасть сестры.

Весьма разумно, учитывая взаимную отчужденность между всеми Айя.

— Почему она?

— Потому что она часто говорит о тебе с дру-

гими, мать, — сказала Мейдани. — Хорошо известно, что она — одна из самых ярых ваших защитниц среди послушниц.

Было странно слышать такое о женщине, которая столь успешно предала ее. Впрочем, если хорошенько подумать, Николь на самом деле винить за это нельзя.

— Разумеется, дать все три клятвы ей не позволили, — продолжала Мейдани. — Она ведь не Айз Седай. Но она дала клятву не лгать и доказала, что она не приспешница Темного. Эту клятву позже сняли.

— А ты, Мейдани? — спросила Эгвейн. — С тебя сняли четвертую клятву?

Женщина улыбнулась:

— Да, мать. Благодарю тебя.

Эгвейн кивнула:

— Тогда ступай. Передай мое послание. Алвиарин нужно захватить. — Она глянула на тело Верин. — Боюсь, мне придется попросить тебя забрать и ее с собой. Будет лучше, если она исчезнет, а иначе мне придется как-то объяснять ее смерть в моей комнате.

— Но…

— Используй переходные врата, — сказала Эгвейн. — Примени Скольжение, если ты недо-

статочно хорошо знаешь место.

Мейдани кивнула, затем обняла Истинный Источник.

— Для начала сплети что-нибудь, — задумчиво проговорила Эгвейн. — Не имеет значения что. Нечто, требующее много Силы. Возможно, какое-нибудь из сотни плетений, которые надо создать при испытании на звание Айз Седай.

Мейдани нахмурилась, но сделала, как просили, и стала выплетать что-то очень замысловатое и затратное по силе. Вскоре после того, как она приступила к своему занятию, в комнату с подозрением просунула голову Турезе. К счастью, плетение закрыло от нее лицо Верин, но на «спящую» Коричневую сестру Турезе и не смотрела. Она сосредоточилась на плетении и открыла рот.

— Мне показывают некоторые плетения, которые необходимо знать, если мне доведется проходить испытание на звание Айз Седай, — не дав заговорить Турезе, резким тоном сказала Эгвейн. — Это запрещено?

Турезе ожгла ее злым взглядом, но убралась прочь, рывком захлопнув за собой дверь.

— Это чтобы она не заглядывала, когда ты будешь плести портал, — пояснила Эгвейн. — А

теперь давай быстрее. Бери тело. Когда Турезе заглянет в следующий раз, я скажу ей правду — что вы с Верин ушли через переходные врата.

Мейдани посмотрела на труп Верин:

— Но что нам делать с телом?

— Все, что сочтете подходящим, — ответила Эгвейн, начиная слегка выходить из себя. — Оставляю тебе это решать. У меня сейчас для этого нет времени. И забери с собой эту чашку — чай в ней отравлен. Избавься от нее, только осторожно.

Эгвейн посмотрела на мерцавшую свечу — та сгорела практически до самого основания. Мейдани тихо вздохнула, затем создала переходные врата. Плетения Воздуха перенесли тело Верин через врата, и Эгвейн наблюдала за происходящим с долей сожаления. Женщина заслуживала лучшего. Придет день, и все узнают, через что ей довелось пройти и чего она смогла добиться. Но не сейчас — пока еще рано.

Когда Мейдани ушла — забрав с собой тело и отравленный чай, — Эгвейн зажгла еще одну свечу, а затем легла в постель, стараясь не думать о мертвом теле, которое совсем недавно лежало на кровати. Девушка расслабилась, думая о Суан. Та должна была скоро уснуть. Ее нужно преду-

предить о Шириам и других Черных сестрах.

Глаза Эгвейн открыла в Тел'аран'риоде. Она находилась в своей комнате или, по крайней мере, в ее аналоге в сновидении. Кровать была заправлена, а дверь — закрыта. Эгвейн сменила свое платье на великолепное зеленое одеяние, подобающее Амерлин, затем перенеслась в Весенний сад Башни. Суан там еще не обнаружилось, но, вероятно, для их встречи было еще рановато.

Здесь хотя бы не видно мусора и грязи, накопившихся в городе, или той гнили, что подрывала самые корни единства всех Айя. Пока Амерлин возвышались и низвергались, садовники Башни действовали подобно силам природы, сажая, пропалывая и пожиная урожай. По своим размерам Весенний сад уступал прочим садам Башни; он представлял собой треугольный клочок земли, зажатый между двумя стенами. Возможно, в другом городе этот пятачок приспособили бы под склад или попросту заложили бы камнем. Однако в Белой Башне подобные решения расценивались бы как неприглядные и непригодные.

Тут был разбит крохотный садик, полный растений, пышно разросшихся в тени. Гортензии карабкались на стены и едва умещались в кадках и горшках. Рядами стояла дицентра — ее крошеч-

ные темно-розовые соцветия-сердечки свисали из тройных сочленений нежных листьев. Внутри садика были высажены, помимо прочих дающих тень деревьев, цветущие щетинники с тонкими, похожими на пальцы листьями, и ряды их сходились к центру.

Прохаживаясь в ожидании вдоль рядов деревьев, Эгвейн размышляла о том, что Шириам — Черная. К чему только эта женщина не успела приложить руку? Она в течение многих лет, пока Суан занимала Престол Амерлин, была наставницей послушниц. Использовала ли она свое положение для того, чтобы запугивать, а возможно, и сбивать с истинного пути других сестер? Не она ли стояла за столь давним нападением Серого Человека?

Шириам входила в группу Айз Седай, которые занимались Исцелением Мэта. Конечно, она не могла сделать ничего плохого, находясь в круге со множеством других женщин, но все, что было с ней связано, вызывало теперь подозрения. Так много всего! Шириам была одной из главных в Салидаре — до того, как Эгвейн обрела власть. Что успела натворить Шириам, сколькими она манипулировала, скольких она предала Тени?

Знала ли она заранее о том, что Элайда плани-

рует сместить Суан? Галина и Алвиарин были Черными, и обе входили в число главных зачинщиц, так что, скорее всего, других Черных сестер предупредили. Исход половины Башни, сбор в Салидаре и последовавшие за тем ожидание и споры — все это было частью плана Темного? А что насчет возвышения самой Эгвейн? За какие же ниточки дергала Тень, а Эгвейн об этом и не ведала?

«Ты тратишь время впустую, — твердо сказала она себе. — Не стоит этим увлекаться». Даже не имея книг Верин, Эгвейн подозревала, что раскол Башни был работой Темного. Разумеется, ему больше понравится, коли Айз Седай разделятся на два лагеря, нежели чем объединятся под руководством одного лидера.

Теперь это было больше… личное дело. Эгвейн чувствовала себя запачканной, одураченной. На какой-то миг она ощутила себя той самой деревенской девчонкой, какой многие ее считали. Если Элайда была пешкой Черной Айя, то такой же пешкой была и сама Эгвейн. О Свет! Как, наверное, веселился Темный, наблюдая за двумя соперничающими Амерлин, которых его верные приспешницы стравливают друг с другом.

«Я не могу быть точно уверена, чего он хочет

или почему этого хочет, — говорила Верин. — Даже спустя десятки лет, потраченных на изучение этого вопроса, я не могу быть точно уверена…» Кто знает, смеялся ли Темный?

Эгвейн поежилась. Каков бы ни был замысел Темного, она будет с ним бороться. Противостоять ему. Плюнуть ему в глаза, даже если он победит — как говорят айильцы.

— Хм, ну и зрелище, — послышался голос Суан.

Эгвейн крутанулась на месте, с досадой обнаружив, что на ней уже не платье Амерлин, а полный доспех, как на солдате, скачущем на битву. В руке у нее оказалась пара айильских копий. Силой мысли девушка избавилась от доспехов и оружия и вернула себе платье.

— Суан, — сухо произнесла она. — Возможно, тебе стоит сотворить себе стул. Кое-что случилось.

— Что? — нахмурилась Суан.

— Прежде всего, Морайя и Шириам — из Черной Айя.

— Что? — Суан была поражена. — Что за чушь? — Она замерла, потом запоздало добавила: — Мать.

— Вовсе это не чушь, — отрезала Эгвейн. — Боюсь, это правда. Есть и другие, но их имена я назову тебе позже. Пока мы все равно не можем

взять их под стражу. Мне нужно время все обдумать и спланировать. Хотя бы один вечер. И скоро мы ударим. Но до тех пор мне нужно, чтобы Шириам и Морайю взяли под наблюдение. И не оставайся с ними наедине.

Суан недоверчиво покачала головой и спросила:

— Насколько ты в этом уверена, Эгвейн?

— Совершенно уверена, — сказала она. — Приглядывай за ними, Суан, и думай, как быть. Мне нужны твои предложения. Нам надо взять их по-тихому, а потом доказать Совету, что наши действия совершенно оправданны.

— Это может быть опасно. — Суан потерла подбородок. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, мать. — Она выделила голосом последнее слово.

— Если я ошибаюсь, — сказала Эгвейн, — то я и буду отвечать. Но не думаю, что ошибаюсь. Как я и сказала — многое изменилось.

Суан склонила голову:

— Ты все еще пленница?

— Не совсем. Элайда… — Эгвейн замешкалась и нахмурилась. Что-то было не так.

— Эгвейн? — заволновалась Суан.

— Я… — начала Эгвейн и вздрогнула. Что-то тянуло ее сознание прочь, туманило его. Что-то…

Вытягивало ее обратно. Тел'аран'риод замерцал и исчез, и Эгвейн снова открыла глаза в своей комнате. Взволнованная Николь трясла ее за руку.

— Матушка, — твердила она. — Матушка!

На щеке девушки кровоточила царапина. Эгвейн резко села, и в этот миг вся Башня содрогнулась, словно от взрыва. Николь, взвизгнув от страха, вцепилась в руку Эгвейн.

— Что происходит? — громко спросила Эгвейн.

— Отродья Тени! — выкрикнула Николь. — Какие-то летающие змеи швыряются огнем и плетениями из Единой Силы! Они нас уничтожают! О-о, мать! Это Тармон Гай'дон!

На секунду Эгвейн ощутила, как ее охватывает первобытный, почти неконтролируемый панический ужас. Тармон Гай'дон! Последняя битва!

До ее слуха донеслись отдаленные вопли, сопровождаемые криками солдат или Стражей. Нет… нет, ей нужно сосредоточиться! Змеи в воздухе. Змеи, которые владеют Единой Силой… или с наездниками, которые владеют Единой Силой. Эгвейн отбросила одеяло и вскочила на ноги.

Это не Тармон Гай'дон, но происходящее было почти ничем не лучше. Шончан все-таки напали на Белую Башню — точно так, как Эгвейн и

предстало в Сновидении. А она не в состоянии направить достаточно Силы, чтобы хотя бы свечку зажечь, не говоря уж об ответном ударе.

Глава 40
Башня сотрясается

Вздрогнув, Суан проснулась. Что-то было не так. Что-то было совсем не так, совершенно не так. Она принялась выпутываться из одеяла, а тем временем темная фигура неожиданно зашевелилась в противоположном углу палатки и металл заскрежетал о металл. Суан замерла, инстинктивно потянувшись к Истинному Источнику и сотворив светящийся шар.

Гарет Брин стоял настороже; обнаженный меч, отмеченный клеймом цапли, наготове. Из одежды на нем были лишь короткие штаны в обтяжку, и Суан пришлось сделать над собой усилие, чтобы не глазеть на его мускулистое тело, которое у Брина было в гораздо лучшей форме, чем у большинства мужчин вдвое его моложе.

— Что случилось? — напряженно спросил он.

— О Свет! — выдохнула Суан. — Ты что, в обнимку с мечом спишь?

— Всегда.

— Эгвейн в опасности.

— В какой опасности?

— Не знаю, — призналась она. — У нас была встреча, а потом она внезапно исчезла. Думаю… Думаю, Элайда могла решить ее казнить. Или, возможно, захотела вытащить из камеры и… что-нибудь с ней сделать.

О подробностях Брин расспрашивать не стал. Он просто вложил меч в ножны, а затем пошел натягивать штаны и рубашку. Суан по-прежнему была одета в голубую юбку, теперь измятую, и блузу — у нее вошло в привычку переодеваться после встреч с Эгвейн, когда Брин крепко спал.

Она почувствовала волнение, причину которого не смогла толком определить. Почему она так встревожена? Пробуждение во время сновидений не было чем-то необычным.

Но большинство людей не были сновидицами — такой, как Эгвейн. В Мире снов девушка могла хозяйничать как у себя дома. Если бы что-то неожиданно ее разбудило, она разобралась бы с возникшим затруднением, а затем вернулась бы успокоить тревоги Суан. Но Эгвейн так не поступила, хотя Суан и прождала, казалось, целую вечность.

Брин, одетый теперь в плотные серые штаны и форменную куртку, подошел к Суан. Высокий воротник мундира был застегнут, слева на груди

у военачальника красовались три звезды, а на плечах блестели золотые эполеты.

Снаружи раздался крайне взволнованный голос:

— Генерал Брин! Милорд генерал!

Брин глянул на Суан, потом повернулся к входному клапану палатки.

— Войдите!

Молоденький солдат с аккуратно расчесанными черными волосами буквально ворвался внутрь и быстро отсалютовал. За столь поздний визит он не извинялся — люди Брина знали, что командующий разрешает им будить его в случае необходимости.

— Милорд, — произнес солдат. — Донесение разведчиков. Что-то происходит в городе.

— «Что-то», Тиждс? — переспросил Брин.

— Разведчики не уверены, милорд. — Лицо вестника скривилось в гримасе. — Из-за облаков ночь слишком темная, и от зрительных труб толку немного. Рядом с Башней были вспышки света, как во время представления иллюминаторов. А в воздухе темные тени.

— Отродья Тени? — спросил Брин и стремительно вышел из палатки.

Суан вместе со своим светящимся шаром и

солдат последовали за ним. Тонкий серпик луны едва светил сквозь нескончаемые облака, и разглядеть хоть что-нибудь было трудно. Палатки офицеров казались недвижными сгустками тени на черном фоне, а единственным источником света служили костры караульных возле входа в палисад.

— Могут быть и отродья Тени, милорд, — заметил солдат, торопливо шагая за Брином. — В легендах говорится о созданиях Тени, которые летают таким образом. Только разведчики не уверены в том, что именно они видели. Но вспышки света там точно есть.

Брин кивнул, направляясь в сторону сторожевых костров:

— Поднимите по тревоге ночной караул: пусть вооружатся и будут наготове, просто на всякий случай. Пошлите рассыльных к городским укреплениям. И доставьте мне побольше сведений!

— Так точно, милорд. — Солдат отсалютовал и убежал.

Брин взглянул на Суан. Его лицо было освещено сияющим шаром, что висел у нее над ладонью.

— Отродья Тени не осмелились бы атаковать Белую Башню, — произнес он, — не имея наготове внушительной поддержки со стороны пехоты.

А я искренне сомневаюсь, что на этих равнинах могут прятаться сотни тысяч троллоков. Так что же, во имя пекла, происходит?

— Шончан. — Суан ощутила ледяной комок в желудке. — Рыбий потрох, Гарет! Так и *должно* быть. Эгвейн это предсказывала.

Он кивнул:

— Да. Судя по слухам, они ездят верхом на отродьях Тени.

— Летающие звери, — сказала Суан, — а не отродья Тени. Эгвейн говорила, их называют ракенами.

Брин с сомнением посмотрел на нее, но лишь спросил:

— Что могло сделать шончан столь безрассудными, чтобы атаковать с воздуха без последующего удара пехотой или конницей?

Суан покачала головой. Она всегда думала, что нападение шончан на Белую Башню будет означать широкомасштабное вторжение, и Эгвейн полагала, что до атаки еще несколько месяцев. О Свет! Похоже, что и Эгвейн способна ошибаться.

Брин повернулся к ярко разгоревшимся в ночи сторожевым кострам, отбрасывающим отсветы перед стеной частокола. Внутри кольца палисада просыпались офицеры, поднимая обитателей

соседних палаток. Вспыхивали огни ламп и светильников.

— Ну, — заметил Гарет, — пока они атакуют Тар Валон — они не наша забота. Нам просто нужно…

— Я ее вытащу, — неожиданно заявила Суан, удивляясь самой себе.

В сиянии светящегося шара Брин резко повернулся к Суан. На подбородке у него темнела вечерняя щетина.

— Что?

— Эгвейн, — сказала Суан. — Нам нужно отправиться за ней. Гарет, это нападение прекрасным образом отвлечет внимание! Мы можем проникнуть туда и вытащить ее, так что никто ничего и не узнает.

Он буравил ее взглядом.

— Ну что?

— Суан, ты дала слово не спасать ее.

О Свет, так мило слышать, как он называет ее по имени!

«Сосредоточься!» — выбранила она сама себя.

— Это уже не имеет значения. Она в опасности, и ей нужна помощь.

— Она не хочет помощи, — отрезал Брин. — Мы должны убедиться, что нашим войскам ничего

не угрожает. Амерлин уверена, что в состоянии сама о себе позаботиться.

— Я тоже думала, что могу о себе позаботиться, — ответила на это Суан. — И посмотри, к чему это меня привело.

Она покачала головой, глядя в сторону далекого шпиля Тар Валона. Суан едва различала коротко вспыхивающие на нем крохотные пятнышки света.

— Когда Эгвейн говорит о шончан, она всегда содрогается. А ее мало что может выбить из колеи — ни Отрекшиеся, ни Дракон Возрожденный. Гарет, ты не знаешь, что шончан делают с женщиной, способной направлять Силу. — Она встретилась с ним взглядом. — Нам нужно пойти за ней.

— Я не буду в этом участвовать, — упрямо отказался он.

— Хорошо. — Суан сплюнула. Глупый мужчина! — Иди позаботься о своих людях. Думаю, я знаю кое-кого, кто мне поможет.

Она зашагала прочь, направляясь к палатке внутри палисада.

Когда вся Башня вновь содрогнулась, Эгвейн оперлась на стену коридора. Дрожали сами камни, из которых была сложена Башня. Крошки

скреплявшего их раствора осыпáлись с потолка, от стены отвалилась плитка и, ударившись об пол, разлетелась на десятки осколков. Николь вскрикнула и вцепилась в Эгвейн.

— Темный! — завывала Николь. — Последняя битва! Она началась!

— Николь! — рявкнула на нее Эгвейн, выпрямляясь. — Держи себя в руках! Это не Последняя битва. Это шончан.

— Шончан? — переспросила Николь. — Но я думала, что они — всего лишь слух!

«Глупая девчонка», — подумала Эгвейн, спеша по боковому коридору.

Николь торопилась за ней, неся лампу. Память не подвела Эгвейн, и следующий поворот вывел к внешней стене Башни, где имелось окно. Жестом она велела Николь держаться в стороне, а сама осмелилась выглянуть в темноту.

И точно — в небе мелькали темные крылатые фигуры. Для ракенов эти тени были слишком велики. Значит, то'ракены. Летающие чудовища во множестве кружили вокруг, то и дело резко снижаясь, — для взора Эгвейн они казались светящимися и дрожащими. Вспыхивали огненные сгустки, освещая женщин, попарно сидящих на спинах то'ракенов. Дамани и сул'дам.

Крылья Башни внизу освещали полыхавшие там языки пламени, и, к своему ужасу, прямо во внешних стенах Башни Эгвейн увидела несколько огромных проломов. То'ракены прижимались к стенам, карабкаясь вверх, будто летучие мыши, и высаживали солдат и дамани в бреши. Эгвейн успела увидеть, как один цеплявшийся за стену то'ракен оттолкнулся от нее — высота позволила ему взлететь без обычного разбега. Существо оказалось не столь грациозно, как уступавшие ему по размерам ракены, но наездник сумел поистине мастерски вновь направить чудище в воздух. Крылатая тварь пролетела возле окна, в которое выглядывала Эгвейн, и ударивший от нее порыв ветра разметал девушке волосы. Когда то'ракен пронесся мимо, Эгвейн расслышала приглушенные крики. Крики смертельно испуганной женщины.

Это было не полномасштабное нападение — это был налет! Налет ради захвата марат'дамани! Эгвейн отпрянула в сторону, когда мимо окна пронесся огненный заряд и ударил в стену неподалеку. Она расслышала, как крошится камень, и ощутила, как страшно содрогается Башня. В боковом переходе заклубились пыль и дым.

Скоро появятся солдаты. Солдаты и сул'дам. С

теми поводками. Эгвейн задрожала, обхватив себя руками. Холодный, кажущийся цельным металл. Тошнота, упадок, паника, отчаяние и — какой позор! — чувство вины за то, что не служишь своей хозяйке в полную силу. Она вспомнила загнанный взгляд сломленной Айз Седай. Но прежде всего она вспомнила собственный ужас.

Ужас от осознания того, что со временем и она сама станет такой же. Всего лишь еще одной рабыней, счастливой от возможности услужить.

Башня сотряслась. В отдаленном коридоре полыхнул огонь, и вслед за пламенем раздались вопли и крики отчаяния. Эгвейн чувствовала дым. О Свет! Неужели это возможно? Она не вернется туда. Она не позволит снова посадить себя на привязь. Ей нужно бежать! Нужно спрятаться, скрыться, бежать…

Нет!

Она заставила себя выпрямиться.

Нет, она *не* побежит. Она — Амерлин.

Хныкая, Николь съежилась у стены.

— Они идут за нами, — шептала девушка. — О Свет, они идут!

— Пусть идут! — зарычала Эгвейн, открывая себя Истинному Источнику.

К счастью, прошло достаточно времени, чтобы действие настоя из корня вилочника несколько ослабло и девушка оказалась в состоянии направить тоненькую струйку Силы. Этого было очень и очень мало, наверное — самое меньшее количество Силы, какое Эгвейн вообще когда-либо направляла. Она будет не способна даже сплести поток Воздуха, которого хватит, чтобы сдвинуть хотя бы бумажный лист. Но все же этого будет достаточно. Должно быть достаточно.

— Мы будем сражаться! — воскликнула Эгвейн.

Николь же шмыгнула носом и подняла на нее взор.

— Ты же едва можешь направлять, мать! — запричитала она. — Я же вижу. Мы не можем сражаться!

— Мы можем и будем сражаться, — твердо заявила ей Эгвейн. — Встань, Николь! Ты же посвященная Башни, а не перепуганная молочница.

Девушка смотрела вверх.

— Я защищу тебя, — сказала Эгвейн. — Обещаю.

Девушка несколько воспрянула духом и поднялась на ноги. Эгвейн посмотрела в сторону

дальнего коридора, куда ударил огненный шар. Было темно, настенные лампы не горели, но ей казалось, что она различает тени. Они придут, и они примутся надевать ошейник на каждую найденную ими женщину.

Эгвейн повернула голову в другую сторону. Оттуда доносились слабые крики. Именно их она услышала, как только проснулась. Она не знала, куда подевалась приставленная к ее двери надсмотрщица, но девушке было все равно.

— Идем, — сказала она, шагая вперед и цепляясь за крошечный ручеек Силы, как утопающая хватается за спасительную веревку.

Николь последовала за ней — не переставая всхлипывать, но последовала. Очень скоро Эгвейн обнаружила то, что и надеялась найти. В коридоре толпились девушки — некоторые были одеты в белые платья, на других были ночные сорочки. Послушницы сбились в кучку, многие вскрикивали при каждом взрыве, сотрясавшем Башню. Скорее всего, им хотелось оказаться на нижних этажах, там, где прежде находились апартаменты послушниц.

— Амерлин! — раздалось несколько голосов, когда Эгвейн появилась в коридоре.

В свете свечей, которые девушки сжимали в

дрожащих руках, они представляли собой жалкое сборище. На Эгвейн градом посыпались вопросы:

— Что происходит?

— На нас напали?

— Это Темный?

Эгвейн подняла руки, и девушки послушно затихли.

— На Башню напали шончан. — Голос Эгвейн был спокоен. — Они пришли за женщинами, умеющими направлять Силу. У них есть способы принудить таких женщин им служить. Это не Последняя битва, но мы в смертельной опасности. Я не позволю им забрать хоть кого-то из вас. Вы — мои.

В коридоре стало совсем тихо. Девушки с надеждой и волнением смотрели на Эгвейн. Послушниц было около пятидесяти, может больше. Они должны справиться.

— Николь, Джасмен, Йетери, Инала, — назвала Эгвейн по именам наиболее сильных послушниц. — Выйдите вперед. Все остальные — внимательно наблюдайте. Я собираюсь кое-чему вас научить.

— Чему, матушка? — спросила одна из девушек.

«Тому, что сработает лучше», — подумала

Эгвейн.

— Я собираюсь научить вас объединяться в круг.

Раздались удивленные вздохи. Послушниц таким вещам не учили, но Эгвейн позаботится о том, чтобы сул'дам не нашли легкой добычи в апартаментах послушниц!

Обучение приему заняло немало времени, что не могло не тревожить Эгвейн — ведь почти постоянно доносились всё новые взрывы и крики. Послушницы были напуганы, и потому некоторым непросто было обнять Истинный Источник, не говоря уже о том, чтобы освоить новый способ обращения с Силой. Сама Эгвейн когда-то всего после нескольких попыток сумела выполнить задание, а послушницы только на то, чтобы начать что-то делать, потратили долгих пять минут.

Очень пригодилась Николь — вступать в соединение ее учили еще в Салидаре, — и сейчас она служила примером. Пока девочки практиковались, Эгвейн создала с Николь круг. Молодая послушница открыла себя Источнику, но остановилась на грани слияния с ним и позволила Эгвейн черпать Силу через себя. Благословение Свету, это сработало! Эгвейн ощутила прилив возбуждения, когда ее заполнила Единая Сила, — как

же долго она не зачерпывала такого количества! Как же это прекрасно! Как сладостно! Мир вокруг стал живее, звуки — приятнее, цвета — ярче и красивее.

Эгвейн улыбнулась своему волнению. Она чувствовала Николь, ощущала ее страх, ощущала, как кипят ее эмоции. Эгвейн доводилось быть частью немалого числа кругов, и она хорошо знала, как отделить себя от Николь. Но она помнила тот свой первый раз, когда она ощутила, как ее смяло и затянуло в нечто большее, чем она сама.

Чтобы открыть себя кругу, необходим особый навык. Для освоения этого умения вовсе не требовалось огромного труда, но у них было не очень много времени. К счастью, некоторые девушки быстро ухватили суть. Йетери, миниатюрная блондинка в ночной сорочке, была первой. К ней скоро присоединилась Инала — меднокожая худенькая доманийка. Эгвейн тут же образовала круг с Николь и двумя другими послушницами. И ее затопила хлынувшая Сила.

Затем она заставила практиковаться остальных. Из разговоров с послушницами за время своего пребывания в Башне Эгвейн имела представление о том, кто из них наиболее искусен в плетениях и кто самый уравновешенный.

Не всегда такие девушки оказывались обладательницами наибольшего уровня Силы, но это обстоятельство не важно, если их поддерживает круг. Быстро разбив послушниц по группам, она объяснила им, как нужно принимать Силу через соединение в круг. Остается надеяться, что хотя бы несколько из них сообразят, что нужно делать.

Важным же было то, что теперь Эгвейн обрела Силу. Практически в том же количестве, с которым Эгвейн привыкла иметь дело без останавливающего воздействия настоя из корня вилочника! Она улыбнулась в предвкушении и начала составлять плетение. Его сложность привела некоторых послушниц в благоговейный трепет.

— То, что вы видите, — предостерегла Эгвейн, — вы не должны пытаться повторять самостоятельно. Это касается даже тех, кто ведет в круге. Это слишком сложно и опасно.

Светящаяся линия рассекла воздух в конце коридора, начала разворачиваться в проем. Эгвейн надеялась, что переходные врата откроются туда, куда ей нужно. Она следовала указаниям Суан, отчасти немного смутным, хотя у девушки и имелось также описание искомого места, почерп-

нутое ею из рассказа Илэйн.

— Кроме того, — строгим тоном добавила Эгвейн, обращаясь к послушницам, — вы никому не должны показывать это плетение без моего особого на то разрешения. Никому — даже другим Айз Седай.

Впрочем, она сомневалась, что подобное затруднение возникнет — плетение было настолько сложным, что немногие послушницы были достаточно искусны, чтобы его повторить.

— Матушка? — пискнула Тамала — девушка с ястребиным носом. — Ты нас оставляешь?

Голос ее был окрашен страхом, и в нем не слышалось ни малейшей надежды, что Эгвейн возьмет ее с собой.

— Нет. Я обернусь в два счета, — твердо ответила Эгвейн. — А когда я вернусь, то мне нужно будет не меньше пяти кругов!

С объединенными в круг Николь и двумя другими послушницами Эгвейн шагнула через переходные врата в темную комнату. Она создала светящийся шар, благодаря которому глазам предстала кладовая с полками вдоль стен. Эгвейн облегченно выдохнула. Она попала туда, куда и надо было.

На этих полках, равно как и на двух коротких

стеллажах посреди комнаты, находились вещицы самого необычного вида. Хрустальные шары, маленькие причудливые статуэтки, тут — стеклянный кулон, отсвечивающий синевой, там — пара широких металлических боевых перчаток, отделанных по манжетам огневиками. Эгвейн зашагала вглубь кладовой, оставив послушниц удивленно глазеть по сторонам. Скорее всего, они могли догадываться о том, что Эгвейн знала наверняка — здесь были собраны вещи, связанные с Единой Силой. Тер'ангриалы, ангриалы, са'ангриалы. Реликвии Эпохи легенд.

Эгвейн внимательно разглядывала полки. Предметы Силы были печально известны тем, что их опасно использовать, если точно не знаешь, для чего они предназначены. Любой из них мог убить ее. Если только…

Расплывшись в широкой улыбке, Эгвейн шагнула ближе и стянула с верхней полки белый ребристый жезл, длиной с ее предплечье. Она нашла его! Секунду она почтительно держала жезл в руке, а потом потянулась и зачерпнула с его помощью Единую Силу. Эгвейн затопил бурлящий, едва не ошеломивший ее поток поразительной мощи.

У Йетери явно перехватило дыхание, когда она

ощутила хлынувшую Силу. Мало кто из женщин обладал когда-либо подобной мощью. Сила вливалась в Эгвейн, подобно воздуху, заполняющему грудь при глубоком вдохе. Ей хотелось заорать от восторга. Эгвейн посмотрела на трех послушниц, широко улыбаясь.

— Вот теперь мы готовы, — заявила Эгвейн.

Пусть только сул'дам вздумают отсечь ее от Источника, когда у нее есть один из самых могущественных са'ангриалов, которые когда-либо имели Айз Седай. Белая Башня не падет, пока Амерлин — она! Она не уступит без боя, что сравнится и с самой Последней битвой.

Суан обнаружила, что в палатке Гавина уже есть свет и, когда он двигался внутри, на ее парусиновых стенках метались тени. Его палатка находилась подозрительно близко от караульного поста; ему позволили расположиться внутри палисада потому, вероятно, чтобы Брин — и дозорные — могли за ним приглядывать.

Брин — вот же спрут упрямый! — вовсе не пошел на свой караульный пост, куда его отправила Суан. Нет, он двинулся за ней следом, сыпал проклятьями и на ходу выкрикивал распоряжения, чтобы его командиры не встречали его на посту, а сами его отыскали. И когда Суан остановилась

возле палатки молодого Гавина, Брин встал рядом с ней, положив руку на эфес меча. Он с недовольством разглядывал Суан. Что ж. Она не позволит ему быть судьей ее чести! Она поступит так, как сама того пожелает.

Хотя, скорее всего, тем самым она очень и очень сильно раздосадует Эгвейн. «В конце концов она все же будет благодарна», — подумала Суан.

— Гавин! — гаркнула она.

Из палатки выскочил симпатичный юноша, он еще не успел до конца натянуть второй сапог, а потому подпрыгивал, притопывая, на левой ноге. В руке он держал меч в ножнах, одновременно застегивая ремень с перевязью.

— Что такое? — спросил он, оглядывая лагерь. — Я слышал крики. На нас напали?

— Нет. — Суан покосилась на Брина. — Но на Тар Валон — возможно.

— Эгвейн! — вскричал Гавин, торопливо заканчивая застегивать пояс.

О Свет, мальчишка такой простодушный.

— Мальчик, — промолвила Суан, складывая руки на груди. — Я в долгу у тебя за то, что ты вывел меня из Тар Валона. Примешь ли в покрытие этого долга мою помощь в том, чтобы пробраться в Тар Валон?

— С радостью! — энергично произнес Гавин, проверяя, как выходит меч из ножен. — Отплатишь с лихвой!

Она кивнула:

— Тогда ступай раздобудь нам лошадей. Может статься, что нас будет только двое.

— Что ж, я рискну, — сказал Гавин. — Наконец-то!

— Для этой дурацкой затеи я не дам вам своих лошадей, — резко бросил Брин.

— Гавин, в стойлах есть лошади, принадлежащие Айз Седай, — заметила Суан, не обращая внимания на Брина. — Приведи для меня одну из них. Только помни — спокойную. Очень, очень спокойную.

Гавин кивнул и умчался в ночь. Суан последовала за ним, но более медленным шагом, составляя в уме план. Все было бы гораздо проще, если бы она могла создать переходные врата, но ее нынешнего уровня владения Силой для плетения портала было недостаточно. Это было ей по силам раньше, до того как ее усмирили, да вот только фантазировать о том, «что было бы, если…» — занятие бесполезное. Уже пойманная щука-серебрянка в клык-рыбу не превратится. Ты продаешь то, что сумела наловить, и радуйся,

что у тебя есть хоть какой-то улов.

— Суан, — негромко произнес Брин, шагая рядом. Почему бы ему просто не оставить ее в покое? — Послушай меня. Это же безумие! Как вы попадете внутрь?

Суан взглянула на него:

— Шимерин же выбралась.

— Это было до осады, Суан. — В голосе Брина слышалось раздражение. — Теперь за всеми ходами-выходами там присматривают гораздо внимательней.

Суан покачала головой:

— Шимерин находилась под строгим надзором. Выбралась она через маленькую приречную калитку. Бьюсь об заклад, она и сейчас без охраны. Раньше я об этом проходе никогда не слышала, а ведь я была Амерлин. У меня есть карта, как туда добраться.

Брин заколебался. Потом лицо его посуровело.

— Это не важно. Вас лишь двое — у вас нет шансов.

— Тогда идем с нами, — предложила Суан.

— Ты снова нарушаешь клятву, и я не стану тебе в этом потакать.

— Эгвейн говорила — мы можем что-нибудь предпринять, если окажется, что ей грозит

казнь, — сказала Суан. — Она говорила мне, что тогда разрешает нам ее спасти! Судя по тому, как она исчезла с нашей встречи, я склонна считать, что ей грозит опасность.

— Но в опасности она не из-за Элайды, а из-за шончан!

— Мы не знаем этого наверняка.

— Неведение — не оправдание, — мрачно заметил Брин и шагнул ближе к Айз Седай. — Тебе стало слишком удобно нарушать клятвы, Суан, а я не хочу, чтобы это вошло у тебя в привычку. Айз Седай ты или нет, бывшая Амерлин или нет, но люди должны подчиняться правилам! Всему есть свои пределы. Не говоря уже о том, что при попытке проникнуть в город тебя, скорее всего, убьют!

— И ты хочешь меня остановить? — Она по-прежнему удерживала Источник. — И как думаешь, сумеешь?

Он заскрежетал зубами. Но ничего не сказал. Суан отвернулась и пошла прочь, прямо к кострам у ворот палисада.

— Несносная женщина, — донесся сзади голос Брина. — Ты меня погубишь.

Она обернулась и удивленно приподняла бровь.

— Я пойду, — сказал Брин. Его ладонь сжимала рукоять меча в ножнах. В ночи он являл собой величественное зрелище; прямые линии его униформы лишь подчеркивали строгие черты лица. — Но у меня есть два условия.

— Говори какие, — промолвила она.

— Первое — ты свяжешь меня узами Стража.

Суан вздрогнула. Он хочет… О Свет! Брин хочет быть ее Стражем? Ее охватило волнение.

Но она вовсе не планировала обзаводиться Стражем — после смерти Алрика. Его потеря была ужасающим испытанием. Хочет ли она рискнуть еще раз?

Осмелится ли она воспользоваться возможностью связать с собой этого мужчину, чтобы чувствовать его эмоции, чтобы он был рядом с нею? И это после всего, о чем она мечтала и чего желала?

Чувствуя трепет, Суан решительным шагом вернулась обратно к Брину, положила ладонь ему на грудь, сплела необходимые узы Духа и накинула их на него. Тот резко втянул воздух, когда, подобно цветку, в них обоих распустилось новое знание, соединив новой связью. Она ощущала его эмоции, его переживания за нее, которые оказались поразительно сильными. За нее он тре-

вожился сильнее, чем за Эгвейн и собственных солдат! «О-о Гарет!» — подумала Суан и поняла, что улыбается, чувствуя приятную теплоту его любви к ней.

— Всегда гадал, на что это похоже, — промолвил Брин, потом поднял руку и в свете факела несколько раз сжал пальцы в кулак. Его голос звучал изумленно. — Если бы я мог дать подобное каждому солдату в своей армии!

Суан фыркнула:

— Сильно сомневаюсь, что их жены и семьи такое одобрят.

— Одобрят, если это поможет сохранить солдатам жизнь, — заметил Брин. — Я мог бы пробежать тысячу лиг и даже не запыхаться. Я мог бы выстоять разом против сотни врагов и смеялся бы над ними.

Суан закатила глаза. Ох уж эти мужчины! Она одарила его такой глубоко личной и эмоциональной связью с другим человеком, которая неведома даже мужьям и женам, а он о чем думает? О том, насколько лучше он сможет играть с мечом!

— Суан! — окликнул ее чей-то голос. — Суан Санчей!

Она повернулась. Верхом на черном мерине

подъехал Гавин. Позади в поводу рысцой бежала еще одна лошадь — косматая гнедая кобыла.

— Бела! — воскликнула Суан.

— Подойдет? — спросил Гавин, похоже слегка запыхавшийся. — Помнится, Бела когда-то была лошадью Эгвейн, а конюх сказал, что она у него самая спокойная.

— Она подойдет просто отлично. — Суан вновь повернулась к Брину. — Ты говорил, что у тебя два условия?

— О втором я скажу позже. — Голос Брина звучал так, будто у него перехватило дыхание.

— Как-то это загадочно. — Суан сложила руки на груди. — Я не люблю давать обещаний вслепую.

— Что ж, все-таки придется тебе так поступить, — произнес Брин, встретившись с ней взглядом.

— Ладно, Гарет Брин, однако лучше, чтобы это не оказалось чем-то непристойным.

Он нахмурился.

— Что?

— Странно, — с улыбкой сказал он. — Теперь я могу чувствовать твои эмоции. Например, я могу сказать…

Брин осекся, и Суан ощутила, как его охватыва-

ет легкое смущение.

«Он может сказать, что я сама наполовину хочу, чтобы он потребовал от меня чего-то непристойного! — в ужасе сообразила Суан. — Вот проклятый пепел!» Она почувствовала, что краснеет. Положение становилось весьма неудобным.

— О-о, ради Благословенного Света… Согласна я на твои условия, деревенщина. В дорогу! Нам пора.

Он кивнул:

— Позволь мне отдать приказы старшим офицерам на случай, если битва выплеснется за пределы города. И я возьму с нами сотню моих лучших людей. Такой маленький отряд вполне способен проникнуть в город, если, конечно, через те воротца и в самом деле возможно пройти за стены.

— Ладно, давай так, — согласилась Суан. — Действуй!

Брин и вправду отсалютовал ей — сохраняя на лице спокойствие, однако она почувствовала, что в душе он ухмыляется. И скорее всего, Брин об этом знал. Что за невыносимый мужчина! Она повернулась к сбитому с толку Гавину.

— Что происходит? — спросил Гавин, так и продолжавший сидеть на своем мерине.

— Нам не придется идти одним. — Суан глубоко вздохнула, затем собралась с силами и вскарабкалась в седло Белы. Лошадям нельзя доверять, даже Беле, пусть она и лучше прочих. — Это значит, что выросли наши шансы прожить достаточно долго, чтобы выручить Эгвейн. Если нам повезет, то после того, что мы собираемся сделать, она, несомненно, пожелает убить нас собственноручно.

Аделорна Бастине бежала по коридорам Белой Башни. В кои-то веки она жалела об обостренности чувств, которой наделяет прикосновение к Истинному Источнику. Запахи казались ей отчетливее и резче, однако сейчас она чувствовала только горящее дерево и умирающую плоть. Цвета представлялись еще насыщенней, но Аделорна видела только опаленные шрамы изломанного камня там, куда ударяли огненные плети и шары. Звуки казались чересчур резкими и пронзительными, но она слышала только вопли, проклятья и хриплые крики тех жутких летающих тварей.

Тяжело и прерывисто дыша, Аделорна пробиралась по утопавшему во мраке переходу, пока не добралась до пересечения коридоров. Остановившись, она прижала руку к груди. Нужно найти тех, кто ведет бой, кто еще сопротивляется. О Свет,

не могли же они все умереть? Несколько Зеленых сестер стояли вместе с ней и сражались. Она видела, как погибла Джосейн, когда стену рядом с нею уничтожило плетение Земли, видела, как захватили Мартеру, надев ей на шею какую-то металлическую привязь. Аделорна не знала, где ее Стражи. Один ранен. Другой жив. Последний… о нем она не хотела думать. Да ниспошлет Свет, чтобы вскоре она сумела добраться хотя бы до раненого Талрика.

Она заставила себя подняться на ноги и стерла кровь со лба, рассеченного отлетевшим осколком камня. Нападавших было так много — солдаты в этих своих причудливых шлемах и с женщинами, которых использовали как оружие. И они были умелы в своих смертоносных плетениях! Аделорна почувствовала стыд. Вот уж поистине Боевая Айя! Зеленые, и она с ними, выстояли всего несколько минут, прежде чем были разбиты наголову.

С трудом переводя дыхание, она продолжила свой путь. Зеленая сестра держалась подальше от проходов вдоль внешней стены Башни, где с большей вероятностью можно было нарваться на захватчиков. Отстали ли те, кто ее преследовал? И где вообще она находится? На двадцать втором

этаже? Пока Аделорна бежала сломя голову по лестничным пролетам и переходам, она потеряла им счет.

Айз Седай замерла, почувствовав, что где-то справа от нее направляют Силу. Это могли быть нападавшие, но могли быть и сестры. Она замешкалась, но затем стиснула зубы. Она же — капитан-генерал Зеленой Айя! Она не может лишь бегать и прятаться.

В коридоре, вызвавшем у нее подозрения, стало светло от пламени факелов — колеблющиеся отсветы сопровождали зловещие тени людей в причудливых доспехах. Из-за угла выскочил отряд тех, кто напал на Башню, и с ними была пара женщин, соединенных между собой странной привязью. Невольно Аделорна взвизгнула, метнувшись прочь так быстро, как только ее могли нести ноги. Зеленая сестра почувствовала на себе давление щита, но она цепко держалась за саидар и успела обогнуть угол прежде, чем щит успели полностью поставить. Ошеломленная, задыхающаяся, Айз Седай продолжила бегство.

Свернув за очередной угол, Аделорна чуть не вывалилась в пролом, что зиял во внешней стене Башни. Глядя в небо, полное жутких чудовищ и расчерченное огненными линиями, она едва

удержала равновесие на краю торчащего над пропастью выступа. С воплем женщина попятилась, отворачиваясь от дыры. Справа высилась груда щебня. Она вскарабкалась на кучу обломков — коридор продолжался дальше! Ей нужно…

Между ней и Источником возник щит и на сей раз намертво встал на место. Аделорна охнула, падая на пол. Ее не поймают! Ее не могут поймать! Только не так!

Она попыталась убежать, но петля Воздуха затянулась вокруг лодыжки и поволокла ее по разбитым плиткам пола. Нет! Ее тащило прямо к группе солдат, которых сопровождали теперь две пары соединенных привязями женщин. В этих парах одна из женщин была в сером платье, тогда как на второй платье было красно-синим, украшенным изображением молнии.

К лежащей Айз Седай приблизилась третья женщина в красно-синем наряде, она держала в руках нечто серебристое. Не желая верить происходящему, Аделорна в ужасе закричала и попыталась отпихнуть щит. Подойдя к ней, женщина в красно-синем платье спокойно опустилась на колени и защелкнула на Аделорне серебристый ошейник.

Этого не должно было случиться. Этого не мог-

ло случиться.

— Ах, очень мило, — произнесла женщина, необычно растягивая слова. — Меня зовут Грегана, а ты будешь Сиви. Сиви будет хорошей дамани. Я это знаю. Как долго ждала я этого момента, Сиви.

— Нет, — прошептала Аделорна.

— Да, — широко улыбнулась Грегана.

Затем, совершенно неожиданно, ошейник на Аделорне расстегнулся и упал на пол. Какое-то мгновение Грегана выглядела ошеломленной, а потом ее поглотило пламя.

Аделорна, широко раскрыв глаза, отпрянула от внезапно ударившей волны жара. Дымящийся и воняющий обгорелой плотью труп в почерневшем красно-синем платье рухнул перед ней на пол. Именно в этот миг Аделорна почувствовала, что где-то позади нее направляют поток Силы невероятной мощи.

Захватчики разразились криками, а женщины в сером принялись плести щиты. Как оказалось, это было неверным решением, ибо ошейники на обеих женщинах расстегнулись, а перекрученные струи Воздуха с невероятной быстротой сорвали их прочь. Спустя всего одно биение сердца одна из женщин в красно-синем исчезла

во вспышке молнии, а другую охватили языки пламени, подобные жалящим змеям. Она завопила, сгорая заживо, и один из солдат что-то заорал. Наверное, то был приказ к отступлению, потому что остальные побежали прочь, бросив двух перепуганных женщин, освобожденных от ошейников прядями Воздуха.

Аделорна поспешно обернулась. Невдалеке, на груде битого камня, стояла женщина в белом. Ее окружала впечатляющая аура Силы, глаза сверкали, а рука была вытянута в сторону убегающих солдат. Женщина была подобна самому мщению, и мощь саидар бушевала вокруг нее. Казалось, светился сам воздух, и ее каштановые волосы развевались на ветру, что задувал из пролома в стене рядом. Эгвейн ал'Вир.

— Быстро, — сказала Эгвейн.

Несколько послушниц перелезли через кучу каменных обломков и, подбежав к Аделорне, помогли ей подняться. Она встала, пораженная. Она была свободна! Другие послушниц поспешили к двум избавленным от привязей женщинам в сером, которые, как ни странно, так и стояли на коленях. Они могли направлять Силу — Аделорна это чувствовала. Так почему же они не ударили в ответ? Наоборот, они, похоже, плакали.

— Поместите их с остальными, — велела Эгвейн, перешагнула через каменное крошево и выглянула в пролом в стене Башни. — Я хочу…

Эгвейн замерла, а затем подняла руки.

Неожиданно вокруг нее взвихрились новые плетения. О Свет! Разве у нее в руках не са'ангриал Воры — белый ребристый жезл? Откуда у Эгвейн это? С раскрытых ладоней Эгвейн слетели молнии и стремительно унеслись в пролом. В ночи раздался противный визг, и снаружи что-то упало. Аделорна, обнимая Источник, шагнула к Эгвейн. Зеленая сестра чувствовала себя дурой из-за того, что позволила себя поймать. Эгвейн же вновь нанесла удар, и еще один летающий монстр рухнул наземь.

— А если на них увозят пленниц? — спросила Аделорна, глядя, как, объятое пламенем Эгвейн, падает одно из крылатых чудищ.

— Смерть для плененных — лучший исход, — промолвила Эгвейн, повернув к ней голову. — Поверь мне. Я знаю. — Она повернулась к остальным девушкам и сказала: — Отойдите все от пролома. Эти вспышки могли привлечь внимание. Шанал и Клара — следите за брешью с безопасного расстояния. Бегите к нам, если здесь опустится то'ракен. Сами их не атакуйте.

Две девушки кивнули и устроились за грудой каменных обломков. Остальные послушницы поспешили прочь, уводя с собой двух незнакомых женщин, брошенных захватчиками. За ними, как военачальник на поле битвы, шагала Эгвейн. И похоже, так оно и было. Аделорна поспешила подойти к ней.

— Что ж, — начала Зеленая сестра. — Ты хорошо сумела тут все организовать, Эгвейн, хотя было бы лучше, чтобы Айз…

Эгвейн остановилась. Ее взгляд был таким спокойным, таким уверенным.

— Я тут командую, пока не минует угроза. И ты будешь обращаться ко мне «мать». Накажешь меня позже, если нужно, но сейчас моя власть должна быть бесспорна. Понятно?

— Да, мать, — вымолвила Аделорна и сама была поражена тем, что сказала.

— Хорошо. Где твои Стражи?

— Один ранен, — ответила Аделорна. — С ним и второй, они в безопасном месте. Один мертв.

— О Свет, женщина, и ты все же выстояла?

Аделорна распрямила спину:

— А какой у меня был выбор?

Эгвейн кивнула. Почему ее уважительный взгляд заставил Аделорну раздуться от гордости?

— Что ж, я рада, что ты у меня есть, — сказала Эгвейн и двинулась дальше. — Мы спасли всего шесть Айз Седай — ни одной Зеленой, и нам сложно удерживать шончан на восточных лестницах. Я скажу одной из послушниц показать тебе, как расстегивать ошейники, но лучше не рискуй. В общем-то, проще и гораздо безопаснее убивать дамани. Насколько ты знакома с хранилищами ангриалов в Башне?

— Хорошо, — ответила Аделорна.

— Превосходно, — заметила Эгвейн, рассеянно плетя такое сложное плетение, какого Аделорна еще не видела. Светящаяся линия рассекла воздух, затем раскрылась в проем, ведущий в темноту. — Люкайн, беги скажи остальным, чтобы держались. Скоро я принесу еще ангриалов.

Темноволосая послушница кивнула и унеслась прочь. Аделорна все еще пялилась на дыру в воздухе.

— Перемещение, — бесцветным голосом произнесла она. — Ты и вправду вновь открыла это умение. Я думала, что все донесения — только слухи о желаемом.

Эгвейн посмотрела на нее.

— Я бы никогда тебе его не показала, если бы не получила известие, что Элайда уже распро-

страняет знание этого плетения. Теперь шила в мешке не утаишь, и о Перемещении узнали многие. А это значит, что им отныне, скорее всего, владеют и шончан, если они захватили хоть одну женщину, с кем поделилась сведениями о Перемещении Элайда.

— Мат-терино молоко!

— Именно. — Глаза Эгвейн были подобны льду. — Мы должны остановить их и уничтожить всех то'ракенов, которых увидим, — с пленницами или без них. Мы обязаны использовать любой шанс, чтобы не позволить им вернуться в Эбу Дар с кем-то, кому известно Перемещение.

Аделорна кивнула.

— Идем, — сказала Эгвейн. — Мне нужно знать, какие из предметов в этом хранилище — ангриалы.

И девушка шагнула через переходные врата.

Аделорна стояла, ошеломленная, по-прежнему раздумывая над услышанным.

— Ты могла бежать, — промолвила она. — Ты могла сбежать в любое время.

Эгвейн обернулась, глядя на нее с той стороны врат.

— Сбежать? — переспросила она. — Аделорна, если бы я ушла, то тогда я бы не сбежала, а броси-

ла бы вас. Я — Престол Амерлин. Мое место здесь. Уверена, ты слыхала, что об этом нападении мне стало известно благодаря Сновидению.

Аделорна похолодела. Да, об этом она слышала.

— Идем, — повторила Эгвейн. — Нужно торопиться. Это всего лишь налет — они хотят захватить как можно больше женщин, способных направлять Силу, и удрать с ними. Я намерена сделать так, чтобы они потеряли больше дамани, чем захватят Айз Седай.

Глава 41
Источник Силы

Что ж, повяжите мне на лицо платок и зовите айильцем, — произнес один из солдат Брина, опускаясь рядом с ним на колени на носу узенькой лодки. — Она и вправду тут есть.

Гавин скорчился на носу своей лодки, и темная вода плескала и рябила возле бортов. Чтобы вместить весь отряд, понадобилось тринадцать лодок, которые и были без суеты и шума спущены на воду — во всяком случае, после того, как Суан Санчей, осмотрев суденышки, сочла, что плыть на них можно. С грехом пополам.

Каждая лодка несла один — потайной — фонарь. Гавину едва удавалось различить во мраке остальные плоскодонки, скользившие по черной воде; гребя практически в полной тишине, солдаты подвели их к облицованной камнем набережной на юго-западной стороне Тар Валона. Вспышки света в небе мешали сосредоточиться, и Гавин ловил себя на том, что постоянно поглядывает вверх, на змееподобных чудовищ, которых на миг вырывали из темноты холодные белые

сполохи или жаркое багровое пламя.

Казалось, горит сама Белая Башня. Ее очертания на фоне неба выглядели устрашающе — белые стены и красное пламя, очерчивающее ее силуэт. Дым клубами поднимался к затянувшим небо полуночным облакам, во многих окнах Башни сверкали огненные вспышки, а отблески у основания указывали, что близлежащие здания и деревья тоже горят.

Солдаты втащили весла в лодку, и та ловко скользнула рядом с плоскодонкой Брина, проплывая под нависающим над рекой выступом древней каменной кладки. Камень закрыл от Гавина картину яростной битвы, хотя до его слуха по-прежнему доносились раскаты взрывов и напоминающий отдаленный дождь перестук каменных обломков по булыжной мостовой.

Гавин приподнял фонарь, рискнув выпустить из-за заслонки лишь тонкий лучик света. При таком освещении он сумел разглядеть то, что видели солдаты Брина. Остров Тар Валон был окружен валами, возведенными еще огирами и изначально являвшимися частью самого города. Облицованные камнем, валы предохраняли остров от размывания рекой. Подобно большинству огирских творений, валы были прекрасны. Здесь

камень образовывал в пяти или шести футах над водой выступ в виде дуги, и свод походил на пенный гребень набегающей на берег волны. В приглушенном свете фонаря Гавина внутренняя сторона каменной кладки выглядела настолько реалистично, что было сложно сказать, где заканчивается мастерски обработанный камень и начинается река.

За одной из таких волн из камня пряталась расселина, которую почти невозможно было заметить даже вблизи. Солдаты Брина направили лодку в узкую щель, с боков и сверху окруженную камнем. Потом туда вплыла лодка Суан, и Гавин знаком приказал своим гребцам последовать за ней. Расщелина превратилась в очень узкий туннель, очутившись в котором Гавин, по примеру двигавшихся впереди Суан и Брина, наконец-то смог побольше приоткрыть заслонку фонаря. По обе стороны на обросших лишайником стенах туннеля темнели многочисленные полосы, оставленные водой за долгие века и свидетельствующие о том, какого уровня достигала в разные годы река. Судя по всему, немалую часть времени этот проход полностью находился под водой.

— Скорее всего, проход сделали для рабочих. —

Тихий голос Брина эхом раскатился в сыром туннеле. Под сводами много громче раздавались скрип уключин и шорох весел, равно как и отдаленный шум падающих капель и плеск реки о камни. — Для ремонта и ухода за кладкой валов.

— Мне плевать, зачем его построили, — сказала Суан. — Я просто рада, что он тут есть. И оскорблена тем, что не знала о туннеле раньше. Одним из преимуществ Тар Валона всегда было то, что мосты обеспечивают его безопасность. Можно отследить, кто приходит и кто уходит.

Брин негромко хмыкнул, и эхо пробежало по туннелю.

— В таком огромном городе, Суан, за всем уследить невозможно. Взять те же мосты — в некотором смысле они внушают тебе ложное чувство успокоенности, иллюзию того, что у тебя все под контролем. Уверен, для армии захватчиков этот город неприступен — но в таком месте, вроде как наглухо закрытом, все равно сыщется с дюжину дыр, через которые внутрь пролезет немало блох.

Суан молчала. Гавин, чтобы успокоиться, старательно дышал ровно. Во всяком случае, он наконец-то делает хоть что-то, чтобы помочь Эгвейн. На это потребовалось гораздо больше

времени, чем ему бы хотелось. Да ниспошлет Свет, чтобы успеть вовремя!

Туннель дрогнул из-за отдаленного взрыва. Гавин оглянулся через плечо на остальные десять лодок, где сидели полные тревожного ожидания солдаты. Они направлялись прямо в гущу сражения, где обе противоборствующие стороны были сильнее их, и у обеих вряд ли нашлось бы много причин обрадоваться их появлению, и к тому же оба противника применяли Единую Силу. Нужно быть человеком особого склада, чтобы решиться выйти против врага, обладающего столь значительным превосходством.

— Здесь, — произнес Брин, казавшийся в слабом свете лишь нечетким силуэтом. Он поднял руку, давая знак двигавшимся цепочкой лодкам остановиться. Справа от туннеля вверх уходил проход, рядом с которым в воду выдавался каменный выступ — причал со ступенями. Сам же водный туннель тянулся дальше.

Чуть пригнувшись, Брин встал, шагнул через борт на выступ и привязал швартовый конец лодки к тумбе на причале. Солдаты последовали за ним на причал — у каждого в руках был небольшой коричневый сверток. Что в них? Гавин не заметил, как свертки грузили в лодки. Когда

последний солдат из его лодки сошел на берег, Брин подтолкнул плоскодонку дальше и отдал буксирный трос солдату в лодке Суан. Действуя так же, солдаты, высаживаясь из лодок, будут привязывать каждую следующую лодку к той, что находится перед ней. Последний, кто ступит на твердую землю, привяжет свое суденышко к причальной тумбе, и все лодки будут закреплены вместе и никуда не денутся.

Когда пришел его черед, Гавин ступил на каменный выступ и взбежал по ступенькам, которые выводили в узкий переулок. Скорее всего, об этом проходе в город давным-давно все позабыли, за исключением разве что нескольких попрошаек, нашедших здесь для себя прибежище. В глубине переулка солдаты уже вязали нескольких таких горемык. Гавин поморщился, но ничего не сказал. Вероятнее всего, нищие готовы продать имеющиеся у них сведения любому, кто захочет услышать их секреты. А за новость о сотне солдат, тайно проникших в Тар Валон, гвардия Башни явно не пожалеет и золотой монеты.

Брин стоял рядом с Суан в начале переулка и внимательно осматривал улицу. Гавин, положив руку на меч, присоединился к ним. Улицы были пусты. Без сомнения, горожане попрятались по

домам и, наверное, молились о том, чтобы налет побыстрее закончился.

Солдаты собрались в переулке. Брин тихо отдал приказ, и несколько человек отправились охранять лодки. Затем остальные развернули мягкие коричневые свертки, что Гавин заметил раньше, и достали сложенные белые короткие плащи-табары. Потом все надели их через голову и перетянули на поясе. На коротких плащах-накидках красовалась эмблема Пламени Тар Валона.

Гавин тихонько присвистнул, а вот Суан встала подбоченясь, всем своим видом выражая негодование.

— Откуда ты их взял?

— Их сшили женщины из внешнего лагеря, — ответил Брин. — Никогда не помешает иметь под рукой несколько комплектов форменной одежды врага.

— Это неподобающе, — заявила Суан, складывая руки на груди. — Служба в гвардии Башни — священный долг. Они…

— Они твои враги, Суан, — сурово произнес Брин. — Пока, во всяком случае. А ты больше не Амерлин.

Суан смерила его взглядом, но язык придержа-

ла. Брин оглядел солдат и одобрительно кивнул:

— Вблизи этот маскарад никого не одурачит, но издалека должно сойти. На улицу — и стройтесь. Быстро двигайтесь к Башне, словно вы торопитесь на подмогу. Суан, шар-другой света дополнили бы маскировку — если нас увидят с Айз Седай во главе, то скорее предположат именно то, что мы и хотим.

Она фыркнула, но сделала так, как он просил, — создала две светящиеся сферы и подвесила их в воздухе возле своей головы. Брин отдал команду, и весь отряд высыпал из переулка и построился. Гавин, Суан и Брин заняли места впереди — Гавин и генерал шли перед Суан, словно бы они были Стражами, — и все бегом двинулись по улице.

В целом маскировка была очень даже хороша. С первого взгляда Гавин и сам бы на нее купился. Что может быть естественнее, чем отряд гвардейцев Башни, совершающий марш к месту нападения и сопровождаемый Айз Седай и ее Стражами? Уж наверняка это гораздо лучше, чем пытаться переулками незаметно провести через город сотню человек.

Приблизившись к территории собственно Башни, отряд Брина оказался в кошмаре. В уносящемся ввысь дыму отражались отсветы пожаров,

а сам он окутывал Башню зловещим багровым туманом. В стенах некогда величественного сооружения зияло множество щербин и проломов, в некоторых из них пылал огонь. В воздухе царили ракены, они кружили вокруг Башни, то камнем устремляясь вниз, то взмывая ввысь — подобно чайкам, описывающим круги над мертвым китом среди волн. Вопли и крики наполняли воздух, а от густого едкого дыма у Гавина запершило в горле.

Подойдя ближе к Башне, солдаты Брина сбавили шаг. Похоже, бой с налетчиками идет главным образом на двух участках. У основания Башни, возле двух ее боковых крыльев, мелькали вспышки света. Участок вокруг был усеян мертвыми телами и ранеными. И наверху, ближе к средним уровням Башни, из брешей в стене в нападающих летели огненные шары и молнии. В остальном Башня казалась мертвой и тихой, хотя, несомненно, сражение шло и в ее коридорах.

Группа остановилась возле железных ворот, ведущих на территорию самой Башни. Створки были распахнуты, охраны не было. Зловещий знак.

— Что теперь? — прошептал Гавин.

— Найдем Эгвейн, — ответила Суан. — Начнем

с основания, затем пойдем в подвалы. Сегодня утром она была заперта где-то в подземелье, и, возможно, там мы и должны искать ее в первую очередь.

Мелкие осколки камня дождем посыпались с потолка на стол, когда Белая Башня содрогнулась от очередного взрыва. Саэрин выругалась про себя, смахнула каменную крошку со столешницы, после чего развернула широкий лоскут пергамента и придавила его углы обломками изразцовых плиток.

В комнате вокруг нее царил настоящий хаос. Они находились на первом этаже, в переднем приемном зале — просторном квадратном покое, расположенном там, где восточное крыло соединялось с самой Башней. Гвардейцы Башни отодвинули в сторону столы, освободив место для проходящих отрядов. Айз Седай осторожно выглядывали в окна, наблюдая за небом. Стражи расхаживали по залу, точно посаженные в клетки звери. Как им бороться с летающими чудищами? Здесь для Стражей самое место — охранять опорный пункт, откуда руководят боевыми действиями. Каким бы он ни был. Саэрин только что сюда прибыла.

К ней бросилась сестра в зеленом платье — Мо-

радри, длиннорукая и длинноногая темнокожая майенка. За ней следовали два статных Стража, тоже майенцев. По слухам, это были ее братья, явившиеся в Белую Башню, чтобы защитить свою сестру, однако на эту тему Морадри предпочитала не распространяться.

Саэрин спросила у нее:

— Сколько?

— На первом этаже — по меньшей мере сорок семь сестер, — ответила Морадри. — Из разных Айя. Это наиболее точные сведения, что мне удалось собрать, так как сражаются они маленькими группами. Я сказала им, что здесь мы организуем официальный командный пункт. Кажется, большинство сочли, что идея хорошая, но очень многие слишком устали либо были оглушены или в сильном потрясении, чтобы мне ответить, так что просто кивали.

— Отметь их расположение на карте, — попросила Саэрин. — Ты нашла Элайду?

Морадри покачала головой.

— Проклятье, — пробормотала Саэрин, когда Башня снова вздрогнула. — Что с восседающими от Зеленых?

— Я никого не нашла, — сказала Морадри и глянула через плечо, очевидно стремясь вернуться

к битве.

— Жаль, — промолвила Саэрин. — Вообще-то, они себя называли Боевой Айя. Что ж, значит, придется мне организовывать сражение.

Морадри пожала плечами:

— Наверное. — Она снова оглянулась через плечо.

Саэрин смерила взглядом Зеленую сестру и постучала пальцем по карте.

— Отметь местонахождение сестер, Морадри. Скоро ты вернешься в бой, но сейчас твои сведения важнее.

Зеленая сестра вздохнула, но принялась быстро делать пометки на карте. Пока она работала, Саэрин увидела входящего в зал капитана Чубейна и обрадовалась. Для своих сорока с чем-то зим мужчина выглядел молодо, без единой сединки в черных волосах. У него было слишком красивое лицо, отчего некоторые даже были склонны с пренебрежением относиться к его способностям; Саэрин не раз слышала, какое унижение доводилось испытывать таким мужчинам от меча Чубейна в ответ на нанесенное ему оскорбление.

— Ага, хорошо! — произнесла Саэрин при виде командира гвардейцев Башни. — Наконец хоть что-то хорошее. Капитан, сюда, прошу вас.

Тот двинулся к ней, прихрамывая и оберегая левую ногу. Белый плащ-табар Чубейна, накинутый поверх кольчуги, был опален; лицо его было испачкано сажей.

— Саэрин Седай, — с поклоном приветствовал он ее.

— Вы ранены.

— В такой битве это несущественная рана, Айз Седай.

— Как бы там ни было — позаботьтесь, чтобы вас Исцелили, — приказала Саэрин. — Нелепо, что капитан нашей гвардии рискует погибнуть из-за «несущественной» раны. Если вы из-за нее оступитесь на миг, мы можем вас потерять.

Мужчина подошел ближе и заговорил тихим голосом:

— Саэрин Седай, гвардия Башни практически бесполезна в таком сражении. Пока шончан используют этих… жутких женщин, мы не можем до них добраться — нас либо разорвут на куски, либо сожгут дотла.

— Значит, вам нужно сменить тактику, капитан, — твердым тоном заявила Саэрин. О Свет, ну что за неразбериха! — Прикажите своим людям взяться за луки. Не рискуйте — не приближайтесь к врагу, который направляет Силу. Стреляйте

издалека. Одна-единственная стрела способна изменить ход битвы в нашу пользу; мы превосходим их солдат числом.

— Да, Айз Седай.

— Как могла бы сказать Белая — это простая логика, — заявила она. — Капитан, сейчас самая важная задача — организация командного пункта. Айз Седай и солдаты действуют разрозненно, без всякого руководства и похожи на крыс перед волками. Нам необходимо сплотиться.

О чем она не упомянула, так это о том, в каком затруднении находилась сама. Айз Седай веками наставляли королей и оказывали влияние на ход войн, но сейчас — когда напали на их святая святых — они проявили достойную сожаления некомпетентность, пытаясь ее оборонять.

«Эгвейн была права, — подумала Саэрин. — Не только в том, что предсказала нападение, но и в том, что бранила нас за отсутствие единства и сплоченности».

Саэрин не требовались отчеты Морадри или разведчиков — она и так знала, что каждая Айя сражается в этой битве обособленно.

— Капитан, — продолжила она, — Морадри Седай отмечает на карте очаги сопротивления. Спросите у нее, какие Айя представлены в каж-

дой группе, — у нее превосходная память, и она сможет рассказать вам все в подробностях. Пошлите от моего имени гонцов ко всем группам Желтых или Коричневых сестер. Прикажите им присылать донесения сюда, в этот зал. Затем пошлите гонцов к остальным группам и скажите им, что мы собираемся направить к ним сестру из Коричневой или Желтой Айя, чтобы она помогла им с Исцелением. Здесь также будет группа сестер, которые станут заниматься Исцелением. О каждом раненом необходимо немедленно докладывать сюда.

Чубейн отсалютовал.

— О, вот еще, — добавила она. — Отправьте кого-нибудь наружу, чтобы посмотреть, где наверху находятся основные бреши. Нам нужно знать, где нападавшие проникли глубже всего.

— Айз Седай… — произнес он. — Участок вокруг Башни — очень опасен. Те летуны наверху швыряют огнем в любого, кого заметят.

— Тогда пошлите тех, кто умеет передвигаться незаметно, — прорычала она.

— Да, Айз Седай. Мы…

— Это настоящая катастрофа! — раздался злой выкрик.

Саэрин повернулась на голос и увидела, как в

зал входят четыре Красные сестры. Белое платье у Нотэши было залито слева кровью, и даже если кровь была ее собственной, то саму женщину уже Исцелили. Густые и длинные черные волосы Кэтрин оказались растрепаны и присыпаны мелкой каменной крошкой. Платья на двух других женщинах были изорваны, а лица их были перепачканы пеплом.

— Как посмели они ударить сюда! — продолжила Кэтрин, пересекая комнату.

Солдаты шарахались от нее, освобождая дорогу, а несколько наименее влиятельных сестер, что собрались тут по приказу Саэрин, вдруг вспомнили, что у них есть дела поближе к углам комнаты. Прозвучали отдаленные взрывы, которые походили на хлопки фейерверков во время представления иллюминаторов.

— Очевидно, они посмели потому, что у них есть для этого средства и желание, — ответила Саэрин, пытаясь справиться со своим раздражением и успокоиться. Удалось ей это с трудом. — Как видно, удар оказался на удивление успешным.

— Ладно, беру командование на себя, — прорычала Кэтрин. — Надо очистить Башню и уничтожить всех нападавших, до единого!

— Ты не примешь командования, — твердо

заявила Саэрин. Невыносимая женщина! Спокойствие, только спокойствие. — И в наступление мы переходить не станем.

— И ты посмеешь меня остановить? — взъярилась Кэтрин, и вокруг нее вспыхнуло сияние саидар. — Ты, *Коричневая*?

Саэрин приподняла бровь:

— С каких пор, Кэтрин, наставница послушниц превосходит восседающую в Совете?

Лицо Саэрин на миг исказила гримаса.

— Эгвейн ал'Вир предсказала это, — сказала Коричневая восседающая. — Следовательно, можно предположить, что и другие ее рассказы о шончан верны. Шончан захватывают женщин, которые способны направлять Силу, и используют их как оружие. У них нет войск на земле; все равно было бы почти невозможно провести их в такую даль через враждебные земли. А значит, это налет, и его цель — пленить как можно больше сестер. Для налета битва слишком затянулась, но, возможно, потому, что мы оказали слабое сопротивление и они решили, что у них есть еще время. В любом случае нам нужно создать единый фронт и удержать позиции. Как только шончан получат достойный отпор, они отступят. Мы не в том положении, чтобы «очистить Баш-

ню» и прогнать их силой.

Обдумывая услышанное, Кэтрин медлила с ответом. Снаружи прогремел еще один взрыв.

— Откуда это-то доносится? — раздраженно вопросила Саэрин. — Неужели им мало тех дыр, что они уже понаделали?

— Это было направлено не на Башню, Саэрин Седай! — выкрикнул один из солдат — он стоял в дверях, которые выходили в сад.

«Он прав, — поняла Саэрин. — Башня ведь не содрогнулась. И в прошлый раз, кстати, тоже».

— Кого они обстреливают? Людей внизу?

— Нет, Айз Седай! — ответил гвардеец. — По-моему, огненный шар вылетел изнутри самой Башни. Откуда-то с верхних этажей, и целили по летающим тварям.

— Что ж, по крайней мере, хоть кто-то еще бьет в ответ, — произнесла Саэрин. — Откуда его выпустили?

— Я не видел, — отозвался солдат, по-прежнему всматриваясь в небо. — О Свет, вот еще один летит! И еще!

Красно-желтые вспышки отразились от клубов дыма наверху, озарив сад светом, едва различимым сквозь дверь и окна. Ракен испустил крик боли.

— Саэрин Седай! — окликнул ее капитан Чубейн, поворачиваясь от группы раненых солдат. Саэрин не заметила, как они появились, — ее внимание было отвлечено Кэтрин. — Вот эти спустились с верхних этажей. Похоже, там есть второй опорный пункт обороны, и действуют там весьма успешно. Шончан прекращают свои атаки внизу и сосредотачиваются на нем.

— Где? — оживившись, спросила Саэрин. — Где точно?

— На двадцать втором уровне, Айз Седай. Северо-восточная часть.

— Что? — переспросила Кэтрин. — Апартаменты Коричневой Айя?

Нет. Так было раньше. А теперь, когда коридоры Башни поменялись местами, в этой части Башни были…

— Комнаты послушниц? — произнесла Саэрин. Это казалось еще более нелепым. — Да как же, ради всего… — Она умолкла, и ее глаза слегка округлились. — Эгвейн.

Каждый безликий шончанин, которого поражала Эгвейн, перед ее внутренним взором представал Ринной. Девушка стояла в проломе, зиявшем в боковой стене Башни, и ветер дергал ее за подол белого платья, трепал волосы и завы-

вал в унисон ее ярости.

Однако гнев ее не был неконтролируемым. Он был холоден, подвергнут перегонке и отмерен. Башня горела. Эгвейн это Предсказала, это предстало ей в Сновидении, однако реальность оказалась гораздо хуже ее опасений. Если бы Элайда подготовилась к неминуемому, то ущерб был бы намного меньше. Но нет смысла желать того, что не случилось.

Вместо того чтобы сокрушаться и жалеть о несбывшемся, Эгвейн нашла, на что направить свой гнев — гнев справедливости, ярость Амерлин. Она сбивала одного то'ракена за другим. Эти летающие твари были куда менее поворотливыми, чем их крылатые собратья помельче. К этому времени она сбила, должно быть, уже с дюжину и ее действия привлекли внимание находившихся возле Башни врагов. Внизу сражение затихало, и все свои силы налетчики стягивали теперь против Эгвейн. Послушницы бились со штурмовыми отрядами шончан на лестницах, тесня их обратно. То'ракены носились в воздухе и кружили вокруг Башни, пытаясь одолеть Эгвейн с помощью щитов или огненных взрывов. Более мелкие ракены то и дело пролетали рядом, и с их спин в нее пускали стрелы арбалетчики.

Но она была резервуаром, источником Силы, черпая ее из глубины с помощью ребристого жезла в руках и направляя через группу послушниц и принятых, укрывшихся в комнате позади и соединенных с нею в круг. Эгвейн была частью того огня, что горел повсюду в Башне, отбрасывая на небеса кровавые отсветы пламени и раскрашивая воздух дымом. Казалось, она вовсе не существо из плоти и крови, а сгусток чистейшей Силы, вершащей правосудие над теми, кто осмелился принести войну в саму Башню. Вспышки молний низвергались с неба, а облака вскипали вокруг. Ее руки метали огонь.

Вероятно, Эгвейн следовало опасаться, что она нарушает Три клятвы. Но она не боялась. Это была битва, в которой нужно сражаться, и она не жаждала нести смерть — хотя, возможно, ее гнев на сул'дам подталкивал ее к этому. Солдаты и дамани были только несчастными жертвами.

Белая Башня, священное обиталище Айз Седай, подвергалась нападению. Опасность угрожала всем Айз Седай — и опасность много бóльшая, чем смерть. Те серебристые ошейники сулили нечто гораздо худшее, чем смерть. Эгвейн защищала себя и каждую женщину в Башне.

Она заставит шончан отступить.

Щит за щитом пытались отсечь ее от источника, но эти попытки подобны были стараниям детских рук остановить ревущий поток водопада. Ее, обладающую такой мощью, способен был остановить разве что полный круг, но шончан не использовали круги; этого не позволяли ошейники-ай'дам.

Нападавшие готовили плетения, чтобы поразить ее, но всякий раз Эгвейн первой наносила удар — или отклоняла огненные шары воздушным потоком, или попросту сбивала то'ракена, на котором сидели женщины, пытавшиеся ее убить.

Сколько-то чудовищ улетело в ночь, унося пленниц. Эгвейн поразила тех, кого смогла, но в налете участвовало очень много то'ракенов. Некоторым удастся уйти. И сестры станут пленницами.

В каждой руке девушка сформировала по огненному шару и сбила еще одно чудовище, подлетевшее слишком близко. Да, некоторые уйдут. Но дорого за это заплатят. Это была еще одна ее цель. Она должна позаботиться о том, чтобы на Башню больше никогда не нападали.

Этот налет должен им обойтись очень дорого.

— Брин! Наверху!

Увернувшись, Гарет упал на бок и с ворчанием откатился в сторону — после удара о булыжную мостовую края кирасы чувствительно врезались в живот и бока. Что-то тяжелое пронеслось прямо над ним и шумно рухнуло наземь. Привстав на одно колено, он увидел горящего ракена, который шмякнулся на мостовую на том самом месте, где он только что стоял. Наездник — уже убитый огненным шаром, что поразил ракена, — свалился со своего животного и походил на тряпичную куклу. Все еще дымящаяся туша чудища неподвижной грудой замерла у стены Башни. Наездник лежал там же, где упал, а его шлем, подпрыгивая, укатился в темноту. У трупа недоставало одного сапога.

Брин поднялся на ноги и вытащил поясной нож — меч он выронил при падении. Он крутанулся на месте, высматривая новую опасность. Чего-чего, а опасностей вокруг хватало. То и дело вниз устремлялись ракены — и крупные, и помельче, — хотя бóльшая их часть все же сосредоточенно атаковала Башню наверху. Лужайку перед самой Башней усеивали обломки камня и мертвые тела, последние были в самых жутких позах. Люди Брина сражались с отрядом шончан; налетчики в своих напоминающих насекомых

доспехах высыпали из Башни несколько секунд назад. Знать бы, бежали они от чего-то или же искали, с кем сразиться? Их было там добрых три десятка.

Или же они вышли в этот дворик, чтобы их забрали летающие твари? Как бы там ни было, шончан наткнулись на нежданного врага в лице солдат Брина. Благословение Света, что во вражеском отряде не было никого, способного направлять Силу.

Превосходя противника более чем вдвое, люди Брина должны без особого труда справиться с шончанским отрядом. К несчастью, несколько больших ракенов начали сбрасывать сверху камни и огненные шары на тех, кто проник во внутренний дворик. К тому же дрались эти шончан хорошо. Даже очень хорошо.

Крикнув своим людям не отступать, Брин поискал взглядом меч. Рядом с упавшим оружием Брина стоял Гавин — он-то и предупредил генерала об опасности, — и сражался одновременно с двумя шончанскими воинами. Чем он думает? На стороне Гавина — превосходство в численности. У него должен был быть напарник с мечом. Он…

Однако Гавин сразил обоих шончанских солдат одним плавным движением. Что это было

— неужели «Лотос закрывает свой цветок»? Брин никогда не видел, чтобы этот прием использовали столь эффективно сразу против двух противников. Гавин стряхнул кровь с клинка традиционным завершающим росчерком и вложил его в ножны, а потом, ногой подбросив меч Брина, подхватил его на лету. Поймав меч и приняв оборонительную стойку, он настороженно огляделся. Несмотря на атаки сверху, люди Брина удерживали строй. Гавин кивнул Брину и взмахом меча поманил к себе.

Внутренний двор Башни оглашался лязганьем металла о металл, по развороченному газону, освещенному огнями наверху, метались тени. Брин забрал обратно свой меч, а Гавин, весь в напряжении, вновь вытащил из ножен собственный клинок.

— Взгляните туда, — указал он мечом вверх.

Брин прищурился. Возле пролома на одном из верхних этажей что-то происходило. Полагая, что в случае опасности Гавин его предупредит, Брин достал зрительную трубу и навел ее на Башню.

— Клянусь Светом… — прошептал он, всматриваясь в то, что увидел через трубу. В проломе стояла одинокая фигура в белом, однако из-за большого расстояния различить лицо — даже со

зрительной трубой — не удавалось. Но кем бы она ни была, она безусловно наносила шончан громадный урон. Ее руки были подняты вверх, а между ладонями горел огонь, и яркий свет отбрасывал тени на внешнюю стену Башни вокруг нее. Слетая с ее рук чуть ли не беспрерывным потоком, огненные шары сбивали ракенов наземь.

Брин навел зрительную трубу повыше, рассматривая Башню и пытаясь найти другие признаки сопротивления. Он заметил какое-то движение на плоской круглой крыше. Но расстояние было слишком велико, и ему едва удавалось разобрать, что там происходит. Похоже, там будто подняли шесты, и ракены то и дело пикировали к ним и… Что? Всякий раз, как ракен взмывал в воздух, тварь что-то уносила с собой.

«Пленницы, — сообразил Брин, и холодок пробежал у него по спине. — Они отводят захваченных Айз Седай на крышу, связывают их и обматывают веревками, а затем ракен хватает эти веревки и утаскивает женщин за собой». О Свет! Одна из уносимых пленниц попала в его поле зрения. Похоже, ей на голову был наброшен мешок.

— Нам нужно попасть в Башню, — сказал Гавин. — Этот бой только для отвлечения вни-

мания.

— Согласен, — произнес Брин, опуская зрительную трубу. Он глянул в ту сторону дворика, где, как сказала Суан, она будет ждать, пока мужчины не закончат сражаться. Самое время забрать ее и…

Ее не было. Брин испытал потрясение, за которым на него накатил страх. Где она? Если эта женщина позволила себя убить…

Но нет. Он мог чувствовать, что она находится в Башне. И она не ранена. Какая чудесная вещь, эти узы, но он еще не привык к ним. Он должен был заметить, что она ушла! Брин пробежал взором по рядам своих солдат. Шончан сражались хорошо, но теперь явно терпели поражение. Их строй был прорван, они рассеялись и разбегались в разные стороны. Брин громким голосом отдал своим людям приказ не преследовать противника.

— Первое и второе отделения, собрать раненых! Поживее! — велел он. — Перенесите их в сторону. Кто может идти, ступайте прямо к лодкам. — Он поморщился. — А кто не в состоянии идти, тем придется дождаться Айз Седай, которые их Исцелят.

Солдаты кивали. Тяжелораненых оставят в руках врага, но о такой возможности всех пре-

дупредили до того, как отправиться на задание. Вызволить Амерлин было превыше всего прочего.

Некоторые, не дождавшись помощи, умрут от ран. И с этим Брин ничего не мог поделать. Оставалось надеяться, что большинство получат Исцеление от Айз Седай из Белой Башни. За этим излечением последует тюрьма, но иного выбора нет. Отряд должен двигаться быстро, и на переноску раненых на носилках времени не было.

— Третье и четвертое отделения… — начал было Брин и замолчал, когда из Башни появилась знакомая фигура в голубом платье, ведущая за собой девушку в белом. Разумеется, сейчас и сама Суан выглядела лишь немногим старше этой девушки. Иногда Брину не без труда удавалось соотносить ее нынешний облик с внешностью той суровой женщины, которую он встретил много лет назад.

Он повернулся к подошедшей Суан, стараясь скрыть накатившее на него радостное облегчение.

— Кто это? — требовательным тоном спросил он. — Куда ты ходила?

Суан прищелкнула языком, велела послушнице ждать, а потом оттащила Брина в сторонку и

тихим голосом принялась ему говорить:

— Твои солдаты были заняты, и я решила, что самое время разжиться какими-нибудь сведениями. И смею заметить, Гарет Брин, нам нужно будет поработать над тем, как ты себя ведешь. Стражу не подобает так разговаривать со своей Айз Седай.

— Об этом я стану беспокоиться, когда ты будешь вести себя так, словно у тебя в голове, женщина, появилось хоть немного здравого смысла. А если бы ты наткнулась на шончан?

— Тогда бы я оказалась в беде, — заметила она, подбоченясь. — И не в первый раз. Я не могу рисковать — вдруг кто-то из тех Айз Седай увидит меня вместе с тобой или твоими солдатами. Сестер такая нехитрая маскировка не обманет.

— А если тебя узнают? — не отступался Брин. — Суан, эти люди намеревались тебя казнить!

Она фыркнула:

— Да с этим лицом меня и сама Морейн бы не узнала. Женщины в Башне увидят еще одну юную Айз Седай, чья внешность им смутно знакома. К тому же ни на кого из них я не наткнулась. Вот только это дитя мне встретилось.

Суан покосилась на послушницу — девушку с коротко стриженными черными волосами.

Задрав голову, она в смятении глядела на происходящую в небе битву.

— Хашала, подойди сюда, — позвала ее Суан.

Послушница со всех ног подбежала к ним.

— Расскажи этому человеку то, о чем говорила мне, — приказала Суан.

— Да, Айз Седай. — Взволнованная послушница присела в реверансе.

Солдаты Брина окружили Суан почетным караулом, а Гавин встал рядом с Брином. Юноша постоянно окидывал настороженным взором смертоносное небо.

— Амерлин… Эгвейн ал'Вир… — дрожащим голосом произнесла послушница. — Сегодня ее освободили из темницы и позволили вернуться в апартаменты послушниц. Я была внизу, в нижних кухнях, когда началось нападение, так что не знаю, что с ней случилось. Но скорее всего, она где-то на двадцать первом или двадцать втором этаже. Там сейчас расположены комнаты послушниц. — На ее лице промелькнула гримаса. — В эти дни в Башне сущая путаница. Все не там, где должно быть.

Суан встретилась взглядом с Брином.

— Эгвейн давали в больших дозах настой корня вилочника. Она едва способна направлять Си-

лу, — сказала она.

— Нужно до нее добраться! — воскликнул Гавин.

— Разумеется, — заметил Брин, потирая подбородок. — За этим мы и здесь. Полагаю, вместо того, чтобы идти вниз, мы идем вверх.

— Вы здесь, чтобы ее спасти? — В голосе послушницы слышалось оживление.

Брин смерил юную девушку взглядом. «Дитя, как бы мне хотелось, чтобы ты не делала такого вывода». Ему ненавистна была мысль оставить обыкновенную послушницу связанной в самой гуще заварушки. Но нельзя допустить, чтобы она побежала предупредить Айз Седай из Белой Башни.

— Я хочу пойти с вами, — с пылкостью заявила послушница. — Я верна Амерлин. Настоящей Амерлин. Как большинство из нас.

Брин приподнял бровь и взглянул на Суан.

— Пусть идет, — кивнула Айз Седай. — Это самое простое решение.

Она отвела Хашалу в сторонку и начала еще о чем-то расспрашивать девушку.

Брин отвернулся от них — к нему подошел один из его командиров, Вестас.

— Милорд, — энергично заговорил Вестас

низким приглушенным голосом, — раненых осмотрели. Мы потеряли двенадцать человек. Еще пятнадцать ранены, но могут ходить и сейчас направляются к лодкам. Шестеро ранены слишком тяжело и с нами идти не в состоянии. — Он помешкал, потом добавил: — Трое не протянут и часа, милорд.

Брин скрипнул зубами:

— Мы выступаем.

— Я чувствую твою боль, Брин, — обернувшись к нему, сказала Суан. — В чем дело?

— У нас нет времени. Амерлин…

— Минутку еще может и подождать. В чем дело?

— Три человека, — сказал он. — Я вынужден оставить трех человек умирать.

— Нет, если я Исцелю их, — ответила Суан. — Отведите меня к ним.

Больше возражать Брин не стал, хотя еще раз взглянул на небо. Неподалеку от Башни приземлилось несколько ракенов — размытые черные силуэты, подсвеченные мерцающим оранжевым пламенем. Возле них собирались спасшиеся бегством шончан.

«Это была штурмовая группа, которая наносила удар с земли, — подумал Брин. — Они и вправду

отступают. Их налет заканчивается».

А это значило, что у отряда Суан почти не остается времени. Как только шончан уберутся восвояси, в Белой Башне примутся восстанавливать порядок. Им нужно добраться до Эгвейн! Да ниспошлет Свет, чтобы ее не пленили шончан.

Но все же, если Суан хочет Исцелить солдат, — это ее решение. Брин лишь надеялся, что эти три жизни не будут сохранены ценой жизни Амерлин.

Троих тяжелораненых солдат Вестас оставил на краю лужайки, под сенью большого раскидистого дерева. Поручив Гавину собрать и построить отряд, сам Брин прихватил с собой десяток солдат и проводил Суан к раненым. Она опустилась на колени возле первого. Ее умения в Исцелении не были превосходными; еще давно она предупреждала об этом Брина. Но вероятно, она сможет помочь этим троим в достаточной мере, чтобы они остались в живых, пока их не подберут Айз Седай из Белой Башни.

Действовала Суан быстро, и Брин заметил, что она была к себе несправедлива. Похоже, что Исцеляла она довольно искусно. Тем не менее процесс требовал времени. Он прощупывал взглядом дворик и чувствовал, как в душе нарастает тревога.

Хотя на верхних уровнях Башни по-прежнему обменивались ударами, на нижних этажах и вокруг Башни было тихо. Слышались лишь стоны раненых и потрескивание пламени.

«О Свет», — подумал Брин, разглядывая разбросанные обломки камня и скользя взглядом по основанию Башни. Крыша восточного крыла и дальняя стена были уничтожены, и было видно, как внутри дрожит пламя пожара. Внутренний дворик был весь в выбоинах, повсюду громоздились груды щебня. В воздухе висел едкий густой дым. Будет ли у огиров желание вернуться и отремонтировать это величественное здание? Станет ли оно когда-нибудь прежним, или же этим вечером пало то, что казалось вечным? А сам Брин — горд или сожалеет, что стал тому свидетелем?

В темноте рядом с деревом шевельнулась какая-то тень.

В тот же миг Брин, еще не успев ни о чем подумать, развернулся. В нем соединились три вещи: годы тренировок с мечом, отточенные за многие сражения рефлексы бойца и новая, усиленная благодаря узам чувствительность. Все это слилось в одном движении. За одно биение сердца он выхватил из ножен меч и исполнил «Последний удар черной копьеголовки», обрушивая меч

прямо на шею темной фигуры.

Все произошло в тишине. Потрясенная Суан оторвала взгляд от раненого, Исцелением которого она занималась. Меч Брина замер над самым ее плечом, вонзившись в шею шончанского солдата, облаченного в черные-пречерные доспехи. Шончанин молча выронил из руки зловещего вида зазубренный короткий меч, смазанный какой-то вязкой жидкостью. Дернувшись, он потянулся к оружию Брина, будто желая оттолкнуть от себя клинок. На миг его пальцы сомкнулись на запястье Брина.

Потом шончанин завалился на спину, соскальзывая с меча Брина, и упал на землю. Конвульсивно выгнувшись еще раз, он, несмотря на булькающую в горле кровь, отчетливо прошептал:

— Марат… дамани…

— Испепели меня Свет! — выдохнула Суан, прижимая руку к груди. — Что это было?

— Он одет не так, как остальные, — промолвил Брин, качая головой. — Совсем другие доспехи. Какой-то убийца.

— О Свет, — проговорила Суан. — Я его даже не заметила! Он казался едва ли не частью самой тьмы!

Убийцы. Невзирая на различия в культурах разных народов, выглядят такие убийцы всегда одинаково. Брин вложил меч в ножны. Впервые в бою он использовал «Последний удар черной копьеголовки». Простой прием, рассчитанный лишь на одно: на быстроту. Одним плавным движением выхвати меч и ударь в шею. Промахнешься, и ты, скорее всего, мертвец.

— Ты спас мне жизнь, — промолвила Суан, глядя на Брина. Лицо ее скрывали тени. — Клянусь полночным морем, проклятая девчонка оказалась права.

— Кто? — переспросил Брин, настороженно всматриваясь в темноту — не притаились ли там другие убийцы. Повинуясь резкому взмаху руки генерала, его люди опасливо приоткрыли заслонки своих фонарей чуть побольше. Нападение убийцы произошло так быстро, что они едва успели хоть как-то отреагировать на опасность. Если бы Брин не оказался благодаря узам Стража столь проворен…

— Мин, — усталым голосом ответила Суан. Судя по всему, Исцеление отняло у нее много сил. — Она говорила, чтобы я оставалась рядом с тобой. — Она помолчала. — Если бы ты не пошел со мной, этой ночью я бы умерла.

— Ну, — сказал Брин, — я ведь твой Страж. Подозреваю, что спасать тебя мне придется еще не один раз.

Почему вдруг стало так жарко?

— Да, — сказала Суан, вставая. — Но тут кое-что другое. Мин сказала, что я умру и… Нет, погоди-ка. Мин сказала не так. Она сказала, что если меня не будет рядом с тобой, то мы оба умрем.

— Что ты… — начал было Брин, поворачиваясь к ней.

— Тихо! — велела она и обхватила его голову ладонями.

Он ощутил странное покалывание. Она что, воздействует на него Силой? Что происходит? Брин узнал это необычное ощущение, когда будто лед бежит по венам! Она Исцеляет его! Но почему? Он же не ранен.

Суан отняла руки от его лица и слегка покачнулась — вид у нее был изнуренный. Брин подхватил ее, чтобы помочь удержаться на ногах, но она покачала головой и выпрямилась сама.

— Вот, — сказала она, беря правую руку Брина и разворачивая ее так, чтобы было видно запястье. Там торчала воткнутая в руку крошечная черная булавка. Суан выдернула ее. Брин ощутил морозный озноб, не имеющий никакого отношения к

Исцелению.

— Отравлена? — спросил он, глянув на мертвого шончанина. — Выходит, когда он схватил меня за руку, это была вовсе не предсмертная конвульсия.

— Наверное, к яду добавлено что-то вызывающее онемение, — сердито пробормотала Суан и позволила Брину усадить ее. Она отбросила булавку прочь, и та тут же вспыхнула пламенем, испаряя яд жаром плетения Суан.

Брин провел рукой по волосам. Лоб у него был влажным.

— Ты… Ты Исцелила это?

Суан кивнула:

— Это оказалось на удивление легко. Яда внутрь попало совсем немного. Хотя он все равно бы тебя убил. Брин, когда в следующий раз увидишь Мин, непременно поблагодари ее. Она спасла жизнь нам обоим.

— Но меня бы не отравили, если бы я не пошел с тобой!

— Не пытайся применять логику к видениям или Предсказаниям, подобным этому, — скривившись, заметила Суан. — Ты жив. Я жива. Полагаю, на этом вопрос стоит закрыть. Как ты себя чувствуешь? Готов идти дальше?

— Неужели это важно? — отозвался Брин. — Я не позволю тебе идти одной, без меня.

— Тогда идем, — сказала Суан, делая глубокий вдох и поднимаясь на ноги. Минутной передышки явно было недостаточно, но Брин не спорил. — Эти трое до утра доживут. Что смогла, я для них сделала.

Обессиленная, Эгвейн сидела на груде каменных обломков и сквозь брешь в стене Белой Башни глядела на огни пожаров внизу. Вокруг пламени суетились фигуры, и один за другим огни гасли. Кто бы ни руководил отражением шончанского набега, он оказался достаточно сообразительным, чтобы понять, что пожары могут представлять не меньшую опасность, чем шончан. А несколько сестер, действуя плетениями Воздуха или Воды, могут в два счета покончить с пожарами и сохранить Башню. То, что от нее осталось.

Закрыв глаза, Эгвейн откинулась назад и оперлась спиной на кусок стены, ощущая, как вокруг нее задувает свежий ветер. Шончан убрались прочь, и последний то'ракен растворился в ночи. И в тот момент, наблюдая за их бегством, Эгвейн осознала, насколько же она опустошила себя и помогавших ей бедных послушниц. Она отпу-

стила их, строго-настрого наказав немедленно лечь спать. Остальные женщины, которых она собрала вокруг себя, оказывали помощь раненым или тушили пожары на верхних уровнях.

Эгвейн хотела им помочь. Во всяком случае, какая-то ее часть. Частичка. Но Свет, как же она устала! Она не могла направить хотя бы и струйку Силы, не могла, даже используя са'ангриал. Она раздвинула пределы своих возможностей. Но сейчас девушка была настолько выжата, что даже если и попытается, то все равно окажется не в состоянии обнять Истинный Источник.

Она сражалась. Она была блистательна и беспощадна, Амерлин правосудия и ярости, квинтэссенция Зеленой Айя. Но все же — Башня горела. И все же — то'ракенов сбежало больше, чем было сбито. Число раненых среди тех, кого она собрала вокруг себя, вселяло некоторую надежду. Погибли всего три послушницы и одна Айз Седай, а им удалось захватить десять дамани и убить десятки солдат. Но что на других этажах? Вовсе не Белая Башня вышла победителем в этой битве.

Белая Башня сейчас сломлена — как духовно, так и физически. Чтобы все восстановить, нужен сильный лидер. Ближайшие несколько дней

будут иметь решающее значение. Представив себе всю ту работу, какую ей необходимо будет сделать, Эгвейн почувствовала себя еще более опустошенной и обессиленной.

Она защитила многих. Она оказала сопротивление, она боролась. Но все равно сегодняшний день будет отмечен как день одного из тяжелейших бедствий в истории Айз Седай.

«Сейчас нельзя об этом думать, — сказала себе Эгвейн. — Надо сосредоточиться на том, как все исправить…»

Еще немножко, и ей нужно встать на ноги. Потом она встанет во главе послушниц и Айз Седай на этих верхних этажах, пока они будут все расчищать и оценивать нанесенный ущерб. Она будет сильной и умелой. Пусть другие поддаются унынию и впадают в отчаяние, но ей нужно оставаться уверенной и деятельной. Ради них.

А пока она может позволить себе расслабиться на пару минуточек. Ей нужно только отдохнуть еще немножко…

Эгвейн едва заметила, как ее кто-то поднял. Устало открыв глаза и преодолевая охватившее ее отупение, она с изумлением обнаружила, что ее несет на руках Гавин Траканд. Его лоб был испачкан засохшей кровью, но на лице читалась

решительность.

— Я тебя нашел, Эгвейн, — сказал он, глянув на нее. — Я тебя защищу.

«Ох, — подумала девушка, закрывая глаза. — Здорово. Какой приятный сон». Она улыбнулась.

Постойте-ка. Нет. Так неправильно. Она же не собиралась покидать Башню. Эгвейн попыталась высказать свои возражения вслух, но у нее получился какой-то едва слышный шепот.

— Рыбий потрох! — услышала девушка голос Суан Санчей. — Что они с ней сделали?

— Она ранена? — спросил другой голос. Гарет Брин.

«Нет, — вяло подумала Эгвейн. — Нет, не надо. Оставьте меня. Я не могу уйти. Только не сейчас…»

— Они оставили ее там, Суан, — сказал Гавин. Так приятно было слышать его голос. — Бросили одну в коридоре, беззащитную! На нее мог наткнуться кто угодно. А если бы ее нашли шончан?

«Я бы их уничтожила, — подумала Эгвейн с улыбкой, мысли ускользали от нее. — Я была блистающим воителем, героем, призванным Рогом. Они больше не осмелятся встретиться со мной». Она почти провалилась в сон, однако лег-

кие толчки при каждом шаге Гавина позволяли ей удерживаться по эту сторону бодрствования. Едва-едва.

— Ого! — словно издалека расслышала девушка голос Суан. — Что это? О Свет, Эгвейн! Где ты раздобыла это? Он же в Башне самый мощный!

— Что это, Суан? — спросил голос Брина.

— Наш путь наружу, — где-то далеко ответила Суан. Эгвейн что-то ощутила. Кто-то направлял Силу. И направлял мощный ее поток. — Ты волновался о том, как нам выбраться отсюда, когда во дворе такая суматоха? Что ж, имея эту штуку, я достаточно сильна для Перемещения. Давайте заберем наших солдат у лодок и прыгнем обратно в лагерь.

«Нет! — подумала Эгвейн, борясь с сонливостью и силясь открыть глаза. — Я же побеждаю, разве не видите? Если я сейчас, когда расчистят завалы, предложу их возглавить, они наверняка примут меня как Амерлин! Я должна остаться! Я должна…»

Гавин унес ее через переходные врата, оставив за спиной коридоры Белой Башни.

Наконец-то Саэрин позволила себе присесть. Приемная, где располагался ее командный пункт, стала также и палатой, где осматривали и Ис-

целяли раненых. Желтые и Коричневые сестры двигались вдоль рядов солдат, слуг обоего пола и других сестер и разбирались с наиболее тяжелыми случаями. Число погибших, среди которых оказалось и более двадцати Айз Седай, было ужасающим. Но шончан, как и предрекала Саэрин, отступили. За что остается возносить благодарения Свету.

Саэрин устроилась в дальнем северо-западном углу комнаты, возле прекрасной картины, изображающей весенний Тир, и, сидя на невысоком табурете, принимала поступающие доклады. Стонали раненые, в комнате пахло кровью и черноголовкой, которой лечили тех, чьи раны не требовали немедленного Исцеления. Еще в комнате явственно пахло дымом. Сегодня ночью этот запах чувствовался, казалось бы, повсюду. Все больше и больше солдат являлось к ней с донесениями о повреждениях и жертвах. Саэрин не хотела их читать, но это было лучше, чем вслушиваться в стоны. Где же, во имя Света, Элайда?

Пока шла битва, никто Амерлин не видел и ничего о ней не слышал, но бóльшая часть верхних уровней Башни оказалась отрезана от нижних этажей. Оставалось лишь надеяться, что Амерлин и Совет смогут вскоре собраться и совместными

усилиями обеспечат твердое управление на время кризиса.

Саэрин приняла еще один доклад и, прочитав его, удивленно приподняла брови. Из группы Эгвейн, в которой насчитывалось более шестидесяти человек, погибли только три послушницы? И всего одна сестра из тех сорока, что она собрала подле себя? Захвачено десять шончанок, способных направлять Силу, и сбито свыше тридцати ракенов? О Свет! Да по сравнению с этим все достижения Саэрин казались любительщиной. И Элайда продолжает настаивать, будто эта женщина всего-навсего обычная послушница?

— Саэрин Седай? — окликнул ее мужской голос.

— Мм? — промолвила она в задумчивости.

— Вам нужно услышать то, что хочет рассказать эта принятая.

Подняв голову, Саэрин сообразила, что голос принадлежит капитану Чубейну. Его ладонь лежала на плече молодой принятой — арафелки с голубыми глазами и пухлым круглым личиком. Как же ее зовут? Ах да, Майр. Бедное дитя выглядело оборванным и измученным. Лицо принятой было в царапинах и кровоподтеках, которые, несомненно, превратятся в синяки, а рукав и

подол ее платья — разорваны.

— Да, дитя мое? — спросила Саэрин, бросив взгляд на встревоженное лицо Чубейна. Что же стряслось?

— Саэрин Седай, — прошептала девушка, приседая в реверансе и вздрагивая. — Я…

— Не тяни, дитя мое, — поторопила ее Саэрин. — Эта ночь не для канители.

Майр не поднимала глаз:

— Саэрин Седай, дело в том, что Амерлин… Элайда Седай. Сегодня я ей прислуживала, переписывала для нее заметки. И…

— И что? — спросила Саэрин, чувствуя накатывающий на нее озноб.

Девушка заплакала:

— Вся стена взорвалась, Саэрин Седай. Меня завалило обломками, и, думаю, они решили, что я умерла. Я ничего не могла сделать! Мне так жаль!

«Да убережет нас Свет! — подумала Саэрин. — Не может же она сказать о том, о чем я сейчас подумала. Или все-таки скажет?»

Элайда очнулась от очень странного ощущения. Почему ее кровать движется? Вздымается и колеблется. И так ритмично. И ветер! Неужели Карлия оставила окно открытым? Если так, то

горничную ждет порка. Эту девицу уже предупреждали. Она…

Это была не ее кровать. Открыв глаза, Элайда обнаружила, что взор ее устремлен на темную землю в сотнях футах внизу. Что сама она привязана к спине какого-то странного животного. И что пошевелиться она не в состоянии. Почему она не может пошевелиться? Она потянулась к Источнику и внезапно ощутила резкую и острую боль, словно бы ее ударили по каждому дюйму тела тысячей палок.

Ошеломленная, Элайда дернулась и ощутила на шее ошейник. На спине необычной твари, в седле рядом с Айз Седай, сидела темная фигура. Фонарей, которые могли бы осветить лицо женщины, тут не было, но Элайда каким-то образом ее чувствовала. Так как она то приходила в сознание, то вновь его теряла, Элайда едва сумела вспомнить, что какое-то время она болталась в воздухе, привязанная к веревке. Когда ее успели привязать к спине этой твари? Что вообще происходит?

Голос в ночи прошептал:

— Я прощу эту маленькую ошибку. Слишком долго ты была марат'дамани, и от тебя вполне можно ожидать плохих манер. Но больше к

Источнику ты без разрешения не прикоснешься. Понятно?

— Освободи меня! — взревела Элайда.

Боль вернулась десятикратно, и от ее силы Элайду вытошнило. Желчь и рвота стекли по боку животного, упав на далекую землю.

— Ну-ну, — произнес голос, проникнутый терпением. Так мать говорит с еще маленьким ребенком. — Ты должна научиться. Твое имя — Суффа. И Суффа будет хорошей дамани. Да, будет. Очень, очень хорошей дамани.

Элайда закричала вновь, но на этот раз, когда обрушилась боль, она не прекратила кричать. Она просто продолжала кричать, и ее вопли слушала равнодушная ночь.

Глава 42
Перед Тирской Твердыней

«Мы не знаем имен женщин, что были во дворце Грендаль, — заявил Льюс Тэрин. — Мы не можем добавить их к списку».

Ранд пытался не обращать внимания на безумца. Это оказалось невозможным. Льюс Тэрин не унимался.

«Как можно продолжить список, если нам неизвестны имена! После сражений мы искали павших Дев. И мы находили всех до единой! Но в списке есть изъян! Я не могу продолжать!»

«Это не твой список! — прорычал Ранд. — Список — мой, Льюс Тэрин. МОЙ!»

«Нет! — залопотал безумец. — Кто ты такой? Список мой! Я его составил. А теперь я не могу продолжать, потому что они мертвы. О-о Свет! Погибельный огонь? Зачем мы прибегли к погибельному огню! Я обещал, что никогда больше так не поступлю…»

Ранд крепко зажмурился, стискивая в кулаке поводья Тай'дайшара. Боевой конь шествовал по улице; подковы поочередно стучали по утоптан-

ной земле.

«Чем мы стали? — прошептал Льюс Тэрин. — Мы же опять собираемся так сделать. Убить их всех. Всех, кого мы любили. Снова и снова, в который раз…»

— В который раз, — прошептал Ранд. — Это не имеет никакого значения, лишь бы выжил мир. Меня проклинали и раньше, давали обеты на Драконовой горе и клялись моим именем, но они жили. Мы здесь, мы готовы к бою. В который раз.

— Ранд? — окликнула его Мин.

Он открыл глаза. Девушка ехала на мышастой кобыле рядом с Тай'дайшаром. Ранд не мог позволить ей — да и вообще хоть кому-то — видеть, как он заговаривается. Они не должны знать, насколько он близок к тому, чтобы не удержаться и сорваться.

«Как же много имен мы не знаем, — прошептал Льюс Тэрин. — Как же много погибло от нашей руки».

И это было только начало.

— Я в порядке, Мин, — сказал Ранд. — Просто задумался.

— О людях? — спросила Мин.

На деревянных тротуарах Бандар Эбана было полно людей. Ранд больше не замечал разноцве-

тья их одежд; он видел, насколько эта одежда изношена. Он видел прорехи в великолепной материи, заплаты на протертых местах, грязь и пятна. По сути, каждый в Бандар Эбане был в том или ином роде беженцем. На Ранда они смотрели полными испуга глазами.

Раньше, когда он захватывал какое-то королевство, каждый раз оставлял страну в лучшем состоянии, чем она была до его появления. Ранд избавлял от владычества тиранов-Отрекшихся, прекращал войны, снимал осады. Он отбрасывал захватчиков-Шайдо, он доставлял продовольствие, он обеспечивал порядок и стабильность. Все страны, куда Ранд приносил разрушение, в то же время он на самом деле спасал.

С Арад Доманом дело обстояло совсем иначе. Он организовал снабжение провизией, но появившаяся еда привлекла еще больше беженцев, которые начали истощать его запасы. Он не только не сумел обеспечить местным жителям мир с шончан, но и лишил их единственного войска, которое отправил присматривать за Пограничными землями. Моря по-прежнему оставались небезопасными. Маленькая шончанка-императрица ему не доверяла. Она будет продолжать атаки; возможно, даже удвоит свои усилия.

Доманийцы падут под копыта войны и будут ими стоптаны — они будут раздавлены между вторгшимися с севера троллоками и наступающими с юга шончан. А Ранд их покидает.

Каким-то образом люди это понимали, и Ранду было очень тяжело на них смотреть. Голодные взгляды обвиняли его: зачем приносить надежду, чтобы потом дать ей иссякнуть, подобно только что выкопанному колодцу во время засухи? Зачем ты заставил принять тебя как нашего правителя — только за тем, чтобы нас бросить?

Флинн и Наэфф уже проехали перед Рандом; он видел впереди их черные мундиры. Аша'маны, на чьих высоких воротниках сверкали значки, наблюдали, как процессия Ранда приближается к городской площади. Фонтан на ней все еще действовал, и блестящие медные кони прыгали среди медных волн. Кто из этих безмолвных доманийцев продолжал до блеска начищать фонтан, пока на троне не было короля, а половина Купеческого совета пропала неведомо куда?

Айильцы Ранда так и не сумели обнаружить достаточно членов Совета, чтобы набралось нужное для принятия решений большинство. Ранд подозревал, что советников убила или захватила Грендаль, чтобы исключить всякую возможность

выборов нового короля. Если кто-то из членов Купеческого совета обладал достаточной красотой, то он пополнил ряды ее любимцев — а это значит, что их убил Ранд.

«Ага, — заговорил Льюс Тэрин. — Имена, которые я могу добавить к списку. Да…»

К Ранду подъехал Башир — с задумчивым видом он поглаживал согнутым пальцем свои усы.

— Твое желание исполнено, — сказал он.

— Леди Чадмар? — спросил Ранд.

— Возвращена в свое поместье, — ответил Башир. — Так же поступили с оставшимися четырьмя членами Купеческого совета, которых Айил удерживали за городом.

— Они поняли, что им нужно сделать?

— Да. — Башир вздохнул. — Но не думаю, что они это выполнят. Сдается мне, стоит нам уйти, как они в тот же миг сбегут из города, точно воры из оставшейся без охраны тюрьмы.

Ранд никак не отреагировал на замечание салдэйца. Он приказал Купеческому совету выбрать новых членов, а затем избрать короля. Однако Башир, скорее всего, прав. Из других городов на побережье, откуда Ранд велел отвести своих айильцев, к нему уже поступили донесения. Города оставались без правителей — те сбегали, даже не

дожидаясь предполагаемого нападения шончан.

Срок Арад Домана как королевства подошел к концу. Скоро Арад Доман рухнет — как стол под слишком тяжелым грузом. «Это не моя забота, — подумал Ранд, избегая смотреть на людей. — Я сделал все, что смог».

Это не было правдой. Хоть он и желал помочь доманийцам, истинные причины его появления здесь были иными — он хотел договориться с шончан, выяснить, что случилось с королем Арад Домана, и выследить Грендаль. Не говоря уже о том, чтобы по возможности укрепить Пограничные земли.

— Какие известия от Итуралде? — спросил Ранд.

— Боюсь, ничего хорошего, — мрачно отвечал Башир. — У него были стычки с троллоками, но это тебе и так уже известно. Отродья Тени всегда быстро отходят, но он предупреждает, что что-то затевается. Его разведчики сумели заметить, что там собираются целые полчища, способные его буквально задавить числом. Если троллоки скапливаются там, то, вероятнее всего, они сосредотачиваются и еще где-то. Наверняка и возле Тарвинова ущелья.

«Проклятые порубежники! — подумал Ранд. —

Я должен что-то с ними сделать. И поскорей». Выехав на площадь, он натянул поводья Тай'дайшара и кивнул Флинну и Наэффу.

По его сигналу каждый из них открыл на городской площади широкие переходные врата. У Ранда возникала мысль покинуть Бандар Эбан непосредственно из владений леди Чадмар, но тогда его исчезновение было бы сродни бегству вора — натворил дел и удрал. По крайней мере, он позволит людям стать свидетелями своего ухода — чтобы они поняли, что предоставлены самим себе.

Доманийцы стояли на дощатых тротуарах — так же, как в тот день, когда Ранд впервые вступил в город. Но если такое возможно, теперь они были еще более молчаливы. Женщины в глянцевито блестящих одеяниях, мужчины в цветных камзолах, с выглядывающими из рукавов кружевами. Многие в толпе не были меднокожими доманийцами. Обещанием накормить Ранд привлек в город много разного люда.

Пора выступать. Ранд уже приблизился к одному из проемов переходных врат, когда раздался возглас:

— Лорд Дракон!

Услышать оклик труда не составило, поскольку

ку толпа хранила молчание. Ранд повернулся в седле, высматривая того, кто к нему обратился. Стройный мужчина в красном доманийском камзоле, застегнутом на талии, в треугольном вырезе на груди виднеется плиссированная кружевная рубаха. Пробиваясь через толпу, он активно работал локтями, ярко поблескивали его золотые серьги. Айильцы перехватили мужчину, но Ранд узнал в нем Иралина, одного из портовых старшин. Кивком юноша велел айильцам пропустить Иралина.

Тот подбежал к Тай'дайшару. Мужчина, что необычно для доманийца, был чисто выбрит, а от недосыпа под глазами лежали темные тени.

— Милорд Дракон, — остановившись возле коня Ранда, произнес он приглушенным голосом. — Еда! Она испортилась.

— Какая еда? — не понял Ранд.

— Вся еда, — дрожащим от напряжения голосом промолвил Иралин. — Во всех бочонках, во всех мешках, всё — до самой последней крупицы на наших складах и на кораблях Морского народа. Милорд! В ней не просто полным-полно долгоносиков. Она почернела и стала горькой, и есть ее невозможно — от нее людям плохо становится, их просто тошнит!

— Вся еда? — повторил потрясенный Ранд.

— Вся, без остатка, — тихим голосом подтвердил Иралин. — Сотни и сотни бочек. Произошло все внезапно, в один миг. Только что все было хорошо, а в следующее мгновение… Милорд, в город пришло так много людей, прослышав, что у нас есть еда! Теперь у нас ничего нет. Что нам делать?

Ранд закрыл глаза.

— Милорд? — повторил Иралин.

Юноша открыл глаза и ударом каблуков послал Тай'дайшара вперед. Старшина порта остался, раскрыв рот, стоять позади, а сам Ранд проехал сквозь портал. Больше ничего Ранд сделать не может. И ничего больше он делать не станет.

Мысли о надвигающемся голоде он выкинул из головы. И поразился тому, как легко это получилось.

Бандар Эбан исчез, те слишком молчаливые толпы исчезли. В тот миг, когда Ранд миновал переходные врата, люди, ожидавшие по другую их сторону, разразились приветственными криками. Это было настолько неожиданно и настолько отлично от безмолвия доманийцев, что ошеломленный Ранд натянул поводья Тай'дайшара.

Перед ним открылся Тир — один из величайших

городов мира, огромный и широко раскинувшийся; переходные врата выводили прямиком на Пиршественную Стогну — одну из центральных площадей. Несколько выстроившихся в шеренгу Аша'манов, вскинув кулаки к груди, отсалютовали Ранду. Сегодня утром он отправил их вперед — подготовить город к его прибытию и расчистить площадь для открытия переходных врат.

Люди продолжали радостно его приветствовать. Здесь собрались тысячи, и на десятках шестов, воздетых над толпой, трепетали знамена Света. Вал всеобщего обожания захлестнул Ранда, отхлынув волной позора. Он не заслуживает таких восхвалений. Только не после того, что совершил в Арад Домане.

«Надо двигаться дальше», — подумал он и вновь послал Тай'дайшара вперед.

Подковы зазвенели по каменным плитам мостовой, а не зашлепали по размякшей от дождей земле. Бандар Эбан был большим городом, но Тир являлся чем-то совершенно иным. Извивающиеся улицы повторяли изгибы местности, вдоль них стояли дома, которые большинство деревенских жителей сочли бы тесными и узкими, но такая застройка была привычной для тайренцев. На многих крытых кровельным сланцем

или черепицей остроконечных крышах сидели мальчишки и даже мужчины, надеявшиеся получше рассмотреть лорда Дракона. Строительный камень, из которого были сложены здания, имел здесь более светлый оттенок, чем в Бандар Эбане, и именно этот материал тут предпочитали всему прочему. Возможно, это было связано с крепостью, что маячила над городом. Тирская Твердыня, так она называлась, — наследие минувшей эпохи, впечатляющее по сию пору.

Ранд заспешил вперед, рядом с ним по-прежнему ехали Мин и Башир. Толпы ревели. Очень громко. Развевавшиеся неподалеку на ветру два вымпела захлопали, перехлестнулись и необъяснимым образом полностью перепутались. Люди, что их держали высоко над толпой в первых рядах, опустили флагштоки и попытались отделить одно полотнище от другого, однако те под действием ветра непостижимо завязались в тугой узел. Ранд, едва взглянув, проехал мимо. Он давно перестал изумляться тому, что способна натворить его сущность та'верена.

Тем не менее Ранд был удивлен тем, как много оказалось в толпе чужеземных лиц. Появление здесь иноземцев из ряда вон выходящим событием не назовешь; в Тире всегда бывало немало

чужестранцев — в городе привечали тех, кто торгует специями и шелками с востока, фарфором из-за моря, зерном или табаком с севера и историями отовсюду, где их только можно собрать. Как бы то ни было, Ранд заметил, что чужеземцы — не важно, в каком городе он появлялся, — обращали на него меньше внимания, чем местные жители. Это наблюдение оказывалось верным и в том случае, когда эти иноземцы были родом из уже завоеванной им страны. Когда Ранд был в Кайриэне, кайриэнцы перед ним лебезили, но когда он вступил в Иллиан, кайриэнцы его сторонились. Вероятно, им не нравилось напоминание, что их повелитель и повелитель их врагов был одним и тем же человеком.

Здесь, однако, Ранду не составляло труда выделить в толпе чужестранцев: представители Морского народа, со смуглой кожей и в свободных ярких одеждах; мурандийцы в долгополых куртках и с напомаженными усами; бородатые иллианцы с поднятыми воротниками; бледнолицые кайриэнцы с цветными полосами в прорезях одежды. Еще там были мужчины и женщины, одетые на андорский манер, в простую шерсть. Иноземцы радовались гораздо меньше местных, в большинстве своем они просто стояли в толпе

и наблюдали.

Башир обвел взглядом народ на улицах.

— Люди как будто удивлены, — услышал Ранд собственный голос.

— Тебя долго не было. — Башир задумчиво погладил усы костяшкой согнутого пальца. — Несомненно, слухи летят быстрее стрел, и, дабы выпивку раскупали веселей, многие хозяева гостиниц и трактирщики пересказывали байки о твоей смерти или исчезновении.

— О Свет! У меня такое чувство, будто я полжизни провел, опровергая то один слух, то другой. Когда это кончится?

Башир рассмеялся:

— Коли тебе удастся положить конец слухам, то я слезу с коня и оседлаю козу! Ха! И заодно к Морскому народу подамся.

Ранд молчал. Колонны его последователей продолжали выходить из переходных врат. Когда в Тир вступили салдэйцы, то у всех до единого поднятые пики смотрели прямо вверх, их кони гарцевали. Никто не видел, как прихорашиваются Айз Седай, однако сейчас они выглядели не столь усталыми и поникшими. Их безвозрастные лица были обращены к толпе, на которую женщины смотрели проницательными глаза-

ми. И казалось даже, что Айил — они шагали чуть менее напряженно, держались чуть менее настороженно, — чувствуют себя куда уютнее в окружении приветствующей их толпы, чем под обвиняющими взглядами безмолвствующих доманийцев.

Башир и Ранд двигались бок о бок, Мин молча ехала чуть позади мужчин. Выглядела девушка рассеянной. Найнив с Кадсуане не было в особняке, когда Ранд заявил, что отбывает в Тир. Что у них на уме? Ранд сомневался, что они вместе — эти женщины друг друга просто не выносили. В любом случае они узнают, куда он отправился, и найдут его. Отсюда Ранда нетрудно будет отследить. Больше никаких пряток по укрытым в лесах поместьям. Никаких путешествий в одиночку. Только не тогда, когда Лан со своими малкири скачет к Тарвинову ущелью. Времени почти не оставалось.

Башир глядел на открытые переходные врата и на айильцев, бесшумным шагом выходящих оттуда. Такой способ путешествия становился для них привычным.

— Ты собираешься сказать Итуралде? — наконец-то спросил Башир. — О том, что отводишь войска?

— Он сам узнает, — ответил Ранд. — Его гонцам было велено доставлять донесения в Бандар Эбан. Вскоре они обнаружат, что меня там уже нет.

— А если он покинет Пограничные земли и возобновит войну с шончан?

— Тогда он замедлит продвижение шончан, — сказал Ранд. — И не даст им кусать меня за пятки. Такое применение его сил ничуть не хуже любого другого.

Башир окинул юношу взглядом.

— Чего ты от меня ждешь, Башир? — негромко спросил Ранд.

В брошенном на юношу взгляде читался вызов, пусть и едва уловимый. Но Ранд не примет вызова. Его гнев не разгорится.

Башир вздохнул:

— Не знаю. Такая тут каша заварилась, что я ума не приложу, как из нее выбраться. Отправляться на войну, оставив за спиной шончан, — худшей позиции я даже вообразить себе не могу.

— Понимаю, — произнес Ранд, глядя на город. — К тому времени, когда все кончится, Тир будет шончанским. А может, и Иллиан тоже. Чтоб мне сгореть, но когда мы повернемся к шончан спиной, считай, что еще повезет, если они не завоюют все вплоть до самого Андора.

— Но…

— Мы должны допустить, что когда до Итуралде дойдут вести о моей неудаче, то он оставит свой пост. А значит, наш следующий ход должен быть направлен на армию порубежников. Какое бы недовольство мною ни высказывали твои родичи, все нужно быстро уладить. Я не терплю тех, кто отказывается исполнять свой долг.

«А не так ли мы поступили? — подал голос Льюс Тэрин. — От кого мы отказались? Кого бросили?»

«Тихо! — прорычал Ранд. — Уходи к своим слезам, безумец, и отвяжись от меня!»

Башир задумчиво откинулся в седле. Если он и подумал о том, что Ранд бросил доманийцев, то ничего не сказал. Наконец он покачал головой:

— Не знаю, что думает Тенобия. Может, просто злится на меня за то, что я все оставил и ушел с тобой. А может, все сложнее и от тебя потребуют подчиниться воле монархов Пограничных земель. Не представляю себе, что могло заставить ее и других покинуть Запустение в такое время, как сейчас.

— Скоро узнаем, — сказал Ранд. — Я хочу, чтобы ты взял пару Аша'манов и выяснил, где разбили свой лагерь Тенобия и остальные. Вдруг мы обнаружим, что они уже отказались от своего

дурацкого демонстративного марша и вернулись туда, где им место.

— Что ж, ладно, — сказал Башир. — Проверю, как устроились мои люди, и сразу же отправлюсь.

Ранд коротко кивнул, затем развернул коня и рысью поехал по улице. По обе стороны улицы стояли люди, провожая его взглядами. В прошлый раз, когда Ранд был в Тире, он пытался изменить внешность, пусть даже это ему ничего и не дало. Любой, разбирающийся в знамениях, понял бы, что он в городе. Необычные происшествия — когда флаги сами завязываются в узлы, а люди, падая с крыш, встают с земли невредимыми, — это только начало. Казалось, его воздействие та'верена все более усиливалось, порождая постоянно возрастающие искажения. И все более опасные искажения.

Когда Ранд в последний раз был здесь, Тир осаждали мятежники, хотя город и не пострадал. В Тире шла слишком оживленная торговля, чтобы его встревожила такая мелочь, как осада. Большинство людей жили как обычно и едва ли знали о мятежниках. Пусть знать играет в свои игры, лишь бы не мешала вести дела честному люду.

К тому же все знали, что Твердыня устоит, как

было почти всегда. Возможно, из-за Перемещения цитадель и устарела как оборонительное сооружение, но для захватчиков, не владеющих Единой Силой, Твердыня была практически неприступной. И сама по себе, и внутри она была громадна, превосходя по размерам многие города — колоссальная протяженность отвесных стен, снабженных башнями и укреплениями, без единого стыка в камне. Внутри располагались кузницы, склады, тысячи защитников и собственная укрепленная пристань.

Но ничто из этого не сможет особо помочь против шончанской армии с дамани и ракенами.

Людские толпы заполонили улицы вплоть до Предела Твердыни — огромного открытого пространства, окружавшего крепость с трех сторон. «Это поле смерти», — заметил Льюс Тэрин.

Здесь Ранда встречала другая толпа. Ворота Твердыни были распахнуты, и его ждала целая приветственная делегация. Дарлин — некогда благородный лорд, а ныне король Тира — восседал верхом на ослепительно-белом жеребце. У тайренца, уступавшего Ранду ростом по меньшей мере на голову, были короткая черная бородка и коротко стриженные волосы. Из-за крупного носа он не выглядел красивым, но Ранд обнаружил,

что это человек чести и острого ума. Прежде всего, с самого начала Дарлин противостоял Ранду, а не кинулся вместе с другими поклоняться ему. Человек, чью преданность сложно завоевать, скорее всего, сохранит тебе верность и после того, как ты перестанешь за ним присматривать.

Дарлин поклонился Ранду. Рядом с королем верхом на чалом мерине сидел Добрэйн, одетый в синюю куртку и белые штаны. Выражение его бледного лица было бесстрастным, хотя Ранд подозревал, что кайриэнец все еще разочарован тем, что его так рано отослали из Арад Домана.

Возле стены выстроилась шеренга Защитников Твердыни, держащих мечи перед собой; блеск их сверкающих кирас и гребенчатых шлемов едва не слепил глаза. Их мундиры имели пышные рукава в черно-золотую полоску, а над строем развевался стяг Тира — наискось наполовину красное, наполовину золотое поле с тремя серебряными полумесяцами. Ранд заметил, что на площади внутри крепости полным-полно солдат, многие носили мундиры цветов Защитников, но у немалой части из них единой формы не было — общим знаком различия для них служила красно-золотая лента, повязанная на руку выше локтя. Это были новые рекруты — те, кого Ранд

приказал набрать Дарлину.

Подобная демонстрация призвана была внушить благоговение. Или, возможно, потрафить человеческой гордости. Ранд остановил Тай'дайшара перед Дарлином. К сожалению, короля сопровождал задира Вейрамон — он восседал верхом на своем коне прямо позади Дарлина. Низкорослому Вейрамону настолько недоставало мозгов, что Ранд вряд ли отпустил бы его работать в поле без присмотра, не говоря уже о том, чтобы доверить командование воинским отрядом. Правда, тот был храбр, но, вероятнее всего, лишь потому, что слишком медленно соображал, чтобы осознать опасность. Как всегда, стараясь выглядеть не шутом, а кем-то другим, Вейрамон имел вид еще более глупый. Его бородка была напомажена, волосы тщательно расчесаны и уложены в попытке скрыть разраставшуюся лысину, и вдобавок он был богато разодет. Куртка и штаны были скроены и сшиты на манер военной формы, однако никому и в голову бы не пришло надеть для битвы одежду из такой роскошной ткани. Никому, кроме Вейрамона.

«Он мне нравится», — подумал Льюс Тэрин.

Ранд вздрогнул. «Тебе же никто не нравится!»

«Он честен, — пояснил Льюс Тэрин и рассме-

ялся. — Куда честнее меня, это уж точно! Он не выбирал, быть ли ему идиотом, но зато он *сам* выбрал, кому отдать свою верность. Получить такого человека в число последователей — не самое худшее, что мы могли бы сделать».

Ранд прикусил язык. Бесполезно спорить с безумцем. Льюс Тэрин принимал решения, ни на чем не основываясь. По крайней мере, он не принялся вновь бубнить о прекрасной женщине. А то это отвлекает.

Дарлин и Добрэйн поклонились Ранду, Вейрамон скопировал их приветствие. Позади короля, конечно, собрались и другие. Естественно, тут была леди Каралайн — стройная кайриэнка, такая же красивая, какой ее помнил Ранд. В ее темные волосы была вплетена золотая цепочка, а на лоб свисал белый опал. Ранд заставил себя отвернуться от нее — она слишком походила на свою кузину Морейн. Разумеется, Льюс Тэрин тотчас же принялся перечислять имена из списка, который возглавляла Морейн.

Усилием воли Ранд взял себя в руки, слушая бормотание мертвеца где-то на задворках своего сознания, и стал рассматривать остальных знатных тайренцев. Здесь присутствовали все оставшиеся благородные лорды и леди Тира —

верхом на лошадях. Жеманница Анайелла сидела на гнедом коне подле Вейрамона. И… это что, у нее платок, расцветкой повторяющий его цвета? Ранд считал ее более разборчивой. На одутловатом лицеТориана играла улыбка. Жаль, что он все еще жив, тогда как гораздо более достойные мужчины из числа благородных лордов уже мертвы. Симаан, Истанда, Тедозиан, Геарн — все четверо противостояли Ранду, возглавляя осаду Твердыни. Теперь же они кланялись ему.

Аланна тоже была здесь. На нее Ранд не смотрел. Благодаря связывавшим их узам он мог сказать, что она чувствует себя несчастной и жалкой. Так ей и надо.

— Милорд Дракон, — произнес Дарлин, выпрямившись в седле, — благодарю вас за то, что прислали Добрэйна с вашими пожеланиями.

Дарлин не сумел скрыть недовольства, прозвучавшего в его голосе. Повинуясь срочному приказу Ранда, он поспешил собрать армию, а тот потом вынудил его неделями ничего не делать. Что ж, скоро его солдаты будут только рады, что у них были лишние недели для обучения и тренировок.

— Армия ждет приказов, — помедлив, продолжил Дарлин. — Мы готовы выступить в Арад

Доман.

Ранд кивнул. Изначально он и планировал отправить Дарлина в Арад Доман, тогда бы он мог отвести Айил и Аша'манов и разместить их где-нибудь в другом месте. Повернувшись, Ранд окинул взглядом людскую толпу, на миг задумавшись о том, почему в ней так много иноземцев. Большинство местных жителей было завербовано в армию, и сейчас они стояли в строю за стенами Твердыни.

Возможно, на площади и на улицы народ вышел не ради того, чтобы приветствовать явившегося в Тир Ранда. Вероятно, они думали, что будут провожать свою армию, отправляющуюся за победой.

— Ты хорошо потрудился, король Дарлин, — сказал Ранд. — Самое время кому-то в Тире научиться подчиняться приказам. Знаю, твоих людей снедает нетерпение, но им придется обождать еще немного. Предоставь мне комнаты в Твердыне и размести солдат Башира и айильцев.

Дарлин пришел в еще большее недоумение.

— Хорошо. Значит, мы не нужны в Арад Домане?

— То, что нужно Арад Доману, никто дать не сможет, — сказал Ранд. — Твои войска пойдут

со мной.

— Разумеется, милорд. А… куда мы отправимся?

— К Шайол Гул.

Глава 43
Запечатано Пламенем

Эгвейн молча сидела в своей палатке, положив руки на колени. Она уже обуздала свой пылающий гнев, справилась с потрясением и недоверием.

Чеза — полная и миловидная — тихонько сидела на подушке в углу и украшала вышивкой подол одного из платьев Эгвейн. Теперь, когда ее хозяйка вернулась, она выглядела настолько довольной, насколько это возможно. Палатка стояла наособицу, в отдельной рощице в занимаемом Айз Седай лагере. Этим утром Эгвейн не допустила к себе никого из приближенных, отказалась от всех служанок, за исключением Чезы. Она даже дала от ворот поворот Суан, которая, несомненно, явилась выразить нечто вроде извинений. Эгвейн необходимо было время поразмыслить, осознать и принять собственное поражение.

А это действительно было поражение, и ничто иное. Да, вина за ее поражение лежит на других, но эти «другие» — ее сторонники и друзья. Они

еще испытают на себе ее гнев за то, какую сыграли роль в этой неудаче. Но прежде она должна заглянуть к себе в душу и решить, как ей лучше всего следует действовать.

Девушка сидела в деревянном кресле с высокой спинкой, подлокотники которого украшала затейливая резьба. Ее шатер выглядел точно так же, как и перед ее уходом: письменный стол в порядке, одеяла свернуты, подушки сложены друг на друга в углу. Несомненно, здесь прибиралась Чеза — нигде ни пылинки. Как в музее, где детям рассказывают о днях минувших.

Во время встреч в Тел'аран'риоде Эгвейн была настолько убедительна с Суан, насколько возможно, но все равно они пошли наперекор ее пожеланиям. Очевидно, она была слишком скрытной. Скрытность опасна. Чрезмерная скрытность изрядно навредила Суан. За те годы, пока Суан возглавляла сеть глаз-и-ушей Голубой Айя, она научилась бережно относиться к собранным сведениям, делясь ими буквально по крохам, — как скупой хозяин расстается с монетами в день выплаты жалованья. Если бы остальные знали о том, как важна работа Суан, то, возможно, они бы не повернули против нее.

Эгвейн провела пальцами по гладкому, плотно

сплетенному мешочку, который у нее висел привязанным к поясу. Внутри находился длинный тонкий предмет, тайком вынесенный из Белой Башни рано утром.

А не угодила ли она сама в ту же ловушку, что и Суан? Была такая опасность. В конце концов, ведь учила ее именно Суан. Если бы Эгвейн подробнее объяснила, насколько хорошо идут у нее дела в Белой Башне, разве стали бы остальные в них вмешиваться?

Идти этим путем трудно. У Амерлин действительно много секретов, которые она должна хранить. Раскрыть их — значит потерять преимущество влияния и власти. Впрочем, с Суан Эгвейн все же следовало быть пооткровенней. Та слишком привыкла действовать на свой страх и риск. Свидетельством чему является то, что она сохранила при себе, без ведома Совета и против его воли, тот тер'ангриал, что служил ключом к Миру снов. Однако Эгвейн одобрила этот поступок, чем, сама того не сознавая, поощрила Суан бросить вызов своей власти.

Да, Эгвейн совершала ошибки. Она не вправе перекладывать всю вину на Суан, Брина и Гавина. Скорее всего, она допускала и другие ошибки; позднее будет необходимо как следует

присмотреться к предпринятым ею действиям и как следует обо всем поразмыслить.

А пока ее внимания требует куда более важная проблема. Произошла настоящая катастрофа. Ее утащили из Белой Башни, когда до успешного завершения плана ей оставался всего один шаг. Что тут можно поделать? Эгвейн хотелось встать и походить в раздумье, но она не стала так поступать. Расхаживать — значит демонстрировать окружающим нервозность или разочарование, и ей давно пора научиться тому, что она всегда должна быть сдержанной. И тем более нельзя, пусть и нечаянно, приобрести какую-нибудь дурную привычку. Поэтому девушка продолжала сидеть, положив руки на подлокотники, облаченная в прекрасное платье из зеленого шелка, украшенное по лифу желтым узором.

Так странно было носить эти цвета. Как-то неправильно. Белое платье, хотя и навязанное ей, стало чем-то вроде символа сопротивления. Сменить его сейчас на другое означало бы прекратить борьбу. После ночного сражения Эгвейн устала и была опустошена, как эмоционально, так и физически. Но сдаться она не могла. Ведь для нее это не первая бессонная ночь накануне очень важного дня, когда нужно будет прини-

мать решения и разбираться с проблемами.

Она обнаружила, что постукивает пальцами по подлокотнику, и заставила себя прекратить так делать.

Теперь нет никакой возможности возвратиться в Белую Башню послушницей. Сопротивление для Эгвейн было возможно только потому, что она была плененной Амерлин. Если она вернется по своей воле, то на нее будут смотреть как на заносчивую и самонадеянную девчонку либо как на инструмент в чьих-то руках. К тому же на этот раз Элайда наверняка ее казнит.

Так что она зашла в тупик, точно так же, как и в тот раз, когда ее захватили шпионы Белой Башни. Она скрипнула зубами. Когда-то Эгвейн заблуждалась, полагая, что случайностям Узора не так-то легко вовлечь Амерлин в свои прихотливые извивы. Она предполагала, что все держит под контролем. И Амерлин, в отличие от всех прочих, кто в своей жизни действует лишь в ответ на происходящее, сама воздействует на ход событий!

Однако все больше и больше девушка понимала, что, даже будучи Амерлин, она не отличается от других. Жизнь — это буря, и не важно, королева ты или молочница. Просто королевам,

очутившимся посреди шторма, легче делать вид, будто у них все под контролем. Если Эгвейн и выглядела как статуя, неподвластная ветрам, то на самом деле лишь потому, что она видела, как нужно склоняться под этими ветрами. Это давало иллюзию, что ты ими управляешь.

Нет, это не просто иллюзия. Амерлин действительно обладала бóльшим влиянием на происходящее, пусть даже контролировала она только себя, не позволяя буре влиять на свой разум. Если необходимость требовала, она склонялась перед ураганом, однако все ее поступки были тщательно обдуманы. Амерлин нужно быть логичной, как Белые, вдумчивой, как Коричневые, страстной, как Голубые, решительной, как Зеленые, милосердной, как Желтые, и дипломатичной, как Серые. И да, мстительной, как Красные, — когда так нужно.

Ей, как послушнице, нет возврата в Белую Башню, а ждать переговоров она не может. Только не тогда, когда набравшиеся смелости шончан нападают на Белую Башню, когда Ранд остался совершенно без присмотра, когда мир погружается в хаос, а Тень собирает силы для Последней битвы. И она оказывается перед трудным решением. У нее есть свежая армия из пятидесяти тысяч

воинов, а Белая Башня только что подверглась жестокому нападению. Айз Седай будут обессилены, а гвардия Башни — изранена и ослаблена.

Через несколько дней все раненые будут Исцелены, а женщины отдохнут и наберутся сил. Неизвестно, пережила ли Элайда нападение или нет, но Эгвейн лучше исходить из того, что та по-прежнему у власти. И все это оставляет Эгвейн очень мало пространства для действий.

Она знает, какое решение единственно правильное. У нее нет времени ждать, пока сестры в Белой Башне придут к верному решению, она вынуждена будет заставить их принять ее.

Эгвейн надеялась, что история в конце концов ее оправдает.

Она поднялась, откинула входной клапан палатки и замерла, пораженная. Прямо перед ней на земле сидел человек.

Гавин поднялся на ноги — все такой же красивый, каким он ей и запомнился. Он не был записным красавцем, как его сводный брат. Гавин обладал более плотной и крепкой фигурой, он был какой-то настоящий. Удивительно, но сейчас в глазах Эгвейн это делало его более привлекательным, чем Галад. Тот представлялся кем-то из-за пределов реальности — персонажем

из легенд и сказаний. Этим Галад напоминал стеклянную статуэтку, водруженную на стол, — ею можно восхищаться, но руками лучше не трогать.

Гавин был другим. Статный, с нежными глазами и блестящими золотисто-рыжими волосами. В то время как Галад никогда ни о чем не волновался, участие и интерес Гавина делали его искренним и непосредственным. И к сожалению, способным совершать ошибки.

— Эгвейн, — произнес Гавин, поправляя меч и отряхивая штаны. О Свет! Он что, спал перед ее палаткой? Солнце уже миновало полпути к зениту. Ему следует хоть немного отдохнуть!

Эгвейн решительно погнала прочь свои переживания и заботу о нем. Сейчас не время быть влюбленной девчонкой. Сейчас время быть Амерлин.

— Гавин, — сказала она и подняла руку, останавливая шагнувшего к ней юношу. — Я даже не начала еще думать, что мне с тобой делать. Другие дела меня отвлекли. Совет уже собрался, как я просила?

— Думаю, да, — ответил он и обернулся, посмотрев на центр лагеря. Сквозь низкорослые деревья девушка едва могла разглядеть большую

палатку, предназначенную для собраний Совета.

— Значит, я должна предстать перед ними. — Эгвейн глубоко вздохнула и шагнула было вперед, но Гавин встал у нее на дороге.

— Нет, — сказал он. — Эгвейн, нам надо поговорить.

— Позже.

— Нет, не позже, чтоб оно сгорело! Я и так прождал не один месяц. Мне нужно знать, что между нами происходит. Я должен знать, если ты…

— Прекрати! — оборвала она Гавина.

Он замер. Она не пленится этими глазами, чтоб ему сгореть! Только не сейчас.

— Я сказала, что еще не разобралась в своих чувствах, — холодно заявила она. — Именно это я и имела в виду.

Он стиснул челюсти.

— Эгвейн, я не верю этому спокойствию Айз Седай, — сказал Гавин. — Нет, твои глаза настолько красноречивы. Я пожертвовал…

– *Ты* пожертвовал? — перебила его Эгвейн, позволив себе немного выказать гнев. — А знаешь, чем пожертвовала я, стараясь восстановить Белую Башню? Жертвы, которые ты сделал бесполезными, поступая наперекор моим ясно высказанным пожеланиям? Разве Суан тебе не

говорила, что я запретила себя спасать?

— Говорила, — сухо произнес Гавин. — Но мы же за тебя беспокоились!

— Это беспокойство, Гавин, и было той жертвой, которую я требовала, — сердито сказала она. — Разве ты не понимаешь, какое ты выказал мне недоверие? Как я могу доверять тебе, если ты готов ослушаться меня ради того, чтобы чувствовать себя спокойнее?

Пристыженным Гавин не выглядел; он казался возмущенным. На самом деле это хороший знак, — как Амерлин, ей нужен человек, который станет без утайки высказывать свое мнение. Наедине. Но на людях ей необходим тот, кто ее поддерживает. Неужели он этого не видит?

— Ты меня любишь, Эгвейн, — упрямо сказал он. — Я это вижу.

— Эгвейн-женщина тебя любит, — отозвалась она. — Но Эгвейн-Амерлин тобой взбешена. Гавин, если ты будешь со мной, то тебе придется уживаться с обеими — с женщиной и с Амерлин. Я надеюсь, что ты — человек, которого обучали как будущего первого принца меча, — понимаешь разницу.

Гавин смотрел в сторону.

— Ты же не веришь? — спросила Эгвейн.

— Чему?

— Тому, что я Амерлин. Ты не принимаешь мой титул.

— Я пытаюсь. — Гавин снова посмотрел на нее. — Но, кровь и пепел, Эгвейн!.. Когда мы расстались, ты была всего-навсего принятой, а это было не так давно. И теперь тебя величают Амерлин? Не знаю, что и думать.

— И ты не видишь, как твоя неуверенность разрушает все, что могло бы у нас быть?

— Я могу измениться. Но ты должна мне помочь.

— Вот потому-то я и хотела поговорить позже, — сказала Эгвейн. — Ты дашь мне пройти?

Гавин с явной неохотой отступил в сторону.

— Мы не закончили разговор, — предупредил он. — Наконец-то я кое-что для себя решил и не отступлюсь, пока не получу желаемого.

— Отлично, — сказала Эгвейн и прошла мимо него. — Сейчас я не могу об этом думать. Я должна отдать приказ одним людям, которые мне небезразличны, убивать других, которые мне тоже небезразличны.

— Значит, ты так сделаешь? — спросил у нее за спиной Гавин. — В лагере ходят слухи. Я о них знаю, хотя пробыл тут почти все утро. Некоторые

считают, что ты прикажешь Брину штурмовать город.

Эгвейн помедлила.

— Будет очень жаль, если так произойдет, — сказал Гавин. — Меня ни капельки не волнует Тар Валон, но мне кажется, я знаю, каково будет тебе атаковать город.

Она повернулась к нему.

— Я сделаю то, что должна, Гавин, — сказала Эгвейн, встретившись с ним взглядом. — Ради Айз Седай и Белой Башни. Даже если это причинит боль. Даже если это разорвет мне сердце. Если что-то должно быть сделано, я это сделаю. И так будет всегда.

Гавин медленно кивнул, а девушка направилась в шатер, стоящий в центре лагеря.

— Это ты виновата, Джесси, — сказала Аделорна. Глаза у нее по-прежнему были красными — минувшей ночью она потеряла Стража. И не одна она — таких сестер было много. Но Аделорна была еще упряма и свирепа, словно одичавший пес, и самым решительным образом намерена была никому не показывать свою боль.

Джесси Билал грела ладони о чашку с крыжовенным чаем, не желая, чтобы ею кто-то помыкал. Обвинение Аделорны было неизбежно. И навер-

но, Джесси заслуживает выговора. Разумеется, в той или иной мере его заслуживали все они. Исключая, пожалуй, одну Тсутаму, которая тогда не стояла во главе своей Айя. Отчасти потому ее и не пригласили на эту встречу. По этой причине, а еще и потому, что в настоящее время Красная Айя находилась не в самых лучших отношениях с остальными.

В маленькой и тесной комнатке едва уместились пять кресел и небольшая пузатая печка — она стояла у стены, и от нее исходило приятное, умиротворяющее тепло. Для стола — не говоря уже о камине — места не было. Пространства тут едва хватило для пяти женщин. Для пяти самых могущественных женщин в мире. И похоже, пяти самых глупых.

Этим горестным утром — утром, последовавшим за величайшей катастрофой в истории Белой Башни, — они представляли собой жалкое сборище. Джесси взглянула на сестру, сидевшую с ней рядом. Феране Нехаран — Первая рассуждающая Белых — была невысокой, крепкой женщиной, которая, что странно для Белой сестры, чаще прислушивалась к чувствам, чем к логике. Сегодня был как раз тот случай: она сидела нахмурившись, сложив руки на груди. От

чая Феране отказалась.

Рядом с ней — Суана Драганд, Первая плетельщица Желтой Айя. Она была тощей — кожа да кости, но отличалась суровостью и непреклонным поведением. Аделорна, что бросила Джесси обвиняющие слова, сидела возле Суаны. Кто станет винить капитан-генерала Зеленой Айя за недоброжелательность? После того, как Элайда велела высечь ее розгами, и после того, как прошлой ночью она едва не погибла от рук шончан? Стройная женщина выглядела растрепанной, что было совсем на нее не похоже. Ее волосы были стянуты сзади в практичный пучок, а неяркое платье — измято.

Последней из находившихся в комнате была Серанха Колвин, Старший секретарь Серой Айя. У нее были светло-каштановые волосы и измученное лицо; вечно она выглядит так, будто попробовала что-то очень кислое. Сегодня эта ее особенность проявлялась больше обычного.

— У нее есть основания, Джесси, — заметила Феране, и ее спокойный, полный логики тон контрастировал с ее очевидным раздражением. — Ведь именно ты предложила действовать таким образом.

— «Предложила» — это сильно сказано. — Джес-

си сделала глоток чая. — Я лишь упомянула, что в некоторых… более неофициальных архивах Башни имеются документы о тех временах, когда вместо Амерлин правили главы Айя.

О Тринадцатом книгохранилище женщинам, возглавлявшим Айя, было известно, хотя посещать его они не могли, не будучи при этом еще и восседающими. Большинство из них это не останавливало, и на поиски нужных им сведений они посылали восседающих.

— Возможно, я и послужила вестницей, — продолжила Джесси, — хотя именно такова чаще всего роль Коричневых. Однако все вы не слишком-то долго раздумывали и мешкали, чтобы заявлять, будто к этим действиям вас принудили.

После слов Джесси последовал быстрый обмен взглядами искоса, и женщины воспользовались возможностью уткнуться в свои чашки. Да, все они были причастны к сложившейся ситуации и хорошо это понимали. Джесси не собиралась брать на себя вину за случившееся.

— Какой теперь толк искать виноватых? — попыталась успокоить всех Суана, хотя у нее в голосе слышалась горечь.

— Меня так запросто не собьешь, — зарычала

Аделорна. После потери Стража кого-то охватывала печаль, другие впадали в гнев. Какова была реакция Зеленой сестры, сомнений не оставалось. — Была совершена страшная, смертельная ошибка. И что? Белая Башня горит, Амерлин захвачена в плен напавшими, а Дракон Возрожденный до сих пор свободно разгуливает по земле, без всякого контроля! Скоро весь мир узнает о нашем позоре!

— И что проку от взаимных обвинений? — возразила Суана. — Мы что, как дети, всю эту встречу так и будем пререкаться о том, кого из нас повесят? Кому нужна эта бессмысленная попытка избежать ответственности?

Джесси молча поблагодарила костлявую Желтую сестру за ее слова. Разумеется, Суана ведь первой из глав Айя согласилась с планом Джесси. Так что она была следующей в списке тех, кого — выражаясь метафорически — вздернут.

— Она права. — Серанха отхлебнула чая. — Мы должны добиться примирения между собой. Башня нуждается в руководстве, и за этим к Совету мы обращаться не станем.

— И в этом также отчасти наша вина, — с болезненным видом заметила Феране.

Так оно и было. В тот момент план казался

великолепным. Раскол Башни, уход стольких воспротивившихся и появление новой Амерлин — во всем этом не было их вины. Но происходящее предоставило им целый ряд благоприятных возможностей. Первой было грех не воспользоваться: отправить к мятежницам восседающих, дабы те направляли их и способствовали скорейшему улаживанию конфликта. Были выбраны самые молодые восседающие; те, кто заменил их в Совете, как предполагалось, возложенные на них обязанности исполнять будут недолго. Главы Айя со всей уверенностью полагали, что искры вспыхнувшего мятежа можно будет легко погасить.

К произошедшему они отнеслись недостаточно серьезно. Вот в чем была их первая ошибка. Вторая оказалась намного ужасней. Да, действительно, в прошлом случалось, что главы Айя — не Престол Амерлин и не Совет Башни — управляли Айз Седай. Их правление осуществлялось, конечно же, тайно, но весьма успешно. Не вмешайся главы Айя, правление Семейле Сорентайн обернулось бы настоящим бедствием для Айз Седай.

Казалось, сейчас был похожий случай. Приближается Последняя битва, и дни ее кануна — особое время, которое требует пристального внимания.

Внимания женщин разумных и здравомыслящих, обладающих значительным опытом. Женщин, которые в состоянии доверительно общаться между собой и вместе договариваться о том, как лучше всего действовать, избегая дискуссий и споров, свойственных Совету.

— Как вы думаете, в чем мы ошиблись? — тихо спросила Серанха.

Женщины примолкли. Никому не хотелось недвусмысленно признаваться в том, что план привел к обратному результату. Аделорна откинулась на спинку кресла, сложив руки на груди. Ее гнев все еще тлел, но бросаться обвинениями она перестала.

— Это Элайда, — сказала Ферране. — Она не всегда была… очень логичной.

— Проклятье, да она поистине несчастьем была, — пробормотала Аделорна.

— Более того, — добавила Джесси, — на замену восседающих, посланных к мятежницам, мы сами выбрали женщин, которые находились под нашим контролем. И я считаю, что такое решение было хорошим, хотя, наверное, слишком уж очевидным. Женщины в наших собственных Айя стали подозрительны; несколько замечаний, высказанных Коричневыми сестрами, мне из-

вестны. Мы не столь погружены в собственные мысли, как о нас могут думать.

Серанха кивнула.

— Попахивало заговором, — согласилась она. — И поэтому женщины стали менее склонны к доверию. Да еще эти мятежницы. Контролировать их оказалось гораздо сложнее, чем предполагалось.

Женщины закивали. Они, как и Джесси, считали, что при надлежащем руководстве бунтовщицы рано или поздно изыщут возможность вернуться в Башню и попросят прощения. Раскол вскоре должен был завершиться, не причинив ущерба, исключая разве что уязвленное самолюбие отдельных сестер.

Но главы Айя вовсе не предполагали, что мятежницы окажутся столь упорны и успешны. Целая армия, явившаяся из снежной бури на речные берега вокруг Тар Валона? Возглавляемая одним из величайших военных гениев нынешней эпохи? С новой Амерлин и поразительно эффективной тактикой осады? Кто мог такого ожидать? А некоторые из восседающих, отправленных к мятежницам, стали склоняться на их сторону, отвернувшись от Белой Башни!

«Нельзя было позволять Элайде разгонять Голубую Айя, — подумала Джесси. — Не случись

этого, Голубые, возможно, и готовы были бы вернуться. Но после этакого бесчестья, естественно, артачиться станут». Одному лишь Свету ведомо, насколько все это опасно; в истории полно свидетельств того, сколь упрямы бывают Голубые, когда хотят добиться своего, а уж тем паче, когда их загоняют в угол.

— Думаю, самое время признать, что нет никакой надежды спасти наш план, — произнесла Суана. — Согласны?

— Согласна, — откликнулась Аделорна.

Одна за другой сестры подтверждали согласие кивками, так же поступила и Джесси. Даже в этой комнате трудно было признать свои ошибки и свою вину. Но пора забыть о проигрыше и заняться восстановлением.

— Тогда перед нами возникают другие проблемы, — заключила Серанха, и голос ее теперь звучал спокойнее.

Остальные женщины тоже имели более уверенный вид. Друг другу они не доверяли, однако эти пятеро были гораздо ближе к взаимному доверию, чем любая другая группировка, обладающая хоть каким-то влиянием в Совете.

— Необходимо принять меры, — добавила Феране. — С расколом нужно покончить.

— Мятеж был направлен против Элайды, — сказала Аделорна. — Раз она больше не Амерлин, то против чего тогда выступают мятежницы?

— Так мы отрекаемся от нее? — спросила Джесси.

— Она того заслуживает, — заявила Аделорна. — Раз за разом она твердила, что шончан не представляют угрозы. Что ж, теперь она сама расплачивается за собственную глупость.

— Элайду нам не спасти, — добавила Феране. — Совет уже обсуждал этот вопрос. Амерлин затерялась среди тех, кого пленили шончан, а мы не обладаем ни средствами, ни сведениями, необходимыми для ее спасения.

«Не говоря уже о том, что у нас нет совершенно никакого желания ее вызволять», — добавила про себя Джесси.

Большинство восседающих, указавших на эти обстоятельства Совету, входили в число тех Айз Седай, кому Элайда назначала наказания. Джесси к ним не относилась, но она была согласна с тем, что Элайда получила по заслугам, хотя бы за одно то, что стравливала Айя друг с другом.

— Значит, нам нужна замена, — сказала Серанха. — Но кто?

— Это должен быть кто-то сильный, — заявила

Суана. — Но при том осмотрительный, в отличие от Элайды. Та, вокруг кого смогут сплотиться сестры.

— Как насчет Саэрин Аснобар? — спросила Джесси. — Недавно она выказала поразительное здравомыслие, и она во многом подходит.

— Ну разумеется, ты предложила Коричневую, — не преминула заметить Аделорна.

— А почему нет? — поинтересовалась застигнутая врасплох Джесси. — Полагаю, вы все слышали, как успешно она действовала, приняв командование во время нападения прошлой ночью?

— Сине Херимон тоже возглавляла отряд, отражавший налет, — возразила Феране. — Я склонна полагать, что наступает время править женщине с бесстрастным характером. Той, которая способна обеспечить разумное руководство.

— Чепуха, — сказала Суана. — Белые слишком бесчувственны, а нам необходимо не отдалять сестер друг от друга, а наоборот, сплачивать. Исцелить их! А что, Желтая…

— Кое о чем вы все забываете, — перебила ее Серанха. — Что сейчас нужно? Примирение. В Серой Айя на протяжении веков постигали и совершенствовали искусство переговоров. Кто лучше сумеет справиться с расколом Башни и с

самим Драконом Возрожденным?

Аделорна вцепилась в подлокотники кресла и выпрямила спину. Остальные также напряглись. Едва Аделорна открыла рот, собираясь заговорить, как ей этого не дала сделать Джесси.

— Хватит! — воскликнула она. — Мы что, и дальше будем спорить? Так Совет все утро только и пререкался! Каждая Айя выдвигает кого-то из своих, а все прочие дружно их отвергают?

Комната снова погрузилась в тишину. Против правды не возразишь. Совет прозаседал несколько часов и лишь недавно разошелся на короткий перерыв. Ни одна Айя даже близко не была к тому, чтобы набрать достаточное число голосов для своей кандидатки. Ни одна из восседающих не встанет проголосовать за сестру не из ее Айя; слишком уж много враждебности питают друг к другу все Айя. О Свет, ну и дела!

— В идеале, это должна быть одна из нас пятерых, — заявила Феране. — В этом есть смысл.

Пять женщин переглянулись друг с другом, и в их глазах Джесси прочла ответ. Они — главы Айя, самые могущественные женщины в мире. Сейчас между ними сохраняется равновесие власти и сил, и хотя они доверяли друг другу больше, чем прочие, ни одна из них не допустит, чтобы

возвеличилась глава другой Айя, взойдя на Престол Амерлин. Возвысившаяся обретет слишком много власти. После того как их план провалился, доверия между этими пятью женщинами стало существенно меньше.

— Если мы быстро не примем решения, — заметила Суана, — то Совет может решить все за нас.

— Ха! — взмахнула рукой Аделорна. — Они столь разобщены, что разойдутся во мнениях, какого цвета небо. Восседающие понятия не имеют, чем занимаются.

— Во всяком случае, кое-кто из нас не выбирал в восседающие женщин, которые слишком юны, чтобы заседать в Совете, — проронила Феране.

— Да? — удивилась Аделорна. — И как же ты это обошла, Феране? Избрав саму себя восседающей?

Глаза Феране гневно расширились. Сердить эту женщину и испытывать ее терпение — не самая лучшая идея.

— Мы все совершали ошибки, — быстро вмешалась Джесси. — Многие сестры, кого мы предназначили в восседающие, оказались весьма странным выбором. Нам требовались женщины, которые будут делать в точности то, что им скажут, а что в итоге мы получили? Стайку вздорщиц, девчонок с раздутым самомнением и

слишком незрелых, чтобы на них могли повлиять умы более сдержанные.

Аделорна и Феране намеренно не стали смотреть друг на друга.

— Тем не менее наша проблема остается без решения, — произнесла Суана. — Нам нужна Амерлин. Исцеление должно начаться немедленно, какой бы ни была цена.

Серанха покачала головой:

— Честно говоря, я не могу назвать ни одну женщину, которую поддержит достаточное число восседающих.

— А я могу, — негромко сказала Аделорна. — Сегодня ее имя несколько раз упоминали в Совете. Вы знаете, о ком я. Она молода, и связанные с нею обстоятельства необычны, но сейчас вообще все необычно.

— Ну, не знаю. — Суана нахмурилась. — Да, о ней упоминали, однако те, чьим мотивам я не доверяю.

— Кажется, Саэрин весьма ею очарована, — вставила Джесси.

— Она слишком молода, — возразила Серанха. — Разве не мы только что ругали себя за то, что выбрали слишком неопытных восседающих?

— Она молода, это так, — заметила Феране, —

но надо признать, что у нее есть… определенные способности. Не думаю, чтобы еще кто-нибудь в Башне сумел бы противостоять Элайде столь же успешно, как она. Да к тому же и в таком положении, как она.

— Вам известны рассказы о том, как она действовала во время нападения, — сказала Аделорна. — Могу подтвердить, что это правда. Бóльшую часть времени я была там вместе с ней.

При этих словах Джесси вздрогнула. Она и не знала, что при налете шончан Аделорна находилась на двадцать втором уровне.

— Из того, что говорят, наверняка кое-что преувеличено, — заметила Джесси.

Аделорна непреклонно помотала головой:

— Нет. Вовсе нет. Звучит невероятно… но… так оно и было. Все, от и до.

— Послушницы ей чуть ли не поклоняются, — произнесла Феране. — Раз уж восседающие не встанут при голосовании ни за кого из чужой Айя, то как насчет женщины, которая так и не выбрала свою Айя? Женщины, уже обладающей некоторым опытом — пусть и приобретенным неправомочно, — на том самом посту, о котором мы говорим?

Джесси обнаружила, что кивает. Но каким

образом молодая бунтовщица завоевала такое уважение у Феране и Аделорны?

— Я не уверена, — сказала Суана. — Это кажется еще одним опрометчивым решением.

— Разве ты сама не говорила, что мы должны исцелить Башню любой ценой? — спросила Аделорна. — Скажи честно: ты можешь придумать лучший способ вернуть к нам мятежниц? — Она повернулась к Серанхе. — Какой самый лучший способ умиротворить оскорбленную сторону? Разве он не в том, чтобы пойти на какие-то уступки, признать некоторые их действия справедливыми?

— В этом есть смысл, — согласилась Суана. Она поморщилась, затем одним глотком допила чай. — О Свет, но она права, Серанха. Мы должны это сделать.

Серая сестра поочередно посмотрела на каждую из остальных:

— Вы же не настолько глупы, чтобы думать, будто эта женщина станет плясать под чью-то дудку? Если мы всего лишь рассчитываем получить еще одну марионетку, то я против. Тот план провалился. Провалился самым ужасным образом.

— Сомневаюсь, что мы вновь окажемся в подоб-

ной ситуации, — со слабой улыбкой произнесла Феране. — Она… не из тех, кого можно запугать. Только вспомните, как она обошлась с запретами Элайды.

— Да, — вдруг сказала Джесси и сама этому удивилась. — Сестры, если мы с этим согласимся, то тогда распрощаемся с нашей мечтой править из-за ширмы. К лучшему или к худшему, но мы выберем сильную Амерлин.

— Что касается меня, — сказала Аделорна, — то я считаю, это великолепная идея. Слишком долго такой не было.

За ней, одна за другой, согласием ответили и остальные.

Не шевелясь, Суан стояла под ветвями небольшого дуба. Дерево росло в центре лагеря, и под его сенью полюбили устраиваться на обед принятые и послушницы. Сейчас, впрочем, здесь никого не было. Выказав на сей раз замечательную предусмотрительность, сестры разослали своих подопечных с разными поручениями и заданиями — дабы те не ошивались возле палатки, где проходит заседание Совета.

Так что Суан стояла одна и наблюдала за тем, как Шириам плотно закрывает входные клапаны большого шатра. Теперь, когда Эгвейн вернулась,

она вновь приступила к своим обязанностям. Суан сразу почувствовала, когда был выставлен малый страж против подслушивания; тем самым заседание оказалось запечатано Пламенем и недоступно для любопытных ушей.

Чья-то рука опустилась на плечо Суан. Она не вздрогнула — приближение Брина она ощутила. Военачальник шел осторожно, хотя необходимости в скрытности не было. Из него получится превосходный Страж.

Он встал рядом с ней, по-прежнему держа руку у нее на плече, и Суан позволила себе роскошь придвинуться к нему на полшага. Было приятно чувствовать рядом с собой его надежность и силу. Словно среди бушующих волн и штормового ветра ты знаешь, что твой корабль просмолен и законопачен, а паруса сшиты из крепчайшего полотна.

— Как ты думаешь, что она им скажет? — негромко спросил Брин.

— Честно говоря, понятия не имею. Полагаю, она может потребовать моего усмирения.

— Сомневаюсь, — возразил Брин. — Она не из мстительных. К тому же она знает: ты сделала то, что, по-твоему, ты должна была сделать. Ради ее же блага.

Суан скривилась:

— Никому не нравится неповиновение, а уж особенно Амерлин. За прошлую ночь меня ждет расплата, Брин. Ты прав, — вероятно, произойдет это не на глазах у всех. Но боюсь, доверие девочки я потеряла.

— А оно того стоило?

— Да, — сказала Суан. — Она не понимала, как близко все было к тому, чтобы эта шайка выскользнула у нее из рук. И мы не могли быть уверены, что во время нападения на Башню ей не будет грозить опасность. Если я чему-то и научилась за время пребывания в Белой Башне, так это тому, что есть время обсуждать планы, но есть время и действовать. Нельзя ждать вечно.

Благодаря узам Суан почувствовала, как Брин улыбается. О Свет, но как же замечательно, что у нее снова есть Страж. Суан не задумывалась о том, как же ей не хватало этого успокаивающего клубка эмоций в глубине ее сознания. Этого постоянства. Мужчины думают иначе, чем женщины, и то, что казалось ей запутанным, сбивающим с толку, Брин видел простым и понятным. Принимай решение и действуй. В его манере рассуждать была обнадеживающая ясность. Это не значит, что его можно было обвести вокруг пальца — он

просто не слишком-то был склонен сожалеть об уже принятых им решениях.

— А что насчет остальных издержек? — спросил Брин.

Она чувствовала его нерешительность, его беспокойство. Суан повернулась к нему и, забавляясь, улыбнулась.

— Ну ты и дурак, Гарет Брин.

Он нахмурился.

— На узы с тобой я никогда и не смотрела как на издержки, — заявила она. — Что бы еще ни случилось из-за моей неудачи, эта часть событий минувшей ночи мне принесла только выгоду.

Брин хихикнул:

— Что ж, тогда мне придется еще раз удостовериться, что мое второе условие гораздо неразумней.

«Рыбий потрох», — подумала Суан. Проклятье, об этом она чуть не забыла. Но уж кто-кто, а сам Брин, разумеется, не забыл.

— Ну и когда же именно ты намерен потребовать от меня выполнения этого неразумного условия?

Он ответил не сразу, а только смотрел на нее, потирая подбородок.

— Знаешь, — промолвил Брин наконец, — ка-

жется, теперь я все-таки тебя понимаю, Суан Санчей. Ты — женщина чести. И естественно, никто не может предъявить тебе более суровые требования, чем ты сама. У тебя громадное чувство ответственности, и ты сама взяла на себя такой долг, что я сомневаюсь, чтобы кто-либо из смертных сумел его оплатить.

— Ты представляешь дело так, будто я сосредоточена исключительно на себе, — сказала она.

— Ну, зато я больше не сравниваю тебя с прущим напролом кабаном.

— Ага, значит, ты все-таки считаешь меня эгоисткой! — возмутилась Суан. Чтоб ему сгореть! Наверное, он почувствовал, что его слова задели ее за живое и что она не хочет спорить на эту тему. Что б ему еще раз сгореть!

— Суан Санчей, ты одержима, — заявил Брин. — Одержима идеей спасти мир от него самого. Вот потому-то ты с такой легкостью способна отмахнуться от клятв или от правил.

Суан глубоко вздохнула:

— Гарет Брин, этот разговор быстро стал крайне утомителен. Скажешь мне о втором условии или заставишь меня ждать?

Он задумчиво изучал ее каменное лицо:

— Ну, если честно, я намерен потребовать, что-

бы ты вышла за меня замуж.

Она удивленно моргнула. О Свет! Узы говорили, что он искренен.

— Но только после того, как ты почувствуешь, что мир способен сам о себе позаботиться. И никак не раньше, Суан, иначе не соглашусь я. Ты посвятила свою жизнь чему-то. Я прослежу, чтобы ты при этом не погибла. И надеюсь, что когда ты с этим покончишь, то захочешь отдать свою жизнь чему-то другому.

Суан сумела справиться с потрясением. Нет, она не позволит глупому мужчине лишить ее дара речи.

— Ладно, — заставила она себя сказать. — Вижу, у тебя все-таки есть какое-никакое здравомыслие. Посмотрим, соглашусь ли я на твое условие или нет. Но я о нем подумаю.

Когда Суан отвернулась и устремила взгляд на палатку, ожидая появления Эгвейн, то услышала хихиканье Брина. Он мог ощущать истинные чувства Суан, точно так же, как и она — его чувства. О Свет! Теперь-то ей понятно, почему Зеленые так часто выходят замуж за своих Стражей. Оттого, что она чувствовала его любовь к себе, так же как и он чувствовал ее, у Суан кружилась голова.

Конечно, он дурак. А она была дурой не мень-

шей. Суан горестно покачала головой, но, пока они стояли в ожидании, позволила себе слегка к нему прислониться, и он вновь положил ей на плечо руку. Мягко, нетребовательно. Согласный ждать. Он и в самом деле ее понимал.

Эгвейн стояла перед женщинами, лица которых выражали лишь безмятежность и которые были куда как хороши в искусстве скрывать свое волнение. По традиции она приказала Квамезе сплести малого стража против подслушивания, поскольку остроносая Серая сестра была самой младшей из восседающих, что собрались в просторной палатке. Та казалась почти пустой из-за того, что занято было очень мало мест. Дюжина женщин, по две от каждой Айя, — тогда как их должно было быть по трое, однако все Айя послали по одной восседающей в Черную Башню с дипломатической миссией. Серые уже заменили Делану Наорисой Камбрал.

Двенадцать восседающих, Эгвейн и еще одна женщина. Эгвейн не смотрела на Шириам, что сидела на своем месте сбоку. Хранительница летописей казалась обеспокоенной с того самого момента, как вошла в шатер. Неужели Шириам поняла, что Эгвейн все известно? Быть того не может. Если бы поняла, то ни за что не пришла

бы на собрание.

Поскольку Эгвейн знала, кем на самом деле является хранительница летописей, присутствие Шириам заставляло ее нервничать. Во время переполоха, вызванного нападением шончан, у Суан не было возможности присмотреть за Шириам. Почему у хранительницы летописей повязка на левой руке? Эгвейн не верила объяснению, что виной всему несчастный случай при поездке верхом — будто бы мизинец Шириам зажало поводьями. Почему она отказалась от Исцеления? Проклятье, Суан! Вместо того чтобы следить за Шириам, она отправилась похищать Эгвейн!

Совет притих, ожидая, какова будет реакция Эгвейн на свою «свободу». Облаченная в желтое платье Романда, чьи тронутые сединой волосы были собраны в пучок, сидела чинно выпрямившись. Она светилась довольством, тогда как Лилейн — по другую сторону палатки — пребывала в дурном расположении духа, хотя и пыталась вести себя так, словно обрадована возвращением Эгвейн. После того, что Эгвейн довелось пережить в Белой Башне, эти раздоры представлялись мелкими и по-детски глупыми.

Эгвейн сделала глубокий вдох, затем обняла Истинный Источник. Как же здорово его ощу-

щать! Больше нет горького корня вилочника, ужимавшего поток ее силы до тонюсенькой струйки, больше не надо одалживать Силу, тянуться к Источнику через других женщин. Не нужен и са'ангриал. Как бы сладостна ни была мощь ребристого жезла, ощущать собственную силу без его помощи намного приятнее.

Заметив ее действия, несколько женщин нахмурились, а некоторые и сами обратились к Источнику — будто бы машинально, поглядывая вокруг, словно бы опасаясь чего-то.

— В этом нет нужды, — сказала им Эгвейн. — Не сейчас. Прошу вас, отпустите Истинный Источник.

Они заколебались, но ведь присутствующие тут восседающие — пусть и для видимости — принимали ее как Амерлин. Один за другим гасли окружавшие кое-кого из них ореолы Силы. Однако сама Эгвейн отпускать Источник не собиралась.

— Я очень рада тому, что ты вернулась невредимой, мать, — сказала Лилейн. Ловко же она обошла Три клятвы, добавив слово «невредимой».

— Благодарю тебя, — спокойно ответила Эгвейн.

— Ты сказала, что должна открыть нам нечто важное, — добавила Варилин. — Это касается нападения шончан?

Эгвейн сунула руку в мешочек у пояса и вытащила на свет его содержимое. Гладкий белый жезл с вырезанной у основания древней цифрой «три» — этот символ относился к письменам Эпохи легенд. Послышались изумленные вздохи.

Эгвейн вплела Дух в Жезл, затем заговорила чистым голосом:

— Клянусь, что не скажу ни слова неправды. — Она ощутила, как клятва опустилась на нее, будто нечто материальное, а кожу стянуло и начало покалывать. На эти ощущения было легко не обращать внимания, ведь по сравнению с тем, через что ей довелось пройти, эта боль была ничем. — Клянусь, что не создам оружия, которым один человек может убить другого. Клянусь, что никогда не использую Единую Силу как оружие, иначе как против отродий Тени или в качестве последнего средства для защиты собственной жизни, жизни своего Стража или жизни другой сестры.

Совет хранил молчание. Эгвейн отпустила свое плетение. Она чувствовала себя так странно! Будто кто-то, ухватив у нее на спине кожу от

основания шеи и вдоль позвоночника, оттянул да и закрепил в таком состоянии.

— Пусть теперь ни у кого и мысли не возникнет, что я могу не сдержать Три клятвы, — заявила Эгвейн. — Пусть никто не посмеет даже заикнуться, что я не полноправная Айз Седай.

Ни одна из сидевших в палатке женщин не сказала о том, что Эгвейн еще не прошла испытания на право носить шаль. Что ж, испытание она пройдет, но в другой день.

— Теперь, — вновь заговорила Эгвейн, — когда вы видели, что я воспользовалась Клятвенным жезлом, и знаете, что лгать я не могу, я должна вам кое-что сказать. Когда я была в Белой Башне, ко мне явилась сестра и призналась, что она — из Черной Айя.

Женщины выпучили глаза, послышалось несколько тихих вздохов.

— Да, — продолжила Эгвейн. — Я знаю, мы не любим о них говорить, но может ли кто-нибудь из нас искренне заявить, что Черной Айя не существует? Сдержите ли вы свои клятвы, утверждая, что никогда не рассматривали такую возможность — даже вероятность — того, что среди нас есть приспешницы Темного?

Никто не посмел возразить. Несмотря на ран-

ний час, в шатре было жарко. Душно. Впрочем, никто из находящихся в палатке не вспотел — от подобного неудобства избавлял известный им и старый как мир трюк.

— Да, — повторила Эгвейн. — Как ни постыдно, но такова правда, которую мы — как правители — должны признавать. Не прилюдно, разумеется, однако между собой мы не должны избегать этой темы. Я своими глазами видела, до чего могут довести людей недоверие и тайные политические игры. Я не позволю тому же недугу заразить и нас здесь. Мы из разных Айя, но цель у нас одна. Мы должны быть уверены, что можем всецело доверять друг другу, потому как на что еще в этом мире мы можем рассчитывать?

Эгвейн посмотрела на Клятвенный жезл, взятый ею ранее утром у Саэрин. Потерла его большим пальцем.

«Верин, как бы мне хотелось, чтобы тебе удалось его найти, когда ты пошла ко мне, — подумала девушка. — Может, тебя бы он и не спас, но я бы попыталась. Твоя помощь мне бы пригодилась».

Эгвейн подняла голову.

— Я — не приспешница Темного, — громко заявила она. — И вы знаете, что мои слова не могут быть ложью.

Восседающие выглядели сбитыми с толку. Ничего, скоро они поймут.

— Пришло время подтвердить, кто мы есть, — сказала Эгвейн. — В Белой Башне нашлись сообразительные женщины, которые до этого додумались, и я собираюсь развить их идею. Каждая из нас поочередно воспользуется Клятвенным жезлом, освободив себя от Трех клятв, а затем снова даст эти обеты. Когда мы все будем связаны клятвами, то сможем удостовериться, что мы не прислужницы…

Шириам обняла Истинный Источник. Эгвейн предвидела такой шаг. Она вбила щит между Шириам и Источником, отчего та сдавленно охнула. Потрясенная, вскрикнула Берана, и некоторые тоже обняли Источник, принявшись опасливо озираться.

Эгвейн повернула голову и встретилась взглядом с Шириам. Лицо женщины залилось краской, под стать цвету ее волос. Она часто и мелко дышала. Точь-в-точь как пойманный кролик, чья лапа запуталась в силках, а большие глаза полны страха. Она вцепилась в свою перевязанную руку.

«Ох, Шириам, — подумала Эгвейн. — Я-то надеялась, что насчет тебя Верин ошиблась».

— Эгвейн? — обеспокоенно спросила Шири-

ам. — Я просто…

Эгвейн шагнула вперед.

— Ты из Черной Айя, Шириам?

— Что? Конечно нет!

— Ты якшаешься с Отрекшимися?

— Нет! — воскликнула Шириам, шаря взором по сторонам.

— Ты служишь Темному?

— Нет!

— Тебя освободили от принесенных клятв?

— Нет!

— У тебя рыжие волосы?

— Нет, конечно, нет, я никогда… — Она застыла.

«И спасибо тебе за эту хитрость, Верин», — мысленно вздохнула Эгвейн.

В палатке все замерли. Повисла тишина.

— Конечно же, я оговорилась, — вымолвила Шириам, покрывшись нервной испариной. — Я сама не понимала, на какой вопрос отвечаю. Разумеется, я не могу лгать. Никто из нас не может…

Она умолкла, когда Эгвейн протянула ей Клятвенный жезл.

— Докажи это, Шириам. Женщина, что приходила ко мне в Башне, назвала твое имя как главы Черной Айя.

Шириам посмотрела Эгвейн в глаза:

— Вот, значит, как… — Голос ее был тих, в глазах застыла печаль. — И кто это был? Кто приходил к тебе?

— Верин Матвин.

— Ну и ну, — проговорила Шириам, усаживаясь на свой стул. — Вот уж от кого не ожидала. Как же она обошла клятвы, данные Великому повелителю?

— Она выпила яд, — сказала Эгвейн, и сердце у нее сжалось.

— Очень умно. — Женщина с огненно-рыжими волосами кивнула. — Я бы никогда не сумела поступить так же. Воистину никогда…

Эгвейн сплела путы Воздуха и обернула их вокруг Шириам. Затем она повернулась к смятенной группе женщин. Кто-то побледнел. Кто-то был в ужасе.

— Мир подходит к Последней битве, — безжалостно произнесла она. — Неужели вы думаете, что наш враг оставит нас в покое?

— Кто еще? — прошептала Лилейн. — Кого еще назвали?

— Многих, — ответила Эгвейн. — В том числе и восседающих.

Морайя вскочила на ноги и бросилась к выходу.

Но она едва успела сделать пару шагов. Остальные сестры окружили бывшую Голубую щитами и связали плетениями Воздуха. В считаные секунды ей заткнули рот и подвесили в воздухе. По овальному лицу Морайи текли слезы.

Романда, обходя женщину по кругу, прищелкнула языком.

— Обе из Голубых, — отметила она. — Какое эффектное разоблачение, Эгвейн.

— Романда, впредь будешь обращаться ко мне «мать», — сказала Эгвейн, сходя с помоста. — Не стоит удивляться, что из Голубой Айя здесь их будет больше — ведь из Белой Башни пришлось бежать целой Айя. — Она подняла повыше Клятвенный жезл. — Причина, по которой мне пришлось разоблачить их столь драматичным образом, проста. Как бы вы отнеслись к моим словам, если бы я просто объявила их Черными, не приведя каких-либо доказательств?

Романда склонила голову.

— Ты права по обоим пунктам, мать, — признала она.

— Тогда, полагаю, ты не против первой принести клятвы заново?

Романда колебалась всего мгновение, глянув на двух женщин, спутанных прядями Воздуха.

Едва ли не каждая Айз Седай в палатке удерживала Источник, посматривая на остальных так, словно в любой момент у них вместо волос могут вырасти змеи-медянки.

Романда приняла Клятвенный жезл и сделала так, как ей было сказано, освободив себя от клятв. Процесс, очевидно, оказался болезненным, но она держала себя в руках, лишь с шипением втягивая воздух. Прочие внимательно за ней следили, не будет ли какого подвоха, но Романда просто и без обиняков дала клятвы заново. Затем, протянув жезл обратно Эгвейн, она заявила:

— Я — не приспешница Темного. И никогда не была.

Эгвейн взяла у нее Клятвенный жезл.

— Благодарю тебя, Романда, — сказала она. — Лилейн, не желаешь стать следующей?

— Охотно, — откликнулась та. Вероятно, ей хотелось отстоять честь Голубых.

Одна за другой женщины отрекались от клятв — при этом задыхаясь или шипя от боли, — а затем клялись снова и заявляли, что они не являются приспешницами Темного. Каждый раз Эгвейн тихонько испускала вздох облегчения. Верин предупреждала, что наверняка найдутся Черные сестры, которых она так и не вычислила

и что Эгвейн вполне может обнаружить среди восседающих и других Черных.

Когда Квамеза последней протянула жезл обратно Эгвейн и объявила, что она не приспешница Темного, напряжение в шатре заметно спало.

— Очень хорошо, — сказала Эгвейн, вернувшись на возвышение. — С этого момента мы действуем как единое целое. Больше никаких пререканий. Никаких распрей. У всех нас есть гораздо более важные цели — судьба Белой Башни и судьба всего мира. По меньшей мере двенадцать из нас теперь уверены друг в друге. Очищение никогда не бывает легким. Зачастую оно болезненно. Сегодня мы очистились, но то, что мы должны сделать дальше, причинит не меньше боли.

— Ты… знаешь имена остальных? — спросила Такима, которая в кои-то веки выглядела не столь поглощенной собственными мыслями.

— Да, — кивнула Эгвейн. — Всего более двух сотен, по нескольку из каждой Айя. Около семидесяти среди нас, в нашем лагере. Имена мне известны. — Ночью она вернулась в свою комнату забрать книги Верин. Сейчас они были надежно спрятаны в ее палатке. — Полагаю, нам

необходимо взять их под стражу, а это, думаю, непростая задача, потому что схватить их нужно по возможности одновременно.

Помимо неожиданности, их величайшим преимуществом будет недоверие, присущее самой сути Черной Айя. И Верин, и другие источники указывали на то, что очень немногим сестрам из Черной Айя известно больше пяти-шести имен своих товарок. В книге подробно описывалась организация Черной Айя и их система отдельных групп, называемых «сердцами», которые ради сохранения тайны лишь в минимальной степени взаимодействуют друг с другом. Остается надеяться, что та же система не даст им быстро осознать, что происходит.

Восседающие выглядели обескураженными.

— Во-первых, — произнесла Эгвейн, — мы заявим, что нам необходимо до всех сестер донести важные известия, но нельзя, чтобы о них прослышали солдаты в лагере. Мы будем приглашать каждую Айя по отдельности, сюда, в этот шатер — он достаточно велик, чтобы вместить до двухсот человек. Всем вам я сообщу имена Черных сестер. Когда Айя будут входить, я им повторю то, что сказала вам, и объявлю, что всем придется заново принести клятвы на Клятвенном жезле.

Мы будем готовы схватить тех Черных сестер, кто попытается сбежать. Их мы свяжем и поместим в шатер для аудиенций.

Эта меньшая по размерам палатка соединялась с павильоном, предназначенным для заседаний Совета, и могла быть закрыта так, чтобы входящие сестры не видели пленниц.

— Нам нужно будет что-то делать со Стражами, — мрачно сказала Лилейн. — Видимо, надо позволить им войти вместе с их Айз Седай и быть готовыми схватить и их тоже.

— Некоторые из них окажутся приспешниками Темного, — отметила Эгвейн. — Но не все. Кто именно, я не знаю.

У Верин имелись какие-то записи по этому поводу, но, к сожалению, их было немного.

— О Свет, ну и кавардак, — пробормотала Романда.

— Это должно быть сделано, — качнула головой надменная Берана.

— Причем сделано быстро, — добавила Эгвейн. — Так, чтобы у Черных сестер не было времени сбежать. На всякий случай я предупрежу лорда Брина, он организует на внешней границе лагеря заслон с лучниками и сестрами, которым мы доверяем, дабы они пресекли любую

попытку побега. Но это сработает только против тех, кто слишком слаб и не в состоянии создать переходные врата.

— Такого нельзя допустить, — вскинулась Лилейн. — Война в само́м лагере…

Эгвейн кивнула.

— А что с Белой Башней? — поинтересовалась Лилейн.

— Как только мы очистимся сами, — ответила Эгвейн, — мы сможем сделать все необходимое для воссоединения Айз Седай.

— Ты имеешь в виду…

— Да, Лилейн, — подтвердила Эгвейн. — Я имею в виду — начать штурм Тар Валона сегодня вечером. Передайте приказ лорду Брину — пусть готовит войска. Новость о штурме отвлечет Черных сестер, находящихся среди нас, и им будет сложнее понять, что мы делаем.

Романда глянула на Шириам и Морайю, висящих в воздухе у стены палатки, — обе открыто плакали. Рты у них были заткнуты кляпами из Воздуха.

— Это нужно сделать. Я ставлю перед Советом предложение действовать так, как сказала Амерлин.

В палатке воцарилась тишина. Затем женщи-

ны медленно, одна за другой, поднялись со своих мест, тем самым давая свое согласие. Оно было единодушным.

— Да сохранит нас Свет, — прошептала Лилейн. — И да простит за то, что мы должны сделать.

«Точь-в-точь мои мысли», — добавила про себя Эгвейн.

Глава 44
Неведомый запах

Тарвиново ущелье — самый разумный выбор! Его подсказывает здравый смысл! — убеждала Найнив.

Они с Рандом ехали по заросшей дороге через широкую травянистую равнину Маредо, сопровождаемые многочисленной толпой Айил. Найнив была единственной Айз Седай. Наришма и Наэфф держались ближе к хвосту колонны и вид имели весьма мрачный. Связанных с ними узами Айз Седай Ранд вынудил остаться. Похоже, что в последнее время он особенно стремится отстаивать свою от них независимость.

Найнив ехала верхом на белоснежной кобыле по имени Лунносветная, позаимствованной в Тире из конюшен Ранда. До сих пор казалось странным, что у него вообще есть собственные конюшни, не говоря уже о том, что имелись они едва ли не в каждом главном городе мира.

— Тарвиново ущелье? — Ранд покачал головой. — Нет. Чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, что мы не станем там сражать-

ся. Лан оказал мне услугу. Если я сумею вместе с ним согласованно начать атаку, то получу огромное преимущество. Но отвлекать свои армии на ущелье я не хочу. Это будет только растратой сил и средств.

Растратой сил? Именно к ущелью направлялся Лан, подобно стреле, выпущенной из двуреченского длинного лука. Направлялся на смерть! И Ранд заявляет, будто помогать ему — значит растрачивать силы и средства? Болван шерстеголовый!

Скрежеща зубами, Найнив заставила себя успокоиться. Если бы только он спорил, а не высказывал свою точку зрения, как нечто само собой разумеющееся, в этой недавно усвоенной им отстраненной манере. Ранд казался совершенно бесчувственным, но она-то видела вырвавшееся на волю и ревевшее на нее чудовище. Оно свернулось внутри его кольцами, и если Ранд в скором времени не выпустит из себя свои эмоции, то они пожрут его изнутри.

Но как убедить его, как заставить уступить здравому смыслу? Пока они были в Тире, Найнив обдумала и привела ему отличные доводы — каждый по отдельности вполне обоснованный и легко объяснимый. Но Ранд проигнорировал все

ее спокойные рассуждения, и последние два дня провел, совещаясь со своими военачальниками и разрабатывая стратегию для Последней битвы.

С каждым днем Лан оказывался еще на шаг ближе к сражению, в котором ему не победить. С каждым днем Найнив нервничала все больше; несколько раз она уже готова была бросить Ранда и ускакать на север. Коли Лан вознамерился сразиться в безнадежном бою, то она хочет быть с ним рядом. Но она осталась. Да забери Свет Ранда ал'Тора, она осталась! Чем она поможет Лану, если при этом мир падет перед Тенью из-за упрямого овечьего пастуха, из-за его… непрошибаемого упрямства!

Найнив чувствительно дернула себя за косу. Драгоценные браслеты и кольца у нее на руках блеснули в тусклом свете — небо, как и на протяжении многих недель до того, было затянуто облаками. Все пытались не обращать внимания на неестественность этого явления, но Найнив чувствовала, как на севере собирается буря.

Очень скоро Лан доберется до Тарвинова ущелья. До этого осталось всего ничего! Да ниспошлет Свет, чтобы на пути его задержали малкири, отправившиеся к нему с подмогой. Да ниспошлет Свет, чтобы он не остался один. Как подумаешь

о том, как он скачет в Запустение, как встает против полчищ отродий Темного, наводнивших его родную страну…

— Мы должны там ударить, — заявила Найнив. — Итуралде говорит, что Запустение кишит троллоками. Темный собирает силы. Можно спорить на что угодно — основная их масса будет возле ущелья, через которое легче всего ударить по Андору и Кайриэну!

— Именно поэтому, Найнив, мы и не будем атаковать возле ущелья. — Голос Ранда был ровен и холоден. — Нам нельзя позволить врагу навязывать нам поле битвы. Последнее, что нам нужно, так это сражаться там, где хотят они, или там, где они нас ждут. — Он обратил взгляд на север. — Да, пусть собираются. Они ищут меня, а я не намерен подставляться. Зачем сражаться в Тарвиновом ущелье? Лучше и разумнее всего перебросить бóльшую часть наших армий прямиком к Шайол Гул.

— Ранд! — Найнив попыталась вложить в голос побольше убедительности. Разве он не видит, что она рассуждает здраво? — Нет никаких шансов на то, что Лан соберет крупные силы, способные сдержать нападение троллочьих орд. Особенно когда основная часть армий Пограничных земель

не пойми Свет что здесь делает. Его сомнут, а троллоки хлынут дальше!

При упоминании армий порубежников лицо Ранда окаменело; как раз на встречу с их посланцами они и ехали.

— Троллоки хлынут дальше, — повторил Ранд.

— Да!

— Хорошо, — сказал Ранд. — Это займет их, пока я буду делать то, что должно.

— А Лан? — спросила Найнив.

— Его атака хорошо рассчитана по месту, — кивнул Ранд. — Он отвлечет внимание моих врагов на Малкир и на Тарвиново ущелье, и они сочтут, что я — там. Отродья Тени не могут использовать переходные врата, так что не в состоянии перемещаться с той быстротой, как я. Пока они будут сражаться с Ланом, я миную их и ударю прямо в сердце Темного. Но я не планирую бросать южные земли, вовсе нет. Когда троллоки прорвутся через Тарвиново ущелье, они разделятся для вторжения на отдельные кулаки. И тут-то мои силы по ним ударят — во главе с Баширом. Перемещаясь с помощью переходных врат, они нанесут удар по каждому из отрядов троллоков с флангов или с тыла. Таким образом, мы сможем выбирать такие места для сражений, которые

лучше всего нам подходят.

— Ранд… — промолвила Найнив, ее гнев перешел в ужас. — Лан же погибнет!

— Так кто я такой, чтобы ему мешать? — сказал Ранд. — Все мы заслуживаем шанса обрести покой.

Найнив сообразила, что смотрит на него с раскрытым ртом. Он и в самом деле в это верит! Или же по меньшей мере убеждает себя, что верит.

— Мой долг — убить Темного, — пробормотал Ранд, как будто сам себе. — Я его убью, а потом и сам умру. Вот и все.

— Но…

— Хватит, Найнив, — произнес Ранд тихо этим своим новым и опасным голосом. Больше на него давить нельзя.

В смятении Найнив откинулась назад в седле, пытаясь сообразить, как убедить Ранда. О Свет! Неужели он оставит народы Пограничных земель страдать и погибать, когда на них обрушатся полчища троллоков? Людям будет все равно, побежден Темный или нет, — ведь троллоки будут варить их в своих котлах! А это значит, что Лан и малкири будут сражаться одни — крошечное войско, противостоящее мощи всех чудищ, которых изрыгнет Запустение.

Шончан будут вести войну на юге и на западе. Троллоки нападут с севера и с востока. И в конце концов встретятся. Андор и прочие королевства превратятся в огромное поле битвы, а у людей там — у хороших людей, как, например, у тех, кто живет в Двуречье, — не будет ни единого шанса против такой напасти. Их раздавят.

Так что же может сделать Найнив, чтобы это изменить? Ей надо придумать новую стратегию влияния на Ранда. Всей душой она стремилась к одному — защитить Лана. Она должна добиться для него помощи!

Отряд двигался по открытой травянистой равнине, где лишь изредка встречались фермы. Одну из них они миновали, оставив ее справа, — одинокая фермерская усадьба, так не похожая на большинство двуреченских. Однако Найнив не помнила, чтобы в Двуречье фермеры смотрели на путников с такой неприкрытой враждебностью. Рыжебородый мужчина, в грязных штанах и с закатанными много выше локтей рукавами, облокотился на недоделанную ограду, а его топор лежал, как бы невзначай, на видном месте рядом с ним на бревнах.

Возделанное им поле явно знавало и лучшие дни: несмотря на то, что почва была аккуратно

вспахана и заборонована, на грядках пробивались лишь слабенькие росточки. Тут и там виднелись пустые участки, где зерно необъяснимым образом отказывалось пускать корни, а все-таки пробившиеся к свету растения отличались каким-то желтоватым оттенком.

На соседнем поле группа мужчин помоложе выкорчевывала пень, однако наметанный взгляд Найнив отметил, что на деле они не пытались заниматься этой работой. Они не накинули упряжь на вола, даже пень не окопали. Лежавшие на траве деревянные черенки были слишком крепкими и гладкими, чтобы служить орудиями земледелия. Больше похожи на боевые посохи. Демонстрация была практически смешной, учитывая, что с Рандом было две сотни Айил. Но кое о чем она говорила. Эти люди ждали неприятностей и к ним готовились. Без сомнения, они тоже чувствуют бурю.

В этих краях, которые находились в относительной близости к Тиру и через которые пролегали торговые маршруты, разбойники не представляли серьезной угрозы. К тому же эти земли располагались на достаточном удалении к северу и вряд ли будут втянуты в распри между Тиром и Иллианом. В таких местах у фермеров обычно

нет нужды мастерить себе боевые посохи, тратя на них хорошую древесину, и незачем им провожать незнакомцев настороженными взглядами, будто ожидая нападения.

Эта осторожность сослужит им хорошую службу, когда до них доберутся троллоки — если, конечно, к тому моменту их раньше не завоюют шончан и не загонят в свои армии. Найнив опять дернула себя за косу.

Мысли ее снова вернулись к Лану. Она должна что-то предпринять! Но Ранд не желал прислушиваться к здравому смыслу. Так что оставался только загадочный план Кадсуане. Вот глупая женщина, отказалась объяснить, в чем его суть. Найнив первой сделала шаг навстречу, предлагая союз, а как поступила Кадсуане? Ответила, разумеется, дерзким высокомерием. Да как она посмела пригласить Найнив в свою маленькую группку из Айз Седай — точно малого ребенка, заблудившегося в лесу!

Каким образом данное Найнив задание — выяснить, где находится Перрин, — поможет Лану? За последнюю неделю Найнив пыталась выудить у Кадсуане чуточку больше сведений, но не преуспела. «Исполни поручение, дитя мое, — сказала ей Кадсуане, — и, вероятно, в будущем мы дове-

рим тебе что-то более ответственное. Порой ты выказывала себя своевольной, а мы не можем с этим мириться».

Найнив вздохнула. Выяснить, где Перрин. Каким же образом ей это сделать? От двуреченцев толку мало. Многие мужчины отправились с Перрином, но их уже давненько не видели. Они находились где-то на юге, вероятно, в Алтаре или в Гэалдане. Но для поисков это слишком уж обширная область.

Найнив бы следовало знать, что вряд ли Двуречье даст ей простой ответ. Наверняка Кадсуане уже сама пробовала отыскать Перрина, и, должно быть, у нее не получилось. И потому дала такое задание Найнив. А может, Ранд отослал Перрина с каким-то тайным поручением?

— Ранд? — окликнула его Найнив.

Тот что-то сердито бормотал себе под нос. Найнив содрогнулась.

— Ранд, — позвала она его погромче.

Он прекратил бормотать, потом посмотрел на нее. Ей показалось, что она увидела спрятанный где-то глубоко внутри его гнев, вспышку раздражения оттого, что она его прервала. Потом все ушло, вытесненное пугающим, холодным самообладанием.

— Да? — откликнулся Ранд.

— Ты не… не знаешь, где Перрин?

— У него есть задачи, и он их выполняет, — произнес Ранд и отвернулся. — Зачем тебе?

Кадсуане лучше не упоминать.

— Я по-прежнему беспокоюсь о нем. И о Мэте.

— Ага, — сказал Ранд. — Найнив, ты же совершенно не умеешь врать.

Найнив почувствовала, как зарделась от смущения. Когда он только научился так хорошо разбираться в людях!

— Я волнуюсь за него, Ранд ал'Тор, — заявила она. — У него спокойный и мирный характер, почему он и позволял друзьям слишком уж собой помыкать.

Вот. Пусть-ка Ранд над этим поразмышляет.

— Спокойный, — задумчиво повторил Ранд. — Да, полагаю, он все такой же. Но мирный? Перрин больше не слишком-то… мирный.

Значит, он недавно общался с Перрином. О Свет! Откуда узнала Кадсуане и почему Найнив все пропустила?

— Ранд, если Перрин для тебя что-то делает, почему ты держишь это в секрете? Я заслуживаю…

— Найнив, я с ним не встречался, — сказал Ранд. — Успокойся. Просто есть вещи, которые я

знаю. Мы связаны вместе — Перрин, Мэт и я.

— Как? Что ты…

— Это все, что я скажу, Найнив, — негромко сказал Ранд, не дав ей закончить.

Найнив снова откинулась в седле, скрежеща зубами. Остальные Айз Седай твердили, что надо держать свои эмоции в крепкой узде, но, очевидно, они не имели дела с Рандом ал'Тором. Найнив тоже может быть невозмутимой, если только ей не надо общаться с самым своенравным упрямцем, когда-либо надевавшим сапоги.

Какое-то время они ехали молча, нависавшее над ними хмурое небо походило на поле серого болотного мха. Место встречи с порубежниками находилось неподалеку от перекрестка дорог. Можно было сразу туда Переместиться, но Девы убедили Ранда открыть переходные врата на некотором расстоянии от перепутья и подойти к нужному месту со всей осторожностью. Перемещение было исключительно удобно, однако оно могло оказаться и опасным. Если врагам известно, где ты появишься, то, открыв врата, можешь угодить и в засаду лучников. Конечно, можно сначала через переходные врата высылать вперед себя разведчиков, но такая предосторожность все равно не гарантировала безопасность — луч-

ше Переместиться в то место, где тебя заведомо никто не ждет.

Айильцы учились и усваивали знания очень быстро. Просто на удивление быстро. Айильская пустыня была жутко однообразной, и любой ее уголок по виду очень трудно отличить от какого-нибудь другого. Впрочем, Найнив сама слышала, как некоторые караульные айильцы примерно в том же духе отзываются о мокрых землях.

Перекресток дорог, к которому направлялся отряд Ранда, многие годы никого не интересовал. Окажись тут Верин или любая другая Коричневая сестра, то они, скорее всего, сумели бы объяснить, почему до него никому не было дела. Найнив же знала лишь то, что королевство, некогда владевшее этими землями, пало давным-давно, а все, что от него осталось, — это независимый город Фар Мэддинг. Колесо Времени повернулось. Самые могущественные королевства погибали, распадались и вырождались, в конце концов превращаясь в сонные поля, где правили одни только фермеры, стремящиеся лишь вырастить особенно обильный урожай ячменя. Так произошло с Манетерен, и то же случилось и здесь. Широкие тракты, по которым некогда маршировали легионы, заросли травой и превратились в

едва заметные проселки, которые давным-давно требовалось привести в порядок.

Тем временем Найнив позволила Лунносветной отстать от коня Ранда, и сейчас она ехала рядом с Наришмой, в чьих черных косицах позвякивали вплетенные в них колокольчики. Как и большинство Аша'манов, он одевался в черное, а на воротнике его куртки поблескивали эмблемы меча и дракона. Он изменился за те несколько месяцев, что минули с той поры, как его связали узами Стража. Глядя на Наришму, Найнив больше не видела в нем мальчика. Он стал мужчиной, обладающим ловкостью и грациозно-точными движениями воина и настороженным взглядом Стража. Мужчиной, видевшим смерть и сражавшимся с Отрекшимися.

— Наришма, ты же из Пограничных земель, — обратилась Найнив к Аша'ману. — Как думаешь, почему другие покинули свой пост?

Обводя внимательным взглядом окрестные поля, Наришма покачал головой.

— Я ведь сын сапожника, Найнив Седай. О том, как живут лорды и леди, я ничего не знаю. — Помолчав, он добавил: — К тому же я больше не порубежник.

Смысл сказанного сомнений не оставлял. Он

будет защищать Ранда, невзирая ни на какие прошлые обязательства. Очень похоже на образ мыслей типичного Стража.

Найнив медленно кивнула:

— И чего, по-твоему, нам ждать там, куда мы направляемся?

— Они сдержат слово, — сказал Наришма. — Порубежник скорее умрет, чем нарушит слово. Они обещали прислать делегацию на встречу с лордом Драконом. Именно так они и поступят. Впрочем, мне бы хотелось, чтобы нам позволили взять с собой наших Айз Седай.

В докладах говорилось, что с армией порубежников следуют тринадцать Айз Седай. Угрожающее число: именно столько требуется, чтобы усмирить женщину или укротить мужчину. Круг из тринадцати женщин способен отсечь от Истинного Источника и самого могущественного человека, способного направлять Силу. Ранд настоял на условии, чтобы в состав делегации вошло не больше четырех из тех тринадцати Айз Седай; в свою очередь, он пообещал, что приведет с собой не более четырех человек, способных направлять Силу. Так оно и есть: два Аша'мана — Наришма и Наэфф, — а еще Найнив и сам Ранд.

Когда Ранд запретил Айз Седай отправиться на

встречу с порубежниками, Мериса и другие продемонстрировали нечто вроде припадка ярости на манер Айз Седай: множество поджатых губ и вопросов наподобие: «Ты уверен, что хочешь так поступить?»

Найнив отметила напряженность в посадке Наришмы.

— Похоже, ты им не доверяешь.

— Место порубежников — охранять границу, — произнес Наришма. — Хоть я сын сапожника, но я обучался владеть мечом, копьем, луком, топором и пращой. Еще до того, как вступить в ряды Аша'манов, в поединке я мог побить четырех из пяти подготовленных солдат-южан. Мы живем, чтобы защищать. А они все-таки ушли. И не когда-нибудь, а сейчас. С тринадцатью Айз Седай. — Он обратил на Найнив взгляд своих темных глаз. — Я хочу им доверять. Я знаю, они хорошие люди. Но и хорошие люди могут ошибаться. Особенно когда дело касается мужчин, способных направлять Силу.

Найнив молчала. В словах Наришмы было здравое зерно, хотя чего ради порубежникам причинять Ранду вред? Они на протяжении веков сдерживали наступление Великого Запустения и отражали нападения отродий Тени. Борьба

против Темного у них в крови. Они не обратятся против Дракона Возрожденного.

На порубежников возложена особая честь. Да, верно, иногда эта служба разочаровывала, но именно ей эти люди посвящали свою жизнь. Почтение Лана к его родной стране — особенно тогда, когда многие другие малкири отказались от своих корней, — было частью того, что Найнив так в нем любила. «О-о, Лан. Я найду кого-то, кто поможет тебе. Я не позволю тебе броситься в пасть Тени в одиночку».

Когда отряд приблизился к небольшому зеленому холму, из разведки вернулись несколько айильцев. Ранд остановил колонну, дожидаясь, пока к нему не подойдут разведчики в кадин'сор. Некоторые из них носили красные головные повязки, отмеченные древним символом Айз Седай. Разведчики даже не запыхались, хотя весь путь до назначенного места встречи и обратно они проделали бегом.

Ранд наклонился вперед в седле:

— Они сделали, как я просил? С ними не более двухсот человек и всего четыре Айз Седай?

— Да, Ранд ал'Тор, — сказал один из разведчиков. — Они со всем почтением исполнили твою просьбу. Они выказали огромную честь.

В голосе отвечавшего Найнив уловила интонацию странного юмора Айил.

— Что такое? — спросил Ранд.

— Один человек, Ранд ал'Тор, — ответил разведчик-айилец. — Вот и вся их «делегация». Ростом он не выдался, хотя вид у коротышки такой, будто он знает, как танцевать с копьями. Перекресток — за этим холмом.

Найнив посмотрела вперед. Действительно, теперь, зная, на что смотреть, она разглядела еще одну дорогу — она тянулась с юга и, скорее всего, сразу за холмом пересекала тот тракт, по которому двигался их отряд.

— Это еще что за ловушка? — спросил Наэфф, подъезжая к Ранду. На его худом лице воина явственно читалась озабоченность. — Засада?

Ранд поднял руку, призывая к тишине. Ударом каблуков он послал своего мерина вперед, и разведчики, без лишних слов и жалоб, помчались следом за ним. Найнив едва не осталась позади — Лунносветная была животным гораздо более спокойным, чем она сама бы себе выбрала. Когда она вернется в Тир, то ей найдется что сказать старшему конюху.

Обогнув холм, они обнаружили участок утоптанной земли, где повсюду чернели старые

кострища, отмечая места, где караваны останавливались на ночь. Дорога, более узкая, чем та, по которой сюда прибыл Ранд, вилась с юга на север. Посреди перекрестка стоял одинокий шайнарец, наблюдая за приближающейся кавалькадой. Свободно свисавшие до плеч седые волосы обрамляли худощавое лицо, отлично подходившее к его жилистому телосложению. На лице явственно были заметны оставленные временем морщины; глаза его были маленькими, и, казалось, мужчина щурился.

«Хурин?» — изумленно подумала Найнив. Ловца воров она не встречала с тех пор, как после событий в Фалме он сопровождал ее и ее спутников в Белую Башню.

Ранд натянул поводья, позволив Найнив и Аша'манам нагнать себя. Айильцы рассыпались вокруг, словно листья под порывом ветра, и заняли позиции возле перекрестка, взяв все подступы под наблюдение. Найнив была совершенно уверена, что оба Аша'мана сейчас удерживают Истинный Источник, равно как и сам Ранд.

Хурин неловко переступил с ноги на ногу. Выглядел он во многом так же, как его помнила Найнив. В волосах чуток добавилось седины, но носил он все те же простые одежды коричневого

цвета, у пояса висели короткий меч и мечелом. Свою лошадь он привязал к поваленному стволу неподалеку. Айил с подозрением взирали на лошадь — кто-то другой с такой настороженностью мог бы следить за сворой сторожевых псов.

— О лорд Ранд! — дрожащим голосом воскликнул Хурин. — Это вы! Что ж, должен сказать, вы определенно стали известнее. Хорошо, что…

Он умолк на полуслове, когда его приподняло над землей. Когда шайнарца опутали невидимые плетения Воздуха, он только издал возглас удивления. Найнив подавила дрожь. Когда же она прекратит нервничать при виде того, как мужчины направляют Силу?

— Хурин, кто гнался за нами? — спросил Ранд. — Кто преследовал меня, когда мы оказались в ловушке в том далеком теневом мире? Людей какого народа я поразил из своего лука?

— Людей? — переспросил Хурин, голос его чуть не срывался на крик. — Лорд Ранд, никаких людей в том месте и не было! Мы ж там никого не встретили, кроме леди Селин. Все, что я помню, так это тех громадных жутких лягушек — на таких еще, по слухам, шончан верхом ездят!

Ранд принялся поворачивать висящего в воздухе Хурина то налево, то направо, холодно

разглядывая его со всех сторон. Затем заставил своего коня сделать несколько шагов вперед, подъехав ближе к шайнарцу. Найнив и Аша'маны последовали за Рандом.

— Вы не верите, что я — это я, лорд Ранд? — болтаясь в воздухе, спросил Хурин.

— В нынешние дни я мало что принимаю на веру, — ответил ему Ранд. — Полагаю, порубежники прислали тебя, потому что мы знакомы?

Обливаясь потом, Хурин кивнул. Найнив даже испытала укол жалости к нему. Он был абсолютно предан Ранду. Вместе они провели немало времени, пока гнались за Фейном, укравшим Рог Валир. На обратном пути в Тар Валон Найнив редко когда удавалось остановить Хурина, коли он пускался в рассказы о том или ином великом подвиге, который совершил Ранд. Наверное, тощему ловцу воров было крайне неприятно, что человек, которому Хурин чуть ли не поклонялся, так обращается с ним.

— Почему только ты один? — тихо поинтересовался Ранд.

— Ну, — Хурин вздохнул, — они вам говорили… — Он замолчал, словно что-то его отвлекло. Затем звучно потянул воздух носом. — Что-то тут… странное теперь. Никогда раньше такого

не чуял.

— Что? — спросил Ранд.

— Не знаю, — ответил Хурин. — Воздух… в воздухе как будто очень сильно пахнет смертью, насилием, но только не совсем так. Хуже и страшнее. Гораздо ужаснее. — Ловец воров заметно содрогнулся. Способность Хурина вынюхивать насилие относилась к тем странностям, которые Башня объяснить не могла. Его нюх не имел никакого отношения к Силе, но и, совершенно очевидно, не являлся чем-то естественным.

Похоже, Ранда не особо заинтересовало, что там унюхал Хурин.

— Скажи мне, Хурин, почему послали только тебя одного?

— Я и говорю, лорд Ранд… Видите ли, мы здесь для того, чтобы обсудить условия.

— Условия, на которых ваши армии вернутся туда, где им место, — сказал Ранд.

— Нет, лорд Ранд. — Хурину явно было не по себе. — Условия, по которым с ними состоится настоящая встреча. Боюсь, эта часть в их послании была туманной. Они сказали, что вы, наверное, разгневаетесь, когда найдете здесь лишь одного меня.

— Они ошибаются, — промолвил Ранд, голос

его стал еще тише.

Найнив поймала себя на том, что подалась вперед, напрягая слух, чтобы расслышать Ранда.

— Я больше не чувствую гнева, Хурин, — сказал Ранд. — От него нет пользы для дела. Зачем, чтобы встретиться, нам нужны эти условия? Я полагал вполне приемлемым мое предложение взять с собой только малые силы.

— Ну, видите ли, лорд Ранд, — проговорил Хурин, — они действительно хотят с вами встретиться. Я имею в виду, мы проделали весь этот путь — сколько переходов пришлось совершить за эту растреклятую зиму, чтоб ее, уж простите меня, Айз Седай. Но то была, хоть и проклятая, но зима! И тяжелая зима, хоть она и долгонько до нас добиралась. Но как бы то ни было, мы пришли сюда ради вас, лорд Ранд. Так что, как видите, они хотят с вами встретиться. Очень хотят.

— Но?

— Но… ну, когда вы в последний раз были в Фар Мэддинге, там…

Ранд поднял палец. Хурин умолк, и повисла тишина. Казалось, что даже лошади затаили дыхание.

— Порубежники — в Фар Мэддинге? — спросил Ранд.

— Да, лорд Ранд.

— Они хотят встретиться со мной там?

— Да, лорд Ранд. Понимаете ли, вам придется пройти под защиту хранителя и…

Обрывая Хурина, Ранд коротко взмахнул рукой. Немедленно раскрылись переходные врата. Впрочем, вели они отнюдь не в Фар Мэддинг, а обратно — врата открылись на той же дороге, по которой отряд Ранда незадолго до того проехал, только выход из них находился подальше.

Ранд освободил Хурина, жестом велев айильцам дать шайнарцу сесть верхом, а затем направил Тай'дайшара в переходные врата. Что происходит? Весь отряд последовали за Рандом. Едва миновав портал, Ранд тут же создал еще одни переходные врата, раскрывшиеся в небольшой лесистой лощине. Найнив показалось, что она узнает это место, — вроде бы здесь они останавливались на ночь после того, как побывали в Фар Мэддинге вместе с Кадсуане.

«Зачем надо было открывать первые переходные врата?» — подумала Найнив, сбитая с толку. Потом до нее дошло. Перемещаясь на небольшое расстояние, изучать участок, откуда отправляешься, вовсе не обязательно, однако при Перемещении узнаешь о новом месте достаточ-

но, чтобы потом создать там переходные врата.

Таким образом, за первый короткий прыжок Ранд настолько хорошо запоминал картину местности, что имел возможность открыть оттуда врата в любую точку, куда бы он ни пожелал, — и не тратя время на ее изучение! Чрезвычайно ловкий прием, и Найнив устыдилась, что сама раньше не подумала о такой возможности. Давно ли Ранду известен этот фокус? Или же он вспомнил о нем… благодаря тому голосу у себя в голове?

Ранд направил Тай'дайшара через подлесок в лощину, и под лошадиными подковами зашуршали палые листья. Найнив последовала за ним, пытаясь принудить свою спокойную кобылку не отставать от Ранда. Нет, этот старший конюх у нее точно получит! Уж она ему все выскажет — у него уши будут гореть, когда она с ним закончит!

Хурин верхом тоже следовал за ними, и айильцы вприпрыжку бежали рядом, незаметно взяв шайнарца в кольцо. Лица свои они закрыли вуалями, в руках сжимали луки и копья. Преодолев низкий кустарник и выбравшись из-под тени деревьев, Ранд остановил Тай'дайшара на краю широкого луга и посмотрел на древний город Фар Мэддинг.

Большим тот не был — не по меркам великих городов мира. Красотой Фар Мэддинг тоже не отличался, особенно по сравнению с чудесными постройками огиров, которые доводилось видеть Найнив. Но все же он был достаточно обширным и мог похвастаться древними зданиями, и его архитектурные формы тоже были неплохи. Возведенный на острове посреди озера, город чем-то отдаленно напоминал Тар Валон. Над спокойными водами были перекинуты три широких моста, по которым только и можно было попасть в город.

Вокруг озера разбила лагерь огромная армия, ее биваки, похоже, занимали даже больше площади, чем сам Фар Мэддинг. Найнив насчитала несколько десятков разных вымпелов, указывающих на присутствие нескольких десятков различных знатных домов. Коновязи тянулись за коновязями, а установленные рядами палатки напоминали яровые посевы, с тщанием выращенные и ожидающие жатвы. Армия Пограничных земель.

— Слыхал об этом месте, — заметил подъехавший Наэфф. Его коротко стриженные темно-каштановые волосы шевелил ветер. Он сузил глаза, и на квадратном лице появилось недовольное

выражение. — Здесь как в стеддинге, только не так безопасно.

Огромный тер'ангриал Фар Мэддинга, известный как хранитель, создавал невидимые защитные купола, не позволявшие прикасаться к Единой Силе. Преодолеть его воздействие можно было лишь с помощью особого тер'ангриала — такого, какой был при себе у Найнив. Но и тот помогал слабо.

Похоже, армия располагалась в достаточной близости от города, чтобы ее укрывал защитный купол, не позволявший направлять Силу мужчинам, — простирался он примерно на милю вокруг города.

— Они знают, что мы придем, — тихо промолвил Ранд. Его глаза сузились. — Они этого ждут. Они ждут, когда я залезу в их сундук.

— Сундук? — неуверенно спросила Найнив.

— Город — это сундук, — пояснил Ранд. — Весь город и его окрестности. Они хотят, чтобы я оказался там, где у них будет возможность меня контролировать, но одного они не понимают. Меня никто не может контролировать. Уже нет. Довольно с меня сундуков и тюрем, цепей и веревок. Больше я никогда не отдам себя во власть кого-то другого.

По-прежнему не сводя взора с города, он чуть наклонился вперед и вытащил из седельной сумы статуэтку мужчины, держащего над головой сферу. У Найнив мороз пошел по коже. Он что, все время теперь таскает с собой эту штуку?

— Наверно, им нужно преподать урок, — продолжал Ранд. — Напомнить о том, что они должны исполнять свой долг и подчиниться мне.

— Ранд… — Найнив пыталась что-то придумать. Нельзя позволить, чтобы это произошло вновь!

Отпирающий ключ слабо засветился.

— Они хотят меня захватить, — тихо промолвил Ранд. — Держать меня в плену. Избивать меня. Однажды в Фар Мэддинге так уже сделали. Они…

— Ранд! — воскликнула Найнив.

Он остановился и посмотрел на нее — так, словно бы впервые увидел.

— Ранд, это не рабы, чей разум выжгла Грендаль. Это же целый город, полный невинных людей!

— Людям в городе я ничего плохого не сделаю. — Голос Ранда звучал бесстрастно. — Показательного урока заслуживает армия, а не город. Пожалуй, стоит наслать на нее огненный дождь. Или обрушить разящие молнии.

— Но они же ничего не сделали — только попросили тебя о встрече! — Найнив пришлось ударить свою лошадь пятками, посылая ее поближе к Ранду. Этот тер'ангриал был все равно что гадюка у него в руке. Когда-то с помощью этой статуэтки был очищен Истинный Источник. Жаль, что тогда он не растаял так же, как женский ключ!

Найнив не была уверена, что произойдет, если Ранд нацелит свое плетение на защитный купол Фар Мэддинга, однако подозревала, что оно сработает. Хранитель не препятствовал созданию плетений; Найнив же спокойно могла сплетать потоки, черпая Силу из своего Колодезя-тер'ангриала.

Однако она понимала — как бы там ни было, она обязана не дать Ранду обратить свой гнев — или что он там чувствовал — на своих союзников.

— Ранд, — тихо промолвила Найнив. — Если так поступишь, то сделанного не воротишь. Обратной дороги не будет.

— Для меня, Найнив, уже нет обратной дороги. — Во взгляде Ранда читалось напряжение. Цвет его глаз менялся — порой они были серыми, иногда — голубыми. Сегодня они стали свинцово-серыми. Бездушным голосом он продолжил: — На

этот путь я ступил в тот момент, когда Тэм нашел меня, плачущего, на той горе.

— Сегодня тебе никого не нужно убивать. Прошу тебя.

Он повернулся, вновь посмотрел на город. Свечение ключа доступа медленно, но милосердно угасло.

— Хурин! — рявкнул Ранд.

«Похоже, он вот-вот сорвется, — подумала Найнив. — Гнев все же проскальзывает у него в голосе».

Ловец воров подъехал к ним. Однако айильцы держались на почтительном расстоянии.

— Да, лорд Ранд? — произнес Хурин.

— Возвращайся в сундук к своим хозяевам. — Ранд снова обрел контроль над голосом. — Передашь им мое послание.

— Какое послание, лорд Ранд?

Ранд помедлил, потом вернул отпирающий ключ на свое место.

— Скажи им, что совсем недолго осталось, когда Дракон Возрожденный отправится на битву в Шайол Гул. Если они хотят с честью вернуться на свой пост, я обеспечу им возвращение обратно в Запустение. Или же они могут остаться здесь и прятаться. Пусть потом объясняют своим детям

и внукам, почему они оказались в сотнях лиг от своего поста, когда был сражен Темный и исполнились пророчества.

Хурин выглядел потрясенным.

— Да, лорд Ранд.

После ответа шайнарца Ранд развернул коня и направился обратно на поляну. Найнив последовала за ним, только слишком медленно. Как ни была превосходна Лунносветная, сейчас бы Найнив с удовольствием обменяла красивую кобылу на покорную и надежную двуреченскую лошадку — на такую, как Бела.

Хурин остался позади. Он все еще не мог отойти от потрясения. Воссоединение с «лордом Рандом» явно оказалось не таким, какого он ждал. Когда фигура ловца воров скрылась за деревьями, Найнив заскрипела зубами. Выехав на поляну, Ранд открыл новые переходные врата, ведущие прямиком в Тир.

Отряд выехал на отведенную для Перемещений площадку перед конюшнями Тирской Твердыни. Несмотря на обложенное облаками небо, воздух в Тире был жарким и душным, его наполняли пронзительные крики чаек и разнообразные звуки, источником которых служили проходившие обучение солдаты. Ранд подъехал к поджидав-

шим неподалеку конюхам и спешился. По его лицу ничего нельзя было прочесть.

Когда Найнив слезла с Лунносветной и передавала ее поводья краснолицему конюху, проходивший мимо Ранд сказал Айз Седай:

— Ищи памятник.

— Что? — удивленно переспросила Найнив.

Остановившись, он посмотрел на нее:

— Ты спрашивала, где Перрин. Его армия встала лагерем под сенью громадного упавшего памятника в виде воткнутого в землю меча. Уверен, здешние книжники тебе объяснят, где это. Место приметное.

— Откуда… откуда ты знаешь?

Ранд пожал плечами:

— Просто знаю.

— А почему сказал мне? — спросила Найнив, шагая за ним по пятам через двор по плотно утоптанной земле. Она не ожидала, что он поделится с ней сведениями о Перрине — у Ранда появилась привычка утаивать от других то, что ему известно, даже если это знание не имело никакого значения.

— Потому что, — направляясь к цитадели, произнес он, и голос его становился тише, и его все труднее было расслышать, — я… перед тобой в

долгу за то, что ты волнуешься в то время, когда я не могу. Если отыщешь Перрина, передай, что он скоро мне понадобится.

С этими словами Ранд ее и оставил.

Стоя возле конюшен, Найнив смотрела ему вслед. В воздухе пахло влагой — запах близящегося ливня, и она поняла, что скучает по моросящему дождю. Такому, что не очистит воздух и не развезет грязь, но смочит камень в затененных уголках. Справа от Найнив под пасмурным небом проходило обучение конников — они галопом носились между столбами по засыпанной песком площадке. Твердыня Тира была единственной известной Найнив крепостью, чьи размеры позволяли обустроить места для тренировок кавалерии, — впрочем, Твердыня никогда и не была обычной крепостью.

Топот копыт походил на гром отдаленной бури, и Найнив поймала себя на том, что смотрит на север. Там буря ощущалась еще явственнее, чем раньше. Найнив полагала, что гроза собирается в Запустении, но теперь уже не была так уверена.

Глубоко вздохнув, она поспешила в крепость. Айз Седай миновала Защитников в безупречной форме — гнутые гладкие нагрудники, верхняя половина рукавов — пышная и полосатая. Про-

шла она и мимо мальчишек-конюхов, каждый из которых наверняка мечтал о том дне, когда облачится в такую же форму, а покамест они разводили лошадей по стойлам, задавали им сена и чистили шкуры. Встречавшиеся на пути Найнив многочисленные слуги носили льняные одежды, без сомнения более удобные, чем красно-коричневое шерстяное платье Найнив.

Сама цитадель представляла собой сплошную скалу, чьи отвесные стены прорезали только окна и бойницы. Впрочем, Найнив еще могла указать на то место, где Мэт фейерверками иллюминаторов разнес часть каменной стены, когда пришел вызволять из заточения Найнив и остальных. Глупый мальчишка. Где он сейчас? Найнив не видела его… уже очень давно. С тех пор, как Эбу Дар пал перед шончан. В каком-то отношении она чувствовала себя так, будто бросила его, хотя никогда такого не признала бы. Что ж, она вдоволь накраснелась из-за этого паршивца, когда защищала его перед Дочерью Девяти Лун! До сих пор Найнив не понимала, что на нее нашло.

Мэт и сам в состоянии о себе позаботиться. Наверняка бражничает в какой-нибудь таверне, пока остальные пытаются спасти мир, — небось напивается до полного изумления да в кости

играет. Ранд — совсем другое дело. С ним было гораздо проще управляться, когда он вел себя так же, как и прочие мужчины, — упрямо и незрело, зато предсказуемо. А от этого нового Ранда, бесстрастного и с холодным голосом, у нее мурашки бегали по коже.

В узких коридорах Тирской Твердыни Найнив так и не разобралась и частенько тут терялась. Ее затруднения со способностью ориентироваться лишь усугубляло то, что иногда коридоры и стены менялись местами. Она пыталась было не обращать внимания на подобные истории, отметая их как суеверную чушь, но, проснувшись утром накануне, вдруг обнаружила, что ее комната и в самом деле необъяснимым образом куда-то переместилась. За открывшейся дверью оказалась гладкая, без всяких стыков, как и сама Твердыня, стена. Найнив пришлось выбираться через переходные врата, и ее поразило, что теперь ее окно находилось двумя этажами выше, чем то было предыдущей ночью!

Кадсуане утверждала, что виной тому воздействие Темного на мир, из-за чего и расплетается Узор. Кадсуане много чего говорила, и кое-что из сказанного ею Найнив век бы слышать не хотелось.

Пробираясь по коридорам, Найнив дважды заблудилась, однако в конце концов сумела добраться до апартаментов Кадсуане. По крайней мере, Ранд не отдал своим управляющим распоряжений отказать Зеленой сестре в крове. Найнив постучала в дверь — она уже усвоила, что лучше делать так, — а потом только вошла.

В комнате сидели Айз Седай из свиты Кадсуане — Мериса и Кореле. Они вязали, потягивали чай и делали вид, будто вовсе не ждут никаких сюрпризов от этой несносной женщины. Сама же Кадсуане тихонько беседовала с Мин, с которой она в последние дни чуть ли не все свое время проводила. Против чего сама Мин, похоже, не возражала. Возможно, потому, что находиться рядом с Рандом теперь стало ой как непросто. Найнив не могла не сочувствовать девушке — сама она была Ранду только другом; однако наверняка все должно было быть гораздо хуже для той, кому отчасти принадлежало его сердце.

Взгляды всех женщин в комнате обратились на Найнив, когда она закрыла за собой дверь.

— Думаю, я его нашла, — сообщила Найнив.

— Кого, дитя мое? — поинтересовалась Кадсуане, листая одну из книг Мин.

— Перрина, — уточнила Найнив. — Вы были

правы. Ранд знает, где он.

— Превосходно! — сказала Кадсуане. — Ты хорошо потрудилась. Похоже, от тебя может быть прок.

Найнив даже не поняла, что выводит ее из себя больше — неискренняя похвала или тот факт, что из-за любезных слов она раздулась от гордости. Она же не девчонка, которая еще и косу не заплетает, чтобы так ликовать из-за поздравлений этой женщины!

— Ну? — Кадсуане подняла взор от книги. Остальные хранили молчание, хотя Мин послала Найнив довольную улыбку. — Где он?

Найнив уже открыла было рот для ответа, но тотчас же себя одернула. Да что такое в этой женщине, что она готова ей подчиняться? Дело тут не в Единой Силе или в чем-то еще, с нею связанном. Кадсуане просто являлась воплощением суровой и строгой, но справедливой бабушки. Такой, которой ты никогда не перечишь, но которая вознаградит тебя сладкими булочками за подметенный по ее распоряжению пол.

— Сначала я желаю знать, почему столь важен Перрин. — Найнив решительным шагом пересекла комнату и уселась на деревянный расписной табурет — единственное место, остававшееся

незанятым. И она тут же обнаружила, что сидит на несколько дюймов ниже, чем ей того хотелось бы, глядя на Кадсуане снизу вверх, словно какая-то ученица. Она собралась было встать, но успела сообразить, что это привлечет еще больше внимания.

— Ха! — произнесла Кадсуане. — Не скажешь, даже если от этого зависят жизни тех, кто тебе дорог?

— Я хочу знать, во что ввязалась, — с упрямством заявила Найнив. — Хочу быть уверена, что эти сведения не повредят Ранду еще больше.

Кадсуане фыркнула:

— Ты что же, думаешь, будто я причиню вред глупому мальчишке?

— Так и буду считать, — огрызнулась Найнив, — пока вы не расскажете мне, что затеваете.

Кадсуане закрыла книгу — та называлась «Отголоски его династии», — и вид у Айз Седай был обеспокоенный.

— А как прошла встреча с порубежниками? Хотя бы об этом мне поведаешь? — спросила она. — Или за этот рассказ тебе тоже нужен выкуп?

Она решила, что сможет так просто отвлечь Найнив?

— Неудачно она прошла, как и следовало ожидать, — ответила девушка. — Они засели возле Фар Мэддинга и отказываются встречаться с Рандом, пока он не окажется в пределах действия хранителя, лишив себя связи с Истинным Источником.

— Хорошо ли он это воспринял? — подала голос Кореле, сидевшая у стены на мягкой скамеечке. Желтая сестра слабо улыбнулась; кажется, она была единственной, кто считал, что происходящие с Рандом перемены занятны, а отнюдь не внушают страх. Но опять-таки, она же относилась к тем женщинам, которые связали себя узами с Аша'манами практически сразу, как только появилась такая возможность.

— Хорошо ли воспринял? — бесцветно повторила Найнив. — Это как посмотреть. Вытащить тот проклятый тер'ангриал и грозиться обрушить на армию огненный дождь — по-твоему, это «хорошо воспринять»?

Мин побледнела. Кадсуане приподняла бровь.

— Я его остановила, — заметила Найнив. — Но едва сумела. Не знаю. Может… может, уже слишком поздно пытаться что-то в нем менять.

— Этот мальчик будет смеяться снова, — промолвила Кадсуане тихим, но решительным

голосом. — Я прожила так долго не для того, чтобы потерять сейчас все.

— Какое это имеет значение? — спросила Кореле.

Пораженная, Найнив повернулась к ней.

— Разве нет? — Кореле отложила рукоделие. — Какое это имеет значение? Очевидно же, что мы преуспеем.

— О Свет! — только и вымолвила Найнив. — Откуда у тебя такие мысли?

— Мы все утро провели, выспрашивая у этой девочки о ее видениях. — Кореле кивком указала на Мин. — Они всегда сбываются, а она видела вещи, которые просто не могут произойти раньше Последней битвы. Поэтому нам известно, что Ранд сразит Темного. Узор уже так решил. Нам можно больше не беспокоиться.

— Нет, — возразила Мин. — Ты ошибаешься.

Кореле нахмурилась:

— Дитя мое, ты хочешь сказать, что лгала о тех вещах, что ты видела?

— Нет, — ответила ей Мин. — Но если Ранд проиграет, то не будет никакого Узора.

— Девочка права. — Голос Кадсуане звучал удивленно. — То, что видит это дитя, — сплетения нитей Узора для отдаленных от нас по

времени событий. Но если Темный победит, то он полностью уничтожит Узор. И это единственная причина, по которой видения никогда не сбудутся. О том же говорится в других пророчествах и Предсказаниях. Наша победа, увы, никак не предопределена.

После этих слов в комнате воцарилась тишина. Они занимались вовсе не деревенскими играми в политику, не пытались возвеличить какое-либо государство. На кону стояло само мироздание.

«О Свет! Способна ли я утаить эти сведения, коли есть хоть малейший шанс, что они помогут Лану?» Сердце Найнив сжималось, стоило ей лишь вспомнить о Лане, и видела она всего несколько решений. По сути, единственная надежда Лана — это армии, которыми командует Ранд, и переходные врата, которые могут открыть люди Ранда.

Ранд должен измениться. Ради Лана. Ради них всех. И у нее нет ни малейшего представления, как еще можно поступить. К сожалению, оставалось лишь одно — надо довериться Кадсуане. Найнив проглотила свою гордость и заговорила:

— Знаете, где находится такой памятник — огромный меч, который, упав, словно бы пронзает землю?

Кореле и Мериса в замешательстве переглянулись.

— Рука *аман'рукане*. — Приподняв бровь, Кадсуане отвернулась от Мин. — Как утверждают книжники, полностью статую так и не доделали. Это возле Джеханнахской дороги.

— Перрин разбил лагерь под ее сенью.

Кадсуане поджала губы:

— Я предполагала, он отправится на восток, к тем землям, что ал'Тор уже захватил. — Айз Седай глубоко вздохнула. — Ладно. Мы отправляемся к нему сейчас же. — Она помолчала, затем взглянула на Найнив. — Отвечая на твой первый вопрос, дитя мое, скажу, что на самом деле Перрин для наших планов не важен.

— Не важен? — переспросила Найнив. — Но…

Кадсуане воздела указательный палец:

— С ним находятся те люди, которые чрезвычайно важны. В особенности один из них.

Глава 45
Башня устояла

Облаченная в темно-красное платье для верховой езды, Эгвейн медленно шагала через лагерь мятежных Айз Седай. Выбор цвета заставил не одну женщину удивленно приподнять бровь. Учитывая, что́ натворила Красная Айя, Айз Седай в лагере вряд ли стали бы носить платья подобных оттенков. Каким цветам они отдавали предпочтение, заметили в лагере даже служанки — красные, малиновые, коричнево-красные платья были или распроданы, или распороты на тряпки.

Но Эгвейн потребовала себе темно-красное облачение с умыслом. В Белой Башне сестры придерживались давнего обычая носить цвета лишь собственной Айя, и подобная практика только усугубляла раскол. Хоть и хорошо испытывать гордость от принадлежности к определенной Айя, но опасно брать за правило не доверять тем женщинам, которые носят другие цвета.

Как Амерлин, Эгвейн представляла все Айя. Сегодня красный цвет символизировал для нее

многое. Предстоящее воссоединение с Красной Айя. Напоминание о расколе, который должен быть преодолен. Символ той крови, что еще прольется, — крови славных людей, которые будут сражаться во имя защиты Белой Башни.

Крови мертвых Айз Седай, меньше часа назад обезглавленных по приказу Эгвейн.

Суан отыскала оставленное Эгвейн кольцо Великого Змея — как же здорово снова носить его на пальце.

Над головой нависало свинцово-серое небо, в воздухе явственно пахло землей, кругом шумел охваченный суматохой и полный жизни лагерь. Женщины торопливо стирали одежду, словно не успевали собрать своих подопечных на празднество. Послушницы бегали — в буквальном смысле бегали — с одного урока на другой. Тут и там стояли Айз Седай, сложив руки на груди и готовые опалить взглядом любую, кто вздумает замешкаться.

«Они чувствуют напряжение этого дня, — подумала Эгвейн. — И ничем не в силах помочь, а только сами волнуются».

Минувшая ночь, в которую произошло нападение шончан. Последовавшее затем возвращение Амерлин, которая все утро потратила на очище-

ние Айз Седай. А сейчас уже миновал полдень, и гремят барабаны войны.

Эгвейн сомневалась, что лагерь самого Брина в таком же состоянии. Его люди готовы к атаке; скорее всего, он мог бы начать штурм Башни по первому же указанию, в любой из дней осады. Исход этой войны определят его воины. Эгвейн не придется отправлять в битву Айз Седай, исхитрившись обойти их клятвы не использовать Силу для убийства. Они будут ждать здесь, дабы явиться лишь для Исцеления.

Или до тех пор, пока в сражение всерьез не вступят сестры из Белой Башни. Да ниспошлет Свет Элайде мудрость не допустить подобного. Если Айз Седай обратят Силу друг против друга, то воистину это будет черный день.

«А разве может этот день стать еще чернее?» — подумала Эгвейн. Многие Айз Седай, мимо кого она проходила, взирали на нее с почтением, благоговением и даже с долей ужаса. После долгого отсутствия Амерлин вернулась. И за ней явились правосудие и смерть.

Более пятидесяти Черных сестер были усмирены, а затем казнены. При воспоминании об этих смертях Эгвейн становилось дурно. Шириам, когда пришел ее черед, казалась почти умиротво-

ренной, хотя вскоре, отчаявшаяся и плачущая, она принялась сопротивляться. Она призналась в нескольких ужасных преступлениях, будто надеясь добиться помилования своей готовностью обо всем рассказать.

Голова Шириам легла на плаху и была отрублена так же, как и в случае с остальными. Эта картина всегда будет живо стоять перед глазами Эгвейн: ее бывшая хранительница летописей, чья голова прижата к пню, а голубое платье и огненно-рыжие волосы внезапно заливает теплый золотистый свет, когда лучик солнца пробился сквозь возникшую на краткий миг прореху в тонком слое облаков. И серебристый топор, опускающийся на ее шею. Может, Узор окажется более милостив в следующий раз, когда ей снова позволено будет стать нитью в плетении грандиозного гобелена. А может, и нет. Смерть — не спасение от Темного. Ужас, охвативший Шириам в последние ее мгновения, свидетельствовал, что об этом-то, вероятно, она подумала, пока опускался топор.

Теперь Эгвейн в полной мере понимала, как могут смеяться Айил над обычными побоями. Да лучше бы ее несколько дней избивали палками, чем необходимость отдать приказ о казни женщин, которые ей нравились и с которыми она

вместе работала!

Некоторые восседающие предлагали не казнить схваченных Черных сестер, а как следует их допросить, однако Эгвейн настояла на своем. Пятьдесят женщин — это слишком много; их ведь нужно держать отрезанными щитами от Истинного Источника и охранять, а теперь, когда известно, что усмирение возможно Исцелить, такое решение ее не устраивало. Нет, случившиеся события показали, насколько изворотливыми и опасными могут быть Черные сестры, а Эгвейн надоело беспокоиться о том, что может произойти. Пример Могидин научил ее, что за жадность — пусть даже это жадность к знаниям — приходится расплачиваться. Тогда и саму Эгвейн, и остальных слишком переполняло страстное желание новых знаний — слишком возгордились они сделанными «открытиями», — чтобы пойти на решительный шаг и избавить мир от одной из Отрекшихся.

Что ж, Эгвейн не позволит себе допустить ту же самую ошибку. Закон всем известен, Совет вынес свой приговор, и решение было принято открыто. Верин умерла ради того, чтобы остановить этих женщин, и Эгвейн позаботится о том, чтобы ее жертва не оказалась напрасной.

«Хорошая работа, Верин. Даже очень хорошая». Каждая Айз Седай в лагере заново принесла Три клятвы, и, помимо тех, о ком предупредила Верин, обнаружены были всего лишь три сестры из Черной Айя. Свое исследование Верин провела весьма основательно.

Стражи Черных сестер находились под охраной. Ими займутся позже, когда будет время отделить тех, кто был настоящим Черным Стражем, от тех, кто просто впал в бешенство после утраты своей Айз Седай. Большинство из них станут искать смерти, даже те, за кем нет никакой вины. Но возможно, Стражей, непричастных к преступлениям своих Черных сестер, удастся убедить не спешить расставаться с жизнью, а сохранить ее до того дня, когда они отправятся на Последнюю битву.

Несмотря на все предпринятые Эгвейн меры предосторожности, почти двадцать Черных сестер, чьи имена упоминались в списке Верин, все же сумели ускользнуть. Она не могла понять, откуда или как они узнали о происходящем. Нескольких пытавшихся бежать, самых слабых в Силе, поймали караулы Брина, и при этом задержать их удалось лишь ценой жизней солдат. Однако многие все-таки скрылись.

Нет смысла сокрушаться из-за случившегося. Пятьдесят Черных Айз Седай мертвы, и это победа. Хотя и пугающая, но тем не менее победа.

Теперь Эгвейн шагала через лагерь, облаченная в красные платье и сапожки для верховой езды, а ее распущенные каштановые волосы были перехвачены багровыми лентами, дабы служить напоминанием о потоках крови, которые она пролила всего час назад. Она не винила сестер за их взгляды украдкой, за их старательно скрываемую тревогу, за их страх. И за их почитание. Если и оставались сомнения, что Эгвейн — Амерлин, то теперь они развеяны. Ее приняли, и ее боялись. И она уже никогда больше не станет одной из них. Отныне она стоит отдельно от них, и так будет всегда.

В сторону Эгвейн, пробираясь среди палаток, решительно направлялась фигура в голубом наряде. Величавая женщина склонилась в подобающем реверансе, а поскольку они обе шагали быстрым шагом, Эгвейн не стала останавливаться, чтобы та, согласно традиции, поцеловала кольцо Великого Змея.

— Мать, — сказала Лилейн, — Брин прислал доклад, что для штурма все готово. Он говорит, что лучше всего атаковать через западные мосты,

но еще он предлагает с помощью переходных врат перебросить его фланговый отряд за линию обороны Белой Башни. Он спрашивает — возможно ли это.

Конечно, это не использование Силы в качестве оружия, но довольно близко к этому. Весьма тонкое отличие. Но ведь Айз Седай всегда и отличались умением обращать себе на пользу тонкие различия.

— Передай ему, что я сама открою переходные врата, — ответила Эгвейн.

— Прекрасно, мать, — произнесла, склонив голову, Лилейн — ставшая замечательной и верной помощницей. Поразительно, как быстро изменилось ее отношение к Эгвейн. Наверно, она осознала, что у нее не осталось иного выбора, кроме как полностью поддерживать Эгвейн и отказаться от своих попыток удержать власть. Так она не будет выглядеть лицемеркой и, возможно, даже получит достойный пост подле престола Эгвейн. При том, разумеется, условии, что Эгвейн зарекомендует себя могущественной и сильной Амерлин.

Что ж, здравый подход.

Должно быть, Лилейн удручена переменами в манере поведения Романды. И Желтая сестра,

будто по заказу, как раз и поджидала Эгвейн у дороги, чуть впереди. На ней было платье цвета ее Айя, волосы она собрала в тугой пучок на затылке. Когда Эгвейн к ней приблизилась, Романда присела в реверансе, едва взглянув на Лилейн, и заняла место по правую руку Эгвейн, подальше от Лилейн.

— Мать, — произнесла Романда, — я навела справки, как ты просила. От посланных в Черную Башню нет никаких вестей. Ни словечка.

— Ты полагаешь это странным? — спросила Эгвейн.

— Да, мать. Используя Перемещение, они уже должны были побывать там и вернуться. Или хотя бы прислать какую-то весточку. Подобное молчание внушает беспокойство.

Действительно, есть повод для беспокойства. Даже для тревоги. В состав делегации входили Нисао, Мирелле, Фаолайн — и Теодрин. Все женщины присягнули Эгвейн на верность. Тревожащее совпадение. Особенно подозрительным выглядело отбытие Фаолайн и Теодрин. Предположительно, они отправились потому, что у них не было Стражей, однако сестры в лагере не считали их полноправными Айз Седай — впрочем, никто не посмел бы высказать это Эгвейн

в глаза.

Почему из сотен Айз Седай, находившихся в лагере, в Черную Башню послали именно этих четырех? Было ли это просто случайным совпадением? Не очень-то правдоподобно. Но тогда что это значит? Может, кто-то намеренно отослал тех, кто верен Эгвейн? А если так, то почему не услали и Суан? Не могло ли это быть, к примеру, делом рук Шириам? Перед казнью она кое в чем призналась, но об этом не упоминала.

В любом случае что-то произошло там с теми Аша'манами. С Черной Башней нужно будет разобраться.

— Мать, — промолвила Лилейн, вновь привлекая внимание Эгвейн. Голубая сестра на соперницу не смотрела. — У меня есть и другие новости.

Романда тихонько фыркнула.

— Говори, — сказала Эгвейн.

— Шириам не лгала, — сказала Лилейн. — Тер'ангриалы, что использовались для снов, пропали. Все.

— Как такое возможно? — Эгвейн позволила капельке гнева просочиться в голос.

— Шириам была хранительницей летописей, мать, — зачастила Лилейн. — Все тер'ангриалы

мы держали в одном месте, под охраной, как то велит обычай Белой Башни. Но… по какой причине караульным не пропускать Шириам?

— И что, по-твоему, она нам сказала бы? — спросила у нее Эгвейн. — Ведь долго эту кражу скрывать бы не удалось.

— Мать, я не знаю, — проговорила Лилейн, качая головой. — Охранники сказали, что Шириам, когда забирала тер'ангриалы, выглядела… взволнованной… Какой-то нервной… Это произошло только минувшей ночью.

Эгвейн стиснула зубы, вспоминая о последних признаниях Шириам. Кража тер'ангриалов превосходила даже самые шокирующие из них. Илэйн будет в ярости; она изготовила все дубликаты, которые оказались украдены. Хотя созданные ею копии и уступали по своему действию оригиналам, они были вполне рабочими. Илэйн отнюдь не обрадуется тому, что тер'ангриалы, открывающие доступ в Мир снов, попали в лапы Отрекшихся.

— Мать… — вымолвила Лилейн, и голос ее звучал тише. — А что с другим… признанием Шириам?

— Что одна из Отрекшихся находится в Белой Башне и выдает себя за Айз Седай? — уточнила

Эгвейн. Шириам утверждала, что отдала тер'ангриалы именно этой… особе.

Лилейн и Романда шагали молча, обе глядели перед собой, словно их пугали размышления на эту тему.

— Да, думаю, она права, — заметила Эгвейн. — Они проникли не только в наш лагерь, но и в знать Андора, Иллиана и Тира. Так почему бы им не оказаться и в Белой Башне?

Она не стала добавлять, что в книге Верин имелось подтверждение тому, что одна из Отрекшихся нашла себе прибежище в Белой Башне. Девушке представлялось, что пока лучше будет не разглашать масштабность сведений, собранных Верин.

— Но я бы не стала из-за этого сильно волноваться, — продолжила Эгвейн. — Скорее всего, после штурма Башни и нашего возвращения Отрекшаяся — кем бы она ни была — сочтет за лучшее убраться прочь и найти для своих интриг добычу полегче.

Похоже, это замечание не слишком-то успокоило Лилейн и Романду. Втроем они добрались до границы лагеря Айз Седай, где для них уже были приготовлены лошади. Еще тут Амерлин ждал многочисленный отряд солдат, а также по одной

восседающей от каждой Айя, за исключением Голубой и Красной. Голубых восседающих не было, поскольку из них в лагере Лилейн осталась единственной, а причины отсутствия Красных были очевидны. Еще и поэтому Эгвейн выбрала красное одеяние — как тонкий намек на то, что в предстоящем событии должны принять участие все Айя. Ради блага всех Айз Седай.

Когда Эгвейн села верхом, то обнаружила, что за ней, на подобающем расстоянии, снова следует Гавин. Откуда он взялся? С раннего утра они больше не говорили. Он вскочил в седло в тот момент, когда она села на лошадь. Девушка выехала из лагеря Айз Седай вместе с Лилейн, Романдой, восседающими и сопровождающими их солдатами — Гавин последовал за ними на безопасном расстоянии. Эгвейн так и не решила, как с ним быть.

Армейский лагерь практически обезлюдел. Палатки стояли пустые, земля вокруг истоптана ногами и копытами, а солдат было не видно. Вскоре после того, как отряд во главе с Эгвейн выехал за пределы военного лагеря, она обняла Истинный Источник и удерживала его, готовая встретить своими плетениями любого, кто вздумал бы на нее напасть. Она по-прежнему

не верила, что Элайда не станет использовать переходные врата, чтобы попытаться помешать штурму. Правда, у лже-Амерлин должно быть дел по горло — ей бы разобраться с последствиями нападения шончан. Но подобные предположения — будто она в безопасности — однажды уже привели к тому, что Эгвейн угодила в плен. Она — Амерлин. И не вправе подвергать себя риску. Как ни горько это было признавать, но Эгвейн понимала, что пришел конец тем дням, когда она действовала в одиночку, нанося удары по своему усмотрению. За минувшие несколько недель ее могли не только схватить, но и убить. Тогда восстание в Салидаре было бы обречено, а Элайда осталась бы Амерлин.

И вот ныне войска Эгвейн выстроились в боевые порядки возле деревни Дарейн. Белая Башня еще дымилась: обширные клубы дыма спиралью поднимались над центром острова, окутывая белый шпиль. Даже издали на здании виднелись шрамы и отметины, оставшиеся после нападения шончан. Почерневшие проломы походили на пятна гнили на боках крепкого яблока. Эгвейн смотрела на Белую Башню, а та, казалось, стонала от боли. Так долго простояла Башня и столько всего повидала. А теперь она получила жуткие раны,

и до сих пор, день спустя, они еще кровоточат.

И все же Башня устояла. Благослови их Свет, Башня устояла. Она вздымалась ввысь, раненая, но крепкая, устремляясь к скрытому за облаками солнцу. Она не покорится воле тех, кто желает ее разрушить — будь то изнутри или снаружи.

В арьергарде армии Эгвейн ждали Брин и Суан. Ну и несуразная же они парочка. Закаленный в битвах полководец, с сединой на висках и с волевым, исчерченным морщинами лицом, при взгляде на которое вспоминаешь иссеченный, но непробиваемый доспех. И рядом с ним — Суан в светло-голубом платье, миниатюрная женщина с миловидным лицом, которая выглядит достаточно молодо, чтобы годиться Брину во внучки, хоть и были они на самом деле примерно одного возраста.

Когда Эгвейн приблизилась, Суан, не слезая с лошади, склонила перед ней голову, а Брин приветствовал Амерлин воинским салютом. В его глазах по-прежнему была заметна тревога. Он казался пристыженным за то, что принял участие в спасении Эгвейн, хоть та никаких претензий ему и не высказывала. Брин был человеком чести. И раз уж Брина вынудили пойти на эту авантюру ради того, чтобы защитить безрассудных Суан и

Гавина, то его стоит лишь похвалить за то, что сумел сохранить им жизни.

Присоединившись к ним, Эгвейн заметила, что Суан и Брин едут бок о бок. Неужели Суан все-таки признала, что ей нравится этот мужчина? И еще… в Брине теперь чувствовалась какая-то определенно знакомая грация. Это было едва заметно, и, возможно, Эгвейн все почудилось, однако, принимая во внимание отношения между ними…

— Наконец-то ты обзавелась новым Стражем? — спросила Эгвейн у Суан.

Глаза у той сузились.

— Угу, — вымолвила она.

Брин и вправду выглядел удивленным и даже чуточку смущенным.

— Приложите все усилия, генерал, чтобы оградить ее от неприятностей, — произнесла Эгвейн, глядя прямо в глаза Суан. — Недавно она уже их на себя навлекла. Я уж подумывала, не отдать ли ее вам в пехоту, рядовым солдатом. Полагаю, что воинская дисциплина благотворно на нее повлияет и напомнит, что порой повиновение куда важнее, чем проявление инициативы.

Суан повесила голову, отводя взгляд.

— Я еще не решила, как мне с тобой посту-

пить, Суан, — очень тихим голосом сказала Эгвейн. — Но во мне разгорелся гнев, а доверие к тебе потеряно. Так что, если хочешь вновь стать моей доверенной советницей, тебе надо погасить первое и восстановить второе.

Отвернувшись от Суан, Эгвейн посмотрела на командующего — вид у того был весьма болезненный. Наверное, потому, что он был вынужден чувствовать стыд Суан.

— Вас же, генерал, нужно похвалить за храбрость, раз вы позволили связать себя с нею узами, — сказала Эгвейн Брину. — Я понимаю, что удержать ее от неприятностей почти невозможно, но на вас я надеюсь.

Генерал расслабился.

— Сделаю все, что в моих силах, мать, — ответил Брин. Затем он развернул коня и окинул взором шеренги солдат. — Думаю, вам стоит кое на что взглянуть. Если будет угодно.

Эгвейн кивнула, тоже развернула лошадь и поехала за Брином по дороге. Деревня давно была покинута жителями. Ее улочки были вымощены булыжником, а центральную улицу сейчас заполняла тысяча солдат Брина. Суан следовала за Эгвейн, а Гавин ехал за ними. Лилейн и Романда, подчинившись взмаху руки Эгвейн, остались

с прочими восседающими. Их новообретенное повиновение ей уже нравилось, особенно после того, как они, очевидно, решили для себя, что постараются превзойти одна другую, дабы заслужить одобрение Эгвейн. Теперь, когда Шириам нет, обе они, скорее всего, будут бороться за место ее новой хранительницы летописей.

Генерал вел Эгвейн к передней шеренге солдат, и Эгвейн заранее приготовила плетения Воздуха — на тот случай, если в ее сторону выпустят стрелу. Суан посмотрела на девушку, но ничего не сказала. Такие меры предосторожности ни к чему — гвардия Башни никогда не станет стрелять по Айз Седай, даже в дни нынешнего противостояния. Однако того же нельзя было сказать о Стражах, и подобного рода инциденты уже происходили раньше. Если случайная стрела поразит соперницу в горло, то Элайде такой оборот дел будет только на руку.

Трое всадников проехали через деревню, и булыжник сменили квадратные каменные плиты, уступившие потом место мраморным, которые привели к Дарейнскому мосту — величественному белому сооружению, переброшенному через реку к Тар Валону. Здесь и находилось то, что, по мнению Брина, Эгвейн следовало увидеть:

посередине моста, в его самом высоком месте, укрывшись за баррикадой из толстых бревен и камней, расположился отряд гвардии Башни с эмблемой Пламени Тар Валона на коротких плащах-табарах. Похоже, их было около трех сотен. За рекой, на городских стенах, виднелись еще солдаты. Гвардейцев в общей сложности здесь было не больше тысячи.

Для штурма Брин располагал силами в десять тысяч человек.

— Что ж, я знаю, что от атаки нас удерживала не численность противника, — сказал Брин. — Но гвардия Башни должна была быть в состоянии выставить больше воинов, особенно если учесть, что они вели набор рекрутов в самом городе. Сомневаюсь, что эти месяцы они провели за резьбой по дереву у костра, предаваясь воспоминаниям о былых временах. Если у Чубейна есть хоть толика ума, то он должен был только и делать, что обучать новобранцев.

— Ну, так и где они все? — спросила Эгвейн.

— Одному Свету ведомо, мать, — произнес Брин, качая головой. — Мы, конечно, потеряем сколько-то людей, когда здесь прорвемся, но потери будут небольшие. Мы разобьем их наголову.

— А не могли ли шончан их настолько осла-

бить?

— Не знаю, мать, — ответил Брин. — Прошлой ночью бой был тяжелый. Много огня, много погибших. Но я бы вел счет на сотни, но никак не на тысячи. Возможно, гвардейцы Башни расчищают завалы и тушат пожары, но все же думаю, что, увидев мою армию, они должны были выставить побольше людей. Я взглянул на тех парней поближе, через зрительную трубу, и заметил, что глаза у многих красные, от усталости или от недостатка сна.

Задумавшись, Эгвейн устроилась в седле поудобнее. Она была рада свежему ветру, что дул вдоль реки, вверх по течению.

— Вы не ставили под сомнение целесообразность этого штурма, генерал.

— Не в моей привычке задавать вопросы, когда мне дан приказ, мать.

— А если вас спросить, что вы об этом думаете?

— Если меня спросить? — промолвил Брин. — Ну, атака имеет тактический смысл. Раз у нас нет теперь преимущества в виде Перемещения, а наш противник имеет возможность пополнять запасы и рассылать гонцов, когда ему вздумается, то какой смысл в осаде? Самое время либо предпринять атаку, либо снимать лагерь и уходить.

Эгвейн кивнула. И все же она медлила. Этот зловещий дым в небе, покалеченная Башня, испуганные солдаты, оставшиеся без подкрепления. Казалось, что все эти знаки о чем-то предостерегают.

— Сколько мы в состоянии ждать, генерал, до того, как вы должны будете начать штурм? — спросила она.

Брин нахмурился, но не стал ни о чем ее спрашивать. Взглянув на небо, он ответил:

— День клонится к закату. Наверное, час. Потом станет слишком темно. Имея перевес в численности, я бы не стал добавлять еще и элемент случайности, без которого ночной бой не обходится.

— Тогда ждем еще час, — решила Эгвейн и откинулась в седле.

Судя по всему, ее спутники пришли в замешательство от ее слов, но никто ничего не спросил. Престол Амерлин сказала свое слово.

И чего же она ждет? Что ей подсказывает чутье? Минуты бежали, и Эгвейн размышляла над этим, в конце концов сообразив, что же ее удержало. Стоит сделать лишь единственный шаг по этой тропе, и обратного пути не будет. Белая Башня уже пострадала прошлой ночью — впервые

враг применил против нее Единую Силу. Штурм Эгвейн станет первым в другом отношении: впервые одна группа Айз Седай привела войска для борьбы против другой группы. Между различными группировками в Башне и раньше случались конфликты и столкновения; бывало, одна Айя выступала против другой, и порой дело заканчивалось кровопролитием — как то, что имело место после смещения Суан. В тайных летописях упоминались события подобного рода.

Но никогда раздоры не выплескивались за стены самой Башни. Никогда Айз Седай не вели войска через эти мосты. Поступи так сейчас — и этот факт навеки будет связан с именем Эгвейн как Амерлин. Чего бы потом она ни достигла, этот день бросит на все ее свершения мрачную тень.

Эгвейн надеялась, что будет освобождать и объединять. А вместо этого она готовится развязать войну и покорять силой. Если надо, она отдаст приказ. Но Эгвейн хотелось по возможности оттянуть этот момент, обождать до самой последней минуты. И пусть это будет час мрачного ожидания под затянутым тучами небом, под фырканье лошадей, чувствующих напряжение своих седоков. Пусть.

Обещанный Брину час миновал. Эгвейн помеш-

кала еще пару минут — больше она не посмела. Подмога к солдатам, стоявшим на мосту, так и не пришла. Они все так же решительно смотрели на противника из-за своей баррикады.

С громадной неохотой Эгвейн повернулась в седле, собираясь отдать приказ.

— Вон там. — Брин подался в седле вперед. — Что это?

Эгвейн обернулась, снова посмотрев на мост. Вдалеке, едва различимая, через мост двигалась процессия. Неужели она ждала слишком долго? Белая Башня выслала подкрепление? Неужели за упрямое нежелание Эгвейн ее люди заплатят своими жизнями?

Но нет. Там шли не солдаты, а женщины в юбках. Айз Седай!

Эгвейн подняла руку, запрещая своим солдатам атаковать. Процессия направлялась прямиком к оборонительному сооружению гвардии Башни. Через несколько мгновений из-за баррикады выступила женщина в сером платье, ее сопровождал один-единственный Страж. Эгвейн прищурилась, силясь различить черты лица женщины, и Брин поспешил протянуть ей свою зрительную трубу. Эгвейн с благодарностью приняла трубу, но она уже и без ее помощи узнала женщину в сером.

Андайя Форей — одна из новых восседающих в Совете, избранная после раскола. Из Серой Айя. Это подразумевает, что другая сторона готова к переговорам.

Сияние Силы окружало Андайю, и Суан зашипела, отчего несколько стоявших поблизости солдат вскинули луки. Эгвейн снова подняла руку.

— Брин! — строго произнесла она. — Я не допущу, чтобы первый выстрел был сделан без моего разрешения.

— Стоять смирно! — проревел Брин. — Я шкуру с вас сдеру, если кто хотя бы тетиву натянет!

Изготовленные было луки мигом опустились.

Женщина у баррикады применила плетение, которого Эгвейн не сумела разобрать, после чего зазвучал ее голос, несомненно усиленный:

— Мы будем говорить с Эгвейн ал'Вир, — сказала Андайя. — Здесь ли она?

Эгвейн создала свое плетение — для усиления собственного голоса:

— Я здесь, Андайя. Пусть остальные выйдут, чтобы я могла их видеть.

Как ни удивительно, но они подчинились ее распоряжению. На мост гуськом вышли еще девять женщин, и Эгвейн внимательно изучила лицо каждой.

— Десять восседающих, — заметила она и вернула зрительную трубу Брину, а потом распустила плетение, чтобы ее слова не доносились до Айз Седай из Башни. — По две от каждой Айя, исключая Голубую и Красную.

— Многообещающе. — Брин потер подбородок.

— Ну, может, они явились сюда с требованием, чтобы я сдалась, — заметила Эгвейн. — Хорошо. — Она снова усилила свой голос с помощью Силы. — Чего вы от меня хотите?

— Мы пришли… — Андайя замешкалась. — Мы пришли сообщить, что Совет Белой Башни избрал тебя на Престол Амерлин.

У Суан от изумления перехватило дыхание, а Брин пробормотал что-то под нос, очевидно, выругался. Несколько солдат заворчали, предполагая какую-то ловушку. Но Эгвейн просто закрыла глаза. Смела ли она надеяться? Эгвейн предполагала, что с ее спасением, которого она не желала, слишком поспешили. Вот если она сумела заложить кое-какой фундамент до того, как ее забрали Суан и Гавин…

— Что с Элайдой? — открыв глаза, потребовала ответа от собеседницы Эгвейн. Голос ее гулко разносился над разделяющим их пространством. — Неужели вы низложили еще одну

Амерлин?

Та сторона на какое-то время замолчала.

— О чем-то совещаются, — приложив зрительную трубу к глазу, заметил Брин.

Через мгновение зазвучал голос Андайи:

— Элайда до Аврини а'Ройхан, Блюстительница печатей, Пламя Тар Валона, Престол Амерлин… была захвачена во время нападения минувшей ночью. Ее местонахождение неизвестно. Она считается мертвой или неспособной исполнять свои обязанности.

— О Свет! — Брин опустил зрительную трубу.

— И поделом ей, — пробормотала Суан.

— Ни одна женщина такого не заслуживает, — возразила ей Эгвейн. Машинально она коснулась пальцами своей шеи. — Лучше бы она умерла.

Брин предположил:

— Это может быть ловушкой.

— Не понимаю, каким образом, — ответила ему Суан. — Андайя связана клятвами. Ее же не было в твоем списке Черных? Верно, Эгвейн?

Эгвейн отрицательно покачала головой.

— И все же, мать, я не уверен, — промолвил Брин.

Эгвейн снова воспользовалась плетением, усиливающим голос:

— Вы позволите моей армии вступить в город? Вы вновь примете остальных Айз Седай как сестер и восстановите Голубую Айю?

— Мы предвидели эти требования, — ответила Андайя. — Они будут приняты.

Воцарилась тишина, которую нарушал только плеск воды, что омывала внизу речные берега.

— Тогда я согласна, — сказала Эгвейн женщинам, стоявшим возле баррикады на мосту.

— Мать! — осторожно начала Суан. — Не слишком ли поспешно? Может, тебе стоило сначала поговорить с…

— Ничуть не поспешно. — Эгвейн успела распустить свое плетение и ощутила, как в душе поднимается надежда. — Это именно то, чего мы хотели. — Девушка смерила Суан взглядом. — И еще. Кто ты такая, чтобы читать мне нотации о поспешности?

Суан опустила взгляд.

— Генерал, — обратилась Эгвейн к Брину, — готовьте своих людей к переправе через мост, и пусть восседающие проедут вперед. Пошлите гонцов с известиями в лагерь к Айз Седай и проследите, чтобы ваши люди у других мостов получили приказ об отмене штурма.

— Будет исполнено, мать. — Брин развернул

коня и принялся отдавать необходимые распоряжения.

Глубоко вздохнув, Эгвейн ударом каблуков послала свою лошадь на мост. Суан пробормотала какое-то рыбацкое ругательство и последовала за девушкой. Эгвейн слышала, как за ними по камню цокает подковами и лошадь Гавина. Затем, получив короткий приказ Брина, через мост двинулся и небольшой отряд солдат.

Эгвейн ехала по мосту над водой, и ее волосы, украшенные красными лентами, развевались за спиной. Девушка размышляла о случившемся, и у нее возникло странное ощущение значимости этого момента — тяжесть осознания того, чего все они только что избежали. Вскоре оно сменилось радостью и крепнущим чувством удовлетворения.

Белая кобыла легонько тряхнула головой, проведя шелковистой гривой по рукам Эгвейн. Стоявшие у баррикады на мосту восседающие повернулись, собираясь идти обратно в город. А впереди высилась Башня. Израненная. Кровоточащая.

Но она устояла. О Свет, Башня устояла!

Глава 46
Выковать заново

После того как Эгвейн победительницей пересекла мост, ведущий в Тар Валон, дальнейшие события этого дня для нее прошли как в тумане. Она так спешила к Белой Башне, что Суан с Гавином едва за ней поспевали. В Башне Эгвейн встретила группа слуг; сами же восседающие дожидались Эгвейн в зале Совета.

Слуги провели ее в простую, никак не украшенную комнату со стенами, обитыми деревянными панелями, где стояла лишь пара обтянутых кожей стульев. Раньше Эгвейн тут никогда не бывала; похоже, это нечто вроде приемной возле зала Совета. Пахло кожей, на маленькой жаровне в углу тлели угли.

Вскоре в комнату вошла низенькая, похожая на жабу Коричневая сестра по имени Лайрайн, которая принялась разъяснять Эгвейн детали церемонии. Маленькая женщина с кудрявыми волосами выглядела совершенно равнодушной, важность момента ее ничуть не волновала. Эту Айз Седай Эгвейн раньше тоже не встречала.

Скорее всего, она была одной из тех Коричневых сестер, кто всю жизнь проводит среди книг в самых дальних уголках библиотек и показываются на свет только раз в столетие или исключительно для того, чтобы давать наставления будущим Амерлин. Эгвейн слушала внимательно; однажды она уже проходила церемонию, и была та очень сложной.

До сих пор девушка помнила свое волнение в тот день, когда несколько месяцев назад в Салидаре ее назвали Амерлин. Тогда она была в совершенном замешательстве от происходящего. Как? Она — и Амерлин?

Впрочем, смущение и неуверенность остались в прошлом. На самом деле она нисколько не волновалась, что церемония пройдет неправильно. Это всего лишь церемония, а решение уже принято. Эгвейн слушала Лайрайн, и тут до ее слуха донеслось, как за дверью Суан спорит с кем-то из сестер, доказывая, что Эгвейн уже Амерлин и в намеченной церемонии нет нужды. Подняв руку, Эгвейн прервала поток инструкций Лайрайн, после чего позвала Суан.

Та заглянула в дверь.

— Суан, я была избрана мятежницами, — строго произнесла Эгвейн. — Эти женщины также за-

служивают возможности встать и проголосовать за меня. Иначе я никогда не смогу рассчитывать на их преданность. Церемонию нужно провести заново.

Суан нахмурилась, но кивнула:

— Хорошо.

Лайрайн открыла было рот, чтобы продолжить свои наставления, но Эгвейн жестом вновь велела ей помолчать, отчего Коричневая сестра недовольно запыхтела.

— Какие у тебя новости, Суан?

— Ну, — сказала Суан, приоткрывая дверь пошире, — бóльшую часть войск Брин перевел через мосты и снял гвардейцев Башни с укреплений, отправив их — вместе со многими отрядами своих людей — тушить пожары в городе. Прикрывая свое отступление, шончан подожгли несколько домов.

Пожары объясняли недостаточную численность обороняющихся у баррикады, а также и тот факт, что Совет был слишком занят, обсуждая, избирать Эгвейн или нет. Похоже, они не понимали, какая узкая грань отделяла их от войны.

— Что будем делать с сестрами из нашего лагеря? — спросила Суан. — Они уже волнуются, теряются в догадках.

— Скажи им собраться перед Закатными воротами, — сказала Эгвейн. — Пусть построятся рядами, сообразно своим Айя, и пусть восседающие встанут впереди. Как только я закончу с церемонией, то выйду к ним с приветствием и официально приму у них извинения за мятеж и приглашу обратно в Белую Башню.

— Примешь у них извинения? — недоверчиво переспросила Суан.

— Они подняли мятеж против Башни, Суан, — сказала Эгвейн, устремив на нее свой взгляд. — Какой бы необходимостью ни диктовалось то, что они сделали, есть причина извиниться.

— Но ты же была с ними!

— Теперь, Суан, я представляю не только их, — твердым тоном произнесла Эгвейн. — Я представляю Башню. Всю Башню, целиком. И Башня должна знать, что мятежницы сожалеют о расколе. Им не нужно изворачиваться и говорить, что они хотели бы остаться, но я считаю, что для них подобающим будет выразить сожаление о порожденных расколом невзгодах. Я их прощу, и мы сможем заняться исцелением последствий.

— Да, мать, — покорно промолвила Суан.

Краем глаза Эгвейн заметила Тэсан, стоящую позади Суан, — тарабонка кивала, соглашаясь со

словами Эгвейн.

Лайрайн наконец-то получила возможность продолжить свои наставления, и Эгвейн повторила те строки, что ей придется произнести, равно как и действия, которые надо будет совершить. Когда Коричневая сестра осталась довольна, Эгвейн поднялась, открыла дверь и обнаружила, что Суан ушла передавать ее приказы, а в коридоре, сложив руки на груди, стоит Тэсан. Она рассматривала Гавина, а тот стоял, прислонившись к стене неподалеку от двери, и его рука покоилась на эфесе вложенного в ножны меча.

— Твой Страж? — спросила Тэсан у Эгвейн.

Та взглянула на Гавина, и ее вдруг захлестнула целая волна чувств. Гнев, глубокая привязанность, страсть и сожаление. Какая странная мешанина.

— Нет, — ответила она и посмотрела Гавину в глаза. — Гавин, ты не можешь быть частью того, что я сейчас должна сделать. Жди здесь.

Тот открыл было рот, собираясь возразить, но подумал и затем просто выпрямился и несколько скованно поклонился. Этот жест показался Эгвейн еще более оскорбительным, чем спор, который он мог затеять.

Эгвейн тихонько фыркнула — впрочем, доста-

точно громко, чтобы он услышал, — после чего позволила Тэсан отвести себя в Зал Башни. Зал Башни — это одновременно и место, и группа людей. Ибо они были одним целым, так же как Престол Амерлин являлась человеком, хотя существовал и трон, на котором она сидит.

Эгвейн остановилась перед дверьми Зала — или Совета — Башни. Створки были сработаны из темного дерева, их украшала выложенная серебром эмблема Пламени Тар Валона. Девушка почувствовала, как в груди мятежно затрепетало сердце. Откуда-то с парой мягких туфель в руках возникла Суан и указала Эгвейн на ее сапожки для верховой езды. Ну разумеется; пол в зале Совета был искусно изукрашен. Она переобулась, и Суан унесла ее сапожки прочь. И нет никакой необходимости нервничать!

«Я уже была на этом месте раньше, — вдруг подумалось ей. — И не в Салидаре. Во время моего испытания. Я уже стояла перед этой дверью, представала перед женщинами, что ждут меня за ней. Во время моего испытания…»

Неожиданно прозвучал гонг. Казалось, звук его настолько громок, что содрогнулась вся Башня — гонг звенел, возвещая о грядущем избрании Амерлин. Гонг зазвучал снова, потом еще раз, а

затем изукрашенные двери начали медленно раскрываться. Да, теперь все совершенно отличалось от того, что происходило с Эгвейн в скромном деревянном здании, когда ее избирали Айз Седай из Салидара. Во многих отношениях церемония в Салидаре оказалась просто репетицией.

Двери полностью распахнулись, и Эгвейн подавила рефлекторный вздох. В стене величественного зала с высоким купольным сводом, как раз напротив входа, зиял пролом, ведущий в пустоту. Через брешь хорошо просматривалась Драконова гора. Впрочем, этот покой пострадал при нападении шончан не так сильно, как некоторые другие помещения Башни. Не считая пробитой внешней стены, зал Совета остался практически неповрежденным. На возвышении, все так же проходящем вдоль стен, стояли стулья, и все они были целы. Стульев, расставленных группами по три, было восемнадцать, и они были выкрашены и обиты тканями цвета той Айя, к которой принадлежали занимавшие их женщины.

Престол Амерлин стоял у дальней стены, прямо у пролома, и за его спинкой открывался пейзаж с высящейся вдали Драконовой горой. Если бы удар огненного шара, нацеленного шончанской дамани, пришелся чуть подальше вглубь зала,

всего лишь на несколько футов, то трон был бы уничтожен. Благодарение Свету, что он уцелел.

В воздухе ощущался едва заметный запах краски. Возможно, им пришлось срочно окрашивать Престол снова во все семь цветов? Если так, то сработано быстро. Однако у них не хватило времени поставить стулья для Голубых восседающих.

Эгвейн заметила Саэрин, Дозин и Юкири, расположившихся на местах, соответствующих тем Айя, к которым они принадлежали. Сине тоже была там — она оценивающим взглядом голубых глаз взирала на Эгвейн. Какую роль сыграли эти четыре женщины в недавних событиях? Глядя на Эгвейн, широколицая Суана из Желтой Айя довольно улыбалась и не скрывала своей радости. Хотя на большинстве лиц сохранялись безмятежность и невозмутимость, присущие Айз Седай, в позах женщин, в их осанке, в том, как они сидели, Эгвейн чувствовала одобрение. Или же по меньшей мере отсутствие враждебности. За принятым решением стояли не только те, кто вел охоту на Черную Айя.

Со стула, находившегося в секторе Коричневой Айя, поднялась Саэрин.

— Кто дерзает предстать перед Советом Башни? — звонким и громким голосом вопросила

она.

Эгвейн мешкала, по-прежнему глядя на восседающих и на стулья, расставленные на внешнем возвышении на равном расстоянии один от другого. Слишком много стульев пустовало. От Зеленой Айя было только две восседающих; Талене бежала несколько недель назад. У Серых не хватало Эванеллейн, которая исчезла сегодня днем. Велина и Седоре также отсутствовали, что не предвещало ничего хорошего; обе они были в составленном Верин списке сестер из Черной Айя. Их предупредили? И не означает ли исчезновение Эванеллейн, что Верин ее пропустила?

Красных сестер тоже не было. Вздрогнув, Эгвейн вспомнила, что Духара покинула Башню несколько недель назад — никто не знал почему, хотя кое-кто утверждал, что по особому поручению Элайды. Наверное, отправилась по каким-то делишкам Черной Айя. Две другие восседающие от Красной Айя — Джавиндра и Певара — загадочным образом исчезли.

Таким образом, восседающих оставалось одиннадцать. Согласно древним законам Башни, для избрания Амерлин этого числа недостаточно. Впрочем, законы пересмотрели, когда Элайда распустила Голубую Айя. Чем меньше восседаю-

щих, тем меньше женщин нужно, чтобы избрать Амерлин, поэтому сейчас их требуется всего одиннадцать. Должно хватить. Во всяком случае, все восседающие, которые находятся сейчас в Башне, знали о предстоящем событии; церемония не была тайной, в отличие от возведения Элайды на Престол Амерлин. И Эгвейн могла быть совершенно уверена, что за ее избрание не встанет ни одна Черная восседающая.

Саэрин прочистила горло, неуверенно глянула на Эгвейн и воззвала снова:

— Кто дерзает предстать перед Советом Башни?

Стоявшая сбоку Тэсан чуть наклонилась к Эгвейн, словно собиралась шепотом подсказать той нужный ответ. Однако девушка, подняв руку, не позволила ей заговорить.

В голове Эгвейн зрела дерзкая и смелая мысль. Но возникшая у нее идея как нельзя лучше соответствовала ее планам. Она это знала. Она это чувствовала.

— Красная Айя в опале? — тихонько спросила она у Тэсан.

Белая сестра кивнула, качнув косичками, которые легко коснулись ее щек.

— Красные — о них вам не нужно беспокоить-

ся, — промолвила она со слабым тарабонским акцентом. — После исчезновения Элайды они затворились в своих апартаментах. Собравшиеся тут беспокоились, что Красные быстро выберут новых восседающих и пришлют их на церемонию. Полагаю, кое-какие… краткие послания Совета Башни достаточно их припугнули.

— А где Сильвиана Брегон? До сих пор в темнице?

— Да, насколько мне известно, мать. — Растерявшаяся на секунду Тэсан обратилась к Эгвейн с использованием титула, хотя официально та еще не была избрана Советом. — Не волнуйся за Лиане, ее освободили. Ее препроводили к остальным мятежницам, ожидающим вашего прощения.

Эгвейн задумчиво кивнула и сказала Тэсан:

— Пусть Сильвиану немедленно приведут сюда, в Совет Башни.

Тэсан наморщила лоб:

— Мать, не думаю, что сейчас время…

— Делай, что велено, — прошипела Эгвейн, после чего повернулась к Совету и провозгласила твердым и громким голосом: — Явившаяся покорно, во имя Света.

Саэрин с заметным облегчением продолжила ритуал:

— Кто дерзает предстать перед Советом Башни?

— Явившаяся смиренно, во имя Света, — ответила ей Эгвейн. Она обвела взглядом восседающих, останавливая свой взор на каждой. Твердая рука. Ей придется быть твердой. Они нуждаются в руководстве.

— Кто дерзает предстать перед Советом Башни? — закончила Саэрин.

— Явившаяся по призыву Совета, во имя Света, — сказала Эгвейн, — готовая со смирением и покорностью принять волю Совета Башни.

Церемония продолжилась, и каждая восседающая обнажилась до талии, дабы подтвердить, что она женщина. Эгвейн поступила также, смутившись и едва не покраснев при мысли о Гавине, который явно считал, что она обязана была взять его с собой на церемонию.

— Кто встанет за эту женщину? — спросила Саэрин после того, как все снова застегнулись и привели в порядок одежду. Одна Эгвейн оставалась обнаженной по пояс, и прохладный ветер, залетавший в пролом в стене, холодил ей кожу. — И кто поручится за нее? Поручится сердцем за ее сердце, душою — за ее душу, жизнью — за ее жизнь?

Быстро поднялись Юкири, Сине и Суана.

— Я поручусь! — провозгласила каждая из них.

В первый раз, когда Эгвейн проходила через этот ритуал, она пребывала в шоке. Все время страшилась допустить какую-нибудь ошибку. И что хуже, ее приводила в ужас мысль, что все происходящее обернется какой-то уловкой или всеобщим заблуждением.

Теперь же страха не было. И пока ей задавали ритуальные вопросы — и девушка вышла на три шага вперед и преклонила колени на гладком полу, заново расписанном по приказу Элайды только шестью цветами, закручивающимися спиралью вокруг Пламени Тар Валона, — Эгвейн, не обращая внимания на всю торжественность и помпу, увидела самую суть происходящего. Эти женщины напуганы. Точно так же, как были напуганы тогда Айз Седай в Салидаре. Престол Амерлин являлся для них средоточием силы и стабильности, и они стремились вновь обрести твердую почву под ногами.

Почему выбрали ее? Оба раза напрашивался один и тот же ответ. Потому что она оказалась единственной, кого все они согласились принять. На лицах присутствующих здесь Айз Седай были улыбки. Но то были улыбки женщин, которым

удалось не допустить возвышения кого-то из соперниц. Или же то были улыбки женщин, испытывающих облегчение оттого, что другая принимает на себя руководство. И возможно, были и те, кто улыбался, радуясь, что не им суждено занять Престол. Страницы недавней истории Престола Амерлин были полны опасностей и раздоров, не говоря уже о расколе и двух страшных трагедиях.

Первоначально, в Салидаре, Эгвейн считала тех женщин идиотками. Теперь она стала опытнее и, можно надеяться, мудрее. И она понимала, что они не были дурами. Они были Айз Седай — прячущими свой страх под излишней осторожностью и в то же время действующими без зазрения совести. Избирая кого-то, чье падение их не огорчит. Идя на риск, но не подвергая непосредственной опасности самих себя.

Эти женщины поступали точно так же. Свой страх они скрывали за спокойными лицами и уверенными действиями. Так что когда пришло время восседающим подняться, голосуя за нее, Эгвейн не удивилась, что встали все одиннадцать. И ни одной несогласной. В ходе этой церемонии никому не придется омывать ноги.

Нет, Эгвейн ничуть не была удивлена. Они

понимали, что иных вариантов нет — только не тогда, когда у порога стоит целая армия, а Элайда, считай, мертва. По традиции Айз Седай действовали так, будто никаких раздоров и не было. Согласие должно быть достигнуто.

А вот Саэрин казалась удивленной тем, что никто не остался сидеть, пусть даже для того, чтобы продемонстрировать, что ее не запугать. Впрочем, удивленными выглядели и другие восседающие, и Эгвейн заподозрила, что те уже сожалеют о своем решении столь скоро подняться в ее поддержку. Можно было заполучить определенную долю власти, оставшись единственной, кто не поднялся и вынудил Эгвейн омыть ей ноги и попросить о дозволении служить. Разумеется, подобным поступком женщина выделила бы себя из ряда прочих восседающих и могла столкнуться с неприязнью со стороны новой Амерлин.

Женщины медленно уселись на свои места. Наставления Эгвейн не требовались, да их никто и не предлагал. Она поднялась и прошла через зал, бесшумно ступая мягкими туфлями по раскрашенному камню с изображением Пламени. Порыв ветра ворвался в комнату и, всколыхнув шали, обдал холодом обнаженную кожу Эгвейн. Это кое-что говорило о силе духа Совета, раз уж

они решили собраться здесь, невзирая на головокружительный вид, открывающийся через пролом в дальней стене.

Саэрин встретила Эгвейн подле Престола. Уроженка Алтары — о чем говорила оливкового оттенка кожа — аккуратно застегнула лиф платья Эгвейн, после чего почтительно взяла с трона палантин Амерлин. Тот самый, со всеми семью цветами, видимо найденный там, куда его запрятала Элайда. Несколько мгновений Саэрин смотрела на Эгвейн, держа палантин в руках, словно бы взвешивая его.

— Дитя мое, ты уверена, что хочешь нести это бремя? — очень тихо спросила Саэрин. Этот вопрос не был частью церемонии.

— Я уже его несу, Саэрин. — Ответ Эгвейн почти прошептала. — Элайда отказалась от него, когда попыталась порезать его и разделить по своему усмотрению. Я его подняла и с тех пор несу. И нести мне его суждено до самой смерти. И я буду его нести.

Саэрин кивнула.

— Думаю, именно поэтому ты его и заслуживаешь, — произнесла она. — Сомневаюсь, что какие-то события прошлого могут сравниться с тем, что грядет. И подозреваю, что в будущем, ко-

гда книжники и летописцы станут оглядываться на наши дни, они сочтут их страшнее Времен безумия и даже самого Разлома Мира. Ибо ныне требуется много больше сил ума, тела и души.

— Хорошо, что у мира есть мы, — сказала Эгвейн.

Саэрин помедлила, затем кивнула:

— Думаю, да. — Она подняла палантин и возложила его на плечи Эгвейн. — Ты возведена на Престол Амерлин! — провозгласила она, и к ней присоединились голоса других восседающих: — В сиянии Света да высится вечно Белая Башня. Да славится Эгвейн ал'Вир, Блюстительница печатей, Пламя Тар Валона, Престол Амерлин!

Эгвейн обернулась и обвела взглядом присутствующих в зале женщин, а потом опустилась на трон. Девушка чувствовала себя так, словно вернулась домой после очень долгого путешествия. Мир клонился под тяжестью прикосновения Темного, но сейчас, когда она заняла свое место, ей казалось, что мир чуть выправился, в нем стало чуточку безопаснее.

Женщины выстроились перед ней по возрасту, и Саэрин заняла место в конце. Поочередно они склонялись перед Эгвейн в глубоком реверансе, просили разрешения служить, а затем целовали

ее кольцо Великого Змея и отступали в сторону. Пока шла эта церемония, Эгвейн заметила, что наконец-то вернулась Тэсан. Заглянув в дверь, Белая сестра убедилась, что все женщины одеты, а потом вошла в зал вместе с четырьмя гвардейцами с эмблемой Пламени Тар Валона на груди. Эгвейн подавила удивленный вздох. Похоже, Сильвиану привели в цепях.

Поцеловав кольцо Эгвейн, восседающие вернулись на свои места. Оставались еще кое-какие мелочи, но самая главная часть церемонии завершилась. Эгвейн стала Амерлин, на самом деле и по-настоящему — наконец-то. Сколько же она ждала этого момента.

А сейчас настало время сюрпризов.

— Освободите узницу от цепей, — приказала Эгвейн.

Стражники в коридоре не сразу, но подчинились — послышался звон и лязг металла. Восседающие, в явном замешательстве, обернулись к дверям.

— Сильвиана Брегон! — воззвала Эгвейн, поднимаясь. — Можешь приблизиться к Престолу Амерлин.

Солдаты расступились и позволили Сильвиане войти в зал Совета. В заключении у Элайды с ней

обращались не лучшим образом, и ее красное, некогда превосходное платье сейчас было измятым, подол испачкан грязью. Черные волосы, которые Красная сестра обычно собирала на затылке в узел, сейчас были кое-как заплетены в косы. Однако на ее широком лице сохранялось невозмутимое выражение.

Пройдя через весь зал, Сильвиана, к всеобщему удивлению, опустилась перед Эгвейн на колени. Эгвейн же опустила руку и позволила женщине поцеловать свое кольцо Великого Змея.

Восседающие молча смотрели, сбитые с толку и смущенные тем, что Эгвейн нарушила ход церемонии.

— Мать, — наконец промолвила Юкири, — разве сейчас подходящее время, чтобы вершить правосудие?

Эгвейн отвела руку от коленопреклоненной Сильвианы и посмотрела на Юкири в упор, после чего обвела взглядом всех остальных восседающих.

— На всех вас лежит пятно позора, — сказала она.

Хотя на бесстрастных лицах Айз Седай и сохранялось спокойствие, глаза у них чуть расширились, а брови приподнялись. Похоже, они

разозлились. Только нет у них права сердиться! Их гнев — ничто по сравнению с тем, что чувствует она.

— За это, — Эгейн указала на брешь в стене, — вы должны ответить. — Затем девушка указала на Сильвиану, по-прежнему стоявшую на коленях. — Вы несете ответственность и за это. На вас лежит вина за то, как сестры смотрят друг на друга, встречаясь в коридорах, вина за то, что раскол в Башне продлился столько времени. А многие из вас виновны в том, что раскол вообще произошел! Стыд и позор вам! Белая Башня — гордость Света, опора истины и стабильности со времен Эпохи легенд — едва не пала разрушенной из-за вас.

Все вытаращили глаза, а несколько женщин задохнулись от потрясения.

— Элайда… — заговорила было одна из восседающих.

— Элайда была безумна, и вам всем это известно! — сурово пресекла возможные возражения Эгвейн. Она поднялась во весь рост и смотрела на них сверху вниз. — Вы знали об этом последние несколько месяцев, когда она бездумно прилагала все усилия, чтобы нас уничтожить. О Свет, да многие из вас, скорее всего, знали об этом еще

тогда, когда возводили ее на престол! Бывало, на нем и раньше восседали глупые Амерлин, но ни одна из них и близко не подошла к тому, чтобы разрушить всю Башню! Вы ведь призваны сдерживать Амерлин. Вы обязаны удерживать ее от подобных шагов! А вы позволили ей распустить целую Айя? О чем вы только думали? Как допустили, чтобы в Башне все зашло так далеко? И это тогда, когда сам Дракон Возрожденный шествует по миру! Вы должны были сместить Элайду сразу же, как узнали о ее злополучной попытке захватить Ранда ал'Тора. Вы должны были сместить ее, когда увидели, что своей склочностью и мелочностью она восстанавливает одну Айя против другой. И уж точно вы должны были сместить ее, когда она отказалась делать то, что необходимо для воссоединения Башни! Ради того, чтобы Башня стала единым целым!

Эгвейн обвела восседающих взором, глядя в глаза каждой до тех пор, пока та не отводила взгляда. Ни у одной не нашлось смелости долго выдерживать взгляд Амерлин. Наконец-то она увидела, как сквозь маски невозмутимости на их лицах начал проступать стыд. Давно пора!

— Ни одна из вас не выступила против нее, — гневно отчитывала восседающих Эгвейн. — И вы

смеете называть себя Советом Башни? Вы, кого запугали? Кто слишком боялся поступить так, как было необходимо? Кто слишком увлекся мелочными сварами и играми в политику и оказался неспособен понять, что необходимо?

Эгвейн перевела взгляд на Сильвиану:

— В этом зале только одна женщина не побоялась отстаивать то, что считала правильным. Только она одна осмелилась противостоять Элайде, и ей пришлось за это заплатить. И вы думаете, ее привели сюда по моему приказу для того, чтобы я утолила месть? Неужели вы настолько слепы и думаете, что я накажу единственного человека во всей Башне, который за последние несколько месяцев поступал так, как до́лжно?

Теперь все опустили головы, глядя себе под ноги. Даже Саэрин не поднимала на Эгвейн взора.

На Эгвейн смотрела Сильвиана.

— Ты исполняла свой долг, Сильвиана, — сказала Эгвейн. — И исполняла его хорошо. Встань.

Женщина поднялась. Она выглядела изможденной, глаза опухли от недосыпа, и Эгвейн подозревала, что и стоять Красной сестре трудно. Интересно, в хаосе последних дней хоть кто-нибудь догадался приносить ей воду и пищу?

— Сильвиана, — продолжала Эгвейн, — из-

брана новая Амерлин. И мне стыдно признать, но сделано это с теми же увертками, что и при возведении на престол Элайды. Из семи Айя представлены только пять. Я знаю, что Голубые, будь они здесь, меня бы поддержали. Но Красным сестрам даже не дали шанса заявить о своем несогласии или одобрении.

— На то были причины, мать, — заметила Сильвиана.

— Возможно, и так, — промолвила Эгвейн. — Но это означает, что мое правление будет сопряжено с напряженностью в отношениях между мной и Красными сестрами. Им будет мерещиться злой умысел там, где его на самом деле нет, а я лишусь силы и поддержки сотен женщин. Женщин, которые будут очень нужны.

— Я… не знаю, мать, как этого избежать, — искренне призналась Сильвиана.

— А я знаю, — заявила Эгвейн. — Сильвиана Брегон, я хочу, чтобы ты стала моей хранительницей летописей. Пусть не говорят, что я притесняю Красных.

Сильвиана изумленно заморгала. Послышались и удивленные вздохи восседающих, хотя Эгвейн и не обратила внимания, чьи именно.

Она пристально смотрела Сильвиане в глаза.

Совсем недавно эта женщина порола ее на своем столе по приказу Элайды. А теперь Сильвиана опустилась перед ней на колени, причем поступила так без всякого принуждения. Она приняла решение Совета, которым Эгвейн возвели на Престол Амерлин. Но приняла ли она саму Эгвейн?

Если Сильвиана примет сделанное Эгвейн предложение, то идти ей придется по сложному и опасному пути. Красные могут посчитать такой ее шаг предательством. Каким же будет ответ Сильвианы? Мысленно Эгвейн возблагодарила прием, благодаря которому она не потела — девушка была уверена, что иначе по ее лицу пот уже стекал бы ручьями.

— Это честь для меня, мать, — произнесла Сильвиана, вновь преклоняя колени. — Поистине большая честь.

Эгвейн позволила себе перевести дыхание. Воссоединить расколотые Айя — задача и так достаточно сложная, а если Красные сестры сочтут ее врагом, то осуществить задуманное станет просто невозможно. Если Сильвиана окажется на стороне Эгвейн, то у нее будет посланница, которую Красные не отвергнут. Надеемся, что не отвергнут.

— Это будут трудные времена для Красной

Айя, дочь моя, — сказала Эгвейн. — Ее призвание — искать и обезвреживать мужчин, способных направлять Силу, однако сообщения утверждают, что саидин очищена.

— Все равно среди них будут те, кто действует во зло, мать, — возразила Сильвиана. — И мужчинам доверять нельзя.

«Однажды нам понадобится отказаться от этого последнего мнения, — подумала Эгвейн. — Но пока оно достаточно верное, и будем его придерживаться».

— Я не сказала, что вам нечем будет заняться, однако цель ваша изменится. По-моему, перед Красной Айя открывается большое будущее — расширение видения, новые обязанности. Я рада, что ты будешь со мной и поможешь их направить.

Эгвейн посмотрела на восседающих, в ошеломленном молчании наблюдавших за происходящим.

— Я бы подвергла всех вас наказанию, — заявила она, — если бы не знала, что кое-кто из вас все же старался втайне остановить крушение Белой Башни. Сделали вы недостаточно, но делали хоть что-то. Кроме того, я считаю нелепостью наказания, которым мы нередко себя подвергаем. Что

для Айз Седай физическая боль?

Эгвейн глубоко вздохнула и продолжила:

— Да и сама я не безвинна. На мне тоже лежит часть позора, поскольку все эти бедствия случились во время моего правления. Я приняла сторону восставших, позволила им избрать себя, ибо другого выбора не было. Потому вина лежит и на мне. Несите свой позор, восседающие, но несите его, не утрачивая решимости. Не дайте себе сломаться под его тяжестью. Время исцеления уже началось, и нет смысла указывать друг на друга пальцами. Вы потерпели неудачу. Но вы — это все, что у нас есть. Мы — это все, что есть у мира.

Женщины начали поднимать головы.

— Идемте, — сказала Эгвейн и направилась к дверям. Сильвиана двинулась за ней следом, приотстав на шаг. — Давайте поприветствуем мятежниц.

Они прошли по коридорам Башни, где все еще пахло дымом, а пол местами был усыпан битым камнем. Эгвейн старалась не смотреть на пятна крови. Восседающие следовали за ней, собравшись в группы соответственно своим Айя: выговор Эгвейн ничего не изменил. Да, предстоит еще много потрудиться, чтобы их исцелить.

— Мать, — тихо произнесла на ходу Сильвиана, — наверное, у тебя уже есть хранительница летописей из числа мятежниц. Ты намерена иметь двух хранительниц? — Ее напряженный голос ясно давал понять, каково ее отношение к столь нетрадиционному новшеству.

— Нет, — ответила ей Эгвейн. — Моя прежняя хранительница летописей была казнена, поскольку принадлежала к Черной Айя.

Сильвиана побледнела.

— Понятно.

— Не будем ходить вокруг да около, Сильвиана, — продолжила Эгвейн. — До того, как меня… вызволили, у меня побывала одна гостья, и ее посещение имело огромное значение. Она была из Черной Айя и выдала мне имена других Черных сестер. Подтверждение ее словам я получила, проверив при помощи Клятвенного жезла всех тех из названных ею, кто находился среди восставших Айз Седай.

— Клятвенного жезла? — воскликнула Сильвиана.

— Да, — ответила Эгвейн, когда они ступили на лестницу. — Накануне ночью мне его передала моя сторонница в Башне. Впрочем, сдается мне, нам лучше перенести тер’ангриалы в другое

хранилище. И держать его местоположение в секрете, обеспечив надежной охраной. Пройдет совсем немного времени, и все сестры, обладающие достаточным потенциалом, научатся создавать плетения для Перемещения. И вполне допускаю, что многие из них — включая и тех, кому я доверяю, — возьмут себе за обыкновение «одалживать» ангриалы.

— Разумеется, мать, — согласилась Сильвиана, а потом, понизив голос, произнесла: — Видно, мне придется привыкать к тому, что многое изменится.

— Полагаю, что так, — отозвалась Эгвейн. — И не в последнюю очередь важно выбрать подходящую наставницу послушниц. Такую, которая способна будет справиться с сотнями новеньких, ведь многие из них окажутся не совсем привычного для послушниц возраста. Я уже начала принимать на обучение всех женщин, обладающих определенной способностью направлять Силу, невзирая на то, сколько им лет. Думаю, очень скоро послушниц будет столько, что Белая Башня по швам затрещит.

— Тогда, мать, я постараюсь побыстрее предложить возможные кандидатуры, — ответила Сильвиана.

Эгвейн одобрительно кивнула. Несомненно, и Романда, и Лилейн будут вне себя от ярости, когда обнаружат, что сделала Эгвейн, выбрав своей хранительницей летописей Сильвиану, однако чем больше она об этом размышляла, тем большее удовлетворение испытывала. Не только потому, что Сильвиана была из Красной Айя, а из-за того, что та была способной и умелой. Саэрин тоже стала бы хорошим выбором, но, скорее всего, многие рассматривали бы ее как наставницу Эгвейн и даже, возможно, как настоящую правительницу, стоящую за спиной Амерлин. Если выбирать хранительницу летописей из Голубых, то при нынешней ситуации в Башне такое решение посеяло бы еще больше раздоров. Вдобавок, учитывая, что Амерлин выбрали из числа мятежниц — об этом еще долго не забудут, что бы Эгвейн ни говорила и ни делала, — для восстановления доверия и всеобщего исцеления будет очень хорошо, если хранительницей летописей окажется одна из тех, кто был верен Элайде.

Вскоре процессия достигла Великой площади, располагавшейся с восточной стороны Башни. Площадь была заполнена — как и приказала Амерлин — женщинами, выстроившимися рядами соответственно своим Айя. Это место

Эгвейн выбрала из-за ведущей в Башню высокой лестницы с просторной площадкой наверху. Выйдя к ступеням, она остановилась, повернувшись спиной к величественным резным дверям. Идеальное место для того, чтобы обратиться к собравшейся на площади толпе.

Площадь находилась между двух крыльев, сильнее всего пострадавших при нападении предыдущей ночью. Восточное крыло все еще дымилось; его купол обрушился, а одна стена обвалилась внутрь. Однако с этого места сама Башня казалась сравнительно невредимой, и проломы в стенах отсюда были почти незаметны.

В нижних окнах Эгвейн видела лица — оттуда на нее смотрели Айз Седай и послушницы. Похоже, Эгвейн могла обратиться не только к мятежницам, но заодно и к большинству тех женщин, которые во время раскола оставались в Башне. Девушка создала плетение для усиления голоса. Не до громовых раскатов, но так, чтобы ее услышали все как внутри, так и снаружи.

— Сестры мои! — произнесла она. — Дочери мои! Должным образом я избрана на Престол Амерлин. Обе противоборствующие стороны избрали меня. Обе они следовали установленным предписаниям, и обе признали меня своей

Амерлин. Пришло время вновь воссоединиться. Не буду делать вид, будто раскола не было. Порой мы, в Белой Башне, готовы слишком быстро забывать те факты, которые не хотим признавать. Но случившееся утаить невозможно — не от нас, кто это пережил. Мы были разделены, расколоты. Мы почти развязали войну друг с другом. Мы себя опозорили.

Вы, мятежницы, стоящие передо мной, — продолжала Эгвейн, — совершили нечто ужасное. Вы пошатнули устои Башни, избрали для себя свою Амерлин. Впервые войско, ведомое Айз Седай, пошло против Айз Седай. Я возглавляла это войско. Мне известно это бесчестье. Было ли то необходимо или нет, но это позорно. И потому я требую, чтобы вы признали вину. Вы должны ответить за свои преступления, даже за те, что совершены во благо.

Она оглядела собравшихся внизу на площади Айз Седай. Если приказ Эгвейн выстроиться рядами и ожидать изъявления ее воли не прояснил для них ее отношения к происходящему, тогда, возможно, это станет понятным из ее слов.

— Вы явились сюда не в блеске славы, — сказала им Эгвейн. — Вы пришли не с победой. Потому что нет и не может быть победы там, где сестра

сражается с сестрой, а Страж погибает от рук Стража.

Она заметила стоявшую впереди Суан, и их взгляды встретились. Лиане тоже была там — после долгого заключения она выглядела неопрятно, но стояла прямо.

— Ошибки совершали обе стороны, — продолжала Эгвейн. — И нам всем придется изрядно потрудиться, чтобы исправить нами же совершенное. Кузнецы говорят, что сломанный меч никогда не сделать снова целым. Его надо полностью перековать — переплавить металл, очистив от шлака, сделать заготовку и придать ей новую форму. Следующие несколько месяцев мы будем придавать себе форму. Мы были сломаны, уничтожены едва ли не под корень. Близится Последняя битва, но пока она не началась, я добьюсь того, чтобы наш меч снова был выкован — целый и крепкий! Я буду многого от вас требовать. И требования мои будут суровы. Вам покажется, что вы достигнете пределов того, что способны вынести. Я заделаю эти обожженные бреши! Придется чем-то поступаться, договариваться, идти на примирение, поскольку среди нас слишком много восседающих в Совете, не говоря уже о пяти лишних главах Айя. Кому-то из вас придется

покинуть свой пост и смиренно склониться перед теми, кто вам не по нраву.

Эти дни станут для вас испытанием! — воскликнула Эгвейн. — Я заставлю вас трудиться вместе с теми, кого всего несколько часов назад вы считали врагами. Вы будете стоять рядом с теми, кто презирал или ненавидел вас, кто причинял вам боль. Но мы сильнее наших слабостей. Белая Башня устояла, и мы должны выстоять вместе с ней! Мы станем вновь одним целым. Мы сплотимся вместе, и о нашем единстве будут слагать сказания! Когда мы с вами закончим, о Белой Башне не напишут, что она была слаба. В сиянии наших побед о нашем расколе забудут. О нас будут помнить не как о Белой Башне, что обратилась сама против себя, а как о Белой Башне, что, не дрогнув, устояла перед лицом Тени. Эти дни войдут в легенды!

Возгласами одобрения разразились по большей части послушницы и солдаты, поскольку Айз Седай были слишком сдержанны, чтобы вести себя подобным образом. Но не все. Те, кто помоложе, увлеченные моментом, тоже воодушевленно кричали. И благодарение Свету, ликование доносилось с обеих сторон. Несколько мгновений Эгвейн позволила им побушевать, а затем подня-

ла руки, призывая к тишине.

— Да узнают о том во всех странах! — воскликнула она. — Пусть об этом говорят, пусть будут в том уверены и пусть запомнят. Белая Башня едина и невредима. И никто — ни мужчина, ни женщина, ни создание Тени — никогда больше не увидит меж нами раздоров!

На этот раз радостные крики звучали почти оглушающе, и, что удивительно, к ликованию присоединилось еще больше Айз Седай. Эгвейн опустила руки.

Она надеялась, что через несколько месяцев они еще будут встречать ее приветственными возгласами и радостными кличами. Сделать предстояло многое.

Глава 47
Тот, кого он потерял

В свои покои Ранд вернулся не сразу. Из-за неудачной встречи с порубежниками он чувствовал, что утратил душевное равновесие. И не потому, что те коварно пытались завлечь его в Фар Мэддинг, — это разочаровывало, однако такого можно было ожидать. Люди всегда предпринимали попытки его контролировать и им манипулировать. Порубежники в этом отношении ничем от прочих не отличались.

Нет, Ранда беспокоило что-то другое — нечто, чего ему никак не удавалось определить. Потому он, сопровождаемый по пятам двумя айильскими Девами, бродил по Тирской Твердыне, пугая слуг и нервируя Защитников.

Коридоры сворачивали, пересекались и разбегались в разные стороны. Стены — там, где их не украшали гобелены, — были цвета сырого песка, однако были они гораздо крепче любого камня, известного Ранду, чуждые и непривычные. Каждый спан ровной и гладкой поверхности напоминал ему, что это место создано отнюдь

не природой.

Ранд чувствовал себя схожим образом. Он выглядел как человек. Манеры и прошлое у него действительно были как у обычного человека. Но был он существом, постичь которое не мог ни один человек — даже сам Ранд не понимал, кто он такой. Персонаж из легенд, порождение Единой Силы — столь же неестественный, как какой-нибудь тер'ангриал или фрагмент квейндияра. Его облачали в королевские одежды, точно так же как украшали эти коридоры золотисто-красными драпировками, отягощенными бахромчатыми кистями. Точно так же они развешивали тут эти гобелены, на каждом из которых был изображен какой-нибудь знаменитый тайренский полководец. Все это делалось для красоты — но и ради того, чтобы скрыть очевидное. При взгляде на голые участки стен сразу становилось ясно, насколько чуждо людям это место. Все эти драпировки и гобелены делали Твердыню более… человечной, не такой инородной. Так и с Рандом: надеть на него корону, обрядить в красивый дорогой камзол — и люди смогут его принять. Королям-то и положено быть чуточку другими. И не важно, что натура у него совсем иная и далеко не человеческая, — главное, что она спрятана

под короной. Не важно, что у него сердце давным-давно умершего человека, на своих плечах ему суждено нести бремя пророчества, а душа раздавлена нуждами, желаниями и чаяниями миллионов людей.

Две руки. Одной — уничтожать, другой — спасать. Какой руки он лишился?

Заблудиться в Твердыне было очень легко. Задолго до того, как Узор начал распускаться, эти извилистые коридоры коричневого камня частенько заводили идущего по ним не туда, куда тот шел. Переходы и были созданы с тем умыслом, чтобы сбивать с толку нападающих. Неожиданно одни коридоры пересекались с другими; ориентиров было очень мало, а окон во внутренних переходах крепости не было. Айильцы говорили, что были поражены тем, насколько трудным оказалось захватить Твердыню. И впечатление на них произвели вовсе не Защитники, а невероятная обширность и запутанность планировки чудовищного сооружения.

По счастью, у Ранда не было какой-то особой цели. Он просто хотел пройтись.

Он принял то, чем ему необходимо быть. Тогда почему это так его тревожит? Голос глубоко внутри — идущий не из головы, а из сердца — не

соглашался с тем, что Ранд сделал. Он не звучал громко или яростно, подобно голосу Льюса Тэрина; он лишь шептал, пробуждая давно забытую жажду. Что-то не так. Что-то не так…

«Нет! — подумал Ранд. — Я должен быть сильным. Я наконец-то стал тем, чем должен быть!»

Стиснув зубы, он остановился в каком-то коридоре. В большом кармане его куртки покоился ключ доступа. Ранд провел пальцами по статуэтке, ощутил холод и гладкость ее поверхности. Он не осмеливался оставить драгоценную фигурку на попечение слуги, сколь бы надежным тот ни был.

«Хурин, — понял Ранд. — Вот что меня беспокоит. То, что я увидел Хурина».

Выпрямив спину, он возобновил свою прогулку. Он всегда должен быть сильным — или, по крайней мере, должен казаться сильным.

Хурин был осколком прошлой жизни. В те дни Мэт насмехался над одеждой Ранда, а Ранд надеялся, что женится на Эгвейн и когда-нибудь вернется в Двуречье. Он отправился в далекий путь с Хурином и Лойалом, преисполненный решимости остановить Фейна и отобрать у него кинжал Мэта, доказав, что он настоящий друг. В то время все было гораздо проще, хотя об этом

Ранд и не подозревал. Тогда он и не догадывался, что будет размышлять о том, что когда друзья ненавидят его — это еще не самое худшее.

Перед глазами у него закружились разноцветные пятна. Перрин шагал через погруженный в темноту лагерь, а в сумраке над ним виднелся тот громадный каменный меч. Затем возник Мэт — он до сих пор оставался в том городе. Это Кэймлин? Почему ему можно находиться рядом с Илэйн, когда Ранд вынужден быть от нее вдали? Он едва ощущал через узы ее чувства. Он так скучал по ней… В коридорах этой самой крепости они когда-то целовались тайком.

«Нет, — подумал Ранд. — Я сильный». Он не должен испытывать тоску по прошлому, не должен желать чего-то несбыточного. Такие чувства ничего ему не дадут, ни к чему не приведут. Ранд попытался отогнать от себя и эти чувства, и даже мысли о них. Он нырнул в проем, ведущий на лестницу, и устремился вниз по ступеням, заставляя мышцы тела работать и добиваясь того, чтобы дыхание стало тяжелым.

«Мы что, бежим от прошлого? — тихо поинтересовался Льюс Тэрин. — Да. Это хорошо. Лучше от него бежать, чем смотреть ему в лицо».

С Хурином Ранд расстался в Фалме. Те дни ему

помнились смутно. Перемены, что на него обрушились, — когда Ранд осознал, что должен убивать, что может никогда не вернуться к той жизни, которую любил, — оказались таковы, что думать о них он не мог. Он тогда устремился в Тир — едва ли не в бреду, отделившись от друзей, и в снах ему являлся Ишамаэль.

И эти сны вновь к нему вернулись.

Тяжело дыша, Ранд выскочил на один из нижних этажей цитадели. Девы, что следовали за ним, даже не запыхались. Широко шагая, он двинулся по коридору и вышел в огромный зал, где высились ряды колонн, массивных и настолько широких, что человек не мог обхватить их руками. Сердце Твердыни. При появлении Ранда несколько Защитников Твердыни встали по стойке смирно и отсалютовали ему.

Он направился к центру Сердца. Когда-то здесь висел в воздухе, отблескивая на свету, Калландор. Теперь хрустальный меч находился в распоряжении Кадсуане. Остается только надеяться, что с ним ничего не случилось и она не потеряла его так же, как мужской ай'дам. Но вообще-то, Ранду было на это наплевать. Калландор не имел значения; чтобы его использовать, мужчине пришлось бы подчинить себя воле женщины. Он, конечно,

обладал огромной мощью, но был не настолько могущественен, как Чойдан Кэл. Отпирающий ключ был инструментом гораздо более удобным. Ранд легонько погладил статуэтку, созерцая то место, где раньше висел Калландор.

Это его всегда тревожило. Калландор — то самое оружие, о котором говорится в пророчествах. В «Кариатонском цикле» утверждается, что Твердыня не падет до тех пор, пока Калландором не завладеет Дракон Возрожденный. Некоторые книжники трактовали этот отрывок в том смысле, что мечом никогда не завладеют. Но с пророчествами не так все просто — пророчества делают для того, чтобы они исполнялись.

Ранд изучал Кариатонское пророчество. К сожалению, старания разгадать его смысл подобны были попытке размотать несколько сотен ярдов спутанной веревки. Одной рукой.

Взять в руки Меч-Которого-Нельзя-Коснуться — это первое пророчество, которое он исполнил. Но было ли завладение Калландором бессмысленным символическим деянием или же оно было ступенью к чему-то? Пророчество известно всем, но очень немногие задавались вопросом, который возникал со всей очевидной неизбежностью. Почему? Почему Ранд должен получить

этот меч? Он понадобится в Последней битве?

Как са'ангриал этот предмет был так себе, и Ранд сомневался, что его возможно использовать в качестве обычного меча. Почему в пророчествах не упоминается Чойдан Кэл? Ранд с помощью этих фигурок очистил от порчи саидин. Ключ доступа наделял Ранда могуществом, несопоставимым с тем, что мог предложить Калландор, и эта мощь давалась без всяких условий и ограничений. Статуэтка была свободой, тогда как Калландор — еще одним сундуком. И тем не менее упоминания о Чойдан Кэл и об открывающих к ним доступ ключах в пророчествах отсутствовали.

Ранда это обескураживало и сбивало с толку, поскольку пророчества в каком-то смысле представлялись самым большим сундуком из всех, сильнее всего сдерживающих Ранда. Он был опутан пророчествами, как силками, задыхался в них. И однажды они его удушат.

«Я им говорил…» — прошептал Льюс Тэрин.

«Говорил им — что?» — пожелал узнать Ранд.

«Что план не сработает, — произнес Льюс Тэрин, и голос его был очень тихим. — Что грубая сила его не удержит. Мое предложение они назвали опрометчивым, но оружие, что они создали, — оно было слишком опасным. Слишком

устрашающим. Никто из людей не должен обладать такой Силой...»

Ранд боролся с мыслями, с голосом и с воспоминаниями. Как он ни старался, ему не удавалось припомнить достаточно о предложенном Льюсом Тэрином плане запечатать узилище Темного. Чойдан Кэл — их построили для этой цели?

В этом и заключается ответ? Льюс Тэрин сделал неверный выбор? Почему тогда о Чойдан Кэл не упоминается в пророчествах?

Ранд развернулся и двинулся вон из пустого зала.

— Стража здесь больше не нужна, — сказал он Защитникам Твердыни. — Тут нет ничего, что нужно охранять. И я не уверен, было ли хоть когда-нибудь.

Потрясенные солдаты стояли с застывшими лицами — они выглядели как дети, которых только что сурово выбранил любимый отец. Но надвигалась война, и Ранд не мог оставить воинов охранять пустую комнату.

Ранд скрипнул зубами и вышел в коридор. Калландор. Куда же Кадсуане его упрятала? Он знал, что она заняла апартаменты в Твердыне, вновь испытывая его терпение и пределы своего изгнания. Надо что-то с этим делать. Возможно,

вышвырнуть ее из Твердыни. Юноша поспешил вверх по ступеням, свернул с лестницы на какой-то случайный этаж и продолжил идти, куда глаза глядят. Не останавливаться. Если он не будет двигаться, сядет где-нибудь, то просто сойдет с ума.

Ранд изо всех сил старался, чтобы никто не мог дергать его за веревочки, но по большому счету пророчества служили гарантией, что он будет делать то, что ему положено. Пророчества были лживее любой Айз Седай и куда ловчее их манипулировали им.

В нем нарастал гнев, бушуя у воздвигнутых Рандом барьеров. Тихий голос внутри его дрожал от напряжения. Ранд приложил к стене левую руку и, склонив голову, скрипнул зубами.

— Я буду сильным, — прошептал он. Только гнев не проходил. Да и с чего бы? Порубежники бросили ему вызов. Шончан ему противились. Айз Седай притворялись, что ему подчиняются, а на самом деле у него за спиной трапезничали с Кадсуане и плясали под ее дудку.

А больше всех прочих ему мешала Кадсуане. Продолжая оставаться рядом с ним, она вела себя вызывающе, по своему усмотрению трактуя его приказы и извращая его намерения. Ранд вытащил ключ доступа и принялся вертеть его в руке.

Надвигалась Последняя битва, а то немногое время, что у него имелось, он потратил на встречу с людьми, которые его оскорбили. С каждым днем Темный все больше разрушал Узор, а те, кто поклялся защищать границы, прятались в Фар Мэддинге.

Тяжело дыша, Ранд огляделся. Что-то в коридоре, в котором он сейчас стоял, казалось знакомым. Он не был уверен, по какой причине; по виду коридор почти ничем не отличался от прочих. Красно-золотистые драпировки. Впереди пересечение двух переходов.

Может, не стоило оставлять порубежников жить, после того как они бросили ему вызов? Может, надо было вернуться и проучить их, внушить им страх перед Драконом Возрожденным? Ну уж нет. Они Ранду не нужны. Так что пусть с ними разбираются шончан. Лучше армия порубежников послужит ему, замедлив наступление его врагов здесь, на юге. Возможно, столкновение с порубежниками не позволит шончан ударить по флангам Ранда, пока он будет занят с Темным.

Но… может, есть способ наверняка остановить шончан? Ранд посмотрел на отпирающий ключ. Однажды он попытался воспользоваться Калландором против чужеземных захватчиков. Тогда

он еще не понимал, почему меч оказалось так сложно контролировать: только после той атаки, приведшей к катастрофе, Кадсуане соблаговолила рассказать ему, что ей было известно. Ранду необходимо соединиться в круг с двумя женщинами, и только после этого он сможет без опаски пустить в ход меч, который мечом не является.

То была его первая крупная неудача как военачальника.

Но теперь-то у него есть инструмент получше. Самый могущественный инструмент из всех, когда-либо созданных. Безусловно, ни один человек не применял большее количество Единой Силы, чем Ранд, когда он очищал саидин. Уничтожение погибельным огнем Грендаль и Натринова Кургана потребовало всего лишь малой доли того, что Ранд мог зачерпнуть.

Если он обратит это против шончан, то сможет отправиться на Последнюю битву в полной уверенности, что со спины к нему никто не подкрадется. Он давал шончан шанс. И неоднократно. Он предупреждал Кадсуане, сказал ей, что заставит Дочь Девяти Лун подчиниться. Тем… или иным образом.

Что ж, это займет немного времени.

«Там, — сказал Льюс Тэрин. — Мы стояли там».

Ранд нахмурился. О чем болтает безумец? Он посмотрел вокруг. Пол широкого перехода был выложен узорами из красных и черных плиток. На стенах, подрагивая от сквозняков, висели гобелены. Потрясенный, Ранд осознал, что на нескольких был изображен он сам — захватывающий Твердыню, держащий в руке Калландор, убивающий троллоков.

«Сражение с шончан было не первым нашим провалом, — прошептал Льюс Тэрин. — Нет, первая неудача постигла нас здесь. В этом коридоре».

…Он без сил после битвы с троллоками и мурддраалом. В боку пульсирует боль. По Твердыне еще разносятся крики и стоны раненых. Он чувствует, что способен на все. На все.

Он стоит над мертвым телом молодой девушки. Она очень юна, совсем еще дитя. Между его пальцами светится Калландор. Неожиданно по телу девушки проходит судорога…

Морейн тогда остановила Ранда. Не в его силах возвращать жизнь мертвым, сказала она.

«Как бы мне хотелось, чтобы она все еще была здесь», — подумал Ранд. Частенько Морейн выводила его из себя, но, похоже, она больше, чем кто-либо, понимала суть того, что ему суж-

дено сделать. Морейн вела себя так, что он сам с бóльшим желанием готов был осуществить предначертанное, даже когда он на нее злился.

Ранд отвернулся. Морейн была права. Не в его силах вернуть жизнь тем, кто умер. Но он весьма преуспел в том, чтобы нести смерть тем, кто еще жив.

— Созовите своих сестер по копью, — обратился через плечо Ранд к своим айильским спутницам. — Мы отправляемся на битву.

— Сейчас? — спросила одна из айилок. — Но ведь уже ночь наступает!

«Неужели я ходил так долго?» — с удивлением подумал Ранд.

— Да, — подтвердил он. — Темнота помехой не будет. Я создам достаточно света.

Ранд гладил пальцами ключ доступа и ощущал одновременно возбуждение и ужас. Однажды он уже сбросил шончан обратно в океан. Он сделает это снова. Один.

Да, он прогонит их — по крайней мере тех, кто останется в живых.

— Ступайте! — крикнул он Девам. Те бегом бросились прочь по коридору. Куда девался его самоконтроль? В последнее время лед совсем истончился.

Ранд вернулся к лестнице и поднялся на несколько пролетов, направляясь к своим апартаментам. Шончан скоро на своей шкуре познают его ярость. Как посмели они рассердить Дракона Возрожденного? Он предложил им мир, а они над ним посмеялись!

Подойдя к своим комнатам, Ранд, резко вскинув руку, не дал и слова вымолвить Защитникам Твердыни, что стояли возле них на страже. Он был не в настроении выслушивать их лепет.

Резко распахнув дверь, он ворвался внутрь и с раздражением обнаружил, что часовые кого-то сюда впустили. Незнакомец стоял спиной к Ранду у открытых балконных дверей и смотрел наружу.

— Что… — начал было Ранд.

Человек повернулся. Он не был незнакомцем. Скорее, наоборот.

Это был Тэм. Его отец.

Ранд отшатнулся. Что это за призрак? Какая-то подлая уловка Темного? Но нет, это и в самом деле был Тэм. Ошибки быть не может — достаточно взглянуть в его добрые глаза. Хотя Тэм и был ниже Ранда на голову, но он, с широкой грудью и крепкими ногами, всегда казался более внушительным, чем все остальные вокруг. Казалось, его

невозможно сдвинуть с места, и не потому, что Тэм был силен — за время своих странствий Ранд повстречал многих людей, превосходивших того физической силой. Сила была скоротечна. А Тэм был настоящий. Уверенный в себе и надежный. На душе становилось спокойней, даже если просто на него смотреть.

Но Ранд, будучи теперь тем, кем стал, не мог позволить себе успокоенности, не мог допустить расслабленности. Встретились два его мира — тот, кем он когда-то был, и тот, кем он стал, — и встреча была подобна тому, что случается, если на раскаленный добела камень выплеснуть воду. Первый расколется, вторая обратится в пар.

Стоя у дверей балкона, освещенный подрагивающим светом двух ламп на высоких подставках, Тэм медлил. Ранд понимал его нерешительность. Они не были отцом и сыном по крови. Родным отцом Ранда был Джандуин, вождь клана Таардад Айил. Тэм же просто нашел Ранда на склонах Драконовой горы.

Но он был тем человеком, кто его вырастил и воспитал. Тем человеком, кто научил Ранда всему, что тот знал. Тем человеком, которого Ранд любил и уважал, и так будет всегда, несмотря ни на какие кровные узы.

— Ранд! — Голос Тэма звучал неуверенно.

— Садись, — справившись кое-как с потрясением, выдавил Ранд. — Прошу тебя, садись.

Тэм кивнул. Он закрыл балконные двери, потом сел в одно из кресел. Ранд последовал его примеру. Так, через комнату, они и смотрели друг на друга. Каменные стены были голыми — Ранд предпочитал не украшать их гобеленами или картинами. Расстеленный на полу большой красно-желтый ковер доходил до всех четырех стен.

Комната казалась чересчур безупречной. Ваза со свежесрезанными лилиями-дара и цветками калимы стояла точно там, где ей и следовало стоять. Кресла по центру составлены слишком правильно. Комната не выглядела жилой. Подобно многим другим местам, где останавливался Ранд, она не была домом. С тех пор, как он покинул Двуречье, настоящего дома у него, можно сказать, больше и не было.

Так они и сидели, Тэм — в одном кресле, Ранд — в другом. До Ранда дошло, что он по-прежнему держит в руке отпирающий ключ, так что он поставил статуэтку рядом со своим креслом на украшенный изображением солнца ковер. Тэм бросил взгляд на культю Ранда, но ничего не сказал. Он сцепил руки, вероятно не зная, куда их

деть. Тэму всегда было легче говорить о неприятных вещах, если он был занят каким-то делом — будь то починка упряжи или стрижка овец.

«О Свет», — подумал Ранд, чувствуя, как в нем нарастает желание крепко обнять Тэма. На юношу нахлынули воспоминания. Вот Тэм разгружает бочонки с бренди, которые он привез к Бэл Тайн в гостиницу «Винный ручей». Вот Тэм с наслаждением закуривает трубку. Вспомнились Ранду и терпение, и доброта Тэма. Неожиданно обнаружившийся у него меч с клеймом цапли. «Я так хорошо его знаю. И все же в последнее время так редко о нем думал».

— Как… — промолвил Ранд. — Тэм, как ты здесь оказался? Как ты меня нашел?

Тэм негромко хохотнул:

— Последние несколько дней ты без устали рассылаешь вестников по всем большим городам, призывая собирать армии на войну. По-моему, надо быть слепым, глухим и вдобавок напиться до бесчувствия, чтобы не сообразить, где тебя найти.

— Но я никого не посылал в Двуречье!

— А меня и не было в Двуречье, — отозвался Тэм. — Кое-кто из нас сражается вместе с Перрином.

«Ну конечно», — подумал Ранд. Должно быть, Найнив связалась с Перрином — перед глазами завертелись разноцветные пятна, — ведь она так волновалась за него и Мэта. Чего уж проще — Тэм, видать, с ней и прибыл.

Неужели этот разговор с Тэмом — на самом деле, а не во сне? Ранд давно отказался от мысли, что ему доведется снова побывать в Двуречье или что он вновь сможет повидаться с отцом. Это было так здорово, несмотря на всю неловкость. Морщин на лице у Тэма прибавилось, а несколько упрямых черных прядок в его волосах наконец-то сдались и уступили место серебру, но он был все тем же.

Вокруг Ранда изменилось так много людей — Мэт, Перрин, Эгвейн, Найнив. Это просто какое-то чудо — встретить кого-то из прошлой жизни, кто остался прежним. Тэм, человек, который научил Ранда искать пустоту. Тэм был подобен скале, казавшейся Ранду крепче и прочнее самой Твердыни.

Настроение Ранда слегка омрачилось.

— Постой-ка. У Перрина сражаются двуреченцы?

Тэм кивнул:

— Мы ему нужны. Парень так ловко ухитряется

равновесие удерживать — о канатоходце с такой сноровкой хозяину передвижного зверинца только и мечтать остается. Как он управился и с шончан, и с людьми пророка, не говоря уж о белоплащниках и королеве…

— Королеве? — спросил Ранд.

— Ага, — подтвердил Тэм. — Хоть она и говорит, что уже не королева. Мать Илэйн.

— Значит, она жива? — спросил Ранд.

— Жива, хотя белоплащников за это благодарить и не стоит, — не скрывая к тем неприязни, ответил Тэм.

— Она виделась с Илэйн? — спросил Ранд. — И ты сказал про белоплащников… Какое отношение они имеют к Перрину? — Тэм хотел было ответить, но Ранд поднял руку. — Нет. Погоди. Когда понадобится, я сам от Перрина доклад получу. Не хочу понапрасну тратить наше с тобой время.

Тэм слабо улыбнулся.

— Что? — спросил у него Ранд.

— Ох, сынок, — промолвил тот, качая головой. Тэм сложил перед собой крупные натруженные ладони. — Они и в самом деле это сделали. Взяли и сделали из тебя короля. Куда делся долговязый мальчишка, большими глазами глядевший на празднование Бэл Тайн? Где тот неуверенный

парнишка, которого я растил все эти годы?

— Он умер, — сразу же прозвучал ответ Ранда.

Тэм медленно кивнул:

— Вижу… Ты… тогда ты должен знать… что…

— Что ты не мой отец? — предположил Ранд.

Тэм, опустив взор, снова кивнул.

— Я знаю об этом с того дня, как покинул Эмондов Луг, — сказал ему Ранд. — Ты говорил об этом в бреду. Какое-то время я отказывался этому верить, но в конце концов меня убедили.

— Да, — согласился Тэм. — Понятно как. Я… — Он еще плотнее сцепил ладони. — Я никогда не хотел тебе лгать, сынок. Ох… наверное, мне не следует так тебя называть?

«Ты можешь называть меня сыном, — подумал Ранд. — Ведь ты — мой отец. Кто бы что ни говорил». Но он не сумел заставить себя произнести эти слова вслух.

У Дракона Возрожденного не может быть отца. Отец станет уязвимым местом, слабостью, которую можно обернуть против Ранда, и куда более действенно, чем привязанность к какой-нибудь женщине, например, Мин. Любовницы — это вполне понятно, и удивления они не вызывают. Но Дракон Возрожденный обязан быть воплощением мифов, существом почти столь

же величественным, как и сам Узор. Ранду и так непросто добиваться от людей повиновения. А что будет, если станет известно, что он держит в своей свите отца? Если узнают, что Дракон Возрожденный ищет опору в простом пастухе?

Тихий голос у него в душе уже не шептал, а кричал.

— Ты правильно поступил, Тэм, — сумел выдавить Ранд. — Скрыв от меня правду, ты, наверное, сохранил мне жизнь. Если бы люди знали, что я — приемыш, найденный аж на Драконовой горе… Ну, скорее всего, поползли бы слухи. Вероятно, до меня бы еще в детстве добрались подосланные убийцы.

— Ох, — вздохнул Тэм. — Что ж, тогда я рад, что так сделал.

Ранд снова взял ключ доступа — ощущение статуэтки в руке его заметно успокаивало — и поднялся. Тэм поспешно последовал его примеру — чем дальше, тем больше он начинал вести себя будто очередной слуга или придворный льстец.

— Ты сослужил великую службу, Тэм ал'Тор, — произнес Ранд. — Защитив и вырастив меня, ты возвестил приход новой эпохи. Мир перед тобой в долгу. Я позабочусь, чтобы до конца своей жизни ты ни в чем не нуждался.

— Покорно благодарю, милорд, — ответил ему Тэм. — Но в этом нет необходимости. У меня есть все, что нужно.

Он что, ухмылку прячет? Возможно, речь и в самом деле вышла чересчур напыщенной. В комнате ощущалась духота, и Ранд, пройдя по дорогому ковру, снова распахнул ведущие на балкон двери. Солнце и в самом деле село, и на город опустилась темнота. Ранд шагнул на балкон в ночь и приблизился к перилам — на него повеяло свежим океанским бризом.

Тэм вышел на балкон за ним.

— Прости, твой меч я потерял. — Ранд обнаружил, что говорит это вслух. Глупо.

— Да ничего, — отмахнулся Тэм. — Даже не знаю, заслужил ли я его вообще.

— А ты в самом деле был мастером клинка?

Тэм кивнул:

— Наверное. Я убил человека, который точно был мастером клинка, и случилось это при свидетелях. И хоть это надо было сделать, за то, что совершил, я себя так и не простил.

— То, что необходимо сделать, часто оказывается тем, чего мы меньше всего хотим делать.

— Истинная правда, если я хоть что-то в ней смыслю. — Тэм тихо вздохнул и оперся на бал-

конные перила. Во тьме внизу начали загораться окна. — Так странно. Мой мальчик — Дракон Возрожденный. Все эти сказания, легенды, что я слышал, пока странствовал по миру… и я стал их частью.

— А теперь представь, как я себя чувствую, — заметил Ранд.

Тэм тихо рассмеялся:

— Да. Да, уверен, ты-то уж точно понимаешь, о чем я говорю. Забавно, правда?

— Забавно? — Ранд покачал головой. — Нет. Совсем нет. Моя жизнь мне не принадлежит. Я — марионетка Узора и пророчеств и обречен плясать ради мира, прежде чем мои веревочки оборвут.

Тэм нахмурился:

— Но это не так, сынок. Э-э… милорд.

— Я не могу воспринимать это иначе.

Тэм скрестил руки на гладких перилах:

— Думаю, я могу понять. Помню, я и сам испытывал подобные чувства — в те дни, когда был солдатом. Ты ведь знаешь, что я сражался против Тира? Можно было бы ожидать, что во мне, когда я сюда пришел, пробудятся болезненные воспоминания. Но зачастую один враг похож на другого. И зла ни на кого я не держу.

Ранд поставил статуэтку на перила, хотя держал ее крепко. Он не стал опираться на ограждение — стоял, выпрямив спину.

— Солдату тоже не слишком-то приходится выбирать, как сложится его судьба, — промолвил Тэм, задумчиво постукивая пальцем по перилам. — Все решения принимают более важные люди. Такие, как… ну, полагаю, такие, как ты.

— Но за меня выбор делает сам Узор, — сказал Ранд. — У меня свободы еще меньше, чем у солдат. Ты мог сбежать, дезертировать. Или хотя бы уволиться под каким-то законным предлогом.

— А ты убежать не можешь? — спросил Тэм.

— Не думаю, что Узор меня отпустит, — ответил Ранд. — То, что я делаю, слишком важно. Он просто заставит меня вернуться. Так уже случалось много раз.

— А ты и вправду хотел убежать? — спросил Тэм.

Ранд не ответил.

— Я мог бы уйти, бросить все эти войны. Но в то же время и не мог. Иначе бы я предал того, кем я был. Думаю, и для тебя все так же. Для тебя важно, что ты можешь убежать, когда знаешь, что не станешь так делать?

— В конце концов мне суждено умереть, — ска-

зал Ранд. — И выбора у меня нет.

Хмурясь, Тэм выпрямился. В тот же миг Ранд почувствовал себя так, словно ему снова двенадцать лет.

— Не нравится мне такой разговор, — сказал Тэм. — Пусть ты и Дракон Возрожденный, подобного слушать я не желаю. У тебя всегда есть выбор. Наверное, ты и не выбираешь, куда тебя вынуждают идти, но выбор у тебя все же есть.

— Но как?

Тэм положил руку на плечо Ранда:

— Выбор не всегда заключается в том, *что* тебе делать, сынок. Бывает, надо решать, *почему* ты это делаешь. Ради чего. Когда я был солдатом, то среди нас были те, кто воевал просто ради денег. Были и другие, те, кто сражался из верности — верности своим товарищам, короне или чему-то еще. Один солдат умирает ради денег, а второй — из верности, и хотя погибают оба, между ними есть разница. Смерть одного что-то значила, а смерть другого — нет. Не знаю, правда ли, что ты должен умереть ради того, чтобы все это кончилось. Но оба мы знаем, что с пути ты не свернешь. Хоть ты и изменился, но я вижу, кое-что в тебе осталось прежним. Так что нытья я не потерплю.

— Да и не ныл я… — начал Ранд.

— Знаю, — сказал Тэм. — Короли не ноют, они размышляют.

Похоже, он кого-то цитировал, однако Ранд понятия не имел кого. Вдруг — вот странно — Тэм коротко рассмеялся.

— Не важно, — продолжил он. — Ранд, я думаю, что у тебя есть шанс все пережить. Не могу представить, чтобы Узор не дал тебе хоть немного покоя, учитывая ту службу, какую тебе суждено всем нам сослужить. Но ты солдат, который идет на войну, а самое первое, что уясняет для себя солдат, это то, что он может умереть. Возможно, и не ты выбрал тот долг, что возложен на тебя. Но почему ты исполняешь свой долг — решить это ты сам можешь. Почему ты идешь на битву, Ранд? Ради чего?

— Потому что должен.

— Не слишком хорошая причина, — заметил Тэм. — А-а, к воронам эту женщину! Где она раньше-то была!.. Если б я знал…

— Какую женщину?

— Кадсуане Седай, — ответил Тэм. — Она привела меня сюда, сказала, что мне нужно с тобой поговорить. Раньше я держался в стороне, потому как понимал, что меньше всего тебе нужен папенька, топчущий твои посевы!

Тэм продолжал говорить, но Ранд уже не слушал.

Кадсуане. Тэм пришел из-за Кадсуане. Не потому, что Тэм приметил Найнив и воспользовался подвернувшимся случаем. Не потому, что он просто захотел проведать сына. А потому, что его ловко вынудили прийти.

И что эта женщина никак не оставит Ранда в покое?!

Когда Ранд увидел Тэма, то на него нахлынули столь сильные чувства, что они растопили, смыли прочь лед. Большая любовь во многом подобна сильной ненависти. И то и другое заставляло Ранда чувствовать, а так рисковать он не мог.

А тут пришлось. И неожиданно чувства захватили его и едва не одолели. Он содрогнулся и отвернулся от Тэма. Неужели разговор отца с сыном был очередной игрой Кадсуане? Какую роль в ней играл Тэм?

— Ранд? — окликнул юношу Тэм. — Прости. Не стоило мне поминать Айз Седай. Она сказала, что ты, пожалуй, разозлишься, если я о ней упомяну.

— А что еще она сказала? — поинтересовался Ранд, вновь поворачиваясь к Тэму. Тот неуверенно отступил на шаг. По балкону дул ночной ветер, внизу мерцали городские огни.

— Ну, — ответил Тэм, — она сказала, что мне следует поговорить с тобой о юности, вспомнить о лучших временах. Она думала…

— Она мной манипулирует! — тихо произнес Ранд, глядя в глаза Тэму. — И тобой она манипулирует. Каждый старается меня за веревочки дергать!

Внутри вскипело бешенство. Ранд пытался его затолкать обратно, но это оказалось так сложно. Куда делся лед, покой? В отчаянии Ранд попытался обрести пустоту, погрузиться в нее. Попытался скормить все свои чувства пламени свечи, как когда-то давно учил его Тэм.

Там его ждала саидин. Бездумно Ранд ухватился за нее, и тотчас же его затопили все те чувства, от которых он, как полагал, избавился. Пустота дрогнула и раскололась, но каким-то образом саидин не исчезла и боролась с Рандом. Он вскрикнул, когда к горлу подступила тошнота, и, защищаясь, обратил против нее свой гнев.

— Ранд! — нахмурился Тэм. — Тебе следовало бы лучше понимать, что…

— МОЛЧИ! — проревел Ранд, потоком Воздуха швырнув Тэма на пол. Ранд вынужден был противостоять, с одной стороны, своему бешенству, а с другой — саидин. Они грозили сокрушить его,

раздавить между собой.

Вот почему ему нужно быть сильным. Неужели они не понимают? Как человек может смеяться, если ему надо противостоять силам, подобным этим?

— Я — Дракон Возрожденный! — проревел Ранд, обращаясь к саидин, к Тэму, к Кадсуане, к самому Создателю. — Я не буду игрушкой в ваших руках! — Он указал отпирающим ключом на отца. Тэм лежал на каменном полу балкона. — Ты явился от Кадсуане, притворяясь, будто я тебе не безразличен. Но ты, размотав одну из ее веревочек, собирался завязать ее на моей шее! Неужели я не могу от всех вас освободиться?

Он утратил контроль над собой. Но ему было плевать. Хотят, чтобы он чувствовал. Ну, тогда он будет чувствовать! Хотят, чтобы он смеялся? Ладно, уж он посмеется, когда они сгорят!

Обрушивая на всех них вопли и крики, Ранд сплел пряди Воздуха и Огня. Льюс Тэрин завывал у него в голове, саидин пыталась уничтожить их обоих, а тихий голосок в душе Ранда пропал.

Перед Рандом, вырвавшись из центра отпирающего ключа, разгорался лучик света. Перед ним кружились плетения для погибельного огня, и, по мере того как Ранд зачерпывал все больше мощи,

сфера на ключе доступа сияла все ярче.

В этом свете Ранд увидел лицо отца — тот смотрел на него.

С неописуемым ужасом.

«Что я делаю?»

Ранда начала бить дрожь, и плетения погибельного огня расплелись прежде, чем он успел пустить его в ход. Он испуганно отшатнулся.

«Что я ДЕЛАЮ?» — вновь подумал Ранд.

«Не более того, что я уже совершал раньше», — прошептал Льюс Тэрин.

Тэм продолжал смотреть на Ранда, и его лицо было скрыто ночными тенями.

«О-о Свет, — с ужасом подумал Ранд, потрясенный и разгневанный. — Я опять так делаю. Я — чудовище».

По-прежнему удерживая саидин, Ранд сплел переходные врата, открывшиеся в Эбу Дар, и нырнул в портал, убегая от ужаса, который он видел в глазах Тэма.

Глава 48
Читая «Пояснения»

Мин сидела в маленькой комнатке Кадсуане, ожидая вместе с прочими, чем окончится встреча Ранда с отцом. Огонь, едва горевший в камине, и установленные по углам комнаты лампы отбрасывали отсветы на занятых делом женщин — кто вышивал, кто штопал, а кто вязал, — все старались на чем-то сосредоточиться, лишь бы отвлечься от ожидания.

Мин уже перестала жалеть о своем решении заключить союз с Кадсуане. Сожаления она испытывала в первые дни, когда Кадсуане держала Мин при себе, расспрашивая о каждом видении, что девушка замечала вокруг Ранда. Дотошностью и въедливостью эта женщина была под стать Коричневым и тщательно записывала все видения и ответы Мин. Та будто снова в Белой Башне оказалась!

Кадсуане с такой настойчивостью расспрашивала Мин, что девушка никак в толк не могла взять, почему Айз Седай сочла, что имеет право так себя вести. Неужто потому, что Кадсуане

подчинилась Найнив? Если же ко всему этому добавить ту неловкость, которую Мин в последнее время стала чувствовать, оказываясь рядом с Рандом, и ее собственное желание выяснить, что же затевают Кадсуане и Хранительницы Мудрости, то вот и получалось, что с Кадсуане девушка проводила практически все свое время.

Да, сожаления пришли — и ушли, оставив Мин смирившейся и испытывающей легкое чувство разочарования. Кадсуане было известно довольно многое из того, что Мин вычитала в старых книгах, вот только делилась своими познаниями эта женщина весьма скупо, все равно что вареньем из морошки, — понемножку, по ложечке, в награду за хорошее поведение, никогда не забывая намекнуть, что еще много лакомства осталось. Потому-то Мин до сих пор и не сбежала от Кадсуане.

Она должна найти ответы. Они нужны Ранду.

С этими мыслями Мин, сидевшая на мягкой скамейке, привалилась спиной к стене и снова открыла книгу, которую читала и перечитывала в последнее время: сочинение Саджиуса, без затей озаглавленное «Пояснения о Драконе». Из этой книги девушку особенно заинтересовала одна строка, на которую авторы всевозможных

комментариев по большей части не обращали внимания. «Клинок света будет в руках у него, и трое станут одним».

Толкователи считали это предложение слишком непонятным, мало поддающимся интерпретации по сравнению с другими отрывками, например с теми, где говорилось о Ранде, захватывающем Твердыню Тира, или о том, что крови Ранда суждено пролиться на скалы Шайол Гул.

О последнем пророчестве Мин старалась не вспоминать. Важно то, что многие пророчества — если о них немного головой подумать — в общем-то, имели некий смысл. Даже — как теперь стало ясно — строки о том, что Ранд будет отмечен драконами и цаплями.

Но это предложение? Почти наверняка с «клинком света» можно соотнести Калландор. Но что означает «трое станут одним»? Отдельные ученые мужи полагали, что слово «трое» относится к трем великим городам — Тиру, Иллиану и Кэймлину. Или же, если автор толкований был родом из Кайриэна, к Тиру, Иллиану и Кайриэну. Неувязка же состояла в том, что Ранд объединил не только три эти города, а гораздо больше. Помимо них, он завоевал еще Бандар Эбан, не говоря о том, что ему нужно также поставить под свои

знамена и порубежников.

Однако Ранд правил — или был близок к этому — тремя королевствами. Он отказался от Андора, но Кайриэн, Иллиан и Тир находились под его непосредственной властью, пусть даже сам Ранд и носил всего одну корону. Возможно, в столь заинтриговавшем Мин отрывке из книги говорилось именно об этом, и умозаключения ученых-книжников верны, а Мин гоняется за тем, чего нет.

Были ли изыскания Мин столь же бесполезны, как и защита, которую девушка думала предложить Ранду? «Мин, — сказала она себе, — жалость к себе ни к чему не приведет». Все, что она сейчас могла, так это изучать, размышлять и надеяться.

— Это неправильно. — Мин сообразила, что произнесла эти слова вслух.

Услышав ироничное фырканье Белдейн с противоположной стороны комнаты, девушка нахмурилась и подняла голову.

Женщины, которые принесли Ранду клятву верности — Эриан, Несан и Белдейн, — обнаружили, что Ранд, с тех пор как он стал меньше доверять Айз Седай, оказывает им более прохладный прием. Найнив была единственной из Айз Седай, кого Ранд более или менее регулярно допускал

к себе. Неудивительно поэтому, что остальные отыскали дорожку в «лагерь» Кадсуане.

А как насчет взаимоотношений с Рандом самой Мин? Ее принимали по-прежнему радушно; в этом ничего не изменилось. Но что-то было не так, что-то оборвалось. Когда Мин оказывалась рядом, Ранд возводил вокруг себя стены — не для того, чтобы ее не впускать, а для того, чтобы удерживать в них настоящего себя. Словно бы он боится того, что этот настоящий он сделает — или может сделать — с теми, кого он любит…

«Он опять испытывает боль, — подумала Мин, ощущая Ранда через связывающие их узы. — Столько ярости». Что там происходит? Девушка ощутила укол страха, но подавила это чувство. Она должна довериться плану Кадсуане. Это хороший план.

Кореле и Мериса, в последние дни ставшие постоянными компаньонками Кадсуане, продолжали рукодельничать, сидя у камина в одинаковых креслах. Кадсуане предложила им это занятие, чтобы хоть чем-то отвлечься на время ожидания. Судя по всему, древняя Айз Седай редко делала что-либо без того, чтобы не преподать другим какой-то урок.

Из Айз Седай, поклявшихся в верности Ранду, в

комнате присутствовала одна Белдейн. Кадсуане сидела рядом с Мин и читала свою книгу. Найнив мерила комнату шагами, изредка подергивая себя за косу. Никто не нарушал напряженной тишины, повисшей в комнате.

О чем разговаривают Ранд с Тэмом? Удастся ли отцу Ранда на него как-то повлиять?

В комнате было тесно. Три кресла на ковре возле камина, скамейка вдоль стены и Найнив, вышагивающая туда-сюда возле двери, как пятнистая гончая, — свободного места почти не осталось. Из-за гладких каменных стен возникало ощущение, будто тебя засунули в сундук. Единственное имевшееся в комнате окно, за спиной Кадсуане, было открыто, и в него проникал ночной воздух. Свет исходил от углей в камине и ламп. Было слышно, как в соседней комнате, куда вела внутренняя дверь, тихо переговаривались Стражи.

Да, было тесно, но, учитывая то, что Кадсуане отправили в изгнание, ей еще повезло, что в Твердыне для нее вообще нашлась комната.

Мин вздохнула и вновь вернулась к своей книге. И та же фраза в «Пояснениях о Драконе» опять привлекла ее внимание. «Клинок света будет в руках у него, и трое станут одним». Что

это значит?

— Кадсуане, — промолвила девушка, указывая на строку в книге, — по-моему, толкование этой фразы неверно.

И опять Белдейн тихо — практически неслышно — пренебрежительно фыркнула.

— Белдейн, ты хочешь что-то сказать? — поинтересовалась Кадсуане, не поднимая взгляда от страниц своей книги, имевшей название «Надлежащее приручение Силы».

— Не слишком много, Кадсуане Седай, — беспечно отозвалась та. Лицо Зеленой сестры, выдававшее ее салдэйское происхождение, можно было назвать миловидным. Она была довольно молода, чтобы не выглядеть безвозрастной, и частенько слишком уж старалась показать себя.

— Когда Мин высказалась, тебе, Белдейн, определенно пришла в голову какая-то мысль, — с настойчивостью в голосе отозвалась, переворачивая страницу, Кадсуане. — Так поделись ею.

Белдейн чуть покраснела — такие вещи научишься замечать, если много времени проводишь с Айз Седай. Как ни крути, чувства свои они все-таки проявляют, просто признаки этого почти незаметны. Разумеется, если речь не идет о Найнив. Хоть со своим темпераментом она справ-

ляется все лучше, но все равно… ну все равно она оставалась Найнив.

— Я просто подумала, — сказала Белдейн, — как забавно выглядит это дитя, когда с видом завзятого ученого-книжника копается в тех фолиантах.

От кого-то другого подобные слова Мин восприняла бы как вызов, однако в устах Белдейн они прозвучали как простая констатация факта.

Кадсуане перевернула еще одну страницу:

— Понятно. Мин, что ты мне говорила?

— Да так, Кадсуане Седай, ничего важного.

— Я не спрашивала, дитя мое, важно ли это, — строго произнесла Кадсуане. — Я попросила тебя повторить. Выкладывай.

Мин вздохнула. Никому не удавалось унижать других словами столь же успешно, как это делали Айз Седай, так как в их речах нет злобы. Как-то Морейн доходчиво объяснила Мин, почему те так поступают: большинство Айз Седай считают необходимым установить контроль над ситуацией еще тогда, когда дело не дошло до открытого столкновения, и если кризис все же случится, то людям уже понятно, к кому обращаться за помощью.

Что не могло не раздражать Мин.

— Я сказала, — повторила Мин, — что этот

отрывок неверен. Я читаю комментарии к «Кариатонскому циклу». Саджиус утверждает, будто строка, где говорится о трех, которые станут одним, относится к объединению трех королевств под стягом Дракона. Но я думаю, что он ошибается.

— И почему ты считаешь, — промолвила Кадсуане, — что знаешь больше, чем уважаемый книжник, изучавший пророчества?

— А потому, — ощетинилась Мин. — Его теория лишена смысла. На самом деле у Ранда есть лишь одна корона. Если бы он не передал Тир Дарлину, тогда еще можно было бы всерьез поспорить. Но теперь теория ни на чем не основана. Думаю, здесь речь идет о каком-то способе использования им Калландора.

— Понятно, — заметила Кадсуане, перелистывая очередную страницу своей книги. — Весьма нетрадиционное толкование.

Белдейн тонко улыбнулась, возвращаясь к вышиванию.

— Конечно же, — добавила Кадсуане, — ты права.

Мин подняла взгляд.

— Именно эти строки заставили меня заняться изучением Калландора, — продолжила Кадсу-

ане. — После долгих разысканий я обнаружила, что меч может быть должным образом применен только в круге из трех человек. По всей вероятности, это и является окончательным истолкованием указанного предложения.

— Но значит, Ранду, чтобы использовать Калландор, необходимо соединиться с кем-то в круг, — сказала Мин, вновь глядя на строку, о которой шла речь. Насколько она понимала, так Ранд никогда не поступит.

— Несомненно.

Мин ощутила внезапное волнение. Возможно, вот она, подсказка. Что-то такое, чего Ранд не знает, то, что может ему помочь! Разве только… Кадсуане об этом уже известно. Выходит, Мин так и не обнаружила ничего по-настоящему важного.

— Я думаю, — сказала Кадсуане, — что заслуги следует признавать. Да и дурные манеры, в конце концов, терпеть не следует.

Помрачневшая Белдейн подняла глаза от вышивки, а потом неожиданно встала и покинула комнату. Из соседней комнаты тотчас же вышел ее Страж, юный солдат-Аша'ман Карлдин; миновав комнату, где сидели Айз Седай, он последовал за Белдейн в коридор. Кадсуане фыркнула и снова

вернулась к чтению.

Дверь закрылась, и Найнив, бросив взгляд на Мин, продолжила нервно расхаживать по комнате. Мин многое прочла в этом взгляде. Найнив раздражало то, что никто больше не выглядел взвинченным. Была недовольна она и тем, что им не удалось найти способ подслушать беседу Тэма с Рандом. А еще она наверняка боялась за Лана. Мин хорошо ее понимала. То же самое сама она чувствовала по отношению к Ранду.

И… что это за видение вдруг возникло над головой Найнив? Она стоит на коленях возле чьего-то мертвого тела, и вся ее поза выражает скорбь. Через миг видение исчезло.

Мин покачала головой. Такого рода видения девушка истолковать не могла, так что не стала о нем надолго задумываться. Нельзя тратить время на то, чтобы пытаться разгадать все образы, которые предстают перед ней. Например, черный нож, который недавно крутился вокруг головы Белдейн, мог означать что угодно.

Девушка сосредоточилась на книге. Итак… Значит, Ранд должен использовать Калландор, став частью круга из трех человек? Трое, становящиеся одним? Но по какой причине и с кем именно ему надо соединяться в круг? Если Ранду суждено

сразиться с Темным, то какой ему смысл вступать в круг с кем-то, при этом отдавая контроль над кругом кому-то другому? Или все же смысл есть?

— Кадсуане! — сказала Мин. — Все равно как-то неясно. Здесь есть еще что-то. Нечто, чего мы не обнаружили.

— Ты о Калландоре? — спросила Зеленая сестра.

Мин кивнула.

— Я тоже это подозреваю, — согласилась Кадсуане. Так непривычно было видеть ее откровенной! — Но я не сумела определить, что именно. Если бы только глупый мальчишка отменил решение о моем изгнании, можно было бы перейти к более важным…

Дверь в комнату Кадсуане с грохотом распахнулась, отчего Мин испуганно вздрогнула. Найнив едва не зашибло дверью — она вовремя отскочила в сторону.

На пороге стоял очень рассерженный Тэм ал'Тор. Он смотрел на Кадсуане, яростно сверкая глазами.

— Что вы с ним сделали? — гневно спросил он.

Кадсуане отложила книгу:

— Я с мальчиком ничего не делала. Только пыталась добиться, чтобы он вел себя повежливее.

Как видно, и другим членам его семьи не худо было бы манерам поучиться.

— За своими словами следи, Айз Седай, — прорычал Тэм. — Ты его видела? Едва он вошел, как во всей комнате будто темнее стало. А лицо? Да у мертвецов в глазах больше чувств! Что случилось с моим сыном?

— Понимаю так, — сказала Кадсуане, — что, несмотря на все надежды, воссоединение не помогло?

Тэм сделал глубокий вдох, и внезапно ярость его покинула. Глаза его сверкали, он все еще был недоволен и настроен решительно, но гнев исчез. Мин доводилось видеть, как так же быстро Ранд обретал над собой контроль — пока в Бандар Эбане все не пошло наперекосяк.

— Он пытался убить меня, — ровным голосом произнес Тэм. — Мой сын. Когда-то он был добрым и преданным — таким, каким отец желал бы видеть своего сына. А сегодня вечером он направил Единую Силу и обратил ее против меня.

Мин, охваченная паническим ужасом, прижала ладони к губам. Слова Тэма вызвали у нее в памяти образ Ранда, страшно нависшего над ней, пытающегося ее убить.

Но то был не он! Это была Семираг. Верно

ведь?

«О-о, Ранд, — подумала девушка, понимая теперь ту боль, которую она ощутила через узы. — Что ты натворил?»

— Любопытно, — произнесла Кадсуане холодным тоном. — А сказал ли ты те слова, что я для тебя приготовила?

— Начал было говорить, — ответил Тэм, — но понял, что они не подействуют. Душу передо мной он раскрывать не спешил, да и с чего бы? Надо же придумать, мужчине с собственным сыном разговор вести по росписи и указке Айз Седай! Не знаю, что ты с ним сотворила, женщина, но ненависть я еще распознать способен. Тебе многое придется объяснить…

Он осекся, когда его внезапно вздернули в воздух невидимые руки.

— Не припоминаешь, мальчик, что я там говорила о вежливости? — спросила Кадсуане.

— Кадсуане! — воскликнула Найнив. — Вовсе незачем…

— Все в порядке, Мудрая, — сказал Тэм, глядя на Кадсуане.

Мин уже доводилось видеть, как Зеленая сестра обращается с людьми подобным образом — в том числе и с Рандом. Тот всегда становился еще

больше недовольным, а прочие, на ком Кадсуане опробовала свои методы, готовы были орать и вопить.

Тэм смотрел прямо в глаза Айз Седай.

— Знавал я людей, — промолвил он, — которые привыкли в сложных ситуациях кулаками искать ответа. Айз Седай мне никогда не нравились, и я был счастлив, когда, вернувшись на ферму, избавился от их общества. Задира всегда остается задирой, и не важно, что он в ход пускает — кулаки или что-то иное.

Кадсуане фыркнула, но опустила Тэма на пол; видимо, его слова Айз Седай все-таки задели.

— А теперь, — заговорила Найнив, как будто это она разрядила обстановку, — может, мы вернемся к чему-то по-настоящему важному? Уж от кого, Тэм ал'Тор, а от тебя я такого не ожидала. Я-то полагала, что ты справишься лучше. Разве мы не предупреждали тебя, что Ранд стал неуравновешен?

— Неуравновешен? — переспросил Тэм. — Найнив, да мальчик на грани безумия. Что с ним стряслось? Я знаю, что с человеком могут сделать война и сражения, но…

— Это несущественно, — вмешалась Кадсуане. — Понимаешь, дитя мое, что это, наверное,

была наша последняя возможность спасти твоего сына?

— Если бы мне объяснили, как он к вам относится, все могло обернуться иначе, — заявил Тэм. — Чтоб мне сгореть! Вот что получается, если слушать Айз Седай.

— Вот что получается, если у кого-то шерсть в башке и он не слушает, что ему говорят! — оборвала его Найнив.

— Вот что у нас всех получается, — сказала Мин, — когда мы думаем, будто можем заставить его делать то, что нам надо.

В комнате воцарилась тишина.

И Мин внезапно осознала, что чувствует Ранда через узы. Где-то далеко-далеко, на западе.

— Он ушел, — прошептала девушка.

— Да, — со вздохом ответил Тэм. — Он открыл эти врата прямо на балконе. Оставил меня в живых, хотя, клянусь, по его глазам я видел, что он хочет меня убить. Раньше мне доводилось видеть у мужчин такой взгляд, и дело кончалось тем, что кто-то из нас двоих лежал, истекая кровью, на полу.

— И что же произошло? — спросила Найнив.

— Его… как будто что-то вдруг… отвлекло, — сказал Тэм. — Он схватил ту маленькую статуэтку

и бросился во врата.

Кадсуане приподняла бровь:

— А не заметил ли ты, случаем, куда вели переходные врата?

«На запад, — подумала Мин. — Далеко на запад».

— Я не уверен, — промолвил Тэм. — Там темно было, но, по-моему…

— Ну что? — поторопила его Найнив.

— Эбу Дар, — сказала Мин, удивив всех. — Он ушел, чтобы уничтожить шончан. Как и сказал Девам.

— Об этом я ничего не знаю, — сказал Тэм. — Но то место и вправду походило на Эбу Дар.

— Да обережет нас Свет, — прошептала Кореле.

Глава 49
Другой человек

Ранд шел, опустив голову и сунув изувеченную руку в карман куртки. Ключ доступа, надежно завернутый в белую льняную тряпицу, был закреплен в петле на поясе сбоку. На Ранда никто не обращал внимания — еще один человек, идущий по улицам Эбу Дар. Ничего особенного, разве что ростом повыше многих. А рыжевато-золотистыми волосами он, возможно, обязан доле айильской крови. Впрочем, с недавних пор город наводнил всякий-разный народ, устремившийся сюда под защиту шончан. Подумаешь, одним больше.

Если человек не обладает способностью направлять Силу, то он или она могли обрести здесь пристанище. Спокойное и безопасное.

Это обстоятельство беспокоило Ранда. Шончан были его врагами. Они были завоевателями. Ранд думал, что на занятых шончан землях не может быть мира и спокойствия. Там, под гнетом деспотической власти, должны царить ужас и страдание. Но такого и в помине не было.

Если только ты не способен направлять Силу. То, что шончан делали с такими людьми, ужасало. Для них за этой видимостью благополучия и счастья все было не столь замечательно. И тем не менее Ранд испытал немалое потрясение, осознав, как хорошо шончан обращались с остальным населением.

Возле стен города расположились в своих лагерях большие таборы Лудильщиков. Скопления фургонов, неделями остававшиеся на месте, уже казались деревеньками. Проходя между костров и фургонов, Ранд слышал обрывки разговоров, и ему стало ясно, что кое-кто подумывает, не осесть ли им здесь. Многие, разумеется, возражали… Они же Лудильщики, Странствующий народ. Как они найдут Песню, если не будут ее искать? Ведь стремление к этой цели — неотъемлемая часть их души, как и Путь листа.

Прошлую ночь Ранд провел в одном из лагерей Лудильщиков и, сидя возле костра, слушал разговоры его обитателей. Лудильщики приняли и накормили его, ни разу не спросив, кто он такой. Глядя на пламя костра, пока тот не прогорел до углей, Ранд старательно прятал от гостеприимных хозяев свой знак Дракона на руке. Отпирающий ключ был поглубже засунут в карман куртки.

В самом Эбу Дар он раньше никогда не бывал; только раз ему случилось оказаться на холмах к северу от города, где он с Калландором сражался против шончан. На том месте его постигла неудача. И вот он вернулся в Алтару. Но зачем?

Утром, едва распахнулись городские ворота, Ранд вступил в Эбу Дар вместе с остальными путниками, которые пришли к городу еще с ночи. До рассвета им всем дали приют Лудильщики; по-видимому, съестными припасами для припозднившихся путников Туата'ан обеспечивали шончан. Лудильщики не только предоставляли кров и пищу странникам, но и много чего еще делали. Они чинили котлы, шили форменную одежду и выполняли целую кучу всякой другой работы. За это, впервые за свою долгую историю, Странствующий народ обрел защиту и покровительство властей предержащих.

Ранд немало времени провел среди Айил и успел немного заразиться от них пренебрежительным отношением к Лудильщикам. Однако этому налету презрения приходилось бороться с обретенным Рандом знанием того, что Туата'ан во многих отношениях следовали более истинным, исконным, традициям и обычаям Айил. Ранд был в состоянии припомнить, на что походила жизнь

прежних Айил. В видениях Руидина он следовал Пути листа. К тому же он видел Эпоху легенд. Он прожил эти жизни — жизни других людей, — пускай и за несколько кратких мгновений.

Юноша шагал по многолюдным улицам города, через его влажную духоту, до сих пор так и не оправившись от шока. Минувшей ночью Ранд сменял у Лудильщика свой ладный черный кафтан на обыкновенный коричневый плащ, обтрепанный понизу и местами заштопанный. Одежка была не из тех, что обычно носят люди из Странствующего народа, просто плащ кто-то оставил Лудильщику зашить, да так за ним и не вернулся. В этом плаще Ранд был не так заметен, пусть даже и пришлось тащить отпирающий ключ в петле на поясе, а не упрятанным в глубоком кармане. Лудильщик вручил Ранду и дорожный посох, на который Ранд, слегка горбясь, опирался при ходьбе. Своим ростом он мог обратить на себя внимание, а Ранду хотелось оставаться для окружающих неприметным.

Он чуть не убил своего отца. Его не принуждали к этому ни Семираг, ни охваченный приступом безумия Льюс Тэрин. Его поступку не было никаких оправданий. Никакого прощения. Он, Ранд ал'Тор, пытался убить собственного отца. Он

зачерпнул Единую Силу, создал плетения и едва не пустил их в ход.

Ярость схлынула, сменившись отвращением к себе. Он хотел стать твердым. Ему нужно было быть твердым. И вот куда завело его стремление к твердости. Свои злодеяния Льюс Тэрин мог оправдывать безумием. У Ранда такой возможности не было — от себя самого ни спрятаться, ни убежать.

Эбу Дар. Оживленный, разросшийся город, разделенный надвое широкой рекой. Ранд шел по западной его половине, через площади, окруженные красивыми статуями, по улицам с нескончаемыми рядами белых домов, по большей части в несколько этажей в высоту. Нередко ему встречались дерущиеся на кулаках или на ножах мужчины, и разнимать их никто и не думал. Даже женщины носили ножи — украшенные драгоценными камнями ножны, свисая с шеи, покоились в глубоких вырезах платьев с разноцветными нижними юбками.

Ранд же не обращал ни на кого внимания и размышлял о Лудильщиках. Здесь им ничего не угрожало, а в империи Ранда даже его собственный отец мог оказаться в опасности. Друзья Ранда боялись его — он видел испуг в глазах Найнив.

Местные жители не испытывали страха. Шагавшим через толпу шончанским офицерам в характерных шлемах, напоминавших головы насекомых, люди уступали дорогу лишь из почтения. Из услышанных краем уха разговоров горожан Ранд понял, что обыватели рады порядку и стабильности. Да они едва ли не превозносили шончан за то, что те их завоевали!

Ранд миновал переброшенный через канал небольшой мостик. По воде лениво проплывали маленькие лодки, лодочники громко приветствовали друг друга. Похоже, город застраивался беспорядочно, без всякой планировки: там, где Ранд ожидал увидеть жилые дома, обнаруживались лавки, причем с соседних прилавков могли торговать самым разным товаром. В большинстве же других городов лавки, где продавался схожий товар, обычно располагались вместе, рядом друг с другом, а не были разбросаны по разным кварталам. Оказавшись на другой стороне моста, Ранд прошел мимо высокого белого особняка, сразу за которым обнаружилась таверна.

На какой-то улице мужчина в ярком шелковом жилете случайно налетел на Ранда и потом долго рассыпался в извинениях, цветистых и чересчур вежливых. Ранд поспешил уйти прочь, пока муж-

чине не вздумалось затеять с ним дуэль.

Угнетенным народ не выглядел. Незаметно было и скрытого недовольства. Шончан власть в Эбу Дар удерживали куда крепче, чем Ранд в Бандар Эбане, а правление их было лучше, и здешний люд был доволен — горожане, пожалуй, даже процветали! Конечно, сильным королевством Алтара никогда не была. От своих наставников Ранд знал, что далеко за городские пределы власть короны не распространялась. Вообще-то, подобное можно было сказать и в отношении прочих захваченных шончан земель. Тарабон, Амадиция, равнина Алмот. Где-то положение было более устойчивым, чем в Алтаре, где-то ситуация выглядела похуже, однако везде люди хотели жить спокойно и без страха, не опасаясь за завтрашний день.

Остановившись, Ранд прислонился к белой стене — на сей раз это оказалась мастерская ковочного кузнеца. Юноша приложил культю к голове, силясь разобраться со своими мыслями.

Он не хотел думать о том, что чуть было не натворил в Твердыне. Не хотел даже вспоминать, что наделал: как, сплетя потоки Воздуха, швырнул ими Тэма на пол, как угрожал ему, как кричал и неистовствовал.

Ранду нельзя сосредоточиваться на этом. В Эбу Дар он явился не за тем, чтобы пялиться вокруг, как какой-то деревенский мальчишка. Он явился сюда, дабы уничтожить своих врагов! Они бросили ему вызов; они должны быть уничтожены. Во имя блага всех народов.

Но если с помощью ключа доступа он зачерпнет такое количество Силы, то какие это вызовет разрушения? Сколько жизней он тем самым прервет? И не зажжет ли просто-напросто сигнальный огонь для Отрекшихся, как то случилось при очищении саидин?

«Пусть приходят». Ранд выпрямился. Ему по силам их уничтожить.

Пора начать атаку. Пора выжечь шончан с лица земли. Он отставил посох в сторону и вытащил отпирающий ключ из петли на поясе, однако не сумел заставить себя развернуть льняную тряпицу. Какое-то время Ранд смотрел на сверток у себя в руке, затем двинулся дальше, позабыв про посох. Ему было странно чувствовать себя чужестранцем в незнакомом городе. Мимо горожан шел Дракон Возрожденный, а они об этом и не ведали; никто не знал его. Для них Ранд ал'Тор был где-то далеко. И важна ли Последняя битва по сравнению с тем, довезут ли они своих кур

до рынка, оправится ли сын от кашля, окажется ли по карману такая желанная обновка — яркий шелковый жилет.

О Ранде они узнают только тогда, когда он уничтожит их.

«Это будет милость, — прошептал Льюс Тэрин. — Смерть — всегда милость». Речи безумца были уже не такими сумасшедшими, какими казались раньше. В действительности голос его звучал теперь ужасно похоже на голос самого Ранда.

На середине очередного моста Ранд остановился, рассматривая громадину высокого, вознесшегося на четыре этажа белоснежного дворца. Основания всех четырех куполов опоясывали золотые кольца, еще больше золота сияло на кончиках многочисленных шпилей. В этом дворце разместились правители шончан. Там, вместе с шончанским двором, могла находиться и Дочь Девяти Лун. Этим стенам Ранд способен придать чистоту, какой они никогда не знали, чистоту совершенства. В каком-то отношении здание обретет завершенный вид — на миг перед тем, как исчезнуть в небытии.

Ранд развернул отпирающий ключ — просто еще один чужеземец, остановившийся на

нечистом, в пятнах грязи, мосту. После уничтожения дворца действовать надо будет быстро. Несколькими зарядами погибельного огня нужно уничтожить корабли в гавани, затем следует применить нечто обыденное, чтобы обрушить огненный дождь на сам город, повергнув его в панический ужас. Воцарившийся хаос отсрочит ответ его врагов. После этого Ранд намеревался Переместиться к казармам возле городских ворот и уничтожить гарнизон. Он смутно припоминал, что в докладах разведчиков говорилось о лагерях, расположенных к северу от города. Туда свезены большие запасы снаряжения и продовольствия, и их охранял сильный воинский контингент. Затем Ранд уничтожит и эти склады.

После этого он отправится в Амадор, потом в Танчико и в другие места. Перемещаться необходимо быстро, нигде надолго не задерживаясь, чтобы его не настигли Отрекшиеся. Словно мерцающий огонек смерти, словно тлеющий уголек, то вспыхивающий, то гаснущий, он будет появляться то здесь, то там. Многим суждено погибнуть, но большинство из них будут шончанами. Захватчиками.

Ранд пристально смотрел на отпирающий ключ. Затем ухватился за саидин.

Дурнота накатила мощнее, чем когда-либо прежде, — на него словно бы по-настоящему обрушился реальный удар. В сильнейшем приступе тошноты он свалился наземь. Ранд закричал, даже не замечая, что при падении ударился о камни моста. Он застонал, крепко стискивая отпирающий ключ и прижимая его к себе. Казалось, внутренности жжет огнем. Ранд повернул голову, перекатился на бок, и его вырвало на мостовую.

Но саидин он не отпустил. Сила нужна ему. О, эта изобильная, прекрасная сила. Когда он преисполнен подобной силы, то даже вонь собственной рвоты казалась ему более реальной, более сладостной.

Ранд открыл глаза. Окружившие его прохожие смотрели с беспокойством и тревогой. Приближался шончанский патруль. Самое время. Пора. Нужно ударить.

Но он не мог. Эти люди выглядели такими озабоченными. Такими небезразличными и участливыми. Их волновало, что с ним случилось.

Вскричав от отчаяния, Ранд создал переходные врата, заставив отступить потрясенных горожан. Юноша поднялся и, как смог, чуть ли не на четвереньках, едва не упав снова, кинулся в

открывшийся проем врат. А к мосту, выкрикивая какие-то непонятные слова и вытаскивая мечи, уже спешили шончанские солдаты.

Ранд приземлился на большой каменный черно-белый диск; со всех сторон его окружали пустота и тьма. Портал сомкнулся, оставив Эбу Дар далеко за спиной. Диск пришел в движение. Он поплыл сквозь пустоту, озаренный каким-то странным, непонятно откуда идущим светом. Ранд скрючился на диске, тяжело дыша и бережно прижимая к груди отпирающий ключ.

«Почему я не могу быть таким сильным? — Ранд не знал, у кого возникла эта мысль — у него или у Льюса Тэрина. Они вдвоем стали едины. — Почему мне не под силу сделать то, что я должен?»

Черно-белый диск двигался недолго, в черной пустоте слышался лишь один-единственный звук — дыхание самого Ранда. Диск выглядел точь-в-точь как одна из печатей, наложенных на узилище Темного: черный и белый цвета разделяла посередине волнистая линия. Ранд лежал прямо на этой линии. Черную половину называли Клыком Дракона. В глазах людей он символизировал зло. Разрушение и гибель.

Но Ранд был неизбежным разрушением. Зачем Узору так настойчиво направлять его, если ему

не нужно разрушение? Поначалу Ранд пытался вообще не убивать, но шансов на это было крайне мало. Потом он зарекся убивать женщин. Это оказалось невозможным.

Он сам — разрушение и гибель. Ему просто-напросто нужно это принять и смириться. Кто-то же должен быть настолько тверд, чтобы совершить то, что необходимо.

Переходные врата раскрылись, и Ранд, пошатываясь, поднялся на ноги. Он крепко прижимал к себе ключ доступа. С платформы Скольжения Ранд ступил на пустой луг. То самое место, где он с Калландором в руке сражался против шончан. И потерпел поражение.

Глубоко и размеренно дыша, Ранд долго разглядывал луг, а затем выплел новые переходные врата, которые вели на заснеженное поле. Ледяной ветер обрушил на Ранда свои порывы. Он шагнул через проем — снег заскрипел под сапогами — и закрыл за собой врата.

Здесь перед ним распростерся весь мир.

«Почему мы сюда пришли?» — подумал Ранд.

«Потому, — ответил Ранд. — Потому что мы это создали. Именно здесь мы умерли».

Он стоял на самой вершине Драконовой горы — одинокого пика, вознесшегося там, где три

тысячи лет тому назад Льюс Тэрин убил себя. В одном месте на склоне Ранд мог бросить взгляд на сотни футов вниз — здесь в горе зиял чудовищный разлом, открывавшийся в жуткую бездну. Расселина была огромной — намного большей, чем казалась сбоку. Широкий овал багрового, полыхающего, текучего камня. Кусок горы как будто вырвали напрочь: вершина по-прежнему вздымалась в небеса, но части склона сбоку просто-напросто не было.

Ранд недвижным взглядом смотрел в бурлящую бездну. Все равно что заглядывать в пасть зверя. Снизу его обдавало обжигающим жаром, и в небо, кружась в горячих вихрях, взлетали хлопья пепла.

Сумеречно-серое небо над головой Ранда было затянуто тучами. Столь же далекой отсюда казалась и земля; еле видная отсюда, она походила на пестрое лоскутное одеяло. Там зеленая заплата — это лес. А вон протянулся шов — это река. На реке, к востоку, Ранд заметил маленькое пятнышко — точно плывущий лист, подхваченный крошечным ручейком. Тар Валон.

Ранд сел, и снег захрустел под тяжестью его тела. Поставив ключ доступа на сугроб перед собой, он, чтобы не замерзнуть, сплел вокруг потоки

Воздуха и Огня.

Потом, поставив локти на колени, а подбородок опустив на руки, Ранд устремил взор на миниатюрную статуэтку мужчины со сферой.

Надо подумать.

Глава 50
Золотые жилы

Ранд сидел на крыше мира, а вокруг дул и свистел ветер. Созданное из Воздуха и Огня плетение растопило возле юноши снег, обнажив иззубренную темно-серую макушку скалы в три шага в поперечнике. Со стороны пик напоминал выставленный к небу сломанный ноготь, и Ранд сидел на самой его вершине. Насколько он мог судить, то была самая верхушка Драконовой горы. Наверное, самая высокая точка в мире.

Он сидел на небольшом, свободном от снега скальном обнажении, а перед ним, на камне, стоял отпирающий ключ. Здесь, в разреженном воздухе, Ранду сперва было трудно дышать, а потом он придумал способ сплести пряди Воздуха, увеличив вокруг себя его плотность. Как и в случае с согревающим его плетением, Ранд не до конца понимал, каким образом создал новое плетение. Он смутно припоминал, как подобному трюку его пытался научить Асмодиан, но тогда у него никак не получалось исполнить его верно. Теперь же это плетение далось ему совершенно

естественно, будто само собой. Сыграло свою роль влияние Льюса Тэрина или знания Ранда о Единой Силе стали обширней и глубже?

Надломанное жерло Драконовой горы зияло несколькими сотнями футов ниже того места, где сидел Ранд, и чуть левее. Даже досюда доходили сильные и едкие запахи пепла и серы. Глотка горы была черна от пепла и красна от расплавленного камня и сверкающего пламени.

Ранд продолжал удерживать Истинный Источник. Отпустить его он не смел. Этот последний раз, когда он обратился к саидин, оказался наихудшим из всех, что он помнил, и юноша опасался, что если он вновь попытается ухватиться за Источник, тошнота возьмет над ним верх и у него ничего не выйдет.

Ранд провел здесь несколько часов. Тем не менее усталости он не чувствовал. Он не сводил глаз с тер'ангриала. И размышлял.

Что он такое? Что такое Дракон Возрожденный? Символ? Жертва? Меч, чье предназначение — уничтожить все и вся? Длань, призванная защищать и укрывать?

Или марионетка, раз за разом играющая одну и ту же роль?

Он был в ярости. Он был зол на весь мир, зол на

Узор, зол на Создателя, который обрек людей на битву против Темного, а сам не оставил им никаких подсказок. Какое право они имеют требовать от Ранда его жизнь?

Что ж, Ранд предлагал им свою жизнь. Ему понадобилось много времени, чтобы принять неизбежность своей смерти и примириться с собой. Разве этого мало? Неужели вплоть до самого конца ему суждено испытывать мучения?

Ранд думал: если он станет достаточно твердым, то боль уйдет. Если он сможет ничего не чувствовать, то и страдать не будет.

Раны в боку начали пульсировать, отзываясь волнами боли. На время ему удалось о них позабыть. Но смерти, причиной которых он стал, ободрали его душу, оставив клочья кровоточащего мяса. Список начинался с Морейн. Она погибла, и все пошло наперекос. До этого у него еще теплилась надежда.

До этого его никогда не запирали в сундук.

Ранд понял, что от него потребуется, и он изменился так, как полагал необходимым. Перемены призваны были не позволить его сокрушить. Умереть, защищая людей, которых он не знает? Избранный ради того, чтобы спасти человечество? Избранный ради того, чтобы силой объединить

королевства под своей властью, уничтожив тех, кто откажется повиноваться? Избранный ради того, чтобы стать причиной гибели тысяч людей, сражающихся во имя него; чтобы взвалить их души на свои плечи — бремя, что он обречен нести? Кто из людей способен сделать такое и остаться при этом в здравом уме? Единственный способ совладать с подобной ношей Ранд увидел в том, чтобы отказаться от всех чувств, отринуть их, превратить себя в квейндияр.

Но его постигла неудача. Ему не удалось искоренить все свои чувства. Внутренний голос звучал очень тихо, но не давал ему покоя, язвил, вонзался, будто шип, оставлял крошечные ранки в его сердце. Но как бы ни была мала ранка, через нее будет сочиться кровь.

И через эти ранки из него вытекла бы вся кровь — до капельки.

Теперь тот тихий голосок исчез. Сгинул, когда Ранд швырнул Тэма наземь и чуть не убил его. Не слыша этого голоса, осмелится ли Ранд продолжать? А если тот голос был последним, что оставалось от прежнего Ранда — Ранда, который знал, что правильно, а что неправильно? Что тогда означает его молчание?

Ранд подхватил отпирающий ключ и встал.

Подошвы сапог шаркнули по камню. Стоял полдень, хоть солнце оставалось затянуто плотными облаками. Далеко внизу Ранд видел холмы и леса, озера и деревни.

— А если я не хочу, чтобы Узор плелся дальше? — заорал он. Прижимая статуэтку к груди, Ранд шагнул к самому краю скалы. — Мы живем одни и те же жизни! — закричал он всем. — Снова и снова, раз за разом. Совершаем те же ошибки. Королевства совершают те же самые глупости. Правители вновь и вновь обманывают надежды своих народов. Люди причиняют боль другим, ненавидят, умирают и убивают!

Ветер хлестал Ранда, трепал и рвал полы простого бурого плаща, дергал за дорогие тайренские штаны. Но ветер подхватил его слова, разнес их эхом по изломанным скалам Драконовой горы. Морозный воздух был свеж и бодрящ. Плетение грело Ранда, не позволяя замерзнуть, однако не ограждало его от царившего тут холода. Впрочем, он этого и не хотел.

— А если, по-моему, все это бессмысленно? — по-королевски громким голосом потребовал ответа Ранд. — Если я не хочу, чтобы оно продолжало вращаться? Мы проживаем свои жизни кровью других! И об этих, других, забывают!

Что толку, если все, что мы знаем, сотрется и исчезнет? Будь то великие деяния или великие трагедии — все это не значит ничего! Они станут легендами, потом легенды будут забыты, и все начнется заново!

Отпирающий ключ у него в руках засветился. А тучи над головой словно бы становились темнее и темнее.

Гнев Ранда бился заодно с его сердцем, бился и искал выхода.

— А если он прав? — кричал Ранд. — Если и в самом деле лучше, чтобы все кончилось? Если Свет все время был ложью, а это — всего лишь наказание? Мы живем снова и снова, становясь слабее, умирая, навеки пойманные в ловушку. Мы обречены все время мучиться и страдать!

Сила затопила Ранда, подобно вздымающимся волнам, что разливаются в новый океан. Он вернулся к жизни, возрадовавшись и упиваясь саидин, ничуть не тревожась о том, что вспыхнувшее сияние будет отовсюду прекрасно видно любому мужчине, способному направлять Силу. Ранд чувствовал себя преисполненным Силой, сиял ею, он был словно солнце над лежавшим внизу миром.

— ВСЕ ЭТО НЕ ВАЖНО!

Ранд прикрыл глаза, зачерпывая все больше и больше Силы; прежде такое чувство он испытывал всего лишь дважды. Один раз — когда очистил саидин. Второй раз — когда сотворил эту гору.

Затем он зачерпнул еще больше Силы.

Он знал, что такая мощь уничтожит его. Но перестал о чем бы то ни было тревожиться. Копившаяся годами ярость наконец-то вскипела в нем, взбурлила и, не сдерживаемая ничем, вырвалась на волю. Он широко раскинул руки, держа в правой ключ доступа. Льюс Тэрин был прав, когда убил себя и воздвиг Драконову гору. Однако он не стал заходить так далеко, как надо было.

Ранд помнил тот день. Дым, оглушительный грохот, острые, глубоко впившиеся шипы боли, когда ему, распростертому на полу полуразрушенного дворца, Исцеление вернуло ясность сознания. Но та боль не шла ни в какое сравнение с той мукой, какую он испытал, когда осознал содеянное. Как мучительно больно было видеть некогда прекрасные стены проломленными и разрушенными. Какая страшная мука — увидеть груды знакомых тел, которые валялись на полу, словно выброшенное тряпье.

Увидеть совсем рядом Илиену, чьи золотистые

волосы беспорядочно разметались по земле.

Он чувствовал, как дворец содрогается от рыданий самой земли. Или то Драконова гора сотрясалась от неимоверного потока той мощи, которую он впустил в себя?

Он чувствовал, как пах воздух — кровью и сажей, смертью и болью. Или то был запах гибнущего мира, что раскинулся перед ним?

Налетающий ветер, кружась вокруг, принялся стегать его своими порывами, громадные облака над головой обвивались, обхватывая себя, точно древние левиафаны, плывущие в бессветных черных безднах.

Льюс Тэрин ошибся. Он умер, но оставил мир живым — раненым, ковыляющим дальше. Он позволил Колесу Времени продолжать свое вращение, проворачиваться, гнить и разрушаться, снова и снова возвращая самого Льюса Тэрина к жизни. Этого ему избежать не удалось. Не удалось — ибо для этого нужно положить конец всему.

— Почему? — прошептал Ранд кружащим вокруг него ветрам. Сила, вливавшаяся в него через отпирающий ключ, превосходила по мощи даже ту, которой он владел во время очищения саидин. Наверно, она была больше, чем та, какой когда-либо обладал хоть один человек. Этой мощи

было достаточно, чтобы распустить, уничтожить самый Узор и принести в мир окончательный покой.

— Почему нам нужно снова так делать? — прошептал он. — Меня уже постигла неудача. Она погибла от моей руки. Почему заставляете меня переживать это снова?

Небо расколола молния, загрохотали раскаты грома. Ранд закрыл глаза; он стоял над обрывом, уходящим отвесно вниз на тысячи футов, очутившись в самом центре бушующей ледяной бури. Сквозь закрытые веки он ощущал ослепительное сияние отпирающего ключа. Рядом с Силой, что переполняла его и рвалась наружу, это свечение казалось мерцанием далекой звезды. Он был само солнце. Он был сам огонь. Он был сама жизнь и смерть.

Почему? Почему они должны повторять это снова и снова? Мир не мог дать ему никакого ответа.

Ранд вскинул руки; он — средоточие и источник силы и энергии. Воплощение смерти и разрушения. Он положит всему этому конец. Покончит со всем и наконец-то избавит людей от страданий, подарив им покой.

Остановит нескончаемую череду одних и тех

же жизней, которые люди обречены проживать — вновь и вновь. Почему? Почему Создатель сделал с людьми такое? Почему?

«Почему мы живем снова?» — спросил вдруг Льюс Тэрин. Голос его звучал внятно и ясно.

«Да, — умоляюще промолвил Ранд. — Ответь. Почему?»

«Наверное… — на удивление четко и понятно произнес Льюс Тэрин без всякого намека на безумие. Он говорил негромко, с благоговением. — Почему? Неужели… Может, чтобы у нас был второй шанс».

Ранд застыл. Ветры били его и толкали, но сдвинуть его с места им было не дано. Сила внутри Ранда медлила — так чуть подрагивает топор палача над шеей преступника в ожидании последних слов приговора.

«Возможно, и не ты выбрал тот долг, что возложен на тебя, — прозвучал в голове Ранда голос Тэма. — Но почему ты исполняешь свой долг — решить это ты сам можешь».

«Почему, Ранд? Почему ты идешь на битву? Ради чего?»

«Почему?»

Все замерло. Несмотря на бурю, яростные порывы ветра, грохочущие раскаты грома. Все

замерло.

«Почему? — с удивлением подумал Ранд. — Потому что каждый раз, как мы живем, мы вновь любим».

Вот и ответ. Все пронеслось перед его внутренним взором: прожитые жизни, совершенные ошибки — и любовь, меняющая все. Он мысленно видел весь мир, освещенный тем огнем, что сиял у него в руке. Он вспомнил жизни — сотни и тысячи жизней, бессчетное их число. Он вспомнил любовь и умиротворение, радость и надежду.

И в этот миг его вдруг ошеломила удивительная мысль. «Если я живу снова, тогда и она, наверное, тоже!»

Вот почему он сражается. Вот почему живет снова. И вот он, ответ на вопрос Тэма. «Я сражаюсь, потому что в прошлый раз потерпел поражение. Я сражаюсь, потому что хочу исправить все то, что раньше делал неправильно».

«На этот раз я хочу все сделать верно».

Сила внутри Ранда возросла до максимума, и он развернул ее против нее самой, погнав обратно через ключ доступа. Этот тер'ангриал был связан с намного более мощной силой — с громадным са'ангриалом на юге, который создали с целью остановить Темного. Который, как говорили,

оказался слишком сильным и мощным. Слишком сильным и мощным, чтобы им когда-нибудь рискнули воспользоваться. Слишком устрашающим.

Мощь самого са'ангриала Ранд обратил против него, круша и сминая далекую сферу, — словно сдавливал ее двумя гигантскими ладонями.

Чойдан Кэл взорвался.

Сила вмиг исчезла.

Буря прекратилась.

А Ранд впервые за очень долгое время открыл глаза. Откуда-то он знал, что больше никогда не услышит у себя в голове голос Льюса Тэрина. Ибо они — не два человека и никогда ими не были.

Он обратил взор на лежащий внизу мир. В сплошных облаках вверху наконец-то появился просвет, пусть и разошлись тучи лишь у него над головой. Сумрак рассеялся, и над собой он увидел солнце.

Ранд поднял взгляд к солнцу. А потом он улыбнулся. И в конце концов разразился глубоким смехом, искренним и радостным.

Он не смеялся так давно.

Эпилог
Омытая Светом

Эгвейн работала при свете двух бронзовых ламп, изготовленных в виде женщин с поднятыми руками — у каждой между сведенными вместе над головой ладонями ярко горело пламя. Отсветы ровного желтого света лежали на бронзовых ладонях, руках и лицах. Были ли эти фигурки олицетворением Белой Башни и Пламени Тар Валона? Или они изображают Айз Седай, сплетающих пряди Огня? Вероятнее же всего, что остались они тут от какой-то Амерлин прошлого и являлись лишь пережитком ее предпочтений.

Лампы стояли по обе стороны ее письменного стола. Наконец-то у нее есть приличный письменный стол вкупе с подходящим стулом. Девушка сидела в кабинете Амерлин, который очистили от всего, что могло бы напоминать об Элайде. Посему комната лишилась практически всей обстановки, стены оголились, и на деревянных стенных панелях не осталось ни единой картины или гобелена, а с приставных столиков исчезли все стоявшие там раньше безделушки и произ-

ведения искусства. Опустошили даже книжные полки, дабы ничто, оставшееся от Элайды, не могло задеть чувств Эгвейн.

Увидев, что наделали сестры, Эгвейн немедленно распорядилась собрать все личное имущество Элайды и поместить под надежный замок, приставив заодно охрану из женщин, которым Эгвейн доверяла. Может, среди принадлежавших Элайде вещей отыщется нечто, что даст ниточку к разгадке ее планов. Проще всего, если это окажутся записки, спрятанные между книжных страниц, к которым прежняя правительница предполагала вернуться позднее. Или же все будет не столь очевидно и искать придется только намеки — в том, какие книги читала Элайда, какие предметы хранила в ящиках своего письменного стола, какая между ними прослеживается связь. Однако допросить саму Элайду они не могли, и трудно сказать, какие из затеянных ею интриг обернутся впоследствии ударом по Белой Башне. Эгвейн намеревалась лично осмотреть вещи Элайды, а потом побеседовать с каждой Айз Седай, которая находилась тогда в Белой Башне, и выяснить, какие ниточки к тайнам Элайды они скрывают.

Но сейчас не до этого — дел у нее по горло. Переворачивая страницы доклада Сильвианы, Эгвейн

покачала головой. Эта женщина и в самом деле оказалась очень полезна и деятельна на посту хранительницы летописей, исполняя возложенные на нее обязанности куда лучше Шириам. Те, кто был лоялен Элайде, относились к Сильвиане с уважением, а Красная Айя, по-видимому, приняла — пусть и частично — выдвинутое Эгвейн предложение о мире, заключавшееся в том, что в качестве своей хранительницы летописей она выбрала одну из сестер их Айя.

Не обошлось, разумеется, и без досадных помех. Эгвейн получила пару писем, в которых ей высказывалось самое резкое и суровое неодобрение, — одно от Романды, второе от Лилейн. Обе отказали ей в своей порой чрезмерной поддержке почти так же быстро, как когда-то ее предложили. В настоящий момент они с жаром обсуждали, как быть с дамани, которых захватила в плен Эгвейн при отражении нападения на Белую Башню, и ни Романде, ни Лилейн не пришелся по вкусу план Эгвейн — обучить пленниц и сделать из них Айз Седай. Судя по всему, еще многие годы Романда с Лилейн будут доставлять новой Амерлин немало хлопот.

Эгвейн отложила доклад в сторону. День давно перевалил за полдень, и сквозь щели жалюзи в

закрытых дверях-ставнях с балкона в комнату пробивался свет. Она не раскрывала створки, предпочитая умиротворяющий полумрак и наслаждаясь роскошью уединения.

Сейчас она не имела ничего против скудости обстановки. Правда, так комната весьма живо напоминала ей кабинет наставницы послушниц, но завесь хоть все стены шпалерами и картинами, вряд ли они прогонят прочь воспоминания о тех днях — тем более что сама Сильвиана теперь — хранительница летописей при Эгвейн. Вот и хорошо. Да и с какой стати Эгвейн забывать те дни? Это ведь воспоминания о некоторых самых радостных ее победах.

Впрочем, она вовсе не против того, что теперь может сидеть, не испытывая неприятных чувств.

Эгвейн слегка улыбнулась, пробегая взглядом следующий доклад Сильвианы, но затем нахмурилась. Большей части членов Черной Айя, находившихся в Белой Башне, удалось сбежать. В отчете, написанном гладким и аккуратным почерком Сильвианы, говорилось, что после восшествия Эгвейн на престол за несколько часов удалось схватить нескольких Черных сестер, но — только наиболее слабых из них. Большинство

членов Черной Айя — около шестидесяти сестер — сумели скрыться. В том числе, как успела раньше отметить Эгвейн, и одна восседающая, чьего имени не оказалось в списке Верин. Исчезновение Эваннеллейн недвусмысленно свидетельствовало, что она принадлежит к Черной Айя.

Задумчиво хмуря брови, Эгвейн взяла очередной доклад. Это был список с именами всех женщин в Белой Башне — очень длинный, на нескольких листах. Список был разбит на группы по Айя. Возле многих имен стояли пометки: «Черная, бежала», «Черная, захвачена», «Пленена шончан».

Встречая последнюю пометку, Эгвейн испытывала боль и горечь. Весьма прозорливо со стороны Саэрин, что сразу после нападения шончан она провела нечто вроде переписи, собрав точные сведения о том, кто был похищен.

Той ночью были схвачены и уведены из Белой Башни неизвестно куда около сорока женщин, причем больше двух дюжин из них — полноправные Айз Седай. Случившееся походило на страшные сказки, которые рассказывают малышам на ночь, — об Исчезающих или Полулюдях, которые крадут непослушных детей. Этих женщин будут избивать, посадят под замок и

превратят в бессловесное орудие в чужих руках.

Усилием воли Эгвейн не позволила себе коснуться рукой шеи, которую когда-то стягивал ошейник. Нет, она не станет об этом ни вспоминать, ни думать! Только не сейчас, чтоб оно все сгорело!

После нападения шончан всех Черных сестер, чьи имена попали в список Верин, видели целыми и невредимыми. Но большинство из них успели сбежать до того, как Эгвейн появилась в Белой Башне и заняла Престол Амерлин. Исчезла Велина. Скрылись также Чайи и Бирлен. И еще Алвиарин — охотницы за Черными сестрами не сумели добраться до нее вовремя.

Что послужило для них предупреждением? К несчастью, это, вероятно, как-то связано с Эгвейн, которая учинила расправу над Черными в лагере мятежниц. Она тревожилась, что переусердствовала. А что ей было делать? У нее была единственная надежда: схватить всех Черных сестер в лагере и уповать на то, что слухи о происшедшем до Белой Башни не дойдут.

Но не вышло — Черные оказались предупреждены. Оставшихся Черных сестер Эгвейн отловила и казнила. Затем она потребовала, чтобы все бывшие в Башне сестры повторно

принесли обеты на Клятвенном жезле. Естественно, тем это не могло понравиться. Но когда они узнали, что заново дали клятвы все женщины в лагере мятежниц, то вынуждены были согласиться. А возможно, на них повлияло известие о том, что Эгвейн приказала казнить собственную хранительницу летописей. Все явно вздохнули с облегчением, когда Сильвиана первой вызвалась заново принести обеты перед всем Залом Башни. Следующей стала Эгвейн, она вновь дала положенные клятвы, а потом правдиво поведала Совету, что позаботилась о том, чтобы каждая женщина в лагере подтвердила, что не является приспешницей Темного. Были разоблачены и схвачены еще три Черные сестры, не попавшие в список Верин. Всего лишь три. Верин проделала отличную работу! Какая скрупулезность и аккуратность!

Эгвейн отложила доклад. Мысли о сбежавших Черных Айя никак не оставляли ее в покое, продолжая грызть изнутри. Ей известны имена шестидесяти приспешниц Темного, и им удалось ускользнуть от нее. Если включить в перечень тех, кто сбежал из лагеря мятежниц, то общее число приспешниц Тьмы выросло до восьмидесяти.

«Я отыщу тебя, Алвиарин, — подумала Эгвейн,

постукивая кончиком пальца по листу со списком. — Я найду вас всех. Вы — гниль, самая страшная из всех, которая разрушала изнутри саму Башню. Я не позволю вам нести эту заразу дальше».

Она отложила бумагу в сторону, взяла следующий лист. На нем было всего несколько имен. Имена всех женщин из Башни, которых не оказалось в списке Верин и которые были либо похищены шончан, либо пропали сразу после их нападения.

Верин полагала, что одна из Отрекшихся, Месана, прячется в Башне. Ее предположение подтверждалось признанием Шириам. Хотя Эгвейн добилась повторного принесения всеми Айз Седай обетов на Клятвенном жезле, им не удалось выявить ни одной приспешницы Темного, обладающей значительными способностями в Силе. Можно надеяться, что вновь принесенные клятвы ослабят напряженность в отношениях между Айя. Больше им нечего опасаться того, что в их ряды затесались Черные сестры. Разумеется, доказательство того, что Черная Айя действительно существует, в первую очередь значительно ослабит самих Айз Седай.

Так или иначе, перед Эгвейн стояла непростая

задача. Она просмотрела лежащий на столе список. Все женщины в Башне засвидетельствовали, что не являются приспешницами Тьмы. Женщины из списка Верин учтены все до единой. Эту казнили, та схвачена. Эта бежала из Башни в день, когда Эгвейн взошла на Престол Амерлин, а ту похитили шончан, или ее нет в Башне и не было уже довольно давно. Указание искать последних получили все сестры.

Может статься, им повезло и Отрекшаяся оказалась среди женщин, захваченных шончан. Но в подобную удачу Эгвейн не верила. Так просто Отрекшуюся никому не поймать. Наверное, о нападении та знала загодя.

Так что список на столе перед Эгвейн сокращался до трех имен: Наласия Мерхан из Коричневой Айя, Терамина из Зеленой Айя, Джамилила Норсиш из Красной Айя. Все три — очень слабы в Силе. И все эти женщины пробыли в Башне долгие годы. Просто неправдоподобно, чтобы Месана прикинулась кем-то из них, причем играла эту роль столь искусно, что ее хитрость осталась незамеченной.

У Эгвейн было странное чувство. Может быть, предчувствие. По крайней мере, некое опасение. Из этой троицы только одна могла быть Отрек-

шейся. Но ни одна из них не подходила — ни в коей мере. От этого мороз пробирал по коже. Неужели Месана по-прежнему таится в Башне?

В таком случае она откуда-то знает, как можно одолеть Клятвенный жезл.

Раздался тихий стук в дверь. Через миг она чуть приоткрылась.

— Мать? — окликнула Сильвиана.

Эгвейн подняла голову, вопросительно приподняла брови.

— Думаю, тебе стоит на это взглянуть, — войдя, сказала Сильвиана. Ее черные волосы были со всем тщанием расчесаны и уложены сзади в пучок. На плечах Сильвианы лежал красный палантин хранительницы летописей.

— Что такое?

— Лучше пойти и посмотреть.

Снедаемая любопытством, Эгвейн встала. В голосе Сильвианы ни тревоги, ни напряжения не слышалось, а значит, ничего ужасного пока не стряслось. Амерлин и ее хранительница покинули кабинет и, обойдя здание снаружи, направились к залу Совета Башни. Когда они подошли к дверям зала, Эгвейн, приподняв бровь, вопросительно взглянула на Сильвиану. Та жестом пригласила ее войти.

Заседание в зале Совета не шло, на стульях никто не сидел. В углу на белых холстах валялись брошенные молотки, мастерки и прочие инструменты каменщиков. Сами рабочие, одетые в плотные коричневые робы и белые рубахи с закатанными рукавами, сгрудились возле пролома в стене, оставшегося после налета шончан. Эгвейн распорядилась не заделывать дыру, а сделать в этом месте круглое окно-розетку — как напоминание о том дне, когда Башня подверглась нападению. И как предостережение — дабы не допустить повторения подобного. Но прежде чем установить само окно, мастерам-каменщикам необходимо было выровнять и укрепить проем и подогнать его под раму.

Эгвейн с Сильвианой проскользнули в зал и спустились по короткому пандусу на пол, который вновь был выкрашен в правильные цвета — всех семи Айя. Заметив вошедших, каменщики почтительно отступили в сторонку, один рабочий стянул с головы шапку и прижал ее к груди. Добравшись до стены зала и встав перед брешью, Эгвейн наконец увидела то, ради чего ее сюда привела Сильвиана.

В плотной толще облаков, все это время глухо застилавших небо, наконец-то образовался раз-

рыв. Тучи разошлись, открыв над Драконовой горой круг чистого неба. Покрытую снегом далекую вершину заливало своими лучами яркое, ослепительное солнце. Расколотая верхушка проклятой горы и пик горного ската были омыты светом. Насколько могла припомнить Эгвейн, в первый раз за много недель, если не месяцев, ее глазам предстало чистое сияние солнца.

— Первыми, мать, это заметили послушницы, — промолвила Сильвиана, стоя на шаг позади Амерлин. — Новость распространилась быстро. Кто бы подумал, что маленький кружок солнечного света может вызвать такое волнение? Вроде бы ведь пустяк… Ничего такого, чего бы мы раньше не видели. Но…

В открывшемся перед Эгвейн зрелище было нечто прекрасное. Свет изливался потоком — столб чистого и яркого сияния. Далекий, но необыкновенный. Он казался чем-то давно забытым, но в то же время почему-то очень знакомым, — этот свет словно бы высветил вновь давнее воспоминание, от которого становится теплее на душе.

— Что все это значит? — спросила Сильвиана.

— Не знаю, — ответила Эгвейн. — Но мне радостно от того, что я вижу. — Она помолчала

недолго, потом сказала: — Этот просвет слишком правильной формы, он не может быть естественным. Отметь сегодняшний день в календаре, Сильвиана. Что-то произошло. Возможно, когда-нибудь мы узнаем правду о том, что это было.

— Конечно, мать, — ответила Сильвиана, снова выглядывая в пролом.

Эгвейн стояла рядом с ней — лишь бы не возвращаться сразу в свой кабинет. Было так приятно и умиротворяюще смотреть на этот далекий свет, такой желанный и возвышенный. Казалось, он говорит: «Скоро надвинутся грозы и бури. Но сейчас я здесь».

Я здесь.

> В конце времен, многие когда станут одним, последняя буря сбирать начнет бушующие ветры, чтоб землю погубить, и без того едва живую. И, бури посреди, незрячий встанет над собственной могилой. Вот там, прозревши вновь, содеянное он оплачет.
>
> ***Из «Пророчеств о Драконе». Цикл Эссаник. Официальный перевод Малхавиша. Императорский архив Шондара, Четвертый Круг возвышения***

Конец книги двенадцатой цикла «Колесо Времени»

Глоссарий

Замечание к датам в глоссарии. Томовский календарь (разработанный Томой дур Ахмид) был принят примерно два столетия спустя после смерти последнего мужчины Айз Седай, и в нем отсчитывались годы после Разлома Мира (Р. М.). Многие, очень многие записи погибли во время Троллоковых войн, и поэтому точная датировка окончания войн по старой системе летосчисления стала предметом споров. Тиам Газарский предложил новый календарь, за точку отсчета приняв год освобождения от угрозы троллоков — год Свободы (Г. С.). Газаранский календарь был признан повсеместно в течение двадцати лет после окончания Троллоковых войн. Артур Ястребиное Крыло предпринял попытку ввести новый календарь, опирающийся на год основания его империи (О. О. — от Основания), но теперь этот календарь известен лишь историкам, которые на него ссылаются. После всеобщего разорения, смертей и раскола в период Столетней войны Урен дин Джубай Парящая Чайка, ученый из Морского народа, разработал третий календарь,

обнародованный панархом Фаридэ Тарабонским. Фаридовский календарь, ведущий отсчет времени от произвольно установленной даты окончания Столетней войны и отмечающий годы Новой эры (Н. Э.), используется и по сей день.

Арад Доман. Государство на побережье океана Арит. В настоящее время охвачено гражданской войной, одновременно ведется война и с теми, кто провозгласил себя сторонниками Дракона Возрожденного. Столицей является город Бандар Эбан, куда в поисках убежища перебрались многие жители страны. Ситуацию осложняет нехватка продовольствия. В Арад Домане существует противостояние между теми, кто ведет свое происхождение от знатных семейств времен образования страны — они известны как «чистокровные», — и теми, кто возвысился позже. Правитель (король или королева) избирается советом, состоящим из глав купеческих гильдий (Купеческий совет), каковыми почти всегда являются женщины. Правитель должен принадлежать к нобилитету (а не быть купеческого рода) и избирается пожизненно. По закону король или королева являются абсолютными монархами, за исключением того, что их можно низложить, если за такое решение проголосует три четверти

состава Совета. В настоящее время правителем является король Алсалам Саид Альмадар, лорд Альмадара, верховная опора Дома Альмадар. Его настоящее местопребывание скрыто завесой тайны.

Аша'ман. 1. На древнем языке означает «хранитель» или «защитник»; причем это слово всегда употреблялось в смысле защитника истины и справедливости. 2. Так называют себя мужчины, пришедшие в Черную Башню, которая находится в Андоре, возле Кэймлина; там они главным образом учатся направлять Силу. Это же слово используется и для обозначения у них высшего ранга. Обучают их главным образом способам владения Единой Силой как оружием. Другая характерная черта, отличающая их подготовку от обучения в Белой Башне: едва они овладевают умением обращаться к саидин — мужской половине Силы, — то выполнения всех хозяйственных работ от них требуют исключительно посредством Силы. Новички, зачисленные в Башню, получают звание солдата; они носят простые черные мундиры по андорскому образцу, с высоким воротом. Возведенные в ранг посвященных получают право носить на вороте мундира серебряный значок в виде меча. С получением звания

Аша'мана мужчина вправе прикрепить на ворот, с другой стороны от меча, красно-золотую эмалевую эмблему дракона. Многие женщины, в том числе и жены, бежали от своих мужчин, узнав, что те и в самом деле способны направлять Силу. Тем не менее многие мужчины из Черной Башни женаты, и с женами их объединяют узы, в чем-то похожие на узы Стражей. В последнее время практически теми же самыми узами, но предусматривающими полное подчинение, были также связаны захваченные Айз Седай. Отдельные Аша'маны соединились узами с Айз Седай, но при этом использовались традиционные узы Стражей. Аша'манов возглавляет Мазрим Таим, который величает себя М'Хаэлем, что на древнем языке означает «предводитель».

Верховная. Титул главы Красной Айя. В настоящее время этот пост занимает Тсутама Рат.

Вес, меры веса. 10 унций = 1 фунт; 10 фунтов = 1 стоун; 10 стоунов = 1 центнер; 10 центнеров = 1 тонна.

Взыскующие (более официально — Взыскующие Истину). Полицейская и шпионская организация шончанского императорского трона. Хотя большинство Взыскующих являются да'ковале и собственностью императорской семьи, они

обладают огромной властью. Даже любой из Высокородных может быть арестован за отказ ответить на заданный Взыскующим вопрос или за нежелание искренне с ним сотрудничать. Последнее же определяется самими Взыскующими, подчиняющимися и подотчетными лишь императрице. Свои доклады они отсылают Меньшим Дланям, которые руководят ими и Слухачами. У большинства Взыскующих сложилось такое чувство, что Длани передают Хрустальному трону не все сведения, которые императрица должна знать. От Слухачей Взыскующих отличает присущая им активная роль. Те Взыскующие, которые являются да'ковале, носят на каждом плече знак-татуировку в виде ворона и башни. В отличие от Стражей Последнего часа, Взыскующие редко горят желанием демонстрировать своих воронов, отчасти потому, что это неизбежно раскроет, кто и что они такое. *См. также* Длань; Слухачи.

Возвращение. *См.* Коринне.

Вопрошающие. Орден Детей Света. О себе они говорят как о Руке, или Деснице Света, — и не любят, когда их именуют Вопрошающими, и впадают в праведный гнев, если их назвать допросниками. Своими целями они провозгласили раскрытие истины в диспутах и разоблачение

приспешников Тьмы. Обычный метод расследования Вопрошающих в поисках истины и Света — пытка; обычная позиция — истина им уже известна и нужно лишь добиться от жертвы признания. Порой они действуют так, будто полностью обособлены и от остальных Чад Света, и от Совета помазанников, который руководит Детьми Света. Главой Вопрошающих является верховный инквизитор, который и заседает в Совете помазанников. В настоящее время этот пост занимает Радам Асунава. После того как Галад Дамодред убил лорда капитан-командора Валду и принял на себя его обязанности, среди Вопрошающих произошел раскол: одну из группировок возглавил Галад, другую — Асунава. Эмблемой Вопрошающих является кроваво-красный пастырский крючковатый посох.

«Всестороннее и всеобъемлющее рассмотрение реликвий, относящихся к периоду до Разлома Мира». Книга, о которой, за исключением названия, мало что известно.

Высокородные. Так у шончан называют знать. Существуют четыре степени знатности, по две — у верховных Высокородных и у низших, или меньших, Высокородных. Верховные отращивают ногти на руках на один дюйм, покрывая их

лаком, и выбривают голову по бокам, оставляя от волос гребень на макушке, причем у мужчин он у́же, чем у женщин. Длина этого гребня меняется в зависимости от веяний моды. Низшие Высокородные также имеют право отращивать ногти, но волосы сбоку и сзади состригают так, что прическа напоминает «горшок», и отпускают широкий «хвост» на затылке, зачастую длиной по плечи у мужчин и до пояса у женщин. Верховные Высокородные, имеющие наивысший ранг, именуются верховными лордами или верховными леди, и они покрывают лаком ногти на двух первых пальцах на каждой руке. Стоящих ниже их верховных Высокородных называют просто «леди» или «лорд», и они имеют право покрывать лаком только ногти на указательных пальцах. Высокородных низших рангов тоже титулуют «лорд» и «леди», но старшинство среди них можно определить по тому, сколько ногтей покрыто лаком: занимающие более высокое положение имеют право красить лаком ногти на двух последних пальцах на каждой руке, а последние по рангу — только на мизинцах. Императрица и члены императорской семьи целиком бреют голову, а лаком покрывают ногти на всех пальцах. Титул приобретается по праву рождения, но

также возможно пожалование им, и зачастую включение в списки Высокородных является наградой за выдающиеся заслуги или за службу императрице.

Гвардия королевы. Элитное воинское формирование в Андоре. В мирное время гвардия поддерживает закон королевы и отвечает за сохранение спокойствия во всей стране. Форма королевской гвардии включает в себя красный мундир, начищенные до блеска кольчужно-пластинчатые доспехи, ярко-красный плащ и конический шлем с решетчатым забралом. Офицеры высокого ранга имеют на плече знаки различия в виде бантов и обладают правом носить золотые шпоры в виде львиных голов. Недавним пополнением гвардии королевы стала личная охрана дочери-наследницы, целиком состоящая из женщин после ареста ее прежнего командира, капитана Дойлина Меллара. Женщины-гвардейцы, в отличие от сослуживцев-мужчин, носят более нарядную форму, куда входят широкополые шляпы с белым плюмажем, украшенные красным лаком кирасы, отделанные белым шлемы и отороченные кружевами кушаки с эмблемами Белого льва Андора.

Глава Большого совета тринадцати. Титул

главы Черной Айя. В настоящее время этот пост занимает Алвиарин Фрайден.

Господин копий. *См.* Капитан копий.

Да'ковале. 1. На древнем языке — «тот, кто принадлежит» или «человек, который есть собственность». 2. У шончан данным словом, помимо собственности, называют рабов. В Шончан рабство имеет долгую и необычную историю; для рабов возможно добиться высокого положения, дающего громадную власть, в том числе над свободными. Но и для тех, кто обладает огромной властью, существует возможность быть обращенными в да'ковале. *См. также* Со'джин.

Денежное обращение. В процессе многовековой торговли во всех странах сформировались стандартные названия для монет: кроны (самая большая по размеру монета), марки и пенни. Кроны и марки чеканятся из золота или серебра, а пенни могут быть серебряными или медными, последние тогда просто называют медяками. Однако в разных странах эти монеты могут разниться по размерам и весу. Даже в одном государстве в обороте находятся монеты одного номинала, выпущенные разными правителями и отличающиеся по весу и размерам друг от друга. Благодаря торговле почти повсюду встречаются

монеты многих стран, и по этой причине банкиры, ростовщики и купцы для определения стоимости какой-либо монеты используют весы. Поэтому взвешиваются даже большие количества монет.

Самая весомая монета чеканится в Андоре и в Тар Валоне, и там относительная их ценность такова: 10 медных пенни = 1 серебряное пенни; 100 серебряных пенни = 1 серебряная марка; 10 серебряных марок = 1 серебряная крона; 10 серебряных крон = 1 золотая марка; 10 золотых марок = 1 золотая крона. Если сравнивать с Алтарой, где более крупные монеты содержат меньше золота или серебра, то соотношение между монетами различных достоинств таково: 10 медных пенни = 1 серебряное пенни; 21 серебряное пенни = 1 серебряная марка; 20 серебряных марок = 1 серебряная крона; 20 серебряных крон = 1 золотая марка; 20 золотых марок = 1 золотая крона.

Единственными «бумажными» средствами расчета являются «доверительные письма» (или «векселя»), которые выдают банкиры. Они гарантируют предоставление определенного количества золота или серебра предъявителю данного документа. Из-за удаленности крупных городов друг от друга, значительного времени, ко-

торое необходимо потратить на путешествие из одного города в другой, и трудностей, связанных с перемещением денежных средств на большие расстояния, доверительное письмо может быть принято по полной стоимости только в городах, расположенных близко к выдавшему его банку, но в отдаленном от него городе такой вексель примут по более низкой стоимости. В общем, если кто-то собирается в длительное путешествие, то он возьмет с собой одно или несколько доверительных писем, дабы при необходимости обменять векселя на звонкую монету. Векселя обычно принимают лишь банкиры или купцы, расплатиться же ими с лавочниками не удастся.

Дер'морат. 1. На древнем языке — «мастер-укротитель». 2. У шончан эту приставку используют для указания на старшего и высококвалифицированного дрессировщика одного из экзотичных животных, а также на того, кто обучает обращаться с ними других, как, например, *дер'морат'ракен*. Дер'морат может обладать высоким общественным статусом, выше всех стоят дер'сул'дам, занимающиеся обучением сул'дам, они приравниваются к офицерам, имеющим весьма высокие ранги. *См. также* Морат.

Дети Света. Также — Чада Света. Общество,

придерживающееся строгих аскетических верований, ставящее себя вне рамок любых государств и провозгласившее своей целью нанести поражение Темному и истребить всех приспешников Тьмы. Основанное во время Столетней войны Лотэйром Мантиларом для привлечения своих сторонников и сплочения их против все возрастающего числа друзей Темного, оно за годы войны превратилось во всецело военную организацию. Члены сообщества, крайне закосневшие в своих догмах, непоколебимо уверены в том, что только им ведомы истина и справедливость. Айз Седай, как и любого, кто их поддерживает или оказывает им помощь, Чада Света считают приспешниками Темного. Пренебрежительно Детей Света называют белоплащниками — к этому прозвищу сами они относятся с презрением. В недавнем прошлом их главные силы и штаб располагались в Амадоре, столице Амадиции, но были выбиты оттуда, когда город захватили шончан. Галад Дамодред стал лордом капитан-командором, после того как за оскорбление действием своей приемной матери, Моргейз, он убил в поединке Эамона Валду. Смерть Валды вызвала раскол среди Детей Света: одну из группировок возглавил Галад, другую — Радам Асунава, верховный инквизи-

тор Десницы Света. Герб Детей Света — золотое многолучевое солнце на белом поле. *См. также* Вопрошающие.

Длань. У шончан Дланью называют главного помощника или одного из иерархии должностных лиц империи. Длань императрицы имеет первый ранг, а Меньшие Длани можно обнаружить среди более низших рангов. Некоторые Длани действуют тайно — например, те, кто руководит сетью Взыскующих и Слухачей; другие известны и гордо носят знаки своего ранга — вышитые золотом на их одеждах изображения рук, число которых соответствует рангу.

Длина, единицы длины. 10 дюймов = 1 фут; 3 фута = 1 шаг; 2 шага = = 1 спан; 1000 спанов = 1 миля; 4 мили = 1 лига.

«Думы среди развалин». Древний исторический труд.

«Змеи и лисицы». Игра, которую очень любят дети, пока не повзрослеют достаточно, чтобы понять: в нее нельзя выиграть без того, чтобы не нарушить правила. Игра ведется на расчерченной доске, со стрелками, указывающими направления. Имеется десять дисков с нарисованными треугольниками, представляющими лисиц, и десять дисков с нарисованными вол-

нистыми линиями, обозначающими змей. Игра начинается со слов: «Храбрый — осилит, огонь — ослепит, мотив — очарует, железо — скрепит», одновременно в воздухе рукой рисуется треугольник с волнистой линией внутри его. Бросаются кости, по значениям которых определяются ходы игроков — и лисиц и змей. Если лисица или змея попадет на фишку игрока, то он выбывает из игры, и если следовать правилам, это случается всегда.

«Знаки и комментарии». Малоизвестная книга по истории.

Иллюминаторы, гильдия иллюминаторов. Объединение, по сути цеховое, хранившее секрет изготовления фейерверков. Гильдия оберегала эту тайну как зеницу ока, всеми средствами, вплоть до убийства. Свое название гильдия получила от грандиозных представлений, называемых иллюминациями, которые устраивались для правителей и — изредка — для наиболее могущественных лордов. Менее, намного менее впечатляющие фейерверки продавались для людей иного звания, но покупателей строго-настрого предупреждали, что неминуемо случится страшная беда, если кто-то попытается узнать, что находится внутри фейерверков. Некогда у

гильдии были свои кварталы-поселения в Кайриэне и в Танчико, но в настоящее время они разрушены. Кроме того, члены гильдии в Танчико оказали сопротивление наступавшим войскам шончан, в результате чего уцелевшие иллюминаторы были обращены в да'ковале, а гильдия более не существует. Тем не менее отдельные иллюминаторы бежали из-под владычества шончан и трудятся ныне над тем, чтобы память о гильдии сохранилась надолго. *См. также* Да'ковале.

Илфин. Раса существ, во многом внешне похожих на человека, но обладающих качествами лис. Они выполняют три желания, хотя и требуют за них расплатиться. Если тот, кто хочет исполнения желаний, не сойдется с Илфин в цене, то цену назначают сами Илфин. В подобных обстоятельствах расплатой обычно и чаще всего бывает смерть, но свою часть сделки они все равно выполняют, хотя то, как они ее выполняют, редко отвечает ожиданиям запросившего исполнения желаний. Действительное местоположение Илфин неизвестно, но к ним можно попасть через тер'ангриал, который находился в Руидине. Этот тер'ангриал был перевезен Морейн Дамодред в Кайриэн, где и был уничтожен. Имеются сообщения, что к ним можно добраться, войдя в

Башню Генджей. Они задают такие же вопросы относительно огня, железа и музыкальных инструментов, что и Элфин. *См. также* Элфин.

Искательство. 1. Использование Единой Силы для определения физического состояния человека и для распознавания болезней. 2. Способность обнаруживать рудные залежи при помощи Единой Силы. Возможно, то, что одним словом называют два совершенно разных таланта, связано с тем, что второй дар считается у Айз Седай давно утраченным.

Ишара. Первая королева Андора (ок. 994–1020 Г. С.). По смерти Артура Ястребиное Крыло Ишара убедила своего мужа, одного из выдающихся полководцев Ястребиного Крыла, снять осаду Тар Валона и сопровождать ее в Кэймлин с как можно бóльшим числом примкнувших к нему солдат. В то время как другие, пытаясь захватить империю Артура Ястребиное Крыло целиком, потерпели неудачу, Ишара взяла под свою руку ее небольшую часть и преуспела. Ныне почти каждый из знатных андорских Домов считает себя в родстве с Ишарой, а значит, вправе претендовать на Львиный трон как прямой наследник и благодаря многочисленным родственным связям, которые при желании можно установить.

Календарь. В неделе 10 дней, в месяце 28 дней, в году 13 месяцев. Некоторые праздничные дни не относятся ни к одному из месяцев; в число таких праздников входят День солнца (самый длинный день в году), Праздник благодарения (раз в четыре года в день весеннего равноденствия) и Праздник спасения всех душ, также называемый Днем всех душ (раз в каждые десять лет в день осеннего равноденствия). Месяцы имеют названия (тайшам, джумара, сабан, айне, адар, савен, амадайн, таммаз, майгдал, чорен, шалдин, несан и дану), но употребляют их редко, разве что указывают в официальных документах или отмечают должностные лица. Большинству людей в повседневной жизни хватает и времен года.

Капитан-генерал. Титул, данный главе Зеленой Айя. В настоящее время его носят: в Башне — Аделорна Бастине, а у мятежных Айз Седай — Мирелле Беренгари.

Капитан копий. В большинстве стран знатные дамы обычно не возглавляют своих дружинников в битве. Вместо этого они нанимают профессионального солдата, почти всегда происхождением простолюдина, который отвечает за подготовку бойцов и командует ими. В разных странах такого человека могут называть капитаном копий,

меч-капитаном, предводителем конницы или господином копий. Часто ходят слухи, возможно неизбежные, о весьма близких отношениях между леди и ее слугой. Иногда они соответствуют истине.

Квейндияр. Считающийся неразрушимым материал, созданный в Эпоху легенд. При попытке разбить его с помощью любой известной силы — в том числе Единой Силы — он поглощает ее, становясь крепче. Хотя способ изготовления квейндияра, как полагают, был навсегда утрачен, в последнее время появились новые предметы, созданные из этого вещества. Известно также иное название квейндияра — камень мужества.

Кенсада. Область Шончан, населенная малоцивилизованными племенами холмов. Эти племена по большей части воюют между собой, тем же занимаются и отдельные семьи внутри самих племен. У каждого племени — свои обычаи и табу, причем последние зачастую лишены смысла для всякого, кто не принадлежит к этому племени. Большинство членов этих племен избегают встреч с более цивилизованными обитателями Шончан.

Книгохранилище. Отдел библиотеки Башни. Существует двенадцать известных всем книго-

хранилищ; в каждом из них хранятся книги и манускрипты, относящиеся к определенной отрасли знания или тематически с ней связанные. Тринадцатое книгохранилище, о котором знают лишь немногие Айз Седай, содержит секретные рукописи, и архивы, и тайные исторические хроники; к этим документам имеют доступ исключительно Престол Амерлин, хранительница летописей и восседающие Совета Башни. И разумеется, та горсточка библиотекарей, которым поручено содержать книгохранилище в надлежащем порядке.

Коринне. На древнем языке — «Возвращение». Так шончан называют как флот из тысяч кораблей, так и отправленных на этих кораблях сотни тысяч солдат, ремесленников и т. д. Они должны прийти вслед за Предвестниками, чтобы заявить свои права на земли, украденные у наследников Артура Ястребиное Крыло. Во главе Коринне стоит капитан-генерал Лунал Галган. *См. также* Предвестники, Райагел; Хайлине.

«Краснорукие». Солдаты Отряда Красной руки, которых отбирали для временной службы по поддержанию порядка, дабы другие солдаты Отряда не чинили ущерба в городках и деревнях, где он останавливался, и не доставляли беспокойства их

жителям. Такое название они получили потому, что при исполнении своих обязанностей носили на рукавах очень широкие красные повязки, от локтя до обшлагов. Обычно их подбирали из людей самых опытных и надежных. Поскольку всякий причиненный ущерб должен был быть возмещен из жалованья «красноруких», то свои обязанности по сохранению мира и спокойствия они выполняли весьма ревностно. Небольшое число бывших «красноруких» решили сопровождать Мэта Коутона в Эбу Дар. *См. также* Шен ан Калхар.

Крылатая гвардия. Личные телохранители Первенствующей Майена и элитное воинское формирование Майена. Солдаты и офицеры Крылатой гвардии носят окрашенные в красный цвет кирасы и красные шлемы в виде каски с кованым околышем, которая закрывает заднюю часть шеи, и вооружены пиками с красными вымпелами. У офицеров вдобавок шлемы украшены по бокам крыльями, а их звание обозначается тонкими плюмажами.

Легион Дракона. Крупное воинское формирование, целиком состоящее из пехоты. Все, кто в него входит, принесли обет верности Дракону Возрожденному. Обучением их занимался Дав-

рам Башир по плану, разработанному совместно с Мэтом Коутоном и кардинально отличающемуся от обычной подготовки пехотинца. Многие записывались в Легион добровольцами, но значительное число легионеров набрано рекрутскими командами из Черной Башни. Вербовщики сначала собирали мужчин, желающих последовать за Драконом Возрожденным, а потом, доставив их через переходные врата в район Кэймлина, отсеивали тех, кого можно было обучить направлять Силу. Остальных, которых было гораздо больше, направляли в учебные лагеря Башира.

Марат'дамани. На древнем языке — «те, кто должен быть обуздан» или «тот, кто должен быть обуздан». Так шончан называют способных направлять Силу женщин, которым еще не надели ошейник дамани.

Марч. *См.* Площадь, единицы площади.

Меллар, Дойлин. *См.* Ханлон, Давед.

Мера'дин. На древнем языке — «Безродные». Такое название, в качестве названия воинского сообщества, приняли те айильцы, которые оставили свои кланы и септы и ушли вместе с Шайдо, потому, что не смогли принять мокроземца Ранда ал'Тора в качестве Кар'а'карна, или потому, что отказались принять откровение об истории и

происхождении Айил. Бросить свой клан и септ по какой бы то ни было причине для айильцев — страшный грех, так что отщепенцев отказались принять даже их воинские сообщества. Поэтому они и создали свое сообщество Безродных.

Меч-капитан. *См.* Капитан копий.

Морат. На древнем языке — «дрессировщик». У шончан этим словом называют тех, кто занимается экзотичными животными; например, морат'ракен — дрессировщик или наездник ракена. Так еще в просторечии называют летунов. *См. также* Дер'морат.

Морейн Дамодред. Айз Седай из Голубой Айя, родом из Кайриэна. Долгое время считалась погибшей. Однако Том Меррилин рассказал, что получил письмо, якобы написанное ею. Ниже приводится текст упомянутого письма:

Дорогой мой Том,

я хотела бы написать тебе так много, причем от самого сердца, но я вынуждена отложить это, потому как знаю, что должна поступить именно так, ведь времени осталось совсем мало. Я многого не могу открыть тебе, потому что это повлечет за собой несчастье, но что смогу, я тебе расскажу. Внимательно читай то, что я пишу. Скоро я спущусь к докам, и там мне

предстоит встретиться с Ланфир. Откуда мне это известно? Эта тайна принадлежит другим. Достаточно того, что я это знаю, и пусть дар предвидения станет доказательством моих слов.

Когда ты получишь это письмо, тебе скажут, что я погибла. Все будут верить в это. Но я не умерла, и обстоятельства могут сложиться так, что я еще доживу назначенные мне годы. Может также выйти, что ты, Мэт Коутон и еще один человек, которого я не знаю, предпримете попытку спасти меня. Я пишу «может», потому что есть вероятность, что вы не захотите этого делать или не сможете либо потому что Мэт откажется. Он не чувствует ко мне той привязанности, что чувствуешь ты, и у него есть на то свои причины, которые он считает весьма вескими. Если же вы все-таки попытаетесь, то должны идти только втроем: ты, Мэт и тот другой. Больше — означает гибель для всех. Меньше тоже означает гибель для всех. Но даже если ты придешь вместе с Мэтом и третьим человеком, мы все равно можем умереть. Я видела, как погибаете вы, — один из вас, двое или все. Я даже видела собственную смерть. Я видела, как мы все попадаем в плен и умираем там.

Если вы все же решите попытаться, юный Мэт знает, как найти меня, но ты не должен показывать ему это письмо, пока он сам не попросит. Это жизненно важно. Он не должен знать ничего о содержании письма, пока сам не поинтересуется. События должны развиваться определенным образом во что бы то ни стало.

Если тебе доведется снова увидеть Лана, передай ему: что ни делается — то к лучшему. Дороги наших судеб расходятся в разные стороны. Я желаю ему счастья с Найнив.

И последнее. Помни то, что ты знаешь об игре в «змей и лисиц». Помни и наблюдай.

Пришло время, и я должна сделать то, что должна.

Да осияет тебя Свет и да дарует тебе радость, мой дорогой Том, независимо от того, увидимся мы снова или нет.

Морейн

«Надлежащее приручение Силы». Исторический труд, о котором мало что известно.

Наследование. В общем, это происходит тогда, когда какой-то Дом наследует трон от другого. В Андоре этим словом повсеместно называют борьбу за трон, разгоревшуюся после смерти Мордреллен. Исчезновение Тигрейн оставило Дом

Мантир без дочери-наследницы, и прошло два года, прежде чем трон заняла Моргейз из Дома Траканд. За пределами Андора этот конфликт стал известен как Третья война за Андорское наследство. Иногда ее называют Войной за престолонаследие.

«Осыпающийся сланец». Малоизвестный исторический труд.

«Отголоски его династии». Книга, о которой мало что известно.

Отрекшийся. Прозвище, данное тринадцати самым могущественным Айз Седай, и мужчинам, и женщинам, которые в Эпоху легенд переметнулись на сторону Тени и оказались в ловушке, когда Скважина в узилище Темного была запечатана. Хотя издавна повелось считать, будто в Войну Тени лишь они одни покинули Свет, на деле были и другие; эти тринадцать занимали среди них наиболее высокое положение. Отрекшиеся (которые себя называют Избранными) после своего появления в настоящие дни несколько уменьшились в числе. Некоторые из ранее убитых были воплощены в новых телах.

Отряд Красной руки. *См.* Шен ан Калхар.

«Памятники минувшего». Историческая книга, о которой мало что известно.

Пелатеос. Автор книги «Размышления Пелатеоса».

Первая выбирающая. Титул главы Голубой Айя. Кто в настоящее время является Первой выбирающей, неизвестно, однако имеются предположения, что этот пост может занимать Лилейн Акаши.

Первая плетельщица. Титул главы Желтой Айя. Ныне этот пост в Белой Башне занимает Суана Драганд. Суана Седай — одна из всего лишь двух глав Айя, заседающих в настоящее время в Совете Башни. Среди восставших Айз Седай Первой плетельщицей является Романда Кассин.

Первая рассуждающая. Титул главы Белой Айя. Ныне этот пост в Белой Башне занимает Феране Нехаран. Феране Седай — одна из всего лишь двух глав Айя, заседающих в настоящее время в Совете Башни.

Площадь, единицы площади. 1. Земля: 1 полоса = 20 шагов х 10 шагов (200 кв. шагов); 1 корд = 20 шагов х 50 шагов (1000 кв. шагов); 1 гайд = 100 шагов х 100 шагов (10 000 кв. шагов); 1 руд = 100 шагов х хх1000 шагов (100 000 кв. шагов); 1 марч = 1000 шагов х 1000 шагов ($^1/_4$ квадратной мили). 2. Ткани: 1 шаг = 1 шаг и 1 ладонь х 1 шаг и 1 ладонь.

«Последствия Разлома». Книга, о которой мало что известно.

«Пояснение о Драконе». Книга Саджиуса, о которой мало что известно.

Предвестники. *См.* Хайлине.

Предводитель конницы. *См.* Капитан копий.

Пророк (или более точно — пророк лорда Дракона). Некогда был известен как Масима Дагар, в прошлом шайнарский солдат. На него снизошло откровение, и он решил, что призван распространять слово о том, что Дракон Возрожденный вновь появился в мире. Он верил, что не было ничего — ничего! — более важного, чем признание Дракона Возрожденного воплощением Света, и что каждый должен откликнуться на призыв Дракона Возрожденного. Вместе со своими последователями он готов был применить любые средства, дабы заставить остальных воздать славу Дракону Возрожденному. Те, кто отвергал это требование, приговаривались к смерти, а у тех, кто медлил и не торопился с признанием Дракона, в одночасье могли сгореть дотла дома и лавки, самих же их могли подвергнуть порке кнутом. Отказавшись от всех имен, за исключением звания пророка, он вверг в хаос бóльшую часть Гэалдана и Амадиции, едва ли не половина

территории которых на какое-то время оказалась в его власти. Впрочем, когда пророк покинул эти области, то шончан восстановили порядок в Амадиции, а Коронный верховный совет — в Гэалдане. Он присоединился к Перрину Айбара, который был послан привести его к Ранду, и по неизвестным причинам оставался с Айбара, пусть даже задержка откладывала его встречу с Драконом Возрожденным. За пророком следовали мужчины и женщины, принадлежавшие едва ли не к самому «дну» общества; до их уровня под влиянием пророка скатились и другие, кто прежде, до того как подпасть под воздействие его харизмы, занимал в обществе более достойное место. Пророк погиб при загадочных обстоятельствах.

«Размышления о разжигании огня». Историческая книга, в которой рассказано о том, как разные Амерлин приходили к власти.

Райагел. На древнем языке — «Те, кто возвращается домой». Другое название для шончан, вернувшихся на земли, которыми некогда правил Артур Ястребиное Крыло. *См. также* Коринне; Хайлине.

Саджиус. Автор книги «Пояснение о Драконе».

Сей'мосив. На древнем языке — «опущенные

глаза» или «потупленный взор». У шончан сказать, что кто-то стал сей'мосив, означает, что этот человек «потерял лицо». *См. также* Сей'тайр.

Сей'тайр. На древнем языке — «открытые глаза» или «прямой взгляд». У шончан это выражение употребляется для обозначения способности встретить чей-либо взгляд; допустимо употребление этого выражения относительно чести. Возможно «быть» или «иметь» сей'тайр, это значит, что у кого-то есть честь. Также возможно «приобрести» или «потерять» сей'тайр. *См. также* Сей'мосив.

«Сердце». Основная организационная единица структуры Черной Айя. По существу — ячейка. Состоит из трех сестер, которые знают друг друга, при этом каждой из них известна вдобавок еще одна Черная сестра, о которой другие члены «сердца» не осведомлены.

Сиснера, Дарлин. Благородный лорд Тира, в прошлом участвовал в мятеже против Дракона Возрожденного. Недолгое время он занимал пост наместника Дракона Возрожденного в Тире, затем его избрали первым королем Тира.

Слухачи. Шончанская шпионская организация. Иногда их называют также Внимающими. Почти любой при дворе представителя шончанской

знати, любой купец или банкир может оказаться Слухачом, в том числе порой даже и да'ковале, хотя редко — со'джин. Активных действий они не предпринимают, а просто наблюдают, слушают и сообщают. Их доклады отправляют Меньшей Длани, который руководит как Слухачами, так и Взыскующими, и именно он решает, что следует передать Взыскующим для дальнейших действий. *См. также* Взыскующие; Длань.

Совет Коричневой Айя. Возглавляет Коричневую Айя не одна Айз Седай, а совет. В настоящее время главой этого совета в Белой Башне является Джесси Билал. Имена остальных членов совета Коричневой Айя в Белой Башне, как и имена всех членов совета Коричневых сестер в лагере мятежниц, неизвестны.

Со'джин. Наиболее близко с древнего языка можно перевести как «высота среди низины», хотя некоторые переводы, среди прочих, допускают истолкование «и небо, и долина». Словом «со'джин» у шончан называют высших слуг, это звание передается по наследству. Они — да'ковале, собственность, но могут занимать важные должности и наделены определенной властью. Даже Высокородные ведут себя осторожно с со'джин императорской семьи, а с со'джин самой

императрицы разговаривают как с равными. *См. также* Высокородные; да'ковале.

Старший секретарь. Титул главы Серой Айя. В настоящее время этот пост в Белой Башне занимает Серанха Колвин.

Стража Последнего часа. Элитное воинское формирование Шончанской империи, включающее в себя как людей, так и огиров. Все люди в Страже Последнего часа — да'ковале, как находящиеся в собственности от рождения, так и выбранные в юности для службы императрице, чьей личной собственностью они являются. Фанатично ей преданные и гордые своей судьбой, они часто выставляют на всеобщее обозрение вытатуированных на плечах воронов — знак да'ковале императрицы. Стражи-огиры известны как Садовники, и они не являются да'ковале. Тем не менее Садовников отличает такая же горячая преданность, что и людей из Стражи Последнего часа, и их страшатся еще больше. Люди или огиры, Стражи Последнего часа не просто готовы умереть за императрицу или за членов императорской семьи, а верят, что самые их жизни — собственность императрицы, которыми она вольна распоряжаться по своему усмотрению. Шлемы и доспехи Стражей Последнего часа

покрыты темно-зеленым (настолько темным, что нередко его принимают за черный) и кроваво-красным лаком, щиты выкрашены черным лаком, а мечи, копья и алебарды украшены черными кистями. *См. также* Да'ковале.

Тарабон. Государство на побережье Аритского океана. Некогда обширная страна с процветающей торговлей; среди прочего отсюда по миру расходились ковры, всевозможные красители, здесь торговали фейерверками, изготовленными мастерами гильдии иллюминаторов. Потом для нее наступили тяжелые времена. Погрузившаяся в пучину анархии и гражданской войны страна, чьи бедствия были усугублены ведущимися одновременно войнами против Арад Домана и против принявших Дракона, оказалась легкой добычей для высадившихся шончан. В настоящее время Тарабон находится под уверенной властью шончан, квартал гильдии иллюминаторов уничтожен, а сами иллюминаторы обращены в да'ковале. По-видимому, большинство тарабонцев испытывают к шончан благодарность за то, что те восстановили порядок, а поскольку захватчики позволили им жить по-старому, как прежде, лишь минимально вмешиваясь в их жизнь, они не имеют никакого желания вести войну, чтобы

попытаться изгнать шончан. Однако есть лорды и войска, которые оказались вне сферы влияния шончан и которые сражаются за то, чтобы вернуть себе потерянную страну.

Фил, Герид. Автор труда «Причина и безумие» и других книг. Фил был ученым (и преподавателем), изучавшим в Академии Кайриэна историю и философию. Он был обнаружен в своем кабинете разорванным на части.

Форсирование, форсированный. Когда кто-то, обладающий способностью направлять, оперирует максимально возможным для себя объемом Единой Силы на протяжении долгого периода и направляет его постоянно, то он обучается быстрее и скорее достигает наивысшего для себя уровня владения Силой. Айз Седай называют такой метод «форсированием». Они отказались от него при обучении послушниц и принятых, так как он грозит ученице смертью или тем, что у нее «выжжет» способность направлять Силу.

Хайлине. На древнем языке — «Предвестники» или «Те, кто приходит раньше». Этим словом шончан назвали крупный экспедиционный корпус, отправленный через океан Арит на разведку тех земель, где некогда правил Артур Ястребиное Крыло. Изначально войска находились под

командованием верховной леди Сюрот, а в настоящее время они влились в Коринне. *См. также* Коринне; Райагел.

Ханлон, Давед. Приспешник Темного, также известный как Дойлин Меллар, который был захвачен вместе с леди Шиайн, Чесмал Эмри, Элдрит Джондар, Тимэйл Киндероде, Фалион Бода и Мариллин Гемалфин. В настоящее время они содержатся как пленники в королевском дворце Андора.

Шара. Загадочная страна, которая лежит восточнее Айильской пустыни. Оттуда, помимо прочих товаров, привозят шелк и драгоценную поделочную кость. Этот край защищают как негостеприимные природные особенности, так и рукотворные стены. О Шаре известно мало, так как народ этого края сознательно стремится сохранять в тайне любые сведения о своей стране и ее культуре. Жители Шары отрицают, что Тролло-ковые войны как-то затронули их, вопреки тому, что айильцы утверждают обратное. Они также заявляют, что им ничего не известно о попытке вторжения Артура Ястребиное Крыло, несмотря на сообщения очевидцев из Морского народа. Основываясь на просочившихся обрывках информации, можно заключить, что Шарой

правит один абсолютный монарх, который называется Ш'боан, если это женщина, и Ш'ботэй, если мужчина. Этот монарх правит ровно семь лет, а затем умирает. Власть переходит к супругу (или супруге) этого правителя, который также правит семь лет, по истечении которых умирает. Подобный порядок правления повторяется со времен Разлома Мира. Жители Шары убеждены, что эти смерти есть «Воля Узора».

В Шаре есть люди, способные направлять Силу, они известны как Айяд, и им при рождении татуируют лица. Женщины из Айяд обеспечивают неукоснительное соблюдение законов, касающихся Айяд. Сексуальные отношения между Айяд и тем, кто не является Айяд, караются смертью для последнего; Айяд также подлежит казни, если выяснится, что с его или ее стороны имело место принуждение. Если от подобной связи рождается ребенок, то его оставляют на произвол стихий и он погибает. Мужчины Айяд рассматриваются исключительно как орудие для продолжения рода, как племенной скот. Никакого образования им не дают, их даже не учат ни читать, ни писать, а по достижении ими двадцати одного года либо когда они начинают направлять Силу — в зависимости от того, что случится раньше, — их

убивают женщины Айяд, а тела сжигают. Считается, что Айяд направляют Единую Силу только по приказу Ш'боан или Ш'ботэя, которых всегда окружают женщины Айяд.

Впрочем, даже само название страны вызывает сомнения. Известно, что уроженцы Шары именуют ее по-разному; среди многих различных названий — Шамара, Ко'дансин, Томака, Кигали и Шибоуйя.

Шен ан Калхар. На древнем языке — «Отряд Красной руки». 1. Легендарная группа героев, совершивших множество подвигов и в конце концов погибших при обороне Манетерен, когда во время Троллоковых войн эта страна была уничтожена. 2. Воинская часть, которую почти случайно собрал под своим командованием Мэт Коутон. В основу ее организации положены достижения в тактике времен Артура Ястребиное Крыло и предшествующих веков, считающихся эпохой наивысшего расцвета военного искусства.

Шондар. Имперская столица Шончан, расположена на северо-востоке континента Шончан. Это также крупнейший город империи. После смерти императрицы Радханан столица погрузилась в хаос.

Штандартный. Шончанское звание, эквива-

лентное званию «знаменщик».

Элфин. Раса существ, во многом внешне похожих на человека, но обладающих змеиными свойствами. Дают правдивые ответы на три вопроса. Каков бы ни был вопрос, ответ Элфин всегда точен и верен, хотя зачастую дается он в непонятном виде, а вопросы, касающиеся Тени, могут оказаться крайне опасными. Действительное местоположение Элфин неизвестно, но к ним можно попасть, пройдя через тер'ангриал, которым некогда владел Майен и который в последние годы находится в Тирской Твердыне. Имеются сведения, что к Элфин можно добраться через Башню Генджей. Говорят эти существа на древнем языке, ссылаются на договоры и соглашения и спрашивают, не имеет ли входящий при себе железа, музыкальных инструментов или устройств, которые могут вызывать огонь. *См. также* Илфин.